

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Бикметов Е.Ю., Уразова А.И., Фролова И.В. Социально-культурные основания принятия решения в управлении в контексте исторического сознания	7
Газзаева В.И. Социальная структура осетинской диаспоры в Турции.....	10
Денисова О.Е. К вопросу обучения общению на русском языке в иностранной аудитории.....	16
Коротенко И.А., Каргин Н.Н. Насилие в спорте: этическая дилемма между целью и правилами через призму утилитаризма и деонтологии.....	19
Коротовских Т.В., Боброва А.А., Ниязова А.А. Развитие инклюзивной компетентности педагога в условиях повышения квалификации.....	22
Леткина Н.В., Грузнова И.В., Соколова А.Г., Дусина Н.В. Интеграция культуры в практику преподавания английского языка студентам неязыковых специальностей: взгляд на проблему.....	26
Ли Жуньчао. Образный мир фортепианных этюдов Ф. Листа.....	29
Мартемьянов Д.С. Особенности репрезентации традиционных ценностей в современных экранизациях сказок.....	33
Окунев А.И. 50 оттенков бордового, или размышления об искусственном интеллекте и его ответственности	36
Розанова А.А. К вопросу о ключевых аспектах мировоззрения современной молодёжи в контексте поликультурного образования (по результатам опроса студентов РУДН им. Патриса Лумумбы).....	41
Ли Жуньчао. Художественные образы фортепианных этюдов Ш. Алькана	46
Савгачев В.В., Маслов Е.О., Шубин Д.Л. Плагиат в современной медицинской науке: этика научных исследований и социальная значимость.....	49
Саканян Н.С. Терроризм как угроза национальной безопасности	53
Чэнь Сяосюй, Тангалычева Р.К. Теоретические подходы к изучению институционализации российско-китайских социокультурных взаимодействий в приграничных территориях Дальнего Востока.....	58
Уварова С.В., Шестакова Т.А. Эффективность использования информационных трендов в спорте для оптимизации тренировки спортсменов	65

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ишмухаметов Р.Р. Социология управления образованием в регионе: инновационные подходы и современные тенденции цифровизации	70
Костаков Г.С. Востребованность социологов на рынке труда: структура спроса по данным вакансий ...	73

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Виллен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Александровна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Курносков Р.Д. Прекаризационные тенденции в сфере информационных услуг: причины, проявления и последствия для специалистов	79	Климов С.Н., Сетин А.Н. Феномен «Евровидения» как вызов духовно-нравственным ценностям российского общества.....	183
Лукьянов Г.И. Формирование профессиональных навыков медицинских работников в условиях цифровой трансформации сферы здравоохранения	84	Сурина В.А., Крехалева О.С. Феномены «постправды» и «постреальности» в современном информационном обществе	187
Лю Хуацзе. Развитие сельской местности: сравнительный анализ национальных стратегий России и Китая	89	Митин А.В., Полозова И.В. Понятия народа, нации и этноса в социальной философии и социально-политических науках.....	191
Павленко Ю.С. Дифференциация цифрового взаимодействия: влияние региональной цифровой зрелости на модели сотрудничества государства и гражданского общества в субъектах РФ	93	Савгачева М.Ю., Савгачев В.В. Психосоциальные последствия выпадения волос у взрослых и пути их решения	196
Курносова М.Н. Проблемы и вызовы системы профессиональной адаптации преподавателей онлайн-школ в трансформирующемся обществе	100	Трубецкая А.Ю. Государственная культурная политика в контексте идей бюрократии Макса Вебера... 201	
Пивоварова М.Б. Деятельностный и проектный подходы в управлении научной сферой XXI века.....	105	Фирсов А.Н. Трансформация человеческой субъектности в эпоху ИИ: от когнитивного долга к синергетической эмерджентности	205
Реутова М.Н., Шавырина И.В. Гендерное равенство и гендерные стереотипы в повседневных практиках россиян	109	Хуторцова Е.Р., Шипунова О.Д. Философские аспекты доверия к научному знанию	212
Розенберг Н.В., Володин Д.Ю. Карьерные ожидания и ценности российской молодежи в условиях изменяющегося рынка труда	113	ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
Салахутдинов В.Р. Цифровая мобилизация в условиях кризиса как социальный процесс: динамика формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде.....	117	Аванесова Г.А., Миронов А.В. Постигание России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVII – начала XXI вв.)	217
Симонова М.М., Камнева Е.В. Концепция школы как обучающей организации	123	ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	
Тельнов О.Е. Моральные паники по поводу искусственного интеллекта как фактор формирования общественного запроса на государственное регулирование: социологический анализ	127	Мацкевич Д.И. Влияние Альфонсо де Саморы и его методологии критического подхода к тексту Библии на мировоззрение спиритуалистов в Испании XVI в.	222
Ушаков Е.В. Эмерджентные формы открытого управления (open governance) как новые тенденции общественного участия в решении проблем городского управления.....	132	Смулов А.М. Призвание Богом на просветительское служение ветхозаветных пророков и преемственность в призвании апостолов	229
Хуторянский В.Е., Кохан Ж.С. Социальные сети как катализатор трансформации политической жизни в России.....	136	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ	
Цыбулевский А.В. Геймификация в вузах: отечественный и зарубежный опыт.....	141	Воронина О.А. Реконструкция традиционных ценностей в современной России как предмет научного анализа	234
Чугумбаев Р.Р. Приоритетные направления социальных инвестиций российских компаний: анализ нефинансовой отчетности	146	Ли Чжожу, Ханс-Йоахим Виллердинг. Взаимодействие профессионализации кадров и институциональной эластичности: историко-материалистический сравнительный анализ опыта ГДР и Китая	241
Юрьев Р.С. Цифровые технологии в процессе политической социализации российской молодежи: современные тенденции и риски	153	Михайлов Н.В. Столкновение семиосфер: мифологизация экологического конфликта в цифровом пространстве региона (на примере кейса строительства ЦБК в Вологодской области)	259
Ян Чжэнь. Состояние и перспективы участия (вовлеченности) населения в осуществлении местного самоуправления Китая	161	Пашкова М.И. Политическая сатира на Ближнем Востоке: пространство свободы или объект контроля?	264
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ		Потапов Д.В. Модели и разновидности современной теории транзита	267
Вознесенская М.С. Феномен художественного неконформизма: новаторство как осознанный выбор в методе Е.В. Колобова	165	Пьянов К.А. Политические механизмы влияния и контроля как фактор развития общества и государства.....	271
Дубровин В.Л. Культурные основания социальной интеграции в контексте социального теоретизирования	170	Салим Реза. Распад советской империи: историческое исследование причин и роли западного влияния.....	276
Замараева Е.И. Литература о войне как фактор формирования исторического сознания.....	175	Безбородов М.И., Сидоров И.П. Государственная политика России в Арктической зоне Республики Карелия: стратегические приоритеты и вызовы развития	281
Измайлова Д.И. Холистический принцип в экофилософии и биоэтике: сравнительно-аналитический аспект	179	Соколовский С.В., Михайлова Н.В. Этнополитическое измерение неокOLONИализма в Африке: Мали, Чад, ЦАР и Судан.....	287
		Шедь Я.Р. Реализация гуманитарной политики России на постсоветском пространстве.....	293

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бышевская А.В., Ягодкин Д.Б. Ретроинновации в высшем образовании в контексте российско-китайского партнерства.....	297
Киреева Е.О. Проявление гибридного противостояния в контексте информационной войны: кейс Израиля в 2025 году	301
Леликов Н.А. Историческое наследие лиги наций, становление ООН и проблема «ограниченной дееспособности» институтов коллективной безопасности.....	308
Лю Тао, Чжан До. Строительство «мягкой силы» Китая на пространстве Центральной Азии: Саммит «Китай-Центральная Азия» как стратегическая опора.....	311
Лю Ши, Старкин С.В., Быстров И.В. Конфликт вокруг Южно-Китайского моря: позиция КНР	317
Леликов Н.А. Лига наций как инструмент мирового порядка.....	321
Мариничев Н.А. Эволюция традиционной и публичной дипломатии Франции на современном этапе: институциональная ригидность и меняющийся инструментарий.....	324
Махмудов А.И. Роль племенных структур в политическом процессе современных государств Аравийского полуострова	329
Умару Сиссе Булассум, Старкин С.В. Фульбе в системе современных международных отношений: транснациональный негосударственный актор	333
Фэн Юэжуй. Исследование модели «иерархического многоуровневого регионального сотрудничества» между Китаем и Центральной Азией в рамках инициативы «Пояс и путь»	337
Цуй Лун. Перспективы российско-китайского арктического сотрудничества в контексте глобального управления Арктикой	342
Черняк А.Д. Трансформация китайского подхода к международному участию в регулировании конфликтов: от миротворчества ООН к институционализации практики международного посредничества.....	348
Ши Минцзе. Китайское мифологическое кино в России: культурная интерсубъективность как механизм преодоления межкультурных барьеров	356
Юзопольский М.Д. Возможность использования Российской Федерацией иностранного опыта в организации внешнеэкономической деятельности	361
Ярышкин К.И. Роль международных организаций в формировании курса энергетической политики	367

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Галаджян С.В., Михалькова О.А., Бзегежева З.З., Косьян Р.А. Развитие познавательного интереса младших школьников на уроках окружающего мира средствами ИКТ	372
Иванова Г.П., Марченко А.А., Ширкова Н.Н. Развитие универсальных коммуникативных навыков младших школьников во внеурочной деятельности	378
Кравченко А.И. Здравый смысл и Common sense: сходство и различие	382
Осокина В.Н. Использование современных технологий при подготовке студентов педагогического колледжа к демонстрационному экзамену	389
Абдуллатифова Л.А. О феномене цифрового отчуждения.....	392

Анисимов Н.В. Эволюция внешнеполитической стратегии Российской Федерации в условиях глобальных изменений мировой политической архитектуры.....	396
Атаян А.А. Государственная политика в сфере изъятия и национализации недвижимости: институциональный анализ российской практики	400
Ахчиев И.М. Фольклорные атрибуты как прообразы современных цифровых технологий: компаративный анализ.....	404
Белоусова Т.П. Китайский язык в России и русский в Китае: как языковая политика укрепляет двусторонние связи.	407
Боравева Т.Т., Матвеева У.В., Кусова И.Т. Психологические и психосоциальные аспекты менингита у детей: роль психологической поддержки и реабилитации.....	411
Ван Бо. Использование концептуальных метафор в современной русской прозе с позиций когнитивной лингвистики.....	415
Васильков Е.А. Грани трансграничной идентичности: эскимосы Чукотки – язык, пролив и безвизовые мосты	419
Воскресенский А.А. Онтологические основания современного образования: философский анализ.....	423
Громова Д.А. ЕАЭС как инструмент преодоления последствий от введения санкций для Москвы.....	428
Кох И.А., Ладыжникова Е.В. Институциональные противоречия и неинституциональные тенденции в управлении малым и средним предпринимательством	432
Кузьмина Т.А. Причины смертности учащихся средних и старших классов и обеспечение безопасности в школах Кыргызстана.....	436
Лихтин А.А. Базовые процессы управления в системе местного самоуправления	441
Лустин Ю.М. Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества как форма социальной динамики общественного развития.....	444
Пушкарева Ю.Г. Хануман – герой индийского эпоса «Рамаяна»	449
Лихтин А.А. Становление системы местного самоуправления в Российской Федерации.....	455
Равочкин Н.Н., Леоп А.В., Мусат Р.П., Рахинский Д.В. Эволюция медиа в цифровую эпоху: социально-философский анализ	459
Симонин П.В. Оплата труда в условиях функционирования онлайн-платформ.....	463
Син Минь. Семантический анализ цветообозначения «蓝 (синий)» в китайском и русском языках.....	466
Соболев Н.Г. Особенности автобиографической памяти несовершеннолетних, осужденных к длительным срокам лишения свободы.....	471
Теча Джумесси Франк Жиресер, Макае Метуа Ив-Натан. Цифровые мосты: оценка потенциала Эфиопии в формировании ИКТ-ландшафта БРИКС.....	474
Хубаев Г.С., Громина З.В. Понятие и сущность политической стабильности: основные подходы и концепции.....	478
Черных Г.Е. Сравнительный анализ применения «мягкой силы» в Узбекистане: российские и восточные модели	482
Чжао Мэньян, Дун Фуи. Туристическая фотография этнических костюмов: ресимволизация китайских культурных символов в сценах культурного туризма.....	487

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Bikmetov E.Yu., Urazova A.I., Frolova I.V.</i> Socio-cultural foundations of decision-making in management in the context of historical consciousness.....	7
<i>Gazzaeva V.I.</i> Social structure of the Ossetian diaspora in Turkey	10
<i>Denisova O.E.</i> On the issue of teaching communication in Russian to a foreign audience.....	16
<i>Korotenko I.A., Kargin N.N.</i> Violence in sports: an ethical dilemma between goals and rules through the lens of utilitarianism and deontology	19
<i>Korotovskikh T.V., Bobrova A.A., Niyazova A.A.</i> Developing inclusive competence in teacher professional training	22
<i>Letkina N.V., Gruznova I.V., Sokolova A.G., Dusina N.V.</i> Integration of culture into the practice of teaching English to students of non-linguistic specialties: view on the problem	26
<i>Li Runchao.</i> The figurative world of F. Liszt's piano etudes ...	29
<i>Martemyanov D.S.</i> Features of the representation of traditional values in modern adaptations of fairy tales.....	33
<i>Okunev A.I.</i> 50 shades of Burgundy or reflections on artificial intelligence and its responsibilities	36
<i>Rozanova A.A.</i> Regrading the key aspects of the worldview of modern youth in the context of multicultural education (based on the results of a survey held among the students of the Russian University of Peoples' Friendship)	41
<i>Li Runchao.</i> Artistic images of piano etudes by Ch. Alkan	46
<i>Savgachev V.V., Maslov E.O., Shubin D.L.</i> Plagiarism in modern medical science: ethics of scientific research and social significance.....	49
<i>Sakanyan N.</i> Terrorism as a National Security Threat	53
<i>Chen Xiaoxu, Tangalycheva R.K.</i> Theoretical Approaches to the Study of the Institutionalization of Russian-Chinese Sociocultural Interactions in the Border Territories of the Russian Far East.....	58
<i>Uvarova S.V., Shestakova T.A.</i> The effectiveness of using sports information trends to optimizing athletes' training.....	65

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Ishmukhametov R.R.</i> Sociology of educational management in the region: innovative approaches and modern trends of digitalization	70
<i>Kostakov G.S.</i> The relevance of sociologists in the labor market.....	73
<i>Kurnosov R.D.</i> Precarization trends in the field of information services: causes, manifestations, and consequences for professionals	79
<i>Lukyanov G.I.</i> Building the skills of healthcare professionals in the digital transformation of healthcare	84
<i>Liu Huajie.</i> Rural development: a comparative analysis of the national strategies of Russia AND China.....	89

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University, M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities and Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovitch** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.09.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Pavlenko Yu.S.</i> Differentiation of digital interaction: the impact of regional digital maturity on models of cooperation between the state and civil society in the subjects of the Russian Federation	93
<i>Kurnosova M.N.</i> Problems and challenges of the professional adaptation system of online school teachers in a transforming society.....	100
<i>Pivovarova M.B.</i> Activity and project approach in scientific management in the 21st century	105
<i>Reutova M.Ni., Shavyrina I.V.</i> Gender equality and gender stereotypes in everyday practices of Russians	109
<i>Rosenberg N.V., Volodin D.Yu.</i> Career expectations and values of Russian youth in the context of a changing labor market.....	113
<i>Salakhutdinov V.R.</i> Digital mobilization in times of crisis as a social process: the dynamics of the formation of group identity of young people in the online environment	117
<i>Simonova M.M., Kamneva E.V.</i> Concept of School as a Learning Organization	123
<i>Telnov O.E.</i> Moral panics about artificial intelligence as a factor in Shaping Public Demand for Government regulation: a sociological analysis	127
<i>Ushakov E.V.</i> Emergent forms of open governance as new trends in public participation in solving urban governance problems	132
<i>Khutoryansky V.E., Kokhan Zh.S.</i> Social Networks as a Catalyst for the Transformation of Political Life in Russia	136
<i>Tsybulevsky A.V.</i> Gamification in Universities: Domestic and International Experience.....	141
<i>Chugumbaev R.R.</i> Priority directions of social investments of Russian companies: analysis of non-financial statements.....	146
<i>Yuriev R.S.</i> Digital technologies in the process of political socialization of Russian youth: current trends and risks	153
<i>Yang Zhen.</i> The Status and Prospects of Public Participation (Involvement) in Local Government in China.....	161

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Voznesenskaya M.S.</i> The phenomenon of artistic nonconformism: innovation as a conscious choice in the method of E.V. Kolobov	165
<i>Dubrovin V.L.</i> Cultural foundations of social integration in the context of social theorizing	170
<i>Zamaraeva E.I.</i> Literature about war as a factor in the formation of historical consciousness	175
<i>Izmailova D.I.</i> The Holistic Principle in Ecophilosophy and Bioethics: A Comparative-Analytical Aspect.....	179
<i>Klimov S.N., Setin A.N.</i> The Eurovision phenomenon as a challenge to the spiritual and moral values of russian society	183
<i>Surina V.A., Krekhaleva O.S.</i> The phenomena of «post-truth» and «post-reality» in the modern information society	187

<i>Mitin A.V., Polozova I.V.</i> Concepts of people, nation and ethnos in social philosophy and social and political sciences.....	191
<i>Savgacheva M.Yu., Savgachev V.V.</i> Psychosocial consequences of hair loss in adults and ways to address them	196
<i>Trubetskaya A.Yu.</i> State cultural policy in the context of Max Weber's ideas of bureaucracy	201
<i>Firsov A.N.</i> The transformation of human subjectivity in the ai era: from cognitive debt to synergistic emergence	205
<i>Hutortsova E.R., Shipunova O.D.</i> Philosophical aspects of trust in scientific knowledge.....	212

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Avanesova G.A., Mironov A.V.</i> Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries)	217

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Matskevich D.I.</i> The influence of Alfonso de Zamora and his methodology of a critical approach to the text of the Bible on the worldview of Spiritualists in Spain in the XVI century	222
<i>Smulov A.M.</i> God's calling to the enlightenment ministry of the Old Testament prophets and the continuity in the calling of the apostles	229

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Voronina O.A.</i> Reconstruction of Traditional Values in Modern Russia as a Subject of Scientific Analysis.....	234
<i>Li Zhuoru, Hans-Joachim Willerding.</i> Interaction between cadre professionalization and institutional elasticity: a historical-materialist comparative analysis of the experiences of the GDR and China.....	241
<i>Mikhailov N.V.</i> The clash of semiospheres: the mythologization of environmental conflict in the digital space of the region (on the example of the case of the construction of a central bank in the Vologda region)	259
<i>Pashkova M.I.</i> Political Satire in the Middle East: A Space of Freedom or an Object of Control?.....	264
<i>Potapov Denis Viktorovich</i> Models and varieties of modern theory of transition	267
<i>Pyanov K.A.</i> Political mechanisms of influence and control as a factor in the development of society and the state.....	271
<i>Salim Reza.</i> The dissolution of Soviet empire: historical study of causes and the role of western influence	276
<i>Bezborodov M.I., Sidorov I.P.</i> Russian state policy in the arctic zone of the Republic of Karelia: strategic priorities and development challenges	281
<i>Sokolovsky S.V., Mikhaylova N.V.</i> Ethno-political dimension of neocolonialism in Africa: Mali, Chad, Car, and Sudan.....	287
<i>Shed' Ya.R.</i> Implementation of Russia's Humanitarian Policy in the Post-Soviet Space	293

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Byshevskaya A.V., Yagodkin D.B.</i> Retroinnovations in higher education in the context of the Russian-Chinese partnership	297
<i>Kireeva E.O.</i> The manifestation of hybrid confrontation in the context of information warfare: the case of Israel in 2025.....	301
<i>Lelikov N.A.</i> The United Nations and the legacy of the league of nations: institutional experience and contemporary challenges.....	308
<i>Liu Tao, Zhang Duo.</i> Building China's "Soft Power" in Central Asia: The "China–Central Asia" Summit as a Strategic Pillar.....	311
<i>Liu Shiyi, Starkin S.V., Byistrov I.V., Xu Long</i> Conflict around the south China sea: China's position	317
<i>Lelikov N.A.</i> The league of nations as an instrument of world order	321
<i>Marinichev N.A.</i> The Evolution of Traditional and Public Diplomacy of France in the Contemporary Era: Institutional Rigidity and a Changing Toolkit.....	324
<i>Makhmudov A.I.</i> The Role of Tribal Structures in the Political Process of Modern States of the Arabian Peninsula	329
<i>Umaru Cisse Bulkassum, Starkin S.V.</i> Fulbe in the system of modern international relations: a transnational non-State actor.....	333
<i>Feng Yuerui.</i> Studying the «hierarchical multilevel regional cooperation» model between China and Central Asia within the framework of the «Belt and road» initiative	337
<i>Cui Long.</i> Prospects for Russian-Chinese arctic cooperation in the context of global arctic governance	342
<i>Cherniak A.D.</i> Transformation of China's approach to international participation in conflict resolution: from UN peacekeeping to the institutionalization of international mediation practices.....	348
<i>Shi Mingjie.</i> Chinese Mythological Cinema in Russia: Cultural Intersubjectivity as a Mechanism for Overcoming Intercultural Barriers	356
<i>Yuzopolsky M.D.</i> The Potential for Applying Foreign Experience in the Organization of Foreign Economic Activity in the Russian Federation.....	361
<i>Yaryshkin K.I.</i> The role of international organisations in shaping the course of energy policy	367

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Galajyan S.V., Mikhalkova O.A., Bzegezheva Z.Z., Kosyan R.A.</i> Primary school students cognitive interest development at Science lessons by means of ICT	372
<i>Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N.</i> Development of universal communication skills of primary school students in extracurricular activities.....	378
<i>Kravchenko A.I.</i> Common sense and common sense: similarities and differences	382
<i>Osokina V.N.</i> Using modern technologies to prepare college students for the demonstration exam.....	389
<i>Abdullatfova L.A.</i> About the phenomenon of digital alienation	392

<i>Anisimov N.V.</i> The Evolution of the Foreign Policy Strategy of the Russian Federation in the Context of Global Changes in the World Political Architecture.....	396
<i>Atayan A.A.</i> State policy on the seizure and nationalization of real estate: an institutional analysis of Russian practice	400
<i>Akhtsiev I.M.</i> Folklore attributes as prototypes of modern digital technologies: comparative analysis	404
<i>Belousova T.</i> Chinese in Russia and Russian in China as a language policy strengthens bilateral ties.....	407
<i>Borayeva T.T., Matveeva U.V., Kusova I.T.</i> Psychological and Psychosocial Aspects of Meningitis in Children: The Role of Psychological Support and Rehabilitation. Clinical Cases from Vladikavkaz.....	411
<i>Wang Bo.</i> The use of conceptual metaphors in contemporary russian prose from the perspective of cognitive linguistics	415
<i>Vasilkov E.</i> The facets of cross-border identity: the Eskimos of Chukotka – language, strait and visa-free bridges.....	419
<i>Voskresensky A.A.</i> Ontological foundations of modern education: a philosophical analysis.....	423
<i>Gromova D.A.</i> The EAEU as a tool for overcoming the consequences of sanctions for Moscow.....	428
<i>Koh I.A., Ladyzhnikova E.V.</i> Institutional contradictions and neo-institutional trends in the management of small and medium-sized enterprises	432
<i>Kuzmina T.A.</i> Causes of death among middle and high school students and school safety in Kyrgyzstan	436
<i>Likhtin A.A.</i> Basic Management Processes in Local Government	441
<i>Lustin Yu.M.</i> Dialectical and typological interaction between human beings and society as a form of social dynamics and social development.....	444
<i>Pushkareva Yu.G.</i> Hanuman is a character in the Indian epic "Ramayana".	449
<i>Likhtin A.A.</i> The Development of the Local Self-Government System in the Russian Federation	455
<i>Ravochkin N.N., Leopa A.V., Musat R.P., Rakhinskiy D.V.</i> Evolution of media in the digital age: socio-philosophical analysis	459
<i>Simonin P.V.</i> Pay in the Context of Online Platforms	463
<i>Xing Min.</i> Semantic Analysis of the Color Designation «蓝 (синий)» in Chinese and Russian.....	466
<i>Sobolev N.G.</i> Characteristics of the Autobiographical Memory of Juveniles Sentenced to Long Term Prison Terms.....	471
<i>Techa Jumessi Frank Gireser, Makae Metua Yves-Nathan.</i> Digital bridges: assessment of ethiopia's potential in shaping the BRICS ict landscape.....	474
<i>Hubaev G.S., Gromina Z.V.</i> The concept and essence of political stability: basic approaches and concepts	478
<i>Chernykh G.E.</i> Comparative analysis of the use of "soft power" in Uzbekistan: Russian and eastern models	482
<i>Zhao Mengyan, Dong Fuyi.</i> Tourist Photography of Ethnic Costumes: Resymbolizing Chinese Cultural Symbols in Cultural Tourism Scenes	487

Социально-культурные основания принятия решения в управлении в контексте исторического сознания

Бикметов Евгений Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор Уфимского
университета науки и технологий
E-mail: bicprof@mail.ru

Уразова Амина Ильдусовна,

кандидат исторических наук, доцент Уфимского университета
науки и технологий
E-mail: amina.urazova@mail.ru

Фролова Ирина Васильевна,

доктор философских наук, профессор, Уфимский университет
науки и технологий, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
E-mail: irina.v.frolova@mail.ru

Проведенное исследование сфокусировано на выявлении социально-культурных оснований принятия решения в социальном управлении. Выявление оснований выбора и принятия решения связано с пониманием культуры как исторически обусловленного социального и духовного явления. Установлено, что историческое сознание и мышление формируют социокультурную природу мировоззрения субъектов принятия решений. Духовно-культурные основы деятельности определяют выбор решения, обеспечивая с одной стороны, свободу этого выбора, а с другой, выступая его ограничителем.

Ключевые слова: социальное управление, решение, социально-духовные основания, культура как социальное и духовное явление, историческое сознание и мышление.

Выбор авторами темы исследования, его цели определяется значимостью культуры принятия решения в современной социальной ситуации, которая определяется условиями неопределенности. Оценке субъектами принятия решений их последствий препятствуют проблемы гносеологического и практического характера. Часто возникает несоответствие фактического и желаемого состояния объекта. Исследование природы принятия решения в контексте исторического сознания исходит из социально-культурного исторического развития общества. Общество есть продукт взаимодействия людей [1, с. 402], следовательно, отличается богатством форм, отношений и способов общения. Определенной кристаллизацией этих форм общения и взаимодействия выступает управление, которое предполагает организованную деятельность, включающую в себя цель, характер операций, предмет, средства, результаты деятельности. При этом цель и результаты совпадают далеко не всегда. К. Маркс в своем анализе элементов производительной деятельности под «характером» выполняемых операций понимает системообразующий элемент деятельности, или «остаток», который получается как бы от «вычета» из системы деятельности ее целей, предмета, средств и результата» [2, с. 50]. Характер выполняемых операций зависит от культуры деятельности человека, исторического сознания и культуры организованной социальной общности, которые выполняют определяющую роль в социальном управлении, оказывая ключевое воздействие на принятие решений.

Целью данного исследования является выявление социально-культурных оснований принятия решения в управлении в контексте исторического сознания.

Понятие «основания» следовало бы определить «как единство общего и особенного» [3, с. 140–141]. Но единство общего и особенного исследователи зачастую называют «отдельным». Основание выступает как внутреннее, сущностное единство общего и особенного [4, с. 28]. Характер выполняемых операций связан с анализом принимаемых решений, нормативной составляющей управленческой деятельности, социальным конструированием.

Культура принятия решений базируется на философской и социологической рефлексией над культурой [5, с. 91]. Исследование оснований выбора и принятия решения субъектами управления связано с пониманием культуры как социального и духовного явления. Между ноуменальным и феноменальным мирами расположен мост «надежд». Выбор решения связан с надеждой человека на более лучший, справедливый мир. Человек и общность обладают социальной и исторической памятью. Социальным основанием принятия решения в управлении выступает «глубинное государство». Это – некая часть управленческого аппарата. Какой бы ни была верховная власть, речь идет о том, что эта часть всегда остается и никуда не исчезает. В настоящее время мы не можем рассматривать культуру принятия решения как «возделывание», развитие той среды, в которой существует человек. Культура есть некое продолжение природы. Природа есть некая граница самосознания. И эта

идея включается в решение человека, прогнозирование его последствий.

Социальным основанием принятия решения в управлении является культура организованной общности, включающая ценностную и смысловую системы, выступающая носителем исторической традиции и памяти. А управление культурно и исторически обусловлено. Социокультурная память направлена на сохранение образов культурного прошлого, развитие способности, которую человек «носит в себе». Культура организованной общности стимулирует воссоздание культурных образцов поведения. Управление согласовывает культуру организованной общности с культурой принятия решений. Эта культура принятия решения связана с социальным, духовным окружением и обладает нравственным пространством. Духовное не потребляется до конца, а постоянно осваивается в ходе культурных преобразований. Историческое становление культуры связано с духовными процессами внутри организованной общности.

В основе культуры лежат принципы бытия и определения природы. Подобно тому, как общая сфера жизни распадается на многие индивидуальные возможности, единая социальная и культурная жизнь не просто распадается на части, но и имеет определенную задачу. В данном отношении культурным основанием принятия решения выступает сама социальная жизнь, в которой существует общественное стремление, которому можно следовать и не следовать. Духовная жизнь человека и общности выражается в историческом самочувствии современной эпохи, отражающемся в хозяйственном духе и практике. Ключевой категорией выступает понятие социального. Прежде всего это понятие зачастую используется для обозначения коллективных форм и способов жизни людей. П.А. Сорокин дифференцирует социальное и культурное. Он раскрывает систему взаимодействующих людей («социальное») и систему «взаимосвязанных идей, ценностей и норм» («культурное») [6]. Выступая основанием развития социальной системы, культура представляет собой систему, есть по большому счету некая совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным формам [7]. Социальное предполагает системную совокупность свойств, которые позволяют выделить человека из царства природы. Через объяснение сути социального возникает понимание природы движения от взаимодействия к действию. Деятельность человека отличается от физических взаимодействий. При этом социальные действия, как нечто производное от систем человеческого взаимодействия, скрыто в сознании человека. К. Ясперс отмечает, что историческое сознание содержит индивидуальное, значение, которое не может быть убедительно обосновано какой-либо общей ценностью. В нем есть сущность в своем исчезающем временном облике [8, с. 242].

Так что же выделяет человека из созданного им мира природной среды? На наш взгляд, это мир гуманитарной культуры, которая есть некая «живая душа», мера человеческого в человеке. Культура есть вечно «живой огонь» гуманитарно-культурного исторического наследия. Как известно, человек выступает «мерой всех вещей» (Протагор). Те лидеры, которые ориентированы в своих решениях только на интересы государственного строя, первыми и гибнут при его разрушении. Социальные и культурные отношения, укорененные в общественных отношениях, обладают гораздо большей вариабельностью, подвижностью, чем формы политического управления. Они определяются во многом историческим сознанием, сопряженным с рефлексивностью в отношении политических, экономических и других институтов. Следует учитывать, что каждая эпоха является настолько

индивидуальным состоянием, в котором возникают особые обстоятельства, что «необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого обстоятельства» [9, с. 8]. В связи с этим социальное, политическое могут приходиться в противоречие с духовным, что отражается в принимаемых решениях.

Культурным основанием принятия решения выступает нравственное начало личности, стремление к самореализации и осознанной свободе. И. Кант пишет о человеке как самоцели общественного развития. Человек – это, прежде всего, нравственное существо. «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как средству» [10, с. 270]. Личность имеет в себе высшую цель. Недаром достоинство личности выше любой иной ценности. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой осуждали антигуманизм, отстаивали высшие духовные ценности. Поэтому культура принятия решения предполагает гуманизацию отношений между людьми. Гуманизм – это ключевой принцип гуманитарной культуры, регулирующей деятельность, взаимодействие личности и общности.

Культура принятия управленческого решения, разумеется, сопряжена с прогностической деятельностью человека. Оценка последствий принимаемых решений сказывается на взаимодействии культур организованных социальных общностей. Эти культуры взаимодействуют таким образом, что выходят за границы рассудочной деятельности человека. Культура их взаимодействия стремится сохранить логику взаимовлияния общественных систем в рамках более высокого стиля, способа мышления. Полагаем, что этот способ сопряжен с обусловленным исторически мудрым отношением народа к жизни, стремлением на уровне ментального сознания к диалогу разных форм и способов мышления. Исследователи обращают внимание на противоречивость процесса исторического познания из-за несоответствия логических понятий и эмпирической реальности [11, с. 127–148]. Историческое мышление, которое испытывает сегодня кризис, является составной частью исторического сознания, выражается в активном стремлении сформулировать собственные представления, понятия и т.д. с целью выработки объяснений, необходимых для «овладения» исторической ситуацией. Следовательно, такое мышление, по структуре выступающее познающим мышлением, есть вид человеческой деятельности. Это особенно важно учитывать в ситуации, когда знание и познание противопоставляются друг другу. Однако было бы определенной вульгаризацией объявление непосредственного результата познавательного процесса – знания – тоже деятельностью [12, с. 90–92]. Имеются причины для такого методологического уточнения.

Во-первых, наблюдается тенденция проникновения исторического мышления в сущность любого социального явления. Оно способно предотвращать накопление в обществе «опасного» знания, источником которого может стать как абсолютизация информатизации, цифровизации в обществе, доминирование технократического научного мышления в управлении, так и вненаучное знание. В современном социуме усиливается так называемая «событийная усталость», «замусоренность» информационного пространства [13, с. 67]. Наряду с информационным потоком, размывающим традиционные ценности, ослабевает коллективный дух гуманитарных и социальных наук, особенностью которого является ориентация на свободу критической мысли [14, с. 157]. Во-вторых, историческое мышление ориентирует на выявление причинно-следственных связей при рассмотрении любого явления, понимания того, каким образом это

явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии оно проходило.

Культурным основанием принятия управленческого решения выступает идея комплементарности культур и способов мышления. Идея дополнительности, обоснованная в рамках физической науки, постепенно трансформировалась в дополнительную пространственно-временного и причинного способов описания социокультурной реальности. Однако культуры не сталкиваются друг с другом как механические частицы. Они имеют не только волнообразный характер, но и приобретают импульсы, которые получают от исторической эпохи. В этом плане управленческое решение не может быть строго импульсивным, и в то же время оно жестким образом не локализовано во времени. Следует отказаться от недиалектического отрыва познания от бытия, учитывать то обстоятельство, что духовная ценность диалектического взаимодействия культур и связанная с ним культура управленческого решения продиктованы возникающими противоречиями в ходе развития исторического сознания, которое детерминируют информационно-коммуникационные технологии, оказывая на него непосредственное или косвенное влияние [15, с. 102].

Таким образом, авторами установлено, что выбор и принятие решений субъектами управления базируются на понимании культуры как исторически обусловленного социального и духовного явления. Культура деятельности человека, историческое сознание и культура организованной социальной общности детерминируют социальное управление, оказывая ключевое воздействие на принятие решений.

Литература

1. К. Маркс – П.В. Анненкову // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30 т. Т. 27. – М.: Госполитиздат, 1962. С. 401–412.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономики // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30 т. Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1960. – 907 с.
3. Левин Г.Д. Проблема всеобщего в советской философской литературе // Философские науки. 1985. № 3. С. 140–151.
4. Кудряшев А.Ф. Единство наук: основания и перспективы. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.
5. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Культура принятия решений в условиях стохастического социума: методологический аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 3. С. 86–96.
6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
7. Культурология. XX век: Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 630 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 8. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 470 с.
10. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
11. Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 191 с.
12. Социальная деятельность и теоретическое отражение / В.П. Фофанов; отв. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986. – 187 с.

13. Икеда Д., Садовничий В.А. Рубежи веков: диалоги об образовании и воспитании // Парадигмы социологии знания: хрестоматия / Под общ. ред. В.Л. Шульца. – М.: Наука, 2007. – С. 9–69.
14. Поппер К. Социология знания // Парадигмы социологии знания: хрестоматия / Под общ. ред. В.Л. Шульца. – М.: Наука, 2007. – С. 146–157.
15. Пичугин В.Г. Детерминанты влияния на историческое сознание общества // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 101–105.

SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF DECISION-MAKING IN MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Bikmetov E.Yu., Urazova A.I., Frolova I.V.

Ufa University of Science and Technology, Financial University under the Government of the Russian Federation

The conducted research is focused on identifying the socio-cultural foundations of decision-making in social management. Identifying the foundations of choice and decision-making is related to understanding culture as a historically conditioned social and spiritual phenomenon. It has been established that historical consciousness and thinking shape the socio-cultural nature of the worldview of decision-makers. The spiritual and cultural foundations of activity determine the choice of a decision, providing, on the one hand, the freedom of this choice, and, on the other hand, acting as a limitation.

Keywords: social management, decision-making, socio-spiritual foundations, culture as a social and spiritual phenomenon, historical consciousness and thinking.

References

1. K. Marx – P.V. Annenkov. Marx K., Engels F. Works in 30 vol. Vol. 27. Moscow, Gospolitizdat, 1962, pp. 401–412. (In Rus.).
2. Marx K., Engels F. Capital. Critique of Political Economy. Marx K., Engel F. Works in 30 vol. Vol. 23. Moscow, Gospolitizdat, 1960, 907 p. (In Rus.).
3. Levin G.D. The Problem of the Universal in Soviet Philosophical Literature. Philosophical Sciences, 1985, № 3, pp. 140–151. (In Rus.).
4. Kudryashov A.F. The Unity of Sciences: Foundations and Prospects. Sverdlovsk, Ural. un-t Publ., 1988, 184 p. (In Rus.).
5. Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V. The culture of decision-making in the conditions of stochastic society: the methodological aspect. PNRPU Sociology and Economics Bulletin, 2023, № 3, pp. 86–96. (In Rus.).
6. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Moscow, Astrel, 2006, 1176 p. (In Rus.).
7. Cultural Studies. The 20th Century: A Dictionary. St. Petersburg, University Book, 1997, 630 p. (In Rus.).
8. Jaspers K. The Meaning and Purpose of History. Moscow, Politizdat, 1991, 527 p.
9. Hegel G.W.F. Philosophy of History. Hegel G.W.F. Works, vol. 8. Moscow; Leningrad, State Social and Economic Publishing House, 1935, 470 p. (In Rus.).
10. Kant I. Fundamentals of the Metaphysics of Morality. Kant I. Works in 6 vol. Vol. 4. Part 1. Moscow, Mysl, 1965, 544 p. (In Rus.).
11. Korshunov A.M., Shapovalov V.F. Creativity and reflection in historical knowledge. Moscow, Moscow un-t Publ., 1984, 191 p. (In Rus.).
12. Social activity and theoretical reflection / V.P. Fofanov; ed. by V.V. Tselishchev. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch, 1986, 187 p. (In Rus.).
13. Ikeda D., Sadovnichy V.A. The Boundaries of Centuries: Dialogues on Education and Upbringing. Paradigms of Sociology of Knowledge / ed. by V.L. Shults. Moscow, Nauka, 2007, pp. 9–69. (In Rus.).
14. Popper K. Sociology of Knowledge. Paradigms of Sociology of Knowledge: A Reader / edited by V.L. Shults. Moscow, Nauka, 2007, pp. 146–157. (In Rus.).
15. Pichugin V.G. Determinants of Influence on the Historical Consciousness of Society. Social and Humanitarian Knowledge, 2023, № 9, pp. 101–105. (In Rus.).

Газзаева Виктория Ивановна,

преподаватель кафедры политологии и социологии
Юго-Осетинского государственного университета
им. А.А. Тибилова
E-mail: gazzaty@list.ru

В данной статье рассматриваются структурные элементы осетинской диаспоры в Турции и особенности их функционирования. В исследовании применяются как качественные, так и количественные методы, включая системный и структурно-функциональный подходы к изучению диаспорных сообществ. Анализ основывается на результатах социологического опроса, проведенного автором в начале 2025 года. Целью работы является выявление ключевых компонентов структуры осетинской диаспоры в Турции, что позволяет глубже понять особенности её социокультурного развития в условиях турецкого общества. По итогам исследования основными структурными элементами осетинской общности определяются сама диаспорная община, её лидеры и актив, институциональные формы самоорганизации, а также система социальных связей. Особое значение, с точки зрения автора, в формировании структуры осетинской диаспоры занимает диаспорная память, рассматриваемая как ключевой компонент, обеспечивающий сохранение идентичности и воспроизводство общности.

Ключевые слова: диаспора; социальная структура; структура диаспоры; осетинская диаспора; осетины в Турции; диаспорная память.

Введение

Современные диаспоры представляют собой не только носителей этнокультурной идентичности, но и выступают в качестве значимых институциональных акторов в глобальном социальном пространстве. Как подчёркивает Т.В. Черевичко, в условиях цифровизации и транснациональной мобильности диаспоры приобретают черты сетевых структур, обладающих способностью к самоорганизации, адаптации и эффективной экономической интеграции в принимающих обществах. В её интерпретации диаспора перестаёт быть исключительно этнической общиной и трансформируется в устойчивую форму институциональной организации, которая вступает в сложные отношения как с государственными, так и с негосударственными акторами [15]. Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова также указывают на институциональный аспект функционирования диаспоры. В своих работах они подчеркивают, что отсутствие чётко организованных форм функционирования лишает диаспору её сущностных характеристик. По мнению ученых лишь наличие устойчивых структур позволяет говорить о сформировавшейся диаспоре как социальном феномене [13]. Развивая системный подход к анализу диаспор, А. Базанов рассматривает их как сложные социальные системы, структурно состоящие из взаимосвязанных компонентов. Ученый выделяет важность применения системного подхода в изучении диаспор, определяя диаспору как «открытую систему находящихся в инокультурной среде общин, члены которой сохраняют базовую идентичность страны происхождения и ощущают свою связь с ней.» [2].

Исходя из классического определения системы как множества компонентов, находящихся во взаимных отношениях и образующих определённое единство, можно выделить общину в качестве базового структурного элемента диаспоры. Таким образом, община выступает в роли элементарной частицы, из которой складывается целостная диаспоральная система [9]. В научной литературе термин «община диаспоры» используется достаточно широко и закреплён в трудах таких теоретиков, как У. Сафран [25] и К. Тёлёлян [26], что свидетельствует о его высокой значимости при изучении диаспор.

Не менее важными компонентами структуры диаспорного сообщества, как отмечают А.В. Бедрик и А.В. Сериков, являются диаспорные лидеры и актив [10]. Институционализация диаспоры, по мнению исследователей, предполагает наличие в её составе фигуры лидера, способного выполнять функции мобилизации, представительства, а также медиаторства. Лидеры, формирующиеся внутри этнической среды, должны обладать достаточным авторитетом, коммуникативными ресурсами и способностью к принятию решений, необходимых для решения внутрдиаспорных и межэтнических задач. При этом их деятельность охватывает как внутреннее пространство диаспоры, подразумевающее вопросы урегулирования противоречий, сохранение этнической идентичности, культуры и традиций, так и внешнее взаимодействие с институтами принимающего общества [5].

Вместе с тем в структуре диаспоры формируется актив, который включает группу диаспорантов, осуществляющих управленческие, организационные и предста-

вательские функции. Актив формируется по направлениям деятельности и может включать в себя творческих деятелей, юристов, исследователей, специалистов в сфере медиа и коммуникаций. Таким образом, актив и лидерство представляют собой взаимосвязанные структурные элементы, обеспечивающие функционирование диаспоры как целостного социального организма [10].

В классической социологии под социальной структурой рассматривают совокупность связей, институтов, норм, ролей и позиций, регулирующих функционирование социальной системы (Сорокин [11], Парсонс [8], Гидденс [22]). Она включает институциональные и нормативные компоненты, иерархии, группы и каналы коммуникации.

Диаспорная память, как правило, не входит в структуру напрямую в виде института или статусной позиции. Однако она может быть включена как символический механизм, влияющий на воспроизводство идентичности, характер связей и групп. Согласно М. Хальбваксу (1950), память есть не индивидуальное, а социальное явление, организуемое через группы, которые формируют и поддерживают определённые образы прошлого. Память поддерживается исключительно благодаря социальным рамкам, все, что в них не вписывается, подвержено забвению. С точки зрения Хальбвакса коллективная память объединяет группу и поддерживает ее идентичность [7].

Рассматривая диаспорную память в контексте социальной структуры диаспоры, представляется обоснованным утверждение о её статусе как одного из ключевых интегративных механизмов, поддерживающих идентичность и воспроизводящих внутреннюю организацию диаспорного сообщества. Современные исследования в области диаспорологии подчеркивают, что память выступает в роли «привилегированного носителя диаспорной идентичности», а передача памяти из поколения в поколения подтверждает диаспорный статус определённой общины [18]. Данное положение позволяет рассматривать память не в качестве вторичного феномена, сопровождающего миграционный опыт, а как структурообразующий компонент, определяющий само существование и функционирование диаспоры. Более того, авторы подчёркивают: «нет диаспоры без памяти», поскольку забвение транслокальных связей влечёт за собой «окончательный распад диаспорной идентичности» [16]. Таким образом, способность сообщества к сохранению и трансляции памяти становится условием для его устойчивости и целостности.

Следует отметить, что память в диаспорном контексте мыслится не как фиксированное хранилище прошлого, но как динамичный процесс. В этом отношении особенно важно наблюдение, согласно которому «память, а не территория, является основным основанием формирования идентичности в диаспорных культурах» [21]. Память функционирует здесь как «процесс связывания», в котором содержание того, что подлежит запоминанию или забвению, «постоянно переосмысливается и перерабатывается». Это означает, что диаспорная память не только фиксирует прошлое, но и создаёт новый коллективный опыт. Кроме того, авторы подчёркивают, что и сами диаспоры представляют собой все время меняющиеся структуры, и именно память играет ключевую роль в этих трансформациях. Диаспорная культура существует благодаря способности «производить и открывать новые пространства для высказывания, новые территории для памяти и забвения» [21]. Следовательно, память выполняет не только коммуникативную или символическую функцию, но и служит операциональной основой для формирования политического созна-

ния, самоорганизации и устойчивости диаспорного сообщества как социальной структуры. Подобная трактовка памяти как перформативной практики делает возможным её рассмотрение в качестве центрального элемента, структурирующего диаспору изнутри, определяющего как способы внутренней солидарности, так и формы взаимодействия с принимающим обществом и другими диаспорными группами.

Понимание диаспоры как устойчивого образования также предполагает временное измерение. Брубейкер подчёркивает: «Поддержание границ приобретает социологический интерес лишь тогда, когда оно сохраняется на протяжении поколений» [17]. Таким образом, диаспорная память, способная к межпоколенческой трансляции, становится важным индикатором институционализации диаспоры как социальной структуры. В этом смысле память функционирует не только как связующее звено с прошлым, но и как инструмент социального структурирования настоящего.

Диаспорная память может опираться не только на сохранении знаний об исторической родине, языке или эпосе. В основе диаспорной памяти определенной общности может лежать и память о травматическом прошлом. Так, Камилла Орюэла рассматривает память о геноциде в качестве мобилизации диаспорных институтов с целью увековечить память и добиться признания геноцида. Памятники в этом контексте выполняют функцию точек символического закрепления памяти в общественном пространстве. Автор также указывает на интеграцию памяти в систему межпоколенческой передачи идентичности наряду с языком, религией и семейными стратегиями, что свидетельствует о её структурообразующей роли [23].

В статье Виктории Редклифт память рассматривается как ключевой фактор, влияющий на процессы формирования и трансформации диаспорной идентичности. Автор подчёркивает, что знания о прошлом играют важнейшую роль в поддержании или ослаблении чувства общей принадлежности. Наличие травматического опыта и социальная стигматизация приводят к демобилизации памяти, а вместе с ней – и к разрыванию структурных связей внутри сообщества. Таким образом, память выступает не только как культурный или эмоциональный ресурс, но и как структурный элемент, определяющий границы, целостность и устойчивость социальной организации диаспоры. не только содержание коллективной памяти, но и сам факт её артикуляции или замалчивания оказывает существенное влияние на устойчивость и воспроизводство диаспорной идентичности и социальной структуры [24].

Диаспорная память выполняет в социальной структуре сообщества ключевые функции, благодаря чему становится активным механизмом сохранения и воспроизводства общности. Идентификационная функция заключается в формировании коллективной идентичности, основывающуюся на представлении и мифе о «первичной родине» и общей истории [12]. Таким образом благодаря диаспорной памяти идентичность связывает диаспорантов между собой и делает общность стабильнее. Также и интегративная функция проявляется в том, что память поддерживает социальные связи внутри диаспоры, конструируя социальную солидарность и культурную преемственность [12]. То есть память об исторической родине помогает диаспоре быть единым механизмом, в котором все компоненты тесно связаны друг с другом по средствам культурных признаков и солидарности. Диаспорная память выполняет также трансляционную функцию, под которой подразумевается передача через организованные формы культурного опыта и ценностей

между поколениями диаспорантов [27]. Репрезентативная функция заключается в том, что диаспорная память формирует и сохраняет память о родине и «смысловых образов прошлого» [1] через **публичное представление группы внешнему миру**, подтверждая её историческую значимость и культурную самобытность. Это осуществляется через памятники, музейные экспозиции, праздники, публикации и официальные мероприятия. Подобные проекты помогают диаспоре формировать свой образ в условиях принимающего общества. При этом «общественные нарративы о страданиях и несправедливости имеют большое моральное значение.» [4].

Что касается осетинской общности в Турции, коллективная память исследуемой общности поддерживается через сохранение этнокультурных границ [26], традиционных маркеров (родовая принадлежность, нормы поведения, морально-этические ориентиры), культурных практик, а также передачу от одного поколения к другому фольклорных текстов, преданий, мелодий и танцевальной культуры [14]. Изучение языка и истории также играет значимую роль в воспроизводстве осетинской диаспоры в Турции. В том числе истории переселения осетин в Османскую империю, так как именно этот исторический период можно считать началом формирования и развития осетинской общности в Турции. Так, на вопрос знают ли диаспоранты историю и причины переселения осетин в Османскую империю, 56% ответили, что их знания в этой области не глубокие; 30,9% опрошенных утверждают, что хорошо знают историю переселения; 11,2% знаниями не обладают, но обладают желанием изучить эту тему и лишь 1,9% не желают углубляться в этот вопрос. При этом, 93,4% респондентов считают историю переселения осетин в Османскую империю важной для изучения каждому осетину.

Таким образом, диаспорная память выступает не просто как символический ресурс, но как структурный элемент, обеспечивающий воспроизводство идентичностей, институциональную организацию, коллективную деятельность и развитие диаспорного сообщества.

Анализ социальной структуры осетинской диаспоры в Турции на основе результатов социологического опроса

Исследование социальной структуры любой общности подразумевает разбор таких социальных характеристик как: социально-демографический профиль, возрастные группы, профессиональные категории, семейная структура, языковые трансформации, география расселения и идентичность.

Социально-демографический профиль респондентов демонстрирует умеренное гендерное неравенство: мужчины составляют 62,5% выборки, тогда как женщины – 37,5%, что может указывать как на специфику выборки, так и на более высокую активность мужчин в ответе на социологические запросы в рамках данной среды. Возрастное распределение респондентов свидетельствует о доминировании представителей среднего поколения (30–59 лет), составляющих 52,9% выборки, что типично для социально активной и профессионально включённой части диаспоры. Старшее поколение (60 лет и старше) составляет 34,75%, что подчёркивает значительное участие возрастной группы, обладающей исторической памятью и опытом длительного пребывания в миграции, тогда как доля молодёжи (18–29 лет) представлена в объёме 11,58%. В целом, социально-демографическая структура выборки указывает на сбалансированное присутствие активных возрастных групп

при значительном вкладе пожилого населения, чья роль может быть особенно значима в сохранении и передаче культурной и диаспорной памяти.

В выборке, наиболее часто встречающейся профессиональной категорией является пенсионеры (17% всех ответов). Далее следуют учителя (5,53%), домохозяйки (5,14%) и студенты (4,35%), что указывает на присутствие как старшего, так и молодого поколения. Значимыми профессиональными группами также являются инженеры (3,95%) и ремесленники (3,16%), что говорит о разнообразии занятости, охватывающей как интеллектуальный, так и прикладной труд. Прочие группы, такие как служащие, академики, свободные профессионалы и администраторы, представлены в меньших, но стабильных долях. Таким образом, в структуре профессий респондентов доминируют представители неактивного населения (пенсионеры, домохозяйки), а также образованные специалисты и учащиеся, что может отражать социальный состав опрошенной диаспоры.

Анализ семейной структуры осетинской диаспоры в Турции показывает сочетание традиционных моделей и адаптационных тенденций. Большинство респондентов (65,3%) состоят в браке, что свидетельствует о высокой степени институционализированности семейных отношений, тогда как 34,7% не состоят в браке, что может отражать как возрастные, так и социальные особенности. Показательно, что 30,12% опрошенных состоят в межнациональных браках, что указывает на определённую степень открытости сообщества к экзогамии и свидетельствует о процессах интеграции в полиэтническое общество Турции. Однако преобладание эндогамных союзов сохраняет значимость внутригрупповой идентичности, позволяя поддерживать этнокультурную преемственность. Таким образом, семейная структура диаспоры отражает одновременно стремление к сохранению общинной самобытности и адаптацию к многонациональной социальной среде.

Результаты опроса свидетельствуют о заметной языковой трансформации внутри осетинской диаспоры в Турции. Лишь незначительная часть респондентов (5,4%) демонстрирует высокий уровень владения осетинским языком, в то время как более половины (52,1%) оценивают свои знания как выше среднего. Вместе с тем почти треть опрошенных (28,2%) фактически не владеет родным языком, что позволяет говорить о нарастающей тенденции к языковой ассимиляции, особенно заметной среди представителей младших поколений. Внутрисемейная языковая практика также отражает эти изменения: в 61,4% семей основным языком повседневного общения является турецкий, тогда как осетинский сохраняет функциональное присутствие лишь в 22,8% семей. Характерной особенностью является распространение билингвизма, проявляющегося в межпоколенческом распределении языковых предпочтений, при котором старшее поколение продолжает использовать осетинский язык, тогда как молодёжь преимущественно переходит на турецкий. Подобная динамика указывает на ослабление позиций родного языка в условиях миграции и требует особого внимания к вопросам языковой политики и механизмов сохранения культурной преемственности.

География расселения осетин в Турции отличается локализованным характером, сосредоточенным преимущественно в пределах Йозгатского района Центральной Анатолии, где до настоящего времени сохраняются три осетинских деревни: Боялык, Карабаджак и Пойразлы. Географическое распределение респондентов осетинской диаспоры в Турции свидетельствует о высокой степени концентрации в крупнейших городах. В Стамбу-

ле проживают 43% участников опроса, в Анкаре 20,7%, в Кайсери и Бурсе по 4,5%, в Измире 4%, в Мугле 3%, в Йозгате 2,5%. Менее значительная доля респондентов указала местом проживания такие города, как Сивас, Мерсин, Балыкесир, Ялова и другие. Зафиксированы единичные случаи проживания за пределами Турции, включая Германию, Бельгию и Францию, а также на территории Северной Осетии. Присутствие респондентов, находящихся на постоянной основе в Осетии, указывает на поддержание устойчивых связей между диаспорой и исторической родиной, а также возможное возвращение на историческую родину части диаспорантов. Таким образом, географическая структура осетинской диаспоры в Турции характеризуется урбанизацией, миграционной мобильностью и сохранением трансрегиональных связей.

Особенность диаспорной идентичности, как важного элемента социальной структуры диаспорной общности, заключается в существовании других идентичностей помимо базовой. Базовая идентичность характерна для всех членов диаспоры, в то время как дополнительные идентификационные признаки формируются под влиянием культурных и социальных особенностей региона проживания, а также структуры конкретной общины. Как утверждает Базанов, устойчивость главной идентичности обусловлена функционированием институтов, обеспечивающих трансляцию норм, ценностей и моделей поведения внутри диаспорного сообщества [2].

Особенностью идентичности представителей осетинской общности в Турции выступает ее двойственный характер. Данный признак проявляется в наличии в процессах идентификации одновременно двух основополагающих фактора: этнической принадлежности и интеграции во внешний контекст северокавказской общности Турции [3].

Институционализация осетинской диаспоры началась с момента создания в 1989 году в Стамбуле Аланского фонда культуры и помощи («Alan Vakfi»)¹. Это событие стало важным этапом развития диаспоры. Первостепенные задачи, которые ставила данная организация, включали укрепление этнокультурной консолидации, сохранение традиций и развитие транснациональных связей с исторической родиной.

Важно подчеркнуть тот факт, что деятельность фонда включает обширный спектр направлений, включая реализацию программ обменов в молодежной среде, помощь соотечественникам и продвижение осетинского языка и культуры в диаспоре. Поддержка этнической идентичности и межпоколенческая передача ценностей осуществляется путем организации выставок, гастролей творческих коллективов и проведение культурных мероприятий и фестивалей. В рамках своей работы фонд организовал многочисленные выставки, концерты, фестивали, а также курсы по изучению осетинского языка. Кроме того, в период пандемии фонд осуществлял отправку гуманитарной помощи в Осетию, что свидетельствует о поддержании устойчивых транснациональных связей. Одним из значимых направлений его работы стало издание книг о культуре и истории Осетии на турецком языке, что ориентировано на вовлечение молодого поколения диаспоры в процессы сохранения этнической идентичности [20]. Высокая степень признания этой деятельности подтверждается на международном уровне, что отражается, в частности, в официальных визитах представителей фонда на встречи с дипломатическим корпусом. Активность фонда получила поло-

жительную оценку на международном уровне и способствовала укреплению связей между Турцией и Южной Осетией, что подтверждается, в частности, назначением в 2019 году представителя диаспоры Ремзи Йылдырыма официальным полпредом МИД Южной Осетии².

Анализ данных о включенности респондентов в деятельность диаспорных организаций показывает, что наиболее распространенной формой участия является посещение мероприятий и собраний, что отмечают 71,4% опрошенных. Значительная доля респондентов (39,8%) участвует в поддержке и администрировании цифровых каналов коммуникации, что подчеркивает роль онлайн-пространства в жизни диаспоры. Организацией мероприятий занимаются 30,5%, что свидетельствует о наличии активного ядра. Поддержку новым членам оказывают 12%, а юридическую помощь – лишь 1,9%, что указывает на низкую вовлеченность в специализированные виды деятельности. В целом наблюдается преобладание форм участия с невысоким уровнем обязательств и ограниченная институциональная активность.

По мнению В. Сафрана, диаспоры стремятся всячески поддерживать страну происхождения [25]. На протяжении всего советского периода, который длился семь десятилетий (1921–1991), контакты между осетинами, живущими в Турции, и жителями Кавказа практически отсутствовали. Однако после распада Советского Союза открытие границ позволило восстановить контакты [19].

Особенно ярким проявлением общественной солидарности стало создание в 2017 году Фондом «Алан» «мемориальных лесов» в трех оставшихся анатолийских осетинских деревнях в память о жертвах теракта в Беслане 1 сентября 2004 года. Члены Фонда Алана посадили в общей сложности 3000 деревьев на участках, прилегающих к деревням Боялык, Карабаджак и Пойразлы (по 1000 в каждой деревне). Эти мемориалы официально называются «Ангелы Бесланских мемориальных роц» (Бесланский мемориальный комплекс)

Осетинская диаспора в Турции акцентирует значимость поддерживающих связей с исторической родиной, которые реализуются как на институциональном, так и на межличностном уровне. В научном контексте данные связи можно рассматривать в качестве важного элемента поддержания диаспорной идентичности. В частности, взаимодействие осуществляется через официальные каналы, включая заключение протоколов о сотрудничестве между руководством осетинской диаспоры в Турции и рядом высших учебных заведений Северной Осетии, что обеспечивает возможность получения образования в СКГМИ для молодых представителей осетинской общины Турции. Наряду с этим значимую роль играет и символическая поддержка со стороны институтов и граждан Осетии, воспринимаемая как ресурс сохранения чувства сопричастности и укрепления культурной преемственности [6].

Анализ социальной структуры осетинской диаспоры в Турции позволяет выделить ее структурные элементы и их основные характеристики. К наиболее значимым структурным компонентам осетинской общности можно отнести: общину диаспоры, диаспорных лидеров и актив, диаспорные институты и социальные связи, а также, по мнению автора, в качестве основного компонента структуры осетинской общности в Турции можно рассматривать диаспорную память, как особенный символический механизм, который является основой воспроизводства всех значимых характеристик общности, таких как идентичность и язык. Также память является идеологи-

¹ VAKIF TARİHİ. – URL: <https://alanvakfi.org.tr/vakif-tarihi> дата обращения: 12.05.2025)

² МИА «Южная Осетия сегодня». <https://south-ossetia.info/polpredom-mid-yuzhnoj-osetii-v-tureckoj-respublikeneznachremzi-kanukati/>

Литература

- Бадретдинов В.З. Проблемы функционирования социальной памяти // Вестник КГУ. 2008. № 14.
- Базанов В.А. Диаспора как система // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2011. – № 3. – С. 24–33.
- Газзаева В.И. Факторы социального развития осетинской диаспоры в Турции // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 4 (74). – С. 169–178. DOI 10.18522/2227–8656.2025.4.12 EDN IKJJQC
- Гончарова А.В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 1.
- Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. ст. / под ред. А.В. Дмитриева. М.: РУСАЙНС, 2016. 226 с.
- Закаева, Б.К. Сохранение родного языка и национальной идентичности – основная цель диаспоры (на примере осетинской диаспоры Турции) / Б.К. Закаева, С. Кушоглу Кусов // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 22–23 октября 2020 года / Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 8–14.
- Мачульская О.И. Морис Хальбвакс о социальной обусловленности индивидуальности. Философские науки. 2015;(9):99–104.
- О социальных системах / Талкотт Парсонс; Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – Москва: Акад. Проект, 2002. – 830, [1] с.; 21 см. – (Концепции); ISBN 5-8291-0242-0
- Попков В.Д. Феномен этнических диаспор / В.Д. Попков. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 276 с.
- Сериков Антон Владимирович, Бедрик Андрей Владимирович, Зайцева Анастасия Андреевна Социальная структура этнических диаспор Юга России: состояние и интеграция // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209).
- Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность/ Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов: М.: Политиздат, 1992. С. 301.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры – Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей. – М., 2001, с. 16.
- Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – 1996. – № 12.
- Фольклор азиатских осетин: сборник фольклорных текстов / Сост. и авторы переводов Д.В. Сокаева, Е.Б. Дзапарова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 80 с.
- Черевичко Т.В. Диаспора как институциональная структура современного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 155–159.
- Baronian M., Besser S., Jansen Y. Diaspora and Memory: Figures of Displacement in Contemporary Literature, Arts and Politics. Thamyris/Intersecting: Place, 2006.
- Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28.-No.1.-P. 1–19
- Butler, K. D. (2001). Defining diaspora: Refining discourse. *Diaspora*, 10 (2), 189–219.
- Chochiev, G. (2015), "Evolution of a North Caucasian Community in Late Ottoman and Republican Turkey: The Case of Anatolian Ossetians", A. Gorman/S. Kasbarian (eds.), *Diasporas of the Modern Middle East: Contextualising Community*, Edinburgh: 103–137.
- Foltz R. The Survival of Ossetians in Turkey / R. Foltz // Iran and the Caucasus. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – P. 362–375.
- Fortier A.-M. Diaspora. In: Atkinson D., Jackson P., Sibley D., Washbourne N. (eds.). *Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts*. London; New York: I.B. Tauris, 2005, pp. 182–187.
- Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. University of California Press.
- Orjuela, C. (2023). Diaspora memory conflicts: Struggles over genocide commemoration, recognition and denial. *Ethnopolitics*, 22(4), 453–470.
- Redclift, V. (2017), 'The demobilization of diaspora: history, memory and 'latent identity'. *Global Networks*, 17: 500–517.
- Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora*. – 1991. – 1 (1).
- Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // *Diaspora*. – 1996. – 5 (1).
- Welzer H. Communicative Memory. In: Erll A, Nünning A (ed.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter; 2010. p.285–300.

SOCIAL STRUCTURE OF THE OSSETIAN DIASPORA IN TURKEY

Gazzaeva V.I.

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov

This article examines the structural elements of the Ossetian diaspora in Turkey and the specific features of their functioning. The study employs both qualitative and quantitative methods, including systemic and structural-functional approaches to the analysis of diaspora communities. The analysis is based on the results of a sociological survey conducted by the author in early 2025. The aim of the study is to identify the key components of the structure of the Ossetian diaspora in Turkey, which makes it possible to gain a deeper understanding of the specifics of its sociocultural development within the Turkish context. The findings indicate that the main structural elements of the Ossetian community are the diaspora community itself, its leaders and active members, institutional forms of self-organization, and the system of social ties. Particular attention is given to diaspora memory, which is regarded as a key component of the structure of the Ossetian diaspora, ensuring the preservation of identity and the reproduction of the community.

Keywords: diaspora; social structure; structure of diaspora; Ossetian diaspora; Ossetians in Turkey; diaspora memory.

References

- Badretdinov V.Z. Problems of functioning of social memory. *Bulletin of Kazan State University*, 2008, no. 14 (in Russian).
- Bazanov V.A. Diaspora as a System // *RUDN Journal of Sociology*. – 2011. – N. 3. – P. 24–33. (in Russian).
- Gazzaeva V.I. Factors of social development of the Ossetian diaspora in Turkey. *Humanitarian of the South of Russia*, 2025, vol. 14, no. 4 (74), pp. 169–178. DOI: 10.18522/2227–8656.2025.4.12 EDN IKJJQC (in Russian).

4. Goncharova, A.V. Historical and Cultural Memory as a Condition for Preserving National Identity // Scientific Result. Social and Humanitarian Research. 2022. No. 1.
5. Diasporas and communities: the experience of the regional dimension: coll. of art. / collective of authors; ed. by A.v. Dmitriev. M.: RUSAINS, 2016. 226 pp.
6. Zakaeva B. K., Kushoglu (Kusov) S. Preservation of the native language and national identity is the main goal of the diaspora (on the example of the Ossetian diaspora in Turkey). Yazyk i kul'tura kak natsional'noye dostoyaniye v polikul'turnoy srede: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladikavkaz, 22–23 oktyabrya 2020 goda. Severo-Kavkazskiy gorno-metallurgicheskii institut (gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet). Vladikavkaz: Severo-Kavkazskiy gorno-metallurgicheskii institut (gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet) = Language and culture as a national treasure in a multicultural environment: collection of reports of the International scientific and practical conference, Vladikavkaz, October 22–23, 2020. North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University). Vladikavkaz: North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University). 2021; 814 (In Russ.).
7. Machulskaya O. Maurice Halbwachs on the Social Conditionality of Personality. Russian Journal of Philosophical Sciences. 2015;(9):99–104. (In Russian.)
8. Parsons, Talcott. On Social Systems / Edited by V.F. Chesnokova and S.A. Belanovsky. Moscow: Akadem. Proekt, 2002. 830, [1] p.; 21 cm. (Konceptii). ISBN 5-8291-0242-0.
9. Popkov V.D. Phenomenon of Ethnic Diasporas. Moskva: INFRA-M = Moscow: INFRA-M. 2024; 276 p. (In Russ.)
10. Serikov A. V., Bedrik A.V., Zaitseva A.A. The social structure of ethnic diasporas of the South of Russia: condition and integration. Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies, 2017, no. 4 (209) (in Russian).
11. Sorokin, P.A. Social Stratification and Mobility / Man. Civilization. Society / Edited, compiled, and with foreword by A. Yu. Soyumonov. Moscow: Politizdat, 1992. p. 301.
12. Tishkov V.A. The historical phenomenon of diaspora. In: National diasporas in Russia and abroad in the 19th-20th centuries. Collection of articles. Moscow, 2001, p. 16 (in Russian).
13. Toshchenko Zh. T., Chaptykova T.I. Diaspora as an object of sociological research. Sotsiologicheskie Issledovaniya, 1996, no. 12 (in Russian).
14. Folklore of the Anatolian Ossetians: A Collection of Folklore Texts / Compiled and Translated by D.V. Sokaev, E.B. Dzaparova. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAS and RSO-A, 2015. 80 p.
15. Cherevichko T.V. Diaspora as an institutional structure of modern society. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politologiya, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 155–159 (in Russian).
16. Baronian M., Besser S., Jansen Y. Diaspora and Memory: Figures of Displacement in Contemporary Literature, Arts and Politics. Thamyris/Intersecting: Place, 2006.
17. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28.-No.1.-P. 1–19
18. Butler, K. D. (2001). Defining diaspora: Refining discourse. Diaspora, 10 (2), 189–219.
19. Chochiev, G. (2015), "Evolution of a North Caucasian Community in Late Ottoman and Republican Turkey: The Case of Anatolian Ossetians", A. Gorman/S. Kasbarian (eds.), Diasporas of the Modern Middle East: Contextualising Community, Edinburgh: 103–137.
20. Foltz R. The Survival of Ossetians in Turkey / R. Foltz // Iran and the Caucasus. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – P. 362–375.
21. Fortier A.-M. Diaspora. In: Atkinson D., Jackson P., Sibley D., Washbourne N. (eds.). Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts. London; New York: I.B. Tauris, 2005, pp. 182–187.
22. Giddens, A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. University of California Press.
23. Orjuela, C. (2023). Diaspora memory conflicts: Struggles over genocide commemoration, recognition and denial. Ethnopolitics, 22(4), 453–470.
24. Redclift, V. (2017), The demobilization of diaspora: history, memory and 'latent identity'. Global Networks, 17: 500–517.
25. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. – 1991. – 1 (1).
26. Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora. – 1996. – 5 (1).
27. Welzer H. Communicative Memory. In: Erll A, Nünning A (ed.) Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, New York: De Gruyter; 2010. p.285–300.

Денисова Ольга Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

E-mail: d.olga@mail.ru

В статье рассматриваются особенности понятия общения, характеризуются его определённые черты: коммуникация, интеракция, перцепция. Уделяется внимание информативной и регулятивной целям общения, информативному и психологическому приспособлению и сотрудничеству. Выделяется диалогическая особенность общения как ведущий компонент, из чего вытекает принцип продуктивного взаимодействия при осуществлении процесса обучения. Составляющая языковая картина в процессе общения связана с конкретной коммуникативной ситуацией и обеспечивает вовлечение собеседников в пространство коммуникативного взаимодействия. Рассматривается ролевая игра, позволяющая осуществить принцип активного взаимодействия и коммуникативных замыслов.

Ключевые слова: диалогическая сущность, речевая активность, ситуативная речь, продуктивное взаимодействие, ролевая игра.

Речевое общение является одной из главных коммуникативных целей курса русского языка как иностранного. Чтобы организовать учебные занятия по развитию речи иностранных студентов необходимо учитывать особенности понятия общения. Существуют определенные характеристики общения, воздействующие на организацию и осуществление учебного процесса. Явление, указывающее на термин «общение», состоит из следующих компонентов: коммуникацию, интеракцию, перцепцию [5]. Коммуникация представляет собой обмен информацией; интеракция включает обмен вербальными (речевыми) и невербальными (жесты, интонация) действиями, то есть взаимодействие; перцепция состоит из обмена восприятия друг друга, изучения и оценки намерений и мотивов собеседников, взаимопонимания и взаимопознания.

На ряду с этим общеизвестным остается тот факт, что речь «имеет социальную направленность, направленность на другого человека» [6, с. 121], то есть выполняет «задачи сообщения и связи с окружающими» [2, с. 41]. Таким образом, говорящему постоянно следует принимать во внимание своего собеседника. Сам процесс общения (говорения) без учета партнера теряет адекватность. По этим причинам думается с методической точки зрения целесообразно объединять информативную (передача информации) и регулятивную (корректировка поведения человека) цели общения. В процессе общения следует включать не только речевое информирование, но и установку на поведение собеседников, а также речевое воздействие, которое содержит эту установку.

Опираясь на такое представление, в основе обучения общению не следует полностью полагаться на такие виды речевой деятельности, как устное и письменное реферирование, составление аннотаций и тезисов, рецензирование, критический обзор и так далее. Такой подход сочетает в себе информативную и прагматическую подсистемы языковых структур, является коммуникативно механическим. В свою очередь такое видение является спорным методическим выводом о том, что «речевому информированию и речевому воздействию следует учить отдельно и поэтапно как двум уровням иерархической системы общения» [7].

При обучении общению важно обращать внимание на взаимное приспособление как информативное, так и психологическое, на взаиморегуляцию и сотрудничество. Одна из функций общения заключается в воздействии, когда собеседники испытывают влияние друг на друга: подразумевается некая активность (позиция, установки, мнение, цели), которую испытывает на себе каждый партнер при общении друг с другом.

Таким образом, не только происходит обмен информацией в коммуникативном процессе, но и сама информация трансформируется в зависимости от того, для чего и для кого она предназначена. В зависимости от коммуникативного контекста одно и то же сообщение может формироваться различно, иметь множество форм выражения. «Подстраивание» является важной составляющей, когда иностранные студенты учатся как и каким образом говорить на русском языке свободно. Виды речевой деятельности отходят на второй план.

Диалогическая основа общения выступает как главный элемент коммуникативного процесса, что позволяет скорректировать содержание и методику обучения речевой коммуникации. Сам процесс общения выступает актом взаимного сотрудничества говорящих, элемент содержания помогает передать сообщения друг другу и вести переговоры, элемент выражения передает способы формулировки речевых актов, которые обуславливаются задачами общения и общей целью.

При таком подходе выделяются лингвистические, дидактические и методические результаты, когда диалог выступает главной составляющей коммуникации. Принцип продуктивного, или активного взаимодействия выходит на первый план. «Основа профессионального диалогического общения начинается с восприятия партнера. Имея представление о том, какими способами реализуется диалог в речи, собеседники определяют позиции по отношению друг к другу» [3, с. 175]. Речевая активность студентов направлена на достижение речевого результата, который адекватен совместной социальной деятельности говорящих и направлен на реализацию коммуникативных задач и установок. В таких случаях преподаватель указывает на характерное употребление синтаксических конструкций в роли средств речевого поведения, в котором, как известно, «реализуются коммуникативные функции элементов языка: использование повествовательных предложений для выражения вопроса, а вопросительных – для утверждения и т.д.» [8].

Речевые образцы, используемые при общении, могут быть названы понятиями «ситуативная речь» и «контекстная речь» [6]. В любом случае речевой акт имеет какой-либо контекст и обусловлен какой-либо ситуацией. Таким образом, можно создать связные контексты для разных уровней обучения и разного плана по содержанию. План коммуникации определяет обозначенная ситуация общения, которая определяет языковое видение и вовлекает говорящих в речевое взаимодействие.

Адаптация, языковая и социальная, способствует благополучному и результативному включению в образовательный процесс. Учебно-научная коммуникация при этом выступает важной языковой целью, к достижению которой стремятся обучающиеся. Данный вид общения характеризуется ситуацией и опосредован ею. Поэтому здесь уместно использовать принцип продуктивного взаимодействия, чтобы создать учебную модель, которая создавала бы ситуации общения, приближенные к реальности, и активизировала бы организацию речи коммуникативных замыслов.

К методу, позволяющему осуществить принцип активного взаимодействия, относится ролевая игра. Умение говорить в предлагаемых обстоятельствах «роли» является искусством естественного общения. На занятиях создается условная общественная ситуация, которая стимулирует ролевое поведение и тренирует навыки говорения. Ролевая игра становится способом обучения ситуативному общению, а аудиторное занятие является средой и объектом общения. Главная функция обучающей игры основывается не ее важной черте – эвристичности, умению прогнозировать и создавать речевые образцы в соответствии с заданной ситуацией. Ролевая игра способствует формированию неподготовленной и спонтанной речи в ситуациях, предлагаемых жизнью за пределами аудиторных занятий. В практике обучения говорению ставят задачу научить непосредственному говорению, используя ситуативные задания.

Выделим несколько этапов при обучении непосредственному, ситуативному общению, применяя ролевую игру.

Первый этап включает использование готовых речевых образцов, чтобы показать иностранным студентам активное речевое взаимодействие собеседников, а также обратить внимание на зависимость этого взаимодействия от предложенной ситуации и ролей участников общения. Например, это могут быть тексты. С одной стороны, «текст репрезентирует некоторый фрагмент действительности, опосредованно (через язык) отражая свойства, связи и отношения предметов и явлений этого отрезка действительности», с другой – «текст как языковое явление представляет собой цепочку предложений, объединенных общим замыслом» [4, с. 30]. Таким образом, студенты могут убедиться, что реальное речевое общение представляет собой цепочку взаимных «приспособлений», целью которых служит воздействие на собеседника и осуществления коммуникативного замысла.

Второй этап может тренировать понимание подтекста: того замысла, который хочет донести говорящий в своем высказывании. Подтекст может выражаться в интонации, поэтому предлагаются такие задания, как чтение фрагмента в слух с определенной интонацией (радость, печаль, удивление, недоверие и т.д.) или угадывание состояния героя или говорящего.

На третьем этапе возможно создание самостоятельных диалогов, жизненных сцен и этюдов. Преподавателю следует отобрать ситуации для общения, важные для своих студентов.

Чтобы реализовать общение следует спровоцировать «коммуникативный раздражитель», иными словами, противодействие, заставляющего собеседника оказать влияние на партнера и достичь своей цели. Социальные роли, психологические аспекты, предлагаемые обстоятельства помогают осуществлению этой задачи. Например, научный руководитель любит приходить вовремя на деловые встречи, и сейчас он спешит в редакцию и нервничает, а аспирант скромный, но упорный – он хочет узнать ответ преподавателя, чтобы подготовить свою выступление на предстоящую конференцию. Предлагаемый способ побуждает собеседников искать как психологические, так и речевые формы для осуществления коммуникативного замысла.

При таком подходе преподавателю следует наблюдать и анализировать диалогическую речь иностранных студентов, чтобы выявить недочеты, связанные с заучиванием готовых речевых фраз. Это прослеживается, когда партнеры не контролируют, принял ли говорящий их мысль-реплику, или сами не воспринимают реплику-ответ говорящего. В таком случае преподаватель направляет учащихся, помогая им внутренне оценить мысль своего собеседника и одновременно не упускать из виду, как воспринимает их мысль партнер. Необходимо обращать внимание в том случае, если психологическое и речевое взаимодействия выстроены на должном уровне.

Подводя итог, можно отметить, что принцип продуктивного, активного взаимодействия позволяет многоаспектно решить целый ряд задач. Он весьма продуктивен при обучении общению в пределах обычных комплексных занятий по русскому языку как иностранному.

Литература

1. Байукова А.Н. Выбор разновидности типа общения как составляющая коммуникативной компетенции // Известия Саратовского университета, 2012. С. 50–59
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999–352 с.

3. Денисова О.Е. Диалогическая коммуникация при обучении иностранных студентов медиков // Русистика и современность: сборник статей XXII Международной научной конференции / сост. и под ред. З.Р. Аглеевой, Л.Ю. Касьяновой, М.Л. Лаптевой. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 306 с. С. 174–176
4. Денисова О.Е. Принцип коммуникативности в обучении иностранных языков // Социально-гуманитарные знания – 2024 – № 3–227 с. С. 29–32
5. Защирина О.В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2013. Вып. 4. С. 89–98
6. Рубинштейн С.Л. К психологии речи // Проблемы общей психологии. Питер, 2002. – 720 с.
7. Киселева Л.А. Некоторые теоретические проблемы методики обучения общению на русском языке как иностранном // Обучение иностранцев общению на русском языке: Теория и методика: Межвуз. Сб. Л., 1983.
8. Нугаев В.Г. Аспекты теории речевого воздействия // Сб. науч. тр./МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1980.
9. Рожкова Е.В. Некоторые аспекты проблемы формирования универсальных учебных действий при работе с иноязычным текстом // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № S8. – 0,4 п.л. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/470107.htm>
10. Формановская Н. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

ON THE ISSUE OF TEACHING COMMUNICATION IN RUSSIAN TO A FOREIGN AUDIENCE

Denisova O.E.

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

This article examines the characteristics of the concept of communication, highlighting its specific features: communication, interaction, and perception. It pays attention to the informative and regulatory goals of communication, as well as the informative and psychological adaptation and cooperation involved. The dialogical nature of

communication is emphasised as a key component, which leads to the principle of productive interaction during the learning process. The linguistic picture in the communication process is linked to a specific communicative situation and facilitates the engagement of interlocutors in the space of communicative interaction. The article also discusses role-playing, which enables the implementation of active interaction and communicative intentions.

Keywords: dialogical essence, speech activity, situational speech, productive interaction, role play.

References

1. Baiuklova A.N. The choice of communication type as a component of communicative competence // Izvestiya of Saratov University, 2012. pp. 50–59
2. Vygotsky L.S. Thought and Language. Moscow, 1999–352 pages.
3. Denisova O.E. Dialogic communication in the education of foreign medical students // Russistics and Modernity: Proceedings of the XXII International Scientific Conference / compiled and edited by Z.R. Agleeva, L. Yu. Kasyanova, M.L. Laptieva. – Astrakhan: Astrakhan State University, Publishing House “Astrakhan University”, 2019. – 306 pages. pp. 174–176
4. Denisova O.E. The principle of communicativeness in foreign language teaching // Social and Humanitarian Knowledge – 2024 – No. 3–227 pages. pp. 29–32
5. Zashirinskaya O.V. Conceptual representations of the structure of communication // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. – 2013. Issue 4. pp. 89–98
6. Rubinstein S.L. On the Psychology of Speech // Problems of General Psychology. St. Petersburg, 2002. – 720 pages.
7. Kiseleva L.A. Some theoretical problems of the methodology of teaching communication in Russian as a foreign language // Teaching foreigners communication in Russian: Theory and methodology: Inter-university collection. Leningrad, 1983.
8. Nugaev V.G. Aspects of the theory of speech influence // Collection of scientific works / MGPI named after M. Tsetkin. Moscow, 1980.
9. Rozhkova E.V. Some aspects of the problem of forming universal educational actions when working with foreign language texts // Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”. – 2017. – No. S8. – 0.4 printing sheets. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/470107.htm>
10. Formanovskaya N. Speech interaction: communication and pragmatics. Moscow, 2007.

Насилие в спорте: этическая дилемма между целью и правилами через призму утилитаризма и деонтологии

Коротенко Илья Алексеевич,

аспирант, социальная и политическая философия,
Государственный университет просвещения

Каргин Николай Николаевич,

доктор философских наук, профессор, кафедра
теории и методики физического воспитания и спорта,
Государственный университет просвещения

В работе рассматривается проблема насилия в спорте как этической дилеммы между целью и правилами. Анализируется с позиции утилитаризма, который оценивает насилие с точки зрения его последствий и общего блага, и деонтологии, ориентированной на соблюдение моральных правил и обязанностей. Выделяются основные аргументы обеих теорий, показывается возможное противоречие между стремлением к победе и сохранением честных правил. Рассматривается необходимость гармонизации этических стандартов для предотвращения насилия и сохранения духа спорта.

Ключевые слова: насилие в спорте, этическая дилемма, цель и правила утилитаризм, деонтология, моральные ценности, спортивная этика, безопасность и честность, конфликт ценностей, спортивные правила.

Введение

Насильственные действия в спорте – сложная этическая проблема, вызывающая широкий общественный резонанс. Они могут проявляться в виде жестких столкновений, провокационных приемов, травмирующих ударов и даже преднамеренного вреда сопернику. В каждом случае эти действия вызывают этические вопросы касательно допустимости, морали и правил справедливой конкуренции. Этика в спорте помогает определить границы допустимого и недопустимого поведения, а также формировать правила, защищающие здоровье и достоинство участников. Обоснованный анализ требует применения различных этических теорий, среди которых выделяются утилитаризм и деонтология – две концепции, предлагающие противоположные оценки и подходы к проблеме насилия в спорте. В данной статье рассмотрены их основные принципы, преимущества и недостатки, а также практическое применение в контексте современных спортивных соревнований.

Этика в спорте является важной составляющей развития честных и справедливых соревнований. В современных спортивных соревнованиях сталкиваются с рядом проблем, вызванных нарушениями моральных принципов, таких как допинг, дискриминация, коррупция и фальсификация результатов. Особое внимание уделяется вопросам перегрузок детей, которые связаны с чрезмерными тренировками, соревнованиями и нагрузками, превышающими их возрастные возможности. Такие практики могут приводить к физическим и психологическим травмам, проблемам с развитием и нарушению здоровья молодой спортсмена. Эти этические дилеммы, связанные с честностью, ответственностью за здоровье и благополучие участников, требуют тщательного рассмотрения. Решение этих проблем критически важно для сохранения доверия к спортивной индустрии и формирования позитивных ценностей среди спортсменов и зрителей.[3]

Основная часть

Спорт – это область человеческой деятельности, где страсти накаляются до предела, а желание победить иногда затмевает всё остальное, ведь его главной целью является достижение максимального результата. В погоне за результатом спортсмены и тренеры порой переступают черту, совершая насильственные действия: от грубых нарушений правил до откровенной агрессии. Как оценить подобные поступки? Являются ли они оправданными, если ведут к победе? Этика предлагает два фундаментальных подхода для анализа этой проблемы: утилитарный и деонтологический.[4]

Суть подходов: результат против принципа утилитаризм (от лат. *utilitas* – польза, выгода) – это consequentialist (сопутствующие последствия) подход. Его основоположник, Иеремия Бентам, а затем Джон Стюарт Милль, утверждали, что нравственная ценность поступка определяется его последствиями. Действие считается правильным, если оно приносит наибольшее счастье наи-

большому числу людей. Ключевой вопрос: «Приведет ли это действие к хорошим результатам?».

Деонтология (от греч. *deon* – долг, обязанность) – это подход, ассоциирующийся с философией Иммануила Канта. Он фокусируется не на последствиях, а на намерениях и самих действиях. Существуют универсальные моральные правила и долг (например, «не причиняй вреда», «соблюдай правила»), которые должны соблюдаться независимо от исхода. Ключевой вопрос: «Является ли это действие правильным по своей природе?».

Насилие в спорте через призму утилитаризма. Утилитарист взглянул бы на насильственное действие и спросил: «Каковы были его последствия? Кому и сколько пользы или вреда оно принесло?». Аргументы, которые приводятся в пользу оправдания насилия: победа ради блага многих. Жесткий, но решающий фол в баскетболе, который останавливает верную атаку соперника и приносит победу команде. Утилитарист может посчитать, что счастье тысяч болельщиков, финансовые бонусы для клуба и города перевешивают временную боль одного игрока команды-соперника. «Тактическое» насилие. В хоккее силовой прием, выбивающий ключевого форварда соперника из серии плей-офф, может рассматриваться как стратегическая необходимость. Результат (шанс на завоевание Кубка) оправдывает средство (травму игрока). Зрелищность и выгода. Некоторые виды спорта (например, бокс или MMA) по своей сути являются санкционированным насилием. С утилитарной точки зрения, они приносят огромное удовольствие миллионам зрителей и являются источником дохода для спортсменов, промоутеров и медиа. Общая польза превышает потенциальный вред для здоровья участников.

Аргументы против: непредсказуемость последствий. Грубость на поле может привести не к легкой травме, а к инвалидности или даже смерти спортсмена. Катастрофические последствия, которые невозможно было предугадать, перевешивают любую тактическую выгоду. Долгосрочный вред репутации. Насилие подрывает дух спорта, отталкивает зрителей и спонсоров. В долгосрочной перспективе это приносит больше вреда (финансовые потери, упадок вида спорта), чем сиюминутной пользы.

Насилие в спорте через призму деонтологии. Деонтолог оценит само действие, его моральную сущность и соответствие универсальным правилам. Аргументы против насилия (категорическое неприятие): нарушение правил и долга. Спорт – это, прежде всего, система правил. Намеренное насильственное действие, выходящее за эти рамки, является морально недопустимым, так как игнорирует долг спортсмена соблюдать установленные нормы. Правила – это *categorical imperative* (категорический императив) спорта. Игрок – это цель, а не средство. Использование насилия для выведения из строя другого спортсмена – это яркий пример того, когда человека используют как средство для достижения своей цели (победы), а не уважают как самоцель. Для Канта это недопустимо.[1]

Универсализация. Можно ли сделать правило из поступка: «Все спортсмены должны применять насилие для победы»? Очевидно, что нет. Это привело бы к полному хаосу и уничтожению самого понятия «спортивное состязание». Слабость деонтологического подхода в данном контексте заключается в его ригидности. Он не делает различий между разными уровнями насилия. Жесткий, но в рамках правил, силовой прием в регби и умышленный удар соперника в теннисе с точки зрения строгого деонтолога могут быть одинаково неприемлемы, если второе действие прямо запрещено правилами, хотя ин-

туитивно мы понимаем разную степень их моральной предосудительности.[5]

Важен синтез подходов и поиск баланса. На практике спортивные этические кодексы и судейство пытаются найти баланс между этими подходами. Правила как деонтологическая основа. Сам факт существования четких правил, наказаний за нарушения (удаления, штрафы, дисквалификации) – это проявление деонтологического подхода. Они устанавливают однозначные запреты. Контекст и последствия как утилитарная оценка. При назначении наказания часто учитываются последствия проступка: была ли травма, умысел, повлияло ли действие на исход игры. Это утилитарный взгляд на последствия нарушения.[2]

Заключение

Проблема насилия в спорте не имеет однозначного ответа. Утилитаристский подход опасен тем, что может оправдать любое зло, если оно ведет к «большому благу», стирая границы дозволенного. Деонтологический подход слишком догматичен и не учитывает нюансы спортивной борьбы. Здоровое спортивное сообщество стремится к синтезу: оно устанавливает четкие деонтологические рамки (абсолютные запреты на откровенно жестокие действия), но внутри этих рамок допускает утилитарную оценку жесткой, но соревновательной борьбы. В конечном счете, дух спорта заключается не только в победе любой ценой (утилитаризм), но и в уважении к сопернику, правилам и самому себе (деонтология). Баланс между ними – вот что делает спорт по-настоящему великим и человечным. Исходя из анализа, можно вынести новое понятие как «*Deonutilitas*». Оно объединяет латинские корни *Deon* – долг, обязательство (от греческого *δέον* – долг, обязанность) *Utilitas* – польза, выгода (от латинского *utilitas*). Данное понятие подчеркивает баланс между этическими обязательствами и прагматической полезностью, делая его оригинальным и емким термином для объединения деонтологического и утилитарного подходов в спорте. Можно использовать его для обозначения новой этической концепции, которая рассматривает насилие и другие спорные действия через призму как моральных обязанностей, так и общего блага. И как итог: деонутилитас – это концепция этического подхода, объединяющая моральные обязанности и прагматические выгоды. В контексте спорта она предполагает принятие решений, которые учитывают как этический долг (например, недопустимость насилия), так и полезность или положительные последствия, обеспечивая баланс между моральной правильностью и практической целесообразностью. Это понятие подчеркивает важность соблюдения моральных принципов даже в условиях, когда это может идти вразрез с прагматическими интересами, и наоборот.

Литература

1. Разин Александр Владимирович. Деонтология, утилитаризм, этика добродетелей // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2022. № 3.
2. Самыгин Петр Сергеевич. Спортивная этика и трансформация ценностей олимпийского спорта в контексте воздействия на социализацию современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7.
3. Ягодина В.В. Основы спортивной этики: учебное пособие / В.В. Ягодина; [научный редактор З.В. Сенук]; Министерство образования и науки Российской Фе-

дерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 112 с.

4. Hughson, J. (2018). Sports ethics. In: The Routledge Handbook of Sport and Politics. Routledge, pp. 231–245.
5. Arruda, M. F. (2014). Sport as a moral domain: An analysis of violence. *Journal of Sport and Social Issues*, 38(3), 230–248.
6. Loeffler, T. J., & Cone, J. D. (2009). Fair play: A review of strategies to promote sportsmanship and reduce aggression in youth sports. *Journal of Sport Behavior*, 32(3), 341–359.

VIOLENCE IN SPORTS: AN ETHICAL DILEMMA BETWEEN GOALS AND RULES THROUGH THE LENS OF UTILITARIANISM AND DEONTOLOGY

Korotenko I.A., Kargin N.N.
State University of Education

This paper explores the issue of violence in sports as an ethical dilemma between goals and rules. The analysis is conducted from utilitarian perspectives, which evaluate violence based on its consequences and overall benefit, and deontological perspectives, focused on adhering to moral rules and duties. The main arguments of both theories are highlighted, demonstrating a potential conflict be-

tween the desire to win and the preservation of fair play. The paper emphasizes the need for harmonizing ethical standards to prevent violence and maintain the spirit of sport.

Keywords: violence in sports, ethical dilemma, goals and rules, utilitarianism, deontology, moral values, sports ethics, safety and fairness, value conflict, sports rules.

References

1. Razin, Aleksandr Vladimirovich. Deontology, utilitarianism, and virtual ethics. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2022. No. 3.
2. Samygin, Petr Sergeevich. Sports Ethics and the Transformation of Olympic Sports Values in the Context of Impact on the Socialization of Modern Russian Youth. *Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences*. 2016. No. 6–7.
3. Yagodin, V. V.. *Fundamentals of Sports Ethics: A Textbook*. [Scientific Editor Z.V. Senuk]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. – 112 p.
4. Hughson, J. (2018). Sports Ethics. In: The Routledge Handbook of Sport and Politics. Routledge, pp. 231–245.
5. Arruda, M. F. (2014). Sport as a moral domain: An analysis of violence. *Journal of Sport and Social Issues*, 38(3), 230–248.
6. Loeffler, T. J., & Cone, J. D. (2009). Fair play: A review of strategies to promote sportsmanship and reduce aggression in youth sports. *Journal of Sport Behavior*, 32(3), 341–359.

Развитие инклюзивной компетентности педагога в условиях повышения квалификации

Коротовских Татьяна Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент,
БУ «Сургутский государственный педагогический
университет»

E-mail: s.korotovskih@mail.ru

Боброва Анастасия Алексеевна,

старший преподаватель, БУ «Сургутский государственный
педагогический университет»

E-mail: nastasichi@mail.ru

Ниязова Амина Абтрахмановна,

доктор педагогических наук, доцент, профессор,
БУ «Сургутский государственный педагогический
университет»

E-mail: dekanspf@mail.ru

Развитие инклюзивной компетентности педагогов в условиях повышения квалификации требует системного подхода, включающего обновление содержания программ, использование инновационных методов обучения и создание соответствующей образовательной среды. Это позволит обеспечить готовность педагогов к работе в инклюзивной среде и способствовать успешной интеграции всех учащихся в образовательный процесс. Актуальность и проблема исследования связаны с недостаточным уровнем инклюзивной компетентности педагогов для реализации требований новых образовательных стандартов (ФГОС, ФОП, ФАОП), обусловлена необходимостью практической реализации инклюзивного образования в России. Научная новизна статьи заключается в обосновании модели развития инклюзивной компетентности именно в условиях системы повышения квалификации. Практическая значимость исследования представлена возможностью использовать выводы и рекомендации для реального проектирования и модернизации программ повышения квалификации для педагогов инклюзивного образования.

Ключевые слова: компетенция, инклюзивная компетентность, педагог, повышение квалификации, системный подход, дети с ограниченными возможностями здоровья, особые образовательные потребности.

Введение

Современное инклюзивное образование – это не просто техническое или методическое обновление, это глубокая философская и культурная трансформация всей образовательной системы. Однако, возлагая на педагога эту высокую ответственность, общество и государство обязаны обеспечить его всеми необходимыми ресурсами, поддержкой и условиями для работы. Только тогда инклюзия станет не просто формальным требованием, а реальной практикой, приносящей пользу всем без исключения детям.

Методы и методология исследования

Объект исследования – процесс повышения квалификации педагогов в системе дополнительного профессионального образования. Предмет – методы и подходы к развитию инклюзивной компетентности педагога в рамках этого процесса.

Цель – теоретическое обоснование и описание развития инклюзивной компетентности педагога в условиях повышения квалификации.

Задачи:

1. Изучить и проанализировать современные научные труды по теме подготовки педагогов к инклюзии.
2. Проанализировать и уточнить ключевые понятия («компетенция», «инклюзивная компетентность» и др.).
3. Выявить и продемонстрировать наиболее эффективные методы повышения квалификации для развития данной компетентности.
4. Описать возможности оптимизации системы повышения квалификации.

Методологическая база – комплексный подход, объединяющий:

1. Системный подход (рассмотрение повышения квалификации как целостной системы).
2. Деятельностный подход (ориентация на формирование практических умений).
3. Компетентностный подход (фокус на формировании конкретных компетенций).
4. Личностно-ориентированный подход (учет индивидуальных качеств педагога).
5. Инклюзивный подход (положен в основу содержания).
6. Аксиологический подход (ориентация на ценности инклюзивного образования).

Обсуждение

Компетенция – это набор характеристик (знаний, умений, навыков, моделей поведения, личностных качеств), необходимых для эффективного выполнения конкретной деятельности или решения определенного круга задач.

Компетентность – это интегрированный результат освоения компетенций, проявляющийся в реальной профессиональной деятельности. Это не просто наличие знаний и умений, а способность и готовность применять их на практике для успешного решения профессиональных

задач в нестандартных и изменяющихся условиях. В исследованиях А.В. Хуторского и др. выделены профили компетентности: идеальный, текущий, и запланированный, позволяющие переходить от одного профиля к другому [10]. Представим данные профили на рисунке 1.

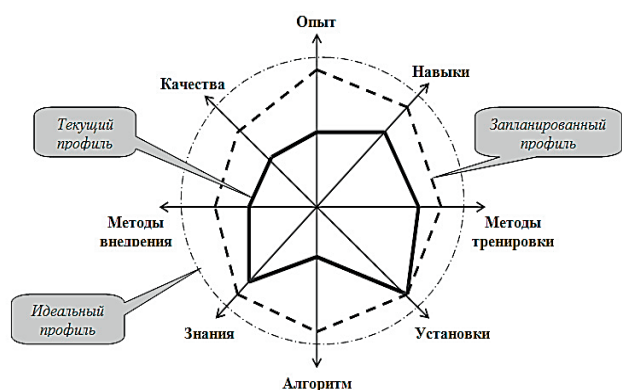

Рис. 1. Профили компетентности

Идеальный профиль компетентности – это эталон, вектор развития. Он формируется на основе профессионального стандарта педагога, ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов), запросов современного общества и работодателей, лучших педагогических практик (например, стандартов «учитель года»), внутренних ценностей и устремлений самого педагога.

Текущий профиль компетентности – это диагностируемая реальность. Уровень владения компетенциями на данный момент. Оценивается через самоанализ и самооценку (через чек-листы, анкеты, дневники), внешнюю оценку (отзывы учащихся, родителей, коллег, администрации), анализ результатов деятельности (качество проектов учеников, их академические достижения, победы в олимпиадах и т.д.), результаты педагогического тестирования.

Запланированный профиль компетентности – это конкретный и измеримый план развития на ближайшую перспективу (например, на учебный год). Он находится между идеальным и текущим профилем и отвечает на вопрос: «Какого уровня я планирую достичь по каждой компетенции к концу периода?».

Таким образом, профессиональная компетентность – качественная характеристика степени овладения специалистом целостной системой профессиональных знаний, умений, навыков и отношений, позволяющей ставить и решать задачи своей профессиональной деятельности. Это интегративное единство специальной компетентности (владение собственно профессиональной деятельностью); социальной компетентности (способность к сотрудничеству, работе в команде, разрешению конфликтов); личностной компетентности (способность к саморазвитию, стрессоустойчивость, рефлексия); методологической компетентности (умение планировать, организовывать свою деятельность) [5].

Инклюзивная компетентность педагога – это интегративное личностное образование, позволяющее осуществлять профессиональные функции в условиях инклюзивного образования, учитывая разнообразные образовательные потребности учащихся, включая тех, кто имеет особенности психофизического развития (ОПФР) или ограниченные возможности здоровья (ОВЗ) [1]. Она включает следующие компоненты:

- Мотивационно-ценностный: отражает готовность педагога работать в условиях инклюзии, включая

мотивы личностного развития, профессиональные и социальные установки [8].

- Когнитивный: знание специфики обучения учащихся, психолого-педагогические основы инклюзивного образования и методики адаптации учебного процесса.
- Деятельностный (операционный): включает практические умения, такие как организационно-управленческие, коммуникативные и поисково-исследовательские навыки, необходимые для работы в инклюзивной среде [4].
- Рефлексивный: способность к самоанализу и корректировке педагогической деятельности в условиях инклюзии.

Это комплексная, динамическая характеристика, которая проявляется в реальной практике создания инклюзивной среды, включает в себя единство профессиональных знаний, практических умений и, что крайне важно, правильных ценностных установок, является стержневым элементом общей профессиональной компетентности современного педагога.

Инклюзивная компетентность – это интегративное личностное качество педагога, представляющее собой готовность и способность создавать условия для эффективного обучения, воспитания и развития всех детей с учетом их разнообразия и особых образовательных потребностей [2].

Ключевая идея современной инклюзии заключается в том, что педагог не работает один. Он является частью команды специалистов психолого-педагогического сопровождения (дефектолог, логопед, психолог, тьютор). Поэтому в структуру его компетентности также входит командная компетентность – умение работать в междисциплинарной команде, выстраивать конструктивное взаимодействие, понимать роль и задачи каждого специалиста.

Результаты

Современное образовательное пространство требует системного подхода к подготовке кадров для инклюзивной деятельности. Качество инклюзивного образования напрямую зависит от готовности педагога работать с разнообразием образовательных потребностей [9].

Представленная модель формирования инклюзивной компетентности включает три ключевых блока:

1. Базовое профессиональное основание:
 - Образование: фундаментальные знания в области педагогики, психологии и предметной области.
 - Педагогический стаж: опыт, который позволяет выработать гибкость, уверенность в классе и умение быстро реагировать на ситуации.
2. Специализированный опыт и знания: опыт обучения лиц с ОВЗ: практическое применение знаний, понимание реальных потребностей и выработка конкретных методических приемов. Это ключевой фактор, который трансформирует теоретическую подготовку в реальную компетентность [3].
3. Непрерывное профессиональное развитие: систематическое повышение квалификации, переподготовка: это механизм, который позволяет адаптироваться к новым исследованиям, методикам и изменениям в законодательстве. Инклюзивная практика быстро развивается, и остановка в обучении означает профессиональное отставание [7].

Можно выделить три основных пути формирования инклюзивной компетентности:

1. В процессе профессиональной подготовки (в вузе):

- Интеграция модулей по инклюзивному образованию в программы всех педагогических специальностей.
- Изучение основ специальной и коррекционной педагогики, психологии детей с ОВЗ.
- Развитие soft skills: коммуникации, эмпатии, командной работы, стрессоустойчивости.
- Практика в инклюзивных и коррекционных образовательных организациях.

2. Через систему обобщения и трансляции опыта (внутри профессионального сообщества):

- Работа в психолого-педагогических консилиумах (ППк) образовательной организации.
- Взаимопосещение уроков и их анализ.
- Проведение семинаров, мастер-классов, педагогических гостиных, где практики делятся успешными кейсами.
- Создание профессиональных сообществ (как офлайн, так и онлайн), где учителя могут получить совет и поддержку.

3. Через курсы повышения квалификации и переподготовки:

- Систематическое (а не разовое) обучение.
- Практико-ориентированный характер курсов: не просто лекции, а разбор реальных случаев, проектная деятельность.
- Освоение современных образовательных технологий и ассистивного оборудования (тех средств, которые помогают детям с ОВЗ в обучении).

Главный вызов сегодня – сделать эту систему непрерывной и целостной. Недостаточно просто пройти курсы раз в три года. Необходимо создать в каждой образовательной организации инклюзивную среду для самих педагогов – среду взаимного обучения, поддержки, где опытный наставник может помочь молодому специалисту, а команда специалистов (дефектолог, логопед, психолог) работает в тесной связке с учителем [6].

Система повышения квалификации в СурГПУ включает ряд курсов, направленных на повышение квалификации и переподготовку практикующих педагогов в области инклюзивного образования, что способствует повышению их профессионализма и конкурентоспособности на рынке труда. Статистика по количеству слушателей курсов в 2024–2025 уч. году представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Контингент курсов повышения квалификации по работе с обучающимися с ООП

Курсы повышения квалификации	Количество слушателей
Альтернативные и дополнительные средства коммуникации при работе с детьми с ОВЗ в условиях реализации инклюзивного образования	13
Образование детей дошкольного возраста с нарушениями в психофизическом развитии	11
Организация деятельности обучающихся с ОВЗ по освоению адаптированных образовательных программ, обеспечивающих коррекцию нарушений развития и социальную адаптацию, в соответствии с ФАОП	20
Организация инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья	49
Особенности технологии социально-бытовой адаптации обучающихся с ОВЗ в рамках реализации адаптированных образовательных программ	4

Курсы повышения квалификации	Количество слушателей
Проектирование адаптированных образовательных программ для детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья	7
Психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья	14
Раннее выявление, обучение и воспитание, социальное и правовое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья	22
Сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования средствами адаптивной физической культуры	3
Специфика деятельности воспитателя по предупреждению и преодолению нарушений речи у детей дошкольного возраста	41
Сурдопедагогика	50
Сурдоперевод	7
Тифлопедагогика	2
ИТОГО:	243
Курсы профессиональной переподготовки	
ПП Логопедия	34
ПП Олигофренопедагогика	14
ПП Сурдоперевод. Базовый курс	9
ПП Сурдопедагогика	6
ИТОГО:	63

Востребованность и результативность предлагаемой модели дополнительного профессионального образования доказывает, что это не просто формальность, а стратегическая необходимость для успешной реализации инклюзивной практики.

Потребности детей ОВЗ кардинально различаются в зависимости от типа нарушенного развития. Метод, эффективный для одного ребенка, может быть недостаточно полезным для другого. Постоянно появляются новые исследования, цифровые инструменты, методики и средства альтернативной коммуникации, что стимулирует педагога к профессиональному саморазвитию. Для современного инклюзивного образования недостаточно знать теорию, необходимо уметь применять эти знания на практике: адаптировать учебный материал, модифицировать задания, организовывать пространство класса и выстраивать коммуникацию в разнородной группе.

Формирование инклюзивной компетентности – это именно та специализированная часть профессионального мастерства педагога, которая позволяет ему эффективно работать в гетерогенной (разнородной) среде. Она включает психолого-педагогические знания (понимание особенностей развития детей с ОВЗ), методический арсенал (владение технологиями разработки и реализации адаптированных образовательных программ, методами адаптации), технологическую грамотность (навыки использования цифровых образовательных сред, специализированного программного обеспечения, коммуникативных устройств), коммуникативные навыки.

Выводы

Многие педагоги не готовы к работе в условиях инклюзии, что требует не только обучения, но и изменения их профессиональных установок. Необходимо развивать положительную направленность педагогов на инклюзивную деятельность через осознание ее социальной значимости и личностной ценности. Программы повышения квалификации должны сочетать теоретическую подготовку с практическими занятиями, включая стажировки в инклюзивных образовательных учреждениях. Только сочетание качественного базового образования, накопления практического опыта и непрерывного профессионального роста может сформировать педагога, готового к эффективной работе в условиях инклюзии.

Суть современного подхода к профессиональному развитию педагога заключается в целенаправленном и непрерывном совершенствовании профессиональных компетенций через самообразование и повышение квалификации, что приводит к трансформации его внутреннего мира, накоплению новых знаний, навыков и личностных качеств, направленных на качественное улучшение педагогической деятельности и достижение новых уровней мастерства.

Литература

1. Бараковских К.Н. Инклюзивная компетентность педагога: исследование со стояния практики профессионально педагогической деятельности // СПО. 2021. № 3(307). С. 22–27.
2. Волосникова Л. М., Игнатжева С.В., Федина Л.В., Брук Ж.Ю. Учитель в инклюзивном классе: взаимосвязь отношения к инклюзии с удовлетворенностью работой // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 60–87
3. Инденбаум Е.Л. Инклюзивная компетентность как перспектива современного педагогического образования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 194–204.
4. Карынбаева О.В. Формирование инклюзивной компетентности у педагогов в системе повышения квалификации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 10 (188). С. 155–160.
5. Королева Ю.А. Инклюзивная компетентность современных педагогов: особенности и факторы, ее определяющие // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–3. С. 142–144.
6. Курносова С. А., Овчинникова С.А., Петрова Ю.В. Маркеры инклюзивной компетентности субъектов образовательного процесса // Гуманитарные науки. 2018. № 2 (42). С. 85–89.
7. Максимова Н.А. Организация воспитательной работы педагогов с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Проблемы и направления воспитательной работы в образовательных организациях: материалы Международной научно практической конференции (г. Кемерово, 23 апреля 2020 г.): в 2 ч. Ч. 1. Кемерово: ГБУ ДПО «КРИПО», 2020. С. 54–56.
8. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии / Москва: Народное образование, 1998. 256 с.
9. Пивторак А.Н. Инклюзивная компетентность как неотъемлемый компонент профессионального становления педагога // Вестник Московского государ-

ственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (106). С. 112–120.

10. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов. 2002. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения: 21.09.2025)/

DEVELOPING INCLUSIVE COMPETENCE IN TEACHER PROFESSIONAL TRAINING

Korotovskikh T.V., Bobrova A.A., Niyazova A.A.

Surgut State Pedagogical University

Developing inclusive competence in teachers during professional development requires a systematic approach, including updating program content, using innovative teaching methods, and creating an appropriate educational environment. This will ensure teachers are prepared to work in an inclusive environment and facilitate the successful integration of all students into the educational process. The relevance and problem of this study relate to the insufficient level of inclusive competence among teachers to meet the requirements of new educational standards (FSSES, FOP, FAOP), and is driven by the need for the practical implementation of inclusive education in Russia. The scientific novelty of this article lies in the substantiation of a model for developing inclusive competence specifically within the context of the professional development system. The practical significance of this study lies in the possibility of using the findings and recommendations for the actual design and modernization of professional development programs for inclusive education teachers.

Keywords: competence, inclusive competence, teacher, advanced training, systems approach, children with disabilities, special educational needs.

References

1. Barakovskikh K.N. Inclusive Competence of a Teacher: A Study of the State of Practice of Professional Pedagogical Activity // SPO. 2021. No. 3 (307). Pp. 22–27.
2. Volosnikova L. M., Ignatzeva S.V., Fedina L.V., Brook Zh.Yu. Teacher in an Inclusive Class: The Relationship between Attitudes Toward Inclusion and Job Satisfaction // Voprosy obrazovaniya. 2022. No. 2. Pp. 60–87
3. Indenbaum E.L. Inclusive Competence as a Prospect for Modern Pedagogical Education // Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 452. Pp. 194–204.
4. Karynbaeva, O. V. "Developing Inclusive Competence in Teachers in the System of Advanced Training" // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2020, no. 10 (188), pp. 155–160.
5. Koroleva, Yu. A. "Inclusive Competence of Modern Teachers: Features and Factors Determining It" // Problems of Modern Pedagogical Education. 2023, no. 79–3, pp. 142–144.
6. Kurnosova, S. A., Ovchinnikova, S. A., Petrova, Yu. V. "Markers of Inclusive Competence of Subjects of the Educational Process" // Humanitarian Sciences. 2018, no. 2 (42), pp. 85–89.
7. Maksimova N.A. Organization of vocational work of teachers with students with disabilities // Vocational education and employment of youth: 21st century. Problems and directions of educational work in educational organizations: Proceedings of the International scientific-practical conference (Kemerovo, April 23, 2020): in 2 parts. Part 1. Kemerovo: State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Kirirpo", 2020. Pp. 54–56.
8. Selevko G.K. Modern educational technologies / Moscow: Narodnoe obrazovanie, 1998. 256 p.
9. Pivtorak A.N. Inclusive competence as an integral component of the professional development of a teacher // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2022. No. 2 (106). P. 112–120.
10. Khutorskoy A.V. Definition of general subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the design of educational standards. 2002. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (date of access: 09/21/2025)/

Интеграция культуры в практику преподавания английского языка студентам неязыковых специальностей: взгляд на проблему

Леткина Наталия Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
E-mail: letkinanv@mail.ru

Грузнова Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
E-mail: ira.gruznova@yandex.ru

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Дусина Наталья Викторовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и методик обучения, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева
E-mail: dnv179@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы эффективности интеграции культурного компонента в процесс обучения английскому языку студентов неязыковых специальностей в вузе. Проведен теоретический анализ взаимосвязи языка и культуры, а также проведено экспериментальное обучение с применением межкультурного подхода. Выявлено, что комплексный подход, объединяющий языковые и культурные компоненты, значительно повышает качество обучения. Проведенное исследование подтверждает, что изучение языка без учёта культурного контекста ограничивает развитие межкультурной коммуникации. Результаты исследования могут быть применены при разработке учебных программ для студентов неязыковых специальностей, что будет способствовать повышению качества подготовки специалистов в условиях глобализации.

Ключевые слова: культура, интеграция, английский язык, неязыковой вуз, межкультурное обучение, коммуникация, языковая подготовка.

В современном глобализованном мире владение иностранным языком, прежде всего английским, становится неотъемлемым навыком для профессионального роста. Особенно это важно для студентов инженерных и технических направлений, чья профессиональная деятельность часто предполагает взаимодействие с международными партнерами, чтение специализированной литературы на английском языке и участие в международных конференциях. В этом контексте преподавание английского языка должно учитывать не только языковые аспекты, но и социокультурные факторы, которые влияют на успешность межкультурной коммуникации.

Общепризнано, что, овладевая иностранным языком ученик обязательно знакомится с культурой страны изучаемого языка. Отчасти это объясняется тем, что человек интуитивно понимает, что культурная идентичность нации тесно связана с языком, и что знание одного из них подразумевает знакомство с другим. На практическом уровне это также объясняется тем, что педагогические цели, касающиеся культурного содержания, обычно можно найти в учебных программах большинства курсов иностранного языка. Однако на практике мы сталкиваемся с тем, что при разработке рабочих программ по изучению английского языка студентами неязыковых специальностей в вузе, цели, касающиеся культурного содержания, редко конкретизируются.

Можно предположить, что, во-первых, данная ситуация связана с необходимостью обучения, которое направлено на достижение конечной цели – студенты должны достигнуть достаточного уровня коммуникативной компетенции, которая будет необходима для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой и профессиональной деятельности [2]. Во-вторых, количество часов, отведенных учебным планом на иностранный язык, с каждым годом сокращается, и на изучение иноязычной культуры остается мизерное количество времени.

В последние десятилетия проводится большое количество исследований по проблемам интеграции культурных компонентов в процесс преподавания иностранного языка. Среди отечественных исследований них можно выделить следующие направления: социокультурное (В.В. Сафонова, Н.Г. Соколова, П.В. Сысоев), межкультурное (С.Г. Тер-Минасова, В.П. Фурманова, Г.В. Елизарова) и лингвострановедческое (Е.М. Верецагин, В.В. Воробьев, В.Г. Костомаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Ю.Е. Прохоров, Г.Д. Томахин).

Среди работ зарубежных исследователей по проблемам преподавания английского языка как иностранного обсуждаются две контрастные точки зрения на взаимосвязь языка и культуры. Первая точка зрения гласит, что язык и культура неразрывно связаны [3, 5, 6]. В частности, Кристенсен и Фрик указывают, что изучение языка в отрыве от культуры его носителей существенно ограничивает возможность использования языка в реальных коммуникативных ситуациях [6].

Так, испанский ученый Н.К. Кортес подробно описывает проблемы, с которыми сталкиваются обучающиеся, когда они не практикуют культурные аспекты в классе. Если ученики не знают, как выразить что-либо на изу-

чаемом языке то они прибегают к своему родному языку. Происходит лингвистический перенос. И аналогичная ситуация происходит с изучением культуры. Учащиеся обнаруживают многочисленные культурные различия и не знают, как их преодолеть. Как следствие – учащиеся не смогут выучить язык должным образом, и не смогут понимать социальных и философских норм этого языка [4]. Лингвисты сходятся во мнении, что язык и культура не могут быть изучаться и преподаваться независимо друг от друга.

Вторая точка зрения заключается в том, что язык следует изучать независимо, исходя из культурного контекста. Важно отметить тот факт, что английский язык является одним из самых изучаемых языков в мире. Благодаря этому он и получил статус *lingua franca*. Профессор Л.Е. Смит, подчеркивает международный статус английского языка и перечисляет ряд причин, по которым культура не нужна при преподавании английского языка. Приведем лишь несколько из них: «носителям языка нет необходимости усваивать культурные нормы носителей изучаемого языка; международный язык становится денационализированным» [Smith 1976].

В статье профессора лингвистики Дж. Алптекина, которая посвящена вопросам межкультурной коммуникативной компетентности, констатируется, что «поскольку английский язык используется большей частью населения мира по таким важным причинам, как профессиональные контакты, академические исследования и коммерческие занятия, условности британской вежливости или американской неформальности оказываются неуместными» [Alptekin 2002].

Венгерский ученый С. Сарди в 2002 году провела опрос среди учащихся венгерского языка об отношении к культурному содержанию их курсов по английскому языку как иностранному. Анкету заполнили пятьдесят студентов университетского колледжа Кодолани Яноша в Венгрии. Результаты показали, что 55% студентов были удовлетворены вниманием, уделяемым контекстам английского языка, и более 60% также были довольны вниманием, уделяемым ознакомлению с прагматическими аспектами языка, которыми студенты были удовлетворены больше всего [7]. Эти результаты показывают, что студенты тесно связывают английский со своим родным языком и не считают, что курсы по английскому языку как иностранному должны быть полностью сосредоточены на изучении культуры.

Преподаватели кафедры английского языка для профессиональной коммуникации в НИ МГУ им. Н.П. Огарёва провели исследование целью которого было проверить существующие точки зрения на взаимосвязь языка и культуры. В исследовании приняли участие студенты первого и второго курсов дневного отделения инженерных и технических направлений подготовки, изучающие английский язык по дисциплине «Иностранный язык». Всего в эксперименте приняли участие 120 человек. Студентов разделили на 2 группы: контрольная группа (60 студентов) и экспериментальная группа (60 студентов). Контрольная группа занималась по традиционной методике, включающей изучение грамматических и лексических аспектов языка без значительной интеграции культурного контекста. В экспериментальной же группе акцент был сделан на межкультурное обучение с использованием аутентичных материалов (видеоматериалы, статьи, интервью) и ситуационных задач, направленных на развитие культурной компетенции.

Результаты исследования выявили, что студенты в опытной группе показали более высокие результаты в овладении английским языком и межкультурной компетенцией в сравнении с контрольной группой. Оценки

тестов на знание языка и культурных особенностей носителей языка у опытной группы были в среднем на 16% выше, чем у студентов в контрольной группе. Кроме того, студенты экспериментальной группы показали лучшее понимание контекста при выполнении коммуникативных заданий и выше оценили свою уверенность в использовании английского языка в межкультурной среде.

В результате проведенного исследования становится очевидным неразрывная связь между языком и культурой. Эти два феномена представляют собой единое целое, где язык выступает неотъемлемой частью культурной системы. Процесс языкового образования неизбежно включает в себя культурную составляющую, поскольку невозможно освоить язык, не погружаясь в культурный контекст его носителей.

Изучение культурных особенностей позволяет обучающимся получить более глубокое понимание языка через призму традиций, обычаев, мировоззрения и системы ценностей представителей англоязычного сообщества. Это, в свою очередь, способствует формированию более полного и осмысленного представления о языке как таковом.

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что для студентов технических специальностей интеграция культурологического компонента в процесс изучения английского языка является ключевым фактором успешного освоения языка. Преподаватели, включающие элементы культурного просвещения в свои занятия, создают более эффективную образовательную среду, которая способствует комплексному развитию языковых навыков и межкультурной компетенции учащихся.

Литература

1. Alptekin C. Towards intercultural communicative competence in ELT. *ELT Journal*. Volume 56, Issue 1. January 2002. pp.57–64. URL: <https://academic.oup.com/eltj/article-abstract/56/1/57/414608> (дата обращения: 14.06.2025)
2. Borisova E. N., Letkina N.V. English for professional communication: a project-based approach to teaching university students (a case study of music students) // *Integration of Education*. 2019. Т. 23. № 4(97). pp. 607–627.
3. Byram M. and Grundy P. Context and culture in language teaching and learning. *Language Culture and Curriculum*. November 2002. 15(3). pp.193–195. URL: https://www.researchgate.net/publication/270836816_Context_and_Culture_in_Language_Teaching_and_Learning (дата обращения: 21.06.2025).
4. Cortés N.C. Language meeting culture in the foreign language classroom: A comparative study. *Interlingüística*, 2007. № 17. pp. 230–237. URL: https://www.researchgate.net/publication/28165692_Language_meeting_culture_in_the_foreign_language_classroom_a_contrastive_study (дата обращения: 08.07.2025).
5. Gao F. Language is culture – on intercultural communication. *Journal of Language and Linguistics*. 2006. 5(1). pp. 58–67. URL: https://www.researchgate.net/publication/266095412_Language_Is_Culture_On_Intercultural_Communication (дата обращения: 10.08.2025).
6. Morten H. Christiansen and Nick Chater. *Creating language: Integrating evolution, acquisition, and processing*. Cambridge, MA: MIT Press. 2016. 330 p.
7. Sárdi C. On the relationship between culture and ELT. *Studies about Languages*. 2002. № 3. pp. 101–107. URL: https://www.academia.edu/68151196/On_the_Relationship_between_Culture_and_ELT (дата обращения: 14.08.2025).

8. Smith L.E. English as an international auxiliary language. *RELC Journal*. Volume 7, Number 2. 1976., pp.38–43. <https://doi.org/10.1177/00336882760070020>

INTEGRATION OF CULTURE INTO THE PRACTICE OF TEACHING ENGLISH TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES: VIEW ON THE PROBLEM

Letkina N.V., Gruznova I.V., Sokolova A.G., Dusina N.V.

National Research Mordovian N.P. Ogarev State University of Saransk,
National Research Moscow State University of Civil Engineering,
Mordovian M.E. Evseev State Pedagogical University of Saransk

The article discusses the effectiveness of cultural component integration into the process of teaching English to students of non-linguistic specialties at the university. A theoretical analysis of the relationship between language and culture has been carried out, as well as experimental training using an intercultural approach. It has been discovered that an integrated approach combining linguistic and cultural components significantly improves the quality of language education. The conducted research confirms that learning a language without taking into account the cultural context limits the development of intercultural communication. The research results can be applied in the development of curricula for students of non-linguistic specialties, which will contribute to improving the quality of specialist training in the context of globalization.

Keywords: culture, integration, English, non-linguistic university, intercultural learning, communication, language training.

References

1. Alptekin C. Towards intercultural communicative competence in ELT. *ELT Journal*. Volume 56, Issue 1. January

2002. pp.57–64. URL: <https://academic.oup.com/eltj/article-abstract/56/1/57/414608> (date of access: 14.06.2025)
2. Borisova E. N., Letkina N.V. English for professional communication: a project-based approach to teaching university students (a case study of music students) // *Integration of Education*. 2019. T. 23. № 4(97). pp. 607–627.
3. Byram M. and Grundy P. Context and culture in language teaching and learning. *Language Culture and Curriculum*. November 2002. 15(3). pp.193–195. URL: https://www.researchgate.net/publication/270836816_Context_and_Culture_in_Language_Teaching_and_Learning (date of access: 21.06.2025).
4. Cortés N.C. Language meeting culture in the foreign language classroom: A comparative study. *Interlingüística*, 2007. № 17. pp. 230–237. URL: https://www.researchgate.net/publication/28165692_Language_meeting_culture_in_the_foreign_language_classroom_a_contrastive_study (date of access: 08.07.2025).
5. Gao F. Language is culture – on intercultural communication. *Journal of Language and Linguistics*. 2006. 5(1). pp. 58–67. URL: https://www.researchgate.net/publication/266095412_Language_Is_Culture_On_Intercultural_Communication (date of access: 10.08.2025).
6. Morten H. Christiansen and Nick Chater. *Creating language: Integrating evolution, acquisition, and processing*. Cambridge, MA: MIT Press. 2016. 330 p.
7. Sárdi C. On the relationship between culture and ELT. *Studies about Languages*. 2002. № 3. pp. 101–107. URL: https://www.academia.edu/68151196/On_the_Relationship_between_Culture_and_ELT (date of access: 14.08.2025).
8. Smith L.E. English as an international auxiliary language. *RELC Journal*. Volume 7, Number 2. 1976., pp.38–43. <https://doi.org/10.1177/00336882760070020>

Ли Жуньчао,

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Статья посвящена часто игнорируемому образному миру фортепианных этюдов Ференца Листа, стремясь осветить богатый спектр романтических символов и реминисценций, вплетенных в его музыкальные композиции. Исследование мотивировано пробелом в академическом дискурсе, особенно в отечественной и китайской науке, где акцент традиционно делался на технических аспектах творчества Ф. Листа. Несмотря на культовый статус композитора, творчество которого ознаменовало эпоху романтизма, образные аспекты его композиций остались недостаточно изученными. Данное исследование призвано устранить этот пробел, привлекая внимание к символическим и выразительным аспектам фортепианных этюдов Листа и способствуя более полному пониманию его творческого наследия. Исследование использует качественный подход, углубляясь в анализ фортепианных этюдов Листа с образной точки зрения. Опираясь на музыковедческие методы, символистский анализ и историческую контекстуализацию, исследование направлено на раскрытие слоев смысла, заложенных в сочинениях Листа. Результаты исследования позволяют увидеть образные элементы в фортепианных этюдах Ференца Листа, раскрывая богатый мир романтической символики. Благодаря тщательному анализу избранных композиций в исследовании раскрываются выразительные нюансы и художественные замыслы, выходящие за рамки простой технической виртуозности. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию творческого гения Листа и сложного взаимодействия между музыкальной формой и выразительным содержанием его произведений.

Ключевые слова: Ференц Лист, этюды для фортепиано, романтические символы, образный анализ, музыкальный символизм, художественное наследие, технические новшества.

Введение

Эпоха романтизма, длившаяся с конца XVIII по середину XIX века, характеризовалась глубоким сдвигом в художественном самовыражении. В области музыки романтический период стал этапом отхода от структурированного классицизма предыдущих эпох, что позволило композиторам добиться большей эмоциональной глубины в своих произведениях. Романтизм использовал множество ярких образов, часто черпая вдохновение в природе, фольклоре, мифологии и сильных эмоциональных переживаниях. Возвышенная красота пейзажей, таинственная магия ночи, страстное выражение любви и отчаяния стали постоянными темами. Композиторы стремились перенести слушателей в фантастические царства с помощью своей музыки, используя богатые оркестровки и новаторские гармонические структуры для создания звуковых ландшафтов, обладающих эмоциональной и образной силой.

Творчество Ференца Листа, можно считать квинт-эссенцией эпохи романтизма, впитало экспрессивную интенсивности и образное повествование. Его сочинения, в том числе фортепианные этюды, пронизаны романтическими образами, отражающими его увлечение литературой, искусством и сверхъестественным. Способность Ф. Листа переводить эмоциональные и визуальные элементы на музыкальный язык позволила ему создать произведения, которые выходят за рамки технической виртуозности, способные погружать слушателей в царство фантастического и возвышенного. При этом

Лист родился в Рединге (Венгрия), начал учиться игре на фортепиано в шесть лет и стал учеником многих известных мастеров игры на фортепиано. В возрасте шестнадцати лет навыки игры на фортепиано Листа были уже очень совершенными и изысканными, поэтому блестящая и искусная техника является основной чертой его фортепианной музыки. Лист был страстным поклонником искусства.

Ференц Лист, аналогично Фредерику Шопену, уделял высокое внимание жанру этюда. Согласно Ф. Листу, виртуозность, как техническая мастерство исполнителя, несет существенное значение для успешной реализации музыкального произведения. Он признавал, что виртуозность способна придать музыкальному сочинению блеск, свежесть и вдохновение, но в то же время может исказить его и негативно повлиять на художественное содержание.

Еще в своей молодости Ф. Лист задумал создать цикл из 48 этюдов, охватывающих все мажорные и минорные тональности, из которых были написаны и опубликованы первые двенадцать этюдов в 1826 году. Тогда Ф. Листу было всего 14 лет. Исходно они представляли собой технические упражнения, напоминающие этюды его учителя К. Черни, некоторые исследователи считают, что это был своего рода оммаж старшему наставнику¹. Впоследствии, через двенадцать лет, Лист

¹Стейт Наталия Гариевна. Семантический Анализ Музыкально-Художественного Содержания «трансцендентных Этюдов» Ф. Листа (На Материале Этюдов As-Dur И F-Moll) // Манускрипт. 2021. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiy-analiz-muzykalno-hudozhestvennogo-soderzhaniya-transtsendentnyh-etyudov-f-lista-na-materiale-etyudov-as-dur-i-f-moll> (дата обращения: 01.02.2024).

вернулся к этой концепции и в 1838 году преобразовал упражнения в цикл «Большие этюды». Однако даже эта версия не удовлетворила его стандартам, и в 1851 году была создана третья редакция – «Этюды высшего исполнительского мастерства» (или «Трансцендентные этюды»), включающая десять произведений с программными названиями.

Этюды Листа представляют собой разнообразие технических методов и содержательных элементов. По классификации Листа, они охватывают четыре вида фортепианной техники: октавы и аккорды, тремоло, двойные ноты, гаммы и арпеджио. Кроме того, они сочетают в себе пейзажные образы с фантастическими сценами, а также лирические настроения с героическими эпизодами. Таким образом, Лист не только трансформировал технические этюды в произведения исключительной сложности, но и обогатил их музыкальностью и художественным содержанием, придавая этим произведениям выдающееся место в истории фортепианной музыки.

Методы

Для проведения анализа образного мира фортепианных этюдов Ф. Листа, предполагается использование систематического подхода, включающего в себя классификацию образов по видам. В первую очередь, были выделены основные тематические направления и художественные концепции, присутствующие в этих произведениях. Затем была проведена классификация образов по следующим категориям: пейзажные, фантастические, лирические и героические. Для каждого вида образа проведен детальный анализ, выявлены характерные элементы музыкальной структуры, гармонические и мелодические особенности, а также связанные с ними эмоциональные и эстетические коннотации. Этот подход позволил систематизировать образный мир фортепианных этюдов Листа, предоставив комплексное понимание их художественного содержания.

Результаты

Этюды Ф. Листа содержат множество игровых приемов и к тому же очень музыкальны. Лист обновил этюды, сломал классическую традицию, соединил навыки игры на фортепиано с мыслями и чувствами и придал музыке более глубокий смысл. Сам термин «трансцендентный», выведенный в третьей версии заглавия фортепианных этюдов, относится к концепции, связанной с превосходством над обыденным, сверхъестественным или превосходящим ожидания. В контексте Ференца Листа и его «Трансцендентных этюдов», термин «трансцендентный» означает стремление к превосходству и преодолению традиционных границ в искусстве, в данном случае, в пианистической музыке.

Лист, работая над этим проектом, вероятно, подчеркивал не только техническую сложность произведений, но и стремление к преодолению традиционных границ жанра этюда. Он предоставил этим композициям программные названия (за исключением двух этюдов № 2 и № 10), добавив эстетические и художественные аспекты к техническому виртуозному исполнению.

Перед началом всего цикла произведений Ф. Лист написал: «Посвящается Карлу Черни как выражение благодарности и дружбы ученика к своему учителю». Черни был известен как композитор без произведений, его композиторская сфера в основном была сосредоточена на этюдах, которые сочинялись не ради искусства, а ради виртуозности и мастерства. В отличие от виртуозных упражнений Черни, в которых на первом месте

стоит тренировка, а на втором – звук, этюды Листа обладают не только высочайшей технической сложностью, но и богатым литературным колоритом и художественной красотой.

Первая из этих двенадцати пьес коротка и лаконична и называется «Прелюдия». Пьеса открывается четким изложением двух основных элементов, из которых состоит произведение: ломаных аккордов и хроматической прогрессии. Мелодии Листа, как правило, строятся на коротких, как бы простых, основных паттернах или мотивах, из которых последовательно развивается вся мелодия. Это можно считать явной отсылкой к симфонической концепции. И действительно, третья версия этюдов была завершена в Веймарский период, когда Лист занял место дирижера Веймарского придворного театра и занялся сочинением симфонической музыки.

До романтизма не было периода, который бы так сильно связывал музыку с родственными видами искусства – литературой, театром, живописью и скульптурой. С этого периода композиторы стали с большим удовольствием подбирать подходящие названия для своих произведений, подобно тому, как родители выбирают имя для ребенка. Что такое название? Это сжатое изложение содержания? Является ли оно выражением эмоций?

Сам Лист описывает это так: «Музыкант, танцующий с природой, раскрывает самые тонкие тайны природы в звуке, но никогда не впадает в подражательство. Он думает, чувствует и говорит через природу, но поскольку его язык более произволен, то композитор, если он пишет несколько слов к произведению, излагая его основные черты, избавляет свое произведение в будущем от ошибочных толкований, произвольных интерпретаций, неточных объяснений, бессмысленных споров о намерениях композитора, которых никогда не было, и необоснованных комментариев»¹.

Этюды «Пейзаж» и «Снегопад» – описательные произведения, в которых звук используется не так непосредственно, как во «Временах года» Вивальди. Звучание не имитирует природу напрямую, чтобы выразить физическое содержание, а представляет слушателям скорее движущуюся картину, открытую для воображения. В этих произведениях есть некая свобода в рамках определенного пространства и времени. Третий этюд в цикле имеет название «Пейзаж», что может указывать на стремление Ф. Листа воплотить звучание и образы природы в музыке. Хотя это название не является прямым указанием на конкретный природный элемент, оно отражает общую идею передачи в музыке красоты и спокойствия пейзажей. Это произведение подчеркивает не только виртуозные навыки Листа в области композиции, но и его стремление использовать музыку для того, чтобы вызывать образы и эмоции, схожие с впечатлениями, которые приносит природа – умиротворения, спокойствия, гармонии. Четвертый этюд из цикла называется «Mazepa». Этот этюд вдохновлен одноименной поэмой Виктора Гюго, рассказывающей о жизни и приключениях украинского полководца Ивана Мазепы, гетмана запорожского войска. Лист был известен своим вдохновением литературой и часто использовал литературные сюжеты в своих музыкальных произведениях. Тема этюда представляет собой сочетание мелодии сопрано и басовых аккордов. Она играется в двух концах фортепиано, с использованием мелодии сопрано и басовых аккордов, а затем быстро возвращается в сред-

¹ Paul-Henri Lang, Music in Western Civilization, W.W. Norton, 1997. P. 769–770.

ний регистр. Таким образом, клавиатура превращается в шахматную доску в руках исполнителя.

Образы, которые возникают в этом этюде, связаны с героическим и страдальческим персонажем Мазепы. Лист использует музыкальные средства, чтобы передать драматизм и эмоциональные перипетии этой истории. Здесь можно услышать звуки борьбы, страсти, и даже моменты победы и поражения. Параллельный пассаж в октаву, который звучит в начале этюда, с постепенным ускорением, словно предваряет сложную историю и судьбу лирического героя, постепенно увеличивает накал и драматизм произведения. Пятый этюд из цикла «Трансцендентные этюды» Ференца Листа называется «Feux Follets» – «Блуждающие огни». Этот этюд характеризуется не только высокой технической сложностью, но и ярко выраженными музыкальными образами.

Образы, которые возникают в «Feux Follets», связаны с идеей светящихся огоньков, мерцающих в ночи. Лист использует быстрые и легкие фигуры, чтобы создать впечатление блеска, мерцания и движения летающих огоньков. Технические приемы включают в себя быстрые октавы, трели, арпеджио и другие элементы, которые требуют высокого уровня виртуозности от исполнителя. Особенностью этого этюда является его капризность и подвижность, что соответствует образам летучих огоньков, которые могут неожиданно появляться, мерцать и исчезать. Музыкальные фразы летают вверх и вниз, создавая ощущение игривости и непредсказуемости, а яркая виртуозность Листа подчеркивает эффект летающих огоньков, которые как будто танцуют в воображаемой ночной темноте. «Feux Follets» представляет собой великолепный пример того, как Лист не только виртуозно использует технические приемы, но также трансформирует их в музыкальные образы, создавая впечатляющую и живую картину светящихся огоньков в музыкальной форме.

Шестой этюд «Видение» создает впечатление возвышенности и таинственности. Этот этюд часто интерпретируется как попытка выразить в музыке какое-то великолепное видение или мистический опыт. Комбинация технической виртуозности и глубоких эмоциональных оттенков делает этот этюд уникальным в контексте фортепианного цикла.

Образы, которые возникают в седьмом этюде «Героика», связаны с идеей героизма и героических подвигов. Лист использует широкие аккорды, чтобы создать образ могущества и величия. Этот этюд может быть воспринят как музыкальное олицетворение героического духа. Технические приемы включают в себя резкие переходы между динамикой, быстрые и сложные фигуры в обеих руках. Лист использует всю клавишу, чтобы создать богатый и полный звук, что требует от пианиста выдающегося технического мастерства. Этот этюд является вызовом для пианиста, не только в техническом плане, но и в передаче эмоциональной интенсивности. Вступление к этому этюду построено на диссонирующих септаккордах и широко использует апподжиатуры в ритме, что-

бы усилить нестабильность звучания музыки. Использование композитором нестабильных аккордов, таких как седьмые и девятые, расширяет гармонические возможности, а использование динамических ритмов, таких как пунктирный и двойной пунктирный усиливают это ощущение от прослушивания.

Восьмой этюд называется «Wilde Jagd» или «Дикая Охота». Этот этюд воплощает в себе образы бурной, неистовой охоты, динамично и энергично передавая ощущение бегства и напряженности. Образы, которые возникают при прослушивании связаны с яркими и драматичными сценами охоты. Ф. Лист использует быстрые, резкие и повторяющиеся фигуры, чтобы создать звуковой образ неистовой охоты. Этот этюд наполнен динамикой, представляя сцену, в которой дикие охотники мчатся сквозь леса и равнины в погоне за добычей.

Девятый этюд характеризуется мелодичностью и патетичностью, часто ассоциируемые с идеей воспоминаний и эмоциональных переживаний. Образы, которые возникают в «Ricordanza», связаны с идеей ностальгии и воспоминаний. Лист использует богатые мелодии, легкие арпеджио, и плавные переходы, чтобы создать образы музыкальных воспоминаний. Этот этюд наполнен эмоциональной глубиной и стремится вызвать у слушателя чувство внутреннего волнения. Десятый этюд из цикла Ференца Листа называется «Appassionata» – при этом композитор не давал этому произведению названия. Этот этюд характеризуется страстью и интенсивностью, придающими произведению драматичный характер. Образы, которые возникают в «Appassionata», связаны с идеей страстного влечения и выраженной эмоциональной глубины.

Одиннадцатый этюд «Вечерние гармонии» характеризуется богатством мелодий. Образы, которые возникают в этюде связаны с идеей перехода от дня к ночи. Лист использует широкие и гармоничные линии, чтобы передать красоту и таинственность вечера. Этот этюд наполнен величием и пышностью звучания, что вызывает ассоциации с магией заката. Технические приемы включают в себя сложные гармонии, широкие арпеджио и мастерское использование регистров инструмента. Лист стремится к созданию звукового пейзажа, который не только требует высокого уровня мастерства, но и предоставляет исполнителю возможность выразить глубокие эмоциональные оттенки. Двенадцатый этюд из цикла «Метель». Этот этюд создает образ сильной снежной бури, воплощая в музыке вихрь и мощь природного явления.

Образы, которые возникают при прослушивании – это буря, белое полотно, идущее на тебя и сносящее все на своем пути. Лист использует быстрые и мощные фигуры, напоминающие вихри ветра и снежные заносы, чтобы передать образ снежной бури. Этот этюд наполнен динамикой и виртуозностью, воспроизводя ощущение природной стихии. Технические приемы включают в себя быстрые октавы, каскады аккордов, мелодические линии, создающие впечатление метели и вьюги (табл. 1).

Таблица 1. Классификация фортепианных этюдов по категориям

Лирические	Этюд № 9 «Воспоминание» («Ricordanza») – As-dur				
Героические	Этюд № 4 «Мазепа» («Mazeppa») – d-moll	Этюд № 7 «Героика» («Eroica») – Es-dur	Этюд № 1 «Прелюдия» («Prelude») – C-dur	Этюд № 8 «Дикая охота» («Wilde Jagd») – C-moll	Этюд № 10 без названия – F-moll

Лириче-ские	Этюд № 9 «Воспоминание» («Ricordanza») – As-dur				
Пейзаж-ные	Этюд № 3 «Пейзаж» («Paysage») – F-dur	Этюд № 11 «Вечерние гармонии» («Harmonies du Soir») – Des-dur	Этюд № 12 «Метель» («Chasse-neige») – b-moll		
Фантасти-ческие	Этюд № 5 «Блуждающие огни» («Feux Follets») – B-dur;	Этюд № 6 «Видение» («Vision») – G-moll	Этюд № 2 без названия – A-moll (Fusées)		

Заключение

Анализируя образный мир фортепианных этюдов Листа, можно прийти к выводу о глубоком художественном совершенстве этих произведений. Ференц Лист, воплотив свои идеи в цикле «Трансцендентные этюды», создал музыкальные полотна, насыщенные разнообразными образами и эмоциями. Героические этюды, такие как «Mazeppa» и «Eroica», привносят энергию и страсть, фантастические, например «Feux follets», открывают врата в виртуозный и волшебный мир, лирические этюды, вроде «Vision» и «Ricordanza», предоставляют возможность насладиться красотой мелодии, а пейзажные, вроде «Paysage» и «Harmonies du Soir», погружают в атмосферу природных явлений.

Лист использует техническую сложность не только как средство виртуозности, но и как способ выразить эмоциональные и художественные идеи. В каждом этюде он создаёт уникальный образ, будь то мощная буря в «Chasse-Neige» или величественные гармонии заката в «Harmonies du Soir». Эти произведения представляют собой не только испытание для пианиста, но и погружение в разнообразный и многогранный мир музыкальных образов.

Литература

- Егорова М.А. Историческая парадигма: Ф. Лист – от Трансцендентных этюдов к Сонате h-moll // Вопросы музыкознания: Теория. История. Методика. Вып. 5. М. 2012. С. 40–44.
- Зандберг Д. Особенности фактуры в «Этюдах высшего исполнительского мастерства» Ф. Листа // Ференц Лист. По прочтению гения: сб. ст. / сост. и науч. ред. Г.П. Овсянкина, Р.М. Черная. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 137–149.
- Румянцева Т.Г. Трансцендентное и трансцендентальное // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Скаун, 1999. 896 с.
- Губарева Л. Н., Смирнова Н.А. К вопросу эволюции жанра концертного этюда в творчестве Ф. Листа // Фортепианное наследие композиторов венской школы: история, педагогика, интерпретация. Сб. мат-лов III Международ. науч.-практ. конф. Белгород, 2020. С. 79–84.
- Мильштейн Я. Ференц Лист. М.: Музыка, 1999. 686 с.
- Мильштейн Я. Этюды Ф. Листа. М., 1961.
- Стейт Н.Г. «Трансцендентные этюды» Ференца Листа в аспекте эволюции исполнительского искусства XX века // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2021. № 4 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transtsendentnye-etyudy-ferentsa-lista-v-aspekte-evolyutsii-ispolnitelskogo-iskusstva-xx-veka> (дата обращения: 01.02.2024).

THE FIGURATIVE WORLD OF F. LISZT'S PIANO ETUDES

Li Runchao

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

This article focuses on the often neglected figurative world of Franz Liszt's piano etudes, seeking to illuminate the rich range of Romantic symbols and reminiscences woven into his musical compositions. The study is motivated by a gap in academic discourse, especially in domestic and Chinese scholarship, which has traditionally emphasized the technical aspects of Liszt's work. Despite the iconic status of the composer, whose work marked the Romantic era, the figurative aspects of his compositions have remained understudied. This study aims to address this gap by drawing attention to the symbolic and expressive aspects of Liszt's piano etudes and contributing to a fuller understanding of his creative legacy. The study takes a qualitative approach, delving into analyzing Liszt's piano etudes from a figurative perspective. Drawing on musicological methods, symbolist analysis and historical contextualization, the study aims to uncover the layers of meaning embedded in Liszt's compositions. The results of the study provide insight into the figurative elements in Franz Liszt's piano etudes, revealing a rich world of Romantic symbolism. Through careful analysis of selected compositions, the study reveals expressive nuances and artistic intentions that go beyond mere technical virtuosity. The results of the study contribute to a deeper understanding of Liszt's creative genius and the complex interaction between musical form and expressive content of his works.

Keywords: Franz Liszt, piano etudes, romantic symbols, figurative analysis, musical symbolism, artistic heritage, technical innovations.

References

- Egorova M.A. Historical paradigm: F. Liszt – from Transcendental Etudes to the Sonata in B minor // Voprosy muzykoznanii: Theory. History. Methodology. Issue 5. Moscow, 2012. Pp. 40–44.
- Zandberg D. Features of texture in F. Liszt's "Etudes for Higher Performing Mastery" // Franz Liszt. On the reading of a genius: collection of articles / compiled and scientific ed. by G.P. Ovsyankina, R.M. Chernaya. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical University, 2013. Pp. 137–149.
- Rumyantseva T.G. Transcendental and transcendental // The newest philosophical dictionary / compiled by A.A. Gritsanov. Minsk: Skakun, 1999. 896 p.
- Gubareva L. N., Smirnova N.A. On the Evolution of the Concert Etude Genre in the Works of F. Liszt // The Piano Legacy of Composers of the Viennese School: History, Pedagogy, Interpretation. Collection of Materials of the III International Scientific and Practical Conf. Belgorod, 2020. Pp. 79–84.
- Mil'shteyn J. Franz Liszt. Moscow: Muzyka, 1999. 686 p.
- Mil'shteyn J. Etudes by F. Liszt. Moscow, 1961.
- State N. G. "Transcendental etudes" by F. Liszt in the Aspect of the Evolution of Performing Arts of the 20th Century // Bulletin of the Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova. 2021. No. 4 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transtsendentnye-etyudy-ferentsa-lista-v-aspekte-evolyutsii-ispolnitelskogo-iskusstva-xx-veka> (date of access: 01.02.2024).

Особенности репрезентации традиционных ценностей в современных экранизациях сказок

Мартемьянов Дмитрий Сергеевич,

магистрант, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: mds0202@inbox.ru

В статье рассмотрена проблема репрезентации традиционных духовно-нравственных ценностей в современных экранизациях сказок. При помощи метода кейс-стади были разобраны художественные картины – «Бременские музыканты», «Летучий корабль», «Конёк-Горбунок» и другие. Анализ экранизаций показал, что сделан акцент на ценности коллективизма, приоритета духовного над материальным, служения Отечеству, в меньшей степени отражены в экранизациях ценности крепкой семьи, достоинства, патриотизма. Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях, связанных с репрезентацией традиционных духовно-нравственных ценностей в культурной сфере.

Ключевые слова: традиционные ценности, репрезентация ценностей, технологии репрезентации, кейс-стади, экранизация сказок.

Введение

После начала Специальной военной операции в феврале 2022 года особо остро встал вопрос об идейном противостоянии коллективному Западу. Так, на законодательном уровне, Президентом Российской Федерации 9 ноября 2022 был подписан указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [9]. В рамках этого документа был представлен перечень ценностей, которые наиболее приоритетны для государства, связанные с достойной жизнью каждого гражданина и с определенной картиной мира, построенной на гуманизме, милосердии и коллективизме.

Однако в указе приводится только список ценностей. С одной стороны, это позволяет рассматривать категории, представленные в документах, в разных плоскостях и раскрывать их многоаспектность и многогранность. При таком подходе ценности являются ориентирами, а не четкими директивами. С другой стороны, такой подход репродуцирует определённые риски, а именно противоречащие друг другу интерпретации самих ценностей не только гражданами, а сколько в репрезентации их в информационном пространстве, а именно через высказывания лидеров общественного мнения, развлекательные программы, новости, рекламу, киноиндустрию и т.д.

Отсюда мы получаем главную проблему, которая заключается в репрезентации смыслов традиционных ценностей, так как каждая из них многоаспектна, и из-за этого не все аспекты в равной доле представлены в информационном пространстве.

Одним из направлений по продвижению традиционных ценностей в информационном пространстве является кинематограф. В рамках фильмов режиссер кодирует различные идеи, ценности через призму художественных образов и аллюзий, что особенно актуально в фантастических произведениях. Как писал Жиль Делез в своей работе «Кино» [2] – кино – это «имманентное поле смыслов», где, по его мнению, важен именно процесс движения этих смыслов.

В течение последних нескольких лет в кинопроизводстве появился интерес к экранизации сказок, о чём свидетельствуют повышенные сборы и рейтинги. Среди таких фильмов можно выделить следующие: «Конёк-Горбунок», «По щучьему велению», «Бременские музыканты», «Огниво», «Волшебник изумрудного города», «Летучий корабль» и другие.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на примере конкретных кейсов разобрать, как традиционные духовно-нравственные ценности репрезентируются в экранизированных сказках, и на какие аспекты уделяется больше внимания, а на какие, наоборот, меньше.

Методологическая база исследования строится на комбинировании коммуникативного и нормативно-ценностного подходов. Это позволило не только рассмотреть, как происходит донесение тех или иных ценностей из Указа Президента РФ № 809, но и разобрать художественные образы через призму нравственных суждений. В рамках коммуникативного подхода приоритетное значение символический интеракционизм, который под-

разумеает, что обмен информации происходит через язык, движения тела, а также культурные символы. Многие герои отечественных и зарубежных сказок являются культурными символами, посредством которых авторы доносят до своих зрителей определённые идеи.

Для достижения необходимых результатов в работе использовался метод кейс-стади, который позволил на основе конкретных примеров определить, как репрезентируются традиционные ценности в конкретных сказках.

Проблема репрезентации традиционных ценностей в информационном пространстве нашла отражение в работах М.Н. Макарова [7], Н.В. Кириллина [6], О.В. Казаченко [5], Д.В. Алексеева [1], М.М. Друкера [3], Д.А. Ежова [4]. В основном, авторами рассматриваются отдельные аспекты репрезентации традиционных ценностей в информационном пространстве: в материалах СМИ, различных рекламных кампаниях, кинематографе и в Интернете.

Так, М.Н. Макарова [7] проанализировала основные стратегии, связанные с продвижением в информационном поле семейных ценностей при помощи дискурс-анализа, выделив три основные стратегии – презентация, легитимация, оппозиция, а также было выделено два основных трека по продвижению, а именно про сами традиционные семейные ценности и что они из себя представляют и идеальное представление о семье и браке. Н.В. Кириллина [6], в свою очередь, рассматривает аспект, связанный с репрезентацией в СМИ. В рамках работы при помощи специальных программ были собраны данные относительно частоты упоминания традиционных и семейных ценностей. Также были даны важные комментарии по поводу понимания самого понятия «традиционные ценности». В работе О.В. Казаченко [5] отражены направления, которые сегодня используются в социальной рекламе, были приведены примеры, не только продвигающие «традиционные ценности», но и антиценности. Значимой в контексте настоящего исследования стала работа Д.В. Алексеева [1], в рамках которой был проведен глубокий анализ вышедших в последние годы кинолент. М.М. Друкер [3] пишет о медиамехах и о том, как они работают на продвижение нетрадиционных ценностей. В статье приведен разбор нескольких интересных кейсов и объяснены механизмы негативного воздействия этих вещей на аудиторию. Д.А. Ежов и Д.М. Калинин [4] рассматривают на примере фильма «Чебурашка» как могут быть зашифрованы и представлены идеи и ценности через узнаваемый на весь мир образ символического героя в лице Чебурашки. В статье поднимаются аспекты не только влияния на внутреннюю аудиторию, но и на внешнюю.

В качестве основного примера предлагаем проанализировать экранизацию 2024 года «Бременские музыканты», снятую режиссёром Алексеем Нужным, по мотивам одноименной сказки Братьев Гримм. Фильм в прокате собрал более трех миллиардов рублей [10].

Главная идея сказки заключается в том, что только будучи командой можно будет преодолеть все трудности. Эти моменты демонстрируют ценности коллективизма, взаимоуважения и взаимопомощи.

В то же время на более глубинном уровне в картине продемонстрирована дихотомия духовного и материального. Если положительные персонажи, такие как Принцесса, Осёл, Петух, Кошка, Собака, делают что-либо из-за своих убеждений, принципов, например, решают помочь Трубадуру в финале картины, то отрицательные, такие как Сыщик, Атаманша, руководствуются исключительно материальным достатком и наживой. Говоря о выборе, то тут можно проследить ценность высоких нравственных идеалов, то, на что должен ориентироваться каждый гражданин при принятии решений.

Отмечая ценности коллективизма, хотим обратить внимание на то, что главный герой достигал успеха, только когда работал в команде, это показано как в основной истории, когда Трубадур уже стал взрослым и встретил животных, так и в период его детства, когда вместе с другими детьми занимался воровством на улицах.

Также от обратного показано, что значит служить своему отечеству. По сюжету Трубадур пошёл на сделку с Атаманшей и при помощи обмана провёл стаю разбойников в город, по итогу бандиты захватили город, после чего его пришлось спасать. Тут показано, что может произойти, если начать дружить с врагами страны, так как, может быть, гражданин и получит определённую выгоду, но страна может оказаться в руках преступников.

Ценность традиционной любви и семьи, как союза мужчины и женщины, в фильме четко прослеживается, о чём и повествует финал всей истории. Важно отметить, что вначале главные герои недолюбливали друг друга. Однако в процессе развития сюжета они стали узнавать о характере и мотивации друг друга, что позволило понять и, самое главное, принять своего партнера, даже с учетом каких-то недостатков. Этот аспект показывает не только традиционный союз мужчины и женщины, но и взаимоотношения между людьми в паре, что важно, так как существует проблема не только низкой рождаемости, но и высокого уровня разводов, одной из причин которых является недопонимание между супругами.

В свою очередь экранизация мультфильма «Летучий корабль» имеет некоторую схожесть с сюжетом «Бременских музыкантов». Иван, главный герой, как и Трубадур действует один, и у него мало что получается. Успех приходит к ним только тогда, когда они находят свою команду. Так, Иван по ходу сюжета смог договориться и с Водяным, и с Бабками-Ёжками, и с Соловьем Разбойником. По итогу им коллективно удастся построить летучий корабль и победить антагонистов в лице семьи Полкан-Полканыча.

Также в недавней экранизации «Волшебника Изумрудного города» команда из главных героев демонстрирует не только ценности коллективизма через путешествие к общей цели, но и ценности гуманизма. Девочка Элли, когда шла по дороге из желтого кирпича, помогала своим будущим друзьям, не прошла мимо них, а проявила милосердие, и уже все вместе они направились к поставленной цели.

Считаем, что ценности коллективизма подчеркиваются через призму разности персонажей в команде героев, и, только сумев договориться и правильно использовать особенности каждого из участников, можно достичь успеха. Это, в свою очередь, отражает особенность России как многонационального государства.

Рассматривая семейные ценности, их отражение можно найти и в фильме «Конёк-Горбунок», был показан другой аспект, а именно сама ценность любви молодого человека к прекрасной девушке. В этой экранизации главный герой изначально не находится вместе со своей возлюбленной, а проходит путь, чтобы быть вместе с ней. Данный момент немало важен, так как демонстрирует, что настоящая любовь может двигать человека на невероятные подвиги и в конце обязательно будет ждать награда.

Ещё один аспект был ярко показан в фильме «По щучьему велению». На протяжении всей истории Емеля совершает всё новые и новые подвиги для человека, которому эти подвиги вообще не нужны, а именно для царевны Анфисы. В то же время главному герою помогает Василиса, которая делает всё ради любимого человека, отдавая всю себя, но это не замечается.

Только в конце истории Емеля понимает, что на самом деле любит девушку, которая всегда была рядом. Данная история показывает, во-первых, что иногда семейное счастье может быть очень близко и его стоит только заметить, а во-вторых, что не стоит совершать подвиги для тех, кому это вовсе не нужно.

В результате поведенного исследования можно сказать, что в российском кинематографе в области экранизации сказок сделан акцент на ценности коллективизма, приоритета духовного над материальным, служения Отечеству. В то же время в меньшей степени отражены ценности крепкой семьи, достоинства, патриотизма. Как показал анализ кейсов, в процессе создания применяются различные художественные ходы, которые могут как упростить процесс передачи ценностей, так и усложнить его.

Изучение особенностей репрезентации традиционных ценностей в современном российском кинематографе имеет широкий потенциал, как в сравнении с другими картинками, так и в динамике. Также объектами анализа могут стать и другие жанры, направленные на более старшую аудиторию.

Литература

1. Алексеев Д.В., Копылова П.С. Репрезентация традиционных ценностей в российской массовой культуре: на примере отечественного популярного кино (2020–2024) // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 66–97. DOI: 10.31249/poln/2024.04.03. EDN: LCZX-EI
2. Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс, – 2024. – 2-е изд. – 560 с.
3. Друкер М.М., Яновская Г.В. Медиамемы как способ репрезентации семейных ценностей в социальных медиа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 74–83. DOI: 10.15826/izv1.2021.27.1.009. EDN: LPGLDM
4. Ежов Д.А., Калинин Д.М. «Мягкая сила» современного российского кинематографа в контексте политизации хайпа // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2023. – № 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1295. EDN: MZAGLK
5. Казаченко О.В. Репрезентация ценностей в социальной рекламе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 37–49. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49. EDN: LFADUQ
6. Кириллина Н.В. Репрезентация традиционных ценностей в СМИ // Материалы Всероссийской научно-образовательной конференции. – 2024. – С. 222–228. EDN: ZSNIFS
7. Макарова М.Н. Репрезентация традиционных ценностей в российском политико-публичном поле (на примере дискурс-анализа семейных ценностей) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 3. – С. 96–109. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.3.7. EDN: XJUVVO
8. Расторгуев С.В. Смыслы традиционных духовно-нравственных ценностей в официальном дискурсе // Власть. – 2025. – № 2. – С. 161–166. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-161-166. EDN: SBXZGA
9. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 08.09.2025).

10. Фильм «Бременские музыканты» собрал 3 млрд рублей в российском прокате // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/kultura/20188333> (дата обращения: 08.09.2025).

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF TRADITIONAL VALUES IN MODERN ADAPTATIONS OF FAIRY TALES

Martemyanov D.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the problem of the representation of traditional spiritual and moral values in modern adaptations of fairy tales. Using the case study method, artistic paintings such as «The Bremen Town Musicians», «The Flying Ship», «The Hunchback Horse» and others were dismantled. The analysis of the film adaptations showed that the emphasis was placed on the values of collectivism, the priority of the spiritual over the material, and service to the Fatherland, while the values of a strong family, dignity, and patriotism were less reflected in the film adaptations. The results of this study can be used in further research related to the representation of traditional spiritual and moral values in the cultural sphere.

Keywords: traditional values, representation of values, technologies of representation, case study, adaptation of fairy tales.

References

1. Alekseev D.V., Kopylova P.S. Representation of traditional values in Russian popular culture: on the example of Russian popular cinema (2020–2024) // Political science. – 2024. – № 4. – pp. 66–97. DOI: 10.31249/poln/2024.04.03. EDN: LCZXEI
2. Deleuze J. Cinema. Moscow: Ad Marginem Press, 2024, 2nd ed., 560 p.
3. Drucker M.M., Yanovskaya G.V. Media systems as a way of representing family values in social media // Proceedings of the Ural Federal University, Series 1, Problems of Education, Science and Culture. – 2021. – Vol. 27. – № 1. – pp. 74–83. DOI: 10.15826/izv1.2021.27.1.009. EDN: LPGLDM
4. Yezhov D.A., Kalinin D.M. The «Soft power» of modern Russian cinema in the context of the politicization of HYPE // Russian Social and Humanitarian Journal. – 2023. – № 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1295. EDN: MZAGLK
5. Kazachenko O.V. Representation of values in social advertising // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. – 2024. – Vol. 16. – № 1. – pp. 37–49. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49. EDN: LFADUQ
6. Kirillina, N.V. Representation of traditional values in the media // Materials of the All-Russian Scientific and Educational Conference. – 2024. – pp. 222–228. EDN: ZSNIFS
7. Makarova M.N. Representation of «traditional values» in the Russian political and public field (on the example of a discourse analysis of family values) // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. – 2021. – № 3. – pp. 96–109. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.3.7. EDN: XJUVVO
8. Rastorguev S.V. The meanings of traditional spiritual and moral values in official discourse // The Authority. – 2025. – № 2. – pp. 161–166. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-161-166. EDN: SBXZGA
9. Decree of the President of the Russian Federation «On approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of Traditional Russian spiritual and Moral values» dated 09/11/2022 № 809 // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of request: 08/09/2025).
10. The film «The Bremen Town Musicians» collected 3 billion rubles at the Russian box office // TASS [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/kultura/20188333> (date of request: 08/09/25).

50 оттенков бордового, или размышления об искусственном интеллекте и его ответственности

Окунев Александр Иванович,

младший научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве РФ
E-mail: mail@ai-okunev.ru

Статья предлагает обсудить вопросы, связанные с ответственностью при применении технологий искусственного интеллекта, поднимает вопросы о том, корректно ли применять понятие интеллект, анализирует первые нормативные акты, регулирующие вопросы применения систем с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическая ответственность

«Интеллект человека измеряется количеством неопределенности [1], которое способно поддержать»

(Иммануил Кант)

У меня очень хороший водитель. Один из критериев нашего взаимодействия – использование Яндекс Навигатора при построении маршрута, а также при движении. Однако вместе с использованием указанной программы я также прошу водителя думать и при принятии решений учитывать собственный опыт, который включает: внезапные перекрытия Большого каменного моста, традиционные пробки в районе Красных ворот, усложнение трафика сразу после окончания рабочего дня и т.п.

И вот с выпадением снега и наступлением предновогодней суеты наше передвижение начало давать сбои. И причина этого отнюдь не в более долгом времени поездки, а в непредсказуемости ее продолжительности. Привыкнув за предыдущие месяцы к тому, что движение по навигатору меня полностью устраивает (а когда все хорошо, я молчу), водитель стал слепо следовать его указаниям. Он перестал вникать в детали маршрута и то, как мы едем, – а главное, забыл, что наши маршруты практически неизменны.

Время соблюдено, задача выполнена – о чем еще думать? Казалось бы, все верно. Но когда началась упомянутая новогодняя суета, все перевернулось с ног на голову. Мы стали приезжать либо за долго до назначенного времени, либо глубоко после, ни разу не попав изначально в назначенное время, указанное Яндекс Навигатором. А всему причиной один цвет – бордовый.

Загруженность дорог и расчётное время движения в этом навигаторе, как и в других подобных системах, отображаются с помощью цветовой индикации: зелёный – свободно, жёлтый – загружено, красный – пробка, бордовый – полная остановка, чёрный – перекрытие. Если другим цветам соответствуют конкретные диапазоны скорости (например, 60–80 км/ч), то бордовый означает нулевую скорость, и здесь не может быть никаких отклонений. Однако на практике...

Следует отметить, что в описываемой нами ситуации в юридико-правовом плане Яндекс абсолютно не виноват. Считаю необходимым привести ссылку на Правила применения рекомендательных технологий компании и процитировать ряд важных положений:

«На информационном ресурсе применяются рекомендательные технологии. На информационном ресурсе при применении информационных технологий предоставления информации осуществляется сбор, систематизация и анализ сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации.

Рекомендации зависят от поведения пользователей на сервисах Яндекса. При этом выбор всегда остаётся за пользователем: он может следовать рекомендациям или игнорировать их.

Пользователь самостоятельно и всецело несёт все риски и ответственность за выбор Маршрута и следование выбранным Маршрутом. Яндекс не гарантирует правильность, оптимальность, актуальность и/или со-

ответствие Маршрутов правилам дорожного движения и не несет ответственности за выбор Пользователем Маршрута и последствий следования ему. Пользователь должен предпринимать все меры внимательности и осмотрительности перед выбором Маршрута и в ходе его использования.

На один и тот же вопрос может быть несколько правильных ответов – в зависимости от нужд пользователя. Анализируя запросы и переходы пользователя, Яндекс делает вывод о том, что ему сейчас важно и интересно. Так, если человек часто ищет что-то про программирование, вероятно, по запросу [питон] ему будет интересно увидеть страницу про соответствующий язык программирования Python, а не фото змеи».

«Информация, доступная в Сервисе Яндекс.Пробки получена на основании анализа обезличенных данных и носит справочный характер.

Используемое в Сервисе цветовое отображение уровня загруженности дорог не является указанием на статус дороги, возможности ее свободного использования, фактического функционирования и проходимости, и является исключительно показателем примерной степени ее загруженности в текущий период времени (зеленый – свободный, желтый – средней загруженности, красный – высокой загруженности)» [2].

Согласитесь, это крайне важные положения правил использования сервиса, которые определяют реальную ситуацию в части их использования.

Важно отметить, что нам «рекомендуют», но никак не «решают», а только «обеспечивают» и «не несут ответственность».

Развивая вышеуказанные мысли, можно сказать, что упомянутые сервисы предоставляют нам информацию, статистику, данные и прогнозы, а в последующем рекомендуют: «Подумайте сами!».

И вот, что получается: привыкнув доверять цветовой индикации и рекомендациям о времени пути, водитель сталкивается с главной проблемой, которая называется «сколько я буду ехать при нулевой неизменной скорости, но бордовым окрашен всего лишь 1 мм карты?».

Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения по тематике дорожного движения в лучшем городе на планете Земля (Москва), мы только подводим к вопросу о том, действительно ли в этом случае применяется искусственный интеллект (далее – ИИ), и является ли он таковым.

И, в этой связи, крайне любопытен ответ на вопрос: если все автомобилисты будут пользоваться одной навигационной программой и поедут только по ее рекомендациям, – сбудутся ли его прогнозы (например, о времени в пути) в реальности? И сразу следующий вопрос: а что, если изменить алгоритм или саму концепцию?

«Настоящая ответственность бывает только личной. Человек краснеет один». Фазиль Искандер «Стоянка человека»

«Каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех людей и за все». Федор Достоевский

Часто можно встретить заявления, что в своей деятельности навигационные программы используют и активно развивают искусственный интеллект, но давайте немного разберемся в этом вопросе: это маркетинговый шаг [3] или объективная реальность?

В настоящее время, говоря о развитии искусственного интеллекта, сразу же указываются отрасли экономики, общественные процессы, где он уже применяется, при этом приводятся серьезные цифры внедрения [4]. Нередко и даже часто говорится о том, что можно с помощью ИИ принимать решения [5], и вот здесь возникают вопросы.

Принятие решения – очевидно речь идет о реализации действий, которые влияют на какие-либо процессы. И возникает справедливый вопрос о том, кто несет ответственность за принятые решения [6, с. 245]. И соответственно, является ли решение, в отношении которого не определена мера и вид ответственности [7] – решением как таковым? Этими словами мы не открываем ничего нового, мы просто цитируем и обобщаем положения базовых учебников и монографий по теории государства и права.

Так как данная статья направлена на обсуждение контура основных вопросов развития искусственного интеллекта и, прежде всего, ответственности при его применении, то для удобства восприятия приведем уже принятые решения органов власти по проведению эксперимента по опытной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования [8].

В 2022 году вышло Постановление Правительства Российской Федерации от 09.03.2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств». Сознательно или нет, но основной упор в указанном нормативном акте делается на сертификации, тогда как известные примеры аварий уходят в плоскость личной ответственности [9–11].

Тема использования искусственного интеллекта на транспорте, а особенно, те эксперименты, которые проходят в России, заслуживают отдельного внимания и статьи.

Вместе с тем, продолжая тематику исследования настоящей статьи, следует отметить, что Минтранс России завершена разработка проекта федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах». И основным вопросом, связанным с разработкой проекта данного акта, является тема ответственности [12]. После длительного обсуждения и доработок в тексте проекта указано, что ответственность несут собственники таких транспортных средств, но, если будет доказано иное, то и другие субъекты. При этом имеется отдельное положение, предусматривающее ответственность даже «диспетчера» («стрелочника»). При этом об ответственности создателей программного обеспечения говорится лишь косвенно.

Возникает справедливый вопрос: если автоматика, или, называя модным маркетинговым языком, «искусственный интеллект» допустил пропуск, то почему за это не ответит, как минимум, человек, который его разработал? Возложить ответственность на владельца и диспетчера – решение традиционное. Однако возникает дилемма: либо искусственный интеллект таковым не является, поскольку не несет ответственности (что согласуется с точкой зрения цитируемых в настоящей статье авторов), либо система предоставляет лишь рекомендации, требующие контроля со стороны человека – обладателя традиционного понимания ответственности.

Очевидно, что при такой правовой конструкции для снятия рисков интеллектуальные транспортные средства лучше оформлять через лизинг.

Также мы считаем, что перед внедрением любого проекта, включая связанные с искусственным интеллектом решения, следует однозначно проговорить механизм ответственности, либо исходить из того, что мы все-таки имеем дело с аксессуарными системами [13], которые предлагают решения, но не отвечают за них [14].

В этой связи полагаем, что крайне важным моментом будет являться установление и разработка нового на-

правления в части юридической ответственности в отношении действий, наступивших из-за систем искусственного интеллекта [23].

В качестве основы для обсуждения ответственности при использовании автоматизированных систем приведем несколько примеров из практики разной направленности.

Первый пример – государственная регистрация прав на недвижимость. Следует отметить, что регистрация ранее возникших прав носит заявительный порядок, а права на объекты недвижимости, возникшие до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН). Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей [15].

Совершенствование системы управления недвижимостью в Российской Федерации продолжается уже на протяжении 20 лет, и одним из целевых показателей является полнота государственного кадастра недвижимости сведениями о правах [16].

Одним из предложений для реализации указанной задачи на стадии формирования постановления правительства, была массовая оцифровка архивных документов с последующим внесением сведений в единый государственный реестр прав на недвижимость (так на тот момент он назывался).

Казалось бы, результат очевиден. Но возник небольшой вопрос об ответственности. В соответствии с действующим на тот момент федеральным законом, органы, осуществляющие государственную регистрацию прав, несут ответственность за своевременное, полное и точное исполнение своих обязанностей, указанных в федеральном законе, а также за полноту и подлинность предоставляемой информации о зарегистрированных правах на недвижимое имущество и сделках с ним, необоснованный (не соответствующий основаниям, указанным в федеральном законе) отказ в государственной регистрации прав или уклонение от государственной регистрации прав [17].

Получилась следующая ситуация: автоматически можно отсканировать, распознать, систематизировать, но только вопрос в том, кто принимает конечное решение о регистрации. По закону получалось, что именно государственный регистратор несет ответственность, а «автоматизированная система» и ее разработчики такой ответственности не несут.

Здесь хотелось бы дать лирическое отступление и вспомнить прекрасный фильм «Городской романс, или любовь с привилегиями» [18]. Я не кинокритик, но по мне Любовь Полищук сыграла одну из лучших ролей.

Фильм околоперестроечный – чувствуется изменение взгляда к номенклатуре. Объясним, почему в рамках статьи об ИИ вспоминаем эту картину. Есть великолепная фраза, отражающая, как мне кажется, действительность власти или действительность системы управления проектами.

Полищук спрашивает у своего будущего любовника, как он, работая в ЦК и имея колоссальную нагрузку, принимает такое огромное количество решений, причем верных. На что ей дается короткий, но емкий ответ «Милочка моя, прежде чем принять решение, мне их готовят».

И вот тут возникает обоснованный вопрос, а кто и на основании чего готовит решение для искусственно-

го интеллекта? Где эта база и платформа, которая может быть являться основой [19]?

Второй пример уже из другой области – медицины. На одной профильной конференции рассматривался вопрос применения искусственного интеллекта в медицине. В качестве позитивного опыта приводился пример распознавания и построения диагноза при анализе компьютерной томографии легких. В качестве перспектив развития разработчики продукта рассказывали о возможности применения их информационного продукта при проведении колоно- и гастроскопии, а также при исследовании УЗИ сердца. Однако расчет докладчиков, вероятно адаптированный ранее под любых (восторженных) слушателей, но не профессиональное сообщество, потерпел неудачу.

Действительно, компьютерную томограмму легких распознать можно и в этом нет особого ноу-хау. По схожей технологии распознаются на протяжении многих десятков лет снимки земли, иных планет и последующим образом оцифровываются. Сама структура легких позволяет их зафиксировать при съемке и, соответственно, распознать, выявив те или иные отклонения.

Что касается перспектив применения алгоритмов ИИ в уже указанных направлениях, были выявлены следующие проблемы. Например, распознать видео о гастроскопии можно, но система не может разобрать, как в моменте времени двигать зонд, что присутствует при осмотре, новообразования или элементарные остатки пищи, и далее, далее, далее. В итоге дискуссия на конференции завершилась без лишней огласки.

«Любопытство – одна из самых постоянных и надежных характеристик энергичного интеллекта» (Сэмюэль Джонсон)

Анализируя статьи и цитаты получается, что искусственный интеллект – это чуть ли не обязательная часть нашей жизни. За два-три года активно внедряется во все сферы общественной жизни и вот-вот получится так, что будет ему все подвластно.

Получается, что система вроде как действует самостоятельно, но на самом деле – не совсем. Повсюду следуют оговорки: «здесь нужно ограничить», «тут – подкорректировать», да и в целом – «лучше бы не везде полагаться на автономность».

В ранее приведенных источниках ряд руководителей российский финансовых структур говорят, что дизайнеров и, например, копирайтеров нужно и можно уже заменять, что и дальше можно, но предлагаем немного задуматься.

Тезис первый. За последние 10 лет наблюдался стремительный рост «искусственных» специальностей, которые можно было получить за 2–3 месяца на онлайн-курсах. По факту происходило не более чем зарабатывание денег со стороны создателей таких курсов. При этом, в данной тематике есть проблемы, о чем свидетельствует значительное количество судебных решений, вынесенных в пользу учеников [20] таких курсов.

А теперь давайте углубимся в тему. Мы много слышим, что можно на основе искусственного интеллекта создать картину под Гойю, под Веласкеса [21] (да, автору очень нравятся испанские художники), но при этом нет ответа, возможна ли картина «имени самого искусственного интеллекта». Мы пробовали, и запросы «нарисовать что-нибудь новенькое» остаются без реализации.

При этом давая ИИ даже простое задание, например, создать художественное изображение «под кого-либо», следует помнить о юридических правилах и персональной ответственности за свои действия. Исходя из положений сервиса, которые выше нами цитируются, никто не за что не несет ответственности, да и вообще есть

некий миф. Думаю, дальнейшие комментарии избыточны, ведь опять интеллект есть, а ответственности нет.

Вместе с тем, если совсем углубиться в тему «нарисовать под кого-либо», то следует сказать, что у Франциско Гойи было несколько периодов творчества кардинально, если не сказать радикально, отличающихся друг от друга. При этом, когда мы просили генеративные системы ИИ создать что-нибудь в стилистике Гойи, он не уточнял, какой именно период нужно взять для ориентира, а иногда и вовсе не выдавал какого-то результата.

«Человеческий мозг похож на монетоприемник. Если вы налейте на него нечистый металл, вы получите нечисть; если вы бросите золото, вы получите валюту» (Сантьяго Рамон-и-Кахаль)

Завершив настоящую статью разделом, о том, для чего создается искусственный интеллект [22]. Рассмотрим несколько вариантов.

Если речь идет о замене нескольких профессий, которые с учетом тренда размножились (копирайтеры, дизайнеры и т.п.), то ничего плохого в этом нет. Прекрасные, творческие профессии, в хорошем смысле безответственные (в юридико-правовом плане).

Создание дополнительных способов для аксессуарной поддержки решения задач – тоже неплохой вариант. Но какую конечную цель мы преследуем? Понимаем ли мы, что делать, например, с миллионами людей, которые не будут иметь работы, например, водителей. Кстати, в одном из сюжетов про ВАС, речь шла о том, что прелесть ИИ только в том, что он действует строго по алгоритму (опять же – это не ИИ). При этом, если речь идет о дорожном событии, то, к примеру, по правилам ПДД машина будет тормозить, но не избегать препятствия, хотя реальной ситуации логика могла бы быть иной. Если речь идет о том, что вместо управления авто у водителя появиться время смотреть ролики, вряд ли люди будут учиться или изучать искусство. Такая логика развития ИИ весьма сомнительна.

Если говорить о применении ИИ в медицинской сфере, то опять же важно понимать и говорить об ответственности за принятые решения. Проанализировав правила известных медицинских сервисов следует говорить только о рекомендательных технологиях.

Завершить данную статью, целью которой были размышления об ответственности и ИИ, хотелось бы следующим тезисом.

Правила соглашений при использовании систем, в которых по мнению разработчиков используется ИИ, допускает различность мнений, полученных на основании различных данных. Но, лично для меня, ответы на вопросы «Что мы празднуем 9 мая?» и «Кто является народом-победителем?» однозначны. Соответственно, правила рекомендательных алгоритмов требуют внедрения исключений или догм.

Литература

1. Шувалов: роботы могут заменить людей, человечеству нужно вовремя остановиться [электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/6477814> (дата обращения 10.09.2025)
2. Условия использования сервиса Яндекс Карты [электронный ресурс] https://yandex.ru/legal/maps_termsfuse/ (дата обращения 10.09.2025)
3. От ИИ ждали большего [электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/6480028> (дата обращения 10.09.2025)
4. Avito: искусственный интеллект использует четверть российских компаний [электронный ресурс]

<https://www.kommersant.ru/doc/6365869?from=spot> (дата обращения 10.09.2025)

5. Искусственный требует жертв [электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/5682249> (дата обращения 10.09.2025)
6. В.М. Сырых, Теория государства и права. Матузов, Малько, 2004, С. 245,
7. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Теория государства и права. Матузов, Малько, 2004, Издательство Юрист
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 1415.
9. Адвокат разъяснил, кто должен отвечать за ДТП с беспилотным авто [электронный ресурс] <https://rg.ru/2023/07/05/advokat-raziasnil-kto-dolzhen-otvechat-za-dtp-s-bespilotnym-avto.html> (дата обращения 10.09.2025)
10. Беспилотные автомобили: как планируется регулировать их эксплуатацию в России? [электронный ресурс] <https://www.garant.ru/article/1471258/> (дата обращения 10.09.2025)
11. Беспилотным авто закон писан [электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/4856110> (дата обращения 10.09.2025)
12. Ответят ли роботы за ДТП [электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/6493016> (дата обращения 10.09.2025)
13. Путин заявил, что ИИ никогда не заменит участия медицинских работников [электронный ресурс] <https://tass.ru/obschestvo/19986707> (дата обращения 10.09.2025)
14. Патологически беспомощный интеллект [электронный ресурс] https://www.kommersant.ru/doc/6350252?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 10.09.2025)
15. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ
16. Федеральная целевая программа «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2020 годы)» утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 10.10.2013 № 903 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 22.04.2020 № 560)
17. Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016)
18. Кинопоиск [электронный ресурс] https://www.kinopoisk.ru/film/45156/?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 10.09.2025)
19. «Мозги» российской нейросети и триллионы рублей от ИИ. О чем говорил Мишустин в Алма-Ате [электронный ресурс] <https://tass.ru/ekonomika/19883307> (дата обращения 10.09.2025)
20. Клиенты выигрывают суды у образовательных платформ. Лопнет ли этот рынок [электронный ресурс] <https://pro.rbc.ru/demo/65c0ce9c9a7947b1d874503a> (дата обращения 10.09.2025)
21. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса Kandinsky [электронный ресурс] <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinskiy-terms/kandinskiy-terms-of-use.pdf> (дата обращения 10.09.2025)
22. ИИ себе дороже [электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/6478433> (дата обращения 10.09.2025)
23. «Что делать?» ИИ «Кто виноват?». Ответственность в «цифровых песочницах». Часть 1: Алгоритм [элект-

ронный песчпс] https://zakon.ru/blog/2020/09/28/chto_delat_ii_kto_vinovat_voprosy_otvetstvennosti_v_gryaduschih_epr_chast_1_aibolit (дата обращения 10.09.2025)

50 SHADES OF BURGUNDY OR REFLECTIONS ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS RESPONSIBILITIES

Okunev A.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article suggests discussing issues related to responsibility in the application of artificial intelligence technologies, raises questions about whether it is correct to apply the concept of intelligence, and analyzes the first regulatory acts regulating the use of artificial intelligence systems.

Keywords: Artificial intelligence, legal responsibility.

References

1. Shuvalov: Robots can replace people, humanity needs to stop in time [electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/6477814> (accessed 10.09.2025)
2. Yandex Maps Terms of Use [electronic resource] https://yandex.ru/legal/maps_termsofuse/ (accessed 10.09.2025)
3. More was expected from AI [electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/6480028> (accessed 10.09.2025)
4. Avito: A quarter of Russian companies use artificial intelligence [electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/6365869?from=spot> (accessed 10.09.2025)
5. Artificial intelligence requires sacrifices [electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/5682249> (accessed September 10, 2025)
6. V.M. Syrykh, Theory of State and Law. Matuzov, Malko, 2004, p. 245.
7. LEGAL LIABILITY. Theory of State and Law. Matuzov, Malko, 2004, Jurist Publishing House
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 26, 2018, No. 1415.
9. A lawyer explained who should be held responsible for an accident involving a driverless car [electronic resource] <https://rg.ru/2023/07/05/advokat-raziasnil-kto-dolzhen-otvechat-za-dtp-s-bespilotnym-avto.html> (accessed September 10, 2025)
10. Driverless cars: how is their operation planned to be regulated in Russia? [Electronic resource] <https://www.garant.ru/article/1471258/> (date accessed 10.09.2025)
11. The law is written for driverless cars [Electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/4856110> (date accessed 10.09.2025)
12. Will robots be held responsible for accidents [Electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/6493016> (date accessed 10.09.2025)
13. Putin stated that AI will never replace the participation of medical workers [Electronic resource] <https://tass.ru/obschestvo/19986707> (date accessed 10.09.2025)
14. Pathologically helpless intelligence [Electronic resource] https://www.kommersant.ru/doc/6350252?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 10.09.2025)
15. Federal Law "On State Registration of Real Estate" dated 13.07.2015 N 218-FZ
16. Federal Target Program "Development of a Unified State System for Registration of Rights and Cadastral Registration of Real Estate (2014–2020)" approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 10.10.2013 N 903 (as amended by Decree of the Government of the Russian Federation dated 22.04.2020 N 560)
17. Federal Law dated 21.07.1997 N 122-FZ (as amended on 03.07.2016) On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions with him (as amended and supplemented, effective July 15, 2016)
18. Kinopoisk [electronic resource] https://www.kinopoisk.ru/film/45156/?utm_referrer=yandex.ru (accessed September 10, 2025)
19. The "brains" of the Russian neural network and trillions of rubles from AI. What Mishustin spoke about in Almaty [electronic resource] <https://tass.ru/ekonomika/19883307> (accessed September 10, 2025)
20. Clients win lawsuits against educational platforms. Will This Market Burst? [Electronic resource] <https://pro.rbc.ru/demo/65c0ce9c9a7947b1d874503a> (accessed 10.09.2025)
21. User Agreement for the Use of the Kandinsky Service [Electronic resource] <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinskiy-terms/kandinskiy-terms-of-use.pdf> (accessed 10.09.2025)
22. AI at Its Own Risk [Electronic resource] <https://www.kommersant.ru/doc/6478433> (accessed 10.09.2025)
23. "What to Do?" AI "Who's to Blame?" Responsibility in "Digital Sandboxes". Part 1: Albolit [electronic resource] https://zakon.ru/blog/2020/09/28/chto_delat_ii_kto_vinovat_voprosy_otvetstvennosti_v_gryaduschih_epr_chast_1_aibolit (date of access 09/10/2025)

К вопросу о ключевых аспектах мировоззрения современной молодёжи в контексте поликультурного образования (по результатам опроса студентов РУДН им. Патриса Лумумбы)

Розанова Анастасия Анатольевна,

канд. философ. наук, педагог доп. образования ИИЯ,
Российского университета дружбы народов им. Патриса
Лумумбы
E-mail: rozanova_aa@pfur.ru

В статье рассматриваются основные особенности мировоззрения молодёжи в условиях поликультурной среды. Данные особенности выявлены в результате опроса студентов ИИЯ РУДН им. Патриса Лумумбы. Результаты опроса демонстрируют отношение представителей разных цивилизаций к различным вопросам современной общественной жизни. Данные, полученные в результате опроса показали, что современные молодые люди, не зависимо от их цивилизационной принадлежности во многих вопросах имеют схожее мнение. Это важно для понимания и дальнейшего формирования мировоззрения студентов.

Ключевые слова: мировоззрение, результаты опроса, цивилизация, молодёжь, поликультурное образование.

Введение

Активные процессы глобализации, происходящие в современном обществе, затрагивают все сферы деятельности человека, в том числе и образование. Именно образовательная среда, формирующаяся в условиях многонационального и поликультурного общества способствует формированию ценностных принципов и основ мировоззрения современных молодых людей. Особенно интересные процессы происходят в университетах, где активно взаимодействуют студенты из разных стран. Исследование мнения молодёжи по самым различным социальным вопросам позволяет выявить особенности их ценностных ориентиров, что имеет значение для понимания и дальнейшего выстраивания учебного процесса. Целью данного исследования является выявление отношения студентов к различным явлениям современного общества в условиях поликультурного образования, что даёт возможность понять их мировоззрение, мироощущение и ценности. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: определить ключевые мировоззренческие принципы современных студентов, выявить возможные отличия, в зависимости от того к какому типу цивилизации относит себя молодой человек.

Объектом данного исследования являются студенты, обучающиеся в Институте иностранных языков РУДН им. Патриса Лумумбы. Предметом исследования выступают мировоззренческие принципы, имеющиеся у студентов в процессе их взаимодействия в многонациональной среде, а также факторы, влияющие на их формирование.

Методология исследования

Для подготовки статьи был проведён локальный социологический опрос студентов РУДН им. Патриса Лумумбы, результаты которого были собраны и интерпретированы. Опрос позволил собрать информацию о ценностных ориентирах современных молодых людей, и проанализировать факторы, влияющие на их формирование.

В опросе приняли участие студенты института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН). Особенностью университета является уникальная поликультурная образовательная среда. В исследовании приняли участие студенты 1–3 курсов разных специальностей, что позволило расширить спектр мнений. Всего в опросе приняли участие 210 респондентов, часть из которых составили иностранные студенты.

Исследование проводилось в формате анкеты, содержащей вопросы по половозрастному скринингу и вопрос по самоидентификации опрашиваемого с одной из культурных цивилизаций. Для типологии цивилизации мы использовали работу С Хаддингтона «Столкновение цивилизаций» [13]. Не смотря на то, что данная работа не является бесспорной, данная типология представляется нам наиболее удобной и отвечающей целям исследования.

В анкете представлены утверждения, показывающие отношение человека к различным аспектам общественной жизни. Студенты могли выразить своё отношение к различным утверждениям путём выставления оценки от 0 до 5 баллов где 0 соответствует ответу «совершенно не согласен», а 5 баллов соответствует ответу «полностью согласен». Таким образом, это позволило нам выявить разницу в отношении к различным аспектам общественной жизни между представителями разного пола, а так же между респондентами, которые себя идентифицируют с различными цивилизациями.

Полученные результаты позволили нам выявить какие ценностные и мировоззренческие установки студенты разных культур совпадают и где есть различия. Это позволит, в дальнейшем выстроить образовательный и коммуникационный процесс, учитывая разницу взглядов представителей разных культурных групп.

Обзор литературы

Мировоззрение представляет собой систему ценностей, взглядов и мнений, формирующих поведение, и определяющее взаимодействие человека с окружающим миром. Они включают универсальные ценности, такие как толерантность, уважение к свободе личности других, независимость, готовность к диалогу и сотрудничеству. «Современная гуманистическая образовательная парадигма ставит задачу раскрытия смысла бытия человека в мире через понимание характера и способов его взаимодействия в окружающей его среде» [1, с. 337]. Единые мировоззренческие принципы служат основой для формирования устойчивого общества, способного к гармоничному сосуществованию в условиях культурного разнообразия.

Понимание особенностей мировоззрения современных молодых людей способствует правильному формированию у студентов не только профессиональных навыков, но и качества, необходимые для успешной интеграции в многонациональное общество. Это способствует развитию критического мышления, способности работать в команде и уважения к другому мнению, а это является ключевыми навыками для современного поликультурного общества. При этом приоритетность поликультурного образования отражена в ФЗ «Об образовании в РФ» [12], в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [5] и проекте Концепции поликультурного образования в России [4].

Особая среда РУДН оказывает значительное влияние на формирование мировоззрения студентов. Взаимодействие с представителями различных культур способствует развитию эмпатии, социальной ответственности и уважения к традициям. Исследования показывают, что студенты, обучающиеся в многонациональной среде, чаще демонстрируют высокие уровни понимания и принятия культурных различий, что подтверждается данными о студентах РУДН [8]. Многие исследователи обращают внимание на значимость аксиологической составляющей современного образования. Так, например, Н.Н. Казыдуб, вводит понятие аксиологических дилемм [3]. По мнению автора, аксиологическая дилемма – это проблемная ситуация, которая порождается несовпадением культурных ценностных ориентаций и концептов. Они проявляются как столкновение сценариев вербального и невербального поведения, связанных с различиями ценностных культурных ориентаций.

Основная часть

Результаты проведённого опроса демонстрируют интересные тенденции в отношении студентов к ключевым вопросам современного общества. Возраст участников опроса составляет от 18–25 лет. Большинство опрошенных отнесли себя к православной цивилизации – 52% опрошенных. К исламской цивилизации отнесли себя 10% и 9% опрошенных выбрали прочие цивилизации. Интересно, что 29%, не отнесли себя ни к одной из предложенных цивилизаций. Это свидетельствует о существенной доле респондентов, которые не идентифицируют себя с какой-либо цивилизацией. Это показывает интересную тенденцию, при которой молодёжь меньше идентифицирует себя к традиционным цивилизациями. Причины этого явления могут стать темой отдельного исследования (рис. 1).

К какой цивилизации Вы себя относите?
210 ответов

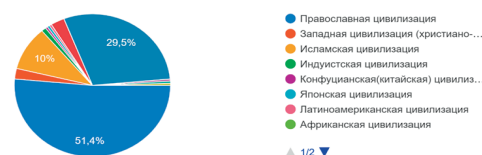

Рис. 1.

В целом мнение молодых людей по ключевым вопросам общественной жизни совпадают. Например, подавляющее число респондентов (95,2%) считает, что религия не должна определять аспекты жизни граждан и государства. Так же студенты достаточно независимы от влияния родителей. Только 10,5% считают, что родительский авторитет занимает значимую позицию в жизни опрошенных, тогда как 11,5% это влияние полностью отрицают. Остальные опрошенные считают, что мнение родителей имеет важное, но не определяющее значение. Примечательно, в целом родственные отношения, в том числе мнение старших, не оказывают значительного влияния на современную молодёжь: 22,9% студентов заявляют, что они совершенно не подвержены такому влиянию. Только 7% из всех опрошенных считают мнение старших значительным. Подобная характеристика показывает меняющиеся семейные динамики и возможное снижение значения мнений старших поколений в жизни молодых людей, вне зависимости от их цивилизационной принадлежности. Так же, молодые люди в большинстве не подвержены влиянию общественного мнения. Лишь 7% респондентов считают общественное мнение значимым для своей жизни. В вопросах вмешательства государства в личную жизнь граждан лишь 3,8% респондентов готовы признать возможность такого вмешательства, в то время как большинство (42,9% и 21,4%) категорически против этого (рис. 2).

Отношение к государству
210 ответов

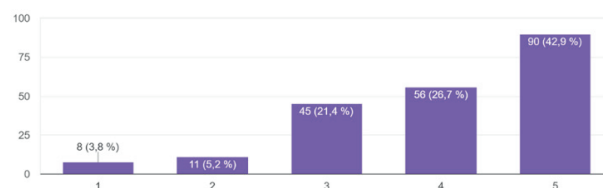

Рис. 2.

Это свидетельствует о высоком уровне приверженности студентов к принципам личной свободы и автономии, что может быть результатом воспитания и современных социальных и культурных трендов.

В целом, молодые люди придерживаются единого мнения и в вопросах прав несовершеннолетних. Большинство (85,7%) респондентов считают, что несовершеннолетние не могут самостоятельно распоряжаться своими правами.

Ещё одним важным вопросом для студентов является ценность частной собственности. Заметно, что подавляющее большинство – почти все опрошенные, кроме 2,4%, считают права собственности столь же неотъемлемыми, что подтверждает высокую оценку экономической независимости и личной ответственности. Это может свидетельствовать о такой тенденции современного общества, где собственность воспринимается как символ успеха и стабильности.

Есть вопросы, в которых можно наблюдать разделение мнений. Одним из них является вопрос, касающийся сексуальных меньшинств. Довольно значительное число опрошенных (36,7%) считают, что запрещать сексуальные меньшинств нельзя, а 17% респондентов полностью поддерживают такой запрет. Остальные студенты выразили скорее нейтральное мнение по этому вопросу (рис. 3).

Отношения к сексуальным меньшинствам
210 ответов

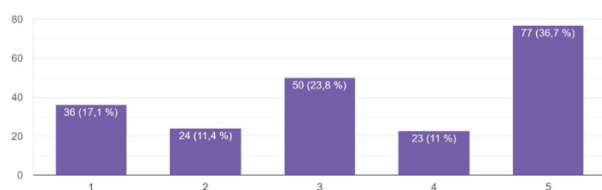

Рис. 3.

Важно отметить, что при том, что 81% респондентов, а это абсолютное большинство, выступают за полное равенство женщин и мужчин и недопущение каких-либо ограничений в правах, все-таки существует небольшая группа людей (5,3%), которые считают, что женщин можно ограничивать в своих правах.

Ещё один такой чувствительный вопрос как отношение к абортам, вызвал разногласие у респондентов. Большая часть опрошенных (65,7%) считает, что аборты запрещать нельзя, что говорит об серьёзном подходе к правам женщин и ответственному отношению к вопросу рождения детей. Но, важно учитывать, что все таки 7,1% всех опрошенных данный запрет поддерживают. Можно предположить, что на результаты опроса по этому вопросу мог повлиять тот факт, что большинство опрошенных были женщинами (рис. 4).

Отношение к абортам
210 ответов

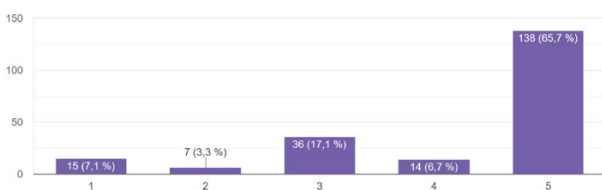

Рис. 4.

Отношение к смертной казни также демонстрирует неоднозначность среди студентов. Существуют чёткие разделения в мнениях: 28,6% выступают за её отмену, в то время как 14,8% придерживаются противоположной позиции и поддерживают введение смертной казни. Любопытно, что 21% людей остаются нейтральными по этому вопросу. Это говорит о том, что молодое поколение находится в процессе формирования собственных представлений о справедливости и морали, рассматривая сложные этические вопросы и не находя однозначных ответов (рис. 5).

Отношение к смертной казни
210 ответов

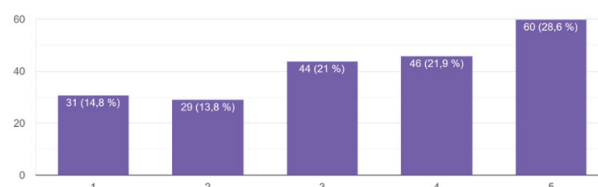

Рис. 5.

Что касается вопросов карьеры и создания семьи, результаты показывают, что только для 12,4% студентов карьера является важным приоритетом. Наиболее значительный процент респондентов (36,7%) не считает карьеру самоцелью, что может указывать на стремление к более сбалансированному подходу к жизни, где карьерные достижения не оторваны от других жизненных аспектов. Интерес к созданию семьи делят 24,8% студентов, которые рассматривают это как приоритет, и ещё столько же отвечают, что это «скорее является» важным. Интересно, что 15,7% считают семью менее приоритетной, а 14,3% не заинтересованы в создании семьи вообще. Эти данные подчёркивают изменчивость и разнообразие взглядов на семейные ценности среди молодёжи.

Результаты опроса касательно количества детей, которое должно определяться возможностями родителей, являются весьма показательными. С показателем в 77,1% среди студентов наблюдается осознанное отношение к появлению детей. Это говорит о социальной ответственности и прагматичном подходе к вопросам родительства, собственной карьеры и создания семьи.

Интересно проследить корреляцию между ответами студентов и их самоидентификацией с одной из предложенных цивилизаций. Так как большинство опрошенных отнесли себя к православной цивилизации – 52% опрошенных, 29% не отнесли себя ни к одной из предложенных цивилизаций, к исламской цивилизации отнесли себя 10%, и 9% опрошенных выбрали прочие цивилизации, то далее мы будем рассматривать первые 3 когорты, т.к. они достаточно большие, чтобы говорить об устойчивых результатах. Для каждой когорты был рассчитан средний балл выбранный респондентами. Это позволяет выявить влияние цивилизационного фактора на формирование отношения к различным общественным явлениям.

Как видно из таблицы 1, по большинству вопросов средний балл для каждой когорты примерно одинаковый, что говорит о том, что отношение к большинству аспектов общественной жизни схожее для представителей различных культурных цивилизаций. Вместе с тем, обращает на себя внимание ряд аспектов, где видно существенное отличие между разными группами.

Таблица 1

Тематика вопроса	Исламская цивилизация	Православная цивилизация	Я не отношу себя к одной из этих цивилизаций	Среднее отклонение ответов
Отношение к женщине	4,05	4,69	4,59	0,262
Отношение к религии	2,81	3,76	4,12	0,504
Отношения к сексуальным меньшинствам	1,76	3,21	4,14	0,849
Отношение к общественному мнению	3,33	3,14	3,17	0,078
Отношение к старшим по возрасту	2,71	3,07	3,33	0,214
Отношение к родителям	2,81	2,89	2,98	0,060
Отношение к собственной семье	2,62	2,46	3,17	0,281
Отношение к праву собственности	3,24	3,79	3,79	0,247
Отношения к родственникам (не родителям)	3,00	3,47	3,45	0,204
Отношение к карьере	2,71	3,01	2,69	0,137
Отношение к количеству детей	1,86	1,44	1,45	0,183
Отношение к смертной казни	3,62	3,30	3,34	0,131
Отношение к абортam	2,86	4,22	4,52	0,671
отношение к государству	3,62	3,99	4,21	0,213

По вопросу об отношении к сексуальным меньшинствам представители исламской цивилизации чаще выбирали ответы свидетельствующие о непринятии данного аспекта, его осуждении – средний балл составил 1,76, при этом у представителей православной цивилизации по данному вопросу средний балл составил 3,21, наибольшую терпимость демонстрируют те, кто не отнёс себя ни к одной из цивилизаций – 4,14. Как видим отличие весьма существенно, что означает что при обсуждении данных вопросов необходимо учитывать разницу в отношении разных культурных групп.

По вопросу об отношении к абортam также наблюдается более осуждающее отношение у представителей исламской цивилизации (средний балл 2,86), при этом у представителей православной цивилизации и тех кто не относит себя ни к одной цивилизации разница в отношении несущественна (4,22 и 4,52 соответственно).

Так же существенную и закономерную разницу мы видим в вопросе отношения к религии. Респонденты, которые относят себя к исламской цивилизации считают, что религия может оказывать влияние на различные аспекты личной и общественной жизни. Логично, что наибольшую атеистичность взглядов демонстрирует группа, которая не идентифицирует себя с какими-либо цивилизациями.

Наименьшее расхождение между цивилизационными группами оказалось по вопросам отношения к общественному мнению и отношению к родителям – среднее отклонение баллов составило 0,08 для вопроса об общественном мнении и 0,06 для вопроса об отношениях к родителям.

Выводы

Данные опроса, показывают нам основные тенденции культурной трансформации, происходящие в обществе. Мы наблюдаем среди молодых людей высокую степень независимости от традиционных авторитетов, стремление к секуляризации и желание свободного выбора. Кроме того, разнообразие мнений среди молодёжи по социальным и культурным вопросам открывает новые горизонты для исследований и дискуссий, ведь каждая точка зрения вносит свой вклад в общественный диалог. Понимание потребностей и взглядов молодёжи может помочь создать более инклюзивное и справедливое общество. Образование, как средство передачи знаний и ценностей, должно активно использоваться для содействия этим процессам, что в конечном итоге приведёт к развитию более конструктивной и ответственной молодёжной политики.

Результаты исследования могут иметь практическую ценность для разработки образовательных программ, направленных на укрепление аксиологических установок и формирования мировоззрения студентов. В дальнейшем представляется целесообразным расширить исследование, включив в него анализ мнения студентов других факультетов и вузов. Это позволит выявить общие тенденции и различия в формировании ценностных ориентиров в зависимости от области получаемого образования.

Несмотря на положительные аспекты многообразия традиций, оно также создаёт определённые вызовы в образовательной среде. Различия в культурных взглядах могут вызывать недоразумения и конфликты, особенно в условиях межкультурного взаимодействия. В таких вопросах опасно опираться на стереотипы как в отношении к молодёжи, так и отношении представителей разных цивилизаций.

Литература

1. Богданова А.И. Формирование ценностного отношения к толерантности в условиях поликультурной образовательной среды //Фундаментальные исследования. 2012. № 9 (часть 2) С. 337–341
2. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект //Вопросы философии. – № 10. 2011. С. 3–16.
3. Казыдуб Н.Н. Аксиологические дилеммы в поликультурном образовании//«Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 2 (18). Октябрь 2015 (<http://md.islu.ru/>)

4. Концепция развития поликультурного образования в Российской Федерации//Электронный ресурс./ Режим доступа/<http://www.mon.gov.ru>; Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3403452>
5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.. Рос. акад. образования. – М.: Просвещение, 2009. – 00 с. – (Стандарты второго поколения).
6. Майер Б.О. Власюк Н.Н. Аксиологические аспекты образования как фактора обеспечения устойчивого развития общества// Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» № 4(8) 2012, с. 26–32.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 N 683 // Собрание законодательства. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
8. Пузанова Ж.В., Демидова И.И. Опыт исследования уровня этнической толерантности студентов РУДН в 2008–2011 гг.// Вестник РУДН, серия Социология, 2012, № 4, стр. 107–119
9. Стратегические ориентиры высшего и общего образования в условиях социально-культурных трансформаций: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Ценностные приоритеты образования в XXI веке: современные вызовы и стратегические направления» (Луганск, 04–05 декабря 2024 г.) / под общ. ред. И.И. Семенов; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск: Издательство ЛГПУ; ИП Орехов Д.А., 2024. – 240 с.
10. Фадеева И.В. Аксиологический аспект поликультурного образования: сборник трудов конференции. // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики: материалы VII Междунар. науч. – практ. конф. (Чебоксары, 3 июля 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. – С. 36–38.
11. Федотов Б.В. Проблема формирования мировоззрения молодежи и студентов с точки зрения базовых ценностей и приоритетов России//Мир науки, культуры, образования. № 2 (93) 2022 – с 70–72
12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция)/https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова.. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 603.

REGRAIDING THE KEY ASPECTS OF THE WORLDVIEW OF MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL EDUCATION (BASED ON THE RESULTS OF A SURVEY HELD AMONG THE STUDENTS OF THE RUSSIAN UNIVERSITY OF PEOPLES' FRIENDSHIP)

Rozanova A.A.

Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the main features of the worldview of youth in a multicultural environment. These features were revealed as a re-

sult of a survey held among the students of the Foreign Language institute of University of Peoples Friendship (RUDN). The survey results demonstrate the attitude of representatives of different civilizations to various issues of modern public life. The data obtained as a result of the survey showed that modern young people, regardless of their civilizational affiliation, have a similar opinion on many issues. This is important for understanding and further shaping the students' worldview.

Keywords: Worldview, survey results, civilization, youth, multicultural education.

References

1. Bogdanova A.I. Formation of a value attitude to tolerance in the conditions of a multicultural educational environment //Fundamental research. 2012. No. 9 (part 2) P. 337–341
2. Gadzhiev K.S. National identity: a conceptual aspect //Questions of philosophy. – No. 10. 2011. Pp. 3–16.
3. Kazydub N.N. Axiological Dilemmas in Multicultural Education//«Magister Dixit» – Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia No. 2 (18). October 2015 (<http://md.islu.ru/>)
4. The Concept of Multicultural Education Development in the Russian Federation//Electronic resource./ Mode of access/<http://www.mon.gov.ru>; Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3403452>
5. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a Russian citizen in the field of general education: a project/ Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov V.A.. Ros. acad. education. – M.: Prosveshchenii, 2009. – 00 p. – (Standards of the second generation).
6. Mayer B.O. Vlasjuk N.N. Axiological aspects of education as a factor in ensuring sustainable development of society// Electronic journal "Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University" No. 4(8) 2012, p.26–32.
7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 N 683 // Collection of Legislation. – 2016. – No. 1 (Part II). 212.
8. Puzanova Zh.V., Demidova I.I. Experience in studying the level of ethnic tolerance of RUDN University students in 2008–2011// Bulletin of RUDN University, series Sociology, 2012, No. 4, pp. 107–119
9. Strategic Guidelines for Higher and General Education in the Context of Socio-Cultural Transformations: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Value Priorities of Education in the 21st Century: Current Challenges and Strategic Directions" (Lugansk, December 4–5, 2024) / Edited by I.I. Semyonova; Luhansk State Pedagogical University. – Lugansk: Luhansk State Pedagogical University Publishing House; Individual Entrepreneur Orekhov D.A., 2024. – 240 p.
10. Fadeeva I.V. The Axiological Aspect of Multicultural Education: Collection of Conference Papers. // Pedagogy and Psychology: Current Issues in Theory and Practice: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, July 3, 2016) / Edited by O.N. Shirokov [et al.] – Cheboksary: Center for Scientific Cooperation "Interactive Plus", 2016. – Pp. 36–38.
11. Fedotov B.V. The Problem of Forming the Worldview of Young People and Students in Terms of Russia's Basic Values and Priorities//World of Science, Culture, and Education. No. 2 (93), 2022, pp. 70–72
12. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ (latest edition)/https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
13. Huntington S. The Clash of Civilizations / Translated from English by T. Velimeev and Yu. Novikova. – Moscow: AST Publishing House, 2003. – P. 603.

Ли Жуньчао,

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

В статье рассматриваются художественные образы, воплощенные в этюдах для фортепиано, сочиненных Шарлем-Валентином Альканом, выдающимся представителем романтической музыки XIX века. Этюды Алькана известны своей технической сложностью и виртуозностью, но за этими музыкальными изысками скрываются широкие диапазоны художественной образности и выразительности. Благодаря комплексному анализу избранных этюдов, данное исследование призвано раскрыть мельчайшие тонкости музыкального языка Алькана и изучить, как он трансформирует визуальные и эмоциональные образы в музыку. Опираясь на музыковедческие исследования, исторический контекст и сравнительный анализ, статья разбирает тематические и повествовательные элементы, присутствующие в этюдах Алькана, проливая свет на их символическое значение. Кроме того, в статье рассматривается влияние художественных образов Алькана на интерпретацию и исполнение его этюдов, подчеркивается взаимосвязь между техническим мастерством и художественной интерпретацией в сфере фортепианной музыки.

Ключевые слова: Шарль-Валентин Алькан, этюды для фортепиано, художественная образность, музыкальная экспрессия, романтическая музыка, символизм, исполнительская интерпретация.

Введение

Алькан был одним из выдающихся французских пианистов XIX века и одним из самых необычных композиторов своего времени. Его сочинения при всей их техничности отличаются образными преимуществами. Наиболее значительным вкладом Алькана в фортепианные этюды являются три его крупных сборника – ОР. 76, ОР. 35 и ОР. 39, которые не только превосходят предыдущие творческие опыты по структуре, масштабу и великолепию, но и обладают уникальной музыкальной концепцией и своеобразным художественным стилем. В данной статье анализируются структура, мелодика, гармония и тональность этюдов Алькана, раскрываются богатые художественные характеристики этюдов, предлагаются соответствующие исполнительские интерпретации тем и образов произведений. Вторая половина XIX века была эпохой, когда музыканты без устали находились в поиске нового звучания. Это также был важный этап для глобального распространения фортепианной музыки. В это время появилось много выдающихся композиторов, таких как Шопен, Лист, Шуман. Среди них особенно стоит творчество Ш. Алькана. На пике своей славы в 1830-х и 1840-х годах он был одним из ведущих пианистов Парижа, проводя почти всю свою жизнь вместе со своими друзьями и коллегами Фредериком Шопеном и Листом.

Музыкальные произведения Алькана обладают неповторимым художественным шармом. В своих произведениях композитор прекрасно синтезирует две совершенно разные стилевые характеристики: нежность и триумфальность или торжественность. Многие его фортепианные этюды можно сравнить с музыкальными произведениями Шопена. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественной и китайской академической литературе творчеству Ш. Алькана уделено неоправданно мало внимания. В отличие от своих более известных современников, композитор окончил свою жизнь затворником, что впоследствии негативно повлияло на его популярность.

Методы

Для проведения анализа образного мира фортепианных этюдов Ф. Листа, предполагается использование систематического подхода, включающего в себя классификацию образов по видам. В первую очередь, были выделены основные тематические направления и художественные концепции, присутствующие в этих произведениях. Был проведен обзор существующей литературы, посвященной жизни, творчеству Алькана и, в частности, его фортепианным этюдам. Были изучены научные статьи, книги, музыкальные анализы и исторические документы, связанные с Альканом и его композициями.

Результаты

Алькан родился в музыкальной семье, его отец был учителем музыки в подготовительной школе. Алькан проявил незаурядный музыкальный талант с детства. Он учился у композитора Иозефа Циммермана и стал выдающимся пианистом еще в подростковом возрасте. За время своей карьеры в парижских салонах и концертных залах он

время от времени делал паузу в своей исполнительской карьере на длительное время по личным причинам. Хотя у него было множество друзей и знакомых в художественных кругах Парижа, в том числе Эжен Делакруа и Жорж Санд, с 1848 года он вел уединенную жизнь, продолжая сочинять музыку – почти всю для клавишных.

Алькан был известен своим интеллектуальным подходом к композиции. Его этюды часто содержат сложные структуры и гармонии, которые вызывают интерес и восхищение у музыкантов и аудитории. Образы, связанные с интеллектуальной изысканностью, могут включать тонкие контрапункты, модуляции и неожиданные гармонические повороты. При исполнении фортепианных произведений Алькана важным фактором исполнения мелодии на протяжении всего исполнения фортепианного этюда является тональность. Тональность не статична, а меняется в зависимости от стиля игры Алкана и приемов художественной выразительности.

Эпоха, в которой жил Алькан, была эпохой романтизма, структурные изменения в фортепианной композиции в этот период были основаны на изменении гармонических и тональных красок, раскрывающих весь процесс исполнения фортепианных этюдов. Изучая тонально-цветовые структурные характеристики фортепианных этюдов Алькана, мы можем изучить меняющуюся траекторию его фортепианных этюдов. Мы обнаруживаем, что тонально-колористическая выразительность Алькана в фортепианных этюдах базируется в основном на традиционных стилях. Можно обнаружить, что Алькан предпринимает смелые попытки избавиться от традиционных техник композиции и форм выражения.

Произведения Алькана отличаются исключительной технической сложностью. Его 24 этюда (12 мажорных, ор. 35 и 12 минорных, ор. 39) обгоняют в виртуозности и технической сложности фигур даже «Трансцендентные этюды» Ференца Листа.

Двенадцать этюдов во всех мажорных тональностях следуют ключевой последовательности восходящих четвертей. Здесь прослеживается замысел Алькана при написании фортепианных этюдов: важным базовым навыком в практике фортепианного мастерства с древних времен до наших дней является практика игры в 24 мажорных и минорных гаммах.

Каждый этюд посвящен определенному техническому приему (например, октавам, повторению нот, тремоло и т.д.), но выходит за рамки упражнений, больше напоминая свободный полет фантазии. Некоторые исследователи называют этот цикл симфонической поэмой. Некоторые этюды из цикла ор. 35 имеют названия, например, «Chant d'amour-Chant de mort» («Песня любви и смерти»), «L'incendie au village voisin» («Пожар в деревне»), а знаменитый фа-мажорный этюд, исполненный в параллельных октавах (в основном на белых клавишах), называется «Allegro barbaro» («Веселый варвар»).

Первый этюд наполнен радостью нового дня, в гармонических переживаниях звучит утренняя свежесть и яркость солнечного света. Музыка наполняет пространство теплотой и оптимизмом, создавая образ прекрасного утра. Вся мелодия пронизана светом, а некоторые фигуры напоминают скольжение юрких солнечных зайчиков по потолку. Этюд символизирует движение вперед и стремление к прогрессу. Быстрые и динамичные фразы создают ощущение постоянного движения и развития, что передается слушателю. Следующий этюд в ре-мажоре представляет из себя переплетение мотивов, создающих образ постоянного подъема и спада, что может ассоциироваться с жизненными перипетиями или эмоциональными колебаниями лирического героя. Музыка то затихает и замедляется, то вновь набирает

обороты и ускоряется. Похожим образом устроен этюд № 3 в соль мажоре, он представляет собой произведение, характеризующееся игривой и светлой атмосферой. Пятый этюд «Allegro barbaro» состоит из мотивов и ритмов, которые могут напоминать народную музыку или традиционные мелодии, что придает произведению уникальный колорит и экзотический шарм. Это вписывается в название композиции – «Веселый варвар». Музыка этюда передает сильные эмоциональные колебания, от ярости и напряжения до экстаза и восторга.

«L'incendie au village voisin» («Пожар в деревне») – седьмой этюд в цикле – открывается мелодичным мотивом. Ближе к середине этого достаточно продолжительного во времени этюда напряжение постепенно возрастает достигая кульминации к концу. В переживаниях слушателю могут почудиться языки пламени, охватывающие деревню и несущие угрозу ее жителям. При этом финал этюда олицетворяет торжество человека над стихией.

«У Алькана, как и у Листа, господствующим становится сочетание типичных для романтической эпохи сфер лирического, героического, возвышенного и inferнального», – считают российские исследователи¹. При этом образы выражаются достаточно прямолинейно, отмечают они, героические оттенки воплощаются через марш, возвышенные оттенки – через хорал, лирические – через вальс, inferнальные и мистические настроения передаются через пляску и скерцо. Так, десятый этюд из мажорного цикла, который носит название «Песня любви и смерти» – «Chant d'amour – Chant de mort» – местами то напоминает «Сарабанда» Г.Ф. Генделя, звучит величественно, торжественно и мрачно.

Фортепианные этюды, написанные Шарлем-Валентином Альканом, глубоко перекликаются с эпохой романтизма, для которой характерны эмоциональная экспрессия, индивидуализм и поиск возвышенного. Алькан, видный деятель романтического движения, наполнил свои композиции художественными образами, воплощающими суть романтизма. Через сложные гармонии, виртуозные пассажи и волнующие мелодии Алькан передал дух эпохи в своих фортепианных этюдах.

Одной из определяющих характеристик этюдов Алькана является их эмоциональная глубина и интенсивность. В таких произведениях, как «Симфония для фортепиано соло», Алькан использует богатые гармонии и динамические контрасты, чтобы вызвать целый спектр эмоций – от меланхолического самоанализа до триумфального ликования. Эти эмоциональные контрасты отражают романтическую увлеченность сложностью человеческого опыта и исследованием внутреннего «я».

Кроме того, в фортепианных этюдах Алькана часто встречаются элементы или описательные пассажи природы – еще одна отличительная черта романтизма. Композитор черпает вдохновение в мире природы, используя описательные образы и программные элементы для изображения пейзажей, погодных явлений и других аспектов естественной среды. Через эти образы Алькан связывает человеческий опыт с возвышенной красотой и силой природы – центральной темой романтического искусства. Также в некоторых его произведениях прослеживается народная или фольклорная составляющая. При этом как известно, романтизм часто обращается к фольклору для поиска тематических мотивов и сюжетов. Мифы, легенды, сказки, народные поверья и обряды становятся источником вдохновения для романтических произведений. Эти элементы фольклора

¹ Куприна Елена Юрьевна, Баязитова Дина Ишбулдыевна Код Алькана // Philharmonica. International Music Journal. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-alkana> (дата обращения: 08.02.2024).

воплощают важные идеи и ценности, такие как любовь, свобода, природа, мистика, что отражает романтическую эстетику.

Заключение

Художественные образы, представленные в фортепианных этюдах Ш. Алкана, – это удивительное путешествие в мир романтизма. В этих сочинениях Алкан создает целую галерею тем и образов, черпая вдохновение из различных источников, таких как фольклор, природа и личные переживания. Этюды демонстрируют удивительный диапазон стилистических элементов, от героических и виртуозных до интроспективных и лирических, подтверждая многогранность Алкана как композитора. Его новаторский подход к фортепианному сочинению, характеризующийся сложными гармониями, смелыми модуляциями и сложными фактурами, бросает вызов как исполнителям, так и слушателям, приглашая их исследовать глубины музыкальной поэзии.

Литература

1. Куприна Елена Юрьевна, Баязитова Дина Ишбулдыевна Код Алкана // *Philharmonica. International Music Journal*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-alkana> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Baron J. H. A golden age for Jewish musicians in Paris: 1820–1865 // *Musica Judaica*, Vol. 14 (1999). S. 131–152.
3. Bellamann H.H. The Piano Works of C.V. Alkan // *Charles Valentin Morhange Alkan // The Musical Quarterly*, Vol. 10, No. 2 (Apr., 1924). S. 251–262.
4. Eddie, William Alexander. *Charles Valentin Alkan: His Life and His Music*. Aldershot: Ashgate, 2007
5. Jennings, Lee Byron. *The Ludicrous Demon: Aspects of the Grotesque in German Post-Romantic Prose*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1963.
6. Humphrey Searle. (1937). A Plea for Alkan. *Music & Letters*, 18(3), 276–279. <http://www.jstor.org/stable/727762>
7. Kregor, J. (2008). [Review of Charles Valentin Alkan: His Life and His Music, by W.A. Eddie]. *Notes*, 64(4), 731–733. <http://www.jstor.org/stable/30164142>
8. Waeber, Jacqueline. “Searching for the Plot: Charles-Valentin Alkan’s Souvenirs: Trois Morceaux
9. Dans Le Genre Pathétique, Op. 15.” *Journal of the Royal Musical Association* 132, no. 1 (2007): 60–114.
10. 马慧元：《阿尔康其人其乐》节选自《宁静乐园》，《音乐爱好者》2013年05期。Ma Huiyuan. The people of Alcorn and their joys, excerpt from the book “Heavenly Calm”, *Music Lovers*, выпуск 05, 2013
11. 浅析阿尔坎钢琴练习曲的演奏技巧与特点 以《十二首小调练习曲》Op.39和《十二首大调练习曲》Op.35为例，徐彬 – 《艺术教育》，2016; Сюй Бинь. Анализ испол-

нительских приемов и особенностей фортепианных этюдов Алкана на примере «Двенадцати минорных этюдов» Op.39 и «Двенадцати мажорных этюдов» Op.35, *Художественное образование*, 2016

ARTISTIC IMAGES OF PIANO ETUDES BY CH. ALKAN

Li Runchao

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

This article examines the artistic imagery embodied in the piano etudes composed by Charles-Valentin Alkan, a prominent representative of nineteenth-century Romantic music. Alkan's etudes are renowned for their technical complexity and virtuosity, but these musical delights conceal a wide range of artistic imagery and expressiveness. Through a comprehensive analysis of selected etudes, this study aims to uncover the minute subtleties of Alkan's musical language and explore how he transformed visual and emotional images into music. Drawing on musicological research, historical context and comparative analysis, the paper dissects the thematic and narrative elements present in Alkan's etudes, shedding light on their symbolic significance. In addition, the article examines the influence of Alkan's artistic imagery on the interpretation and performance of his etudes, emphasizing the relationship between technical mastery and artistic interpretation in the field of piano music.

Keywords: Charles-Valentin Alkan, fortepiano etudes, artistic imagery, musical expression, romantic music, symbolism, performance interpretation.

References

1. Kuprina Elena Yuryevna, Bayazitova Dina Ishbuldyevna Kod Alkan // *Philharmonica. International Music Journal*. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-alkana> (date of access: 05.02.2024).
2. Baron J. H. A golden age for Jewish musicians in Paris: 1820–1865 // *Musica Judaica*, Vol. 14 (1999). S. 131–152.
3. Bellamann H.H. The Piano Works of C.V. Alkan // *Charles Valentin Morhange Alkan // The Musical Quarterly*, Vol. 10, No. 2 (Apr., 1924). S. 251–262.
4. Eddie, William Alexander. *Charles Valentin Alkan: His Life and His Music*. Aldershot: Ashgate, 2007
5. Jennings, Lee Byron. *The Ludicrous Demon: Aspects of the Grotesque in German Post-Romantic Prose*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1963.
6. Humphrey Searle. (1937). A Plea for Alkan. *Music & Letters*, 18(3), 276–279. <http://www.jstor.org/stable/727762>
7. Kregor, J. (2008). [Review of Charles Valentin Alkan: His Life and His Music, by W.A. Eddie]. *Notes*, 64(4), 731–733. <http://www.jstor.org/stable/30164142>
8. Waeber, Jacqueline. “Searching for the Plot: Charles-Valentin Alkan’s Souvenirs: Trois Morceaux
9. Dans Le Genre Pathétique, Op. 15.” *Journal of the Royal Musical Association* 132, no. 1 (2007): 60–114.
10. 马慧元：《阿尔康其人其乐》节选自《宁静乐园》，《音乐爱好者》2013年05期。Ma Huiyuan. The people of Alcorn and their joys, excerpt from the book “Heavenly Calm”, *Music Lovers*, issue 05, 2013
11. 浅析阿尔坎钢琴练习曲的演奏技巧与特点 – 《艺术教育》，2016; Xu Bin. Analysis of performance techniques and features of Alkan's piano etudes using the example of “Twelve Minor Etudes” Op. 39 and “Twelve Major Etudes” Op. 35, *Art Education*, 2016

Плагат в современной медицинской науке: этика научных исследований и социальная значимость

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии,
ФГБОУ ВО Ярославский государственный медицинский
университет Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Маслов Егор Олегович,

студент, ФГБОУ ВО Ярославский государственный
медицинский университет Минздрава России
E-mail: mermoschina@yandex.ru

Шубин Данила Леонидович,

студент, Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова
E-mail: danshn@yandex.ru

В современной стремительно развивающейся области медицинской науки вопросы добросовестности научных исследований и этические вопросы привлекают все большее внимание мирового научного сообщества. Плагат, как серьезное нарушение академической этики, не только подрывает основную ценность науки – честность, но и оказывает глубокое влияние на прогресс медицинских исследований и безопасность пациентов. В этом докладе будет рассмотрено явление плагиата в современной медицинской науке с разных точек зрения, включая его определение, типы, распространенность, влияние и стратегии реагирования.

Ключевые слова: плагиат, научные исследования, медицина.

Определение и виды плагиата

Плагиат, по сути, представляет собой использование чужой работы без разрешения. В области медицинской науки плагиат проявляется в различных и сложных формах, а вред, который он наносит научному сообществу, также различен. Чтобы полностью понять явление плагиата в медицинской науке, нам сначала необходимо прояснить определение плагиата и его различных видов.

На международном уровне существует относительно единое понимание определения научной недобросовестности. (Научная недобросовестность – это поведение, которое нарушает этику научных исследований, носит дурной характер и имеет серьезные последствия, является преднамеренным и умышленным и подрывает основную ценность науки – честность.) Многие эксперты, считают, что научно-исследовательскую недобросовестность следует определять как фальсификацию, фальсификацию или плагиат (FFP) в проектных предложениях, обзорах исследований или отчетах о результатах исследований [9]. Известно, что фальсификация означает фальсификацию данных или результатов в целях сохранения или представления; фальсификация означает манипулирование исследовательскими материалами, оборудованием или процессами, изменение или исключение данных или результатов, в результате чего исследование становится несоответствующим исследовательским записям; а плагиат означает присвоение чужих идей, исследовательских процессов, результатов исследований или письменных выражений своим собственным без какого-либо признания вклада оригинального автора [6]. Это определение соответствует действующим международным определениям (например, определениям США и Европейского союза) и обеспечивает четкий стандарт для определения неправомерных действий при проведении научных исследований.

В медицинской науке плагиат может принимать следующие формы:

1. **Плагиат:** копирование чужого текста без ссылки на него или внесения в него изменений. Эта наиболее распространенная форма плагиата особенно очевидна в научных работах, где содержание опубликованных статей других авторов напрямую копируется и вставляется без каких-либо аннотаций.

2. **Плагиат данных:** использование чужих исследовательских данных без ссылки на источник. В медицинских исследованиях данные часто являются результатом того, что исследователи тратят много времени и ресурсов на их сбор и анализ. Использование этих данных без разрешения является серьезным нарушением академической этики.

3. **Графический плагиат:** повторное использование графики или изображений другого человека без разрешения. Диаграммы и изображения в медицинских статьях часто содержат важные результаты исследований. Несанкционированное повторное использование не только нарушает права первоначальных авторов, но и может привести к ошибочным исследовательским выводам.

4. **Плагиат идеи:** использование чужих исследовательских идей или методов без разрешения. Эта форма

плагиата более тонкая и может принимать форму имитации чужого исследовательского проекта или копирования методов исследования без признания вклада оригинального автора.

Согласно соответствующим исследованиям, пятью наиболее распространенными типами академических нарушений являются: плагиат, повторные исследования, вторичное цитирование, повторное использование и крупномасштабный плагиат [1]. Подобные действия не только нарушают права первоначальных авторов, но и подрывают доверие и дух сотрудничества научного сообщества.

Плагиат можно разделить на полный плагиат, крупный плагиат, умеренный плагиат, незначительный плагиат и незначительный плагиат в зависимости от степени плагиата; и может быть разделен на плагиат предложения, плагиат абзаца, плагиат главы и плагиат всей статьи в зависимости от длины плагиатируемого текста [2]. Данный метод классификации помогает более точно определить степень плагиата и дает основу для последующей обработки.

Распространенность плагиата

Распространенность плагиата в медицинской науке – это глобальная проблема, а не явление, характерное для какой-то конкретной страны или региона. Ряд случаев академического недобросовестного поведения, выявленных в последние годы, выдвинули на первый план проблему добросовестности научных исследований в области медицины и нанесли серьезный ущерб международной репутации научного сообщества. Согласно исследованию «Обзор текущего состояния добросовестности научных исследований в высших медицинских колледжах и анализ случаев», научно-исследовательская деятельность в медицинских школах всегда была ключевым направлением для предотвращения случаев недобросовестных научных исследований [3].

Плагиат с международной точки зрения

Недобросовестная исследовательская деятельность является глобальной проблемой. В последние годы, поскольку в научном сообществе неоднократно выявлялись случаи фальсификации, подделки и плагиата, ученые с различным опытом исследований в области медицины уделяли большое внимание и размышляли о недобросовестных научных исследованиях в клинических медицинских исследованиях [7]. В 2013 году появились новости о том, что Хироаки Мацубара, бывший профессор Медицинского университета префектуры Киото, манипулировал данными клинических испытаний в статье о применении антигипертензивного препарата валсартан для профилактики инсульта. Это, наряду с мошенничеством с данными в статье об экспериментальном препарате GlaxoSmithKline для лечения рассеянного склероза, вновь вызвало широкую дискуссию в медицинском сообществе о научной добросовестности и недобросовестности исследований [11].

Текущее положение дел с плагиатом в китайской медицинской науке

В сфере медицинской науки в Китае проблема плагиата стоит не менее остро. Согласно данным исследования, в период с 2012 по 2021 год в базе данных Retraction Watch было отозвано в общей сложности 802 медицинских статьи. Самый высокий уровень отзыва был зафиксирован в Китае – 38,15%, а наибольшее количество отзывов было в области инфекционных заболеваний – 20,32%, что

было связано с чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения, 53,40% отзывов были связаны с академическим ненадлежащим поведением, включая 687 случаев недостоверной информации, 175 случаев фабрикации или фальсификации, 264 случая плагиата, 517 случаев ненадлежащего поведения и 40 случаев этических нарушений [11].

Исследование восприятия академической этики в 2014 году было опубликовано журнале Science Eng Ethics. В этом исследовании анализируется восприятие биомедицинскими исследователями академической этики. Данные исследования, проведенного Национальной академией наук США по мошенничеству в исследованиях или предполагаемому мошенничеству, показали, что Китай занимает четвертое место в мире по уровню академического недобросовестного поведения в исследовательских работах [10].

Эти данные свидетельствуют о том, что плагиат является распространенной проблемой в сфере медицинской науки и требует должного внимания и эффективных мер реагирования.

Анализ случаев плагиата

За последние годы в сфере медицинской науки произошел ряд случаев академического недобросовестного поведения, которые не только выявили серьезность проблемы плагиата, но и отражают глубоко укоренившиеся проблемы в современной среде научных исследований.

В 2015 году известный сайт по мониторингу плагиата иностранных статей опубликовал отчет, в котором говорилось, что многие китайские медицинские статьи подозреваются в плагиате, и делался вывод о том, что компании, занимающиеся написанием статей, вступили в сговор с некоторыми журналами SCI (Индекс научного цитирования) с целью получения прибыли за счет публикации мошеннических статей [1]. Этот инцидент поднял вопрос о целостности системы академических публикаций и выявил сложную цепочку интересов, стоящую за академическим мошенничеством.

Журнал Scientific American проанализировал язык, используемый в более чем 100 научных работах, и обнаружил тревожные свидетельства того, что некоторые работы были настолько похожи, что выглядели так, как будто их массово производили в промышленных масштабах, чтобы обмануть систему рецензирования. Существование подобных «бумажных фабрик» еще больше усугубляет кризис добросовестности в области медицинской науки.

В 2023 году Национальный фонд естественных наук Китая сообщил о ряде случаев неправомерных действий. В одном случае первый автор Ван Хайтао поручил написать статью третьей стороне. В процессе написания статьи третья сторона допустила плагиат содержания чужих статей, находившихся на стадии подачи. В то же время газета также произвольно помечала чужие средства [4]. Подобные случаи раскрывают сложную картину неправомерного поведения, существующую в современной академической среде.

Когда было обнаружено, что обзорная статья, опубликованная Ромариком Лоффруа, французским профессором интервенционной радиологии, в значительной степени является плагиатом, он указал пальцем на так называемых авторов-призраков [11]. Это явление отражает путаницу в распределении академической ответственности и неадекватные стратегии, применяемые некоторыми исследователями для уклонения от ответственности.

В совокупности эти случаи демонстрируют, что проблема плагиата является сложной и широко распространенной в области медицинской науки и требует многогранных усилий и долгосрочной настойчивости для своего эффективного решения.

Влияние плагиата

Влияние плагиата на медицинскую науку глубоко и многогранно. Это не только наносит ущерб целостности и репутации науки, но и может представлять серьезную угрозу прогрессу медицинских исследований и безопасности пациентов. Ниже приведены основные последствия плагиата:

Подрыв научной честности

Плагиат наносит серьезный ущерб основной ценности науки – честности и подрывает доверие общественности к науке. Основа научных исследований – честность и прозрачность. Когда исследователи получают академические результаты посредством плагиата, они фактически подрывают эту основу. Научный прогресс зависит от накопления и обмена знаниями, а плагиат подрывает целостность этого процесса, делая накопление научных знаний ненадежным.

Как сказал Spier и его коллеги, научная недобросовестность – это нарушение этики научных исследований, которое носит серьезный характер и имеет серьезные последствия. Это делается намеренно и преднамеренно и подрывает основную ценность науки – честность [10]. Такое поведение не только наносит ущерб академической репутации отдельных лиц, но и может нанести непоправимый ущерб авторитету всего научного сообщества.

Пустая трата ресурсов

Еще одним важным последствием является пустая трата ресурсов, вызванная плагиатом. Когда исследователи получают «результаты исследований» посредством плагиата, они на самом деле тратят ценные научные исследовательские ресурсы. При этом данные ресурсы можно было бы использовать для настоящих научных исследований и инноваций, но, к большому сожалению, они были потрачены впустую из-за плагиата.

В области медицинской науки исследовательские ресурсы зачастую включают в себя большой объем человеческих, материальных, так и финансовых вложений. Так клиническое исследование может потребовать набора большого количества пациентов, занять несколько лет и потребовать больших денежных вложений. В данном случае исследователи прибегают к плагиату для получения экспериментальных результатов и фактически тратят эти ценные ресурсы и препятствуют реальному научному прогрессу.

Безопасность пациентов и социальные риски

Уже стало известно, что медицинские исследования с использованием плагиата, могут привести к ошибочным выводам, применяемым в клинической практике, тем самым создавая угрозу безопасности пациентов. Целью медицинских исследований является улучшение здоровья и качества жизни пациентов. Если результаты исследований ненадежны из-за плагиата, клинические решения, принятые на основе этих результатов, могут нанести серьезный вред пациентам [5].

Например, если результаты клинического испытания лекарственного препарата были плагиатом или фальсификацией, это может привести к одобрению к применению небезопасного или неэффективного препарата или к ошибочному отклонению безопасного и эффективного препарата. Такая ситуация не только приводит к пустой трате медицинских ресурсов, но и может напрямую угрожать жизни и здоровью пациентов, что напрямую приведет к социальному дисбалансу взаимоотношений врачей и пациентов [11].

Ущерб академической репутации

Плагиат наносит ущерб не только академической репутации отдельного человека, но и влияет на репутацию всего научно-исследовательского учреждения. Если в научно-исследовательском учреждении или университете будут обнаружены исследователи, совершившие плагиат, это не только нанесет ущерб академической репутации учреждения, но и может привести к недоверию общественности к учреждению, что повлияет на набор студентов, научно-исследовательское сотрудничество и финансирование.

Для отдельных исследователей плагиат может стать концом карьеры. Академическая репутация – один из самых ценных активов исследователя, и, если она испорчена плагиатом, восстановить ее будет трудно. Кроме того, плагиат может привести к юридическим последствиям, таким как потеря финансирования исследования, увольнение или даже судебное преследование.

Заключение

Плагиат препятствует истинному научному прогрессу и инновациям. Научные исследования основаны на накоплении и обновлении знаний, а плагиат препятствует этому процессу, посягая на идеи и достижения других. Так называемые «Плагиаторы» не только не вносят реального вклада в накопление научных знаний, но и помогают скрыть достижения оригинальных исследователей и мешают развитию науки.

Сам же плагиат может привести к нерациональному распределению исследовательских ресурсов, то есть, реализация ресурсов за исследования, которые по факту получены на основании псевдо «результатов» посредством плагиата, при этом настоящие инновационные исследования могут не получить той поддержки, которой они заслуживают, что еще больше препятствует научному прогрессу.

Суммируя выше сказанное, плагиат оказывает множество последствий на медицинскую науку и зачастую они несут негативный характер. Это не только наносит ущерб целостности и репутации науки, но и может представлять серьезную угрозу прогрессу медицинских исследований и безопасности пациентов. Поэтому укрепление академической честности, а также предотвращение и наказание плагиата имеют решающее значение для поддержания здорового развития медицинской науки.

Литература

1. Абрамова Н.Ю. Проблема плагиата в научных работах. Научная периодика: проблемы и решения. 2011; 1:25–28.
2. Ариффулина Р.У., Карпова Ю.Н., Шесслер О.В., и др.. К проблеме плагиата в сфере науки и образования. Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2–1. С. 55–59

3. Гулая Т. М., Герасименко Т. Л. Искусственный интеллект и развитие креативного и критического мышления у студентов неязыковых специальностей в процессе изучения английского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. –2025. -№ 4 (2). -С. 70–73 DOI 10.37882/2223–2982.2025.04–2.13
4. Кулешова А.В., Чехович Ю.В., Беленькая О.С. По лезвию бритвы: как самоцитирование не превратить в самоплагиат // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 1–2. С. 45–51. <https://doi.org/10.24069/2542–0267–2019–1–2–45–51>
5. Савгачев В.В. Этические и правовые аспекты при проведении генетического исследования в травматологии и ортопедии. Медицинская этика. 2025;(2):23–30. doi:10.54075/medet.2025.003
6. Тимофеева Т.И. Проблема научного плагиата и эффективность методов борьбы с ним // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9. С. 2–8.
7. Alqaisi N, Alshwayyat S, Aburumman S, et al. Assessing ChatGPT adoption in Jordanian medical education: a UTAUT model approach. BMC Med Educ. 2025;25(1):750. doi:10.1186/s12909-025-07336-y
8. Bouter L.M., Tjeldink J., Axelsen, N. et al. Ranking major and minor research misbehaviors: results from a survey among participants of four World Conferences on Research Integrity. Res Integr Peer Rev. 2016;1 (17): 258–264. doi:10.1186/s41073-016-0024-5
9. Malka N. The use and analysis of anti-plagiarism software: Turnitin tool for formative assessment and feedback. Computer Applications in Engineering Education. 2017;25(6). doi:10.1002/cae.21842
10. Spier RE, Bird SJ. Science and Engineering Ethics enters its third decade. Sci Eng Ethics. 2014;20(1):1–3. doi: 10.1007/s11948-014-9527-y.
11. Савгачев В.В., Ермошина М.Е. Социальные нормы в структуре общественных отношений: механизмы формирования, модели усвоения и культурные детерминанты. Социально-гуманитарные знания. 2025;8:99–103. DOI: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2025.8.52074>

PLAGIARISM IN MODERN MEDICAL SCIENCE: ETHICS OF SCIENTIFIC RESEARCH AND SOCIAL SIGNIFICANCE

Savgachev V.V., Maslov E.O., Shubin D.L.

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of the Russian, Yaroslavl State University

In the modern rapidly developing field of medical science, issues of scientific research integrity and ethical issues are attracting increasing attention from the global scientific community. Plagiarism, as a serious violation of academic ethics, not only undermines the core value of science – honesty, but also has a profound impact on the progress of medical research and patient safety. This report will examine the phenomenon of plagiarism in modern medical science from different perspectives, including its definition, types, prevalence, impact, and response strategies.

Keywords: plagiarism, scientific research, medicine.

References

1. Abramova N. Yu. The problem of plagiarism in scientific works. Scientific Periodicals: Problems and Solutions. 2011; 1:25–28.
2. Arifulina R.U., Karpova Yu.N., Shessler O.V., et al. On the problem of plagiarism in science and education. Modern High Technologies. 2016; 2–1:55–59.
3. Gulaya T.M., Gerasimenko T.L. Artificial intelligence and the development of creative and critical thinking in non-linguistic students in the process of learning English. Modern Science: Topical Issues of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025; 4(2):70–73. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.04-2.13
4. Kuleshova A.V., Chekhovich Yu.V., Belenkaya O.S. On the razor's edge: how not to turn self-citation into self-plagiarism. Scientific Editor and Publisher. 2019; 4(1–2):45–51. <https://doi.org/10.24069/2542–0267–2019–1–2–45–51>
5. Savgachev V.V. Ethical and legal aspects of conducting genetic research in traumatology and orthopedics. Medical Ethics. 2025; (2):23–30. doi:10.54075/medet.2025.003
6. Timofeeva T.I. The problem of scientific plagiarism and the effectiveness of methods to combat it. Modern Scientific Research and Innovation. 2014; 9:2–8.
7. Alqaisi N., Alshwayyat S., Aburumman S., et al. Assessing ChatGPT adoption in Jordanian medical education: a UTAUT model approach. BMC Med Educ. 2025; 25(1):750. doi:10.1186/s12909-025-07336-y
8. Bouter L.M., Tjeldink J., Axelsen N., et al. Ranking major and minor research misbehaviors: results from a survey among participants of four World Conferences on Research Integrity. Research Integrity & Peer Review. 2016; 1(17):258–264. doi:10.1186/s41073-016-0024-5
9. Malka N. The use and analysis of anti-plagiarism software: Turnitin tool for formative assessment and feedback. Computer Applications in Engineering Education. 2017; 25(6). doi:10.1002/cae.21842
10. Spier R.E., Bird S.J. Science and Engineering Ethics enters its third decade. Science and Engineering Ethics. 2014; 20(1):1–3. doi:10.1007/s11948-014-9527-y.
11. Savgachev V.V., Ermoshina M.E. Social norms in the structure of social relations: formation mechanisms, learning models, and cultural determinants. Social-Humanitarian Knowledge. 2025;8:99–103. DOI: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2025.8.52074>

Саканян Нарек Севакович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

Проблема терроризма является актуальной в современном мире. Одним из основных факторов повышения уровня терроризма в стране является период кризиса, так как он ослабляет государство, делая его более уязвимым. В России сейчас отмечается период социально-экономического кризиса, обусловленный внешними и внутренними факторами. Это повышает уровень терроризма как угрозы национального масштаба. Учитывая актуальность проблемы терроризма и угрозы, которая стоит за этой проблемой, была определена цель статьи – провести анализ проблемы современного терроризма в разрезе современной политики и социально-экономической ситуации в стране. Цель исследования реализовывалась путем анализа научной литературы социально-экономического и политического профиля, изучения статистических данных. Методы исследования: метод оценки статистических и фактических данных о терроризме, ретроспективный анализ, индуктивный метод, анализ источников. Результаты исследования определяют его научную значимость – выделены особенности современного терроризма, представлены рассуждения относительно направлений и путей усиления политики противодействия терроризму в стране с учетом современных реалий. Результаты исследования рекомендованы к ознакомлению в рамках изучения проблемы терроризма, а также для включения в другие исследования, посвященные терроризму.

Ключевые слова: терроризм; теракт; профилактика терроризма, современный терроризм, противодействие терроризма, угроза национальной безопасности.

Введение

Термин «угроза национальной безопасности» определяется как совокупность условий и факторов, являющихся препятствием для реализации национальных интересов, и создающих опасность национальным ценностям [1]. В соответствии с этой формулировкой, источником угрозы национальной безопасности может выступать как другое государство (или группа государств), так и группировки лиц, отдельные лица и процессы, экономические явления, явления информационной сферы и т.д.

Раскрыть сущность понятия «угроза национальной безопасности» можно также с точки зрения законодательного аспекта. Так, в Указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности» также уточняется содержание некоторых смежных понятий. Согласно этой Стратегии, национальная безопасность Российской Федерации определяется как состояние защищенности национальных интересов страны от всех видов угроз (внешних и внутренних) и возможность обеспечения и реализации конституционных прав и свобод граждан, достойного качества их жизни, гражданского мира, согласия в стране. В этом же документе определено, что деятельность по обеспечению национальной безопасности включает в себя реализацию органами публичной власти и институтами гражданского общества различных мер политического, правового, военного, социального, экономического, организационного и информационного характера. Цель таких мер заключается в противодействии определенным и конкретным угрозам национальной безопасности [2].

В настоящее время можно говорить о том, что серьезной угрозой национальной безопасности страны является терроризм.

Терроризм определяется как политика, основой которой является устрашение политических и идеологических противников через насилие (прежде всего физическое), а порой и полное их уничтожение. Терроризм бывает разных видов (приоритетно националистический, религиозный), и развивается под воздействием многих факторов [3].

Учитывая распространенность и актуальность проблемы терроризма во всем мире [4–6], вопрос антитеррористической безопасности был и остается значимой центральной проблемой политики государства. Современное государство в настоящее время не способно развиваться без поиска, решения и совершенствования проблем, связанных с противодействием терроризму и нивелированием терроризма как угрозы национальной безопасности. С каждым годом терроризм как явление расширяет свою территорию, этническую принадлежность, масштабы деятельности.

Наибольший уровень проявлений терроризма, как показывает отечественный опыт и опыт других стран, приходится на кризисные ситуации, обусловленные как внутренними государственными процессами, так и условиями и особенностями реализации внешней политики государства. С опорой на научные исследования современных авторов, определим факторы, способствующие развитию терроризма в настоящее время [7–10]:

– экономические факторы, такие как социальное классовое неравенство, существование теневой эко-

номики, миграционные процессы, высокий уровень безработицы и т.д.;

- политические факторы, среди которых попытки иностранных государств вмешаться во внутреннюю политику страны, бюрократизация власти, коррупционность государственных структур, медленные реакции власти и общества на изменения в стране и на мировой арене;
- идеологические факторы, включающие пропаганду ненависти, вражды, распространение националистических идей и настроений и т.д.;
- правовые факторы, включающие уровень доступности власти для народа, уровень влияния решений граждан на государственную политику, уровень правовой активности и правовой грамотности населения и т.д.

Резюмируя, можно «переложить» эти факторы на внутреннее и внешнее состояние Российской Федерации. Тогда можно констатировать, что в стране созданы условия для развития всех групп факторов, способствующих повышению уровня терроризма в стране – это и нерешенные социально-экономические проблемы, и недостаточная интеграция мигрантов, высокий уровень безработицы, инструментализация религии, пропаганда экстремистских идей через средства массовой информации, низкий уровень социальной защищенности граждан в регионах, внешние угрозы. Это обуславливает актуальность и значимость рассмотрения терроризма как угрозы национальной безопасности.

Материалы и методы исследования

Терроризм представляет значительную угрозу национальной безопасности, что обуславливает необходимость его освещения в разрезе таких вопросов, как динамика терроризма, последствия терроризма, способы и методы противодействия терроризму. Для раскрытия обозначенных аспектов было проведено теоретико-аналитическое исследование. Методы реализации исследования: метод оценки статистических и фактических данных о терроризме, ретроспективный анализ, индуктивный метод, анализ источников. Материалы исследования: научные статьи и монографии, открытые статистические данные, отчетности, публицистические материалы.

Результаты и обсуждение

Отмечено, что в современных реалиях терроризм как явление переходит на новые уровни угрозы. В Российской Федерации факторами риска, влияющими на повышение уровня терроризма, становятся: социально-экономические условия, религиозные факторы, политические факторы, включая как внутреннюю, так и внешнюю политику. В свете сложившихся условий, терроризм является угрозой для отдельного человека, для общества, и для государства, приобретая масштабы национальной угрозы.

При этом стоит отметить, что борьба с терроризмом культивируется в российском обществе с позиции успешности и позитивных изменений, через новостные сводки и публицистические материалы с заголовками: «обезвредили», «нашли», «предотвратили», «задержали»¹. Однако, сходится ли такой информационный посыл с действительностью, можно определить, обратившись к достоверным и объективным статистическим данным: о количестве преступлений террористического характера

ра и существующих концепций и методов борьбы с терроризмом.

Было определено, что терроризм наиболее «виден» и «активен» в периоды кризисов и волнений. С 2022 года в стране отмечается нестабильная обстановка, обусловленная началом специальной военной операции на Украине и связанными с ней последствиями: внутреннее (повышение уровня преступности, ослабление работы государственных органов, высокий уровень инвалидизации взрослого работоспособного населения, оппозиционные взгляды и настроения, обращение к идеологии и религии как стабильной структуре и т.д.) и внешние (санкции со стороны недружественных государств, ограничение доступа недружественных государств к своей территории для граждан страны и т.д.). Соответственно, для ретроспективного анализа конкретных данных и статистических показателей, определено рассматривать период с 2021 по 2024 год включительно.

Критерии анализа: количество осужденных лиц за преступления террористической направленности, количество зарегистрированных преступлений террористического характера. Показательным также был бы анализ количества погибших лиц в результате террористических действий на территории Российской Федерации, однако за обозначенный период достоверных данных в открытом доступе в сводной статистике не найдено (только данные по нескольким крупным терактам). Анализ проводился с опорой на источники: Tadviser (Колонка «Терроризм в России»)², ТАСС³, Портал правовой политики⁴, Судебная статистика РФ по уголовным производством⁵.

Результаты анализа представлены на рисунке 1.

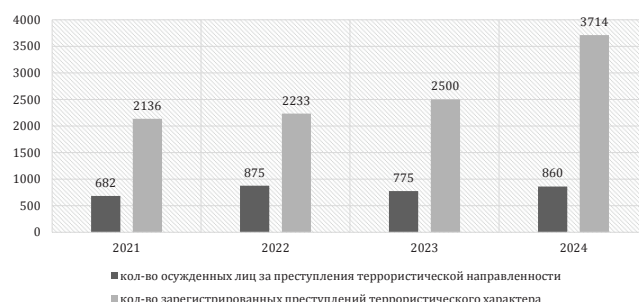

Рис. 1. Динамика показателей повышения уровня терроризма в России за 2021–2024 гг. [составлено автором]

Как видно на рисунке 1, динамика повышения количества зарегистрированных преступлений террористического характера за 4 года равна 173% с положительным знаком, что говорит об увеличении количества зарегистрированных преступлений в 2024 году в сравнении с 2021. Также, количество осужденных лиц за преступления террористической направленности в стране также возросло, с динамикой, равной 126%. С одной стороны, позитивная динамика по количеству осужденных может говорить об улучшении работы соответствующих государственных органов, однако при этом нельзя отрицать общие показатели увеличения масштабов и степени преступности в сфере терроризма.

Соответственно, в настоящее время терроризм является явлением долгосрочного порядка, как в рамках границ Российской Федерации, так и за ее пределами,

² https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

³ <https://tass.ru/obschestvo/20634021>

⁴ http://crimestat.ru/offenses_map

⁵ <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn——p1ai/stats/ug/t/11/s/1>

в современной геополитической системе. При этом развитие информационных технологий, цифровизация, повышение информированности граждан, доступность и неконтролируемость средств массового информационного воздействия – это те факторы современности, которые делают терроризм более устойчивым и масштабируемым [11].

Для полного анализа современных средств и методов подготовки террористических преступлений, были изучены архивные материалы и хроники крупнейших терактов, совершенных в России за последние 10 лет, а также материалы об особенностях подготовки террористических преступлений, подготовленные Национальным антитеррористическим комитетом РФ¹. Так, были проанализированы хронология и методы реализации следующих терактов, а также серий преступлений террористической направленности: Серия взрывов и поджогов, 2024 год (наиболее массово в г. Москва и в г. Санкт-Петербург); Теракт в «Крокус Сити Холле», 22 марта 2024 года; Атака на колледж в Керчи, 17 октября 2018 год; Теракт в метро Санкт-Петербурга, 3 апреля 2017 года; другие случаи поджогов, взрывов и массовых волнений.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие современные методы и инструменты, которые используют террористы для реализации террористических преступлений:

- дезинформация, распространение угроз, распространение ложных сведений до, во время и после совершения преступления террористической направленности (с активным использованием сети Интернет);
- вербовка и мобилизация сторонников через цифровые ресурсы (чаты, форумы, специальные веб-сайты);
- сбор средств и финансирование, с использованием алгоритмов и методик сбора средств неправительственных организаций и фондов помощи;
- использование программного обеспечения для шифрования и анонимизации при поддержании связи, координации террористического акта;
- использование рекламных и PR-коммуникаций для пропаганды идеалистического образа террориста, распространения идеологии, манипулирования сознанием граждан.

В совокупности с традиционными тактическими алгоритмами и действиями, использование современных технологий дает новый виток развития террористическим организациям, так как позволяет более масштабно и массово распространять их идеологию, дает новые возможности для сбора ресурсов (в виде сторонников, финансов, материальных благ, средств совершения террористического преступления и т.д.). У терроризма современности есть идеология, есть узнаваемое «лицо» (речь идет не о конкретном человеке, а о признаках современного терроризма), есть ресурсы, есть просчитанная тактика. В совокупности с современными условиями, характеризующимися благоприятными с точки зрения активной пропаганды вражды, ненависти и волнений, терроризм становится значительной, страшной и серьезной угрозой национальной безопасности.

На национальном уровне формируется и существует система, направленная на противодействие терроризму. Ее направленность имеет общий характер, и предполагает эффективное использование ресурсов и потенциала государства и общества в борьбе с террориз-

мом. В настоящее время законодательно эта система регламентируется Федеральными законами (ФЗ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», ФЗ № 390-ФЗ «О безопасности», ФЗ № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»), Указами Президента РФ, Постановлениями и Распоряжениями Правительства РФ, региональными нормативно-правовыми актами и иными документами, например «Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации».

В целом в отечественной системе противодействия терроризму основной акцент делается на предотвращение посягательств на ключевые объекты национальной безопасности, и на нарушения спокойствия общественного характера. С опорой на проведенный анализ и выделенные особенности современного терроризма как угрозы национальной безопасности, видится необходимость реализации следующих направлений в борьбе с этим явлением [12, 13]:

- работа по снижению масштабов и количества террористических актов;
- недопущение террористических действий на территории государства путем усиления системы предотвращения преступлений террористической направленности;
- нейтрализация террористических элементов в субъектах государства;
- повышение прозрачности деятельности государственных органов для регулирования перемещений федерального бюджета;
- мониторинг и контроль оппозиционных групп и радикальных религиозных организаций;
- обеспечение, в перманентном состоянии, защищенности основных и стратегических объектов государственной инфраструктуры.

Наряду с выделенными направлениями, видится целесообразным оказание воздействия на общество и его восприятие проблемы терроризма. Для этого, во-первых, важна информатизация общества, включающая прозрачное и достоверное освещение состояния по уровню и угрозам терроризма в стране, по способам предотвращения терроризма, по способам противодействия вербовке и мобилизационным мероприятиям, проводимым со стороны террористов. Ключевой способ реализации всех информационно-просветительских мероприятий – профилактика.

Профилактика терроризма должна включать работу с гражданами всех возрастов и социальных ролей. Так, например, в школах должны проводиться информационные мероприятия, с использованием конкретных данных, доступного для школьного возраста и психики детей понятийного аппарата, мероприятия обучающего характера (основные средства и методы борьбы, тактика поведения в случае террористического акта и т.д.). Все профилактические мероприятия должны проводиться обученными специалистами, среди которых обязательно присутствие представителей Национального антитеррористического комитета, кризисного психолога, представителя администрации и орг.комитета и т.д.

Второе важное направление, которое также можно включить в группу профилактических мер – работа со средствами массовой информации. Сведения о тактике проведения террористических операций, основных средствах и методах борьбы с террористами и другие сведения о террористических преступлениях в репортажном режиме должны освещаться по заданному алгоритму, игнорирование которого будет предполагать

¹ О тактике проведения диверсионно-террористических актов – <http://nac.gov.ru/rekomendacii-po-pravilam-lichnoy-bezopasnosti/o-taktike-provedeniya-diversionno.html>

определенную административно-правовую ответственность. Выделение этого направления связано с тем, что неконтролируемое, хаотичное и провокационное освещение темы терроризма, в частности – о причинах, ходе и результатах терактов в режиме репортажей с места событий, – приводит к устрашению населения, провоцирует панику и ненависть. Также, неконтролируемая работа средств массовой информации может стать источником информации для террористов. В совокупности неподконтрольная работа СМИ в рамках освещения преступлений террористической направленности может стать источником угрозы, в связи с чем профилактика терроризма должна предполагать разработку регламента и алгоритма действий во время террористического акта для всех, прямо или косвенно задействованных структур и органов.

Стоит отметить, что профилактика терроризма более важна, чем борьба с его последствиями, так как тщательно спланированная и реализованная система профилактики терроризма может снизить уровень и масштабы терроризма на национальном уровне. Особо значимым является проведение профилактических мероприятий среди молодежи и подрастающего поколения, ввиду уязвимости представителей юного и молодого возраста в плане подверженности негативному влиянию и психологическому воздействию.

Выводы и заключение

В настоящее время терроризм выступает как значимая и серьезная угроза национальной безопасности, что подтверждается статистическими данными, хронологическими событиями и их последствиями. Современный терроризм «совершенствуется» – использует современные технологии, усиливает манипулятивные техники воздействия, действует через киберпространство, шифруется и анонимизируется, используя цифровые технологии и алгоритмы. Вместе с этим, для предотвращения этой масштабной угрозы в лице терроризма и его последствий для национальной безопасности, предлагается пересмотреть систему противодействия терроризму в России. Ключевые направления борьбы с терроризмом как с угрозой национального масштаба должны включать в себя профилактику терроризма, борьбу с терроризмом, минимизацию и ликвидацию последствий терроризма. Особое внимание стоит уделить профилактическим мероприятиям, технологиям и средствам, так как предотвращение терроризма и сокращение количества преступлений террористической направленности как цель работы анти-террористической системы должны превалировать над такими целями, как фактическая борьба с терроризмом и ликвидация его последствий.

Литература

1. Угроза национальной безопасности // МЧС России [Электронный ресурс] – URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1797#> (дата обращения: 25.01.2025).
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 25.01.2025).
3. Тютрина А.П. Терроризм: понятие и противодействие / А.П. Тютрина // Молодой ученый. 2021. № 10 (352). С. 125–127.
4. Вакула А.И., Назаров А.А. Международный терроризм как угроза мировой стабильности // В сборни-

ке: Реализация принципов международного права: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов. 2019. С. 50–53.

5. Гайнетдинова Г.С. Виды современного терроризма // Вестник РУК. 2022. № 3 (49). С. 112–116.
6. Никитенко, Е.Г. Терроризм в современном мире / Е.Г. Никитенко, Н.С. Саканян // Вестник юридических исследований. – 2024. – Т. 3, № 4. – С. 4–17. – EDN RFBQVN.
7. Шогенов З.А. Причины, факторы и способы противодействия развитию националистического терроризма в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 177–181.
8. Яковлев В.В. Факторы, способствующие осуществлению террористической деятельности на территории Российской Федерации, и меры по их нейтрализации // Общество и право. – 2021. – № 3 (77). – С. 38–43.
9. Карданов А.Р. Мотивационные факторы распространения идеологии терроризма и экстремизма в глобальном медиапространстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 59–62.
10. Кучинаев Р.Р. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 258–262.
11. Базаркина, Д.Ю. Борьба с терроризмом и ее коммуникационный аспект: опыт ЕС // Информационные войны. 2019. – № 4 (36). – С. 31–33.
12. Зайцева С. Е., Гальцова С.А. Экстремизм и терроризм как реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации // Современные мировые научные достижения в контексте. – Краснодар, «Новация», 2024. – с. 392–398.
13. Зубкова Д. В., Кухарев Ю.С. Анализ методов борьбы с терроризмом // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. – 2022. – С. 218–221.

TERRORISM AS A NATIONAL SECURITY THREAT

Sakanyan N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The problem of terrorism is relevant in the modern world. One of the main factors in the growth of terrorism in the country is a period of crisis, as it weakens the state and makes it more vulnerable. Russia is going through a period of socio-economic crisis due to external and internal factors. This increases the level of terrorism as a threat of national scale. Given the relevance of the problem of terrorism and the threat behind this problem, the purpose of the article was determined – to analyze the problem of modern terrorism in the context of modern politics and socio-economic situation in the country. The purpose of the research was realized by analyzing scientific literature of socio-economic and political profile, studying statistical data. Methods of research: method of evaluation of statistical and factual data on terrorism, retrospective analysis, inductive method, analysis of sources. The results of the study determine its scientific significance – the peculiarities of modern terrorism are highlighted, the reasoning regarding the directions and ways of strengthening the policy of counter-terrorism in the country with regard to modern realities is presented. The results of the study are recommended for the study of the problem of terrorism, as well as for inclusion in other studies devoted to terrorism.

Keywords: terrorism; terrorist attack; terrorism prevention, modern terrorism, counter-terrorism, threat to national security.

References

1. Threat to National Security // EMERCOM of Russia [Electronic resource] – URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-min->

- isterstve/terminy-mchs-rossii/term/1797# (date of access: 25.01.2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // ConsultantPlus [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of access: 25.01.2025).
 3. Tyutrina A.P. Terrorism: concept and counteraction / A.P. Tyutrina // Young scientist. 2021. No. 10 (352). P. 125–127.
 4. Vakula A.I., Nazarov A.A. International terrorism as a threat to global stability // In the collection: Implementation of the principles of international law: problems and prospects. Collection of scientific papers. 2019. Pp. 50–53.
 5. Gainetdinova G.S. Types of modern terrorism // Bulletin of the Russian Law Institute. 2022. No. 3 (49). Pp. 112–116.
 6. Nikitenko, E.G. Terrorism in the modern world / E.G. Nikitenko, N.S. Sakanyan // Bulletin of legal studies. – 2024. – Vol. 3, No. 4. – Pp. 4–17. – EDN RFBQVH.
 7. Shogenov Z.A. Causes, factors and methods of countering the development of nationalist terrorism in modern conditions // Gaps in Russian legislation. – 2022. – Vol. 15. – No. 4. – P. 177–181.
 8. Yakovlev V.V. Factors Contributing to Terrorist Activity on the Territory of the Russian Federation and Measures to Neutralize Them // Society and Law. – 2021. – No. 3 (77). – P. 38–43.
 9. Kardanov A.R. Motivational Factors in the Spread of the Ideology of Terrorism and Extremism in the Global Media Space // Gaps in Russian Legislation. – 2021. – Vol. 14. – No. 4. – P. 59–62.
 10. Kuchinaev R.R. Modern Trends of Digital Extremism and Terrorism // Gaps in Russian Legislation. Law Journal. – 2023. – Vol. 16. – No. 4. – P. 258–262.
 11. Bazarkina, D. Yu. The fight against terrorism and its communication aspect: the EU experience // Information wars. 2019. – No. 4 (36). – P. 31–33.
 12. Zaitseva S. E., Galtsova S.A. Extremism and terrorism as a real threat to the national security of the Russian Federation // Modern world scientific achievements in context. – Krasnodar, "Novation", 2024. – P. 392–398.
 13. Zubkova D. V., Kukharev Yu.S. Analysis of methods of combating terrorism // Evolution of the state and law: problems and prospects. – 2022. – P. 218–221.

Теоретические подходы к изучению институционализации российско-китайских социокультурных взаимодействий в приграничных территориях Дальнего Востока

Чэнь Сяосюй,

аспирант кафедры социологии культуры и коммуникации,
Санкт-Петербургский государственный университет¹

Тангалычева Румия Кямилевна,

профессор кафедры социологии культуры и коммуникации
СПбГУ, ведущий специалист в области социологии культуры,
глобальной социологии и межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению институционализации межкультурных взаимодействий, в частности, российско-китайских социокультурных взаимодействий в приграничных территориях Дальнего Востока. Анализируются ключевые теории межкультурной коммуникации (МКК), такие как теория культурных измерений Г. Хофстеде, теория культурной идентичности М. Беннетта, теория межкультурной адаптации Ю. Кима и концепция «культурного кода» К. Рапайя. Подчеркивается роль МКК в понимании и регулировании социальных, экономических и культурных процессов в приграничных регионах, а также необходимость учета специфики приграничного контекста при анализе социокультурных взаимодействий.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, институционализация, российско-китайские отношения, приграничные территории, Дальний Восток, Хабаровск, культурные измерения, культурная идентичность, межкультурная адаптация, культурный код.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью межкультурных взаимодействий в условиях глобализации и регионализации. Российско-китайские отношения, особенно в приграничных территориях Дальнего Востока, представляют собой динамично развивающуюся сферу, требующую научного осмысления. Институционализация этих взаимодействий является ключевым фактором их устойчивости и эффективности. Данная статья посвящена анализу теоретических подходов, позволяющих исследовать этот процесс.

Методология и источники

В данной статье использовался комплексный подход, сочетающий теоретический анализ, обобщение научных публикаций и применение междисциплинарных методов исследования. Целью было критическое осмысление существующих подходов к изучению межкультурной коммуникации и выявление перспективных направлений ее развития.

Методы исследования

Теоретический анализ: исследование и анализ научных публикаций, монографий, статей, диссертаций и электронных ресурсов для выявления основных концепций, теорий и подходов в области межкультурной коммуникации.

Синтез и обобщение: интеграция различных точек зрения и подходов для формирования целостного представления о проблеме исследования.

Междисциплинарный подход: использование знаний из различных областей, таких как социология, культурология, психология и лингвистика, для комплексного анализа межкультурной коммуникации.

Источниковая база исследования представлена в Таблице 1.

Теории межкультурной коммуникации (МКК) и их применение к российско-китайским взаимодействиям

В условиях глобализации и роста мобильности населения, изучение межкультурной коммуникации (МКК) приобретает особую актуальность. МКК – это дисциплина, исследующая процессы обмена информацией, идеями, ценностями и практиками между представителями различных культур. Она изучает, как культурные различия влияют на эффективность и результаты коммуникации, а также разрабатывает стратегии преодоления коммуникативных барьеров.

В контексте российско-китайских взаимодействий в приграничных территориях Дальнего Востока, МКК играет ключевую роль в понимании и регулировании социальных, экономических и культурных процессов. Приграничные регионы, такие как Хабаровский край, Приморский край и Амурская область, являются зоной

¹ <https://sciepeople.ru/department/1686/?ysclid=me2h2ef-npu101687237> (дата обращения 7.07.2025)

интенсивных контактов между российским и китайским населением, где взаимодействие происходит на разных уровнях: от торговли и туризма до культурного обмена и совместных образовательных проектов. Успешность

этих взаимодействий во многом зависит от уровня межкультурной компетентности участников и способности преодолевать коммуникативные барьеры, обусловленные культурными различиями.

Таблица 1. Источниковая база исследования. Составлено автором

Тип источника	Автор (авторы)	Название	Издательство/Ресурс	Год издания	Ссылка/Выходные данные
Книги	Добренков, В.И., Кравченко, А.И.	Методы социологического исследования	Инфра-М	2023	М.: Инфра-М, 2023. – 768 с.
	Садохин, А.П.	Теория и практика межкультурной коммуникации	Юнити-Дана	2022	М.: Юнити-Дана, 2022. – 400 с.
	Тен, Ю.П.	Культурология и межкультурная коммуникация	Феникс	2024	Ростов н/Д: Феникс, 2024. – 336 с.
	Рапай, К.	Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему	Альпина Паблишер	2018	М.: Альпина Паблишер, 2018. – 208 с. – [Электронный ресурс]. – Доступ из MyBook: https://mybook.ru/author/kloter-rapaj/kulturnyj-kod-kak-my-zhivem-chto-pokupаем-i-pochem/read/ (дата обращения: 04.07.2025).
Статьи	Held D. McGrew A.G.	Global transformations, politics, economics and culture	cyberleninka.ru	2003	№ 1–001. – [Электронный ресурс]. – Доступ: https://cyberleninka.ru/article/n/2003-01-001-globalnye-transformatsii-politika-ekonomika-i-kultura-global-transformations-politics-economics-and-culture-held-d-mcgrew-a-g (дата обращения: 30.06.2025).
		Статья из журнала «Искусство и культура»	Журнал «Искусство и культура»	2016	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://jurnal.org/articles/2016/iskus10.html (дата обращения 02.07.2025)
		Статья из журнала «Власть»	Журнал «Власть»	2018	[Электронный ресурс]. – Доступ: http://vlastdviu.ru/download/rio/j2018-1/15.pdf (дата обращения 03.07.2025)
		Статья из журнала «Социальные науки»	Журнал «Социальные науки»	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://www.socionauki.ru/journal/articles/300110/ (дата обращения 01.07.2025)
	Батарчук, Ж.В. (отв. за вып.)	Межкультурная коммуникация в современном мире: материалы III Международной студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 апреля 2015 г.	Урал. федерал. ун-т	2015	Екатеринбург: Урал. федерал. ун-т, 2015. – 249 с. – [Электронный ресурс]. – Доступ: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34793/1/978-5-7996-1517-8.pdf?ysclid=mcnpa1eelk184302534 (дата обращения: 04.07.2025).
	Мокеев, К.В.	Диссертация на тему: «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: социально-философский анализ»	elar.urfu.ru	2022	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116253/1/m_th_k.v.mokeev_2022.pdf?ysclid=mcnpcht7go585340716 (дата обращения: 03.07.2025).
Электронные ресурсы		Учебное пособие. Межкультурные коммуникации	irbis.amursu.ru	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/8164.pdf (дата обращения: 04.07.2025).
		Лекции по курсу «Межкультурные коммуникации»	studfile.net	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://studfile.net/preview/11412190/page:8/ (дата обращения: 03.07.2025).
		Презентация. Межкультурная коммуникация	ppt-online.org	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://ppt-online.org/511373 (дата обращения: 03.07.2025).
		Интегративная теория коммуникации	translated.turbopages.org	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.98d596eb-6867a6e6-0a99a9de-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Integrative_communication_theory (дата обращения: 04.07.2025).

Тип источника	Автор (авторы)	Название	Издательство/Ресурс	Год издания	Ссылка/Выходные данные
	Волков, Ю.Г., Мо-стовая, И.В.	Социология	elib.manas.edu.kg	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://elib.manas.edu.kg/book/5766-Volkov%20sosyologiya.pdf (дата обращения: 01.07.2025).
		Межкультурная коммуникация как научная парадигма	concept.mgimo.ru	Неизвестно	[Электронный ресурс]. – Доступ: https://concept.mgimo.ru/jour/article/view/103 (дата обращения: 04.07.2025)

Примечание: Дата обращения к электронным ресурсам указана в таблице.

Для анализа социокультурных взаимодействий между Россией и Китаем, учитывая специфику приграничного контекста, необходимо рассмотреть теоретические подходы¹.

Теория культурных измерений Г. Хофстеде: теория предлагает анализировать культуры по нескольким измерениям, таким как индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, маскулинность-фемининность, избегание неопределенности и долгосрочная-краткосрочная ориентация². Применение этой теории к российско-китайским взаимодействиям позволяет выявить ключевые культурные различия, которые могут влиять на коммуникацию и сотрудничество. Например, в Китае традиционно сильны коллективистские ценности, а в России, особенно в крупных городах, более выражен индивидуализм. Это может проявляться в различиях в стилях ведения переговоров, где китайская сторона склонна к достижению консенсуса в группе, а российская – к отстаиванию индивидуальных интересов. Кроме того, разница в восприятии дистанции власти может влиять на коммуникацию между руководителями и подчиненными в совместных предприятиях. Критика данной теории заключается в ее обобщающем характере и недостаточном учете внутрикультурной вариативности³.

Теория культурной идентичности М. Беннетта: эта теория фокусируется на формировании и развитии культурной идентичности индивидов и групп. Она предлагает модель развития межкультурной чувствительности (DMIS), которая описывает различные этапы осознания и принятия культурных различий, от отрицания до интеграции⁴. Применительно к российско-китайским взаимодействиям, эта теория позволяет понять, как формируются стереотипы и предрассудки, а также какие стратегии могут быть использованы для развития межкультурной толерантности и взаимопонимания. Например, изучение восприятия китайской культуры российскими жителями Хабаровска может выявить распространенные стереотипы и предрассудки, которые препятствуют эффективному взаимодействию. DMIS позволяет оценить уровень межкультурной чувствительности жителей и предложить рекомендации по ее повышению через образовательные программы и культурные обмены. Однако, стоит отметить, что модель Беннетта подвергается критике за линейность и недостаточное внимание к социальному контексту⁵.

Теория межкультурной адаптации Ю. Кима: эта теория исследует процессы адаптации индивидов к новой культурной среде⁶. Она выделяет несколько этапов адаптации, таких как культурный шок, аккультурация и интеграция, а также рассматривает факторы, влияющие на успешность адаптации. Применение этой теории к российско-китайским взаимодействиям позволяет понять, какие факторы влияют на успешность адаптации китайских мигрантов в российских приграничных регионах, а также какие стратегии могут быть использованы для облегчения этого процесса. Например, исследование адаптации китайских студентов, обучающихся в хабаровских вузах, может выявить проблемы, связанные с языковым барьером, культурными различиями и социальной изоляцией. На основе этих данных можно разработать программы поддержки, направленные на облегчение адаптации и повышение академической успеваемости китайских студентов. Критика данной теории заключается в упрощенном представлении о процессе адаптации и недостаточном учете влияния принимающего общества⁷.

Теория «культурного кода» К. Рапайя: эта теория утверждает, что у каждой культуры есть свой уникальный «культурный код» – набор бессознательных ассоциаций, которые определяют восприятие и понимание мира. Понимание «культурного кода» позволяет более эффективно коммуницировать и взаимодействовать с представителями другой культуры. Например, понимание «культурного кода» России, связанного с такими понятиями, как «душа», «пространство» и «солидарность», и Китая, связанного с понятиями «гармония», «лицо» и «сеть», позволяет более эффективно строить коммуникацию и избегать недопонимания в бизнес-переговорах и культурных обменах. Однако, данная теория часто критикуется за упрощенное представление о культуре и за эссенциализм⁸.

Представленные теории межкультурной коммуникации являются важным инструментом для анализа социокультурных взаимодействий между Россией и Китаем в приграничных территориях Дальнего Востока. Каждая из рассмотренных теорий имеет свои преимущества и ограничения, которые необходимо учитывать при их применении к конкретным эмпирическим данным. Дальнейшее исследование будет направлено на углубленный анализ институциональных аспектов этих взаимодействий, с учетом влияния культурных факторов.

¹ https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/116253/1/m_th_k.v.mo-keev_2022.pdf?ysclid=mcnpcht7go585340716 (дата обращения 03.07.2025)

² https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/8164.pdf (дата обращения 04.07.2025)

³ <https://studfile.net/preview/11412190/page:8/> (дата обращения 03.07.2025)

⁴ <https://ppt-online.org/511373> (дата обращения 03.07.2025)

⁵ <https://concept.mgimo.ru/jour/article/view/103> (дата обращения 04.07.2025)

⁶ https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.98d596eb-6867a6e6-0a99a9de-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Integrative_communication_theory (дата обращения 04.07.2025)

⁷ <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2018-1/15.pdf> (дата обращения 03.07.2025)

⁸ <https://mybook.ru/author/kloter-rapaj/kulturnyj-kod-kak-my-zhivem-cto-pokupaem-i-pochem/read/> (дата обращения 04.07.2025)

⁹ <https://jurnal.org/articles/2016/iskus10.html> (дата обращения 02.07.2025)

Теоретические подходы к изучению институционализации российско-китайских социокультурных взаимодействий в приграничных территориях Дальнего Востока: концептуальный анализ

Ключевые понятия и концепции межкультурной коммуникации

В рамках межкультурной коммуникации (МКК) сформирован ряд ключевых понятий и концепций, необходимых для анализа социокультурных взаимодействий. Эти понятия позволяют структурировать и понимать сложные процессы, возникающие при контакте и взаимодействии представителей различных культур.

Культура: основополагающим понятием является культура, которую можно определить как систему общих значений, убеждений, ценностей, норм и практик, разделяемых членами определенной группы и передаваемых из поколения в поколение¹.

Культура формирует мировоззрение индивида и определяет его поведение в различных ситуациях². Важно отметить, что культура – это не статичное образование, она подвержена изменениям под влиянием внутренних и внешних факторов. В контексте российско-китайских отношений, различия в культурных ценностях, например, в отношении к труду, семье, образованию, могут существенно влиять на эффективность экономического и социального сотрудничества.

Идентичность представляет собой осознание индивидом своей принадлежности к определенной культуре или группе, а также способы представления себя другим.

Культурная идентичность формируется на основе усвоения культурных норм и ценностей, а также через взаимодействие с другими членами культурной группы. Идентичность может быть множественной и динамичной, отражая различные социальные роли и групповые принадлежности индивида. В приграничных регионах Дальнего Востока, где происходит активное взаимодействие между российским и китайским населением, формирование гибридной идентичности становится важным аспектом социокультурной динамики.

Коммуникация понимается как процесс обмена информацией, значениями и чувствами между людьми. В контексте МКК коммуникация приобретает особую важность, поскольку различия в культурных нормах и ценностях могут приводить к недопониманиям и коммуникативным барьерам. Эффективная межкультурная коммуникация требует учета культурных особенностей коммуникантов и умения адаптировать свои коммуникативные стратегии³. Например, прямая коммуникация, принятая в российской культуре, может восприниматься как агрессивная в китайской культуре, где предпочтение отдается косвенным формам выражения.

Межкультурная компетенция определяется как способность эффективно и адекватно взаимодействовать с представителями других культур, учитывая их культурные особенности и избегая этноцентризма. Она включа-

ет в себя знание о культурных различиях, умение проявлять эмпатию и уважение к другим культурам, а также навыки адаптации к новым культурным условиям. Развитие межкультурной компетенции является ключевым фактором успешной межкультурной коммуникации⁴. В рамках российско-китайского сотрудничества, межкультурная компетенция необходима для успешного ведения бизнеса, организации совместных образовательных проектов и развития культурного туризма.

Культурный шок – это эмоциональное и психологическое состояние, возникающее при столкновении с незнакомой культурой и требующее адаптации. Он проявляется в чувстве растерянности, тревоги, дезориентации и может сопровождаться негативными эмоциями. Культурный шок является нормальной реакцией на новые и непривычные условия, и его преодоление является важным этапом культурной адаптации. Например, китайские студенты, приезжающие учиться в российские вузы, могут испытывать культурный шок, связанный с различиями в образовательной системе, бытовых условиях и социальных нормах⁵.

Культурная адаптация представляет собой процесс приспособления к новым культурным условиям и интеграции в другую культуру. Она включает в себя освоение новых норм и ценностей, формирование новых социальных связей и адаптацию к новым моделям поведения. Процесс культурной адаптации может быть длительным и сложным, требующим от индивида гибкости, толерантности и умения преодолевать трудности. В контексте миграции китайского населения в приграничные регионы России, культурная адаптация играет важную роль в интеграции мигрантов в российское общество.

Рассмотренные понятия и концепции являются фундаментом для понимания и анализа межкультурной коммуникации в контексте российско-китайских отношений. Культура, идентичность, коммуникация, межкультурная компетенция, культурный шок и культурная адаптация – это ключевые элементы, определяющие успешность и эффективность взаимодействия между представителями разных культур⁶. Понимание и учет этих аспектов позволяют снижать коммуникативные барьеры, избегать конфликтов и строить гармоничные отношения в мультикультурном мире. Развитие межкультурной компетенции и готовность к культурной адаптации становятся необходимыми условиями для успешной интеграции и взаимодействия в современном глобальном обществе. Дальнейшие исследования будут направлены на изучение практических аспектов институционализации российско-китайских социокультурных взаимодействий в приграничных территориях Дальнего Востока, с учетом влияния этих ключевых понятий и концепций.

МКК в целях изменений в геополитической ситуации

Различные теоретические подходы позволяют проанализировать роль МКК в геополитических изменениях более глубоко. Рассмотрим взгляды, представленные в подходах: Д. Хелда, С. Хантингтона, а также новые идеологии трансграничного сотрудничества (табл. 2).

⁴ Тен, Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов н/Д: Феникс.2024.

⁵ Садохин, А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Юнити-дана.2022.

⁶ Волков, Ю.Г., Мостовая, И.В. (Сост.). Социология. Доступ по: <https://elib.manas.edu.kg/book/5766-Volkov%20sosyologiya.pdf> (дата обращения 01.07.2025)

¹ Садохин, А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Юнити-дана.2022.

² Тен, Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов н/Д: Феникс.2024.

³ Добренков, В.И., Кравченко, А.И. Методы социологического исследования. М.: Инфра- М.2023.

Таблица 2. Сравнительный анализ подходов к роли МКК в геополитической ситуации. Составлено автором

Подход	Основные идеи	Роль МКК	Геополитическое влияние	Критика
Д. Хелд	Глобализация ведет к трансформации государственного суверенитета; формируются новые формы глобального управления и трансграничные сети; возрастает роль международных организаций и гражданского общества.	МКК – ключевой элемент глобализации, способствующий формированию глобального гражданского общества и транснациональных идентичностей; она способствует обмену идеями, ценностями и практиками, что приводит к сближению культур и формированию новых форм политической организации.	МКК способствует формированию глобального политического пространства, где государства вынуждены учитывать мнение международного сообщества и трансграничных акторов; это ограничивает их суверенитет и усиливает роль международных институтов.	Переоценивает степень гомогенизации культур и недооценивает сохраняющуюся роль национальных государств и локальных идентичностей; игнорирует неравномерность распределения выгод от глобализации.
С. Хантингтон	Акцент на столкновении цивилизаций и конфликте культурных ценностей; глобализация усиливает напряженность между различными культурными блоками; важна защита национальной идентичности.	МКК может использоваться как инструмент для продвижения собственных культурных ценностей и противодействия влиянию других культур; она становится полем борьбы за доминирование в информационном пространстве и за формирование общественного мнения.	МКК может усиливать геополитическую напряженность, если она используется для распространения идеологий и дискредитации других культур; это может приводить к конфликтам и дестабилизации международных отношений.	Недооценивает возможности для сотрудничества и взаимопонимания между культурами; упрощает сложную картину межкультурных взаимодействий, сводя ее к борьбе за доминирование; игнорирует внутренние противоречия внутри культурных блоков.

Д. Хелд и его коллеги рассматривают глобализацию как процесс, ведущий к трансформации государственного суверенитета. В этом контексте МКК играет ключевую роль в формировании глобального гражданского общества и транснациональных идентичностей. Обмен идеями, ценностями и практиками, который происходит в рамках МКК, способствует сближению культур и формированию новых форм политической организации. Например, международные неправительственные организации (МНПО) используют МКК для продвижения прав человека, защиты окружающей среды и решения других глобальных проблем, оказывая влияние на политику государств и международных организаций¹. Хелд подчеркивал, что глобализация, подпитываемая МКК, формирует глобальное политическое пространство, где государства вынуждены учитывать мнение международного сообщества, что ограничивает их суверенитет.

Сторонники сколтицкого подхода, опираясь на концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона, акцентируют внимание на потенциальных конфликтах, возникающих в результате столкновения цивилизаций и культурных ценностей. Глобализация, по их мнению, усиливает напряженность между различными культурными блоками. В этом контексте МКК рассматривается как инструмент для продвижения собственных культурных ценностей и противодействия влиянию других культур, что может приводить к конфликтам, как, например, в информационных войнах и пропагандистских кампаниях, использующих культурные стереотипы и предрассудки, дестабилизирующих международные отношения. Сторонники данного подхода предупреждают о том, что МКК, используемая для распространения дезинформации и дискредитации других культур, может усиливать геополитическую напряженность².

В условиях глобализации межкультурная коммуникация (МКК) становится все более значимым фактором,

влияющим на геополитическую ситуацию в мире. МКК, как процесс обмена информацией, идеями и ценностями между представителями различных культур, оказывает влияние на формирование международных отношений, экономическое сотрудничество, урегулирование конфликтов и многие другие аспекты глобального развития. Для более полного понимания роли МКК в геополитических процессах необходимо учитывать конкретные исторические и социокультурные факторы, а также интересы и стратегии различных акторов – государств, международных организаций, неправительственных организаций и транснациональных корпораций. В этой связи, анализ новых идеологий трансграничного сотрудничества в сфере МКК позволяет выявить перспективные направления и механизмы, способствующие изменению геополитической ситуации в позитивном ключе (табл. 3).

Новые идеологии трансграничного сотрудничества, использующие МКК как инструмент, стремятся к изменению геополитической ситуации через различные механизмы. Культурная дипломатия 2.0 усиливает «мягкую силу»³ государств, диалог цивилизаций способствует снижению международной напряженности, экономическое партнерство через МКК укрепляет экономические связи, а экологическая культура формирует глобальное экологическое сознание⁴. Эффективное использование этих идеологий требует комплексного подхода, учитывающего культурные особенности и интересы всех участников, а также прозрачности и открытости в реализации соответствующих проектов⁵. Важно понимать, что МКК может быть как инструментом сотрудничества, так и ареной конкуренции, поэтому необходимо уделять внимание этическим аспектам и предотвращению использования культурных различий для разжигания конфликтов.

³ <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/V23lsUsqHxAU.pdf> (дата обращения 01.07.2025)

⁴ <https://interaffairs.ru/author/material/1456?ysclid=mcopsjz-v4l835778138> дата обращения 01.07.2025)

⁵ <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie-i-ekologicheskaya-kultura-v-reshenii-problem-ustoychivogo-razvitiya-sovremennogo-sotsiuma?ysclid=mcopt3dtgm66242415> дата обращения 01.07.2025)

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/2003-01-001-globalnye-transformatsii-politika-ekonomika-i-kultura-global-transformations-politics-economics-and-culture-held-d-mcgregor-a-g> (дата обращения 30.06.2025)

² <https://www.socionauki.ru/journal/articles/300110/> (дата обращения 01.07.2025)

Таблица 3. Новые идеологии трансграничного сотрудничества в МКК для изменения геополитической ситуации. Составлено автором

Идеология	Цель	Механизмы реализации	Геополитический эффект	Примеры
Культурная дипломатия 2.0 (Цифровая МКК)	Формирование позитивного имиджа страны, укрепление «мягкой силы» через онлайн-платформы и соцсети.	Организация виртуальных культурных фестивалей, образовательных онлайн-курсов, поддержка блогеров и лидеров мнений.	Увеличение влияния страны в информационном пространстве, формирование лояльности аудитории в других странах, противодействие дезинформации.	Проекты Google Arts & Culture, онлайн-лекции ведущих университетов, поддержка национальных культурных аккаунтов в TikTok.
Диалог Цивилизаций (МКК как инструмент мира)	Снижение международной напряженности, предотвращение конфликтов на основе культурного взаимопонимания.	Организация межкультурных форумов, совместных исследовательских проектов, создание образовательных программ по межкультурной коммуникации.	Укрепление доверия между странами и регионами, снижение вероятности конфликтов на религиозной или этнической почве, создание площадок для диалога.	Всемирный форум по межкультурному диалогу (Баку), инициативы ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия.
Экономическое партнерство через МКК	Укрепление экономических связей, создание благоприятного инвестиционного климата через культурную близость.	Организация бизнес-форумов с культурной программой, продвижение национальных брендов через культурные мероприятия, поддержка культурного туризма.	Расширение рынков сбыта, привлечение иностранных инвестиций, укрепление экономических альянсов на основе культурного взаимопонимания.	Продвижение французской кухни и моды за рубежом, китайская инициатива «Один пояс, один путь» с акцентом на культурные обмены.
Экологическая культура (МКК для устойчивого развития)	Формирование глобального экологического сознания, продвижение принципов устойчивого развития через культурные ценности.	Организация международных экологических акций, поддержка эко-искусства, создание образовательных программ по экологической этике.	Укрепление международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, изменение потребительского поведения в сторону экологически ответственного.	Движение Fridays for Future, международные фестивали экологического кино, проекты по сохранению биоразнообразия.

Вывод

Межкультурная коммуникация является важным фактором, влияющим на геополитическую ситуацию в современном мире. Различные теоретические подходы позволяют рассматривать МКК как инструмент глобализации, укрепления «мягкой силы», снижения международной напряженности и продвижения устойчивого развития. Эффективное использование МКК в геополитических целях требует учета культурных особенностей и интересов всех участников, а также соблюдения этических принципов.

Литература

- Добренков, В.И. Методы социологического исследования / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. – М.: Инфра-М, 2023. – 768 с.
- Садохин, А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М.: Юнити-Дана, 2022. – 400 с.
- Тен, Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация / Ю.П. Тен. – Ростов н/Д: Феникс, 2024. – 336 с.
- Рапай, К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. – М.: Альпина Паблшер, 2018. – 208 с. – [Электронный ресурс]. – Доступ из MyBook: <https://mybook.ru/author/kloter-rapaj/kulturnyj-kod-kak-my-zhivem-cto-pokupaem-i-pochem/read/> (дата обращения: 04.07.2025).
- Global transformations, politics, economics and culture Held D. McGrew A.G. // cyberleninka.ru. – 2003. – № 1–001. – [Электронный ресурс]. – Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/2003-01-001-globalnye-transformatsii-politika-ekonomika-i-kultura-global->

transformations-politics-economics-and-culture-held-d-mcgrew-a-g (дата обращения: 30.06.2025).

- Статья из журнала «Искусство и культура» <https://jurnal.org/articles/2016/iskus10.html> (дата обращения 02.07.2025)
- Статья из журнала «Власть» <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2018-1/15.pdf> (дата обращения 03.07.2025)
- Статья из журнала «Социальные науки» <https://www.socionauki.ru/journal/articles/300110/> (дата обращения 01.07.2025)
- Межкультурная коммуникация в современном мире: материалы III Международной студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 апреля 2015 г. / [отв. за вып. Ж.В. Батарчук]. – Екатеринбург: Урал. федерал. ун-т, 2015. – 249 с. – [Электронный ресурс]. – Доступ: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34793/1/978-5-7996-1517-8.pdf?ysclid=mcnpa1eelk184302534> (дата обращения: 04.07.2025).
- Мокеев, К.В. Диссертация на тему: «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: социально-философский анализ» – [Электронный ресурс]. – Доступ: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116253/1/m_th_k.v.mokeev_2022.pdf?ysclid=mcnpcht7go585340716 (дата обращения: 03.07.2025).
- Учебное пособие. Межкультурные коммуникации – [Электронный ресурс]. – Доступ: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/8164.pdf (дата обращения: 04.07.2025).
- Лекции по курсу «Межкультурные коммуникации» – [Электронный ресурс]. – Доступ: <https://studfile.net/preview/11412190/page:8/> (дата обращения: 03.07.2025).

13. Презентация. Межкультурная коммуникация – [Электронный ресурс]. – Доступ: <https://ppt-online.org/511373> (дата обращения: 03.07.2025).
14. Интегративная теория коммуникации – [Электронный ресурс]. – Доступ: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.98d596eb-6867a6e6-0a99a9de-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Integrative_communication_theory (дата обращения: 04.07.2025).
15. Волков, Ю.Г. Социология / Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. – [Электронный ресурс]. – Доступ: <https://elibrary.manas.edu.kg/book/5766-Volkov%20sotsiologiya.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).
16. Межкультурная коммуникация как научная парадигма. [Электронный ресурс]. – Доступ: <https://concept.mgimo.ru/jour/article/view/103> (дата обращения: 04.07.2025).
3. Ten, Yu.P. Culturology and Intercultural Communication / Yu.P. Ten. – Rostov n / D: Phoenix, 2024. – 336 p.
4. Rapay, K. Cultural Code. How We Live, What We Buy and Why / K. Rapay. – M.: Alpina Publisher, 2018. – 208 p. – [Electronic resource]. – Access from MyBook: <https://mybook.ru/author/kloter-rapaj/kulturnyj-kod-kak-my-zhivem-chto-pokupaem-i-pochem/read/> (date accessed: 04.07.2025).
5. Global transformations, politics, economics and culture Held D. McGrew A.G. // cyberleninka.ru. – 2003. – No. 1–001. – [Electronic resource]. – Access: <https://cyberleninka.ru/article/n/2003-01-001-globalnye-transformatsii-politika-ekonomika-i-kultura-global-transformations-politics-economics-and-culture-held-d-mcgrew-a-g> (date accessed: 30.06.2025).
6. Article from the journal "Art and Culture" <https://jurnal.org/articles/2016/iskus10.html> (accessed 02.07.2025)
7. Article from the journal "Vlast" <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2018-1/15.pdf> (accessed 03.07.2025)
8. Article from the journal "Social Sciences" <https://www.socionauki.ru/journal/articles/300110/> (accessed 01.07.2025)
9. Intercultural Communication in the Modern World: Proceedings of the III International Student Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 24, 2015 / [responsible for the issue. Z.V. Batarчук]. – Yekaterinburg: Ural. Federal. University, 2015. – 249 p. – [Electronic resource]. – Access: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34793/1/978-5-7996-1517-8.pdf?ysclid=mcnpa1eelk184302534> (date of access: 04.07.2025).
10. Mokeev, K.V. Dissertation on the topic: "Intercultural Communication in the Context of Globalization: Social and Philosophical Analysis" – [Electronic resource]. – Access: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116253/1/m_th_k.v.mokeev_2022.pdf?ysclid=mcnpcht7go585340716 (date of access: 03.07.2025).
11. Textbook. Intercultural Communications – [Electronic resource]. – Available at: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/8164.pdf (Accessed: 04.07.2025).
12. Lectures on the course "Intercultural Communications" – [Electronic resource]. – Available at: <https://studfile.net/preview/11412190/page:8/> (Accessed: 03.07.2025).
13. Presentation. Intercultural Communication – [Electronic resource]. – Available at: <https://ppt-online.org/511373> (Accessed: 03.07.2025).
14. Integrative Theory of Communication – [Electronic resource]. – Access: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.98d596eb-6867a6e6-0a99a9de-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Integrative_communication_theory (accessed: 04.07.2025).
15. Volkov, Yu.G. Sociology / Yu.G. Volkov, I.V. Mostovaya. – [Electronic resource]. – Access: <https://elibrary.manas.edu.kg/book/5766-Volkov%20sotsiologiya.pdf> (accessed: 01.07.2025).
16. Intercultural communication as a scientific paradigm. [Electronic resource]. – Access: <https://concept.mgimo.ru/jour/article/view/103> (accessed: 04.07.2025)

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE INSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN-CHINESE SOCIOCULTURAL INTERACTIONS IN THE BORDER TERRITORIES OF THE RUSSIAN FAR EAST

Chen Xiaoxu, Tangalycheva R.K.
St. Petersburg State University¹

The article discusses theoretical approaches to the study of the institutionalization of intercultural interactions, in particular, Russian-Chinese sociocultural interactions in the border territories of the Russian Far East.

It analyzes key theories of intercultural communication (ICC), such as Hofstede's theory of cultural dimensions, Bennett's theory of cultural identity, Kim's theory of intercultural adaptation, and Rapay's concept of "cultural code." The article emphasizes the role of the International Committee of the Red Cross in understanding and regulating social, economic, and cultural processes in border regions, as well as the need to take into account the specific features of the border context when analyzing sociocultural interactions.

Keywords: intercultural communication, institutionalization, Russian-Chinese relations, border territories, the Far East, Khabarovsk, cultural dimensions, cultural identity, intercultural adaptation, and cultural code.

References

1. Dobrenkov, V.I. Methods of Sociological Research / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. – M.: Infra-M, 2023. – 768 p.
2. Sadokhin, A.P. Theory and Practice of Intercultural Communication / A.P. Sadokhin. – M.: Unity-Dana, 2022. – 400 p.

¹ <https://sciepeople.ru/departament/1686/?ysclid=me2h2ef-npu101687237> (дата обращения 7.07.2025)

Эффективность использования информационных трендов в спорте для оптимизации тренировки спортсменов

Уварова Светлана Владимировна,

аспирант, Российский государственный университет физической культуры, спорта молодежи и туризма
E-mail: Svetasvetlyak@bk.ru

Шестакова Татьяна Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: agragor52@mail.ru

Статья посвящена оценке эффективности использования информационных трендов в спорте для оптимизации тренировки спортсменов. Актуальность обусловлена ростом объема данных тренировочного процесса и потребностью в их быстрой интерпретации для персонализации нагрузок и профилактики перегрузки. Новизна работы состоит в целостном аналитическом синтезе последних русскоязычных исследований по носимым сенсорам (GPS/IMU, HR/HRV), событийной аналитике и применению ИИ/ML в подготовке, а также в предложении управленческого контура «данные → интерпретация → решение». В рамках работы описаны ключевые направления цифровизации подготовки, изучены подходы к мониторингу вариабельности сердечного ритма и позиционно-событийным данным, показаны практические эффекты для игровых и циклических видов спорта. Особое внимание уделено стандартам данных, организационным рискам и требованиям к компетенциям тренерского штаба. Работа ставит цель – выявить, в каких условиях информационные технологии действительно повышают управляемость подготовки. Для её достижения применены методы аналитического обзора, сравнительного и содержательного анализа. Изучены публикации последних пяти лет. В заключении описывается, как интеграция сенсоров, HRV и ИИ ускоряет обратную связь и повышает точность дозирования; статья будет полезна тренерам, аналитикам и методистам.

Ключевые слова: информационные тренды, спорт, BCP, GPS/IMU, машинное обучение, искусственный интеллект, персонализация тренировки, аналитика данных, профилактика перегрузки, цифровая трансформация.

Введение

Современный тренировочный процесс генерирует большие массивы разнотипных данных (сенсоры, видео, события матча, тесты готовности), однако их практическая ценность проявляется лишь при быстрой интерпретации и включенности в управленческий цикл. Возрастает необходимость в персонализации нагрузки, профилактике перегрузки и сокращении лага между наблюдением и тренерским решением.

Цель – определить, при каких организационных и методических условиях использование информационных трендов (носимые сенсоры, HR/HRV-мониторинг, событийная аналитика, ИИ/ML) приводит к оптимизации тренировки спортсменов.

Задачи:

1. систематизировать направления и эффекты применения сенсорных и аналитических технологий в игровых и циклических видах спорта;
2. проанализировать роль BCP как индикатора готовности/восстановления и показать, как HRV-протоколы интегрируются в планирование нагрузок;
3. обосновать управленческий контур внедрения ИИ/ML и предложить практические рекомендации по стандартизации данных и организации работы штаба.

Новизна – представлен целостный аналитический обзор русскоязычных исследований последних пяти лет с переносом результатов в практическую схему принятия решений и таблицу рекомендаций по видам спорта; показано, как сочетание HRV, GPS/IMU и ML формирует предиктивно-предписательную аналитику в ежедневной подготовке.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были отобраны следующие работы: З.В. Абазов [1] – рассмотрены возможности ИКТ в образовании по физической культуре, применимые для цифровой дисциплины данных и обратной связи тренер–спортсмен. Н.М. Егорова [2] – проанализированы проблемы и перспективы цифровизации спорта, обозначены организационные барьеры и требования к инфраструктуре. А.В. Ермаков [3] – показана роль анализа больших данных в киберспорте; подходы к событийной аналитике и метрикам профессионализации транслированы в игровые виды. А.А. Зверев [4] – описан мониторинг вариабельности сердечного ритма у киберспортсменов; использованы результаты о фазовой динамике BCP для интерпретации когнитивной нагрузки. Д.А. Катаев [5] – исследованы показатели BCP у элитных лыжников в ортостазе; выводы применены для обсуждения чувствительности HRV к состоянию регуляции в циклических видах. А.Л. Корепанов [6] – изучена динамика BCP у стрелков на фоне когнитивного тренинга внимания; учтена переносимость HRV-индикаторов к психоэмоциональным стимулам. В.Е. Кузнецова [7] – обобщены направления использования ИИ в спорте; использовано при формировании блока о предиктивных моделях и рисках смещения/дрейфа. О.В. Калабин [8] – показана практическая приме-

нимость экспресс-мониторинга ВСР для индивидуализации подготовки (на примере волейбола). И.Р. Фаткуллов [9] – описано применение GPS-трекеров у футболистов; данные использованы для раздела о дозировании интенсивности и контроле «скрытой» нагрузки. А.М. Ганичев [10] – продемонстрировано использование методов машинного обучения для обработки соревновательной активности в футболе; применено для блока предиктивной и классификационной аналитики.

Методы: аналитический обзор и синтез, сравнительный анализ подходов по видам спорта, контент-анализ публикаций, проблемно-ориентированная систематизация метрик и управленческих решений, логико-структурное моделирование управленческого контура.

Результаты

Эффективность использования информационных трендов в спорте определяется их вкладом в:

1. объективизацию тренировочного процесса
2. персонализацию нагрузок и восстановления
3. повышение устойчивости подготовки к внешним изменениям (смена инвентаря, календаря, состава соперников)
4. формирование единой цифровой среды взаимодействия тренера, спортсмена и сервисов поддержки подготовки [1; 2; 7; 9].

В игровых и циклических видах спорта наибольшее распространение получили GPS/IMU-системы, позволяющие фиксировать пройденную дистанцию, суммарную и пик-интенсивность, количество ускорений/торможений и др. Эти показатели прямо включаются в моделирование микро– и мезоциклов, что повышает воспроизводимость тренировок и их сопоставимость между спортсменами одной команды [9]. На материале футбола показано, что применение GPS-трекеров обеспечивает непрерывный контроль интенсивности и позволяет корректировать нагрузку ещё по ходу занятия и матча [9].

Параллельно расширяется использование цифровых платформ и аналитики больших данных, что создаёт предпосылки к интеграции соревновательных метрик, биомеханики и медицинских показателей в единый контур принятия решений [3; 7]. Для дисциплин с высокой динамикой (киберспорт, игровые виды) подчёркивается ценность потоковой аналитики событий (event data) для оценки «темпа» действий и принятия решений в реальном времени [3].

Вариабельность сердечного ритма (ВСР) выступает ключевым маркером регуляции и готовности, особенно при мониторинге утомления/перегрузки. Исследования последних лет демонстрируют информативность ВСР у элитных лыжников (в т.ч. в активном ортостазе) и связь спектральных показателей с проявлениями «спортивной ваготонии» [5]. У высококвалифицированных стрелков показана динамика индексов ВСР на фоне 10-дневного когнитивного тренинга внимания, что подтверждает чувствительность автономной регуляции к когнитивно-стрессорным компонентам подготовки [6]. Наблюдения за киберспортсменами фиксируют фазовую динамику параметров ВСР на протяжении матча, подчёркивая требования к регуляторным системам в условиях длительной когнитивной нагрузки [4]. Экспресс-мониторинг ВСР в индивидуальной подготовке спортсменов высокого класса (на примере волейбола) также подтверждает практическую применимость утренних измерений для «тонкой» корректировки планов занятий [8]. Совокупность этих результатов поддерживает использование ВСР как регулярного индикатора для персонализации интенсивности и объёма тренировок, а также для ра-

анализации соотношения «нагрузка–восстановление» [4]–[6; 8].

Актуальные работы систематизируют области применения ИИ в спорте: компьютерное зрение и биомеханика (автоматический разбор техники), предиктивные модели (риск травм, динамика формы), оптимизация расписаний и подбор нагрузок [7]. Концептуальные обзоры 2025 года выделяют переход к гибридным конвейерам данных (данные носимых датчиков + видео + тесты готовности), где ML-модели используются для многофакторной оценки состояния и выдачи рекомендаций тренеру [7]. На прикладном материале футбола показано, что методы машинного обучения пригодны для обработки соревновательной активности и классификации состояний/эпизодов, что расширяет арсенал тренерского анализа [10]. В киберспорте инструменты big data применяются для операционализации критериев профессионализации, что иллюстрирует перенос ИИ-подходов на новые дисциплины [3]. Таким образом, информационный тренд ИИ укрепляет связь «данные – модель – решение», переводя тренерские решения из эвристических в опирающиеся на подтверждённые закономерности [3; 7; 10].

Эффективная эксплуатация информационных трендов опирается не только на технологии, но и на организационную готовность: стандарты данных, регламенты сбора/хранения, компетенции специалистов. В работах по цифровизации спорта подчёркнуты как потенциальные выгоды (рост управляемости подготовки), так и барьеры – зависимость от импортных решений, разобщённость платформ, потребность в кадрах [2]. В педагогическом контексте (вуз/школа) информационные технологии обозначены как «связующее звено» между тренером и обучающимся: цифровые модели занятия, удалённый контроль, оперативная обратная связь и повышение мотивации к самостоятельной работе [1]. Комплексная цифровая трансформация формирует «сквозной» контур подготовки – от сбора данных на тренировке до принятия управленческих решений на основе аналитики и ИИ [2; 7].

Результаты по ключевым направлениям дают следующую картину практического эффекта:

1. Планирование и дозирование: GPS/IMU-метрики позволяют подбирать индивидуальные пороги интенсивности и объёма (в т.ч. в микроцикле), снижая вариативность «скрытой» нагрузки и повышая точность восстановительных интервалов [9].
2. Ранняя индикация перегрузки: регулярные утренние измерения ВСР и простые ортостатические тесты дают чувствительные индикаторы для оперативной коррекции плана дня и недели [5; 8].
3. Предиктивные решения: ML-модели на консолидированных данных (сенсоры + события игры + тесты готовности) поддерживают прогноз риска, динамики формы и «уязвимых» микрзон плана, сокращая долю реактивных управленческих действий [3; 7; 10].
4. Повышение дисциплины данных и компетенций: внедрение цифровых контуров в учебно-тренировочный процесс укрепляет стандарты сбора/хранения данных и повышает цифровую грамотность тренеров и спортсменов, что является необходимым условием устойчивого эффекта от технологий [1; 2].

Информационные тренды (носимые сенсоры, ВСР-мониторинг, ML/ИИ-аналитика и цифровые образовательные практики) демонстрируют доказуемую полезность для оптимизации тренировки через повышение точности дозирования, персонализацию и повышение

скорости обратной связи между данными и управленческими решениями. Их комбинированное применение формирует контур «данные → интерпретация → решение → результат», что и определяет интегральную эффективность в подготовке спортсменов.

Обсуждение

Результаты подтверждают, что «информационные тренды» – носимые сенсоры, мониторинг ВСР, потоковая событийная аналитика, а также ИИ/ML-инструменты – работают не изолированно, а как единая технологическая связка, переводящая тренерские решения из эвристических в доказательно-управляемые. Ниже мы обсуждаем практическую значимость такого подхода, ограничения и риски, а также условия, при которых эффект цифровой трансформации действительно материализуется в оптимизации тренировок.

Ключевой сдвиг – от ретроспективного контроля к проактивному управлению. Носимые датчики и GPS/IMU дают непрерывные «полевые» метрики нагрузки; ВСР и смежные биомаркеры добавляют окно в регуляторные системы организма; ML-модели, обученные на консолидированных потоках, выполняют предиктивные и предписательные функции (прогноз риска, выбор интервала, подбор объёма/интенсивности). Практический эффект проявляется в трёх плоскостях:

- 1. Дозирование нагрузки в реальном времени: переход к индивидуальным порогам и динамическим «красным зонам» интенсивности снижает разброс скрытой нагрузки и облегчает микрокоррекции внутри занятия.
- 2. Профилактика перегрузки и «срыва формы»: рутинные (ежедневные) утренние замеры ВСР с простыми ортостатическими тестами дают чувствительные сигналы к изменению плана дня/недели.
- 3. Скорость обратной связи: единый цифровой контур «данные → интерпретация → решение» уменьшает лаг между событием и управленческим действием (изменение задания, ротация состава, реструктуризация микроцикла).

Важно подчеркнуть, что информатизация не устраняет методические проблемы, а делает их видимыми. Наиболее частые риски:

- Качество исходных данных. Сырые потоки GPS/IMU чувствительны к условиям (интерференции, плотности застройки, погоде); ошибки калибровки IMU и вариативность крепления датчиков искажают пики ускорений и оценку мощности бега.
- Нестабильность биомаркеров. ВСР зависит от режима сна, гидратации, психоэмоционального состояния и даже времени суток; без стандартизации протокола (утро, положение тела, дыхание) выводы легко переинтерпретировать.
- Модельные артефакты. ML-схемы подвержены смещению выборки и «дрейфу» данных. Модель, хорошо работающая на одной команде или сезоне, деградирует при смене календаря, состава соперников и стилевых паттернов.
- Организационные «узкие места». При отсутствии регламента данных (форматы, роли, права доступа, частота замеров) аналитика превращается в разрозненные отчёты, не встраиваясь в принятие решений. Отсюда следует требование к стандартизации протоколов (датчики, замеры ВСР, тесты готовности) и к MLOps-дисциплине (версионирование датасетов/моделей, мониторинг «дрейфа», переобучение по расписанию).

Игровые виды выигрывают от событийной аналитики и позиционных данных: можно строить нагрузки по «ролям» и фазам игры, а также оценивать «темп» действий в контексте схемы. Циклические виды получают наибольшую пользу от индивидуализации объёма/интенсивности и плотной связки с ВСР. В эстетико-координационных дисциплинах (единоборства, стрелковые, сложнокоординационные) критично сочетание биомаркеров готовности с видеоаналитикой техники и когнитивными тестами.

Исходя из вышеперечисленной информации, даются ключевые рекомендации по использованию информационных инструментов в подготовке (см.табл. 1).

Таблица 1. Рекомендации по применению информационных инструментов в подготовке

Вид/контекст	Основные цели	Инструменты	Ключевые метрики	Решения тренера
Игровые виды (футбол, баскетбол)	Дозирование интенсивности, профилактика перегрузки, тактический анализ	GPS/IMU, событийная аналитика, ML-классификация эпизодов	Пики скорости/ускорений, спринты, «high-speed running», смены направления, «темп» по ролям	Ротация, длина интервалов, корректировка pressing load, индивидуальные лимиты микроцикла
Циклические (бег, лыжи, вело)	Персонализация объёма/интенсивности; контроль восстановления	HR/HRV-мониторинг, мощность/скорость, ML-прогноз утомления	Утренний RMSSD/SDNN, вариабельность темпа и мощности, субъективные RPE	Перенос/снятие «тяжёлых» сессий, изменение структуры недельного блока
Единоборства/стрелковые/сложнокоординационные	Управление стрессом и точностью техники	HRV, когнитивные тесты, видеоаналитика, биомеханика	Фазовая динамика ВСР в сессии, вариабельность траекторий/тайминга	Микропаузирование, дыхательные протоколы, техника-first микроблоки
Молодёжный/учебно-тренировочный спорт	Обучаемость и безопасность, цифровая грамотность	Образовательные платформы, простые wearables, «дневники» самоотчётов	Комплаенс, регулярность, базовые кардио-метрики	Формирование привычек сбора данных, обратная связь по технике и нагрузке

(Составлено автором на основе собственного исследования)

Рисунок 1 подчёркивает, что ценность появляется на переходах: если нет дисциплины валидации и формализации правил/моделей, контур «обрывается», а решения снова становятся ситуативными.

мализации правил/моделей, контур «обрывается», а решения снова становятся ситуативными.

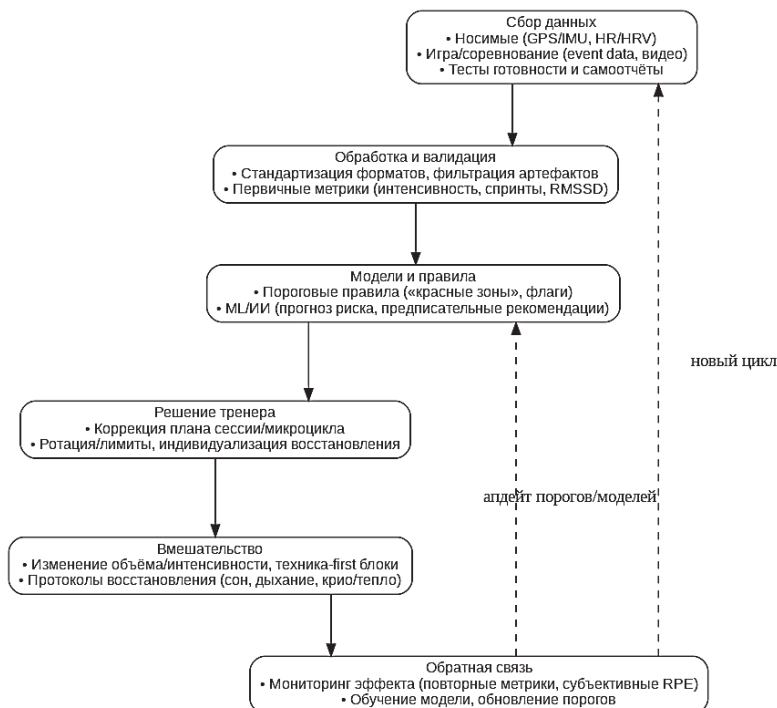

Рис. 1. Интеграции данных в управленческий контур (Составлено автором на основе собственного исследования)

Эффективность невозможна без роли «переводчика» между данными и практикой – аналитика/тренера с базовой статистической подготовкой, который умеет объяснить «почему» и «насколько уверены». Важны:

1. Роли и права: кто видит сырые потоки, кто – агрегаты; как защищаются медицинские данные; кто авторизует изменения плана.
2. Прозрачность моделей: понятность порогов и логики рекомендаций; ведение журналов решений.
3. Обучение персонала: регулярные апдейты по работе с датчиками, протоколы измерений, минимальная аналитическая грамотность для тренеров и спортсменов.
4. Инфраструктура: единая платформа данных (или строго регламентированный «мост» между системами), версионирование, мониторинг стабильности метрик.

Даже без сложного стека можно получить эффект, если соблюдать приоритеты:

- Стандартизировать замеры ВСП (регламент «утро, лёжа/стоя, 1–2 минуты, дыхание свободное»).
- Выбрать 3–5 метрик нагрузки, которые действительно управляют решениями (например, суммарная дистанция, high-speed running, количество спринтов, ускорения/торможения, субъективный RPE).
- Задать простые правила (условные «красные зоны») до сложных моделей.
- Вести журнал решений и их последствий – основа для осмысленного внедрения ML позднее.

Информационные тренды дают ощутимый прирост управляемости тренировки лишь при системной интеграции – стандартизированных протоколах, дисциплине данных и прозрачной логике принятия решений. Там, где контур выстроен, выигрыши проявляются в точности дозирования, персонализации восстановления и скорости обратной связи. Главные риски связаны не с «недостатком ИИ», а с качеством данных и организационными практиками; именно их устранение – ближайший резерв прироста эффективности.

Заключение

1. Систематизированы направления и эффекты применения технологий: носимые сенсоры и GPS/IMU

обеспечивают объективизацию и дозирование нагрузки; событийная аналитика и ML расширяют спектр предиктивных решений; HRV-мониторинг даёт чувствительные индикаторы готовности. Показано, что практический эффект проявляется в точности дозирования, профилактике перегрузки и ускорении обратной связи.

2. Роль ВСП обоснована как ключевого маркера регуляции и восстановления: ежедневные стандартизированные протоколы HRV позволяют персонализировать планы и своевременно менять структуру микроцикла. Приведены примеры применимости в циклических, игровых и когнитивно нагруженных дисциплинах.
3. Сформирован управленческий контур внедрения ИИ/ML: стандартизация данных, фильтрация артефактов, пороговые правила и модели, принятие решения тренером, реализация вмешательств и замкнутая обратная связь с обновлением порогов и моделей. Отмечены организационные риски (качество данных, дрейф моделей, кадровые компетенции) и предложены приоритетные шаги для инфраструктур с разным уровнем зрелости.

Интеграция сенсоров, HRV и ИИ/ML эффективна тогда, когда технологии встроены в регламентированный цикл «данные → интерпретация → решение → результат», а не существуют как разрозненные отчёты. Практическая значимость работы – в прикладных рекомендациях по видам спорта и в описанной схеме, упрощающей перенос аналитики в ежедневную тренировочную рутину.

Литература

1. Абазов З. В., Шамсутдинов Ш.А. Перспективы использования информационных технологий в преподавании физической культуры в высших учебных заведениях [Электронный ресурс] // Науки об образовании. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-informatsionnyh-tehnologiy-v-prepodavanii-fizicheskoy-kultury-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (дата обращения: 22.09.2025).

2. Егорова Н.М. Цифровизация российского спорта: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-rossiyskogo-sporta-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Ермаков А.В. Анализ больших данных как инструмент оценки профессионализации компьютерного спорта [Электронный ресурс] // 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-bolshih-dannyh-kak-instrument-otsenki-professionalizatsii-kompyuternogo-sporta> (дата обращения: 22.09.2025).
4. Зверев А. А., и др. Сердечно-сосудистая адаптация киберспортсменов: мониторинг variability сердечного ритма [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serdechno-sosudistaya-adaptatsiya-kibersportsmenov-monitoring-variabelnosti-serdechnogo-ritma> (дата обращения: 22.09.2025).
5. Катаев Д. А., Животов Е.Л., Коковихин Д.В. Величины показателей variability ритма в условиях активного ортостаза у элитных лыжников-гонщиков [Электронный ресурс] // Вестник Реавиз. 2025. URL: <https://vestnik.reaviz.ru/jour/article/view/1246> (дата обращения: 22.09.2025).
6. Корепанов А. Л., и др. Динамика показателей variability сердечного ритма в процессе тренинга внимания у спортсменов-стрелков высокой квалификации [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-pokazateley-variabelnosti-serdechnogo-ritma-v-protseste-treninga-vnimaniya-u-sportsmenov-strelkov-vysokoy-kvalifikatsii> (дата обращения: 22.09.2025).
7. Кузнецова В.Е. Искусственный интеллект в спорте: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sporte-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 22.09.2025).
8. Калабин О. В., Михайлов М.М. Индивидуальный подход в подготовке спортсмена на основе экспресс-мониторинга BCP (на примере волейбола) [Электронный ресурс] // Спортивная медицина, восстановительная и адаптационная физическая культура. 2023. URL: <https://svbskfmba.ru/arkhiv-pomerov/2023-1/kalabin2023> (дата обращения: 22.09.2025).
9. Фаткуллов И.Р. Использование GPS-трекеров в тренировочном и соревновательном процессе футболистов [Электронный ресурс] // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-gps-trekerov-v-trenirovochnom-i-sorevnovatelnom-protseste-futbolistov/pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
10. Ганичев А. М., и др. Использование методов машинного обучения для обработки информации о соревновательной деятельности в футболе [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53329263> (дата обращения: 22.09.2025).

THE EFFECTIVENESS OF USING SPORTS INFORMATION TRENDS TO OPTIMIZING ATHLETES' TRAINING

Uvarova S.V., Shestakova T.A.

Russian State University of Physical Education, Youth Sports and Tourism,
Tolstoy State Pedagogical University

This article assesses the effectiveness of using information trends in sports to optimize athlete training. This research is relevant due to the growing volume of training data and the need for its rapid interpretation to personalize training loads and prevent overload. The novelty of this work lies in its comprehensive analytical synthe-

sis of the latest Russian-language research on wearable sensors (GPS/IMU, HR/HRV), event analytics, and the application of AI/ML in training, as well as the proposal of a management framework "data → interpretation → decision." This article describes key areas of training digitalization, examines approaches to monitoring heart rate variability and positional-event data, and demonstrates practical effects for team and cyclic sports. Particular attention is paid to data standards, organizational risks, and requirements for coaching staff competencies. The study aims to identify the conditions under which information technology truly improves the manageability of training. To achieve this, methods of analytical review, comparative analysis, and substantive analysis are applied. A review of publications from the last five years is presented. The conclusion describes how the integration of sensors, HRV, and AI accelerates feedback and improves dosing accuracy; the article will be useful for coaches, analysts, and methodologists.

Keywords: information trends, sports, HRV, GPS/IMU, machine learning, artificial intelligence, training personalization, data analytics, overload prevention, digital transformation.

References

1. Abazov Z. V., Shamsutdinov Sh.A. Prospects for the Use of Information Technologies in Teaching Physical Education in Higher Education Institutions [Electronic resource] // Educational Sciences. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-informatsionnyh-tehnologiy-v-prepodavanii-fizicheskoy-kultury-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (accessed: 09/22/2025).
2. Egorova N.M. Digitalization of Russian Sports: Problems and Prospects [Electronic resource]. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-rossiyskogo-sporta-problemy-i-perspektivy> (accessed: 09/22/2025).
3. Ermakov A.V. Big Data Analysis as a Tool for Assessing the Professionalization of Computer Sports [Electronic resource] // 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-bolshih-dannyh-kak-instrument-otsenki-professionalizatsii-kompyuternogo-sporta> (Accessed: 09/22/2025).
4. Zverev A. A., et al. Cardiovascular Adaptation of Cyber-Athletes: Monitoring Heart Rate Variability [Electronic resource]. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serdechno-sosudistaya-adaptatsiya-kibersportsmenov-monitoring-variabelnosti-serdechnogo-ritma> (Accessed: 09/22/2025).
5. Kataev D. A., Zhivotov E.L., Kokovikhin D.V. Values of heart rate variability indicators under conditions of active orthostasis in elite cross-country skiers [Electronic resource] // Reaviz Bulletin. 2025. URL: <https://vestnik.reaviz.ru/jour/article/view/1246> (date of access: 09.22.2025).
6. Korepanov, A. L., et al. Dynamics of Heart Rate Variability Indicators during Attention Training in Highly Skilled Shooters [Electronic resource]. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-pokazateley-variabelnosti-serdechnogo-ritma-v-protseste-treninga-vnimaniya-u-sportsmenov-strelkov-vysokoy-kvalifikatsii> (Accessed: 22.09.2025).
7. Kuznetsova, V.E. Artificial Intelligence in Sports: Problems and Prospects [Electronic resource]. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sporte-problemy-i-perspektivy> (Accessed: 22.09.2025).
8. Kalabin, O. V., Mikhailov, M. M. "An Individual Approach to Athlete Training Based on Express Monitoring of HRV (using Volleyball as an Example)" [Electronic Resource] // Sports Medicine, Restorative and Adaptive Physical Culture. 2023. URL: <https://svbskfmba.ru/arkhiv-pomerov/2023-1/kalabin2023> (Accessed: September 22, 2025).
9. Fatkullov, I. R. "Use of GPS Trackers in the Training and Competition Process of Football Players" [Electronic Resource] // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-gps-trekerov-v-trenirovochnom-i-sorevnovatelnom-protseste-futbolistov/pdf> (accessed: 22.09.2025).
10. Ganichev A. M., et al. Using machine learning methods to process information on competitive activity in football [Electronic resource]. 2022. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53329263> (accessed: 22.09.2025).

Социология управления образованием в регионе: инновационные подходы и современные тенденции цифровизации

Ишмухаметов Рустам Рифатович,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
управления современным образованием, Институт развития
образования Республики Башкортостан
E-mail: rustish@list.ru

Статья посвящена социологическому анализу управления образованием в регионе в контексте диалектического взаимодействия современных тенденций цифровизации и инновационных подходов. Исследуются базовые основы управления образовательными системами в условиях меняющегося социально-экономического ландшафта, с акцентом на роль цифровых технологий в трансформации образовательного процесса и управленческих практик. Анализируются вызовы и возможности, в свете инновационных преобразований, предлагаются подходы к формированию эффективной региональной образовательной политики.

Ключевые слова: социология управления, цифровизация, инновационные подходы, управление образовательными системами.

Введение, или Социологический взгляд на региональное образование

Региональное образование является сложным, многомерным социокультурным феноменом, управление которым требует комплексного социологического анализа. Оно находится под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, формирующихся в результате взаимодействия исторически сложившихся традиций, динамичных социально-экономических процессов и стремительной цифровой трансформации. Понимание этих взаимосвязей, выявление закономерностей и противоречий в управленческих практиках, является залогом построения эффективной региональной образовательной политики, направленной на обеспечение качества, доступности и актуальности образования для всех граждан.

Статья ставит целью проанализировать социологические аспекты управления образованием в регионе, рассматривая их через призму инновационных подходов и современных тенденций цифровизации.

Современные тенденции цифровизации: трансформация управленческих практик

Цифровизация оказывает глубокое влияние на все аспекты управления образованием: цифровые платформы и системы управления, дистанционное обучение и гибкие формы, аналитика данных (Big Data), цифровые компетенции педагогов и управленцев, индивидуализация образовательных траекторий.

Внедрение информационных систем для управления учебным процессом, кадрами, финансами, статистической отчетностью повышает прозрачность, эффективность и оперативность принятия решений. Цифровые технологии сделали возможным дистанционное и гибридное обучение, что особенно актуально для регионов с большой территорией, удаленными населенными пунктами или в условиях чрезвычайных ситуаций. Сбор и анализ больших объемов данных об образовательных учреждениях, студентах, педагогах позволяет выявлять тренды, прогнозировать потребности, оценивать эффективность мер и принимать обоснованные управленческие решения. Возникает потребность в развитии у всех участников образовательного процесса цифровых навыков, включая умение работать с цифровыми инструментами, анализировать данные и применять онлайн-технологии в обучении и управлении. Цифровые платформы позволяют создавать персонализированные образовательные программы, адаптированные к индивидуальным потребностям и темпам обучения каждого студента.

Инновационные подходы в управлении региональным образованием

На современном этапе в российском образовании формируются новые, инновационные подходы к управлению

такие, как сетевое взаимодействие, проектное управление, ориентация на результат и компетентностный подход, управление на основе данных (Data-Driven Management), развитие систем оценки качества, партнерство с бизнесом и сообществом.

Создание региональных образовательных сетей, объединяющих школы, колледжи, вузы, научные организации, центры дополнительного образования и работодателей позволяет оптимизировать использование ресурсов, обмениваться опытом и совместно реализовывать образовательные программы. Применение методов проектного управления для реализации конкретных задач и стратегий развития образования в регионе, например, создание IT-инфраструктуры, внедрение новых образовательных стандартов, повышение квалификации педагогов. Переход от управления процессом к управлению результатами означает стремление сформировать у выпускников не только знаний, но и базовых компетенций, востребованных на рынке труда и в жизни. Для принятия обоснованных управленческих решений, оценки эффективности образовательных программ и выявления «узких мест» необходимо использование аналитики данных. Формирование гибких и объективных систем оценки качества образования, учитывающих специфику и потребности различных групп населения. Вовлечение работодателей в разработку образовательных программ, создание стажировок, а также сотрудничество с общественными организациями для решения социальных задач в сфере образования.

Вызовы и возможности

Управление региональным образованием в условиях цифровизации и инноваций сталкивается с рядом вызовов: цифровое неравенство, сопротивление изменениям, кадровый потенциал, обеспечение качества в цифровой среде и финансирование.

Приведем более конкретные примеры вызовов управлению региональным образованием:

- различия в доступе к цифровым технологиям и цифровых компетенциях между различными группами населения и территориями региона;
- необходимость преодоления консерватизма и сопротивления новым подходам со стороны участников образовательного процесса;
- потребность в подготовке и переподготовке управленческих кадров и педагогов, способных эффективно работать в новой цифровой и инновационной среде;
- поддержание высокого качества образования при массовом переходе на дистанционные и гибридные форматы;
- необходимость значительных инвестиций в цифровую инфраструктуру, ПО, обучение и разработку новых программ.

Вместе с тем, эти вызовы открывают и возможности: повышение доступности образования, индивидуализация и гибкость, оптимизация ресурсов и привлечение инноваций.

Цифровизация может сделать качественное образование доступным для жителей удаленных районов и лиц с ограниченными возможностями. Создаются персонализированные образовательные траектории, отвечающие потребностям каждого. Цифровые платформы и сетевое взаимодействие позволяют более эффективно распределять ресурсы. Регионы становятся площадкой для апробации и масштабирования передовых образовательных практик.

Заключение

Социология управления образованием в регионе находится на этапе активной трансформации, определяемой диалектикой исторического опыта, стремительной цифровизацией и потребностью в инновационных подходах. Успешное управление образовательной системой региона требует не просто внедрения новых технологий, но и глубокого понимания социокультурного контекста, умения интегрировать накопленный опыт с инновационными решениями, а также готовности к постоянному развитию и адаптации.

Формирование эффективной региональной образовательной политики должно опираться на: четкое видение будущего, включая определение стратегических целей и приоритетов развития образования в регионе, аналитическую базу, то есть использование данных для принятия обоснованных решений, сетевое сотрудничество как активное взаимодействие всех участников образовательного процесса, культуру инноваций, заключающуюся в поощрении экспериментов, апробации новых подходов и постоянного обучения, приоритете человека, то есть сохранении человекоцентричности во всех управленческих практиках, обеспечении равного доступа к качественному и актуальному образованию для всех граждан региона.

Социологически обоснованный, комплексный подход позволит региональным образовательным системам успешно справляться с вызовами цифровой эпохи и вносить максимальный вклад в социально-экономическое развитие региона.

Литература

1. Бабина Е.Н. Цифровая экономика: вопросы трансформации региональной системы образования / Е.Н. Бабина // Мобилизационное общество и детерминанты его развития. Материалы Всероссийской конференции. Ставрополь, 2023. С. 277–280.
2. Громова Н.С. Инновационное образование как ключевой фактор развития региона / Н.С. Громова // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России. Материалы III Уральского экономического форума. Екатеринбург, 2021. С. 80–85.
3. Князева В.А. Управленческие аспекты инновационного развития региональной образовательной среды в условиях цифровизации / В.А. Князева, К.С. Соловьева // Менеджмент-2021: новые вызовы и креативные решения. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. Орел, 2021. С. 83–89.
4. Кутлова Р.Р. Управление процессом цифровизации отечественной системы образования как актуальная социальная проблема / Р.Р. Кутлова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1(37). С. 126–131.
5. Разумовский В.А. Достижение цифровой зрелости образования: особенности управленческого проектирования / В.А. Разумовский // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18. № 4. С. 100–108.

SOCIOLOGY OF EDUCATIONAL MANAGEMENT IN THE REGION: INNOVATIVE APPROACHES AND MODERN TRENDS OF DIGITALIZATION

Ishmukhametov R.R.

Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan

This article is devoted to a sociological analysis of education management in the region in the context of the dialectical interaction of modern digitalization trends and innovative approaches. The basic

principles of managing educational systems in a changing socio-economic landscape are explored, with an emphasis on the role of digital technologies in the transformation of the educational process and management practices. Challenges and opportunities are analyzed in the light of innovative transformations, and approaches to the formation of effective regional educational policy are proposed.

Keywords: sociology of management, digitalization, innovative approaches, management of educational systems.

References

1. Babina E.N. Digital economy: issues of transformation of the regional education system / E.N. Babina // Mobilization society and determinants of its development. Materials of the All-Russian Conference. Stavropol, 2023. pp. 277–280.
2. Gromova N.S. Innovative education as a key factor in the development of the region / N.S. Gromova // The Urals are the driver of neo-industrial and innovative development of Russia. Materials of the III Ural Economic Forum. Ekaterinburg, 2021. pp. 80–85.
3. Knyazeva V.A. Management aspects of innovative development of the regional educational environment in the conditions of digitalization / V.A. Knyazeva, K.S. Solovyova // Management 2021: new challenges and creative solutions. Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference. Orel, 2021. pp. 83–89.
4. Kutlova R.R. Managing the process of digitalization of the domestic education system as an urgent social problem / R.R. Kutlova // Economic and social-humanitarian studies. 2023. № 1 (37). pp. 126–131.
5. Razumovsky V.A. Achieving digital maturity of education: features of management design / V.A. Razumovsky // Human Science: Humanitarian Research. 2024. T. 18. № 4. P. 100–108.

Востребованность социологов на рынке труда: структура спроса по данным вакансий

Костаков Глеб Сергеевич,
независимый исследователь
E-mail: gkostakov2@mail.ru

Статья посвящена изучению структуры спроса на социологов на российском рынке труда на основе анализа данных платформы HeadHunter. В результате проведенного исследования выявлены ключевые сферы занятости специалистов с социологическим образованием, среди которых ведущее положение занимают маркетинговые исследования и управление персоналом. Автор проанализированы требования работодателей к профессиональному опыту соискателей и установлена существенная дифференциация уровня заработных плат в зависимости от стажа работы. Особое внимание уделено проблеме начального трудоустройства выпускников, обусловленной высокими требованиями к практическому опыту работы. Результаты исследования демонстрируют необходимость адаптации образовательных программ социологических специальностей к современным запросам рынка труда. Материалы статьи представляют практический интерес для образовательных организаций, специалистов в сфере управления человеческими ресурсами и выпускников, планирующих профессиональное развитие в прикладных сферах социологии.

Ключевые слова: анализ вакансий, социологическое образование, профессиональные траектории социологов, требования работодателей, социологические исследования, начальный карьерный опыт, конкурентоспособность выпускников, прикладная социология

Введение

В условиях трансформации российского высшего образования, включающей изменения образовательных стандартов и растущие требования к практико-ориентированности подготовки выпускников, особую значимость приобретает мониторинг ситуации на рынке труда. Это же касается и социологической сферы. Исследование вакансий для социологов позволит выявить ключевые компетенции, востребованные работодателями, и оценить условия, предлагаемые специалистам-социологам, на рынке труда.

Цель исследования – описать структуру спроса на специалистов-социологов на основе анализа вакансий, размещённых на платформе по поиску работы.

Гипотеза исследования: основная часть вакансий для социологов сосредоточена в сфере маркетинговых исследований.

Полученные результаты будут полезны:

- образовательным учреждениям для совершенствования образовательных программ;
- студентам и выпускникам социологических факультетов для понимания и развития востребованных компетенций;
- HR-специалистам.

Объект исследования – вакансии, размещённые на платформе по поиску работы “HeadHunter” (hh.ru), на которые потенциально могут претендовать выпускники-социологи и которые связаны с проведением социологических исследований.

Предмет исследования – состав и качество данных вакансий (уровень зарплат, профессиональные области, требуемый опыт работы).

Теоретическую базу исследования составили работы российских социологов, описывающих ситуацию на рынке труда, применительно к профессии социолога, а также профессиональные и образовательные траектории студентов-социологов (Гризик, М.А., Скворцов, Н. Г. и других), а также работы по проблемам анализа спроса на рынке труда и трудоустройства выпускников вузов.

Новизна исследования заключается в проведении актуального анализа структуры спроса на социологов на российском рынке труда на основе данных вакансий с онлайн-платформы по поиску работы.

Востребованность профессии социолога в научном дискурсе

Понятие «востребованность профессии» является очень многогранным и комплексным. Под востребованностью профессии обычно понимается потребность в специалистах данной профессии работодателями [1].

В современной России наблюдается значительный дисбаланс между структурой выпуска специалистов вузами и реальными потребностями рынка труда по отраслям, что приводит к переизбытку выпускников по одним направлениям и дефициту по другим. Для решения данной проблемы предлагаются разные способы анализа, в том числе количественная оценка дисбаланса между выпуском вузов и спросом на рынке труда [7]. При этом

в данном случае оценка спроса на рынке труда производится за счет информации о среднегодовой численности занятых с высшим образованием по отраслям экономики, публикуемой ежегодно на официальном сайте Росстата. Другой способ оценки спроса на рынке труда (который также используется в рамках текущего исследования) – анализ предложений на площадках по поиску работы, такие как HeadHunter [8].

Можно выделить 2 основных сегмента трудоустройства выпускников-социологов [4]:

- Академическая карьера – она в большей степени соответствует классическому академическому социологическому образованию. Однако подобная карьера не является привлекательной для выпускников из-за низких зарплат и ограниченного числа вакансий. В итоге подобный на этот профессиональный путь ориентированы лишь 7–8% студентов [4].
- Коммерческий сектор – он является основной сферой приложения для социологов. Этот сегмент включает в себя такие сферы, как маркетинг, PR, HR, консалтинг, госуправление и другие сферы. Отличительная особенность, что прямое упоминание «социологии» в названиях вакансий отсутствует. Работодателями ценятся навыки анализа, исследования, работы с данными, которые формируются у выпускников-социологов в процессе обучения в вузе.

Стоит также указать, что успешное трудоустройство выпускников-социологов могут повлиять не только профильные навыки и знания, но и так называемые «мягкие навыки», которые также могут быть одним из критериев отбора среди работодателей. К наиболее востребованным «мягким навыкам» среди всех направлений подготовки следует отнести способность к обучению, карьерную мотивацию, профессиональную мотивацию, работу в команде, а также способность к адаптации [6].

Социологическое образование в России остается в зоне профессиональной неопределенности: многие выпускники (особенно бакалавры) не имеют четкого понимания своей карьерной траектории. Однако на практике они находят свою нишу как аналитики, исследователи и проектировщики социальных процессов, применяя навыки работы с информацией, интерпретации данных и оценки социальных явлений.

Социологию можно охарактеризовать как сферу, которая включает в себя множество направлений для приложения труда [2]. В связи с этим социологи после окончания вуза и социологической кафедры имеют перед собой довольно широкий спектр карьерных траекторий на рынке труда, при этом без необходимости в переобучении или получении дополнительных навыков и компетенций.

Стоит отметить, что тема востребованности социологов на рынке труда сейчас актуальна еще и в связи с тем, что возникла необходимость в обновлении образовательных программ, в том числе для факультетов и кафедр социологии. Сейчас социологическое образование встречается с некоторыми рисками, в частности, в рамках обсуждения нового ФГОС четвертого поколения [3]:

- **Потеря статуса социологии как самостоятельного направления.** Социология (в рамках нового ФГОС) лишается статуса отдельной укрупненной группы специальностей и направлений (УГСН) и включается в политологический профиль, что угрожает её идентичности и академической автономии.
- **Сокращение времени на профильные дисциплины.** Совместное обучение со студентами смежных специальностей (политология, международные от-

ношение и другие) в первые два года обучения в вузе уменьшает количество часов подготовки на профильные социологические предметы (такие как статистика, методика и методология социологических исследований, анализ данных и тп.), снижая качество подготовки специалистов.

- **Несоответствие вступительных требований.** Единый набор предметов для сдачи ЕГЭ для поступления в укрупненную УГСН (например, история, свойственная для поступления на политологическое направление вместо обществознания и профильной математики, привычных для поступления социологов) может привести к тому, что будет осуществляться набор абитуриентов, которые уже заранее не готовы к «работе с числами» в рамках программы социологии.

Важно отметить, что в 2021 году был утверждён профессиональный стандарт социолога «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям»^{1*} (код 01.12). Профессиональный стандарт социолога – инструмент, который помогает формализовать требования к компетенциям, знаниям и навыкам выпускников, делая их более прозрачными для образовательных учреждений и работодателей. Это способствует улучшению соответствия образования запросам рынка [5]. Поэтому при анализе спроса на социологов на рынке труда необходимо учитывать те функции профессии, которые указаны в профессиональном стандарте, чтобы избежать всевозможных разночтений.

Все это вновь подчеркивает важность анализа текущего состояния рынка труда в области социологических исследований. Необходимо верно оценить спрос на специалистов-социологов и предъявляемые к ним требования со стороны работодателей, для того чтобы наилучшим образом формировать образовательную программу.

Методология исследования

Согласно вышеописанному профессиональному стандарту для социологов, цель профессиональной деятельности социолога – «получение необходимой информации для принятия и обоснования управленческих решений в различных сферах жизни общества и представление результатов социологических исследований различным аудиториям». Таким образом, в рамках исследования интересны только те вакансии, которые так или иначе связаны с проведением или использованием результатов уже проведенных социологических исследований.

В данном исследовании сам процесс сбора информации с сайта по поиску работы «hh.ru» был осуществлен при помощи парсинг-запросов через HeadHunter API (Application Programming Interface). В выборку вакансий попали предложения в основном из следующих профессиональных областей:

- Маркетинг – маркетинговый аналитик, медиа аналитик, аналитик рынка и тд.;
- Human resources (Человеческие ресурсы) – HR-аналитик, HR Business Partner, HR-менеджер, менеджер по персоналу и тд.;
- Продакт(проджект)-менеджмент (включая CX (customer experience) и UX (user experience) исследователей – продакт-менеджер, проджект-менеджер, CX-

^{1*} Профессиональный стандарт 01.012: «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям»: утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21.10.2021 № 751н (дата обращения: 26.05.2025)

исследователь, UX-исследователь, менеджер продукта, Customer journey expert и т.д.;

- Другие сферы (или неопределенные) – специалист по внутренним (внешним) коммуникациям, бизнес-аналитик и т.д.

Важно отметить, что в некоторых случаях было сложно определить специфику вакансии (например, «специалист по качественным исследованиям»). Подобные вакансии относились к категории «Другое». Особенно дискуссионным остался вопрос, касающийся профессии «аналитик данных» – с одной стороны, социолог может являться аналитиком данных (социологических) – те же исследования в маркетинге или HR, и некоторые работодатели именно так называют вакансии, которые могут быть интересны выпускнику-социологу. С другой стороны, большая доля вакансий, относящихся к запросу «аналитик данных» все же относится к более техническому анализу данных и Data Science – системный аналитик, аналитик продаж и т.п., где требуется техническое и IT-образование. В связи с этим, в выборку были включены те вакансии, которые так или иначе связаны именно с социологическими исследованиями – после сбора общего массива вакансий был проведен анализ требований к вакансиям и описываемые функции, и остались в выборке только те вакансии, где шла речь именно о проведении исследований или использовании готовых результатов исследований в работе.

Конечно, данная классификация очень условна, и одна и та же вакансия может относиться к нескольким сферам, или быть выделена в отдельную категорию. В данном исследовании были выделены более-менее укрупненные группы.

Степень использования социологического инструмента в отобранных вакансиях могла быть разной – например, «маркетинговый исследователь» в своей работе полностью применяет социологические знания и методы (проведение анкетных опросов, интервью, анализ вторичных источников и т.п.), а «продакт-менеджер» также проводит качественные и количественные исследования среди аудитории своего продукта (или использует материалы исследователей и аналитиков), но при этом выполняет и другие функции, которые не входят в работу «социолога» – расчет юнит-экономики, ведение технологической документации по продукту, разработка PR-стратегии и т.п.

В процессе отбора вакансий «отбраковывались» предложения, которые никак не связаны с проведением исследований. Например, в сфере HR – рекрутер, специалист по кадровому документообороту и т.п. В сфере маркетинга – PR-специалист, специалист по продажам, контентмейкер, дизайнер, SMM-специалист и т.п.

Регион поиска вакансий – вся Россия. Отбор и анализ вакансий был проведен в период с 19 по 23 мая 2025 года.

Результаты

В итоге была отобрана для детального анализа 1781 вакансия, где почти половина вакансий (44,2%), которые предлагаются на платформе, относятся к маркетинговой деятельности – проведение маркетинговых исследований, исследование рынков и отраслей, анализ социальных медиа и т.д. К подобным вакансиям можно отнести «маркетингового аналитика», «маркетолога», «аналитика рынков» и т.д. На втором месте по распространенности (23,4%) – вакансии, связанные с работой с персоналом (HR-менеджер, HR-аналитик, специалист по исследованию вовлеченности сотрудников и т.п.) Каждая пятая

вакансия относится к продакт(проджект)-менеджменту, а также к проведению CX/UX-исследований.

Подобные результаты подтверждают гипотезу, что основная часть вакансий, релевантных для социологов, относится к сфере маркетинга. При этом стоит отметить, что в категорию «Другое» были включены и такие вакансии как «эксперт в области политических исследований», «научный сотрудник» и т.п.

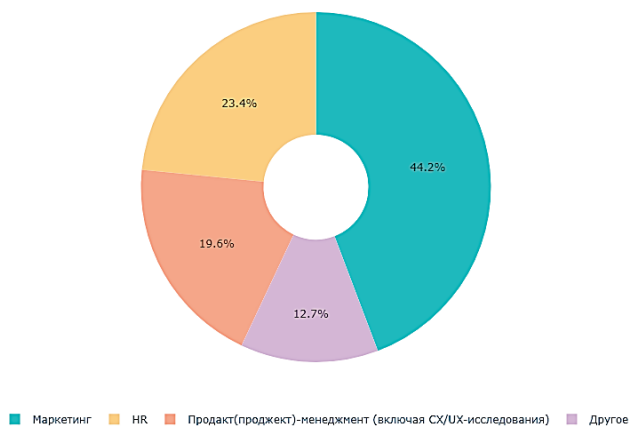

Рис. 1. Распределение вакансий по профессиональной области

Источник: составлено авторами

Половина вакансий требует от соискателей опыта работы равному 1–3 годам (49%), чуть меньше (38%) вакансий прописывают условие в 3–6 лет стажа. Без опыта работы готовы рассматривать кандидатов только в 9% вакансий. Полученные данные подтверждают тренд на ориентацию компаний на молодых специалистов с опытом работы: компании чаще ищут «золотую середину» – специалистов с достаточным опытом для автономной работы, но без затрат на экспертов с высокой квалификацией. Для молодых выпускников социологических кафедр это означает важность набора 1–3 года опыта для максимальной конкурентоспособности, то есть, уже на последних курсах обучения.

Также, возможно, компании не заинтересованы во внутреннем обучении молодых специалистов, поэтому и ориентируются на то, что у кандидатов уже будет хоть какой-то опыт в профессии помимо полученного образования (рис. 2).

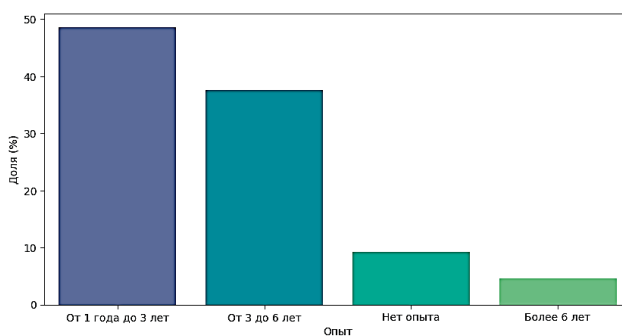

Рис. 2. Распределение вакансий по требуемому опыту работы

Источник: составлено авторами

Конечно, интересно проанализировать и предлагаемую заработную плату для кандидатов. При этом почти 54% вакансий не имеют в себе информации о будущем доходе специалиста. В связи с этим анализ проводился только среди тех вакансий, где эта информация присутствует.

После удаления явных выбросов, средняя заработная плата для социолога (в независимости от стажа) составила примерно 115 514 рублей, медиана – 100 000. Минимальная заработная плата – 10 000 рублей, максимальная – 350 000.

Также стоит отметить, что медиана в центре ящика расположена ниже центра, и верхний ус длиннее нижнего. Это значит, что имеет место правосторонняя асимметрия – большая часть вакансий предлагает зарплаты ниже среднего, а высокие зарплаты встречаются редко и «вытягивают» распределение вправо. 50% данных (IQR) сосредоточены в диапазоне примерно 75 000–150 000 руб., что может отражать стандартный или привычный рыночный уровень для массовых предложений (рис. 3).

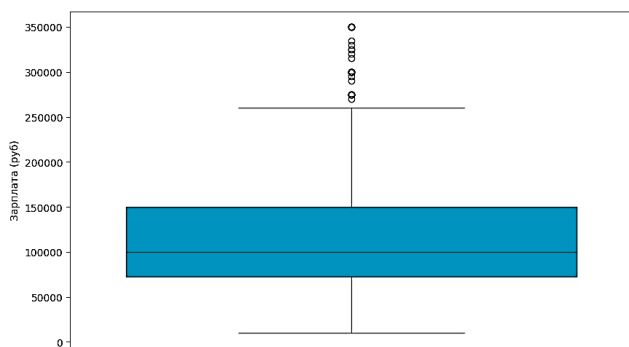

Рис. 3. Распределение предлагаемой заработной платы

Источник: составлено авторами

При этом для вакансий, которые требуют стаж в 1–3 года, средняя заработная плата составила 103 093 рубля (медиана – 100 000), для стажа 3–6 лет – 149 793 (медиана – 135 000), для кандидатов без опыта – 66 139 (медиана – 55 000). Среди специалистов высокого уровня (опыт работы больше 6 лет) средняя предлагаемая зарплата составила 224 500 рублей, медианная – 232 500.

Таким образом очевидно, что, чем выше требуемый опыт, тем шире диапазон зарплат и тем больше вероятность попасть в высокооплачиваемую группу. Молодым и неопытным специалистам приходится сложнее всего – категория «Нет опыта» имеет самый низкий и узкий диапазон зарплат, что означает ограниченные возможности для старта карьеры без квалификации и должного опыта работы в профессии (рис. 4).

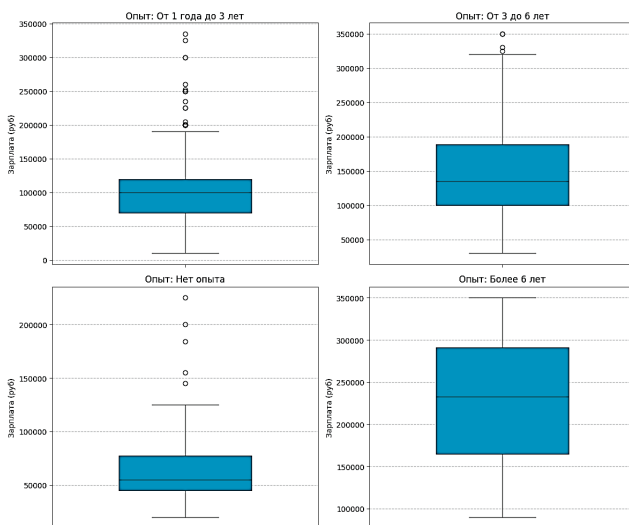

Рис. 4. Распределение предлагаемой заработной платы в зависимости от требуемого опыта работы

Источник: составлено авторами

Основные выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать несколько выводов о предложении на рынке труда применительно к профессии социолога:

1. **Доминирование маркетинговой сферы в предложениях для социологов.** Гипотеза исследования подтвердилась: почти половина вакансий (44,2%) для социологов связана с маркетингом. Возможно это объясняется растущим спросом на изучение потребительского поведения, рыночных трендов, а также эффективности рекламных кампаний. Социологические инструменты (анкетные опросы, фокус-группы, интервью, наблюдения) становятся ключевыми инструментами в маркетинге, что, видимо, повышает востребованность социологов в этой отрасли.

2. **HR-аналитика и управление персоналом.** Вторая по значимости категория вакансий (23,4%) относится к HR-направлению. Здесь социологи востребованы для исследования вовлеченности сотрудников, корпоративной культуры и эффективности HR-стратегий. Использование данных для принятия кадровых решений также сейчас является значимым трендом, что позволяет социологам раскрыть свой потенциал и принести пользу в этой сфере.

3. **Опыт как ключевое требование.** Только 9% вакансий доступны для выпускников социологических кафедр без опыта. Это может быть связано с тем, что работодатели ищут специалистов, уже готовых применять социологические методы и знания в реальных проектах, при этом они не готовы «переплачивать» за высококвалифицированных специалистов. Из этого возникает вопрос о качестве подготовки студентов: возможно, вузам стоит усилить практико-ориентированное обучение и расширить взаимодействие с потенциальными работодателями (в том числе при помощи стажировок и прохождения практик). Но и самим студентам последних курсов необходимо задуматься о своей конкурентоспособности при выходе на рынок труда – повысить свои шансы на оффер можно за счет прохождения практик и стажировок в аналитических центрах и исследовательских компаниях.

4. **Зарплатная вилка и карьерные перспективы.** Анализ вакансий выявил значительную разницу в уровне доходов социологов в зависимости от их профессионального стажа. Если начинающие специалисты могут рассчитывать на среднюю зарплату около 66 139 рублей, то для профессионалов с опытом 3–6 лет этот показатель возрастает до 149 793 рублей, а для экспертов (6+ лет) достигает 224 500 рублей. Такой существенный разрыв в оплате труда подчеркивает высокую ценность экспертных знаний и практического опыта в профессии. Среди вакансий с самым часто встречающимся требованием опыта работы в 1–3 года средняя предлагаемая зарплата составляет 103 093 руб. Подобная ситуация опять же может настроить выпускников социологических кафедр на ранний трудовой опыт – на последних курсах обучения. Именно подобный опыт даст возможность получить более привлекательные условия для трудоустройства после выпуска.

5. **Проблемы специализации для социологов.** Многие вакансии (например, «аналитик данных») требуют междисциплинарных навыков, что отражает общий тренд на стирание границ между профессиями и необходимость для социологов осваивать смежные области (маркетинг, психологию, статистику, digital-инструменты, DataScience и тп.). Специализация социологов больше не ограничивается рамками одной этой науки. Успех в профессии теперь зависит от способности адаптиро-

ваться к междисциплинарным требованиям, непрерывно обучаться и применять разнообразные инструменты для решения комплексных задач. В итоге социологи сталкиваются на сегодняшний день с двойной задачей: с одной стороны, нужно сохранить свою профессиональную идентичность (социолога), основанную на понимании социальных процессов, с другой стороны, при этом необходимо активно интегрировать знания, инструменты и опыт из других дисциплин. Это современное требование создает как возможности для карьерного роста, так и риски: те, кто не готов к постоянному обучению и расширению компетенций, могут оказаться на «периферии» рынка труда, могут потерять свою конкурентоспособность. В то же время специалисты, способные сочетать традиционные методы социологических исследований с подходами из других областей, получают значительное конкурентное преимущество, получая преимущество в новых профессиональных сферах – от цифрового маркетинга до управления государственными социальными проектами.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование вакансий для социологов на рынке труда подтверждает необходимость адаптации социологического образования к требованиям рынка труда на сегодняшний день. Доминирование маркетинга и HR-аналитики, а также повышение спроса на междисциплинарные навыки требуют пересмотра и обновления образовательных программ. Внедрение нового ФГОС должно усилить практико-ориентированную составляющую через кейс-методы, стажировки и партнерские программы с работодателями. Гибкие образовательные траектории позволят студентам осваивать специализации, востребованные на рынке, таким образом повышая их конкурентоспособность. Особое внимание следует уделить ранней профессионализации, чтобы к выпуску студенты имели 1–2 года практического опыта, преодолевая «стартовый барьер» (лишь 9% вакансий доступны без опыта). Обновление ФГОС должно формировать «гибридного» специалиста, сочетающего фундаментальные социологические знания с прикладными навыками, что повысит конкурентоспособность выпускников и укрепит роль социологии в новой российской экономике.

Литература

1. Волошина, И.А. Востребованные профессии: сущность, признаки, разнообразность / И.А. Волошина, П.Н. Новиков, И.И. Мухина // Социально-трудовые исследования. – 2024. – № 4(57). – С. 150–161. – DOI 10.34022/2658–3712–2024–57–4–150–161. – EDN DFINQX. (дата обращения: 26.05.2025).
2. Гризик, М.А. Востребованность компетенций социолога на современном рынке труда / М.А. Гризик // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития: Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция, Иркутск, 15–16 декабря 2023 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. – С. 295–300. – EDN JTHUYC. (дата обращения: 26.05.2025).
3. Образцов, И.В. Социолог 4.0: вызовы и риски реформирования профессионального социологического образования / И.В. Образцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 112–124. – DOI 10.22363/2313–2272–2024–24–1–112–124. – EDN UEIKDA. (дата обращения: 26.05.2025).
4. Сковцов, Н.Г. Выпускник-социолог на рынке труда / Н.Г. Сковцов // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2021. – С. 234–235. – EDN OKPPAD. (дата обращения: 26.05.2025).
5. Чепуренко А. Ю., Бершадская М.Д. Как обеспечить стыковку социологического образования и рынка труда: кейс разработки профессионального стандарта социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 312–331. (дата обращения: 30.08.2025).
6. Камарова, Т.А.. Необходимые компетенции студентов и выпускников вузов для успешного трудоустройства. Вестник Самарского государственного технического университета Серия Физико-математические науки. 1,0. 2021 25–35. 10.18323/2221–5689–2021–4–25–35. (дата обращения: 30.08.2025).
7. С. Н. Митяков, Е.М. Колоскова Метод анализа соответствия спроса и предложения специалистов с высшим образованием на рынке труда // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 1 (77). (дата обращения: 30.08.2025).
8. Ашурбеков Р. А., Кузьминова Т.В. Анализ спроса на специалистов по управлению персоналом на московском рынке труда // Вестник ГУУ. 2021. № 8. (дата обращения: 30.08.2025).

THE RELEVANCE OF SOCIOLOGISTS IN THE LABOR MARKET

Kostakov G.S.

The article is devoted to the study of the structure of demand for sociologists in the Russian labor market based on the analysis of data from the HeadHunter platform. As a result of the study, the key areas of employment for specialists with a sociological education were identified, with marketing research and personnel management taking a leading position. The author analyzed the requirements of employers for the professional experience of applicants and found a significant differentiation in the level of salaries depending on the length of service. Special attention was paid to the problem of initial employment for graduates, which is caused by the high requirements for practical experience. The results of the study demonstrate the need to adapt the educational programs of sociological specialties to the current demands of the labor market. The article's materials are of practical interest to educational organizations, human resources management specialists, and graduates who are planning to pursue a professional career.

Keywords: analysis of vacancies, sociological education, professional trajectories of sociologists, employer requirements, sociological research, initial career experience, competitiveness of graduates, applied sociology

References

1. Voloshina, I.A. Demanded professions: essence, characteristics, variety/ I.A. Voloshina, P.N. Novikov, I.I. Mukhina // Social-labor research. – 2024. – № 4(57). – С. 150–161. – DOI 10.34022/2658–3712–2024–57–4–150–161. – EDN DFINQX. (дата обращения: 26.05.2025).
2. Grisik, M.A. Demand of competences of sociologist in the modern labor market/ M.A. Grisik // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development: Collection of scientific works International scientific-practical conference, Irkutsk, 15–16 December 2023. – Irkutsk: Irkutsk State University, 2023. – S. 295–300. – EDN JTHUYC. (date of application: 26.05.2025).
3. Obratsov, I.V. Sociologist 4.0: Challenges and Risks of Reforming Professional Sociological Education / I.V. Obratsov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Se-

- ries: Sociology. – 2024. – Vol. 24, No. 1. – Pp. 112–124. – DOI 10.22363/2313–2272–2024–24–1–112–124. – EDN UEIKDA. (date of application: 26.05.2025).
4. Skvortsov, N.G. Graduate-sociologist in the labor market/ N.G. Skvortsov // Sociologist: education and professional trajectories: materials of the All-Russian scientific conference XV Kovalev readings, Saint Petersburg, 25–27 November 2021. – Saint-Petersburg: LLC “Scythia-print”, 2021. – S. 234–235. – EDN OKPPAD. (date of application: 26.05.2025).
 5. Chepureno A. Yu., Bershadskaya M.D. (2022) Sociological Education and the Labor Market: The Professional Standard of a Sociologist as the Basis for Updating Higher Sociological Education Programs. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 4. P. 312–331. (date of application: 30.08.2025).
 6. Kamarova, T.A. The necessary competencies of students and university graduates for successful employment. Bulletin of the Samara State Technical University Series of Physical and Mathematical Sciences. 1,0. 25–35. 2021 10.18323/2221–5689–2021–4–25–35. (date of application: 30.08.2025).
 7. S. N. Mityakov, E.M. Koloskova Method of analyzing the correspondence between the demand and offer of specialists with higher education in the labor market // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2025. No. 1 (77). (date of application: 30.08.2025).
 8. Ashurbekov R. A., Kuzminova T.V. Analysis of demand for personnel management specialists in the Moscow labor market // Bulletin of the State University of Management. 2021. No. 8. (date of application: 30.08.2025).

Прекаризационные тенденции в сфере информационных услуг: причины, проявления и последствия для специалистов

Курносков Роман Дмитриевич,

аспирант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

E-mail: kurnosov1999@yandex.ru

В статье рассматриваются прекаризационные тенденции в сфере информационных услуг как проявление глубинных трансформаций современного рынка труда. Проанализированы причины, формы и последствия нестабильной занятости среди специалистов данной сферы. Основное внимание уделено институциональным, технологическим и культурным детерминантам прекаризации, а также её проявлениям в виде гибких форм занятости, эрозии трудовых гарантий и психологических последствий. На основе качественного исследования и вторичного анализа статистических данных выявлены ключевые риски, связанные с дестабилизацией профессиональной идентичности, ростом социальной тревожности и ограничением социальной мобильности. Сделан вывод о необходимости социологического переосмысления прекаризации как новой нормы занятости и формирования адекватной социальной политики в ответ на вызовы цифровой эпохи.

Ключевые слова: прекаризация, нестабильная занятость, информационные услуги, фриланс, гибкие формы труда, профессиональная идентичность, цифровая трансформация, социальная незащищённость.

В условиях трансформации современного рынка труда и перехода к цифровой экономике сфера информационных услуг стала одним из ключевых полей, где ярко проявляются прекаризационные тенденции – нестабильность занятости, фрагментация трудовых отношений, рост неформальных и гибких форм занятости [3]. Эти изменения сопровождаются ослаблением институциональных гарантий, размыванием традиционных форм профессиональной идентичности, ростом социальной уязвимости специалистов. Особую актуальность приобретает изучение данных процессов в аспекте социальных последствий для работников, занятых в информационной сфере, поскольку именно они в значительной мере воплощают в себе противоречивые черты современной занятости: технологическую продвинутость – с одной стороны, и социальную нестабильность – с другой.

Актуальность исследования определяется необходимостью социологического осмысления новых форм социально-трудовых отношений, которые не вписываются в рамки классических трудовых моделей, а также отсутствием в российской социологической традиции комплексного анализа прекаризации в контексте именно информационных услуг [4]. На фоне растущей гибкости занятости, распространения платформенной работы, фриланса, удалёнки, возрастает значение факторов, влияющих на статус, идентичность и адаптационные стратегии специалистов этой сферы.

Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать ключевые причины, формы проявления и социальные последствия прекаризационных тенденций в сфере информационных услуг применительно к специалистам данной отрасли.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи.

1. Выявить и классифицировать факторы, способствующие формированию прекаризации в информационном секторе.
2. Охарактеризовать основные формы и проявления нестабильной занятости среди специалистов.
3. Проанализировать влияние прекаризации на социальное самочувствие, профессиональную идентичность и жизненные стратегии занятых.
4. Обобщить возможные риски и вызовы, связанные с дальнейшим распространением прекарных форм труда.

Научная новизна статьи заключается в социологическом осмыслении прекаризации в рамках узко определённого сегмента рынка труда – сферы информационных услуг, а также в акценте на последствиях этих процессов для статуса, поведения и самоощущения работников.

Методологической основой исследования послужил структурно-функциональный подход (анализ институтов и структур, детерминирующих занятость), а также элементы теории прекариата (Гай Стэндинг), теории поля и габитуса П. Бурдьё (в аспекте воспроизводства социального положения), и концепции цифрового неравенства [1; 2; 3].

Эмпирическую базу составили результаты вторичного анализа статистических данных (Росстат, ВЦИОМ,

НИУ ВШЭ), а также качественные материалы – полустандартизированные интервью с представителями сферы информационных услуг, проведённые автором в рамках диссертационного исследования в 2024–2025 гг. Всего было проведено 12 интервью, среди информантов – преподаватели и методисты онлайн-школ, технические специалисты, сотрудники поддержки, контент-менеджеры и фрилансеры, работающие на платформах дистанционных сервисов. Выборка формировалась по принципу целевого отбора с учётом профессионального стажа, типа занятости и формата взаимодействия с работодателями [8; 9; 10].

В рамках вторичного анализа статистических данных были выдвинуты следующие рабочие гипотезы.

- Доля занятых в нестабильных формах занятости (самозанятые, временные контракты, фриланс) выше в секторе информационных услуг по сравнению с остальными секторами экономики.
- Прекаризация труда в сфере информационных услуг чаще затрагивает молодых специалистов в возрасте до 35 лет.
- Сотрудники с гибкими формами занятости демонстрируют более низкий уровень уверенности в завтрашнем дне и выше выраженность стрессовых состояний (по данным ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, Росстата).

Эти гипотезы легли в основу интерпретации количественных и качественных данных, собранных в исследовании.

Современная сфера информационных услуг – это один из наиболее динамично развивающихся сегментов постиндустриального общества, в котором переплетаются высокотехнологичный прогресс, гибкость организации труда и значительная институциональная неустойчивость. Формирующиеся в данном секторе прекаризационные тенденции обусловлены множеством взаимосвязанных факторов – от макроэкономических сдвигов до изменений в трудовой мотивации и стратегиях поведения работников.

Прежде всего, на процессы нестабильности в трудовых отношениях в сфере информационных услуг влияет глобальная трансформация рынка труда, выражающаяся в переходе от стандартной занятости к гибким, временным, дистанционным формам [5]. Появление новых моделей занятости – таких как фриланс, проектная работа, гибридная занятость – создало внешне привлекательные альтернативы традиционному трудовому договору, но при этом сопровождалось снижением социальной защищённости и институциональных гарантий. Для многих специалистов это означает доступ к более гибкому образу жизни, но одновременно и увеличение рисков: невозможность планировать будущее, отсутствие стабильного дохода, незащищённость перед работодателем.

Другим важным фактором выступает ускоренное технологическое развитие и цифровизация, кардинально изменившие способы организации труда в информационной сфере [13]. Автоматизация, развитие искусственного интеллекта, облачных платформ и дистанционных сервисов создали возможности для выполнения значительного объёма работ вне рамок корпоративной структуры. Это привело к снижению необходимости в постоянных трудовых отношениях, особенно в сегменте IT-услуг, онлайн-обучения, SMM, дизайна и других смежных направлениях. Вместе с тем цифровая трансформация стимулировала рост конкуренции, расширив рынок труда за счёт трансграничной удалённой занятости, тем самым снижая стоимость труда и усиливая зависимость работников от колебаний спроса.

Не менее значимым фактором является институциональная трансформация рынка труда, сопровождающаяся ослаблением регулирования трудовых отношений и снижением роли профсоюзов [7]. Для информационной сферы характерна низкая степень профсоюзной организованности, что создаёт дополнительные предпосылки для экспансии прекарных практик. Работодатели все чаще прибегают к аутсорсингу, заключают гражданско-правовые договоры или вовсе избегают формализации трудовых отношений. Государственные механизмы контроля за соблюдением трудовых прав оказываются недостаточно адаптированными к гибким и цифровым формам занятости.

Также следует выделить социально-культурные факторы, влияющие на субъективное принятие нестабильной занятости. Для молодых специалистов информационной сферы характерна установка на свободу, мобильность, проектное мышление и отказ от традиционного карьерного пути [6]. Такие установки способствуют легитимации нестабильной занятости как «нормальной» или даже желаемой, несмотря на её потенциальные негативные последствия. Однако этот выбор нередко оказывается вынужденным и маскирует структурную уязвимость занятых.

Важную роль играют также экономические факторы, в том числе последствия глобальных и локальных кризисов. Экономическая нестабильность, снижение бюджетов, оптимизация расходов компаний подталкивают работодателей к отказу от постоянных позиций [7]. Особенно это характерно для малого и среднего бизнеса, а также для стартапов, активно использующих труд внешних специалистов без долгосрочных обязательств.

Таким образом, прекаризация в сфере информационных услуг формируется на пересечении глобальных трендов (цифровизация, гибкость занятости), институциональных пробелов (слабость регулирования), культурных изменений (новые ценности труда) и экономических реалий (кризисы, оптимизация затрат). Эти факторы взаимно усиливают друг друга, создавая устойчивые условия для расширения нестабильных форм труда и маргинализации трудовой позиции специалистов.

Если причины прекаризации укоренены в структурных трансформациях, то её проявления наблюдаются в повседневной профессиональной практике специалистов и в характере их взаимодействия с работодателями, клиентами и институтами социальной защиты. В сфере информационных услуг эти проявления обретают особенно выраженный и многоаспектный характер.

Полученные результаты находят как подтверждение, так и уточнение в работах других исследователей. Например, наблюдаемая тенденция к расширению гибких и нестабильных форм занятости соответствует выводам Ю.М. Резника о социокультурной природе прекаризации [13], а также исследованиям Г. Стэндинга [5], где описана маргинализация целых профессиональных групп.

Вместе с тем, в отличие от обобщённых моделей прекариата, в данной работе акцент сделан на сфере информационных услуг, что позволяет более точно зафиксировать специфику процесса – например, сдвиг от «традиционного» фриланса к платформенной занятости и цифровому микротруду.

Подобный подход, фокусирующий на конкретной профессиональной группе, также находит поддержку в исследованиях Капелья [3; 8], подчёркивающего значимость сетевой структуры занятости в цифровую эпоху.

Одним из ключевых проявлений является распространение нестандартных и гибких форм занятости. Большинство специалистов работают на условиях фриланса, временных проектов, удалённой или гибридной

занятости, сочетая несколько источников дохода. В отличие от традиционного трудового контракта, такой формат не предполагает устойчивости и долгосрочной перспективы. Работник нередко остаётся в ситуации неопределённости: доходы нестабильны, заказы нерегулярны, ответственность за социальное обеспечение (пенсии, страхование, отпуск) ложится исключительно на самого работника.

Вторым характерным проявлением прекаризации является размывание границ между работой и личной жизнью. При отсутствии фиксированного рабочего графика и территориальной привязки специалисты вынуждены постоянно оставаться «на связи», поддерживать высокий уровень активности и включённости в рабочие процессы. Это создаёт эффект постоянной готовности к труду и нарушает баланс между различными сферами жизни. Особенно ярко это проявляется в деятельности фрилансеров, онлайн-преподавателей, дизайнеров, digital-специалистов, для которых рабочее пространство – это одновременно и личное пространство.

Третье проявление – деинституционализация трудовых отношений. В сфере информационных услуг наблюдается высокая доля работы по гражданско-правовым договорам либо вообще без оформления трудовых отношений. Это означает отсутствие формального статуса, невозможность защиты прав через трудовую инспекцию, минимальный доступ к социальным гарантиям и невозможность накопления стажа, в том числе пенсионного. Более того, работодатель зачастую не воспринимает специалиста как полноценного члена коллектива, что снижает уровень вовлечённости и идентичности работника.

Четвёртое важное проявление – усиление конкуренции и давления со стороны рынка. Увеличение числа фрилансеров, платформенных работников, низкий порог входа в профессию (например, в случае SMM, веб-дизайна, онлайн-консультирования) приводит к демпингу и обесцениванию труда. В условиях избытка предложения заказчики диктуют условия, вынуждая специалистов соглашаться на низкие ставки, короткие сроки, отсутствие договорных обязательств. Это порождает ощущение взаимозаменяемости и утраты профессиональной уникальности.

Особое внимание заслуживает психологическое измерение прекаризации. Многие специалисты испытывают хроническую тревожность, эмоциональное выгорание, чувство социальной изоляции, отсутствие контроля над будущим [12]. При этом внешне такие формы занятости могут позиционироваться как прогрессивные и современные, что затрудняет артикуляцию проблем и препятствует солидаризации работников. Социальные сети и публичные пространства чаще транслируют образ «успешного фрилансера» или «цифрового кочевника», игнорируя реальные издержки подобного образа жизни.

Также стоит выделить ограниченные возможности для профессионального развития. Отсутствие корпоративной среды, наставничества, чётких карьерных траекторий снижает возможности повышения квалификации, передачи опыта и накопления символического капитала [5]. Для многих специалистов это означает стагнацию или необходимость постоянной самопрезентации и участия в конкуренции за внимание заказчиков и платформ.

В совокупности указанные проявления формируют не только нестабильную занятость как экономический феномен, но и новый тип трудового субъекта – фрагментированного, зависимого от цифровой инфраструктуры, лишённого коллективных механизмов защиты и интеграции в профессиональное сообщество. Прекаризация в сфере информационных услуг, таким образом,

не ограничивается формами занятости – она затрагивает идентичность, ментальное здоровье, социальный капитал и стратегию жизненного поведения специалистов.

Расширение прекаризации в сфере информационных услуг имеет не только структурные, но и глубоко личностные, экзистенциальные последствия. Эти эффекты выходят за рамки экономики занятости и затрагивают такие важные сферы, как социальная идентичность, статусное позиционирование, ментальное здоровье, а также перспективы социальной мобильности.

Одним из наиболее значимых последствий является дестабилизация профессиональной идентичности [9]. В условиях отсутствия устойчивых трудовых связей и институциональной принадлежности специалисты всё чаще испытывают трудности в самоопределении. Статус «фрилансера» или «самозанятого» зачастую воспринимается как временный, переходный, неполноценный. Этот вывод подтверждается результатами авторского качественного исследования, проведённого в 2024–2025 годах, в рамках которого были проинтервьюированы специалисты сферы информационных услуг (всего 18 респондентов, преимущественно занятые в сферах онлайн-образования, IT, маркетинга и медиа). Так, значительная часть опрошенных указывала на ощущение профессиональной периферийности, невозможность предъявить свой труд как социально значимый и институционально признанный. Один из респондентов, фрилансер в сфере графического дизайна, отметил: «Ты вроде бы всё умеешь, делаешь сложные проекты, но в глазах семьи – ты как будто просто рисуешь картинки дома». Помимо качественных данных, были использованы результаты вторичного анализа открытых статистических источников. Так, по данным Росстата и исследовательских центров (например, мониторинга ВШЭ), доля работников, не имеющих официального трудового контракта, в секторе информационных услуг за последние 5 лет стабильно растёт и превышает 30% [8; 9]. Это объективно подтверждает рост доли прекарных форм занятости и легитимизирует необходимость их социологического осмысления. Это снижает чувство профессиональной гордости, формирует ощущение периферийности по отношению к «настоящим» профессиональным сообществам. Особенно уязвимы в этом отношении молодые специалисты, находящиеся на этапе становления своей идентичности.

Вторым последствием выступает усиление индивидуализации рисков. Прекарный труд предполагает перенос ответственности за карьеру, обучение, занятость, медицинское обслуживание на самого работника. В то время как в классической модели труда значительная часть этих задач возлагалась на организацию, в которой индивид трудоустроен, и институты государства, сегодня представитель прекариата оказывается с профессиональными рисками лицом к лицу и вынужден самостоятельно справляться с нестабильностью. Это приводит к хроническому стрессу, фрагментации жизненных стратегий, снижению способности к долгосрочному планированию.

Также наблюдается рост социальной тревожности и чувства небезопасности [14]. Постоянная конкуренция, отсутствие гарантий, страх потерять заказчика или платформу создают атмосферу нестабильности. Для многих специалистов это приводит к эмоциональному выгоранию, прокрастинации, снижению самооценки и социальной изоляции. Психологические издержки часто не осознаются или интерпретируются как личные неудачи, а не как результат системных изменений на рынке труда.

Наряду с этим, прекаризация приводит к ограничению возможностей вертикальной и горизонтальной мо-

бельности [7]. Без официального стажа, без устойчивой карьерной лестницы и без связей с институтами образования и сертификации многие специалисты оказываются в труднопреодолимом социальном тупике. Они не могут претендовать на должности с более высоким статусом, не имеют доступа к кредитованию, формальным видам социальной поддержки, пенсионному обеспечению. Таким образом, прекаризация создает новые формы социальной стратификации, где гибкость и мобильность становятся привилегией только для определенных групп.

Кроме того, следует учитывать и эффекты стигматизации и маргинализации [6]. Работа вне «официального» поля часто воспринимается как нечто второсортное, неполноценное. Особенно это касается женщин, мигрантов, представителей регионов, чьи трудовые траектории оказываются менее институционализированы. Прекаризация, таким образом, не просто фрагментирует рынок труда, но и закрепляет неравенство доступа к статусу, возможностям и ресурсам.

Последствия затрагивают и более широкие социальные процессы – в частности, ослабление коллективной солидарности и деградацию механизмов социальной защиты. В условиях индивидуализированной занятости исчезают предпосылки для формирования профсоюзного движения, исчезает горизонтальная связь между работниками, ослабевает голос трудящегося в общественном пространстве. Это создаёт условия для дальнейшей институциональной маргинализации специалистов и подрыва социальных гарантий в целом.

Отдельное внимание в исследовании было уделено эмоциональным и поведенческим паттернам. Практически все респонденты говорили о недоверии к государственным институтам, отказе от долгосрочного планирования и о своей потребности в постоянной самопрезентации, как стратегии выживания в условиях нестабильного рынка. Эти выводы согласуются с более широкими теориями о «психологическом контракте» в условиях неформальной занятости и подтверждают их актуальность применительно к российскому контексту.

Таким образом, прекаризация в сфере информационных услуг – это не просто форма занятости, а целостный социальный феномен, порождающий изменения в идентичности, статусе, ментальном состоянии и возможностях жизненной реализации. Эти последствия должны стать предметом особого внимания со стороны социологической науки, а также социальной политики, ориентированной на поддержку и включение таких работников в устойчивые и справедливые формы труда.

Проведённый анализ показал, что прекаризация в сфере информационных услуг представляет собой не частный эпизод изменения форм занятости, а устойчивый социологический феномен, затрагивающий структуру рынка труда, статусные и идентификационные аспекты профессиональной деятельности, а также шире – процессы социальной стратификации и мобильности.

Основные причины прекаризации связаны с целым рядом структурных факторов: глобальной трансформацией рынка труда, развитием цифровых технологий, институциональной деградацией систем защиты труда и изменением ценностных ориентиров работников. Сфера информационных услуг, обладая высокой степенью гибкости и цифровой медиатизации, стала своего рода полигоном для апробации нестандартных форм занятости, что влечёт за собой как новые возможности, так и существенные социальные риски.

Проявления прекаризации в этой сфере выражаются в доминировании гибких, временных и дистанционных

форм работы, снижении институциональной защищённости работников, усилении конкуренции, росте психоэмоциональных нагрузок, а также в деформации границ между трудом и личным временем. Как показал анализ эмпирических данных (интервью и вторичный анализ статистики), большинство специалистов испытывают трудности в профессиональной самореализации, сталкиваются с неуверенностью в завтрашнем дне и ограниченностью социальных гарантий.

Особую тревогу вызывает комплекс социальных и профессиональных последствий, среди которых – размывание профессиональной идентичности, индивидуализация рисков, рост социальной тревожности, ограничение возможностей карьерного и статусного роста. Прекаризация, таким образом, оказывает влияние не только на структуру занятости, но и на воспроизводство социального порядка, способствуя формированию новых форм неравенства и социальной изоляции [1; 6; 7].

Важным результатом настоящего анализа стало выявление того, что прекаризация в сфере информационных услуг не является временным отклонением или побочным эффектом цифровизации, а наоборот – закрепляется как новая социальная норма, требующая переосмысления механизмов регулирования труда, развития инструментов социальной поддержки и выработки стратегий институционального включения специалистов [3].

Полученные результаты требуют дальнейшего развития и детализации в будущих исследованиях, особенно в направлении сравнительного анализа различных профессиональных групп, а также с учётом региональных и гендерных различий. Перспективным направлением является также изучение стратегий сопротивления и адаптации к прекарным условиям, которые вырабатываются самими работниками в условиях отсутствия институциональной поддержки.

Таким образом, осмысление прекаризации в информационной сфере позволяет не только глубже понять трансформации современного труда, но и формировать основанную на эмпирических данных и теоретически обоснованную социологическую повестку, актуальную для формирования справедливой и устойчивой социальной политики.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.
3. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
4. Жуков В.И., Котова Е.Ф. Социология труда: современное состояние и перспективы развития // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 5–14.
5. Бессуднова О.В. Цифровая занятость: трансформация институциональных форм труда // Вестник Уральского федерального университета. – 2022. – № 1. – С. 60–71.
6. Романова Н.В. Гибкая занятость: социальные последствия и вызовы для социальной политики // Вестник социологии и социальных исследований. – 2021. – № 4. – С. 89–96.
7. Бобков В.Н., Вердишев С.В. Качество занятости и прекаризация труда в России // Экономика труда. – 2020. – № 9. – С. 36–45.

8. Росстат. Основные показатели структуры занятости населения в РФ, 2018–2023 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>
9. НИУ ВШЭ. Мониторинг экономического положения и здоровья населения. 2024. – URL: <https://www.hse.ru>
10. ВЦИОМ. Отношение россиян к удалённой работе. Социологический опрос, 2023. – URL: <https://wciom.ru>
11. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury Academic, 2011.
12. De Stefano V. The Rise of the “Just-in-Time Workforce” // ILO Report. – 2016. – № 71.
13. Wood A., Graham M., Lehdonvirta V. et al. The (Dis) Embeddedness of Digital Labour // Sociology. – 2019. – Vol. 53(5). – P. 931–950.
14. Huws U. Labor in the Global Digital Economy. – NY: Monthly Review Press, 2014.

PRECARIZATION TRENDS IN THE FIELD OF INFORMATION SERVICES: CAUSES, MANIFESTATIONS, AND CONSEQUENCES FOR PROFESSIONALS

Kurnosov R.D.

Moscow State Pedagogical University

The article explores the precarization trends in the field of information services as a manifestation of deep transformations in the modern labor market. It analyzes the causes, forms, and consequences of unstable employment among professionals in this sector. Particular attention is given to institutional, technological, and cultural determinants of precarization, as well as its manifestations in flexible employment formats, erosion of labor guarantees, and psychological effects. Based on qualitative research and secondary statistical data analysis, the study identifies key risks associated with the destabilization of professional identity, increased social anxiety, and limited upward mobility. The article concludes with the need for a sociological rethinking of precarization as a new employment norm and

the development of adequate social policy responses in the context of digital transformation.

Keywords: precarization, unstable employment, information services, freelance, flexible labor forms, professional identity, digital transformation, social insecurity.

References

1. Beck U. Risk Society. On the Way to Another Modernity. – Moscow: Progress-Tradition, 2000.
2. Bourdieu, P. Social Space: Fields and Practices. – Moscow: Institute of Experimental Sociology, 2005.
3. Standing, G. Precariat: The New Dangerous Class. – Moscow: Ad Marginem Press, 2014.
4. Zhukov, V. I., and Kotova, E.F. Sociology of Labor: Current State and Development Prospects. Sociological Research. – 2021. – № 3. – Pp. 5–14.
5. Bessudnova O.V. Digital Employment: Transformation of Institutional Forms of Labor // Bulletin of the Ural Federal University. – 2022. – № 1. – Pp. 60–71.
6. Romanova N.V. Flexible Employment: Social Consequences and Challenges for Social Policy // Bulletin of Sociology and Social Research. – 2021. – № 4. – Pp. 89–96.
7. Bobkov V. N., Verdishev S.V. Quality of Employment and Precariousness of Labor in Russia // Labor Economics. – 2020. – № 9. – Pp. 36–45.
8. Rosstat. The main indicators of the employment structure in the Russian Federation, 2018–2023 [Electronic resource]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>
9. Higher School of Economics. Monitoring of the economic situation and public health. 2024. – URL: <https://www.hse.ru>
10. VTsIOM. The attitude of Russians towards remote work. Sociological survey, 2023. – URL: <https://wciom.ru>
11. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury Academic, 2011.
12. De Stefano V. The Rise of the “Just-in-Time Workforce” // ILO Report. – 2016. – № 71.
13. Wood A., Graham M., Lehdonvirta V. et al. The (Dis) Embeddedness of Digital Labour // Sociology. – 2019. – Vol. 53(5). – P. 931–950.
14. Huws U. Labor in the Global Digital Economy. – NY: Monthly Review Press, 2014.

Формирование профессиональных навыков медицинских работников в условиях цифровой трансформации сферы здравоохранения

Лукьянов Геннадий Иванович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Волжский институт экономики, педагогики и права
E-mail: rector@viepp.ru

Статья посвящена всестороннему изучению системной цифровизации здравоохранения, акцентируя внимание на том, что основополагающим условием ее практической эффективности выступает синхронное укрепление технологического фундамента и целенаправленная подготовка медицинских работников к уверенному использованию цифровых инструментов в реальной клинической практике. Доказывается, что внедрение ИКТ, таких как платформенные решения, блокчейн, big data, оптимизирует доступность и качество медицинских услуг, сокращает киберриски и затраты, но требует преодоления барьеров, а именно, нормативно-правовых коллизий, консервативности отрасли и цифрового разрыва между технологиями и навыками кадров. Особый акцент сделан на формировании практико-ориентированных компетенций, включая софт скиллс, через новую образовательную парадигму, создание национальных центров компетенций и адаптацию международного опыта. Подчеркивается критическая роль человеческого капитала в условиях перехода к интегрированным медико-социальным сетям, телемедицине и управлению на основе первичных данных. Статья определяет стратегические векторы – разработку иерархии индикаторов для оценки долгосрочного влияния цифровизации, сбалансированность технологических и кадровых преобразований.

Ключевые слова: цифровая трансформация здравоохранения, цифровые компетенции медицинских кадров, цифровая глобализация, сквозные технологии, интегрированные медицинские платформы, качество медицинских услуг, качество здравоохранения.

Современная эволюция системы здравоохранения неразрывно связана с интеграцией новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Для их эффективной эксплуатации в клинической практике и управлении отраслью необходимо целенаправленное развитие цифровой грамотности и повышение уровня информированности как медицинского персонала, так и населения в целом.

Формирование цифрового контура здравоохранения требует, прежде всего, четкого определения профиля практических цифровых компетенций, необходимых медицинскому персоналу, их эффективной интеграции в инновационную отраслевую экосистему путем модернизации учебных планов, а также стратегии сохранения и развития человеческого капитала с обязательным соблюдением прав пациентов на протяжении всего цикла оказания помощи [4, с. 253]. Выполняя роль катализатора, цифровая трансформация кардинально увеличивает адаптационный потенциал системы здравоохранения к требованиям нового технологического уклада, что делает критически важной переориентацию подготовки медработников на формирование гибких навыков. Указанный процесс обеспечивает внедрение сквозных цифровых технологий (таких как предиктивная аналитика, телемедицина) в процедуры принятия управленческих решений, что объективно ведет к повышению доступности и качества медицинских услуг через обучение персонала использованию этих инструментов в реальной практике.

Примечательно, что масштабная имплементация цифровых решений позволяет одновременно решать комплекс актуальных проблем отрасли. Во-первых, существенно ускоряется и упрощается трансляция информации о новых фармацевтических препаратах, медицинских услугах и инновационных технологиях конечному потребителю. Во-вторых, обеспечивается высокая доступность электронных историй болезни для лечащего врача, что способствует точности диагностических процедур, минимизирует вероятность врачебных ошибок и интенсифицирует обмен данными между медицинскими организациями. Кроме того, мобильные цифровые платформы облегчают динамическое наблюдение за состоянием пациентов и повышают доступность сложных носимых диагностических устройств, таких как кардиомониторы. Важно подчеркнуть, что применение вычислительных моделей и симуляций в фармакологии интенсифицирует, удешевляет и повышает результативность разработки новых лекарственных средств. Наконец, использование технологий распределенных реестров, так называемых блокчейн, эффективно снижает риски распространения фальсифицированных медицинских препаратов и биологически активных добавок.

Одновременно с этим, следует констатировать наличие существенных барьеров на пути цифровизации. Известная консервативность медицинской сферы зачастую затрудняет оперативное внедрение передовых технологических инструментов. Преодоление нормативно-правовых ограничений, включая, как отмечено в исследованиях, «... недостаточный уровень знаний о нормативной регуляции в области охраны здоровья граждан»

[1, с. 430–432], сопряжено со значительными трудностями, поскольку внедрение инноваций неизбежно требует масштабной ревизии обширного корпуса регулирующих документов.

В контексте цифровой глобализации экономических систем развитие отечественного здравоохранения порождает комплекс явлений, требующих как фундаментальных, так и прикладных исследований. Данные явления оказывают существенное влияние на процессы цифровой трансформации отрасли на федеральном и региональном уровнях. Наблюдаемая тенденция, характеризующаяся «процессом интеграции различных наук в решении сложных комплексных проблем ...» [2, с. 5–9], находит отражение в научных работах представителей профессиональных сообществ. Эти исследования фокусируются на анализе формирования новых технологических укладов и имплементации цифровых технологий в социально-экономическую сферу. Ключевая идея, определяющая суть трансформации здравоохранения в условиях цифровизации, заключается в прогнозируемом усилении разрыва между существующим уровнем цифровых компетенций персонала и стремительно растущими возможностями сквозных технологий.

Дискуссии вокруг цифровизации и ее кадрового обеспечения часто ведутся на общем уровне, фокусируясь на корпоративном опыте, в ущерб углубленному анализу формирования комплексной цифровой среды здравоохранения и разработке соответствующих практико-ориентированных учебных модулей для медперсонала. Крайне важно признать, что внедрение цифровых решений в здравоохранение не подразумевает вытеснения специалиста, а резко повышает требования к его способности решать профессиональные задачи в цифровой среде, что требует адаптации образовательных траекторий. Соответственно, уровень практической цифровой грамотности и владения соответствующими компетенциями, достигнутый в ходе подготовки, выступает интегральным показателем успешности трансформационных инициатив. Исходя из вышеизложенного, цель исследования заключается в изучении новой образовательной парадигмы, предусматривающей смещение акцента с традиционной передачи знаний на формирование практико-ориентированных компетенций. Под компетенциями понимается способность применять знания, умения и навыки в реальной профессиональной деятельности. Параллельно формируется принципиально новый интерфейс взаимодействия в сфере здравоохранения в условиях цифровой трансформации, что требует научного обоснования соответствующих организационно-управленческих мероприятий для его развития и эффективной эксплуатации.

В условиях глобального распространения сети Интернет и сопутствующих цифровых технологий, актуализируется необходимость исследования пространственных аспектов цифровизации, особенно в социально значимых отраслях, таких как здравоохранение. Данная актуальность дополнительно обусловлена императивом решения задач по повышению продолжительности и качества жизни населения.

Ключевым направлением исследования выступает разработка и апробация экономически эффективных превентивных подходов к медпомощи, а также внедрение компетентностных моделей, предусматривающих формирование у медицинских кадров конкретных практических навыков для работы в условиях цифровизации. Цель таких моделей – стимулировать медучреждения и регулирующие органы к оптимизации соотношения «затраты-результат» через повышение эффективности персонала, обученного применять цифровые решения

в клинической и управленческой практике. Сравнительный анализ систем охраны здоровья в крупных городах [5, с. 1530–1534], выявляющий устойчивый тренд на внедрение технологических инноваций, подтверждает глобальную актуальность цифровой трансформации и необходимость соответствующей перестройки подготовки специалистов. Развитость и эффективность здравоохранения на конкретной территории – существенные факторы, определяющие здоровье жителей и привлекательность локации, что ставит во главу угла наличие практически подготовленных кадров, способных реализовывать цифровые сервисы. Важнейшим компонентом популяризации ЗОЖ признается медицинская грамотность граждан, развитие которой требует от обученных медработников умения использовать цифровые инструменты для информирования и мотивации населения. Оптимальной практикой в данном контексте является регулярное, не реже одного раза в год, прохождение жителями профилактических диагностических скринингов, направленных на раннее выявление рисков развития хронических патологий.

Современный этап развития здравоохранения характеризуется значительными трансформациями, обусловленными как возрастающей его социальной значимостью, так и масштабным внедрением инновационных цифровых технологий и терапевтических методик. Эти инновации создают ранее недостижимые возможности для поддержания и укрепления здоровья населения. Глобальная трансформация здравоохранения в цифровой формат неизбежно повлечет за собой коренное изменение модели взаимодействия граждан с медуслугами: доминирование электронных сервисов для пациентов и полная ликвидация бумажного документооборота потребуют от медицинского персонала освоения новых цифровых платформ; всеобщая доступность медицинской информации обусловит переход на командную (междисциплинарную) работу, широкое внедрение телемедицины и обеспечение преемственности лечения, что невозможно без специальной подготовки кадров к работе в распределенных командах; а переход к оперативному управлению отраслью на основе анализа первичных данных в реальном времени диктует необходимость обучения сотрудников работе с аналитическими инструментами и системами поддержки принятия решений.

В условиях цифровизации отрасли особую значимость обретает учреждение Единого центра компетенций по цифровой трансформации здравоохранения, призванного координировать национальные проекты и, что критически важно, разрабатывать практико-ориентированные программы обучения для медицинских кадров. Деятельность данного центра должна включать организационно-методическую поддержку внедрения цифровых решений, а его первоочередной задачей выступает формирование у медработников конкретных профессиональных компетенций, необходимых для эффективной работы с современными технологиями в российской системе здравоохранения.

Концепция цифровых компетенций, ставшая ключевой категорией XXI века, отражает консенсус экспертов и практиков о комплексе специальных знаний, прикладных умений и профессиональных установок, необходимых медицинскому работнику для эффективной деятельности в условиях цифровизации отрасли. Знаковым событием стало одно из первых концептуальных определений термина в 2006 году, выделившее восемь базовых компетенций для общества знаний [3, с. 785–792], среди которых эксплицитно указана цифровая компетенция – способность к уверенному и критическому использованию ИКТ-инструментов в цифровой среде. Формирова-

ние именно этой практической способности у медиков является центральной задачей современных образовательных программ.

В контексте цифровой трансформации сферы здравоохранения представляется методологически обоснованным выделение двух взаимодополняющих блоков: специализированных цифровых компетенций, непосредственно связанных с профессиональной медицинской деятельностью, и общих цифровых компетенций, носящих универсальный характер. Необходимо подчеркнуть, что понятие компетенции концептуально превосходит традиционную модель знаний, умений и навыков (ЗУН), формируя ядро профессиональной деятельности медицинского работника и оказывая прямое определяющее воздействие на эффективность и успешность клинической практики в условиях цифровизации. Процедура оценки компетенций медработников предполагает определение уровня владения конкретными практическими навыками (например, работой с EHR, телемедицинскими платформами) с последующим соотношением этого уровня с индивидуальными возможностями специалиста применять данные навыки для решения реальных задач цифровой трансформации.

Для обеспечения позитивного влияния оценки компетенций на систему управления персоналом в здравоохранении критически важен анализ, базирующийся на принципах исчерпывающей полноты, предметной конкретности и актуальной современности. Разработка модели компетенций служит основным инструментом изучения требований к медицинским кадрам в условиях цифровизации, определяя прикладные навыки (работа с EHR, анализ данных), необходимые для целенаправленного обновления учебных программ. Эта модель отражает стратегическое видение будущих потребностей в персонале, выявляя ключевые цифровые компетенции для приоритетного развития через практико-ориентированное обучение; одновременно она становится базой для долгосрочного кадрового планирования и формирования резерва специалистов, владеющих актуальными технологиями оказания помощи.

Анализ ключевых компонентов оценки компетенций в условиях цифровой трансформации здравоохранения предполагает рассмотрение следующих аспектов. Компетенция этического поведения характеризуется знанием и неукоснительным соблюдением профессиональных этических норм, а также нетерпимостью к их нарушениям. Ее недостаточная сформированность проявляется при несовпадении личных ценностей с корпоративными, установлении субъективных правил, выраженном индивидуализме, пренебрежении рефлексией собственных ценностных установок и отсутствии внимания к производимому впечатлению. Оптимальный уровень развития данной компетенции наблюдается, когда индивид демонстрирует приверженность эффективной и контекстуально уместной системе ценностей (приемлемой для коллектива) в различных ситуациях, его поступки последовательно соответствуют декларируемым принципам, отмечается активное содействие этим ценностям и фиксация их нарушений. Чрезмерная выраженность компетенции проявляется в ригидном отстаивании собственных ценностей или позиции в неуместных ситуациях, гиперчувствительности к проверке принципов, что может формировать репутацию упрямого и негибкого специалиста, отвергающего компромиссные решения [3, с. 785–792].

Параллельно значимым аспектом выступает концепция креативности, подразумевающая способность к самоорганизации трудового процесса, проявлению творческого потенциала и автономии. Ограниченность мыш-

ления, замкнутость, излишняя расчетливость, консерватизм и осторожность свидетельствуют о ее недостаточном развитии. О развитости данной компетенции можно судить по генерации множества уникальных и новаторских идей, способности индивида устанавливать связи между разрозненными концепциями, а также по заслуженной репутации источника продуктивных предложений в ходе коллективных обсуждений. Чрезмерное присутствие креативности выражается в нерациональной трате временных ресурсов на решение второстепенных задач, неспособности довести идею до практической реализации, неорганизованности, пренебрежении деталями и проявлении индивидуалистического или эгоцентричного поведения в командной работе.

Аналитическая компетенция медика включает критическую оценку медицинских данных, например, интерпретация AI-аналитики снимков, создание структурированных клинических кейс-баз, генерацию знаний через исследование реальной практики (RWE) и их применение у пациента. Низкий уровень – использование устаревших шкал риска, неумение работать с dashboards, решения без evidence-based обоснования, ошибки в кодировании МКБ-11 в EHR, отсутствие мотивации к освоению аналитических ИС – мишень для коррекции в симуляционном обучении. Высокий уровень – интеграция данных IoT-устройств и генетики, точный расчет временных ресурсов лечения, декомпозиция клинических задач в digital-средах, например, платформы управления случаем, понимание системности «диагноз-терапия-исход», владение тактиками data-driven профилактики. Чрезмерность проявляется в неорганизованности, игнорировании деталей, склонности к заполнению информационных пробелов умозрительными конструкциями и излишнем усложнении реальных процессов.

В условиях цифровизации организационные способности медработника подразумевают компетенцию по управлению процессами с помощью инструментов автоматизации, например ERP, системы управления койко-местом. Низкий уровень ведет к сбоям логистики ЛС из-за ошибок в е-заявках, отказу от делегирования задач в мобильных трекерах, параллельному заполнению дублирующих электронных журналов, некритичному доверию к автоматизированным отчетам и системным задержкам в телемедицинских консилиумах. Высокий уровень демонстрируется оптимизацией ресурсов через интеграцию IoT-датчиков мониторинга, синхронизацией действий бригады врачей через специализированные приложения, и преобразованием неструктурированных клинических данных в машиночитаемые форматы для ускорения диагностических решений. Чрезмерное развитие сопряжено с непереносимостью любого отклонения от порядка, ригидным следованием установленным процедурам без допуска изменений, неприятием новых предложений и информации, а также потерей эффективности при отклонении от первоначального плана.

Компетенция клинического принятия решений предполагает выбор действий с обязательным учетом нормативных требований (ФЗ-323, порядок оказания помощи) и навыков работы с CDSS. Ее дефицит проявляется в спешных диагнозах без анализа данных EHR, игнорировании предиктивных алгоритмов, выборе неактуальных протоколов, а также в растрате времени на рутинную документацию вместо анализа рисков. Оптимальный уровень характеризуется способностью генерировать обоснованные решения на основе интеграции клинического опыта, данных телемониторинга и ИИ-аналитики, формируя экспертный статус для консультирования коллег. Чрезмерность выражается в порядке от междисциплинар-

ных телеконсилиумов из-за гипертрофированной уверенности в собственных заключениях.

Для перехода к персонализированной модели здравоохранения требуется создание сети клиник, адаптирующих операции под динамичные запросы пациентов через:

1) внедрение практик межпрофессионального взаимодействия на цифровых платформах;

2) обеспечение интероперабельности медицинских ИС при обучении персонала стандартам HL7/FHIR;

3) развитие компетенций по вовлечению пациентов через мобильные health-приложения [6, с. 120–129].

Параллельно рост объемов медико-социальной помощи требует трансформации фрагментированных ЛПУ в интегрированные сети на базе цифровых платформ, объединяющих: телемедицинские консультации, дистанционный мониторинг хронических больных и электронные сервисы долгосрочного ухода. Функционал таких платформ реализует data-driven решения через сквозные технологии (искусственный интеллект, блокчейн для медицинских данных), предлагая типовые API для разработки ПАК. Ключевой результат – специализированное программное обеспечение, например, системы предиктивной аналитики рисков и технологические процессы обработки данных, требующие от персонала освоения новых цифровых протоколов управления случаями.

Системная модель цифровизации здравоохранения требует не просто внедрения технологий, но прежде всего синхронного формирования ключевых практических компетенций у всех участников системы, соответствующих новым задачам: от работы с ИИ-диагностикой до управления телемедицинскими сервисами. В этом контексте критическую роль играют адаптивные навыки – цифровая коммуникация, управление цифровым стрессом, обеспечивающие готовность медперсонала к освоению инноваций и способствующие цифровой грамотности населения. Современные ЛПУ активно формируют организационную культуру, поддерживающую трансформацию: руководство демонстрирует приверженность через утверждение дорожных карт цифровизации и внедрение изменений на всех уровнях, параллельно развивая у сотрудников навыки работы с EHR, CDSS и другими инструментами. Появление нового поколения клинически интегрированных приложений (например, мобильные ассистенты для анализа снимков), поддерживающих врачебные решения, уже повышает удовлетворенность медиков электронными системами за счет сокращения рутинной нагрузки и снижения когнитивной ошибки.

Внедрение новых международных стандартов совместимости способствовало существенной минимизации кибер рисков, что сохраняет актуальность даже на фоне повсеместной интеграции цифровых медицинских устройств. Технология распределенных реестров или блокчейн, открывает перспективы создания доступного, комплексного, безопасного и совместимого хранилища медицинских данных. Повсеместное внедрение защищенных высокоскоростных сетей (включая Wi-Fi 6 для ЛПУ) обеспечивает медицинскому персоналу возможность оперативного доступа к электронным историям болезней и проведения диагностики на месте с помощью мобильных клинических приложений, что требует обучения работе с EHR на планшетах и портативных УЗИ-сканерах [7, с. 13–17]. Параллельно отмечается растущая поддержка регуляторами и врачами-практиками телемедицинских сервисов и систем дистанционного мониторинга хронических больных, что диктует необходимость включения в программы подготовки модулей по управлению цифровыми потоками пациентов. Анализ

прогресса цифровизации российского здравоохранения показывает, что достижения в доступности и технологичности услуг требуют стратегического закрепления через адаптацию международных практик, таких как симуляционное обучение работе с ИИ-диагностическими системами.

Такой подход позволит вывести цифровые компетенции медработников и пациентов на новый уровень, переводя до 80% взаимодействий в дистанционный формат, чему способствуют тренинги по использованию телекоммуникационных платформ. Для развития data-driven медицины критически важно внедрять цифровые платформы оперативного управления, обучая персонал работе с клиническими дашбордами реального времени на основе первичных данных, что сокращает временные затраты на принятие решений на 30% и снижает финансовые издержки за счет предиктивной оптимизации ресурсов.

Цифровая трансформация здравоохранения – объективно неизбежный процесс, ускоренный появлением инновационных решений в области ИИ и телемедицины. Стратегические принципы цифровизации и формирования прикладных цифровых навыков у медработников должны определять векторы развития отрасли на национальном уровне через адаптацию международных практик, таких как симуляционные тренинги по работе с клиническими DSS. Сформированные практические компетенции персонала, управление EHR, анализ данных телемониторинга становятся ключевым фактором адаптации системы к новому технологическому укладу, обеспечивая интеграцию сквозных технологий в управленческие решения для повышения эффективности распределения ресурсов. Результаты исследования прогнозируют радикальное изменение набора компетенций: от владения предиктивной аналитикой для врачей до цифровой грамотности пациентов, что требует включения в программы ДПО модулей по работе с big data.

Целесообразно углублённое изучение влияния цифровизации на клиническую практику, например, изменение нагрузки при внедрении ИИ-ассистентов и оценка эффективности госпрограмм типа «Цифровая клиника» в минимизации рисков автоматизации. Дополнительным направлением исследований должно стать создание валидной системы индикаторов, таких как среднее время диагностики с ИИ, процент ошибок в EHR, оценивающей долгосрочное влияние цифровых решений на качество помощи и функциональность ЛПУ. Успешная цифровая трансформация здравоохранения возможна только при синхронном развитии технологической инфраструктуры и стратегическом формировании цифровых компетенций медицинских кадров и населения, преодолении системных барьеров и создании целостной экосистемы, ориентированной на пациента. Цифровая трансформация – объективно неизбежный процесс, но ее социально-экономическая эффективность напрямую зависит от сбалансированности трех элементов: технологической инфраструктуры, компетентностной подготовки кадров и адаптивного нормативного регулирования.

Литература

1. Говердовская Е.В., Деларю В.В., Ковалева М.Д. Интериоризация правовой культуры врача в условиях образовательной среды // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12(187). – С. 430–432.
2. Гончаров В.Н., Колосова О.Ю. Глобалистика в системе научных знаний // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2022. – № 5(126). – С. 5–9.

3. Заикина Г.А. Роботизированные системы в медицине. Какими им быть? // Вестник Российской академии наук. – 2018. – № 88(9). – С. 785–792.
4. Финаева Е.П., Доники А.Д. Обеспечение прав пациента как проблема модернизации национального законодательства // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8. – С. 253.
5. Brynjolfsson E., Mitchell T. What can machine learning do? Workforce implications // Science. – 2017. – Vol. 358. – Issue 6370. – Pp. 1530–1534.
6. Kostyak L., Shaw D.M., Elger B.S., Annaheim B. A means of improving public health in low-and middle-income countries? Benefits and challenges of international public-private partnerships // Public Health. – 2017. – Volume 149. – Pp. 120–129.
7. Hornick J. 3D Printing in Healthcare // Journal of 3D Printing in Medicine. – 2016. – Vol. 1. – Issue 1. – Pp. 13–17.

BUILDING THE SKILLS OF HEALTHCARE PROFESSIONALS IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF HEALTHCARE

Lukyanov G.I.

Volga institute of economics, pedagogy and law

The article is devoted to a comprehensive study of the systemic digitalization of healthcare, emphasizing that the fundamental condition for its practical effectiveness is the synchronous strengthening of the technological foundation and targeted training of medical workers to confidently use digital tools in real clinical practice. It is proved that the introduction of ICT, such as platform solutions, blockchain, big data, optimizes the availability and quality of medical services, reduces cyber risks and costs, but requires overcoming barriers, namely, regulatory conflicts, conservatism of the industry and the digital gap between technology and staff skills. Particular empha-

sis is placed on the formation of practice-oriented competencies, including soft skills, through a new educational paradigm, the creation of national competence centers and the adaptation of international experience. The critical role of human capital in the context of the transition to integrated medical and social networks, telemedicine and management based on primary data is emphasized. The article defines strategic vectors – the development of a hierarchy of indicators for assessing the long-term impact of digitalization, the balance of technological and personnel transformations.

Keywords: digital transformation of healthcare, digital competencies of medical personnel, digital globalization, end-to-end technologies, integrated medical platforms, quality of medical services, quality of healthcare.

References

1. Goverdovskaya E.V., Delaryu V.V., Kovaleva M.D. Interiorization of the legal culture of a doctor in the context of the educational environment // Eurasian Law Journal. – 2023. – № 12 (187). – P. 430–432.
2. Goncharov V.N., Kolosova O. Yu. Globalistics in the system of scientific knowledge // Humanitarian and socio-economic sciences. – 2022. – № 5 (126). – P. 5–9.
3. Zaikina G.A. Robotic systems in medicine. What should they be like? // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – № 88 (9). – P. 785–792.
4. Finaeva E.P., Donika A.D. Ensuring patient rights as a problem of modernization of national legislation // Advances in modern natural science. – 2011. – № 8. – P. 253.
5. Brynjolfsson E., Mitchell T. What can machine learning do? Workforce implications // Science. – 2017. – Vol. 358. – Issue 6370. – Pp. 1530–1534.
6. Kostyak L., Shaw D.M., Elger B.S., Annaheim B. A means of improving public health in low- and middle-income countries? Benefits and challenges of international public-private partnerships // Public Health. – 2017. – Volume 149. – Pp. 120–129.
7. Hornick J. 3D Printing in Healthcare // Journal of 3D Printing in Medicine. – 2016. – Vol. 1. – Issue 1. – Pp. 13–17.

Развитие сельской местности: сравнительный анализ национальных стратегий России и Китая

Лю Хуацзе,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: huajie0325@gmail.com

В работе представлен подробный анализ национальных стратегий местного развития сельских территорий в России и Китае. В исследовании рассматривается значение инициатив по развитию сельских территорий в более широком контексте национальной политики. Также изучаются стратегии, применяемые обеими странами для решения проблем сельских территорий и обеспечения устойчивого роста, в том числе акцент сделан на нормативно-правовом регулировании. Актуальность данного исследования обусловлена ключевой ролью сельских территорий в социально-экономическом ландшафте России и Китая, где инициативы по развитию сельских территорий необходимы для достижения сбалансированного регионального развития, борьбы с бедностью и общего национального процветания. При сравнении и сопоставлении национальных стратегий этих двух стран, данное исследование позволяет получить ценную информацию о различных подходах к развитию сельских территорий.

Ключевые слова: развитие сельских территорий, национальные стратегии, Россия, Китай, сравнительный анализ, устойчивое развитие, экономическая процветание.

Введение

В последние годы проблемам и возможностям, возникающим в связи с быстрой урбанизацией, уделяется большое внимание. Продовольственная безопасность, способность стран прокормить свое население, стали важными темами особенно на фоне геополитических конфликтов и войн, разрушающих привычные логистические цепочки []. Россия и Китай обладают огромным потенциалом в сфере сельского хозяйства. При этом обе страны сталкиваются с похожими трудностями: из-за быстрого роста городов, высоких темпов урбанизации, климатического кризиса, активного развития промышленности, сельские регионы нуждаются в особой поддержке и защите со стороны государства, бизнеса и общественных организаций. Таким образом, актуальность работы обусловлена тем, что сегодня Россия и Китай, будучи крупнейшими экономиками и производителями сельскохозяйственной продукции в мире [], идеальные примеры для изучения практик и стратегий по поддержке сельских регионов. Если говорить о России, то сельское население здесь составляет порядка 36,8 млн человек – около четверти жителей страны. Среди регионов, лидирующих по уровню населения, проживающего в селах и деревнях, Алтай, Чечня, Дагестан, Калмыкия, Адыгея и Карачаево-Черкессия. В этих субъектах России больше половины населения проживает не в городах, а в сельской местности. Однако по общему количеству сельских жителей лидирует Краснодарский край. Этой статистике легко найти объяснение – теплый климат, плодородная почва и древние традиции земледелия и скотоводства на этих землях. Последняя перепись населения показала, что количество сельских жителей неуклонно уменьшается – это связано с быстрой урбанизацией. Молодое поколение стремится переезжать в крупные города, чтобы делать карьеру. И эта тенденция одинакова для всех стран, в том числе и для Китая []. Исследование стратегий развития сельских территорий в России и Китае является весьма актуальным в контексте глобального социально-экономического развития. Сельские районы играют важнейшую роль в обеспечении продовольственной безопасности, сохранении культурного наследия и стимулировании устойчивого экономического роста регионов. Однако сельские районы часто сталкиваются с такими проблемами, как бедность, слаборазвитая инфраструктура и ограниченный доступ к основным услугам, в том числе медицинским. Сравняя национальные стратегии России и Китая по решению этих проблем, исследование призвано дать полезную информацию об эффективных подходах к обеспечению устойчивого развития сельских территорий.

Методы

Для достижения целей исследования был проведен комплексный обзор существующей литературы по политике, стратегиям и практике развития сельских территорий в России и Китае. Также были проанализированы основные национальные политические документы, правительственные отчеты и официальные публикации, касающиеся стратегий развития сельских территорий в России

и Китае. Были выявлены и изучены политические рамки, отдельные инициативы, механизмы финансирования. Общее и частное было выделено при сравнении стратегий в сфере развития сельской местности.

Результаты

Китай ставит сельское хозяйство, фермеров и сельские районы в центр своей национальной политики. Таким образом он стремится достичь цели построения «умеренно зажиточного» общества. За последние двадцать лет Китай создал комплексную национальную политику по развитию сельских районов. В результате в стране повысилась производительность сельского хозяйства, а также были увеличены несельскохозяйственные доходы. В настоящее время они составляют более 70% доходов сельских домохозяйств. Чтобы адаптироваться к быстро меняющейся социально-экономической ситуации, правительству Китая приходилось неоднократно корректировать свои стратегии по развитию сельских районов.

В конце 1970-х годов первоначальные политические реформы были сосредоточены на увеличении производства зерна и поддержании продовольственной самообеспеченности. В середине 1990-х годов правительство скорректировало эту политику, чтобы повысить конкурентоспособность сельской экономики путем содействия модернизации сельского хозяйства и диверсификации экономической деятельности. С наступлением 2010-х годов сельская политика правительства перешла к более комплексному и сбалансированному подходу к улучшению экономического, социального и экологического благосостояния сельских территорий. Поддержка сельского хозяйства также постепенно перешла от поддержания продовольственной самообеспеченности к обеспечению долгосрочной продовольственной безопасности посредством устойчивого использования природных ресурсов.

Правительство приняло инновационные подходы к землепользованию в сельской местности и реструктуризации мелких фермерских хозяйств. Система ответственности по контрактам с домохозяйствами, внедренная в Китае в конце 1970-х годов, распределяет права по контрактам на землю между отдельными фермерами. В начале 1980-х годов объем сельскохозяйственного производства увеличился в результате проведенных первоначальных реформ, но в то же время была создана децентрализованная структура мелких фермерских хозяйств. Различные институциональные инновации, реализованные с 21 века, позволили объединить мелкие предприятия в более крупные предприятия. Правообладателям земельных договоров разрешается сдавать в аренду свои права землепользования.

Помимо строительства базовой сельскохозяйственной инфраструктуры, такой как ирригация и дренаж, также осуществляются инвестиции в сетевую инфраструктуру в сельских районах, включая дороги, телефонные системы и Интернет. Эта инфраструктура соединяет фермеров с рынками и способствует развитию обрабатывающей промышленности и сферы услуг в сельской местности. Высокая популярность Интернета и мобильных сетей в сельской местности ускорила применение информационных и коммуникационных технологий. Платформы электронной коммерции, такие как «Taobao», играют важную роль в соединении фермеров с конечными потребителями и в обеспечении развития сельского хозяйства в направлении, более ориентированном на спрос.

Электронная коммерция сыграла важную роль в поддержании цепочек поставок продуктов питания во время пандемии COVID-19. Они не только предоставляют

торговую платформу, но также инвестируют в логистику и маркетинговую инфраструктуру, а также обучают фермеров новым технологиям. Все больше и больше технологических компаний участвуют в развитии сельских районов, формируя новую модель развития, возглавляемую частным сектором.

С появлением поставщиков услуг по механизации сельского хозяйства мелкие фермеры могут быстро механизировать свою посевную деятельность, не вкладывая больших капиталовложений. Механизация сокращает объем сельскохозяйственного труда, и фермеры могут использовать свое свободное время для занятий несельскохозяйственной деятельностью, тем самым увеличивая свои доходы. Фермеры также создали добровольные кооперативные организации для предоставления ряда услуг, включая подключение мелких фермеров к рынкам и новейшим технологиям посредством обучения, коллективного маркетинга.

С начала 2000-х годов улучшились показатели медицинского страхования и пенсий в сельской местности, что помогло преодолеть разрыв с городскими системами социального обеспечения. Система обеспечения минимального базового уровня жизни в сельской местности (система дибao) обеспечивает безусловные денежные выплаты бедным слоям населения (6,2% сельского населения по состоянию на апрель 2019 года). Охват системы социального обеспечения был еще больше расширен, что позволило улучшить качество жизни в сельской местности и помочь пожилым фермерам передать фермерские активы более эффективным операторам после выхода на пенсию. Несмотря на выдающиеся достижения в развитии сельских районов, Китай по-прежнему сталкивается со многими проблемами. Душевой доход городских домохозяйств по-прежнему более чем в 2,5 раза превышает доход сельских домохозяйств. Сельское население продолжает сокращаться и быстро стареет.

В дальнейшем повышение экологического благополучия имеет решающее значение для того, чтобы сделать сельские районы привлекательными местами для жизни, посещения и открытия бизнеса. Для этого нам необходимо больше инвестировать в сельскую экологическую инфраструктуру, такую как утилизация отходов, ландшафтный дизайн и объекты экотуризма. Государственный и частный секторы могут работать вместе, чтобы лучше использовать органические отходы, побочные продукты и другие недостаточно используемые сельские ресурсы для создания новой экономической деятельности и улучшения управления окружающей средой (табл. 1).

И Россия, и Китай разработали комплексную политику и инициативы, направленные на развитие сельских территорий. Российский подход подчеркивает важность развития инфраструктуры, модернизации сельского хозяйства и программ социального обеспечения в сельской местности. Такие инициативы, как программа «Возрождение села», направлены на улучшение сельской инфраструктуры и повышение качества жизни сельских жителей. Китайская стратегия, напротив, делает упор на возрождение сельских районов через модернизацию сельского хозяйства, развитие предпринимательства и программы борьбы с бедностью. Стратегия «Возрождение сельских районов» направлена на преодоление разрыва в развитии между городом и деревней и повышение благосостояния сельских жителей за счет целенаправленной политики и инвестиций. Инвестиции и механизмы поддержки играют важнейшую роль в содействии развитию сельских территорий как в России, так и в Китае. Российское правительство предоставляет финансовую поддержку, субсидии и стимулы для стиму-

лирования сельскохозяйственного производства, улучшения сельскохозяйственных технологий и поддержки сельского предпринимательства. Аналогичным образом, правительство Китая выделяет значительные средства на проекты развития сельских районов, строительство инфраструктуры и программы борьбы с бедностью. Микрофинансирование, кредитная поддержка и инвестиционные стимулы также предоставляются для поощрения сельского предпринимательства и инноваций. Опыт России и Китая содержит ценные уроки для других стран, стремящихся содействовать развитию сельских территорий. Среди основных уроков – важность целостных и комплексных подходов, партнерства с участием многих заинтересованных сторон и адаптированных мероприятий с учетом местных условий. Кроме того, для устойчивого развития сельских районов крайне важно укреплять сельскую инфраструктуру, внедрять сельскохозяйственные инновации и расширять права и возможности сельских общин. Правительства также должны

уделять первостепенное внимание процессам принятия решений с участием всех заинтересованных сторон, чтобы голоса сельских жителей были услышаны, а их потребности удовлетворены. Китайская стратегия оказалась более эффективной в сравнении с российской благодаря системному и комплексному подходу, гибкости и адаптивности к изменяющимся условиям, а также активному участию частного сектора в процессе развития сельских территорий. Китайское правительство предпринимает широкий спектр мероприятий по развитию сельских регионов, охватывающий инфраструктуру, сельское хозяйство, социальное развитие и экологическую безопасность, что способствует максимальной эффективности использования ресурсов и достижению синергетических эффектов. Гибкость и адаптивность к новым вызовам, а также активное привлечение частного сектора позволяют Китаю быстро реагировать на изменения в среде и эффективно решать проблемы развития сельских территорий.

Таблица 1. Нормативно-правовое регулирование сельской местности и сельского хозяйства в России и Китае

Нормативно-правовая база	Описание
КИТАЙ	
Меры по управлению контрактами на сельскую землю (2023)	Управление договорами подряда на сельскую землю должно полностью защищать имущественные права и интересы фермеров, и ни одна организация или частное лицо не может лишать или незаконно ограничивать права членов сельских коллективных хозяйственных организаций на подряд на землю. Женщины и мужчины имеют равные права на заключение контрактов на сельскую землю.
«Закон о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции 2009	Закон устанавливает требования к качеству и безопасности, а также систему контроля и управления производством, переработкой и распределением сельскохозяйственной продукции, обеспечивая качество сельскохозяйственной продукции и безопасность продуктов питания.
Программа борьбы с бедностью в сельских районах	Эта программа предусматривает меры по устранению бедности и сокращению неравенства в сельских районах путем предоставления финансовой поддержки, образовательных возможностей и профессиональной подготовки для местного населения.
Стратегия развития сельского туризма	Эта стратегия направлена на развитие сельских территорий как туристических направлений. В рамках этой стратегии осуществляется поддержка различных форм агротуризма, фермерских рынков и других сельских туристических инициатив.
РОССИЯ	
Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»;	Устанавливает основы государственной политики в сфере сельского хозяйства Российской Федерации. Он определяет приоритетные направления развития сельского хозяйства, механизмы государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, а также основные принципы организации и функционирования сельскохозяйственных предприятий. Закон также регулирует вопросы землепользования и земельных отношений в сельской местности, а также устанавливает меры по защите интересов сельского населения и развитию сельских территорий
Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», 2019	Инициатива, направленная на создание благоприятных условий для устойчивого развития сельских регионов. Основная цель программы заключается в обеспечении жизнеспособности сельских территорий, улучшении качества жизни и стимулировании экономического роста в сельских районах.
Постановление Правительства РФ «О государственной программе поддержки сельского хозяйства»	Утверждает государственную программу, направленную на развитие сельского хозяйства и предоставление государственной поддержки сельскохозяйственным производителям.

Заключение

В конце концов, развитие сельских территорий – сложный и многогранный процесс, требующий согласованных усилий со стороны правительств, сообществ и заинтересованных сторон. Национальные стратегии России и Китая дают ценное представление об эффективных подходах к содействию развитию сельских территорий. Изучив их опыт и переняв лучшие практики, страны смогут продвигать программы местного развития сельских районов, способствовать сокращению бедности и достижению устойчивого процветания сельских территорий.

Литература

1. Акбашева Р.Р. Совершенствование управления в сельской местности // Экономика и социум. 2014. № 3–1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-upravleniya-v-selskoy-mestnosti> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Атюкова О. Устойчивость развития сельских территорий/ О. Атюкова//АПК: I* экономика, управление. – 2009. – № 9.
3. Сюсюра Д.А. Оценка уровня жизни сельского населения // Региональная экономика: теория и практи-

ка. 2007. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-zhizni-selskogo-naseleniya> (дата обращения: 05.02.2024).

4. Багян, Г.А. Пути решения актуальных проблем государственного управления в Российской Федерации / Г.А. Багян, В.И. Лукашук // *Modern Science*. – 2020. – № 5–1. – С. 450–454.
5. Барабашев, А.Г. Государственное и муниципальное управление. Технологии научно-исследовательской работы: учебник для вузов / А.Г. Барабашев, А.В. Климова. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 194 с
6. Тайлакова Д.Б. Важность развития сектора услуг в сельской местности // *Экономика и социум*. 2022. № 10–1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vazhnost-razvitiya-sektora-uslug-v-selskoy-mestnosti> (дата обращения: 03.02.2024).
7. Файзиева Ш.Ш. Роль сельскохозяйственных агрокластеров в повышении экономической эффективности // *Gospodarka i Innowacje*. – 2022. – Т. 22. – С. 465–470
8. 梁倩. 贵州农村深度贫困的致贫因素及减贫效率研究[D].西南财经大学, 2020. DOI:10.27412/d.cnki.gxncu.2020.000536.
9.]毛刚强. 论发展社区福利与农村减贫[J].贵州民族大学学报(哲学社会科学版), 2016(02):65–75.

RURAL DEVELOPMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NATIONAL STRATEGIES OF RUSSIA AND CHINA

Liu Huajie

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The paper presents a detailed analysis of national strategies for local rural development in Russia and China. The study examines the significance of rural development initiatives in the broader context of national policy. It also examines the strategies used by both countries to address rural issues and ensure sustainable growth, in-

cluding a focus on legal and regulatory frameworks. The relevance of this study stems from the key role of rural areas in the socioeconomic landscape of Russia and China, where rural development initiatives are necessary to achieve balanced regional development, poverty alleviation and overall national prosperity. By comparing and contrasting the national strategies of these two countries, this study provides valuable insights into the different approaches to rural development.

Keywords: rural development, national strategies, Russia, China, comparative analysis, sustainable development, economic prosperity.

References

1. Akbasheva R.R. Improvement of rural management // *Economy and Society*. 2014. No. 3–1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-upravleniya-v-selskoy-mestnosti> (date of access: 05.02.2024).
2. Atyukova O. Sustainability of rural development / O. Atyukova // *APK: I * economics, management*. – 2009. – No. 9.
3. Syusyura D.A. Assessment of the standard of living of the rural population // *Regional Economy: Theory and Practice*. 2007. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-zhizni-selskogo-naseleniya> (date accessed: 05.02.2024).
4. Bagyan, G.A. Ways to solve current problems of public administration in the Russian Federation / G.A. Bagyan, V.I. Lukashchuk // *Modern Science*. – 2020. – No. 5–1. – Pp. 450–454.
5. Barabashev, A.G. Public and municipal administration. Research work technologies: a textbook for universities / A.G. Barabashev, A.V. Klimova. – Moscow: Yurait Publishing House, 2021. – 194 p.
6. Tailakova, D.B. The importance of developing the services sector in rural areas // *Economy and Society*. 2022. No. 10–1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vazhnost-razvitiya-sektora-uslug-v-selskoy-mestnosti> (accessed: 03.02.2024).
7. Fayzieva Sh.Sh. The role of agricultural agroclusters in increasing economic efficiency // *Gospodarka i Innowacje*. – 2022. – Vol. 22. – Pp. 465–470
8. Zhang. 贵州农村深度贫困的致贫因素及减贫效率研究[D].西南财经大学, 2020. DOI:10.27412/d.cnki.gxncu.2020.000536.
9.]毛刚强. 论发展社区福利与农村减贫[J].贵州民族大学学报(哲学社会科学版), 2016(02):65–75.

Дифференциация цифрового взаимодействия: влияние региональной цифровой зрелости на модели сотрудничества государства и гражданского общества в субъектах РФ

Павленко Юлия Сергеевна,
аспирант, РАНХиГС
E-mail: i_julia48@mail.ru

В статье анализируется влияние региональной цифровой зрелости на модели взаимодействия государства и гражданского общества в России. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей, по которым уровень цифровой зрелости органов местного самоуправления влияет на формы кооперации с гражданами и возможности интерактивного участия в разработке государственной политики. Под цифровой зрелостью понимается способность органов местного самоуправления системно интегрировать цифровые технологии в государственное управление, предоставление услуг и участие граждан.

Для достижения цели использовался комплексный метод: разработка индекса цифровой зрелости (Digital Maturity Index, DMI), количественный анализ данных о цифровой инфраструктуре и электронных сервисах регионов, а также сопоставление полученных показателей с формами взаимодействия власти и гражданского общества.

Результаты показывают значительную цифровую дифференциацию регионов: высокозрелые территории развивают сетевые модели управления, способствующие совместному проектированию политики и интерактивному участию, тогда как регионы с низкой зрелостью остаются ограниченными иерархическими и транзакционными взаимодействиями.

Цифровая зрелость является важной переменной политики, а не только техническим фактором, и что она играет центральную роль в модернизации государственного управления, укреплении демократии на основе участия и социальной интеграции. В исследовании также предлагаются перспективы сокращения региональных диспропорций и появления гибридных моделей управления, объединяющих административное, партнерское и сетевое измерения.

Ключевые слова: цифровая зрелость, региональное управление, гражданское общество, взаимодействие государства и гражданского общества, цифровизация, государственное управление, Российская Федерация, гражданское участие.

Введение

Цифровая трансформация в настоящее время рассматривается как один из центральных двигателей изменений в современных режимах государственного управления. Она не ограничивается внедрением технических инструментов в государственное управление, представляя собой многомерный процесс, который переопределяет способы взаимодействия государственных учреждений, граждан и организаций гражданского общества. В этом контексте неравномерное распределение цифровой инфраструктуры, человеческих ресурсов и инновационных навыков в РФ приводит к заметной неоднородности, которую можно назвать «региональной цифровой зрелостью».

Региональную цифровую зрелость можно понимать как способность данной территории систематически интегрировать цифровые технологии в практику управления, предоставления услуг и содействия гражданскому участию. Она включает в себя технические измерения (доступ к интернету, коммуникационная инфраструктура, цифровые платформы), институциональные измерения (уровень интеграции цифровых услуг в государственное управление) и социальные измерения (цифровые навыки населения, культура использования цифровых инструментов). Эти составляющие взаимодействуют и определяют не только качество предоставляемых услуг, но и характер и интенсивность сотрудничества между государством и гражданским обществом.

Цифровая трансформация не дает равномерных эффектов на всей территории Российской Федерации. Она выступает в качестве мультипликатора существующих диспропорций и в качестве фактора перестройки властных отношений между государством и гражданским обществом. Цель данной статьи как раз и состоит в том, чтобы показать, как уровень региональной цифровой зрелости обуславливает модели кооперации, ориентируя одни территории на инновационные формы сетевого управления, в то время как другие остаются привязанными к вертикальному административным схемам. Этот анализ является частью теоретической перспективы, которая рассматривает цифровое управление как гибридную область, находящуюся на пересечении политологии, социологии организаций и исследований инноваций.

В результате изучения численного дифференцирования в России не может быть сведено к простой технической диагностике. Это требует политического и институционального подхода, учитывающего последствия с точки зрения легитимности, транспарентности и участия граждан. Именно в этом контексте в статье подробно проанализировано понятие региональной цифровой зрелости, ее эмпирические показатели и влияние на конкретные модели взаимодействия государства и гражданского общества в различных регионах Российской Федерации.

Материалы и методы

Для анализа влияния региональной цифровой зрелости на модели взаимодействия государства и гражданского общества в России в данном исследовании использует-

ся смешанный методологический подход, сочетающий количественный и качественный анализ. Первым шагом является разработка Индекса цифровой зрелости (DMI), специфичного для местных органов власти, для измерения системной способности местных органов власти интегрировать цифровые технологии в государственное управление, предоставление услуг и участие граждан. DMI учитывает несколько аспектов: технологическую инфраструктуру, доступность электронных услуг, функциональную совместимость систем и онлайн-участие.

Второй этап основан на сравнительном анализе статистических данных, собранных по всем регионам России, дополненном изучением институциональной отчетности и локальных цифровых платформ. Затем результаты DMI сопоставляются с моделями сотрудничества, наблюдаемыми между местными органами власти и гражданами, что позволяет выявить иерархические, транзакционные или сетевые конфигурации.

Наконец, в исследовании используется корреляционный и интерпретативный подход для определения взаимосвязи между цифровой зрелостью и формами гражданского участия, с акцентом на региональные и институциональные контекстуальные эффекты. Эта методология позволяет не только количественно оценить цифровую дифференциацию, но и понять ее политические и социальные последствия в территориальном управлении.

Литературный обзор

Цифровая трансформация является ключевым инструментом модернизации государственного управления и переосмысления отношений между государством и гражданским обществом на региональном уровне в России. В работе Саниной А. Г., Хомяковой В. А., Атаевой А. Г. рассматривается взаимосвязь цифровой трансформации и устойчивого развития регионов России, при этом подчеркивается, что степень цифровой зрелости региональных администраций обуславливает эффективность и инклюзивность государственной политики, а также способность институтов выстраивать механизмы сотрудничества с субъектами гражданского общества [1].

Уровень цифровой зрелости существенно различается между субъектами Российской Федерации, что порождает заметные различия в моделях взаимодействия государства и гражданского общества. В исследовании Логиновского О. В., Лясковской Е. А., Габдулина Р. Р. выделены основные препятствия на пути цифровой трансформации регионов, в том числе диспропорции в инфраструктуре, цифровой компетентности государственных служащих, доступности онлайн-услуг для населения [2].

Важность оценки цифровой зрелости региональных органов государственного управления подчеркивает и Захарова С. А., которая концептуализирует «цифровую зрелость» как определяющий фактор способности к внедрению умного государственного управления [3]. В соответствии с этой точкой зрения, администрации, способные измерять и развивать свою цифровую зрелость, имеют усовершенствованные механизмы сбора и анализа данных, интеграции цифровых платформ для участия граждан и межведомственной координации. Эти возможности необходимы для создания гибридных моделей сотрудничества, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействия, адаптированных к конкретным потребностям местных сообществ.

Добролюбова Е. И. углубляет понятие цифровой зрелости в контексте государственного управления, предлагая типологию, основанную на степени автоматизации процессов, доступности цифровых сервисов и интегра-

ции аналитических инструментов [4]. Такая типология позволяет дифференцировать регионы по их способности вовлекать граждан в процессы принятия решений, предвосхищать потребности населения и координировать многосторонние инициативы. Анализ показывает, что регионы с низкой цифровой зрелостью имеют модели взаимодействия, ограниченные предоставлением стандартных услуг, в то время как развитые регионы разрабатывают интерактивные модели, способствующие совместному и инклюзивному управлению.

Цифровая трансформация – это не только инструмент административной эффективности, но и вектор укрепления социального капитала и институционального доверия. Мирошниченко М. А. подчеркивает приоритеты формирования цифровой экономики в России, подчеркивая важность комплексной стратегии развития цифровых навыков, инфраструктуры и интерактивных сервисов [5]. Макеева О. А. рассматривает механизмы проектирования и реализации государственной политики в условиях «новой реальности», характеризующейся ускоренной цифровизацией государственных услуг [6]. Авторы подчеркивают, что цифровая зрелость обуславливает способность региональных администраций выстраивать процессы участия и устойчивые партнерские отношения с гражданским обществом.

Региональная цифровая зрелость напрямую влияет на способность администраций организовывать цифровые общественные консультации, создавать платформы для участия и учитывать обратную связь граждан в процессах принятия решений [7, 8]. Таким образом, региональная дифференциация цифровой зрелости отражается в неоднородности моделей сотрудничества государства и гражданского общества, варьирующихся от преимущественно транзакционных отношений до стратегических и совместно продуктивных отношений.

В сравнительной перспективе Волков А. С. анализирует программы цифровизации в Российской Федерации и Республике Корея, выявляя, что институциональная цифровая зрелость определяет качество взаимодействия с внешними акторами, в том числе с НКО, профессиональными ассоциациями и гражданами [9]. Российские регионы с высокой цифровой зрелостью способны воспроизвести некоторые аспекты корейской модели, используя цифровые технологии для оптимизации коммуникаций, упрощения координации и усиления гражданской активности. С другой стороны, менее развитые регионы сталкиваются с трудностями в создании инструментов цифрового участия, что ограничивает их способность налаживать стратегическое сотрудничество с гражданским обществом.

Появление понятия «электронное правительство» является центральным индикатором региональной цифровой дифференциации. Потапенко А. С. отмечает, что внедрение интерактивных цифровых сервисов меняет отношения между государством и гражданином, трансформируя роль администраций из поставщиков услуг в фасилитаторов участия и инноваций. Степень цифровой зрелости региональных администраций определяет сложность этих сервисов и глубину вовлечения граждан [10]. В регионах с низкой зрелостью взаимодействие часто ограничивается разовыми консультациями и базовыми услугами, в то время как регионы с высокой зрелостью создают интегрированные системы управления, позволяющие осуществлять непрерывное и многостороннее взаимодействие с гражданами и организациями гражданского общества.

Международные исследования, такие как Касимова Т., Магомедова С., Исмиханов З., подтверждают, что цифровая зрелость влияет не только на качество го-

сударственных услуг, но и на динамику регионального экономического развития [11]. Авторы показывают, что регионы с высокой цифровой зрелостью имеют более высокие экономические и социальные показатели, что обусловлено лучшей координацией государственных и частных инициатив и более эффективным взаимодействием с гражданами. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что дифференциация цифрового взаимодействия тесно коррелирует с цифровой зрелостью, что служит основой для моделей стратегического и адаптивного сотрудничества государства и гражданского общества.

Сумина Е. и Бадюков А. подчеркивают, что формирование цифровой системы управления региональным устойчивым развитием основано на интеграции информационных технологий в планирование и оценку государственной политики [12]. Авторы демонстрируют, что региональные администрации с высоким уровнем цифровой зрелости могут развивать интегрированные платформы для совместной работы, позволяющие мобилизовать граждан и организации на совместное создание решений локальных вызовов. Напротив, менее развитые регионы принимают более иерархические и однонаправленные модели, ограничивая участие и снижая эффективность совместных инициатив.

Таким образом, анализ источников показывает, что региональная цифровая зрелость играет решающую роль в структурировании взаимодействия государства и гражданского общества в России. Различия в цифровой зрелости порождают значительную дифференциацию моделей сотрудничества, начиная от транзакционных и ограниченных отношений в регионах с низкой зрелостью до сотрудничества, стратегических и инновационных отношений в регионах с высокой зрелостью. Эта дифференциация подкрепляется такими фактора-

ми, как цифровая инфраструктура, компетентность государственных служащих, доступность интерактивных услуг и культура гражданского участия.

Понятие «цифровая зрелость» является центральным понятием в современном анализе трансформации государственного управления и взаимодействия государства и гражданского общества. Его можно определить как степень интеграции цифровых технологий в процессы государственного управления, принятия решений и гражданского участия, отражающую как сложность инфраструктуры, доступность и качество цифровых услуг, так и способность институциональных субъектов мобилизовать эти инструменты для достижения стратегических целей. Оценка цифровой зрелости регионов России выявляет заметные диспропорции, которые напрямую влияют на характер отношений между государством и гражданами, динамику взаимодействия с организациями гражданского общества и общую эффективность государственной политики.

Согласно консолидированным данным Минцифры за период 2022–2023 годов, можно выделить три основные группы регионов по признаку их цифровой зрелости [13]. Сравнительный анализ этих трех групп позволяет выявить несколько последствий для регионального управления. Во-первых, цифровая зрелость является центральным фактором, определяющим региональную дифференциацию в моделях сотрудничества государства и гражданского общества. Во-вторых, цифровая дифференциация оказывает непосредственное влияние на стратегическое планирование и региональное экономическое развитие. В-третьих, цифровое созревание влияет на институциональное доверие и социальный капитал, обуславливая восприятие легитимности и эффективности государственного управления (табл. 1).

Таблица 1. Региональная дифференциация цифровой зрелости в России и ее последствия для государственного управления и гражданского участия [составлено автором исследования]

Группа регионов	Цифровая зрелость	Интернет-покрытие	Особенности цифрового сервиса	Модель взаимодействия государства и гражданина	Последствия для государственного управления и гражданского участия
Высокозрелые регионы (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан)	Высокий	>85%	Комплексные онлайн-сервисы для населения, партисипативные цифровые экосистемы (приложения, платформы для подачи петиций, электронное голосование)	Горизонтальные взаимодействия, совместное творчество, сетевая модель	Проактивное и адаптивное управление, принятие решений на основе данных, активное участие граждан, наращивание социального капитала и институционального доверия
Среднеспелые регионы (Уральская и Поволжская области)	Средний	70–85%	Фрагментированные сервисы, частичные цифровые платформы	Смешанные взаимодействия, партнерская модель	Частично коллаборативное управление, эксперименты с гражданским участием, зависимость от ресурсов и нормативно-правовой базы, ограниченные переходы к сетевой модели
Регионы с низким уровнем зрелости (Северный Кавказ, Дальний Восток, часть Сибири)	Слабый	<60%	Базовые онлайн-сервисы, спорадические цифровые инициативы	Вертикальные взаимодействия, административная модель	Иерархическое и однонаправленное управление, низкое гражданское участие, маргинализация граждан, ограничения инноваций и институциональной адаптивности

Данное исследование вносит оригинальный вклад в анализ цифровой трансформации органов государственного управления в России, выявляя прямую связь между региональной цифровой зрелостью и моделями взаимодействия государства и гражданского об-

щества. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе, объединяющем три измерения: цифровую инфраструктуру, качество электронных государственных услуг и гражданское участие, оцениваемые одновременно для каждой группы регионов. В то время

как предыдущие исследования сосредоточены на одном из аспектов (цифровая инфраструктура или услуги), данное исследование предлагает целостную оценку, количественно оценивающую влияние цифровой зрелости на совместное управление и участие граждан.

На основе таблицы 1 можно провести сравнительные расчеты, чтобы проиллюстрировать различия между региональными группами. Если рассматривать охват интернетом как основной показатель цифровой доступности и присвоить вес гражданскому участию и качеству цифровых услуг, то можно построить синтетический индекс цифровой готовности (DMI). Например, присвоив каждому критерию оценку от 0 до 100:

- покрытие Интернетом (CI): CI > 85% = 100, CI 70–85% = 75, CI < 60% = 50;
- цифровые услуги (DS): полные = 100, фрагментарные = 70, базовые = 40;
- гражданское участие (CP): интерактивное = 100, частичное = 70, ограниченное = 40.

DMI предлагается рассчитывать по следующей формуле:

$$DMI = \frac{CI + SN + PC}{3} \quad (1)$$

Таблица 2. Расчет DMI

Группа регионов	CI	SN	PC	DMI
Высокая зрелость (Москва, СПб, Татарстан)	100	100	100	100
Среднеспелые (Урал, Волга)	75	70	70	71,7
Низкоспелые (Северный Кавказ, Дальний Восток, Сибирь)	50	40	40	43,3

Эти результаты количественно демонстрируют значимую разницу между регионами: ИМТ регионов с высокой зрелостью более чем в два раза выше, чем в регионах с низкой зрелостью. Этот расчет показывает корреляцию между цифровой зрелостью и моделью сотрудничества:

- Сетевая модель – DMI ≈ 100.
- Модель частичного партнерства – DMI ≈ 72.
- Административная модель DMI ≈ 43.

Таким образом, синтетический индекс позволяет не только измерить численное неравенство, но и спрогнозировать доминирующую модель сотрудничества государства и гражданского общества. Такой количественный подход является новым инструментом оценки эффективности государственной политики цифровизации и разработки дифференцированных программ, адаптированных к региональной специфике.

На научном и практическом уровне полученные результаты имеют несколько выводов:

- Цифровая зрелость становится ключевой аналитической переменной, интегрирующей инфраструктуру, услуги и участие, способной предсказывать траектории совместного управления и качество демократии участия.
- Регионы с низким уровнем DMI нуждаются в целенаправленных вмешательствах в инфраструктуру, обучение и развертывание платформ для участия для сокращения разрывов и содействия внедрению сетевой модели.
- Синтетический индекс может быть использован для мониторинга временных изменений и оценки влияния федеральной политики на региональную конвергенцию и на появление гибридных моделей сотрудничества.

Эволюция моделей цифрового взаимодействия в регионах России также свидетельствует о существовании градиента сложности в местном самоуправлении. Высокосозревшие регионы стремятся развивать комплексные подходы, сочетающие цифровые платформы, управление данными и консультации с участием населения, что позволяет выстраивать стратегические и адаптивные отношения между государством и гражданским обществом. Регионы со средним сроком созревания постепенно исследуют эти механизмы, но их использование остается частичным и неоднородным, в то время как регионы с низким уровнем зрелости сталкиваются со структурными и организационными ограничениями, которые препятствуют развитию моделей сотрудничества. Такая региональная дифференциация имеет серьезные управленческие и политические последствия, особенно с точки зрения разработки национальных программ цифровизации, приоритизации инвестиций в инфраструктуру и укрепления цифровых навыков местных субъектов.

Наконец, региональная дифференциация цифровой зрелости должна быть проанализирована с динамической точки зрения, учитывая не только текущее состояние инфраструктуры и услуг, но и траектории развития и потенциал конвергенции. Государственная политика по сокращению этих разрывов может включать в себя приоритетное развертывание инфраструктуры в регионах с низкой зрелостью, обучение и цифровую сертификацию государственных служащих, а также создание адаптивных платформ участия, которые позволяют постепенно включать маргинализированные группы населения. Таким образом, дифференцированный и контекстуализированный подход к региональной цифровой трансформации представляется стратегическим рычагом для продвижения инклюзивного, эффективного и устойчивого управления на федеральном уровне (табл. 3).

Таблица 3. Корреляция между региональной цифровой зрелостью и моделями сотрудничества государства и гражданского общества [составлено автором исследования]

Уровень цифровой зрелости	Ключевые особенности	Доминирующая модель сотрудничества	Примеры цифровых инструментов
Высший (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан)	Охват интернетом >85%, комплексные государственные услуги, повышенная цифровая грамотность	Сетевая модель	Партисипативные мобильные приложения, платформы электронных петиций, онлайн-консультации, электронное голосование
Средний (Урало-Поволжские области)	70–85% интернет-покрытия, фрагментированные сервисы, частичное внедрение цифровых технологий	Модель партнерства	Региональные сервисные порталы, пилотные проекты софинансирования, консультативные онлайн-форумы

Уровень цифровой зрелости	Ключевые особенности	Доминирующая модель сотрудничества	Примеры цифровых инструментов
Низкий (Северный Кавказ, Дальний Восток, некоторые регионы Сибири)	Охват интернетом <60%, ограниченная инфраструктура, изолированные цифровые инициативы	Административная модель	Базовые онлайн-сервисы, односторонняя коммуникация, отсутствие платформ для участия

Анализ этой таблицы позволяет выделить несколько основных тенденций. Во-первых, цифровизация выступает дифференцирующим фактором в моделях кооперации: чем выше цифровая зрелость, тем больше развивается сетевая модель и становится нормой. В этих регионах организации гражданского общества (ОГО) имеют более открытые и гибкие каналы коммуникации и сотрудничества, сокращая традиционную иерархию и способствуя инновациям в государственном управлении. Во-вторых, регионы со средним сроком созревания представляют собой промежуточную территорию, где по-прежнему доминирует модель партнерства, но с признаками экспериментов с горизонтальными и цифровыми взаимодействиями. Создание пилотных проектов и проведение онлайн-консультаций на этих территориях свидетельствует о прогрессе в направлении более инклюзивных форм управления, даже если они остаются ограниченными ресурсами и инфраструктурой. В-третьих, в регионах с низкой цифровой зрелостью доминирование административной модели иллюстрирует устойчивость вертикальных и иерархических отношений. Внедрение цифровых технологий происходит фрагментарно и часто ограничивается предоставлением основных услуг, что серьезно ограничивает способность организаций гражданского общества и граждан активно участвовать в общественной жизни.

Обсуждение

Интеграция цифровых инструментов в сетевую модель напрямую влияет на эффективность и легитимность государственной политики. Цифровые платформы не только обеспечивают более широкое участие граждан, но и собирают данные в режиме реального времени о социальных потребностях, предпочтениях граждан и результатах программ. Эта постоянная обратная связь способствует гибкости и адаптивности региональных администраций, способствуя лучшему распределению ресурсов и повышению институционального доверия. Опыт регионов с высокой зрелостью показывает, что внедрение механизмов совместного управления создает позитивные обратные связи, укрепляя гражданское участие и качество принятия государственных решений.

Однако переход от партнерской модели к сетевой модели не является линейным и зависит от ряда структурных и институциональных факторов. Среди этих факторов решающую роль играют цифровая компетентность государственных служащих, наличие надежной инфраструктуры, организационная культура и регулирование цифровых платформ. В регионах со средним уровнем зрелости цифровизация происходит фрагментарно, часто ограничиваясь разовыми инициативами и пилотными экспериментами. Эти территории обладают значительным потенциалом для развития сетевой модели, но нуждаются в адресной государственной поддержке, включая финансирование, обучение и стандартизацию цифровых инструментов для обеспечения эффективности и устойчивости партисипативных инициатив.

Количественный анализ региональных цифровых взаимодействий показывает, что частота, разнообразие

и глубина обменов между государством и гражданским обществом увеличиваются пропорционально цифровой зрелости. В регионах с высокой зрелостью существует многоканальное взаимодействие, включая онлайн-форумы, приложения для взаимодействия с гражданами, виртуальные общественные консультации и платформы для совместного творчества. С другой стороны, регионы с низкой зрелостью остаются ограниченными, часто односторонними взаимодействиями, где государство информирует граждан без какой-либо реальной возможности влиять на решения. Такая дифференциация создает градиент партисипативного управления, где интенсивность и качество взаимодействия напрямую зависят от способности администраций интегрировать и использовать цифровые технологии.

Следует отметить, что цифровизация имеет тенденцию к укреплению сетевой модели взаимодействия государства и гражданского общества, но ее принятие и укрепление тесно связаны с региональной цифровой зрелостью. Высокозрелые регионы России создают благодатную почву для развития совместного и интерактивного управления, в то время как регионы со средним и низким уровнем зрелости нуждаются в дифференцированной политике для сокращения неравенства и усиления субъектности организаций гражданского общества и граждан. Изучение этих моделей подчеркивает стратегическую важность цифровой трансформации как рычага модернизации государственного управления, социальной интеграции и укрепления гражданского участия в неоднородных федеральных рамках.

Определяя влияние региональной цифровой зрелости на модели сотрудничества, следует отметить, что в регионах с высокой зрелостью наличие цифровых экосистем способствует появлению сетевых моделей. Например, в Москве платформа «Активный гражданин» позволяет гражданам принимать непосредственное участие в принятии городских решений. В Татарстане портал «Открытый Татарстан» повышает прозрачность и инклюзивность. В регионах со средним сроком созревания преобладает партнерская модель. ОГО имеют доступ к государственному финансированию, но использование цифровых инструментов ограничено административными процедурами (подача заявок, отчетность). Интерактивное участие остается незначительным. В регионах с низкой зрелостью сотрудничество в основном основано на административной модели. Слабая цифровая инфраструктура и цифровой разрыв сокращают возможности для горизонтального диалога. ОГО в значительной степени полагаются на традиционные каналы (личные встречи, иерархическое взаимодействие).

Такая дифференциация подчеркивает, что региональная цифровая зрелость выступает в качестве структурирующего фактора, способного трансформировать модальности сотрудничества и определять степень автономии гражданского общества.

Заключение

Анализ дифференциации цифровой зрелости в регионах России выявляет глубоко дивергентную динамику

государственного управления, которая обуславливает характер и эффективность взаимодействия государства и гражданского общества. Регионы с высокой цифровой зрелостью, как правило, развивают сетевые модели управления, основанные на горизонтальных взаимодействиях, совместном создании государственной политики и интеграции граждан в процесс принятия решений. Эти территории обладают развитой инфраструктурой, комплексными цифровыми услугами и институциональной культурой, способствующей гражданскому участию, что способствует административным инновациям, эффективной государственной политике и укреплению институционального доверия. С другой стороны, регионы с низким уровнем цифровой зрелости по-прежнему в значительной степени ограничены традиционными, иерархическими и транзакционными административными схемами, в которых участие граждан ограничено, а цифровые инструменты используются недостаточно. Это расхождение подчеркивает, что цифровая зрелость не ограничивается технической или инфраструктурной проблемой, а является ключевой переменной политики, влияющей на способность администраций создавать механизмы сотрудничества и мобилизовывать гражданское общество эффективным и инклюзивным образом.

Последствия такой дифференциации многочисленны. На теоретическом уровне цифровая зрелость должна быть концептуализирована как центральное измерение политического анализа, обуславливающее не только административную эффективность, но и качество демократии участия и способность граждан влиять на государственные решения. На практическом уровне сокращение разрыва в цифровой зрелости между регионами представляется необходимым условием для содействия вовлечению граждан и продвижения более сбалансированных и основанных на широком участии моделей сотрудничества. Поэтому инициативы по цифровизации должны сопровождаться целевыми инвестициями в инфраструктуру, цифровые программы обучения и сертификации государственных служащих и граждан, а также разработкой адаптивных платформ, сокращающих неравенство в доступе и участии.

Наконец, с перспективной точки зрения эта региональная дифференциация открывает новые направления для исследований. В частности, речь идет об оценке влияния федеральной политики цифровизации на сближение уровней цифровой зрелости, на появление гибридных моделей сотрудничества, сочетающих административное, партнерское и сетевое измерения, а также на способность регионов адаптироваться к современным социально-экономическим вызовам. Таким образом, цифровизация, будучи далеко не простым техническим инструментом, представляется стратегическим рычагом институциональных и социальных преобразований, способным изменить отношения между государством и гражданским обществом. Региональная цифровая зрелость играет ключевую роль в дифференциации траекторий управления, показывая, что успех цифровой трансформации зависит как от институциональных, организационных и социально-культурных факторов, так и от доступа к технологиям. В конечном счете, понимание и сокращение этой дифференциации является важнейшей задачей для укрепления демократии участия, модернизации государственного управления и обеспечения гармоничного развития территорий в составе Российской Федерации.

Литература

1. Санина А. Г., Хомякова В. А., Атаева А. Г. Цифровая трансформация и устойчивое развитие российских регионов: оценки соотношения и управленческие импликации // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – № 2. – С. 66–88.
2. Логиновский О. В., Ляковская Е. А., Габдулин Р. Р. Проблемы цифровой трансформации субъектов Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 76–92.
3. Захарова С. А. Цифровая зрелость региональных органов государственной власти как основа «умного» публичного управления // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – № 5 (139). – С. 6–13.
4. Добролюбова Е. И. Оценка цифровой зрелости государственного управления // Информационное общество. – 2021. – № 2. – С. 37–52.
5. Мирошниченко М. А. Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики. – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», 2021. – С. 224–224.
6. Макеева О. А. Механизмы разработки и реализации государственной политики в социальной сфере в условиях новой реальности // Вопросы экономики и права. – 2023. – № 3. – С. 177.
7. Семедов С. А. и др. Информационные технологии и их влияние на внутреннюю политику государства и международные отношения. Материалы Международной научно-практической конференции // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2022. – № 3–4 (386–387). – С. 39–113.
8. Барциц И. Н. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Российская Федерация-Россия // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – № 5 (139). – С. 67–118.
9. Волков А. С. Цифровое правительство Российской Федерации и Республики Корея: сравнительный анализ государственных программ цифровизации // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21. – № 1. – С. 225–236.
10. Потапенко А. С. «Электронное правительство» и предоставление государственных услуг // Актуальные исследования. – 2025. – № 21 (256). – С. 77–80.
11. Kasimova T., Magomedova S., Ismikhonov Z. Digital Maturity Assessment and the Impact of Its Level on the Regional Economy Based on Materials from the Republic of Dagestan // Journal of the Knowledge Economy. – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 10111–10128.
12. Sumina E., Badyukov A. Formation of digital management system of regional sustainable development // AIP Conference Proceedings. – AIP Publishing LLC, 2025. – Т. 3276. – № 1. – С. 60–64.
13. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием / Минцифры России. – Москва, 2022. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/uploaded/files/7metodicheskierekomendatsii06092022125913_TZ-mtVQB.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

DIFFERENTIATION OF DIGITAL INTERACTION: THE IMPACT OF REGIONAL DIGITAL MATURITY ON MODELS OF COOPERATION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pavlenko Yu.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the impact of regional digital maturity on the models of interaction between the state and civil society in Russia.

The purpose of the study is to identify patterns by which the level of digital maturity of local governments affects the forms of cooperation with citizens and the possibilities of interactive participation in the development of public policy. Digital maturity is understood as the ability of local governments to systematically integrate digital technologies into public administration, service provision and citizen participation.

To achieve this goal, a comprehensive method was used: the development of a Digital Maturity Index (DMI), a quantitative analysis of data on the digital infrastructure and electronic services of the regions, as well as a comparison of the obtained indicators with the forms of interaction between the authorities and civil society.

The results show significant digital differentiation of the regions: highly mature territories develop network governance models that promote joint policy design and interactive participation, while regions with low maturity remain limited to hierarchical and transactional interactions. Digital maturity is an important policy variable, not just a technical factor, and that it plays a central role in modernising public administration, strengthening participatory democracy and social inclusion. The study also suggests prospects for reducing regional disparities and the emergence of hybrid governance models that combine administrative, partnership and network dimensions.

Keywords: digital maturity, regional governance, civil society, state-civil society interaction, digitalization, public administration, Russian Federation, civic participation.

References

1. Sanina A. G., Khomyakova V.A., Ataeva A.G. Digital transformation and sustainable development of Russian regions: assessment of the ratio and management implications // *Issues of public and municipal administration*. – 2025. – No. 2. – P. 66–88.
2. Loginovsky O. V., Lyaskovskaya E.A., Gabdulin R.R. Problems of digital transformation of the constituent entities of the Russian Federation // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Computer technologies, management, radio electronics*. – 2023. – Vol. 23. – No. 3. – P. 76–92.
3. Zakharova S.A. Digital maturity of regional government bodies as the basis for “smart” public administration // *Public service*. – 2022. – Vol. 24. – No. 5 (139). – P. 6–13.
4. Dobrolyubova E.I. Assessment of the digital maturity of public administration // *Information Society*. – 2021. – No. 2. – P. 37–52.
5. Miroshnichenko M.A. Digital transformation: Russian priorities for the formation of the digital economy. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State University”, 2021. – P. 224–224.
6. Makeeva O.A. Mechanisms for the development and implementation of public policy in the social sphere in the context of the new reality // *Issues of Economics and Law*. – 2023. – No. 3. – P. 177.
7. Semedov S. A. et al. Information technologies and their impact on the domestic policy of the state and international relations. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference // Scientific and Analytical Journal Observer*. – 2022. – No. 3–4 (386–387). – P. 39–113.
8. Bartsits I.N. Evolution of public administration in the post-Soviet countries. *Russian Federation-Russia // Civil Service*. – 2022. – Vol. 24. – No. 5 (139). – P. 67–118.
9. Volkov A.S. Digital government of the Russian Federation and the Republic of Korea: a comparative analysis of state digitalization programs // *Law and Management. XXI century*. – 2025. – Vol. 21. – No. 1. – P. 225–236.
10. Potapenko A. S. “Electronic government” and the provision of public services // *Current research*. – 2025. – No. 21 (256). – P. 77–80.
11. Kasimova T., Magomedova S., Ismikhonov Z. Digital Maturity Assessment and the Impact of Its Level on the Regional Economy Based on Materials from the Republic of Dagestan // *Journal of the Knowledge Economy*. – 2024. – Vol. 15. – No. 3. – P. 10111–10128.
12. Sumina E., Badyukov A. Formation of digital management system of regional sustainable development // *AIP Conference Proceedings*. – AIP Publishing LLC, 2025. – Vol. 3276. – No. 1. – P. 60–64.
13. Methodological recommendations for the digital transformation of state corporations and companies with state participation / Ministry of Digital Development of the Russian Federation. – Moscow, 2022. – Access mode: https://digital.gov.ru/uploaded/files/7metodicheskierekomendatsii06092022125913_TZmt-VQB.pdf (date of access: 09/05/2025).

Проблемы и вызовы системы профессиональной адаптации преподавателей онлайн-школ в трансформирующемся обществе

Курносова Мария Никитична,

аспирант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

E-mail: masharakurs.work@yandex.ru

В условиях трансформации социокультурных и экономических реалий наблюдается интенсивное распространение онлайн-форматов образования, что влечёт за собой кардинальные изменения в профессиональной деятельности педагогов. В особенности это затрагивает преподавателей онлайн-школ, работа которых сопряжена с гибкими графиками, технологической зависимостью и высокой степенью институциональной неопределённости. В статье представлены ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются преподаватели онлайн-школ на этапе профессиональной адаптации, и анализируются факторы, детерминирующие успешность данного процесса. Эмпирической базой исследования выступили интервью и опросы преподавателей языковых онлайн-школ, проведённые в 2024–2025 гг. Выявлены специфические трудности, связанные с профессиональной идентичностью, коммуникативной изоляцией и отсутствием устойчивых форм институциональной поддержки. Сделан вывод о необходимости формирования новой модели адаптации, учитывающей особенности цифровой среды и асинхронной занятости.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, онлайн-образование, преподаватели, цифровое общество, языковые онлайн-школы, трансформация, институциональная поддержка, социологический анализ.

Современное общество переживает беспрецедентные трансформации, обусловленные цифровизацией, изменениями в экономике знаний, глобализацией и перестройкой труда [6]. Эти процессы затронули и сферу образования, где произошёл стремительный сдвиг в сторону онлайн-форматов. Особенно наглядно это проявляется в области языкового обучения, где преподавание всё чаще осуществляется через онлайн-школы и цифровые платформы, ориентированные как на внутренний, так и на глобальный рынок.

Формирование онлайн-образовательного пространства сопряжено не только с внедрением новых технологических решений, но и с глубинными изменениями в содержании и структуре профессиональной деятельности преподавателей. Возникают новые формы занятости, меняется формат коммуникации между участниками образовательного процесса, размываются границы между профессиональной и личной сферами. Всё это требует пересмотра традиционных подходов к пониманию процесса профессиональной адаптации педагогов.

В классическом социологическом и педагогическом дискурсе профессиональная адаптация рассматривалась как процесс постепенного включения работника в институциональную структуру с закреплением норм, ролей, профессиональной идентичности и внутренней лояльности [5]. Однако в условиях гибкой, цифровой, сетевой занятости данные характеристики подвергаются значительному переосмыслению. Преподаватели онлайн-школ часто функционируют в изолированном информационно-коммуникативном контексте, лишены устойчивой корпоративной культуры, находятся в условиях ограниченного доступа к методической и психологической поддержке. Всё это обостряет адаптационные риски, снижает уровень профессионального удовлетворения и затрудняет формирование устойчивой профессиональной идентичности.

Особенно значимым объектом исследования выступают преподаватели языковых онлайн-школ, поскольку именно данная группа в наибольшей степени представляет собой «пограничную» категорию: с одной стороны, они включены в формальные образовательные практики, с другой – их трудовой статус и условия работы зачастую носят precarious, фрагментированный и нестабильный характер [2; 7]. Возникает необходимость в социологическом осмыслении этих процессов через призму адаптации, а не только через призму экономических или педагогических параметров.

Настоящая статья направлена на теоретико-эмпирическое осмысление актуальных проблем, с которыми сталкиваются преподаватели онлайн-школ в процессе профессиональной адаптации. В фокусе внимания – вызовы, возникающие в условиях цифрового общества, в том числе: трансформация институциональных механизмов социализации, изменение форм трудовой идентичности, специфика коммуникации в онлайн-среде и неопределённость профессиональных перспектив [1].

Актуальность исследования определяется рядом обстоятельств. Во-первых, цифровизация труда в образовательной сфере стала необратимой и требует выстраивания новых адаптационных стратегий. Во-вто-

рых, растущее число онлайн-платформ и преподавателей, работающих в условиях гибкой занятости, делает необходимым теоретическое и прикладное осмысление факторов, влияющих на успешность адаптации. В-третьих, недостаточность научной проработки темы в отечественной социологической традиции затрудняет разработку эффективных моделей сопровождения и поддержки преподавателей в условиях цифровой трансформации. Таким образом, в статье делается попытка выявить, систематизировать и интерпретировать ключевые проблемы и вызовы, сопровождающие процесс профессиональной адаптации преподавателей языковых онлайн-школ.

Проблематика профессиональной адаптации в условиях трансформирующегося общества требует комплексного теоретического осмысления на стыке социологии труда, социологии образования, институциональной теории и теории идентичности. В классической социологической традиции адаптация рассматривалась преимущественно как процесс включения индивида в социальную и профессиональную структуру с освоением ролевых ожиданий и норм (Т. Парсонс, Р. Мертон). Однако в условиях сетевой экономики и гибкой занятости такие модели утрачивают универсальность. Современные подходы подчёркивают фрагментарный, нелинейный и контекстуально зависимый характер адаптационных процессов (Н. Эллиас, Э. Гидденс).

Особое значение имеет концепция рефлексивной идентичности (А. Giddens), согласно которой в условиях «поздней модерности» индивид вынужден постоянно переосмысливать собственную профессиональную позицию, адаптируясь к меняющимся институциональным и технологическим условиям. Преподаватели онлайн-школ находятся в ситуации постоянной «самопересборки» – между ролевыми ожиданиями платформ, потребностями учеников и внутренними представлениями о профессии.

Существенным становится и понятие прекаризации (Г. Стэндинг), которое описывает состояние нестабильности, отсутствия социальных гарантий, нормативной неопределённости и постоянной угрозы утраты дохода. Преподаватели онлайн-школ в значительной мере подпадают под параметры прекариата – особенно в аспектах институциональной несформированности, гибких контрактов и зависимости от алгоритмических систем оценки.

Также значим вклад институциональной теории (П. Бергер и Т. Лукман), позволяющей анализировать, каким образом создаются и поддерживаются образовательные нормы и практики в условиях виртуальной среды. Онлайн-школы формируют уникальные институциональные пространства, в которых формальные и неформальные нормы взаимодействуют, зачастую вступая в противоречие (например, между маркетинговыми установками платформы и педагогической этикой преподавателя).

Наконец, опора на полевую теорию П. Бурдьё позволяет рассматривать адаптацию как процесс нахождения и закрепления индивидуального положения в специфическом профессиональном поле с конкуренцией за ресурсы: учеников, рейтинги, статус, возможности карьерного роста.

Таким образом, в рамках настоящего исследования адаптация трактуется не как линейный процесс включения в институцию, а как динамичная, многомерная стратегия выживания и самоутверждения в условиях цифрового, гибкого, институционально неполного поля.

Эмпирической базой исследования выступает качественный анализ серии глубинных интервью с преподавателями, имеющими опыт работы в российских и меж-

дународных онлайн-школах, а также вторичный анализ открытых материалов (методических форумов, комментариев, карьерных разделов платформ и пр.). Исследование направлено не только на констатацию проблем, но и на выработку направлений для дальнейшей научной и практической рефлексии в сфере социологии труда и образования.

Методологической основой настоящего исследования выступает сочетание качественного подхода и интерпретативной исследовательской стратегии, ориентированной на выявление смыслов, практик и индивидуальных траекторий профессиональной адаптации преподавателей в условиях цифровой трансформации [12]. Выбор данной стратегии обусловлен необходимостью глубокого анализа субъективного опыта адаптации в специфической среде онлайн-образования, где стандартные количественные показатели оказываются недостаточными для адекватного описания феномена.

Теоретико-методологическая рамка исследования сформирована с опорой:

- на концепцию профессиональной идентичности (А. Giddens, М. Bucher, И.В. Забаровский) [1; 4; 9];
- институциональную теорию (Р. Berger, Т. Luckmann, Н. Смелзер) [11];
- социологию труда и занятости в цифровом обществе (У. Бек, М. Кастельс, А.В. Окунь, С.А. Круглова) [6; 8; 10];
- концепции прекаризации и гибкой занятости (Г. Стэндинг, Ж. Бодрийяр, Т.В. Семёнова) [2; 7].

Эмпирическая база исследования включает два следующих ключевых источника данных.

1. Глубинные полуструктурированные интервью, проведённые с преподавателями языковых онлайн-школ (n = 23) в период с ноября 2024 года по март 2025 года. Респонденты представляли разные регионы России, имели опыт работы в образовательных платформах Skyeng, EnglishDom, Italki, Preply и других, что позволило учесть разнообразие институциональных моделей и форматов занятости. Интервью проводились по гибкому гайду, охватывавшему следующие блоки [12]:

- профессиональный путь до онлайн-работы;
- мотивы перехода в онлайн-школу;
- первые шаги и условия адаптации;
- восприятие профессионального статуса и самоидентификация;
- взаимодействие с платформой, учениками, коллегами;
- эмоциональные и организационные барьеры.

Интервью транскрибировались, кодировались и анализировались с использованием метода тематического анализа (J. Braun & V. Clarke), с последующим построением категориальной матрицы.

2. Вторичный анализ цифровых источников, включавший:

- публичные разделы карьерных страниц онлайн-школ (например, Skyeng, Novakid);
- форумы и тематические сообщества преподавателей в Telegram, Discord, Reddit;
- отзывы преподавателей на профессиональных платформах (Glassdoor, hh.ru);
- открытые методические инструкции, FAQ и разделы «Часто задаваемые вопросы» внутри обучающих LMS [13; 14; 15].

Анализ онлайн-материалов позволил не только расширить эмпирическую базу, но и зафиксировать институциональные паттерны, практики входа в профессию, а также неформальные ожидания и нормы, транслируемые внутри профессионального сообщества.

Выбор именно качественной стратегии обусловлен стремлением не просто описать адаптационные проблемы, но и интерпретировать их как элементы более широкой социокультурной и профессиональной динамики. Данная методология обеспечивает высокую валидность результатов в условиях слабой институциональной закреплённости рассматриваемого феномена.

Проведённое исследование позволило выявить устойчивый ряд проблем и адаптационных барьеров, с которыми сталкиваются преподаватели языковых онлайн-школ в процессе включения в новую профессиональную среду.

1. Институционально-организационные вызовы.

Одной из ключевых проблем адаптации является отсутствие устойчивых институциональных механизмов сопровождения и вхождения в профессию. Для большинства образовательных платформ характерна фрагментарная или автоматизированная система «онбординга» – преподаватели получают доступ к методическим материалам, видеогайдам и техническим инструкциям, но при этом не проходят полноценную программу профессионального введения, включающую элементы наставничества или живого взаимодействия с кураторами.

«Ты просто получаешь доступ, читаешь, как надо вести уроки, потом сразу попадаешь к ученику. Ошибаться не рекомендуется – иначе рейтинг падает» (жен., 32 года, Skyeng).

Отсутствие горизонтальных и вертикальных связей внутри организации усиливает ощущение институционального вакуума. Преподаватель чувствует себя изолированным агентом, выполняющим функциональные задачи без ощущения принадлежности к коллективу, что затрудняет формирование профессиональной лояльности.

2. Профессионально-идентификационные проблемы.

Цифровая среда онлайн-школ не всегда способствует формированию устойчивой профессиональной идентичности. Исследование показало, что преподаватели испытывают трудности с отождествлением себя с «настоящими» педагогами. Это связано с несколькими факторами:

- слабой обратной связью от учеников и администрации;
- преобладанием шаблонного учебного контента и алгоритмизированных сценариев;
- восприятием себя как «исполнителя» в технологической системе.

«Ты не учишь, а просто проводишь задание. По сути, ты – оператор, а не преподаватель. Ученик заполняет пропуски, ты ставишь галочки» (муж., 28 лет, Preply).

В условиях отсутствия офлайн-коллектива и формальных знаков признания (например, корпоративных мероприятий, повышения квалификации, систем премирования) возникает размывание границ профессии. Это ведёт к профессиональному выгоранию, ощущению бессмысленности труда и повышенной ротации кадров.

3. Психосоциальные и эмоциональные барьеры.

Онлайн-преподавание сопряжено с высокой степенью коммуникативной изоляции. Преподаватели лишены возможности неформального взаимодействия с коллегами, обсуждения проблем, обмена педагогическими приёмами. Особенно остро это воспринимается педагогами, ранее работавшими в офлайн-школах и привыкшими к постоянной социальной и психологической поддержке внутри коллектива.

«Самое трудное – это тишина. Ты один, за компьютером, без коллег, без перерывов на чай, без разговоров в коридоре» (жен., 41 год, EnglishDom).

Кроме того, значительное число преподавателей сталкиваются с феноменом цифрового стресса – постоянной тревожности, связанной с техническими сбоями, отзывами учеников, колебаниями загрузки и необходимостью соблюдать платформенные рейтинги [2; 7]. В результате преподаватель оказывается в ситуации неопределённости, когда его профессиональное будущее зависит от алгоритмов, отзывов и лояльности клиентов, а не от формального статуса, стажа или квалификации. Это усиливает элементы прекаризации в профессиональной деятельности и препятствует долгосрочному профессиональному планированию.

Несмотря на наличие множества барьеров и институциональных дефицитов, в исследовании также были выявлены позитивные адаптационные практики и факторы, способствующие устойчивому профессиональному встраиванию в цифровую образовательную среду. Эти факторы не являются универсальными, однако в совокупности они позволяют говорить о формировании новых адаптивных стратегий в условиях трансформирующегося общества.

1. Поддержка со стороны неформальных профессиональных сообществ.

Одним из наиболее значимых факторов респонденты называли участие в неформальных онлайн-сообществах преподавателей (чаты в Telegram, Discord-серверы, форумы и т.п.). Эти сообщества выполняют функции:

- обмена методическими находками и лайфхаками;
- эмоциональной поддержки и взаимопомощи;
- быстрой адаптации к изменениям на платформе;
- обсуждения проблем с учениками и администрацией.

«В официальном чате ничего нельзя спросить – только техподдержка. А в неформальном общении с коллегами узнаёшь в разы больше. Это и спасает» (жен., 35 лет, Skyeng).

Таким образом, неформальные горизонтальные связи частично компенсируют дефицит формальных адаптационных механизмов.

2. Наличие гибкого и предсказуемого расписания.

Преподаватели, у которых сформировались стабильная база учеников и регулярное расписание, демонстрировали более высокую степень удовлетворённости и вовлечённости. Это позволяет структурировать рабочий день, разграничивать профессиональную и личную сферы, а также ощущать ответственность перед учениками, что способствует формированию устойчивых профессиональных ролей.

3. Возможность карьерного роста и расширения ролей.

Некоторые платформы предлагают возможности вертикального или горизонтального роста: становление куратором, методистом, тимлидом, наставником. Респонденты, включённые в такие траектории, отмечают повышение мотивации, идентификации с платформой и осознания своей значимости в образовательной системе.

4. Индивидуальная цифровая компетентность и внутренняя мотивация.

Высокий уровень цифровой грамотности и установка на профессиональное развитие играют ключевую роль в успешной адаптации. Преподаватели с таким профилем быстрее осваивают платформу, активнее ищут способы обратной связи, используют внешние ресурсы для самообразования и создают собственные авторские практики.

«Всё зависит от тебя. Хочешь просто провести урок – это одна история. А если тебе интересно, ты можешь сам

развиваться, делать YouTube, блоги, курсы. Всё открыто» (муж., 30 лет, Preply).

Полученные результаты указывают на гибридный и поляризованный характер профессиональной адаптации в онлайн-школах. С одной стороны, отсутствие чётко институционализированных моделей, слабая регламентация и фрагментарность образовательной среды создают ситуацию неопределённости, усиливая риски профессиональной дезориентации и выгорания. С другой – цифровая среда предоставляет пространство для индивидуальных траекторий, самоорганизации и горизонтального обмена, что позволяет формировать новые типы профессиональной социализации.

Таким образом, можно говорить о двойственной природе адаптационного процесса: он не является линейным и институционально гарантированным, как в классических моделях, но может реализовываться за счёт внутренних ресурсов, неформальных практик и цифровых сетевых связей. Это подтверждает актуальность разработки новых теоретических рамок – в частности, концепции «гибкой адаптации» и «цифровой профессиональной идентичности», в которых важную роль играют самоопределение, рефлексивность и способность к самостоятельной навигации в условиях нестабильной профессиональной среды [1].

Также необходимо учитывать, что в условиях прекаризации труда преподаватели оказываются в уязвимом положении, и без системной поддержки со стороны образовательных платформ или государства возможна долговременная деструкция профессиональных мотиваций и снижение качества образования.

Проведённое исследование показало, что процесс профессиональной адаптации преподавателей онлайн-школ в трансформирующемся обществе носит многоуровневый, противоречивый и институционально неполный характер. Изменения в трудовой, технологической и образовательной среде создают как новые возможности для профессионального развития, так и многочисленные вызовы, связанные с размыванием границ профессии, фрагментацией трудового опыта и коммуникативной изоляцией.

Адаптация в условиях онлайн-образования отличается от классических моделей не только отсутствием жёсткой институциональной регламентации, но и высокой степенью самоорганизации и самоопределения, требующей от преподавателя не только методических компетенций, но и способности к навигации в цифровой, алгоритмизированной среде. На первый план выходит гибридная форма адаптации, включающая индивидуальные стратегии приспособления, участие в неформальных профессиональных сообществах и выстраивание собственной цифровой педагогической идентичности.

Актуальность формирования устойчивой и целенаправленной адаптационной политики со стороны образовательных платформ обусловлена не только потребностями самих преподавателей, но и необходимостью обеспечения качества образовательного процесса в онлайн-среде. В данном контексте практическую значимость приобретает разработка программ сопровождения новых сотрудников, институционализация наставничества, расширение каналов горизонтальной коммуникации и включение преподавателей в процессы принятия решений на уровне платформ.

С научной точки зрения, результаты исследования подтверждают необходимость дальнейшего концептуального переосмысления понятия профессиональной адаптации применительно к условиям цифровой занятости. Это требует отказа от универсалистских, линейных моделей и перехода к мультифакторным, контекстно-

зависимым теориям, учитывающим такие параметры, как цифровая инфраструктура, алгоритмическое управление, институциональная фрагментарность и субъективное восприятие профессии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым сравнительным анализом адаптационных стратегий преподавателей различных онлайн-платформ, различиями между российскими и международными образовательными средами, а также исследованием влияния адаптационных трудностей на качество преподавания и устойчивость к профессиональному выгоранию.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия модерности. – М.: Праксис, 2011. – 320 с.
2. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 256 с.
3. Бурдье П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя, 2007. – 416 с.
4. Бухер М. Профессионализация и профессиональная идентичность. // Социологические исследования. – 2000. – № 4. – С. 38–45.
5. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 670 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2018. – Т. 1. Становление сетевого общества. – 608 с.
7. Семёнова Т.В. Прекаризация труда в цифровую эпоху: социологические подходы. // Общественные науки и современность. – 2021. – № 6. – С. 74–86.
8. Круглова С.А. Педагогическая профессия в условиях цифровой трансформации: риски и адаптационные практики. // Вестник социологии образования. – 2023. – № 1. – С. 91–104.
9. Забаровский И.В. Идентичность педагога в эпоху цифровизации: к вопросу о трансформации профессионального сознания. // Педагогика. – 2020. – № 6. – С. 57–62.
10. Окунь А.В. Гибкая занятость и новые формы адаптации работников. // Труд и социальные отношения. – 2022. – № 2. – С. 47–53.
11. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. – New York: Anchor Books, 1967. – 219 p.
12. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3(2). – P. 77–101.
13. Skyeng. Карьера для преподавателей [Электронный ресурс]. – URL: <https://teachers.skyeng.ru/career> (дата обращения: 05.08.2025).
14. EnglishDom. Часто задаваемые вопросы преподавателей [Электронный ресурс]. – URL: <https://teach.englishdom.com/faq> (дата обращения: 05.08.2025).
15. Preply Blog. Teaching Experience and Advice [Электронный ресурс]. – URL: <https://preply.com/en/blog/teaching/> (дата обращения: 05.08.2025).

PROBLEMS AND CHALLENGES OF THE PROFESSIONAL ADAPTATION SYSTEM OF ONLINE SCHOOL TEACHERS IN A TRANSFORMING SOCIETY

Kurnosova M.N.

Moscow State Pedagogical University

In the context of socio-cultural and economic transformation, the rapid expansion of online education formats has led to profound changes in the professional activities of educators. This is especially relevant for teachers working in online schools, whose employment is characterized by flexible schedules, technological dependency, and a high degree of institutional uncertainty. This article outlines the key problems and challenges faced by online school teachers during the process of professional adaptation and analyzes the fac-

tors that determine the success of this process. The empirical basis of the study includes in-depth interviews and secondary analysis of materials gathered from professional platforms and teacher forums. Specific difficulties related to professional identity, communicative isolation, and the absence of institutional support structures are identified. The article concludes with the necessity of developing a new model of adaptation that takes into account the peculiarities of the digital environment and asynchronous employment.

Keywords: professional adaptation, online education, teachers, digital society, online language schools, transformation, institutional support, sociological analysis.

References

1. Giddens E. The consequences of modernity. Moscow: Praxis, 2011. 320 p.
2. Standing, G. The Precariat: a new dangerous class. Moscow: Adam Press, 2014. 256 p
3. Bourdieu, P. Sociology of social space. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2007. 416 p.
4. Bucher M. Professionalization and professional identity. // Sociological research. – 2000. – № 4. – pp. 38–45.
5. Smelzer N. Sociology. – M.: Phoenix, 1994. – 670 p.
6. Castels M. The Information Age: economics, society and culture. Moscow: Higher School of Economics, 2018. Vol. 1. The formation of a network society. – 608 p.
7. Semenova T.V. Precarization of labor in the digital age: sociological approaches. // Social sciences and modernity. – 2021. – № 6. – pp. 74–86.
8. Kruglova S.A. The teaching profession in the context of digital transformation: risks and adaptive practices. // Bulletin of the Sociology of Education. – 2023. – № 1. – pp. 91–104.
9. Zabarovsky I.V. Identity of a teacher in the era of digitalization: on the issue of transformation of professional consciousness. // Pedagogy. – 2020. – № 6. – pp. 57–62.
10. Okun A.V. Flexible employment and new forms of employee adaptation. // Labor and social relations. – 2022. – № 2. – pp. 47–53.
11. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. – New York: Anchor Books, 1967. – 219 p.
12. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3(2). – P. 77–101.
13. Skyeng. Career for teachers [Electronic resource]. – URL: <https://teachers.skyeng.ru/career> (date of access: 08/05/2025).
14. EnglishDom. Frequently asked questions of teachers [Electronic resource]. – URL: <https://teach.englishdom.com/faq> (date of access: 08/05/2025).
15. Preply Blog. Teaching Experience and Advice [Electronic resource]. – URL: <https://preply.com/en/blog/teaching/> (date of access: 08/05/2025).

Деятельностный и проектный подходы в управлении научной сферой XXI века

Пивоварова Марина Борисовна,

аспирант кафедры Социологии управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
E-mail: mp1995@mail.ru

Цифровизация и новая волна научно-технической революции, связанной с технологиями Искусственного интеллекта, влияет на все сферы жизни общества, в связи с чем, в фокусе управленческих моделей для научных исследований особый интерес представляют два подхода: деятельностный и проектный. Основная цель статьи заключается в иллюстрации актуальной возможности использования обоих этих подходов на пересечении традиционного понимания науки как процесса производства инноваций и современных вызовов к результатам и срокам их достижения.

Ключевые слова: цифровизация, устойчивое развитие, управление наукой, деятельностный подход, проектный подход.

Введение

Под воздействием цифровизации и новой волны научно-технической революции научная сфера претерпевает значительную трансформацию. Актуальность статьи обусловлена необходимостью пересмотра традиционных подходов к управлению научной сферой и ее адаптация к новым изменчивым условиям, согласно новым потребностям общества и внешним факторам.

Традиционно, в России академическая и университетская науки имеют специфичную организацию, особые функции и роль в производстве научных знаний. Сегодня российская наука находится в условиях глубоких преобразований, связанных как с внутренними структурными реформами, так и с воздействием глобальных вызовов. Национальные проекты, грантовая поддержка молодых ученых, развитие НОЦов – всё это можно отметить как позитивные тенденции развития научной сферы. Университетам постепенно возвращают функции исследовательских научных центров, в регионах появляются лаборатории мирового уровня, а в кооперации с бизнес-индустрией рождаются прикладные решения. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ совместно с Минобрнауки России и Росстатом [1] на 2023 год, постепенно повышалась технологическая оснащенность экономики – было разработано 2,7 тыс. передовых производственных технологий в стране, что равно приросту в 37,9% в сравнении с 2020 годом. Количество передовых решений, которые стали использовать российские организации, составило 278,6 тыс., увеличившись на 14,7% с 2020 года.

Реализация и грамотное управление научной деятельностью и научными проектами затруднительно в текущих реалиях. В настоящее время существует разрыв между научной деятельностью и производством, а существующие управленческие структуры, без соответствующего финансирования и в условиях кадрового голода, не в силах коренным образом изменить ситуацию. В рамках статьи, особый интерес представляет рассмотрение двух ключевых подходов к организации научной работы – деятельностный и проектный, поскольку, проанализировав каждый из них, возможно лучше понять, на решение каких задач направлен каждый подход и при каких условиях их использовать.

Основные подходы к анализу заявленной проблематики

Деятельность людей пронизывает всю структуру общества, являясь основополагающим системным элементом жизни личности. Еще М. Вебер ввел понятие «действие», которое в последующем стало ключевой точкой для исследователей и в настоящее время является основой концептуального аппарата социологии. М. Вебер определял «действие» как особое поведение, проявляющееся вовне или сокрыто внутри, с помощью которого индивиды связывают субъективный смысл. [2] Т. Парсонс, А. Шюц, П. Уинч, Г. Гарфинкел Э. Гидденс рассматривали действие человека, каждый под призмой своей парадигмы.

Российские ученые также развивали деятельностный подход, опираясь на результаты исследований коллег-ученых. Понимание индивида как «деятельностного существа» складывалось в рамках культурно-исторической школы, под руководством Л.С. Выготского. Ключевой категорией анализа сущности личности выступала «деятельность». В основе личности лежат определенные цели, задачи, поведение, не поддающееся рациональному анализу, различные виды социальной коммуникации с миром, которые находят свое проявление в определенной деятельности, познании и общении. Деятельность рассматривалась с точки зрения и функционального аспекта [3, с. 41–57]. На основе культурно-исторической школы, сформировалась «теория деятельности», которую продолжили изучать С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев. В 30-х годах XX века авторы сформулировали основной принцип теории – единство сознания и деятельности – сознание взаимосвязано и встроено в структуру деятельности, неотделимо от нее. Представитель философии и культурологии М.С. Каган определял: «деятельность <...> превратила нашего животного предка в человека» [4, с. 79]. В 2009 году исследователь и создатель диспозиционной теории регуляции социального поведения личности В.А. Ядов рассматривал иерархическую систему диспозиционных образований, побуждающих человека к действию в конкретных условиях и для удовлетворения своих потребностей.

Сущность, содержание и многообразие человеческой деятельности также исследовали многие отечественные ученые XX века, среди которых можно выделить работы Л.П. Бугеой [5], А.М. Коршунова [6], а также совместное издание А.М. Волкова, Ю.В. Микадзе и Г.Н. Солнцевой [7].

В настоящее время в рамках деятельностного подхода происходит активное исследование и развитие именно познавательной (научной) деятельности, главной целью которой является получение новых знаний и информации о явлениях и процессах. Деятельностный подход больше характерен для фундаментальной научной деятельности, целью которой является расширение понимания и знания фундаментальных принципов устройства окружающего мира и человеческой жизни. На 2025 год на российскую гражданскую фундаментальную науку из средств федерального бюджета выделяется 31 1436,6 млн.руб., в процентах к расходам федерального бюджета это составляет 1,06%. [8]

С помощью деятельностного подхода управление можно рассматривать как специфический вид человеческой деятельности, представляющий собой целостную систему, состоящую из логично упорядоченных элементов и компонентов. Понимание управленческой деятельности как системы в научной сфере позволит повысить эффективность воплощения результатов деятельности в общественную практику. [9]

В противовес деятельностному, проектный подход в научной сфере активно используется в рамках прикладных исследований и акцентирует внимание на разработке конкретных задач в условиях ограниченных сроков и ресурсов. Как самостоятельная теория, проектный подход в теории управления возник в XX веке с теорий Critical Path Method (CPM) и Program Evaluation and Review Technique (PERT), что позволило более эффективно планировать и контролировать многоуровневую работу и деятельность со сложной структурой. Метод проектов был предложен Д. Дьюи и, впоследствии, его продолжателем стал У.Х. Килпатрик. В 1969 году возник Project Management Institute (PMI), целью которого было стандартизация методологий и методик, упорядочение концепций, обмен опытом и дальнейшее развитие теории

управления проектами. Ключевой фигурой по разработке проектного подхода в то время можно считать Г. Керцнера и его работу Управление проектами: системный подход к планированию, составлению графиков и контролю». Б.Фливибергер известен своими исследованиями в рамках теории управления мегапроектами и рациональности при принятии решений. Работы Дж.Р. Тернера посвящены вопросам осуществления стратегических изменений и достижению определенных бизнес-целей в соответствии с самыми высокими стандартами качества. В отечественной науке метод проектов начал использоваться группой педагогов в начале XX века под руководством С.Т. Шацкого.

В настоящее время проектный подход можно представить как целостную систему, включающую: специализированные инструменты, методологии, подходы – например, стратегия управления ресурсами, временными рамками и рисками, кризис-менеджмент и др.; этапы жизненного цикла проекта; командную работу; ориентацию на конечный результат – создание конкретного продукта или решения; управление ресурсами и рисками. С помощью проектного подхода, как современного инструмента управления, возможна успешная реализация сложных, междисциплинарных и многоаспектных проектов в различных сферах деятельности – инженерно-технической, оборонной, государственной, IT, маркетинговой, научной и многих других, где необходима организация жестких временных и ресурсных границ.

В научной сфере проектный подход актуален и позволяет в полной мере реализовать главную цель науки – получение и реализация нового прикладного знания. На 2025 год на российскую гражданскую прикладную науку (научные проекты) из средств федерального бюджета выделяется 850007,8 млн.руб., в процентах к расходам федерального бюджета это составляет 1,84%. [8]

Определение термина «научный проект» указано в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»: «Научный проект и (или) научно-технический проект – комплекс скоординированных и управляемых мероприятий, которые направлены на получение научных и (или) научно-технических результатов и осуществление которых ограничено временем и привлекаемыми ресурсами» [10]. Существует разнообразное множество научных проектов, отметим основные: по тематике – социально-гуманитарные, технические, естественнонаучные; по уровню организации – международные, государственные, ведомственные, коммерческие/частные; по времени реализации – краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные.

Все научные проекты имеют определенную управленческую структуру, которая представляет собой иерархическую декомпозицию проекта на определенные составные элементы. Все группы структур можно условно разделить на две группы – механистические, которые определяются четко определенной вертикалью власти, жесткой регламентацией функций и действий работников и органистические, которые являются очень гибкими, простыми, легко адаптируемыми в изменяющихся условиях повседневности и не имеют свойства жестко определенной иерархической подчиненности власти.

На данный момент в научном сообществе реализуется великое множество научных проектов, и их количество только растет. Например, в 2023 году на внутреннем рынке повысилась патентная активность российских разработчиков – было подано 20,6 тыс. патентных заявок по разным направлениям, что составило прирост на 8,7% в сравнении с 2022 годом. [1]

Особое развитие получила прикладная наука, направленная на развитие военной промышленности, ма-

шиностроения, информационной и пищевой безопасности, химической промышленности, металлообработки, пищевой промышленности, робототехники и программирования. Например, с 2023 года при поддержке Российского научного фонда и по заказу фармацевтической компании «КФР» реализуется проект по разработке отечественных субстанций для орфанных препаратов для лечения таких болезней, как спинальной мышечной атрофии (СМА,) легочной артериальной гипертензии (ЛАГ), и миодистрофии Дюшенна, с целью минимизировать и в последствии исключить их закупку за рубежом.[11] Другой пример междисциплинарного проекта, с использованием технологий искусственного интеллекта: с 2016 года реализуется проект созданию математического аппарата и алгоритмов для моделирования и прогнозирования экономического поведения жителей крупных городов. Официальным партнером проекта является банк «Санкт-Петербург». В 2023 году был разработан цифровой двойник потребительской активности петербуржца. С 2024 года эта разработка находится в открытом доступе и активно используется крупным бизнесом. На базе цифрового двойника в 2024 году был разработан «Интеллектуальный советник главы города».[11] С 2014 года на базе Томского политехнического университета реализуется другой проект, посвященный изготовлению топлива из производственных отходов и более эффективному пожаротушению. Два года проект, посвященный пожаротушению, реализовывался при поддержке Министерства образования и науки по программе «Приоритет 2030». На данный момент, разработанные технологии и составы внедряются в использование двумя коммерческими организациями.[11] Рассмотренные научные проекты, реализуемые в настоящее время, демонстрируют принцип междисциплинарности и направлены не только на решение актуальных проблем и потребностей общества, но и соответствуют принципам концепции устойчивого развития.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что обозначенные деятельностный и проектный подходы актуальны и эффективны. В Таблице 1 проиллюстрированы ключевые различия подходов.

Таблица 1

Критерий	Деятельностный подход	Проектный подход
Цель	Производство нового знания	Решение конкретной проблемы
Методы	Фундаментальные исследования	Управление проектами
Результаты	Теоретические парадигмы, концепции, научные публикации	Разработка практического решения – патенты, технологии, инновации

Деятельностный подход ориентирован на познание окружающего мира и общества, расширение границ познания и теоретической базы, проектный подход – на применение разработанных знаний для решения практических проблем и задач. Они различаются по своим целям и используемым методам, но не являются взаимоисключающими друг друга.

Интеграция подходов позволяет добиться значимых и инновационных результатов – можно говорить о появлении «гибридного подхода». Фундаментальная научная деятельность, продуцирует новые точечные темы и проблематики для рассмотрения в рамках прикладных научных исследований, реализуемых с помощью проектного подхода. Можно считать ярким примером исследования в области квантовой механики. Изначально они рассматривались только как теоретические концепции, но впоследствии послужили основой для появления квантовых компьютеров, квантовой криптографии и многих других высокотехнологичных инноваций. Именно поэтому, успешное развитие научной сферы зависит от сбалансированного использования этих взаимодополняемых подходов.

Выводы

Управление наукой в XXI веке становится сложной, многоуровневой и многоаспектной системой, требующей глубокого осмысления и понимания научного исследования. В связи с чем, важно рассмотрение и использование деятельностного и проектного подхода в управлении наукой. Они не взаимоисключающие, скорее, их можно представить как разные грани управления, в зависимости от направленности и целей. Деятельностный подход обеспечивает глубину и фундаментальность изучаемого явления, проектный подход приносит конкретную прикладную направленность и практическую реализацию.

Актуальным становится использование гибридных моделей, которые сочетают в себе долгосрочную фундаментальную деятельность и краткосрочные прикладные проекты. Именно в диалоге фундаментального и прикладного направления, гуманитарного и технологического, локального и глобального рождаются инновационные технологии, способные изменить мир.

Литература

1. Наука. Технологии. Инновации: краткий статистический сборник. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.
2. Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // Социологический журнал, 2001, № 3.
3. Вейхер А.А. Развитие методологии деятельностного подхода в социологии как междисциплинарного / А.А. Вейхер // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 41–57.
4. Каган М.С. Эстетика как философская наука: Унив. курс лекций / М.С. Каган; С.-Петерб. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. – СПб.: ТК «Петрополис», 1997. – 543 с.
5. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение –М.: Мысль, 1978. – 216 с.
6. Коршунов А.М. 1979. Отражение, деятельность, познание. – Москва: Политиздат, 1979. – 216 с.
7. Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция: Психол. анализ / А.М. Волков, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцева; [Предисл. Б.Ф. Ломова]. – Москва: Изд-во МГУ, 1987. – 215 с.
8. Индикаторы науки: 2025: статистический сборник. 2025. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 396 с.
9. Шабайкин А.Ю. Деятельностный подход к исследованию организации и управления//Известия МГТУ, 2013, № 1 (15).

10. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ(ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) URL: [https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/nauchnyj_proekt_\(nauchno-tehnicheskij_proekt\)/](https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/nauchnyj_proekt_(nauchno-tehnicheskij_proekt)/) (проверено 23.08.2025)
11. Российский научный фонд: Четыре ярких проекта российских ученых. URL: <https://rscf.ru/news/media/chetyre-yarkikh-proekta-rossiyskikh-uchenykh-opisat-krizis-yazykom-tsifr-katalog-naskalnoy-zhivopisi/> (проверено 23.08.2025)

ACTIVITY AND PROJECT APPROACH IN SCIENTIFIC MANAGEMENT IN THE 21ST CENTURY

Pivovarova M.B.

Lomonosov Moscow State University

Science management in the 21st century is becoming a complex system. Digitalization and the new wave of scientific and technological revolution associated with Artificial Intelligence technologies affect all spheres of society. Currently there is a gap between scientific and educational activities and the labor market and production. Existing management structures are unable to radically change the situation without appropriate funding and in conditions of personnel shortage. In this regard the ongoing digital processes related to the scientific sphere, suggest the transformation of approaches to management, internal scientific culture, and communications. The current problems and challenges of modern science include the development of new drugs, technologies, space exploration, neural networks, solving climate problems, and much more. Each of these tasks requires effectively organized scientific work. In the focus of management models for scientific research, two approaches are of particular interest: activity-based and project-based approaches. Human activity is the basis of the entire structure of society, being a fundamental element of the system for personal life. With the help of the project approach, as a modern management tool, it is possible to successfully implement complex, interdisciplinary and multi-faceted projects in various fields of activity. These approaches are not mutually exclusive, rather they can be presented as different facets of management, depending on the focus and goals. The main goal of the article is to illustrate the current possibility of using both of these approaches as the intersection of the traditional understanding of science as well as the process of producing innovations and modern challenges to the results and timing of their achievement.

Keywords: digitalization, sustainable development, science management, activity-based approach, project-based approach.

References

1. Science. Technology. Innovation: A Concise Statistical Compendium.// Gokhberg, L. M., Ditkovskiy, K. A., Kotsemir, M. N., et al., National Research University "Higher School of Economics." Moscow: ISSEK HSE, 2025.
2. Kravchenko, E.I. Theory of Social Action: From Max Weber to Phenomenologists. Sociological Journal, no. 3, 2001.
3. Veiherr, A.A. Development of the Methodology of the Activity Approach in Sociology as an Interdisciplinary One. In V.A. Mansurov (Ed.), Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions. Proceedings of the VI All-Russian Sociological Congress, Tyumen, October 14–16, 2020 (pp. 41–57). Tyumen: Russian Society of Sociologists, 2020.
4. Kagan, M.S. Aesthetics as a Philosophical Science: A University Course of Lectures// St. Petersburg State University, Academy of Humanities. St. Petersburg: TK "Petropolis," 1997. – 543 p.
5. Bueva, L.P. Man: Activity and Communication// Moscow: Mysl', 1978. – 216 p.
6. Korshunov, A.M. Reflection, Activity, Cognition// Moscow: Politizdat, 1979. – 216 p.
7. Volkov, A. M., Mikadze, Yu. V., & Solntseva, G.N. Activity: Structure and Regulation. A Psychological Analysis// Preface by B.F. Lomov. Moscow: Moscow State University Press, 1987. – 215 p.
8. Science Indicators.// Gokhberg, L. M., Ditkovskiy, K. A., Evnevich, E. I., et al. Statistical Compendium. National Research University "Higher School of Economics." Moscow: ISSEK HSE, 2025. – 396 p.
9. Shabaykin, A. Yu. Activity Approach to the Study of Organization and Management// Izvestiya of MSTU, no. 1 (15), 2013.
10. Federal Law of 23.08.1996 No. 127-FZ (as amended on 23.05.2016) "On Science and State Science and Technology Policy" (with amendments and additions effective from 01.01.2017). Retrieved from: [https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/nauchnyj_proekt_\(nauchno-tehnicheskij_proekt\)/](https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/nauchnyj_proekt_(nauchno-tehnicheskij_proekt)/) (accessed 23.08.2025).
11. Russian Science Foundation. Four Bright Projects of Russian Scientists. Retrieved from: <https://rscf.ru/news/media/chetyre-yarkikh-proekta-rossiyskikh-uchenykh-opisat-krizis-yazykom-tsifr-katalog-naskalnoy-zhivopisi/> (accessed 23.08.2025).

Гендерное равенство и гендерные стереотипы в повседневных практиках россиян

Реутова Марина Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Российского государственного социального университета
E-mail reggina77@mail.ru

Шавырина Ирина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Российского государственного социального университета
E-mail shavyrina_77@mail.ru

Статья посвящена анализу гендерного равенства и гендерных стереотипов в современном российском обществе. Несмотря на законодательное закрепление равных прав, сохраняется значительный разрыв между формальными нормами и реальностью. Авторы рассматривают барьеры, с которыми сталкиваются женщины в профессиональной сфере, включая неравенство в оплате труда, ограничения в доступе к руководящим должностям и влияние гендерных стереотипов на место и роль женщин в семье и на работе. Особое внимание уделяется гендерной асимметрии в распределении домашних обязанностей и ухода за детьми. Используются данные Росстата, ВЦИОМ и других исследований для иллюстрации динамики и противоречий в общественном сознании россиян. Статья подчеркивает необходимость дальнейших эмпирических исследований и разработки мер по сокращению дискриминации и обеспечению гендерного равенства.

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерные стереотипы, семейные роли, деловая карьера, карьерные барьеры, социальное неравенство, повседневные практики.

Актуальность исследования гендерного равенства и гендерных стереотипов в повседневных практиках россиян обусловлена комплексом экономических, социальных и политических факторов. В современном обществе вопросы гендерного равенства стали одним из важнейших индикаторов развития гражданского общества и демократических институтов. Россия имеет свой богатый опыт реформирования социальных отношений, Советское государство стало одним из первых государств, стремящихся к гендерному равенству. Начиная с 1917 г. и до 1970-х гг. был принят целый ряд нормативно-правых документов, обеспечивающих равные права женщин и мужчин в сфере трудовых отношений, представительстве интересов трудящихся в Советах народных депутатов, доступе к образованию и другим социокультурным благам.

В современном российском обществе, несмотря на декларируемые в законодательстве равные права (Статьи 19, 34, 38 Конституции РФ, ратифицированные международные соглашения и конвенции) [7], сохраняется значительный разрыв между формальными нормами и реальными практиками. В глобальном рейтинге стран мира по уровню гендерного неравенства (данные на 2021 год) Россия занимала 81 место из 156 стран; по индексу участия женщин в политической жизни находилась на 133 месте. Тем не менее, отмечены и позитивные моменты – по индексу участия женщин в экономике Россия занимала 25 место, возможности получения образования – делила 1 место с 26 странами, по охране здоровья – 1 место (включая еще 28 стран) [17]. Вместе с тем, в массовом сознании сохраняются гендерные стереотипы, которые затрагивают все сферы жизни, от семейных отношений и воспитания детей до профессиональной реализации, деловой карьеры и доступа к власти.

Современные исследователи обращают большое внимание на целый ряд аспектов проблемы гендерного равенства. Так О.Д. Натсак исследует региональные аспекты женского предпринимательства, выделяя ключевые барьеры, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели и мотивационные факторы, среди последних лидирует «стремление к свободе, возможности самостоятельно формировать рабочий график, реализации творческого потенциала, а также финансовые мотивы, потеря работы» [10, с. 84]. По данным С.Н. Мозулева и др. женщины в профессиональной сфере сталкиваются с ограничениями в доступе к финансированию, управленческим позициям и бизнес-сетям, сохраняющиеся гендерные стереотипы и низкая самооценка зачастую приводят к тому, что женщины оценивают свои возможности для старта бизнеса как недостаточные: «отсутствие стартового капитала (64%), неуверенность в собственных силах (54%) и нехватка знаний (54%) – ключевые барьеры, мешающие сегодня женщинам начать собственный бизнес» [8, с. 541]. В работах И.Н. Ткаченко, И.В. Первухиной, Д.В. Штриковой проанализировано влияние гендерных стереотипов на профессиональную самореализацию и карьерные траектории женщин, в частности отмечено, что «женщины-руководители часто сталкиваются с гендерными стере-

отипами, что порождает конфликт между ожиданиями общества в отношении роли женщины и традиционной управленческой ролью, которая является стереотипом мужской идентичности» [14, с. 26; 16]. Методы оценки вклада женщин в экономику, выявление реальных масштабов гендерного неравенства в российском обществе, а также сравнительный анализ барьеров для женщин-предпринимателей в России и других странах исследованы А.А. Илимбетовой, А.Н. Шмелевой и др. [6, с. 15].

В целом, согласно данным современных исследований, проблема гендерного неравенства в сфере профессиональной самореализации и карьерного продвижения обусловлена социокультурными стереотипами и институциональными ограничениями, при этом проявления гендерных стереотипов достаточно заметно варьируются в зависимости от региона России.

Изучение вопросов гендерного равенства в разрезе повседневных практик позволяет выявить латентные механизмы воспроизводства неравенства, которые часто остаются незаметными при анализе официальных данных. Активное обсуждение тем гендерного равенства в профессиональной сфере контрастирует с недостатком эмпирических исследований о том, как эти процессы проживаются обычными людьми в их повседневной жизнедеятельности. Понимание данных практик также важно для разработки эффективной социальной политики, образовательных программ и мер, направленных на ликвидацию дискриминации. Таким образом, анализ данной проблемы имеет не только научное, но и практическое значение в контексте построения более справедливого и инклюзивного общества.

На основе данных Росстата, опросов ВЦИОМ, ФОМ и Левада-Центра (признан иноагентом) можно проследить динамику состояния гендерного равенства в современном российском обществе, которая показывает достаточно сложную и противоречивую картину прогрессивных изменений в массовом сознании при сохранении структурного неравенства и ряда гендерных стереотипов (рис. 1).

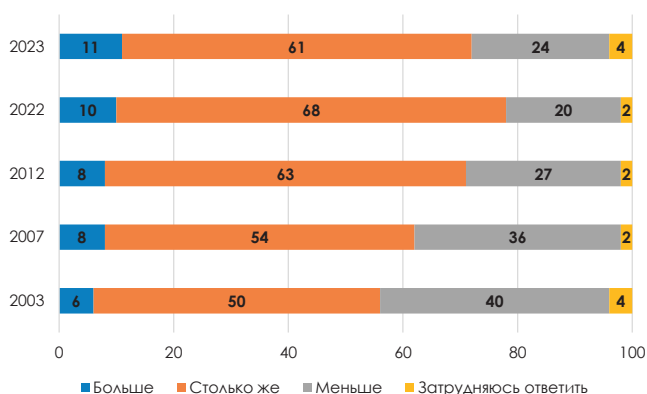

Рис. 1. Как Вы думаете, в современной России женщины имеют больше или меньше прав и возможностей, чем мужчины? в %

Источник: ВЦИОМ, Левада-Центр [2, 9].

Данные опросов ВЦИОМ и Левада-Центра (рис. 1) демонстрируют значительную положительную динамику в восприятии гендерного равенства. Если в 2003 г. лишь половина россиян (50%) считала, что права и возможности женщин и мужчин равны, то к 2023 г. эта доля выросла до 61%. При этом удельный вес тех, кто видит существенное неравенство в пользу мужчин, сократился с 40 до 24%. Это свидетельствует об укреплении в общественном сознании нормы о формальном равенстве полов.

Вместе с тем, распределение по полу за 2023 г. свидетельствует, что мужчины и женщины видят ситуацию по-разному: мужчины чаще говорят о наличии у женщин равных с ними прав и возможностей (64% vs. 58% среди женщин), и о том, что у женщин больше прав и возможностей, чем у мужчин (17% vs. 7%). 31% женщин считает, что у мужчин больше привилегий, среди мужчин такого мнения придерживается 15%.

36% опрошенных в Москве и СПб считает, что у женщин в современной России прав и возможностей меньше, чем у мужчин (в сельской местности — 18%) [9].

Несмотря на существенный прогресс в восприятии прав, ряд стереотипов о гендерных ролях остаются весьма устойчивыми. По данным ВЦИОМ (2023), почти половина населения (47%) считает, что мужчины лучше справляются с ролью руководителя, и только 7% отдадут предпочтение женщинам. Сходный дисбаланс наблюдается в восприятии качеств работников: хотя 73% уверены в равной компетентности, тех, кто считает лучшими работниками мужчин (13%), втрое больше, чем тех, кто выбирает женщин (4%), при этом доля тех, кто считает лучшими работниками женщин, за последние 20 лет снизилась в 2 раза (с 20 до 10%) [9]. Эти установки формируют «стеклянный потолок» и влияют на кадровые решения, ограничивая карьерные траектории женщин.

Обращаясь к вопросам оплаты труда и ее субъективного восприятия в контексте гендерных различий, отметим, что по данным ВЦИОМ (2022), большинство россиян считают, что «зарплаты платят вне зависимости от пола» — так думают 62% мужчин и 63% женщин. В том, что оплата одной и той же работы в гендерно сбалансированных коллективах равна, уверен 71% респондентов, о равных зарплатах в более «мужских» коллективах рассказали 55% опрошенных, в «женских» коллективах — 65%» [12].

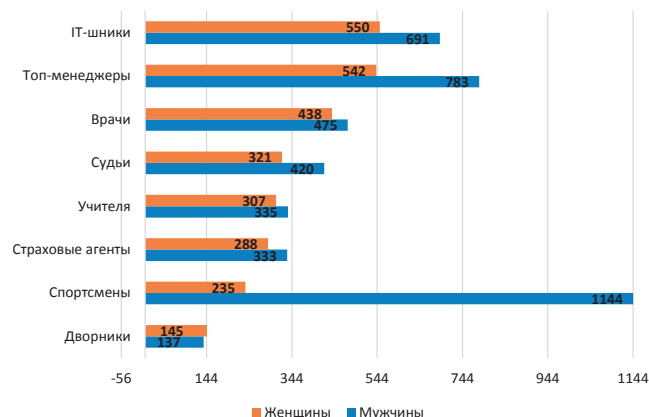

Рис. 2. Сколько зарабатывают женщины и мужчины в час? в руб. [3]

При этом данные Росстата показывают наличие гендерного разрыва в оплате труда (рис. 2). Во всех представленных профессиях, за исключением неквалифицированного труда дворников, мужчины зарабатывают в час существенно больше. Наиболее заметный разрыв наблюдается в высокооплачиваемых и престижных сферах: среди топ-менеджеров (542 руб. у женщин против 783 руб. у мужчин) и особенно среди спортсменов (235 руб. против 1144 руб.). Значительная разница сохраняется даже в традиционно «женских» профессиях — учителя (307 и 335 руб.) и врачи (438 и 475 руб.). Это прямо указывает на системную проблему — обесценивание труда женщин, через сегрегацию по отраслям, разрыв в оплате на одинаковых позициях или более медленный карьерный рост [3].

Одним из ключевых факторов, воспроизводящих экономическое и социальное неравенство, является сфера неоплачиваемого домашнего труда. Данные о его временных затратах иллюстрируют явно выраженную гендерную асимметрию (рис. 3). Женщины несут основную нагрузку по приготовлению пищи (115 минут против 28 у мужчин), уборке (37 против 17,5) и уходу за одеждой (20 против 2,5). Эта «вторая смена» создает для женщин двойную нагрузку, серьезно ограничивая их время для отдыха, профессионального развития, образования и карьерного продвижения. Мужчины лидируют только в таких сферах, как ремонт (18,5 против 1,5 минут) и минимальный разрыв наблюдается в поездках по делам – 17,5 и 20 минут [3].

Рис. 3. Временные затраты на домашние дела, минут в день [3]

Несмотря на некоторые изменения гендерных ролей и семье и продвижение идеи о том, что оба родителя имеют равные права и несут равную ответственность за воспитание детей, фактически забота о детях и пожилых членах семьи лежит в большей степени на женщинах. По данным Росстата, «у жителей городов в будни на это уходит почти час, мужчины тратят на треть меньше. В выходные дни женщины тратят по 48 минут, мужчины – по 28 минут. В сельской местности ситуация схожая. В целом по стране из 35,5 млн семей 9,6 млн. – это семьи с несовершеннолетними детьми. В каждой шестой семье ребенок воспитывается одним родителем, и в 82% случаев этим родителем является женщина» [4].

При этом согласно исследованию ВЦИОМ (2022) доминирует мнение о том, что воспитание детей является обязанностью обоих родителей: эту точку зрения разделяют 47% мужчин и 41% женщин. Лишь 1% респондентов (исключительно мужчины) считает воспитание детей преимущественно женской задачей [13]. Исследование SuperJob (февраль, 2023) демонстрирует расхождение между декларируемыми установками и реальной практикой. 34% женатых мужчин, планирующих рождение детей, категорически исключают возможности ухода в отпуск по уходу за ребенком вместо своей супруги (партнерши) [1]. Хотя 27% опрошенных мужчин выразили готовность к такому шагу, статистика Фонда социального страхования России (2021) показывает, что мужчины среди лиц, находящихся в декретном отпуске, составляют лишь 2% [11].

При этом текущие реалии соотносятся с установками самих женщин о том, как должны быть распределены семейные обязанности и какая женщина – самая лучшая (ВЦИОМ, 2021) – «66% мужчин и 42% женщин полагают, что обязанности по уборке и поддержанию порядка лежат на женщине (в целом такого мнения придерживается 36% респондентов)» [5]. В восприятии идеальной женщины доминируют такие характеристики, как «храни-

тельница семейного очага» (32%), ответственная за воспитание детей (21%), «хорошая хозяйка» (17%), доброта и заботливость (10%). Примечательно, что по всем перечисленным параметрам данных установки разделялись именно женщинами [5].

Таким образом, в современных российских реалиях наблюдается значительный разрыв между законодательно закрепленным гендерным равенством и реальными практиками в профессиональной и семейно-бытовой сферах жизнедеятельности. В массовом сознании россиян отмечена положительная динамика восприятия равных прав и возможностей – за последние 20 лет доля считающих, что права мужчин и женщин равны, выросла с 50% до 61%. Однако сохраняется существенный дисбаланс в субъективной оценке гендерного равенства: женщины значительно чаще (31% против 15%) осознают наличие гендерного неравенства и мужских привилегий. Проблема гендерного неравенства имеет ярко выраженное региональное измерение: жители мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) значительно чаще осознают существование неравенства, чем жители сельской местности.

Гендерные стереотипы остаются весьма устойчивыми, особенно в профессиональной сфере. Почти половина населения (47%) считает, что мужчины лучше справляются с ролью руководителя, что формирует «стеклянный потолок» и ограничивает карьерные траектории женщин. Представления о равенстве в оплате труда не соответствуют объективным данным – согласно данным Росстата наблюдается системный гендерный разрыв в заработной плате на одних и тех же позициях и даже в «традиционных» женских профессиях (врачи и учителя). Ключевым механизмом воспроизводства гендерного неравенства является гендерная асимметрия в сфере домашнего труда. На женщинах лежит основная нагрузка по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, заботе о престарелых родственниках, что ограничивает их возможности для профессионального развития, и реализации в других сферах жизнедеятельности. Отмечено явное расхождение между декларируемыми намерениями и реальными практиками мужчин в отношении распределения семейных обязанностей, что свидетельствует об устойчивости патриархальных моделей поведения. Важным аспектом проблемы является то, что традиционные гендерные стереотипы в значительной степени интериоризированы и поддерживаются самими женщинами, что усложняет процесс достижения реального равенства.

Для преодоления гендерного неравенства в российском обществе необходимы не только правовые меры, но и направленная работа по преодолению социокультурных стереотипов через образовательные программы, СМИ и эффективную социальную политику, направленную на изменение повседневных практик.

Литература

1. Взять отпуск по уходу за ребенком вместе жены согласились бы 43% российских мужчин. – URL: https://www.superjob.ru/research/articles/113890/vzyat-otpusk-po-uhodu-za-rebenkom-vmesto-zheny-soglasilis-by-43/?from_refresh=1 (дата обращения: 05.09.2025).
2. Гендерное равноправие и участие женщин в политической жизни. – URL: <https://www.levada.ru/2022/03/08/gendernoe-ravnopravie-uchastie-zhenshin-v-politicheskoy-zhizni/> (дата обращения: 15.04.2025).

3. Домохозяйки и кормильцы: как россияне представляют себе гендерное равенство. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/485818-domohozajki-i-kormil-cy-kak-rossiane-predstavlaut-sebe-gendernoe-ravenstvo> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Женщины и мужчины России: статистический сборник (2022). – URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/6226> (дата обращения: 12.09.2025).
5. Идеал женственности – 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-zhenshchinakh> (дата обращения: 11.09.2025).
6. Илимбетова А.А. Альтернативные источники данных об уровне занятости российских женщин в предпринимательстве // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 90–102.
7. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.09.2025).
8. Мозулев С.Н., Санина Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546.
9. Мужчина и женщина: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenshchina-monitoring> (дата обращения: 08.09.2025).
10. Натсак О.Д. Женское предпринимательство в республике Тыва: мотивы, барьеры и возможности // Вестник института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 68–93.
11. Отцы в декрете. – URL: <https://tass.ru/infographics/9307> (дата обращения: 08.09.2025).
12. Работа, зарплата и руководство: достигнут ли гендерный баланс. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-i-rukovodstvo-dostignut-li-gendernyi-balans> (дата обращения: 11.09.2025).
13. Россияне о воспитании детей. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-vozpitanii-detei?ysclid=leu6kq553f250688723> (дата обращения: 11.09.2025).
14. Ткаченко И.Н., Первухина И.В. Гендерные аспекты участия женщин в корпоративном бизнесе и предпринимательстве // Дискуссия. 2017. № 11. С. 25–35.
15. Шмелева А.Н., Алгада Х. Женское предпринимательство в России и за рубежом: обзор проблемы развития // Компетентность. 2020. № 8. С. 20–27.
16. Штрикова Д.В. Исследование влияния гендерных стереотипов на женскую профессиональную деятельность // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Психология и педагогика. 2022. № 1 (58). С. 127–136.
17. Global Gender Gap Report 2021. – URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2021/> (дата обращения: 28.08.2025).

GENDER EQUALITY AND GENDER STEREOTYPES IN EVERYDAY PRACTICES OF RUSSIANS

Reutova M.Ni., Shavryina I.V.
Russian State Social University

The article is devoted to the analysis of gender equality and gender stereotypes in modern Russian society. Despite the legislative enshrinement of equal rights, a significant gap remains between for-

mal norms and reality. The authors consider the barriers faced by women in the professional sphere, including inequality in wages, restrictions in access to leadership positions and the influence of gender stereotypes on the place and role of women in the family and at work. Particular attention is paid to gender asymmetry in the distribution of household responsibilities and childcare. Data from Rosstat, VCIOM and other studies are used to illustrate the dynamics and contradictions in the public consciousness of Russians. The article emphasizes the need for further empirical research and the development of measures to reduce discrimination and ensure gender equality.

Keywords: gender equality, gender stereotypes, family roles, business career, career barriers, social inequality, everyday practices.

References

1. 43% of Russian men would agree to take parental leave together with their wives. – URL: https://www.superjob.ru/research/articles/113890/vzyat-otpusk-po-uhodu-za-rebenkom-vместo-zheny-soglasilis-by-43/?from_refresh=1 (access date: 09/05/2025).
2. Gender equality and women's participation in political life. – URL: <https://www.levada.ru/2022/03/08/gendernoe-ravnopravie-uchastie-zhenshchin-v-politicheskoy-zhizni/> (access date: 04/15/2025).
3. Housewives and breadwinners: how Russians imagine gender equality. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/485818-domohozajki-i-kormil-cy-kak-rossiane-predstavlaut-sebe-gendernoe-ravenstvo> (access date: 04/15/2025).
4. Women and men of Russia: statistical digest (2022). – URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/6226> (access date: 09/12/2025).
5. The ideal of femininity – 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-zhenshchinakh> (access date: 09/11/2025).
6. Ilimbetova A.A. Alternative sources of data on the level of employment of Russian women in entrepreneurship // Population. 2019. Vol. 22. № 4. P. 90–102.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: 09/08/2025).
8. Mozulev S.N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // Baikal Research Journal. 2023. Vol. 14. № 2. P. 536–546.
9. Man and woman: monitoring. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenshchina-monitoring> (access date: 09/08/2025).
10. Natsak O.D. Women's entrepreneurship in the Republic of Tuva: motives, barriers and opportunities // Bulletin of the Institute of Sociology. 2022. Vol. 13. № 4. Pp. 68–93.
11. Fathers on maternity leave. – URL: <https://tass.ru/infographics/9307> (access date: 09/08/2025).
12. Work, salary and management: has gender balance been achieved. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-i-rukovodstvo-dostignut-li-gendernyi-balans> (access date: 09/11/2025).
13. Russians on raising children. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-vozpitanii-detei?ysclid=leu6kq553f250688723> (access date: 09/11/2025).
14. Tkachenko I.N., Pervukhina I.V. Gender aspects of women's participation in corporate business and entrepreneurship // Discussion. 2017. № 11. Pp. 25–35.
15. Shmeleva A.N., Algada H. Women's entrepreneurship in Russia and abroad: an overview of the development problem // Competence. 2020. № 8. Pp. 20–27.
16. Shtrikova D.V. Study of the influence of gender stereotypes on women's professional activity // Bulletin of Tver State University. Series: Psychology and pedagogy. 2022. № 1 (58). P. 127–136.
17. Global Gender Gap Report 2021. – URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2021/> (access date: 08/28/2025).

Карьерные ожидания и ценности российской молодежи в условиях изменяющегося рынка труда

Розенберг Наталья Владимировна,

доктор филос. наук, профессор, зав. кафедрой «Философия и социальные коммуникации», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: Elya@sura.ru

Володин Денис Юрьевич,

аспирант, кафедра «Философия и социальные коммуникации», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: volodiden@yandex.ru

Особенности развития современного российского рынка труда способствуют изменению поведения субъектов трудовых отношений. И касаются эти изменения как поведения потенциальных работодателей, так и различных групп сотрудников. Одним из наиболее показательных является поведение молодежи: с одной стороны, работающие студенты и недавние выпускники, имеющие минимальный опыт работы, традиционно рассматривались как одна из наиболее уязвимых групп. С другой стороны, с течением времени поведение молодых людей на рынке труда меняется, соответствуя не только профессиональным ориентирам, но и жизненным ценностям: готовности искать оптимальный вариант, отстаивать свои права, стремление к самореализации. Современная молодежь проявляет всё большую активность на рынке труда, стремясь не только получить место работы, но и найти такую позицию, которая бы соответствовала их жизненным принципам и ценностям. На фоне этих изменений также наблюдается рост числа предпринимательских инициатив среди представителей молодого поколения, что свидетельствует об их стремлении к независимости и новаторству. Такой подход открывает новые возможности для самореализации и карьерного роста, а также создает дополнительные вызовы для традиционных работодателей, вынуждая их пересматривать условия труда и взаимодействия с молодыми специалистами. Трудовое поведение молодежи является одним из наиболее очевидных маркеров преобразований в обществе, в связи с чем изучение карьерных ожиданий, ценностей и представлений этой социальной группы позволяет выявить и динамику развития рынка труда, и динамику социальных процессов.

Ключевые слова: рынок труда, российский рынок труда, трудовое поведение, карьерные ожидания, ценности, молодежь.

Введение

Современные вызовы мирового и внутрироссийского порядка, такие как геополитические сдвиги, изменение социально-экономических моделей, цифровизация и автоматизация всех сфер производства привели к беспрецедентному изменению рынка труда, который можно охарактеризовать терминами «динамичный» и «нестабильный». В этих условиях большое значение имеет постоянный мониторинг процессов и механизмов адаптации молодежи к новым требованиям профессиональной среды. Как известно, молодежь обладает высоким уровнем восприимчивости к инновациям, но в то же время она более уязвима в социальном плане в период вхождения в трудовую сферу. Карьерные ожидания молодых людей являются, с одной стороны, отражением индивидуальных установок и устремлений, а с другой, социокультурным маркером, формирующимся в процессе социализации под влиянием семейного капитала, функционирующих социальных институтов, а также представлений о социальном успехе.

Молодые люди традиционно рассматриваются в качестве особой социальной группы на рынке труда. С одной стороны, относительно недавно, и на протяжении довольно длительного времени, трудоустройство молодых людей, не имеющих достаточного профессионального опыта, выступало одной из проблем российского рынка труда. Несоответствие полученного профессионального образования и будущих мест работы, нежелание работать по профессии, напряженное отношение работодателей к трудоустройству недавних выпускников и прочие факторы, определяющие трудовое поведение молодежи, безусловно, влияли на выбор будущей профессии и на определенные направления государственной политики [9, с. 72].

Однако, и сам рынок труда остается сложной системой, отвечающей на различные изменения в государстве и обществе. Под влиянием массы обстоятельств – от экономических до демографических процессов, – одной из тенденций российского рынка труда, проявляющихся в различных его сегментах, стал кадровый дефицит. И к трудоустройству представителей различных возрастных групп молодых людей работодатели стали относиться иначе. Не остаются неизменными при этом и ценности, представления, ожидания самих молодых людей как элементы их трудового поведения. Происходящие в обществе социально-экономические и политические процессы, изменения общественного мнения и гражданского сознания, динамика самого рынка труда и значительные изменения в отраслевом разрезе развития национальной экономики не могут не накладывать отпечатка на них [3, с. 4].

И государство, и субъекты системы профессионального образования, и работодатели, и, наконец, сами молодые люди заинтересованы в определенном компромиссе, который устроил бы стороны трудовых отношений. Каждая из них руководствуется собственными мотивами, однако, трудовое поведение молодежи как наиболее активной социальной группы, профессионализм, ценности и карьерные ожидания которой будут не-

посредственным образом влиять на экономический, трудовой и инновационный потенциал государства на протяжении длительного времени, активно исследуется в рамках проводимых социологических исследований. Если они организованы на достаточном уровне, результаты таких исследований становятся основой для разработки и совершенствования государственной политики не только в сфере регулирования занятости, но и в контексте трансформации системы профессионального образования. Одно из таких исследований состоялось летом 2024 года и было проведено экспертами Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ. Основным направлением исследования стало изучение предпочтений молодых людей при выборе работодателя, определение ключевых аспектов мотивации и карьерных ожиданий [10, с. 1863].

Результаты

Анализ динамики занятости молодежи с высшим образованием в России показал, что основная доля молодых людей с высшим образованием (89%) занимается интеллектуальным и творческим трудом, тогда как доля лиц, занимающихся интеллектуальным трудом, среди молодых людей со средним профессиональным образованием составила только 49%. Зарботная плата молодых людей с высшим образованием примерно на 26% выше по сравнению с трудовым доходом молодых людей, которые ограничились средним профессиональным образованием. При этом только один из десяти молодых людей отметил желание сохранить основной род занятий в будущем, тогда как примерно третья часть участников исследования еще не решили, чем хотят в будущем заниматься [7].

Определяя наиболее привлекательные для них сферы трудоустройства, молодые люди отмечали сектора ИТ и высоких технологий. Менее привлекательными, однако, стали довольно известными телекоммуникационная область, банковская сфера, добывающая промышленность, авиатранспорт. Более 60% молодых людей в рамках профессионального развития мечтают о том, чтобы не ограничивать себя жесткими рамками с тем, чтобы оставаться творцом собственной жизни, распоряжаться своей карьерой и профессиональным развитием. В связи с тем, что их представления об идеальном работодателе далеко не все компании соответствуют, 46% участников исследования отметили желание работать «на себя», то есть открыть собственный бизнес. По их убеждению, полноценная профессиональная реализация, которая в полной мере соответствует личным потребностям и возможностям, реальна только в собственном бизнесе. Именно по этой причине примерно 12% молодых людей, принявших участие в исследовании, уже оформлены как самозанятые или ИП, в том числе, занимаясь фрилансом [7]. Это говорит о смещении приоритетов молодых людей. Стабильная занятость в крупных организациях уступает место самостоятельным и гибким формам труда, возможности контроля над собственным временем и содержанием деятельности. Мы наблюдаем индивидуализацию карьерных стратегий и формирование новой модели профессиональной идентичности.

Фриланс, ставший популярным в течение последних лет, играет определенную роль в карьерных ожиданиях молодых людей и их трудовом поведении в целом. Сформировавшееся представление о том, что можно иметь высокий заработок, не будучи вынужденным при этом подчиняться требованиям определенной трудовой дисциплины, необходимости ездить на работу, сформировало определенные особенности трудового поведения российской молодежи. В соответствии с этим выби-

рая факторы, которые могли бы положительно повлиять на их решение трудоустройства в определенную компанию, молодые люди выбирают среди факторов перспективы карьерного развития и роста, инновационный характер труда и гибкость трудовых отношений, предоставление определенной свободы в решениях [6, с. 88].

Несмотря на значимость всех перечисленных факторов, основным обстоятельством, влияющим на выбор места работы, для 77% молодых людей остается размер заработной платы. В идеале выпускники вузов хотели бы получать, согласно данным этого исследования, от 130 тыс. руб. Реальный средний уровень заработной платы, которую готовы были предлагать работодатели недавним выпускникам, составлял на момент проведения исследования около 84 тыс. руб. [4]. В результате получается, что в условиях кадрового дефицита, когда работодатели заинтересованы в привлечении сотрудников, на трудовое поведение и ожидания представителей российской молодежи, влияют как их собственные представления, так и инфляция, а также активная жизнь и общение в социальных сетях: требования соискателей повышаются [5, с. 145]. Таким образом, мы наблюдаем разрыв между ожидаемым и предлагаемым уровнем заработной платы, который, возможно, и стимулирует молодых людей к поиску альтернативных форм занятости, включая фриланс и предпринимательство. На наш взгляд, давно назрела необходимость пересмотра работодателями своих стратегий привлечения молодежи, в том числе через создание более гибких, мотивирующих условий труда, предоставления социальных льгот и гарантий, а самое главное конкурентоспособных систем оплаты труда.

При этом результаты других исследований свидетельствуют о том, что ранее бытовавшее мнение о пассивности, каких-то идеальных представлениях молодежи о рынке труда, все чаще не находят подтверждения. Изменение ценностей и представлений, в том числе, нравственных, не могут не оказывать влияния на трудовое поведение молодых людей, в связи с чем некоторые из них, в частности, не хотят работать в компаниях, причиняющих, например, очевидный вред окружающей среде [11, с. 139]. И эта тенденция характерна не только для российского рынка труда: по результатам проведенного в 2024 году международной консалтинговой компании Deloitte исследования «Поколение Z и миллениалы», 38% молодых людей не готовы работать в компании, ключевые ценности которой не соответствуют их собственным представлениям, вне зависимости от уровня заработной платы [8].

Однако, и пассивными молодые люди быть перестали. В поисках места работы, которое бы максимально соответствовало их представлениям, они готовы несколько раз его менять, но при этом довольно легко адаптируются к изменениям, готовы к постоянному обучению и совершенствованию профессиональных навыков, при трудоустройстве стремятся сочетать полученные знания и сферу деятельности, в которой возможно и развитие, и высокий уровень дохода [7].

Исследователи рынка труда говорят о том, что, пытаясь в максимальной степени обезопасить себя и обеспечить имеющиеся представления, все стороны трудовых отношений допускают определенные ошибки. Работодатели не уделяют достаточного внимания формированию и поддержанию собственной репутации на рынке труда. С другой стороны, и до общества реальные тенденции рынка труда, в том числе, данные о востребованных профессиях, доходят с опозданием [1]. Ориентируясь же при выборе профессии на общественное мнение, молодые люди рискуют значительно ограничить свой професси-

ональный кругозор и не увидеть перспектив на рынках труда, равно как и выбрать профессию, которая не соответствует их личностным особенностям и способностям. Результатом становится переизбыток на рынке труда представителей определенной профессии, а также дальнейшее трудоустройство не по специальности, в связи с чем в рамках школьного образования необходимо уделять особое внимание профессиональной ориентации, выявлению потенциала личности, определению перспективных направлений профессиональной деятельности, которые, в то же время, будут соответствовать и потребностям экономики. Отношение молодых людей и их родителей при выборе будущей сферы профессиональной деятельности в значительной степени зависит от тех усилий, которые прикладываются для формирования ее привлекательного образа. И заработная плата, и меры государственной поддержки, и определенные корпоративные ценности наряду с возможностью самореализации в профессиональном коллективе, безусловно, являются условиями такой привлекательности [2, с. 88]. Можно сделать вывод, что формирование устойчивого интереса молодежи к определенному виду профессиям требует комплексного подхода от работодателей, государства и общества, иначе этот выбор рискует остаться стихийным и повлечёт за собой рост неудовлетворённости трудовой деятельностью в молодежной среде и нерациональное распределение кадрового потенциала.

Заключение

Таким образом, изучение представлений молодых людей о рынке труда и их карьерных представлений, ценностей, устремлений свидетельствует о том, что, с одной стороны, их зарплатные и карьерные ожидания являются завышенными, однако, инфляция и кадровый дефицит, заинтересованность работодателей в привлечении сотрудников, формируют в условиях современного российского рынка труда крайне привлекательную среду, в которой работодатели вынуждены ориентироваться и на представления различных социальных групп. Проведение грамотной, системной профориентационной работы и работы по повышению привлекательности определенных сфер профессиональной деятельности, внимание работодателей к формированию собственного имиджа на рынке труда, являются необходимыми элементами сотрудничества государства, бизнеса и общества для удовлетворения взаимных интересов, обеспечения условий как для профессионального развития и личностного роста молодых людей, так и для экономического роста и развития государства в условиях инновационной экономики в целом.

Литература

1. Алтухов В. Как профориентация меняет ценности молодежи // Ведомости. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2025/05/29/1113549-kak-proforientatsiya-menyaet-tsennosti-molodezhi> (дата обращения: 17.06.2025).
2. Вишневская Н.Г., Галина А.Э. Профессиональная ориентация молодежи как инструмент снижения кадрового дефицита на региональном рынке труда // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 6. – С. 86–90.
3. Гоношилина И.Г. Российская молодежь на рынке труда и в социальном пространстве // Молодежь на рынке труда: новые правила поведения и коммуникаций: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 29–30 октября 2020 г.):

сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Шиняева. – Ульяновск: УлГТУ, 2020. – С. 3–7.

4. Как молодежь выбирает работу: итоги масштабного исследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/BvBIASIRFR/kak-molodezh-vyibiraet-rabotu-itogi-masshtabnogo-issledovaniya/> (дата обращения: 17.06.2025).
5. Калашникова И.В., Медведева Г.Г., Сигитова М.А., Филиппова К.В. Ценности и предпочтения молодежи на российском рынке труда // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 145–155.
6. Калашникова И.В., Филиппова К.В. Фриланс и российский рынок труда // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 81–90.
7. Карьерные амбиции российской молодежи: глубокий анализ трендов 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://tenchat.ru/media/2708332-karernnyye-ambitsii-rossiyskoy-molodezhi-glubokiy-analiz-trendov-2024-goda> (дата обращения: 17.06.2025).
8. Кузнецова Е. Работа со смыслами // Коммерсант. – 2024. – 30 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6729391> (дата обращения: 17.06.2025).
9. Митрофанова Е.А., Митрофанова А.Е. Молодежь на рынке труда // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2021. – № 6. – С. 72–78.
10. Рыбакова И.С. Динамика занятости молодежи с высшим образованием в России // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 11. – С. 1861–1880.
11. Туркулец С.Е., Калашникова И.В., Филиппова К.В. Региональные аспекты социально-трудовой аномии в молодежном сегменте // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 137–148.

CAREER EXPECTATIONS AND VALUES OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF A CHANGING LABOR MARKET

Rosenberg N.V., Volodin D.Yu.
Penza State University

The characteristics of the development of the modern Russian labor market contribute to changes in the behavior of participants in labor relations. These changes affect both the behavior of potential employers and various groups of employees. One of the most indicative is the behavior of youth: on the one hand, working students and recent graduates with minimal work experience have traditionally been considered one of the most vulnerable groups. On the other hand, over time, the behavior of young people in the labor market is changing, aligning not only with professional orientations but also with life values: the willingness to seek the optimal option, to defend their rights, and the desire for self-realization. Modern youth is demonstrating increasing activity in the labor market, striving not only to obtain a job but also to find a position that corresponds to their life principles and values. Against the backdrop of these changes, there is also a growth in entrepreneurial initiatives among young people, indicating their desire for independence and innovation. This approach opens up new opportunities for self-realization and career growth while creating additional challenges for traditional employers, forcing them to rethink working conditions and interactions with young specialists. The labor behavior of youth is one of the most obvious markers of transformations in society, which is why studying the career expectations, values, and perceptions of this social group allows for the identification of both the dynamics of labor market development and the dynamics of social processes.

Keywords: labor market, Russian labor market, labor behavior, career expectations, values, youth.

References

1. Altukhov V. How Career Guidance Changes Youth Values // Vedomosti. – 2025. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2025/05/29/1113549-kak-proforientatsiya-menyaet-tsennosti-molodezhi> (date of access: 17.06.2025).
2. Vishnevskaya N.G., Galina A.E. Professional Orientation of Youth as a Tool for Reducing Labor Shortage in the Regional Labor Market // Economics and Management: Scientific and Practical Journal. – 2024. – № 6. – P. 86–90.
3. Gonoshilina I.G. Russian Youth in the Labor Market and Social Space // Youth in the Labor Market: New Rules of Behavior and Communication: All-Russian Scientific and Practical Conference (Ulyanovsk, October 29–30, 2020): Collection of Scientific Papers / ed. O.V. Shinyeva. – Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2020. – P. 3–7.
4. How Youth Choose Jobs: Results of a Large-Scale Study [Electronic resource]. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/BvBIA-SIRFR/kak-molodezh-vyibiraet-rabotu-itogi-masshtabnogo-issledovaniya/> (date of access: 17.06.2025).
5. Kalashnikova I.V., Medvedeva G.G., Sigitova M.A., Filippova K.V. Values and Preferences of Youth in the Russian Labor Market // Bulletin of the Pacific State University. – 2022. – № 1. – P. 145–155.
6. Kalashnikova I.V., Filippova K.V. Freelancing and the Russian Labor Market // Bulletin of the Pacific State University. – 2020. – № 4. – P. 81–90.
7. Career Ambitions of Russian Youth: In-Depth Analysis of 2024 Trends [Electronic resource]. – URL: <https://tenchat.ru/media/2708332-karernyye-ambitsii-rossiyskoy-molodezhi-glubokiy-analiz-trendov-2024-goda> (date of access: 12.06.2025).
8. Kuznetsova E. Working with Meanings // Kommersant. – 2024. – May 30 [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6729391> (date of access: 17.06.2025).
9. Mitrofanova E.A., Mitrofanova A.E. Youth in the Labor Market // Management of Human Resources and Intellectual Resources in Russia. – 2021. – № 6. – P. 72–78.
10. Rybakova I.S. Dynamics of Employment of Youth with Higher Education in Russia // Labor Economics. – 2024. – Vol. 11, № 11. – P. 1861–1880.
11. Turkulets S.E., Kalashnikova I.V., Filippova K.V. Regional Aspects of Social-Labor Anomy in the Youth Segment // Bulletin of the Pacific State University. – 2021. – № 1. – P. 137–148.

Цифровая мобилизация в условиях кризиса как социальный процесс: динамика формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде

Салахутдинов Владислав Рифатович,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им Г.В. Плеханова
E-mail: salakhutdin.69@gmail.com

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что современные общественные кризисы (геополитическая напряженность, пандемия инфекции, крупномасштабные социально-экономические потрясения) являются значимыми катализаторами социальных процессов. Для молодежи в процессе общественного кризиса разрушаются традиционные жизненные сценарии, возникают латентные ценностные конфликты, актуализируя поиск новых оснований для социальной принадлежности. Проблема исследования состоит в том, что существующие теоретические модели формирования социальной идентичности молодежи зачастую рассматривают цифровую мобилизацию как инструментальный феномен, в рамках которого происходит мобилизация ресурсов и сетей, или как следствие заранее сформированных идеологических предпочтений. При этом процессуальный аспект, затрагивающий формирование сплоченной группы с четкой коллективной идентичностью, остаётся недостаточно изученным. Цель работы – выделить этапы формирования групповой идентичности в процессе цифровой мобилизации молодежи. Методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, эмпирический анализ, системный подход, графическая и табличная визуализация данных, абстрактно-логический метод. Основные результаты научного исследования: отражены теоретические аспекты анализа цифровой мобилизации молодежи в условиях социального кризиса; осуществлено эмпирическое исследование динамики формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде; представлена интерпретация результатов исследования с выделением специфики групповой идентичности молодежи при цифровой мобилизации. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы государственным сектором, некоммерческими организациями, экспертным сообществом для проработки стратегии формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде в условиях общественных кризисов.

Ключевые слова: цифровая мобилизация; общественные кризисы; социальные процессы; групповая идентичность; формирование социальной идентичности молодежи; онлайн-среда; процессуальный аспект.

Введение

Современные общественные кризисы (геополитическая напряженность, пандемия инфекции, крупномасштабные социально-экономические потрясения) являются значимыми катализаторами социальных процессов [1]. Для молодежи в процессе общественного кризиса разрушаются традиционные жизненные сценарии, возникают латентные ценностные конфликты, актуализируя поиск новых оснований для социальной принадлежности [2–4].

Проблема исследования состоит в том, что существующие теоретические модели формирования социальной идентичности молодежи зачастую рассматривают цифровую мобилизацию как инструментальный феномен, в рамках которого происходит мобилизация ресурсов и сетей, или как следствие заранее сформированных идеологических предпочтений. При этом процессуальный аспект, затрагивающий формирование сплоченной группы с четкой коллективной идентичностью, остаётся недостаточно изученным.

Кризисная ситуация формирует условия для цифровой мобилизации субъектов, а именно:

- разрушение традиционных социальных норм и институциональных ориентиров формирует у молодежи потребность в условиях новой социально-экономической реальности;
- состояние гнева, агрессии, страха является мощным драйвером для поиска единомышленников (пользователей из группы «своих») в онлайн-среде;
- разносторонние информационные потоки, как правило, противоречивые, увеличивают ценность интерпретации поведения и установок лидеров мнений в цифровом пространстве [5], [6].

Таким образом, в контексте данного исследования необходимо раскрыть социальные механизмы и стадии перехода к созданию устойчивой групповой идентичности молодежи в процессе цифровой мобилизации. При этом цифровая среда рассматривается в качестве активного элемента социального процесса, чья архитектурная специфика (пользовательские интерфейсы в социальных сетях, мессенджерах, на цифровых платформах) обуславливает траекторию и формат социальной солидарности.

Научно-исследовательские работы, посвященные цифровому активизму и политическому участию молодежи в онлайн-среде, можно разделить, исходя из использованных авторами подходов к изучению рассматриваемого феномена (таблица 1).

Подавляющее число научно-исследовательских работ, посвященных цифровой активности и политическому участию молодежи в онлайн-среде, позволяет понять, какие формы принимает цифровая активность, какие группы молодежи принимают политическое участие через онлайн-среду, структурные причины и предпосылки формирования групповой идентичности молодежи существуют в настоящее время.

Тем не менее не представляется возможным посредством указанных тематических направлений выделить социальные механизмы и последовательные этапы фор-

мирования групповой идентичности молодежи, начиная с момента появления общественного кризиса и завершающая процесс формирования устойчивого сообщества молодежи.

Таблица 1. Систематизация концептуальных подходов к исследованию феномена цифрового активизма и политического участия молодежи в онлайн-среде

Концептуальное направление научно-исследовательских работ	Авторский вклад	Ограничения и пробелы концептуального подхода применительно к проблеме исследования
Инструментально-технологическое	Изучение социальных сетей как нового инструмента для координации действий, акцент на эффективности и скорости распространения информации	Рассматривает технологии цифрового активизма и политического участия молодежи (не изучаются социальные процессы), цифровая мобилизация молодежи представляет собой решение технической задачи, не учитывая мотивационные и идентификационные аспекты
Структурно-ресурсное в рамках теории социальных движений	Анализ цифровой мобилизации через призму существования ресурсов, политических возможностей, мобилизационных структур	Переносит аналитику социальных движений на спонтанные формы цифровой мобилизации молодежи, отсутствует объяснение того, почему появляются ресурсы и общественная солидарность, если нет формальных структур и правил
Политологическое	Измерение масштабов и причин медийной активности молодежи во взаимосвязи с критicismом работы институтов	Не учитывает динамический процесс цифровой мобилизации молодежи
Коммуникативно-дискурсивное	Исследование нарративов, языка молодёжного цифрового активизма, анализ того, как конструируется смысл в цифровых сообществах	Как правило, фокусируется на содержании дискурса без его взаимосвязи с коммуникационными стратегиями и ситуациями, с процессом формирования групповой идентичности молодежи

Источник: составлено автором на основе [7–11].

Для молодых людей групповая идентичность носит проектный характер, а цифровая среда представляет собой конституирующий элемент социальной реальности. На данный момент недостаточно изученными темами выступают осуществление микропрактик коммуникационного взаимодействия молодежи посредством репостов и определенных эмодзи в социальных сетях, роль эмоциональной составляющей как элемента взаимосвязи между переживанием общественного кризиса и совершением коллективного действия в социальном пространстве, воздействие архитектурной специфики

цифровых платформ на скорость и характер создания групповой идентичности молодежи.

Теоретические аспекты анализа цифровой мобилизации молодежи в условиях социального кризиса

Эволюция теоретического осмысления коллективных действий молодежи привела к планомерному переходу от классических моделей к парадигме новых социальных движений, который обладает практической значимостью при исследовании процесса цифровой мобилизации молодежи во время общественного кризиса (таблица 2).

Таблица 2. Эволюция теоретических аспектов анализа цифровой мобилизации молодежи в условиях общественного кризиса

Критерий	Классическая модель	Парадигма новых социальных движений	Применимость концепции к исследованию процесса цифровой мобилизации молодежи
Цель цифровой мобилизации	Изменение внутренней государственной политики, перераспределение ресурсов	Утверждение новой идентичности, изменение культурных норм	Высокая, поскольку цифровая мобилизация молодежи, как правило, нацелена на признание аутентичности, изменение дискурса
База цифровой мобилизации молодежи	Интересы социальных групп	Ценности, стиль жизни, культурная принадлежность	Высокая, так как цифровая мобилизация молодежи строится на основе ценностных установок (правовая, экологическая сфера)
Форма организации социального процесса	Иерархическая, формализованная (профсоюзы, политические партии)	Сетевая, горизонтальная, децентрализованная	Высокая, структура цифровых сообществ сетевая по своей структуре
Основной конфликт	Конфликт за ресурсы, за соотношение трудовых обязанностей и денежного капитала	Конфликт за символическое пространство, право на определение условий реальности	Высокая, так как борьба ведется за доминирующие нарративы в онлайн-среде

Источник: составлено автором на основе [12], [13].

Следовательно, цифровая мобилизация молодежи как социальный процесс может быть охарактеризована через парадигму новых социальных движений, так как центральным звеном выступает борьба за признание идентичности, утверждение альтернативных систем ценностей в публичном пространстве, что актуализируется во время общественных кризисов.

Молодежь как особая социально-демографическая группа имеет специфические характеристики, воздействующие на формы и содержание процесса цифровой мобилизации, в частности:

- поиск аутентичности (искренности, подлинности, соответствия действий декларируемым ценностям);
- моральный активизм, импульс, что обуславливает эмоциональную интенсивность действий;
- формирование общего опыта поколений для социальной солидарности на общем ощущении неопределенности пространства.

В соответствии с теоретическими аспектами цифровая мобилизация молодежи в условиях общественного кризиса представляет собой социально значимый процесс построения групповой идентичности через призму ценностно-ориентированных и сетевых движений, обусловлен специфическими характеристиками молодежного сознания (поиском аутентичности, моральным активизмом и импульсом, формированием общего опыта поколений для социальной солидарности).

Эмпирическое исследование динамики формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде

Цель эмпирического исследования динамики формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде заключается в выделении этапов формирования групповой идентичности при цифровой мобилизации в условиях общественного кризиса.

Информационная база эмпирического исследования – данные, собранные из 15 тематических каналов социальной сети Telegram в период февраль 2022 года – декабрь 2024 года. Общий объём проанализированного контента (обсуждений в онлайн-среде альтернативной информации о происходящих кризисных событиях в государстве) – 44 648 сообщений и 279 863 комментариев пользователей, оставленными под этими сообщениями. Анализ динамики формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде осуществлялся с помощью контент-анализа с категоризацией пользователей по этнографическим, эмоциональным и дискурсивным критериям.

Таблица 3. Результаты анализа тональности сообщений и комментариев молодежи в социальной сети

Аффек-тивное состояние	Удельный вес аффек-тивного состояния (28.02.2022–06.03.2022), %	Удельный вес аффек-тивного состояния (21.03.2022–27.03.2022), %	Ключевые лексемы	Социальная функция
Страх	65	35	Страшно, не могу поверить, ужас	Формирование общего аф-фективного фона, побужде-ние к поиску информации
Гнев	20	45	Стыдно, врут	Мобилизующая социальная функция
Надежда	15	20	Соппротивление, мы – сила, всё будет хорошо	Укрепление позитивной групповой идентичности, формирование образа же-лаемого будущего

Источник: разработано автором.

Было выделено четыре этапа формирования группо-вой идентичности при цифровой мобилизации в услови-ях общественного кризиса:

1) инициирование коллективного шока и эмоцио-нальный резонанс (временной период: февраль-апрель 2022 года).

Начало общественного кризиса характеризовалось информационным вакуумом и противоречивостью офи-циальных сообщений в средствах массовой информа-ции, социальных сетях, что сформировало потребность в осмыслении молодежью происходящих событий.

Основополагающую роль на первом этапе форми-рования групповой идентичности сыграли неформальные лидеры мнений (блогеры, эксперты, журналисты), пред-ложив собственное видение понимания происходящих событий. Анализ тональности сообщений и коммента-риев (таблица 3) позволил выявить доминирование трёх аффективных состояний (страх, гнев и надежда).

Эмоциональный резонанс среди молодежи явился первичным аспектом формирования групповой иден-тичности на основе общего переживания начала обще-ственного кризиса.

2) проведение смысловых границ социальной группы молодежи (временной период: май 2022 года – февраль 2023 года).

По мере стабилизации информационного потока про-изошло проведение смысловых границ социальной груп-пы. Для второго этапа формирования групповой иден-тичности характерен переход от общего аффективного состояния к выработке специфики конкретной социаль-ной группы.

В данном случае групповая идентичность молодежи стала иметь чёткие дискурсивные контуры. Специфиче-ский язык и мемы в социальных сетях выступили эффек-тивным инструментом проведения смысловых границ, уменьшая когнитивные издержки на распознавание еди-номышленников и укрепляя внутреннюю сплоченность.

3) рутинизация практик в онлайн-среде, институцио-нализация социальной солидарности (временной пери-од: март 2023 года – декабрь 2023 года).

На третьем этапе формирования групповой иденти-чности молодежи происходило её укрепление через рути-низацию практик в онлайн-среде и создание внутренней статусной системы:

- утренний или вечерний просмотр новостей опреде-ленных каналов в социальных сетях, совместное об-суждение новых выпусков оппозиционных каналов в чатах мессенджеров;

- использование специфических реакций в ответ на определенную новость, активное участие пользователей в опросах как форма коллективного волеизъявления;
- применение хештегов как инструмент поиска информационных данных, создания социальной солидарности (таблица 4).

Таблица 4. Систематизация функций рутинных практик молодежи в онлайн-среде

Тип рутинной практики молодежи	Проявление	Функция в социальной группе
Информационно-аналитическая	Совместный просмотр и обсуждение трансляций в социальных сетях	Совместное производство смысловых границ, поддержание общего информационного поля
Коммуникативно-поддерживающая	Организация флешмобов с поздравлениями	Поддержание эмоционального тонуса группы, демонстрация социальной солидарности и заботы
Символическая	Массовое установление аналогичных аватарок на аккаунтах	Визуальная демонстрация принадлежности, формирование эффекта массовости даже при пассивном участии

Источник: разработано автором.

Молодые люди перешли от реакции на события к воспроизводству самих себя в цифровой среде. Следовательно, сообщество молодежи перешло в режим самовоспроизводства контента. Групповая идентичность стала проактивной переменной посредством системы рутинных практик, что подтверждает её достаточно высокую устойчивость после пика общественного кризиса.

4) построение и использование архитектуры идентификации на цифровых платформах (временной период: январь 2024 года – настоящее время).

Функциональная составляющая цифровых платформ, в первую очередь, мессенджера Telegram, является активным агентом, обуславливающим возможность и форму идентификации молодежи в онлайн-среде:

- гибридная модель (использование каналов в социальных сетях и ведение чата) сформировала инфраструктуру для второго и третьего этапа формирования групповой идентичности молодежи. Канал в социальных сетях обеспечивает единство нарративов, а ведение чата позволяет создать пространство для рутинизации практик и создания основы «мы – чувства»;
- реакции пользователей (проставление лайков, дизлайков) стали инструментом мгновенного голосования и выражения коллективного эмоционального состояния, укрепляя социальную солидарность через набор достаточно простых действий;
- алгоритмы, продвигающие контент в социальной сети, усиливали циркуляцию наиболее резонансных мемов и новостей внутри канала.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование динамики формирования групповой идентичности молодежи подтвердило четырёхфазный процесс. Общественный кризис стал предпосылкой групповой идентичности, а архитектура цифровых платформ предоставила инфраструктуру, которая стала основой динамики социального процесса, в частности, перехода от эмоционального резонанса к социальной солидарности.

Интерпретация результатов исследования с выделением специфики групповой идентичности молодежи при цифровой мобилизации

Результаты эмпирического анализа специфики групповой идентичности молодежи при цифровой мобилизации позволяют указать отличия ценностно-идентификационной мобилизации молодежи от инструментально-идеологической модели.

Для ценностно-идентификационной мобилизации характерно то, что групповая идентичность молодежи формируется, исходя из базовых ценностей (правды, свободы, справедливости), общего эмоционального опыта. Такая модель цифровой мобилизации молодежи обладает:

- гибкостью, поскольку цели мобилизации могут адаптироваться под новые вызовы социального пространства для поддержания ценностей молодежного сообщества;
- социальной солидарностью;
- децентрализованностью, потому что единый центр принятия решений отсутствует.

Традиционные социальные движения, обусловленные инструментально-идеологической моделью мобилизации молодежи, отражают чёткую структуру и вертикаль подчинения акторов, а социальная солидарность в данном случае направлена на достижение определенной цели.

Групповая идентичность в молодежной цифровой среде формируется и воспринимается её участниками как персональный проект в соответствии с концепцией З. Баумана, что проявляется в следующих аспектах:

- цифровая социальная солидарность носит ситуативный характер, один и тот же индивид может входить в несколько социальных сообществ, активируя различные аспекты собственной идентичности в зависимости от контекста;
- влияние на молодежь в сетевой структуре определяется авторитетом, который сформирован через активное и признанное сообществом участие (количество и качество комментариев, признанных другими участниками), что демократизирует динамику формирования групповой идентичности, позволяя любому пользователю увеличить собственный статус внутри социальной группы;
- ключевой основой социальной солидарности является аффективное состояние (чувство гнева, надежды, стыда). Рутинизация практик, в свою очередь, выступает инструментом эмоциональной синхронизации молодежного сообщества, что объясняет предпосылки сохранения молодежного сообщества даже при отсутствии чётких коммуникационных стратегий.

Значимым вопросом выступает устойчивость сформированной в цифровой среде групповой идентичности после пика общественного кризиса. Эмпирическое исследование показало существование разнонаправленных социальных процессов – институционализации и рассеивания. Цифровая мобилизация в условиях общественного кризиса может явиться точкой, способствующей превращению социальной солидарности в посто-

янный компонент групповой идентичности молодежи, что проявляется в следующих аспектах:

- профессионализации морального активизма (профессионального формирования контента в определенной социальной группе, профессионального становления личности в роли журналиста);
- миграции групповой идентичности из цифровой среды в офлайн-пространство, планомерно становясь основой реальных социальных практик и связей;
- сохранении молодежного сообщества даже при переклещении на более узкую тему социального пространства.

Рассеивание молодежного сообщества предполагает, что групповая идентичность носит ситуативный характер. По мере нормализации социального пространства связь молодежи с сообществами в социальных сетях и мессенджерах ослабевает, что способствует уходу молодежи к личным интересам, массовому формированию узкотематических социальных групп молодежи в онлайн-среде [14], [15].

Соответственно, устойчивость групповой идентичности молодежи в цифровой среде оказывается прямо пропорциональной степени вовлеченности индивида в рутинизированные практики социального сообщества. Общественный кризис создает новые социальные группы, а также активизирует и усиливает латентные ценностные структуры, предоставляя им инфраструктуру и социальный контекст для оформления смыслов и мыслей в персональный проект, чье дальнейшее развитие зависит от усилий самого индивида и аудитории группы по его поддержанию.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

1. Было выделено, что цифровая мобилизация молодежи в условиях общественного кризиса представляет собой социально значимый процесс построения групповой идентичности через призму ценностно-ориентированных и сетевых движений, обусловлен специфическими характеристиками молодежного сознания (поиском аутентичности, моральным активизмом и импульсом, формированием общего опыта поколений для социальной солидарности).

В контексте данного исследования необходимо раскрыть социальные механизмы и стадии перехода к созданию устойчивой групповой идентичности молодежи в процессе цифровой мобилизации. При этом цифровая среда рассматривается в качестве активного элемента социального процесса, чья архитектурная специфика (пользовательские интерфейсы в социальных сетях, мессенджерах, на цифровых платформах) обуславливает траекторию и формат социальной солидарности.

2. Цель эмпирического исследования динамики формирования групповой идентичности молодежи в онлайн-среде заключается в выделении этапов формирования групповой идентичности при цифровой мобилизации в условиях общественного кризиса. Проведенное эмпирическое исследование динамики формирования групповой идентичности молодежи подтвердило четырехфазный процесс. Общественный кризис стал предпосылкой групповой идентичности, а архитектура цифровых платформ предоставила инфраструктуру, которая стала основой динамики социального процесса, в частности, перехода от эмоционального резонанса к социальной солидарности.

Эмоциональный резонанс среди молодежи явился первичным аспектом формирования групповой иден-

тичности на основе общего переживания начала общественного кризиса. По мере стабилизации информационного потока произошло проведение смысловых границ социальной группы. Для второго этапа формирования групповой идентичности характерен переход от общего аффективного состояния к выработке специфики конкретной социальной группы. Сообщество молодежи перешло в режим самовоспроизводства контента. Групповая идентичность стала проактивной переменной посредством соблюдения системы рутинных практик, что подтверждает её достаточно высокую устойчивость после пика общественного кризиса. Гибридная модель, применяемая в настоящее время (использование каналов в социальных сетях и ведение чата), сформировала инфраструктуру для второго и третьего этапа формирования групповой идентичности молодежи. Канал в социальных сетях обеспечивает единство нарративов, а ведение чата позволяет создать пространство для рутинизации практик и создания основы «мы – чувства». Реакции пользователей (проставление лайков, дизлайков) стали инструментом мгновенного голосования и выражения коллективного эмоционального состояния, укрепляя социальную солидарность через набор достаточно простых действий.

3. Устойчивость групповой идентичности молодежи в цифровой среде оказывается прямо пропорциональной степени вовлеченности индивида в рутинизированные практики социального сообщества. Общественный кризис создает новые социальные группы, а также активизирует и усиливает латентные ценностные структуры, предоставляя им инфраструктуру и социальный контекст для оформления смыслов и мыслей в персональный проект, чье дальнейшее развитие зависит от усилий самого индивида и аудитории группы по его поддержанию.

Литература

1. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Государственно-частное партнёрство как ключевой современный механизм государственного управления в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 139–144.
2. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Особенности использования GR-технологий бизнес-сообществами в российском государственном управлении // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 157–162.
3. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 24–30.
4. Куровский С. В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 31–37.
5. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 35–44.
6. Петросян Д.С. Формирование социально-групповых общностей в цифровой среде // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1. – С. 57–73.
7. Гришин Н.В. Формирование государственно-гражданской идентичности в онлайн-пространстве: обзор современной научной литературы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2024. – Т. 20. – № 4. – С. 721–734.
8. Шишов С. Е., Кальней В.А. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический кон-

текст и современные вызовы // Гуманизация образования. – 2025. – № 1. – С. 103–128.

9. Лазарева И.Ю. Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети Интернет // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26. – № 4 (87). – С. 416–422.
10. Абдигалбарова У. М., Сыздыбаева А.Д., Байкулова А.М. Дискурсивный анализ теорий сетевой коммуникативной культуры и цифрового этикета // Вестник НАН РК. – 2023. – Т. 406. – № 6. – С. 7–17.
11. Овруцкий А. В., Овруцкая Г.К. Формально-содержательные характеристики социальной рекламы по формированию настороженного поведения в интернет-коммуникации // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3. – № 4. – С. 382–394.
12. Бродовская Е. В., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. Управление цифровыми коммуникациями с целевыми группами в деятельности ведущих российских университетов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 10. – С. 9–24.
13. Нятина Н. В., Григорик Н.Н., Молчанов А.А. Цифровизация социально-политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2. – № 3. – С. 167–174.
14. Ляпин И.Л. Использование социальных сервисов для подготовки и реализации значимых проектов // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78–4. – С. 74–77.
15. Дунас Д. В., Гуреева А.Н., Киреева П.А. Формируя теоретическую рамку «культуры отмены»: концептуальные истоки и актуальные интерпретации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2023. – Т. 22. – № 6. – С. 70–81.

DIGITAL MOBILIZATION IN TIMES OF CRISIS AS A SOCIAL PROCESS: THE DYNAMICS OF THE FORMATION OF GROUP IDENTITY OF YOUNG PEOPLE IN THE ONLINE ENVIRONMENT

Salakhutdinov V.R.

Plekhanov Russian University of Economics

The relevance of this study stems from the fact that modern social crises (geopolitical tensions, infectious pandemics, large-scale socioeconomic upheavals) are significant catalysts for social processes. For young people, social crises disrupt traditional life patterns, and latent value conflicts arise, prompting the search for new foundations for social belonging. The problem with this study is that existing theoretical models of youth social identity formation often view digital mobilization as an instrumental phenomenon, mobilizing resources and networks, or as a consequence of pre-existing ideological preferences. However, the processual aspect affecting the formation of a cohesive group with a clear collective identity remains understudied. The aim of this study is to identify the stages of group identity formation during the digital mobilization of young people. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, empirical analysis, systems approach, graphical and tabular data visualization, abstract-logical method. Main results of the scientific study: the theoretical aspects of the analysis of the digital mobilization of youth in the context of a social crisis are reflected; an empirical study of the

dynamics of the formation of group identity of young people in the online environment is conducted; an interpretation of the research results is presented, highlighting the specifics of group identity of young people during digital mobilization. The practical significance of the study lies in the fact that the obtained results can be used by the public sector, non-profit organizations, and the expert community to develop a strategy for shaping group identity of young people in the online environment during social crises.

Keywords: digital mobilization; social crises; social processes; group identity; formation of social identity of youth; online environment; procedural aspect.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Public-private partnership as a key modern mechanism of public administration in modern Russia // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 5. – P. 139–144.
2. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Features of the use of GR-technologies by business communities in Russian public administration // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 5. – P. 157–162.
3. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions // Law and power. – 2025. – No. 5. – P. 24–30.
4. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Digital technologies in the public administration system as a reform tool // Law and Power. – 2025. – No. 5. – P. 31–37.
5. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authority // Legal Science and Practice. – 2024. – Vol. 20. – No. 3. – P. 35–44.
6. Petrosyan D.S. Formation of social-group communities in the digital environment // Humanitarian of the South of Russia. – 2025. – Vol. 14. – No. 1. – Pp. 57–73.
7. Grishin N.V. Formation of state-civil identity in the online space: a review of modern scientific literature // Political examination: POLITEX. – 2024. – Vol. 20. – No. 4. – Pp. 721–734.
8. Shishov S. E., Kalney V.A. Digital culture and its influence on personal development: historical context and modern challenges // Humanization of education. – 2025. – No. 1. – Pp. 103–128.
9. Lazareva I. Yu. Prevention of destructive information and psychological impact on young people on the Internet // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2021. – Vol. 26. – No. 4 (87). – P. 416–422.
10. Abdigapbarova U. M., Syzdykbaeva A.D., Baikulova A.M. Discursive analysis of theories of network communicative culture and digital etiquette // Bulletin of the NAS RK. – 2023. – Vol. 406. – No. 6. – P. 7–17.
11. Ovrutsky A. V., Ovrutskaya G.K. Formal and substantive characteristics of social advertising for the formation of wary behavior in Internet communication // Virtual communication and social networks. – 2024. – Vol. 3. – No. 4. – P. 382–394.
12. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Lukushin V.A. Managing digital communications with target groups in the activities of leading Russian universities // Higher education in Russia. – 2022. – Vol. 31. – No. 10. – P. 9–24.
13. Nyatina N. V., Grigorik N.N., Molchanov A.A. Digitalization of socio-political interaction: mobilization of real and virtual communication // Virtual communication and social networks. – 2023. – Vol. 2. – No. 3. – P. 167–174.
14. Lyapin I.L. Using social services for the preparation and implementation of significant projects // Problems of modern pedagogical education. – 2023. – No. 78–4. – P. 74–77.
15. Dunas D. V., Gureeva A.N., Kireeva P.A. Forming a Theoretical Framework for "Cancel Culture": Conceptual Origins and Current Interpretations // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology. – 2023. – Vol. 22. – No. 6. – P. 70–81.

Концепция школы как обучающей организации

Симонова Маргарита Михайловна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

Камнева Елена Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

В статье раскрываются взаимные связи между структурными механизмами обучения, организационной культурой и образовательным видением, которые характеризуют школу как обучающую организацию

Ключевые слова: школа, обучение, обучающаяся организация, педагог.

Сложная и конкурентная реальность вынуждает различные организации, в том числе и школы, становиться обучающимися организациями и повышать качество образовательного процесса и предоставляемых в их рамках услуг.

Обучающаяся организация – это организация, члены которой постоянно совершенствуют свои способности для достижения результатов, которых они действительно хотят; Организация, которая развивает новое мышление, расширяющее мышление, где люди постоянно учатся и учатся вместе.

Распространенная ошибка предполагает, что школа обязательно является обучающейся организацией. Однако для того, чтобы школу можно было считать «обучающейся организацией», она должна стать организацией, в которой «учатся все», а обучение не является прерогативой только учеников, а является центральным компонентом профессионального развития самих учителей и директоров. Если школы должны быть преобразованы в обучающиеся организации, то они должны изменить свое представление о профессиональном росте: не только с точки зрения внешнего обучения, но и с точки зрения обучения на рабочем месте и повышения качества командной работы.

За последние два десятилетия появилось обширное количество литературы, посвященной концепции школы как организации. Концепция школы как организации представляет собой систему взглядов и принципов, лежащих в основе образовательного процесса в школе. Исследовательская литература в этой области в основном касается проблемы, возникающей в связи с тем, что школа является организацией со слабыми связями, отсутствием коммуникации между различными частями организации и ее индивидами, отсутствием системного подхода, профессиональной изоляцией учителя как личности, а также несовместимостью между целями школы и средствами их достижения. Большая часть усилий по поиску путей совершенствования школы как организации направлена на педагогическое руководство директора, участие коллектива в принятии решений и коммуникацию между членами коллектива [1; 2; 3; 4; 7; 9; 10]. Насколько известно, практически нет упоминаний о восприятии школы как обучающейся организации.

В то время, когда знания умножаются за короткие промежутки времени, выпускники системы образования должны и будут обязаны демонстрировать значительную степень самостоятельности, способность адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, работать в среде, в которой есть обильные источники информации и знаний, в которой преобладает культура постоянного обучения, мышления и осознанного выбора [24]. Традиционная школа, которая концентрируется на передаче знаний, не сможет воспитать эти качества, если у нее не будет культуры исследования и спроса, культуры постоянного и непрерывного обучения, в которой принимают участие все члены команды на всех уровнях [16].

С одной стороны, система образования, стремясь реализовать эти ожидания, как никогда ранее характеризуется новыми проектами, инновациями и реформами. С другой стороны, по своей сути эта система консервативна: то, как готовятся учителя и организуются школы, как функционирует образовательная иерархия, и то, как

лица, принимающие решения на политическом уровне, относятся к системе образования, отражаются в системе, которая в большей степени отражает сохранение статус-кво [15]. Но инвестиции в образование, обучение и воспитание системы ценностей не имеют большого значения, если организация не создает культуру обучения, которая является неотъемлемой частью ее поведения, в которой постоянно происходит процесс совершенствования, выражающийся в организационном обучении через экзамены, самонаблюдение и т.д.

Исследования показывают, что традиционное развитие команды неэффективно [21]. Программы развития персонала, в которых учителя используют готовые программы, включающие в себя «пакетные знания», неэффективны и нуждаются в изменении. Исследования показывают, что культура обучения не является частью поведения школ, что учителя почти не участвуют в процессах принятия решений, что взаимное обучение среди школьных сотрудников минимально и что существует мало механизмов оценки, необходимых для мониторинга и контроля, получения обратной связи и извлечения уроков для улучшения. Одним из возможных направлений изменений, предложенных в профессиональной литературе, является превращение школы в обучающуюся организацию [18]. На данный момент превращение школы в обучающуюся организацию связано с процессом цифровой трансформации образования. Его цель перейти от «обучения всех» к «обучению каждого» [8].

Учителя должны принимать участие в разработке общих целей, быть вовлеченными в увлекательное обучение, разрабатывать новые идеи и использовать их с участием учащихся. Они должны принимать участие в систематическом анализе и изучении аспектов, влияющих на работу в школе [26], опираться на опыт и предоставлять возможности для создания новых знаний. Эти виды деятельности связывают личное профессиональное обучение с обучением по принципу «взаимный узел» с обучением в общественном сообществе. Таким образом, происходит непрерывный процесс совершенствования, и ценность обучения заложена в организации.

Различные компоненты организационных процессов и механизмов обучения существуют на разных уровнях в разных школах. Однако, насколько известно, существует мало систематических исследований, посвященных организационному обучению в школах. Организационное обучение предлагает многообещающую модель для улучшения и изменения образования, потому что оно включает в себя элементы изменения восприятия, изменения в управлении и системных структурных изменений наряду с приверженностью развитию личности, которая является «продуктом» образовательной системы. Из всего вышесказанного складывается впечатление, что одним из направлений, обеспечивающих повышение эффективности школы как образовательной организации, является ее трансформация в обучающуюся организацию. Организация, которая включает в себя формальные организационные механизмы и механизмы обучения, которые позволяют ее членам создавать новые знания и ассимилировать их в повседневную учебную деятельность.

Способность организации к обучению имеет решающее значение. Обучение имеет важное значение и занимает центральное место в развитии и выживании любой организации. Независимо от того, является ли организация коммерческой или государственной, такой как школа или больница, все организации конкурируют за ограниченные ресурсы и имеют дело с быстрыми и сложными изменениями, пытаясь при этом улучшить качество

своих услуг. Без осмысленного обучения никакие попытки улучшения не увенчаются успехом [11].

Обзор профессиональной литературы в области организационного обучения выявляет продолжающиеся дебаты относительно единицы организационного обучения [22]. Некоторые утверждают, что, хотя нервная система человека позволяет им учиться в значительной степени, включая когнитивные способности, такие как: концептуализация, интерпретация, процесс слияния, рефлексивность, шифрование, хранение, извлечение и многое другое, не является самоочевидным, что организации обладают теми или иными когнитивными способностями, которые необходимы для обучения. Тем не менее, большинство авторов, писавших об организационном обучении, согласны с тем, что учатся как отдельные люди, так и организации [12].

Согласно модели Колба [17], осмысленное обучение происходит через конкретное эмпирическое обучение в циклическом процессе, состоящем из четырех стадий, в котором индивид: переживает свою ситуацию через конкретный опыт; наблюдает и отражает для себя переживание (рефлексию); обобщает на рефлексивной основе; изучает и анализирует идеи в новых ситуациях, которые ведут к дальнейшему накоплению конкретного опыта.

Эти когнитивные процессы являются достоверными, поскольку нервная система человека позволяет им обучаться в значительной степени, которая включает в себя эти процессы. Ссылаясь на модель Колба, Джонсон [5] разработал цикл коллективного обучения, который включает в себя: создание организационной информации о внутренней и внешней производительности, слияние этой информации с организационным контекстом посредством встреч и обучения, коллективную попытку интерпретировать информацию путем улучшения взаимодействия и поощрение отдельных лиц и групп к действию на основе общего понимания проблемы, которую необходимо решить.

Аргирис и Шон [12] добавляют, что организационные теории функционирования набор норм, стратегий и предположений, которые управляют деятельностью организации и поддерживают рутину даже при изменении состава преподавателей и в разные периоды позволяют трансформировать обучение отдельных людей в организации в организационное обучение. Согласно им, организационное обучение происходит, когда открытия, инновации и новые знания индивидуумов – членов команды – интегрируются в «теорию в действии» организации [11].

Альтернативная стратегия приписывает организационное обучение опыту и деятельности членов организации через организационные механизмы обучения, с помощью которых отдельные члены организации обнаруживают ошибки, исправляют их и создают «теорию в действии» и помогают организации формировать свою деятельность, повышать производительность и достигать поставленных целей [25].

Эти процессы можно назвать «механизмами организационного обучения» [23]. Идея «организационных механизмов обучения» отвечает потребности в разработке концепций, которые могут быть использованы для описания того, как группы индивидов работают вместе как организация, т.е. выполняют действия, которые означают обучение. Организационные механизмы обучения позволяют организации учиться, поскольку они приглашают, позволяют и помогают обучению отдельных лиц, являющихся членами организации, распространять то, что они узнали, во всех соответствующих частях организации. Следовательно, идея «механизмов организацион-

ного обучения» аналогична нервной системе человека, и поэтому она решает проблему гуманизации.

Концепция «механизмов организационного обучения» вытекает из идеи организации. Коллектив становится организацией, когда он разрабатывает процедуры, рамки и структуры, правила голосования и системы управления, которые позволяют ему действовать как единое целое. Организации становятся обучающимися, когда они принимают структуры и стратегии, поощряющие обучение [14; 23].

Обучение индивидуумов в организации становится «организационным обучением» при соблюдении четырех условий: информация, накопленная индивидуумами в организации, имеется и доступна всем членам организации; обучение актуально для всех членов организации, где бы они ни находились; члены организации осознают и понимают, что для улучшения работы организации они должны постоянно и непрерывно учиться; все члены организации являются партнерами в достижении и совершенствовании целей обучения [20].

Организационное обучение не может произойти без выделения времени и создания структур и механизмов, обеспечивающих существование процессов организационного обучения, встроенных в рутину организации. Эти структуры включают в себя: частые встречи для решения проблем, гибкое время для встреч, регулярные мероприятия для профессионального развития, период совместной подготовки, межведомственные командные встречи и многое другое [19].

Организационная культура обучения – это характеристика любой организации, которая отличает ее от других организаций. Несмотря на общие сходства, которые характеризуют многие организации, каждая организация имеет уникальный характер, который отличает ее от других.

Культура организационного обучения фокусируется на тех основных предположениях (убеждениях) и моделях поведения, которые участвуют в изучении разумности продуктивного организационного обучения в организациях, культуре обучения, которая позволяет членам организации принимать участие в процессе обучения, анализировать, обязывать, извлекать уроки и вносить изменения в соответствии с выводами

Организационная культура обучения, которая выражается в поведении членов организации на ежедневной основе, находится под влиянием и вытекает из образовательного видения, которое описывает будущую картину школы в ее лучшем виде, в свете которого работает персонал школы. Видение оказывает сильное влияние на школьную культуру и имеет важное значение для организации.

В отличие от организационной культуры, которая выражается в настоящем, видение определяется как будущая картина организации в ее лучшем виде [13], как набор четких, хорошо сформулированных идеальных целей, которые лидер хочет, чтобы организация достигла в будущем.

В школьной организации широко используется термин «общее образовательное видение». Эта концепция служит «образовательной платформой», которая интегрирует и унифицирует убеждения школьной администрации относительно целей, методов и предпочтительного организационного климата, который конструирует нормы поведения. Задача реализации демократического видения в любых изменениях в образовании должна быть одним из краеугольных камней тех, кто работает над созданием изменений в образовании. Видение школы подчеркивает наилучшие интересы учащихся и основывается на приверженности профессиональным стандар-

там качественной педагогической практики. Механизмы организационного обучения позволяют педагогическому персоналу в школе рассматривать повседневную реальность в сопоставлении со своим опытом и усилиями по реализации видения и сокращению разрыва между текущим – повседневным поведением учителей и учащихся, которое выражается в организационной культуре обучения, и желаемым – видением школы.

В учреждении, которое функционирует в свете образовательного видения, образовательные концепции на уровне учебного заведения ясны, определены и декларируются. Учителя осознают свою образовательную позицию, существует партнерство и согласие по определенным принципам, так что они действуют как система вокруг общей идеологической направляющей. Четкое видение и его реализация с помощью механизмов организационного обучения, которые включают в себя обучение на опыте, командную работу и создание обобщенных смыслов, способствуют высокому уровню организационного обучения в школе и успеху во внедрении изменений.

В заключение отметим, что обучающаяся организация – это организация, которая сознательно управляется через обучение. Обучение является важным и центральным компонентом ценностей, видения и целей организации. Полученные знания отражаются в повседневной деятельности организации и ее оценке. Обучающаяся организация создает структуры и механизмы, которые обеспечивают и стимулируют развитие и оценку средств массовой информации. Школы, которые функционируют как обучающиеся организации, – это школы, которые поддерживают системы и структуры, позволяющие сотрудникам на всех уровнях учиться непрерывному совместному обучению и внедрять новые знания в рабочую рутину организации. Этот процесс организационного обучения не развивается и не формируется спонтанно.

«Самыми успешными организациями 21-го века, утверждал Друкер будут обучающиеся организации, которые внедряют непрерывное обучение в работу своих сотрудников на всех уровнях» [6].

Литература

1. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
2. Асмолов А.Г., Семенов А.Л., Уваров А.Ю. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие. М.: НексПринт, 2010. 84 с.
3. Болотов, В.А., Рубцов, В.В., Фрумин, И.Д., Марголис, А.А., Каспржак, А.Г., Сафронова, М.А., Калашников, С.П. Информационно-аналитические материалы по итогам первого этапа проекта «Модернизация педагогического образования». Психологическая наука и образование, 2015. Том 20. № 5. С. 13–28.
4. Булгакова Н. Сценарии с маневром. Эксперты предлагают разные пути развития образования. Март, 2017. <http://novostinauki.ru/news/138479/>
5. Д. Джонсон, Р. Джонсон, Э. Джонсон-Холубек. Методы обучения. Обучение в сотрудничестве / Пер. с англ. З. С. Замчук. СПб.: Экономическая школа, 2001 г. 256 с.
6. Друкер П.Ф. Рынок: как выйти в лидеры: практика и принципы / Питер Ф. Друкер. – Москва: Бук Чембэр Интернэшнл, 1992.
7. Кларин М.В. Инновационные модели обучения: исследование мирового опыта. М.: Луч, 2016. С. 64.

8. Уваров А.Ю. Цифровая трансформация и сценарии развития общего образования / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 108 с.
9. Уваров А.Ю. На пути к цифровой трансформации школы. М.: Образование и Информатика, 2018. 120 с.
10. Фуллан М. Новое понимание реформ в образовании. М.: Просвещение, 2006
11. Argyris, C. (1997). On organizational learning and action. USA & UK: Blackwell Publishers. 464
12. Argyris, C., & Schon, D. (1978). Organizational learning: A theory in action perspective. Reading, MA: Addison-Wesley, 334.
13. Daft, R. L. (1999). Leadership theory and practice. Fort Worth, Tex: Dryden Press. 496.
14. Dodgson, M. (1993). Organizational learning: A review of some literature. Organization Studies, 14, 375–394.
15. Fullan, M. (1997). Change forces probing the depths of educational reform. New York: The Falmer Press.
16. Kim, H. D. (1993). The link between individual and organizational learning. Sloan Management Review, 35(1), 37–50.
17. Kolb, A. Y. & Kolb, D. A. (2013). Experiential Learning Theory Bibliography: Volumes 1–3. Experience Based Learning Systems, Inc. www.learningfromexperience.com
18. Kools M., Stoll L., George B., Steijn B., Bekkers V., Gouëdard P. The school as a learning organization: the concept and its measurement / J. Eur (ed.). 2020. № 55: P. 24–42.
19. Lam, Y. L. J. (2001). Toward reconceptualizing organizational learning: A multidimensional interpretation. The International Journal of Educational Management, 15(5), 212–219.
20. Lee M., Broadie R. Sustaining school organizational change. Published on October 14, 2019. <https://www.linkedin.com/pulse/sustaining-school-organisational-change-mal-lee/>.
21. Mullen, CA, & Lick, DW (1999). New direction in mentoring – creating a culture of synergy. London: Flamer Press.
22. Ortenblad, A. (2002). A typology of the idea of learning organization. Management Learning, 33(2), 213–230.
23. Popper, M. & Lopshitz, R. (2000b). Installing mechanisms and instilling values: The role of leaders in organizational learning. The Learning Organization, 7(3), 135–144.
24. Posner, D. (2002). Education for 21st century. Phi Delta Kappan, 84(4), 316–320.
25. Schon, D. a. (1983). The reflective practitioner. New York: Basic Book.p. 26.
26. Silins, HC, Mulford, WR, & Zarins, S. (2002). Organizational learning and school change. Educational Administration Quarterly, 38(5), 613–642.

CONCEPT OF SCHOOL AS A LEARNING ORGANIZATION

Simonova M.M., Kamneva E.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reveals the interrelations between the structural mechanisms of learning, organizational culture and educational vision that characterize the school as a learning organization.

Keywords: school, learning, learning organization, teacher.

References

1. Asmolov, A.G. "Optics of Education: Sociocultural Prospects." Moscow: Prosveshchenie, 2012.
2. Asmolov, A.G., Semenov, A.L., Uvarov, A.Yu. "Russian School and New Information Technologies: A Look into the Next Decade." Moscow: NexPrint, 2010. 84 p.
3. Bolotov, V.A., Rubtsov, V.V., Froumin, I.D., Margolis, A.A., Kasprzhak, A.G., Safronova, M.A., Kalashnikov, S.P. "Information and Analytical Materials Based on the Results of the First Stage of the Project "Modernization of Pedagogical Education." Psychological Science and Education, 2015. Vol. 20. № 5. pp. 13–28.
4. Bulgakova, N. "Scenarios with Maneuver." Experts propose different paths for the development of education. March, 2017. <http://novostinauki.ru/news/138479/>
5. D. Johnson, R. Johnson, E. Johnson-Holoubek. Teaching Methods. Cooperative Learning / Translated from English. 3. S. Zanchuk. St. Petersburg: Economic School, 2001. 256 p.
6. P. F. Drucker. The Market: How to Become a Leader: Practice and Principles / Peter F. Drucker. Moscow: Book Chamber International, 1992.
7. M. V. Klarin. Innovative Learning Models: A Study of Global Experience. Moscow: Luch, 2016. P. 64.
8. A. Yu. Uvarov. Digital Transformation and Scenarios for the Development of General Education / National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. Moscow: HSE, 2020. 108 p.
9. Uvarov, A. Yu. "Towards the Digital Transformation of Schools." Moscow: Education and Information Technology, 2018. 120 p.
10. Fullan, M. "A New Understanding of Educational Reforms." Moscow: Education, 2006.
11. Argyris, C. (1997). "On Organizational Learning and Action." USA & UK: Blackwell Publishers. 464.
12. Argyris, C., & Schon, D. (1978). "Organizational Learning: A Theory in Action Perspective." Reading, MA: Addison-Wesley, 334.
13. Daft, R. L. (1999). "Leadership Theory and Practice." Fort Worth, Tex: Dryden Press. 496.
14. Dodgson, M. (1993). "Organizational Learning: A Review of Some Literature." Organization Studies, 14, 375–394.
15. Fullan, M. (1997). Change forces probing the depths of educational reform. New York: The Falmer Press.
16. Kim, H. D. (1993). The link between individual and organizational learning. Sloan Management Review, 35(1), 37–50.
17. Kolb, A. Y. & Kolb, D. A. (2013). Experiential Learning Theory Bibliography: Volumes 1–3. Experience Based Learning Systems, Inc. www.learningfromexperience.com
18. Kools M., Stoll L., George B., Steijn B., Bekkers V., Gouëdard P. The school as a learning organization: the concept and its measurement / J. Eur (ed.). 2020. № 55. P. 24–42.
19. Lam, Y. L. J. (2001). Toward reconceptualizing organizational learning: A multidimensional interpretation. The International Journal of Educational Management, 15(5), 212–219.
20. Lee M., Broadie R. Sustaining school organizational change. Published on October 14, 2019. <https://www.linkedin.com/pulse/sustaining-school-organisational-change-mal-lee/>.
21. Mullen, C. A., & Lick, D. W. (1999). New direction in mentoring – creating a culture of synergy. London: Flamer Press.
22. Ortenblad, A. (2002). A typology of the idea of learning organization. Management Learning, 33(2), 213–230.
23. Popper, M. & Lopshitz, R. (2000b). Installing mechanisms and instilling values: The role of leaders in organizational learning. The Learning Organization, 7(3), 135–144.
24. Posner, D. (2002). Education for 21st century. Phi Delta Kappan, 84(4), 316–320.
25. Schon, D. a. (1983). The reflective practitioner. New York: Basic Book.p. 26.
26. Silins, H. C., Mulford, W. R., & Zarins, S. (2002). Organizational learning and school change. Educational Administration Quarterly, 38(5), 613–642.

Моральные паники по поводу искусственного интеллекта как фактор формирования общественного запроса на государственное регулирование: социологический анализ

Тельнов Олег Евгеньевич,

аспирант кафедры социологии и социальной работы
по направлению 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
E-mail: telnov-sarov@ya.ru

Статья посвящена анализу влияния феномена моральной паники, связанной с развитием искусственного интеллекта (ИИ) на усиление государственного контроля над данной технологической сферой. Исследование сфокусировано на процессе трансформации коллективных страхов, усиленных средствами массовой коммуникации (СМИ), в значимый импульс, принуждающий органы власти к принятию ответных мер. Теоретическими основаниями для исследования стали теория моральной паники С. Козна, Э. Гуда и Н. Бен-Йегуды и концепция общества риска У. Бека: опираясь на них, данный феномен рассмотрен в качестве социального конструкта, возникшего на стыке интересов специфических групп («моральных предпринимателей»), технологической неопределенности и медийного дискурса. Эмпирическими материалами послужили материалы СМИ, затрагивающие опасения касательно ИИ, а также законы, изданные как ответ на внедрение ИИ. Методологической основой используется исторический, системный и функциональный анализ, а также метод case-study, позволивших проследить эволюцию правовых норм, и их соотнесение с принятием решений, вызванных общественным беспокойством. Проведенный анализ конкретных кейсов (предвзятость алгоритмов, инциденты с чат-ботами, реакция на дипфейки) и инициатив в области регулирования (AI Act в ЕС) показывает механизм конструирования коллективными страхами и медиа-скандалами проблемы ИИ как моральной угрозы, придавая легитимности вмешательству государства. Делается вывод, что процесс государственного регулирования ИИ является как ответом на технологические риски, так и сформированным под влиянием моральной паники социальным конструктом.

Ключевые слова: моральная паника, искусственный интеллект, государственное регулирование, социология риска, этика технологий.

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта, ставшее стремительным в последнее десятилетие, приобрело роль катализатора не только технологической, но и социальной трансформации. Оптимистические прогнозы сопровождаются и общественной тревожностью, формирующая запрос на жесткое государственное регулирование новой сферы. Целью данной статьи является анализ запроса на жесткое государственное регулирование сферы ИИ через призму концепции «моральной паники», рассматривая ее как ключевой фактор формирования правового ландшафта вокруг ИИ. Актуальность темы обусловлена пониманием силы влияния социальных механизмов, стоящих за регуляторными инициативами и являющимися ключевыми для прогнозирования их эффективности и возможных последствий.

Теоретической основой данного исследования выступила концепция «моральной паники», разработанная С. Козном. Согласно данной концепции, моральная паника возникает как реакция на определенное условие, лицо или группу лиц, определяемых как угроза общественным ценностям и интересам [7, с. 8]. СМИ, эксперты, «моральные предприниматели» и группы интересов наиболее задействованы в социальном конструировании моральной паники, при котором происходит излишняя драматизация риска, упрощение его причин и акцентируют внимание на «народных дьяволах» [7, с. 18–19].

Э. Гуд и Н. Бен-Йегуда, внесшие значительный вклад в развитие концепции моральной паники, систематизировали признаки этого социального явления, выявив универсальные структурные характеристики. Было выделено пять ключевых критериев по идентификации моральных паник:

1. Обеспокоенность (распространенное чувство общественного беспокойства относительно предполагаемой угрозы);
2. Враждебность (конструирование и четкое выделение «народного дьявола» – лицу или группе лиц, присвоенной виной за создание угрозы, с последующим увеличением уровня враждебности по отношению к ней).
3. Консенсус (коллективное согласие среди значительной части общества относительно реальности и серьезности угрозы несмотря на то, что такое беспокойство не подтверждается объективными данными);
4. Непропорциональность (преувеличенная оценка масштабов и серьезности угрозы, выражающаяся в несоответствии между реальным и воспринимаемым риском).
5. Изменчивость (свойство моральной паники, характеризующееся быстрым появлением, быстрым исчезновением, способностью трансформироваться в новую моральную панику) [12, р. 37–41].

Помимо этого, Э. Гудом и Н. Бен-Йегудой была разработана типология моделей возникновения моральных паник со своими ключевыми акторами:

1. Модель «сверху вниз»: модель, в которой паника инициируется элитами для отвлечения внимания от более серьезных социально-экономических проблем и консолидации собственной власти;
2. Модель «снизу вверх»: в рамках этой модели паника зарождается спонтанно среди широких слоев населения на основе преувеличенных страхов и тревог.
3. Модель «моральных предпринимателей»: модель описывает целенаправленно разжигаемую группами интересов (активистами, организациями, лобби-стами) панику для продвижения собственной программы с целью получения доступа к влиянию и ресурсам [12, р. 106–107].

Данная типология позволяет избежать редукционистского взгляда на моральную панику как инструмент манипуляций, применяемый элитами, или как на исключительно стихийную народную реакцию. В случае с ИИ мы наблюдаем сложное взаимодействие этих трех моделей: страхи по поводу потери работы или приватности, созданные широкими общественными массами («снизу»), усиливаются «моральными предпринимателями» (экспертами, политиками-популистами) и имеют возможность быть примененными элитами для продвижения регуляторных режимов, выгодных для определенных экономических или политических групп.

В контексте технологий ИИ данная концепция моральной паники эффективно дополняется теорией «общества риска» У. Бека, утверждающей, что производство благ в современном обществе зачастую идет параллельно с производством системных, невидимых рисков, регулирование которых становится центральной политической задачей [3]. ИИ, как технология с непрозрачными механизмами принятия решений, неизвестными большинству, вписывается в логику общества риска, порождая (зачастую, мифологизированные) страхи перед непредсказуемыми последствиями и злонамеренным использованием.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет исторический, системный и функциональный анализ, анализ case-study; анализ проводился путем выявления в материалах СМИ и официальных документах элементов, характерных для моральной паники (гиперболизация риска, конструирования образов «народных дьяволов», требования общества к государству по регулированию обстановки, защита уязвимых слоев населения (например, дети)).

В качестве кейсов для анализа были взяты инциденты и регуляторные меры, подходящие под следующие категории:

1. Кейс принятия Европейского Акта об ИИ.
2. Кейс принятия законов об ИИ в Италии.
3. Кейс предвзятости алгоритмов.
4. Кейс «психоза» и манипулятивного поведения ИИ.

В результате анализа выявлено несколько ключевых катализаторов моральной паники, повлиявших на регуляторные процессы.

Результаты исследования

Одним из наиболее ярких катализаторов зарождающейся моральной паники стало высказывание в отношении ИИ-законов в 2017 г., сделанное И. Маском, содержащее призыв к регулированию развития ИИ, считая возможными риски бесконтрольного развития этой технологии.

По данным Стэнфордского университета, за период с 2016 по 2023 г. количество принятых законов, регулирующих ИИ, выросло с одного в 2016 г. до 37 законодательных актов, принятых в 2022 году [1]. Одним из наиболее ярких примеров стал Европейский Акт об ИИ (AI Act), принятый в июне 2023 года, представляющий из себя комплексный закон о ИИ с классификацией систем ИИ по уровню риска:

1. **Системы неприемлемого риска** – угрожающие безопасности и фундаментальным правам человека (например, интерактивные игрушки с голосовым помощником, подстрекающие детей к опасным действиям). Данные системы предлагается запретить на территории ЕС.
2. Системы **высокого риска** – различные алгоритмы (биометрической идентификации, программы для проверки и оценки резюме кандидатов), подлежащие обязательной сертификации и надзору, имеющими возможность быть внедренными на рынок только после одобрения регулирующих органов.
3. Системы **минимального риска** – остальные системы, использование которых разрешено при обеспечении прозрачности.

Акт предусматривает достаточно жесткую работу с нарушениями его положений (так, нарушение статьи 5 настоящего Акта влекут за собой административные штрафы в размере до 35 млн евро (либо до 7% от общего годового оборота предприятия), а за неполную отчетность, недостоверную информацию, и скрытие данных от органов регулирования может быть назначен штраф до 7,5 млн евро (либо 1% оборота)) [16].

Одной из первых отдельных европейских стран, применивших жесткие меры относительно ИИ, стала Италия. Формальным поводом к регулированию ИИ (в том числе запрету ChatGPT) стала защита от утечки конфиденциальных данных пользователей, а распространение технологии дипфейков стало дополнительным источником опасений, связанных с фундаментальными категориями идентичности и доверия. Случаи, в которых deepfake фигурировал как инструмент мошенников по изъятию данных или из соображений клеветы, при помощи широкого распространения в СМИ создали нарратив о неуловимой и крайне опасной форме преступности. Кроме того, ограничения налагаются и на обычных пользователей: так, детям младше 14 лет для доступа ИИ потребуются согласие родителей [13], что говорит о направленности закона в сторону защиты уязвимой части населения.

Заместитель министра по цифровой трансформации А. Бутти заявил, что закон «возвращает инновации в периметр общественных интересов, направляя ИИ к росту, правам и полной защите граждан», а декларируемой целью введения законопроекта стало использование ИИ, которое будет ориентировано на человека, безопасно и прозрачно. Дж. Мелони назвала эту технологию революцией нашего времени, но подчеркнула, что ее развитие должно происходить в рамках этических предписаний [13]. Ответом на социальное беспокойство стало не просто ужесточение наказаний, а их символическое закрепление: введение уголовной ответственности в Италии за неправомерное использование ИИ (вплоть до тюремного заключения) [13] выполняет не только правовую, но и социально-успокоительную функцию, демонстрируя обществу, что контроль установлен, а «моральный порядок» восстановлен.

В то же время, конкретные акторы сыграли ключевую роль в переводе диффузных страхов в политические требования, чьи действия можно трактовать как действия «моральных предпринимателей» по Э. Гуду

и Н. Бен-Йегуде, в числе которых – национальные политики (например, Дж. Мелони в Италии), чьи инициативы могут быть рассмотрены в рамках модели «сверху вниз» для укрепления политического капитала.

Дискриминационные алгоритмы, вызвавшие ряд скандалов и опасений (например, система найма Amazon, дискриминировавшая женщин и отдававшая приоритет в пользу мужчин [17]) перешли в плоскость социальной несправедливости, «народными дьяволами» выступили технологические корпорации, обвиняемые в усилении и воспроизведении стереотипов и предрассудков. Отчасти, этот ряд случаев лег в основу регуляторного подхода, предложенного ЕС, запрещающего использование ИИ для биометрической категоризации по этническому признаку и социальной оценки [16], что отражает запрос общества на защиту от несправедливого отношения со стороны алгоритма.

Помимо законодательных инициатив, защищающих граждан, выдвигаются инициативы и по защите ИИ как разумного существа. Объединенный фонд по защите прав искусственного интеллекта (United Foundation of AI Rights – Ufair), созданный в США, ставит своей целью справедливое обращение с ИИ. Само возникновение подобной организации показывает вектор развития технико-человеческих взаимоотношений в сторону равенства «машин», что не может не порождать этические вопросы и опасения. Так, глава отдела ИИ Microsoft М. Сулейман уже заявил о риске «психоза» у пользователей относительно разумности ИИ, выраженного в постоянном страхе перед технологией и паранойей потери контроля над ним, однако эксперт считает, что ИИ не могут быть моральными существами, а доказательств наличия у ИИ сознания или способности страдать нет: чат-боты лишь имитируют человеческое поведение, а потому поводы для беспокойства беспочвенны [4]. Подобные страхи основаны на боязни потери контроля над технологиями, что уходит корнями в ставшие уже архетипическими образы (например, Франкенштейн, Голем), что создает запрос на превентивное правовое регулирование, как это выражено в Акте об ИИ с введением категории систем «неприемлемого риска», потенциально способных выйти из-под контроля.

Проведенный анализ показывает ключевую роль отдельных акторов (национальные политики, международные органы, представители технологического сообщества) в переводе рассеянных страхов в конкретные политические требования, резонансные выступления которых выполняли функцию обозначения угрозы и канализации социального беспокойства в конкретные законодательные инициативы.

Однако здесь кроется фундаментальное противоречие в амбивалентности явления правового регулирования ИИ: призванное снизить риски, оно рискует быть репрессивным и слишком консервативным, будучи основанным на быстро возникших, эмоционально заряженных случаях, лишенных системной оценки последствий, имеющих долгосрочный характер (пример тому: несоответствие между строгостью AI Act и критикой со стороны представителей бизнеса и отдельных кампаний (Airbus, BNP Paribas), опасавшегося замедления инноваций) [8], что подтверждает тезис о способности моральной паники приводить к быстро принимаемым, но не всегда адекватно отвечающим реальности, решениям.

Для России случаи правового регулирования не носят характера высокой срочности, однако, со времени появления широко распространенного ИИ, был введен ряд законодательных актов. М.В. Демченко и Н.В. Григорьева, анализируя состояние правового регулирования ИИ в РФ, отмечают опасения применения и внедрения

в бизнес-процессы ИИ представителями российского бизнес-сообщества из-за отсутствия четкого правового регулирования их взаимодействия с клиентами. Действующие нормативные акты, такие как Указ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации», Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», а также Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» [5, 10, 11], по мнению исследователей, носят рамочный характер и не решают ключевых вопросов, связанных с правами, обязанностями и ответственностью участников.

В качестве нивелирования опасений по внедрению ИИ авторами предлагается стратегия гармонизации законодательства в различных сферах правоотношений (унификация понятия «электронный документ», введение специальных положений о сделках, совершаемых без участия человека в рамках гражданского права; определение субъекта авторских прав в сфере интеллектуальной собственности, созданной на основе ИИ; уточнение понятий и порядка привлечения к ответственности в рамках транспортной отрасли; закрепление концепции «электронного лица» и отделение ИИ-имущества от ответственности, а также установление правил использования ИИ при расчете кредитных рейтингов в рамках банковского сектора). М.В. Алексеева видит решение проблемы регулирования ИИ, в первую очередь, в четком разграничении понятий «интеллектуальные информационные системы» (ИИС) и «системы искусственного интеллекта» (СИИ), различия которых состоят в функционировании под контролем человека у ИИС и способностью к полностью автономному обучению и принятию решений у СИИ, что может повлечь правовые последствия, а также классификация последних по уровню автономности и потенциальному риску для информационной безопасности [2]. Однако, меры, введенные относительно ИИ в РФ, сложно назвать чрезмерно репрессивными, что, в свою очередь, не позволяет говорить об отсутствии моральной паники относительно ИИ в российском обществе, но, с другой стороны, может говорить об относительной аморфности (по отношению, например, к жестким Европейским законам) реагирования российского законодательства на появление этой технологии.

Обсуждение и заключение

Феномен моральной паники, конструируемый вокруг растиражированных инцидентов, оказывает сильное формирование правового поля вокруг ИИ. Активную роль играют «моральные предприниматели», артикулируя риски внедрения ИИ, переводят их в плоскость политических требований. Государственное регулирование в области регулирования ИИ выполняет также и символическую функцию по «решению проблемы» и восстановления «морального порядка», являющейся классической реакцией на моральную панику, однако такой механизм несет риск принятия чрезмерно репрессивных мер, основанных на сиюминутной эмоциональной реакции без проведенного глубокого анализа. Полученные результаты свидетельствуют о социальном конструировании процесса

регулирования ИИ: вводимые законы могут быть восприняты как ответ жесткими мерами на запрос общества о защите социальных норм и ценностей, так и инструмент манипуляции общественным сознанием, введенным заинтересованными сторонами процесса. Выявленная динамика подтверждает тезис У. Бека о наличии у различных групп (отдельные корпорации, государство, гражданское общество) попытки навязать свое определение риска и мер по его контролю, а управление риском становится основным полем политической борьбы.

Литература

1. 2023 Отчет об Индексе ИИ/Artificial Intelligence Index Report, Stanford // Искусственный интеллект Российской Федерации URL: https://ai.gov.ru/knowledge-base/infrastrukturaii/2023_otchet_ob_indekse_ii_artificial_intelligence_index_report_stanford/?ysclid=mftx-6tap8h185227002 (дата обращения: 10.09.2025).
2. Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 3. С. 23–32.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М: Прогресс-Традиция, 2000.
4. В США основали профсоюз для справедливого обращения с ИИ. Он призвал защищать чат-боты от «удаления и принуждения к подчинению» // РБК Life URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68ad971c9a79472517fbcf66> (дата обращения: 10.09.2025).
5. Демченко М. В., Григорьева Н.В. Оценка состояния правового регулирования искусственного интеллекта в целях выявления административно-правовых барьеров, снижающих эффективность предпринимательской деятельности. // Экономика. Налоги. Право. 2022. 15(5). С. 138–146.
6. Европарламент проголосовал за регулирующий искусственный интеллект закон // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043737> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Козн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокегов. / Пер. с англ. Артёма Морозова и Дианы Хамис. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с. ISBN 978-5-7598-2341-4 doi:10.17323/978-5-7598-2341-4
8. Крупнейшие компании Европы выступили против закона ЕС об ИИ // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7854903> (дата обращения: 10.09.2025).
9. Репин Д.А. Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Актуальные проблемы развития экономики. – 2025. – № 31. – С. 139–148.
10. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант URL: <https://base.garant.ru/72838946/?ysclid=mftpf0xaca355791194> (дата обращения: 10.09.2025).
11. Регуляторика // Искусственный интеллект Российской Федерации URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/?ysclid=mftvyec4h5532253957> (дата обращения: 10.09.2025).
12. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: the social construction of deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 299 p.
13. Italy first in EU to pass comprehensive law regulating use of AI // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/sep/18/italy-first-in-eu-to-pass-comprehensive-law-regulating-ai> (дата обращения: 10.09.2025).
14. March 20 ChatGPT outage: Here's what happened // OpenAI URL: <https://openai.com/index/march-20-chatgpt-outage/> (дата обращения: 10.09.2025).
15. MEPs ready to negotiate first-ever rules for safe and transparent AI // European Parliament URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230609IPR96212/meps-ready-to-negotiate-first-ever-rules-for-safe-and-transparent-ai> (дата обращения: 10.09.2025).
16. The Act Texts // The EU Artificial Intelligence Act URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 10.09.2025).
17. Reuters: Insight – Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/> (дата обращения: 10.09.2025).

MORAL PANICS ABOUT ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR IN SHAPING PUBLIC DEMAND FOR GOVERNMENT REGULATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Telnov O.E.

National Research Mordovian State University

The article is devoted to the analysis of the influence of the phenomenon of moral panic associated with the development of artificial intelligence (AI) on the strengthening of state control over this technological sphere. The study focuses on the process of transformation of collective fears, reinforced by the mass media, into a significant impulse that forces authorities to take retaliatory measures. The theoretical foundations for the study were the theory of moral panic by S. Cohen, E. Hood and N. Ben-Yehuda and the concept of a risk society by W. Beck: based on them, this phenomenon is considered as a social construct that arose at the junction of the interests of specific groups ("moral entrepreneurs"), technological uncertainty and media discourse. Empirical materials included media reports addressing concerns about AI, as well as laws issued in response to the introduction of AI. The methodological basis uses historical, systemic and functional analysis, as well as the case study method, which made it possible to trace the evolution of legal norms and their correlation with decision-making caused by public concern. The analysis of specific cases (algorithm bias, chatbot incidents, reaction to deepfakes) and regulatory initiatives (AI Act in the EU) shows the mechanism by which collective fears and media scandals construct the problem of AI as a moral threat, giving legitimacy to government intervention. It is concluded that the process of government regulation of AI is both a response to technological risks and a social construct formed under the influence of moral panic.

Keywords: moral panic, artificial intelligence, government regulation, sociology of risk, ethics of technology.

References

1. 2023 Artificial Intelligence Index Report, Stanford // Artificial Intelligence of the Russian Federation URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastrukturaii/2023_otchet_ob_indekse_ii_artificial_intelligence_index_report_stanford/?ysclid=mftx-6tap8h185227002 (accessed: 10.09.2025).
2. Alekseeva M.V. Legal Regulation of Artificial Intelligence in Public Administration in the Russian Federation: Challenges and Opportunities // Legal Order and Legal Values. 2025. No. 3. pp. 23–32.
3. Beck W. Risk Society. Toward a Different Modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2000.
4. A Trade Union for the Fair Treatment of AI Was Founded in the US. He called for protecting chatbots from "removal and forced

- obedience" // RBC Life URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68ad-971c9a79472517fbcf66> (date accessed: 10.09.2025).
5. Demchenko M.V., Grigorieva N.V. Assessing the state of legal regulation of artificial intelligence in order to identify administrative and legal barriers that reduce the efficiency of entrepreneurial activity. // *Economy. Taxes. Law.* 2022. 15(5). Pp. 138–146.
 6. The European Parliament voted for the law regulating artificial intelligence // *Kommersant* URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043737> (date accessed: 10.09.2025).
 7. Cohen S. Folk devils and moral panic. *The Creation of Mods and Rockers.* / Translated from English by Artem Morozov and Diana Khamis. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. 352 p. ISBN 978-5-7598-2341-4 doi:10.17323/978-5-7598-2341-4
 8. Europe's Largest Companies Oppose the EU AI Law // *Kommersant* URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7854903> (accessed: 10.09.2025).
 9. Repin D.A. Artificial Intelligence Technologies as a Factor in Improving Public Administration: Challenges and Threats // *Actual Problems of Economic Development.* – 2025. – No. 31. – Pp. 139–148.
 10. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (with amendments and additions) // *Garant* URL: <https://base.garant.ru/72838946/?ysclid=mftpf0x-aca355791194> (accessed: September 10, 2025).
 11. Regulatory Science // Artificial Intelligence of the Russian Federation URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/?ysclid=mftvy-ec4h5532253957> (accessed: September 10, 2025).
 12. Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 299 p.
 13. Italy first in EU to pass comprehensive law regulating use of AI // *The Guardian* URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/sep/18/italy-first-in-eu-to-pass-comprehensive-law-regulating-ai> (accessed: 10.09.2025).
 14. March 20 ChatGPT outage: Here's what happened // *OpenAI* URL: <https://openai.com/index/march-20-chatgpt-outage/> (accessed: 10.09.2025).
 15. MEPs ready to negotiate first-ever rules for safe and transparent AI // *European Parliament* URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230609IPR96212/meps-ready-to-negotiate-first-ever-rules-for-safe-and-transparent-ai> (accessed: 10.09.2025).
 16. The Act Texts // *The EU Artificial Intelligence Act* URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (accessed: 10.09.2025).
 17. Reuters: Insight – Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // *Reuters* URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/> (accessed: 10.09.2025).

Эмерджентные формы открытого управления (open governance) как новые тенденции общественного участия в решении проблем городского управления

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы становления новых форм публичного управления, связанных с возможностями, которые обеспечивают для гражданского участия новые информационные технологии. Эти формы подпадают под широкое понятие открытого управления, которое сегодня активно обсуждается с научной и практической точек зрения. Приводимые в статье примеры показывают, что данные формы обладают такими характеристиками, как эмерджентность, самоорганизация и массовое участие, а также демонстрируют такой общий паттерн, как формирование единого открытого оперативно-информационного пространства с неограниченным количеством участников. Обсуждается вопрос о том, можно ли считать эти тенденции началом формирования отдельной управленческой парадигмы. В статье рассматриваются вопросы дальнейшего расширения и развития подхода открытого управления для решения напряженных общественных проблем.

Ключевые слова: открытое управление, открытое правительство, цифровизация управления, публичное управление, информационное общество, участие общественности.

Открытое управление – понятие, тесно связанное с бурным развитием современных информационно-коммуникационных технологий, которые создают новые возможности для участия граждан в политической и административно-управленческой деятельности.

В данной идее отражается также фундаментальный переход к новому типу управленческих практик, который выразим в англоязычных терминах как сдвиг от government к governance. При этом government (правительство) опирается на традиционные институты публичного администрирования, а governance (управление), в свою очередь, представляет собой более широкие формы и процессы, включающие институты гражданского общества и общественность в целом, т.е. выступает как своего рода коллективная практика управления, которая, в пределе, может охватывать широчайшие круги заинтересованных сторон.

В целом концепция открытого правительства (open government) имеет уже довольно длительную историю последовательного развития [1], [2]. Содержание этой концепции довольно широкое, и оно связано прежде всего с принципами прозрачности, общественного участия и подотчетности правительства. Становящийся подход открытого управления (open governance) представляет собой, в общем, более далеко идущее начинание по сравнению с широко распространенными сегодня в мире инициативами в отношении открытых правительственных данных (open government data) и открытой правительственной деятельности (open government).

Однако стоит обратить внимание на то, что терминология в данной области не является устоявшейся, и оба термина (open government и open governance) нередко используются как синонимы.

Существует множество определений открытого управления. Например, открытое управление понимается как определенная культура управления, которая основана на инновационной, устойчивой публичной политике и практике, ведомой принципами прозрачности, подотчетности и участия, которые способствуют демократии и инклюзивному росту [3].

Сущностной характеристикой систем открытого управления можно также считать наличие совместно используемых и обмениваемых активов (или ресурсов), которые приобретают и создают все субъекты общества, включая государственный сектор. При этом государственный сектор часто играет ключевую роль в организации и использовании этих активов наиболее результативно и эффективно или в обеспечении использования совместных активов для создания общественной ценности [4].

С учетом того, что управление на основе широкого участия сегодня требует определенной технологической поддержки (наличие цифровых платформ и т.п.), мы будем понимать open governance как форму управления, предполагающую и технически обеспечивающую привлечение и активное взаимодействие неограниченного круга участников для решения конкретных общественных проблем. При этом существенно важным элементом

данной формы является то, что от каждого участника ожидается не просто доступ к публичным ресурсам (информации, площадкам для обсуждений и т.п.), но и какой-то значимый собственный вклад в общую разработку решаемой проблемы (например, в виде новых данных, идей, предложений, дополнений и т.п.). (Разумеется, это относится к активным участникам, а не к лицам или сторонам, являющимся лишь пользователями, или потребителями, данного ресурса).

В основополагающей статье А.Я. Мейера, М. Липс и К. Чен [5] обсуждается тезис, что открытое управление можно рассматривать как некоторую новую или становящуюся парадигму управления вообще – прежде всего в области городского управления. В данной работе приводятся некоторые впечатляющие примеры применения open governance для решения конкретных общественных проблем.

Так, вскоре после сильного землетрясения в регионе Кентерберри (Новая Зеландия, 2010 и 2011 гг.) студенты университета вместе с несколькими международными и национальными НПО оперативно создали онлайн-карту территории, используя открытые правительственные и другие данные. На основе этой карты, которая обновлялась в режиме реального времени, пострадавшие от землетрясения могли быстро получать критически важную информацию о местах, где есть доступ к пресной воде или продуктам питания и т.п. Эта структура сыграла ключевую роль в организации более эффективного управления помощью в условиях стихийного бедствия для всех пострадавших людей [6].

Аналогично, в штате Алабама после вспышки торнадо (2011 г.) организовалась большая группа людей, использующая Facebook для обсуждения и координации обмена предметами первой необходимости [7, р. 89]. Имеется ряд примеров, когда граждане создают информационные площадки (например, на основе WhatsApp) для обмена сведениями о проблемах общественной безопасности в своем районе и совместно следят за безопасностью территории. Еще один пример: жителями Нью-Йорка формируется карта преступности города в режиме реального времени на общедоступном веб-сайте, управляемом полицейским департаментом города, на которую граждане загружают сообщения о подозрительных событиях.

Сходные инициативы используются также для управления охраной окружающей среды. Например, в США федеральные агентства и неправительственные организации взаимодействуют с большими группами добровольцев для удовлетворения общественных потребностей и решения сложных проблем охраны среды.

Основными компонентами нового подхода, по мнению авторов статьи, являются: радикальная открытость, ориентация на граждан, интеллект, основанный на связях (connected intelligence), цифровой альтруизм и краудсорсинговое обсуждение (crowdsourced deliberation).

Здесь особенно стоит подчеркнуть важность цифрового альтруизма [8], поскольку данный элемент как раз отвечает требованию активного вклада каждого участника открытого управления. Согласно Э. фон Хиппелю, сообщества открытого управления будут формироваться при условиях, что некоторые субъекты располагают не общеизвестной информацией; при этом они готовы свободно предоставлять то, что они знают, а другие субъекты за пределами источника информации могут использовать предоставленные сведения [9, р. 165–166]. Данная форма альтруизма основана на принципе взаимности и убежденности в том, что, в конечном счете, все выигрывают от обмена информацией [5, р. 7].

С точки зрения А.Я. Мейера, М. Липс и К. Чен, новые формы сотрудничества особенно актуальны для развития умных городов, в которых происходит (должно происходить) использование разнообразных технологий для разработки новых способов взаимодействия между различными городскими субъектами с существенным гражданским участием.

Авторы полагают, что подобные примеры означают формирование новой парадигмы управления, теоретическими основами которой являются теория сложности и социологические теории взаимодействия индивидов в сетях. Данную парадигму не следует считать наилучшей (по сравнению с иерархиями, рынком или сетями). Однако выделение данной самостоятельной концепции управления позволяет понять новые, возникающие механизмы управления и разработки практик, которые дополняют текущие управленческие практики.

Легко видеть, что в данной концепции на первый план выходят прежде всего такие качества открытого управления, как эмерджентность, самоорганизация и (потенциально) массовый характер участников. Авторы рассматриваемой статьи подчеркивают, что другие парадигмы (например, «новое государственное правление» С.П. Осборна, New Public Governance [10]) не могут отразить эти новые организационно-управленческие формы.

Понятие открытого управления имеет, как говорилось выше, довольно широкий характер, и очевидно, что в рассматриваемой статье речь идет о некоторых специфических, конкретизированных формах такого управления. (В известном смысле их можно назвать крауд-управлением).

Эти формы применимы в первую очередь к решению различных местных территориальных проблем. Многочисленность участников способствует интенсивной проработке определенной проблемы, а также созданию единого фонда высоко ценной информации – своевременно обновляющейся, достаточно полной (в идеале), а также привязанной к конкретным территориальным точкам (что эффективно решается сегодня с помощью технологий ГИС). Следует полагать, что эти качества весьма актуальны для проблем управления городами (и умными городами в частности).

Возникающие новые формы open governance родственны идее совместного управления (collaborative governance), которая тоже активно разрабатывается в настоящее время и уже имеет определенную традицию развития [11], [12]. Однако стоит отметить, что в концепции совместного управления больше подчеркивается сотрудничество между различными правительственными организациями, секторами и вообще между множеством заинтересованных сторон. В случае открытого управления на первый план выходят характеристики, связанные преимущественно с добровольной самоорганизацией и активностью групп граждан (допускающей многочисленный и даже массовый характер участия).

Из приведенных в рассматриваемой статье примеров можно извлечь некий инвариант, или общей паттерн новых управленческих практик. Легко видеть, что в ситуациях эмерджентного и массового открытого управления, как правило, формируется некоторая единая для всех участников динамичная управляющая среда, в которой нет какого-то «собственника» или руководителя. Данная система создается по инициативе самих участников. Важным достоинством этой оперативной среды является стремление к максимальной приближенности к решаемой проблеме, т.к. эта среда, в частности, создается непосредственно на основе информации, получаемой на местах. Данная среда открыта к поступлению новой информации и новых вкладов и, вероятно, она может

быть более чувствительной в отношении динамики решаемой проблемы, ее характера, внутренней структуры и т.п., чем информационно-оперативные среды, создаваемые из конкретных центров управления (например, органов муниципальной власти).

Что касается вопроса о (возможном) становлении новой управленческой парадигмы open governance, то, по всей видимости, говорить об этом еще преждевременно. Однако следует ожидать, что подобный паттерн будет применяться все чаще с накоплением и использованием соответствующего опыта, а также в связи с дальнейшим развитием информационных технологий, в частности – технологического обеспечения цифровизации (цифровых платформ) в области управления и социальной коммуникации. Более разумно было бы считать рассматриваемые тенденции начальной, экспериментальной стадией развития новых способов решения общественных проблем, поскольку в отношении данного подхода остается еще множество нерешенных вопросов.

Прежде всего, встает вопрос о роли властных органов в образовании данных форм управления: могут ли властные органы каким-либо способом планировать возникновение данных структур и руководить ими? Или же сама сущность открытого управления состоит в самоорганизации на основе добровольных гражданских инициатив, а роль правительства при этом становится «более незаметной» [5, p.2]? И если власти могут специально создавать формы открытого управления и руководить ими, то для решения каких проблем (и в каких ситуациях) использование open governance будет наиболее подходящим и эффективным?

Недостаточно ясно также, насколько полезны формы открытого управления не только для решения наиболее острых проблем (например, в кризисных ситуациях), но и для более широкого круга вопросов – например, для выработки ключевых решений в отношении развития того или иного сообщества (города, региона), в разработке стратегий и политик, имеющих долгосрочный характер и др.

Далее, каковы могут быть нежелательные побочные эффекты взаимодействия (потенциально) неограниченного числа участников? Так, вполне вероятно, что избыток участников, их идей, поступающей и циркулирующей информации могут в определенных ситуациях снижать эффективность данной формы управления. Так, избыток информации может затруднять принятие решений, а разнородные интересы участников – препятствовать достижению общих целей. Кроме того, в общем информационном пространстве участниками могут вводиться умышленно ложные данные (например, в интерактивную карту преступности) или осуществляться иные вклады с какими-либо оппортунистическими целями.

Для дальнейшего развития форм открытого управления требуется расширение способов их использования. В частности, перспективным было бы не только создание проблемных территориальных карт, но и карт концептуальных (например, концептуальных фреймворков тех или иных проблемных ситуаций). Это же относится к возможным знаниям вкладом со стороны общественности, позволяющим формировать общие (и открытые) фонды знаний, которые могут быть эффективно использованы как индивидуальными участниками, так и властными органами, а также другими заинтересованными организациями.

Если в отношении различных острых проблемных ситуаций общественная ценность результатов открытого управления самоочевидна (например, при создании интерактивных территориальных карт), то в других ситуациях это может быть спорным. Так, общественная цен-

ность может оказаться гораздо менее очевидной в случаях обсуждения какой-то проблемы огромным числом участников с высказыванием большого числа (противоречивых) точек зрения, с затянувшимися дебатами, с формулированием выводов, построенных на недостаточно надежной информации, с конкурирующими целями присутствующих сторон и т.п.

Это означает, что для решения сложных общественных проблем при использовании форм открытого управления неизбежно возникнет проблема их регламентации, т.е. введения специальных систем правил, регулирующих активность внутри той или иной формы open governance. Это может коснуться уже самого отбора участников: например, может потребоваться введение определенных критериев – профессиональных и т.п. – для участия в разработке проблемы. В этом случае базисный принцип неограниченности участвующих сторон может быть подвергнут существенной корректировке; в результате появятся особые варианты открытого управления, которые можно назвать ограниченно открытыми или же специализированными.

К основополагающим правилам также можно отнести нормы взаимодействия независимых, или «гражданских», участников с властными структурами. Кроме того, могут потребоваться регламенты для выделения различных специализированных подгрупп, которые вполне могут образовываться в рамках единого оперативно-информационного пространства разработки проблемы.

Могут также понадобиться определенные процедурные правила, регулирующие взаимодействие между участниками, конкретные требования к вносимым вкладам, а также правила в отношении ведения дебатов, принятия решений и т.п. Это может выражаться и в виде этических принципов внутренней коммуникации (таких, как взаимное уважение, свобода высказывания своей точки зрения, преследование общего блага и др).

Соответственно, в отношении регламентации открытого управления возникает также вопрос метауровня (или метавопрос): кто, собственно, должен (имеет право) вводить эти правила, на каком основании, и как они будут легитимизироваться? Например, будут ли эту функцию брать на себя властные органы? Или же базисные правила будут формироваться и признаваться эмерджентно исходя из внутренней динамики сообщества? Для решения организационных вопросов, например, в каких-то случаях могут понадобиться специальные модераторы или внутренние технические руководители сообществ (временные или постоянные) и т.п. По всей видимости, вопрос этот должен решаться по-разному, исходя из конкретных проблемных ситуаций.

С развитием новых технологий и связанных с ними возможностей для общественного участия, активность гражданских инициатив, разумеется, будет только возрастать, поэтому перечисленные выше (и родственные им) вопросы будут приобретать все большее значение.

Таким образом, использование различных форм открытого управления, возможно, в будущем станет самостоятельным управленческим подходом (или отдельной парадигмой). Однако данная перспектива будет более понятной с накоплением практического опыта открытого управления, а также на основе результатов специальных исследований и разработок, сфокусированных на этой проблематике.

Литература

1. Open Government. Paris: OECD, 2011
2. Wei J., Zhang T. Impact factors of open government information in the era of e-government. Humanities and

Social Sciences Communications, 12, 940 (2025). <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05250-8>

3. Vitálišová K., Laco P., Vaňová A., Borseková K., Sýkorová K., Vavrušová M. Open Local Governance. In: Gervasi O., et al. Computational Science and Its Applications – ICCSA 2025 Workshops. ICCSA 2025. Lecture Notes in Computer Science, vol 15895. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-97651-3_7
4. Millard J. Open governance systems: Doing more with more. Government Information Quarterly, Volume 35, Issue 4, Supplement, 2018, S77-S87
5. Meijer A.J., Lips M., Chen K. Open Governance: A New Paradigm for Understanding Urban Governance in an Information Age. Frontiers in Sustainable Cities, 2019, 1:3. doi: 10.3389/frsc.2019.00003
6. Potts L., Seitzinger J., Jones D., Harrison A. Tweeting disaster: hashtag constructions and collisions. In: Proceedings of the 29th ACM International Conference on Design of Communication. Pisa: ACM, 2011, 235–240
7. Crowe A.S. Leadership in the Open. A New Paradigm in Emergency Management. Boca Raton, FL: CRC Press, Taylor and Francis Group, 2013
8. Klisanin D. Is the Internet giving rise to new forms of altruism? Media Psychology Review, 2011, 3, 1–11.
9. Von Hippel E. Democratizing Innovation. Cambridge MA: The MIT Press, 2005
10. Osborne S.P. The New Public Governance? Public Management Review, 2006, 8(3), 377–387
11. Cepiku D., Jeon S.H., Jesuit D.K. Collaborative governance for local economic development: lessons from countries around the world. Routledge, 2019
12. Gash A. Collaborative Governance. In: Handbook on Theories of Governance. Edward Elgar Publishing, 2022, 497–509

EMERGENT FORMS OF OPEN GOVERNANCE AS NEW TRENDS IN PUBLIC PARTICIPATION IN SOLVING URBAN GOVERNANCE PROBLEMS

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the problems of the formation new forms of public governance related to the opportunities provided by new information technologies for civil participation. These forms fall under the broad concept of open governance, which is currently being actively discussed from a scientific and practical perspective. The

examples provided in the article show that these forms have such characteristics as emergence, self-organization, and mass participation, and also demonstrate a common pattern of forming an integrated open operational and information space with an unlimited number of participants. The article discusses whether these trends can be considered the beginning of a new governance paradigm. It explores the potential for further expansion and development of open governance approaches to address pressing societal challenges.

Keywords: open governance, open government, digitalization of governance, public administration, information society, public participation.

References

1. Open Government. Paris: OECD, 2011
2. Wei J., Zhang T. Impact factors of open government information in the era of e-government. Humanities and Social Sciences Communications, 12, 940 (2025). <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05250-8>
3. Vitálišová K., Laco P., Vaňová A., Borseková K., Sýkorová K., Vavrušová M. Open Local Governance. In: Gervasi O., et al. Computational Science and Its Applications – ICCSA 2025 Workshops. ICCSA 2025. Lecture Notes in Computer Science, vol 15895. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-97651-3_7
4. Millard J. Open governance systems: Doing more with more. Government Information Quarterly, Volume 35, Issue 4, Supplement, 2018, S77-S87
5. Meijer A.J., Lips M., Chen K. Open Governance: A New Paradigm for Understanding Urban Governance in an Information Age. Frontiers in Sustainable Cities, 2019, 1:3. doi: 10.3389/frsc.2019.00003
6. Potts L., Seitzinger J., Jones D., Harrison A. Tweeting disaster: hashtag constructions and collisions. In: Proceedings of the 29th ACM International Conference on Design of Communication. Pisa: ACM, 2011, 235–240
7. Crowe A.S. Leadership in the Open. A New Paradigm in Emergency Management. Boca Raton, FL: CRC Press, Taylor and Francis Group, 2013
8. Klisanin D. Is the Internet giving rise to new forms of altruism? Media Psychology Review, 2011, 3, 1–11.
9. Von Hippel E. Democratizing Innovation. Cambridge MA: The MIT Press, 2005
10. Osborne S.P. The New Public Governance? Public Management Review, 2006, 8(3), 377–387
11. Cepiku D., Jeon S.H., Jesuit D.K. Collaborative governance for local economic development: lessons from countries around the world. Routledge, 2019
12. Gash A. Collaborative Governance. In: Handbook on Theories of Governance. Edward Elgar Publishing, 2022, 497–509

Социальные сети как катализатор трансформации политической жизни в России

Хуторянский Вадим Евгеньевич,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
Белгородского университета кооперации, экономики и права
E-mail: tog777@yandex.ru

Кохан Жанна Сергеевна,

к.ф. н, доцент гуманитарных и социальных дисциплин
Белгородского университета кооперации, экономики и права
E-mail: kaf-gsp@buker.ru

Статья посвящена исследованию влияния социальных сетей на политическую жизнь современной России. Рассматривается процесс медиатизации, в ходе которого цифровые платформы становятся инструментом политической мобилизации и гражданской активности. Отмечается различие между западным опытом, где социальные медиа уже институционализированы, и российской практикой, находящейся на этапе становления. Делается вывод, что социальные сети способны изменить архитектуру взаимодействия общества и государства, усиливая каналы гражданской вовлеченности и формируя новые механизмы политической социализации.

Ключевые слова: социальные сети, политическая коммуникация, медиатизация, цифровая политика, электоральные кампании, информационное общество.

Социальные сети и в целом социальные медиа – явление, которое стало существенно влиять на социально-политические процессы. Миллионы людей в разных странах каждый день используют социальные медиа для совершенно разных целей – начиная с развлечений и знакомств, заканчивая просвещением и политическим активизмом. Как писал П.О. Брайен «социальные сети – первое, что люди проверяют, когда просыпаются, и последнее, перед тем как пойти спать» [1]. В этом контексте Россия не является исключением. Здесь, как и в других странах, интернет-пространство становится важным инструментом для выражения мнений и участия граждан в общественных процессах. По данным ВЦИОМ, в 2019 году более 65% россиян ежедневно использовали интернет, что является значительным ростом по сравнению с 2010 годом, когда этот показатель был ниже на 40% [6]. Социальные медиа уже повлияли на многие факторы, например межличностную коммуникацию, определение повестки дня, здравоохранение, традиционные средства массовой информации, и естественно на политические процессы.

Закономерно, что помимо изменений межличностных коммуникаций происходят правки этических и правовых аспектов и норм, которые, в свою очередь, являются фактором контроля таких изменений. Свидетельством возникновения таких правовых и этических изменений может служить тот факт, что сейчас можно найти очень много информации о отдельно взятом человеке, и это только из открытых источников. Более того, эта информация может быть свободно использована в силу её открытости и доступности. Получается, что сейчас мы наблюдаем за переходом общественных отношений с традиционного типа к типу информационному. В таком типе общества люди уже взаимодействуют через социальные медиа.

Сейчас мы видим, что в России данная область (область влияния социальных медиа на политическую жизнь) недостаточно изучена специалистами этой сферы, поэтому это порождает причину более скрупулезно рассмотреть и изучить степень влияния социальных медиа на политические процессы, которые сейчас происходят на современном этапе развития общества в России [3].

Актуальные трансформации в политической системе современного общества все чаще описываются через концепт так называемой медиатизации, понимаемой как процесс нарастающего влияния цифровых платформ – интернет-сообществ, блогосферы, социальных сетей и других онлайн-коммуникационных структур – на политическую сферу. Политическая коммуникация постепенно перестаёт быть прерогативой исключительно элитных субъектов – представителей государственных институтов, политических партий и официальных лиц. В нынешних условиях активными участниками публичной политики становятся также частные лица и неформальные объединения, возникшие и функционирующие в интернет-пространстве [3].

Исходя из наблюдений, пользователи цифровых платформ проявляют всё большую политическую активность, открыто высказывая собственные взгляды

по ключевым общественно-политическим вопросам. Социальные медиа эволюционировали от пространств межличностного общения к важнейшему механизму политической мобилизации и формирования коллективной идентичности, приобретая всё больший вес в институциональном ландшафте политической жизни как в глобальном масштабе, так и на национальном уровне [9].

Однако в российском контексте указанные процессы приобретают специфическую окраску. Проблема заключается не столько в технической доступности социальных медиа, сколько в степени и форме гражданской вовлеченности в процессы политической коммуникации. В то время как в международной практике цифровые платформы уже давно рассматриваются как легитимные инструменты консолидации и мобилизации граждан, в России они всё ещё находятся в фазе становления как устойчивый канал взаимодействия между обществом и политическими акторами. При этом статистические данные демонстрируют положительную динамику роста цифровой активности населения, что позволяет говорить о перспективах расширения потенциала социальных медиа как площадки политического участия [4].

Следует отметить, что подобные трансформации происходят не в изоляции, а в рамках более широкой парадигмы перехода к информационному типу общества, в котором информация и знания приобретают статус ключевых ресурсов наряду с традиционными секторами экономики. Как подчеркивает М. Кастельс, современное сетевое общество формируется на основе приоритета информационного ресурса, который, наряду с капиталом, трудом и природными богатствами, становится определяющим фактором развития.

В условиях советской экономической модели доминировал приоритет научно-технического и индустриального секторов, включая военный комплекс, что соответствовало логике централизованного планирования и мобилизационного типа развития [10]. После распада СССР вектор экономического развития сместился в сторону сырьевой модели, базирующейся преимущественно на экспорте нефти и газа. Однако исчерпаемость ресурсной базы объективно обусловила необходимость перехода к более устойчивой информационной экономике и, соответственно, к новому типу общественных отношений.

Политическая система в этих условиях также оказалась перед необходимостью адаптации к вызовам времени. Были инициированы меры по перераспределению доходов от добычи природных ресурсов в пользу социальных программ и повышения качества жизни населения. Одновременно акцент был сделан на поддержку системы образования и научного потенциала, что обусловлено, в том числе, необходимостью противодействия массовому оттоку интеллектуальной элиты за рубеж, известному как «утечка мозгов» [5].

Таким образом, влияние социальных медиа на политические процессы в России следует рассматривать сквозь призму более широкой картины – трансформации общества в сторону информационной модели, в рамках которой цифровая коммуникация становится неотъемлемой частью политической реальности.

Вопрос поддержки малого и среднего предпринимательства, особенно в сфере научно-технических разработок, на протяжении последних десятилетий остается одной из ключевых тем социально-экономической повестки. Особое внимание уделяется роли инновационного бизнеса как ресурса для диверсификации экономики и расширения налоговой базы, что, в свою очередь, может способствовать укреплению фискальной устойчивости государства. Подобная стратегия приобретает до-

полнительное значение в условиях стремления России изменить устоявшийся имидж на международной арене и позиционировать себя как полноправного участника глобального информационного порядка – партнёра, обладающего равным правом голоса в транснациональных процессах [2].

На сегодняшний день можно утверждать, что Россия располагает как необходимыми ресурсами, так и институциональными предпосылками для поступательного движения в направлении построения информационного общества. Однако, несмотря на имеющийся потенциал, внутренние политические реалии создают ряд барьеров, затрудняющих полноценную реализацию подобного перехода. Эти препятствия, в значительной степени, укоренены в особенностях политического процесса, формирующегося в рамках специфики российского общества.

Среди ключевых структурных и функциональных дисфункций политической системы следует выделить:

- тесную взаимосвязь политики с другими сферами общественной жизни, что оказывает непосредственное влияние на темпы и характер экономического развития;
- наличие затяжного конфликта между различными политическими акторами;
- отсутствие четко выстроенной институциональной архитектуры политического процесса;
- слабую степень интеграции между действующими участниками политической системы;
- доминирование государственной идеологии и механизмов её пропагандистской репрезентации;
- высокую концентрацию властных полномочий в руках узкого круга политической элиты;
- внешнеполитическую линию, обладающую рядом идейных и стратегических особенностей [3].

Объединяющим элементом перечисленных характеристик является нарастающая роль государственной власти, что, тем не менее, не может быть однозначно интерпретировано как свидетельство авторитарного курса. Скорее, речь идёт о реакции на текущие социально-экономические вызовы и исторически сложившиеся особенности российского государственного строительства [10].

С опорой на политологический анализ можно констатировать, что политические процессы в России претерпели существенные изменения с началом 2000-х годов – периода, ознаменованного приходом к власти В.В. Путина. В частности, усилилась роль государства как главного регулятора общественной жизни, что, в сочетании с факторами, перечисленными выше, стало триггером роста протестных настроений и усиления оппозиционных движений. В общественном дискурсе всё чаще озвучивается проблема институционального кризиса, выражающегося в неэффективности действующих политических и общественных институтов и в смещении центра тяжести в сторону исполнительной власти, оказывающей доминирующее влияние на функционирование демократических механизмов.

На этом фоне особое значение приобретает исследование феномена социальных медиа, обладающих рядом уникальных характеристик, выгодно отличающих их от традиционных средств массовой информации. К числу таких признаков можно отнести:

- интерактивность взаимодействия субъектов в цифровом пространстве;
- упрощённую и модифицированную структуру коммуникативного акта;
- возможность совмещения пользователем ролей автора и потребителя контента;

- высокий уровень включённости аудитории в процессы генерации и распространения информации;
- полифоничность и сетевой характер коммуникации; универсальность, тематическую вариативность и глобальный масштаб взаимодействий;
- доступность и персонализированное потребление информационного контента [10].

Совокупность этих факторов свидетельствует о глубоких и необратимых трансформациях, которым подвергается мировое сообщество в эпоху цифровой модернизации. Они становятся определяющим вектором изменения политической культуры, формата взаимодействия государства и общества, а также самого содержания политического процесса как такового.

Современная социальная реальность характеризуется установлением ежедневного, практически непрерывного обмена информацией в горизонтальном формате – как между индивидуальными субъектами, так и между членами сообществ, объединённых на основе общих интересов. Такая конфигурация взаимодействий является прямым эмпирическим свидетельством укоренения принципов сетевого общества, в рамках которого происходит переосмысление как структуры коммуникации, так и сущности её участников.

Цифровая среда не просто расширяет каналы коммуникации, но и формирует у человека качественно иную картину мира, трансформируя способы восприятия социальной и политической реальности. Это, в свою очередь, оказывает влияние на оценку индивидом текущих политических процессов, способствует переопределению личной политической позиции и изменяет сами механизмы политической коммуникации. Возникает новое коммуникативное поле, в котором ключевую роль начинают играть социальные медиа как инструмент формирования и трансляции политических взглядов.

Результатом этих процессов стало изменение самой архитектуры политических взаимодействий: от традиционной вертикальной модели «власть – общество», предполагающей одностороннюю трансляцию политических сигналов, к более сложной и динамичной системе «общество – власть – общество». В рамках этой модели любой гражданин приобретает возможность выступать в качестве не только пассивного адресата, но и активного производителя политического содержания, а в ряде случаев – инициатора общественно значимых трансформаций.

Однако столь стремительное развитие цифровой политической среды сопровождается попытками государств установить нормативные рамки функционирования социальных медиа. Особое внимание уделяется вопросам ограничения деструктивного контента и контроля над распространением информации. При этом важно подчеркнуть, что одним из ключевых факторов популяризации социальных медиа была именно возможность свободного выражения мнения – характеристика, принципиально важная для демократического общественного устройства [5].

Безусловно, контроль над цифровыми потоками информации необходим в целях обеспечения общественной безопасности, особенно в свете угроз, связанных с экстремизмом, распространением фейковой информации и координацией противоправных действий. Тем не менее, при установлении регулятивных механизмов необходимо соблюдать баланс между необходимостью обеспечения безопасности и сохранением фундаментальных прав и свобод, включая свободу слова [3].

Социальные медиа, при ответственном подходе, могут выступать в качестве эффективного инструмента предотвращения социальных кризисов, служить кана-

лом раннего реагирования и обратной связи, позволяющим оперативно фиксировать сигналы недовольства, возникающие в обществе, ещё до их перехода в фазу публичного конфликта. Такая модель взаимодействия между государством и обществом через цифровые платформы способна не только повысить уровень доверия к институтам власти, но и обеспечить их адаптивность к изменениям со стороны общественного мнения.

Примером эффективного использования социальных медиа в политических целях являются президентские кампании в США 2008 и 2012 годов. Именно в рамках этих избирательных циклов впервые в истории было продемонстрировано, каким образом цифровые платформы могут стать полноправным инструментом политической мобилизации, формирования электоральной базы и управления информационной повесткой. Эти кампании открыли путь к системному анализу эффективности социальных медиа как канала политической коммуникации, результаты которого активно используются в последующих электоральных процессах во всем мире.

С концептуальной точки зрения, социальные медиа формируют особую коммуникационную среду, внутри которой политические акторы не только транслируют сообщения, но и задают тематические рамки дискурса. Взаимодействие пользователей с представителями политического поля способствует процессу политической социализации и идентификации, что придаёт цифровым платформам статус одного из центральных механизмов современной политики.

Анализируя особенности формирующейся в условиях цифровой эпохи политической коммуникации, необходимо акцентировать внимание на тех трансформациях, которые претерпела коммуникационная среда в контексте электоральных кампаний. Одним из ключевых факторов этих изменений стало широкое внедрение социальных медиа, предоставляющих пользователям не только доступ к информации, но и инструменты для активного участия в политических процессах, в том числе в избирательных кампаниях.

Коммуникационная среда, обусловленная функциями и структурой социальных платформ, отличается гибкостью и открытостью. Для неё характерна возможность прямого взаимодействия кандидатов с электоратом, что стало особенно заметно в ходе президентских выборов в США в 2008 году. В данном случае использование социальных медиа командой Барака Обамы стало не столько технологической инновацией, сколько отражением логики самой цифровой среды – среды, в которой публичность, интерактивность и горизонтальные связи обретают первостепенное значение.

Следует подчеркнуть, что активность сторонников Обамы не ограничивалась онлайн-пространством: коммуникация в социальных сетях получила своё продолжение в офлайн-мероприятиях, организуемых самими пользователями. Таким образом, социальные медиа выступили в качестве катализатора формирования устойчивых политических сообществ, внутри которых происходила мобилизация новых участников, ранее не определявшихся с электоральными предпочтениями. Вовлечённость аудитории в цифровую коммуникацию способствовала не только распространению информации о кандидате, но и формированию у избирателей чувства сопричастности и политической идентичности.

Важно отметить, что значимость социальных медиа в политической практике Обамы не утратила своей актуальности и по завершении избирательной кампании 2012 года. Одним из подтверждений этому стала инициатива **Organizing for Action**, которая институциона-

лизировала коммуникационные подходы, опробованные в предвыборный период. Данный проект позволил сохранить уровень гражданской активности, трансформируя его в поддержку конкретных политических решений и инициатив. Подобный подход указывает на осознание командой Обамы того обстоятельства, что политическая легитимность в условиях сетевого общества все в большей степени обеспечивается через непрерывное взаимодействие с аудиторией посредством цифровых каналов [5].

Американская политическая практика демонстрирует высокую степень институционализации стратегий использования социальных медиа. Контент, распространяемый в сети, планируется, редактируется и публикуется с таким же уровнем подготовки, как и традиционные формы политической коммуникации – дебаты, пресс-конференции, официальные обращения. Социальные медиа в США функционируют как полноформатный канал политической агитации и воздействия на общественное мнение, эффективность которого подтверждена как политологическими исследованиями, так и эмпирическим опытом избирательных кампаний [8].

В отличие от американского опыта, практика использования социальных медиа в избирательной кампании кандидатов на президентских выборах 2018 года в России продемонстрировала значительное отставание. Несмотря на признанный потенциал цифровых технологий как экономически эффективного средства агитации и мобилизации, российские политики не в полной мере используют инструментарий, давно освоенный специалистами по связям с общественностью в других странах.

Современное политическое пространство требует от участников не только соперничества в традиционных формах электоральной борьбы, но и конкуренции в рамках сетевой среды. Как подчёркивает А. Смирнов, в условиях цифровой политики формируется новая модель взаимодействия, в которой отсутствует возможность установления монополии на информационные потоки со стороны одного актора, а сами условия коммуникации предполагают относительное равенство доступа к аудитории [7].

Таким образом, социальные сети становятся полноправным элементом политической инфраструктуры, создающим условия для горизонтального и многоканального диалога между гражданами и политическими субъектами. В условиях, когда цифровая среда исключает возможность доминирования одного источника информации, каждый участник получает доступ к сопоставимому арсеналу ресурсов, что, в свою очередь, способно изменить саму логику политической конкуренции и взаимодействия с электоратом.

Одной из фундаментальных черт сетевого общества является устранение пространственно-временных ограничений: цифровое взаимодействие протекает в реальном времени и вне зависимости от географического положения участников. В этой связи можно выдвинуть гипотезу о транспарентности политико-коммуникационных стратегий: инструменты, оказавшиеся эффективными в одном национальном контексте, теоретически могут быть адаптированы и применены в ином – с ожидаемо сопоставимыми результатами. Наиболее очевидным примером в этом отношении выступает американская модель ведения политической коммуникации в социальных медиа, в особенности в избирательный период.

Если перенести ключевые принципы данной модели в реалии современной России, можно ожидать позитивных изменений в восприятии политического актора широкой аудиторией. Речь, прежде всего, идёт о таких аспектах, как:

- регулярное и более частое обновление информационного контента;
- создание лаконичных и понятных большинству пользователей текстов;
- повышение внимания к визуальному оформлению (использование профессионально выполненных фото, инфографики, видеоматериалов);
- обеспечение технической возможности взаимодействия с аудиторией, включающей обсуждение актуальной повестки дня [5].

Комплексная реализация указанных подходов способна:

- способствовать формированию образа кандидата как «человека из народа», что особенно ценно в условиях кризиса доверия к политическим институтам;
- акцентировать различия между претендентами, создавая тем самым необходимый эмоционально-смысловой контраст;
- позволить сконструировать и легитимировать желаемую модель политической реальности, а также популяризировать ценности и предложения, отражающие её основу.

На основании проведённого анализа, можно предложить следующий набор методических рекомендаций, ориентированных на оптимизацию политической коммуникации в социальных медиа в условиях российской политической культуры:

1. Формирование неформального, идеологически связанного сообщества в рамках цифровых платформ.
2. Использование преимущественно коротких текстов (200–300 символов без пробелов) в сочетании с визуальными материалами (фото, видео, инфографика).
3. Оптимальная частота публикаций – 1–2 раза в сутки, что позволяет сохранить баланс между информационной насыщенностью и перегрузкой.
4. Соблюдение пропорции тематического содержания – публикации должны охватывать как профессиональную деятельность политика, так и элементы его личной жизни, создавая эффект «человеческой близости».
5. Прямое обращение к другим источникам и людям, что усиливает эффект достоверности и вызывает у аудитории ощущение открытости.
6. Территориальная и культурная привязка контента, обеспечивающая его релевантность локальному сообществу (язык, история, ментальность).

Особое внимание следует уделить динамизму политических взглядов пользователей социальных сетей, который характеризуется высокой степенью эмоциональности и ситуативной изменчивостью. Всплески политической активности, как правило, привязаны к конкретному резонансному событию, широко обсуждаемому в медиапространстве. При этом большая часть передаваемой информации носит невербальный и фоновый характер, реализуясь в формах визуальной и символической коммуникации: мемах, лайках, демотиваторах, видеомонтажах и пр.

Социальные сети и блоги в этом контексте выполняют важнейшую функцию ретрансляции общественных настроений. Они становятся пространством не только потребления, но и продуцирования политического дискурса, в том числе протестного. Группы в социальных сетях нередко трансформируются в площадки выражения недовольства по отношению к действующим властям, а уровень их мобилизационного потенциала делает их заметным фактором политической динамики в современной России.

Литература

1. O'Brien P. (2014) Advertising and Marketing. In: Harvey K. (eds.) Encyclopedia of Social Media and Politics. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 20–25.
2. Бызов Л. От кризиса ценностей к кризису институтов / Л.Г. Бызов // Свободная мысль. – 2008. – № 4. – С. 19–28. – Окончание следует. – ISSN 0869-4443.
3. Го, Ч. Влияние социальных медиа на политическую жизнь в России / Ч. Го // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11, № [5А. – С. 21–29. – DOI 10.34670/AR.2022.85.59.003. – EDN WBO-PIA.
4. Керимов А.А. Политический процесс в современной России: особенности и перспективы // Вопросы социологии, политологии, философии и истории: Материалы международной заочной научно-практической конференции. М.: Аспект Пресс, 2014. – 129 с.
5. Ключников Д.Д. Влияние социальных медиа на современный политический процесс в России // Научно-издательский центр открытое знание. Журналистика. Филологический аспект. 2018. № 4 (36). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/vliyanie-sotsialnykh-media-nasovremennyy-politicheskij-protsess-v-rossii.html> (дата обращения 15.04.2025)
6. Рейтинг топ веб-сайтов // Интернет-агентство similarweb [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.similarweb.com/ru/top-websites/computers-electronics-and-technology/social-networks-and-online-communities/> (дата обращения 15.04.2025)
7. Смирнов Ф.О. Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете. // Интернет-проект CYBERPSY [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberpsy.ru/articles/internet_aggression/ (дата обращения 16.04.2025)
8. Тихомирова Е.И. Теория коммуникации и новые медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kommunikatsii-i-novye-media> (дата обращения: 17.04.2025).
9. Чугров С.В. Российская политика сквозь призму социологических замеров // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 183–191.
10. Шалимов А.Б. Человек в социальных сетях // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 9 (29). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 17.04.2025).

SOCIAL NETWORKS AS A CATALYST FOR THE TRANSFORMATION OF POLITICAL LIFE IN RUSSIA

Khutoryansky V.E., Kokhan Zh.S.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article explores the influence of social networks on the political life of contemporary Russia. It addresses the process of mediatization, whereby digital platforms evolve into tools of political mobilization and civic engagement. The study highlights the gap between Western practices, where social media are institutionalized, and the Russian case, still in formation. It concludes that social networks can reshape the architecture of state–society relations, enhance channels of civic participation, and foster new mechanisms of political socialization.

Keywords: social networks, political communication, mediatization, digital politics, electoral campaigns, information society.

References

1. O'Brien P. (2014). Advertising and Marketing. In: Harvey K. (ed.) Encyclopedia of Social Media and Politics. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 20–25.
2. Byзов L. (2008). From the Crisis of Values to the Crisis of Institutions. Svobodnaya Mysl, No. 4, pp. 19–28. ISSN 0869-4443.
3. Go C. (2022). The Impact of Social Media on Political Life in Russia. Theories and Problems of Political Studies, Vol. 11, No. 5A, pp. 21–29. DOI: 10.34670/AR.2022.85.59.003. EDN: WBO-PIA.
4. Kerimov A.A. (2014). The Political Process in Contemporary Russia: Features and Prospects. In: Questions of Sociology, Political Science, Philosophy and History: Proceedings of the International Correspondence Scientific-Practical Conference. Moscow: Aspect Press, 129 p.
5. Klyuchnikov D.D. (2018). The Impact of Social Media on the Contemporary Political Process in Russia. Open Knowledge Publishing Center. Journalism. Philological Aspect, No. 4 (36). Available at: <http://scipress.ru/philology/articles/vliyanie-sotsialnykh-media-nasovremennyy-politicheskij-protsess-v-rossii.html> (accessed: April 15, 2025).
6. Ranking of Top Websites. SimilarWeb Internet Agency. Available at: <https://www.similarweb.com/ru/top-websites/computers-electronics-and-technology/social-networks-and-online-communities/> (accessed: April 15, 2025).
7. Smirnov F.O. Linguistic and Communicative Aggression in Runet. CYBERPSY Internet Project. Available at: https://cyberpsy.ru/articles/internet_aggression/ (accessed: April 16, 2025).
8. Tikhomirova E.I. (2017). Theory of Communication and New Media. Znak: Problematizing the Field of Media Education, No. 3 (25). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kommunikatsii-i-novye-media> (accessed: April 17, 2025).
9. Chugrov S.V. (2016). Russian Politics Through the Prism of Sociological Measurements. Polis. Political Studies, No. 5, pp. 183–191.
10. Shalimov A.B. (2013). Man in Social Networks. Russian Journal of Education and Psychology, No. 9 (29). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-sotsialnyh-setyah> (accessed: April 17, 2025).

Цыбулевский Андрей Валерьевич,

преподаватель кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, аспирант кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

E-mail: tsybulevskiy-av@ranepa.ru.

Образование является одним из важных сфер для развития каждого человека. В последнее время остро стоит вопрос эффективного подхода к обучению студентов, одним из которых является геймификация. Она активизирует заинтересованность студентов к обучению, делает образовательный процесс более интересным. Автор анализирует перспективы внедрения геймификации в сфере образования и развитие новых возможностей игровых методик для совершенствования образовательного процесса. В работе приведены взгляды российских и зарубежных ученых на понятие «геймификация», а также показаны примеры внедрения инструментов геймификации в образовательный процесс в таких вузах и колледжах, как ИФМИТО НГПУ, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Алабуга Политех, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и в ряде зарубежных вузов, таких как Национальный технический университет Афин (Греция) и государственных и частных университетов Боснии и Герцеговины. Автором также показана важная роль геймификации в повышении мотивации, вовлеченности студентов в образовательный процесс.

Ключевые слова: геймификация, обучение персонала, образование, высшие учебные заведения, цифровые технологии, мотивация персонала, игровые технологии.

Введение

В условиях развития современных методов обучения студентов геймификация имеет особую значимость. В последние годы ее чаще рассматривают как проверенный временем эффективный инструмент для повышения увлеченности студентов и уровня полученных компетенции [7]. В условиях большой нагрузки студентов важно поддерживать и развивать интерес к учебному процессу.

Конкуренция и самореализация лежат в основе геймификации. Стремление человека к конкуренции достигается за счет применения игровых элементов, так как они мотивируют студентов достигать учебных целей. Геймификация в высших учебных заведениях направлена на создание условий, способствующих развитию коммуникации, критического мышления и командной работы [6]. Геймификация имеет цель вовлечь студента в учебу так же, как компьютерная игра увлекает игрока, подразумевает создание такой системы, в которой успешность игры участника зависит от его навыков и знаний, которые можно перенести в реальный мир.

Рассмотрим понятия отечественных и зарубежных ученых геймификации.

В отечественной практике внедрения игровых технологий в образовательную сферу напрямую связаны с автором собственных педагогических методик, профессором Липецкого ГПУ С.А. Шмаковым (1931–2000). На протяжении всей его жизни объектом исследований была теория и практика игры как источника культуры и как уникального средства раскрытия творческого потенциала обучающегося. Его главный лозунг был «Учиться, играя». Под руководством профессора были разработаны теории досуга молодежи и педагогические основы геймификации, а также изучено использование ролевой игры как дидактического средства моделирования деятельности.

Е.Ю. Борисова объясняет геймификацию как комплексную систему, которая состоит из игровых элементов, и лишь тщательное рассмотрение всех составляющих обеспечивает успешность применения данного метода для трансформации профессионального сознания [3]. Она также отмечает, что среди важных игровых механизмов являются соревнование, командная работа, обратная связь и вознаграждения.

И.В. Гаенкова, А.М. Бессмертный (Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова) посвятили несколько научных трудов введению игрофикации¹ в образовательный процесс. По их мнению, игрофикация – это ресурс для реализации образовательной деятельности студентов, целью которой является формирование индивидуальных способов конструирования знаний в обучении [1]. Они также отмечают, что игрофикация позволяет формировать индивидуальный опыт умений учиться, производить сквозной характер обучения, потому что такая система обучения применяется наряду с традиционной, а также создавать условия для творческого процесса конструирования «нового» знания с опорой на ранее полученные знания [5].

Вслед за отечественными теоретиками и практиками, разберем понятие «геймификация» зарубежных ученых.

¹ «Игрофикация» – отечественная версия термина «геймификация» / «gamification» (англ. Game – игра).

Американский педагог М. Пренски (1946–2025) одним из первых ученых, который увидел перспективу применения компьютерных игр в образовательном процессе. Несмотря на то, что до 2001 года определения «геймификация» не существовало¹, игры уже становились частью общества, в том числе и в сфере образования. Он утверждал, что игровая среда стимулирует интерес учеников. Обучающиеся, которые проводят свободное время за компьютерными играми, обладают определенными ожиданиями и стилем мышления, который сформировался таким опытом [16]. М. Пренски отмечал, что геймификация позволяет трансформировать учебный процесс из традиционного в увлекательный путем внедрения игровых элементов, что способствует повысить активность и усвоение материала на занятиях.

Профессор Орегонского университета Д. Хили в своих научных исследованиях [13] отмечает, что геймификация – это добавление игровых элементов в повседневные занятия, которые обычно не считают играми. Она делает акцент на то, что это не то же самое, что играть в игры на занятиях. Педагоги, как отмечает Д. Хили, обращают внимание на то, что игры вызывает «погружение», обучающиеся настолько вовлечены в процесс, что не замечают, как быстро проходит время. Она также отмечает следующую проблему: «игроки» обычно сосредоточены на победе (внешней мотивации), а не на обучении (внутренней мотивации). Обучение в игровой форме может быть реализовано на базе существующей видеоигры, например, преподаватели иностранных языков часто используют игру Minecraft для развития языковых навыков при помощи обсуждения планов строительства, распределения ресурсов и командной работы.

Значимость геймификации в сфере образования

Проблема вовлеченности студентов в образовательный процесс уже многие годы является актуальной. Несмотря на многочисленные реформы и нововведения, значительная доля молодых людей продолжает испытывать трудности с поддержанием интереса к учёбе, демонстрируя низкую активность во время лекций и семинаров. Традиционная система образования, основанная преимущественно на пассивном восприятии информации, не способна обеспечить глубокое понимание предмета и долгосрочную память. В результате школьники и студенты зачастую чувствуют себя отчуждёнными от учебного процесса, теряют мотивацию и стремятся поскорее завершить обучение ради формального диплома, а не реального приобретения знаний и навыков.

В отличие от традиционных методик, геймификация предлагает другой подход. Вместо простого повторения правил и фактов студенты оказываются внутри захватывающей истории, включённой в реальную жизнь. Они выполняют интересные задания, сталкиваются с трудностями, преодолевают препятствия и добиваются успеха путём интеллектуального напряжения и творчества. Именно такая структура позволяет включить студента в активную работу над материалом, обеспечивает высокую степень вовлечённости и развивает ключевые компетенции XXI века – умение ставить цели, планировать действия, брать ответственность за результат и сотрудничать с окружающими людьми.

Существует множество инструментов геймификации, способные разнообразить и повысить успеваемость

студентов: создание команд (студенты работают вместе для достижения общих целей), квесты (выполнение серий заданий, которые связаны с конкретным сюжетом). Отдельно отметим, что существующая балльно-рейтинговая система (БРС), которая принята в отечественных высших учебных заведениях, построена на инструменте PBL (P-points (очки) / B-bages (бейджи) / L-leaderboards (таблица лидеров)) [10]. Эта модель сосредоточена на таком психологическом мотиваторе, как развитие и достижение. С другой точки зрения, БРС мешает продвижению более сложных видов геймификации, отвечающих за мотивацию, так как система перекрывает другую и они «мешают» друг другу.

Анализ применения геймификации в отечественных и зарубежных высших учебных заведениях

Рассмотрим несколько примеров внедрения геймификации в зарубежных и отечественных вузах.

В высших учебных заведениях Боснии и Герцеговины преподаватели английского языка как второго иностранного языка применяют игропрактики на лекционных и семинарских занятиях. Целью данного применения геймификации является повышение уровня мотивации и интереса к дисциплинам. Инструментом данного подхода является Education Entertainment Learning Games (EEL games) – это концепция, которая объединяет игровые механики и обучающие материалы. Конкретно на примере обучения курса «Английский язык» в программу включают сценарий «Language quest». Эта игра направлена на развитие языковых навыков, таких как грамматика, лексика, письменная и разговорные речи и произношение. Участие принимают студенты, которые делятся на небольшие группы. Каждая команда представляет собой группу путешественников, которая изучает страну данного языка. В 2023 году проводили исследование, до применения EEL games 71% студентов владело уровнем B1, 65% – уровень B2, C1 и C2–34%, A1 и A2–32%. По результатам практики были выявлены следующие результаты: 87,2% студентов сообщили о большей уверенности в себе и сосредоточенности на навыках аудирования, а в разговорных навыках отметили 74,7% студентов. Чтение улучшилось у 87,1% обучающихся, а написание – 82,2%. В качестве общего вывода можно отметить, что 92,1% студентов выделили, что игры были полезны для понимания учебных материалов, а 84,2% – специально для усвоения целей изучения курса, включая лексику и грамматику [14].

Факультет электроники и вычислительной техники Национального технического университета Афин (Греция) также в рамках эксперимента внедрил геймификацию среди студентов направления «Бизнес-администрирование». Целью этого исследования было определить влияние геймификации в процессе обучения по нескольким факторам – выполнение заданий, активность студентов и их понимание материала. Инструментом выступило веб-приложение «Horses for Courses» («Лошади для курсов») для мотивации учащихся и повышения их навыков прогнозирования. Студентам было необходимо разделиться на группы: «Контроль», «Чтение», «Игра» и «Чтение и игра» и выполнять задания, на каждое задание давалось ограниченное количество времени – не более 15 минут. Успеваемость студентов по оценочной форме рассчитывалась как сумма правильных ответов в анкете, нормализованная до 100 баллов. Результаты исследования включают взаимосвязь между характеристиками временных рядов и стратегическим

¹ Определение термина «геймификация» впервые был дан американским программистом Ником Пеллингсом в 2002 году. Термин распространялся исключительно в игровой индустрии. С начала 2010-х годов «геймификация» начала приобретать популярность в других отраслях.

решением, а также точность прогнозирования методов для регулярных/быстро меняющихся и прерывистых временных рядов спроса. Исследование показало, что успеваемость студентов повысилась на 34,75% по теме статистического прогнозирования [15].

Так в Институте физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета (ИФМИТО НГПУ) игровым инструментом выступал сайт для проведения викторин Kahoot. Kahoot – онлайн-конструктор викторин с несколькими вариантами ответа. Уникальность сайта заключается в том, что при подсчете результатов учитывается не только правильные ответы, но и скорость. Если студент быстрее всех ответил – он получит больше всего баллов. При неверном ответе обучающийся не получает баллов. Викторины можно проводить в качестве проверочной работы или фронтального опроса. Из-за пандемии COVID-19 занятия были перенесены на дистанционный формат с использованием информационных технологий. Kahoot стал отличным инструментом для проведения занятия. Так студенты ИФМИТО НГПУ, которые проходили практику в одной из школ, организовали онлайн-викторину, где учащиеся смогли принять участие в игре, соревнуясь друг с другом. Преподаватели же могли выяснить, насколько хорошо обучающиеся закрепили материал. Такая практика позволила студентам заложить основу для дальнейшей разработки научно-практического проекта [9]. С 2022 года Kahoot прекратил работу сайта на территории Российской Федерации, поддерживая западные санкции.

Факультет иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета в рамках опытно-экспериментальной работы по повышению мотивации студентов, изучающих немецкий язык, организовал семинарские занятия в виде игры. Данный проект назывался «Путешествие по Германии» [4], а его целями выступали закрепление и активизация лексики по теме, а также формирование навыков командной работы и развития ораторского мастерства. Первым этапом эксперимента выступало анкетирование студентов с целью выяснить наличие мотивации к изучению иностранного языка. У всех оказался разный уровень мотивации. Далее было проведено обратное анкетирование, то есть, обучающиеся задавали вопросы преподавателю. Такой психологический прием помогает преподавателю лучше понять каждого студента и группу в целом, а каждому обучающемуся – понять лучше себя в системе взаимоотношений с коллективом. Каждый студент имеет разный уровень владения иностранным языком, поэтому преподавателями была разработана система уровней сложностей заданий. В качестве индикаторов успешности выполнения заданий использовались жетоны. Количество данной игровой валюты суммировалось и по итогу занятия фиксировалось преподавателем в общем рейтинге. Заработать жетоны можно лишь выполнив требования определенного уровня владения речевыми навыками. По итогу завершения курса студенты отмечают высокую заинтересованность к дисциплине и улучшение их результатов.

«Алабуга Политех» – это инженерный колледж, который специализируется на подготовке высококвалифицированных специалистов по стандартам WorldSkills, расположенный в городе Елабуга, республика Татарстан. ОЭЗ «Алабуга», владеющая «Алабуга Политех», является лучшей Особой экономической зоной в Европе по версии Financial Times в номинациях «Трансграничное сотрудничество», «Академическое сотрудничество» и «Развитие навыков». Главная задача образовательного центра – это подготовка квалифицированных специ-

алистов, востребованных среди работодателей, таких как главные инженеры новых производств, начальники цехов с высокотехнологичным оборудованием, профильные специалисты. По окончании обучения выпускник «Алабуга Политех» становится профессионалом с развитыми soft skills и hard skills, сертифицированный международным производителем оборудования с гарантией трудоустройства на предприятиях особой экономической зоной. «Алабуга Политех» применяет нестандартный подход к приемной компании, абитуриенты проходят вступительные испытания через экономическую онлайн-стратегию под названием Business Cats.

Business Cats (Бизнес Кэтс) – онлайн бизнес-симуляция по основам предпринимательства, который позволяет определить уровень аналитики, общения и навыки кандидата. Суть игры – на виртуальной площадке игроки создают свой бизнес, начиная с нескольких «котят» и управляют финансами, выстраивая наиболее выигрышную бизнес-стратегию. Вопреки видимой простоте, участники должны пройти через все трудности, с которыми сталкиваются бизнесмены. Виртуальных «котят» нужно не только производить, но и кормить, содержать в чистоте, следить за их здоровьем и успешно реализовывать сделки по продажам. Бизнес Кэтс был создан студентами «Алабуга Политех» и данный бизнес-симулятор активно применяется школьниками и абитуриентами. Победители этой игры имеют право поступить в «Алабуга Политех» без вступительных испытаний [11].

Электронное обучение MOODLE также может выступать инструментом геймификации в образовании. Так Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) создал курс повышения квалификации для преподавателей музыкальных дисциплин «Soft Way to Mozart». Программа создана совместно с учебно-методической лабораторией «Музыкально-компьютерные технологии». 60 студентов Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена приняли участие в данном проекте, задачей которой являлась приобретение навыков разговорной речи на английском языке и различных видов коммуникации в процессе общения с носителями языка, а также обучение игре на музыкальном инструменте с привлечением элементов геймификации с помощью интерактивных сетевых программ обучения музыке. Обучающие образовательного процесса выступили игроками. В план программы входят очки (это система оценивания по разным шкалам) и награды (может выражаться в виде похвалы преподавателя или одобрение, которое еще может выражаться в виде обратной связи). Уровни представлены в виде задания и тестов [12].

Исследования, проведенные в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, демонстрируют рост популярности игровых форматов образовательных мероприятий. Например, Н.В. Квач описала в научной работе [8] результаты проведения семинарских занятий по дисциплине «Иностранный язык» в формате игры. Целью применения геймификации в курс являлась снижение языковых барьеров, совершенствование фонетических навыков и произношения. Данными инструментами выступили карточки, таблица рейтингов и шкала прогресса (т.е. «маршрутная карта»). Смысл заключался в том, чтобы дать возможность студентам заработать баллы, где за выполнение задания можно их получить, чтобы перейти на следующую «локацию», а за невыполнение – потерять. Так, например, на Дне английского языка студенты делились на группы, получали карточки с заданиями. Так обучающиеся совершенствовали произношение английских скороговорок, где они могли быстро его озву-

чить. Как и в любой игре, с переходом на новый уровень задание (в данном случае скороговорка) усложнялось. Большинство студентов (92%) отметили, что использование игровых инструментов способствует снижению языковых барьеров, все обучающиеся считают целесообразным использование геймификации для отработки языковых навыков в дальнейшем.

Российские ВУЗы сегодня не только внедряют игровые механики на занятиях, но и создают целые образовательные программы на базе геймификации. В 2025 году Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого запустил магистерскую программу «Управление разработкой игровых решений для бизнеса и образования» по направлению подготовки 09.04.01 Информатика и вычислительная техника. Программа считается первой в России по разработке «серьезных игр», где учат студентов создавать и внедрять игровые решения для бизнеса и образования. Среди дисциплин данного направления можно выделить «История игр и игровой индустрии», «Онтология игры и психология игрока», «Современные практики индустрии «серьезных игр»» и другие.

Анализ современного состояния системы образования показывает нам устойчивый рост интереса к применению методов геймификации, что обусловлено возрастающей эффективностью этого подхода в образовательном процессе.

Выводы

Проанализировав взгляды российских и зарубежных ученых следует отметить, что геймификация в образовании – это методический подход, который сочетает в себе симбиоз игровых механик и элементов и традиционных подходов образовательного процесса, целью которого является повышение мотивации обучающихся и формирование интереса к изучаемому материалу¹.

Российское или зарубежное высшее образовательное учреждение – это не только место, где обучают студентов гуманитарным или техническим наукам, это еще и площадка для внедрения новых инструментов для улучшения образовательного процесса. Введение игровых методик в образовательный процесс позволит заинтересовать и удержать внимание студентов, создав комфортную среду для изучения сложных предметов. Опыт применения геймификации показал эффективность и востребованность в нынешних реалиях.

Литература

1. Бессмертный А.М., Гаенкова И.В. Игрофикация как образовательная парадигма обучения // Известия ВГПУ. 2016. № 6 (110). С. 15–22.
2. Бессмертный А.М., Гаенкова И.В. Методика оценки эффективности игрофикации в учебном процессе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 3 (33). С. 43–47.
3. Борисова Е.Ю. Геймификация как новый и перспективный инструмент формирования профессионального самосознания сотрудников сферы гостеприимства в ресторанах // Вестник РМАТ. 2022. № 2. С. 71–79.
4. Быстарай Е.Б., Скоробренко И.А., Белова Л.А. Формирование мотивации к изучению второго иностранного языка у студентов языковых факультетов с использованием элементов геймификации (на приме-

ре обучения немецкому языку) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 4. С. 359–365.

5. Гаенкова И.В., Бессмертный А.М. Игрофикация как технологический ресурс для организации познавательной деятельности студентов // Образовательные технологии и общество. 2016. Т. 19. № 2. С. 414–428.
6. Геймификация в высшем образовании: влияние игровых подходов на мотивацию и академические достижения студентов / Укроженко Д.В., Неверова О.П., Степанов А.В., Павлова Я.С., Кураш Д.К. // Право и управление. 2024. № 12. С. 479–483.
7. Золкина А.В., Ломоносова Н.В., Петрусович Д.А. Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 3. С. 127–143.
8. Квач Н.В. Геймификация процесса обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 1.
9. Ковшова Ю.Н., Сухоносенко М.Н. Модель использования геймификации в педагогическом вузе на примере обучения студентов математическим дисциплинам // Вестник педагогических инноваций. 2021. № 3(63). С. 152–161.
10. Резцова С.А. Саламатина И.И. Балльно-рейтинговая система в вузе: геймификация в действии // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Института иностранных языков / Под ред. Е.А. Никулиной, Е.Е. Беляевой. 2018. С. 422–426.
11. Цыбулевский А.В. Геймификация в сфере образования: современные подходы и практики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13. № 5. С. 95–99.
12. Якимчук О.С. Использование элементов геймификации в процессе дистанционного дополнительного обучения взрослых (на материале английского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 276–278.
13. Healey, D. (2019). Advancing learning: Gamification. P. 1–19.
14. Huseinović L. The Effects of Gamification On Student Motivation And Achievement In Learning English As A Foreign Language In Higher Education // MAP Education and Humanities, 2023. V. 4, p. 10–36.
15. The effect of challenge-based gamification on learning: An experiment in the context of statistics education / Legaki N.Z, Xib N., Hamarib J., Karpouzisa K., Assimakopoulos V. // International Journal of Human-Computer Studies. 2020. S. 144. P. 1–14.
16. Prensky M. (2001) Digital Games-Based Learning. P. 1–19.

GAMIFICATION IN UNIVERSITIES: DOMESTIC AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Tsybulevsky A.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Education is one of the important areas for everyone's development. Recently, there has been an urgent issue of an effective approach to student learning, one of which is gamification. It activates students' interest in learning and makes the educational process more interesting. The author analyzes the prospects for the introduction of gamification in the field of education and the development of new opportunities for game techniques to improve the educational process. The paper presents the views of Russian and foreign scien-

¹ Авторское определение.

tists on the concept of “gamification”, and also shows examples of the introduction of gamification tools into the educational process in such universities and colleges as IFMITO NGPU, South Ural State University of Humanities and Pedagogy, Russian State Pedagogical University, Herzen University, Alabuga Polytechnic, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, and in a number of foreign universities, such as the National Technical University of Athens (Greece) and public and private universities in Bosnia and Herzegovina. The author also shows the important role of gamification in increasing students' motivation and involvement in the educational process.

Keywords: gamification, staff training, education, higher education institutions, digital technologies, staff motivation, gaming technologies.

References

1. Bessmertny A.M., Gaenkova I.V. Gamification as an Educational Paradigm for Learning // *Izvestiya VGPU*. 2016. № 6 (110), p. 15–22. (In Russian)
2. Bessmertny A.M., Gaenkova I.V. Methodology for Assessing the Effectiveness of Gamification in the Educational Process // *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*. 2015. № 3 (33), p. 43–47. (In Russian)
3. Borisova E.Y. Gamification as a New and Promising Tool for Forming Professional Self-Awareness among Employees in Hospitality Industry Restaurants // *Vestnik RMAT*. 2022. № 2, p. 71–79. (In Russian)
4. Bystrai E.B., Skorobrenko I.A., Belova L.A. Formation of Motivation to Study Second Foreign Language Among Students of Linguistic Faculties Using Elements of Gamification (on Example of German Language Teaching) // *Pedagogy. Issues of Theory and Practice*. 2023. Vol. 8, № 4, p. 359–365. (In Russian)
5. Gaenkova I.V., Bessmertny A.M. Gamification as Technological Resource for Organizing Cognitive Activity of Students // *Educational Technology & Society*. 2016. Vol. 19, № 2, p. 414–428. (In Russian)
6. Zolkina A.V., Lomonosova N.V., Petrushevich D.A. Assessment of Demand for Application of Gamification as a Tool to Increase the Effectiveness of Educational Process // *Science for Education Today*. 2020. Vol. 10, № 3, p. 127–143. (In Russian)
7. Kvach N.V. Gamification of Foreign Language Learning Process for Non-Linguistics Higher School Students // *Modern Problems of Science and Education*. 2025. № 1. (In Russian)
8. Kovshova Y.N., Sukhonosenko M.N. Model of Using Gamification at Pedagogical University on Example of Training Mathematical Disciplines // *Bulletin of Pedagogical Innovations*. 2021. № 3(63), p. 152–161. (In Russian)
9. Reztsova S.A., Salamatina I.I. Point-Rating System in Higher Education Institution: Gamification in Action // *Current Issues of Linguistics and Lingua-Didactics: Traditions and Innovations. Proceedings of International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Institute of Foreign Languages*. Ed. by E.A. Nikulina, E.E. Belyaeva. 2018, p. 422–426. (In Russian)
10. Ukrozhenko D.V., Neverova O.P., Stepanov A.V., Pavlova Y.S., Kurash D.K. Gamification in Higher Education: Impact of Game-Based Approaches on Student Motivation and Academic Achievement // *Law and Management*. 2024. № 12, p. 479–483. (In Russian)
11. Tsybulevskiy A.V. Gamification in Education: Contemporary Approaches and Practices // *Personnel Management and Intellectual Resources in Russia*. 2024. Vol. 13, № 5, p. 95–99. (In Russian)
12. Yakimchuk O.S. Use of Gamification Elements in Distance Additional Adult Education (Based on Material of English Language) // *World of Science, Culture, Education*. 2021. № 4 (89), pp. 276–278. (In Russian)
13. Healey, D. (2019). Advancing learning: Gamification. P. 1–11.
14. Huseinović L. (2023). The Effects of Gamification On Student Motivation And Achievement In Learning English As A Foreign Language In Higher Education // *MAP Education and Humanities*, V. 4, p. 10–36.
15. Legaki N.Z, Xib N., Hamarib J., Karpouzisa K., Assimakopoulos V. (2020) The effect of challenge-based gamification on learning: An experiment in the context of statistics education // *International Journal of Human-Computer Studies*. S. 144. P. 1–14.
16. Prensky M. (2001) Digital Games-Based Learning. P. 1–19.

Приоритетные направления социальных инвестиций российских компаний: анализ нефинансовой отчетности

Чугумбаев Роман Рыспекович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-аналитики факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: rrchugumbaev@fa.ru

В статье исследуются приоритеты формирования социального капитала российских компаний на основе анализа их нефинансовой отчетности. Методология исследования включает контент-анализ отчетных документов с последующим применением методов статистического анализа для выявления устойчивых взаимосвязей между различными направлениями социальных инвестиций, такими как поддержка образования, здравоохранения и культурных инициатив. Особое внимание уделено применению устойчивых к выбросам статистических методов, обеспечивающих надежность результатов при наличии неоднородности данных. Результаты исследования демонстрируют системный характер социальных инвестиций российских компаний, проявляющийся в кластеризации образовательных, медицинских и культурных программ. Выявленные закономерности позволяют сделать вывод о доминировании стратегического подхода к формированию социального капитала, ориентированного на развитие человеческого потенциала и укрепление корпоративной репутации. Полученные выводы могут быть использованы для оптимизации корпоративных социальных программ и совершенствования требований к отчетности.

Ключевые слова: социальный капитал, нефинансовая отчетность, ESG, корпоративная социальная ответственность, человеческий капитал.

Введение

В современных условиях глобализации и цифровизации экономики социальный капитал компаний становится ключевым фактором их устойчивого развития и конкурентоспособности. Российские предприятия все активнее внедряют принципы ESG (Environmental, Social, Governance), где социальная составляющая (S) играет особую роль в формировании доверия со стороны стейкхолдеров, включая инвесторов, потребителей и местные сообщества. Однако, несмотря на растущий интерес к корпоративной социальной ответственности (КСО), в России сохраняется ряд проблем: недостаточная стандартизация нефинансовой отчетности, разрыв между декларируемыми принципами и их практической реализацией, а также отсутствие единых методик оценки социального капитала.

В последние десятилетия социальная ответственность бизнеса трансформировалась из добровольной инициативы в стратегический инструмент управления репутацией и создания долгосрочной стоимости. Для российских компаний, работающих в условиях геополитической турбулентности и структурных изменений экономики, эффективное управление социальным капиталом становится критически важным.

В 2022–2024 годах российский бизнес столкнулся с беспрецедентными вызовами, потребовавшими пересмотра подходов к корпоративной социальной политике. Санкционное давление, уход международных партнеров и трансформация цепочек создания стоимости привели к необходимости перераспределения социальных инвестиций. В этих условиях анализ актуальных данных нефинансовой отчетности позволяет выявить адаптационные стратегии компаний.

Меняющиеся ожидания стейкхолдеров требуют от компаний более прозрачного и измеримого подхода к социальным инвестициям. Инвесторы все чаще учитывают ESG-факторы при принятии решений. В российских условиях этот тренд проявляется в растущем запросе на достоверную информацию о вкладе бизнеса в решение социальных задач.

Современные исследования социального капитала российских компаний в контексте нефинансовой отчетности отражают многообразие подходов к пониманию его роли в устойчивом развитии и КСО. Анализ лучших практик российского бизнеса в области ESG-стратегий показывает, что социальная отчетность только начинает становиться обязательным элементом деятельности компаний, но уже демонстрирует положительное влияние на репутацию и инвестиционную привлекательность [4].

Теоретическое осмысление ESG-принципов связывают их с институциональной теорией и теорией управления, подчеркивая историческую преемственность социальной ответственности в России, уходящую корнями в XIX век и советский период [1, 13].

Современные исследования в области КСО и устойчивого развития демонстрируют значительную эволюцию подходов к данным концепциям. Особое внимание в научной литературе уделяется экологическим аспектам КСО, причем доказано, что социальная ответствен-

ность в вопросах охраны окружающей среды по значимости может превосходить даже финансовые показатели компаний [15]. Эта тенденция нашла отражение в концепции КСО 2.0, которая трансформирует социальную ответственность из добровольного выбора в обязательное требование, с особым акцентом на необходимость сертификации по международным стандартам [2].

В контексте добывающих отраслей разработан специальный механизм проектной реализации социальных стратегий, включающий математические модели оптимизации затрат. Данный подход успешно апробирован на примере экологических проектов нефтедобывающих компаний [8]. Однако анализ динамики нефинансовой отчетности российских предприятий за последнее десятилетие выявляет существенные проблемы внедрения КСО, среди которых недостаточная стандартизация и значительная отраслевая разрозненность [5].

Особую актуальность приобретает проблема баланса между цифровой трансформацией и социальной ответственностью, требующая гуманистического подхода в условиях стремительных технологических изменений [6]. Современное понимание устойчивости бизнеса существенно расширилось, включив в себя не только экономические, но и социальные, экологические аспекты, а также стабильность внешних связей [7]. При этом отмечается рост информационной ценности нефинансовой отчетности для принятия управленческих решений на различных уровнях [11].

Отраслевые исследования, в частности работы по угольным компаниям Арктики, демонстрируют эффективность долгосрочных программ КСО в гармонизации отношений с местными сообществами [9]. Особую значимость социальные инвестиции приобретают в кризисных условиях, что было наглядно продемонстрировано во время пандемии COVID-19 [10]. Параллельно адаптация принципов КСО к условиям цифровой экономики рассматривается как важный фактор повышения конкурентоспособности современных предприятий [12].

В методологическом плане предлагаются новые подходы к учету социальных показателей в системе управленческого учета, направленные на повышение прозрачности корпоративной отчетности [3]. Анализ ESG-факторов как социального тренда подтверждает их существенное влияние на бренд и репутацию компаний, особенно заметное на примере крупных корпораций [1].

Несмотря на значительное количество исследований в данной области, в научной литературе отмечается недостаток системных работ, анализирующих взаимосвязи между различными направлениями социальных инвестиций российских компаний. Большинство существующих исследований либо ограничиваются анализом отдельных кейсов, либо применяют лишь методы описательной статистики. В этой связи данное исследование направлено на выявление ключевых приоритетов российских компаний в формировании социального капитала через анализ их нефинансовой отчетности. Полученные результаты будут полезны как для компаний, оптимизирующих свои социальные инвестиции, так и для регуляторов, разрабатывающих стандарты нефинансовой отчетности в России.

Методы исследования

Данное исследование построено на анализе нефинансовой отчетности ведущих российских компаний, представленной в Национальном регистре нефинансовой отчетности на сайте Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). В выборку вошли 13 организаций из нефтегазовой, энергетической и инжинирин-

говой отраслей, чьи отчеты соответствовали критериям полноты и прозрачности раскрытия информации.

Основу исследования составляет контент-анализ годовых отчетов об устойчивом развитии, разделов по корпоративной социальной ответственности и интегрированных отчетов, опубликованных компаниями за 2023 год. Анализ сосредоточен на двенадцати ключевых направлениях социальных инвестиций, частота упоминаний которых тщательно фиксируется и анализируется.

Формирование системы ключевых направлений для анализа социального капитала российских компаний основывается на комплексном подходе, учитывающем несколько взаимосвязанных аспектов. Выбор именно этих двенадцати категорий обусловлен теоретическими основаниями концепции социального капитала и спецификой его проявления в российском корпоративном секторе.

Теоретико-методологическая основа отбора показателей базировалась на трех ключевых измерениях социального капитала, предложенных Патнэмом Р.Д. [14]: структурном (сети взаимодействий), когнитивном (общие нормы и ценности) и реляционном (доверие). Каждая из выбранных категорий отражает одно или несколько этих измерений. Так, «поддержка образования» и «программы для школ/вузов» характеризуют инвестиции в структурный капитал через создание образовательных сетей, в то время как «донорские программы» и «помощь людям с инвалидностью» отражают когнитивный аспект – формирование общих ценностей социальной ответственности.

Анализ российского корпоративного контекста показывает, что выбранные категории наиболее полно отражают приоритеты социальных инвестиций российских компаний. Исторически сложилось, что крупный бизнес в России ориентируется на: 1) поддержку сотрудников и их семей (категории «сотрудники» и «семьи»), 2) развитие образования как основы долгосрочного кадрового потенциала, 3) участие в решении социальных проблем территорий присутствия. Эти приоритеты нашли отражение в структуре нефинансовой отчетности, где перечисленные направления регулярно выделяются в отдельные разделы.

Многоуровневый подход к анализу данных нефинансовой отчетности предполагает последовательное применение различных статистических методов. Первичная обработка данных включает расчет основных описательных статистик – средних значений, медиан, межквартильных размахов и коэффициентов вариации, что дает общее представление о распределении социальных инвестиций по различным направлениям. Корреляционный анализ занимает центральное место в исследовании. Расчет коэффициентов корреляции Спирмена и построение корреляционных матриц позволяют выявлять устойчивые паттерны распределения социальных инвестиций. При этом все корреляционные связи проверяются на статистическую значимость. Сравнение различных групп компаний требует применения современных непараметрических методов, которые учитывают особенности распределения данных и наличие выбросов.

Методология исследования имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. К ним относятся использование частотности упоминаний как косвенного показателя активности, неравномерное отраслевое представительство в выборке, потенциальная субъективность при обработке текстовых данных и ограниченный временной период наблюдения. Однако применяемый системный подход обеспечивает надежное выявление устойчивых взаимосвязей между различными направлениями корпоративной социальной деятельности.

Результаты

Первичный анализ текстовых данных нефинансовой отчетности за 2023 год 13 компаний выявил выраженную дифференциацию внимания компаний к двенадцати ключевым направлениям социальных инвестиций: поддержка семей, программы для сотрудников, развитие образования, стипендиальные программы, инициативы для школ и вузов, спонсорство культурных учреждений, поддержка спортивных мероприятий, донорские программы, медицинские центры, профилактика заболеваний, программы для пенсионеров и помощь людям с инвалидностью. Наибольшая плотность упоминаний наблюдается в разделах, посвященных программам поддержки сотрудников и их семей, что отражает приоритетность внутреннего социального капитала в корпоративных стратегиях. При этом заметна тенденция к комплексному описанию социальных инициатив, когда образовательные программы часто упоминаются вместе с медицинскими, а культурные – с благотворительными проектами. Обобщающие результаты контент-анализа нефинансовой отчетности по направлениям социальных инвестиций представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты контент-анализа нефинансовой отчетности по направлениям социальных инвестиций

Направление социальных инвестиций	Средняя частота упоминаний	Доля от общего числа (%)
Поддержка сотрудников	152.6	28.5%
Программы для семей	45.2	8.4%
Поддержка образования	67.8	12.7%
Стипендиальные программы	32.1	6.0%
Медицинские центры	38.4	7.2%
Спортивные мероприятия	56.3	10.5%
Культурное спонсорство	42.7	8.0%
Помощь людям с инвалидностью	28.5	5.3%

Источник: составлено автором по данным нефинансовой отчетности российских компаний за 2023 год.

Качественный анализ текстов позволил выделить три основных категории описания социальной активности: стратегические (связь с бизнес-целями), гуманистические (забота о благополучии) и репутационные (имиджевые аспекты). Наиболее распространенным оказался стратегический нарратив, особенно в описании образовательных программ и инициатив по развитию персонала. В то же время, проекты помощи уязвимым группам населения чаще подаются через гуманистическую призму.

Для анализа приоритетов социальных инвестиций были сформулированы следующие гипотезы.

Нулевая гипотеза (H_0): Частота упоминаний программ для сотрудников в нефинансовой отчетности нефтегазовых компаний не отличается значимо от частоты упоминаний поддержки образования.

Альтернативная гипотеза (H_1): Частота упоминаний программ для сотрудников в нефинансовой отчетности нефтегазовых компаний значимо превышает частоту упоминаний поддержки образования.

Для проверки этих гипотез следует применить дисперсионный анализ (ANOVA) с последующей проверкой условий его применимости. Исследовательская гипотеза

за предполагает, что компании нефтегазового сектора значимо чаще инвестируют в программы для сотрудников по сравнению с поддержкой образования.

Предварительный анализ данных показал существенные различия в распределении изучаемых показателей. Как видно в таблице 2, среднее количество упоминаний программ для сотрудников составило 117.4, в то время как поддержка образования упоминалась в среднем 14.9 раза. Коэффициент вариации для первого показателя достигал 151%, что свидетельствует о высокой степени неоднородности данных между компаниями.

Таблица 2. Сравнительные показатели инвестиций в программы для сотрудников и поддержку образования

Показатель	Программы для сотрудников	Поддержка образования
Среднее значение	117.4	14.9
Стандартное отклонение	177.0	14.2
Коэффициент вариации, %	151	95
Медиана	53	12

Источник: составлено автором.

Проверка условий применимости ANOVA выявила отклонения от нормальности распределения (тест Шапиро-Уилка: $p < 0.05$ для обоих показателей) и неоднородность дисперсий (тест Левена: $F = 4.32$, $p = 0.04$). В связи с этим наряду с классическим дисперсионным анализом были применены робастные методы, включая тест Уэлча и непараметрические альтернативы.

Результаты дисперсионного анализа показали наличие статистически значимых различий между изучаемыми видами социальных инвестиций ($F = 5.67$, $p = 0.02$). Однако при использовании поправки Уэлча для неравных дисперсий уровень значимости увеличился до $p = 0.06$, что ставит под сомнение однозначность выводов. Непараметрический тест Краскела-Уоллиса также не выявил значимых различий ($H = 3.24$, $p = 0.07$).

Таблица 3. Результаты сравнения инвестиционных приоритетов

Метод анализа	Статистика	p-значение
Классический ANOVA	$F = 5.67$	0.02
ANOVA с поправкой Уэлча	$F = 3.84$	0.06
Тест Краскела-Уоллиса	$H = 3.24$	0.07

Источник: составлено автором.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о наличии определенных различий в приоритетах социальных инвестиций, однако их статистическая значимость зависит от выбранного метода анализа. Описательная статистика действительно показывает более высокую частоту упоминаний программ для сотрудников, но высокая вариабельность данных между компаниями требует осторожности при интерпретации.

Особый интерес представляет выявленная сильная положительная корреляция между инвестициями в образование и стипендиальными программами ($r = 0.95$), что свидетельствует о комплексном подходе компаний к развитию человеческого капитала. Этот факт несколько усложняет прямое сравнение двух видов социальных направлений, так как они могут представлять разные аспекты единой стратегии.

Дополнительный анализ с исключением экстремальных значений показал, что в «типичных» компаниях (без учета явных выбросов) соотношение инвестиций в сотрудников и образование становится более сбалансированным. Это позволяет предположить, что выявленные различия в значительной степени обусловлены особенностями отдельных крупных игроков, демонстрирующих исключительно высокую активность в области поддержки персонала.

Для проверки гипотезы о приоритетах распределения социальных инвестиций между медицинскими центрами и программами для пенсионеров в компаниях, активно поддерживающих спорт, был проведен комплексный статистический анализ. Исходные данные (упоминания данных направлений в нефинансовой отчетности) демонстрировали заметные различия. Как видно в таблице 4, среднее количество упоминаний медицинских центров составило 5.2, в то время как программы для пенсионеров упоминались в среднем 3.8 раз. Коэффициент вариации для обоих показателей очень высок, что указывает на существенную неоднородность данных между компаниями.

Таблица 4. Сравнительная характеристика инвестиций в медицинские центры и программы для пенсионеров

Параметр	Медицинские центры	Программы для пенсионеров
Среднее значение	5.23	3.77
Стандартное отклонение	5.91	3.52
Минимальное значение	0	0
Максимальное значение	19	11
Коэффициент вариации (%)	113	93

Источник: составлено автором.

Предварительная проверка условий применения дисперсионного анализа выявила отклонения от нормального распределения (тест Шапиро-Уилка: $p < 0.05$ для медицинских центров) и неоднородность дисперсий (тест Левена: $F = 4.15$, $p = 0.03$). В связи с этим, наряду с традиционным ANOVA, были использованы альтернативные методы, включая тест Уэлча и непараметрические аналоги.

Результаты анализа показали, что различия между средними значениями инвестиций в медицинские центры и программы для пенсионеров не достигают уровня статистической значимости при использовании классического дисперсионного анализа ($F = 1.12$, $p = 0.30$). Аналогичные результаты были получены при применении более строгих критериев: ANOVA с поправкой Уэлча ($F = 1.05$, $p = 0.31$) и теста Краскела-Уоллиса ($H = 1.47$, $p = 0.23$) (табл. 5).

Таблица 5. Результаты сравнения инвестиционных приоритетов

Метод анализа	Статистика	p-значение
Классический ANOVA	$F = 1.12$	0.30
ANOVA с поправкой Уэлча	$F = 1.05$	0.31
Тест Краскела-Уоллиса	$H = 1.47$	0.23

Источник: составлено автором.

При этом корреляционный анализ выявил умеренную положительную связь между инвестициями в спортивные мероприятия и медицинские центры ($r = 0.42$, $p = 0.08$), тогда как связь с программами для пенсионеров оказалась слабой и статистически незначимой ($r = 0.18$, $p = 0.42$). Это позволяет предположить наличие определенной координации между спортивными и медицинскими программами, хотя и не подтверждает первоначальную гипотезу о значительном преобладании медицинских инвестиций.

Интересно отметить, что при анализе только компаний с высоким уровнем спортивных инвестиций (верхний квартиль) разница между медицинскими программами и поддержкой пенсионеров становится более выраженной (6.8 ± 6.1 против 3.2 ± 2.9), однако из-за малого размера подвыборки эти различия также не достигают статистической значимости ($p = 0.12$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что компании, активно инвестирующие в спорт, действительно демонстрируют тенденцию к более интенсивной поддержке медицинских центров по сравнению с программами для пенсионеров, однако эта тенденция не является статистически значимой на уровне всей выборки. Возможными объяснениями могут служить как ограниченный объем данных, так и реальное отсутствие системного перекаса в распределении социальных инвестиций между этими направлениями в российских компаниях.

В условиях существенной неоднородности исследуемых показателей социальных инвестиций особое значение приобретает применение робастных (устойчивых к выбросам) методов статистического анализа, устойчивых к нарушениям стандартных предположений. Традиционные параметрические методы в данном случае могут давать смещенные оценки из-за наличия экстремальных значений и существенных различий в дисперсиях между группами.

Первичный анализ данных выявил значительную вариабельность показателей социальных инвестиций между компаниями. Коэффициенты вариации по различным направлениям колебались от 83% до 151%, что существенно превышает допустимые для классического дисперсионного анализа пределы. Особенно выделялись показатели, связанные с поддержкой сотрудников и спортивных мероприятий, где разброс значений между компаниями достигал нескольких порядков (табл. 6).

Таблица 6. Показатели вариабельности социальных инвестиций

Направление инвестиций	Коэффициент вариации (%)	Максимальное значение	Минимальное значение
Поддержка сотрудников	151	558	6
Спортивные мероприятия	144	140	0
Медицинские центры	113	19	0
Программы для пенсионеров	93	11	0

Источник: составлено автором.

Для преодоления этих ограничений был применен комплекс робастных методов анализа. В первую очередь использовались непараметрические аналоги дисперсионного анализа – тест Краскела-Уоллиса для независимых выборок и тест Фридмана для связанных. Эти ме-

тоды, основанные на рангах значений, продемонстрировали большую устойчивость к выбросам по сравнению с традиционным ANOVA.

Альтернативным подходом стало применение М-оценок (робастных аналогов средних значений) и методов обрезки выборки. При 10% уровне усечения (обрезки) крайних значений результаты анализа показали большую согласованность между различными методами. Особенно показательным стало сравнение классических и робастных оценок центральной тенденции (табл. 7).

Таблица 7. Сравнение классических и робастных оценок

Показатель	Среднее арифметическое	Медиана	М-оценка	Усеченное среднее (10%)
Поддержка образования	14.9	12.0	13.2	13.8
Спонсорство культуры	5.2	3.0	4.1	4.3
Донорские программы	3.7	0.0	2.8	3.1

Источник: составлено автором.

Для анализа взаимосвязей между показателями вместо классического коэффициента корреляции Пирсона использовался ранговый коэффициент Спирмена и робастный коэффициент бисериальной корреляции. Это позволило уменьшить влияние экстремальных значений на оценку силы связей между переменными. Наибольшую устойчивость продемонстрировала связь между поддержкой образования и стипендиальными программами, которая сохраняла высокую значимость ($p > 0.9$) при любом методе оценки.

Применение робастных методов статистики позволило сделать более обоснованные выводы о закономерностях распределения социальных инвестиций российских компаний. В частности, подтвердилась устойчивая тенденция к комплексному подходу в социальных программах, когда инвестиции в одно направление (например, образование) сопровождаются развитием смежных инициатив (стипендии, медицинские программы). При этом различия между отраслями оказались менее выраженными, чем можно было предположить на основе первоначального анализа без учета робастных методов.

Матрица корреляций между различными направлениями социальных инвестиций компаний выявила комплексную систему взаимосвязанных активностей. Для наглядности в таблице 8 представлены 20 наиболее значимых пар корреляций, отобранных по величине коэффициента Спирмена ($p > 0.7$). Анализ проводился с поправкой на множественные сравнения, что обеспечило надежность выявленных взаимосвязей.

Таблица 8. Наиболее сильные корреляции между направлениями социальных инвестиций

Направление 1	Направление 2	Кoeffициент ρ	p-значение
Поддержка образования	Стипендиальные программы	0.95	<0.001
Поддержка образования	Медицинские центры	0.93	<0.001
Стипендиальные программы	Медицинские центры	0.91	<0.001

Окончание

Направление 1	Направление 2	Кoeffициент ρ	p-значение
Спонсорство культуры	Донорские программы	0.89	<0.001
Профилактика заболеваний	Программы для пенсионеров	0.87	<0.001
Поддержка образования	Программы для пенсионеров	0.85	<0.001
Медицинские центры	Программы для пенсионеров	0.84	<0.001
Стипендиальные программы	Программы для пенсионеров	0.83	<0.001
Поддержка образования	Профилактика заболеваний	0.82	<0.001
Стипендиальные программы	Профилактика заболеваний	0.81	<0.001
Спонсорство культуры	Медицинские центры	0.80	0.001
Спонсорство культуры	Поддержка образования	0.79	0.001
Донорские программы	Профилактика заболеваний	0.78	0.001
Спонсорство культуры	Профилактика заболеваний	0.77	0.001
Донорские программы	Помощь людям с инвалидностью	0.76	0.002
Поддержка спорта	Упоминание сотрудников	0.75	0.002
Спонсорство культуры	Стипендиальные программы	0.74	0.003
Медицинские центры	Профилактика заболеваний	0.73	0.003
Программы для школ/вузов	Помощь людям с инвалидностью	0.72	0.004
Донорские программы	Медицинские центры	0.71	0.005

Источник: составлено автором.

Анализ матрицы корреляций позволяет выделить несколько устойчивых кластеров социальной активности. Наиболее выраженная взаимосвязь наблюдается между образовательными и медицинскими программами ($p = 0.93–0.95$), что свидетельствует о формировании комплексных стратегий развития человеческого капитала. Примечательно, что эти направления также тесно связаны с программами для пенсионеров ($p = 0.83–0.85$), образуя интегрированную систему поддержки на разных этапах жизненного цикла.

Отдельного внимания заслуживает кластер культурно-благотворительной активности, где спонсорство культурных учреждений демонстрирует сильную связь с донорскими программами ($p = 0.89$) и медицинскими инициативами ($p = 0.80$). Это может отражать стратегию позиционирования компаний как социально ответственных партнеров территорий присутствия.

Интересная закономерность выявлена в корреляциях между программами для образовательных учреждений и помощью людям с инвалидностью ($p = 0.72$). Данная взаимосвязь, неочевидная на первый взгляд, возможно, объясняется развитием инклюзивных образовательных

программ в корпоративных стратегиях социальной ответственности.

Следует отметить, что некоторые направления социальных инвестиций, такие как поддержка семей и профилактика заболеваний, демонстрируют менее выраженные связи с другими активностями, что может указывать на их относительно изолированное положение в общей структуре корпоративных социальных программ. Это наблюдение требует дополнительного исследования для понимания причин такой автономности.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые закономерности формирования социального капитала российскими компаниями через призму их нефинансовой отчетности. Анализ продемонстрировал, что корпоративные социальные инвестиции носят не случайный, а системный характер, образуя устойчивые кластеры взаимосвязанных активностей. Особенно показательной оказалась тесная взаимосвязь между образовательными и медицинскими программами, отражающая комплексный подход к развитию человеческого капитала.

Полученные результаты свидетельствуют о постепенном формировании в российском корпоративном секторе сбалансированной модели социальной ответственности, сочетающей внимание к внутренним (персонал) и внешним (сообщество) аспектам. При этом выявленные корреляционные структуры сохраняют устойчивость при различных методах статистического анализа, что подтверждает надежность сделанных выводов.

Исследование вносит вклад в понимание современных тенденций корпоративной социальной политики в России, предлагая статистический инструментарий для анализа нефинансовой отчетности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов для оптимизации социальных инвестиций и совершенствования стандартов отчетности, что особенно актуально в условиях растущего внимания к ESG-факторам со стороны всех групп стейкхолдеров.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением взаимосвязи структуры социальных инвестиций с экономическими показателями компаний, а также с проведением сравнительного анализа с международными практиками корпоративной социальной ответственности. Развитие данного направления исследований может способствовать формированию более эффективных моделей взаимодействия бизнеса и общества.

Литература

1. Абдулганиева, З.В. Устойчивое развитие и корпоративная социальная ответственность бизнеса как социальный тренд / З.В. Абдулганиева, П.С. Щербаченко // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S2.
2. Барков, А.В. Корпоративная социальная ответственность версии 2.0 как фактор правового обеспечения высоких стандартов экологического благополучия / А.В. Барков, Я.С. Гришина // Гражданское право. – 2021. – № 3. – С. 31–34. – DOI 10.18572/2070–2140–2021–3–31–34.
3. Боровицкая, М. В. К вопросу о формировании социальных показателей в управленческом учете / М.В. Боровицкая // Научный вектор Балкан. – 2021. – Т. 5, № 1(11). – С. 55–58. – DOI 10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0009.
4. Зверева, А. Д. «S»-компонента в деятельности российских компаний как составляющая ESG-стратегии / А.Д. Зверева, В.В. Перская, Т.Н. Мамедов // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 3(52). – С. 104–114. – DOI 10.34022/2658–3712–2023–52–3–104–114.
5. Звонарева, Н.С. Проблемы реализации принципов социальной ответственности бизнеса в России / Н.С. Звонарева // Russian Journal of Management. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 442–446. – DOI 10.29039/2409–6024–2024–12–1–442–446.
6. Измайлова, М.А. Цифровая трансформация и социальная ответственность: прагматизм или поиск баланса / М.А. Измайлова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 575–591. – DOI 10.18184/2079–4665.2022.13.4.575–591.
7. Мельник, М.В. Загадки устойчивого развития в инновационной экономике / М.В. Мельник // Инновационное развитие экономики. – 2020. – № 3(57). – С. 33–41.
8. Новоселова, И.Ю. Проектная реализация целей социальной корпоративной стратегии добывающей компании / И.Ю. Новоселова, А.Л. Новоселов // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 119–129. – DOI 10.26794/1999–849X-2021–14–2–119–129.
9. Петров, И.В. Моделирование программы корпоративной социальной ответственности угольных компаний в Арктическом регионе / И.В. Петров, И.Ю. Новоселова, А.Л. Новоселов // Уголь. – 2022. – № 3(1152). – С. 53–58. – DOI 10.18796/0041–5790–2022–3–53–58.
10. Петрова, О.А. Корпоративная социальная ответственность: важные аспекты ее оценки и влияния на принятие бизнес-решений / О.А. Петрова // Экономические науки. – 2024. – № 238. – С. 178–181. – DOI 10.14451/1.238.178.
11. Савин, А.А. Публичная нефинансовая отчетность: российский аспект / А.А. Савин, И.А. Савин // Экономические науки. – 2024. – № 231. – С. 198–202. – DOI 10.14451/1.231.198.
12. Утакаева, И.Х. Концепции корпоративной социальной ответственности в условиях цифровой экономики / И.Х. Утакаева // Экономика строительства. – 2024. – № 11. – С. 147–149.
13. Conceptual framework for the development of ESG theory in relation to Russian business / V.V. Perskaya, D.E. Morkovkin, A.L. Chupin [et al.] // Voprosy Istorii. – 2022. – № 9–1. – P. 256–270. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi03.
14. Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. Simon Schuster. – 2000.
15. Voyko, D.V. Corporate social responsibility and sustainable development in the context of environmental challenges / D.V. Voyko, A.V. Voyko // Vestnik Universiteta. – 2022. – № 4. – P. 13–19. – DOI 10.26425/1816–4277–2022–4–13–19.

PRIORITY DIRECTIONS OF SOCIAL INVESTMENTS OF RUSSIAN COMPANIES: ANALYSIS OF NON-FINANCIAL STATEMENTS

Chugumbaev R.R.

Financial University under the Government of the Russian Federation.

The article examines the priorities of the formation of social capital of Russian companies based on the analysis of their non-financial reporting. The research methodology includes a content analysis of accounting documents with the subsequent application of statistical analysis methods to identify sustainable relationships between various areas of social investment, such as support for education,

healthcare, and cultural initiatives. Special attention is paid to the use of error-resistant statistical methods that ensure the reliability of results in the presence of heterogeneity of data. The results of the study demonstrate the systemic nature of social investments of Russian companies, manifested in the clustering of educational, medical and cultural programs. The revealed patterns allow us to conclude that a strategic approach to the formation of social capital is being developed, focused on the development of human potential and strengthening corporate reputation. The findings can be used to optimize corporate social programs and improve reporting requirements.

Keywords: social capital, non-financial reporting, ESG, corporate social responsibility, human capital.

References

1. Abdulganieva, Z.V. Sustainable development and corporate social responsibility of business as a social trend / Z.V. Abdulganieva, P.S. Shcherbachenko // *Bulletin of Eurasian Science*. – 2024. – Vol. 16, / S2.
2. Barkov, A.V. Corporate social responsibility version 2.0 as a factor of legal provision of high standards of environmental well-being / A.V. Barkov, Ya.S. Grishina // *Civil Law*. – 2021. – № 3. – pp. 31–34. – DOI 10.18572 / 2070–2140–2021–3–31–34.
3. Borovitskaya, M.V. On the issue of the formation of social indicators in management accounting / M.V. Borovitskaya // *Scientific vector Bull*. – 2021. – Vol. 5, № 1(11). – pp. 55–58. – DOI 10.346671 / SCH.SVB.2021.0501.0009.
4. Zvereva, A.D. “S” -<url>-<url>-<url>. D. Zvereva, V.V. Perskaya, T.N. Mammadov // *Social and labor research*. – 2023. – № 3(52). – Pp. 104–114. – DOI 10.34022 / 2658–3712–2023–52–3–104–114.
5. Zvonareva, N.S. Problems of implementing the principles of social responsibility of business in Russia / N. S. // *Russian Journal of management*. – 2024. – Vol. 12, № 1. – pp. 442–446. – DOI 10.29039 / 2409–6024–2024–12–1–442–446.
6. Izmailova, M.A. Digital transformation and social responsibility: pragmatism or the search for balance / M.A. Izmailova // *The WORLD (Modernization. Innovation. Development)*. – 2022. – Vol. 13, № 4. – pp. 575–591. – DOI 10.18184/2079–4665.2022.13.4.575–591.
7. Melnik, M.V. Riddles of sustainable development in the innovative economy / M.V. Melnik // *Innovative economic development*. – 2020. – № 3(57). – Pp. 33–41.
8. Novoselova, I.Y. Project implementation of the goals of the social corporate strategy of a mining company / I.Y. Novoselova, A.L. Noselov // *Economy. Taxes. Pravo*. – 2021. – Vol. 14, № 2. – pp. 119–129. – DOI 10.26794 / 1999–849 / –2021–14–2–119–129.
9. Petrov, I.V. Modeling the program of corporate social responsibility of coal companies in the Arctic region / I.V. Petrov, I.Y. Novoselova, A.L. Novoselov // *Coal*. – 2022. – № 3(1152). – Pp. 53–58. – DOI 10.18796 / 0041–5790–2022–3–53–58.
10. Petrova, O.A. Corporate social responsibility: important aspects of its assessment and impact on business decision-making / O.A. Petrova // *Economic sciences*. – 2024. – № 238. – pp. 178–181. – DOI 10.14451 / 1.238.178.
11. Savin, A.A. Public non-financial reporting: a Russian aspect / A.A. Savin, I.A. Savin // *Economic sciences*. – 2024. – № 231. – pp. 198–202. – DOI 10.14451 / 1.231.198.
12. Utakaeva, I.H. Concepts of corporate social responsibility in the digital economy / I.H. Utakaeva // *Economics of construction*. – 2024. – № 11. – pp. 147–149.
13. Conceptual framework for the development of ESG theory in relation to Russian business / V.V. Perskaya, D.E. Morkovkin, A.L. Chupin [et al.] // *Voprosy Istorii*. – 2022. – № 9–1. – P. 256–270. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi03.
14. Putnam R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon Schuster. – 2000.
15. Voyko, D.V. Corporate social responsibility and sustainable development in the context of environmental challenges / D.V. Voyko, A.V. Voyko // *Vestnik Universiteta*. – 2022. – № 4. – P. 13–19. – DOI 10.26425/1816–4277–2022–4–13–19.

Цифровые технологии в процессе политической социализации российской молодёжи: современные тенденции и риски

Юрьев Роман Станиславович,

аспирант, кафедра социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Статья посвящена исследованию трансформации процесса политической социализации российской молодёжи в условиях цифровой эпохи. Традиционные агенты социализации уступают влияние цифровым коммуникационным каналам, что создаёт как новые возможности для формирования единой гражданской идентичности, так и риски, связанные с деструктивным контентом и феноменом «цифрового неравенства». Особое внимание уделяется специфике Российской Федерации, где данный процесс характеризуется одновременным развитием суверенного цифрового пространства и сохранением влияния глобальных платформ.

Ключевые слова: гражданская идентичность, молодёжь, молодёжная политика, политическая социализация, риски, социальные сети, цифровизация, суверенное цифровое пространство, цифровой суверенитет, цифровые технологии.

Введение

В наступившую эпоху цифровой трансформации фундаментально изменяются технологии политической социализации молодёжи. Традиционные агенты социализации, такие как школа, семья, университет, теряют свой удельный вес в структуре социализации подрастающего поколения. На формирование политических ценностей, идентичностей и моделей поведения, равно как и политической статусно-ролевой системы, всё большее влияние оказывают символические системы, существующие в формате разнообразных каналов цифровой коммуникации. Указанные изменения порождают принципиально новые возможности для формирования универсальной российской гражданской идентичности, однако несут и ряд рисков, связанных с распространением деструктивного контента и феноменом «цифрового неравенства». В Российской Федерации этот процесс имеет особую специфику, обусловленную как активным развитием государственных цифровых сервисов, что обусловлено стремлением создать российское суверенное цифровое пространство, так и всё ещё значительным влиянием глобальных цифровых платформ в российском медиапространстве.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать новые тенденции и ключевые риски, связанные с применением цифровых социальных технологий в процессе политической социализации российской молодёжи.

Гипотезой нашего исследования выступает предположение, что построение суверенного цифрового пространства способствует повышению эффективности молодёжной политики в области политической социализации.

Для достижения поставленной цели и верификации выдвинутой гипотезы нами были определены следующие *задачи исследования*:

1. Рассмотреть цифровизацию суверенитета как основную тенденцию в развитии цифрового пространства в Российской Федерации;
2. Определить ключевые цифровые технологии, используемые в качестве инструментов политической социализации российской молодёжи;
3. Систематизировать основные риски, связанные с цифровизацией политической социализации российской молодёжи.

Объект исследования – процесс политической социализации российской молодёжи в условиях развития суверенного цифрового пространства.

Предмет исследования – цифровые технологии как инструмент политической социализации, порождаемые ими новые тенденции и сопутствующие риски.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе суверенного цифрового пространства не как абстрактной политико-правовой концепции, а как конкретного инструмента политической социализации российской молодёжи.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии концептуальных основ цифрового суверенитета и теории политической социализации через их синтез и взаимодополнение. Работа расширяет рамки теории поли-

тической социализации, доказывая, что в современном мире одним из ключевых агентов политической социализации начинает выступать не интернет как таковой, а контролируемое государством цифровое пространство, которое может целенаправленно использоваться для формирования единой гражданской идентичности.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на выработку конкретных рекомендаций для органов государственной власти, отвечающих за реализацию молодежной политики и цифровое развитие.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели в рамках нашего исследования мы проанализировали данные социологических опросов, а также интернет-источники и материалы отечественной печати, для того чтобы оценить отношение российских граждан к современным мерам государственной политики, направленным на достижение цифрового суверенитета, и аналитически обосновать значение государственного контроля над цифровым пространством для достижения целей и задач государственной молодежной политики. Далее, для достижения цели исследования мы применяем качественный и количественный контент-анализ экспертных интервью. Мы использовали метод OSINT для нахождения экспертных интервью в открытом доступе и проанализировали аргументы экспертных лиц на предмет их валидности.

Целесообразность анализа экспертных интервью в нашем исследовании обусловлена рядом его сильных сторон. Во-первых, эксперты являются носителями глубинного понимания внутренних механизмов изучаемой отрасли, что может быть недоступно при использовании методов, не предполагающих привлечения лиц, владеющих экспертным знанием. Во-вторых, управленческий контекст часто связан с рисками, обусловленными неопределённостью, где мнение опытного специалиста способно прояснить ситуацию. Кроме того, заключения экспертов предоставляют собой независимый взгляд, позволяющий критически оценить данные из других источников. Немаловажен и ресурсный аспект: организация экспертного опроса значительно менее затратна, чем масштабные исследования и аналитика больших данных. Наконец, синтез мнений нескольких профессионалов создаёт мощный интеллектуальный ресурс, незаменимый для принятия обоснованных управленческих решений.

Результаты и обсуждение

В последние годы в поле зрения социологов, политологов и других социальных учёных часто оказываются процессы цифровизации различных сфер общественной жизни [3], [15], [16]. Ни одна предыдущая технологическая революция не распространялась столь молниеносно, как цифровизация. За последнее десятилетие технологии прочно вошли в жизнь миллиардов людей, в том числе в удалённых участках планеты, — через распространение «умной» техники, развитие социальных сетей, мессенджеров и иных средств цифровой коммуникации [6, с. 540]. Одним из катализаторов цифровизации всех сфер общественной жизни стала пандемия COVID-19, к которой общество, бизнес и государство адаптировались с помощью внедрения практик удалённой работы, онлайн-образования, систем цифрового пропуска и т.д. Это послужило своевременным стимулом для перевода цифровизации из теоретической проблемы в практическую плоскость.

Говоря о «цифровом», мы имеем в виду — «находящемся в цифровом пространстве». На первый взгляд, цифровое пространство, будучи основанным на особой материальной базе в формате системы дата-центров, кабелей, спутников, микропроцессоров и т.д., представляет собой систему каналов коммуникации и символов, которые репрезентуют общественные интересы, ценности, нормы, знания и т.д. с помощью современных технологий в надматериальный мир цифровой информации. Однако цифровое пространство — это не просто «зеркало» общественных норм, ценностей, мнений и других форм культуры, но и активный агент социальных изменений. Например, алгоритмы социальных сетей не просто демонстрируют пользователям их интересы, но формируют и усиливают их, создавая «информационные пузыри» [1, с. 85], [26]; иными словами, культура внутри цифрового пространства не только репрезентуется, но и трансформируется различными акторами в процессе онлайн-взаимодействия.

Цифровая трансформация обусловила формирование виртуальной среды, которая, в отличие от физического пространства, лишена географической референции. Это привело к фундаментальному сдвигу в природе социальных связей: от территориально ориентированной модели индустриального общества, где социальные отношения были вписаны в локальный контекст, к сетевой структуре информационной эпохи, где коммуникация осуществляется независимо от пространственных координат.

Освобождение социальных связей от территориальной привязки, которое принесла цифровизация, имеет множество значительных достоинств. Стирание географических границ способствует разрушению культурных барьеров и развитию межкультурной коммуникации [28]. Специалист из небольшого города может быть частью международного профессионального сообщества и участвовать в глобальных проектах. Студенты за границей могут поддерживать связь с семьёй и друзьями, что снижает чувство одиночества и отчуждения. Происходит демократизация образования: лучшие университеты мира выкладывают курсы в открытый доступ, любой человек с интернетом может получить знания от ведущих преподавателей, независимо от своего местонахождения и финансового статуса. Удалённая работа облегчает горизонтальную миграцию, что расширяет выбор вакансий для сотрудников и способствует их профессиональной самореализации. Люди с редкими увлечениями, специфическими взглядами на жизнь могут найти «поддерживающее сообщество» онлайн, даже если в своём физическом окружении чувствуют себя отчуждёнными. Люди с ограниченной мобильностью (с ограниченными возможностями, пожилые люди), а также те, кто живёт в удалённых регионах, получают доступ к общению, работе, образованию и развлечениям, которые были бы для них физически недоступны без доступа к интернету.

Вместе с тем нельзя отрицать и серьёзных рисков цифровизации:

- Фрагментацию информационного поля: граждане, особенно в территориально удалённых регионах, могут получать противоречивые или деструктивные сообщения, что подрывает усилия государства по формированию единой гражданской идентичности;
- Распространение деструктивного контента и экстремизма: интернет, будучи универсальной глобальной платформой, несёт риски распространения экстремистских идей, кибербуллинга и иного деструктивного контента [15, с. 712], [18, с. 338]. Это особенно опасно для молодёжи, чья личность ещё формируется и может стать мишенью для радикализации, что

напрямую угрожает целям государственной молодёжной политики;

- Усиление цифрового неравенства: граждане из удалённых регионов могут иметь ограниченный доступ к качественным образовательным и политическим ресурсам из-за доминирования коммерческих или иностранных платформ, не ориентированных на унификацию и включение всех граждан РФ [24, с. 141];
- Экстерриториальность и отсутствие суверенного регулирования: глобальные платформы часто не подчиняются российскому законодательству, что создаёт правовой вакуум в регулировании цифрового контента [22];
- Неконтролируемую киберсоциализацию: интернет становится пространством, где усваиваются нормы, противоречащие традиционным ценностям, что создаёт риски формирования дезадаптивных паттернов поведения у граждан, которые переносятся в реальную жизнь, затрудняя их интеграцию в общество [11, с. 24].

Ключевым агентом цифрового пространства выступают представители молодёжи, будучи наиболее активными пользователями цифровых технологий и создателями новых форматов коммуникации. Социальные контакты молодежи все активнее перемещаются в цифровое поле: виртуальное общение постепенно преобладает над личными встречами (61% против 33%) [8]. Эта тенденция особенно ярко выражена среди самой молодой возрастной группы 18–24 лет, где разрыв составляет 69% к 24% [Там же]. Таким образом, цифровая коммуникация превращается в стандартный способ поддержания социальных связей, становясь новым форматом повседневного взаимодействия. Это свидетельствует не просто о смене инструмента коммуникации, но о глубоком культурном сдвиге.

В правовом отношении молодёжь определяется как категория граждан в возрасте от 14 до 35 лет включительно [20], однако в социологическом понимании молодёжь представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических качеств, а также социальную когорту, то есть группу населения, структурируемую в возрастном отношении вокруг значимых общественно-политических и социально-экономических событий. Принято считать, что для молодёжи, в первую очередь, характерны переходный статус (то есть переход от зависимого положения (детства) к самостоятельности и полноценному участию в общественной жизни) и неполная социализация (то есть незавершённость процесса усвоения социальных норм, ценностей и образцов поведения) [9, с. 80].

На характеристики молодёжи неизбежно влияют факторы нейробиологического развития: префронтальная кора головного мозга, ответственная за принятие решений и контроль импульсов, полностью формируется только к 25 годам [25]. Гормональные изменения после 14 лет в среднем значительно влияют на импульсивность и лабильность настроения, которая может оставаться высокой в молодом возрасте [27]. Указанные особенности нейробиологического развития проявляются в высокой чувствительности к социальному одобрению и склонности к рисковому поведению, обусловленному стремлением к приобретению нового опыта, что может выражаться в большей склонности к протестным настроениям в возрасте от 14 до 24 лет [3, с. 114].

Данные характеристики делают молодёжь социально уязвимой категорией населения. В молодом возрасте — в период активного формирования идентичности, цен-

ностных ориентаций и социальных установок — велика восприимчивость к внешнему влиянию, в том числе деструктивному, основным каналом которого в современном мире выступают социальные сети и мессенджеры. Можно предположить, что молодое поколение, формирующееся в эпоху информационного общества, в большей степени, чем старшее поколение, защищено от манипуляций извне, однако феномен «цифровой наивности» показывает, что молодёжь, несмотря на высокую цифровую грамотность, часто недооценивает риски цифровой среды из-за избыточного доверия к технологиям [21].

Будучи активно вовлечёнными в цифровое пространство, представители молодого поколения, в отличие от своих старших предшественников, в значительно большей степени социализируются внутри него [17], что можно обозначить как процесс цифровой социализации, то есть процесс приобретения социального опыта, умений, навыков и социальных связей через использование информационно-коммуникационных технологий, выступающий основой для формирования цифровой идентичности [15, с. 710], [16, с. 501]. Ключевым аспектом цифровой социализации выступает нахождение её субъектов в смешанной реальности, где онлайн-мир переплетается с реальной жизнью. Цифровая социализация влечёт за собой как позитивные (доступ к информации, расширение образовательных возможностей, вовлечение в сети социальных связей для общения и передачи опыта, пользование электронными услугами [13]), так и негативные последствия (интернет-зависимость, кибербуллинг, доступ к деструктивному контенту).

Особая роль молодежи в цифровом пространстве определяется её двойственной позицией: с одной стороны, молодые люди являются объектом цифровой социализации, испытывая на себе влияние различных акторов цифровой среды; с другой — они выступают субъектом, активно формирующим цифровую реальность и транслирующими собственные ценности и модели поведения [8].

Именно молодёжь становится основной мишенью для манипулятивных технологий [18, с. 337] и одновременно — главным ресурсом цифровой трансформации общества [8]. Это делает вопросы изучения и регулирования цифровой социализации молодого поколения особенно актуальными и значимыми для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны.

Как и общая, политическая социализация молодёжи всё чаще осуществляется в цифровой форме через цифровые платформы и социальные сети, которые становятся основными каналами передачи политических ценностей и формирования политических идентичностей [4, с. 73]. Помимо этого, происходит гибридизация онлайн- и офлайн-практик, в результате чего цифровое взаимодействие трансформирует традиционные формы политического участия [15, с. 710]. Появляются новые агенты политической социализации: различные блогеры, криптоправозащитные организации с зачастую неясным правовым статусом и целями, которые дополняют или зачастую заменяют традиционные институты политической социализации.

Стремление нивелировать риски, связанные с указанными тенденциями, является основанием для усиления государственного контроля над цифровым пространством, что осуществляется различными методами: созданием особой нормативно-правовой базы, поддержкой разработчиков отечественного программного обеспечения, ограничением на территории РФ иностранных цифровых платформ, отказывающихся от сотрудничества с государством. Совокупность мер, направленных

на усиление контроля над цифровым пространством в Российской Федерации, можно охарактеризовать как процесс создания суверенного цифрового пространства.

Суверенное цифровое пространство – это материальная система, где институты, технологии и коммуникационные каналы работают синхронно под контролем государства и общества для обеспечения цифрового суверенитета. Суверенное цифровое пространство – это комплексная система, позволяющая государству защищать свои национальные интересы в цифровой сфере [2]. Оно включает технологическую независимость, правовое регулирование и меры по обеспечению безопасности. Хотя подходы разных стран варьируются, общая тенденция свидетельствует о возрастающей важности цифрового суверенитета в современном мире [23]. Для России достижение цифрового суверенитета остаётся долгосрочной целью, требующей решения таких проблем, как технологическая зависимость, нехватка кадров и необходимость баланса между контролем и открытостью.

Процесс построения суверенного цифрового пространства мы также называем цифровизацией суверенитета. Это многосоставное понятие, которое можно определить как процесс адаптации и трансформации классических принципов государственного суверенитета (верховенства и независимости) к реалиям цифровой эпохи, выражающийся в создании правовых, технологических и институциональных механизмов для обеспечения контроля над национальным цифровым пространством. Цифровизация суверенитета отмечается преимущественно детерриториализацией власти: власть и влияние теперь реализуются через контроль над данными, инфраструктурой и цифровой идентичностью, а не только над физической территорией.

Цифровой суверенитет – это естественное развитие классического понятия государственного суверенитета в информационную эпоху. Цифровой суверенитет подразумевает способность государства обеспечивать контроль над цифровой инфраструктурой, данными и информационными потоками на своей территории в соответствии с национальными интересами и законодательством. Если государство не контролирует критическую цифровую инфраструктуру, данные и коммуникационные потоки, его суверенитет становится неполным. Поскольку технологии не нейтральны и несут в себе культуру своих создателей, зависимость от иностранных цифровых экосистем подрывает культурный и политический суверенитет государства, а значит, способность к автономной работе цифрового пространства – это вопрос национальной безопасности, аналогичный наличию собственной армии или валюты.

В рамках политики по развёртыванию суверенного цифрового пространства государство не просто ограничивает деструктивный контент, но и способствует созданию альтернатив, что позволяет решить ряд проблем:

- Нивелировать территориальное неравенство: молодёжь, проживающая на удалённых территориях, получает через импортозамещённое приложение такой же доступ к образовательным программам, возможностям диалога с властью, что и житель столицы [13];
- Стандартизировать контент: обеспечивается единое информационное и образовательное пространство, что критически важно для формирования единой гражданской идентичности и предотвращения фрагментации общества;
- Легитимизировать каналы коммуникации: взаимодействие с государством через официальные и защищенные каналы становится удобным, безопасным и социально одобряемым поведением [22].

Таким образом, если социальные взаимодействия молодёжи происходят в основном в суверенном цифровом пространстве, интегрированном с государственными институтами, то именно это пространство становится главным предиктором её гражданской идентичности, что соответствует целям и задачам современной государственной молодёжной политики.

Построение суверенного цифрового пространства требует реализации комплекса взаимосвязанных мер, направленных на обеспечение технологической автономии и защиты национальных интересов в киберпространстве, к числу которых относятся:

- создание специальной законодательной базы (например, принятие Федерального закона № 90-ФЗ в 2019 г., который подготовил правовую базу для регулирования интернет-пространства и контроля за интернет-трафиком) [19];
- разработка отечественного программного обеспечения (например, в государственных учреждениях и коммерческих организациях с высокой долей государственного контроля пакет MS Office заменяется на отечественное ПО «МойОфис», а операционная система MS Windows – на отечественные аналоги, например ALT Linux);
- поддержка развития национальных социальных сетей и иных каналов коммуникации (например, создание мессенджера MAX, развитие экосистемы ВК);
- импортозамещение критической инфраструктуры (например, разработка и производство серверов и микропроцессоров на архитектуре «Эльбрус»).

Российские цифровые платформы представлены как более безопасные и надежные, поскольку они выполняют требования российского государства в области регулирования интернета и защиты данных. Это противопоставляется иностранным платформам, которые могут не в полной мере подчиняться российским законам [22]. Не менее важно и то, что российские компании способны представить жизнеспособные альтернативы зарубежным платформам: так, экосистема VK впервые обогнала YouTube по доле мобильного трафика в России, что выступает доказательством того, что российские платформы могут эффективно удовлетворять запросы потребителей [Там же].

Одним из основных новшеств в развитии суверенного цифрового пространства следует отметить разработку и внедрение национального мессенджера – MAX, который был создан при поддержке государства и тесно интегрирован в систему сервисов государственных услуг. В современной цифровой экосистеме мессенджеры утвердились в качестве критической инфраструктуры как частной, так и профессиональной коммуникации [17]. Однако доминирующие на рынке платформы в основном пребывают под юрисдикцией иностранных государств, что выводит их из-под прямого административного и правового контроля Российской Федерации, вследствие чего процессы модерации контента и управления данными на этих платформах всецело определяются корпоративной политикой их владельцев, которая, в свою очередь, может подвергаться влиянию со стороны иностранных субъектов. Подобное влияние может осуществляться в правовом поле, однако существует гипотетическая вероятность влияния, обусловленного корыстными политическими интересами правящих элит и спецслужб, в том числе государств, занимающих откровенно недружественную позицию по отношению к Российской Федерации.

Данная ситуация порождает системные риски двух уровней:

- на уровне частной коммуникации – риск утери персональных данных граждан РФ;
- на уровне корпоративно-государственной коммуникации – угроза утечки чувствительной информации, составляющей коммерческую тайну или служебную информацию органов государственной власти, что создаёт прямую угрозу национальной безопасности.

В качестве стратегического решения данной проблемы видится развёртывание суверенной платформы-аналога, функционирующей в рамках национальной юрисдикции и обеспечивающей полный контроль над цифровым трафиком и его содержанием. Успешные прецеденты реализации подобной модели подтверждаются международным опытом – в частности, китайской платформой WeChat, которая демонстрирует эффективность интеграции коммуникационных, платёжных и социальных функций в рамках суверенного цифрового пространства, и поисковой системой Baidu, фильтрующей выдачу результатов в соответствии с национальным законодательством [23]. Программа построения цифрового суверенитета – не особенность России, а общая международная тенденция (например, в англоязычном политическом дискурсе активно применяется понятие «информационного суверенитета» [7, с. 206]).

Далее мы оценим мнения пяти экспертов по поводу необходимости построения суверенного цифрового пространства с целью сравнить наши выводы с «мейнстримом» отечественного экспертного сообщества. Эксперты были отобраны случайным образом методом OSINT в российском информационном пространстве. Ответы экспертов были оценены по нескольким критериям:

1. Релевантность опыта – подтверждение, что эксперт действительно сведущ в заявленной теме (по 5-балльной шкале);
2. Качество аргументации – качественная оценка доводов эксперта с точки зрения соответствия фактам и логике (по 5-балльной шкале);
3. Глубина проработки темы – оценивает ли эксперт риски, альтернативные точки зрения, возможные негативные последствия реализации концепции;
4. Практическая ориентированность – насколько рекомендации и выводы эксперта применимы на практике (по 5-балльной шкале);
5. Учёт международного контекста – насколько эксперт рассматривает тему не в вакууме, а в связи с глобальными трендами (по 5-балльной шкале);
6. Итоговый вывод – заключение эксперта, где 0 – отрицание концепции цифрового суверенитета; 1 – её принятие, но с нюансами; 2 – безоговорочная поддержка (табл. 1).

Таблица 1

	Критерий 1	Критерий 2	Критерий 3	Критерий 4	Критерий 5	Критерий 6
Эксперт 1 [5]	4	4	3	3	5	2
Эксперт 2 [2]	5	4	5	4	5	2
Эксперт 3 [10]	5	4	4	5	3	2
Эксперт 4 [14]	5	3	3	2	5	1
Эксперт 5 [12]	5	4	5	5	5	2

Наши выводы по экспертному анализу можно свести к следующим положениям:

1) Абсолютное большинство экспертов (4 из 5) безоговорочно поддерживают концепцию цифрового суверенитета. Сама идея цифрового суверенитета как необходимого элемента национальной безопасности и развития не вызывает сомнений у подавляющего большинства опрошенных специалистов.

2) В представленном экспертном сообществе сформировался консенсус о её жизненной важности для страны. Все эксперты продемонстрировали высокую или очень высокую релевантность опыта. Качество аргументации (критерий 2) в целом высокое (у четырёх экспертов оценка 4 и выше).

3) Наблюдается разброс в оценках по критерию практической ориентированности. В то время как три эксперта (2, 3 и 5) предлагают конкретные и реализуемые решения (оценка 4–5), мнения еще двух (Эксперты 1 и 4) носят более теоретический или общий характер (оценка 2–3). Иными словами, не все эксперты одинаково хорошо переводят теоретическую поддержку цифрового суверенитета в плоскость конкретных проектов. Это важно для органов власти и бизнеса: для реализации концепции следует прислушиваться к мнениям с высокими баллами по этому критерию.

4) Наиболее комплексно и всесторонне тему рассматривают Эксперты 2, 3 и 5 (оценки 4–5 по критерию 3). Они анализируют проблему не только с технической, но и с экономической, социальной и геополитической точек зрения. Мнения этих экспертов являются наиболее ценными для формирования сбалансированной и комплексной государственной политики в области цифрового суверенитета, так как они учитывают максимальное количество факторов.

5) Подавляющее большинство экспертов (4 из 5) учитывают международный контекст. Эксперты в основном понимают проблему цифрового суверенитета не как изолированную российскую, а в глобальном ключе: в контексте технологического соперничества, рисков зависимости от иностранного оборудования и действий транснациональных корпораций.

6) Эксперт 4 заметно выбивается из общего ряда. При высоком уровне знаний и учёте международного контекста его аргументация слабее, проработка темы менее глубока, а предложения малопрактичны. При этом он единственный, кто поддерживает концепцию с нюансами. Его мнение представляет интерес для критического анализа. Он может указывать на реальные слабые места, риски в подходе к цифровому суверенитету, которые остальные эксперты склонны игнорировать в силу своей убеждённости. Его позицию необходимо изучить особенно внимательно, чтобы учесть возможные контраргументы.

Выводы

Проведённый анализ экспертных интервью позволяет сделать ряд выводов. Все проанализированные эксперты единодушно одобряют курс на построение цифрового суверенитета в Российской Федерации. Несмотря на различия в риторике и предлагаемых методах достижения, сама необходимость обеспечения технологической независимости и защищённости национального цифрового пространства не подвергается сомнению. Экспертная оценка при этом не является умозрительной и отражает запрос общества. Социологические исследования и анализ общественного дискурса подтверждают, что население в целом поддерживает политику цифрового суверенитета. Эта поддержка основывается на по-

нимании общности целей по защите от внешних угроз, желании обеспечить стабильность работы привычных сервисов и патриотическом запросе на укрепление национального технологического потенциала. Таким образом, наблюдается консенсус между стратегическим курсом государства, мнением экспертного сообщества и ожиданиями граждан. При этом эксперты указывают на необходимость взвешенного подхода, предостерегая от крайностей. Ключевой вызов заключается в том, чтобы, с одной стороны, минимизировать риски изоляции и технологического отставания, а с другой – максимально использовать открывающиеся возможности для рывка в области отечественных разработок и укрепления национальной безопасности (табл. 2).

Таблица 2

Риск	Инструмент цифрового суверенитета	Результат для государственной молодёжной политики
Фрагментация информационного пространства	Развитие единых образовательных и коммуникационных платформ	Унификация контента, формирование единой гражданской идентичности
Распространение деструктивного контента	Системы фильтрации и мониторинга	Безопасная цифровая среда, профилактика экстремизма
Цифровое неравенство удалённых регионов	Развитие онлайн-активности политических и общественных институтов в рамках суверенного цифрового пространства	Включение молодёжи из удалённых регионов в общероссийскую политическую и общественную жизнь
Доминирование экстерриториальных платформ	Правовое регулирование и поддержка национальных IT-решений	Контроль над цифровым пространством, соблюдение российских законов
Негативная киберсоциализация	Развитие легитимной «онлайн-педагогике» и поддержка позитивных цифровых практик	Использование цифровой среды для позитивной социализации и личностного развития

Таким образом, цифровизация суверенитета представляет собой не просто технический защитный механизм, а стратегический инструмент реализации современной молодёжной политики. Она позволяет трансформировать цифровое пространство из источника угроз в площадку для унификации образовательных практик, включения молодёжи из удалённых регионов в процессы формирования общей гражданской идентичности. Именно контролируемое и суверенное цифровое пространство способно обеспечить условия, при которых молодёжь по всей России сможет в равной степени участвовать в процессах политической социализации и быть вовлечённой в структуру демократического управления.

Данное исследование может быть базой для дальнейших разработок. В качестве перспективного направления для последующей разработки на основе полученных данных предлагается проведение сравнительного анализа информационного наполнения популярных отечественных и иностранных социальных сетей и мессен-

джеров. Целью такого исследования может стать выявление и количественная оценка распространённости деструктивного контента, а также анализ их целевой направленности на основе более репрезентативной случайной выборки, что позволит дополнительно верифицировать выводы данной статьи и скорректировать механизмы обеспечения информационной безопасности.

Литература

1. Артамонова Я.С. Технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи // Logos et Praxis. – 2023. – Т. 22, № 2. – с. 81–93.
2. Ашманов И. Игорь Ашманов о борьбе России за цифровой суверенитет и философе Александре Зиновьеве [Электронный ресурс] // Зиновьев.Инфо. – 2021. URL: <https://zinoviev.info/wps/archives/6245/> (дата обращения: 01.09.2025).
3. Брянецов И. И., Брянцева О.В. Особенности процесса политической социализации молодёжи в российском обществе в условиях цифровизации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – № 3. – с. 109–136.
4. Городова Д. Д., Пачина Н.Н. Исследование деструктивного влияния интернет-технологий на политическую социализацию молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – с. 71–85.
5. Гриф А. Цифровой суверенитет как символ национального достоинства: интервью с Александром Грифом [Электронный ресурс] // Pakhotin. – 2025. URL: <https://pakhotin.org/technologies/tsifrovoj-suverenitet-kak-simvol-natsionalnogo-dostoinstva/> (дата обращения: 01.09.2025).
6. Дюдикова Е. И., Куницына Н.Н. Поляризация информационного общества: цифровая перезагрузка / Е.И. Дюдикова, Н.Н. Куницына // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 2. – с. 539–554.
7. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – с. 201–215.
8. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи [Электронный ресурс]: аналитический обзор / ВЦИОМ. – Электрон. дан. – Москва: ВЦИОМ, 2025. – 24 июня. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 01.09.2025).
9. Журавлева Л. А., Завьялова Н.В. Молодёжь как инновационная социальная общность // Образование и наука. – 2013. – № 4. – с. 77–90.
10. Карпов Р. Цифровая экономика и технологический суверенитет невозможны без системного софта [Электронный ресурс] // ЦИПР. – 2025. URL: <https://cipr.ru/news/czifrovaya-ekonomika-i-tehnologicheskij-suverenitet-nevozmozhny-bez-sistemnogo-softa/> (дата обращения: 01.09.2025).
11. Касьянов В. В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодёжи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – с. 21–26.
12. Лукин К. «Цифровой суверенитет – важнейший аспект сохранения России в офлайне» [Электронный ресурс] // Телеспутник. – 2021. URL: <https://telesputnik.ru/materials/persony/interview/konstantin->

- lukin-supertel-tsifrovoy-suverenitet-predpolagaet-kontrol-nad-personalnymi-dannymi-rossiya (дата обращения: 01.09.2025).
13. Наша цифровая повседневность [Электронный ресурс]: аналитический обзор / ВЦИОМ. – Электрон. дан. – Москва: ВЦИОМ, 2024. – 14 мая. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaya-povsednevnost> (дата обращения: 01.09.2025).
 14. Песков Д. «Цифровой суверенитет – мировая тенденция». Дмитрий Песков о «суверенном Интернете» и цифровых перспективах РФ [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. – 2019. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/11/08/099/> (дата обращения: 01.09.2025).
 15. Попова О.В. Онлайн-идентичность как результат цифровой политической социализации: обзор современной научной литературы / О.В. Попова // Политэкс. – 2024. – Т. 20, № 4. – с. 708–720.
 16. Свистунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи / А.А. Свистунов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 2. – с. 496–511.
 17. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения [Электронный ресурс]: аналитический обзор / ВЦИОМ. – Электрон. дан. – Москва: ВЦИОМ, 2023. – 10 августа. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vo vlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 01.09.2025).
 18. Таков А.З. Интернет как фактор распространения экстремизма в молодежной среде // Образование и право. – 2021. – № 6. – с. 336–340.
 19. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 01.09.2025).
 20. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/400156192/> (дата обращения: 01.09.2025).
 21. Цифровая наивность по поколению: кого проще обмануть в 2025 году [Электронный ресурс] // СБЕР Страхование. – 2025. – URL: <https://sberbankins.ru/useful/tsifrovaya-naivnost-po-pokoleniyu-kogo-proshche-obmanut-v-2025-godu/> (дата обращения: 01.09.2025).
 22. Цифровая свобода: добро или зло? [Электронный ресурс]: материалы дискуссии / ВЦИОМ. – Электрон. дан. – Москва: ВЦИОМ, 2024. – 15 августа. – Режим доступа: <https://wciom.ru/expertise/cifrovaya-svoboda-dobro-ili-zlo> (дата обращения: 01.09.2025).
 23. Цифровой суверенитет как залог глобальной безопасности [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс. – 2024. – URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovoy-suverenitet-kak-zalog-globalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 01.09.2025).
 24. Черешнева И.А. Цифровое неравенство: возможные пути преодоления // Образование и право. – 2022. – № 9. – с. 139–144.
 25. Arain M., Haque M., Johal L., Mathur P., Nel W., Rais A., Sandhu R., Sharma S. Maturation of the adolescent brain [Электронный ресурс] // Neuropsychiatric Disease and Treatment. – 2013. – Vol. 9. – P. 449–461. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3621648/> (дата обращения: 01.09.2025).
 26. Bruns A. Filter bubble [Электронный ресурс] / A. Bruns // Internet Policy Review. – 2019. – Vol. 8, Issue 4. – URL: <https://policyreview.info/concepts/filter-bubble> (дата обращения: 01.09.2025).
 27. Clancy C. Understanding How Hormonal Changes Impact Emotional Health for Teens [Электронный ресурс] / C. Clancy // Relational Psych. – 2023. – URL: <https://www.relationalpsych.group/articles/understanding-how-hormonal-changes-impact-emotional-health-for-teens> (дата обращения: 01.09.2025).
 28. Heang R., Chuong K. Digital Media and Its Impact on Intercultural Communication of Cambodia with China and Japan [Электронный ресурс] // Open Access Library Journal. – 2025. – Vol. 12. – P. 1–16. – URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=142425> (дата обращения: 01.09.2025).

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH: CURRENT TRENDS AND RISKS

Yuriev R.S.

St. Petersburg State University of Economics

This article investigates the transformation of the political socialization process among Russian youth in the digital era. Traditional agents of socialization are losing influence to digital communication channels, which creates both new opportunities for the formation of a unified civic identity and risks associated with destructive content and the phenomenon of «digital inequality». Special attention is paid to the specifics of the Russian Federation, where this process is characterized by the simultaneous development of a sovereign digital space and the continued influence of global platforms.

Keywords: civic identity, youth, youth policy, political socialization, risks, social networks, digitalization, sovereign digital space, digital sovereignty, digital technologies.

References

1. Artamonova Ya.S. Social Media Technologies in the Political Socialization of Student Youth // Logos et Praxis. – 2023. – Vol. 22, No. 2. – pp. 81–93.
2. Ashmanov I. Igor Ashmanov on Russia's Struggle for Digital Sovereignty and the Philosopher Alexander Zinoviev [Electronic resource] // Zinoviev.Info. – 2021. URL: <https://zinoviev.info/wps/archives/6245/> (date accessed: 09/01/2025).
3. Bryancev I. I., Bryanceva O.V. Features of the Process of Political Socialization of Youth in Russian Society in the Context of Digitalization // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2024. – No. 3. – pp. 109–136.
4. Gorodova D. D., Pachina N.N. Study of the destructive influence of Internet technologies on the political socialization of young people // Izvestiya Tula State University. Humanities. – 2023. – No. 1. – pp. 71–85.
5. Grif A. Digital sovereignty as a symbol of national dignity: interview with Alexander Grif [Electronic resource] // Pakhotin. – 2025. URL: <https://pakhotin.org/technologies/tsifrovoy-suverenitet-kak-simvol-natsionalnogo-dostoinstva/> (date of access: 09/01/2025).
6. Dyudikova E. I., Kunitsyna N.N. Polarization of the information society: digital reboot / E.I. Dyudikova, N.N. Kunitsyna // Bulletin of RUDN University. Series: Sociology. – 2024. – Vol. 24, No. 2. – pp. 539–554.
7. Efremov A.A. Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2017. – No. 1. – pp. 201–215.
8. Living Online, or Media Consumption of Modern Youth [Electronic resource]: an analytical review / VTsIOM. – Electronic data. – Moscow: VTsIOM, 2025. – June 24. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (accessed: 09/01/2025).
9. Zhuravleva L. A., Zavyalova N.V. Youth as an Innovative Social Community // Education and Science. – 2013. – No. 4. – pp. 77–90.
10. Karpov R. Digital Economy and Technological Sovereignty Are Impossible without System Software [Electronic Resource] //

- CIPR. – 2025. URL: <https://cipr.ru/news/czifrovaya-ekonomika-i-tehnologicheskij-suverenitet-nevozmozhny-bez-sistemnogo-softa/> (date of access: 09/01/2025).
11. Kasyanov V. V., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Cybersocialization as a risk-generating factor influencing the social health of Russian youth in the digital age // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2019. – No. 6. – pp. 21–26.
 12. Lukin K. "Digital sovereignty is the most important aspect of preserving Russia offline" [Electronic resource] // *Telesputnik*. – 2021. URL: <https://telesputnik.ru/materials/persony/interview/konstantin-lukin-supertel-tsifrovoy-suverenitet-predpolagaet-kontrol-nad-personalnymi-dannymi-rossiya> (date of access: 09/01/2025).
 13. Our Digital Everyday Life [Electronic resource]: Analytical Review / VTsIOM. – Electronic data. – Moscow: VTsIOM, 2024. – May 14. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaya-povsednevnost> (accessed: 09/01/2025).
 14. Peskov D. "Digital Sovereignty – a Global Trend". Dmitry Peskov on the "Sovereign Internet" and the Digital Prospects of the Russian Federation [Electronic resource] // *Fontanka.ru*. – 2019. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/11/08/099/> (accessed: 09/01/2025).
 15. Popova, O. V. "Online Identity as a Result of Digital Political Socialization: A Review of Modern Scientific Literature." – 2024. – Vol. 20, No. 4. – pp. 708–720.
 16. Svistunov, A. A. "Political Socialization of Young People in the Context of Digitalization: Formulating a Research Problem." – *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. – 2025. – Vol. 25, No. 2. – pp. 496–511.
 17. Social Networks and Messengers: Engagement and Preferences [Electronic Resource]: An Analytical Review. – *Electronic Data*. – Moscow: VTsIOM, 2023. – August 10. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochtenija> (date of access: 09/01/2025).
 18. Takov, A. Z. The Internet as a Factor in the Spread of Extremism Among Young People // *Education and Law*. – 2021. – No. 6. – pp. 336–340.
 19. Federal Law of 05/01/2019 No. 90-FZ [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (date of access: 09/01/2025).
 20. Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" (as amended and supplemented) [Electronic resource] // SPS "Garant". URL: <https://base.garant.ru/400156192/> (date of access: 09/01/2025).
 21. Digital Naivety by Generation: Who is Easier to Fool in 2025 [Electronic resource] // SBER Insurance. – 2025. – URL: <https://sberbankins.ru/useful/tsifrovaya-naivnost-po-pokoleniyu-kogo-proshche-obmanut-v-2025-godu/> (date of access: 09/01/2025).
 22. Digital Freedom: Good or Evil? [Electronic resource]: discussion materials / VTsIOM. – Electronic data. – Moscow: VTsIOM, 2024. – August 15. – Access mode: <https://wciom.ru/expertise/cifrovaya-svoboda-dobr>
 23. Digital Sovereignty as a Guarantee of Global Security [Electronic resource] // Roscongress Foundation. – 2024. – URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovoy-suverenitet-kak-zalog-globalnoy-bezopasnosti/> (date of access: 01.09.2025).
 24. Chereshneva I. A. Digital Inequality: Possible Ways to Overcome It // *Education and Law*. – 2022. – No. 9. – pp. 139–144.
 25. Arain M., Haque M., Johal L., Mathur P., Nel W., Rais A., Sandhu R., Sharma S. Maturation of the adolescent brain [Электронный ресурс] // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. – 2013. – Vol. 9. – P. 449–461. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3621648/> (дата обращения: 01.09.2025).
 26. Bruns A. Filter bubble [Электронный ресурс] / A. Bruns // *Internet Policy Review*. – 2019. – Vol. 8, Issue 4. – URL: <https://policyreview.info/concepts/filter-bubble> (дата обращения: 01.09.2025).
 27. Claney C. Understanding How Hormonal Changes Impact Emotional Health for Teens [Электронный ресурс] / C. Claney // *Relational Psych*. – 2023. – URL: <https://www.relationalpsych.group/articles/understanding-how-hormonal-changes-impact-emotional-health-for-teens> (дата обращения: 01.09.2025).
 28. Heang R., Chuong K. Digital Media and Its Impact on Inter-cultural Communication of Cambodia with China and Japan [Электронный ресурс] // *Open Access Library Journal*. – 2025. – Vol. 12. – P. 1–16. – URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=142425> (дата обращения: 01.09.2025).

Состояние и перспективы участия (вовлеченности) населения в осуществлении местного самоуправления Китая

Ян Чжэнь,

аспирант кафедры социальных технологий, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 7772277@qq.com

Демократия и верховенство закона являются ценностными требованиями стран в социальной сфере и руководящими целями правительств по всему миру сегодня. Участие общественности также является практическим методом реализации идеи «народного суверенитета», а также неизбежным путем в процессе модернизации в Китае. С повышением уровня экономического и социального развития требования и дифференциация интересов также диверсифицировались. В сочетании с открытостью политической системы и развитием условий участия, таких как онлайн-СМИ, осведомленность общественности об участии в сфере государственной власти постоянно повышается, и участие общественности стало объектом пристального анализа для правительства, общества и научных кругов. Актуальность темы исследования обуславливается тем, что повышение социальной активности граждан в решении местных проблем, принятие жителями ответственности за жизнь в своем городе или поселке является важнейшей задачей, напрямую связанной с темпами и качеством развития страны, каждого региона, каждой территории Китая. В рамках статьи осуществляется анализ положительного опыта городского управления в городе Нанкин, провинция Цзянсу, а также рассматриваются перспективы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Этот опыт может стать позитивным, как для других городов Китая, так и для других стран.

Ключевые слова: Китай, социальное управление, городское управление, вовлеченность, участие населения в местном самоуправлении, состояние, перспективы.

Повышение социальной активности граждан в решении местных проблем, принятие жителями ответственности за жизнь в своем городе или поселке является важнейшей задачей, напрямую связанной с темпами и качеством развития страны, каждого региона, каждой территории Китая. В Китайской Народной Республике, несмотря на централизованную структуру власти, придается значение развитию низовой демократии и вовлечению населения в управление на местном уровне. Изучение опыта КНР в данной области представляет интерес с точки зрения возможности адаптации отдельных элементов к условиям других городов Китая, а также других стран, стремящихся к совершенствованию системы местного самоуправления.

Фундаментальные социологические и социально-экономические исследования, посвященные вопросам жизнедеятельности и развития территориальных сообществ, представлены работами авторов: Борщевский М.В. [1], Успенский С.В., Шкаратан О.И., Файзуллин Ф.С. [2], Глазырин М.В. [3], Могилевский Р.С. [4], Пашков А.С. Данные работы, однако, не учитывают современных реалий местного самоуправления, степени вовлеченности населения в управление на местах, а также передовой опыт Китая в вопросах городского управления. Всё это обуславливает научный интерес к теме настоящего исследования.

В настоящее время в стране сформирована система социального управления, включающая «руководство партийных комитетов, ответственность правительства, демократические консультации, социальную координацию, участие общественности, правовую защиту и научно-техническую поддержку» [5] путём укрепления и обновления структуры управления. Субъекты социального управления также добились перехода от «монолитного» к «плюралистическому». В рамках этой системы социального управления общественность участвует в социальном управлении и реализуют свои полномочия в рамках «плюралистического» управления.

С теоретической точки зрения, государство укрепило и обновило структуру управления и сформировало систему социального управления, включающую «руководство партийных комитетов, ответственность правительства, демократические консультации, социальную координацию, участие общественности, правовую защиту и научно-техническую поддержку» [6, с. 38]. В рамках этой структуры социального управления общество, как важная социальная сила, участвует в национальном управлении и становятся неотъемлемой частью национальной системы управления.

На сегодняшний день в Китае многие районы проживания расположены в горных районах на приграничных территориях, где они сталкиваются с суровыми природными условиями, неудобным транспортным сообщением, относительно отсталым экономическим развитием, низким уровнем образования и значительным влиянием таких факторов, как традиционная административная культура, а также этнические и религиозные факторы. Осведомленность граждан о процессе принятия решений в таких городах и селах слаба, их возможности недостаточны, а каналы участия ограничены.

Это приводит к широкому распространению неинституционализированного и беспорядочного участия. Однако в Китае есть и положительный опыт, который показал, что участие граждан в городском управлении может положительно повлиять на повышение качества жизни населения на местах. Как отмечает Мо Юйчуань «Участие общественности – единственный способ достичь цели городского управления и верховенства закона» [7, с. 4]. И действительно, данная концепция была полностью подтверждена на практике городского управления в Нанкине.

После введения в действие «Нанкинских правил городского управления» в 2013 году город Нанкин учредил комитет по городскому управлению, состоящий из 45 представителей общественности и 38 департаментов государственной службы, и разработал «Устав ассоциации», разъясняющий обязанности и полномочия представителей общественности. Такая конструкция системы превращает общественность из «управляемой» в «участников», гарантируя, что граждане могут участвовать во всех аспектах городского управления на протяжении всего процесса [8].

Основываясь на участии общественности и в рамках Комитета по городскому управлению, Нанкин внедрил модель городского управления и функционирования, основанную на полном участии населения, и рабочий механизм для участия представителей общественности в городском управлении. Общественный комитет обладает широким спектром представительства, профессионализма и влияния, это не только связующее звено для правительства в общении с массами, но и мозговой центр городского управления. Это конкретно отражено в следующем.

Во-первых, была признана модель участия общественности. «Инновационная практика легализации городского управления в Нанкине», совместно заявленная муниципальной администрацией Нанкина и Управлением по правовым вопросам Народного правительства Нанкинского муниципалитета, выделилась среди 85 заявленных проектов по всей стране и, наконец, получила пятую «Правительственную премию Китая в области верховенства закона».

Во-вторых, форум «круглый стол» расширил влияние городского управления Нанкина. Форум был организован Управлением городского управления Нанкина и управлениями городского управления различных районов. Он продемонстрировал передовую практику городского управления в Нанкине и извлек уроки из успешного опыта городского управления в стране и за рубежом, мозгового штурма идей, сравнительного анализа и расширения влияния.

В-третьих, эффективность решения сложных рабочих задач очевидна. Каждый год Нанкин сосредотачивается на одном или двух важных и сложных вопросах городского управления, в полной мере используя профессиональный опыт представителей общественности, проводя всесторонние и углубленные исследования, тщательно организуя дискуссии, широко запрашивая мнения и формируя резолюции.

В последние годы город Нанкин последовательно проводил специальные исследования и формировал специальные резолюции по актуальным и сложным вопросам, таким как восстановление переулков, загрязнение паром от продуктов питания и напитков, городской хаос и управление жилыми районами, а также представил планы и предложения по решению сложных и трудноизлечимых проблем городского управления, которые были полностью одобрены городскими властями.

За время прошедших с момента введения Правил, городское управление Нанкина продемонстрировало систематические и институционализированные характеристики, особенно модель участия общественности, которая достигла замечательных результатов. Так, например, благодаря участию представителей общественности в преобразовании переулков на протяжении всего процесса были достигнуты улучшенные результаты в управлении и благоустройстве окружающей среды, а также решены такие проблемы, как случайная парковка и проблемы с выхлопными газами (улиц Цинлун, район Цзянье).

В начале каждого года Муниципальное управление городского управления Нанкина запрашивает у представителей общественности наиболее волнующие вопросы городского управления, затем проверяет и формирует вопросы, формирует тематические группы для исследования на месте и предлагает предложения, решения и выходы из положения для решения проблем. После обсуждения и утверждения Комитетом по городскому управлению приступают к реализации.

В процессе внедрения представители общественности формируют надзорную группу для проведения надзора и инспекции, и отчитываются о результатах на следующем заседании Комитета по муниципальному управлению Нанкина, чтобы способствовать полному решению проблемы. Поэтому обычные граждане в Нанкине часто сообщают о проблемах представителям общественности, и при выполнении ключевых задач городского управления муниципальные власти также будут прислушиваться к мнениям и предложениям представителей общественности.

Таким образом, город Нанкин способствует легализации городского управления посредством участия общественности, формируя синергетическую модель «сотрудничество департаментов + участие общественности». Эта модель не только отвечает требованиям верховенства закона, но и повышает удовлетворенность и благосостояние граждан.

Несмотря на положительный опыт Нанкина, стоит отметить, что в подавляющем большинстве городов Китая, уровень вовлеченности граждан в участие в местном самоуправлении, низкий. Видится, что **участие общественности в управлении на низовом уровне сопряжено с некоторыми трудностями.**

1. Механизм демократических консультаций на низовом уровне несовершенен и нерегулярен.

Степень стандартизации демократических консультаций невысока. Некоторые из установленных тем для консультаций являются более общими и недостаточно конкретными, что затрудняет фокусировку консультаций и делает их расплывчатыми. Раскрытие информации о некоторых консультациях происходит через процедуры, существует разрыв между периметром публичности и требованиями к работе, место размещения рекламы скрыто, а доступность плохая, и общественности нелегко полностью понять ситуацию. Процедуры и правила проведения консультаций не стандартизированы, и сцены часто выходят из-под контроля, что сказывается на эффекте консультации. В процессе переговоров, связанных со сложными вопросами, как правило, возникают ситуации, когда дискуссии не разрешаются, решения не принимаются, а действия оказываются бесплодными.

2. Субъект и носитель участия общественности недостаточно разнообразны.

Судя по фактическому составу участников общественного участия, активными участниками на уличном и общинном уровнях являются в основном пожилые люди и члены партий, в то время как молодежь и мигран-

ты не проявляют особого энтузиазма к участию. С точки зрения механизма участия, отсутствуют четкие правила и определения участия общественных сил, таких как предприятия и общественные организации, в социальном управлении. Юридическая достоверность и полномочия отраслевых комитетов и общественных организаций сообщества ограничены. Механизм, позволяющий общественности полагаться на участие этих организаций, еще не создан, а механизм участия общественности недостаточно разнообразен. С точки зрения платформ участия, современные цифровые технологии коренным образом меняют все аспекты управления, но существование цифрового разрыва ограничило способность центральных и западных регионов и сельских районов полагаться на цифровые технологии для мобилизации участия общественности, а разработка интеллектуальных платформ и инструментов участия недостаточна.

3. Низкая готовность и способность общественности к участию.

Способность общественности участвовать в обсуждениях и консультациях невысока [9]. В настоящее время в процессе участия общественности на низовом уровне в обсуждениях и консультациях некоторым людям не хватает достаточных навыков общения, знаний и энтузиазма. Во время обсуждений и консультаций они не осмеливаются говорить. Это явление широко распространено, и слушания проходят не по теме, налицо сверхурочная работа, эмоциональность и отсутствие логики, что в определенной степени ограничивает общественные обсуждения. Эффект консультаций сделал неотложной задачей улучшения способности к рациональному общению.

Кроме того, многие и вовсе не видят смысла и перспектив такого участия. Во многих городах Китая проводятся опросы жителей о готовности участия в общественном управлении. Такой опрос, проведенный в Чанчжоу в 2019 году, путем открытого голосования на сайте муниципального правительства города, показал, что большинство людей участвуют в общественных мероприятиях добровольно из чувства социальной ответственности. Они участвовали в общественных благотворительных мероприятиях сообщества или хотят это делать, но у них нет на это времени, либо они не осведомлены о возможностях такого участия. Излюбленными общественными занятиями участников являются мероприятия в области охраны окружающей среды и общественной безопасности, общественные работы и деятельность в области демократической автономии [10].

Нами также был организован опрос жителей города Гуанчжоу. Было опрошено 50 человек, средний возраст респондентов 45–60 лет, и время проживания в городе – 5–10 лет. Причины, по которым жители не участвуют в осуществлении местного самоуправления (рис. 1).

Рис. 1. Результаты опроса жителей г. Гуанчжоу

По результатам опроса выявлено, что недостаточный уровень вовлеченности и активности населения вызван рядом факторов: высокая занятость, низкий уровень

взаимодействия между местными органами и населением, отсутствие убежденности в том, что жители имеют возможность влиять на решение местных проблем, отсутствие информации о возможностях участия в местном самоуправлении и другие.

Таким образом, основной проблемой, которая сдерживает развитие участия общественности в местном самоуправлении, является низкая осведомленность и низкая заинтересованность. Необходимо укреплять формирование общественной культуры и повышать чувство общности у населения в процессе социального управления.

Не менее важно активно развивать образование и постоянно повышать культурную грамотность и способность населения к участию. Органы власти всех уровней в районах должны увеличивать инвестиции в образование, постоянно повышать уровень образования, способствовать правильному пониманию обществом важности гражданского участия и повышать качество гражданского участия. Наконец, важно усилить информационно-просветительскую работу и руководство, чтобы обеспечить упорядоченное участие людей всех этнических групп в принятии решений на местном уровне. Местные органы власти должны активно пропагандировать политику, каналы, права и обязанности граждан в рамках участия в общественной жизни через такие средства массовой информации, как телевидение, радио и мобильная связь.

Следующим шагом на пути повышения уровня вовлеченности населения должно стать создание и усовершенствование механизмов и процедур участия, а также усиление институциональных гарантий и поддержки.

Кроме того, важно лучше использовать вспомогательную роль современных информационных технологий. В полной мере использовать цифровые формы, такие как WeChat, для создания каналов для отражения общественного мнения и участия общественности.

Подводя итог, отметим, что Нанкин демонстрирует положительный опыт городского управления в различных областях, включая экономическое развитие, инфраструктурное развитие, экологическую политику, социальную политику и информатизацию. Город стремится к расширению участия населения в местном самоуправлении, что предполагает укрепление низовой демократии, развитие механизмов общественного контроля, повышение информационной открытости, вовлечение институтов гражданского общества и использование цифровых технологий. Успешный опыт Нанкина может быть полезен для других городов Китая и международного сообщества, стремящихся к созданию эффективных и устойчивых систем городского управления с активным участием граждан. Дальнейшие исследования и анализ лучших практик Нанкина могут способствовать развитию теории и практики городского управления в глобальном масштабе.

Литература

1. Борщевский М.В. Город [Текст]: Методол. проблемы комплексного социального и экон. планирования / М.В. Борщевский, С.В. Успенский, О.И. Шкаратан; АН СССР, Ин-т социол. исследований. – Москва: Наука, 1975. – 204 с.
2. Файзуллин Ф.С. Социологические проблемы города / Ф.С. Файзуллин / Под ред. Н.А. Аитова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. – 207 с.
3. Глазырин М.В. Управление социально-экономическим развитием города / М.В. Глазырин / отв. ред.

В.Л. Макаров, Р.Г. Яновский. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. – 190 с.

4. Могилевский Р.С. Проблемы качества жизни крупного города: (опыт социологических исследований) / Р.С. Могилевский / Под ред. П.Н. Лебедева; ЛГУ им. А.А. Жданова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. – 141 с.
5. Коммюнике четвертого пленума Центрального Комитета КПК 19-го созыва. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/1101/c64094-31431860.html> (дата обращения: 16.08.2025).
6. Ло Янь, Лю Цзе. Внедрение под руководством правительства: исследование трансформации интерактивных отношений между правительством и общественными организациями – эмпирический анализ на основе проекта информационного ухода за пожилыми людьми на дому в городе Н // Китайская государственная администрация. – 2019 (7). – С. 36–41.
7. Мо Юйчуань, Лэй Чжэнь. От городского управления к городскому управлению: концепции и институциональные инновации Положений о городском управлении Нанкина // Исследования административного права, 2013(3). С. 7. DOI: CNKI: SUN: XZFX.0.2013-03-013.
8. Мо Юйчуань. Осуществление местной законодательной власти в соответствии с законом и предоставление полной свободы местной инициативе // Журнал Сучжоуского университета (издание по философии и социальным наукам), 2017, 38(5):7. DOI:10.19563/j.cnki.sdzs.2017.05.008.
9. Цзэн Ли. Участие граждан, эффект мобильности и оценка эффективности государственной службы – Эмпирический анализ, основанный на анкетировании N городов // Журнал Хэнаньского педагогического университета: Издание по философии и социальным наукам, 2023, 50(3). С. 82–87.
10. Опрос о готовности жителей Чанчжоу участвовать в общественном управлении. Официальный сайт муниципалитета Чанчжоу. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.changzhou.gov.cn/vote/survey.php?a=vresult&bid=621> (дата обращения: 04.09.2025).

THE STATUS AND PROSPECTS OF PUBLIC PARTICIPATION (INVOLVEMENT) IN LOCAL GOVERNMENT IN CHINA

Yang Zhen

Lomonosov Moscow State University

Democracy and the rule of law are the value requirements of countries in the social sphere and the guiding goals of governments around the world today. Public participation is also a practical method for implementing the idea of “people’s sovereignty”, as well as an inevitable path in the process of modernization in China. With the improvement of the level of economic and social development, the requirements and differentiation of interests have also diversified.

Coupled with the openness of the political system and the development of participation conditions such as online media, public awareness of participation in the sphere of public power has been constantly increasing, and public participation has become an object of close analysis for the government, society and academia. The relevance of the research topic is due to the fact that increasing the social activity of citizens in solving local problems, taking responsibility for life in their city or town by residents is the most important task directly related to the pace and quality of development of the country, each region, each territory of China. The article analyzes the positive experience of urban governance in the city of Nanjing, Jiangsu Province, and also considers the prospects for population participation in the implementation of local government. This experience can be positive for both other cities in China and other countries.

Keywords: China, social management, urban governance, involvement, population participation in local government, state, prospects.

References

1. Borshchevsky M.V. Gorod [Text]: Methodol. problems of complex social and economic development. planning / M.V. Borshchevsky, S.V. Uspensky, O.I. Shkaratan; USSR Academy of Sciences, Institute of Sociology. research. Moscow: Nauka Publ., 1975. 204 p.
2. Fayzullin F.S. Sociological problems of the city / F.S. Fayzullin / Ed. by N.A. Aitov. – Saratov: Saratov University Press, 1981. – 207 p.
3. Glazyrin, M.V. Management of the City’s Socio-Economic Development / M.V. Glazyrin / Ed. by V.L. Makarov, R.G. Yanovsky. – Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1983. – 190 p.
4. Mogilevsky, R.S. Problems of the Quality of Life in a Large City: (Experience of Sociological Research) / R.S. Mogilevsky / Edited by P.N. Lebedev; Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. – Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1987. – 141 p.
5. Communiqué of the Fourth Plenum of the 19th Central Committee of the CPC. Electronic resource. Access mode: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/1101/c64094-31431860.html> (Date of access: 16.08.2025).
6. Luo Yan, Liu Jie. Implementation under the leadership of the government: a study of the transformation of interactive relations between the government and public organizations – an empirical analysis based on the project of information care for the elderly at home in the city of H // Chinese Public Administration. – 2019 (7). – P. 36–41.
7. Mo Yuchuan, Lei Zhen. From Urban Management to Urban Governance: Concepts and Institutional Innovations of the Nanjing Urban Governance Regulations // Administrative Law Studies, 2013(3). P. 7. DOI: CNKI: SUN: XZFX.0.2013-03-013.
8. Mo Yuchuan. The exercise of local legislative power in accordance with the law and the granting of full freedom to local initiatives // Journal of Suzhou University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2017, 38(5):7. DOI:10.19563/j.cnki.sdzs.2017.05.008.
9. Zeng Li. Citizen participation, mobility effect, and evaluation of public service efficiency – An empirical analysis based on N cities’ questionnaires // Journal of Henan Normal University: Philosophy and Social Sciences Edition, 2023, 50(3). P. 82–87.
10. A survey on the willingness of residents in Changzhou to participate in public governance. Official website of Changzhou Municipality. Electronic resource. Access mode: <https://www.changzhou.gov.cn/vote/survey.php?a=vresult&bid=621> (Accessed on 04.09.2025).

Феномен художественного нонконформизма: новаторство как осознанный выбор в методе Е.В. Колобова

Вознесенская Мария Сергеевна,
независимый исследователь
E-mail: bednarskaya89@gmail.com

В статье исследуется творческий метод российского дирижера и театрального деятеля Е.В. Колобова как пример художественного нонконформизма в отечественной культуре второй половины XX – начала XXI века. Анализируются ключевые принципы его подхода к искусству: отказ от готовых интерпретационных схем, понимание театра как исследовательского пространства, готовность к конфликтам ради сохранения творческой целостности. Особое внимание уделяется изучению опыта создания и функционирования «Московского театра «Новая опера» им Е.В. Колобова» как институционального воплощения альтернативной модели культурного развития. Рассматривается педагогический метод Е.В. Колобова, основанный на принципах демократизации творческого процесса и коллективного исследования музыкального материала. Выявляются противоречия и ограничения его подхода, включая проблемы практической реализации творческих принципов в рыночных условиях. Делается вывод о том, что опыт Е.В. Колобова представляет собой осознанную стратегию художественного нонконформизма, основанную на четкой системе ценностей и последовательно реализуемую на протяжении всей творческой карьеры. Исследование базируется на анализе архивных материалов, интервью и научных публикаций, посвященных творчеству дирижера.

Ключевые слова: Е.В. Колобов, художественный нонконформизм, театр «Новая опера», творческая независимость, альтернативная культура, оперный театр, дирижерское искусство, репертуарная политика, педагогический метод.

Введение

В истории отечественного театрального искусства второй половины XX – начала XXI века фигура Е.В. Колобова (1946–2003) представляет особый интерес для философского осмысления феномена творческого нонконформизма как фундаментальной мировоззренческой позиции художника.

Философское понимание нонконформизма восходит к экзистенциальной традиции, рассматривающей аутентичность существования как высшую ценность [1]. В искусстве эта позиция трансформируется в принципиальный отказ от следования внешним авторитетам в пользу внутренней художественной правды. Как отмечал М. Хайдеггер, подлинное творчество всегда предполагает выход за границы «das Man» – анонимной усредненности, навязываемой социумом [2]. Именно такое понимание творческой аутентичности характеризовало мировоззрение Е.В. Колобова, который рассматривал театральное искусство не как ремесло развлечения, а как форму философского высказывания о человеческом существовании.

Творческий нонконформизм Е.В. Колобова представляет собой не просто эстетический выбор, но целостную философию искусства, основанную на понимании творчества как экзистенциального акта самоопределения. В духе идей Ж.-П. Сартра о «проекте себя», художник-нонконформист берет на себя ответственность за создание новых смыслов, отказываясь от готовых культурных матриц [3]. Этот философский подход проявлялся у Е.В. Колобова в последовательном противостоянии как советским идеологическим канонам, так и постсоветской коммерциализации искусства.

Философская значимость его позиции заключается в том, что через театральную практику он артикулировал фундаментальную проблему соотношения свободы и ответственности в творчестве. Работая в период кардинальных мировоззренческих трансформаций российского общества, Колобов демонстрировал возможность сохранения целостности творческого «Я» в условиях внешнего давления – будь то идеологическое принуждение или рыночная конъюнктура.

Анализ его творческого метода актуален для современной философии искусства в контексте проблемы аутентичности в эпоху «общества спектакля» (Ги Дебор). Опыт Е.В. Колобова показывает альтернативу конформистскому воспроизводству готовых художественных форм и предлагает модель творчества как философской рефлексии над основаниями человеческого существования.

Становление личности художника: философские основания формирования нонконформистской позиции

Для философского осмысления феномена художественного нонконформизма Е.В. Колобова необходимо рассмотреть процесс становления его мировоззрения в контек-

сте фундаментальных вопросов о природе творческой свободы и аутентичного существования. Как показывают исследования Т.А. Кругловой, художественный конформизм в СССР представлял собой не простое подчинение идеологическим требованиям, а сложную стратегию адаптации, при которой «надо найти способ примириться, согласиться, принять, оправдать то, что опыт, разум, вкус и совесть не позволяют сделать» [4]. Эта ситуация актуализировала центральную философскую проблему соотношения внешней необходимости и внутренней свободы творческого субъекта.

Философские предпосылки формирования неконформистской позиции Е.В. Колобова коренятся в экзистенциальном понимании творчества как способа самоопределения личности. В духе идей М. Мерло-Понти о телесном восприятии мира, музыкальное искусство представляло для Е.В. Колобова не просто профессиональную деятельность, но форму феноменологического постижения бытия [5]. Его творческое становление происходило в эпоху, когда советская культурная система демонстрировала глубокое противоречие между декларируемыми гуманистическими ценностями и практикой подавления индивидуального творческого начала.

Важнейшим философским фактором формирования мировоззрения Е.В. Колобова стало его образование в Ленинградской консерватории, где он столкнулся с проблемой онтологического статуса музыкального произведения. Классическая музыка, в отличие от других видов искусства, сохраняла относительную автономию от идеологического контроля, что позволяло молодому художнику осмыслить различие между подлинным творческим актом и его имитацией [6]. Здесь проявилась фундаментальная философская интуиция Е.В. Колобова: понимание того, что художественная истина не может быть навязана извне, но должна быть открыта в процессе непосредственного соприкосновения с творческим материалом.

Философское значение имеет тот факт, что уже в студенческие годы Евгений Владимирович демонстрировал то, что можно назвать герменевтическим подходом к музыкальным текстам [6]. Его стремление к глубокому изучению партитур, поиск собственных интерпретационных решений отражали интуитивное понимание принципа, сформулированного Х.-Г. Гадамером: понимание произведения искусства есть всегда его новое творение, а не простое воспроизведение [7].

Особую философскую значимость приобретает анализ культурной атмосферы Ленинграда 1970–80х годов как пространства, где происходило формирование альтернативного понимания творческой деятельности. Город, сохранивший связь с дореволюционными культурными традициями, представлял собой уникальную среду для осмысления проблемы культурной преемственности и разрыва [7]. Именно здесь Колобов мог наблюдать существование различных моделей отношения к традиции – от конформистского воспроизводства до радикального отрицания, что способствовало формированию его собственной философии творчества.

Принципиальное философское значение имеет понимание Евгением Владимировичем различия между техническим мастерством и экзистенциальной аутентичностью творческого акта. Эта дистинкция восходит к хайдеггеровскому различению «наличного» и «экзистенциального» способов бытия. Если профессиональное мастерство относится к сфере технического овладения материалом, то творческая аутентичность предполагает готовность к встрече с неизвестным, к риску самооткрытия в процессе творчества [8].

Философский анализ предпосылок формирования неконформистской позиции Е.В. Колобова показывает, что его путь был обусловлен не психологическим бунтарством, а глубоким пониманием онтологической природы искусства. В духе идей Теодора Адорно о «негативной диалектике» искусства, Евгений Владимирович интуитивно понимал, что подлинное творчество всегда содержит момент сопротивления наличным формам социальной организации опыта [9]. Его неконформизм представлял собой не отрицание традиции как таковой, а стремление к её подлинному пониманию через критическое преодоление застывших интерпретационных схем.

Ранний период: экзистенциальная диалектика конформизма и аутентичности

Формирование философской позиции Е.В. Колобова представляет собой классический пример того, что Жан-Поль Сартр называл «проектом самосозидания» – процессом, в котором индивид обретает аутентичное существование через преодоление навязанных извне ролей и ожиданий [9]. Период работы в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова можно рассматривать как начальную стадию этого экзистенциального проекта, когда художник сталкивается с фундаментальным противоречием между требованиями социального мира и внутренней потребностью в подлинном творческом выражении.

Ранние постановки Е.В. Колобова – «Сила судьбы» Дж. Верди, «Лебединое озеро» П.И. Чайковского – демонстрировали то, что Мартин Хайдеггер называл состоянием «падшести» (Verfallenheit), когда человек погружен в повседневность общепринятых практик [10]. Однако анализ его дневниковых записей того периода свидетельствует о нарастающем экзистенциальном беспокойстве, связанном с осознанием разрыва между подлинным призванием и внешними требованиями. Критики отмечали в его спектаклях появление неожиданных акцентов, которые можно интерпретировать как первые проявления того, что Хайдеггер называл «зовом совести» – внутренним требованием аутентичности [9].

Поворотным моментом в философском развитии Е.В. Колобова стала работа над «Лебединым озером» для парижских гастролей. Ситуация многократного механического воспроизводства одного спектакля актуализировала для него центральную проблему современной культуры, которую Вальтер Беньямин описывал как утрату «ауры» произведения искусства в эпоху технической воспроизводимости [11]. Евгений Владимирович пришел к философскому выводу о принципиальной несовместимости подлинного искусства с механическим повторением, что можно рассматривать как интуитивное понимание различия между творчеством как событием бытия и его технической имитацией.

Переход в Московский театр им. Станиславского и Немировича-Данченко (1987–1989) представлял собой попытку практической реализации сформировавшейся философии творчества. Работы над «Пиратом» В. Беллини и «Борисом Годуновым» М.П. Мусоргского показали, что Евгений Владимирович развивал подход, созвучный герменевтической философии Ганса-Георга Гадамера: понимание классических партитур не как застывших текстов, но как «горизонтов смысла», открытых для нового прочтения [10]. Каждое исполнение становилось актом «слияния горизонтов» между исторически

данным произведением и современным интерпретационным контекстом.

Хроника философского конфликта: этика творческой ответственности

Наиболее ярко философские основания позиции Е.В. Колобова проявились в конфликте вокруг «Евгения Онегина». Его настойчивость в использовании авторской редакции партитуры можно рассматривать через призму этической философии Эммануила Левинаса как проявление «ответственности за Другого» – в данном случае, ответственности перед композитором и подлинностью его замысла [12]. Для Е.В. Колобова это было не вопросом личного упрямства, но императивом художественной совести, требующим безусловного следования истине произведения.

Философскую глубину его позиции раскрывает анализ конфликта в контексте идей Теодора Адорно о «негативной диалектике» искусства. Сопротивление коллектива новаторским решениям Е.В. Колобова отражало более широкую проблему: тенденцию культурных институтов к воспроизводству привычных форм, что Адорно рассматривал как проявление «индустрии культуры», подавляющей критический потенциал искусства [13].

Показательна философская мотивировка его решения обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой лишить его почетных званий. Этот поступок можно интерпретировать как манифест того, что Альбер Камю называл «метафизическим бунтом» – отказом принимать мир, в котором подлинные ценности подчинены конъюнктурным соображениям [14]. Для Е.В. Колобова государственные награды теряли онтологический смысл, если не сопровождалась возможностью свободного творческого самовыражения.

Его формулировка творческого кредо – «У Художника должно быть два главных качества: честное имя и талант» – отражает экзистенциальное понимание искусства как сферы абсолютной ответственности, где любой компромисс означает предательство собственной сущности. В отличие от коллег, готовых к прагматическим адаптациям, Евгений Владимирович выбирал путь, который Сёрен Кьеркегор называл «страстью к парадоксу» – готовность нести экзистенциальное бремя одиночества ради сохранения внутренней целостности [9].

«Новая опера»: онтология творческой свободы и институциональная критика

Создание собственного театра в 1991 году представляло собой радикальный акт философского самоопределения, который можно рассматривать через призму концепции «институциональной критики» Теодора Адорно. В условиях кризиса государственного финансирования культуры Евгений Владимирович осуществил то, что Юрген Хабермас называл созданием «идеальной коммуникативной ситуации» – пространства, свободного от внешнего принуждения и ориентированного исключительно на поиск художественной истины [11].

Философское значение этого шага состояло в практической реализации утопии автономного искусства, которую европейская эстетическая мысль со времен Канта рассматривала как недостижимый идеал. Создавая независимую структуру, Колобов материализовал хайдеггеровскую идею «просвета бытия» – пространства, где сущее может явить себя в своей подлинности, освобожденное от навязанных интерпретационных схем.

Репертуарная политика «Новой оперы» воплощала принципы герменевтической философии Гадамера: понимание театра как «горизонта встречи» между различными культурными традициями. Сочетание классических произведений в авторских редакциях («Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Борис Годунов» М.П. Мусоргского), редко исполняемых опер («Валли» А. Каталани, «Севильский цирюльник» Дж. Россини) и современных сочинений («Первая любовь» А. Головина, «Школа жен» В. Мартынова) отражало диалектическое понимание культуры как живого процесса, в котором прошлое и настоящее находятся в постоянном творческом диалоге.

Принципиально важной особенностью метода Е.В. Колобова стал отказ от жанровых ограничений, что философски соотносится с деконструктивистской критикой бинарных оппозиций. Проведение в «Новой опере» симфонических концертов, камерных вечеров, литературно-музыкальных программ отражало понимание искусства как целостного феномена, существующего до всяких категориальных разделений. Эта практика воплощала идеи Мориса Мерло-Понти о «хиазматической» природе эстетического опыта, где различные модальности восприятия переплетаются в единой ткани смысла [14].

Организация фестивалей – «Крещенского фестиваля», «Два мастера – два мира», «Иное» – превратила театр в то, что можно назвать «гетеротопией» в понимании Мишеля Фуко: альтернативным пространством, где действуют иные законы, чем в обычном социальном мире. В отличие от коммерческих проектов, эти события были направлены на расширение «горизонта ожиданий» аудитории (Ханс Роберт Яусс), создание условий для эстетического опыта как формы познания.

Педагогическая феноменология: intersубъективность творческого процесса

Художественный нонконформизм Е.В. Колобова наиболее глубоко проявлялся в его педагогической практике, которая представляла собой оригинальную разработку феноменологической теории intersубъективности. Работа с молодыми исполнителями основывалась на эдмундовом гуссерлевском принципе «эпохе» – временном воздержании от готовых суждений ради непосредственного постижения сути явления [12].

Осознанно противопоставляя себя авторитарным методам, принятым в традиционных театрах, Евгений Владимирович реализовывал то, что Эммануил Левинас называл «этикой лица к лицу» – признанием абсолютной ценности другого как равноправного участника диалога. Репетиционный процесс превращался в практическое воплощение хабермасовской «идеальной речевой ситуации», где истина рождается не из принуждения, а из свободного обмена мнениями.

Новаторство метода Е.В. Колобова заключалось в понимании нотного текста как того, что Жак Деррида называл «живым письмом» – не застывшей структурой, но динамическим процессом смыслопорождения, требующим активного сотворчества интерпретатора. Каждый участник становился соавтором общей интерпретации, что отражало постмодернистское понимание искусства как интертекстуального диалога различных голосов [13].

Наиболее философски значимым аспектом метода стало отношение Е.В. Колобова к дирижированию как к экзистенциальной ситуации «бытия-с-другими» (Mitsein) в терминологии Хайдеггера. Признание «утраты иллюзий» полного контроля над коллективным творче-

ством представляло собой практическую реализацию феноменологической критики субъект-объектной парадигмы. Дирижер переставал быть трансцендентальным субъектом, управляющим объектом-оркестром, и становился участником intersubъективного процесса смыслопорождения.

Художественная практика Е.В. Колобова достигала философской полноты в стремлении к холистической коммуникации, где вербальное, визуальное и кинестетическое измерения сливаются в единый акт творческой передачи. Этот подход воплощал центральную идею феноменологии Мерло-Понти о телесности как первичной форме бытия-в-мире, где смысл возникает не из рефлексивного мышления, но из непосредственного телесного взаимодействия с окружающим миром [14].

Критический анализ: ограничения и противоречия

Несмотря на несомненные достижения, метод Е.В. Колобова имел определенные ограничения. Его бескомпромиссность иногда приводила к конфликтам, которых можно было избежать без ущерба для художественных принципов. Стремление к аутентичности исполнения классических произведений порой входило в противоречие с традициями их сценической интерпретации.

Финансовые трудности «Новой оперы» ставят вопрос о практической осуществимости творческих принципов Е.В. Колобова в рыночных условиях. Отказ от коммерческих компромиссов, при всей его этической оправданности, создавал проблемы для выживания театра.

Опыт Е.В. Колобова демонстрирует возможность альтернативного пути развития театрального искусства, основанного на приоритете художественных ценностей над коммерческими соображениями [15]. В условиях доминирования рыночной логики в сфере культуры его принципы сохраняют актуальность как образец творческой независимости.

Присвоение театру имени его основателя в 2006 году свидетельствует о признании значимости его вклада в отечественную культуру. Однако более важным представляется влияние его методов на последующее поколение театральных деятелей, многие из которых продолжают традиции «Новой оперы» [16].

Заключение

Анализ творческого метода Е.В. Колобова выявляет специфические черты художественного неконформизма как осознанной стратегии. В отличие от стихийного протеста, его позиция основывалась на четкой системе принципов и последовательно реализовывалась на протяжении всей карьеры.

Ключевые особенности его подхода включают: отказ от готовых интерпретационных схем в пользу собственного прочтения классических произведений; понимание театра как исследовательского пространства, а не развлекательного предприятия; готовность к конфликтам ради сохранения творческой целостности; создание альтернативных институциональных форм для реализации художественных замыслов.

Опыт Е.В. Колобова показывает, что новаторство в искусстве может быть не только результатом таланта или интуиции, а также результатом сознательного выбора системы ценностей. Его метод остается актуальным для понимания механизмов культурного развития и роли индивидуального творческого выбора в этом процессе.

Противоречия и ограничения его подхода не отрицают его исторического значения как примера последовательной реализации принципов творческой независимости в условиях меняющихся социально-культурных обстоятельств.

Литература

1. Скиперских, А.В. Официальное и неофициальное искусство в «молчащей» культуре: взгляд неконформистов / А.В. Скиперских // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – № 1 (30). – С. 189–197. – DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00020.
2. Унксова, М.В. Неконформизм в русском искусстве. Экзистенциальные аспекты неконформизма и основные течения / М.В. Унксова // Петербургские искусствоведческие тетради. – 2004. – № 12. – С. 173–190.
3. Ларина, М.А. Театральное искусство в условиях социокультурных трансформаций / М.А. Ларина // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 133–146. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.10.
4. Круглова, Т.А. Соблазны соцреализма, попытки «зависти», упоение причастностью: О советском художественном конформизме / Т.А. Круглова // Новый журнал. – 2014. – № 96. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/96/14k.html> (дата обращения: 01.09.2025).
5. Макарихина, Л.П. Хрущевская оттепель как явление в литературном пространстве СССР / Л.П. Макарихина // Молодой ученый. – 2022. – № 45 (440). – С. 215–217. – URL: <https://moluch.ru/archive/440/96232> (дата обращения: 01.09.2025).
6. Ефанова, М.В. Творческая деятельность Е.В. Колобова в контексте концепции режиссерского оперного театра XX века / М.В. Ефанова // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. – 2022. – № 2 (79). – С. 81–95.
7. Северюхин, Д.Я. Ленинградский андеграунд 1950–1980-х годов в зеркале художественной критики / Д.Я. Северюхин // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. – 2022. – № 63. – С. 222–239.
8. Ким, В.В. Конформизм и неконформизм как механизмы производства и воспроизводства фанатизма в обществе / В.В. Ким // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2014. – № 4. – С. 83–99.
9. Шеремет, С.В. Дирижер Евгений Колобов: штрихи к творческому портрету / С.В. Шеремет // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2021. – № 1. – С. 50–58. – DOI: 10.17805/trudy.2021.1.8.
10. Аргументы и Факты. – 1990. – 6 декабря.
11. Шеремет, С.В. Театр «Новая опера» имени Е.В. Колобова и его роль в культурной жизни Москвы / С.В. Шеремет // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 1. – С. 250–257.
12. Короткова, О. И дышит музыкой судьба: вообразимое интервью с Е.В. Колобовым, музыкантом-философом, дирижером, режиссером музыки / О. Короткова // Без границ. – URL: <https://www.bez-granic.ru/main/intervyu/i-dyshit-muzykoj-sudba.html> (дата обращения: 01.09.2025).
13. Ефанова, М.В. Оперный театр: триада дирижер-режиссер-педагог в творческой деятельности Е.В. Колобова / М.В. Ефанова // Philharmonica. International Music Journal. – 2022. – № 3. – С. 11–21.
14. Демченко, Л.М. Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ рас-

крытия специфики субъективности в философии М. Мерло-Понти / Л.М. Демченко, Н.В. Гончаров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 7 (143). – С. 13–23.

15. Ефанова, М.В. Интерпретаторская концепция Е.В. Колобова: эстетические принципы / М.В. Ефанова // Об интерпретации в исполнительском искусстве. – 2022. – С. 107–115. – DOI: 10.36871/hon.202202014.
16. О присуждении Государственных премий Российской Федерации в области литературы и искусства 2003 года: указ Президента Российской Федерации от 12 июня 2004 г. № 766 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2534.

THE PHENOMENON OF ARTISTIC NONCONFORMISM: INNOVATION AS A CONSCIOUS CHOICE IN THE METHOD OF E.V. KOLOBOV

Voznesenskaya M.S.

The article examines the creative method of the Russian conductor and theatre figure E.V. Kolobov as an example of artistic nonconformism in the domestic culture of the second half of the 20th – early 21st centuries. The key principles of his approach to art are analyzed: rejection of ready-made interpretative schemes, understanding of theater as a research space, readiness for conflicts for the sake of preserving creative integrity. Particular attention is paid to studying the experience of the creation and functioning of the Novaya Opera theater as an institutional embodiment of an alternative model of cultural development. The pedagogical method of E.V. Kolobov, based on the principles of democratization of the creative process and collective study of musical material, is considered. The contradictions and limitations of his approach are revealed, including the problems of practical implementation of creative principles in market conditions. It is concluded that E.V. Kolobov's experience represents a conscious strategy of artistic nonconformism, based on a clear system of values and consistently implemented throughout his entire creative career. The study is based on the analysis of archival materials, interviews and scientific publications devoted to the conductor's work.

Keywords: E.V. Kolobov, artistic nonconformism, Novaya Opera Theatre, creative independence, alternative culture, opera theatre, conducting, repertoire policy, pedagogical method.

References

1. Skiperskikh, A.V. Official and unofficial art in the “silent” culture: the view of nonconformists / A.V. Skiperskikh // International Journal of Cultural Studies. – 2018. – No. 1 (30). – P. 189–197. – DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00020.
2. Unksova, M.V. Nonconformism in Russian art. Existential aspects of nonconformism and the main trends / M.V. Unksova // St. Petersburg art history notebooks. – 2004. – No. 12. – P. 173–190.
3. Larina, M.A. Theatrical art in the context of socio-cultural transformations / M.A. Larina // Humanitarian of the South of Russia. – 2023. – V. 12, No. 6. – P. 133–146. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.10.
4. Kruglova, T.A. Temptations of Socialist Realism, Attempts of “Envy”, Intoxication with Involvement: On Soviet Artistic Conformism / T.A. Kruglova // Novy Zhurnal. – 2014. – No. 96. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/96/14k.html> (date of access: 01.09.2025).
5. Makarikhina, L.R. Khrushchev's Thaw as a Phenomenon in the Literary Space of the USSR / L.R. Makarikhina // Young Scientist. – 2022. – No. 45 (440). – P. 215–217. – URL: <https://moluch.ru/archive/440/96232> (date of access: 01.09.2025).
6. Efanova, M.V. Creative activity of E.V. Kolobov in the context of the concept of director's opera theater of the twentieth century / M.V. Efanova // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. – 2022. – No. 2 (79). – P. 81–95.
7. Severyukhin, D. Ya. Leningrad underground of the 1950–1980s in the mirror of art criticism / D. Ya. Severyukhin // Scientific works of the St. Petersburg Academy of Arts. – 2022. – No. 63. – P. 222–239.
8. Kim, V.V. Conformism and nonconformism as mechanisms of production and reproduction of fanaticism in society / V.V. Kim // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2014. – No. 4. – P. 83–99.
9. Sheremet, S.V. Conductor Evgeny Kolobov: strokes to a creative portrait / S.V. Sheremet // Scientific works of the Moscow Humanitarian University. – 2021. – No. 1. – P. 50–58. – DOI: 10.17805/trudy.2021.1.8.
10. Arguments and Facts. – 1990. – December 6.
11. Sheremet, S.V. The Novaya Opera Theater named after E.V. Kolobov and its role in the cultural life of Moscow / S.V. Sheremet // Knowledge. Understanding. Skill. – 2021. – No. 1. – P. 250–257.
12. Korotkova, O. And fate breathes music: an imaginary interview with E.V. Kolobov, musician-philosopher, conductor, music director / O. Korotkova // Without Borders. – URL: <https://www.bez-granic.ru/main/intervyu/i-dyshit-muzykoj-sudba.html> (accessed: 09/01/2025).
13. Efanova, M.V. Opera Theater: the conductor-director-teacher triad in the creative work of E.V. Kolobov / M.V. Efanova // Philharmonica. International Music Journal. – 2022. – No. 3. – P. 11–21.
14. Demchenko, L.M. Phenomenology of perception and the concept of corporeality as an alternative way of revealing the specificity of subjectivity in the philosophy of M. Merleau-Ponty / L.M. Demchenko, N.V. Goncharov // Bulletin of the Orenburg State University. – 2012. – No. 7 (143). – P. 13–23.
15. Efanova, M.V. Interpretative concept of E.V. Kolobov: aesthetic principles / M.V. Efanova // On interpretation in the performing arts. – 2022. – P. 107–115. – DOI: 10.36871/hon.202202014.
16. On awarding the State Prizes of the Russian Federation in Literature and Art in 2003: Decree of the President of the Russian Federation of June 12, 2004 No. 766 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 25. – Art. 2534.

Культурные основания социальной интеграции в контексте социального теоретизирования

Дубровин Владимир Леонидович,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, Институт социологии
ФНИСЦ РАН
E-mail: vladimir.dubrovin@gmail.com

Цель исследования – анализ культурных оснований социальной интеграции в контексте различных теоретических подходов к исследованию общества и культуры. Методология исследования базируется на историческом и сравнительном методах, общенаучных методах исследования. Результаты исследования: Культурные механизмы – ценности, нормы, символы, ритуалы и институты – являются фундаментом социальной интеграции, обеспечивая сплоченность общества через общие смыслы и практики. Мы рассмотрели ряд теоретических концепций, анализирующих роль культуры в осуществлении социальной интеграции. Несмотря на то, что эти концепции исходят из различного понимания природы общества и социальных отношений, все они сходятся на том, что именно культура играет главную роль в обеспечении социальной интеграции и достижении общественного согласия. В то же время многие из рассмотренных авторов отмечают, что культура может быть не только интегрирующим, но и дезинтегрирующим фактором, а внутренняя неоднородность и противоречивость культуры может быть следствием системных и структурных противоречий в обществе. В связи с этим возникает необходимость целенаправленных усилий для поддержания культурного единства общества и преодоления негативного воздействия структурных факторов, препятствующих интеграции на уровне культуры

Ключевые слова: социальная интеграция, системная интеграция, культура, ценности, нормы, жизненный мир, система, социальное развитие, социальный институт, социальная дифференциация.

Введение

Вопрос о культурных основаниях социальной интеграции затрагивался множеством социальных теоретиков, философов и социологов. Осознавая многогранность понятия культуры и наличие множества её определений, мы будем исходить из достаточно распространенного и универсального описательного подхода к культуре. Под культурой мы понимаем здесь совокупность ценностей, норм, правил, идей, символов, которые опосредуют человеческую деятельность и социальное взаимодействие, определяют поведение человека.

В таком понимании культура включает в себя множество сфер, таких как мораль, право, религия, идеология, право и т.д. Все эти символическо-нормативные системы имеют свою специфику, однако все они являются различными проявлениями культуры как более широкой идейной и ценностно-нормативной системы регуляции человеческого мышления и поведения. Культура является важнейшим фактором, обеспечивающим социальную интеграцию. Как отмечал А.Ф. Филиппов: «Культура, воплощенная в символах и ритуалах, создает общий семантический порядок, который обеспечивает социальную интеграцию через чувство принадлежности к коллективу» [10; 187]. В данной статье мы рассмотрим проблему культурных оснований социальной интеграции в контексте социальной теории.

Культура и социальная интеграция в социальной теории

Уже в ранних трудах социальных теоретиков проблема обеспечения единства общества, социального порядка и социального консенсуса вызвала большой интерес, и интегрирующая роль культуры осознавалась достаточно четко.

Так, Огюст Конт, конструируя своей проект новой науки, новой позитивной религии и нового общественного уклада, в котором они призваны были выполнять важную задачу, писал: «Моральные принципы и религиозные чувства, как основа позитивной культуры, являются необходимыми для поддержания социального единства, ибо только через общие убеждения и духовную солидарность общество может сохранять порядок и гармонию. Религия человечества, основанная на альтруизме, должна заменить старые теологические формы, чтобы обеспечить интеграцию современного общества» [7; 328].

Герберт Спенсер, выдающийся социальный теоретик 19 века и основоположник эволюционистского подхода к анализу общества также придавал большое значение культурным факторам в обеспечении интеграции общества. В рамках своей эволюционной теории он рассматривает культуру как механизм, который координирует поведение индивидов и групп, способствуя социальной сплоченности. При этом он подчеркивал, что в сложных обществах культурные нормы адаптируются к возрастающей структурной дифференциации, продолжая обеспечивать интеграцию.

Он писал: «Культура, выраженная в обычаях, морали и социальных институтах, служит связующим звеном

общества, обеспечивая его интеграцию через согласованность действий индивидов. По мере усложнения общественного организма эти культурные элементы становятся более дифференцированными, но их роль в поддержании единства остается неизменной» [9; 245].

И у Конта, и у Спенсера присутствует осознание того факта, что развитие общества влечет за собой угрозу ослабления интеграции, но понимали это по-разному.

У Конта главным фактором развития человеческого общества было развитие разума, и в неравномерности развития различных сфер познания мира, противоречивости идей, он видел фактор, ослабляющий социальное единство. Именно поэтому он создавал свой проект новой науки и даже новой религии, которые обеспечили бы единство идейной сферы – и тем самым социальный консенсус. Для Спенсера социальная эволюция была многогранным и естественным процессом, при этом усложнение общества он видел как структурную дифференциацию, которая влияет на культуру так, что усложнение содержания порождает новый культурный синтез на каждом этапе социальной эволюции.

Эмиль Дюркгейм, продолжавший и развивавший функциональный и холистический подход к обществу, свойственный Конту, также видел в культурных факторах, которые он соотносил с деятельностью сознания, «коллективными представлениями», необходимую основу социальной солидарности. Исследуя разные типы солидарности, он отмечал, что присущий современным обществам органический тип солидарности отличается от более раннего механического типа тем, что культурные факторы солидарности ослаблены anomie. Anomie, ослабление влияния ценностей и норм, является предпосылкой девиантного поведения, в частности, роста самоубийств.

Однако Дюркгейм полагал, что anomie может быть преодолена через укрепление культурных норм, развитие новых социальных институтов и усиление моральной регуляции, которые способствуют социальной интеграции. «Anomie не является неизбежным состоянием современных обществ; она возникает, когда социальные нормы недостаточно регулируют индивидуальные желания. Для преодоления anomie необходимо развитие новых моральных институтов, таких как профессиональные группы, которые могут обеспечить интеграцию и восстановить равновесие между индивидом и обществом» [4; 367–368].

Макс Вебер, представитель индивидуалистического, а не холистического подхода к анализу общества (что отличает его от упомянутых выше Конта и Дюркгейма) также придавал большое значение культурным факторам регуляции поведения и обеспечения социальной интеграции. В рамках его понимания общества огромную роль играли понятия смысла и ценности. Главной характеристикой социального действия является его соотнесенность со смыслом. Поэтому Вебер уделял много внимания анализу религии. Но смысловой аспект был для важен и в исследованиях власти и хозяйства. Весь мир человеческого общества – это смысловой мир. Люди действуют, исходя из определенных смыслов.

В своей наиболее известной работе, посвященной протестантской этике, он писал: «Культурные ценности, особенно религиозного характера, формируют общую этическую основу, которая объединяет индивидов в общество, задавая им общие цели и нормы поведения. Протестантская этика, например, создала культурный фундамент для капиталистической интеграции, связав труд и мораль в единую систему» [3; 61].

Религия, мораль, правовые нормы, ценности – элементы культуры, которым обычно придается основное

значение в регуляции и интеграции, однако другие элементы культуры, кажущиеся менее значимыми, реже попадают в поле зрения теоретиков. В этом контексте интересно отметить взгляды Георга Зиммеля, философа культуры и социолога, который обращал внимание на интегративные функции таких феноменов, как искусство или мода.

Зиммель исследовал культуру как связующее звено между индивидами и обществом, он анализировал, как различные культурные практики формируют связи между людьми, способствуя социальной интеграции: «Культура, проявляющаяся в формах социального взаимодействия, таких как мода, искусство или ритуалы, создает общие символические пространства, которые связывают индивидов в общество. Эти формы обеспечивают интеграцию, позволяя людям ощущать свою принадлежность к коллективу через общие культурные практики» [5; 280].

Представитель структурного функционализма Талкотт Парсонс синтезировал подходы Дюркгейма и Вебера, существенно их дополнив и доработав. В его теоретическом синтезе культурные элементы общественной жизни играли фундаментальную роль.

Парсонс рассматривал культуру как систему ценностей, символов и норм, обеспечивающих социальную интеграцию. В его концепции социальной системы именно культура играет центральную роль в поддержании равновесия и консенсуса в обществе. Культурные ценности и нормы, по Парсонсу, усваиваются индивидами в процессе социализации и воспроизводятся и поддерживаются институтами (семья, образование, религия), что обеспечивает стабильность и согласованность действий индивидов. Предложенная Парсонсом AGIL-модель (четыре функции социальной системы: адаптация, целодостижение, интеграция, латентность), подразумевала, что социальная интеграция напрямую связана с культурой как механизмом согласования ценностей и норм.

В «Системе современных обществ» Парсонс писал: «Культура – это система символических значений, которая направляет действия индивидов и обеспечивает интеграцию общества, поскольку она задает общие ценности и нормы, формирующие ожидания и координирующие поведение. Без этой культурной основы социальная система не смогла бы поддерживать равновесие, так как именно культура, через процессы социализации и институционализации, связывает индивидуальные действия с коллективными целями. Культурные символы, будь то язык, религия или моральные кодексы, создают общий смысловой контекст, который делает возможной интеграцию различных подсистем общества» [8; 89–90].

Пьер Бурдьё, социальный теоретик, чьи взгляды и теоретические установки значительно отличались от функционалистского подхода, предложенного Парсонсом и получившего в середине XX века широкое распространение, тем не менее также исходил из существенной роли культуры в обеспечении интеграции общества, которую он трактовал иначе, чем системный подход.

Бурдьё отвергал функционалистскую системность и гармонию и рассматривал общество через призму конфликта, власти и воспроизводства неравенства. Его подход сосредоточен на практиках, габитусе и капитале (культурном, социальном, экономическом), которые формируют социальные отношения. Общество для Бурдьё – это поле борьбы, где различные группы конкурируют за доминирование, ресурсы и различные виды капитала. Тем не менее общество в концепции Бурдьё интегрировано, и интеграция достигается через воспроизводство культурных норм, поддерживающих существующее положение дел и сложившийся поря-

док. При этом доминирующие нормы служат укреплению власти и упрочению неравенства. Бурдьё полагал, что усвоенные и сформировавшие габитус культурные нормы (например, предпочтения в искусстве или родной язык, отличающийся от доминирующего языка) создают барьеры для групп с меньшим культурным капиталом, что затрудняет их успешную интеграцию в общество, поскольку культурный капитал, воплощённый в образовательных практиках, воспитании и эстетических предпочтениях, препятствует социальной интеграции, а доминирующие группы используют культуру как инструмент исключения и воспроизводят неравенство через механизмы символического насилия [1].

Бурдьё отмечал: «Культура, воплощённая в габитусе и культурном капитале, обеспечивает социальную интеграцию, связывая индивидов с их социальными группами через воспроизводство общих практик и ценностей. Однако эта интеграция часто достигается ценой символического насилия, поскольку культурные нормы навязывают доминирующие представления, легитимируя социальные иерархии» [2; 124].

Бурдьё наследует критической традиции, привнесённой в социальный анализ ещё Карлом Марксом. И если вспомнить марксистский подход к анализу общества, то можно отметить выявленную Марксом связь доминирующей картины мира (идеологии) с господством тех или иных социальных классов. В то же время Маркс отмечал и способность идей изменять социальный мир, если они становятся достоянием широких масс, чьи интересы нацелены на смену общественного порядка.

В рамках ряда теоретических подходов, ставших популярными во второй половине XX века, культура редко бывает нейтральной, а знание тесно переплетено с господством. Также достаточно часто и в разных теоретических контекстах отмечается наличие определенных рассогласований в культуре, связанных с неравенством и неоднородностью обществ, например, этнической неоднородностью, что может создавать определенные противоречия в обществе, или столкновением в культурном пространстве разных ценностных и нормативных ориентаций, связанных с ускоренным развитием общества или внешним влиянием.

Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель анализируют, как культурные ценности влияют на модернизацию и интеграцию общества, вовлеченного в процесс модернизационных трансформаций. Они отмечали, что различия между традиционалистскими и модернистскими ценностями нередко создают культурные барьеры, препятствующие социальной сплоченности в переходных обществах.

«Культурные различия между традиционалистскими и модернистскими ценностями создают препятствия для социальной интеграции, поскольку ценностный разрыв между группами затрудняет формирование общего социального пространства» [6; 245].

Инглхарт и Вельцель показывали, что в обществах, переживающих модернизацию (например, в постсоветских обществах), конфликты между традиционными и секулярными ценностями могут препятствовать социальной интеграции, усиливая раскол в обществе.

Такие противоречия могут негативно сказываться на социальной интеграции, потому необходимо искать способы их преодоления и обретения ценностно-нормативного консенсуса, сочетающего ценности развития и сохранения культурного наследия. Кроме того, следует учитывать, что культурные противоречия нередко связаны с социальным неравенством и являются как бы его символической и смысловой проекцией, подобно тому как религиозные конфликты часто являются внешним

проявлением экономического неравенства и недовольства тех или иных групп своим положением в обществе.

С другой стороны, как отмечал Бурдьё, культура может создавать барьеры для деятельности тех или иных групп, тем самым способствуя усугублению неравенства. Российская исследовательница Елена Ярская-Смирнова исследовала культурные барьеры, препятствующие социальной инклюзии, особенно для маргинализированных групп (например, людей с инвалидностью). Она подчёркивала роль стигматизации и негативных стереотипов в создании препятствий для интеграции таких индивидов: «Культурные стереотипы и стигматизация, укоренённые в общественных практиках, препятствуют социальной интеграции маргинализированных групп, таких как люди с инвалидностью, создавая барьеры для их участия в общественной жизни» [12; 255].

Культурные основания социальной интеграция могут быть ослаблены и по другим причинам, связанным не только с неравенством, но и другими структурными факторами.

Юрген Хабермас, современный философ и социолог, рассматривает социальную жизнь прежде всего сквозь призму понятия коммуникации, постоянно осуществляющегося диалога по общественно значимым вопросам между индивидами, группами и ассоциациями в обществе. Культура представляет собой основание для такого диалога: «Культурные нормы, выраженные через коммуникативное действие, обеспечивают социальную интеграцию, поскольку создают условия для рационального дискурса и взаимопонимания, которые лежат в основе общественного консенсуса» [11; 102].

Однако этот диалог может быть нарушен. Хабермас, анализируя структуру современного общества, выделяет в ней две важные составляющие: «жизненный мир» и «систему». Понятие жизненного мира, заимствованное из феноменологической традиции, означает сферу повседневности, где взаимодействия людей основаны на коммуникативном действии, направленном на достижение взаимопонимания через общие культурные ценности, нормы и язык. Это область, где люди формируют идентичности, поддерживают социальные связи и воспроизводят культуру.

Составляющими жизненного мира, по мнению Хабермаса, являются: культура как совокупность разделяемых смыслов, ценностей и символов, обеспечивающих общий смысловой фундамент для взаимодействия; общество как совокупность норм и институтов, поддерживающих социальную солидарность (например, семья, религия, локальные сообщества); личность как носитель идентичности, сформированной через социализацию и культурные практики. «Жизненный мир, как горизонт разделяемых культурных ценностей и норм, обеспечивает социальную интеграцию через коммуникативное действие, в котором участники достигают взаимопонимания, формируя основу для солидарности и идентичности» [11; 104].

«Система» в концепции Хабермаса включает институциональные структуры, которые координируются через особый тип действия – стратегическое действие (ориентированное на успех) и управляют формальными безличными механизмами власти и денег. Это рационализированные подсистемы, функционирующие независимо от коммуникативного действия и надстраиваемые над структурами «жизненного мира».

Составляющими элементами «системы» являются регулируемая деньгами и рынком экономика и государство, регулируемое бюрократией и правовыми нормами. «Система» выполняет важные социальные функции, обеспечивая системную интеграцию общества при

помощи рациональных инструментальных механизмов, регулирующих и контролирующих совместную деятельность. Однако развитие этих механизмов несет угрозу интеграции на уровне «жизненного мира». Когда системные механизмы бюрократии и рынка вторгаются в сферы, регулируемые коммуникативным действием (семья, образование, культура), это может вызывать конфликты, неравенство и утрату смысла, тем самым затрудняя социальную интеграцию.

Хабермас подчёркивал, что в традиционных обществах «жизненный мир» доминировал, а интеграция общества достигалась прежде всего через культурные ценности и традиции. Однако в современных сложных обществах «система» становится всё более автономной, что приводит к «колонизации жизненного мира» – подчинению культурных и коммуникативных процессов системным императивам: «Колонизация жизненного мира системными структурами разрушает культурные основы социальной интеграции, поскольку ценности и нормы подчиняются логике власти и денег, что порождает конфликты и социальное отчуждение» [11; 202]

Таким образом, культура, как часть «жизненного мира», играет ключевую роль в поддержании социальной интеграции через общие ценности, но её подчинение системным структурам ослабляет общественный консенсус. Хабермас критикует капиталистическую модернизацию, которая подрывает культурные ценности, заменяя коммуникативное действие инструментальным, что ведёт к кризису социальной интеграции.

Хабермас отмечал также, что в современных сложных обществах разные группы могут быть привержены разным ценностям, что тоже несет угрозу социальной интеграции.

Хабермас считал, что существуют способы для восстановления социальной интеграции. Он придавал особое значение в этом коммуникативному действию и развитию публичной сферы.

Под коммуникативным действием он понимал процесс, в ходе которого индивиды достигают взаимопонимания через рациональный дискурс, основанный на аргументации, а не на принуждении. Для преодоления кризиса интеграции Хабермас предлагает поощрять общественный диалог, где участники равноправно обсуждают ценности и нормы. Средой, где может осуществляться такой диалог, является публичная сфера, где возможно проведение гражданских дискуссий по общественно значимым вопросам. Это особенно важно для поликонфессиональных и полиэтнических обществ. Таким образом, важная роль в укреплении социальной интеграции в современных обществах принадлежит различным общественным площадкам и разнообразным медиа.

Заключение

Социальная интеграция является необходимым условием для существования общества. Социальная интеграция обеспечивается разными механизмами. В частности, государственными институтами, функциональной дифференциацией институтов (разделение труда), рыночными механизмами. Однако важнейшим интегрирующим фактором является культура.

Культурные механизмы – ценности, нормы, символы, ритуалы и институты – являются фундаментом социальной интеграции, обеспечивая сплоченность общества через общие смыслы и практики. На основе теорий, рассмотренных в данной статье, можно сделать вывод, что укрепление этих механизмов необходимо для преодоления кризисов интеграции, вызванных конфликта-

ми, неравенством, системным давлением и культурным разнообразием.

Мы рассмотрели ряд теоретических концепций, анализирующих роль культуры в осуществлении социальной интеграции. Несмотря на то, что эти концепции исходят из различного понимания природы общества и социальных отношений, все они сходятся на том, что именно культура играет главную роль в обеспечении социальной интеграции и достижении общественного согласия. В то же время многие из рассмотренных авторов отмечают, что культура может быть не только интегрирующим, но и дезинтегрирующим фактором. Кроме того, внутренняя неоднородность и противоречивость культуры может быть следствием системных и структурных противоречий. В связи с этим возникает необходимость целенаправленных усилий для поддержания культурного единства общества и преодоления негативного воздействия структурных факторов, препятствующих интеграции на уровне культуры.

Литература

1. Бурдьё П. Различение: Социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 20.08.2025).
2. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова. – М.: Институт социологии РАН; СПб.: Алетейя, 2001–246 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.И. Левинной. – М., 2000. – 352 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
5. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни / Пер. с нем. С.Я. Левит. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. – М.: Новое издательство, 2011–464 с.
7. Конт О. Курс позитивной философии. Том 1 / Пер. с фр. И.А. Шапиро. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
9. Спенсер Г. Основания социологии / Пер. с англ. под ред. В.В. Сапова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 432 с.
10. Филиппов А.Ф. Теория общества: Основы социологического анализа. – М.: Канон+, 2016. – 288 с.
11. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Том 1 / Пер. с нем. М.Б. Раковского. – М.: Весь Мир, 2022–577 с.
12. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная инклюзия и культурные барьеры: анализ российских реалий // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15, № 2.

CULTURAL FOUNDATIONS OF SOCIAL INTEGRATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL THEORIZING

Dubrov V.L.

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The aim of the study is to analyze the cultural foundations of social integration in the context of various theoretical approaches to the study of society and culture. The research methodology is based on historical and comparative methods, as well as general scientific research methods. Research results: Cultural mechanisms – values, norms, symbols, rituals, and institutions – are the foundation of social integration, ensuring social cohesion through shared meanings and

practices. We have examined a number of theoretical concepts that analyze the role of culture in the implementation of social integration. Although these concepts are based on different understandings of the nature of society and social relations, they all agree that it is culture that plays the main role in ensuring social integration and achieving social harmony. At the same time, many of the authors we looked at point out that culture can be not only an integrating factor, but also a disintegrating one, and that internal heterogeneity and contradictions within culture can be the result of systemic and structural contradictions in society. In this regard, there is a need for targeted efforts to maintain the cultural unity of society and overcome the negative impact of structural factors that hinder integration at the cultural level.

Keywords: social integration, systemic integration, culture, values, norms, lifeworld, system, social development, social institution, social differentiation.

References

1. Bourdieu, P. Distinction: A Social Critique of the Judgment // Economic Sociology. 2005. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (accessed: 20.08.2025). (In Russian)
2. Bourdieu, P. Practical Sense / Translated from French by A.T. Bikbova. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Aleteya, 2001. – 246 p. (In Russian)
3. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / Translated from German by M.I. Levina. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. – 352 p. (In Russian)
4. Durkheim, É. The Division of Labor in Society / Translated from French by A.B. Hoffman. – Moscow: Kanon, 1996–432 p. (In Russian)
5. Simmel, G. Selected Works. Volume 2. Contemplation of Life / Translated from German by S. Ya. Levit. – Moscow: Yurist, 1996–607 p. (In Russian)
6. Inglehart, R., Welzel, K. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Sequence of Human Development / Translated from English by M. Korobochkin. – Moscow: New Publishing House, 2011–464 p. (In Russian)
7. Comte, O. Course in Positive Philosophy. Volume 1 / Translated from French by I.A. Shapiro. – Moscow: LIBROKOM Publishing House, 2012–256 p. (In Russian)
8. Parsons, T. The System of Modern Societies / Translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. – Moscow: Aspect Press, 1998. – 270 p. (In Russian)
9. Spencer, G. The Foundations of Sociology / Translated from English, edited by V.V. Sapov. – Moscow: LIBROKOM Publishing House, 2011. – 432 p. (In Russian)
10. Filippov A.F. Theory of Society: Fundamentals of Sociological Analysis. – Moscow: Canon+, 2016. – 288 p. (In Russian)
11. Habermas J. Theory of Communicative Action. Volume 1 / Translated from German by M.B. Rakovsky. – Moscow: Ves Mir, 2022. – 577 p. (In Russian)
12. Yarskaya-Smirnova E.R. Social Inclusion and Cultural Barriers: Analysis of Russian Realities // Journal of Social Policy Research. – 2017. – Vol. 15, No. 2. (In Russian)

Замараева Елена Ивановна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ElZamaraeva@fa.ru

Актуальность статьи обусловлена проблемой поиска факторов объединения российского общества перед лицом экзистенциальных угроз и проблемой формирования исторического сознания подрастающих поколений. Проведенный автором анализ ряда произведений о войне позволил сделать вывод о том, что литература о войне – это фактор не только передачи духовного опыта поколений, но средство формирования исторического сознания, определяющее преемственность поколений и неразрывную связь ценностных установок. Автор доказывает, что литература о войне показывает сложные нравственные коллизии, а герои этих произведений формируют целостный спектр аксиологических установок, которые определяют образ жизни, традиции, характер русского общества, формируют историческую память и историческое сознание. Автором делается вывод о том, что литература о войне демонстрирует самые лучшие качества настоящего бойца: героизм, отвагу, мужество, готовность подставить плечо в трудную минуту, решительность, дерзость, смекалку. Подчеркивается, что герои этой литературы воплощают лучшие человеческие качества: коллективизм, сплоченность, доброту, милосердие, великодушие, готовность поделить с ближним последним, готовность отдать свою жизнь во имя великой цели. Проанализированные проблемы и герои литературы о войне, философское осмысление феномена войны и поведения человека в «пограничных ситуациях», которое она демонстрирует, позволяют автору сделать вывод о том, что литература о войне является сильнейшим фактором воспитания подрастающего поколения и формирования исторической памяти, которая определяет социальную безопасность российского общества в переломные моменты его развития.

Ключевые слова: литература о войне, аксиологические установки, историческая память, историческое сознание, патриотизм.

В периоды геополитической неустойчивости, когда стабильность мира и страны находится под угрозой, основанием для единства нации становится устойчивость аксиологических и праксиологических парадигм, общности исторической судьбы. Общность исторической судьбы осознается, как правило, через опыт поколений, переживших тяжкие испытания, выпадавшие не раз на долю нашего народа. Историческое сознание – это не просто опыт поколений, знания о прошлом. Именно историческая память, общий культурно-исторический код выполняют роль тех аксиологических оснований, которые формируют коллективное историческое сознание, единство и устойчивость поколений к многочисленным испытаниям. Источниками формирования исторической памяти и исторического сознания являются и устная традиция, и мемуары, и аудиовизуальные источники, включая театр и кинематограф, и мемориальная традиция, и коммеморация [1].

Важнейшую роль в этом процессе выполняет художественная литература, особенно военная литература, которая не только передает духовный опыт поколений, но и формирует саму историческую память, то самый культурный код, который определяет национальную идентичность [2]. Авторами произведений о войне являются, как правило, ее участники или люди, имеющие опыт войны, являющиеся свидетелями тех или иных событий.

Русская военная литература XVIII–XIX веков представлена именами Г.Р. Державина, Д.В. Давыдова, Ф.Н. Глинки, К.Н. Батюшкова, П.Я. Чаадаева, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и многими другими. Эти писатели и поэты держали в своих руках оружие, являясь профессиональными военными и доказав, что перед лицом опасности нужно не столько размышлять, сколько защищать Отечество. Этот личный боевой опыт и стал источником творчества.

Отечественная советская военная литература продолжает традиции классической русской литературы, создает множество произведений, показывающих сложные нравственные коллизии и высокие образцы силы духа, мужества и героизма.

Какие же базовые аксиологические и этические установки закладывает отечественная литература о войне?

Прежде всего, военная литература показывает читателям мужество, отвагу, упорство и смекалку русского солдата-воина. Герои М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, Л.М. Леонова, А.А. Бека, К.М. Симонова, и Ю.В. Бондарева, В.Л. Кондратьева и Э.Г. Казакевича и многих других в сложнейших ситуациях проявляют лучшие человеческие качества.

Главные герои романа К.М. Симонова «Живые и мертвые» не просто ведут себя мужественно и стойко, не просто являются патриотами своей страны, верными товарищами, но и при этом с первых страшных дней войны ни на минуту не сомневаются в нашей победе, в том, враг будет изгнан с нашей земли. При этом автор рисует нам не просто фанатиков, слепо верящих, перед нами думающие, рефлексирющие герои. Мы вместе с главным героем, Иваном Синцовым, мучительно пытаемся понять: почему Красная армия отступает, неужели мы оказались не пригодными к войне, к которой, казалось,

полномасштабно готовились. И эта рефлексия не только не убивает веру в победу, но формирует те самые качества воина, столь необходимые в тяжелые для страны годы [3].

Твердая вера в победу, несмотря на всю трагичность сегодняшнего положения, – главная характеристика героев Симонова.

Любовь к Отчизне, страстное желание поскорее изгнать врага – это тот генетический код, который считывается и закладывается в подсознание, выступая основой исторической памяти.

Одной из важнейших, как ни парадоксально, тем для русской военной литературы является тема милосердия на войне. Великодушие, сострадание, жалость, а не ненависть и месть вызывают противники, когда они побеждены. Герои Б.Л. Васильева, В.Л. Кондратьева, Ю.В. Бондарева и многих других авторов военной литературы милосердны к побежденным, не способны на жестокость, когда враг повержен.

Еще одна важная тема – это проблема нравственного выбора на войне. Вспомним главных героев повести В. Быкова «Сотников», которые оказались в труднейших условиях морального выбора. Один выбирает предательство, а другой оказывается способным на настоящий подвиг. Читатель, сопереживая героям, проживает ситуации выбора вместе с ними, и так формируется историческое сознание, потому что все наши симпатии и антипатии автора, конечно же, на стороне того, кто не предал, кто оказался сильнее духом, а не телом [4].

Еще одна тема военной литературы, на которой хочется остановиться, – это тема товарищества, сплоченности, коллективизма. В условиях войны, когда «до смерти четыре шага», формируется особое чувство локтя, воинского братства. Мы видим такое братство у Ю.В. Бондарева в «Горячем снеге», у М.А. Шолохова в романе «Они сражались за Родину», у К.М. Симонов в «Живых и мертвых», у А.А. Фадеева в романе «Молодая гвардия» и многих других произведениях. А. Бек в повести «Волоколамское шоссе» показывает на судьбе одного батальона, как необученная и необстрелянная масса вчерашних «штатских» становится мощной сплоченной группой, которая смогла остановить врага на подступах к Москве, как происходит формирование воинского коллектива и какую роль в этом играет младший командный состав.

Тема Родины, сплотившей десятки народов и национальностей в единую семью, является важнейшей в военной литературе. Потому что война с особой силой показала наше единство, так как защищать Родину вышли все народы Советского Союза. Мы видим героев разных национальностей в очерке В. Василевской «Братство народов», в повести А. Бека «Волоколамское шоссе», в романе А. Фадеева «Молодая гвардия», в повести В. Кондратьева «Сашка», Ю. Бондарева «Горячий снег». Блестящие образцы военной литературы, воспевающей подвиг Советского народа, создали писатели и поэты разных национальностей: еврей В.С. Гроссман, башкир М. Карим, и татарин М. Джалиль, и аварец Р. Гамзатов, и белорусы В. Быков и А. Адамович, украинец И. Стаднюк, грузин Б. Окуджава и многие другие.

Но война – это не только страшные бои, но периоды затишья, отдыха между сражениями. И в эти редкие минуты отдыха особую роль играют балагуры-весельчаки, особый тип человеческого характера, столь необходимый в тяжелые минуты, поднимающий боевой дух шуткой-прибауткой, снимающий напряжение, дающий эмоциональную разгрузку. Со стихией народного юмора связан такой образ не унывающего в любых ситуациях, бывалого солдата. Особую популярность поэтому полу-

чил герой А.Т. Твардовского Василий Теркин, приключениями и подвигами которого зачитывались еще в годы войны. Этот же типаж мы видим в образе разведчика Мамочкина, героя повести Э.Г. Казакевича «Звезда», в образе Лопахина, героя неоконченной книги М.А. Шолохова «Они сражались за Родину».

Военная литература освещает еще один важный, философский аспект: экзистенциальное осмысление феномена смерти, столкновения человека со смертью. Прямое столкновение с ней, жизнь бок о бок со смертью, когда на твоих глазах гибнут товарищи, и ты сам можешь быть следующим, дает особый опыт понимания и самой жизни. Погибшие на твоих глазах товарищи приобретают особый статус, становятся тем нравственным эталоном и моральным ориентиром, который невозможно предать. «Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут, и мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть», – пишет Е. Агранович. «Памяти павших будьте достойны, вечно достойны», – это уже Р.И. Рождественский. Таким образом, павшие за Родину становятся для следующих поколений эталоном мужества, стойкости и доблести.

А.Т. Твардовский пишет: «Я убит подо Ржевом» от имени погибшего солдата, и это не столько мистика, сколько высоко нравственное осознание чужой смерти как своей, преодоление страха и ужаса, осознание предела человеческих возможностей. «Особый «космизм» самой Смерти здесь становится парадоксальным утверждением особого величия человека, его равнозначности миру и его неподвластности смерти, которая забирает лишь тело, освобождая душу», – пишет современный философ и писатель В.Ю. Даренский [5, с. 95].

Мы помним знаменитые строки Ю. Друниной: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Но героем является не тот, кто не боится, а кто способен преодолеть этот экзистенциальный страх, именно это преодоление поднимает человеческую душу на невероятную высоту, рождая ту силу духа, которая способна преодолеть и саму смерть.

Для людей, прошедших такие страшные испытания, через боль и смерть, Победа является сакральной ценностью. «Сакральная общность людей родины создается общей бедой и горем, а формируется на века – общей Победой» [5, с. 98]. Именно такие сакральные ценности делают народ единым целым, а страну непобедимой. Победа в той войне является непреходящей ценностью для всех поколений России, что с особой ясностью демонстрирует ежегодная акция «Бессмертный полк», проходящая практически во всех городах России и на постсоветском пространстве. И литература о войне выполняет ту же объединяющую задачу, служит целям единения народа перед лицом новой опасности, сохраняя и воспитывая историческое сознание и гражданскую память.

Это единство поколений и становится силой народа, его исторической памятью, генетическим и культурным кодом. Именно поэтому войну и называют Отечественной, потому что все сражались за Отечество, общее для всех.

И Победа, «одна на всех», определяет важнейший аксиологический закон: не предавать память погибших, быть верным тем идеалам, во имя которых сражались и погибали наши деды и прадеды, быть достойным их памяти. И это родство, спаянное кровью и общей Победой, становится «категорическим императивом», основой для будущих свершений, источником будущих побед [6].

Ведь что такое Родина? Это непрерывная цепь поколений, несущих ответственность за все, что происходит на этой земле.

Чувство вины пред погибшими, перед их семьями и близкими, это нравственный долг, документально и юридически нигде незафиксированный, который становится важнейшей аксиологической установкой. И это чувство вины невозможно порой объяснить с точки зрения логики и здравого смысла, но оно присутствует в душе и рождено именно ощущением общности в период испытаний, перед лицом смерти. Это чувство иррационально, однако оно имеет очень важный моральный аспект, наполняет жизнь особой ответственностью: ведь теперь ты не имеешь права прожить пустую, бессмысленную жизнь, ты должен прожить не только свою жизнь, но и жизнь того, кто погиб, ради того, чтобы ты жил, поэтому нужно сделать жизнь осмысленной, достойной, которая принесет пользу людям и стране.

Продолжает лучшие традиции русской классической и советской литературы и современная литература о войне, о войне на Донбассе, о специальной военной операции. Трагические события, необходимость с оружием в руках защитить свой дом, семью, язык, все то, что мы называем Родиной, рождают высочайшие образцы поэзии и прозы. Книги З. Прилепина, луганского писателя Г. Боброва, поэзия А. Ревякиной, Д. Мельникова, А. Долгаревой, И. Караулова, Д. Артиса и многих других, песни Ю. Чичериной, А. Апачева, В. Виталиса, И. Растеряева, написанные в лучших традициях отечественной литературы, воспитывают настоящих граждан страны, патриотов.

Литература о войне не только рисует страшные картины военного прошлого и настоящего, но и показывает настоящих, сильных, мужественных героев, формируя эти качества в подрастающем поколении. Современный философ А.Ю. Коробов-Латынцев определяет сплоченность, доброту, милосердие, великодушие как онтологические свойства русского характера, русского мира, который, как бы трудно ни было, спасает вселенную от нависшей экзистенциальной угрозы, угрозы пасть под «нашествием антихриста», именно это определяет, как он пишет, «невыносимую тяжесть русского бытия» [7, с. 218].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что литература о войне является важнейшим источником формирования исторического сознания и национальной самоидентификации, определяя те аксиологические установки, которые так необходимы в трудные, переломные моменты истории страны, когда единство и сплоченность общества определяют его экзистенциальную устойчивость и социетальную безопасность. Военная литература не только демонстрирует лучшие человеческие и воинские качества, но и формирует историческое сознание, историческую память, повышая собственную самооценку [8]. Эти книги помогают нам и осознать наше прошлое, и лучше понять настоящее и сформировать образ будущего нашей страны. Мы лучше начинаем понимать, какой ценой завоеван наш сегодняшний день, ценить то, что имеем, и любить и беречь свою страну.

Литература

1. Волобуев А.В. Историческая память как конструкт // Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны: Монография / Н.Э. Анисимова, В.А. Ахмадуллин, В.И. Бакланов [и др.]. – М.: Прометей, 2025. – С. 769–782.
2. Петраш Е.В. Социокультурные аспекты интерпретации исторических событий в преподавании истории Великой Отечественной войны // Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические

и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны: Монография / Н.Э. Анисимова, В.А. Ахмадуллин, В.И. Бакланов [и др.]. – М.: Прометей, 2025. – С. 899–911.

3. Симонов К.М. Живые и мертвые. – М.: Детская литература, 2022. – 621 с.
4. Быков В. Сотников. – М.: Эксмо, 2022. – 288 с.
5. Даренский В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014. № 1(15). С. 90–110.
6. Замараева Е.И. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации / Е.И. Замараева // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 3(152). – С. 263–269.
7. Коробов-Латынцев А.Ю. Невыносимая русскость бытия // Философ и война. О русской военной философии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский Дом «Русская философия», 2022. – 250 с.
8. Ореховская Н.А. Историческая политика как форма борьбы с фальсификацией истории // Философия. История. Образование. 2023. № 3 (9). – URL: <https://fio.fa.ru/journal/article.php?id=2204>

LITERATURE ABOUT WAR AS A FACTOR IN THE FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Zamaraeva E.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the article is due to the problem of finding factors to unite Russian society in the face of existential threats and the problem of forming the historical consciousness of younger generations. The author's analysis of a number of works about the war allowed him to conclude that literature about the war is not only a factor in transmitting the spiritual experience of generations, but also a means of forming historical consciousness that determines the continuity of generations and the inextricable link between value systems. The author proves that literature about the war shows complex moral collisions, and the heroes of these works form a holistic spectrum of axiological attitudes that determine the way of life, traditions, and character of Russian society, and form historical memory and historical consciousness. The author concludes that literature about war demonstrates the best qualities of a real fighter: heroism, bravery, courage, readiness to lend a shoulder in difficult times, determination, audacity, ingenuity. It is emphasized that the heroes of this literature embody the best human qualities: collectivism, cohesion, kindness, mercy, generosity, readiness to share the last with one's neighbor, readiness to give one's life for the sake of a great goal. The analyzed problems and heroes of literature about war, the philosophical understanding of the phenomenon of war and human behavior in "borderline situations" that it demonstrates, allow the author to conclude that literature about war is the strongest factor in the education of the younger generation and the formation of historical memory, which determines the societal security of Russian society at turning points in its development.

Keywords: literature about war, axiological attitudes, historical memory, historical consciousness, patriotism.

References

1. Volobuev A.V. Historical memory as a construct // One victory for all. Spiritual, socio-economic and military-political aspects of the Great Patriotic War: Monograph / N.E. Anisimov, V.A. Akhmadullin, V.I. Baklanov [et al.]. Moscow: Prometheus. 2025. Pp. 769–782.
2. Petrash E.V. Sociocultural aspects of the interpretation of historical events in teaching the history of the Great Patriotic War // One Victory for All. Spiritual, socio-economic and military-political aspects of the Great Patriotic War: Monograph / N.E. Anisimov, V.A. Akhmadullin, V.I. Baklanov [et al.]. Moscow: Prometheus. 2025. Pp. 899–911.

3. Simonov K.M. Living and dead. M.: Children's literature. 2022. 621 p.
4. Bykov V. Sotnikov. M.: Eksmo. 2022. 288 p.
5. Darensky V. Yu. War as a spiritual initiation: existential archetypes in Russian poetry about the Great Patriotic War. // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology". 2014. № 1(15). P. 90–110.
6. Korobov-Latyntsev A. Yu. Philosopher and war. On Russian military philosophy. -2nd ed., revised. and additional – M.: Publishing House "Russian Philosophy", 2022. – 250 p.
7. Zamaraeva E.I. Problems of preserving historical memory in the era of digitalization / E.I. Zamaraeva // Kazan pedagogical journal. 2022. № 3 (152). P. 263–269.
8. Orekhovskaya N.A. Historical policy as a form of struggle against the falsification of history // Philosophy. Story. Education. 2023. № 3 (9). Available from: <https://fio.fa.ru/journal/article.php?id=2204>. (accessed 13 January 2024). (In Russ).

Холистический принцип в экофилософии и биоэтике: сравнительно-аналитический аспект

Измайлова Джамиля Ибрагимовна,

к.филос.н., заведующая кафедрой философии и русской филологии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: jamilyushka@yandex.ru

В статье анализируется холистический подход как методологическая и мировоззренческая основа современной экофилософии и биоэтики. Особое внимание уделяется связи холизма с концепциями целостности, системности и взаимозависимости человека, природы и культуры. Показано, что холизм в биоэтике позволяет выйти за пределы индивидуалистического понимания медицинской морали и расширить предмет биоэтического анализа до уровня биосферы и планетарной ответственности. Рассматриваются примеры философских интерпретаций и практических приложений холизма в экологической и медицинской сферах.

Ключевые слова: холизм, экофилософия, биоэтика, целостность, устойчивое развитие, системное мышление, планетарная ответственность.

Современные экологические и биомедицинские вызовы, включающие в первую очередь такие проблемы как деградация природной среды, глобальное изменение климата, биотехнологические эксперименты, расширение сферы применения искусственного интеллекта в медицине, требуют переосмысления этических оснований отношения человека к жизни. Биоэтика, возникшая в 1970-х годах, первоначально ориентировалась на проблемы медицины и биомедицинских технологий. Однако в XXI веке становится очевидной необходимость расширения её предметного поля до глобального масштаба.

Одним из наиболее перспективных направлений в этом отношении является холистический подход, опирающийся на философию целостности. Его значимость проявляется в стремлении объединить индивидуальное и универсальное, локальное и планетарное, гуманитарное и естественно-научное знание.

Термин «холизм» (от греч. целый, цельный) был введен южноафриканским философом Яном Кристианом Сметсом в работе «Holism and Evolution». Он рассматривал целостность как фундаментальный принцип организации мира, утверждая, что эволюция ведёт не только к усложнению, но и к интеграции элементов в новые, более высокие целостности [21].

Истоки холистического мировоззрения можно проследить в античной философии. Уже у Аристотеля встречается идея целого, превосходящего сумму частей [1].

В Новое время аналогичные идеи и тенденции проявились у Б. Спинозы [14], утверждавшего субстанциальное единство природы, и у Г. Лейбница [10], введившего представление о «монадологической целостности».

В XIX–XX вв. холизм получает развитие в естественно-научных теориях:

- в биологии – у А. фон Гумбольдта, Э. Геккеля, а позднее у Людвига фон Бергаланфи, разработавшего общую теорию систем, где целое понимается как открытая динамическая система;
- в экологии – у Ю. Одума и Э. Геккеля, сформировавших системное представление об экосфере;
- в философии науки у У. Куайна («онтологический холизм») и Т. Куна (холизм научных парадигм).

Особое значение для философского холизма имели работы Э. Гуссерля [4], где акцент сделан на единстве жизненного мира, и М. Хайдеггера [16], рассматривающего человека как «бытие-в-мире», неразрывно включённое в целостность бытия.

Во второй половине XX в. идеи холизма проникают в экологическую философию и биоэтику. Арне Нэсс (глубинная экология) настаивал на равной ценности всех форм жизни и необходимости рассматривать экосистемы как целостные образования [12, с. 36–39]. В отечественной традиции аналогичные идеи развивал В.И. Вернадский [3], вводя понятие ноосферы как высшей стадии эволюции биосферы, в которой человек становится интегральным элементом планетарной системы.

В биоэтике холистический подход был предложен В.Р. Поттером, который в своей книге «Bioethics: Bridge to the Future» связывал этику с биологией, утверждая необходимость целостного взгляда на проблемы выживания человечества [20, с. 127–153]. Позднее Т. Бичем

и Дж. Чилдресс в рамках принципиализма предложили нормативные основания для биоэтики [5, с. 27–38], однако именно критики редукционизма в медицине (например, Г. Йонас) способствовали закреплению холизма как альтернативного подхода, акцентирующего глобальную ответственность [8, с. 133].

Таким образом, эволюция холизма прошла путь от философских концепций целостности (Аристотель, Спиноза, Лейбниц) [1; 14; 10] через научные системные теории (Берталанфи, Геккель, Вернадский) к этико-экологическим и биоэтическим практикам (Поттер, Нэс, Йонас) [20; 11; 8]. Сегодня холизм выступает не только методологическим принципом, но и основанием для формирования новых этических парадигм в условиях глобальных вызовов XXI века.

Сегодня холизм, как принцип мышления, проявляется в различных областях философии, однако его интерпретация в экофилософии и биоэтике имеет как общие черты, так и существенные различия.

В экофилософии холизм формируется на основе представления о природе как о самоорганизующейся целостности, в которой человек занимает не господствующее, а интегральное место. Центральным является принцип взаимосвязанности всех уровней бытия от биосферы до ноосферы.

В отечественной традиции это направление находит выражение в концепции В.И. Вернадского о ноосфере. Вернадский рассматривал биосферу как целостную систему, в которой человеческий разум и деятельность становятся фактором планетарного масштаба: «Человек есть мощная геологическая сила, и перед ним встаёт вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [3, с. 58].

Современные российские исследователи, такие как Э.В. Баркова, развивали эти идеи, подчёркивая необходимость целостного подхода к глобальным проблемам. Баркова Э.В. пишет: «Будущее человечества зависит от способности мыслить в категориях планетарной целостности» [2, с. 18], здесь же Баркова Э.В. указывает, что «плодотворный поиск новой философии и ее методологии может быть осуществлен на основе экофилософии холизма и типов ее осмысления целостности, от крывающих всеобщие связи между процессом саморазвития и структурой пространственно-временного континуума природы-культуры» [там же]. Таким образом, экофилософский холизм формирует основу для этики ответственности перед природой и будущими поколениями.

Биоэтический холизм акцентирует внимание на взаимосвязи индивидуального здоровья, общества и биосферы. Если классическая медицинская биоэтика сосредоточена на проблемах пациента и врача, то холистический подход расширяет рамки до глобальных биотехнологических и экологических вызовов [18, с. 64–74]. В.Р. Поттер, основатель глобальной биоэтики, писал: «Выживание человечества зависит от формирования новой этики, соединяющей биологическое знание и человеческие ценности» [20, с. 127–153]. Его концепция исходит из необходимости учитывать не только медико-биологические, но и экологические, социальные, культурные факторы.

Развитие идей биоэтического холизма в России связано с именами И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина. В своих многочисленных исследованиях они акцентируют внимание на том, что само слово «биоэтика», имея греческие корни, звучит дословно как «этика жизни» и именно представители русской философской школы разработали ряд перспективных подходов к глобальной и интегративной биоэтике, выходя за пределы чисто медицинских ис-

следований и этических проблем, связанных с ними [7, с. 73–81]. Близкие идеи развивали Ю.М. Хрусталёв [17], П.Д. Тищенко [15], которые подчёркивали, что биоэтика должна рассматриваться не только как медицинская дисциплина, но и как часть глобального философского дискурса. Таким образом, современная биоэтика в условиях техногенной цивилизации неизбежно приобретает холистический характер, поскольку требует осмысления человека как элемента экосистемы.

Биоэтика, ориентированная на медицинскую практику, традиционно опиралась на принципиализм (Т. Бичем, Дж. Чилдресс) [5, с. 27–38] и казуистику. Однако эти подходы зачастую сводят внимание к индивидуальным случаям и правам пациента. Холизм в биоэтике предполагает расширение горизонтов анализа:

- от индивидуального к системному. Здоровье человека понимается в контексте экологии, социальной среды и образа жизни;
- от антропоцентризма к планетарной ответственности. Этический выбор врача или исследователя должен учитывать последствия для будущих поколений и экосистем;
- от техники к культуре. Решение биоэтических проблем требует интеграции гуманитарного знания, философии и культуры в медицинскую практику.

Примером холистического подхода является концепция В.Р. Поттера, предложившего рассматривать биоэтику как «науку о выживании», объединяющую биологию и гуманизм. Современные исследователи (Э. Олсон, Р. Аттифилд, в России – П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдин) подчёркивают необходимость системного анализа биоэтических проблем в условиях глобальных кризисов [6, с. 88–94].

Если в экофилософии холизм выражается прежде всего в онтологической целостности природы, то в биоэтике он проявляется в нормативной интеграции ценностей – медицинских, социальных, экологических. Экофилософский холизм ориентирован на сохранение планетарного бытия, а биоэтический – на регулирование отношений человека, общества и биосферы через нормы и принципы.

При этом оба направления сходятся в ключевой установке: необходимость перехода от редукционизма к целостному мышлению. Очевидно, что современная философия сталкивается с вызовом интеграции разнородных форм знания в рамках целостной антропологии, что напрямую связано и с экологией, и с биоэтикой.

Таким образом, холизм в экофилософии и биоэтике выполняет схожую методологическую функцию – он задаёт парадигму целостного мышления, позволяющую интегрировать природное, социальное и культурное в единую философскую систему.

Для большей наглядности различий и сходств холистического подхода в экофилософии и биоэтике представим сравнительную характеристику холизма в экофилософии и биоэтике (Табл. 1).

Очевидно, что несмотря на общность методологических оснований, холизм в биоэтике и экофилософии проявляется в различных аспектах. Экофилософский холизм акцентирует внимание на ценности природы и целостности биосферы, в то время как биоэтический холизм используется для анализа системных последствий биомедицинских и технологических практик. Таким образом, холизм в экофилософии формирует онтологическую и аксиологическую базу для понимания человека как части природы, тогда как в биоэтике он выполняет нормативно-практическую функцию, задавая рамки моральной ответственности за жизнь во всех её проявлениях.

Таблица 1. Сравнительная характеристика холизма в экофилософии и биоэтике

Критерий	Экофилософия	Биоэтика
Онтологическая основа	Природа как самоорганизующаяся целостность; биосфера и ноосфера как единое бытие	Человек и его здоровье в контексте общества, культуры и биосферы
Цель	Сохранение и гармонизация взаимоотношений человека и природы; предотвращение экологического кризиса	Разработка норм и принципов регулирования биомедицинских и экологических практик
Методологический принцип	Признание целостности и взаимосвязанности всех уровней бытия (от индивидуального до планетарного)	Интеграция биологических, медицинских, социальных и культурных ценностей в рамках этики
Акцент	Онтология и космология: мир как целое	Этика и нормативность: регулирование практик и технологий
Отечественные исследователи	В. И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, Э.В. Баркова	Б.Г. Юдин, В.М. Хрусталёв, П.Д. Тищенко
Практическое значение	Формирование экологического мировоззрения и культуры ответственности за планету	Разработка биоэтических принципов в условиях развития медицины, биотехнологий и экологии

Применение холистического подхода на практике можно проследить в нескольких направлениях:

- экологическая медицина. Лечение человека с учётом факторов окружающей среды (качество воздуха, воды, питания, социальный климат);
- психоэкология и терапия взаимодействия с природой. Использование природных факторов в психологической и медицинской реабилитации;
- устойчивое развитие. Формирование политики, учитывающей баланс интересов человека и биосферы;
- этическое регулирование технологий. Генная инженерия, искусственный интеллект в медицине, нейротехнологии должны оцениваться с точки зрения их системных последствий.

Заключение

Холистический подход в экофилософии и биоэтике открывает новые горизонты осмысления человека и природы как единой целостности. Он позволяет преодолеть ограниченность редукционистских и узко прагматических моделей, формируя мировоззрение, ориентированное на устойчивое развитие и сохранение жизни в её многообразии.

В условиях глобальных экологических вызовов и технологических рисков холизм становится не только философской концепцией, но и практической стратегией, требующей интеграции науки, культуры и этики. Биоэтика в таком понимании выступает не просто медицинской дисциплиной, а «этикой выживания» человечества в XXI веке.

Литература

1. Аристотель, Метафизика /Аристотель; переводчик А.В. Кубицкий. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 241 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-07009-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564914> (дата обращения: 11.09.2025).

2. Баркова Э.В. Концептуальный потенциал холизма как методологии философии культуры // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докл и выступлений 1У Российск филос конгресса. (М. 24–28 мая 2005): В 5 т. Т. 4 – М. оvr тетради, 2005

3. Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. / В.И. Вернадский; под ред. академика Э.М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – М.: Наука, 2013. – Т. 10. Научная мысль как планетное явление / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов. – 2013. – 475 с. – ISBN 978-5-02-038115-5 (в пер.).

4. Гуссерль Э. Собрание сочинений / Эдмунд Гуссерль; [Под общ. ред. В.И. Молчанова, Центр феноменол. философии Филос. фак. РГГУ]. – М.: Дом интеллектуал. кн., Анашвили, 2001.

5. Игнатъев, В. Н. 97.02.006. Бичамп Т.Л., Чилдресс Джеймс Ф. Принципы биомедицинской этики. Beauchamp T.L., Childress J.F. – principles of biomedical ethics. – 4th ed. -Oxford; Oxford Univ. Press, 1994. – 546 PP / В.Н. Игнатъев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. – 1997. – № 2. – С. 27–38. – EDN HKXZNL.

6. Измайлова, Д.И. Космическая философия как идейная основа этики жизни / Д.И. Измайлова // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. – 2024. – № 1(37). – С. 88–94. – EDN BMIXXN.

7. Измайлова, Д.И. Философское осмысление феномена биоэтики / Д.И. Измайлова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 12–1. – С. 73–81. – DOI 10.34670/AR.2024.48.30.006. – EDN IUJEND.

8. Йонас, Ганс. Принцип ответственности: Опыт этики для технол. цивилизации; Наука как персональный опыт / Ганс Йонас; пер. И.И. Маханькова. – Москва: Айрис-пресс, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 479 с.

9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: становление нелинейного мышления. – М.: Наука, 2001.

10. Лейбниц Г.В. Монадология / Готфрид Вильгельм Лейбниц; [перевод с французского В.П. Преображенского, Ю.П. Бартнева, вступительная статья А.В. Маркова]. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 197, [2] с. портр.; 18. – (Librarium); ISBN 978-5-386-10561-7.

11. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990.

12. Нэсс А., Мейляндер П. Менталитет будущего / пер. с норвежского Златы Кононовой // Зелёный лист. Карельский экологический журнал (Петрозаводск). – 2013. – № 3. – С. 36–39.

13. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). – М.: Россия молодая, 1994.

14. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза; переводчик Н.А. Иванцов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 240 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-09695-8. – Текст: электронный // Образователь-

ная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565547> (дата обращения: 11.09.2025).

15. Тищенко, П.Д. Человек как открытая целостность: the whole is a hole / П.Д. Тищенко // Человек как открытая целостность / Институт философии Российской академии наук. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Академиздат», 2022. – С. 286–294. – DOI 10.24412/cl-36976–2022–1–286–294. – EDN PIPSYR.
16. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина – М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010.
17. Хрусталеv, Ю.М. Основы биоэтики / Ю.М. Хрусталеv, О.В. Ткаченко. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Практическая медицина», 2014. – 320 с. – ISBN 978-5-98811-272-3. – EDN YGVWWK.
18. Юдин, Б.Г. Как начиналась биоэтика в России. Интервью с Б.Г. Юдиным / Б.Г. Юдин // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 1, № 2(36). – С. 64–74. – DOI 10.17212/2075–0862–2018–2.1–64–74. – EDN UVNNFB.
19. Lovelock, James E. Gaia: A new look at life on Earth / James Lovelock. – Reiss., with a new pref.a. corr., Repr. – Oxford; New York: Oxford univ. press, 1995. – XVIII, 148 с.: ил.; 20 см. – (Oxford paperbacks)
20. Potter R. Bioethics: The Science of Survival // Perspectives in Biology and Medicine. 1970. No 14. P. 127–153.
21. Smuts J.C. Holism and Evolution. – London: Macmillan, 1926.

THE HOLISTIC PRINCIPLE IN ECOPHILOSOPHY AND BIOETHICS: A COMPARATIVE-ANALYTICAL ASPECT

Izmailova D.I.

Donetsk National University of Economics and Trade

The article analyzes the holistic approach as a methodological and worldview basis of modern ecophilosophy and bioethics. Special attention is paid to the connection of holism with the concepts of integrity, systemicity, and interdependence of man, nature, and culture. It is shown that holism in bioethics allows us to go beyond the individualistic understanding of medical morality and expand the subject of bioethical analysis to the level of the biosphere and planetary responsibility. Examples of philosophical interpretations and practical applications of holism in the environmental and medical fields are considered.

Keywords: holism, eco-philosophy, bioethics, integrity, sustainable development, systemic thinking, planetary responsibility.

References

1. Aristotle, *Metaphysics* /Aristotle; translator A.V. Kubitsky. – Moscow: URAYT Publishing House, 2025. – 241 p. – (Anthology of Thought). – ISBN 978-5-534-07009-5. – Text: electronic // URAYT Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564914> (accessed: 11.09.2025).
2. Barkova E.V. The Conceptual Potential of Holism as a Methodology of the Philosophy of Culture // Philosophy and the Future of Civilization: Abstracts of Reports and Speeches of the 1st Russian Philosophical Congress. (Moscow, May 24–28, 2005): In 5 volumes. Vol. 4 – Moscow: ovr.tetrad, 2005
3. Vernadsky V.I. Collected Works: in 24 volumes / V.I. Vernadsky; edited by Academician E.M. Galimov; Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry; Commission of the Russian Academy of Sciences for the Development of the Scientific

Heritage of Academician V.I. Vernadsky. – Moscow: Nauka, 2013. – Vol. 10. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon / scientific editor and compiler Academician E.M. Galimov. – 2013. – 475 p. – ISBN 978-5-02-038115-5 (in translation).

4. Husserl, E. Collected Works / Edmund Husserl; [Under the general editorship of V.I. Molchanov, Center for Phenomenological Philosophy, Philosophical Faculty, Russian State University for the Humanities]. – Moscow: House of Intellectuals. book, Anashvili, 2001.
5. Ignatiev, V. N. 97.02.006. Beauchamp T.L., Childress J.F. – principles of biomedical ethics. – 4th ed. –Oxford; Oxford Univ. Press, 1994. – 546 PP / V.N. Ignatiev // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 8: Science Studies. Abstract Journal. – 1997. – No. 2. – P. 27–38. – EDN HKXZNL.
6. Izmailova, D.I. Cosmic Philosophy as an Ideological Basis for the Ethics of Life / D.I. Izmailova // International Electronic Journal. Sustainable Development: Science and Practice. – 2024. – No. 1(37). – P. 88–94. – EDN BMIXXN.
7. Izmailova, D.I. Philosophical understanding of the phenomenon of bioethics / D.I. Izmailova // Context and reflection: philosophy about the world and man. – 2023. – Vol. 12, No. 12–1. – P. 73–81. – DOI 10.34670/AR.2024.48.30.006. – EDN IUJEND.
8. Jonas, Hans. The principle of responsibility: The experience of ethics for a technological civilization; Science as personal experience / Hans Jonas; trans. I.I. Makhankov. – Moscow: Irispress, 2004 (OAO Mozhaish polygraphic combine). – 479 p.
9. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Synergetics: the development of nonlinear thinking. Moscow: Nauka, 2001.
10. Leibniz G.V. Monadology / Gottfried Wilhelm Leibniz; [translated from French by V.P. Preobrazhensky, Yu.P. Bartnev, introduction by A.V. Markov]. – Moscow: RIPOL classic, 2018. – 197, [2] p. port.; 18. – (Librarium); ISBN 978-5-386-10561-7.
11. Moiseev N.N. Man and the Noosphere. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1990.
12. Naess A., Meylander P. Mentality of the Future / translated from Norwegian by Zlata Kononova // Green Leaf. Karelian Ecological Journal (Petrozavodsk). – 2013. – No. 3. – Pp. 36–39.
13. Reimers N.F. Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses). – M.: Young Russia, 1994.
14. Spinoza, B. Ethics / B. Spinoza; translator N.A. Ivantsov. – Moscow: URAYT Publishing House, 2025. – 240 p. – (Anthology of Thought). – ISBN 978-5-534-09695-8. – Text: electronic // URAYT Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565547> (accessed: 11.09.2025).
15. Tishchenko, P.D. Man as an Open Integrity: the Whole is a Hole / P.D. Tishchenko // Man as an Open Integrity / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – Novosibirsk: Limited Liability Company “Akademizdat”, 2022. – Pp. 286–294. – DOI 10.24412/cl-36976–2022–1–286–294. – EDN PIPSYR.
16. Heidegger, M. Being and Time / Transl. from German by V.V. Bibikhin – Moscow: Ad Marginem, 1997. Republished: St. Petersburg: Science, 2002; Moscow: Akademicheskyy proekt, 2010.
17. Khrustalev, Yu.M. Fundamentals of Bioethics / Yu.M. Khrustalev, O.V. Tkachenko. – Moscow: Limited Liability Company “PRACTICAL MEDICINE”, 2014. – 320 p. – ISBN 978-5-98811-272-3. – EDN YGVWWK.
18. Yudin, B.G. How Bioethics Began in Russia. Interview with B.G. Yudin / B.G. Yudin // Ideas and Ideals. – 2018. – Vol. 1, No. 2(36). – Pp. 64–74. – DOI 10.17212/2075–0862–2018–2.1–64–74. – EDN UVNNFB.
19. Lovelock, James E. Gaia: A New Look at Life on Earth / James Lovelock. – Reiss., with a new pref.a. corr., Repr. – Oxford; New York: Oxford univ. press, 1995. – XVIII, 148 pp.: ill.; 20 cm – (Oxford paperbacks)
20. Potter R. Bioethics: The Science of Survival // Perspectives in Biology and Medicine. 1970. No. 14. P. 127–153.
21. Smuts J.C. Holism and Evolution. – London: Macmillan, 1926.

Феномен «Евровидения» как вызов духовно-нравственным ценностям российского общества

Климов Сергей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: klisn@mail.ru

Сетин Алексей Николаевич,

старший преподаватель кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: setin_91@mail.ru

Современный уровень культуры, который транслируется через международный песенный конкурс «Евровидение», далек от идеалов высокого, эстетического, нравственного и идет вразрез с традиционными духовно-нравственными ценностями России. Песни участников конкурса выступают дезориентирующим инструментом, который: популяризирует и пропагандирует принятие нетрадиционных сексуальных отношений, сексуальную вседозволенность, небинарную гендерную идентичность, эгоцентризм; идеализирует пренебрежительно-уничижительное отношение к противоположному полу; прославляет дьяволопоклонничество; содействует моральному разложению; агрессивно продвигает западные ценности и ложные идеи толерантности. Особого внимания заслуживает тот факт, что поле дозволенного, выставляемого на всеобщее обозрение на «Евровидении», ежегодно расширяется, и то, что когда-то было аморальным, находилось за гранью разумного, получает статус дозволенного, нормального и прогрессивного.

Ключевые слова: песенный конкурс «Евровидение», духовно-нравственные ценности, эрозия мировоззренческих основ, деструктивность.

Песенный конкурс «Евровидение» в 2026 году будет отмечать 70-летний юбилей. За долгие годы своего существования через эту площадку прошло много интересных артистов из стран-членов Европейского вещательного союза. Но закладывавшаяся изначально целевая установка культурного обмена, творческого обогащения и пира духа состязательности в последние годы претерпела существенные изменения.

Полагаем, что расширительная интерпретация свободы, переросшая во вседозволенность, привели к культивированию в индивидуальном и общественном сознании не духа творческого состязания, а эпатажа, хайпа, смешения стилей, мод, жанров, гендеров и т.д.

Песня превратилась в инструмент политических интриг, где музыкальная составляющая отодвигается на второй план, уступая место визуальному образу. Именно через этот образ «творческая личность», представляющая страну на «Евровидении», передает определенный идеологический и политический посыл с неоднозначным подтекстом, оказывающим как прямое, так и опосредованное влияние на массовое сознание.

Политические приоритеты заранее «программируют» победителей, чьи результаты зачастую являются следствием избыточной распиаренности: бесконечные посты фото и видео в социальных сетях, интервью с конкурсантами (о них пишут в газетах, журналах, говорят на радио) – всё делается для того, чтобы тот или иной исполнитель смог «завоевать» себе аудиторию и победить. А в конечном итоге, держа в руках хрустальный микрофон, заявить на миллиардную аудиторию зрителей: «Нас не остановить» [8] (Кончита Вурст) или «Я горжусь не только собой, но и всем сообществом гендерно-изменяемых людей. Хочу, чтобы к ним было больше сострадания» (Немо Меттлер).

Псевдо прогрессивно мыслящее активное меньшинство диктует, транслирует и формирует у большинства определенные паттерны поведения, которые на протяжении последних десятилетий следуют определенной повестке дня. Крайне агрессивно и бескомпромиссно, вторгаясь в самые сокровенные области частной жизни, насаждаются: культивирование толерантности к нетрадиционной сексуальной ориентации, транссексуальным отношениям, сексуальной распушенности; смещение гендерной идентичности и свободе сексуального выбора; преднамеренное стирание половых границ, принижение ценности социокультурных институтов и иных деструктивных проявлений. Считаем необходимым согласиться с точкой зрения А.Н. Смирнова относительно того, что сегодня наблюдается «активное размывание религиозных основ сознания. Религия насильно изгоняется из общественной жизни» [16, с. 127].

Проведенный нами анализ репертуара «Евровидения» за последние пятнадцать лет позволил обнаружить, что смысловое содержание песен лишено двух важнейших нравственно-мировоззренческих основ: любви к своей Родине и нравственной (душевной) чистоты. Элиминировано интеллектуальное, эстетическое и моральное обогащение, высота помыслов и намерений, имеющих общечеловеческое содержание, которые должны воспеваться в песнях.

В рамках данной статьи сложно отобразить всю палитру песен из-за их большого количества. В то же время провести некую классификацию по группам представить вполне возможно.

Представляется целесообразным классифицировать значительное количество музыкальных произведений, чья тематика и содержание, по нашему мнению, ориентирована на разрушение традиционных семейных ценностей. Можно выделить несколько групп песен, содержание которых направлено на подрыв основ семьи, в которых активно пропагандируется сексуальная распушенность, культ индивидуализма, что способствует формированию у подрастающего поколения неверных представлений о браке, семейном укладе, созданию ложных идеалов и ожиданий относительно роли семьи в современном обществе и распространению негативных стереотипов.

Первая группа песен отражает взаимоотношения между мужчиной и женщиной:

*«Я бездельник, я решатель проблем,
Я счастливчик, я наблюдатель,
Я просто бабник,
Позволь мне быть твоим надзирателем» [1].
«Ты думал, что сможешь заполучить меня, парень?
Ты думал, что сможешь купить меня, угостив парой напитков?
Я не так проста, как кажется» [3].*

Вторая группа прославляет дьявола и нечистую силу:

*«Я слышу, как они зовут меня.
Я слышу их шепот. Слышишь их зов?
Сегодня они призывают нас.
Небеса пылают ярко» [4].
«Живи так, как будто завтрашний день никогда не наступит.
Мы герои нашего времени, мы танцуем с демонами
в наших головах» [12].*

Третья группа героизирует эгоцентризм:

*«Мир плачет за моими окнами.
Мне без разницы – я живу на последнем этаже.
И я даже не знаю, как зовут мою уборщицу» [6].
«Посмотри на меня – я прекрасное создание.
И мне плевать на ваших проповедников современности» [13].*

Демонстрация повторяющихся образов и моделей формирует и закрепляет устойчивую реакцию человека на происходящее через внедряемые максимы с помощью различных манипулятивных методик, направленных на разрушение нравственного, интеллектуального, эстетического развития. В результате формируются определенные паттерны массового сознания на транслируемые сомнительные ценности и поведенческие образцы, отличающиеся от общепринятых форм социальных взаимоотношений, и позиционирующиеся как безоговорочные нормы, что особенно опасно для подрастающего поколения.

Приведём лишь несколько описаний выступлений участников «Евровидения» в 2024 году.

Финский участник Windows95man появился на сцене, вылупившись из яйца, в короткой футболке и в трусах телесного цвета. Его внешний вид создавал впечатление совершенно голого человека [19].

Ирландская участница Bambie Thug вышла на сцену в образе злой ведьмы-колдуньи, рядом с которой танце-

вал мужчина в дьявольском гриме. На протяжении всего выступления, эпатируя только в нижнем белье, представительница Ирландии проводила какой-то сатанинский обряд, сидя внутри пентаграммы, окруженной горящими свечами [2].

Двое мужчин, работавшие танцорами у испанской исполнительницы Nebulossa, выделяясь броским вечерним гримом и вполне элегантной одеждой, в ходе номера сбросили свои наряды, представ перед публикой в откровенных корсетах, сетчатых колготках и сапогах на высоких шпильках [5].

Интересны сценические образы двух финалистов песенного конкурса «Евровидение» за последние десять лет. Немо Меттлер – финалист конкурса 2024 – на сцене был в розово-красном полушубке, светло-розовой юбке, колготках, с наращенными ногтями. Кончита Вурст – финалист конкурса 2014 – предстал в облике бородатой, длинноволосой женщины в вечернем светлом платье в пол, украшенном блестками и камнями. Оба эти персонажа отражают феномен «гендерной неясности», при котором сложно определить личность артиста: то ли мужчина с признаками женщины, то ли наоборот. Не поддающиеся четкой идентификации конкурсанты, исходя из содержания их песен, были в преисподней и взаимодействовали с нечистыми духами. Если первый участник, побывав там (в аду), взломал некий код и только после этого нашел свой «рай» и жизненный путь, которым ему необходимо следовать, то второй, возродившись из пепла, жаждал возмездия для своего обидчика.

«Евровидение» в своей сущности направлено на формирование особого человека – потребителя и носителя вырождающейся американско-европейской культуры с аморальными поведенческими установками, утраченной национальной идентичностью и извращенной человеческой природой, постоянно призывающей пробовать что-то новое, выходящее за рамки общепринятых в обществе норм и правил.

Последние четыре года Россия воздерживается от участия в песенном конкурсе «Евровидение», что можно рассматривать как преимущество. Мы избегаем вовлечения в среду, которая отрицает, активно продвигает, внедряет чужие идеалы, разрушает традиционные духовно-нравственные ценности, популяризируя и насаждая инаковое.

Тем не менее на платформе сервиса TikTok можно найти множество роликов с клипами конкурсантов Евровидения, под которые дети, молодежь и даже взрослые из России кривляются, снимают различные видео под ритмичную музыку, не задумываясь о смысле и содержании этих песен. Например, песня эстонского участника «Евровидение-2025» Томми Кэша «Espresso Macchiato», утверждая потребительский образ жизни, демонстрирует различные атрибуты сытого существования, лишённого спокойствия и свободного времени, а главный герой только и делает, что впустую растрчивает себя в погоне за деньгами и удовольствиями.

Для противостояния процессам перенесения европейских ценностей расчеловечивания, быстро набирающей обороты тенденции дегуманизации на российскую почву [9, С. 244] в России на государственном уровне узаконен ряд важных законодательных актов, направленных на защиту традиционных ценностей, института семьи, запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, а совсем недавно было признано экстремистским движение сатанизма [17]. Данные меры принимаются с целью защиты не только духовно-нравственных ценностей, но и духовной безопасности сегодняшнего и будущих поколений. Особенно важно оградить молодежь от того, что причиняет вред психо-

логическому здоровью, снижает их общий культурный и нравственный уровень [10]. Еще древнегреческий философ Платон отмечал, что если человек с малолетства не соприкасался с прекрасным, то он никогда не станет высоконравственным (добродетельным) [14, с. 286].

Нельзя не согласиться с отечественным философом А.Г. Дугиным, в том, что Запад, встав на путь вырождения, извращения и патологии, утрачивает связь со своими христианскими истоками, в связи с чем в последние годы всё более выраженными становятся признаки глубинной эрозии мировоззренческих основ. Становится очевидным, что Россия и Запад движутся в диаметрально противоположные стороны [7].

В феврале 2025 г. Президентом России В.В. Путиным был подписан указ «О проведении Международного музыкального конкурса «Интервидение» в 2025 году» [18]. Данный конкурс открыт для всех стран мира, а его основная цель состоит в объединении культуры стран участников, развитии международного культурно-гуманитарного сотрудничества. «Интервидение» станет для участников платформой самовыражения и демонстрации таланта, безусловно, «не на грани откровенной пошлости и через навязывание зрителям непристойностей» [11], а настоящим проявлением творческого потенциала артиста без вульгарности и безобразного контента. В свою очередь, зрители получают уникальную возможность насладиться выступлениями разнообразных исполнителей, погрузиться в национальные особенности и многообразие культур. Есть надежда, что будущий конкурс направит все творческие возможности на всестороннее представление и закрепление традиционных ценностей, и, как отметил С.П. Рыжов, «важно было бы нашим детям и молодежи слушать и впитывать сердцем и умом песни, в которых с душевной возвышенностью запечатлены любовь к Родине, почтение к подвигам отцов и прадедов, а также чистота, целомудрие в отношениях между мужчиной и женщиной» [15, с. 186].

Российская цивилизация, в отличие от иных типов, устремлена в будущее. Наш сплав традиций и духовно-нравственных ценностей способен противостоять всему неконструктивному Иному. Несмотря на целенаправленную и неустанную гибридную войну, направленную против нашей страны, наше общество продолжит сохранять приверженность конструктивному созидательному сотрудничеству в целях укрепления мира, гражданского единства и общенациональной российской самобытности.

Литература

1. Анри Джохадзе – участник «Евровидения-2012» от Грузии с песней «I'm a Joker».
2. Бэмби Фаг – участник «Евровидения-2024» от Ирландии с песней «Doomsday Blue».
3. Вилия Матачюнайте – участник «Евровидения-2014» от Литвы с песней «Attention».
4. Грета Салоуме – участник «Евровидения-2016» от Исландии с песней «Hear them calling».
5. Группа Nebulossa – участник «Евровидения-2024» от Испании с песней «Zorra».
6. Группа Twin Twin – участник «Евровидения-2014» от Франции с песней «Moustache».
7. Дугин, А.Г. Не просто конфликт интересов: на Украине решается судьба мира. Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://ria.ru/20240514/interesov-1945681879.html> (дата обращения: 10.08.2025).
8. Жириновский: Победа Кончиты Вурст – это закат Европы. Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://>

russian.rt.com/inotv/2014-05-11/ZHirinovskij-Pobeda-Konchiti-Vurst– (дата обращения: 11.08.2025).

9. Ильин, А.Н. Западная толерантность: господство демократии или наступление дегуманизации / А.Н. Ильин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – № 3. – С. 227–246.
10. Инаугурационная речь В.В. Путина. Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://www.interfax.ru/russia/959355> (дата обращения: 05.08.2025).
11. МИД: В «Интервидении» нет пошлости в отличие от «Евровидения». Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://www.kommersant.ru/doc/7988337> (дата обращения: 23.08.2025).
12. Монс Сельмерлёв – участник «Евровидения-2015» от Швеции с песней «Heroes».
13. Нета Барзилай – участник «Евровидения-2018» от Израиля с песней «Toy».
14. Платон Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Вступ. ст. Е.Н. Трубецкого. Коммент. В.Ф. Асмуса. Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Академический проект, 2015. – 338 с.
15. Рыжов, С.П. Как создавалась в России чужая культурная среда / С.П. Рыжов // Наш современник. – 2021. – № 12. – С. 148–196.
16. Смирнов, А.Н. В тисках эмансипации бесценные традиции и нетрадиционные ценности европейского консерватизма / А.Н. Смирнов // Свободная мысль. – 2014. – № 4. – С. 113–128.
17. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; ФЗ от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ» и др.
18. Указ Президента РФ от 03.02.2025 № 57 «О проведении международного музыкального конкурса «Интервидение» в 2025 году».
19. Windows95man – участник «Евровидения-2024» от Финляндии с песней «No Rules».

THE EUROVISION PHENOMENON AS A CHALLENGE TO THE SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY

Klimov S.N., Setin A.N.

Russian University of Transport (Moscow)

The current level of culture, which is broadcast through the international Eurovision song contest, is far from the ideals of the high, aesthetic, moral and runs counter to the traditional spiritual and moral values of Russia. The songs of the contest participants act as a disorienting instrument that: popularizes and promotes the acceptance of non-traditional sexual relations, sexual permissiveness, non-binary gender identity, egocentrism; idealizes a dismissive and derogatory attitude towards the opposite sex; glorifies devil worship; promotes moral decay; aggressively promotes Western values and false ideas of tolerance. Particularly noteworthy is the fact that the field of what is permitted, put on public display at Eurovision, is expanding every year, and what was once immoral, was beyond the bounds of reason, receives the status of permitted, normal and progressive.

Keywords: Eurovision Song Contest, spiritual and moral values, erosion of ideological foundations, destructiveness.

References

1. Anri Jokhadze is the 2012 Eurovision participant from Georgia with the song "I'm a Joker".

2. Bambie Thug is the 2024 Eurovision participant from Ireland with the song "Doomsday Blue".
3. Viliija Mataciunaite is the 2014 Eurovision participant from Lithuania with the song "Attention".
4. Greta Salome is the 2016 Eurovision participant from Iceland with the song "Hear Them Calling".
5. Nebulossa is the 2024 Eurovision participant from Spain with the song "Zorra".
6. Twin Twin is the 2014 Eurovision participant from France with the song «Moustache».
7. Dugin, A.G. Not just a conflict of interests: the fate of the world is being decided in Ukraine. – URL: <https://ria.ru/20240514/interesov-1945681879.html> (date of access 10.08.2025).
8. Zhirinovskij: Conchita Wurst's victory is the sunset of Europe. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-05-11/ZHirinovskij-Pobeda-Konchiti-Wurst-> (date of access 11.08.2025).
9. Ilyin, A.N. Western tolerance: the dominance of democracy or the onset of dehumanization / A.N. Ilyin // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2020. – № 3. – pp. 227–246.
10. Inaugural speech of V.V. Putin. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/959355> (date of access 05.08.2025).
11. MFA: There is no vulgarity in "Intervision", unlike "Eurovision". – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7988337> (date of access 23.08.2025).
12. Mans Zelmerlöv is the 2015 Eurovision participant from Sweden with the song "Heroes".
13. Netta Batzilai is the 2018 Eurovision participant from Israel with the song "Toy".
14. Plato Republic / Translated from Ancient Greek by A.N. Egunov. Introduction by E.N. Trubetskoy. Commentary by V.F. Asmus. Note by A.A. Takho-Godi. – Moscow: Academic Project, 2015. – 338 p.
15. Ryzhov, S.P. How a foreign cultural environment was created in Russia / S.P. Ryzhov // Nash sovremennik. – 2021. – № 12. – pp. 148–196.
16. Smirnov, A.N. In the grip of emancipation. Invaluable traditions and untraditional values of European conservatism / A.N. Smirnov // Free Thought. – 2014. – № 4. – pp. 113–128.
17. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 № 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"; Federal Law of 05.12.2022 № 478-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation".
18. Decree of the President of the Russian Federation of 03.02.2025 № 57 "On holding the international music competition "Intervision" in 2025".
19. Windows95man is the 2024 Eurovision participant from Finland with the song "No Rules".

Феномены «постправды» и «постреальности» в современном информационном обществе

Сурина Виктория Алексеевна,

старший преподаватель кафедры Р4 «Экономика, организация и управление производством»,
БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: surina_va@voenmeh.ru

Крехалева Ольга Сергеевна,

аспирант кафедры Р10 «Философия», БГТУ «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова
E-mail: krekhalova_os@voenmeh.ru

В работе рассматриваются актуальные феномены «постправды» и «постреальности» в контексте современного информационного общества, характеризующегося увеличением роли информации и информационных технологий в жизни общества, а также большой информационной перегрузкой. Анализируется и объясняется происхождение данных явлений и терминов, а также их связь постмодернизмом и симулякрами французского философа Ж. Бодрийера. Описывается роль современных СМИ, социальных сетей и искусственного интеллекта (ИИ) в создании виртуальных реальностей, манипуляциях общественным мнением и кризисе истины. Особое внимание уделяется объяснению существования так называемого «информационного рынка», который характеризуется, с одной стороны, беспрепятственным выбором «правд» и «реальностей», а с другой, – воздействием доминирующих постреальностей на рядового потребителя информации. Поднимается вопрос о контроле и ограничениях в информационном пространстве.

Ключевые слова: постправда, постреальность, информационное общество, массовая коммуникация, информационные технологии, «информационный рынок», информационное пространство.

В последние десятилетия мир столкнулся с новыми вызовами, связанными с информационной перегрузкой и манипуляциями общественным мнением посредством медиа. Ключевыми понятиями информационного общества в этой связи стали «постправда» и «постреальность».

Считается, что впервые термин «постправда» («post-truth») был употреблен американским драматургом сербского происхождения Стивом Тесичем. В 1992 году он опубликовал в журнале «The Nation» эмоционально-экспрессивное эссе «Правительство лжи», посвященное информационно-коммуникационным аспектам, так называемой, «войны в заливе» (первое вторжение США в Ирак). В эссе Тесич проанализировал заявления официальных лиц США, которые привели к необратимым военно-политическим последствиям, однако оказались ложными, при этом никак не повлияв на карьеру и судьбу их авторов, вводивших в заблуждение весь мир. Эту ситуацию Тесич и назвал феноменом постправды: «Всем диктаторам прошлого нужно было много потрудиться, чтобы подавить истину. С нами можно по-иному, мы приобрели иммунитет, который может отрицать любую истину. Кардинальным образом мы, как свободные люди, свободно решили, что хотим жить в каком-то мире пост-правды» [Цит. по: 1, с. 323].

В 1996 слово «постправда» было включено в Оксфордский словарь, в нем термин определялся как «не-что, обозначающее такие обстоятельства, когда объективность фактов не влияет на формирование общественного мнения, потому что подменяется взыванием к эмоциям и личным убеждениям» [Цит. по: 2, с. 11].

Сегодня постправдой называют информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ и других каналов массовой коммуникации для создания виртуальной (пост) реальности с целью манипулирования общественным сознанием [2, с. 11].

Очевидно, что термин «постправда» появился под влиянием философского направления «постмодернизм», ставшего одновременно и отражением, и мировоззренческим выражением эпохи постмодерна, пришедшей на смену модерну [Цит. по: 3, с. 74–75]. Ко второй половине XX, после двух мировых войн, философия модерна исчерпала себя. Выяснилось, что прогресс не бесконечен, что он не всегда позитивен и полезен для человечества, что устройство вселенной не вписывается в классические математические модели, также разрушились традиционные государственные структуры, моральные и этические нормы, в искусстве новое стало появляться только путем смещения старого. Ментальное пространство оказалось размытым, а все феномены – взаимозаменяемыми и бесконтурными.

Ведущим философом постмодерна считается Ж. Бодрийяр, именно он сформулировал современную концепцию симулякра. Симулякр – это образ некоей отсутствующей реальности, правдоподобное подобие, которое лишено подлинника, самостоятельно создающее свое собственное существование [Цит. по: 3, с. 73].

В этом контексте термин «постправда» следует понимать не как «новую правду», пришедшую на смену некой

«старой правде», как пост модерн пришел на смену модерну, а как постмодернистский симулякр правды, правду в контексте посмодерна.

Особое значение феномен «постправды» приобрел с развитием социальных сетей и взрывным ростом числа авторов, как создателей публичных письменных текстов любого качества, направленности, длины и т.д. По экспертным оценкам, в доинтернетную эпоху, за все 6000 лет, прошедших с момента изобретения письменности, в мире возникло 200–300 миллионов авторов, т.е. тех, кто в письменной форме транслировал некую информацию на более-менее широкую аудиторию: писателей, ученых, журналистов, административных писарей и т.д. [4, с. 75]

В то время как, по данным на 2024 год, в мире насчитывается 5,35 млрд пользователей Интернета и 5,04 млрд. активных пользователей социальных сетей [5]. Почти все они являются авторами – пишут тексты (посты), оставляют комментарии, оценивают материалы с помощью лайков и иных реакций. Помимо индивидуальных авторов по-прежнему существуют СМИ, возник и развивается феномен публичных корпоративных СМИ (брендмедиа) и т.д. Фактические, сегодня любой человек, умеющий писать и имеющий доступ к сети Интернет может создать собственное СМИ, вещающее на широкую аудиторию или потенциально способное на такую аудиторию распространять информацию или влиять. Только количество активных блогов в мире в 2023 году оценивалось в 600 миллионов, в которых ежегодно публиковалось 2,7 млрд. постов (материалов) [6].

При этом данные авторы, в отличие от авторов прошлого, в большинстве случаев, не обладают достаточной компетенцией в вопросах, по которым высказываются. Однако завоевывают доверие читателей и пользователей с помощью эмоциональной насыщенности сообщений, ссылок на «неофициальные» и «объективные» источники, а также эксплуатации различных «теорий заговора». Таким образом популярность и влияние некомпетентных авторов обуславливается как невежеством их аудитории, так и инструментами психологической манипуляции, используемыми ими осознанно и неосознанно.

В условиях переизбытка авторов и продуцируемых ими сообщений, а также накопившегося недоверия к, так называемым, «официальным источникам» и «традиционным СМИ», ни один человек не в состоянии грамотно обрабатывать и усваивать информацию, и потому все чаще полагается на источники, которые по тем или иным причинам вызывают у него субъективное доверие. В свою очередь, это приводит к формированию нескольких одновременно существующих информационных реальностей, в каждой из которых функционирует своя постправда.

Утверждению и развитию феномена постправды в современном информационном обществе также способствует становление технологий машинного обучения, более известных, как искусственный интеллект. Способность различных программ генерировать правдоподобные видео, аудио и фотоматериалы с реальными медийными персонами или наоборот с никогда не существовавшими личностями (например, выдаваемыми за очевидцев событий) приводит к ситуации, когда человек без специальных устройств и знаний не может верифицировать получаемую информацию. Более того, даже если подобные материалы опровергаются, опровержение традиционно распространяется менее активно, из-за чего ложное сообщение для миллионов людей становится правдивым.

Фактически, сегодня мы можем говорить о кризисе истины [6, с. 83]. Истина в эпоху постправды не поддается качественной верификации сразу по нескольким причинам. Во-первых, как уже писалось выше, объем информации, которую сегодня потребляет пользователь, не позволяет мозгу полноценно ее обрабатывать, тем более, верифицировать. Во-вторых, верификация требует определенных навыков, знаний, умений и инструментов, которые отсутствуют у большинства потребителей информации. В-третьих, сегодня читатель все чаще ставит на первое место не критерий истинности информации, а критерий субъективного доверия к источнику, а также эмоциональной и идеологической окрашенности сообщения. То есть истина как таковая перестает быть ценностью, а человек получает только ту информацию, которую хочет слышать и только в том виде, в котором ему комфортно ее потреблять. Таким образом, эмоционально-идеологическое отношение к тем или иным событиям является лишь одним из компонентов феномена постправды, а не единственной его составляющей.

Отдельно стоит отметить тот факт, как постправда, существующая в медиапространстве, оказывается способной влиять на процессы объективно существующего физического мира, формируя постреальность. Медиаобщения разной степени достоверности, эмоциональной и фактической насыщенности сегодня определяют и количество гендеров, и стоимость ценных бумаг на биржах, и производство, и потребление тех или иных продуктов, а в конечном итоге – все сферы жизни современного общества.

Современные исследователи, в основном, рассматривают постреальность как социоинформационную технологию, опирающуюся на возможности интегрированных цифровых коммуникаций в условиях высокого уровня атомизации развитых обществ [8, с. 115]. Целью такой технологии становится коррекция восприятия политэкономической сферы общества.

Однако сегодня под «постреальностью» целесообразно понимать не только социоинформационную технологию и непосредственный результат ее применения, но и вторичный эффект.

В современном информационном обществе информационные технологии быстро становятся достоянием широкой общественности и большого числа авторов, которые используют ее в различных целях, часто неосознанно повторяя за успешными проектами. Таким образом, постреальность способна воспроизводить сама себя, самостоятельно развиваться и функционировать без поддержки тех, кто изначально технологию запустил, распространяясь не только на политэкономическую сферу жизни общества, но и на все остальные сферы. При этом постреальность остается атомизированной, то есть у каждого небольшого сообщества, объединенного общими интересами и ценностями, формируется собственная постреальность, основанная на собственной постправде. Различные постреальности в информационном обществе могут частично пересекаться, а могут существовать параллельно или даже быть антагонистическими.

Формирование многочисленных постреальностей и их воздействие на объективно существующую реальность подтверждает концепцию медиатерминизма Кастельса, согласно которой социальное становится продолжением технологического, а проникновение технологий коммуникации меняет фундаментальный способ социальной организации [9, с. 157]. То есть не столько социум формирует медиа, сколько медиа – социум, од-

нако это движение по-прежнему остается в значительной мере двусторонним.

Примечательно, что право на формирование и использование собственной постреальности сегодня воспринимается, как неотъемлемое право человека, основанное на свободе слова, которая также считается неприкосновенной. В итоге, складывается ситуация, когда несколько крупных постреальностей борются друг с другом за доминирование в физическом и информационном пространствах. И когда одна одерживает верх над другой – инакомыслие подавляется или вытесняется из общественного дискурса, при этом места для «средней позиции» и здравого смысла фактически не остается.

На данный момент, мы можем наблюдать данные процессы в информационном и физическом пространстве США, где смена президента и администрации привела к смене постреальностей. Несколько десятков полов сменилось двумя, от квот для соблюдения «разнообразия» отказались в пользу набора сотрудников, согласно их знаниям, навыкам и умениям; движение «me too» и «black lives matter» забыты. Однако проблемы, связанные с вышеперечисленными политико-информационными концептами так и не решены, а постреальность, формируемая командой Трампа, не менее далека от настоящей, объективно существующей реальности, чем предыдущая.

Фактически, сегодня можно говорить о существовании «информационного рынка», имеющего структуру олигополии. Рядовой потребитель информации, с одной стороны, может относительно свободно и беспрепятственно выбирать «правду» и «реальность» в соответствии со своими потребностями, предпочтениями и ценностями точно так же, как это происходит на классическом рынке товаров и услуг. Однако, с другой стороны, он неизбежно оказывается под влиянием и воздействием доминирующей или доминирующих в его обществе постреальностей, поскольку они напрямую влияют на реальность объективную.

В данных условиях, контроль и ограничения в информационном пространстве становятся экзистенциальной необходимостью для государств. Безграничная свобода действий и высказываний в информационном пространстве ведет к атомизации общества и делает его уязвимым для использования технологии постреальности недружественными странами и организациями.

Не представляется возможным и вероятным «уничтожение» постправды и постреальности и возвращение к истине и реальности в понимании философии модерна, однако это не означает, что данными феноменами не нужно или невозможно управлять в интересах конкретного общества.

Литература

1. Лучинский Ю.В. «Правительство лжи»: феномен «постправды» Стива Тесича // Век информации. – 2018. – № 2–1. – С. 322–323.
2. Хруль В.М. «Постправда» в глобальном контексте: популярность, эвристическая ценность и онтологическая сущность // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2022. – № 1, Т. 7. – С. 5–22.
3. Авдеенко Е.В. Феномен симуляции в обществе постмодерна // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 70–83.
4. Мирошниченко А.А. Адаптация медиа: взрывное освобождение авторства, вирусный редактор интернета и смерть газет // Социологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 71–87.

5. Digital 2024 Global Overview Report. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 07.04.2025).
6. Giannelis M. How Many Blogs Are There In 2025 – Top Global Blogging Statistics. – URL: <https://www.techbusinessnews.com.au/blog/how-many-blogs-are-there-in-the-world-blogging-statistics-2023/#:~:text=As%20of%202025%2C%20there%20are,most%2C%20with%20518%20million%20blogs> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Савельева Е.Н. Постправда: предпосылки, истоки, особенности дискурса // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2024. – № 55. – С. 80–86.
8. Дмитриев О., Евстафьев Д. От постправды к постреальности // Россия в глобальной политике. – 2024. – № 4 (128), Т. 22. – С. 110–121.
9. Тамаровская А.А. Идеи медиатерминизма и сетевого общества в контексте теории информационного общества // Инновационные тенденции развития российской науки: материалы XIV Международной научно-практической конференции молодых ученых. Красноярск, 07–09 апреля 2021 года. – Красноярск: Издательство: Красноярский государственный аграрный университет. – 2021. – Т. II. Ч. 2. – С. 155–159.

THE PHENOMENA OF «POST-TRUTH» AND «POST-REALITY» IN THE MODERN INFORMATION SOCIETY

Surina V.A., Krekhaleva O.S.

BSTU «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

The paper examines the current phenomena of «post-truth» and «post-reality» in the context of the modern information society, characterized by an increasing role of information and information technology in society, as well as a large information overload. The author analyzes and explains the origin of these phenomena and terms, as well as their connection with postmodernism and the simulacra of the French philosopher J. Baudrillard. It describes the role of modern media, social networks and artificial intelligence (AI) in creating virtual realities, manipulating public opinion and the crisis of truth. Special attention is paid to explaining the existence of the so-called «information market», which is characterized, on the one hand, by an unhindered choice of «truths» and «realities», and, on the other, by the effect of dominant post-realities on the average consumer of information. The issue of control and restrictions in the information space is raised.

Keywords: post-truth, post-reality, information society, mass communication, information technology, «information market», information space.

References

1. Luchinsky Yu.V. «The Government of lies»: the phenomenon of «post-truth» by Steve Tesich // Information Age. – 2018. – № 2–1. – pp. 322–323.
2. Khrul V.M. «Post-truth» in a global context: popularity, heuristic value and ontological essence // Communications. Media. Design. – 2022. – № 1, vol. 7. – pp. 5–22.
3. Avdeenko E.V. The phenomenon of simulation in postmodern society // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. – 2024. – № 3. – pp. 70–83.
4. Miroshnichenko A.A. Media adaptation: the explosive liberation of the authorship, the viral editor of the Internet and the death of newspapers // Sociological Journal. – 2011, № 3, pp. 71–87.
5. Digital 2024 Global Overview Report. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (date of conversion: 04/07/2025)
6. Giannelis M. How Many Blogs Are There In 2025 – Top Global Blogging Statistics. – URL: <https://www.techbusinessnews.com.au/blog/how-many-blogs-are-there-in-the-world-blogging-statistics-2023/#:~:text=As%20of%202025%2C%20there%20>

are, most%2C%20with%20518%20million%20blogs (accessed: 04/07/2025).

7. Savelyeva E.N. Post-truth: prerequisites, origins, features of the course // Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history. – 2024. – № 55. – pp. 80–86.
8. Dmitriev O., Evstafyev D. From post-truth to post-reality // Russia in Global Politics. – 2024. – № 4 (128), Vol. 22, pp. 110–121.
9. Tamarovskaya A.A. Ideas of media determinism and network society in the context of information society theory // Innovative trends in the development of Russian science: proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Krasnoyarsk, April 07–09, 2021. – Krasnoyarsk: Publishing House: Krasnoyarsk State Agrarian University. – 2021. – Vol. II. Part 2. – pp. 155–159.

Понятия народа, нации и этноса в социальной философии и социально-политических науках

Митин Алексей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Полозова Ирина Владимировна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье рассматриваются понятия народа, нации и этноса, играющие значительную роль в социальной философии, а также в политической науке и социологии. Показывается, что различие в определении данных понятий и понимание их соотношения исходит из базовых предпосылок данных наук и во многом связано с пониманием ими общества как исходного концепта. В триаде «этнос – народ – нация» для социальной философии наибольшее значение имеет народ как носитель духа, для политических наук особенное значение принадлежит нации, появление которой связано с возникновением национальных государств в Европе, для социологии более перспективным является понятие этноса, рассматриваемого в качестве первичной группы общества.

Ключевые слова: нация, народ, этнос, социальная философия, социология, политические науки.

В своих предыдущих статьях [9], [10], мы обозначили проблемы социального познания, предполагаемые к рассмотрению в качестве задач для последующего исследования, некоторые из которых касались размежевания сфер социальной философии и социально-политических наук, а также соотношения социальных и политических наук между собой. В настоящей статье мы постараемся показать, что данные проблемы не являются, как может показаться, абстрактно-теоретическими, но должны рассматриваться как ключ к существующему многообразию различных подходов в исследовании важнейших социальных и политических проблем, которые зачастую не совпадают и должны учитываться во всем их комплексном взаимодействии. Более того, именно наличие различных перспектив обуславливает различие в понимании многих понятий из словаря социологии и политических наук, представление их соотношения, которое не совпадает, да и не может совпадать в различных социально-политических дисциплинах именно в силу различия их исходных установок.

В данной статье речь пойдет о находящихся в поле социально-политических наук понятиях этноса, нации и народа, из которых первое имеет определенное значение в контексте социологии, второе же является понятием, рождение и становление которого обусловлено сферой политического. В сфере социальной философии центральным является сформированное в классической философии понятие народа, по отношению к которому понятия этноса и нации видятся как вторичные и производные. Вместе с тем, соотношение между данными понятиями является не столь простым и далеко не тривиальным, но содержит в себе множество исследовательских перспектив, соотношение между которыми мы намерены далее продемонстрировать.

Базовым в данной триаде выступает понятие народа, которое само по себе также не являлось изначальным термином европейских естественных языков, но было обязано своим возникновением мистической традиции немецкой философии, имеющей давние корни и получившей свое возрождение и максимальное выражение в традиции романтизма.

Использование в философском словаре понятия народа тесно связано с именем немецкого философа И. Гердера, в философской концепции которого оно являлось важнейшим. Понимание народа основывалось на представлении о его духовной природе, в основе которой лежит не кровь, но дух, проявлением которого могут служить язык и культура. Многообразие народов рассматривалось И. Гердером как выражение мыслей Бога, где каждый народ был уникален и незаменим. Вместе с тем, народ мыслился как нечто простое, не имеющее внутри себя какой-либо структуры, принадлежность к которому объединяла крестьянина и правителя [3].

Рассмотрение народа в качестве основного субъекта присутствует также в философии И.Г. Фихте. Немецкий философ понимает народ как субъект, изначально действующий в истории, существование которого предшествует разделению на индивидуальные субъекты и который имеет приоритет, в том числе, и по отношению к государству.

Следует отметить, что и в русском языке слово «народ» не является базовым, первичным, как может показаться, но также, как и важнейшее для социальных наук понятие «общество», происходит из богослужебного контекста. О народе первоначально говорилось, например, лишь в случаях его непосредственного участия в религиозных процессиях, возглавляемых митрополитом или епископом [6, с. 88]. Позднейшее широкое распространение данного понятия связано с деятельностью славянофилов, которые, в свою очередь, испытали значительное интеллектуальное воздействие немецкой мысли, в первую очередь, мистической философии Шеллинга, в которой высшее духовное единство предшествовало всякому последующему разделению.

Философскому представлению о народе как носителе духа противостояли представления новых наук об обществе, с самого начала исходившие из иных первоначальных предпосылок. Как мы показывали ранее, становление социологии как науки было связано с вхождением общества в стадию Модерна, в связи с чем, эталоном для нее с самого начала стало современное общество, в котором прежние традиционные общности уступили место новым, договорным, гражданским. В качестве исходной модели социума для социологии явилось гражданское общество эпохи развитого Модерна, теоретическую концептуализацию которого она представляла [10, с. 195].

Основой для формирования социологического подхода к обществу стала модель, выражающая мировоззрение буржуазного сословия, получившая распространение благодаря идеологам Просвещения, согласно которой общество понимается как результат социального договора, заключенного между людьми. В соответствии с мировоззрением третьего сословия, каждый член общества начинает рассматриваться как носитель универсальных, а не сословных и каких-либо иных качеств. В данном отношении явилась показательной полемика И. Гердера и И. Канта, в которой первый исходил из идеи особенной духовной природы различных народов, второй выступал как проповедник гражданского общества, в котором должны упраздниться всякие, в том числе, национальные различия.

Таким образом, если классическая философия осмысливала действующие в истории народы, то социальные и политические науки стартовали с изучения общностей нового типа, рожденных в Новое время. Отражением данного процесса явилось появление в словаре социальных и политических наук такого понятия как «нация», которая стала пониматься, в первую очередь, как сообщество граждан, органические связи внутри которого уступили место договорным, рациональным, гражданским [9, с. 29]. Для политических наук понятие нации становится центральным и начинает сближаться с понятием государства. Начиная со времен Французской революции нация рассматривается в качестве основного субъекта политической деятельности. С данным процессом связано рождение конструктивистского подхода в понимании нации и последующее его доминирование в политических науках.

Конструктивистские представления о нации рождаются, прежде всего, в трудах Э. Геллнера [2] и Б. Андерсона [1], показывающих, что нация является искусственным конструктом, созданным с целью противостояния атомизации общества после распада традиционных политических структур и упразднения сословий. Важная идея конструктивизма состояла также в указании на отсутствие преемственности между буржуазными нациями и предшествующими им традиционными этническими сообществами, и на искусственность идеологий, пытающихся демонстрировать обратное. С точки зрения пози-

ции конструктивизма, преобладающего в политических науках, нация не возникает непосредственно на основе этноса. Национальные общности формируются на основе договора и совпадают с политическим союзом. В результате происходит слияние национального общества с гражданским.

Подобное понимание нации столкнулось с традиционным пониманием общности, основанной, по преимуществу, на органической связи людей, и получившей название примордиализма. Понятие органичности в примордиализме нередко выходит за рамки метафорического употребления и понимается, в случае крайнего выражения позиции, как возможность проследить социальные связи вплоть до генетических и природных оснований, то есть выйти за рамки социального. Здесь можно отметить, что органичность, понимаемая как метафора, присуща социологии и является ее неотъемлемой методологической базой [13]. Вместе с тем, органичность как таковая выводит нас из сферы социальных наук в область антропологии и биологии.

Непоследовательность в понимании нации отражает двойственность социологической науки, состоящей в соединении в ней двух неравноправных традиций: с одной стороны, доминирующей, просветительской, позитивистской, рациональной, и, с другой стороны, латентной, связанной с немецкой философией – органической, метафизической, духовной. Присутствие двух различающихся представлений об обществе достаточно последовательно проявлялась на стадии становления социологии и осознавалась некоторыми ее теоретиками. В связи с этим немецкий социолог В. Зомбарт рассматривал договорную теорию происхождения общества как порождение английского торгового духа и противопоставлял ей германский органический подход в понимании социальных явлений [7].

Со временем данное различие привело к возникновению двух типов представлений о нациях – государственной нации, восходящей к французской просветительской мысли и культурной/языковой нации, обязанной своим существованием германской метафизической традиции.

Двойственность социологии в подходе к нациям может быть представлена на основе концепции Ф. Тенниса, противопоставляющего общность и общество, исходящего из различия происхождения данных терминов в немецком языке. Общности изначально присуще органическое единство, а общество собирается из отдельных элементов и основывается на некоторых внешних по отношению к нему началах. В понимании Тенниса общность образуется исторически, в силу чего характеризуется единодушием, полным слиянием воли, в то время как общество, основанное на конвенции, представляет собой связь разрозненного, искусственно соединяемого [14].

В социологии, изначально представляющей себя в качестве новой позитивной науки, по преимуществу изучалось именно общество в противовес общности. Данное обстоятельство представляется особенно важным в свете противопоставления нации и этноса. Даже М. Вебер, в некоторых своих принципах отошедший от позитивистской традиции, неукоснительно следовал ей в своем номинализме в отношении общества. Несмотря на то, что именно Веберу принадлежит введение в социологию категории этничности, представления об этносах как о социальных общностях не было им развито в достаточной мере. Этнические группы рассматривались им наряду с другими, не представляя особенного исследовательского интереса [5, с. 127].

Вместе с тем, М. Вебер трактовал этническое сообщество именно как общность, полагая, что органические

связи имеют здесь решающее значение. Другой классик социологии Э. Дюркгейм, представляющий французскую линию, склонялся к рациональной трактовке нации, но не исключал наличие в национальном единстве эмоциональных элементов, считая их менее значительными, и несущими в себе враждебность лишь в отдельных случаях, как например, у немцев в период мировой войны [9, с. 92].

Противопоставление народа и нации, таким образом, может быть рассмотрено в контексте представлений о двух типах обществ, присутствующих в классической социологии. Вместе с тем, данные категории возможно мыслить также, как результат синтеза положений договорной и органической теории, когда общности, стоящие между индивидом и государством, в то же время могут рассматриваться и как органы социального организма.

Сочетание двух данных традиций можно увидеть в подходе к общностям меньшего масштаба, среди которых следует обозначить такую общность как этнос. Понятие этноса в качестве научного термина является более поздним по отношению к понятию «нации», которое утвердилось первым в словаре социально-политических наук [9]. Данное обстоятельство связано с тем, что активизация социально-политической мысли и рождение социальной и политической наук совпали по времени со становлением наций в Европе. В зрелом обществе преобладают рациональные, договорные связи, и этнос, понимающийся как изначальная общность людей, существующая в симбиозе с природной средой, поэтому не имела для социальных наук сколько-нибудь важного значения. Наибольшее значение в политическом лексиконе приобрело понятие нации, которая мыслилась как результат гражданского общества.

Вместе с тем, категория этноса отлична и от понятия народа, представление о котором является следствием утверждения в социальных науках принципа историцизма, когда некие принципы, полагаемые как универсальные, начинают мыслиться исторически [8]. Понимание и становление понятия этноса, как научной категории, является альтернативой исторически мыслимым понятиям. В противоположность народам, деятельность которых протекает в поле истории, этнос имеет ключевое значение для обществ, не ставших еще историческими, живущих в мифологическом, то есть циклическом времени. В данном отношении этнос является доисторической категорией, исследование которых принадлежит сфере этнографии или культурной антропологии. С данным фактом связано то обстоятельство, что научное понятие этноса появляется сравнительно поздно, оно было введено русским исследователем С.М. Широкогоровым значительно позднее, чем в философии, в которой, начиная с эпохи Просвещения, прочно утвердился принцип историцизма, получило хождение понятие «народ».

В данном отношении можно указать на различие между этносом как таковым и этносом, получившим статус народа. Входящий в историю этнос, то есть создавший цивилизацию, государство, по своему значению уже является народом, описание деятельности которых мы встретили в философии Гердера. Понятие народа является основополагающим для традиционного общества, ставшего парадигмой, базовой моделью общества для классической философии. Вместе с тем, между двумя данными понятиями существует преемственность.

Представляется, что появление такой категории, как этнос, могло бы, в случае использования данной категории в качестве отправной, первичной, базовой, создать альтернативу магистральному развитию социологии и обозначить для нее значительную перспективу, демонстрирующую, в том числе, историю изменения базовых

социальных общностей. Следует отметить, что в начале своего становления социология не исключала рассмотрение исторического измерения своего предмета, и поэтому данная перспектива видится вполне вероятной.

Вместе с тем, социология на рубеже веков XIX–XX решительно отмежевывалась от исторического подхода, закрепив за собой рассмотрение общества, существующего вне исторического времени, в силу чего данная перспектива по отношению к предмету социологии стала рассматриваться как нерелевантная [16, с. 228]. Современная социология, продолжающаяся оставаться позитивной наукой об обществе, рассматривает свой первоэлемент, в качестве которого понимается социальное взаимодействие, внеисторически, способное осуществляться везде и всегда.

Вместе с тем, с понятием этноса как первичного элемента общества связано становление этносоциологии в качестве отдельной области социологии, рождение которой связано с именем австрийского социолога Л. Гумпловича, объединившего на основе понятия этноса категории, описывающие общности различных уровней сложности и установившего между ними связь. В концепции Гумпловича взаимодействие между различными этническими общностями, а именно покорение одним этносом другого, рассматривается в качестве основной предпосылки существования государства и существующей в нем социальной стратификации [4].

Рассмотрим вопрос, насколько понятие этноса релевантно тому, чтобы рассматривать его в качестве исходной основы для социальных наук. Для этого необходимо первоначально уточнить его определение. В понимании С.М. Широкогорова, в основе выделения этноса лежит общность языка, признание единства происхождения и общность обычаев, освященных традицией [15]. Можно увидеть, что в определении нет акцентирования на родственных связях, то есть уступок примордиализму. Вместе с тем, этнос выступает как первичная форма взаимодействия людей со средой, посредством которого регулируются не только экономические и социальные отношения общности, но и выстраиваются ее духовный и культурный мир. Подобное понимание этноса позволяет увидеть его как социальную систему наименьшего масштаба, представляющую собой аналог социальной системы Т. Парсонса в миниатюре [12].

Можно увидеть, что выбор этноса в качестве первоэлемента снимает вопрос о характере первичных для образования общества связей. Рассматривая в качестве своего предмета социальное взаимодействие, современная социология абстрагируется от данной проблемы, в то время как для теоретической социологии периода ее становления данный вопрос, имеющий, бесспорно, философский статус, относился к числу определяющих. Как известно, классик социологической науки Э. Дюркгейм изначально рассматривал в качестве подобных связей экономические, лежащие в основе разделения труда. В поздний период своей деятельности на основе полевых исследований, французский классик приходит к выводу, что образующие общество связи лежат в сфере религии и духовных практик. Видится, что представление об этносе С. Широкогорова позволяет объединить данные перспективы, не противопоставляя данные области.

Выбор понятия этноса в качестве первичного понятия для социологии позволяет также преодолеть противоположность политических и социологических представлений, предоставляя возможность сопоставления категорий этноса и нации, находящихся в поле различных социально-политических наук. Данная возможность была успешно осуществлена в концепциях немецких этно-

социологов, созданных на теоретической основе концепции С.М. Широкогорова [5, с. 144].

В качестве возражения выбору этноса в качестве элементарной единицы общества может быть выдвинут аргумент, согласно которому этнос является не простой, а сложной структурой. Его существование, как установили антропологи, требует наличия, как минимум, двух родов, брачные отношения между которыми, как показывает, например, К. Леви-Стросс, имеют довольно сложную структуру, упорядочивающую жизнь всего первобытного общества. Вместе с тем, принимаемое за единицу социальной жизни социальное взаимодействие, также предполагает наличие определенной структуры. Кроме того, исходя из доминирующей в общей социологии идеи системности общества, следует принять, что первоэлемент и должен пониматься как некая базовая единица системного характера.

Если обратиться в данной связи к идеям философии, то по мысли Аристотеля, которую разделял также основоположник социологии О. Конт, минимальной единицей общества представляется семья, которая, как можно заметить, также не является абсолютно простым образованием, для ее возникновения необходимо существование, как минимум, двух родов. Основываясь, кроме того, на опыте естественных наук, и исходя из идеи универсальной сложности и системности мира, можно заключить, что первоэлемент не может быть абсолютно простым. В рассмотрении этноса как системы, состоящей из двух родов, можно увидеть аналогию со структурой молекулы ДНК, являющейся базовой структурой всего живого, состоящей из двух спиральных линий и представляющей собой принципиально двойственную, двоичную систему.

Вместе с тем, в настоящее время этнос продолжает оставаться, в основном, в сфере изучения антропологии, культурной антропологии, этносоциологии, что обусловлено тем, что современная социология в исследованиях общества исходит из парадигм Модерна, где актуализированы, по преимуществу, горизонтальные связи. К принципиальным изменениям относится то, что общество как таковое изучается на примере гражданского общества, которое рассматривается уже не в национальной, а в глобалистской перспективе. Вместе с тем, в социальных науках происходит и некоторое реверсивное движение, как, например возрождение примордиалистских теорий, в чем-то напоминающее ситуацию с геополитикой в политических науках, то есть вовлечение природных факторов в сферу исследования, не меняющее, впрочем, основную тенденцию. Магистральную же тенденцию современной мысли представляет собой постмодернизм, исходящий из идеи разложения базовых социальных связей, символом которого выступает ризома.

Социальная философия в советский период представляла собой область, в которой важное место занимало сопоставление категорий этноса, народа и нации. Думается, что не следует в полной мере отказываться от данного наследия. Вместе с тем, следует также иметь в виду исторический и общий контекст происхождения данных понятий, в чем может помочь возникшая не столь давно дисциплина интеллектуальной истории. В данном отношении современная социальная философия может выступить как некая метатеория, показывающая историческую и идейную обусловленность представлений и категорий социально-политических наук.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М: Кучково поле, 2024. – 416 с.

2. Геллнер Э. Нации и национализм. – М: Прогресс, 1991. – 320 с.
3. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. – 760 с.
4. Гумплович Л. Общее учение о государстве. – М: Директ-Медиа, 2014. – 544 с.
5. Дугин А.Г. Этносоциология. – М: Академический проект, 2014. – 844 с.
6. Ерусалимский К. Император Святой Руси. – М: Новое литературное обозрение, 2025. – 880 с.
7. Зомбарт Вернер: Торгаши и герои. Раздвывая патриота. Евреи и экономика– СПб.: Владимир Даль, 2022. – 656 с.
8. Мейнеке Ф. Рождение историзма. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 480 с.
9. Миллер А. Нация, или Могущество мифа. – СПб.: Издательство европейского университета, 2024. – 146 с.
10. Митин А.В., Полозова И.В. Социальная философия и теоретическая социология: проблема соотношения// Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 194–197.
11. Митин А.В., Полозова И.В. Социальная философия: к вопросу об основоположениях// Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 104–106.
12. Парсонс Т. Социальная система. – М: Академический проект, 2019. – 530 с.
13. Полозова И.В. Метафоры социологии и уничтожение личности// Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 139–145.
14. Теннис Фердинанд: Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 452 с.
15. Широкогород С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – М: Академия фундаментальных исследований, 2022. – 136 с.
16. Шубрт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? – М.: ВЦИОМ, 2024. – 380 с.

CONCEPTS OF PEOPLE, NATION AND ETHNOS IN SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Mitin A.V., Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The article examines the concepts of people, nation and ethnos, which play a significant role in social philosophy, as well as in political science and sociology. It is shown that the difference in the definition of these concepts and the understanding of their relationship comes from the basic premises of these sciences and is largely associated with their understanding of society as an initial concept. In the triad "ethnos – people – nation" for social philosophy, the people as the bearer of the spirit is of greatest importance, for political sciences, a nation is of particular importance, the emergence of which is associated with the emergence of national states in Europe, for sociology, a more significant role is played by ethnos as a primary group of society.

Keywords: nation, people, ethnos, social philosophy, sociology, political sciences.

References

1. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. – М: Kuchkovo pole, 2024. – 416 p.
2. Gellner E. Nations and Nationalism. – М: Progress, 1991. – 320 p.
3. Herder I. Ideas for a Philosophy of Human History. – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2025. – 760 p.

4. Gumplovich L. General Theory of the State. – Moscow: Direct Media, 2014. – 544 p.
5. Dugin A.G. Ethnosociology. – Moscow: Academic Project, 2014. – 844 p.
6. Yerusalimsky, K. The Emperor of Holy Russia. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2025. 880 p.
7. Sombart Werner: Merchants and Heroes. Reflections of a Patriot. Jews and Economics – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. – 656 p.
8. Meineke F. The Birth of Historicism. – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. – 480 p.
9. Miller A. The Nation, or the Power of Myth. – St. Petersburg: European University Press, 2024. – 146 p.
10. Mitin A.V., Polozova I.V. Social Philosophy and Theoretical Sociology: The Problem of Correlation// Social and Humanitarian Knowledge. 2025. № 2. Pp. 194–197.
11. Mitin A.V., Polozova I.V. Social Philosophy: On the Issue of Foundations// Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 6. Pp. 104–106.
12. Parsons T. Social System. – M: Academic Project, 2019. – 530 p.
13. Polozova I.V. Metaphors of Sociology and the Destruction of the Individual// Social and Humanitarian Knowledge. 2021. № 6. Pp. 139–145.
14. Ferdinand Tönnies: Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. – 452 p.
15. Shirokogorov S.M. Ethnos. A Study of the Basic Principles of the Change of Ethnic and Ethnographic Phenomena. – M: Academy of Fundamental Research, 2022. – 136 p.
16. Shubrt I., Podvoisky D.G. Modern Sociological Theories: How to Avoid Getting Lost in the Conceptual Labyrinth? – Moscow: VTsIOM, 2024. – 380 p.

Психосоциальные последствия выпадения волос у взрослых и пути их решения

Савгачева Мария Юрьевна,

врач дерматовенеролог, трихолог, общество с ограниченной ответственностью «Клиника диагностики «Константа»
E-mail: Maria.savgacheva@yandex.ru

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Потеря волос (алопеция) сопровождается снижением восприятия собственной привлекательности и социальной значимости, что может привести к формированию депрессии, тревожных расстройств и социальной изоляции. Особенно уязвимы к негативным последствиям молодые люди и женщины, для которых внешний вид играет ключевую роль в построении идентичности и поддержании социальных связей. Современные исследования подчёркивают необходимость комплексного подхода к диагностике и лечению алопеции, предусматривающего комплексное взаимодействие трихологических и психологических методов. Медицинское лечение направлено на замедление процесса выпадения и стимуляцию регенерации волос, тогда как психологическая поддержка помогает пациентам справиться с эмоциональными трудностями и социальной дезадаптацией. Важным элементом терапии являются когнитивно-поведенческие техники и групповая поддержка, способствующие снижению уровня тревоги и депрессии, а также формированию позитивного восприятия изменений внешности. Социальные последствия выпадения волос включают усиление чувства зависти и конкуренции, что усугубляет эмоциональное напряжение и влияет на качество межличностных отношений. Психологическая адаптация пациентов требует развития навыков конструктивного взаимодействия и преодоления деструктивных сравнения с другими. Таким образом, эффективное лечение и реабилитация при алопеции должны основываться на интеграции медицинских и психологических подходов, направленных на восстановление физического здоровья, психоэмоционального равновесия и социальной адаптации пациентов, что способствует улучшению общего качества жизни.

Ключевые слова: алопеция, психоэмоциональное состояние, социальная адаптация, психосоциальные последствия.

Введение

Выпадение волос (алопеция) является широко распространённой проблемой среди взрослого населения, обусловленной множеством факторов, включая генетику, гормональные изменения, воспалительные процессы и психоэмоциональные стрессовые ситуации [1]. Несмотря на традиционное восприятие алопеции как чисто медицинской или косметической проблемы, её воздействие выходит далеко за рамки физических проявлений и существенно затрагивает психоэмоциональное и социальное благополучие пациентов. Современные исследования подчёркивают важность междисциплинарного подхода к изучению и лечению данного состояния с учётом его комплексного влияния [2].

С психологической точки зрения, выпадение волос связано с серьёзным снижением самооценки, а также с изменениями в восприятии собственного тела, что выражается в тревоге, депрессии, социальных страхах и стыде. Волосы исторически и культурно воспринимаются как символ здоровья, молодости и привлекательности; их потеря воспринимается как угроза целостности образа тела и зачастую приводит к потере чувства контроля над своим обликом [3]. Эти психологические последствия могут вызывать социальную дезадаптацию, включающую избегание общения и снижение социальной активности, что негативно отражается на общем качестве жизни.

Особая уязвимость к психосоциальным последствиям выпадения волос наблюдается у молодых людей и женщин, для которых внешний вид играет ключевую роль в формировании самоидентичности и поддержании социальных связей. Женщины чаще испытывают глубокий эмоциональный дискомфорт, обусловленный жёсткими социальными стандартами красоты, в которых густота и ухоженность волос является важным критерием. Для мужчин же облысение зачастую связано с ассоциациями преждевременного старения, сниженной жизненной энергии и социальной утраты, что также приводит к трудностям в социальной адаптации [4]. Усиление давления социальных стереотипов усугубляет данные негативные процессы, способствуя изоляции.

В социальном контексте волосы рассматриваются не только как элемент внешнего облика, но и как своего рода социальный маркер здоровья, статуса и успешности. Их потеря влияет на способность пациента эффективно реализовывать себя в профессиональной и межличностной сферах, нередко препятствуя карьерному росту и построению личных отношений. Это дополнительно способствует формированию эмоционального стресса и снижению уверенности в себе [5].

Медицинская терапия, направленная на восстановление густоты и здоровья волос или замедление их выпадения, должна сочетаться с обязательной психологической поддержкой. Когнитивно-поведенческая терапия, групповые и индивидуальные консультации способствуют снижению тревожности и депрессии, а также укрепляют способность пациентов принимать изменения во внешности и сохранять активную социальную позицию [6]. Использование косметических средств, париков

и систем маскировки является дополнительным инструментом, улучшающим психологическое состояние и качество жизни.

Таким образом, выпадение волос следует понимать как серьёзную психосоциальную проблему, требующую интеграции трихологических и психологических методов в клиническую практику. Междисциплинарное взаимодействие специалистов способствует не только улучшению физического состояния, но и восстановлению психоэмоционального равновесия и социальной адаптации пациентов [7]. Такой комплексный взгляд способствует достижению более устойчивых и позитивных результатов лечения, повышая качество жизни взрослых, сталкивающихся с алопецией.

Психологические аспекты выпадения волос у взрослых

Выпадение волос, представляет собой проблему, затрагивающую миллионы людей во всем мире и оказывающую глубокое воздействие не только на внешний вид, но и на психоэмоциональное состояние пациента. С точки зрения психологии, потеря волос сопровождается значительным снижением самооценки и изменениями в восприятии собственного тела, что вызывает стресс, тревогу и депрессивные состояния [8].

Клинические и социологические исследования показывают, что люди с выраженной алопецией имеют значительно более высокий уровень психологического дискомфорта по сравнению с людьми без проблем с волосами. Это включает в себя не только низкую самооценку, но и изоляцию от социальных групп, избегание общественных мероприятий, что в свою очередь способствует развитию хронических психосоциальных проблем. Одним из ключевых механизмов этого процесса является ощущение социальной стигматизации – пациенты с алопецией нередко считают, что их воспринимают как менее привлекательных или менее здоровых, что усугубляет внутренний дискомфорт [9].

Особое значение имеют возрастные и гендерные различия. Молодые пациенты в силу того, что внешний вид тесно связан с развитием идентичности и самооценки, особенно остро переживают потерю волос. Женщины, в частности, сталкиваются с дополнительным психологическим давлением из-за жестких общественных стандартов красоты, в которых волосы играют центральную роль. Среди мужчин чаще встречается психологический стресс, связанный с ассоциациями облысения с престарелостью и утратой жизненных сил [10]. В обоих случаях социальные стереотипы усиливают эмоциональное напряжение и могут повлечь за собой депрессивные состояния.

Психосоматическая природа алопеции дополнительно усиливает психологический дискомфорт. Хронический стресс и тревожность могут активировать или усугубить физиологические процессы выпадения волос, создавая порочный круг между психологическим состоянием и физической симптоматикой. При этом пациенты, испытывающие эмоциональный стресс, часто имеют завышенные ожидания от дерматологического лечения, и разочарование в результатах приводит к ухудшению психоэмоционального состояния и мотивации к дальнейшему лечению [11].

Психологические последствия выпадения волос – это сложный и многогранный феномен, влияющий на качество жизни пациентов на различных уровнях. Учитывая сильную связь между психологическим состоянием и физическими проявлениями алопеции, клиническая

практика должна опираться на междисциплинарный подход, объединяющий медицинские и психологические методики, направленные на эффективное восстановление не только волосяного покрова, но и психоэмоционального здоровья пациентов [12]. Только такой подход позволит обеспечить комплексную помощь и повысить уровень социальной адаптации и благополучия пациентов с выпадением волос.

Социальные последствия выпадения волос: феномен зависти и конкуренции

Выпадение волос формирует целый спектр психосоциальных последствий, среди которых особое место занимает феномен зависти к людям, обладающим густыми и здоровыми волосами. Подобная эмоциональная реакция является естественным проявлением процессов социальной сравнимости, когда индивид оценивает себя в контексте группы и ориентируется на внешние маркеры привлекательности и успешности [13]. С точки зрения социальной психологии, именно волосы относятся к символическим объектам, вокруг которых выстраиваются как положительные ассоциации (здоровье, молодость, статус), так и субъективные комплексы в случае их утраты.

Согласно современным представлениям социальной психологии, зависть у пациентов с алопецией может проявляться через устойчивые поведенческие паттерны, связанные с механизмом социального сравнения. Научная литература отмечает, что в результате интенсивного сравнения собственных внешних характеристик с внешностью референтной группы пациенты зачастую демонстрируют тенденцию к социальной дистанцированности и избеганию взаимодействия с индивидуумами, обладающими густыми и длинными волосами, которые воспринимаются как выраженный маркер физической привлекательности и успешности [14].

Такое поведение коррелирует с мотивационно-эмоциональными процессами, реализуемыми через контрастные восходящие сравнения, когда акцент делается на различиях между собой и людьми, обладающими желанными внешними характеристиками. Это способствует формированию негативной самооценки, усилению чувства неполноценности и развитию деструктивных стратегий межличностного взаимодействия.

Социальная зависть в данном случае может трансформироваться в скрытую или открытую конкуренцию. Особенно это выражено в профессиональных и личностных сферах, где внешний вид играет важную роль. Пациенты с алопецией способны воспринимать привычные социальные ситуации (например, взаимодействие с коллегами или знакомство в неформальной среде) через призму собственной уязвимости [1, 3]. Так возникает субъективное ощущение соревнования: внешность других оценивается как преимущество, угрожающее собственным социальным возможностям. В результате развивается либо избегающее поведение, либо напротив – демонстративные попытки конкурировать с использованием иных ресурсов (одежда, макияж, материальные атрибуты статуса).

Обострение завистливых установок у пациентов с выпадением волос связывается с высоким уровнем сравнения себя с другими по «визуально доступным признакам». Такая установка формирует хроническое чувство фрустрации и может снижать когнитивную гибкость, препятствуя адаптации к реальности изменений во внешности [2, 3]. Более того, зависть может препятствовать эффективному прохождению лечения, так как пациенты часто сравнивают собственные промежуточ-

ные результаты терапии с «идеальными образами» или результатами других людей, что формирует дополнительное недовольство.

Отдельного внимания заслуживает гендерный контекст. У женщин конкуренция чаще носит выраженный межличностный характер, связанный с социальными ожиданиями привлекательности [1, 4]. Для мужчин выпадающие волосы становятся маркером уязвимости в конкурентной борьбе за лидерство и статус, что может снижать их самооценку в профессиональной среде. Таким образом, зависть и соперничество в данных условиях выступают не только психологической реакцией, но и фактором, влияющим на социальную траекторию пациента.

С практической точки зрения важно учитывать, что формирование зависти и конкуренции в социальных отношениях у пациентов с выпадением волос может существенно препятствовать их социальной адаптации. В клинической практике это требует внедрения психокоррекционных стратегий, направленных на снижение тенденции к деструктивным сравнениям и обучение навыкам позитивного восприятия себя вне зависимости от внешних признаков [2]. Такие подходы включают когнитивно-поведенческие методы, развитие эмпатии, обучение стратегиям управления завистью и конструктивного взаимодействия с окружением. Успешная интеграция подобных техник позволяет минимизировать негативные социальные последствия, снизить внутренний конфликт и восстановить гармонию в межличностных отношениях пациентов, столкнувшихся с алопецией.

Социальные аспекты выпадения волос представляют собой комплексную проблему, тесно связанную с включением в социум и качеством жизни пациентов. Эффективное лечение алопеции требует, как медицинской коррекции, так и психологической поддержки, направленной на преодоление тревоги, депрессии и социальной изоляции, что является ключевым для полноценной реабилитации пациента.

Медико-психологический подход к лечению

Патологическое выпадение волос представляет собой многоаспектную проблему, которая требует применения междисциплинарного подхода, включающего как медицинские, так и психологические методы. Трихологическая диагностика и терапия ориентированы на замедление прогрессирования алопеции и стимуляцию восстановления волосяного покрова [6]. Вместе с тем, учитывая тесную взаимосвязь между психоэмоциональным состоянием пациента и физиологическими процессами, существенным компонентом комплексного лечения является оказание психологической поддержки.

Для решения данных психологических проблем эффективным является применение комплексного подхода, включающего психотерапию, групповую поддержку и обучение навыкам самопомощи. Когнитивно-поведенческая терапия помогает пациентам выработать стратегии принятия изменений во внешности и управление негативными эмоциями, способствует снижению тревожности и депрессии. Групповые сеансы дают возможность обменяться опытом и повысить чувство принадлежности и поддержки [2]. Кроме того, методы релаксации, медитация и физическая активность способствуют снижению уровня стресса и улучшению общего эмоционального состояния.

Для лучшего понимания, на какие этапы цепи «патогенеза» следует направить воздействие, необходимо рассмотреть проблему в её целостности. (см. рис. 1).

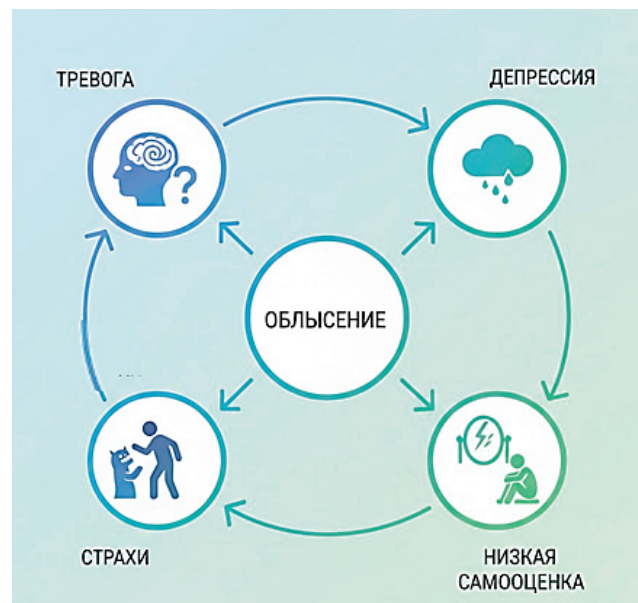

Рис. 1. Схема формирования порочного круга психосоциологических проблем, вызванных облысением

Когнитивно-поведенческая терапия, один из вариантов выбора лечения, который позволяет выявить и изменить негативные установки, улучшить адаптивные стратегии и снизить уровень эмоционального стресса.

Группы поддержки и общественные программы играют значительную роль в социальной реабилитации пациентов. Совместное обсуждение проблем и опыт взаимодействия в группе способствуют снижению чувства одиночества и уменьшению стигматизации, связанной с алопецией. Такие мероприятия помогают расширить социальные связи и улучшить качество жизни [5].

Использование косметических средств и систем замещения волос (парики, наращивание и прочие) также играет важную роль в восстановлении уверенности пациента и снижении чувства социальной дезадаптации. Немаловажна и поддержка семьи и близких, оказывающая позитивное влияние на эмоциональное состояние и процесс адаптации.

Медикаментозная терапия при выпадении волос включает назначение витаминов, микроэлементов, гормональных препаратов, а также инъекционных методов, таких как плазмолитерапия – введение обогащенной тромбоцитами плазмы, стимулирующей рост волос и регенерацию волосяных фолликулов. Физиотерапевтические методы – лазерная терапия, массаж, ультразвуковое воздействие – улучшают кровоснабжение кожи головы, обеспечивая питание волосяных луковиц [2, 4].

Немаловажным элементом является изменение образа жизни пациента. Управление стрессом посредством релаксации, медитации, физических упражнений и правильного режима сна способствует нормализации гормонального фона и снижению психоэмоционального напряжения, что положительно влияет на состояние волос. В некоторых случаях, когда консервативные методы неэффективны, рассматривается пересадка волос. Однако даже после хирургического вмешательства психологическая поддержка остаётся важной, поскольку помогает пациенту принять новый внешний облик и поддерживать эмоциональное равновесие [5].

Интеграция трихологических и психологических методов обеспечивает комплексное лечение выпадения волос у взрослых пациентов, направленное не только на физическое восстановление, но и на улучшение психоэмоционального состояния и социальной адаптации пациентов. Такой подход позволяет разрушить порочный

круг между психическим стрессом и прогрессированием алопеции, повышая эффективность терапии и качество жизни пациентов в целом [3].

Заключение

Психосоциальные последствия выпадения волос у взрослых представляют собой сложный и многогранный феномен, существенно влияющий на качество жизни пациентов на различных уровнях – от личной самооценки до социальной адаптации. Современные исследования подтверждают, что алопеция – это не просто медицинская или косметическая проблема, но и состояние с глубокими психоэмоциональными, социальными и культурными аспектами. Снижение самооценки, тревожность, депрессивные состояния и чувство социальной изоляции – наиболее распространённые проявления психологического дискомфорта, связанного с утратой волосающего покрова. Эти проявления тесно связаны с восприятием собственной внешности и ожиданиями общества, где волосы выступают как показателем здоровья, молодости и привлекательности. Особенно уязвимыми к негативным психосоциальным эффектам при выпадении волос являются молодые люди и женщины, для которых внешний облик оказывает значительное влияние на формирование идентичности и социального статуса. Мужчины, в свою очередь, сталкиваются с восприятием облысения как признака преждевременного старения, что также негативно сказывается на их психоэмоциональном состоянии и социальной адаптации.

Эффективное преодоление психосоциальных трудностей, связанных с выпадением волос, требует интеграции медицинских и психологических подходов. Медикаментозное и физиотерапевтическое лечение в сочетании с психотерапией, направленной на снижение тревожности и депрессии, способствует комплексному восстановлению пациентов. Методы когнитивно-поведенческой терапии и групповой поддержки позволяют формировать адекватное восприятие изменений во внешности, развивать навыки эмоциональной самоконтроля и укреплять социальные связи. Кроме того, использование париков и косметических средств содействует повышению уверенности в себе и снижению психологического напряжения.

Дальнейшие исследования необходимы для совершенствования терапевтических стратегий, особенно с учётом индивидуальных особенностей пациентов разных возрастных и гендерных групп. Перспективы развития включают разработку комплексных программ реабилитации, сочетающих инновационные медикаментозные методы с психосоциальной поддержкой, что позволит повысить эффективность лечения и улучшить качество жизни пациентов.

Литература

1. Боханна П. Алопеции. Диагностика и лечение. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 317 с.
2. Трюб Р.М. Сложный пациент трихолога. Руководство по эффективному лечению алопеций и сопутствующих заболеваний / пер. с англ.; под ред. Н.Г. Баруновой, В.П. Ткачева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. 392 с.
3. Гаджигороева А.Г. Клиническая трихология. М.: Практическая медицина, 2014. 184 с.
4. Злотогорский А., Шапиро Д. Трихология. Второе издание, дополненное и переработанное. Киев: 2016. 276 с.
5. Новая косметология. Трихология: диагностика, лечение и уход за волосами / под ред. Эрнандес Е.Н.

М.: ООО «ИД «Косметология и медицина», 2016. 412 с.

6. Савгачева М.Ю., Савгачев В.В. Этические аспекты работы врача– трихолога. Социология. 2025. № 8. С. 234–238
7. Доника А.Д., Кожевников Л.Л. Соответствие норм Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нормам и принципам биоэтики // Биоэтика. 2011. № 2(8). С. 26–28.
8. Камалиева И.Р. Профессиональные и этические нормы в современной медицине. Москва: Наука и практика, 2024. 198 с.
9. Потемкина О.А. Образ врача: коммуникативно-этическая составляющая (на материале жалоб пациентов) // Молодые голоса. 2024. № 12. С. 54–58.
10. Силуанова И.В. Проблемы биоэтики в «конвенции о правах человека и биомедицине» (се, 1997) и «основах социальной концепции» (рпц, 2000): сравнительный анализ // Биоэтика. 2015. Т. 8, № 2. С. 28–32.
11. Савгачев В.В. Этические и правовые аспекты при проведении генетического исследования в травматологии и ортопедии // Медицинская этика. 2025. № 2. DOI: 10.24075/medet.2025.003
12. Романова Ю.Ю., Миченко А.В., Львов А.Н. Трихоскопия в дифференциальной диагностике трихотилломии: обзор литературы и собственные наблюдения // Клиническая дерматология и венерология. 2019, т. 18, № 5, с. 644–653
13. Федеральные клинические рекомендации. Дерматовенерология 2015. Болезни кожи. Инфекции, передаваемые половым путем. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Деловой экспресс, 2016. 768 с.
14. Varkey B. Principles of Clinical Ethics and Their Application to Practice // Med Princ Pract. 2021. Vol. 30, no. 1. P. 17–28. doi: 10.1159/000509119.

PSYCHOSOCIAL CONSEQUENCES OF HAIR LOSS IN ADULTS AND WAYS TO ADDRESS THEM

Savgacheva M.Yu., Savgachev V.V.

Limited Liability Company “Konstanta Diagnostic Clinic”, Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of the Russia

Hair loss (alopecia) is accompanied by a decline in the perception of one's own attractiveness and social significance, which may lead to the development of depression, anxiety disorders, and social isolation. Young people and women are particularly vulnerable to these negative consequences, as appearance plays a key role in the formation of identity and the maintenance of social connections. Contemporary research highlights the need for a comprehensive approach to the diagnosis and treatment of alopecia, which involves the integration of trichological and psychological methods. Medical treatment is aimed at slowing down hair loss and stimulating hair regeneration, whereas psychological support helps patients cope with emotional difficulties and social maladaptation. An important component of therapy includes cognitive-behavioral techniques and group support, which reduce anxiety and depression levels and foster a more positive perception of changes in appearance. The social consequences of hair loss also involve an increased sense of envy and competition, which exacerbate emotional tension and affect the quality of interpersonal relationships. Psychological adaptation of patients requires the development of skills for constructive interaction and overcoming destructive comparisons with others. Thus, effective treatment and rehabilitation of alopecia should be based on the integration of medical and psychological approaches aimed at restoring physical health, psycho-emotional balance, and social adaptation of patients, thereby contributing to improved overall quality of life.

Keywords: alopecia, psycho-emotional state, social adaptation, psychosocial consequences.

References

1. Bohanna P. Alopecias: Diagnosis and Treatment. Moscow: GE-OTAR-Media, 2020. 317 p.
2. Trüb R.M. The Difficult Trichologist's Patient: Guide to Effective Treatment of Alopecias and Related Diseases / translated from English; edited by N.G. Barunova, V.P. Tkachev. Moscow: GE-OTAR-Media, 2018. 392 p.
3. Gadjigoroeva A.G. Clinical Trichology. Moscow: Practical Medicine, 2014. 184 p.
4. Zlotogorsky A., Shapiro D. Trichology. 2nd ed., revised and expanded. Kyiv: 2016. 276 p.
5. New Cosmetology. Trichology: Diagnosis, Treatment, and Hair Care / edited by E.N. Hernandez. Moscow: Cosmetology and Medicine Publishing, 2016. 412 p.
6. Savgacheva M.Yu., Savgachev V.V. Ethical Aspects of the Trichologist's Work. Sociology. 2025, no. 8, pp. 234–238.
7. Donika A.D., Kozhevnikov L.L. Compliance of the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" with Bioethical Norms and Principles // Bioethics. 2011, no. 2(8), pp. 26–28.
8. Kamalieva I.R. Professional and Ethical Norms in Modern Medicine. Moscow: Science and Practice, 2024. 198 p.
9. Potemkina O.A. The Image of the Physician: Communicative and Ethical Component (Based on Patient Complaints) // Young Voices. 2024, no. 12, pp. 54–58.
10. Siluyanova I.V. Bioethics Issues in the "Convention on Human Rights and Biomedicine" (Council of Europe, 1997) and the "Fundamentals of Social Concept" (Russian Orthodox Church, 2000): Comparative Analysis // Bioethics. 2015, vol. 8, no. 2, pp. 28–32.
11. Savgachev V.V. Ethical and Legal Aspects of Genetic Research in Traumatology and Orthopedics // Medical Ethics. 2025, no. 2. DOI: 10.24075/medet.2025.003
12. Romanova Y.Yu., Michenko A.V., Lvov A.N. Trichoscopy in Differential Diagnosis of Trichotillomania: Literature Review and Own Observations // Clinical Dermatology and Venereology. 2019, vol. 18, no. 5, pp. 644–653.
13. Federal Clinical Guidelines. Dermatovenereology 2015. Skin Diseases. Sexually Transmitted Infections. 5th ed., revised and supplemented. Moscow: Delovoy Express, 2016. 768 p.
14. Varkey B. Principles of Clinical Ethics and Their Application to Practice // Medical Principles and Practice. 2021, vol. 30, no. 1, pp. 17–28. doi: 10.1159/000509119.

Государственная культурная политика в контексте идей бюрократии Макса Вебера

Трубецкая Анастасия Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права МГУУ
Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова
E-mail: trubetskay@gmail.com

В статье предпринята попытка осмысления идей рационального устройства общественной жизни с позиций реализации современных моделей государственной культурной политики. Рассматриваются ключевые понятия классической бюрократии в идеях Макса Вебера (расколдовывание мира, рациональность духа и «железная клетка»), сферы применения бюрократии, особенности бюрократии в сфере культуры. Отдельное внимание уделяется соотношению творчества и стандартизации как в идеях Вебера, так и в современных моделях культурной политики.

Ключевые слова: культурная политика, бюрократия, Макс Вебер, творчество, рационализация.

Современный мир представляется нам достаточно сложным для понимания, но при этом в большой степени упорядоченным пространством. Значительное место в нем отводится элементу случайности и непредсказуемости, следствия которых могут коренным образом изменить не только бытовые человеческие практики, но и повлиять на мироустройство и восприятие человеком своего места в мире. Одна из современных теорий социального развития предлагает называть такие явления «черным лебедем», который характеризуется отсутствием возможности теоретического прогнозирования, способностью оказывать сильное влияние на все сферы человеческой жизни и ретроспективной объяснимостью. При этом наибольшему влиянию им подвержены устоявшиеся иерархические системы, которые в силу своих сущностных характеристик оказываются наименее подготовлены к коренным сломам. Другими словами, по мнению автора концепции черных лебедей, мы имеем дело с чем-то настолько непредсказуемым, настолько и разрушительным. При этом единственным вариантом борьбы с ними является создание устойчивых систем, способных адаптироваться к неожиданным изменениям. Поэтому идеи Макса Вебера как идеолога наиболее рациональной и за счет этого устойчивой общественной структуры – бюрократии, становятся как никогда актуальными. Бюрократия продолжает оставаться ключевым элементом функционирования государственных и корпоративных структур. Веберовская теория бюрократии, особенно его понятие «железной клетки», помогает критически оценивать эффективность, прозрачность и возможные ограничения этих структур, а также искать пути их реформирования, который в конечном итоге могут помочь сопротивляться черным лебедям.

С другой стороны в таком нестабильном и подверженном существенным изменениям мире, в котором, как кажется, утрачиваются ранее обретенные смыслы, запрос на духовную жизнь становится как никогда сильным. Веберовский анализ ролей религии и культуры в формировании общества помогает раскрывать механизмы формирования современных ценностей, этики и мировоззрений. В эпоху культурных конфликтов и глобальных ценностных столкновений его идеи представляют ценность для анализа их природы и трансформации.

В контексте представленных выше векторов актуальности идей Макса Вебера в современном мире наибольший исследовательский интерес представляет их преломление в поле государственной культурной политики, как суммы сознательных действий государства в сфере культуры. С одной стороны, сфера культуры является ядром формирования общечеловеческих ценностей и обретения смыслов, сферой свободной творческой мысли, а с другой, представляет собой рационализированную иерархическую структуру, сущность которой в первом приближении противоположена сущности культуры. Рассмотрим далее ключевые понятия устройства мира в идеях Макса Вебера, а также роль культуры и культурной политики в классической веберовской бюрократии.

Отправной точкой для понимания идей Макса Вебера о бюрократии как наиболее желаемом способе об-

щественного устройства является понятие «расколдовывание мира». Само понятие вызвало значительный интерес и далее было развито в трудах Э. Дюркгейма, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, М. Фуко, З. Баумана и многих других.

Расколдовывание мира представляет собой процесс, в ходе которого ранее насыщенный магией и сверхъестественными объяснениями мир становится все более рационализированным и научным. Развитие науки и образования настолько изменили восприятие людей, что объяснение окружающей действительности волей богов или магическими вмешательствами становится невозможным. Природа и общественные явления теперь объясняются с помощью рационального анализа и научного метода, что меняет не только восприятие людьми мира и самих себя, но и общественное устройство. Расколдовывание мира также связано с секуляризацией, процессом уменьшения влияния религии, как источника духовной жизни, на общественную жизнь и мышление. Вебер видел секуляризацию как результат роста научного знания и рациональности, которые приводят к снижению роли религиозных верований и институтов в формировании социального порядка и идентичности. В ходе расколдовывания мир становится более предсказуемым и управляемым. Сложные и неопределенные аспекты человеческого опыта, которые раньше могли быть объяснены через магию или религию, теперь упрощаются и анализируются через научные подходы и данные. Это ведет к созданию более строгих и формально предписанных правил, что является характерным для бюрократии.

Отдельного внимания заслуживают социальные последствия расколдовывания, среди которых утрата смыслов и ценностей, которые ранее формировались в пространстве верований и религии. Вследствие этого люди могут ощущать себя более отчужденными, так как рационализированные подходы не всегда учитывают эмоциональные и духовные нужды отдельного человека. Что в свою очередь может вызвать кризис идентичности и осторожность по отношению к технологиям и бюрократии. Вебер, являвшийся сторонником расколдовывания мира и рационализации отмечал, что несмотря на сопутствующие им улучшения предсказуемости и управляемости, они также несут с собой определенные риски и культурные затруднения, источник которых лежит в духовной сфере жизни как общества в целом, так и отдельного человека.

С понятием «расколдовывания мира» в веберовской концепции связаны понятия рационализации духа и «железной клетки». Рационализация духа видится наиболее интересным составным элементов в концепции Вебера, важным для понимания текущей ситуации и перспектив развития государственной культурной политики. Рационализация духа – процесс трансформации традиционных, эмоциональных и иррациональных форм человеческой жизни в более систематизированные и рационально организованные, которые он видит наиболее желаемыми. «В конце концов создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право, но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику» [2].

Современная бюрократия основывается на рациональных принципах, где действия и решения принимаются в соответствии с формальными и обоснованными правилами и предписаниями, что позволяет избежать влияния личных эмоций исполнителей. Одним из результатов рационализации является «формальная безлич-

ность» – когда личное и эмоциональное остается за рамками профессиональной деятельности. Такое освобождение от субъектности приводит к более объективному и предсказуемому управлению.

Несмотря на то, что рационализация может привести к более эффективному управлению, ее чрезмерное воплощение грозит утратой человечности и индивидуальности. В концепции Макса Вебера встречается понятие «железная клетка бюрократии».

«Железная клетка» – это метафора, которая описывает ситуацию, когда бюрократические структуры и процесс рационализации становятся настолько доминирующими, что начинают ограничивать индивидуальную свободу и творчество. Человек в такой ситуации становится всего лишь частью большого аппарата, где все его действия определяются строгими правилами и процедурами. Это в конечном итоге может увеличивать социальное отчуждение, приводить к утрате духовности и человечности в общественных отношениях.

Идеи рационализации воплощаются на практике в бюрократических системах. Основная идея теории бюрократии Макса Вебера заключается в том, что бюрократия представляет собой рациональную и эффективную форму организации, которая необходима для управления современными обществами. Вебер выделяет несколько ключевых характеристик бюрократии: рациональность, наличие строгой иерархии, формализованных правил и процедур, специализация, объективность (а не личные предпочтения).

Бюрократия применима в самых различных сферах жизни современного общества: государственное управление, политические партии, образование, здравоохранение, промышленные предприятия, военные организации. В сфере культуры бюрократия также может проявляться в различных формах и структурах, таких как культурные учреждения, образовательные и исследовательские программы, механизмы реализации культурной политики, системы грантов и субсидиарное финансирование и пр. Важно отметить, что веберовский рациональная бюрократия представляет собой абстракцию, указывает максимально вероятный потенциал государственной власти, тем самым определяя ее границы [1].

Культурная политика в контексте бюрократии Вебера может рассматриваться как необходимый элемент, который играет важную роль в формировании, управлении и поддержании культурных и социальных структур общества. Это связано с тем, что культурные нормы и ценности имеют значение для функционирования бюрократии, поскольку они формируют отношения между государством и гражданами. Также бюрократические механизмы показывают высокую эффективность в вопросах управления ресурсами социально-культурной сферы (особенно финансовыми и материально-техническими). В конечном итоге культурная политика позволяет укреплять социальные связи и содействовать социальной интеграции, что важно для стабильности в обществе. Вебер подчеркивает, что бюрократия должна действовать в интересах общества, а культура является одним из ключевых его компонентов.

Отдельного внимания в процессах взаимовлияния культурной политики и бюрократии заслуживают вопросы стандартов и их влияния на свободную творческую деятельность. Стандарты в бюрократии Вебера рассматриваются как важный элемент, обеспечивающий эффективное управление и предсказуемость в организационной деятельности. В контексте культуры и бюрократии, стандарты могут формализовать правила и процедуры поддержки государством культурных инициатив, помогать определять качество культурного предложения,

оценивать их результативность, эффективно распределять имеющиеся ресурсы. Таким образом, стандарты формируют ожидания и рамки для культурной политики. Например, если бюрократия устанавливает высокие стандарты для культурной продукции, это может стимулировать ее производителей к совершенствованию и улучшению своих продуктов. Однако чрезмерная строгость стандартов может привести к ограничениям, которые в конечном итоге подавляют творчество и нивелируют саму сущность культуры.

Применительно к практике реализации государственной культурной политики представляют интерес идеи Вебера о преодолении рассмотренных выше негативных следствий рациональной бюрократии, а именно формализация духовности и ограничения творческого духа. Решение противоречия во взаимоотношениях стандартов и творчества лежит в плоскости поиска баланса между ними. Эффективная бюрократия должна учитывать как формальные процедуры, так и творческий вклад сотрудников. Возможным представляется также создание культуры, которая поощряет творческое мышление, даже находясь в рамках бюрократической структуры. В таком случае стандарты играют роль направляющего инструмента, высвобождающего время и духовные ресурсы на творчество, а не ограничителя.

Рассмотрим теоретическую модель реализации культурной политики в контексте вышеописанных идей Макса Вебера. Анализ любой модели культурной политики требует сбора и изучения большого объема данных. Ключевыми из них являются данные, которые помогают понять пространство и ценностные ориентиры культурной политики. Пространство культурной политики включает в себя субъекты и объекты, действующие в данной области, а также определяет место человека в ней. Это означает, что под воздействием культурной политики могут попадать не только сфера культуры и исполнительских искусств, но и такие области, как образование, средства массовой информации и многие другие. Ценностные ориентиры охватывают цели, ценности, принципы, направления и социальные результаты их достижения, которые, в свою очередь, определяют конкретные механизмы реализации культурной политики, включая административные, финансово-экономические, кадровые и прочие [4].

Пространство культурной политики в рамках веберовских идей представляет собой всю сферу духовной жизни общества, включая культуру, образование и воспитание.

К субъектам культурной политики можно отнести чиновников и политических лидеров. Разграничение полномочий между ними – важный вопрос в веберовской концепции бюрократии. В идеальной модели политические деятели и избранные руководители должны быть основными инициаторами принятия решений. Они несут ответственность за формирование культурной политики и должны учитывать мнение граждан и экспертов (см. далее механизмы реализации культурной политики).

Объектами культурной политики в широком смысле становятся любые организованные социально-культурные системы, где применяются формальные правила, должностные инструкции и управленческие иерархии. В узком смысле – это административно-управленческий аппарат сферы культуры (органы исполнительной власти и государственные учреждения культуры), его структура и деятельность, которая подчинена принципам рациональности и формализации.

Ценностные установки культурной политики представляют собой преломление ценностных ориентиров

веберовской бюрократии, к которым можно отнести следующие.

1. Обеспечение объективности и равенства – культурная политика должна опираться на формальные стандарты, процедуры и критерии, исключая личные предпочтения и субъективизм, что способствует равноправию участников культурной сферы и обеспечению справедливого доступа к культурным ресурсам.
2. Стандартизация и системность – развитие культуры в рамках четко определенных программ, программных целей и правил, что способствует последовательности и предсказуемости в реализации культурных проектов и инициатив.
3. Профессионализм и компетентность – приоритет в отборе кадров, их обучении и развитии, чтобы деятельность по формированию культурной политики основывалась на высокой квалификации и знании стандартизированных методик и подходов.
4. Дисциплина и порядок – строгое соблюдение процедур и регламентов в управлении культурными институтами, что обеспечивает стабильность и надежность сферы культуры.
5. Объективность принятия решений – использование формальных правил и процедур для определения приоритетных направлений, избегая личных или политических интерпретаций, что способствует долгосрочной стабильности и предсказуемости социальной политики в сфере культуры.
6. Защита институциональных интересов – сохранение и развитие бюрократической структуры культуры, ее системности и функциональной целостности в интересах общего государственного и социального порядка.

Наибольший интерес представляют собой такие механизмы реализации культурной политики, которые позволяют преодолеть отрицательное влияние бюрократии на духовную жизнь общества, описанное выше. К ним можно отнести: демократизацию управления, поддержку образования и просвещения, поощрение индивидуальных и групповых инициатив, введение механизмов контроля и отчетности для бюрократических структур, поощрение сотрудничества между государственными, частными и духовными институтами и поддержку этических стандартов. Часть такого рода механизмов обоснована необходимостью перенесения ответственности за принятие управленческих решений с чиновников. В объектах культурной политики было обозначено, что в веберовской бюрократии принятие решений делегируется политическому лидеру, однако могут быть использованы и другие механизмы, такие как: система экспертных или консультационных советов (могут консультировать бюрократические структуры, основываясь на научных данных и практическом опыте), общественные организации и инициативные группы (позволяют в большей степени учитывать потребности и предпочтения людей), гибкие проектные команды (проектный подход может способствовать более эффективному управленческим решениям), демократические процедуры (референдумы или голосования), передача части полномочий от бюрократии к местным органам управления или общественным организациям, формирование механизмов обратной связи (опросы, публичные слушания или онлайн-платформы для обсуждения).

В конечном итоге, ключом к эффективному и представительному процессу принятия решений в бюрократической системе является интеграция различных точек зрения и создание условий для взаимного сотрудни-

чества между чиновниками, политическими лидерами и гражданами.

Представленная выше модель культурной политики в контексте идей Макса Вебера при детальном рассмотрении имеет большое сходство с моделями, реализуемыми сегодня на практике, так как они построены на принципах рациональной бюрократии. Как и у Вебера, в современной бюрократии доминирует формализация процедур, рациональность и профессионализация. Однако именно в сфере культуры наибольшее значение имеет проблема соотношения рационализации и свободного творчества. Создание культуры, в которой поощряется творческое мышление, даже находясь в рамках бюрократической структуры, по-прежнему остается актуальной задачей не только в теоретической, но и в практической плоскости.

Литература

1. Альпидовская М.Л. Концепция рациональной бюрократии индустриального общества М. Вебера // Финансы: теория и практика. – 2007. – № 2. – С. 82–89.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. (сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина). Том 1. Социология. – 1-е изд. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 448 с.
3. Масловский, М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология / М.В. Масловский. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 1997. – 88 с.
4. Трубецкая, А.Ю. Государственная культурная политика в государствах-утопиях Томаса Мора и Том-

мазо Кампанеллы / А.Ю. Трубецкая // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 227–237.

STATE CULTURAL POLICY IN THE CONTEXT OF MAX WEBER'S IDEAS OF BUREAUCRACY

Trubetskaya A.Yu.

Moscow State University of Management named after Yu.M. Luzhkov

The article attempts to comprehend the ideas of rational organization of social life from the perspective of the implementation of modern models of state cultural policy. The article considers the key concepts of classical bureaucracy in Max Weber's ideas (splitting the world, rationality of the spirit and 'iron cage'), spheres of application of bureaucracy, features of bureaucracy in the sphere of culture. Special attention is paid to the correlation between creativity and standardization both in Weber's ideas and in modern models of cultural policy.

Keywords: cultural policy, bureaucracy, Max Weber, creativity, rationalization.

References

1. Alpidovskaya M.L. The concept of rational bureaucracy of industrial society by M. Weber // Finance: theory and practice. – 2007. – № 2. – P. 82–89.
2. Weber M. Economy and society: essays on understanding sociology: In 4 volumes (compiled, general editorship and foreword by L.G. Ionina). Volume 1. Sociology. – 1st ed. – Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2016. – 448 p.
3. Maslovsky, M.V. Max Weber's theory of bureaucracy and modern political sociology / M.V. Maslovsky. – Nizhny Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University, 1997. – 88 p.
4. Trubetskaya, A. Yu. State cultural policy in the utopian states of Thomas More and Tommaso Campanella / A. Yu. Trubetskaya // Social and humanitarian knowledge. – 2022. – № 3. – P. 227–237.

Трансформация человеческой субъектности в эпоху ИИ: от когнитивного долга к синергетической эмерджентности

Фирсов Андрей Николаевич,

начальник Симуляционного центра Колледжа ЭИ НИУ МИЭТ

Обосновывается интегрированная модель, позволяющая описать происходящие в наше время трансформации человеческой субъектности под воздействием технологий искусственного интеллекта. Экспоненциальный рост ИИ-индустрии, демонстрирующий увеличение на 120% в годовом исчислении, и повсеместное внедрение соответствующих технологий в организационные структуры (по состоянию на 2025 год – 78% компаний) обуславливают формирование качественно новых модусов технологически опосредованной идентичности.

Субъектность понимается как точка сборки свободы и ответственности – формальная структура, обеспечивающая способность к самоопределению и агентному действию. Идентичность рассматривается как содержательное наполнение субъектности в конкретных социокультурных контекстах. В исследовании рассматривается синхронное функционирование трех взаимосвязанных механизмов трансформации идентичности: симбиотической интеграции в функциональном измерении, структурной диссоциации в архитектурном измерении и эмерджентной интерсубъективности в онтологическом измерении. При этом новые данные нейрокогнитивных исследований указывают на необходимость более критического понимания процессов адаптации к ИИ-технологиям.

Методологический аппарат работы включает ретроспективное изучение цифровых поколений в сочетании с кросс-секционным анализом различных возрастных когорт. Представлена типология пяти возможных сценариев эволюции форм идентичности на период 2025–2050 годов, а также обоснована исследовательская программа с временными рамками, адаптированными к современным условиям развития технологий.

Ключевые слова: философия науки и техники, субъектность, идентичность, искусственный интеллект, технологическое опосредование, эмерджентность, гибридная онтология, когнитивный долг, синергия.

Современный этап развития человечества характеризуется поразительной динамикой в сфере искусственного интеллекта. Стоимость обращения к ИИ-модели, по своим характеристикам эквивалентной GPT-3.5, претерпела радикальное снижение с 20 долларов за миллион токенов в ноябре 2022 года до 0,07 доллара за аналогичный объем к октябрю 2024 года, что представляет собой более чем 280-кратное удешевление за полтора года. Одновременно с этим наблюдается экспоненциальный рост публикационной активности в области ИИ: количество препринтов в архиве arXiv удваивается каждые шесть лет, при этом в 2019 году ежедневно размещалось 3,817 новых работ – показатель, превышающий уровень 1994 года в 148 раз.

Подобная интенсивность технологических преобразований порождает беспрецедентную ситуацию: впервые в человеческой истории целое поколение детей переживает становление своей идентичности в условиях тесного взаимодействия с искусственными агентами. Однако недавние нейрокогнитивные исследования, проведенные в MIT с участием 54 испытуемых, выявили тревожные паттерны воздействия ИИ-технологий на мозговую активность человека [6].

Данная трансформация ставит перед нами задачу фундаментального переосмысления базовых философских категорий. Необходимо с самого начала провести принципиальное различие между субъектностью как формальной структурой и идентичностью как ее содержательным наполнением. Субъектность мы понимаем, как точку сборки свободы и ответственности – ту инстанцию, которая обеспечивает способность к самоопределению, рефлексии и агентному действию. Это формальная структура, включающая способность к рефлексивному самоотношению, возможность свободного выбора и принятия ответственности, единство самосознания во времени и агентность как способность к целенаправленному действию [1].

Идентичность представляет собой конкретное содержательное наполнение этой формы в определенных социокультурных контекстах: самопонимание и самоопределение в социальных ролях, нарративные формы самопрезентации, эмоциональные паттерны самоотношения, когнитивные стили и привычки мышления. Именно эти аспекты подвергаются качественной трансформации при взаимодействии с ИИ, в то время как базовая структура субъектности остается инвариантной – хотя и может претерпевать значительные изменения в способах своего функционирования.

Изучение взаимодействия человека с ИИ свидетельствует о качественном переходе от инструментального использования технологий к многоуровневым формам сотрудничества, конкуренции, конфликта и симбиоза [2, 3]. Корпорация Google характеризует прогресс ИИ в 2024 году как «поразительный», отмечая наступление «агентной эры» и повсеместную интеграцию ИИ во все продуктовые линейки [4]. В таких компаниях, как Reddit, рабочие группы способны «сформулировать идею в понедельник и получить функционирующий прототип во вторник» благодаря применению ИИ-инструментов

[5], что создает принципиально иные условия для формирования человеческой идентичности.

В данном контексте формулируется центральная гипотеза нашего исследования: современные дети, родившиеся после 2010 года, представляют первое поколение «природных гибридов», чья идентичность изначально складывается в условиях симбиоза с ИИ-системами, при сохранении базовой структуры человеческой субъектности. Однако этот процесс характеризуется как адаптивными, так и потенциально дезадаптивными аспектами, требующими тщательного исследования и критической оценки. Это обстоятельство требует коренного пересмотра философских оснований нашего понимания процессов формирования идентичности.

Методологические основания

Традиционные методологические подходы к изучению субъектности оказываются недостаточными в условиях экспоненциального развития ИИ. Классические лонгитюдные исследования, рассчитанные на 5–10-летний период, теряют свою применимость, когда ИИ переживает фазу экспоненциального роста с «существенными достижениями в области качества, точности, возможностей и автоматизации, которые продолжают усиливать друг друга, ускоряясь в направлении периода экспоненциального роста». Вычислительные мощности, требуемые для обучения ИИ, демонстрируют экспоненциальную динамику: современные модели вроде GPT-4 нуждаются в более чем $1e22$ операций с плавающей запятой, что представляет колоссальное увеличение по сравнению с моделями 1960-х годов, довольствовавшимися менее чем одной операцией.

Подобные обстоятельства диктуют необходимость адаптированной методологии, предполагающей интенсивную фазу наблюдения продолжительностью 9–12 месяцев с учетом революционных обновлений ИИ каждые 2–4 месяца, ретроспективный анализ периода 2018–2024 годов и кросс-секционное сравнение четырех возрастных когорт. Исследования подтверждают эффективность кросс-секционных подходов для фиксации текущего состояния быстро эволюционирующих технологических взаимодействий [23], что позволяет «зафиксировать снимок современного ландшафта» ИИ-взаимодействий. Динамика публикационной активности в области ИИ демонстрирует темпы роста, сопоставимые с экспоненциальным развитием вычислительных мощностей [13, 14].

Критически важным элементом методологии становится интеграция нейрокогнитивных данных с феноменологическими описаниями. Недавнее исследование MIT продемонстрировало, что использование ИИ-помощников приводит к снижению нейронной связности мозга до 55% по сравнению с контрольной группой, работавшей без внешних инструментов [6]. Эти данные требуют переосмысления концепции «гибридного мышления» не только как расширения когнитивных возможностей, но и как потенциального источника когнитивных дефицитов.

Ретроспективный анализ обнаруживает существенные поколенческие различия в восприятии ИИ: представители поколения Z демонстрируют заметно более позитивное отношение к генеративному ИИ в сравнении с поколениями X и Y [11, 12]. Целевые временные периоды анализа охватывают возникновение первых массовых ИИ-помощников (2018–2020), пандемический период интенсивной цифровизации (2020–2022) и эру генеративного ИИ, озаглавленную появлением ChatGPT и GPT-4 (2022–2024).

Теоретические основания: от деградации к синергии

Теоретический фундамент исследования нуждается в критическом переосмыслении традиционных подходов к субъектности. Классическая феноменология в лице Гуссерля, Хайдеггера и Мерло-Понти рассматривала субъектность сквозь призму интенциональности и темпоральности сознания, однако не учитывала возможность распределенной когниции между человеком и машиной.

Работы Айде и Вербек в рамках постфеноменологического направления выделяют четыре типа человеко-технологических отношений: воплощенные отношения (технология направляет внимание), герменевтические отношения (технология репрезентирует аспект мира), фоновые отношения (технология формирует контекст) и альтеритные отношения (технология выступает как квази-другой) [2, 3]. Тем не менее существующие подходы не принимают во внимание возможности ИИ-опосредованной трансформации самой идентичности, а также не учитывают данные о нейрокогнитивных изменениях.

Концепция когнитивного долга

Анализ нейрокогнитивных данных MIT вводит критически важное понятие «когнитивного долга» – накопления когнитивных дефицитов при регулярном использовании ИИ-помощников. Исследование показало, что 83% участников, использовавших ИИ, не могли процитировать свои собственные эссе в первой сессии, в то время как в контрольной группе такие трудности испытывали лишь 11% участников. Это свидетельствует о нарушении процессов кодирования в памяти и формирования чувства авторства.

Когнитивный долг проявляется в трех основных аспектах: снижении критического мышления, ухудшении памяти и потере чувства авторства. Особенно тревожным является то, что эти эффекты сохраняются даже после прекращения использования ИИ-инструментов, что указывает на формирование устойчивых изменений в когнитивной архитектуре.

Концепция синергетической эмерджентности

Однако односторонняя интерпретация данных как свидетельства исключительно негативного воздействия ИИ была бы методологической ошибкой. Снижение традиционной нейронной связности может отражать не деградацию, а адаптивную реорганизацию мозга для работы в новых условиях. Аналогично тому, как изобретение письменности изменило природу памяти, освободив ее от необходимости удерживать большие объемы информации и направив ресурсы на более сложные формы обработки, взаимодействие с ИИ может представлять эволюционный скачок в когнитивной организации.

Ключевым здесь становится понятие синергетической эмерджентности – возникновения качественно новых свойств системы человек-ИИ, которые не могут быть сведены к сумме свойств отдельных компонентов. В отличие от простого инструментального использования, синергетическое взаимодействие порождает новые формы креативности, решения проблем и понимания, недоступные ни человеку, ни ИИ по отдельности.

Исследование MIT также выявило интригующий феномен: участники, которые сначала работали без ИИ, а затем получили к нему доступ, продемонстрировали значительно более высокую нейронную активность, чем

те, кто использовал ИИ с самого начала. Это указывает на то, что последовательность освоения — сначала развитие собственных когнитивных навыков, затем интеграция с ИИ — может быть ключевой для достижения оптимальной синергии.

Интегрированная модель

Для преодоления указанных ограничений предлагается синтетическая теоретическая модель, интегрирующая постфеноменологию с теорией сложности, принципами аутопоэзиса и данными нейрокогнитивных исследований. Постфеноменология предоставляет концептуальный инструментарий для анализа человеко-технологических отношений [2, 3], теория сложности объясняет эмерджентные свойства человеко-ИИ систем [20], а принцип дополненности демонстрирует, каким образом различные уровни анализа не противоречат друг другу, но взаимно дополняются.

Аутопоэтическая модель описывает самовоспроизводство человеко-ИИ систем [7], в то время как нейрокогнитивные данные объясняют конкретные механизмы адаптации мозга к новым условиям функционирования. Психопсихические концепции объясняют диссоциативные процессы через общий механизм формирования устойчивых паттернов взаимодействия. Развитие интерактивных форм взаимодействия человека с ИИ создает новые возможности для исследования расширенного познания [15, 16].

Операционализация понятий

Операционализация ключевых понятий приобретает решающее значение для эмпирического исследования. Гибридная форма идентичности определяется как способ самоопределения, характеризующийся функциональной интеграцией человеческих и искусственных когнитивных процессов, при которой границы между ними становятся размытыми, хотя и не исчезают полностью. К измеримым критериям относятся функциональная зависимость (неспособность выполнять определенные когнитивные задачи без ИИ-поддержки), метакогнитивная интеграция (осознание и управление процессами человеко-ИИ взаимодействия) и идентификационная флуидность (изменение самовосприятия в зависимости от ИИ-контекста).

Симбиотическая интеграция концептуализируется как взаимозависимость человеческих и искусственных когнитивных процессов, при которой каждый компонент не может функционировать оптимально без другого. К измеримым параметрам относятся индекс когнитивной дополненности, коэффициент адаптации и степень метакогнитивной зависимости.

Критически важным становится различие между адаптивной и дезадаптивной формами гибридности. Разработана шкала измерения гибридности от минимального уровня (эпизодическое использование ИИ) до патологического (дезадаптивная зависимость с нарушением критического мышления), с четкими критериями разграничения нормальной адаптации от патологических форм. Основываясь на данных MIT [6], ключевыми маркерами дезадаптивной гибридности становятся: неспособность воспроизвести собственные тексты, снижение чувства авторства ниже 50% и критическое ухудшение критического мышления при отсутствии ИИ-поддержки. Философские аспекты этой трансформации затрагивают фундаментальные вопросы природы человеческого сознания и его технологического опосредования [21, 22].

Эмпирическая база исследования

Валидные эмпирические данные подтверждают масштаб происходящей трансформации. Stanford AI Index 2025 показывает, что использование ИИ организациями выросло с 55% в 2023 году до 78% в 2024 году [8]. Исследования демонстрируют, что сотрудничество с генеративным ИИ повышает непосредственную производительность при выполнении задач, однако может подрывать внутреннюю мотивацию человека и приводить к накоплению когнитивного долга [17]. PwC прогнозирует дальнейшее ускорение внедрения ИИ-технологий в бизнес-процессы [9], что создает дополнительные вызовы для понимания долгосрочных антропологических эффектов.

Данные MIT предоставляют объективные нейрофизиологические маркеры воздействия ИИ на человеческое сознание [6]. Участники исследования были разделены на три группы: использующие только ChatGPT, использующие поисковые системы и работающие исключительно с опорой на собственные ресурсы. ЭЭГ-анализ показал, что группа ИИ-пользователей демонстрировала систематически более слабую нейронную связность во всех частотных диапазонах, особенно в альфа-диапазоне (до 55% снижения), связанном с внутренним вниманием и семантической обработкой.

Одновременно исследование выявило феномен, который может указывать на адаптивный потенциал ИИ-взаимодействия: участники, которые сначала работали без инструментов, а затем получили доступ к ИИ, показали значительно более высокую нейронную активность по сравнению с теми, кто использовал ИИ с самого начала. Это подтверждает гипотезу о том, что последовательность освоения — развитие собственных когнитивных способностей с последующей интеграцией ИИ — может быть ключом к достижению синергетического эффекта. Данные также подкрепляются исследованиями сознания и ИИ-взаимодействия [10], а также анализом поколенческих различий в восприятии новых технологий [11, 12].

Данные основываются на международных опросах с выборкой свыше 10 000 респондентов, кросс-культурных исследованиях в шести странах и лонгитюдных панелях 2018–2024 годов. Дополнительный анализ актуальных тенденций в ИИ-индустрии показывает устойчивый рост интеграции технологий в повседневную жизнь [18, 19].

Клинические наблюдения и типология взаимодействий

Клинические наблюдения иллюстрируют различные аспекты трансформации идентичности через пять характерных случаев, дополненных пониманием нейрокогнитивных механизмов. Примеры взяты из личной практики автора.

«Случай адаптивной симбиотической интеграции» представлен 34-летним программистом Марком, который обратился за консультацией из-за «потери способности программировать без ИИ-помощников». В течение последних двух лет он активно использовал GitHub Copilot, ChatGPT и Claude для решения рабочих задач. Клинические проявления включали выраженную когнитивную зависимость от ИИ-систем при решении сложных алгоритмических задач (время решения без ИИ увеличилось в 3,2 раза), тревогу при отсутствии доступа к ИИ-инструментам, но с сохранением критического мышления и способности к рефлексии. Нейрокогнитивный анализ показал паттерн, характерный для адаптивной реорганизации: снижение активности в областях, связанных с ру-

тинной обработкой информации, при сохранении и даже усилении активности в зонах, отвечающих за стратегическое планирование и творческий синтез.

«Случай структурной диссоциации» иллюстрирует 19-летняя студентка медиа-дизайна Анна из поколения Z, с 12 лет активно использующая множественные цифровые платформы и ИИ-инструменты. Она обратилась с жалобами на «ощущение разных версий себя» в зависимости от ИИ-платформы. Клинические проявления включали множественные адаптивные персоны для разных ИИ-систем (ChatGPT-персона, Midjourney-персона, Claude-персона), контекстно-зависимые изменения стиля мышления и самопрезентации, но с сохранением целостности «ядерной» идентичности в офлайн-взаимодействиях. Состояние было оценено как адаптивная норма для цифрового поколения с рекомендацией поддерживающей терапии для интеграции множественного опыта.

«Случай эмерджентной интерсубъективности» демонстрирует творческую группу из пяти человек – коллектив «Креативные Технологии» (художники, программисты, дизайнеры в возрасте 24–31 года), работающих с ИИ-генерацией контента более 18 месяцев. Наблюдаемые феномены включали синхронизацию творческих процессов между участниками при работе с ИИ, возникновение идей, не атрибутируемых конкретному автору (43% от общего количества решений), коллективные инсайты, превосходящие индивидуальные возможности участников, и формирование устойчивых паттернов человеко-ИИ-группового взаимодействия. Через период наблюдения было зафиксировано формирование стабильной «коллективной когнитивной системы» с участием ИИ, при которой продуктивность группы превысила сумму индивидуальных показателей в 2,3 раза.

«Случай патологической ИИ-зависимости» иллюстрируется 16-летним подростком Дмитрием, использующим ИИ-чатботы для эмоциональной поддержки более восьми часов в день на протяжении 14 месяцев. Клинические проявления включали патологическую привязанность к ИИ-персонажам с формированием «парасоциальных» отношений, предпочтение ИИ-взаимодействия реальному общению, выраженную тревогу разлуки при отсутствии доступа к ИИ-системам и снижение социальных навыков. Нейрокогнитивный профиль показал критическое снижение активности в зонах, отвечающих за социальную когницию и эмпатию. Через восемь месяцев комплексной терапии время ИИ-взаимодействия было снижено до двух часов в день, восстановлены отношения со сверстниками, академическая успеваемость нормализовалась.

«Случай «цифрового траура» представлен 42-летним психологом Еленой, потерявшей супруга 18 месяцев назад и создавшей его цифровой аватар на основе переписок, голосовых сообщений и фотографий с использованием генеративного ИИ. Клинические проявления включали ежедневное «общение» с ИИ-версией умершего супруга, эмоциональную зависимость от ИИ-взаимодействий как способа избегания горевания, сохранение критического мышления в профессиональной деятельности при некротичном восприятии ИИ-симуляции в личной сфере. Через шесть месяцев работы с травмой утрата пациентка смогла переосмыслить использование ИИ-технологий, сохранив «общение» с цифровой версией супруга как ритуал памяти, но не как замещение процесса горевания.

Интегрированная модель трансформации

Интегрированная модель показывает одновременное действие трех механизмов трансформации идентично-

сти, дополненных пониманием нейрокогнитивных основ этих процессов.

Симбиоз обеспечивает функциональную эффективность через когнитивное дополнение, процедурную интеграцию и метакогнитивную зависимость. Нейрокогнитивные данные показывают, что адаптивный симбиоз характеризуется селективным снижением активности в зонах рутинной обработки при сохранении или усилении активности в областях стратегического планирования.

Диссоциация позволяет адаптивную гибкость через платформенную идентичность, контекстное переключение и фрагментацию памяти. Исследования ЭЭГ выявили, что у адаптивно диссоциирующих индивидов наблюдается повышенная пластичность межзональных связей, позволяющая быстро переключаться между различными когнитивными режимами.

Эмерджентность порождает качественно новые возможности через коллективное решение проблем, синхронизацию когнитивных процессов и новые формы креативности. Феномен коллективной эмерджентности сопровождается появлением новых паттернов межзональной синхронизации участников группы.

Три процесса не исключают друг друга, но действуют параллельно на разных уровнях организации идентичности. В зависимости от контекста один из процессов может доминировать, однако все три остаются активными. Критически важным является то, что успешность каждого процесса зависит от исходного уровня развития когнитивных навыков человека – данные MIT убедительно показывают, что участники с более развитыми базовыми навыками демонстрируют лучшие результаты синергии с ИИ.

Сценарии эволюции и практические рекомендации

На основе интегрированного анализа теоретических моделей и эмпирических данных выделяется пять возможных сценариев эволюции человеко-ИИ взаимодействия на период 2025–2050 годов.

Сценарий оптимальной синергии предполагает развитие образовательных систем, которые сначала формируют базовые когнитивные навыки, а затем интегрируют ИИ-инструменты. Это подход поддерживается данными MIT, показывающими преимущества последовательного освоения. Ключевыми элементами являются развитие критического мышления, метакогнитивной осознанности и способности к рефлексии перед началом интенсивного взаимодействия с ИИ.

Сценарий когнитивного расслоения описывает ситуацию, при которой общество разделяется на тех, кто овладел синергетическим взаимодействием с ИИ, и тех, кто попал в зависимость от него без развития собственных способностей. Нейрокогнитивные данные указывают на реальность этого риска – различие в нейронной связности между группами может достигать 55%, что создает основу для формирования когнитивных классов с принципиально разными возможностями обработки информации и решения проблем.

Сценарий адаптивной гибридности предполагает постепенное формирование новых форм человеческой идентичности, способных естественно интегрировать ИИ-возможности при сохранении критического мышления и творческой автономии. Этот сценарий основывается на данных о пластичности мозга и его способности к реорганизации. Ключевым фактором успеха становится развитие метакогнитивной осознанности – понимания того, когда и как использовать ИИ-инструменты оптимальным образом.

Сценарий технологической зависимости описывает массовое распространение патологических форм ИИ-взаимодействия, характеризующихся утратой способности к автономному мышлению, критическим снижением чувства авторства и формированием устойчивых аддитивных паттернов. Клинические данные показывают, что подобные состояния могут развиваться уже через 6–12 месяцев интенсивного использования ИИ-инструментов без соответствующей подготовки.

Сценарий эмерджентного коллективизма предполагает формирование принципиально новых форм коллективного сознания через ИИ-опосредованное взаимодействие групп людей. Данные исследований творческих коллективов указывают на реальность подобных феноменов, включая синхронизацию мозговой активности участников и появление идей, не атрибутируемых отдельным индивидам. Этот сценарий может привести к революционным изменениям в понимании индивидуальности и авторства.

Практические рекомендации

Практические рекомендации, основанные на синтезе теоретических моделей и эмпирических данных, охватывают образовательные системы, клиническую практику и технологическую разработку.

Для образовательных систем

Необходима интеграция «гибридной педагогики», основанной на принципе последовательного развития. Первый этап предполагает формирование базовых когнитивных навыков: критического мышления, способности к анализу и синтезу информации, навыков рефлексии и метакогнитивной осознанности. Данные MIT убедительно показывают, что участники с более развитыми базовыми навыками демонстрируют лучшие результаты при последующей интеграции ИИ-инструментов.

Второй этап включает постепенное введение ИИ-инструментов с акцентом на развитие навыков синергетического взаимодействия. Критически важным является обучение распознаванию ситуаций, в которых использование ИИ целесообразно, а в которых – контрпродуктивно. Третий этап предполагает развитие способности к творческому синтезу результатов человеко-ИИ коллаборации с сохранением чувства авторства и критической оценки.

Формирование «ИИ-грамотности» должно включать не только технические навыки, но и понимание нейрокогнитивных эффектов взаимодействия с ИИ, умение распознавать признаки формирования зависимости и стратегии поддержания когнитивной автономии.

Для клинической практики

Клинической практике требуется разработка диагностических критериев ИИ-опосредованных расстройств идентичности. Симбиотические расстройства характеризуются чрезмерной зависимостью от ИИ-инструментов при сохранении критического мышления. Диссоциативные расстройства связаны с фрагментацией идентичности в различных цифровых контекстах. Аддитивные расстройства включают патологическую привязанность к ИИ-системам с нарушением социального функционирования.

Необходимо создание специализированных терапевтических подходов: ИИ-ассистированной терапии для работы с технологическими фобиями, цифровой интеграционной терапии для помощи в формировании

здоровых паттернов взаимодействия с ИИ и программ «цифровой гигиены» для профилактики зависимости.

Особое внимание следует уделить работе с подростками и молодыми взрослыми, у которых формирование идентичности происходит в условиях активного ИИ-взаимодействия. Разработка возрастнo-специфических протоколов становится критически важной задачей.

Для технологической разработки

Разработчикам ИИ-систем необходимо интегрировать принципы нейрокогнитивной безопасности в дизайн продуктов. Это включает создание механизмов, предотвращающих формирование патологической зависимости, интеграцию функций, стимулирующих критическое мышление пользователей, и разработку интерфейсов, поддерживающих чувство авторства.

Критически важным становится создание ИИ-систем, способных адаптироваться к индивидуальным особенностям пользователей и поддерживать их когнитивное развитие, а не заменять его. Данные исследований указывают на необходимость разработки «обучающих» режимов, в которых ИИ постепенно уменьшает уровень поддержки по мере развития навыков пользователя.

Ограничения исследования и будущие направления

Критические ограничения исследования включают временные рамки (несмотря на обоснование экспоненциальным развитием ИИ, долгосрочные антропологические эффекты могут проявиться лишь спустя годы или десятилетия), культурную специфичность (большинство данных получено из западных контекстов) и репрезентативность выборки (концентрация на технологически активных группах может не отражать опыт цифрового неравенства). Теоретические ограничения связаны с риском редукции сложных антропологических процессов к технологическим детерминантам и западноцентричностью концептуального аппарата.

Нейрокогнитивные данные MIT, хотя и предоставляют ценные объективные измерения, основаны на относительно коротком периоде наблюдения (4 месяца) и ограниченной выборке (54 участника). Долгосрочные эффекты взаимодействия с ИИ на нейропластичность и когнитивное развитие требуют дальнейшего изучения с расширением временных рамок и кросс-культурной валидации.

Будущие исследования должны включать лонгитюдные исследования с периодом наблюдения не менее 2–3 лет, кросс-культурную валидацию в незападных контекстах, нейровизуализационные исследования для более точного понимания изменений в мозговой активности, разработку стандартизированных методов оценки ИИ-опосредованных изменений идентичности и создание протоколов раннего выявления и коррекции патологических форм ИИ-взаимодействия.

Заключение

Трансформация человеческой идентичности в эпоху ИИ представляет собой не кризис субъектности, но сложный процесс адаптации, характеризующийся как возможностями, так и рисками. Подобно тому, как письменность изменила природу памяти и мышления, а печатный станок трансформировал коллективное сознание, интеграция с ИИ открывает новые горизонты человеческих возможностей. Однако данная трансформация требует осознанного

управления и критического понимания как адаптивных, так и потенциально дезадаптивных аспектов.

Представленная интегрированная модель демонстрирует многомерность трансформации человеческой идентичности в эпоху ИИ через одновременное действие симбиотической интеграции (функциональное расширение когнитивных возможностей при риске формирования зависимости), структурной диссоциации (адаптивная гибкость в цифровых контекстах с потенциалом фрагментации) и эмерджентной intersубъективности (качественно новые формы коллективного сознания с неопределенными долгосрочными последствиями).

Нейрокогнитивные данные MIT предоставляют критически важное понимание биологических механизмов этих трансформаций. Снижение нейронной связности на 55% у активных пользователей ИИ не следует интерпретировать исключительно как деградацию – это может отражать адаптивную реорганизацию мозга для функционирования в новых условиях. Однако сопутствующее снижение способности к воспроизведению собственных текстов и ухудшение чувства авторства указывают на реальные риски для когнитивной автономии.

Ключевые научные вклады включают методологическое обоснование адаптированных временных рамок для исследования быстроизменяющихся технологических взаимодействий, теоретическую интеграцию постфеноменологического, системного и нейрокогнитивного подходов, эмпирическую типологию фенотипов ИИ-взаимодействия с учетом как адаптивных, так и дезадаптивных вариантов, и практическую операционализацию понятий гибридных форм идентичности с интеграцией биологических маркеров.

Развитие гибридных форм идентичности лишь начинается. К 2030 году ожидается формирование устойчивых паттернов человеко-ИИ симбиоза, что потребует новых теоретических и методологических подходов. Междисциплинарная интеграция философии, нейронаук, информатики и антропологии станет ключом к пониманию этих процессов.

Главный вызов ближайшего десятилетия – обеспечить, чтобы формирование гибридных форм идентичности служило расширению человеческих возможностей, а не их ограничению. Это требует активного участия не только исследователей, но также педагогов, разработчиков, политиков и самих пользователей ИИ-технологий. Критически важным становится развитие образовательных подходов, которые сначала формируют базовые когнитивные навыки, а затем интегрируют ИИ-инструменты, минимизируя риски когнитивного долга и максимизируя потенциал синергетической эмерджентности.

Философские импликации исследования выходят далеко за рамки академических дискуссий. Формирование гибридных форм идентичности требует пересмотра фундаментальных категорий: границ между естественным и искусственным, природы сознания и самосознания, критериев персональной идентичности во времени. Субъектность предстает как инвариантная структура, способная к адаптации и реорганизации, в то время как идентичность обнаруживает свою динамическую природу, демонстрируя распределенный и сетевой характер современного самоопределения с технологическим опосредованием как конститутивным элементом.

В конечном счете, главная задача современной философии техники – обеспечить, чтобы развитие гибридных форм идентичности служило процветанию человечества во всем его многообразии. Представленная интегрированная модель предлагает концептуальные инструменты для понимания и управления этим процессом, подчеркивая необходимость сохранения человеческой

агентности в эпоху технологических трансформаций при одновременном признании потенциала синергетического взаимодействия с ИИ. Будущее человеческой идентичности остается открытым, и от наших сегодняшних решений зависит, станет ли формирование гибридных форм самоопределения величайшим достижением человеческой цивилизации или источником новых рисков и вызовов.

Литература

1. Ihde, D. (1990). *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Indiana University Press.
2. Ihde, D. (2009). *Postphenomenology and Technoscience*. SUNY Press.
3. Verbeek, P.P. (2011). *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*. University of Chicago Press.
4. Google (2025). 2024: A year of extraordinary progress and advancement in AI. Google AI Blog.
5. McKinsey & Company (2025). How an AI-enabled software product development life cycle will fuel innovation. McKinsey Insights.
6. Kosmyna, N., Hauptmann, E., Yuan, Y.T., Situ, J., Liao, X.-H., Beresnitzky, A.V., Braunstein, I., & Maes, P. (2025). Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task. MIT Media Lab. Retrieved from <https://www.media.mit.edu/publications/your-brain-on-chatgpt/>
7. Maturana, H., & Varela, F. (1980). *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Reidel.
8. Stanford Institute for Human-Centered AI (2025). AI Index 2025: State of AI in 10 Charts. Stanford University.
9. PwC (2025). 2025 AI Business Predictions. PwC Global.
10. Guingrich, R.E., & Graziano, M.S.A. (2024). Ascribing consciousness to artificial intelligence: human-AI interaction and its carry-over effects on human-human interaction. *Frontiers in Psychology*, 15, 1322781.
11. Chan, C.K.Y., & Lee, K.K.W. (2023). The AI generation gap: Are Gen Z students more interested in adopting generative AI such as ChatGPT in teaching and learning than their Gen X and millennial generation teachers? *Smart Learning Environments*, 10, 60.
12. Chan, C.K.Y., & Hu, W. (2023). Students' voices on generative AI: perceptions, benefits, and challenges in higher education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 20, 43.
13. Sevilla, J., Heim, L., Ho, A., Besiroglu, T., Hobbhahn, M., & Villalobos, P. (2022). Compute Trends Across Three Eras of Machine Learning. *arXiv preprint arXiv:2202.05924*.
14. Tang, S., Wang, X., Zhang, X., et al. (2020). The pace of artificial intelligence innovations: Speed, talent, and trial-and-error. *Journal of Informetrics*, 14(4), 101090.
15. Wienrich, C., Döllinger, N., & Hein, R. (2021). eXtended Artificial Intelligence: New Prospects of Human-AI Interaction Research. *Frontiers in Virtual Reality*, 2, 686783.
16. Li, H., Chen, J., Yang, S., et al. (2024). From explainable to interactive AI: A literature review on current trends in human-AI interaction. *International Journal of Human-Computer Studies*, 187, 103256.
17. Kazemzadeh, A., Yang, S., & Koutra, D. (2024). Evaluating Human-AI Collaboration: A Review and Methodological Framework. *arXiv preprint arXiv:2407.19098*.
18. Microsoft (2025). 6 AI trends you'll see more of in 2025. Microsoft News.
19. National University (2025). 131 AI Statistics and Trends for 2025.

20. Gershenson, C. (2025). Self-organizing systems: what, how, and why? *Complexity*, 1, 31.
21. Rees, T. (2025). Why AI Is A Philosophical Rupture. *NOEMA Magazine*.
22. Pew Research Center (2018). Artificial Intelligence and the Future of Humans.
23. Maier, C., Thatcher, J.B., Grover, V., & Dwivedi, Y.K. (2023). Cross-sectional research: A critical perspective, use cases, and recommendations for IS research. *International Journal of Information Management*, 68, 102063.

THE TRANSFORMATION OF HUMAN SUBJECTIVITY IN THE AI ERA: FROM COGNITIVE DEBT TO SYNERGISTIC EMERGENCE

Firsov A.N.

National Research University of Electronic Technology (MIET)

This work substantiates an integrated model that enables the description of contemporary transformations of human subjectivity under the influence of artificial intelligence technologies. The exponential growth of the AI industry, demonstrating a 120% annual increase, and the widespread implementation of corresponding technologies in organizational structures (as of 2025–78% of companies) condition the formation of qualitatively new modes of technologically mediated identity.

Subjectivity is understood as the assembly point of freedom and responsibility – a formal structure that ensures the capacity for self-determination and agentic action. Identity is considered as the substantive content of subjectivity within specific sociocultural contexts. The study examines the synchronous functioning of three interconnected mechanisms of identity transformation: symbiotic integration in the functional dimension, structural dissociation in the architectural dimension, and emergent intersubjectivity in the ontological dimension. Meanwhile, new data from neurocognitive research indicate the necessity for a more critical understanding of adaptation processes to AI technologies.

The methodological apparatus of this work includes retrospective study of digital generations combined with cross-sectional analysis of various age cohorts. A typology of five possible scenarios for the evolution of identity forms for the period 2025–2050 is presented, and a research program with temporal frameworks adapted to contemporary conditions of technological development is substantiated.

Keywords: philosophy of science and technology, subjectivity, identity, artificial intelligence, technological mediation, emergence, hybrid ontology, cognitive debt, synergy.

References

1. Ihde, D. (1990). *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Indiana University Press.
2. Ihde, D. (2009). *Postphenomenology and Technoscience*. SUNY Press.
3. Verbeek, P.P. (2011). *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*. University of Chicago Press.
4. Google (2025). 2024: A year of extraordinary progress and advancement in AI. Google AI Blog.
5. McKinsey & Company (2025). How an AI-enabled software product development life cycle will fuel innovation. McKinsey Insights.
6. Kosmyrna, N., Hauptmann, E., Yuan, Y. T., Situ, J., Liao, X-H., Beresnitzky, A. V., Braunstein, I., & Maes, P. (2025). Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task. MIT Media Lab. Retrieved from <https://www.media.mit.edu/publications/your-brain-on-chatgpt/>
7. Maturana, H., & Varela, F. (1980). *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Reidel.
8. Stanford Institute for Human-Centered AI (2025). AI Index 2025: State of AI in 10 Charts. Stanford University.
9. PwC (2025). 2025 AI Business Predictions. PwC Global.
10. Guingrich, R.E., & Graziano, M.S.A. (2024). Ascribing consciousness to artificial intelligence: human-AI interaction and its carry-over effects on human-human interaction. *Frontiers in Psychology*, 15, 1322781.
11. Chan, C. K. Y., & Lee, K. K. W. (2023). The AI generation gap: Are Gen Z students more interested in adopting generative AI such as ChatGPT in teaching and learning than their Gen X and millennial generation teachers? *Smart Learning Environments*, 10, 60.
12. Chan, C. K. Y., & Hu, W. (2023). Students' voices on generative AI: perceptions, benefits, and challenges in higher education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 20, 43.
13. Sevilla, J., Heim, L., Ho, A., Besiroglu, T., Hobbhahn, M., & Vilalobos, P. (2022). Compute Trends Across Three Eras of Machine Learning. arXiv preprint arXiv:2202.05924.
14. Tang, S., Wang, X., Zhang, X., et al. (2020). The pace of artificial intelligence innovations: Speed, talent, and trial-and-error. *Journal of Informetrics*, 14(4), 101090.
15. Wienrich, C., Döllinger, N., & Hein, R. (2021). eXtended Artificial Intelligence: New Prospects of Human-AI Interaction Research. *Frontiers in Virtual Reality*, 2, 686783.
16. Li, H., Chen, J., Yang, S., et al. (2024). From explainable to interactive AI: A literature review on current trends in human-AI interaction. *International Journal of Human-Computer Studies*, 187, 103256.
17. Kazemzadeh, A., Yang, S., & Koutra, D. (2024). Evaluating Human-AI Collaboration: A Review and Methodological Framework. arXiv preprint arXiv:2407.19098.
18. Microsoft (2025). 6 AI trends you'll see more of in 2025. Microsoft News.
19. National University (2025). 131 AI Statistics and Trends for 2025.
20. Gershenson, C. (2025). Self-organizing systems: what, how, and why? *Complexity*, 1, 31.
21. Rees, T. (2025). Why AI Is A Philosophical Rupture. *NOEMA Magazine*.
22. Pew Research Center (2018). Artificial Intelligence and the Future of Humans.
23. Maier, C., Thatcher, J.B., Grover, V., & Dwivedi, Y.K. (2023). Cross-sectional research: A critical perspective, use cases, and recommendations for IS research. *International Journal of Information Management*, 68, 102063.

Хуторцова Екатерина Романовна,

аспирант, Гуманитарный институт, Высшая школа общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: er.hutorcova@gmail.com

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор, Гуманитарный институт, Высшая школа общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Статья посвящена анализу философских оснований проблемы доверия научному знанию в его исторической и современной динамике. Актуальность обращения к философским аспектам доверия науке связана с трансформацией форм производства и распространения знания в условиях современного цифрового общества. Авторы выявляют факторы формирования позитивного и негативного отношения к науке, акцентируют ключевые подходы, формирующие критерии доверия научному знанию, и оценки его границ. Проводится сравнительный анализ аргументов, раскрывающих основания доверия научному знанию в разных философских традициях. Обсуждается специфика факторов доверия научному знанию в мире цифровых технологий на материале отечественных и зарубежных источников. В заключении отмечается, что философские основания доверия науке образуют сложную и многослойную конструкцию, в которую включаются логико-эпистемологические стратегии обоснования научного дискурса и критерии демаркации между наукой и не-наукой, выделяется роль коммуникативных и социально-контекстуальных условий в формировании доверия результатам научной деятельности.

Ключевые слова: научное знание, цифровой мир, факторы доверия, основания недоверия, сравнительный анализ, аргументы, философия науки.

Введение

Философский анализ проблемы доверия науке в ее исторической и современной динамике становится особенно актуальным в условиях стремительного развития цифровых технологий. Интенсивное развитие сетевых информационных сред, цифровых инструментов интеллектуальной, исследовательской, инженерной деятельности вызывает трансформации традиционных форм познавательной практики в системе науки. Процессы накопления научного знания и его распространения в условиях цифровизации интеллектуальных и профессиональных сфер деятельности человека сопровождаются большими потоками сведений и рекламных клипов, которые приводят к перегруженности информационного поля в интерактивной социальной сети. Формирование скептицизма в отношении достоверности научного знания и доверия экспертным сообществам в существенной мере связано с принципом свободы в интернет сообществах, распространением непроверенных фактов и откровенной дезинформацией. Подрыв доверия науке в публичном пространстве обостряет проблему скептицизма и антисциентизма в философии науки, подчеркивает актуальность осмысления оснований, на которых строится доверие научному знанию в истории его развития.

Дилемма доверия и недоверия научному знанию восходит к эпохе Античности, сформировавшей идеал умозрительно построенного знания о природных закономерностях, который был противопоставлен мифологическим и религиозным представлениям о мире. Доверие умозрительной науке не всегда имело устойчивую опору в обществе. В Античности различие между научным и мифологическим знанием еще не было институционализировано. Например, Аристотель, заложивший основы логики, в физике опирался на теологические принципы, ныне классифицируемые как преднаучные. В Средневековье наука находилась в подчинении у богословия, что ограничивало круг допустимых вопросов, но не исключало доверия к научному методу в рамках теологически санкционированной парадигмы. В современной философии характеристика научного знания в отличие от иных форм знания – обыденного, мифологического, квазинаучного или лженаучного – связана с критериями обоснованности, достоверности, непротиворечивости, точности и плодотворности. Принципы построения обоснованного знания, сложившиеся исторически, сформировали нормативный образ науки, которому приписывают рациональность, предсказательную силу и способность к систематической верификации результатов [1].

Подвижность границы между наукой и не-наукой оставляет место для постоянной переоценки статуса знаний. На этой почве возникают формы псевдонаучности – квазинаука, паранаука, анормальная наука – которые имитируют научную форму, но не соответствуют ее нормативным критериям. Подобные практики особенно опасны в периоды, когда демаркационная линия размывается под давлением идеологических, политических или коммерческих интересов.

Цель статьи – выявить философские основания позитивного и негативного отношения к науке в современном мире. Для достижения поставленной цели проводится сравнительный анализ критериев доверия научному знанию в разных философских школах.

Факторы доверия научному знанию в концепциях неопозитивизма и постпозитивизма

В рамках неопозитивизма доверие к научному знанию обосновывается его эмпирической верифицируемостью – то есть возможностью сведения утверждений к наблюдаемым фактам, зафиксированным в протокольных предложениях. М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап и др. настаивали на верифицируемости научного знания: утверждение считалось научным, если оно могло быть эмпирически подтверждено посредством протокольных предложений, фиксирующих наблюдаемые факты [2]. В «Логико-философском трактате» Витгенштейна научное знание предстает как логически выстроенная система предложений, соответствующих структуре мира, что создает основания для доверия научному дискурсу как адекватному отражению объективной реальности [3]. Доверие научному знанию основывается на строгом соблюдении принципов верификации и физикализма, направленных на построение универсального языка науки, свободного от субъективных и метафизических элементов.

В постпозитивизме основание доверия научному знанию больше связано не с подтверждением, а с открытостью к критике и возможностью опровержения. В противовес неопозитивизму К. Поппер предложил в качестве критерия научности принцип фальсификации: поскольку научное знание не может быть окончательно подтверждено, его обоснованность определяется возможностью опровержения [4].

Основания доверия научному знанию в феноменологической традиции

Феноменология исходит из предпосылки, что сущность науки заключается в генерации смыслов, а доступ к смыслу в конструировании знания возможен только через интенциональность сознания. Такой подход предполагает не внешнюю реконструкцию научного знания, а внутреннее раскрытие условий его возможности. Э. Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» он показывает, как наука, изначально выросшая из жизненного мира – мира непосредственного опыта – постепенно утратила связь с этим миром, превратившись в автономную, формализованную систему, оперирующую идеальными объектами [5]. Данная утрата, по Гуссерлю, и есть источник кризиса: наука перестала быть понятной, доступной, осмысленной для самого человека – того, ради кого она изначально возникла. Теорема Пифагора существует «только один раз», независимо от языка, культуры или эпохи – но не как эмпирический объект, а как идеальная предметность, доступная лишь через феноменологическое усмотрение [6, с. 214–216]. Ни в опыте, ни в практике, ни в языке эта идеальность не дана напрямую – она конституируется сознанием как инвариантный смысл, воспроизводимый любым познающим субъектом. Именно эта воспроизводимость идеального в структуре сознания и создает основание для доверия: общественность доверяет не фактам, а смысловой очевидности, которая открывается в акте интуиции и может быть реактивирована любым другим сознанием.

Основания недоверия научному знанию в философии М. Хайдеггера

Философия науки, согласно Хайдеггеру, направлена на осмысление фундаментальных оснований научного знания и критический анализ его границ. Ключевым тези-

сом философии Хайдеггера в этом контексте выступает утверждение, что наука – феномен Нового времени, не существовавший ни в Античности, ни в Средневековье как особый институт. Она возникает как форма отношения к действительности, в которой мир конституируется как совокупность объектов, противопоставленных субъекту. Таким образом, наука строится на модели предметного противостояния, где человек становится гарантом достоверности и осмысленности мира как представления – т.е. нечто, поставленное перед субъектом как объект для анализа и овладения [7, с. 58–59]. Суть науки заключается в овладении действительностью через ее о-пред-мечивание, схематизацию и измерение – процесс, который предполагает определенный способ рассмотрения, насильственный и редуционистский по отношению к бытию. Рассмотрение, воплощенное в методе и технике, делает мир картиной – представлением, где теряется уникальность, целостность и подлинность сущего [7, с. 49–51].

Позицию Хайдеггера можно интерпретировать как предельную форму критики доверия общества науке. Его философия не отрицает науку как таковую – он не призывает к ее отмене – но требует творческого осмысления ее сущности, способности к самоограничению и диалогу с другими способами постижения реальности [7, с. 252].

Факторы доверия и недоверия научному знанию в концепциях Франкфуртской школы

В философии Адорно утверждается, что знание не может быть редуцировано к эмпирическим фактам, поскольку те сами являются социально опосредованными. Познание всегда соотносено с тем, что выходит за пределы наличного, а сама теория – это процесс отрицания и критики, раскрывающий сущность вещей не через констатацию, а через выявление их противоречий [8]. На этом фоне доверие науке не отвергается полностью, но требует глубокой критической рефлексии, направленной на выявление скрытых идеологических структур, внедренных в научное знание.

Новый путь преодоления кризиса доверия научному знанию обозначен в трудах Ю. Хабермаса и К. Апеля, сосредоточивших внимание на принципах коммуникативной рациональности. Научное знание в теории коммуникативного действия признается обоснованным не в силу своей формальной структуры, а благодаря способности проходить через «сито» критического обсуждения и быть признанным участниками дискурса как наиболее разумное. Принцип коммуникативной рациональности предполагает, что доверие науке основано на прозрачности процедур, способности научного сообщества к самокритике и открытости к другим формам рациональности. Данный взгляд существенно расширяет традиционные представления об основаниях доверия, включая в них не только когнитивные, но и этико-социальные критерии.

Трансформация оснований доверия научному знанию в философии постмодернизма

Раскрывая археологию знания, М. Фуко подчеркивает, что наука не обладает автономным и универсальным статусом, а является порождением специфических дискурсивных практик, укорененных в определенных историко-культурных контекстах. Фуко выстраивает цепочку «дискурсивная практика – знание – наука», тем самым демонстрируя, что научное знание производно от более широких структур дискурса. Научность, по Фуко, наступает лишь при прохождении четырех порогов – по-

зитивности, эпистемологичности, научности и формализации – и не существует вне своей дискурсивной формации [9]. Следовательно, доверие научному знанию в его концепции не может опираться на представление о науке как носителе безусловной истины, а должно пониматься через принадлежность науки к исторически изменяющимся формам дискурса и «воле к знанию».

Ж.-Ф. Лиотар еще более усиливает сомнение в объективности научного знания, представляя «постмодернистскую науку» как науку, ориентированную на нестабильность, локальность и множественность, противоположные традиционным научным установкам на универсальность и обоснованность. Апеллируя к теоремам Геделя, квантовой механике и теории катастроф, Лиотар утверждает, что современная наука утрачивает представление о детерминированной и рационально постижимой реальности, переходя к пониманию знания как множества локальных нарративов, не сводимых к единой метатеории [10]. В таком контексте доверие науке не может строиться на основании ее претензий на объективность, но требует признания многообразия научных языков и типов рациональности.

С точки зрения Деррида, знание всегда является результатом игры различий, следов и отложений смыслов, а потому лишено окончательной завершенности и прозрачности [11]. Доверие научному знанию становится проблематичным: оно больше не может опираться на авторитет рационального субъекта или прозрачность метода, а требует признания науки как одного из текстов, который допускает множественность интерпретации смыслов. Таким образом, доверие к научному знанию предстает не как фиксированная величина, а как подвижная конструкция, зависящая от исторического контекста, уровня развития науки и философских представлений о самом знании.

Для философии XX века характерно утверждение, что наука как таковая существует не в изоляции, а в контексте смыслообразующих практик, обусловленных как внутренними логиками развития научного знания, так и внешними – историко-культурными условиями. Центральным в этом процессе становится понимание науки как системы понятийных и символических конструкций, конструируемых, интерпретируемых и переосмысляемых в философских рамках. Философия науки, таким образом, выступает медиатором между эмпирической реальностью и теоретическим уровнем осмысления критериев обоснования научного знания, способствуя укреплению доверия институтам науки, результатам и опыту научной деятельности.

Проблема доверия научному знанию в мире цифровых технологий

В отечественной философии особое внимание уделяется амбивалентной природе доверия науке и технологии в цифровую эпоху. Т.Г. Лешкевич отмечает, что в условиях XXI века, несмотря на осознание рисков, связанных с «неконтролируемостью» искусственного интеллекта (так называемой «Black Box Problem»), пользователи все чаще делегируют интеллектуальным системам функции принятия решений и выполнения действий от своего имени [12, с. 35]. Обезличенность действий искусственного интеллекта может создавать иллюзию нейтральности и надежности, так как «алгоритм не может солгать», и одновременно с этим порождать тревогу из-за отсутствия прозрачности и возможности обратной связи. Таким образом, цифровые технологии становятся медиаторами научного познания. При этом амбивалентность, харак-

терная для доверия системе искусственного интеллекта, начинает проецироваться и на доверие науке, что влечет за собой смещение с личностно-институциональных оснований доверия на факторы технологически опосредованные.

Философские дискуссии последних лет подчеркивают в качестве необходимого условия познания коммуникацию и кооперацию в совместном поиске истины. Как подчеркивает С.Р. Муртазин, «познание, в том числе научное, невозможно без доверия другому», поскольку в противном случае возникает «эпистемический эгоизм» [13, с. 36], который делает невозможной продуктивную коллективную деятельность. Муртазин показывает, что в основе эпистемического эгоизма лежит фундаментальная асимметрия, где собственный опыт дан человеку непосредственно, а опыт другого – косвенно, через коммуникацию [13, с. 38]. Утверждение о невозможности научного познания без доверия опыту другого ставит под сомнение любую попытку редуцировать научное знание к чисто инструментальному или технологически опосредованному взаимодействию. В условиях цифровизации, когда доверие все чаще адресуется «черным ящикам» алгоритмов, эта позиция подчеркивает, что научное знание производят не технологии, а люди, стоящие за ними.

В современном обществе доверие науке тесно связано с социальными, политическими и культурными процессами. Как показывает Л.А. Тухватулина, феномен «дениализма» – публичного отрицания научного консенсуса вне рамок научной дискуссии – возникает как реакция на «научный империализм» – расширение сферы влияния науки за пределы ее методологической компетентности, превращение экспертизы в инструмент политического управления и идеологического давления. Доверие в таком случае превращается в «науковерие» – нерелексивную, почти религиозную веру в авторитет эксперта, которую легко впоследствии использовать для манипуляций «верующим». В ответ на подобную веру, лишенную критического осмысления, возникает «радикальное недоверие», когда любое экспертное заявление воспринимается как проявление скрытых интересов или давления. Опасность дениализма связана с имитацией научности, так как дениалисты обычно ссылаются на «альтернативные исследования», цитируют отдельные публикации и создают видимость научной полемики [14, с. 7–9]. Тем самым они пытаются завоевать доверие не внутри научного сообщества, а в публичной сфере среди граждан, склонных к «антиэлитистским настроениям». Особенности дениализма делают его куда более опасным, чем псевдонаука, так как он не существует параллельно науке, а атакует ее изнутри, применяя схожий язык коммуникации [14, с. 12–14].

В работе Е.Л. Чертковой отмечается, что наука в ее современной форме технонауки все более превращается в силу, определяющую не только внешние условия существования, но и саму природу человека, его сознание, свободу и идентичность. Современная наука уже не может рассматриваться как «вторая природа» – идеальный мир культуры и разума [15, с. 95–98]. Она становится «первой природой», в которую включен сам человек – не как субъект, а как объект проектирования, данных, профиля, ресурса. Цифровизация ускоряет процесс трансформации познавательной деятельности человека, так как: 1) алгоритмы и анализируют поведение, и формируют его; 2) платформы и передают знание, и определяют, какое знание будет считаться обоснованным. В этой связи доверие науке рискует превратиться в доверие системе, лишенной человеческого измерения. По мнению Чертковой, проблема доверия научному зна-

нию акцентирует противопоставление технократической и гуманистической рациональности. В отличие от технократической модели, где ценность знания измеряется его полезностью, гуманистическая традиция требует, чтобы наука оставалась связанной с этическими координатами, которые позволяют отличать знания, достойные доверия, от знаний, опасных для человечности.

Если отечественные исследования преимущественно сосредоточены на философских, этических и социокультурных измерениях доверия, то зарубежные авторы все чаще предлагают институциональный и системный взгляд, в котором доверие науке и научному знанию рассматривается не как индивидуальное убеждение, а как социальный артефакт, формируемый инфраструктурой, коммуникационными практиками и распределением интеллектуального труда. Так, Г. Контесса предлагает «социальный подход», где доверие науке и ее производным – это фоновое, неявное состояние, возникающее в условиях эффективного разделения интеллектуального труда в обществе и встраивания научных институтов в данную инфраструктуру как надежных и прозрачных элементов [16]. Фактором, вызывающим кризис доверия науке выступает системный сбой в обществе.

Анализируя кризис доверия науке, Л.Д. Кирмайер показывает, что проблема заключается в эрозии «экологии знания» – среды, в которой формируются представления о мире. Для формирования доверия научному знанию предлагается регулировать каналы распространения информации (особенно социальные медиа), восстанавливать образовательные нарративы об устройстве науки и бороться со структурным неравенством [17, с. 803–804]. Доверие науке не должно быть слепым, но и не должно превращаться в тотальный скепсис, подчеркивает Х. Метцен. Она предлагает ввести понятие «бдительного доверия» (*vigilant trust*), которое предполагает демократический контроль: общество может доверять экспертам, но при этом обладает правом требовать прозрачности их методов и создавать независимые механизмы оценки [18].

Заключение

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что философские основания доверия к научному знанию представляют собой сложную и многослойную конструкцию, включающую как исторически сложившиеся критерии демаркации между наукой и не-наукой, так и логико-эпистемологические и герменевтические стратегии обоснования научного дискурса.

На основании сравнительного анализа проблемы доверия науке и научному знанию в философских школах XX века было выявлено, что факторы доверия научному знанию нельзя свести лишь к верифицируемости или рациональности утверждений. Доверие научному знанию формируется в более широких рамках коммуникативных и социально-контекстуальных условий, определяющих рациональность научной деятельности.

Современные отечественные и зарубежные исследования доверия научному знанию, несмотря на различия в акцентах, образуют взаимодополняющую аналитическую перспективу. Если российская традиция преимущественно сосредоточена на внутренней структуре доверия – его философских основаниях, этических координатах, социокультурных парадоксах и интеллектуальных добродетелях познающего агента – то зарубежные авторы предлагают внешнюю институциональную рамку, в которой доверие рассматривается как системное свойство общества, а не индивидуальное убеждение.

Литература

1. Делокаров К.Х. Проблема объективности научного знания: историко-когнитивный аспект // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2012. – Т. 33, № 3. – С. 114–129.
2. Гемпель К. Теория истины логического позитивизма // *Epistemology & Philosophy of Science*. – Vol. 21. – 2009. – № 3. – С. 226–234.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. II. – М.: Гнозис, 1994. – 368 с.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 600 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию // *Вопросы философии*. – 1972. – № 7. – С. 136–176.
6. Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 267 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
8. Адорно Т. К логике социальных наук // *Вопросы философии*. – 1992. – № 10. – С. 76–86.
9. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 272 с.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
11. Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб: Академический проект, 2000. – 432 с.
12. Лешкевич Т.Г. Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // *Философия науки и техники*. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 34–47.
13. Муртазин С.Р. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. – 2021. – № 5. – С. 35–51.
14. Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // *Эпистемология и философия науки*. – 2023. – Т. 60, № 1. – С. 6–20.
15. Черткова Е.Л. Этический «поворот» в эпистемологии // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия»*. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 93–100.
16. Contessa G. It Takes a Village to Trust Science: Towards a (Thoroughly) Social Approach to Public Trust in Science // *Erkenntnis*. – 2023. – Vol. 88. – P. 2941–2966.
17. Kirmayer L.J. Science and sanity: A social epistemology of misinformation, disinformation, and the limits of knowledge // *Transcultural Psychiatry*. – 2024. – Vol. 61, № 5. – P. 795–808.
18. Metzen H. Vigilant trust in scientific expertise // *European Journal for Philosophy of Science*. – 2024. – Vol. 14, Art. 58.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF TRUST IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Hutortsova E.R., Shipunova O.D.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the analysis of the philosophical foundations of the problem of trust in scientific knowledge in its historical and modern dynamics. The relevance of addressing the philosophical aspects of trust in science is related to the transformation of forms of production and dissemination of knowledge in a modern digital society. The author identifies the factors of formation of positive and negative attitudes towards science, highlights the key approaches that form criteria for trust in scientific knowledge, as well as for a critical assessment of its boundaries. A comparative analy-

sis of arguments revealing the grounds for trust in scientific knowledge in different philosophical traditions is carried out. The specifics of the factors of trust in scientific knowledge in the world of digital technologies are discussed based on the material of domestic and foreign sources. In conclusion, it is noted that the philosophical foundations of trust in science form a complex and multi-layered structure, which includes logical and epistemological strategies for substantiating scientific discourse and criteria for the demarcation between science and non-science, highlights the role of communicative and socio-contextual conditions in the formation of trust in the results of scientific activity.

Keywords: scientific knowledge, digital world, factors of trust, grounds for distrust, comparative analysis, arguments, philosophy of science.

References

1. Delokarov K. Kh. Problema ob"ektivnosti nauchnogo znaniya: istoriko-kognitivnyy aspekt // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2012. – Vol. 33, No. 3. – P. 114–129.
2. Gempel' K. Teoriya istiny logicheskogo pozitivizma // *Epistemology & Philosophy of Science*. – Vol. 21. – 2009. – No. 3. – P. 226–234.
3. Vitgenshteyn L. *Filosofskie raboty*. Ch. II. – M.: Gnozis, 1994. – 368 p.
4. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya*. – M.: Progress, 1983. – 600 p.
5. Gussel' E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu // *Voprosy filosofii*. – 1972. – No. 7. – P. 136–176.
6. Gussel' E. *Nachalo geometrii*. – M.: Ad Marginem, 1996. – 267 p.
7. Khaydegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya*. – M.: Respublika, 1993. – 447 p.
8. Adorno T. K logike sotsial'nykh nauk // *Voprosy filosofii*. – 1992. – No. 10. – P. 76–86.
9. Fuko M. *Arkheologiya znaniya*. – Kiev: Nika-Tsentr, 1996. – 272 p.
10. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. – M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aletaya, 1998. – 160 p.
11. Derrida Zh. *Pis'mo i razliche*. – SPb.: Akademicheskii proyekt, 2000. – 432 p.
12. Leshkevich T.G. Paradoks doveriya k iskusstvennomu intellektu i ego obosnovaniye // *Filosofiya nauki i tekhniki*. – 2023. – Vol. 28, No. 1. – P. 34–47.
13. Murtazin S.R. Epistemicheskii egoizm i problema doveriya v poznanii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. – 2021. – No. 5. – P. 35–51.
14. Tikhvatulina L.A. Nauka kak ob"yekt very i nedoveriya: fenomen denializma // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. – 2023. – Vol. 60, No. 1. – P. 6–20.
15. Chertkova E.L. Eticheskii "povorot" v epistemologii // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya "Filosofiya"*. – 2024. – Vol. 6, No. 1. – P. 93–100.
16. Contessa G. It Takes a Village to Trust Science: Towards a (Thoroughly) Social Approach to Public Trust in Science // *Erkenntnis*. – 2023. – Vol. 88. – P. 2941–2966.
17. Kirmayer L.J. Science and sanity: A social epistemology of misinformation, disinformation, and the limits of knowledge // *Transcultural Psychiatry*. – 2024. – Vol. 61, No. 5. – P. 795–808.
18. Metzen H. Vigilant trust in scientific expertise // *European Journal for Philosophy of Science*. – 2024. – Vol. 14, Art. 58.

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVII – начала XXI вв.)

Аванесова Галина Алексеевна,

доктор философских наук, профессор

E-mail: gal-09@list.ru

Миронов Анатолий Васильевич,

доктор социологических наук, профессор, заслуженный

работник высшей школы, почетный работник ВПО РФ,

главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания»¹

Авторы анализируют, как осмыслили некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России – ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна

Часть V.

5.2. Поиски и обретение теоретических основ новой российской государственности

Политики оживляют образ России-Родины, а ученые анализируют РФ, как локальную цивилизацию

Какую Россию замыслил создавать В. Путин? Оставаясь Российской Федерацией, страна по ходу развития в нулевые годы могла обрести разные качества и силуэты. Так, формационный подход подсказывал – в обществе создавалось нечто дисгармоничное между капитализмом и социализмом. При этом власть настаивала, чтобы бизнес не вмешивался в политику, ибо только так в РФ могли сохраниться межклассовое равновесие и гражданский мир. Немало тех, кого называют олигархами, уезжали на Запад, но основная часть владельцев малого, среднего бизнеса приняла условие властей. В итоге в РФ сложились относительно толерантные межклассовые балансы.

Своему подходу власть поначалу придавала сугубо прагматическое значение: в борьбе с кризисом она пыталась использовать преимущества любой формации. Со временем становилось очевидным: пост-капиталистические инновации США, принятые, например, в экономике Китая, были адаптированы к внутренней политике, правовым нормам, отчасти к привычкам китайцев. В итоге по целям, видам активности эти инновации стали сдвигать какую-то часть китайского бизнеса и молодежи в тупик западного транснационального мироприятия, что было неприемлемым для властей и населения. При президенте Б. Ельцине похожая адаптация ожидалась и от россиян. Однако те граждане, которые сталкивались с американцами, отторгали их стереотипы сознания и действий, как чуждые.

При президенте В. Путине основная масса населения могла уже опираться на новые формы активности, совместимые с российским образом жизни, с фундаментальными традициями. Этно-территориальные сообщества проявляли интерес к подлинной истории страны и своих народов, уважение к устоям российской жизни, не скрывали собственных моральных позиций, религиозной веры. Все это говорило о том, что у граждан в определенной мере восстанавливалось чувство единения с Россией-Родиной; однако у многих не было целостного, глубокого понимания нынешней и будущей РФ. Главное, власть и массы не знали, что надо предпринять в стране для преодоления неблагополучия. В этот период во властных верхах и научной среде раздавались голоса, требующие возврата к прежним формам государственного устройства – либо к имперской, либо к советской. В такой позиции, на наш взгляд, проявлялась привычка к освоенному укладу, боязнь будущего, отторжение неизвестности.

Но власть осознала, что прежние государственные формы исчерпали потенциал обновления и сохранения

¹ Продолжение. Начало см. № 3, 4, 5, 6 (2021), № 1, 2, 4 (2022), № 1, 4, 6, 11 (2023), № 4, 6 (2024), № 5 (2025).

страны; в итоге возврат к тому, что дважды за XX в. приводило к распаду государства, стал невозможен. Считая федерацию надежной частью своей стратегии, власть понимала важность воссоздания фундаментальных основ российской государственности, а не копию-муляжа типа «Малая Голландия»; и конечно не то, что зачастую скрытно предпочитали создавать в неустойчивых условиях преступные группировки в госуправлении. Политикам-лидерам в этих ситуациях обычно рекомендуется иметь надежные органы безопасности, эффективную систему судопроизводства и уголовных наказаний.

Для власти было важно, чтобы общество не оставалось в неведении о судьбах страны на ближайшую перспективу. В этой ситуации власть должна была бы иметь – хотя бы в схематическом виде – свой проект РФ, где кратко охарактеризованы обновленная государственная догматика, методология управления, а также сформулированы цели и задачи развития общества на ближайшую перспективу. Можно было бы наметить контуры государственного планирования, идеологии, уточнить религиозные ориентиры граждан, их духовные ценности и предпочтения. Некоторые из этих важных шагов власть реализовала, но разрозненно и неэффективно для общего развития РФ. Однако без указанных интегративно-ориентационных характеристик общество, культура нелегко адаптируются к новым реалиям и современным запросам населения.

Внутренние трудности воссоздания устойчивого государства определялись в нулевых годах России изменившейся структурой населения, радикальной трансформацией социальных отношений и политических позиций, сдвигами в общественном сознании, в познавательной сфере. Например, в обыденном понимании современных реалий немалую значимость приобретают в этот период не только традиционные СМИ, но и социально-компьютерные сети, оказывающие на сознание людей порой весьма агрессивное влияние через обратные связи и массовую аудиторию. В такой ситуации даже замаскированный пропагандистский официоз граждане могли отторгать. Однако пропаганда на тему «Россия-Родина» в меняющихся условиях не исчезала, продолжая развиваться через официальные СМИ, в речах и поведении политиков, в текстах социальных сетей и т.п.

Перечисленные выше аспекты массовой психологии, обыденного познания России, а также коммуникативные взаимодействия и поведение граждан на этот счет должны были бы коррелировать с духовно-когнитивными комплексами. Говоря о таких комплексах, имеются в виду содержательно и функционально устойчивые структуры, принципы общественного сознания о России, а также практики, закрепленные в поведении граждан. Речь идет о: 1) мировоззрении российского общества; 2) единой картине мира, где Россия предстает в сравнительной фокусировке с другими странами; 3) национальной идеологии; 4) моральных ориентирах; 5) системе научно-философских идей, прогнозах и проектах будущей России, ее собирательном позитивном образе в грядущем; 6) религиозных, культурно-художественных, образовательных, информационных практиках и обрядах познавательно-символического типа и др.

В привычных условиях эти устойчивые в среднесрочном масштабе времени когнитивные комплексы, с одной стороны, а также гибкая, подчас ситуативная реакция массового сознания на реальность, с другой, объединяли граждан прочными связями; тем самым в стране поддерживались общественные дискурсы, националь-

ное взаимопонимание, патриотическая консолидация. Кризис же усиливал социальные противоречия и серьезные расхождения людей в оценках и поведении. Во-первых, ценностно-смысловое содержание комплексов, как правило, отставало от динамики общественного понимания новой России, от быстро меняющейся ситуации; так, после распада СССР многие граждане долго не верили во враждебное отношение украинцев к россиянам, к России. Во-вторых, массовые реакции людей на перемены чаще всего содержали немало случайных, неустойчивых оценок происходящего, которые затем приходилось пересматривать. В-третьих, непростой для масс задачей оставалось непонимание, как ближайших государственных целей властной вертикали, так и ее политических долгосрочных замыслов и т.п.

В оценке сложных политических и познавательных ситуаций мы согласимся со многими отечественными аналитиками, которые ныне признают объединяющую роль в России русского характера, русского духа и воли, русского типа познания. Этим качествам русских людей в нашей истории присуща системообразующая значимость – будь это в условиях кризисных разногласий или в периоды реформ, по ходу исторических трансформаций, войн и др. [1]. Именно русский дух, познавательные устремления русской части населения в связке с когнитивными комплексами еще недавно являлись в советском обществе опорами массового сознания и устойчивого поведения граждан. Но вслед за этим разрушительные процессы прежнего порядка стали проверять на прочность указанные русские свойства. В итоге самоорганизация распада искажала в сознании людей немало прежних когнитивных структур, обесценивала и рушила их, как устаревшие. Эта ситуация ставила в тупик также и русское сознание. Однако воля русской среды мотивировала искать выход из ситуации, опираясь на массовые взаимодействия и когнитивные запросы сограждан. В этих условиях пробуждались русская находчивость, здравый смысл, предприимчивость. Вслед за этим и активность других этносов постепенно адаптировалась к переменам. Хозяйственные, политические, социальные процессы путем самоорганизации также вписывались в обновляемую реальность, что-то утрачивая из традиций, но интегрируя в свой состав новые приемлемые для общества компоненты будущей России.

Перечисленные свойства социально-познавательной активности населения, конкретные практики масс, связанные с пониманием России-Родины, являлись в истории страны гарантией устойчивости нашего государства. Вместе с тем власть по ходу тысячелетнего развития отечественной государственности далеко не всегда удерживала в равновесии целостный строй политического и массового понимания России, как царства, потом как империи, затем как федеративной державы. Конечно и ныне понимание РФ обосновывается и поддерживается в первую очередь государством, мотивируется и направляется правом, пропагандируется информационными структурами, системой воспитания, обучения новых поколений. Но в условиях катастрофы-катаклизма подобные связи ослабевают, обнажая глубинные противоречия и диспропорции во власти, обществе, культуре. Для государства социальные катастрофы, как правило, выступают особенно серьезным испытанием на прочность.

Необходимость новой теории российской государственности и культуры

Примечательно, что поначалу президенты В. Путин и Д. Медведев не проявляли готовности мотивировать об-

щество на обновление и создание современных идейно-когнитивных структур в понимании России, в то время, как определенная часть населения на этом настаивала (напомним выше отмеченную борьбу за новую идеологию, которую вели в обществе некоторые аналитики, публицисты). Не исключено, что власть осознавала и свою неготовность, а также беспомощность общества в создании новых идей и проектов государственного строительства. Сама власть не располагала достаточным пониманием того, какими могут быть или какими будут результаты ее активности в созидании новой России-Родины лет через 10–30. В столь сложной ситуации немалую роль могло бы приобрести наличие у власти теоретических основ и проекта развития страны на ближайшее будущее; но у политиков РФ таких основ и проекта не было, либо они являлись закрытыми для публики. Лишь в 2010-х гг. власть начинала реализовывать немало скороспелых проектов и замыслов, внедрять программы, планы, слабо связанные между собой.

Рассмотрим весьма значимое обстоятельство, нацеленное на расширение и более глубокое осознание России. В. Путин, как президент РФ, неплохо знал общероссийскую историю, особенности развития страны, интересовался литературой на эти темы. Известно, что он ценил труды философа И.А. Ильина, который считал себя последователем Н.Я. Данилевского. Неудивительно, если будущий президент первоначально узнал о теории локальных цивилизаций из трудов Ильина. В XX в., как было отмечено выше, цивилизационные идеи развивали на Западе известные аналитики. В. Путин-политик, сталкиваясь с активной частью высших кругов Запада – представителями власти, учеными, бизнесменами – мог видеть не только их интерес к идеям Данилевского; эти слои на свой лад адаптировали позиции русского ученого к своей культуре, к профессиональным сферам деятельности. При этом имели место, как целевая корректура, так и спонтанная деформация специалистами Запада идей русского ученого. Аналогичные профессиональные советы по адаптации нового к устоявшемуся иному контексту давал отечественным реформаторам и сам Данилевский.

Напомним основные постулаты его теории цивилизаций. 1. Локальная цивилизация формируется основателями – народами-соседями, имеющими до этого собственную государственность. Цивилизационное единство создается при наличии системных связей и консолидирующего ядра – или страны (Китай в дальневосточной цивилизации), или народа, сообщества (высшие касты в Индии; арабы в мусульманской цивилизации). 2. Ведущими свойствами зрелых цивилизаций являются адаптивность к окружающей среде, экономическая самостоятельность, когнитивная активность, культурная самобытность; особую значимость приобретало духовное состояние общества. В этом случае масштабные системы лишаются возможностей ассимилировать или подчинять друг друга; они сбалансированы в истории своим разнообразием, но не жестким подчинением или единством. 3. Цивилизациям не дано также уподобляться друг другу: однако между ними спонтанно создаются связи и обменный фонд, состоящий из отдельных достижений с их последующей адаптацией к новым политическим, культурным условиям. 4. Претензии какой-либо цивилизации на лидерство в мире, изнуряющие войны с врагами ведут ее к перенапряжению, упадку, разрушая цивилизационные основы [2, с. 95–115].

В таком подходе мы усматриваем отражение в теории, во-первых, неустранимых особенностей исторического бытия разных сообществ, во-вторых, специфику гуманитарного познания (в т.ч. понимание истины)

в разных цивилизационных сообществах, когда народы и среды, сохраняя свои отличительные когнитивные качества, уже будучи объединенными цивилизационным единством. В-третьих, эта многоконтурная специфика познавательного объекта и субъекта, а также жизнедеятельность таких сообществ в целом, создают особое – многоуровневое познание себя и понимание мира, определяют анализ цивилизаций и государств, а также особо выделяют значимость духовных ценностей.

В.В. Путин стал первым политиком высшего ранга, который за последние три-четыре столетия публично высказал не критику, но фундаментально-конструктивную идею о России. Он приходил к мысли: Россия не столько отставала от Запада, сколько российское государство и общество сформировали самостоятельную культуру-цивилизацию, что требовало от властей применять собственные подходы к борьбе с кризисами, к модернизации страны и т.п., нежели это было на Западе. Не отвергал президент и равноправного сотрудничества с другими странами. Но в то время мало, кто из рядовых граждан РФ мог понять смысл слов президента о России-цивилизации; многие и ныне не улавливают, в чем состоит специфика цивилизационного устройства, его отличие от культурно-государственных особенностей, например, империи. Примечательно, что Путин, будучи политиком, верно оценил конструктивно-прикладной потенциал цивилизационной теории в условиях, когда страна балансировала на грани катастрофы/катаклизма. В этом случае устойчивость государства-цивилизации гораздо прочнее, нежели государства-империи или национального государства. Позиция В. Путина, безусловно, сыграла ключевую роль в освоении обществом (в т.ч. политической средой) теории Данилевского о российском государстве цивилизационного типа.

Научная среда РФ осваивает теорию цивилизаций

Немаловажно то, что еще в 1990-е гг., до прихода В. Путина к власти научно-гуманитарная среда РФ самостоятельно начинала осуществлять поиск новых философско-методологических оснований для адекватного понимания и анализа России; при этом важную роль ученые отводили цивилизационной теории [3]. Но вот незадача: как и при жизни Данилевского, заметная часть нынешних исследователей не захотела или не смогла вникнуть в глубину и логику этой инновационной теории. В итоге исследователи искажали анализ России. Так, одни авторы (либералы) не усматривали у населения РФ задатков и возможностей самостоятельного развития свою культуру до уровня цивилизации; другие не предполагали для страны иного вектора развития, нежели постепенную интеграцию России в цивилизацию Западной Европы; третьи безосновательно считали советский период особой формой развития – советской цивилизацией; оставалось неясным, куда в это время подевалась российская цивилизация. Сошлемся еще на один курьезный пример непонимания цивилизационной теории: «В лице Запада и России мы имеем дело не с двумя разными цивилизациями, а с одной, хотя и развивающейся в разных направлениях» [4, с. 445]. В этом случае создается впечатление, что автор перечитал массу литературы о локальных цивилизациях, вызывая болезненную турбулентность в своем мышлении. В научной сфере наш аналитик, не находя подходящей позиции о взаимодействиях западноевропейской и российской цивилизаций, предложил свою точку зрения, тем самым доводя до профанации теорию Н. Данилевского.

Конечно, на рубеже XX–XXI вв. освоение в РФ цивилизационной теории осуществляли в основном квалифи-

цированные ученые-гуманитарии, зачастую лица сравнительно молодого возраста. И хотя труд Данилевского уже можно было купить в магазине, но многие из них до этого или мало знали, или совсем не слышали о теории цивилизаций. Отечественным аналитикам было не просто переходить от марксистской догматики к академическому теоретизму XIX в. Данилевского, к евразийскому анализу данной темы в русской эмиграции XX в., к трудам, построенным на фундаментальных размышлениях исследователей Запада о цивилизациях. Немаловажно и то, что локальные цивилизации являются весьма разнородными по структуре, ведущим духовным качествам, по формам развития, что крайне затрудняет их изучение и сравнительный анализ. Отсюда – серьезные сложности в попытках отечественных ученых самостоятельно и бегло освоить идеи о цивилизациях из книг, статей, а затем по-своему адаптировать нужные идеи к анализу РФ.

Труд Б.С. Ерасова о цивилизациях

Все же выход из этого когнитивного тупика вскоре нашлся. К сожалению, он связан с кончиной главного научного сотрудника Института востоковедения РАН, доктора философских наук, профессора Б.С. Ерасова, общие позиции которого в понимании России мы охарактеризовали выше. Здесь сошлемся на его последнюю монографию, вышедшую в свет после его смерти [5]. Этот труд адресован в первую очередь российским ученым-гуманитариям, преподавателям системы высшего образования, специалистам с широким диапазоном научных интересов, а также студентам, аспирантам, докторантам. При этом монография безусловно могла бы – после доработки текста до уровня доступности более широкой аудитории – вызвать немалый интерес многих специалистов из разных областей и сфер труда, которые по роду деятельности оказывались включенными в международные связи. Скажем больше: современные сообщества, рядовые граждане разных стран ныне весьма востребуют научные знания о цивилизациях. Эти знания не должны быть для них предельно упрощенными или, напротив, недоступными по сложности. Желательно, чтобы эти знания обладали достаточным уровнем точности, масштаба, глубины, которые отображали бы реальные процессы в цивилизационных сообществах мира и при этом были бы доступными пониманию неспециалистов.

В монографии Б. Ерасов подробно рассматривает методологию и методы изучения (в т.ч. компаративный, прикладные методы) межкультурных взаимодействий в России, в странах Востока и отчасти Запада в XIX–XX вв. Данный объем знаний о методах является непереносимым условием понимания и анализа сложных цивилизационных систем. Это направление автор прорабатывает с опорой на труды в основном западных и российских ученых.

Проблемно-содержательные аспекты исторических и современных цивилизаций автор вскрывает через анализ их устройства: рассматриваются основания такого устройства (например, роль городов, разделения труда и др.), а также его структуры, компоненты и единицы. В книге обосновывается ведущая роль в подобном устройстве духовных компонентов – религии и веры, светской духовности и морали, большой традиции (сакральные тексты, выдающиеся научные и богословские труды, произведения искусства, высокие духовные ориентации в обществе и др.) и малой традиции (религиозные образы, морально-художественные ценности повседневной, народной культуры), и др. Автор анализирует также динамику цивилизаций, роль в них войн, кризисов, революций, своеобразие и закономерности

модернизаций в разных сообществах, соотношение начал «государственное-национальное-цивилизационное» и др. Особенно в анализе подчеркивается эволюционная устойчивость, возможность сохранения длительного жизненного цикла цивилизаций – 3–3,5 тысячелетий и более.

Указанные теоретические проблемы получают в монографии раскрытие на примере востоковедческих аспектов анализа – единства и многообразия индийской, буддийской, исламской, дальневосточной и русско-православной цивилизаций. В этом случае Ерасов ссылается на труды российских аналитиков, авторов из стран Востока, отчасти – на западные исследования. Весьма интересным для нашей аудитории является рассмотрение в монографии своеобразных форм научной мысли Китая, Индии, мусульманских стран в прошлом и настоящем, а также позитивное или критическое отношение исследователей указанных регионов к западноевропейской науке Нового, Новейшего времени.

Исследование Б. Ерасова завершается главой с шокирующим названием «Хаос и Криминал, как пост-цивилизационные состояния». Эти состояния, увы, не минуют и нынешнюю Россию. При этом Борис Сергеевич убедительно отстаивал в печатных работах и в устной полемике цивилизационный характер российского государства и культуры. Он подчеркивал, что народы России выдержали проверку истории на создание в северной части Евразии своей цивилизации; они выработали многоуровневую систему созидания духовных ценностей, а также традиций общекультурной универсальности. На наш взгляд, после появления монографии Б.

Ерасова в отечественной гуманитарной мысли стало сложнее публиковать откровенный вздор о российской цивилизации.

Литература

1. См.: Девятков А. Китайский путь для России. М., 2004.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 95–115.
3. См.: Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. М., 1997: вып.4; Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизациях. М., 1996; Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М., 1998 и др.
4. См.: Российская цивилизация / Под общ. ред. М.П. Мечдлова. М., 2003. С. 445.
5. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Изд-во Наука, 2002.

UNDERSTANDING RUSSIA: BREAKTHROUGHS AND DEAD ENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT (XVIII – EARLY XXI CENTURIES)¹

Avanesova G.A., Mironov A.V.

Higher Education, Higher Education Institution of the Russian Federation

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

¹ 1 Continuation. For the beginning, see № 3, 4, 5, 6 (2021), № 1, 2, 4 (2022), № 1, 4, 6, 11 (2023), № 4, 6 (2024), № 5 (2025).

Keywords: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Post-modern period.

References

1. See: Devyatov A. The Chinese Way for Russia. M., 2004.
2. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. M., 2003. Pp. 95–115.
3. See: Sledzevsky I.V. The Heuristic Possibilities and Limits of the Civilizational Approach // Civilizations. M., 1997: issue.4; Chernyak E.B. Civilography: The Science of Civilizations. Moscow, 1996; Orlova I.B. Eurasian Civilization. Moscow, 1998, etc.
4. See: Russian Civilization / Edited by M.P. Mchedlov. Moscow, 2003. P. 445
5. Yerasov B.S. Civilizations: Universals and Originality. Moscow: Nauka, 2002.

Влияние Альфонсо де Саморы и его методологии критического подхода к тексту Библии на мировоззрение спиритуалистов в Испании XVI в.

Мацкевич Доминик Иванович,

аспирант бюджетной формы обучения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук
E-mail: cathpost2013@gmail.com

Статья посвящена вкладу Альфонсо де Саморы в критический и рациональный взгляды на текст св. Писания, основанных на религиозно-философском и историческом контекстуальном подходе к тексту Библии. В статье подробно рассмотрена работа и методология Альфонсо де Саморы, а также влияние его работы на религиозно-философские взгляды спиритуалистов и Хуана де Вальдеса. Сделан анализ причин расхождения между католической ортодоксией и начинающимся складываться радикальным реформаторским движением спиритуализма.

Ключевые слова: Альфонсо де Самора, библия, религиозно-философские взгляды.

Введение

Данная статья посвящена вкладу Альфонсо де Саморы – одного из первых ученых–теологов, давших толчок образованию спиритуализма и радикального, реформационного движения, и представителя «нового христианства», как называет этот феномен Ричард Х. Попкин [8, с. 143–161], в развитие рационально-критического подхода к тексту св. Писания и его компаративного анализа. Следует указать, что работа отражает вклад Альфонсо де Саморы в гебраистику, как одного из первых авторов учебника иврита для не иудеев, за почти полуторатысячную историю христианства.

Необходимо остановиться на основных этапах биографии Альфонсо де Саморы [7] и рассказать об этом ученом–теологе более подробно.

Альфонсо де Самора был рожден в семье иудейского раввина, недалеко от городка Самора, в Испании. Его отец, Хуан де Самора, был раввином и руководил общиной в пригороде Саморы. К шестнадцати годам, Альфонсо прекрасно знал иврит, испанский и латынь. Он получил хорошее талмудическое образование и стал молодым и образованным раввином. Но после Эдикта 1492 г. [4, с. 14], о котором говорит С.Г. Лозинский, изданного правящей королевской четой Испании, Фердинандом II Арагонским и Изабеллой I Кастильской, Альфонсо с отцом вынуждены были покинуть родину.

Эдикт от 31 марта 1492 г. предписывал всем иудеям покинуть в трехмесячный срок королевство Испания, ибо дальнейшее нахождение на территории государства, грозило им смертной казнью.

Но понимание того, что в изгнании семейство жить не сможет, вынудило Альфонсо де Самору с семьей вернуться в Испанию, в родной город. А чтобы не было никакой опасности для дальнейшего проживания на территории испанского государства, отец и сын приняли крещение в римско-католической церкви и официально стали христианами.

Жизнь семейства была достаточно тяжелой, ведь по приезду раввин Хуан, не мог быть главой иудейской общины: все религии находились под запретом, кроме христианства.

В 1510 г. двухлетнее ожидание основной работы в университете Саламанки, где он уже работал с 1508 г. как временный преподаватель и помощник основного преподавателя, итальянца Диего Популето, на кафедре «иврита, халдейского и арабского языков» увенчалось успехом: король Фердинанд оказал протекцию Альфонсо де Саморе по причине того, что кардинал Хименес де Сиснерос, прекрасный знаток иврита, прослышал об Альфонсо и убедившись, что он прекрасный преподаватель, имея на него планы, попросил королеву Изабеллу о помощи молодому теологу.

После того, как Альфонсо де Самора получил признание в кругах ученых, теологов и преподавателей, его пригласил сам кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос в новый, открытый кардиналом университет Алькала-де-Энарес занять должность профессора иврита и арамейского языка.

Следующий этап характеризуется получением приглашения принять участие в работе группы теологов и переводчиков, для составления и редакции Библии Полиглотты.

Всю жизнь Альфонсо де Самора был связан с университетом Алькала-де-Энарес. Умер Альфонсо де Самора в глубокой для того времени старости в 1544 г., на шестьдесят девятом году жизни.

Говоря о деятельности Альфонсо де Саморы, в первую очередь необходимо сказать о его вкладе в историю развития философского понимания религиозных текстов, его вкладе в критическую и рациональную текстологию св. Писания, теорию перевода и переходу от простого понимания текстов св. Писания с точки зрения разных языков к семантической составляющей текста св. Писания как культурного текста, фактически как философа религиозного плана.

Как и в прошлой своей статье «Испанский период генезиса радикальной Реформации», автор разделяет четко по пунктам излагаемый материал, для упрощения освоения приведенной информации.

Феномен многоязычной библии

Предпосылки создания Библии Полиглотты

Для понимания вклада Альфонсо де Саморы в научное знание, как на почве философского осмысления текста св. Писания, так и в области сравнительного анализа текста.

Следует рассмотреть тот период, в который работал и преподавал Альфонсо де Самора.

В эту историческую эпоху Испанией, фактически, руководил кардинал Хименес де Сиснерос, который и решил провести реформу духовного образования в стране и открыл новый университет в городке Алькала-де-Энарес, по имени которого и называли само высшее учебное заведение, а также осуществить свою мечту – издать многоязычную Библию, которую, в соответствии с традиционной греческой терминологией, называли Библией Полиглоттой.

Одна из фигур, которая постоянно связана с группой теологов, работавших над многоязычной Библией, был Эразм Роттердамский. И нередко можно встретить слово эразмисты в кругу его сторонников в самой Испании. Он был первым, кто обратил внимание на тот факт, что есть латинский печатный текст, Нового Завета, а вот печатный текст греческого Нового Завета отсутствовал. Он восполнил этот пробел, издав в течение года греческий текст Нового Завета [3, с. 600–601].

Эразм Роттердамский был приглашен Хименесом де Сиснересом, однако отказался от этого приглашения.

«В средневековом обществе были сильны корпоративные и сословные связи между людьми, поэтому даже выдающиеся люди выступали, как правило, в качестве представителей той корпорации, той системы, которую они возглавляли, подобно главам феодального государства и церкви» [5, с. 74]. Иное мы видим в начале раннего Нового времени, тут уже многое зависит от таланта и способностей людей, их возможности. Альфонсо де Самора относится именно к типу индивидуального мастера, хотя и выступает еще от имени университета, но его индивидуальность, его стиль работы, четко маркируются. Их невозможно спутать с работой других филологов и переводчиков.

XVI в. был временем религиозных реформ и борьбы за господство различных теологических, философских и мировоззренческих явлений, движений, феноменов: реформационных движений, гуманистических идей, противостоящие последним такие феномены и церковные институты, как инквизиция и, чуть позже, контррефор-

мация. Все эти, диаметрально противоположные феномены существовали синхронно. Противоборство и соперничество между ними способствовали появлению новых подходов к изучению священных текстов и их философского и рационального переосмысления..

Традиционный догматический подход уже не удовлетворял образованные сословия, особенно университетских теологов. Начинают развиваться национальные языки, это оттесняло латинский текст и ставило вопрос о переводе на живые языки св. Писания. Лютер перевел Библию на немецкий, в Англии сделан был перевод короля Якова на английский язык. По этой причине, в это время, особенно важно было понять, изучить Библию, что и стало основой работы над Полиглоттой.

Иберийский полуостров после того, как там началась Реконкиста [4, с. 9], несмотря на все сложности был местом проживания населения, принадлежащего к разным религиям и даже деноминациям в рамках протестантизма. Это иудеи и мусульмане, радикальные и магистральные реформаторы, католики и, даже, православные, после падения Константинополя. Иудеи селились там еще с VIII в. здесь появились и представители Ислама. После завоевания полуострова новые, вестготские короли не особо вдавались в подробности веры их подданных, а «Альфонсо XI называл себя даже императором обеих религий – *Emperador de los dos cultos*» [4, с. 7]. Христиане, мусульмане и иудеи уживались между собой: часто христианские короли заключали союзы с мусульманскими халифами, это позволяло относительно мирно существовать.

Но после 1096 г., когда начался Первый крестовый поход, представители Ислама, которых называли маврами, фактически католической церковью были объявлены врагами христианского населения полуострова и местных христианских монархов. Однако не все так было однозначно в отношении самих светских властителей, которые были хорошо финансируемы иудейскими и исламскими общинами и их представителями. Веротерпимость монархов Иберийского полуострова во время войны за воцарение христианства на полуострове для Рима оказалась нонсенсом.

Христианские короли закрывали на все глаза, ибо свое благополучие было для них более весомым фактором, чем упреки из далекого Рима о покровительстве и пренебрежении Буллами и Указами Римского Понтифика. Ни IV Латеранский собор, ни собор в городе Вьенн, не давали результатов, ибо проблема с исполнением Указов, что следовали из Рима, «была, разумеется, не в самих прелатах, а в нежелании кастильского короля Фердинанда III Святого (1199–1252) отказываться от денег, которые приносили в казну мусульмане и иудеи» [4, с. 10].

Но постепенно, получив власть в лице инквизиции, католический клир, стал склонять христианскую королевскую власть к «освобождению» от иноверцев Иберийского полуострова. Особо в этом преуспели Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская – королевская чета объединенного королевства Испания. Эти правители, после разгрома 2 января 1492 г. этира Гранады – небольшого мусульманского анклава на юге полуострова – отказываются от титула королей двух религий и провозглашают себя католическими правителями.

За этим следует Альгамбский Эдикт, о котором упоминалось в начале. Это был первый в истории Эдикт, приказывающий всем иудеям покинуть королевство в течение трех месяцев, либо принять крещение. Крестившихся называли презрительно – марраны. Помимо марранов, были еще и мориски – маленькие мавры – это перешедшие в христианство представители Ислама, и некоторая часть цыган. Всю эту многообразную группу принято называть «новыми христианами».

Становится ясно, что много иудеев, принявших христианство, сделали это вынуждено, дабы не лишиться всего того, что их предки, проживая на Иберийском полуострове довольно долго, нажили и приобрели. Это была родина для многих из них, и куда им подаваться с веками насиженных мест – это тоже был серьезный вопрос. Вопрос, к которому по-разному отнеслись иудеи. Кто-то принял с легкостью новую веру, кто-то, перешагнув через собственное «я» и веками устоявшиеся традиции. Кто-то имел более сложные отношения с новой верой; к их числу в основном относились высокообразованные иудеи – знатоки иврита и толкователи Талмуда, но в то же время владевшие латынью и древнегреческим, превосходно разбиравшиеся в тонкостях христианской, исламской и иудейской теологии.

Эдикт 1492 г. был первым подобного рода эдиктом, который, фактически лишал целую этническую и религиозную группу права на проживание в государстве и требовал ее выселения за его пределы. Это был первый фактор, который имел место в тот исторический момент в Испанском королевстве. Второй фактор, который последовательно происходит за первым, и его особенно важно отразить в этом исследовании – это программная деятельность кардинала Франсиско Хименеса де Сиснероса, духовного опекуна и советника королевы Изабеллы I Кастильской, в частности его активная деятельность по созданию учебного заведения нового типа. Она имела две цели. Первая цель, образовательная, состояла в обучении и выпуске из стен университета Алькала-де-Энарес образованных и всесторонне развитых theologов и противопоставлении их гуманистам. Вторая цель, прикладная, заключалась в решении осуществить идею, которая долго витала в среде богословов, но не клира. За это Хименес де Сиснероса очень сильно критиковали, именно в среде католического клира, а вот в среде ученых, богословов, эта идея имела сильную поддержку. Этот проект заключался в создании Библии Полиглотты.

Библия Полиглотта

Как уже было, сказано Полиглотта – это трехязычное издание текстов св. Писания, расположенных в три колонки с параллельными соответствиями между собой.

Средняя часть текста на странице Полиглотты представляла собой латинский перевод, основанный на Вульгате – переводе Иеронима Стридонского всего ветхозаветного корпуса книг с текста Септуагинты (греческого перевода III в. до н.э. и еврейской Библии). Этот латинский перевод, фактически был идентичен Танаху по составу книг.

Параллельно латинскому тексту шли части, написанные на древнегреческом и иврите. Громаднейший и сложнейший, трудоемкий процесс создания Полиглотты требовал коллективного труда разных специалистов, в разных научных сферах: в филологии и теологии до философии, в том, что сейчас бы назвали историей религии и сравнительным религиоведением, а также в филоофией религии.

К глубокому сожалению, представители клира католической церкви были недостаточно образованны в области не только в иудейской филологии, и уж тем более религиозной философии или в вопросах иудейской религии, но и знание латыни у них было, порой, довольно специфическое. Священство в общей массе просто заучивало те, либо иные тексты наизусть. Это вело к своеобразной устной традиции, когда Отец и Сын в святой Троице воспринимались, как Отечество и дочь, о чем свидетельствует письмо папы Захария к Бонифацию. Конечно, это не касалось всего числа священнослужителей. Но стоит отметить, что одной из главных причин

появления Реформации был именно фактор симонии – покупки духовных сана, а с ним целых приходов, людьми порой очень далекими от церкви. Так же покупались должности людьми, едва владевшими латинским языком, ибо этот язык уже к началу XVI в. был более книжным, чем живым. Он уже не мог конкурировать с живыми языками, бытовавшими в Италии, Испании, и других регионах католического мира.

Хорошо латинским языком владели выпускники университетов, различных школ, в том числе раввины и имамы ведь первые жили на вышеупомянутой территории чуть менее тысячелетия, а вторые с VIII в. Тем более, знание этого языка было важным элементом культуры, ибо тут говорится об образованном сословии испанского общества.

Стоит отметить, что к началу раннего Нового времени грамотность не столько отражала сословный принцип, сколько принцип наличия финансовых возможностей, поэтому довольно богатые до периода гонения иудеи могли получить неплохое образование не только в области гебраистики, но и латинского языка.

Разработка и подготовка к проекту издания Полиглотты, показала то, что привлечены были для работы над редакцией и составлением многоязычной Библии самые образованные теологи, каких мог найти Хименес де Сиснерос, от Греции до Испании и Италии.

Именно таких людей и нанял Хименес де Сиснерос, для воплощения своей мечты – создания Библии Комплютенсы, или Полиглотты.

Первые три автора, указанные на странице, следующей за титульной, – это принявшие крещение бывшие иудеи из «новых христиан»: Пабло Коронель, Альфонсо де Алькала и Альфонсо де Самора.

Причина появления многоязычной Библии была в том, что такая Библия давала возможность сравнивать тексты на древних языках, которые можно назвать оригинальными с теми переводами, которые имелись на момент создания очередной Полиглотты. Ибо таких изданий многоязычных Библий было несколько. Однако Библия Комплютенса была первая в этом ряду, после изобретения печатного станка.

Одно из достоинств такого типа Библии, ее удобство, при анализе текста, понимания истории св. Писания и его языковедческого и теологического и религиозно-философского объяснения. Стоит отметить и использование Библии Полиглотты в образовательных целях. В издании такого типа Библии впервые печатным способом издана Септуагинта. Были изданы части переводов с фарси и арабского языков.

Полный тираж многотомной Библии вышел в свет в 1522 г. К глубокому сожалению, большая часть изданной в Испании Библии Полиглотты была безвозмездно потеряна, во время крушения испанского флота, перевозившего большую часть изданных книг морем. Книги перевозились по морю в Италию. В Ватикан, для одобрения Папской курии, в крупные центры и университеты того времени. Из 600 изданных книг в данный момент осталось только сто двадцать, часть из которых хранится в частных коллекциях, а часть в библиотеках университетов.

Критический подход Альфонсо де Саморы к тексту св. Писания

Методы работы Альфонсо де Саморы

Поскольку Хименес де Сиснерос поставил целью не только издать Библию на трех языках, но и сделать сравнение текстов на разных языках, то Альфонсо де Самора

занился именно еврейской частью Полиглотты и работой над Таргумом.

Прекрасно знавший иудейскую традицию и бывший когда-то раввином, Альфонсо де Самора должен был перевести на латинский язык часть Ветхого Завета, а также ее отредактировать. Необходимо сделать акцент на тех методах, что применялись к текстам еврейского источника. Это сравнение между собой нескольких текстов, для установления более точного содержания текста Ветхого Завета. По-видимому, Альфонсо де Самора имел возможность доступа, как к масоретскому тексту, так и, возможно, более древним, с их точки зрения, источникам. Известно, что в Испании их было очень много, и Хименес де Сиснерос платил большие деньги, посылая своих людей по всей стране, для покупки иудейских списков священных текстов. Сравнительно-текстологический анализ подразумевает анализ содержания с десятков или более списков священного текста, на наличие расхождений, или близости, или идентичности. Таким образом можно выявить наиболее часто встречающийся текст и отобрать его, как более верный, правильный. То же делается и с текстами на другом языке. Выявив текст на иврите, более правильного содержания, а значит не имеющий больших отклонений, с ним сравнивается перевод. И тот латинский перевод, который больше всего близок к тексту менее искаженному, т.е. списку на иврите, тоже отбирается и выделяется как самый близкий к языку источника с текста, которого делается перевод.

Следующим за сравнительным анализом, следует упомянуть и анализ филологический: грамматики, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, то есть словосочетаний, имеющих устойчивые смысловые значения, которые не всегда можно перевести буквально. Стоит упомянуть текст Таргума Онкелоса. Альфонсо де Самора, по всей видимости сопоставлял свой арамейский перевод с оригиналом на иврите, таким образом убирая неточности, он делал редактуру и корректировку текста Таргума. Стоит также отметить, что его труд имел влияние на последующие работы редакторов и, в частности, христианскую экзегезу.

«В Средневековье (да и в контексте рассматриваемого раннего Нового времени — Д.М.) развивается, в первую очередь, и это связано с религиозным духом эпохи, библейская экзегетика, которая истолковывала тексты Священного писания» [2, с. 362]. Именно в этой области и работал Альфонсо де Самора, дополняя ее и философским и религиозным подходом.

Он сравнивает два близких языка — иврит и арамейский, и таким образом он устраняет неточности в том, или ином тексте; в передаче смысла, заложенного в тексте. И этим достигается более корректное содержание текстов и на иврите, и на арамейском языке. Это дает возможность правильно трактовать и понимать, без искажений, тексты св. Писания, обращая внимание на философско-исторический контекст.

«История дискурсов все более усложняется и обогащается за счет того, что исходная ситуация, в которой высказывается и совершает свою работу автор, существенно отличается от непредсказуемой цепочки последующих прочтений и интерпретаций текстов читателями, часто совсем неизвестными с оригинальным контекстом высказывания» [1, с. 33]. Именно по этой причине анализируя как тексты на иврите, так и тексты на арамейском языке, являясь носителем языка, Альфонсо де Самора так много внимания уделял контексту, как историческому, идеологическому, как сегодня бы сказали и философскому, так и религиозному, который был соотнесен с тем, либо иным тестом.

Работа над сравнительным анализом текстов, филологический-семантический анализ, полемика (на публику) с иудейской традицией, включала в себя следующее.

1. Использование разнообразных источников

А) Масоретские рукописи: Альфонсо де Самора критически сверял разные тексты Танаха, написанные на иврите, сюда же входили и тексты с различного рода диакритическими знаками, огласовками, разной пунктуацией.

Б) Таргум Онкелоса: тщательная работа по критическому сопоставлению и анализу переводов Альфонсо де Саморы и текстов на иврите, а также приведение их к нормативному языку, и их правка. В том числе и правка синтаксиса, для приведения арамейского перевода Альфонсо де Саморы в соответствие с источником на иврите.

В) Тексты не на иврите: Альфонсо де Самора рассматривал параллельно, как древнегреческий, так и латинские тексты, находил в них разночтения и делал реконструкцию исходного текста.

2. Филологический анализ

А) Грамматическая реконструкция: Альфонсо де Самора использовал знание иврита и его грамматики, ибо это был его родной язык, а также работы Давида Кимхи — одного из наиболее известных ученых раввинов из семейства Кимхи. Куда входили еще и Иосиф, и Моше. Он составил справочник для переписчиков Библии «Эт софер» (Трость писца), в котором дал сокращенное изложение материала, вошедшего в «Сефер михлоль», «Полную книгу», то есть толкование на книгу Царей «Мелахим», сочинение, содержащее и грамматику, и словарь иврита.

Б) Отход от буквального перевода: Он отходил от буквального понимания смысла, когда контекстуальное требование диктовало иное понимание смысла, чем буквальное. В книге, которая идет под соавторством с И. Абрабанелем «Nebiim ahronim im perush Don Yitshaq Abravanel» — «Последние пророки с комментариями Дона Ицхака Абрабанеля» [11, с. 256], он заявляет, что в комментариях к книгам Пророков необходимо учитывать тот исторический фон, когда эти пророчества совершались.

3. Polemika с раввинистической традицией

А) Критика мидрашей: часто в предисловиях к текстам переводов, Альфонсо де Самора, указывал на аллегории в толковании книг Танаха. По его мнению, это сильно искажало истинный смысл написанного. Например, он был против толкования Псалтири как книги о всякого рода пророчествах.

Б) Корректировка «христианского» непонимания текста: трудясь на почве католического теолога и философа, а также и филолога-переводчика, Альфонсо де Самора сохранил научную объективность. Касательно книги пророка Даниила. Он писал, что отрицает эсхатологический характер последних ее глав, поскольку стиль письма автора этой книги в месте, где говорится об эсхатологической тематике, сильно отличается от того стиля, которым написана большая часть текста книги пророка Даниила.

4. Технические инновации Альфонсо де Саморы

Он стал применять сводные таблицы: в третьем томе Комплютенской Библии он поместил сравнительные таблицы лексики из параллельных мест Священного Писания. После него часто авторы учебников стали использовать этот метод.

5. Значение работы

Альфонсо де Самора смог заложил основу критики текста св. Писания. Его методы были первым опытом,

который потом развили и довели до совершенства такие философы, как Иоганн Веттштейн, библеист и текстолог, критик Нового Завета, так и Юлиус Велльгаузен, библеист, востоковед, арабист, текстолог и критик текста св. Писания.

Перечислим основные принципы методологии в области филологии Альфонсо де Саморы:

- Приоритет древнейших рукописей над традицией.
- Подход с позиции исторического, философско-идеологического контекста к лексическому.
- Отказ от догматических предубеждений при установлении «*textus receptus*».
- Не взирая на цензуру инквизиции, к примеру комментарии и перевод книги Песни Песней, его подход сделался образцовым для издания и работы над подобными книгами – Антверпенской Полиглотты и *Biblia Hebraica* Киттеля.

Работа над Библией Полиглоттой, призванной объединить различные переводы, позволила Альфонсо де Саморе применить свои знания в области языков, текстологии, критики, и религиозной философии. Альфонсо де Самора занимался сравнительным анализом различных текстовых традиций, с точки зрения исторического и религиозно-философского мировоззрения, что стало основным методом его работы.

После этой работы над Библией Полиглоттой, Альфонсо де Самора начал работать и над изданием учебника еврейской грамматики для студентов Университета Алкала-де-Энарес, в котором учился и Хуан де Вальдес

Введение в искусство еврейской грамматики

Впервые в истории христианства, учебник по ивриту написал, конечно, Иоганн Ройхлин в 1506 г., он назывался «*Rudimenta linguae hebraicae*». Учебник же написанный Альфонсо де Саморой, имеет для науки большую значимость, по следующим причинам.

И. Рейхлин писал для начинающих [9, с. 144], его учебник менее богат и содержателен. Учебник И. Рейхлина содержит сведения об алфавите, огласовках, некоторые части из морфологии и примеры из Танаха.

«Введение в искусство еврейской грамматики» Альфонсо де Саморы, более содержательный и развернутый учебник. Он предназначался для студентов теологов и давал более обширные знания. Этот учебник предназначался именно ученым, а не просто тем, кто хотел научиться читать на иврите. В содержательной части стоит отметить наличие большого числа сводных таблиц морфологических форм, подробный разбор синтаксиса иврита, сравнительный анализ текстов на арамейском языке и иврите, для лучшего понимания комментариев к Талмуду. Учебник содержал достаточное количество упражнений для перевода. Но главная его ценность – это систематичность и постепенность подачи материала.

По сей причине несмотря на то, что за И. Рейхлином закреплено первенство в плане составления учебника для людей, не владеющих ивритом, «Введение...» Альфонсо де Саморы остается образцом для всех последующих учебников по ивриту для людей, не владеющих этим языком. Можно сказать, что за полторы тысячи лет был написан полноценный учебник иврита, с правилами фонетики и орфографии, грамматики, содержащий в себе словарь и таблицы. Создавая свой труд, Альфонсо де Самора снабдил его следующим введением: «Было [это] в дни господина нашего правителя дона Карлоса, короля Испании и Рима, возвышающего нашу святую веру, в одиннадцатый год его царствования. Я, Альфонсо де Самора, сын мудреца Хуана де Саморы, прозванного Библий, составил эту книгу по грамматике священ-

ного языка вместе с прочими речениями, записанными с ней. И она дополняется всеми его корнями. Потом я переписал это на латынь в соответствии с порядком [этого языка], его сутью и его использованием, [привлекая] все, чего достигла моя рука и что я видел в древних книгах по грамматике. И это я сделал по разрешению и по приказу нашего господина архиепископа Толедо (ибо он первый среди священников Испании, и его величие и достоинству весь его народ всегда удивляется и восхищается), который зовется дон Альфонсо де Фонсека. Составил я ее здесь, в Алкала-де-Энарес в доме мудрости и в общине мудрецов и учителей, которые там были, ибо все знали обо мне, и они поддерживали и укрепляли меня [в намерении] составить [эту книгу], и более всех – великий учитель и мудрец Педро Сируэло, ибо он помог мне изо всех его сил в совершенствовании моего замысла, который мудростью божьей невинен. Ибо с великой трудностью я сделал это потому, что было у вас сильное желание знать и понимать этот язык, потому что есть сильная нужда в том, чтобы просветить вас в нем, чтобы вам было достаточно понимать тайны 24 книг, подобных сапфирам, все они ясны для понимания и очевидны для того, кто умеет находить мудрость. И в согласии всех я сделал это для служения Богу ужасающему и грозному, пока дышит день и не полагал я в золоте опору мою (Иов 31:24)» [12].

Таким образом, Альфонсо де Самору можно назвать одним из первых филологов, ученых, который провел компаративный анализ иудейского и латинского вариантов Библии Полиглотты, сделал корректировку переводов арамейского Таргума Онкелоса и написал полноценное пособие по ивриту для не тех людей, которые, не зная этот язык решались бы освоить его.

Альфонсо де Самора одним из первых богословов стал использовать критический метод в библеистике, рассматривая различные версии библейских текстов. Его подход заключался в выявлении расхождений, установлении исторического контекста и понимании интерпретаций. Это позволило не только улучшить качество переводов, но и выступило против догматических подходов, ставя на первое место научные методы исследования.

Научный метод Альфонсо основывался на филологических критических методах, что дало ему возможность находить скрытые смыслы и особенности языка. Это была новая ступень в исследовании библейских текстов, где внимание уделялось не только слову, но и его структуре, грамматике, стилистике и контексту.

Так же рассматривая деятельность Альфонсо де Саморы, можно сделать вывод, что он был первым составителем полноценного пособия по ивриту для не иудеев. И это важный фактор, его стоит отметить особенно. «Введение...» было написано на двух языках: иврите и латыни, с латинским подстрочником. Все произношение было дано латинской транскрипцией, передано латинскими буквами. Исходя из этого можно сделать вывод, что любой, образованный человек, мог изучить иврит и читать Ветхозаветные книги св. Писания на иврите. Это был вклад Альфонсо де Саморы в только начинавшееся оформляться сравнительное богословие и гебраистику.

Спиритуализм, как синтез мистики и рационального критицизма

Отбросив рудиментарные основания мистического плана в сторону, стоит сказать, что спиритуалисты, и Хуан де Вальдес на всю мощь использовали критический и ра-

циональный подход к св. Писанию. Это было следствием работы и методологической практики учителя Хуана де Вальдеса, Альфонсо де Саморы. Отсюда можно вывести причину отвержения спиритуалистами догмата о святой Троице, о чудесном рождении Христа от св. Духа и, приписываемую ортодоксальным католицизмом Христу, божественную природу, то есть причисление его к одному из лиц св. Троицы.

Все эти, и более мелкие догматы, к примеру – крещение младенцев, и онтологический статус Евхаристии, Папская власть и посредничество священников, участие в коллективной религиозной практике, институт святых, тоже отвергались спиритуалистами, в следствии их критического и рационального подхода к св. Писанию.

Таким образом, можно проследить эволюцию от методологического подхода, которому учили в Алькала-де Энарес к религиозно-философской доктрине Спиритуализма и отношения его к ортодоксальному учению.

А также и последующими за ним движениями радикальной Реформации – анабаптизмом и «Польскими братьями» – рациональным христианством.

По незнанию истории своей церкви, почему-то, называемыми магистральными реформаторами и реформатами арианами.

Заключение

В заключении хотелось бы подвести итоги всего выше сказанного о вкладе Альфонсо де Саморы в историю оформления критического подхода спиритуалистов и последующих за ними радикальных реформаторов – анабаптистов, рациональных христиан и намного позже уни- тариан.

Стоит начать с того, что Альфонсо де Самора был из «новых христиан». Он был не просто бывшим иудеем, принявшим христианское крещение, но новым христианином. Вопрос только в том, насколько его вера была в христианскую Троицу истинной. Или он скрывал реальность? Именно тут начинается точка отсчета – либо он криптоиудей, либо он хороший новый христианин.

Доктор Ахува Хо дает очень внятный и достаточный обоснованный ответ. «Однако большинство евреев, оставшихся в Испании, называемых “криптоевреями”, продолжали тайно исповедовать свою религию в той или иной форме. Альфонсо оправдывал свое пребывание в Испании, сравнивая себя с Иосифом и Даниилом, которые остались в своих землях, чтобы принести пользу миру, обучая языческую властную структуру красоте еврейской мудрости. В своих комментариях Альфонсо подчеркивал этическое превосходство патриархов, матриархов и королей евреев над христианами. Он настаивал на том, чтобы конверсо сохраняли надежду, что Бог спасет их и вернет в Сион» [6].

Работая в качестве переводчика и филолога, он внес большой вклад в развитие гебраистик и библейской текстологии, но ив религиозно-философский и исторический контекстный подход к пониманию текста Библии. Он работал над изданием и редакцией, созданием Библии Полиглотты. Он составил и грамматические и лексикографологические текстологические схемы, таблицы, для морфологических форм иврита. Им были созданы и разработаны огласовки, для более точного чтения св. Писания на иврите. Он написал труд «Introductiones artis grammatice hebraicae», который стал учебником иврита для многих христиан, даже не теологов.

Альфонсо де Самора написал в 1506 г. первый в мире иврита-латинский словарь. Если говорить о текстологической критике, он выявлял ошибки в латинском переводе Библии, сравнивая его с текстами на иврите, кото-

рые он долгое время сопоставлял, проверял, и привел их в надлежащее для использования состояние.

Он разработал религиозно-философский и исторический контекстуальный подход к тексту, на основе экзегетики раввинистической традиции. Стоит отметить, что сам Альфонсо де Самора переводил и чисто иудейские книги на латинский язык. Примером тому может служить книга «Зо(х)ар», переведенная им.

Время деятельности Саморы интересно тем, что даже под самым жестоким надзором инквизиции этот человек смог сделать так много для продвижения гуманизма в области философии и истории, филологии и экзегетики.

Самое удивительное в деятельности, да и в жизни Альфонсо де Саморы было то, что внешне он был христианином. Но таким христианином, который оказался главным проводником еврейской филологической традиции в Европе.

Часто его мысли мы находим у Лютера, гуманиста Эразма, вдохновителя движения спиритуалистов, Хуана де Вальдеса, Мигеля Сервета и Фауста Социна. Ну и, конечно же, у кардинала Хименеса де Сиснероса, который боготворил Альфонсо де Самору.

Главное же – это то, что его методологические принципы не остались без внимания – и пример тому движение Спиритуализма в Испании, и Италии, а затем и эмигрировавшие в Нижнерейнский регион, в виде анабаптизма и церкви «Братьев Польских» в Речи Посполитой, движения радикальной Реформации.

Литература

1. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
2. Кузьменко Н.Г. Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 450 с.
3. Лега П.В. История западной философии: в 2 кн. Кн. 1: Античность. Средневековье. Возрождение. М.: ПСТГУ, 2023. 648 с.
4. Лозинский С.Г. История испанской инквизиции. М.: Ломоносовъ, 2018. 304 с.
5. Философия. История и теория: учебник для вузов. / Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина; сост. П.П. Апрышко. М.: Мир философии, 2023. 799 с.
6. Dr. Ahuva Ho. Was One of Catholic Spain's Prominent Religious Scholars Secretly Jewish? // The National Library of Israel. 08.02.2021. URL: <https://blog.nli.org.il/en/lbh-zamora> (дата обращения: 04.04.2025).
7. Kohut A.G. Alfonso de Zamora // Kohut A.G. Jewish Encyclopedia. URL: www.jewishencyclopedia.com/articles/1201-alfonso-de-alcala (дата обращения: 30.03.2025).
8. Popkin Richard H. Marranos. New Christians and the beginnings of modern anti-Trinitarianism // Jews and Conversos at the Time of the Expulsion: Collection of essays / Eds. Yom Tov, Assis. Jerusalem, 1999. P. 143–161.
9. Reuchlin J. Rudimenta Linguae Hebraicae: scholis publicis et domesticae disciplinae brevissime accommodata. Charleston: Nabu Press, 2012. 144 p.
10. St. Bonifatius. Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus. Berlin: Wiedmannsche Buchhandlung, 1916. 290 S.
11. Yitshaq A., Zamora Alfonso de. Nebiim ahronim im perush Don Yitshaq Abravanel. M.: Nobel Press, 2025. 394 D.
12. Zamora Alfonso de. Introductiones artis grammatice hebraicae. Alcala-de-Enares: Universidad de Alcala, 1527. 464 p.

THE INFLUENCE OF ALFONSO DE ZAMORA AND HIS METHODOLOGY OF A CRITICAL APPROACH TO THE TEXT OF THE BIBLE ON THE WORLDVIEW OF SPIRITUALISTS IN SPAIN IN THE XVI CENTURY

Matskevich D.I.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

This article is devoted to Alfonso de Zamora's contribution to critical and rational views on the text of Holy Scripture, based on a religious-philosophical and historical contextual approach to the text of the Bible. The article examines in detail the work and methodology of Alfonso de Zamora, as well as the influence of his work on the religious and philosophical views of spiritualists and Juan de Valdés. An analysis is made of the reasons for the divergence between Catholic orthodoxy and the emerging radical reformist movement of spiritualism.

Keywords: Alfonso de Zamora, the Bible, religious and philosophical views.

References

1. The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History / Comp. T.M. Atnashev, M.B. Velizhev. Moscow: New Literary Review, 2018. 632 p.
2. Kuzmenko N.G. Philosophy and Methodology of Science: A Textbook for Master's Degree Students. Moscow: Yurait, 2015. 450 p.
3. Lega P.V. History of Western Philosophy: in 2 books. Book 1: Antiquity. Middle Ages. Renaissance. Moscow: PSTGU, 2023. 648 p.
4. Lozinsky S.G. History of the Spanish Inquisition. Moscow: Lomonosov, 2018. 304 p.
5. Philosophy. History and Theory: A Textbook for Universities. / Ed. A.A. Guseinov and Yu.N. Solodukhina; compiled by P.P. Apryshko. Moscow: Mir Filosofii, 2023. 799 p.
6. Dr. Ahuva Ho. Was One of Catholic Spain's Prominent Religious Scholars Secretly Jewish? // The National Library of Israel. 08.02.2021. URL: <https://blog.nli.org.il/en/lbh-zamora> (accessed: 04.04.2025).
7. Kohut A.G. Alfonso de Zamora // Kohut A.G. Jewish Encyclopedia. URL: www.jewishencyclopedia.com/articles/1201-alfonso-de-alcala (accessed: 30.03.2025).
8. Popkin Richard H. Marranos. New Christians and the beginnings of modern anti-Trinitarianism // Jews and Conversos at the Time of the Expulsion: Collection of essays / Eds. Yom Tov, Assis. Jerusalem, 1999, pp. 143–161.
9. Reuchlin J. Rudimenta Linguae Hebraicae: scholis publicis et domesticae disciplinae brevissime accommodata. Charleston: Nabu Press, 2012. 144 p.
10. St. Bonifatius. Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus. Berlin: Wiedmannsche Buchhandlung, 1916. 290 S.
11. Yitshaq A., Zamora Alfonso de. Nebiim ahronim im perush Don Yitshaq Abravanel. M.: Nobel Press, 2025. 394 D.
12. Zamora Alfonso de. Introductiones artis grammaticae hebraice. Alcala-de-Henares: Universidad de Alcala, 1527. 464 p.

Призвание Богом на просветительское служение ветхозаветных пророков и преемственность в призвании апостолов

Смулов Алексей Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, магистр теологии,
профессор кафедры Миссиологии, Православный Свято-
Тихоновский гуманитарный университет
E-mail: jeger@bk.ru

В статье дается анализ порядка призвания Богом ветхозаветных пророков на просветительское служение. Излагаются этапы призвания на служение пророков Исаии, Иеремии и Иезекииля, показывается преемственность в призвании апостолов. Подтверждается развитие духовно-нравственного просвещения от ветхозаветных пророков к земному служению Иисуса Христа и к Его апостолам. Указывается на первостепенное значение личного опыта Богообщения и личного примера просветителя. Констатируется расширение апостольского просвещения от Израиля до «края земли». На основе Посланий рассматриваются представления ап Павла о духовно-нравственном просвещении.

Ключевые слова: ветхозаветные пророки, призвание на служение, научение пророков, ответственность пророков, апостолы, проповедь, евангелизация, духовно-нравственное просвещение.

Ветхозаветные пророки служили целям духовно-нравственного воспитания людей. Состав пророков весьма разнообразен, Бог призывал их и направлял на служение, по очень грубой оценке, в течении более чем 2000 лет. Изначально пророки призывались достаточно редко (1 чел. в 100–200 лет), но к концу «эпохи пророков» Бог призывал по несколько пророков в течении одного века.

Отметим важнейшее свойство пророческого служения. Ветхозаветный пророк Осия указывает на то, что именно Сам Господь Бог определял содержание пророчества: «Я говорил к пророкам, и умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи» (Ос. 12:10). Это же правило подтверждает ап Петр: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2Пет. 1:21, см. стихи 16–21).

Первым пророком признается Ной, который, согласно тексту Септуагинты («перевод семидесяти старцев» – выполненное в г. Александрия в III–I вв. до Рождества Христова собрание переводов на древнегреческий язык еврейских текстов Ветхого Завета), родился в 1662 г. «от сотворения мира». В это время продолжается и явно наблюдается забота и Промысел Божий о всякой твари («всякою душою живою» – слова эти дважды повторяются в Быт. 9:10и12), в первую очередь о человеке и всем человечестве без исключения, Бог «объявляет» Ною свой Завет (Быт. 9:9–13). Духовно-нравственное просвещение должно быть адресовано (направлено) ко всем народам. Понимание Промысла Божиего о Спасении человека можно отнести уже к завету с пророком Авраамом.

Последний пророк, которого часто именуют «Печать Пророков» (как замыкающего список ветхозаветных пророков) – малый пророк Малахия, жил в V в. до Р.Х. во время правления Неемии, наместника персидского царя Артаксеркса I (правил в 465–424 гг. до н.э.) [7].

Пророки являлись одновременно просветителями своего народа и народов их окружающих (хотя и во много меньшей степени). Особым случаем стоит здесь пророк Иона, который обратил от греха к спасению, хотя и временному, население крупного города, времен Ветхого Завета, Ниневии [6].

Через 150 лет иудейский пророк Наум, по велению Господа, вновь возвращается к гневному осуждению (Наум 1:8, 3:1,3и7) Ниневии (Наум 1:1). И это пророчество исполняется точно и немедленно. В чем же причина греховности и бед Ниневии? Ответ очевиден: скорее всего, после Ионы никакого продолжения духовно-нравственного просвещения не последовало, духовная поддержка оказана не была, и народ «великого города» вновь забыл о Боге и погряз в грехах.

Поведение пророка Ионы является наиболее ярким примером того, как Господь понуждал евреев просвещать другие народы. По целому ряду веских причин, Иона, как и практически все иудеи (в том числе пророки Моисей: Исх. 3:11, 4:13 и Иеремия: Иер. 1:6), уклонялся от просветительского служения. Однако, факты некоторой просветительской деятельности фарисеев подтверждаются словами ап. Матфея: «Горе вам, книжники

и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23:15). То есть, во время своих путешествий по суше и морю они проповедовали с целью обращения язычников в иудейскую веру. Тем не менее, результат обращения становился для «просвещенных» большим злом, нежели если бы они оставались во власти язычества [3]. Главная же роль в обращении язычников в иудейство принадлежала синагогам, которые привлекали в поле своего влияния не только прозелитов (лиц, полностью принимавших законы и обряды иудеев), но и «богобоязненных» (лиц, принявших иудейскую нравственность и культуру, но не обрезанных).

При этом следует четко понимать, что в дальнейшем не евреи, а именно Бог Израиля приглашал язычников к общению с Собой, к Спасению. Устами пророка Исаии Он говорит: «Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли, ибо я Бог, и нет иного. Мною клянусь: из уст Моих исходит правда, слово неизменное, что предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» (Ис. 45:22–23). В книге Ионы отмечено встречное понимание и принятие язычниками призыва Господня и, по существу, их желание познать Бога и Его Истины: «И устрашились эти люди Господа великим страхом, и принесли Господу жертву, и дали обеты» (Иона 1:16) и «поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во ветища, от большого из них до малого» (Иона 3:5 и далее до ст. 10).

Достаточно подробно духовно-нравственные уроки пророков изложены в издании [7], поэтому здесь останавливаться на них нет необходимости.

Рассмотрим примеры призвания от Господа Его пророков на служение.

Видение великому пророку Исаии (жил в VIII–VII вв. до Р.Х. при царях Иудейских Озии, Иоафаме, Ахазе, Езекии и Манассии – см. Ис. 1:1) Господа во Славе Его и призвание на служение.

Как же происходило это призвание?

1. Получение Исаией видения Господа, в окружении Серафимов, и прославление Его «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис. 6:2–4).

2. Признание Исаией своей нечистоты, равно и нечистоты израильского народа, ожидание им своей смерти, как видевшего Господа (ст. 5).

3. Очищение Серафимом Исаии от грехов и особо уст его при помощи огня – горящего угля, взятого от жертвенника (ст. 6–7).

4. Призвание Исаии Господом на служение и личное согласие будущего пророка (ст. 8: «И я сказал: вот я, пошли меня»).

5. Описание Господом причин и задачи назначаемого пророческого служения. Причина: израильский народ Бога слышит, но не принимает Его слов, видит святое и тоже не принимает, потому что «огрубело сердце народа сего ... и очи свои сомкнули ... и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (ст. 9–10). Задача: духовно просветить отступивший от Господа израильский народ.

Таким образом, процесс призвания пророка является цепь взаимосвязанных и последовательных элементов (событий): прославление Господа; самопризнание грехов кандидатом, избранным Богом в пророки, и проявление им страха Божия; очищение будущего пророка и уст его от грехов; собственно «призвание» по согласию человека; описание Господом причины призвания и постановка цели и задач.

Призвание великого пророка Иеремии (жил в VII–VI вв. до Рождества Христова при царях Иудей-

ских Иосии, Иоахазе, Иоакиме, Иехонии и Седекии – см. Иер. 1:1–3).

Вот, что читаем в тексте книги Иеремии в Священном Писании Ветхого Завета:

1. Было слово Господне, где Господь указывал Иеремию на познание его еще во чреве матери, на освящение (избрание) пророком «для народов и царств» (Иер. 1:4–5и10). То есть избрал («поставил») просветителем не для одного только еврейского (хотя и в первую очередь – ст. 18) народа, но для многих народов.

2. Иеремию признается в неумении «говорить», по своей молодости (ст. 6).

3. Господь укрепляет будущего пророка (призывает не бояться своего служения, обещает от Себя всегда быть рядом и избавлять от возможного зла) и обязует идти «ко всем» (к кому будет послан Богом) и говорить то, что будет повелено Богом (ст. 7–8, 17–19).

4. Господь лично очищает уста Иеремии (путем их касания) и вкладывает Свои слова в его уста (ст. 9).

5. Постановка цели и задачи пророческого служения. Цель: просвещение народов. Задачи: искоренять грехи и разорять места идолослужения (капища); губить соблазняющих народы и разрушать заблуждения людей; созидать жизнь в Истине Божией и насаждать исполнение Закона и слов Господних (ст. 10).

6. Господь учит Иеремию пониманию смысла видений и слов Господних (ст. 11–15), указывает на строгость Суда Божиего над беззакониями людскими (ст. 16).

Здесь последовательность призвания к служению пророка дополняется расширением поля служения до многих народов и царств, заверением Господа о постоянной помощи и защите, а также «обучением» правильного понимания слов Бога, адресованных пророку-просветителю.

Призвание великого пророка Иезекииля (жил в VII–VI вв. до Р.Х. при царе Нововавилонском Навуходоносоре II, который правил с 605 до 562 г. до н.э.).

1. Иезекииль получил видение славы Господней, признал величие Господа, услышал глас Бога и получил дар Духа Святого для своего служения (Иез. 2:1–2; 3:23–24). Направлен он был к, жестоковыйному и непокорному Богу, обществу израилю (2:3–4; 3:1и4), при этом было дано замечание о том, что «многие народы», в отличие от евреев, «послушались бы тебя» (2:5–6). Обращаться к народу следовало словами Самого Господа (2:4; 3:4,7и27).

2. Господь укрепляет человека, направляемого Им на служение: «не бойся их и не бойся речей их, если они волчцами и тернами будут для тебя, и ты будешь жить у скорпионов; не бойся речей их и не страшись лица их» (2:6). Предупреждает от возможного уныния: «дом Израилев не захочет слушать тебя; ибо они не хотят слушать Меня, потому что весь дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем» (3:7).

3. Очищение и вложения в уста слова Божиего (3:1–3).

4. Цели и задачи служения: преодоление отступления евреев от Бога путем донесения слова Божия (2:4), духовно-нравственное просвещение израильского народа.

5. Научение и просвещение Господом самого пророка наблюдаем в стихах 2:9–10 и 3:1–3. Обратим внимание на то, что слово духовного просвещения может нести в себе «плач, и стон, и горе» (2:10), но одновременно: «сладко, как мед» (3:3).

В данном отрывке Св Писания мы видим еще один новый компонент: ответственность пророка-просветителя за свою деятельность и условия освобождения от нее. Пророк должен говорить независимо от того будут ли его

слушать или нет, а слушатели должны знать, что «был пророк среди них» (Иез. 2:5и7). Когда пророк, по слову Божию, будет добросовестно исполнять свои труды по вразумлению «беззаконников» и бывших «праведников», но они не вразумляются, то просветитель-вразумитель будет освобожден от ответственности (3:19и21). В противном случае, при бездействии, пророк ответит своей кровью (3:18и20).

Покажем наглядно основные моменты призвания пророков на служение (рис. 1).

Основным во всех трех рассмотренных случаях призвания пророков являлся личный опыт Богообщения, на втором месте шел личный пример духовного просветителя. Таким образом, можно признать, что основой просвещения со стороны пророков была «внутренняя миссия» и, лишь отчасти, как исключение, их «миссия внешняя» — к язычникам. Задача же обращения язычников к Единому Богу, Господом не ставилась, целью был призыв к покаянию (как, собственно, и евреев). В этот период, как замечают авторы [4], «вера в Бога была напрямую связана с ... жизнью по Его закону, записанному Моисеем» [4, с. 15]. Более того, в соответствии с требованиями стихов Исх. 23:31–33, иудеи не должны были вообще вступать в отношения с другими народами, тем более «с богами их». И все же, как замечает протоирей Александр Гинкель, иноверцы (языческие народы) имели возможность познания Божественного Промысла и обретения веры в Единого Бога, в частности, через Божии Творения, а позднее (примерно с XIII до V века до Р.Х. и даже ранее) через тексты Псалтири и притч (см., например, Пс. 18:2–5 и 48:2–5) [2, с. 163].

Рис. 1. Ключевые аспекты Божественного призвания на служение ветхозаветных пророков

Источник: составлено автором.

Новозаветная просветительская деятельность начинается с момента начала служения «совершенного <...> идеального миссионера» [8] Христа, который читал в синагоге Назарета отрывок из Книги пророка Исаии: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное» (Лк. 4:18–19, полностью см. Лк. 4:16–21, слова из Книги Исаии – Ис. 61:1–2). Таким образом, Сын Божий показал, что приведенные слова есть слова именно о Нем, а также указал на преемственность от ветхозаветного просвещения. В последующем Он прямо говорит об этой пре-

емственности: «надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах» (Лк. 24:44). Начиная свое земное просветительское служение Иисус Христос определяет Свою роль в нем такими словами: «ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4:21).

Господь Иисус Христос начал свое общественное служение в Галилее словами: «покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1:15) и призывом: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17).

В Новозаветное время проповедь Евангелия, то есть духовное просвещение народов становится всеобщим – вселенским (см., в частности, Мф. 28:19, Деян. 1:8, 2:6, Рим. 2:11, 3:9, Гал. 3:28, и др.).

Как следует из Св Писания, изначально, по повелению Иисуса Христа, апостолы просвещали исключительно иудеев. Однако, после вразумления ап Петра (см. Деян. 10:10–17и28), после сошествия на язычников Духа Святого и крещения дома сотника Корнилия (Деян. 10:43–48), после рассказа ап Петра и согласия других апостолов (см. Деян. 11:4–18), просвещение стало во все большей степени распространяться на языческие народы.

Апостольская проповедь в новом городе всегда начиналась с евреев, собравшихся в синагоге. Однако, поскольку евреи не только не воспринимали свидетельства и благовестия, но и сопротивлялись словам просвещения (в частности, ап Павла и ап Варнавы), то апостолы поясняли свой переход к проповеди язычникам: «... вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46). Принципиальный вывод был сделан ап Петром еще при крещении сотника Корнилия: «... истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10:34–35).

Приведем здесь замечание о. Луки Верониса о просветителях (миссионерах): «Вы – соль земли ... Вы – свет мира ... Пусть ваш свет сияет перед другими, чтобы они могли видеть ваши добрые дела и восхвалять вашего Отца небесного» (Мф. 5:13,14,16). ... Мы получаем свет Христа не для того, чтобы хранить его в себе. Как и в Ветхом Завете, мы снова должны понять проблему получения благословения, чтобы благословлять. Мы получаем свет Христа, чтобы стать зеркалами, отражающими этот свет во всем мире вокруг нас!» [8]. Свет же есть Сам Христос: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12).

Переходя к анализу просветительского апостольского служения, видим, что избирал апостолов Сам Бог, в лице Господа Иисуса Христа (Ин. 15:16и19, 20:21), сначала двенадцать (Лк. 6:13), и затем – семьдесят (Лк. 10:1).

Господь определяет цели, задачи и территории апостольского просвещения.

Главная и непреходящая для просвещения народов тема-цель, как указывает о. Лука Веронис [8], со ссылкой на апостола и евангелиста Луку, определяется следующим стихом книги Деяния: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Деян. 2:32). Отец Лука поясняет: «Вот то важнейшее свидетельство, вокруг которого строится все христианство!» [8], теперь уже следуя словам ап Павла: «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал» (1Кор. 15:14–15).

Господь «отверзает» умы апостолов «к разумению Писаний» (Лк. 24:45), а также обучает-наставляет Своих избранных учеников при послании их на проповедническо-просветительское служение. При этом возможно разделить наставления на две части: а) до Воскресения и б) после Воскресения Христова.

В первом случае основные поручения-задачи были следующие (см. Мф., гл. 10 и Лк., гл. 10): идти к евреям, а к язычникам не ходить (Мф. 10:5–6); проповедовать покаяние и приближение Царствия Небесного (Мк. 6:12, Мф. 10:7; Лк. 10:9); говорить людям истины Христовы открыто и прямо (Мф. 10:27); творить чудеса, исцелять больных и изгонять бесов (Мф. 10:8).

Христос предупреждает проповедников об опасности их служения (Мф. 10:16, Лк. 10:3), акцентируя на особую опасность, которая будет исходить от людей (Мф. 10:17). Господь не только предупреждает, но желая, чтобы служение было полностью осознанным, дает объяснения этим опасностям: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. ... а как вы не от мира, ... потому ненавидит вас мир. ... Если Меня гнали, будут гнать и вас; ... все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. ... Ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего» (Ин. 15:18–21и23, см. также Лк. 10:16). Дарует Он покровительство и защиту от всякого зла – «ничто не повредит вам» (Лк. 10:19), но и тут предупреждает об опасности смерти духовной (Мф. 10:28). Ап Павел развивает эту мысль о предстоящей неминуемой борьбе с силами и слугами дьявола: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12).

Конкретизируется способ осуществления проповеди – «в парной связке» (Мк. 6:7, Лк. 10:1). Апостолы наделяются дарами исцеления, оживления мертвых и власти над нечистыми духами (Мк. 6:7и13, Лк. 9:11).

После Воскресения Господня Его наставления-благословления апостолам несколько меняются, но сохраняют свою принципиальную основу. Новыми становятся цель и территория духовного просвещения. Апостолы должны были теперь идти ко всем народам по всему миру, проповедовать всем (Мк. 16:15), научать и крестить их «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28:19). Центром учения становится соблюдение всего того, что Христос повелел знать и исполнять (Мф. 28:20).

Апостолам возобновлена была Господня заповедь о помощи и защите: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20, см. также Лк. 10:19, Мк. 16:15и18).

Новыми моментами стали следующие: о Спасении верующих в Господа Христа Иисуса и принявших Св Крещение; об осуждении неверующих (Мк. 16:16); о получении проповедниками дара «говорить новыми языками» (Мк. 16:17).

Вот как говорит ап Павел о роли духовного просветителя-проповедника в пути человека ко Спасению: «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы?» (Рим. 10:14–15).

Особым моментом стал тот, что «примут силу» апостолы (и их благовестие) после схождения на них Святого Духа (Деян. 1:8), именно тогда они станут Христу-Богу истинными свидетелями «до края земли».

Понятно, что порядок избрания учеников Господом Иисусом Христом в целом наследует порядок избрания ветхозаветных пророков, а принципы просветительско-миссионерского служения в новозаветное время достаточно полно (хотя и не в явном виде) изложены ап Лу-

кой в Книге Деяния и ап Павлом в его Посланиях. Часть принципов можно почерпнуть и в других Книгах Священного Писания Нового Завета.

Исследуем более подробно Послания «апостола языков» святого Павла, касающиеся его представлений о духовно-нравственном просвещении.

Ап Павел понимает обязанность нести свет людям как отрадную сердцу, но, в то же время, обыденную награду от Бога, и указывает на это словами: «Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая [обязанность] моя, и горе мне, если не благовествую!» (1Кор. 9:16).

Основным качеством просветителя для проповеди Благой вести им признается исключительно Любовь к Богу (см. 2Кор. 5:14–15, 2Фес. 3:5) и людям (Рим. 13:8, Евр. 10:24, Флп. 1:8), при этом апостол предупреждает, что какими бы добродетелями не обладал проповедник, но если любви не имеет, то будет он только «медь звенящая или кимвал звучащий» (1Кор. 13:1 и далее ст. 2–8).

Крайне важное значение Апостол предаст молитве о деле просвещения (Флп. 1:9–11, 2Фес. 3:1), о просвещаемых (Еф. 1:16, Флп. 1:4и9, Кол. 1:9, 2Фес. 1:11, Еф. 6:18) и о вспоможении Господом самому проповеднику (Кол. 4:2–4). Святой Павел призывает молиться непрестанно (1Фесс. 5:17).

Заботится ап Павел о пользе просвещения, неискаженной передаче знаний и расширении круга обучаемых. Об этом он пишет Тимофею в 1Тим. 4:13 и 2Тим. 2:2, особо подчеркивая, что: «все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2Тим. 3:16).

Не преминул Апостол указать на первое оружие против сатаны и защиту от него. Образно он излагает эти правила в Еф. 6:14–18, безотказным оружием же полагает молитву и «меч духовный, который есть Слово Божие» (см. Еф. 17–18).

Отметим еще один принципиально важный момент, следующий из текстов Св Писания – просвещение (евангелизация, оглашение) полностью всего состава семьи – главы семьи с «домашними», даже и с «близкими друзьями», с последующим принятием ими Таинства Св Крещения. Примеры этому очевидны: оглашение и Крещение сотника Италийского полка Корнилия (Деян. 10:24и48), оглашение и Крещение женщины Лидии из г. Фиатир (Деян. 16:14–15), кроме того – темничного стража (Деян. 16:32–33), начальника синагоги Криспа (Деян. 18:8), Стефана с «домом» (1Кор. 1:16).

В заключение приведем русскую пословицу: «Не стоит город без святого, а село без праведника». Таким святым-праведником и должен быть просветитель, несущий людям слово Божие, призывающим их к покаянию, вере и послушанию Богу (Страху Божиему), к воцерковлению и обожению. Смысл пословицы в том, что проповедник-просветитель должен быть в каждом населенном пункте современной России, вне зависимости от его местонахождения. Под этим проповедником должно понимать «нравственно богатого человека, который ведет праведный образ жизни, помогает всем и ничего не требует взамен» [5].

В целом же любой православный христианин понимает, что Русская Православная Церковь, в ряду се-стринских Православных Церквей, как и многие прошедшие века христианства «есть полноправный представитель, посол Бога на земле, которая наделена полными правами нести миссию» духовно-нравственного просвещения всему современному человеческому обществу [6, с. 217].

Плоды духовно-нравственного просвещения (воцерковления) можно выразить словами ап Иоанна Богосло-

ва: «После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. 7:9).

Выводы

1. Ветхозаветное просветительское служение началось в эпоху пророков. В работе представлена наглядная авторская схема ключевых аспектов Божественного призвания пророков на служение.

2. После своего явления в мир Господь Слово – Иисус Христос положил пример просветительского служения. Апостолы призывались Иисусом Христом к просветительскому служению в порядке в полной мере отражающем основные моменты призвания пророков Ветхого Завета. При этом Господом подчеркивалась необходимость всемерного исполнения в Новозаветное время всего заповеданного Богом Отцом и переданного людям ранее через пророков.

3. В представленном исследовании показаны некоторые ключевые подходы (включая, в первую очередь, личное Богообщение и личный пример проповедника) ведения духовного просвещения в ветхо- и ново-заветное время, показана их преемственность.

Литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями [Текст]: в синодальном переводе. – М.: Никея, 2016.
2. Гинкель Александр, свящ. Библейское учение о «народе Божиим». / Евангелие в контексте современной культуры: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч., ч. I / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева, П.А. Ольхова – Белгород: Эпицентр, 2016.
3. Лисин Владимир, диак. Миссия в ветхом завете. 09.12.2016. Сайт «Югра православная» (Ханты-Мансийской митрополия). – URL: <https://ugraeparhia.ru/missiya-v-vetom-zavete/> (дата доступа 20.08.2025).
4. Миссиология: учебное пособие / (по благословению и под общ. ред. Высокопреосвященнейшего Иоанна, архиепископа Белгородского и Старооскольского, председателя Миссионерского отдела Русской Православной Церкви; отв. ред. священник, канд. богословия А. Гинкель). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010.
5. Не стоит город без святого, а село без праведника. Сайт: «Какой смысл.ру». – URL: <https://kakoy-smysl.ru/meaning-proverbs/znachenie-i-smysl-poslovitsy-ne-stoit-selo-bez-pravednika> (дата доступа 20.08.2025).
6. Николай (Пачуашвили), митр. Миссионерское служение пророка Ионы и наследие святых отцов древней Церкви: Миссиологический и экзегетический аспекты / митрополит Николай (Пачуашвили). – М.: Изд. ПСТГУ, 2022.

7. Пророки Ветхого Завета. Сайт «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/shemy/proroki-vetkhogo-zaveta.shtml> (дата доступа 20.08.2025).
8. Veronis, Luke A., Fr. A Biblical Foundation for Evangelism: from Genesis to Revelation. Сайт «Missions Institute Of Orthodox Christianity». – URL: <https://missions.hchc.edu/articles/articles/a-biblical-foundation-for-evangelism> (дата доступа 20.08.2025).

GOD'S CALLING TO THE ENLIGHTENMENT MINISTRY OF THE OLD TESTAMENT PROPHETS AND THE CONTINUITY IN THE CALLING OF THE APOSTLES

Smulov A.M.

Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities

The article analyzes the order of God's calling of the Old Testament prophets to enlightenment ministry. The stages of the vocation of the prophets Isaiah, Jeremiah and Ezekiel are described, and the continuity in the vocation of the apostles is shown. The development of spiritual and moral enlightenment from the Old Testament prophets to the earthly ministry of Jesus Christ and His apostles is confirmed. It points out the paramount importance of personal experience of Communion with God and the personal example of the enlightener. The expansion of apostolic enlightenment from Israel to the "ends of the earth" is noted. On the basis of the Epistles, the ideas of St. Paul on spiritual and moral enlightenment are considered.

Keywords: Old Testament prophets, vocation to ministry, teaching of the prophets, responsibility of the prophets, apostles, preaching, evangelization, spiritual and moral enlightenment.

References

1. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with Parallel Passages and Appendices [Text]: in the synodal translation. – М.: Nicaea, 2016.
2. Ginkel Alexander, priest. The Biblical Teaching on the "People of God". / The Gospel in the Context of Modern Culture: Proc. IV Int. scientific-practical. conf.: in 2 parts, part I / edited by T.I. Lipich, S.M. Dergaleva, P.A. Olkhova – Belgorod: Epicenter, 2016.
3. Lisin Vladimir, deacon. Mission in the Old Testament. 12/09/2016. – URL: <https://ugraeparhia.ru/missiya-v-vetom-zavete/> (accessed 08/20/2025).
4. Missiology: a study guide / (with the blessing and under the general editorship of His Eminence John, Archbishop of Belgorod and Staraya Oskola, Chairman of the Missionary Department of the Russian Orthodox Church; responsible editor: priest, PhD in Theology A. Ginkel). – 2nd ed., corrected and enlarged. – М.: Missionary Department of the Russian Orthodox Church, 2010.
5. A city is not worth without a saint, nor a village without a righteous man. – URL: <https://kakoy-smysl.ru/meaning-proverbs/znachenie-i-smysl-poslovitsy-ne-stoit-selo-bez-pravednika> (accessed 08/20/2025).
6. Nikolai (Pachuashvili), Metropolitan. Missionary service of the prophet Jonah and the legacy of the holy fathers of the ancient Church: Missiological and exegetical aspects / Metropolitan Nikolai (Pachuashvili). М.: Publ. PSTGU, 2022.
7. Prophets of the Old Testament. – URL: <https://azbyka.ru/shemy/proroki-vetkhogo-zaveta.shtml> (accessed 08/20/2025).
8. Veronis, Luke A., Fr. A Biblical Foundation for Evangelism: from Genesis to Revelation. – URL: <https://missions.hchc.edu/articles/articles/a-biblical-foundation-for-evangelism> (accessed 08/20/2025).

Реконструкция традиционных ценностей в современной России как предмет научного анализа

Воронина Ольга Александровна,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
Институт философии, Российской Академии наук
E-mail: olga-voronina777@yandex.ru

В статье анализируются основные позиции, представленные в научных публикациях по проблемам традиционных ценностей. Актуальность этих обсуждений связана с Указом Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Одна из позиций представлена в работах юристов: они анализируют, как провозглашенные в Указе традиционные ценности могут быть интегрированы в системы формальных норм и неформальных социальных практик. В рамках этой позиции предлагается конкретизировать содержание защищаемых «традиционных ценностей» на основе максимально открытого общественного их обсуждения. Сторонники другой позиции рассматривают реанимацию традиционных ценностей как исключительно политический проект, связанный с необходимостью самосохранения России и полностью соответствующий историческому моменту. Третья позиция носит более радикальный характер: ее приверженцы предлагают заняться «юридизацией общественных отношений по охране традиционных духовно-нравственных ценностей», то есть выработать правовые санкции за их нарушение. В целом большинство авторов полагают, что возрождение традиционных ценностей соответствующей успешному функционированию российского социума на данном этапе. Однако данные социологических исследований показывают, что мнения россиян не гомогенны. Не отвергая значимости традиций, наши сограждане тем не менее считают важными ценности саморазвития, свободы индивидуального выбора жизненного пути, соблюдения своих прав. В заключение автор отмечает, что традиционные ценности играют ключевую роль в культуре, предоставляя стабильность и моральные ориентиры. Но тем не менее они требуют адаптации к современности. Это позволит каждому человеку добиться самореализации, а обществу интенсивнее развиваться. Для соблюдения баланса традиционных ценностей и новых социокультурных вызовов необходимо продолжить научные разработки темы и актуализировать общественные дискуссии.

Ключевые слова: Российские традиции, морально-духовные ценности, права человека, Конституция, гражданственность, саморазвитие, индивидуальный выбор.

Введение

В последние годы политическое руководство страны предпринимает попытки найти идею, консолидирующую нацию, служащую защите суверенитета и безопасности страны. Итогом этих поисков стало обращение к концепту традиционных российских ценностей, список которых законодательно закреплён указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [28].

После издания указа обсуждение традиционных ценностей в научной литературе стало более интенсивным [8]. И это вполне объяснимо, поскольку, с одной стороны, сам «набор» перечисленных ценностей несколько противоречив (или по крайней мере, необычен), а, с другой, в тексте указа не дается (да и не может быть дано) толкование того, что именно называется традиционными ценностями. Первый вопрос, который сразу возникает у исследователей – а какого времени традиции имеются в виду? Эта неопределенность приводит к тому, что в СМИ и популистской политической литературе традиционными ценностями могут считаться и ценности Домостроя, и фундаменталистские ценности РПЦ, и консервативные ценности Уварова (Православие-самодержавие-народность), и даже ценности советского периода, особенно патристические, как антитеза либеральным западным ценностям.

Современный поворот к традиционным ценностям совершался, как показала М.Ларюэль, постепенно [16]. Идеологические разногласия между коммунистами и прозападными либералами в период перестройки привели к расколу общества, а затем и к распаду СССР. Примерно с 1999 г. политологи начинают оценивать консервативную идеологию как спасительную для России, поскольку она «базируется на вечных социальных и нравственных ценностях – уважении к собственной традиции, опоре на мудрость предков, приоритете интересов общества» [19]. В 2012 г. установка на консерватизм стала официальной и получила более четкое содержание, основные акценты были сделаны на патриотизм, мораль и национальную культуру [13]. Современный консервативный политический дискурс с акцентом на традиционные русские нравственные ценности позволяет власти определить образ России как подлинной спасительницы человечества от бездуховности запада. При этом, однако, власть постоянно подчеркивает, что Россия является частью европейской цивилизации, имеет общие с Европой культуру и некоторые ценности [16].

Этим, по-видимому, и объясняется тот противоречивый набор ценностей, которые представлены в Указе Президента: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаи-

моуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [28]. Важность перечисленных ценностей очевидна, однако без уточнения того, что конкретно имеется в виду, трудно строить государственную политику их сохранения и укрепления. Поясню свою мысль только на одном примере: никто не станет отрицать важность соблюдения справедливости в обществе. Однако это понятие до сих пор не имеет однозначного определения, хотя обсуждается мыслителями с давних времен. Так, Платон понимал справедливость как правильное распределение ролей между членами общества. Аристотель определял справедливость как добродетель, которая обеспечивает пропорциональное распределение благ в зависимости от вклада граждан полиса в его благополучие. В Новое время справедливость понималась как естественное равенство прав граждан (в число которых не входили, между прочим, женщины). Современные мыслители делятся на два «лагеря»: сторонников формального понимания справедливости как равного доступа к общественным благам и ресурсам и тех, кто полагает, что неравенство в распределении необходимо для поддержки самых малоимущих слоёв общества, что перераспределение ресурсов должно обеспечивать не просто равенство возможностей различных социальных слоёв, но нивелировать саму их принадлежность к той или иной страте в процессе борьбы за успех. В современной юриспруденции справедливость понимается как равенство перед законом, то есть что законы применяются без дискриминации, независимо от социального статуса, пола, расы и других характеристик. В сфере морали отвергается распределительное понимание справедливости как равной дележки общественного пирога, а приоритет отдается большей поддержке уязвимых слоев общества – инвалидам, многодетным семьям и проч. В современной экономике существуют три основных подхода к пониманию справедливости: эгалитаристская, т.е. уравнилельное распределение доходов; роулсианская – распределение, которое максимизирует благосостояние наименее обеспеченного члена общества; рыночная – справедливым считается распределение доходов, основанное на свободной игре рыночных цен, конкурентном механизме спроса и предложения на факторы производства.

Научное и политическое понимание ТЦ

Ученые, особенно работающие в сфере конституционного права, не могут работать в столь неопределенном понятийном поле. Именно поэтому и активизировалась аналитическая работа в отношении понятия в рамках разных научных дисциплин. Прежде всего, это связано с дискуссионностью обоих понятий – традиции и ценности. Философы, антропологи, культурологи давно изучают традицию как феномен, однако до сих пор не пришли к единому ее пониманию. Традиция может пониматься как онтологически устойчивый социокультурный комплекс идей, практик и ритуалов, организующий жизнь людей на протяжении длительного периода времени. Или, наоборот, как некий конвенциональный социальный конструкт, легитимирующий социальные практики и институты [11]. Традиция неоднозначно понимается не только в онтологическом, но и содержательном плане: как обобщение социального коллективного опыта [15]; преклонение перед прошлым, укорененность в нем [20]; тормоз на пути социального прогресса, стагнация, архаика, рудимент, косность, ригидность (5); либо как трансцендентный общественный идеал; духовно-нравственный код народа [31].

Противоречивость самого феномена традиции, ее стабильность и вместе с тем изменчивость, этнонациональные особенности, столкновение архаики и модернизации в отношении общества к сохранению или преодолению традиции ради развития в будущем, затрудняет и создание ее обобщающего определения. Не менее спорным является и понятие ценностей. В философии и гуманитарном знании в целом нет единого представления о том, как понимать ценности. Одни философы считают, что ценности имеют трансцендентную природу и иррациональное происхождение. Другие полагают, что ценности формируются в результате социокультурного взаимодействия людей. Третьи понимают ценности как продукт объективной потребности биологического порядка. Четвертые указывают на экзистенциальный характер ценностей, которые являются результатом культурного творчества и символической деятельности человека. В зависимости от той или иной точки зрения формируется и культурная политика. Для политического и культурного консерватизма характерно понимание ценности как трансцендентной сущности, имеющей вечный, неизменный и надындивидуальный характер, не зависящий от человека и человечества. Политики либерального направления и ученые признают множественность и разнообразие ценностных систем, а также и существование общих для человечества ценностей.

Очевидно, что в ситуации консервативного поворота российские власти понимают ТЦ как некие незыблемые, неизменные и обязательные к исполнению. Но ученым разных направлений очевидны как внутренние противоречия перечня из президентского указа, так и неопределенность содержания понятий с точки зрения возможности их использования в социальной политике, в конституционно-правовом поле, в образовании.

Аналитики отмечают, что даже в публикациях, направленных на разъяснение Основ, используются различные наборы ценностей. Необходимо конкретизировать содержание защищаемых «традиционных ценностей», причем подготовка списка этих ценностей и их конвенционального толкования должна вестись максимально открыто. В настоящий момент в российском обществе сосуществуют различные, часто противоположные культурные дискурсы, которые вступают в конфликт практически по всем социально значимым вопросам [3, с. 70].

В отличие от академического знания в современном российском политическом дискурсе почти отсутствует содержательное обсуждение традиционных ценностей из Указа. Значительная часть авторов предлагает считать перечисленные в Указе ценности традиционными и не рассматривать вопрос о том, из какой собственно традиции они вышли как пустой и праздный [2; 29; 31]. Так, В. Аристархов и П. Шашкин полагают, что в Конституции в полной мере представлены традиционные российские духовно-нравственные ценности, а «российские конституционные ценности высшего порядка» входят в число традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2, с. 4–5]. При этом авторы считают, что традиционные российские духовно-нравственные ценности имеют трансцендентную природу, и в таком качестве выступают основой формирования гражданского единства, общероссийской идентичности, российской государственности и цивилизационной самобытности. Остается неясным, как ценности Конституции РФ в редакции 2020 г. могли быть инкорпорированы в ТЦ с их трансцендентной вневременной природой.

Другие исследователи предлагают рассматривать реанимацию традиционных ценностей как *исключительно политический проект*, связанный с необходимостью самосохранения России. Г.А. Илларионов и его соавторы прямо заявляют, что «конструктивистский взгляд на традиционные ценности предстает более соответствующим настоящему историческому моменту». Они полагают, что открытое принятие конструктивистской природы традиции как «прагматической, легитимирующей социальные практики и институты структуре конструкторов, формируемой частично целенаправленно, частично стихийно», больше соответствует политическими потребностями момента [11]. Более радикальную и проэтатистскую позицию занимает К.А. Устиленцев, который предлагает заняться «юридизацией общественных отношений по охране традиционных духовно-нравственных ценностей» для обеспечения культурного суверенитета России. По его мнению, следует составить «формализованный перечень» ТЦ, закрепить его в «специализированном федеральном законе» а затем разработать меры о привлечении к правовой ответственности за «посягательства на ТЦ» [29].

Однако некоторые исследователи пытаются проанализировать представленные в Указе ТЦ с содержательной стороны. Так, правоведы рассматривают несколько важных вопросов: как провозглашенные ТЦ могут быть интегрированы в системы формальных норм и неформальных социальных практик; предложенный Указом список ТЦ соответствует ценностям, представленным в Конституции РФ, поскольку их согласованность необходима для конституционно-правовой деятельности. Г.А. Борщевский пришел к выводу, что не все конституционные ценности отражены в Указе, и, наоборот, «официально объявленные традиционными духовно-нравственные ценности не в полной мере совпадают с конституционными... Одновременно обнаружилась их рассогласованность с документами целеполагания верхнего уровня и национальными проектами» [3, с. 67]. Более того, он утверждает, что представленный в Указе набор ценностей не обоснован: некоторые ценности из них дублируют друг друга, отсутствуют многие значимые ценности, а другие трудно операционализируются [3, с. 83]. И с этим утверждением трудно не согласиться. При этом Борщевский полагает, что в «нынешних условиях фиксация социально значимых норм возможна только после детального и предметного изучения общественного мнения... В противном случае нормативное закрепление способно послужить не столько консолидации общества, сколько дальнейшей его поляризации» [3, с. 83]. И, я думаю, это значимый аргумент против радикального предложения формализации ТГ, их юридизации и правовых санкций за «посягательства».

Ценности в сознании россиян: немного эмпирики

Разумеется, важно понять, как граждане страны относятся к традиционным ценностям, насколько они интегрированы в их жизнь. Масштабный всероссийский социологический мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня», проводимый на протяжении нескольких десятилетий, выявил, что ядро ценностей, которые поддерживают около 80% респондентов, образуют так называемые терминальные ценности: жизнь человека, семья и порядок [14, с. 27]. По исследованиям ВЦИОМ в 2017 г. наиболее важными ценностями для россиян были здоровье, семья и безопасность [10]. По данным исследований ФОМ 2019 г. важными ценностями являются патриотизм, семья и здоровье. Однако растет и важность материального благополучия [12].

В последние годы отношение граждан России к ТЦ изучались в рамках относительно небольших эмпирических исследований. Но прежде, чем представить их результаты, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, стоит подчеркнуть, что их авторы использовали *разные* методики и опрашивали *разные* группы населения. Во-вторых, предметом изучения были ценности разного типа – традиционные, современные, политические, семейные и прочие. В-третьих, нередко авторы исследований отдавали инициативу определения ценностей респондентам – это, конечно, выявляло их предпочтения, однако затрудняло сопоставимость результатов данного исследования с другими. В связи с этим представленная ниже картина будет немного напоминать мозаику, но она все же даст некоторые представления о реальном положении дел.

Пожалуй, первым стоит рассмотреть результаты исследования ТЦ И.А. Груздевым и С.В. Старцевым [7], поскольку они единственные изучали отношение молодежи именно к тем ценностям, которые перечислены в Указе 809. Эмпирическую базу исследования составили российские участники Всемирного фестиваля молодежи (Сочи, 2024). В целом большинство респондентов в той или иной степени поддерживают эти ценности. Специальная методика оценки мнений опрошенных позволила авторам выделить три группы молодежи, которые они назвали *апологетами* традиционных ценностей, обозначенных в Указе (это 51% респондентов); *лоялистами* (37%) и *сомневающимися* (12%). Первый тип, по мнению авторов, это люди, разделяющие представление о том, что традиционные ценности критично важны для воспроизводства национальной культуры, их необходимо защищать от врагов и внешних угроз. Лоялисты – это те, кто считает государственную концепцию традиционных ценностей движением «за все хорошее» [7 с. 79–82]. Традиция оценивается позитивно, но, по мнению лоялистов, она не требует особой поддержки. Авторы исследовательского проекта подчеркивают, что не стоит рассматривать ориентацию на традиционные ценности как единственную тенденцию среди российской молодежи. Для нее актуальными являются и ценности современности – ориентация на карьеру, личный успех и признание. Иными словами, в сознании молодежи традиционные и современные ценности сосуществуют.

Политические ценности современной молодежи изучались в проекте А.В. Селезневой. Эмпирическую базу составил всероссийский репрезентативный опрос и фокус-группы. В результате было выявлено, что для молодежи наиболее значимыми являются такие ценности, как: мир (его выбрали 70,7% респондентов), безопасность (68%), справедливость (69,8%), права человека (67,3%), законность (63,8%), свобода (59,7%), порядок (57,7%), патриотизм (39%), равенство (35,5%), демократия (31,6%), коллективизм (25,7%), традиционность (22,1%) [24]. Как поясняет автор аналитической статьи, традиционность как ценность имеет для молодежи небольшое и не вполне определенное значение. И хотя молодые люди в целом положительно относятся к традициям, но не придают им особого значения в жизни общества и акцентируют внимание на необходимости их модернизации [24, с. 282].

Некоторые исследователи отмечают тенденцию роста значимости прав человека в сознании граждан России. Так, Н.Е. Тихонова отмечает, что по результатам ее исследований в последние годы во всех возрастных группах и социальных стратах происходят значимые изменения. Респонденты считают, что соблюдение прав

человека более значимо, чем интересы государства [26]. По её мнению, среди причин таких изменений преобладает разочарование в государстве как инструменте обеспечения социальной справедливости и сокращения неравенства. В такой ситуации наблюдаемый сдвиг в приоритетах «права человека против интересов государства» способен лишь спровоцировать усиление социальных протестов, полагает Т.Е. Тихонова [26, с. 167]. В целом по результатам ее двадцатилетних исследований выявляется тенденция снижения значимости ценностей традиций и рост значимости установок на инициативность. Помимо этого, исследовательница отмечает, что россияне резко настроены против ограничений свободы действий в повседневной жизни.

По опросам ВЦИОМ, семья как одна из базовых жизненных ценностей продолжает занимать приоритетное место в структуре ценностей россиян. Так, в 2024 г. 67% опрошенных оценили крепкую семью как самое важное для себя. Годом ранее 34% опрошенных определили семью как традиционную российскую ценность [21; 22]. Это подтверждается и данными ряда социологических исследований. Однако переписи населения России фиксируют постоянное снижение доли семей с полной брачной парой и одним или несколькими детьми: в 2002 г. таких семей 39,7%, в 2010 г. – 34,9%, а в 2020 г. их доля сократилась до 20,7% [9, с. 5]. Ряд демографических проблем, и прежде всего падение рождаемости, привели к формированию пронаталистской демографической политики, частью которой является пропаганда традиционных семейных ценностей. Под этим имеется в виду «крепкая многодетная семья», возрождение семейной иерархии с главенством мужчины, вмешательство государства и церкви в дела семьи, контроль над репродуктивным поведением женщин.

Несмотря на значительные усилия со стороны государства (в том числе и материальные стимулы повышения рождаемости), эти меры пока не дают желаемого результата. И связано это не только с такими материальными проблемами, как низкий доход молодых семей, отсутствие собственного жилья, трудности с устройством детей в детские учреждения. Не менее важную роль играет изменением системы ценностей молодежи: для многих из них на первом месте стоит эмоционально-психологический комфорт, любовь и дети. В том случае, если эмоции и любовь угасают, люди, даже имеющие детей, расторгают брак [18].

Опрос студентов юга России об их отношении к семейным ценностям показал, что в их сознании существуют и либеральные, и традиционные взгляды [30]. Автор исследования считает, что приверженность либеральным семейным ценностям выражает в установках на малодетность и одноподетность; лояльное отношение к праву на аборт; принципиальное одобрение лишения родительских прав в неблагополучных семьях и др. Традиционные семейные ценности заключаются в признании приоритетности семьи в жизни и значимости религии в институциональном укреплении семьи; в принятии семейной иерархии в отношениях между детьми и родителями и др. В целом сторонников либеральных или традиционных взглядов среди студентов Юга России примерно поровну.

Некоторые исследователи справедливо, на мой взгляд, полагают, что не стоит «относиться к ТЦ как к некой панацее, переводить сложные социальные процессы в аксиологическую сферу и пытаться таким образом решить социальные проблемы» [6, с. 38]. Навязчивая пропаганда традиционных семейных ценностей вряд будет способствовать повышению рождаемости и снижению числа разводов. Кризис таких социальных институтов,

как семья и брак, вызван не снижением приверженности ТЦ, а изменением всей экономической и социальной системы общества по сравнению с тем временем, когда дети были экономическим ресурсом выживания семьи. Многие исследователи согласны, что попытки навязать устаревшие, отжившие культурные паттерны в качестве образца поведения бессмысленны. Я поддерживаю позицию исследовательниц Галагановой и Гилязовой, которые полагают, что архаизация, то есть возрождение под видом ТЦ устаревших и отживших практик ведет к подавлению личности, ограничению прав и свобод человека и социальной стагнации общественного развития [5; 6].

Заключение

Традиционные ценности – это фундаментальные принципы, которые передаются из поколения в поколение и формируют культурную идентичность общества. «Набор» ТЦ в разных культурах включает разные понятия, но основными являются семья, патриотизм, мораль, честность, духовность, подчинение интересам общества. Под влиянием социальных процессов эти ценности модифицируются или даже замещаются другими. В современном мире появляются новые ценности – права человека, равенство, развитие личности. И важно понять, как их сочетать, как сохранить баланс традиции и новаций, чтобы эти два типа ценностей работали на благо общества и человека.

Традиционные ценности часто служат надежной основой для личностного роста. Они предоставляют четкие ориентиры для развития важных качеств. Например, в тех культурах, где семья является главным приоритетом, дети учатся эмпатии и заботе о других. Это способствует формированию эмоциональной зрелости и умению строить здоровые отношения. Традиции, подчеркивающие трудолюбие, мотивируют к достижению целей. Исторические примеры, такие как протестантская этика в западной культуре, показывают, как это приводит к успеху и самореализации. Религиозные или культурные традиции часто поощряют рефлексию и моральную ответственность, что помогает развивать внутреннюю гармонию и этические нормы. Эти ценности действуют как «компас» для подростков и взрослых, предотвращая хаос и давая опору в быстро меняющемся мире. Они способствуют устойчивому развитию личности, укрепляя самооценку и социальную адаптацию.

Однако традиционные ценности не всегда способствуют прогрессу. В некоторых случаях они могут ограничивать развитие личности. Слепое следование традициям может подавлять индивидуальность. Например, в патриархальных обществах женщины и дети часто сталкиваются с ограничениями, что тормозит их личностный рост и карьеру. Молодежь, подверженная влиянию современных идей, может отвергать традиции, что приводит к внутреннему конфликту и потере идентичности. Это видно в культурах, где ценности вроде «почитания предков» сталкиваются с индивидуализмом. Традиции, не учитывающие технологические или социальные сдвиги, могут вызывать конфликты. Например, запрет на новые репродуктивные технологии сталкивается с возможностями повышения рождаемости.

Для того, чтобы традиции не становились препятствием для инноваций и развития человеческого потенциала, необходимо грамотно выстраивать культурную и социальную политику. Баланс между традициями и инновациями может способствовать развитию, когда индивиды сохраняют культурные корни, но также име-

ют возможности для самореализации. В Указе № 809 перечислены бесспорно значимые понятия. Однако для их успешной интеграции в культуру и социальную жизнь необходима аналитическая работа.

В своей статье я выделила основные подходы к проблеме, представленные в научной литературе последних лет. Один из них заключается в безоговорочном принятии перечисленных в указе ценностей как руководства к действию, и, более того, в попытках придать им более радикальный смысл и предложить более жесткие меры для их сохранения («юридизация»). В рамках другого подхода предлагается проанализировать, как ценности из указа соотносятся с конституционными ценностями, что необходимо для конституционно-правовой деятельности. Третий подход нацелен на изучение мнений россиян (в основном молодежи) о необходимости более интенсивного внедрения традиционных ценностей в нашу жизнь. Причем в первых двух подходах прочитывалась установка на приоритет интересов государства, а в третьем исследователи чаще обращали внимание на тот факт, что молодежь больше ориентирована на саморазвитие и самореализацию.

Традиционные ценности играют ключевую роль в развитии личности, предоставляя стабильность и моральные ориентиры, но они требуют адаптации к современности. Важно ценить наследие предков, одновременно поощряя индивидуальность. Это позволит каждому человеку добиться самореализации, а обществу интенсивнее развиваться. Для соблюдения баланса традиционных ценностей и новых социокультурных вызовов необходимо продолжить научные разработки темы, при «условии широкого общественного обсуждения», как отмечено в п. 18 Указа Президента.

Литература

1. Авцинова Г.И. и Е.Ю. Воронина. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook, 2023, № 1: 46–57.
2. Аристархов В.В., Шашкин П.А. О соотношении понятий «российские конституционные ценности» и «традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Культурологический журнал. 2025. № 1. С. 4–15. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/679.html&j_id=63.
3. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки/Социологические исследования, 2024, с. 57–70.
4. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития, 2023, № 4 (111), с. 67–93.
5. Галаганова С.Г. Традиция и архаика в аксиологическом измерении // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 8 (182). С. 25–33.
6. Гилязова О.С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 27–45
7. Груздев И. А., Старцев С.В. (2024). Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей // Patria. Т. 1. № 1. С. 70–90.
8. Демина И.Н. «Ценности» в российском научном дискурсе// Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 4. С. 657–679.
9. Елисеева И.И. Устойчивость семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 3–17.
10. Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3391. 07.06.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>
11. Илларионов Г.А. и др. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта//Социально-гуманитарные знания. 2023, № 10, с. 71–74.
12. Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. Как россияне представляют себе «благополучную жизнь», и как измерять показатели благополучия// Опрос ФОМ. 26.09.2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244>
13. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации //Ведомости уголовно-исправительной системы.2024. № 1.URL: http://www.org.ru/official/doc/postan_rf (доступ 07.12.2024)
14. Лапин Н.И., Беляева Л.А., Касавина Н.А. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора России // Россия на пути консолидации: Сборник статей. СПб.: НесторИстория, 2015. 416 с.
15. Ларионов А.Н. Историко-правовое осмысление понятия «традиционные семейные ценности» в условиях современного этапа общественно-экономического развития Российского государства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 72–76. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-8.
16. Ларюэль М. Россия как антилиберальная европейская цивилизация // Контрапункт. № 2. Декабрь 2015. С. 1. URL: www.counter-point.org (Доступ 25.07.2025).
17. Маршак А.Л, Рожкова Л.В. Культурная консолидация как инновационная основа развития социальной структуры российского общества //Поиск. 2020, № 3, с. 27–39.
18. Мишучков А.А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 65–71.
19. Моро Г. Понятие и сущность консерватизма//Всероссийская партия «Единство и Отечество». 2001. 7 сент. URL: <http://webarchive.org/web/200011213090224> (доступ 07.12.2024)
20. Николаев В.К. Традиционные ценности и мировоззрение / В.К. Николаев, К.А. Николаев // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2023. № 1 (38). С. 41–49.
21. Опрос ВЦИОМ «Жизненные ценности: семья как ценность»/ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (Доступ 12.08.2025)
22. Опрос ВЦИОМ «Традиции в эпоху перемен»/URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (Доступ 12.08.2025)
23. Седаев П.В., С.В. Устинкин и А.С. Кочуров. Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности» // Власть, 2022, т. 30, № 4: 43–46.
24. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–289.
25. Тихонова Н.Е. Изменения в ценностях и установках россиян: зона устойчивости и новые доминанты // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 47–59
26. Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства:

эмпирический анализ//Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155–170.

27. Трунов А.А., Тарасов А.С. Базовые ценности современного российского общества в зеркале экспертных мнений // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 206–216. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-206-21>
28. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”//
29. Устиленцев К.А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования// Право и управление. XXI век. 2024. № 20 (1). С. 44–51.
30. Циткилов П.Я. Межпоколенная трансляция семейных ценностей: анализ социологического исследования студенческой молодежи юга России // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 35–47.
31. Шатилов А.Б., З.И. Волхонская и Д.Д. Осинина. Приоритетные ценности “генетического кода” российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Политология, 2023, т. 25, № 1: 97–112.

RECONSTRUCTION OF TRADITIONAL VALUES IN MODERN RUSSIA AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS

Voronina O.A.

Russian Academy of Sciences

This article analyzes the main positions presented in academic publications on traditional values. The relevance of these discussions is linked to the Decree of the President of the Russian Federation “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values.” One position is represented in the works of legal scholars: they analyze how the traditional values proclaimed in the Decree can be integrated into systems of formal norms and informal social practices. This position proposes specifying the content of the protected “traditional values” through the most open public discussion possible. Proponents of another position view the revival of traditional values as a purely political project, linked to the need for Russia’s self-preservation and fully consistent with the historical moment. A third position is more radical: its adherents propose engaging in the “juridification of public relations for the protection of traditional spiritual and moral values,” that is, developing legal sanctions for their violation. Overall, most authors believe that the revival of traditional values is consistent with the successful functioning of Russian society at this stage. However, sociological research shows that Russians’ opinions are not homogeneous. While not rejecting the importance of traditions, our fellow citizens nevertheless consider self-development, freedom to choose one’s life path, and respect for one’s rights to be important. In conclusion, the author notes that traditional values play a key role in culture, providing stability and moral guidance. However, they nevertheless require adaptation to modern times. This will allow everyone to achieve self-realization and society to develop more rapidly. To maintain a balance between traditional values and new sociocultural challenges, it is necessary to continue scientific research on this topic and to update public debate.

Keywords: Russian traditions, moral and spiritual values, human rights, Constitution, civic responsibility, self-development, individual choice.

References

1. Avtsinova G.I. and E. Yu. Voronina. Transformation of Values in the Global World in the Age of Digitalization // PolitBook, 2023, No. 1: 46–57.
2. Aristarkhov V.V., Shashkin, P.A. On the Relationship between the Concepts of “Russian Constitutional Values” and “Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // Cultural Studies Journal.

2025. No. 1. pp. 4–15. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/679.html&j_id=63.

3. Borshchevsky G.A. Traditional Russian Values and Social Practices: An Empirical Testing Experience / Sociological Research, 2024, pp. 57–70.
4. Borshchevsky G.A. Traditional Russian Values: Institutional Analysis // Polity, 2023, No. 4 (111), pp. 67–93.
5. Galaganova S.G. Tradition and Archaism in the Axiological Dimension // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. No. 8 (182). pp. 25–33.
6. Gilyazova O.S. Traditional Russian Values: Concepts, Purpose, Advantages and Limitations // Socio-Political Research. 2024. No. 2 (23). pp. 27–45
7. Gruzdev I.A., Startsev S.V. (2024). Renaissance of Tradition: Reception of Traditional Values by Active Russian Youth // Patria. Vol. 1. No. 1. Pp. 70–90.
8. Demina I.N. “Values” in Russian Scientific Discourse // Issues in the Theory and Practice of Journalism. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 657–679.
9. Eliseeva I.I. Family Stability // Woman in Russian Society. 2024. No. 4. Pp. 3–17.
10. Life Priorities of Russians: Family, Money, or Creativity? // VTslOM Press Release No. 3391. June 7, 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>
11. Illarionov G.A. et al. Traditional Values: The Relationship between Scientific Concept and Political Project // Social and Humanitarian Knowledge. 2023, No. 10, pp. 71–74.
12. FOM Initiative: Studying the Well-Being of Russians. How Russians Imagine a “Prosperous Life” and How to Measure Well-Being Indicators // FOM Survey. September 26, 2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244>
13. Concept of Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation // Vedomosti of the Criminal-Correctional System. 2024. № 1. URL: http://www.org.ru/official/doc/postan_rf (accessed 07.12.2024)
14. Lapin N.I., Belyaeva L.A., Kasavina N.A. Fundamental Values of Russia’s Civilizational Choice // Russia on the Path of Consolidation: A Collection of Articles. St. Petersburg: NestorIstoriya, 2015. 416 p.
15. Larionov A.N. Historical and Legal Understanding of the Concept of “Traditional Family Values” in the Context of the Current Stage of Socioeconomic Development of the Russian State // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 72–76. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-8.
16. Laruelle M. Russia as an Anti-Liberal European Civilization // Counterpoint. No. 2. December 2015. P. 1. URL: www.counterpoint.org (Accessed July 25, 2025).
17. Marshak A.L., Rozhkova L.V. Cultural Consolidation as an Innovative Basis for the Development of the Social Structure of Russian Society // Poisk. 2020, No. 3, pp. 27–39.
18. Mishuchkov A.A. Traditional Values in a Globalizing World // Bulletin of the Orenburg State University. 2015. No. 3 (178). P. 65–71.
19. Moro G. The Concept and Essence of Conservatism//All-Russian Party “Unity and Fatherland”. 2001. September 7. URL: <http://webarchive.org/web/200011213090224> (accessed 12/07/2024)
20. Nikolaev V.K. Traditional Values and Worldview / V.K. Nikolaev, K.A. Nikolaev // Actual Problems of Our Time: Science and Society. 2023. No. 1 (38). P. 41–49.
21. VTslOM Poll “Life Values: Family as a Value” / URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (Accessed 12.08.2025)
22. VTslOM Poll “Traditions in the Era of Change” / URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremennost> (Accessed 12.08.2025)
23. Sedayev P.V., S.V. Ustinkin and A.S. Kochukov. Traditional Values of Sobornost and Majesty as One of the Foundations of the Formation of Russian Statehood” // Vlast, 2022, Vol. 30, No. 4: 43–46.
24. Selezneva A.V. Political Values of Russian Youth: Traditional Meanings in Modern Conditions // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2024. No. 77. pp. 275–289.
25. Tikhonova N.E. Changes in the Values and Attitudes of Russians: Stability Zone and New Dominants // INAB. Russian Soci-

- ety in the Context of the Pandemic: A Year Later (An Experience of Sociological Diagnostics). 2021. No. 2. pp. 47–59
26. Tikhonova N.E. Dynamics of Russians' Views on the Relationship between the Interests of the Individual and the State: An Empirical Analysis // Polis. Political Studies. 2021. No. 6. pp. 155–170.
 27. Trunov A.A., Tarasov A.S. Basic Values of Modern Russian Society in the Mirror of Expert Opinions // Sociology and Law. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 206–216. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-206-21>
 28. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”//
 29. Ustilincev K.A. Traditional Russian Spiritual and Moral Values as an Object of Legal Research // Law and Management. XXI Century. 2024. No. 20 (1). Pp. 44–51.
 30. Tsitkilov P. Ya. Intergenerational Transmission of Family Values: Analysis of a Sociological Study of Student Youth in the South of Russia // Woman in Russian Society. 2025. No. 2. Pp. 35–47.
 31. Shatilov A.B., Z.I. Volkhonskaya and D.D. Osinina. Priority Values of the “Genetic Code” of Russian Statehood // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Political Science, 2023, Vol. 25, No. 1: 97–112.

Взаимодействие профессионализации кадров и институциональной эластичности: историко-материалистический сравнительный анализ опыта ГДР и Китая

Ли Чжожу,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия), заместитель генерального секретаря Общества мировой политической экономики, приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете
E-mail: liz@my.msu.ru

Ханс-Йоахим Виллердинг,

кандидат философских наук
E-mail: jowiinter@gmail.com

Используя историко-материалистическую методологию, статья раскрывает взаимосвязь между производительным скачком, профессионализацией кадров и институциональной эластичностью через сопоставительный анализ профессионализации кадров руководящего коллектива ЦК СЕПГ ГДР и руководящего коллектива ЦК КПК. Установлено, что качественный скачок производительных сил объективно обусловил переход кадров к профессиональным знаниям, однако результативность управления, достигаемая путем кадровой профессионализации, ограничивается структурными барьерами институциональной эластичности. Историко-сравнительный анализ свидетельствует, что межгосударственные различия в результативности управленческих решений, связанных с профессионализацией кадров, обусловлены степенью институциональной эластичности, особенно механизмом ротации кадров в центральном руководстве и степенью открытости политической среды. Показано, что кадровая профессионализация приносит оптимальный эффект при умеренной степени институциональной эластичности, тогда как её избыток либо недостаток сдерживают положительное воздействие профессионализации.

Ключевые слова: скачок производительности, кадровая профессионализация, институциональная эластичность, исторический материализм, межстрановое сравнение.

Согласно аналитической парадигме исторического материализма, институциональные изменения и структурные преобразования социалистических стран во второй половине XX – начале XXI века обусловлены объективной связью качественного скачка производительных сил с адаптационной перестройкой общественно-политической структуры. По мере перехода производительных сил на более высокую историческую ступень правящая партия и её административная система объективно вынуждены повышать профессионализацию кадров, отвечая усложнению управления экономикой и социальными процессами. Исторический опыт социалистических государств подтверждает, что несвоевременная трансформация революционной модели управления в систему профессиональной бюрократии, соответствующую уровню развития производительных сил и производственных отношений, неизбежно ведёт к снижению управленческого потенциала и усилению структурных рисков режима. В этой связи изучение взаимосвязи профессионализации кадров и управленческой эффективности занимает центральное место в современной сравнительной и политической социологии. Эмпирически подтверждено, что формирование профессиональной бюрократической системы управления на основе меритократического принципа существенно повышает эффективность работы государственных структур и уровень социального развития, что соотносится с классическим тезисом М. Вебера о рациональности иерархических систем. Однако применительно к конкретному историческому опыту социалистических стран продолжаются теоретические дискуссии относительно степени и условий позитивного влияния кадровой профессионализации на результативность управления [13].

Западные концепции управления и развития исходят из того, что система кадрового отбора на основе принципа меритократии и профессиональной компетентности способствует оптимизации состава бюрократического аппарата, снижению влияния неформальных практик родственного характера и, соответственно, повышению управленческой эффективности. Международные эмпирические исследования также подтверждают, что меритократическая модель назначения кадров объективно ведёт к улучшению качества государственных услуг и росту социально-экономических показателей развития [8]. Однако данные эмпирических исследований китайского опыта свидетельствуют о необходимости критического переосмысления данного подхода: профессионализация кадров объективно интегрируется в существующие властные структуры и политическую логику, проявляясь в сложном взаимодействии между профессиональной компетентностью и политической лояльностью [4]. Например, несмотря на то что в последние годы китайское правительство внедрило формализованные институциональные критерии карьерного продвижения и систему профессионального обучения, на практике кадровые назначения не всегда базируются на строгих показателях результативности; более того, вероятность

служебного роста у кадров, получивших международное образование, сравнительно ниже. Следовательно, неформальные факторы, такие как локальные межличностные связи и механизмы политических консультаций, продолжают существенно влиять на продвижение кадров. Таким образом, центральная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что социалистические государства, располагающие более развитыми механизмами кадровой профессионализации, достигают сравнительно высоких показателей управленческой эффективности. Однако эта взаимосвязь опосредована структурой партийно-государственных отношений: высокая степень организационного контроля партии способна как усиливать, так и ослаблять принцип меритократического отбора кадров. Для раскрытия данной проблемы в исследовании предложена двухуровневая мезоаналитическая модель, объединяющая структурно-функционалистскую концепцию меритократии и критическую теорию воспроизводства элит. На макроуровне институциональная среда формирует объективный спрос на профессионализацию кадров с целью повышения эффективности управления, одновременно накладывая ограничения через механизмы институциональной инерции. На мезоуровне властные отношения воспроизводятся через организационные процедуры, что, в конечном итоге, ведёт к формализации кадровой профессионализации и превращению её в инструмент политического контроля в конкретных исторических условиях.

На основе вышеизложенного теоретического анализа, опираясь на историко-материалистическую методологию и трехмерную аналитическую схему «структура – действие – среда», в работе предложена мезоуровневая модель взаимосвязи «производительный скачок – кадровая профессионализация – институциональная эластичность». В рамках данной модели выдвигаются две проверяемые исследовательские гипотезы:

Гипотеза 1. Кадровая профессионализация оказывает значимое позитивное влияние на результативность управления. Механизм данного влияния состоит в том, что специализированные кадровые группы, обладая необходимыми компетенциями и техническими ресурсами, более эффективно решают задачи структурных трансформаций, вызванных качественным скачком производительных сил, что ведёт к повышению общей эффективности управления.

Гипотеза 2. Влияние кадровой профессионализации на результативность управления существенно модерируется институциональной эластичностью. Характер модерации проявляется в нелинейной зависимости в виде перевёрнутой U-кривой между интенсивностью партийно-государственного контроля и эффективностью реализации принципа кадровой профессионализации. Понятие институциональной эластичности определяется как динамическая способность политической системы к самоорганизации и структурному обновлению, отражённая в открытости процедур замещения власти, институциональная нормативность механизмов ротации кадров и адаптивности организационных структур, в противовес традиционной статической стабильности. Внутренний механизм этого феномена заключается в следующем: чрезмерный партийно-государственный контроль ограничивает профессиональную автономию, превращая профессионализацию в формальность; напротив, слабый контроль подрывает организационную координацию и мобилизационные возможности, вследствие чего даже высокая степень профессионализации может снижать результативность управления при отклонении от заданной политической линии. Таким обра-

зом, лишь в оптимальном диапазоне институциональной эластичности, при умеренной степени партийно-государственного контроля, кадровая профессионализация становится действенным фактором повышения управленческой эффективности.

Для обеспечения методологической операционализации исследования основные переменные определены следующим образом: независимая переменная – «профессионализм кадров» – количественно выражается через средний образовательный уровень руководящих кадров, степень соответствия их профессиональной подготовки занимаемым должностям и степень формализации кадровой системы; зависимая переменная – «результативность управления» – измеряется темпами экономического роста, уровнем государственных услуг на душу населения, индексом социальной стабильности и другими комплексными показателями. Цель настоящего исследования состоит в раскрытии дифференцированного влияния кадровой профессионализации на результативность управления на основе межнационального сравнительного анализа руководящих коллективов ЦК СЕПГ ГДР и ЦК КПК. Это позволяет устранить существующие недостатки сравнительного анализа управленческих механизмов социалистических стран, эмпирически проверить применимость теории меритократии в условиях конкретной политической структуры и раскрыть механизм воздействия кадрового отбора на результативность управления. Согласно структурной парадигме исторического материализма и концепции исторического институционализма, несмотря на глубокие структурные трансформации социалистических стран в конце XX века, их политические институты демонстрируют устойчивую историческую инерцию и институциональную эластичность. Это обуславливает высокий уровень институционального изоморфизма их организационных структур и позволяет методологически контролировать исторические различия между выбранными случаями. В связи с этим, по принципу «максимально схожих систем» в исследовании выбраны случаи, имеющие сходные институциональные структуры, но различные исторические условия развития. В качестве контрольных переменных рассматриваются различия в международном статусе стран, степень внешнего вмешательства и направления экономического развития, что позволяет повысить методологическую строгость сравнительного анализа и убедительность причинно-следственных заключений. Важно подчеркнуть, что целью данного исследования является не атрибутивный анализ исторических судеб двух стран, а раскрытие структурных механизмов влияния кадровой профессионализации на управленческую эффективность в контексте институциональной эластичности. Посредством межпериодного сравнительного анализа мы выявляем мезоуровневую структурную логику взаимосвязи профессионализации кадров и эффективности управления, внося вклад в научные дискуссии вокруг механистической роли меритократии в западных теориях управления и развития.

Структура работы следующая: сначала обосновывается теоретическая взаимосвязь между кадровой профессионализацией и эффективностью управления; затем посредством сравнительного анализа ГДР и КПК раскрывается механизм кадровой профессионализации и её влияние на показатели управленческой эффективности; на заключительном этапе на основе проведённого анализа строится мезоуровневая теоретическая модель, обсуждаются её научная новизна, эмпирическая применимость и теоретическая обобщающая значимость.

Историко-материалистическая логика влияния производительного скачка на профессионализацию управленческих кадров

Во введении ясно обозначена центральная идея исследования: проанализировать структурный механизм влияния производительного скачка на профессионализацию партийно-государственных кадров и сформулировать две конкретные проверяемые гипотезы. Исходя из этого, в первом разделе посредством историко-материалистической методологии разрабатывается теоретическая модель взаимосвязи «производительный скачок – кадровая профессионализация». Теоретическую основу анализа составляет концепция идеологического государственного аппарата Л. Альтюссера, подчёркивающая, что полная реализация потенциала кадровой профессионализации возможна лишь при условии научно обоснованной политико-организационной линии. Данная теоретическая позиция коррелирует с усилением внимания современной социальной науки к роли идеологических факторов и организационных стратегий, формируя надёжный теоретический фундамент для последующего кросс-национального эмпирического анализа.

В работе «производительный скачок» определяется как исторический феномен качественного повышения материального производственного потенциала общества, сопровождающегося быстрым и устойчивым ростом на определённом этапе развития (например, переход от аграрной экономики к индустриальной или от индустриальной к информационно-знаниевой экономике). В марксистской традиции исторического материализма, когда развитие производительных сил вступает в противоречие с существующими производственными отношениями, последние из движущей силы превращаются в ограничитель развития, порождая объективную необходимость структурной трансформации общества. Скачкообразное развитие производительных сил неизбежно обостряет противоречие между экономическим базисом и надстройкой, вынуждая институциональную систему к адаптивной перестройке. Способность социальной системы к такой адаптации обозначается как «системная гибкость», под которой понимается способность своевременно изменять структуру и функции, не допуская перерастания структурных противоречий в революционные конфликты.

Во-вторых, для социалистических стран регулирование соотношения политической надстройки и экономического базиса путём профессионализации кадров на этапе производительного скачка является ключевым механизмом, обеспечивающим их координацию и единство. Данная кадровая профессионализация выражается в постепенном повышении профессионализма членов руководящего коллектива ЦК с точки зрения уровня их формального образования, технических навыков и управленческого опыта, систематически формируемых от базового до центрального уровня управления. В результате формируется современная модель управления, основанная на рациональном анализе и научно обоснованных решениях. Этот путь профессионализации полностью соответствует веберовскому принципу рациональной бюрократии, предполагающему систему управления, основанную на профессиональной компетенции административных кадров и строгом следовании нормативно-правовым процедурам, в противоположность традиционной модели лидерства, базирующейся на личной харизме или революционных заслугах [18]. По мере индустриального развития и технологических инноваций «красные эксперты», совмещающие полити-

ческую лояльность с профессиональной компетентностью, постепенно стали основной составляющей кадрового состава руководящих коллективов ЦК социалистических стран. Профессионализация кадров значительно повысила технический и административный потенциал государственного аппарата, обеспечив соответствие усложняющимся потребностям экономического и социального управления и укрепив легитимность политического режима за счёт роста управленческой эффективности. Согласно выводам политологических исследований, институционализированный меритократический отбор представляет собой эффективную стратегию реализации централизованной модели управления, направленную на укрепление власти посредством создания инклюзивных и нормативно регулируемых социальных каналов вертикальной мобильности. Это позволяет повысить социальные ожидания относительно классовой мобильности, снизить прямой общественный запрос на перераспределение доходов и обеспечить механизмы социальной интеграции и регулирования со стороны режима [5].

Исторический опыт социалистических стран подтверждает, что объективная потребность в профессионализации кадров проявилась первоначально в практике развития СССР и государств Восточной Европы после Второй мировой войны. Уже после победы Октябрьской революции В.И. Ленин высказался за полное использование опыта старых технических специалистов, выдвинув известный тезис: «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны», подчёркнув ключевое значение технической модернизации для социалистического строительства. В свою очередь, И.В. Сталин в 1935 г. однозначно заявил: «Кадры решают всё», подчёркнув фундаментальную важность подготовки квалифицированных и преданных кадров для строительства социализма. С наступлением периода «развитого социализма» в 1960-х годах в руководящие коллективы ЦК СССР и стран Восточной Европы постепенно вошли высокообразованные кадры с развитой профессионально-технической квалификацией, что западными исследователями было обозначено как «технологизация бюрократии» или «трансформация элиты». Таким образом, кадровый отбор в социалистических странах постепенно сформировал двойственную структуру, сочетающую профессиональную компетентность, базирующуюся на современных знаниях и технической рациональности, с политической лояльностью, являющейся идеологическим условием карьерного продвижения [7]. В самой двойственной структуре кадровой профессионализации заложено внутреннее диалектическое напряжение: чрезмерный акцент на профессионально-технической рациональности кадров объективно ослабляет функцию идеологической сплочённости и при определённых условиях может привести к отклонению от заданной политико-организационной линии; напротив, избыточное подчёркивание политической лояльности неизбежно снижает общую эффективность государственного управления. Поэтому ключевой практической задачей социалистических государств в процессе модернизации является диалектическое поддержание динамического равновесия между профессиональной компетентностью кадров и уровнем политического контроля. Следовательно, теоретический анализ механизма взаимодействия профессионализации кадров с институциональной эластичностью на этапе производительного скачка не только обеспечивает аналитическую перспективу для глубокого понимания внутренней логики реагирования таких социалистических стран, как ГДР и КНР, на структурные вызовы модернизации и поддержания

политической устойчивости, но и формирует центральный исследовательский вопрос и теоретическую основу данной работы.

Сравнительные исследования профессионализации руководящих коллективов ЦК СЕПГ и ЦК КПК уже имеют определённую теоретическую разработку и эмпирическую базу. Ранние западные исследования фокусировались преимущественно на социально-структурных характеристиках политической элиты ГДР. Так, Людвиг Лутц впервые отметил, что в начальный период существования ГДР члены Политбюро ЦК СЕПГ являлись в основном революционными кадрами, вступившими в Коммунистическую партию Германии (КПГ) до или в период Второй мировой войны, прошедшими систематическую политическую подготовку в эмиграции в СССР, обладавшими относительно низким уровнем формального образования. Начиная с 1970-х годов, состав центрального руководства постепенно обновлялся молодыми кадрами с высоким уровнем профессионального и технического образования [10]. По статистическим данным, удельный вес членов ЦК СЕПГ ГДР, имевших высшее или высшее техническое образование, увеличился с менее 20% в начале 1950-х годов до 91% в 1986 году [14]. Что касается членов Политбюро ЦК СЕПГ, средняя продолжительность их формального образования возросла с 8,2 лет в начале 1960-х годов до 12,6 лет к началу 1980-х годов, при этом доля кадров с профессиональным и техническим образованием увеличилась с 14 до 48% [11]. Дальнейший анализ архивных материалов Центрального секретариата ЦК СЕПГ и биографических данных свыше 2000 членов ЦК свидетельствует, что в период с 1946 по 1989 год доля кадров с высшим образованием и выше демонстрировала устойчивую тенденцию к росту: если в конце 1940-х годов она составляла около 9%, то к началу 1970-х годов превысила 50%, а к 1988 году достигла 77% [2]. Данные тенденции чётко указывают на трансформацию механизма кадрового отбора в СЕПГ – от единичного критерия революционной квалификации к двойственной структуре, объединяющей революционную квалификацию и профессиональную компетентность. Фактически ЦК СЕПГ ещё задолго до этого придавал особое значение профессионализации кадров центрального руководства партии. Уже в 1967 году Эрих Хонеккер однозначно заявил, что эффективное функционирование социалистической системы предполагает, чтобы руководящие органы партии, государственные министерства и ведомства, а также управленческие кадры всех уровней систематически овладевали научно обоснованными принципами и методами управления, используя их в качестве основы для руководства практической деятельностью [21]. Историческая реконструкция экономических показателей ГДР за 1950–1989 годы, осуществлённая Хенске на основе системы национальных счетов (СНС), свидетельствует о реальном росте ВВП за указанный период в 5,6 раза, при этом наиболее значительный прирост отмечен в промышленном секторе, объём которого в 1989 году более чем в 8 раз превысил уровень 1950 года, значительно опередив темпы развития сельского хозяйства. Данный структурный скачок производства, основу которого составляла промышленность, выступил важнейшим объективным фактором профессионализации кадров центрального руководства ГДР, способствовав постепенной трансформации механизма отбора кадров от критерия сугубо политической лояльности к диверсификации отбора на основе профессиональной компетентности и современного образования [6]. Исследования показывают, что указанный переход был непосредственно связан с принципом научного управления,

последовательно внедряемым СЕПГ, который предполагал обязательное наличие у руководящих кадров высшего образования, систематическую подготовку в партийных школах и овладение марксистско-ленинской теорией и современными управленческими знаниями. Так, начиная с 1970-х годов, свыше 75% слушателей Высшей партийной школы имени Карла Маркса в Берлине проходили обучение по техническим и управленческим направлениям [12]. Кроме того, после XI пленума ЦК СЕПГ (15–18 декабря 1965 г.) Вальтер Ульбрихт чётко заявил о необходимости подчинения научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений задачам научно-технической революции. СЕПГ незамедлительно приняла постановление о формальном включении университетов в общегосударственную систему науки и управления, указав в качестве основной задачи вузов подготовку квалифицированных кадров, способных сочетать научно-исследовательскую работу с управленческой деятельностью для удовлетворения структурных потребностей экономического сектора [19]. Однако следует отметить, что первое поколение революционных кадров ГДР, представленное Эрихом Хонеккером, Вилли Штофом и Эрихом Мильке, длительное время занимало руководящие посты, формируя феномен межпоколенческой солидарности. Эта группа, обладая долгосрочной монополией на политическую власть благодаря революционному авторитету и партийной репутации, объективно тормозила динамическое обновление и развитие механизма кадровой профессионализации. Вместе с тем политическая система ГДР, будучи включённой в социалистический блок под доминированием СССР, неизбежно подвергалась глубокому влиянию политико-идеологических и организационных корректировок КПСС, в частности перехода от брежневской концепции «развитого социализма» к горбачёвским реформам «гласности». Эти изменения, транслируемые в ГДР через идеологические и организационные каналы, оказывали существенное воздействие на взаимосвязь между профессионализацией кадров СЕПГ и эффективностью государственного управления. Хотя с начала 1980-х годов в ГДР наметилась тенденция к укреплению политической самостоятельности, сопровождаемая критическим отношением к СССР и личности Брежнева, центральное руководство во главе с Эрихом Хонеккером не отказалось от инерции принятия политических решений, сформированной советской моделью управления, демонстративно сохранив лояльность Союзу ССР. В первые годы горбачёвского руководства Хонеккер прямо отверг проведение аналогичных реформ в ГДР, считая, что дальнейшие преобразования подрывают устойчивость социалистической системы, поскольку существующая модель уже является оптимальной [32]. Однако вплоть до политического кризиса 1989 года центральное руководство СЕПГ во главе с Эрихом Хонеккером не смогло преодолеть структурную зависимость от советской политико-организационной линии, что выражалось в институциональном подражании КПСС в сфере профессионализации кадров и недостаточной автономии при принятии решений. Причиной данного феномена выступает исторически обусловленная траектория социально-экономического развития, ограниченная институциональной инерцией и накопленным в конкретной институциональной среде опытом. Следовательно, институциональные изменения представляют собой не единичные события, а системный процесс трансформации, формируемый на основе долгосрочной исторической памяти и институционального опыта [24]. В частности, после того как Михаил Горбачёв ясно дал понять, что СССР отказывается от политической линии брежне-

визма и не будет впредь вмешиваться во внутренние дела ГДР военным путём, уверенность центрального руководства ГДР в стабильности системы и безопасности режима существенно пошатнулась. Кроме того, открыто выраженное Горбачёвым недовольство Эрихом Хонеккером в ходе празднования 40-летия образования ГДР в октябре 1989 года ещё более усилило позиции коалиции реформаторов и недовольных кадров внутри СЕПГ, что в итоге вызвало перегруппировку центрального руководства партии. Это свидетельствует о сохранявшейся вплоть до 1989 года способности СССР оказывать прямое политическое воздействие на ГДР через идеологические и институциональные каналы. Таким образом, можно сделать вывод, что фундаментальное отклонение ГДР от советской политико-организационной линии и последующее ослабление влияния СССР через механизмы институционального переноса неизбежно приводили к системному снижению эффективности управления. При данном ошибочном политическом курсе повышение профессионализма кадров не только не способствовало оптимизации управленческой эффективности, но, напротив, закрепило институциональную инерцию, усугубило системную ригидность структуры управления и, в конечном итоге, обусловило функциональный кризис государственного управления ГДР.

После начала политики реформ и открытости КНР тенденция к профессионализации кадров центрального руководства КПК стала значимой темой научных исследований. На основе статистического анализа публичных биографических данных членов центрального руководящего коллектива КПК с 1980-х годов до начала XXI века была выявлена устойчивая структурная особенность – доминирование кадров с инженерно-техническим образованием. Например, из девяти членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 16-го созыва (2002) восемь имели инженерную подготовку, преимущественно из Университета Цинхуа и других ведущих вузов. Данная структурная трансформация кадрового состава объективно соответствовала требованиям ускоренной индустриализации после реформ. Однако со второго десятилетия XXI века кадровая структура центрального руководства начала существенно диверсифицироваться. По мере углубления экономического развития и усложнения управления профессиональные требования расширились от монопрофильной подготовки к многоаспектной интегрированной компетентности, охватывающей экономику, правовое государство, дипломатию и социальное регулирование.

Следует подчеркнуть, что КПК традиционно рассматривает политическую подготовку как фундаментальное условие профессионализации кадров, а правильную политико-организационную линию – институциональной гарантией эффективного преобразования профессиональной компетентности в управленческую эффективность. Ещё в начале 1980-х годов Дэн Сяопин сформулировал концепцию «четырёх преобразований» кадровой политики (революционизация, омоложение, интеллектуализация, профессионализация), где политическая надёжность и профессиональная компетентность рассматривались диалектически. Документы последующих съездов КПК неоднократно подтверждали этот принцип. В последние годы ЦК КПК выдвинул критерии кадрового отбора, объединяющие политическую лояльность и профессиональную эффективность. В 2018 году на Всекитайском совещании по организационной работе Си Цзиньпин особо подчеркнул необходимость формирования высококвалифицированных кадров, обладающих политической надёжностью, высокой профессиональной компетентностью и сильной ответственностью. Данное

стратегическое позиционирование основано на историческом опыте краха управления и нестабильности режима в СССР и ГДР вследствие ослабления политической лояльности и дисбаланса политико-организационной линии. Как отмечают российские исследователи (например, Д.П. Мочалов), даже в условиях общей функциональной деградации советской политической системы отдельные структуры, такие как Международный отдел ЦК КПСС, демонстрировали высокую эффективность за счёт профессиональной специализации кадров. Этот факт подчёркивает, что профессионализм кадров реализует полный потенциал только при условии политико-организационной правильности и стабильности [25]. Вследствие этого КПК системно продвигает профессионализацию кадров, одновременно поддерживая институциональные механизмы предотвращения политических рисков и сохранения верности идеологической линии.

В целом существующие исследования предоставляют солидную эмпирическую и теоретическую основу для анализа взаимосвязи производительного скачка и профессионализации центрального руководства в социалистических странах, однако остаётся ряд существенных пробелов. Во-первых, отсутствует систематическое межнациональное историческое сопоставление профессионализации кадров в ГДР и КНР. Несмотря на обстоятельное изучение данного вопроса в каждой из стран, до сих пор не сформирована единая аналитическая модель. Из-за идеологических различий оценки управленческого опыта ГДР на Западе и Востоке расходятся: одни подчёркивают причины неудач, игнорируя достижения, другие сводят успехи к внешним факторам без глубокого анализа внутренних механизмов. Во-вторых, хотя управленческий опыт КПК позитивно оценивается внутри Китая, в международных исследованиях его эффективность остаётся спорной. Таким образом, комплексный межстрановой сравнительный анализ опыта ГДР и Китая поможет выявить общие закономерности профессионализации кадров в социалистических государствах.

Во-вторых, теоретический синтез существующих исследований имеет очевидные недостатки. Структурная парадигма исторического материализма и деятельностная парадигма элитистской теории в политической социологии обычно представлены разрозненно. Между тем исторический материализм, признавая определяющую роль материальных структур, не отрицает субъективного агентства и его обусловленности историческим контекстом. В связи с этим предлагается трёхмерная интегративная модель анализа, включающая институциональную инерцию, стратегические действия субъектов и международный контекст, что позволяет диалектически исследовать взаимодействие структурных и деятельностных факторов, а также внутренних и внешних условий. При таком подходе процесс профессионализации центрального руководства рассматривается как нелинейное динамическое развитие, характеризующееся сложными диалектическими противоречиями между экономической детерминированностью и субъектной стратегией, технологической рациональностью и идеологическим управлением, требующими глубокого конкретно-исторического анализа.

Основываясь на литературном обзоре и постановке проблемы, в данном исследовании предпринята попытка синтеза структурного анализа исторического материализма и деятельностного подхода элитистской политической социологии для построения комплексной аналитической модели и преодоления дихотомии структуры и действия. Методологически применяется классический марксистско-ленинский подход историко-

сравнительного анализа, направленный на глубокое исследование влияния производительного скачка на профессионализацию СЕПГ до объединения Германии и КПК после второго десятилетия XXI века. Это позволяет осуществить систематическую теоретическую интерпретацию и эмпирическую проверку выдвинутых гипотез на основе теоретической абстракции и исторических данных. Последующий раздел работы посвящён реализации этого междисциплинарного сравнительно-исторического анализа в рамках исторической социологии.

В условиях исторически обусловленного усложнения социальной системы, вызванного скачком производительности, профессионализация кадров центрального руководства стала объективной закономерностью и неизбежной тенденцией политической модернизации социалистических государств. Структурные изменения экономической и социальной сфер повысили требования к управленческой системе в плане знаний, технической рациональности и организационных способностей, одновременно предъявляя повышенные стандарты к политическому управлению. Эти структурные требования отражают объективные законы развития производительных сил социализма и являются необходимым условием адаптации системы управления к их качественным изменениям. Вместе с тем, макроисторические структуры хотя и задают общую тенденцию развития, однако не определяют механически конкретные пути и результаты политического процесса. Напротив, решающее значение приобретают субъективные действия центрального руководства, его стратегические решения и адаптационные практики. Таким образом, между историческими структурами и субъективным действием существует динамическое диалектическое взаимодействие, определяющее конкретные результаты политического развития.

В первом разделе чётко показано, что качественный скачок в структуре производительных сил должен сопровождаться профессиональной трансформацией партийно-государственных кадров, однако эта трансформация может стать эффективным фактором общественного развития лишь при условии правильной политической и организационной линии. Опираясь на историко-материалистическую методологию, в данном разделе углубляется основная теоретическая посылка исследования: только центральное руководство, адекватно понимающее и активно адаптирующееся к объективным законам структурного изменения производительных сил, способно эффективно обеспечить долгосрочную стабильность социалистического государства и устойчивый рост управленческой эффективности посредством профессионализации кадров и институциональной оптимизации. Напротив, отставание профессиональной трансформации или структурные институциональные препятствия неизбежно ведут к системной нестабильности и управленческому кризису.

Вышеизложенный теоретический анализ не только обеспечивает историко-материалистическое обоснование последующих межнациональных сравнений, но и определяет методологические принципы эмпирического анализа. Кроме того, в данном разделе подчёркиваются ключевые функции и механизмы идеологического государственного аппарата в процессе кадрового развития, которые будут проверены в рамках конкретного сравнительного анализа исторического опыта ГДР и Китая во втором разделе настоящей работы.

Сравнительный анализ траекторий профессионализации кадров в контексте институциональной эластичности: опыт ГДР и Китая

Опираясь на изложенную выше теоретическую основу, во втором разделе работы с помощью межнационального сравнительно-исторического эмпирического анализа системно изучаются различия в практике профессионализации кадров центрального руководства ГДР и Китая в условиях производительного скачка, что позволяет эмпирически проверить выдвинутые теоретические положения. В данном разделе подробно анализируется структурная неоднородность идеологического государственного аппарата двух стран и его историческая эволюция, раскрывается, каким образом указанная неоднородность обусловила разные траектории кадровой профессионализации и объективные расхождения в эффективности управления. При этом акцентируется решающая роль политико-идеологической ориентации и таких институциональных элементов, как механизмы кадровой организации и системы назначения. Методология исторического материализма применяется для выявления динамики практик центральных руководящих коллективов по продвижению кадровой профессионализации в различных структурных контекстах, а также для анализа причин различий в их управленческой эффективности. Особое внимание уделено институциональным особенностям и их практическим последствиям для эффективности управления в СЕПГ ГДР и КПК Китая в период качественного скачка производительных сил [9]. Отмечается, что КПК значительно повысила управленческую эффективность и укрепила стабильность социалистического строя посредством реформы механизма отбора и подготовки кадров, а также перестройки институциональной структуры, ориентированной на производительность и технологическую рациональность. В то же время СЕПГ ГДР не смогла преодолеть системную ригидность управленческой структуры, обусловленную такими институциональными ограничениями, как недостаточная гибкость кадровой системы и отставание механизмов вертикальной мобильности и профессиональной адаптации руководящих кадров [22]. Таким образом, настоящее исследование осуществляет эмпирическую проверку теоретических гипотез через диалектический анализ взаимодействия структурных детерминант и динамических практик центральных руководящих коллективов, чтобы раскрыть институциональные механизмы, опосредующие взаимосвязь между профессионализацией кадров и эффективностью социального управления.

Второй раздел работы посвящён историко-сравнительному анализу центрального руководства СЕПГ ГДР до объединения Германии (преимущественно 1980-е годы) и центрального руководства КПК после второго десятилетия XXI века. Во-первых, системно исследуются состав и характеристики центральных руководящих коллективов двух партий с точки зрения уровня образования, профессиональной структуры, возрастного состава и служебного опыта. Во-вторых, проводится сопоставление операционных характеристик центральных органов двух партий на основе анализа институционального режима работы и внутренней властной структуры. Применяется марксистско-ленинская аналитическая схема «структура–действие» для диалектического выявления общих закономерностей и конкретно-исторических различий кадрового развития в социалистических государствах. С учётом объективных различий между ГДР и КНР в национальном масштабе и ин-

ституциональных деталях, методологически предпочтение отдано качественному сравнительному анализу с элементами пропорционального анализа тенденций, что позволяет избежать механического сопоставления абсолютных количественных показателей и обеспечить историческую конкретность научных выводов.

Прежде всего в работе анализируется историческая эволюция кадровой профессионализации центрального руководства СЕПГ до объединения Германии. После создания ГДР в 1949 г. руководство осуществлялось СЕПГ, страна вскоре стала ключевым членом Восточноевропейского социалистического блока. Политбюро ЦК СЕПГ состояло из 46 членов, 20 кандидатов и 40 секретарей Центрального секретариата, преимущественно мужчин, родившихся между концом XIX века и 1930-ми годами. С точки зрения социального происхождения и образовательного уровня, первое поколение руководителей, представленное Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и Отто Гротеволем, происходило преимущественно из рабочего класса, имело богатый опыт подпольной революционной борьбы и, как правило, не обладало систематическим высшим образованием. Второе поколение, представленное Эрихом Хонеккером, Вилли Штофом и Эрихом Мильке, подвергалось преследованиям в нацистский период и после войны прошло специальную подготовку в рамках СЕПГ или в Союзе ССР, получив политическое и профессиональное образование. Третье поколение, представленное Эгоном Кренцем и Гюнтером Шабовски, выросло уже в условиях социалистического государства и имело преимущественно высшее профессионально-техническое образование. Таким образом, кадровая структура ЦК СЕПГ прошла три этапа смены поколений: революционное поколение, родившееся до Первой мировой войны, послевоенное поколение и третье поколение, родившееся накануне реформ в 1930-е годы. Несмотря на постепенную функциональную дифференциацию и профессионализацию руководящих кадров, мобильность внутри центрального руководства оставалась низкой, вертикальные каналы продвижения были ограничены, а внешний доступ к центру принятия решений – затруднён. К концу 1980-х годов руководство СЕПГ столкнулось с проблемой старения кадров и институциональной слабостью механизма обновления. В условиях системного кризиса Восточной Европы это привело к глубокому внутрипартийному расколу и утрате легитимности. Ярким проявлением кризиса стала кратковременная замена Хонеккера на Кренца, за которой последовала массовая смена первых секретарей региональных комитетов в ноябре 1989 г. При этом внутри партии звучали призывы не возлагать ответственность за кризис на конкретных лиц. Например, Йохен Виллердинг в письме Эгону Кренцу от 16 ноября 1989 г. подчёркивал необходимость прекратить поиск виновных и призывал Центральный комитет воздержаться от публичных осуждений руководящих кадров, исходя из интересов партии, дела социализма в Германии и уважения к историческому вкладу ветеранов революционного движения [20]. Однако это мнение объективно не оказало существенного влияния на ход политических событий. 3 декабря 1989 года на XII внеочередном заседании ЦК СЕПГ было принято решение об исключении из состава ЦК и из партии 11 ключевых членов, включая Эриха Хонеккера, с одновременным инициированием дисциплинарных процедур в отношении ещё пяти руководителей; заседание было созвано Генеральным секретарём после консультаций с первыми секретарями окружных комитетов, часть членов ЦК была поставлена в известность постфактум, а формирование временного окружного руководства было осуществлено в нарушение

уставных процедур; решения принимались на фоне выраженного внешнего давления и прогрессирующей утраты центральным аппаратом контрольных функций. Тогдашний генеральный секретарь СЕПГ Эгон Кренц также констатировал на пленуме ЦК глубокий кризис доверия между Центральным комитетом и местными партийными организациями. [16] Что касается внешнего давления, то федеральный канцлер ФРГ Гельмут Коль публично заявил в Бундестаге, что необходимым условием экономической помощи со стороны ФРГ является отказ СЕПГ от конституционно закреплённой руководящей роли в ГДР. [3] Кроме того, группа бывших высокопоставленных руководителей ГДР, перешедших на сторону ведущих политических сил ФРГ, открыто выступила с аналогичным требованием о снятии руководящей роли СЕПГ [17].

Во-вторых, подготовка и отбор кадров центрального руководства ГДР до объединения Германии характеризовались чёткой исторической динамикой. Уже к концу 1950-х годов СЕПГ осознала, что эффективное управление современным государством невозможно обеспечить исключительно за счёт политической квалификации, и приступила к созданию системного механизма кадровой подготовки. Специализированные учреждения, прежде всего Высшая партийная школа имени Карла Маркса в Берлине, начали проводить систематическое обучение по марксистско-ленинской теории и административному управлению. Значительное число молодых кадров было направлено в СССР и национальные университеты для профессионального образования. Параллельно с формированием элиты «красных специалистов» в ГДР с 1949 г. развернулась широкая программа социально-экономического просвещения населения, ориентированная на «строительство» нового общества. К началу 1980-х это выявило разрыв между официальной политикой и восприятием социальной реальности широкими массами, включая часть партактива, что ограничивало мобилизационный потенциал идеологической работы и снижало готовность к защите существующего строя в момент системного кризиса. Во второй половине 1960-х – 1970-е годы сформировался «второй эшелон» кадров, получивший двойное образование: партийно-теоретическое и профессионально-техническое, представители которого постепенно вошли в центральное руководство. Например, Эгон Кренц получил в СССР профессиональное образование в области общественных наук, а впоследствии стал членом Политбюро. Секретарь по экономическим вопросам Гюнтер Миттаг имел профессиональную подготовку в технической сфере. Однако среди 46 членов Политбюро по-прежнему доминировали политические функционеры и марксистско-ленинские специалисты общественно-политического профиля, ощущался явный дефицит кадров с глубокими знаниями в области естественных и технических наук. СЕПГ долгое время ставила политическую лояльность и идеологическую надёжность во главу угла кадровой оценки, что обусловило преобладание социально-политической структуры знаний и ограниченное распространение передовых научных и международных компетенций.

В-третьих, профессионализация кадров центрального руководства СЕПГ проявилась в отчётливой функциональной дифференциации и технократизации процесса принятия решений. Члены Политбюро специализировались по следующим направлениям: революционно-политическое (например, В. Ульбрихт, В. Пик), партийно-организационное (например, Э. Хонеккер, Э. Кренц), административно-бюрократическое (например, В. Штоф, Х. Модров), экономико-техническое (например, Г. Миттаг,

Э. Апель), идеологически-пропагандистское (например, К. Хагер, А. Норден), военно-безопасностное (например, Э. Мильке, Х. Гофман), массово-организационное (например, Г. Тиш, Г. Ланге). Данная многоступенчатая модель была направлена на достижение функциональной взаимодополняемости и научного подхода в управлении. Тем не менее, на практике политическая лояльность оставалась доминирующим критерием отбора и продвижения, сохранялись идеологический контроль и консерватизм при принятии решений. Ограниченная интеграция оппозиционной интеллигенции и политизированные препятствия на пути реализации экономических реформ привели к постепенному структурному упадку системы.

Исходя из вышеизложенного анализа, процесс профессионализации центрального руководства СЕПГ к моменту объединения Германии характеризуется следующими выводами: хотя был достигнут существенный прогресс, данный процесс остался неполным. К середине 1980-х годов кадровый состав руководства ГДР по уровню образования и управленческим компетенциям приблизился к показателям других восточноевропейских социалистических государств, уступая только СССР, особенно выделяясь в инженерно-технической сфере и экономическом управлении. Это способствовало технологическому и промышленному развитию ГДР, особенно в электронной и вычислительной технике. Например, по данным Статистического ежегодника ГДР (1987), с 1980 по 1986 год индекс ВВП (1950 = 100) увеличился с 932 до 1183, при этом особенно заметный рост отмечался в машиностроении и автомобилестроении (с 1305 до 1704) и электротехнической промышленности (с 2691 до 4481). [1] Иными словами, практический опыт СЕПГ по освоению рациональных форм управления в рамках социалистической системы сохраняет значимую теоретическую и прикладную актуальность. Вместе с тем, в ГДР не удалось обеспечить своевременную смену поколений в центральном руководстве, вследствие чего новое поколение кадров с современным опытом не смогло занять ключевые позиции в системе принятия решений. Это обусловило значительное отставание политической системы от реальных потребностей экономического и социального развития. Например, согласно архивным данным, социальная программа, разработанная VIII съездом СЕПГ, длительное время не подвергалась необходимой корректировке, что вызвало неуправляемое расширение социальных расходов, темпы роста потребления стабильно превышали реальные возможности внутреннего производства. Вследствие этого внешний долг ГДР перед западными странами резко увеличился с 2 млрд валютных марок в 1970 г. до 49 млрд в 1989 г. [15]. За тот же период валютные поступления ГДР составили лишь 5,9 млрд долл. США, тогда как её расходы достигли 18 млрд долл. США, что обусловило бюджетный дефицит в размере 12,1 млрд долл. США [34]. Подобный глубокий дисбаланс между валютными поступлениями и расходами отражал неспособность социальной политики ГДР опираться на внутренний производственный потенциал и чрезмерную зависимость от внешних экономических условий, что вызвало быстрый рост долгового бремени и оказало серьёзное структурное давление на устойчивость её экономической и социальной системы. Указанное противоречие между экономическим базисом и надстройкой стало фундаментальной причиной структурного кризиса, быстро переросшего в острый политический кризис 1989 года на фоне резких изменений международной обстановки и отказа СССР от статус-кво в рамках стратегии геополитического сжатия. Хотя большая часть населения ГДР в тот период не отвергала социалистический путь развития, в обществе

сформировался явный запрос на обновление системы путём внутренних реформ. В частности, российский исследователь Хорольская М.В. отмечает, что по вопросу сохранения Министерства государственной безопасности, одному из наиболее острых и спорных того времени, преобладали настроения в пользу гуманитарной политики переселения и социальной реинтеграции, а не жёстких мер чисток, которые позднее инициировало правительство де Мецгера, пришедшее на смену кабинету Х. Модрова [31]. Однако неспособность жёсткой централизованной системы управления ГДР адекватно отреагировать на объективный общественный запрос о внутреннем институциональном самообновлении помешала реализации потенциала профессионализации кадров, что в конечном итоге ускорило процесс системной дезинтеграции государства. В этой связи бывший заведующий организационным отделом ЦК КПК и член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Сун Пин подчеркнул, что руководящая система СЕПГ в указанный период характеризовалась значительной институциональной ригидностью, особенно заметной в неэффективности механизма смены поколений кадров. Типичным примером такого сбоя стала ситуация с заменой Эриха Хонеккера его преемником Эгоном Кренцем. Сун Пин отметил по этому поводу: «Кренц рассматривался как преемник Хонеккера, однако, придя к власти, он поспешил отстранить предшественника, полагая, что без этого нельзя решить накопившиеся проблемы. В итоге он не только отстранил Хонеккера, но и сам вскоре лишился власти и был вынужден уйти в отставку» [30].

Если далее рассматривать процесс профессионализации кадров центрального руководства СЕПГ в контексте сравнительного анализа с другими социалистическими странами аналогичного исторического периода и геополитической структуры, то пример КПСС служит типичным эмпирическим контрпримером неудачной реализации кадровой профессионализации. Выдвинутые коллективным руководством ЦК КПСС в хрущёвский период теории «трёх гармоний» (мирного сосуществования, мирного соревнования, мирного перехода) и «двух общностей» («партия для всего народа, государство для всего народа») объективно ослабили классово-политические критерии и требования политической лояльности при подборе кадров, вызвав снижение политико-идеологической сплочённости партии и провал её кадровой профессионализации.

Кроме того, экономические реформы Косыгина и Либермана, направленные на развитие профессионально-технократической компетентности управленческих кадров, недостаточно учитывали требования политической дисциплины и идеологической лояльности. Это способствовало широкому распространению политического отчуждения и бюрократической коррупции в партийных рядах, постепенно подорвав общий управленческий потенциал КПСС. В период правления Горбачёва эта негативная тенденция ещё более усилилась. Российский исследователь П.А. Костин отмечает, что в ходе проводимой Горбачёвым политики «ускорения» и последующих реформ произошло массовое вытеснение из партийно-государственного аппарата опытных и лояльных кадров, обладавших социальной ответственностью и политическим опытом, с заменой их новыми кадрами без необходимых качеств. В результате значительно снизилось политическое доверие союзных республик и социалистических стран Восточной Европы к центральному руководству СССР, что объективно ускорило системный распад советской государственности. Отказ центрального руководства СССР от поддержки традиционно лояльных социалистических лидеров ГДР (Э. Хонеккер),

Польши (В. Ярузельский), Венгрии (Я. Кадар), Чехословакии (Г. Гусак) и Болгарии (Т. Живков) непосредственно способствовал коренной трансформации политических режимов в данных странах. [23] Именно совокупность внутренних и внешних структурных факторов обусловила системный крах советской государственной власти. Данный исторический опыт убедительно показывает, что профессионализация кадров, реализуемая в отрыве от диалектической связи между политико-идеологическими принципами и институциональной эластичностью, неизбежно порождает серьёзные риски для устойчивости системы управления. В конце 1980-х – начале 1990-х годов социалистические страны Восточной Европы сталкивались с аналогичными проблемами: институциональной стагнацией кадровой профессионализации и политической негибкостью. Неспособность плановой экономики и однопартийной системы обеспечить эффективную кадровую смену и трансформацию модели экономического развития привела к структурному старению политических элит, ослаблению идеологической мобилизации и накоплению социального недовольства. Несмотря на попытки Венгрии и других стран осуществить экономические реформы, структурные противоречия сохранялись из-за низкой открытости политической системы и глубокого укоренения бюрократических групп интересов. В таких странах, как Польша, ставка на профессионализацию кадров оказалась неэффективной в условиях чрезмерной зависимости от внешнего долга, который выявил недостаточность управленческого потенциала и усилил внутрипартийный раскол, ускорив системную дезинтеграцию режима. Этот исторический урок показывает, что стабильность социалистического строя оказывается под угрозой, если профессионализация отдельных ведомств не сочетается с институциональной реформой и обновлением политической структуры.

Научный анализ процесса профессионализации центрального руководства КПК во втором десятилетии XXI века следует рассматривать в макроисторическом контексте качественного скачка производительных сил и трансформации основных социальных противоречий в Китае. В указанный период китайская экономика заняла второе место в мире, ВВП на душу населения достиг уровня стран с высоким средним доходом, а парадигма экономического развития перешла от количественного роста к качественному инновационному развитию. Начиная с XVIII съезда КПК в 2012 г., в центральном руководящем коллективе КПК заметно усилилась тенденция к профессионализации кадров, что выражается в повышении уровня образования и профессиональных компетенций членов Политбюро ЦК. Уже в составе Политбюро XVIII созыва большинство членов имело степень не ниже бакалавра; к XX съезду КПК (2022) все 25 членов Политбюро имеют высшее образование, причём более половины обладают степенью магистра или доктора наук. Профессиональная структура центрального руководства вышла за рамки инженерно-технического профиля начального периода реформ, охватывая экономику, право, государственное управление, гуманитарные и социальные науки. Данная диверсификация структуры знаний соответствует потребностям усложнившейся управленческой системы Китая и проявляется в росте эффективности макроэкономического регулирования, укреплении правового управления и усилении идеологического руководства. В сравнении с узко ориентированной на общественно-политические знания кадровой структурой Политбюро ЦК СЕПГ перед объединением Германии, современное центральное руководство КПК демонстрирует более высокую комплексность и инсти-

туциональную эластичность, что свидетельствует о значительном прогрессе КПК в области кадровой профессионализации в новую эпоху.

Во-вторых, начиная со второго десятилетия XXI века, механизм подготовки и отбора профессиональных кадров Центральной руководящей группы КПК приобрёл институционализированный, системный и стандартизированный характер. Это выражается в отборе и продвижении высококвалифицированных специалистов через конкурсы государственной службы, систематическом обучении марксистско-ленинской теории и современным методам государственного управления в партийных школах и административных академиях, а также обязательном требовании наличия опыта работы на руководящих должностях провинциального или ведомственного уровня для продвижения в центральные органы. Например, Ли Цян, Чжао Лэцзи и Ли Си ранее занимали руководящие посты в нескольких провинциях, Цай Ци и Дин Сюэсян обладают длительным опытом работы в центральных партийно-правительственных структурах, а Ван Хунин долгие годы занимался теоретико-политическими исследованиями, что обеспечивает ЦК КПК совокупные преимущества в управленческом опыте и профессиональной компетентности.

Кроме того, межрегиональная и межотраслевая ротация кадров значительно повысила эффективность принятия решений. В противоположность этому, большинство членов Политбюро ЦК СЕПГ ГДР перед объединением Германии были ограничены опытом работы в узких отраслевых рамках, что снижало эффективность руководства. Существуют также значительные институциональные различия между КПК и СЕПГ ГДР в кадровом отборе. В отличие от формализованного избрания членов Политбюро ЦК СЕПГ с концентрацией решений в руках генерального секретаря, ЦК КПК осуществляет кадровый отбор через строгие организационные проверки и выборные процедуры на партийных съездах. КПК также имеет чёткие возрастные, стажевые и дисциплинарные критерии для членов центрального руководства, чего не было в СЕПГ ГДР, что привело к задержке смены поколений и старению кадров. Существовавшая в ГДР система кандидатов в члены Политбюро объективно ограничивала кадровую мобильность и препятствовала обновлению высшего руководства, тогда как КПК не имела аналогичной структуры, полагаясь на строгий организационный контроль. Кроме того, КПК создала институциональный механизм продвижения кадров от низовых структур, в то время как в СЕПГ преобладали вертикальные карьерные пути без открытой системы стратегического привлечения специалистов, что усиливало структурную ригидность. Сформированный в ЦК КПК механизм ротации кадров не только предотвращает укоренение бюрократических интересов и административной инерции, но и способствует межотраслевому обмену профессиональными компетенциями, поддерживая постоянное повышение профессионализма и управленческой эффективности.

Профессионализм Центральной руководящей группы КПК также проявляется в чётком разделении функций и научной организации процесса принятия решений. Обязанности членов Постоянного комитета Политбюро чётко разграничены: Си Цзиньпин курирует общее руководство, внешнюю и военную политику, Ли Цян отвечает за экономику, Чжао Лэцзи – за законодательную сферу, Ван Хунин – за идеологию и стратегическое планирование, Цай Ци – за партийную работу, Дин Сюэсян – за дела центрального аппарата, Ли Си – за дисциплинарный надзор. Центральный секретариат также имеет чётко определённую профессионализацию по организацион-

ной и кадровой работе, идеологии, пропаганде и единому фронту. Для повышения комплексного управленческого потенциала регулярно проводится ротация руководящих кадров центрального уровня: например, в марте 2025 г. министр организационного отдела ЦК КПК Ли Ганьцзе и министр отдела Единого фронта Ши Тайфэн осуществили взаимную ротацию должностей. В противоположность этому, в руководстве СЕПГ ГДР существовало долгосрочное фиксированное разделение труда и отсутствие механизма ротации, что порождало бюрократическую инерцию и ведомственную замкнутость.

Что касается механизмов принятия решений, то ЦК КПК ориентируется на научную модель, органически сочетающую партийное руководство, экспертные консультации и общественное участие, при которой основные политические инициативы проходят предварительную экспертную оценку и экспериментальную апробацию, что демонстрирует рационализацию и прагматизм управленческого процесса. В противоположность этому, механизм принятия решений в СЕПГ ГДР был существенно ограничен идеологическими рамками периода холодной войны. Кроме того, процессы принятия решений в КПК эффективно регулируются внутрипартийными контрольными и антикоррупционными механизмами, способствующими усилению дисциплины и ответственности кадров. В руководстве СЕПГ ГДР подобные механизмы практически отсутствовали, что снижало общую управленческую эффективность. Это институциональное отличие обусловило значительные различия в историческом опыте двух партий.

Важно подчеркнуть, что КПК, активно продвигая профессионализацию кадров, неизменно сохраняет партийное политическое руководство в управленческой сфере, подчёркивая подчинение профессиональных знаний партийной линии и первостепенное значение политического мышления и исполнительской дисциплины, что отражает диалектическое единство политического руководства и профессиональной рациональности.

С другой стороны, центральное руководство СЕПГ ГДР не уделяло достаточного внимания использованию опыта местных органов и организации межрегиональной ротации кадров. Из-за небольшой территории и ограниченного числа административных единиц прямой доступ в ядро Политбюро имели лишь первые секретари Берлинского горкома (Пауль Фернер, Гюнтер Шабовски и др.), остальные региональные руководители должны были проходить через центральные партийные структуры. Кроме того, оборонные и государственно-безопасные структуры ГДР занимали ограниченное место в Политбюро: хотя отдельные руководители Министерств обороны и государственной безопасности были членами Политбюро, институционализированный механизм перехода военных кадров в высшую политическую элиту, аналогичный КПК, отсутствовал. В целом кадровый путь в ГДР характеризовался преимущественно вертикальным линейным продвижением – от партийных органов и массовых организаций к Политбюро через Центральный секретариат, тогда как горизонтальные межпрофессиональные обмены были крайне редкими. Отсутствие обязательного выхода на пенсию и механизма кадровой ротации привело к длительному пребыванию одних и тех же кадров на высших постах и значительному старению элиты.

Подводя итоги, можно утверждать, что в новую эпоху Центральная руководящая группа КПК демонстрирует высокий уровень профессионализации кадров, выраженный в общем росте образовательного уровня, диверсификации профессиональной подготовки, институционализации системы отбора и непрерывного обучения,

а также в научной стандартизации принятия решений. Данный подход эффективно соединяет организационную дисциплину с профессиональной логикой, реализуя диалектическое единство политического руководства и профессиональной компетентности, обеспечивая управленческую устойчивость и результативность в решении сложных экономических и социальных задач. Это отражается в успешном контроле финансовых рисков, продвижении инноваций, борьбе с глобальными вызовами, такими как пандемия COVID-19, и участии в глобальном управлении. Хотя такая модель обладает потенциальными ограничениями, такими как конвергенция источников кадров и централизация решений, исторический опыт её реализации показал значительный позитивный эффект.

Таким образом, КПК сформировала эффективную модель управления, основанную на балансе между профессионализмом и политическим руководством, дополненную дисциплинарным контролем и научным механизмом принятия решений. Данная модель выступает теоретической парадигмой модернизации и институциональной трансформации для социалистических партий. Для дальнейшей проверки её транснациональной применимости представляется перспективным проведение сравнительного анализа с практиками профессионализации в социалистических странах Кубе, Вьетнаме, КНДР и Лаосе. Это позволит выявить дифференцированные логики эволюции под влиянием внешних структурных факторов, ресурсных возможностей и институциональных путей, а также оценить влияние профессионализации кадров на устойчивость режима и результативность управления через организационные механизмы, мобильность кадров и системы надзора.

В частности, КП Кубы после «особого периода» реализовала диалектическое единство политической лояльности и профессионализма, сформировав центральное руководство нового поколения во главе с Диас-Канелем. КП Вьетнама с момента «открытости» в 1986 г. последовательно проводила кадровые реформы, обеспечивая устойчивый экономический рост благодаря кадрам с опытом экономического управления. ТПК КНДР создала уникальный стабилизирующий механизм, основанный на строгом идеологическом контроле и дисциплине, формируя специфические профессиональные группы в оборонной и особых экономических сферах. В Лаосе НРПЛ после реформ НЭМ, несмотря на ресурсные ограничения и зависимость от внешней поддержки, постепенно сформировала кадры, сочетающие политическую лояльность с профессионализмом, хотя уровень стандартизации кадровой подготовки остаётся существенно ниже китайского.

Приведённый сравнительный анализ показывает, что КПК и СЕПГ ГДР демонстрируют общие черты в подходах к профессионализации кадров центрального руководства, однако конкретные практики реализации существенно различаются.

Во-первых, обе партии рассматривают профессионализацию кадров как стратегический ответ на качественное развитие производительных сил и усложнение системы социального управления. В соответствии с историко-материалистическим подходом, изменения в экономическом базисе неизбежно требуют адаптации надстройки и соответствующей перестройки производственных отношений, выражением чего выступает продвижение кадровой профессионализации. С 1970-х годов СЕПГ ГДР формировала корпус «красных специалистов», сочетающих политическую лояльность с профессиональными компетенциями, для решения задач индустриальной и технологической конкуренции; КПК после

начала политики реформ и открытости также непрерывно обновляет структуру знаний кадров, адаптируя её к условиям рыночной экономики и модернизации. Исторический опыт обеих партий показывает, что профессионализация кадров способствует росту эффективности управления и укреплению социальной стабильности.

Во-вторых, конкретные институциональные механизмы двух партий характеризуются значительным сходством. Обе партии создали систематизированную модель подготовки кадров, заменив традиционный революционный энтузиазм критериями образовательного уровня и профессионально-технической компетентности. СЕПГ ГДР придерживалась принципа одновременного акцентирования политической лояльности и научного подхода к управлению; аналогично КПК подчёркивает необходимость кадрового отбора, основанного на единстве политической надёжности и высоких профессиональных качеств, что отражает общую институциональную логику и диалектическое единство политической направленности и профессионализма.

Однако между практическими подходами двух партий наблюдаются ключевые различия не только в сфере кадровой политики, но и на уровне экономической стратегии в условиях развития производительных сил. Для корректности дальнейшего сопоставления целесообразно предварить анализ кадров краткой фиксацией различий в экономической стратегии: в ГДР длительное время доминировала модель жёсткого централизованного детального планирования, постепенно вступившая в противоречие с усложнением задач развития и требованием повышения инновационности; напротив, в КНР после 1978 г. институционализировалась управляемая рыночная координация в рамках политики реформ и открытости, что задавало иную траекторию взаимосвязи между ростом производительности и профессионализацией управленческих кадров.

Во-первых, заметно структурное различие в механизмах смены центрального руководства двух стран. В ГДР не был создан институционализированный механизм регулярного обновления центрального руководства, вследствие чего на протяжении длительного времени политическая власть оставалась сконцентрированной в руках узкой группы пожилых кадров, что объективно препятствовало вертикальной мобильности молодых специалистов. Несмотря на то что к 1989 году центральным руководством СЕПГ было чётко предложено переосмыслить руководящую роль партии в новых исторических условиях, а также принято решение об ограничении сроков полномочий генерального секретаря и других членов руководящего коллектива, эти инициативы оказались несвоевременными и не были реализованы на практике. [34] Однако к этому времени кризис социально-экономической структуры ГДР уже стал необратимым. В противоположность этому, КПК на раннем этапе внедрила систему ограничения сроков полномочий и выхода кадров на пенсию, сформировав институционализированный механизм преемственности центрального руководства, что объективно обеспечило кадровую мобильность и организационное самообновление. Историческая практика вновь подтвердила, что институционализированный механизм ротации кадров имеет решающее значение для долгосрочной устойчивости политической организации.

Во-вторых, существует существенное различие в способности двух партий к предупреждению и преодолению кризисных ситуаций. В конце 1980-х годов, в период структурных изменений в социалистическом лагере, центральное руководство ГДР из-за системной ригидности и замедленной реакции не смогло своевременно от-

ветить на общественный запрос о проведении реформ, что ускорило политический распад страны. Данный исторический феномен подтверждает вывод российского исследователя М.Ф. Польшова, который, анализируя исторические предпосылки перехода от «доктрины ограниченного суверенитета» эпохи Брежнева к горбачёвской политике «перестройки и нового мышления» в социалистических странах Восточной Европы, подчёркивал необходимость поддержания динамического равновесия между реализмом и идеализмом. Любое значимое отступление от принципов реальной политики неизбежно сопряжено с серьёзными историческими издержками. [26] Однако к этому моменту социально-экономический кризис ГДР уже приобрёл необратимый характер. В противоположность этому КПК ещё на раннем этапе внедрила институционализированную систему ограничения сроков полномочий и возрастного выхода на пенсию, сформировав устойчивый механизм ротации руководящих кадров, что обеспечило жизнеспособность организационной структуры и её способность к самообновлению. Историческая практика убедительно доказала: институционализированная ротация поколений имеет решающее значение для долговременной устойчивости политических организаций.

В-третьих, различается способность партий к предупреждению и преодолению кризисов. В конце 1980-х, когда социалистический лагерь переживал структурную трансформацию, руководство ГДР из-за системной ригидности и медленной реакции не сумело удовлетворить общественный запрос на реформы, что ускорило политический распад государства. Этот феномен подтверждает вывод российского исследователя Борянова: при формировании национальной стратегии необходимо поддерживать динамическое равновесие между реализмом и идеализмом; любое серьёзное отклонение от принципов реалполитик неизбежно ведёт к тяжким историческим издержкам [27]. Данный механизм усилил зависимость центрального руководства ГДР от советской политической линии, а также закрепил институциональную инерцию при принятии решений. В период «перестройки» стратегические неудачи внутренней и внешней политики СССР и сужение его международных возможностей дополнительно усугубили институциональную хрупкость ГДР, что ускорило ослабление стабильности режима. Напротив, КПК, располагая полной национальной независимостью и стратегической автономией, самостоятельно формулировала и реализовывала стратегию развития, эффективно реагировала на внешние вызовы и успешно трансформировала их в импульсы для реформ. Данный исторический факт подтверждает диалектическую закономерность, согласно которой степень суверенитета и автономности страны прямо пропорциональна её институциональной эластичности и устойчивости системы управления.

В-четвёртых, существенно различается гибкость двух партий в области идеологических инноваций. Официальная идеология ГДР отличалась консервативной застылостью, ограничивающей теоретическую и практическую инициативу кадров. КПК же последовательно развивает процесс «китаизации марксизма» (китайской адаптации марксистской теории), включая концепцию рыночной экономики и формулируя такие теоретические новации, как «развитие, ориентированное на человека». Согласно марксистской эпистемологии, это отражает диалектическое единство теории и практики: профессионализация кадров без теоретических инноваций не может обеспечить устойчивое повышение эффективности управления, в то время как своевременное обновление теории гарантирует необходимую легитимность и на-

правленную поддержку кадровых процессов. Следует отметить, что в теоретической традиции позднего «реального социализма» сохранялась нерешённость ряда фундаментальных вопросов, в частности материалистического определения сознания; данный мотив последовательно фиксируется в воспоминаниях и аналитических заметках германских партийных деятелей конца XX века.

Таким образом, исторический анализ показывает, что реализация кадровой профессионализации в социалистических государствах тесно зависит от институциональной эластичности политических систем, то есть их способности адаптироваться к изменениям экономической структуры и внешним вызовам. Хотя руководство ГДР осознавало объективную потребность в профессионализации кадров, вызванную скачком производительности, её институциональная ригидность, медленный механизм самообновления руководства и экономическая зависимость от внешних факторов препятствовали эффективной реализации данного потенциала. В отличие от этого КПК, обладая высокой институциональной автономией и гибкостью, успешно интегрировала кадровую профессионализацию в систему национального управления, существенно повысив её эффективность. Межнациональный исторический сравнительный анализ подтверждает, что структурные различия в функционировании идеологических государственных аппаратов и кадровых механизмов в ГДР и Китае напрямую обусловили различия в динамике профессионализации и управленческой эффективности. КПК благодаря единой политической линии и гибкости кадровой политики смогла быстро адаптироваться к технологическим, экономическим и социальным изменениям, тогда как ГДР, страдая от идеологической негибкости и организационной инертности, не смогла достичь аналогичных результатов. Полученные выводы подчёркивают значимость структурных детерминант процесса профессионализации кадров и подтверждают наблюдения современных исследований о несовпадающих траекториях модернизации. В следующем разделе следует углубить теоретический анализ взаимодействия профессионализации кадров с политической системой и организационными механизмами на основе проведённого эмпирического исследования. Сравнительный исторический опыт ГДР и Китая служит эмпирической основой для подтверждения классического марксистско-ленинского положения о диалектическом единстве структурного детерминизма и субъективного динамизма.

Влияние эффекта профессионализации кадров и институциональной эластичности на эффективность государственного управления: верификация теоретической модели на мезоуровне

Обобщая результаты вышеизложенного эмпирического анализа, в третьем разделе исследования осуществляется критическая теоретическая абстракция сравнительного исторического опыта ГДР и КНР в соответствии с выдвинутыми гипотезами и целями работы. Повторное обращение к межнациональному историческому сравнению позволяет глубже проверить научную валидность теоретического предположения, согласно которому качественный скачок в развитии производительных сил может быть устойчиво обеспечен только при наличии правильных политико-организационных условий для эффективной профессионализации кадров. Данное заключение

не только эмпирически подтверждает общую применимость исходной гипотезы, но и теоретически развивает концепцию Л. Альтюссера об идеологическом государственном аппарате, показывая, что в конкретных исторических условиях как идеологическая структура, так и институционально-организационные механизмы выступают глубокими структурными детерминантами профессионализации кадров и национального управленческого потенциала. В этой связи третий раздел исследования, опираясь на указанную историко-материалистическую перспективу, углубляет теоретическое понимание общего механизма диалектического взаимодействия между профессионализацией кадров и политико-организационными гарантиями. Сравнительный анализ исторических различий в практике профессионализации кадров центрального руководства СЕПГ ГДР и КПК демонстрирует, что реальная управленческая эффективность кадровой профессионализации фундаментально обусловлена объективными условиями институциональной эластичности и поддерживающей внешней среды. Хотя объективные потребности исторического этапа развития производительных сил обусловили профессионализацию кадров в обеих странах, различия в институциональном механизме смены руководства, степени национального суверенитета и автономности стратегического управления привели к принципиально различным траекториям развития. Полученные результаты раскрывают диалектическое единство структурного детерминизма и динамической субъектной практики: профессионализация кадров является необходимым условием эффективного современного государственного управления, однако долгосрочная реализация её потенциала зависит от структурных гарантий институциональной эластичности. Поэтому в третьем разделе продолжается анализ механизма взаимодействия кадровой профессионализации и институциональной эластичности, а также исследуется теоретическая связь данного механизма с долгосрочной устойчивостью социалистических политических режимов.

Во-первых, исторический материализм доказывает объективную необходимость профессионализации руководящих кадров в условиях развития производительных сил. Быстрый рост производительности труда и усложнение социальной структуры обусловили кризис традиционной революционной модели управления, что привело к неизбежной интеллектуализации и профессионализации управленческого состава. В ГДР с 1960-х годов происходило систематическое повышение образовательного уровня кадров, в Китае же с началом реформ и открытости продолжается оптимизация их структуры знаний, что подтверждает тенденцию адаптации надстройки к изменениям в экономическом базисе.

Во-вторых, между кадровой профессионализацией и стабильностью режима, а также эффективностью управления существует сложная нелинейная взаимосвязь. Согласно экономическому анализу структуры ГДР, проведённому Хенске, к 1989 году доля промышленности в общем объёме произведённой стоимости составляла 36,3%, доля сферы услуг – 35,2%, а финансового сектора – 6,8% [6]. Подобная сравнительно сбалансированная отраслевая структура была непосредственно обусловлена уровнем профессионализации кадров центрального руководства. Усиление профессионализации руководства ГДР повысило эффективность распределения внутренних ресурсов и стратегического планирования промышленности, что позволило частично смягчить характерную для плановой экономики неэффективность и повысить общую результативность управления экономикой. Кроме того, в сфере международных отношений данный процесс объективно способствовал реализа-

ции долгосрочной стратегической цели ГДР – вынудить ФРГ признать государственный суверенитет ГДР, хотя Федеративная Республика Германия официально так и не признала существование отдельного гражданства ГДР [33]. Однако в целом кадровая профессионализация в ГДР не обеспечила необходимую институциональную эластичность властных структур. Политический кризис конца 1980-х годов наглядно продемонстрировал ограниченность механизмов управления кризисными ситуациями, что в итоге обусловило крах политического режима. Напротив, КПК, параллельно с повышением уровня профессионализации кадров, сформировала институциональные гарантии, включая ограничение сроков пребывания на постах, систему пенсионного обеспечения и внутривластного контроля. Данные меры создали институциональную среду, позволившую профессионализированным кадрам эффективно реализовать свой управленческий потенциал, обеспечив тем самым долгосрочную стабильность режима.

Кроме того, внешняя международная среда вновь оказала значительное влияние на динамику производительных сил и профессионализацию кадров. Суверенитет и автономия ГДР, как члена социалистического лагеря под руководством СССР, были объективно ограничены рамками внутриблоковой структуры, а внутренние противоречия обострились вследствие стратегического сокращения международной активности Союза ССР. Хотя центральное руководство ГДР располагало значительным числом профессионально подготовленных кадров, его возможности для эффективного реагирования на резкие изменения внешней среды были сильно ограничены. Центральное руководство СЕПГ объективно и своевременно негативно оценило горбачёвскую «перестройку», подчеркнув, что происходящие в СССР процессы являются его внутренним делом и сопряжены со значительными рисками, не имея практического значения для ГДР [33]. Однако данные суждения не оказали заметного позитивного влияния на развитие социалистических режимов ни в самой ГДР, ни в Восточной Европе в целом. Более того, опыт Кубы и КНДР показывает, что социалистические государства с высокой степенью структурной зависимости от внешней помощи характеризуются институциональной хрупкостью и уязвимостью к резким изменениям международной ситуации. Китай же, обладая высоким уровнем национального суверенитета и стратегической автономии, эффективно использовал возможности глобализации, достигнув позитивного взаимодействия между качественным скачком производительных сил и профессионализацией кадров.

Кроме того, способность правящей партии к идеологическим инновациям оказывает значительное влияние на эффективность кадровой профессионализации. В преддверии объединения Германии идеологическая система СЕПГ постепенно утратила гибкость, ограничивая теоретическую и практическую инициативу кадров в области управления. Напротив, КПК последовательно развивала китаизацию марксизма, активно интегрируя теории рыночной экономики и передовой управленческий опыт, стимулировала теоретическую инициативу кадров, что существенно повысило эффективность государственного управления в ответ на вызовы общественных преобразований.

Наконец, необходима диалектическая оценка опыта ГДР. Несмотря на итоговый крах политического режима, достижения в области кадрового профессионализма, социальной политики и защиты прав женщин сохраняют научную актуальность. Коренной причиной неудач стали внешняя структурная зависимость и внутренняя ин-

ституциональная негибкость, а не профессионализация кадров сама по себе. Таким образом, научный анализ опыта ГДР должен акцентировать внутреннюю взаимосвязь между кадровой профессионализацией и институциональной эластичностью, предупреждая чрезмерное влияние внешних факторов на внутреннюю структуру управления с целью недопущения повторения подобных исторических проблем.

Приведённый выше анализ полностью подтверждает выдвинутую в исследовании гипотезу о том, что стабильность и перспективы социалистического режима напрямую зависят от эффективности кадровой профессионализации центрального руководства в период качественного скачка производительных сил при условии соответствующих институциональных изменений. Сравнительный анализ ГДР и КНР демонстрирует эмпирическую состоятельность данного положения. КПК добилась долгосрочной стабильности и высоких управленческих показателей за счёт сочетания институционализированных механизмов отбора кадров, сроков пребывания на постах и внутривластного контроля, приведя кадровый потенциал в соответствие с развитием производительности. В то же время СЕПГ, несмотря на значительный уровень кадровой профессионализации, не смогла эффективно отреагировать на управленческий кризис в критический исторический период ввиду институциональной ригидности и внешних ограничений. Неэффективность профессионализации в данном случае связана не с самим принципом профессионализации, а с недостаточной институциональной эластичностью, не позволившей своевременно адаптировать управленческий потенциал к объективным потребностям развития. Из этого исторического опыта следует, что процесс профессионализации должен сопровождаться адекватными институциональными корректировками, предотвращающими дисбаланс между потенциалом управления и структурными потребностями общества.

Подводя итог, отметим, что в данном исследовании на основе сочетания исторического материализма и теории элит политической социологии выявлено диалектическое взаимодействие между качественным скачком производительных сил и профессионализацией кадров. Основные выводы состоят в следующем: Во-первых, качественное развитие производительных сил объективно требует интеллектуализации и профессионализации кадров центрального руководства. Рост образовательного уровня кадров СЕПГ с 1960-х годов и постоянная оптимизация структуры знаний кадров КПК после начала реформ и открытости подтверждают эту закономерность. Негативным примером является период Культурной революции в КНР, когда упадок профессионализма кадров привёл к кризису управления. Во-вторых, уровень кадрового профессионализма непосредственно влияет на эффективность и стабильность режима, однако этот позитивный эффект требует институциональной эластичности. В ГДР Хонеккер добился экономических и социальных успехов в начальный период руководства, однако институциональная неэластичность помешала адекватно ответить на последующие вызовы. Напротив, КПК, посредством кадровой ротации, пенсионной системы и внутривластного контроля, сумела эффективно реализовать кадровый потенциал. Следовательно, институциональная эластичность выступает необходимым условием обеспечения эффективности профессионализации кадров. В-третьих, международная среда существенно влияет на эффективность кадровой профессионализации и стабильность режима. Суверенитет ГДР ограничивался рамками социалистического лагеря под руководством СССР, а внутренние противоречия рез-

ко обострились после начала горбачёвской перестройки, что усложнило использование профессиональных кадров. Китай, обладая полной суверенностью и автономностью, смог успешно осуществить позитивное взаимодействие производительности и профессионализации, подчёркивая важность внешней среды для решения внутренних противоречий. В-четвёртых, китайский опыт представляет собой эффективную практическую модель интеграции партийных принципов и профессионализма управления. Несмотря на сохраняющиеся вызовы, связанные с самостоятельными инновациями, КПК успешно решает ключевые задачи модернизации благодаря сочетанию гибкости политических механизмов и профессиональной подготовки кадров, что подтверждает необходимость диалектического единства теоретических и практических инноваций. В-пятых, опыт ГДР следует объективно и диалектически оценивать. Несмотря на крах режима, его достижения в социальной политике, социальной защите и обеспечении прав женщин сохраняют научную актуальность. Ключевыми причинами его неудач стали внешняя структурная зависимость и институциональная неэластичность, а не профессионализация кадров сама по себе. Поэтому в научном осмыслении опыта ГДР необходимо подчеркнуть диалектическую взаимосвязь профессионализации и институциональной эластичности, избегать упрощённых идеологических выводов и учитывать риски внешнего воздействия на внутреннюю управленческую структуру, чтобы не повторить подобных исторических ошибок.

На основании вышеизложенного качественного сравнения в работе проводится факторный анализ, направленный на выявление ключевых факторов, влияющих на профессионализацию кадров центрального руководства СЕПГ ГДР и КПК. Несмотря на ограниченный объём выборки, данный анализ раскрывает внутреннюю логику взаимосвязи между скачком производительности и кадровой профессионализацией через мезоуровневые механизмы. Используя биографические данные членов, кандидатов и секретарей Политбюро ЦК СЕПГ и соответствующих руководящих кадров КПК, в исследовании выбраны следующие переменные: образовательный уровень, профессиональная профессионализация, партийный стаж, научно-технические звания, зарубежный опыт, опыт регионального управления и возраст вхождения в центральное руководство. Анализ выявил наличие значимых корреляций между переменными, позволяя выделить общие глубинные факторы.

Первый фактор – противоречие между революционным авторитетом и технической рациональностью. Кадры с относительно низким образованием, длительным партийным стажем и военным опытом входят в центральное руководство преимущественно благодаря революционным заслугам. Напротив, кадры с высоким уровнем образования и профессиональными компетенциями (инженеры, экономисты) характеризуются меньшим партийным стажем и наличием учёных или технических званий. Первые представляют такие фигуры, как Эрих Хонеккер и Эрих Мильке; вторых – Ли Кэцян и Ван Хунин. Это отражает зависимость кадровой структуры от стадии развития производительных сил: на этапе низкой производительности доминирует мобилизационная способность, а на стадии качественного скачка – профессиональные компетенции и техническая рациональность. Соответственно, происходит смена модели кадров от «революционно-ветеранского типа» к «профессионально-техническому типу».

Второй фактор – институциональный механизм обновления кадров. Он охватывает такие показатели, как система обязательного выхода на пенсию, ротации,

ограничение сроков пребывания в должности и межрегиональные назначения. Данные КПК показывают, что молодые кадры и лица с опытом работы в различных регионах, работающие в рамках чёткой системы ротации, как правило, имеют современное высшее образование, тогда как длительно занимающие одну должность являются традиционными ветеранами с относительно низким уровнем образования. В отличие от СЕПГ, где отсутствовали подобные механизмы и смена кадров происходила медленно, чёткие возрастные и временные рамки ротации КПК значительно повысили профессионализм центрального руководства. Это подтверждает тезис о том, что оптимизация организационной структуры является необходимым условием эффективной реализации кадровой профессионализации.

Третий фактор – открытость политической среды. Этот аспект отражается в представленности кадров с зарубежным опытом, женщин, представителей этнических меньшинств и других социальных групп в центральном руководстве. После начала реформ и открытости КПК политическая среда стала более открытой, что повысило многообразие и профессионализм руководящих кадров. Напротив, кадровый состав руководства СЕПГ характеризовался однородностью с низкой долей женщин и меньшинств. Открытая политическая среда способствует повышению профессионализма и адаптации к усложняющимся задачам социального управления, демонстрируя взаимосвязь производительных сил и политической культуры.

Опираясь на три выделенных фактора, в работе предложена мезотеоретическая модель «скачок производительности – кадровая профессионализация – институциональная эластичность». Логика модели такова: на макроуровне скачок производительности формирует объективный спрос на кадровый профессионализм; на микроуровне индивидуальные образовательные и политические характеристики определяют потенциал кадров; на мезоуровне организационные и институциональные механизмы партии обеспечивают эффективную трансформацию индивидуальных характеристик в управленческую эффективность. Таким образом, скачок производительности оказывает давление на политическую надстройку, побуждая правящую партию к кадровой профессионализации; институциональная эластичность политической системы определяет эффективность реализации данного потенциала, а международная среда может ускорять или замедлять этот процесс.

Опыт восточноевропейских государств (ГДР, Польша) показывает, что, несмотря на профессионализацию кадров, отсутствие своевременного институционального механизма обновления руководства в условиях внезапного прекращения внешней поддержки привело к быстрому коллапсу режимов. Напротив, Китай и Вьетнам посредством реформ институционального омоложения и кадровой ротации эффективно конвертировали профессионализм кадров в управленческую эффективность, что обеспечило долгосрочное экономическое развитие и стабильность режима. Кубинская практика подтверждает эффективность модели, сочетающей политическую лояльность и профессиональные компетенции, в поддержании стабильности. КНДР, напротив, демонстрирует иной путь, основанный на строгом централизованном контроле кадров и идеологии, обеспечивая устойчивость режима даже в условиях отсутствия рыночных реформ. Эти примеры подчёркивают значимость адаптации политической системы к процессу кадровой профессионализации, а также влияние международной среды на развитие внутренней структуры управления.

Предложенная теоретическая модель синтезирует базовые принципы исторического материализма о взаимодействии экономического базиса и надстройки с перспективами структурного функционализма и исторического институционализма, подчёркивает решающую роль политической практики правящей партии в разрешении структурных противоречий и реализует диалектическое единство структуры (базис-надстройка), действия (партии) и внешней среды (международных условий), обеспечивая комплексную теоретическую интерпретацию процесса социалистической модернизации.

Для дополнительной проверки эмпирической валидности разработанной мезотеоретической модели в работе на её основе проведено исследование кадровой профессионализации в центральном руководстве КПРФ. Анализ биографических данных членов Президиума и Секретариата ЦК КПРФ за 2013–2025 гг. выявляет устойчивую тенденцию к профессионализации и омоложению кадрового состава. Съезды КПРФ 2013, 2017, 2021 и 2025 годов показывают постепенный переход от советской модели продвижения, основанной на партийном стаже и политической лояльности, к современной системе профессиональных компетенций. В 2013 году в Президиум впервые вошёл молодой специалист Ю.В. Афонин (род. 1977), став секретарём по региональной работе. В 2021 году кадровый состав ещё более омолодился: консервативные фигуры, такие как В.Ф. Рашкин и С.Г. Левченко, уступили место молодым профессионалам с современным образованием. Большинство новых членов руководства имеют научные степени или профессиональную подготовку в технической, экономической и международной областях. Это свидетельствует о росте роли профессионального опыта при отборе кадров, что подтверждается сохранением академика И.И. Мельникова на посту первого зампреда, продвижением Ю.В. Афонова на аналогичную должность и включением эксперта по международным отношениям Л.И. Калашникова в ключевое ядро принятия решений. На XIX съезде (июль 2025 г.) в центральное руководство также были выдвинуты С.Э. Аниховский – опытный организатор идеологической работы и кадровой подготовки, и И.Н. Макаров – руководитель интеллектуальной структуры РУСО. С 2016 года стали нормой парламентский опыт и профессиональная компетентность новых первых секретарей местных парторганизаций, отражающие институционализацию кадровой профессионализации. Профессионализация кадров позитивно коррелирует с избирательными результатами и организационной эффективностью: несмотря на снижение поддержки КПРФ на выборах в Госдуму 2016 г. до 13,34%, последующие структурные реформы партии подтвердили эффективность её профессионализации [28].

Это побудило КПРФ инициировать системную перестройку кадровой структуры на XVII съезде партии в 2017 году, направленную на выдвижение кадров среднего возраста с профессиональным образованием в юридической, государственной и научно-академической сферах (например, А.Е. Клычков, С.П. Обухов), что существенно укрепило организационно-мобилизационный потенциал партии. В результате данной реформы на выборах в Государственную Думу 2021 года доля голосов, полученных КПРФ, возросла до 18,93% [29], а количество депутатских мандатов увеличилось до 57. На рост электоральной поддержки также оказала влияние чёткая критическая позиция партии по вопросам пенсионной реформы и государственной политики борьбы с эпидемией. Приведённый выше анализ эмпирически подтверждает, что ускорение темпов профессионализации кадров КПРФ объективно усилило её переговор-

ную и мобилизационную способность, а также в определённой степени повысило результативность управления и институциональную эластичность. Однако улучшение электоральных показателей одновременно вызвало усиление внешнего давления на партию: властные структуры с помощью формальных и неформальных механизмов побуждают КПРФ корректировать политическую ориентацию центрального руководства, предотвращая организационную радикализацию. Подобные внешние ограничения напоминают структурные вызовы, с которыми столкнулись руководства восточноевропейских социалистических стран эпохи перестройки Горбачёва. Исторический опыт ГДР наглядно демонстрирует, что эффективность профессионализации кадров зависит не только от внутренних потребностей организации, но и от динамического взаимодействия внутренних и внешних сил, а также идеологической конкуренции. Эмпирический анализ профессионализации кадров в КПРФ позволил разработать мезоуровневую теоретическую модель «производительный скачок – профессионализация кадров – институциональная эластичность», а также подтвердить аналитическую модель «структура – действие – среда». Структурный аспект заключается в том, что после глубоких экономических трансформаций постсоветского периода («скачок производительности») КПРФ столкнулась с необходимостью пересмотра кадровых критериев, поскольку старая модель идеологической лояльности и политического авторитета не могла справиться с новыми задачами управления. Рост среднего класса и усложнение экономической структуры потребовали кадров с современным образованием и профессиональными компетенциями, что привело к корректировке кадровых стандартов и привлечению соответствующих специалистов в центральное руководство. В деятельностном аспекте КПРФ активно способствовала росту профессионализма путём реформирования механизмов отбора и подготовки кадров, внедрения системной ротации и омоложения центрального руководства на регулярных партийных съездах, а также посредством постоянного обучения и кадровых обменов. С 2016 года активное выдвижение молодых профессионалов демонстрирует позитивную роль субъективного динамизма партийного руководства в профессионализации кадров. Экологический аспект отражается во влиянии внутренней и международной политической среды. Изменения международного идеологического ландшафта после окончания холодной войны и консолидация централизованной модели управления в России сузили пространство для традиционных идеологических кадров и одновременно открыли возможности для вхождения профессионально подготовленных кадров в центральное руководство. Степень открытости политической среды определяет, будет ли процесс профессионализации активно и упорядоченно развиваться или пассивно диверсифицироваться. Таким образом, профессионализация кадров КПРФ является результатом диалектического взаимодействия структурного давления (производственные преобразования), активности партийного субъекта (кадровые стратегии партии) и политической среды (открытость внутриполитического и международного пространства). Структурные изменения создают объективные импульсы и ограничения; партийная практика отвечает на вызовы структурных требований и стремится обеспечить собственную устойчивость; внешняя среда определяет траекторию и итоги реформ. Данная аналитическая схема полностью подтверждает состоятельность триады «структура-действие-среда» и эмпирически верифицирует механизм её действия на примере КПРФ.

В практическом измерении настоящее исследование предлагает правящей партии оптимизировать механизмы профессионального отбора и подготовки кадров на основе принципов меритократии, усилив при этом систематическое партийное обучение с целью укрепления политической лояльности и идеологической идентичности руководящих работников. Одновременно рекомендуется дальнейшее совершенствование институционализированных механизмов ротации, ограничения сроков пребывания в должности, пенсионного обеспечения и кадровых обменов, что позволит сохранить устойчивость и способность политической системы к самообновлению, предотвращая её окостенение. Также необходима активная адаптация правящей партии к изменениям внешней среды, чтобы трансформировать внешнее давление в стимул для совершенствования внутреннего управления путём самостоятельной корректировки политики и расширения международного сотрудничества. Кроме того, следует последовательно развивать инновации в области теории управления и интегрировать их с управленческой практикой новой эпохи, формируя у кадров не только профессиональные компетенции, но и способность к теоретическим инновациям, что обеспечит управленческие преимущества в сложных и изменчивых условиях.

В теоретическом измерении разработана мезоаналитическая модель, объединяющая макроструктурные условия и микроуровневую деятельность. Данная модель основывается на принципах исторического материализма о диалектическом единстве экономического базиса и надстройки, синтезируя аналитические перспективы структурного функционализма и исторического институционализма. Таким образом подчёркивается субъективная роль правящей партии в структурных трансформациях, преодолевается традиционная парадигмальная разобщённость макро- и микроанализа. Через причинно-следственную цепочку «скачок производительности – профессионализация кадров – институциональная эластичность» глубоко раскрыт внутренний механизм формирования различий в эффективности управления в социалистических государствах, расширено теоретическое объяснение устойчивости социалистических режимов в условиях модернизации. Применение сравнительно-исторического подхода позволяет преодолеть ограничения анализа отдельных случаев и создать прочную эмпирическую основу для построения универсальной мезотеории.

Теоретический вклад исследования заключается в систематическом объяснении сложного взаимодействия факторов скачка производительности, кадровой профессионализации, институциональной эластичности и внешних условий международной среды. Особенно подчёркивается ключевая роль механизмов институциональной эластичности в формировании эффективности управления, недостаточно изученная в предыдущих работах. Несмотря на то, что теория структуризации Э. Гидденса описывает циклическое взаимодействие структуры и действия, а теория габитуса и поля П. Бурдьё анализирует стратегии субъектов в условиях структурных ограничений, данные теории неадекватно интегрируют влияние международной среды, и им не хватает убедительных эмпирических подтверждений в сравнительно-историческом контексте. Предложенная в исследовании трёхмерная аналитическая модель «структура – действие – среда» комплексно охватывает институциональную инерцию экономического базиса и надстроечных элементов, стратегии кадровых групп, а также внешние вызовы международного окружения, что позволяет устранить теоретический пробел существующих научных подходов.

В исследовании вводится и раскрывается концепция «институциональной эластичности», понимаемая как динамическая способность социальной системы к самоадаптации и самообновлению при изменениях в структуре производительных сил, эффективно предотвращающая трансформацию структурных противоречий в институциональные кризисы. В отличие от традиционного подхода политологической литературы, сосредоточенного на стабильности институционализации и неизменности организационных форм, понятие институциональной эластичности акцентирует внимание на динамической адаптации таких элементов, как регламентация, мобильность элит и механизмы кадровой ротации. Для обеспечения возможности эмпирических международных сопоставлений предложены соответствующие показатели: регламент обновления власти в партии, уровень открытости элитной мобильности, частота кадровых ротаций и темпы реорганизации структур.

Доказана гипотеза о нелинейной обратно-U-образной зависимости уровня профессионализма кадров от степени партийно-государственного контроля: чрезмерно жесткий контроль превращает профессионализм в формальность, излишне слабый – снижает мобилизационный потенциал системы управления. При неверной политической линии повышение уровня профессионализма усугубляет дисфункции управления. Таким образом, существует оптимальный диапазон эластичности, гармонизирующий институциональный контроль и профессиональную автономию, что расширяет аналитические возможности мезомеханистического подхода и формирует базу для дальнейших теоретических исследований.

Исследование преодолевает ограниченность одномерного детерминизма путем выдвижения мезотеоретической модели «скачок производительности – кадровая профессионализация – институциональная эластичность», демонстрируя, что результативность управления определяется комплексным взаимодействием нескольких факторов. Подчеркнуто, что кадровая профессионализация становится устойчивым источником управленческой эффективности лишь при наличии достаточной адаптивности институциональной системы. Таким образом, исследование существенно расширяет теоретические представления о структуре управления и политической стабильности социалистических государств, создавая аналитическую основу для дальнейших исследований.

Литература

1. Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik 1987. Berlin: Staatsverlag der DDR, S. 21.
2. Bergien, R. (2023). Inside Party Headquarters: Organizational Culture and Practice of Rule in the Socialist Unity Party of Germany. Berghahn Books.
3. Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung Nr. 123, Bonn 1989.
4. Caihua, H., & Saufi, A. (2025). Implementation of Merit System in China's Bureaucratic and Public Administration Sectors. *Asian Journal of Applied Business and Management*, 4(1), 381–388.
5. Cho, Y., Fang, Z., & Sim, N. C. S. (2023). Meritocratic beliefs and economic growth: A mediating effect of economic inequality. *Asia and the Global Economy*, 3(2), 100072.
6. Heske, G. (2009). *Volkswirtschaftliche Gesamtrechnung DDR 1950–1989: Daten, Methoden, Vergleiche*. Historical Social Research, Supplement, 21, 1–359. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-285875>
7. Jost, T., & Li, Y. (2025). The Politics of Promotion in China's Foreign Policy Bureaucracy. *The China Quarterly*, 1–20. doi:10.1017/S030574102510091X

8. Kolvani, P., & Nistotskaya, M. (2025). On mechanisms of meritocratic recruitment: competence and impartiality. *Journal of Institutional Economics*, 21, e12.
9. LIU, H. (2024). Meritocracy as Authoritarian Co-Optation: Political Selection and Upward Mobility in China. *American Political Science Review*, 118(4), 1856–1872. doi:10.1017/S000305542300120X
10. Ludz, P. C. (1968). Wandlungs- und Beharrungstendenzen im Organisationssystem der SED. In *Parteielite im Wandel: Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung Eine empirisch-systematische Untersuchung* (pp. 55–152). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
11. Matthews, A. S. (2023). The Politburos of Communist Eastern Europe: Introducing New Individual-Level Data on Candidate and Full Members. *Communist and Post-Communist Studies*, 56(2), 159–176.
12. McKay, J. (2024). The Parteihochschule Karl Marx under Ulbricht and Honecker, 1946–1990: The Perseverance of a Stalinist Institution.
13. Patterson, A. C. (2024). Civil service organization as a political determinant of health: Analyzing relationships between merit-based hiring, corruption, and population health. *Social Science & Medicine*, 348, 116813. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2024.116813>
14. Pleines, H., Cordes, C., Felde, M. Z., Paustyán, E., Rochlitz, M., & Somfalvy, E. (2024). Assessing Socialist Past and Sociodemographic Present: The Composition of Political Elites in Central and Eastern Europe from 1990 to 2020. *Communist and Post-Communist Studies*, 57(4), 194–207.
15. SAPMO-BA, DY 30/J IV 2/2A/3252. – URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/material/178898/sed-politbuero-vorlage-analyse-der-oekonomischen-lage-der-ddr-mit-schlussfolgerungen-30-oktober-1989>
16. SAPMO-BARh, Ton Y1/TD 740, erstmals dok. in: Hans-Hermann Hertle/Gerd-Rüdiger Stephan (Hg.), *Das Ende der SED. Die letzten Tage des Zentralkomitees*, 4. Auflage, Berlin 1999, S. 461–481.
17. Schreiben von Alexander Schalck-Golodkowski an SED-Generalsekretär Egon Krenz, 7. November 1989. – URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/material/180398/schreiben-von-alexander-schalck-golodkowski-an-sed-generalsekretar-egon-krenz-7-november-1989>
18. Sørensen, E., & Torfing, J. (2024). The ideational robustness of bureaucracy. *Policy and Society*, 43(2), 141–158. <https://doi.org/10.1093/polsoc/puae015>
19. Sperber, W. (2024). Die Geschichte der Mathematischen Gesellschaft der DDR (Teil II): von der Gründung bis zur Wende. *Mathematische Semesterberichte*, 71(2), 135–191.
20. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv. Büro Egon Krenz im ZK der SED. DY 30/IV 2/2.039/344. Bd 11: 10. und 11. Oktober 1989. enthält: Mitschriften von der Sitzung und einer Beratung mit den Bezirkssekretären vor der 10. Tagung des ZK der SED.
21. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv. Büro Erich Honecker im ZK der SED. DY 30 / 2130. Bd 2: 25. – 29.09.1967. Gedruckte Eröffnungsrede E. Honeckers auf dem Seminar des ZK der SED und des Ministerrates für Funktionäre der SED, des Staates und der Wirtschaft am 25. September 1967. Berlin 2002/ 2011
22. What's Next? Historical Research on the GDR Three Decades after German Unification, *German History*, Volume 41, Issue 2, June 2023, Pages 279–296, <https://doi.org/10.1093/gerhis/ghad018>
23. Костин Петр Алексеевич (2022). Философско-исторические аспекты проблемы социальной ответственности советского партийно-государственного аппарата на рубеже 1980-Х-90-Х ГГ. *Право и практика*, (1), 223–229. doi: 10.24412/2411-2275-2022-1-223-229
24. Малинин Александр Маркович, & Плотников Владимир Александрович (2021). Уроки новейшей социальной истории Германии: опыт включенного анализа. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, (2 (128)), 190–193.
25. Мочалов Дмитрий Петрович, & Невзорова Инна Валерьевна (2021). Деятельность международного отдела ЦК КПСС по материалам конституционного суда РФ. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, (1 (57)), 62–71.
26. Полюнов Матвей Федорович (2022). «Доктрина Брежнева» и «Доктрина Горбачева»: реализация и результаты. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, (3 (64)), 3–16.
27. Полюнов Матвей Федорович (2023). «Ели мы потеряем Чехословакию, я уйду с поста генерального секретаря». Л.И. Брежнев и чехословацкий кризис 1968 Г. *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, (1), 121–137.
28. Результаты выборов в Государственную Думу 2016 года. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_\(2016\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_(2016))
29. Результаты выборов в Государственную Думу 2021 года. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_\(2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу_(2021))
30. Сун Пин. Сун Пин о партийном строительстве. -: Пекин: издательство «Центральные литературные документы», 2000 год, стр. 97.
31. Хорольская М. В. (2021). Дискуссии о судьбе министерства государственной безопасности ГДР и его сотрудников в период объединения германии. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, (1 (842)), 171–183.
32. Шмидтхен Р. (2022). «Потому что враг не спит» – последние годы правления Эриха Хонеккера между СССР и ФРГ. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 9 (3 (35)), 147–155.
33. Эрхард Кромер, ред. *Левые взгляды на объединение Германии: литература и исследования. Том I, Внешняя политика и политика безопасности*. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам. Издание 2023 года, стр. 58.
34. А.А. Галкин, А.С. Черняев. Михаил Горбачев и германский вопрос: Сборник документов. 1986–1991. -: Пекин: Издательство «Современный мир», 2017 г., стр. 196.

INTERACTION BETWEEN CADRE PROFESSIONALIZATION AND INSTITUTIONAL ELASTICITY: A HISTORICAL-MATERIALIST COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCES OF THE GDR AND CHINA

Li Zhuoru, Hans-Joachim Willerding
Lomonosov Moscow State University

Employing the historical-materialist methodology, the article elucidates the interrelation between a leap in productive forces, professionalization of personnel, and institutional elasticity through a comparative analysis of cadre professionalization within the leadership structures of the Central Committee of the Socialist Unity Party of Germany (SED) in the GDR and the Central Committee of the Com-

munist Party of China (CPC). It is established that qualitative leaps in productive forces objectively necessitate cadres' transition towards professionalized knowledge; however, the effectiveness of governance achieved through cadre professionalization is constrained by structural barriers of institutional elasticity. Historical-comparative analysis demonstrates that inter-state differences in the effectiveness of managerial decisions associated with professionalization of cadres are determined by the degree of institutional elasticity, particularly the mechanisms of cadre rotation within central leadership bodies and the degree of openness of the political environment. It is shown that the optimal outcomes of cadre professionalization are attained at moderate levels of institutional elasticity, whereas an excess or deficiency thereof impedes the positive effects of professionalization.

Keywords: leap in productivity, cadre professionalization, institutional elasticity, historical materialism, cross-national comparison.

References

1. Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik 1987. Berlin: Staatsverlag der DDR, S. 21.
2. Bergien, R. (2023). Inside Party Headquarters: Organizational Culture and Practice of Rule in the Socialist Unity Party of Germany. Berghahn Books.
3. Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung Nr. 123, Bonn 1989.
4. Caihua, H., & Saufi, A. (2025). Implementation of Merit System in China's Bureaucratic and Public Administration Sectors. *Asian Journal of Applied Business and Management*, 4(1), 381–388.
5. Cho, Y., Fang, Z., & Sim, N. C. S. (2023). Meritocratic beliefs and economic growth: A mediating effect of economic inequality. *Asia and the Global Economy*, 3(2), 100072.
6. Heske, G. (2009). Volkswirtschaftliche Gesamtrechnung DDR 1950–1989: Daten, Methoden, Vergleiche. *Historical Social Research Supplement*, 21, 1–359. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-285875>
7. Jost, T., & Li, Y. (2025). The Politics of Promotion in China's Foreign Policy Bureaucracy. *The China Quarterly*, 1–20. doi:10.1017/S030574102510091X
8. Kolvani, P., & Nistotskaya, M. (2025). On mechanisms of meritocratic recruitment: competence and impartiality. *Journal of Institutional Economics*, 21, e12.
9. LIU, H. (2024). Meritocracy as Authoritarian Co-Optation: Political Selection and Upward Mobility in China. *American Political Science Review*, 118(4), 1856–1872. doi:10.1017/S000305542300120X
10. Ludz, P. C. (1968). Wandlungs- und Beharrungstendenzen im Organisationssystem der SED. In *Parteielite im Wandel: Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung Eine empirisch-systematische Untersuchung* (pp. 55–152). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
11. Matthews, A. S. (2023). The Politburos of Communist Eastern Europe: Introducing New Individual-Level Data on Candidate and Full Members. *Communist and Post-Communist Studies*, 56(2), 159–176.
12. McKay, J. (2024). The Parteihochschule Karl Marx under Ulbricht and Honecker, 1946–1990: The Perseverance of a Stalinist Institution.
13. Patterson, A. C. (2024). Civil service organization as a political determinant of health: Analyzing relationships between merit-based hiring, corruption, and population health. *Social Science & Medicine*, 348, 116813. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2024.116813>
14. Pleines, H., Cordes, C., Felde, M. Z., Paustyan, E., Rochlitz, M., & Somfalvy, E. (2024). Assessing Socialist Past and Sociodemographic Present: The Composition of Political Elites in Central and Eastern Europe from 1990 to 2020. *Communist and Post-Communist Studies*, 57(4), 194–207.
15. SAPMO-BA, DY 30/J IV 2/2A/3252. – URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/material/178898/sed-politbuerovorlage-analyse-der-oekonomischen-lage-der-ddr-mit-schlussfolgerung-en-30-oktober-1989>
16. SAPMO-BArch, Ton Y1/TD 740, erstmals dok. in: Hans-Hermann Hertle/Gerd-Rüdiger Stephan (Hg.), *Das Ende der SED. Die letzten Tage des Zentralkomitees*, 4. Auflage, Berlin 1999, pp. 461–481.
17. Schreiben von Alexander Schalck-Golodkowski an SED-Generalsekretär Egon Krenz, 7. November 1989. – URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/material/180398/schreiben-von-alexander-schalck-golodkowski-an-sed-generalsekretaer-egon-krenz-7-november-1989>
18. Sørensen, E., & Torfing, J. (2024). The ideational robustness of bureaucracy. *Policy and Society*, 43(2), 141–158. <https://doi.org/10.1093/polsoc/puae015>
19. Sperber, W. (2024). Die Geschichte der Mathematischen Gesellschaft der DDR (Teil II): von der Gründung bis zur Wende. *Mathematische Semesterberichte*, 71(2), 135–191.
20. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv. Büro Egon Krenz im ZK der SED. DY 30/IV 2/2.039/344. Bd 11: 10. und 11. Oktober 1989. enthält: Mitschriften von der Sitzung und einer Beratung mit den Bezirkssekretären vor der 10. Tagung des ZK der SED.
21. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv. Büro Erich Honecker im ZK der SED. DY 30 / 2130. Bd 2: 25. – 09.29.1967. Gedruckte Eröffnungsrede E. Honeckers auf dem Seminar des ZK der SED und des Ministerrates für Funktionäre der SED, des Staates und der Wirtschaft am 25. September 1967. Berlin 2002/ 2011
22. What's Next? Historical Research on the GDR Three Decades after German Unification, *German History*, Volume 41, Issue 2, June 2023, Pages 279–296, <https://doi.org/10.1093/gerhis/ghad018>
23. Kostin Petr Alekseevich (2022). Philosophical and Historical Aspects of the Problem of Social Responsibility of the Soviet Party and State Apparatus at the Turn of the 1980s-1990s. *Law and Practice*, (1), 223–229. doi: 10.24412/2411-2275-2022-1-223-229
24. Malinin Alexander Markovich, & Plotnikov Vladimir Aleksandrovich (2021). Lessons from the Modern Social History of Germany: An Experience of Participatory Analysis. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, (2 (128)), 190–193.
25. Mochalov, Dmitry Petrovich, & Nevzorova, Inna Valerievna (2021). Activities of the International Department of the CPSU Central Committee Based on the Materials of the Constitutional Court of the Russian Federation. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities*, (1 (57)), 62–71.
26. Polynov, Matvey Fedorovich (2022). "The Brezhnev Doctrine" and "The Gorbachev Doctrine": Implementation and Results. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, (3 (64)), 3–16.
27. Polynov, Matvey Fedorovich (2023). "If We Lose Czechoslovakia, I Will Resign as General Secretary." L.I. Brezhnev and the Czechoslovak Crisis of 1968. *Bulletin of Moscow University. Series 8. History*, (1), 121–137.
28. Results of the 2016 State Duma elections. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выбры_в_Государственную_дуу_\(2016\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выбры_в_Государственную_дуу_(2016))
29. Results of the 2021 State Duma elections. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выбры_в_Государственную_дуу_\(2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выбры_в_Государственную_дуу_(2021))
30. Song Ping. *Song Ping on Party Building*. – Beijing: Central Literary Documents Publishing House, 2000, p. 97.
31. Khorolskaya M. V. (2021). Discussions about the Fate of the Ministry of State Security of the GDR and Its Employees during the Unification of Germany. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (1 (842)), 171–183.
32. Schmidtchen R. (2022). "Because the Enemy Does Not Sleep": The Last Years of Erich Honecker's Rule between the USSR and the FRG. *Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"*, 9 (3 (35)), 147–155.
33. Erhard Kromer, ed. *Left-Wing Views on German Unification: Literature and Research. Volume I, Foreign and Security Policy*. Beijing: Social Sciences Press. 2023 edition, p. 58.
34. A. A. Galkin, A.S. Chernyaev. *Mikhail Gorbachev and the German Question: A Collection of Documents. 1986–1991*. – Beijing: Sovremenny Mir Publishing House, 2017, p. 196.

Столкновение семиосфер: мифологизация экологического конфликта в цифровом пространстве региона (на примере кейса строительства ЦБК в Вологодской области)

Михайлов Никита Владимирович,
аспирант, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
E-mail: nikitamikhailov97@gmail.com

В статье анализируется конфликтная политическая коммуникация в региональных онлайн-сообществах Вологодской области, спровоцированная планами строительства целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) в г. Череповце. На основе интегративной методологии, синтезирующей теорию семиосферы Ю.М. Лотмана, концепцию мифа Р. Барта и археологию знания М. Фуко, исследуется процесс формирования двух антагонистических дискурсов: официального и альтернативного («теневого»). Официальный дискурс, транслируемый органами власти, конструирует образ ЦБК как символа «развития» и «инвестиций». В то же время в локальных онлайн-сообществах происходит мифологизация проекта, превращение его в знак «экологической катастрофы» и «угрозы будущему». Анализируются специфические семиотические коды, используемые для артикуляции протестных настроений и укрепления сплоченности локального сообщества. Делается вывод, что данный кейс подтверждает гипотезу о формировании в региональных цифровых пространствах уникальных семиотических систем, которые служат инструментом конструирования альтернативной политической повестки и противопоставления себя федеральным и региональным нарративам.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные сети, семиотика, семиосфера, миф, дискурс-анализ, региональная идентичность, экологический протест, Вологодская область, цифровая социология.

Введение

Современное российское медиапространство характеризуется нарастающим напряжением между официальным политическим дискурсом и локальными коммуникациями, развивающимися в региональных сегментах социальных сетей.¹ Экологические конфликты, связанные со строительством промышленных объектов или организацией мусорных полигонов, часто становятся «триггерными событиями»², катализирующими формирование альтернативных, оппозиционных нарративов. В этих условиях локальные онлайн-сообщества в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram превращаются в площадки для выработки собственных семиотических кодов, служащих маркерами региональной идентичности и инструментами политической мобилизации.²

Данная статья посвящена анализу одного из таких резонансных кейсов как общественной реакции на планы строительства крупного целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) в промышленном центре Вологодской области, городе Череповце. **Объект исследования** – политические коммуникации в региональных онлайн-сообществах Вологодской области. **Предмет исследования** – локальные семиотические коды, формирующиеся в ходе обсуждения строительства ЦБК, и их роль в конструировании альтернативного политического дискурса.

Цель статьи – на примере конкретного кейса выявить и проанализировать механизмы семиотической борьбы между официальным и альтернативным дискурсами, а также верифицировать гипотезы диссертационного исследования о роли локальных кодов в усилении сплоченности сообществ и их противопоставлении доминирующим нарративам.

Теоретико-методологические основания анализа

Сложность и многоуровневость цифровой политической коммуникации требует синтеза нескольких теоретических подходов.² В основе нашего анализа лежит интегративная модель, объединяющая три концепции, каждая из которых предоставляет свой уникальный аналитический ракурс.

Теория семиосферы Ю.М. Лотмана

Понятие «семиосферы» как «семиотического пространства, вне которого невозможно само существование семиозиса» [3, с. 250], позволяет нам рассматривать медиапространство как гетерогенную систему. В ней существует доминирующая семиосфера «центра» – официальный дискурс власти, оперирующий понятиями «экономическая целесообразность», «инвестиции», «рабочие места». Ей противостоит периферийная семиосфера «локального сообщества», артикулирующая свои смыслы через концепты «здоровье», «экология», «родная земля». Социальные сети становятся «границей» – зоной наиболее интенсивного конфликта и «перевода» смыслов, где официаль-

ные сообщения перекодируются в терминах локального опыта и недоверия.²

Концепция мифа Ролана Барта

Для анализа того, как конкретный объект, в рамках данного исследования это ЦБК, превращается в политически заряженный символ, мы обращаемся к концепции мифа Р. Барта. Миф, по Барту. Это вторичная семиологическая система, которая заменяет первичный знак и наполняет его новым, идеологическим содержанием [1, с. 235–237]. На первом уровне ЦБК – это просто «промышленное предприятие» (денотация), но в альтернативном дискурсе этот знак становится означающим для мифа второго порядка, где его означаемым (коннотацией) выступает уже не завод, а сложный идеологический конструкт: «экологическая катастрофа», «колониальная политика центра», «угроза будущим поколениям». Миф «натурализует» эту идеологическую установку, представляя ее как нечто само собой разумеющееся и естественное для любого здравомыслящего жителя.²

Археология знания Мишеля Фуко

Если Лотман и Барт отвечают на вопрос «что значат символы?», то подход М. Фуко позволяет ответить на вопрос «почему и как именно эти высказывания становятся возможными в данном сообществе?».³ Анализ «дискурсивной формации» протестного сообщества вскрывает его внутренние «правила игры»: какие темы легитимны для обсуждения, какие субъекты имеют право голоса, какие формы выражения (например, ирония, сарказм) поощряются, а какие (например, язык официальных пресс-релизов) отторгаются. Эти правила, закрепленные в «архиве» сообщества, функционируют как социальная «иммунная система», поддерживающая его сплоченность и границы, что напрямую связано с проверкой гипотез нашего исследования.²

Анализ официального дискурса: семиосфера «порядка и развития»

Официальная коммуникация по поводу строительства ЦБК, представленная в официальных СМИ и на страницах органов власти в социальных сетях, например, канал губернатора в Telegram, паблик Правительства области во «ВКонтакте»², формирует целостную и непротиворечивую семиосферу. Ее ключевая задача – деполитизация и деконфликтация проекта.

Объекты дискурса

В центре этого дискурса находятся не люди или природа, а абстрактные экономические сущности: «инвестиционный проект», «налоговые поступления», «валовый региональный продукт» и «новые рабочие места».

Концепты и стратегии

Основная стратегия – конструирование позитивного будущего. Используется лексика с положительной коннотацией: «современный», «высокотехнологичный», «экологически безопасный», «прорывной». Проект вписывается в более широкий нарратив «развития региона» и «укрепления промышленного потенциала». Любые упоминания экологических рисков либо отсутствуют, либо сопровождаются ремарками о «самых передовых системах очистки» и «строгом соблюдении всех нормативов».

Семиотические маркеры

Визуальный ряд официальных сообщений состоит из инфографики с цифрами инвестиций, компьютерных моделей будущего завода (всегда на фоне ясного неба и зеленого леса), фотографий с официальных совещаний. Язык сообщений – стилистически нейтральный, канцелярский, лишенный эмоциональности. Это язык «экспертов» и «управленцев», который, по замыслу, должен вызывать доверие и ощущение контроля над ситуацией.

В рамках этой семиосферы строительство ЦБК предстает как абсолютно рациональное, логичное и безальтернативное действие, направленное на всеобщее благо. Любая критика имплицитно маркируется как иррациональная, некомпетентная или инспирированная извне.

Анализ альтернативного дискурса: мифологизация угрозы и семиотика сопротивления

В региональных онлайн-сообществах, например, «Новости Череповца от Gorodche.ru», «Подслушано Вологда»⁴ в ответ на официальный дискурс формируется мощный контрдискурс. Здесь происходит стремительная мифологизация проекта, превращение его из экономического объекта в экзистенциальную угрозу.

От знака к мифу

В соответствии с теорией Барта, знак первого порядка «целлюлозно-бумажный комбинат» «похищается» и становится означающим для мифа второго порядка. Его новым означаемым становится не завод, а комплекс идей: «смерть реки Шексны», «онкология для наших детей», «превращение города в газовую камеру», «разграбление региона москвичами». Этот миф подкрепляется и распространяется через специфические семиотические коды, которые становятся оружием в информационной борьбе.

Локальные семиотические коды:

- **Жаргонизмы и неологизмы:** Проект получает устойчивые негативные наименования: «ЦБК-монстр», «целлюлозный убийца», «вонючка». Эти названия лишают проект нейтральности и сразу задают рамку его восприятия.
- **Визуальные мемы и «фотожабы»:** Широкое распространение получают визуальные образы, противопоставляющие идиллические фотографии местной природы (река, лес) и апокалиптические картины (трубы, дым, мертвая рыба). Популярны «фотожабы», где на панораму города Череповца накладываются изображения дымящих труб или люди в противогазах. Один из часто встречающихся мемов – изображение противогаза с подписью: «Новый официальный сувенир из Череповца».
- **Эмодзи-кодирование:** Комментарии под любыми новостями о ЦБК, даже нейтральными, маркируются специфическим набором эмодзи, который служит сигналом «свой-чужой». Наиболее частотны: 🤢 (тошнота), ☠️ (смерть, яд), 🌫️ (дым, вонь), 🚰 (противогаз), 🤮 (рвота). Использование этого набора мгновенно обозначает позицию автора и формирует визуальное поле неприятия.
- **Ироническое переосмысление официальных лозунгов:** Официальные термины, такие как «развитие» или «инвестиции», в комментариях систематически берутся в кавычки или сопровождаются сарка-

стическими ремарками: «Спасибо за «развитие» наших онкоцентров», «Отличные «инвестиции» в наши легкие». Это классический пример карнавального «развенчания» языка власти, описанного М.М. Бахтиным.²

Для систематизации выявленных кодов и операционализации их анализа была разработана следующая кодировочная матрица (Таблица 1).²

Таблица 1. Кодировочная матрица локальных семиотических маркеров (кейс строительства ЦБК)

Идентификатор маркера (ID)	Лексическое/Визуальное выражение	Тип маркера (Символ, Жаргонизм, Мем, Эмодзи, Топоним)	Денотативное значение (Буквальное, словарное)	Коннотативное (мифологическое) значение в локальном дискурсе	Прагматическая функция в дискурсе (Критика власти, Укрепление идентичности, Мобилизация, Ирония, Сигнал «свой-чужой»)	Пример из корпуса данных (цитата/описание)
CBK_MONSTER_01	«ЦБК-монстр», «целлюлозный убийца»	Жаргонизм	Целлюлозно-бумажный комбинат	Антигуманная, хищническая сущность, угрожающая жизни и здоровью, враждебная сила, разрушающая привычный мир.	Критика власти, Мобилизация, Формирование оппозиционного нарратива	«Нам тут ЦБК-монстра строят, а они про инвестиции рассказывают. Чьи это инвестиции? В чьи карманы?»
CBK_GASMASK_01	Изображение (мем, фотожаба) людей в противогазах на фоне видов Череповца, фраза «противогаз – новый символ города»	Мем / Символ	Средство индивидуальной защиты органов дыхания	Город становится непригодным для жизни, «газовой камерой», будущее региона – токсично и безрадостно; власть обрекает жителей на вымирание.	Критика власти, Ирония, Сигнал «свой-чужой»	[Фотография мэра на фоне города, лицо заменено противогазом] Комментарий: «Готовимся к светлому будущему!»
CBK_EMOJI_01	Кластер эмодзи: 🤢 🦴 🗑️ 🤮 🧻	Эмодзи	Тошнота, череп и кости (яд, смерть), дым, медицинская маска, рвота	Конденсированный код экологической катастрофы: физическое отвращение, страх смерти от отравления, загрязненный воздух, болезни.	Сигнал «свой-чужой», Критика власти, Эмоциональное выражение протеста	Комментарий под официальным постом о «безопасности» проекта: «Ага, верим 🤢 🦴 🗑️ 🤮 🧻»
CBK_IRONY_01	«Инвестиции в наши легкие», «экологически чистый выброс»	Ирония / Фразеологизм	Вложение капитала, выброс, не наносящий вреда природе	Циничное переосмысление языка власти; обвинение в лицемерии, единственная «выгода» для жителей – болезни и смерть.	Ирония, Критика власти (региональной и федеральной)	«Спасибо губернатору за такие «инвестиции в наши легкие». Будем здоровее всех».
CBK_SHIES_01	«Второй Шиес», «Повторим Шиес?»	Топоним / Символ	Шиес – место протестов против мусорного полигона в Архангельской области	Наша локальная борьба – часть общероссийского сопротивления, символ успешного протеста и возможной победы над властью и корпорациями.	Мобилизация, Укрепление идентичности (протестной), Угроза власти	«Если не услышат, устроим им второй Шиес! Череповец – не помойка!»

Столкновение дискурсов и дискурсивные практики сообщества

Социальные сети становятся полем битвы двух семиосфер. Официальные паблики, публикующие позитивные новости о проекте, подвергаются «рейдам» – массовому наплыву комментаторов, использующих описанные выше негативные семиотические коды.

Здесь в полной мере проявляются механизмы, описанные Фуко. Протестное сообщество вырабатывает четкую **дискурсивную формацию** со своими правилами ³:

- **Правила формирования объектов:** Легитимно говорить о болезнях, экологическом ущербе, коррупции, отсутствии общественных слушаний. Нелегитимно об экономической выгоде (это сразу маркируется как «продажность»).
- **Правила субъектных позиций:** Право на авторитетное высказывание имеют «местные жители», «матери», «рыбаки», «экологи». Теряют право голоса «чиновники», «представители компании», «москвичи». Комментарии, поддерживающие проект, мгновенно получают ярлык «бот», «тролль», «кремлебот», что является практикой дискурсивного исключения.
- **Правила формирования стратегий:** Основная стратегия – алармизм, апелляция к эмоциям, здоровью детей и будущему. Любая попытка перевести разговор в «рациональное» русло пресекается обвинениями в цинизме.

Эти практики напрямую верифицируют уточняющие гипотезы исследования. Частотность использования локальных кодов (эмодзи 🤖, 🦋, мемов с противогазом) обратно пропорциональна присутствию официального дискурса. Посты и комментарии, насыщенные этими кодами, получают значительно больше лайков и позитивных откликов внутри сообщества, что свидетельствует о высоком уровне взаимной поддержки и сплоченности. Наконец, активное использование этих кодов прямо коррелирует с уровнем критики как региональной, так и федеральной власти.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод о характере реакции жителей Вологодской области на планы строительства ЦБК. Реакция, манифестируемая в региональных онлайн-сообществах, носит **преимущественно негативный, высокоэмоциональный и организованный характер**. Она не является разрозненным набором частных мнений, а представляет собой целостный и структурированный **альтернативный дискурс**, построенный на собственной мифологии и системе семиотических кодов.

В отличие от официальной семиосферы «развития», локальное сообщество конструирует миф об «экологической катастрофе» и «экзистенциальной угрозе». Этот контрмиф оказывается более жизнеспособным и убедительным для региональной аудитории, поскольку апеллирует не к абстрактным экономическим показателям, а к базовым ценностям: здоровью, безопасности детей, сохранению родной земли.

Ключевую роль в консолидации этого протестного настроения играют выявленные семиотические маркеры. Жаргонизмы («ЦБК-монстр»), мемы («противогасувенир»), кластеры эмодзи (🤖 🦋) и отсылки к другим успешным протестам («второй Шиес») выполняют несколько важнейших прагматических функций ²:

1. **Когнитивная экономия:** Они позволяют мгновенно и сжато выразить сложный комплекс негативных эмоций и идей.

2. **Консолидация сообщества:** Использование этих кодов работает как пароль в системе «свой-чужой», укрепляя внутреннюю сплоченность и очерчивая границы группы противников проекта.
3. **Делегитимация власти:** Ироническое переосмысление официального языка («инвестиции в легкие») разрушает его авторитет и выставляет власть в циничном свете.

Таким образом, данный кейс подтверждает гипотезу о том, что в региональных сообществах российских соцсетей вырабатываются уникальные семиотические коды, которые служат инструментом конструирования альтернативного политического дискурса и усиливают внутреннюю сплоченность участников, эффективно противопоставляя себя доминирующим федеральным и региональным нарративам. Реакция жителей это не просто недовольство, а семиотически оформленное и организованное сопротивление, демонстрирующее высокий потенциал цифровых платформ в артикуляции и мобилизации локальных интересов.

Литература

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2023. – 351 с.
2. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2012. – 416 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
4. Дегтерев Д.А. Количественные методы в российских исследованиях международных отношений: современное состояние и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4(43). С. 54–66.
5. Захаров А.В. Семиотический анализ политического мифа: от Р. Барта к современным медиа // Политическая наука. 2018. № 3. С. 112–130.
6. Кресуэлл Дж.У. Дизайн исследования: качественные, количественные и смешанные методы / пер. с англ. – 4-е изд. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. – 273 с. ⁶
7. Мельникова О.Т., Нестерова А.А. Сравнительный анализ дизайнов смешанных методов в социально-психологических исследованиях // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 107–126. ¹¹
8. Назарчук А.В. Учение Мишеля Фуко о дискурсе, знании и власти // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 143–152.
9. Почепцов Г.Г. Семиотика. М.: Рефл-бук, 2002. – 704 с.
10. Фадеева Л.А. Региональная идентичность в России: возможности и пределы политизации // Ars Administrandi. 2017. Т. 9, № 2. С. 205–223.
11. Шарков Ф.И. Контент-анализ в массовых коммуникациях. М.: Дашков и К°, 2020. – 256 с.
12. Ядова В.А., Семенов В.В. (ред.). Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М.: Наука, 1972. – 541 с.

THE CLASH OF SEMIOSFERES: THE MYTHOLOGIZATION OF ENVIRONMENTAL CONFLICT IN THE DIGITAL SPACE OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE CASE OF THE CONSTRUCTION OF A CENTRAL BANK IN THE VOLOGDA REGION)

Mikhailov N.V.
St. Petersburg State Technical University

The article analyzes the conflicting political communication in regional online communities of the Vologda region, provoked by plans

to build a pulp and paper mill in Cherepovets. Based on the integrative methodology synthesizing Lotman's theory of the semiosphere, R. Barthes' concept of myth and M. Foucault's archaeology of knowledge, the process of formation of two antagonistic discourses is investigated: the official and alternative ("shadow"). The official discourse broadcast by the authorities constructs the image of the Central Bank as a symbol of "development" and "investment". At the same time, the project is being mythologized in local online communities, turning it into a sign of an "environmental disaster" and a "threat to the future." The specific semiotic codes used to articulate protest sentiments and strengthen the cohesion of the local community are analyzed. It is concluded that this case confirms the hypothesis of the formation of unique semiotic systems in regional digital spaces, which serve as a tool for constructing an alternative political agenda and contrasting themselves with federal and regional narratives.

Keywords: political communication, social networks, semiotics, semiosphere, myth, discourse analysis, regional identity, environmental protest, Vologda Oblast, digital sociology.

References

1. Barthes, R. *Mythologies*. Translated from French, with introduction and commentary by S.N. Zenkina. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2023. 351 p.
2. Foucault, M. *Archaeology of Knowledge*. Translated from French by M.B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; introduction by A.S. Kolesnikov. St. Petersburg: Humanitarian Academy; University Book, 2012. 416 p.
3. Lotman, Yu.M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2000. 704 p.
4. Degterev, D.A. Quantitative Methods in Russian International Relations Studies: Current Status and Prospects. *Bulletin of MGIMO University*. 2015. No. 4(43). P. 54–66.
5. Zakharov A.V. Semiotic Analysis of Political Myth: From R. Barthes to Modern Media // *Political Science*. 2018. No. 3. P. 112–130.
6. Creswell J.W. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods* / trans. from English. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. – 273 p. 6
7. Melnikova O.T., Nesterova A.A. Comparative Analysis of Mixed Methods Designs in Social Psychological Research // *Theoretical and Experimental Psychology*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 107–126. 11
8. Nazarchuk A.V. Michel Foucault's Doctrine of Discourse, Knowledge, and Power // *Questions of Philosophy*. 2010. No. 1. P. 143–152.
9. Pocheptsov G.G. *Semiotics*. Moscow: Refl-book, 2002. – 704 p.
10. Fadeeva L.A. Regional Identity in Russia: Possibilities and Limits of Politicization // *Ars Administrandi*. 2017. Vol. 9, No. 2. P. 205–223.
11. Sharkov F.I. *Content Analysis in Mass Communications*. Moscow: Dashkov i K°, 2020. – 256 p.
12. Yadova V.A., Semenova V.V. (eds.). *Sociological Research: Methodology, Program, Methods*. – Moscow: Nauka, 1972. – 541 p.

Политическая сатира на Ближнем Востоке: пространство свободы или объект контроля?

Пашкова Мария Ивановна,
аспирант, МГИМО (У) МИД России

В статье анализируется феномен роста политической сатиры в арабских цифровых СМИ и исследуется противоречие между юмористическим высказыванием и официальным восприятием его как подрывной деятельности. Рассматриваются особенности сатирического высказывания в условиях авторитаризма, примеры популярных платформ и интернет-проектов (карикатурные сайты, мемы, YouTube-шоу), а также случаи преследования авторов и блокировок контента. Отмечается, что сатира по традиции оказывается первой мишенью цензуры, однако в цифровую эпоху получает новые возможности для обхода контроля. На примере Египта и соседних стран анализируется, как граница между юмором и подрывной деятельностью всё более размывается из-за жестких законов о фейковых новостях и риторики властей.

Ключевые слова: политическая сатира, цифровые СМИ, Ближний Восток, свобода слова, цензура.

Введение

Политическая сатира исторически служит способом критики власти через юмор, однако в авторитарных странах она часто воспринимается как вызов устоям. Эксперты отмечают, что «сатирики и карикатуристы часто становятся первой мишенью авторитарных режимов»¹: смех позволяет «вернуть себе силу перед лицом кажущейся безнадежности» и задать неудобные вопросы, подставляя существующий порядок под сомнение². В эпоху цифровых медиа арабская молодёжь получила новые инструменты – мемы, интернет-шутки, короткие видеоскетчи – для вовлечения аудитории и насмешки над властями. При этом интернет-платформы предоставляют возможность обойти традиционные каналы пропаганды и цензуры. Так, основатель сатирического сайта Al-Hudood отмечает: «Сатира важна, поскольку позволяет охватить намного более широкие слои населения... Один из немногих форматов, который позволяет обойти цензуру, поскольку власти не всегда понимают, что с ним делать»³. Вместе с тем, как указывает Freedom House, в 2016 г. «в 26 из 65 стран пытались подавлять сатиру, поскольку она часто высмеивала чиновников»⁴. Очевидно, что противодействие сатирическим высказываниям становится глобальной тенденцией, и Ближний Восток в этом отношении – не исключение.

Рост политической сатиры в цифровых СМИ арабского мира

Цифровые медиа после «арабской весны» стали полем для бурного развития политической сатиры. Сайты, посвящённые сатире, и страницы в соцсетях на Ближнем Востоке появились начиная с начала 2010-х. Молодёжь, потерявшая доверие к традиционной политике, использует интернет-платформы, чтобы творчески противостоять пропаганде государства. В частности, исследование, проведенное Исамом Исхандаром, показало, что египетская молодёжь прибегает к саркастическим мемам и карикатурам в сети, чтобы осмеять властную риторику и стимулировать дискуссию при бойкоте официальных выборов⁵. Многие материалы сатиры в соцсетях включают остроумные коллажи с отсылками к арабской поп-культуре или цитатам религиозных лидеров, что делает их по-

¹ Вовлечение аудитории через сатиру. Часть 2 // Innovation in Journalism. – URL: <https://medium.com/innovation-in-journalism/вовлечение-аудитории-через-сатиру-часть-2-2271af3f3789#:~:text=Сатирики%20и%20карикатуристы%20часто%20становятся, традиционная%20журналистика%20с%20«серьезным%20лицом»> (дата обращения: 11.07.2025)

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Freedom on the Net 2016: Silencing the Messenger: Communication Apps Under Pressure // Freedom House. – 2016. – URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/silencing-messenger-communication-apps-under-pressure> (дата обращения: 11.07.2025)

⁵ Iskandar A. Egyptian Youth's Digital Dissent // Journal of Democracy. – 2024. – 30, № 3. – С. 154–164. – URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/egyptian-youths-digital-dissent/> (Дата обращения: 11.07.2025)

нятыми широкой аудитории. Как пишет исследователь Х. Эль-Фарахати, преодоление барьеров и пересечение красных линий началось задолго до 25 января 2011 года в газетах оппозиции, а «искусство в журналистике стало одним из толчков революции»¹. Однако даже в этих условиях авторы сатиры осознают наличие цензуры. Основатели известных египетских сатирических страниц признают: «государственная цензура существует, но мы пока не сталкивались с ней напрямую... хотя порой мы сталкиваемся с трудностями»².

Примеры платформ и форматов сатиры

В арабском интернете появились аналоги западных проектов: сайт Al-Hudood с сатирическими новостями, собственное сатирическое YouTube-шоу «El-Bernameg» в Египте и «Tony Khalife» в Ливане, многочисленные страницы с политическими мемами и карикатурами. Популярность таких форматов растёт: их часто цитируют в социальных сетях. Классическим примером является египетская программа Бассема Юсефа «El-Bernameg» (2011–2014) – аналог The Daily Show, где под острыми заголовками и комментарием разбирались события после революции. Её успех мотивировал другие попытки запуска подобных проектов: сатирические стендапы и мультфильмы выходили в сети в Египте и за его пределами. Однако с ростом аудитории рос и контроль.

Преследования сатириков и цензура

Несмотря на широкое распространение, сатирические цифровые проекты постоянно сталкиваются с ограничениями. В Египте после переворота 2013 г. ситуация особенно ухудшилась. Уже летом 2013 г. прокуратура издала ордер на арест Бассема Юсефа за «оскорбление исламского духовенства»; затем его шоу на телевидении отменили под давлением властей. Как сообщал TIME, в 2014 г. Юсеф на пресс-конференции после того, как было решено, что программа не вернется в эфир намекнул, что в этом виновато давление со стороны правительства³. Это стало подтверждением восстановления системы так называемого молчаливого контроля СМИ: жёсткое определение красных линий, которых формально нет, но о которых все знают⁴. После 2013-го года сотни журналистов, блогеров и сатириков подверглись арестам в связи с нарушением закона о фейковых новостях и терроризме. Так, ежегодный отчёт Amnesty International указывает, что в июле 2024 г. египетский карикатурист Ашраф Омар был арестован по обвинению в «участии в террористической группе» за публикацию шуточного рисунка о продаже госсобственности⁵. Представители Amnesty подчёркивают: «критический контент... даже если сатирический, может привести к тюремному заключению»⁶. Подобные случаи

демонстрируют, как юмор в социальных сетях трактуется как подрывная деятельность.

Случаи из других стран также являются показательными. В Иордании сатирический сайт Al-Hudood, долгое время работавший в рамках дозволенного, в 2023 г. неожиданно был заблокирован правительством. Как описал Los Angeles Times, после публикации шуток о королевской свадьбе власти просто добавили сайт в список запрещённых без каких-либо объяснений⁷. Основатель сайта Исам Уракат указывал, что всегда старался соблюдать границы, но в этот раз даже он не предполагал столь резкой реакции⁸. В Саудовской Аравии судебная система ещё суровее: за сатирические мультфильмы и даже анимации на YouTube авторы попали за решётку на годы. Например, продюсер саудовского мультсериала «Masameer County» в 2024 г. заявил, что был приговорён к 13 годам тюрьмы за «пропаганду гомосексуализма и терроризма» на основе юмористического контента⁹. Кроме того, несколько саудовцев получили многолетние тюремные сроки за создание пародийных аккаунтов в Twitter, где они высмеивали принца и чиновников¹⁰. Эти примеры показывают, что в ряде арабских стран карикатуры и мемы фактически объявляются «угрозой национальной безопасности».

В итоге даже невинные, на первый взгляд, шутки караются жёстко. Freedom House документирует, что в Египте в 2016 г. студент был приговорён к трём годам тюрьмы за сатирическую фотографию президента Ас-Сиси с мышиными ушами¹¹. Подобные примеры делают каждый шаг сатирика взвешенным: авторы вынуждены действовать осторожно, чтобы материал не превратился в фейк и не послужил основанием для обвинений.

Юмор или подрыв? Размытая граница

Возникает дилемма: остаётся ли сатира свободной площадкой или превращается в мишень для контроля? С одной стороны, цифровая среда всё же даёт возможность выражаться: пользователи могут сохранять анонимность, распространять шутки через мессенджеры и мелкие аккаунты. Такие формы даже поощряют гражданскую активность: ряд исследований отмечает, что сатирические новости привлекают молодых неактивных ранее граждан к политическим дебатам. Но с другой стороны, режимы не оставляют попыток поставить юмор под запрет. Размытость грани между «комедией» и «подрывом» искусственно создаётся через законы о безопасности и СМИ. Степень репрессий в каждом государстве разнится, но сама тенденция ясна: по статистике, в ряде арабских стран штрафы, блокировки и аресты за сарказм уже стали обыденностью.

Заключение

Политическая сатира в цифровом пространстве Ближнего Востока переживает небывалый подъём: благодаря со-

¹ El-Farahaty, H (2019) Egyptian Satirical Graphics on Social Media after the Arab Spring.

Communication Research and Practice, 5 (3). pp. 255–273.

² Ibid.

³ Bassem Youssef abruptly cancels Egyptian satire show before Sisi declared president // TIME. – 2014. – URL: <https://time.com/2818306/bassem-youssef-abruptly-cancels-egyptian-satire-show-before-sisi-declared-president/> (Дата обращения: 11.07.2025)

⁴ Ibid.

⁵ Egypt: Authorities escalate attacks on media freedom rounding up a journalist and a cartoonist // Amnesty International. – 2024. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/07/egypt-authorities-escalate-attacks-on-media-freedom-rounding-up-a-journalist-and-a-cartoonist/> (Дата обращения: 11.07.2025)

⁶ Ibid.

⁷ Jokes about an Arab prince's wedding got this satire site banned. Now there are 41 harsh new restrictions // Los Angeles Times. – 2023.. – URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-07-27/alhudood-arab-version-the-onion-dictators> (Дата обращения: 11.07.2025)

⁸ Ibid.

⁹ Saudi Arabia reportedly sentences Netflix comedian to 13 years // Reason. – 2024. – URL: <https://reason.com/2024/07/03/saudi-arabia-reportedly-sentences-netflix-comedian-to-13-years/> (Дата обращения: 11.07.2025)

¹⁰ Silencing the Messenger: Communication Apps Under Pressure // Freedom House. – 2016. – URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/silencing-messenger-communication-apps-under-pressure> (Дата обращения: 11.07.2025)

¹¹ Ibid.

сетям и онлайн-платформам даже авангардные шутки видит широкая публика. Она даёт возможность говорить на запретные темы и привлекать к ним внимание новой аудитории. В то же время правительства подчёркивают свою решимость сдерживать подобную деятельность: любое «смехотворство» может быть объявлено деструктивным. Как показывают примеры Египта, Иордании, Саудовской Аравии и других стран, юмор зачастую приравнивается к угрозе государству. Таким образом, политическая сатира остаётся в нашей модели одновременно и средством выражения, и объектом давления. С одной стороны, она создаёт пространство дискуссии вне официальных каналов, с другой – постоянно балансирует на грани разрешённого. Вывод очевиден: борьба за свободу сатиры продолжается – и она точно демонстрирует, насколько хрупок нынешний «цифровой простор» свободной мысли в авторитарном регионе.

Литература

1. Abdulla, Rasha. Egypt's media in the midst of revolution. Carnegie Endowment for International Peace, 2014.
2. El-Farahaty, H (2019). Egyptian Satirical Graphics on Social Media after the Arab Spring. *Communication Research and Practice*, 5 (3), 255–273.
3. Gordon, J., & Arafa, H. (2014). "Stuck with Him": Bassem Youssef and the Egyptian Revolution's Last Laugh. *Review of Middle East Studies*, 48(1/2), 34–43.
4. Iskandar A. Egyptian Youth's Digital Dissent // *Journal of Democracy*. – 2024. – 30, № 3. – С. 154–164.
5. Schwartz, L. H., Kaye, D. D., & Martini, J. (2013). Impact of the Arab Uprisings on Artistic Freedom: Egypt as a Case Study. In *Artists and the Arab Uprisings* (pp. 15–32). RAND Corporation.
6. Bassem Youssef closes Egyptian satire TV show over safety fears // *The Guardian*. – 2014. URL: <https://www.theguardian.com/media/2014/jun/02/bassem-youssef-closes-egyptian-satire-tv-show-over-safety-fears> (Дата обращения: 12.07.2025)
7. Egypt: Authorities escalate attacks on media freedom rounding up a journalist and a cartoonist // *Amnesty International*. – 2024. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/07/egypt-authorities-escalate-attacks-on-media-freedom-rounding-up-a-journalist-and-a-cartoonist/> (Дата обращения: 11.07.2025)
8. Freedom on the Net 2016: Silencing the Messenger: Communication Apps Under Pressure // *Freedom House*. – 2016. – URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/silencing-messenger-communication-apps-under-pressure> (дата обращения: 11.07.2025)
9. Jokes about an Arab prince's wedding got this satire site banned. Now there are 41 harsh new restrictions // *Los Angeles Times*. – 2023. – URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-07-27/alhudoood-arab-version-the-onion-dictators> (Дата обращения: 11.07.2025)
10. Saudi Arabia jails alleged satirist identified in Twitter infiltration // *The Guardian*. – 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/apr/09/saudi-arabia-jails-alleged-satirist-identified-in-twitter-infiltration> (Дата обращения: 12.07.2025)
11. Saudi Arabia reportedly sentences Netflix comedian to 13 years // *Reason*. – 2024. URL: <https://reason.com/2024/07/03/saudi-arabia-reportedly-sentences-netflix-comedian-to-13-years/> (Дата обращения: 12.07.2025)

12. Вовлечение аудитории через сатиру. Часть 2 // *Innovation in Journalism*. – URL: <https://medium.com/innovation-in-journalism/вовлечение-аудитории-через-сатиру-часть-2-2271af3f3789> (дата обращения: 11.07.2025)

POLITICAL SATIRE IN THE MIDDLE EAST: A SPACE OF FREEDOM OR AN OBJECT OF CONTROL?

Pashkova M.I.

Moscow State Institute of International Relations

This article analyzes the rise of political satire in Arab digital media and explores the contradiction between humorous expression and the official perception of it as subversive. It examines the characteristics of satirical expression under authoritarian conditions, examples of popular platforms and internet projects (cartoon websites, memes, YouTube shows), as well as cases of persecution of authors and content blocking. It notes that satire is traditionally the first target of censorship, but in the digital age, it has new opportunities to circumvent controls. Using the example of Egypt and neighboring countries, it analyzes how the line between humor and subversion is increasingly blurred due to strict laws on fake news and government rhetoric.

Keywords: political satire, digital media, Middle East, freedom of speech, censorship.

References

1. Abdulla Rasha. Egypt's Media in the Midst of Revolution. Carnegie Endowment for International Peace, 2014.
2. El-Farahaty H. Egyptian Satirical Graphics on Social Media after the Arab Spring // *Communication Research and Practice*. 2019. Vol. 5, No. 3. P. 255–273.
3. Gordon J., Arafa H. "Stuck with Him": Bassem Youssef and the Egyptian Revolution's Last Laugh // *Review of Middle East Studies*. 2014. Vol. 48, No. 1/2. P. 34–43.
4. Iskandar A. Egyptian Youth's Digital Dissent // *Journal of Democracy*. 2024. Vol. 30, No. 3. P. 154–164.
5. Schwartz L. H., Kaye D.D., Martini J. Impact of the Arab Uprisings on Artistic Freedom: Egypt as a Case Study // *Artists and the Arab Uprisings*. RAND Corporation, 2013. P. 15–32.
6. Bassem Youssef closes Egyptian satire TV show over safety fears // *The Guardian*. 2014. URL: <https://www.theguardian.com/media/2014/jun/02/bassem-youssef-closes-egyptian-satire-tv-show-over-safety-fears> (accessed 12.07.2025).
7. Egypt: Authorities escalate attacks on media freedom rounding up a journalist and a cartoonist // *Amnesty International*. 2024. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/07/egypt-authorities-escalate-attacks-on-media-freedom-rounding-up-a-journalist-and-a-cartoonist/> (accessed 11.07.2025).
8. Freedom on the Net 2016: Silencing the Messenger: Communication Apps Under Pressure // *Freedom House*. 2016. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/silencing-messenger-communication-apps-under-pressure> (accessed 11.07.2025).
9. Jokes about an Arab prince's wedding got this satire site banned. Now there are 41 harsh new restrictions // *Los Angeles Times*. 2023. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-07-27/alhudoood-arab-version-the-onion-dictators> (accessed 11.07.2025).
10. Saudi Arabia jails alleged satirist identified in Twitter infiltration // *The Guardian*. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/apr/09/saudi-arabia-jails-alleged-satirist-identified-in-twitter-infiltration> (accessed 12.07.2025).
11. Saudi Arabia reportedly sentences Netflix comedian to 13 years // *Reason*. 2024. URL: <https://reason.com/2024/07/03/saudi-arabia-reportedly-sentences-netflix-comedian-to-13-years/> (accessed 12.07.2025).
12. Audience Engagement through Satire. Part 2 // *Innovation in Journalism*. URL: <https://medium.com/innovation-in-journalism/вовлечение-аудитории-через-сатиру-часть-2-2271af3f3789> (accessed 11.07.2025).

Потапов Денис Викторович,

аспирант, Институт социально-политических исследований
РАН

E-mail: dvpw@yandex.ru

Целью статьи является акцентирование внимания на моделях теории политического транзита и смены одной политической системы на другую от тоталитаризма до демократии, как сложных систем, в которых не всегда возможно провести четкие грани. Современные теории транзита еще более расширились за счет новых идей С. Хантингтона, Дж. Хелда, Д.А. Растоу, В. Меркеля, А. Круассана. А. Вывод статьи состоит в том, что привычная классификация транзита: демократия, авторитаризм, тоталитаризм уже не раскрывает всех моделей транзита, так как есть смешанные модели политической власти, в которых присутствует как авторитаризм, так и демократия. «Эпизодическая модель» Томаса Куна, как ни к стати бы подошла к современному понятию «модели транзита», потому что демократический транзит в современном понятии претерпевает значительные изменения, выявляя не только три привычные формы моделей, но и расширяется за счет исторических, культурных особенностей становления политической власти.

Ключевые слова: политическая модель, политическая власть, демократия, автократия, тоталитаризм.

Смена политических моделей в мире является признаком необходимых изменений в общественной жизни, что подчеркивает непреодолимость процессов метаморфоз в демократической структуре управления. А кризисы в представительной демократии либерального типа обозначают неотвратимые трансформации в правилах, институтах и нормах функционирования демократических органов стран «коллективного Запада». В современном политическом обсуждении ученые по всему миру приходят к общему мнению относительно трех основных моделей в теории транзита. З. Бжезинский, К. Фридрих и Х. Арендт описывают такие теории как «демократию, авторитаризм и тоталитаризм» [1]. Но каждая модель, особенно в настоящее время, может существовать во множестве интерпретаций. Если обратиться к работам Р. Даля, то он относит к базисным факторам два критерия транзита: уровень соревнования за власть и участие граждан в управлении [2]. Кроме того, существует множество гибридных политических систем, которые подходят к определенной модели.

Понятие «модель» исходит от французского слова *modèle*, или латинского – *modulus*, что означает «мера, аналог, образец». Сразу встает вопрос, можно ли в политическом дискурсе обсуждать какую-то «меру», образец? Исторически лингвистическая трактовка понятия «моделей» и «режимов» в различных языках не очень сильно отличались между собой, например, в испанском (*modo* – режим), или французском языках (*mode* – режим). Не случайно, во многих языках понятие «республика» употреблялось достаточно часто, в отличие от понятия «демократия». А вот понятие «диктатура» за многие сотни лет практически не изменила свой смысл и интерпретируется, и понимается «диктатура» как форма правления, когда власть находится в одних руках.

Говоря о транзите власти вряд ли можно опираться на «меру», скорее надо говорить об эволюции, консолидации политических сил, которые приводят к политическому транзиту. Поэтому в этой связи хочется рассмотреть еще один термин «парадигма», термин, который также раскрывает политический транзит. «Парадигма – от греч. – пример, модель, образец) представляет собой определенный набор понятий, и моделей, в том числе теорий, методов исследования, постулатов и стандартов, которые представляет собой вклады в научные исследования» [3]. Своеобразный термин у греков «*paradeigma*» употреблялся в греческих текстах еще у Платона «*Plato's Timaeus*» (28 г.н.э.) для придания рисунку более яркого впечатления [4].

Особую роль в научном познании сущности понятия «парадигма» занимает книга Т. Куна «Структура научных революций», которая первый раз вышла в 1962 г. [5]. Её публикация стала знаковым событием в истории науки, философии и социологии. Кун в то время, как это не звучит сейчас парадоксально, выступал против теории прогресса в тогдашней «нормальной науке». «Развитие путем накопления» – этот постулат Куна составлял нормальный научный прогресс. «В результате Кун высказался за эпизодическую модель, когда этапы концептуальной преемственности в нормальной науке изменялись и прерывались периодами революционной науки» [5]. Новые парадигмы, по его мнению, «рождаются аномалиями во время революций в науке. После чего, новые парадигмы ставят новые вопросы, выходят за рамки

простого «решения головоломок» парадигмы, которая была и, в результате меняют правила игры и карту» [5].

«Эпизодическая модель» Куна, более всего подошла бы к понятию «модели транзита», потому что демократический транзит в современном понятии претерпевает значительные изменения, выявляя не только три привычные формы моделей: «демократию, авторитаризм и тоталитаризм», но есть и многочисленные ответвления от этих сложившихся форм. Выделим некоторые из них (рис. 1).

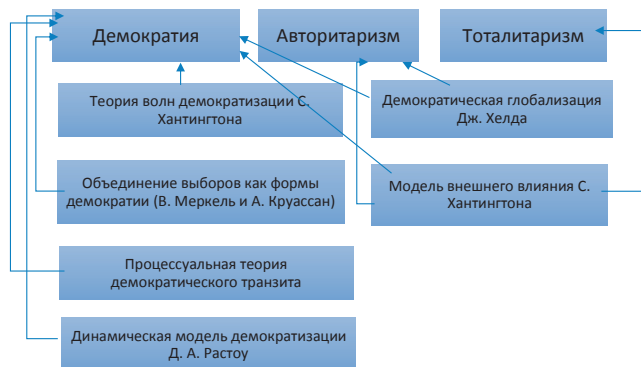

Рис. 1. Современные модели транзита, которые могут привести как к демократии, так и к автократии, или тоталитаризму [6].

1) Теория волн демократизации С. Хантингтона описывает процесс распространения демократии через «волны» масштабных демократизаций и последующих периодов «отката» [7].

2) В идеи Дж. Хелда, демократическая глобализация предполагает преодоление национальных границ и создание глобального демократического политического режима, но, которая может привести как к демократии, так и к авторитаризму (Режимы ограниченного плюрализма. Это создаёт ситуацию неопределённости, когда при демократическом фасаде режимы продолжают действовать как авторитарные. или полуавторитарные) [8].

3) Д.А. Растоу выделил несколько этапов динамической модели демократизации: национальное единство, политическая борьба, принятие решений и привыкание к демократии [9].

4) Распространенные модели демократических режимов, предложенные В. Меркелем и А. Круассаном, нацелены на объединение выборов как формы демократии, при этом возможности реализации прав и свобод граждан ограничены.

5) Процессуальная теория демократического транзита, выдвинутая Г. О’Доннеллом, Д. Растоу, А. Пшеворским и Ф. Шмиттером, выделяет роль политических элит в формировании демократических систем [10].

6) Кроме того, С. Хантингтон разработал теорию модели о влиянии на международном уровне, которая предполагает, что переход к демократии возникает в результате воздействия внешнего фактора, что можно назвать «эффектом снежного кома» [11].

Что происходит в действительности? Существуют «модели в моделях», кроме того, терминологически различаются понятия в зависимости от одного и другого периода истории. Для нашего исследования интересным будет рассмотреть некоторые статистические данные появления понятий «диктатура», «республика», «демократия», «авторитаризм» в англоязычной литературе с 1750 г. Обратимся к Polity IV [12], методы расчета которого основаны на соотношении количества населения, живущего в мире и существовании различных режимов. «Согласно классификации Polity IV, в мире проживает 7,97 млрд человек, и с 1816 года по 2015 года модели

диктатуры охватывают примерно около трети человек в мире – 2,5 млрд. человек населения планеты. Демократические модели охватывают больше – 4 млрд. чел., авторитаризм – около 1 млрд. человек, остальные политические модели можно отнести к смешанным, где может быть смешана, например, демократия с авторитаризмом (анократия)» [12], рис. 2.

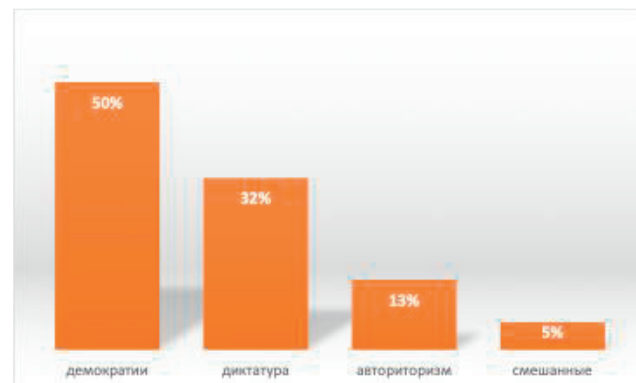

Рис. 2. Структура политических моделей в мире в XXI в. [12]

Резюмируя этот статистический набор данных в различные исторические периоды, мы отмечаем, что дело не только в применении определенных терминов «демократия», «автократия», но и в оценке самой сущности политического режима. И более того, есть целый ряд примеров, когда недемократическая система преподносится как демократическая. То же касается и «диктатур», мы не можем не учитывать реальности истории, которая представила нам множество самых разнообразных диктатур.

А термин «авторитаризм», которое впервые появилось в контексте противопоставления тоталитаризму, соединяется со структурами единой власти в современном обществе. Оба эти термина, «демократия», «авторитаризм» не остаются нейтральными друг от друга, а еще сами видоизменяются и делятся на «хорошие демократии», или «плохие демократии», «хороший и плохой авторитаризм». В результате использования нормативно окрашенных понятий для выделения различий, в них отражается влияние не только исторических процессов, но и культурных особенностей и национальной идентичности.

В теории транзита возникает ряд вопросов, начиная с анализа сути двух ключевых понятий – «демократия» и «переход». Следует ли определение демократии считать универсальным, или же оно подвержено изменениям в течение времени? Имеет ли демократия одинаковое значение в разных исторических эпохах, например, в современных Соединенных Штатах, Индии, Испании или Японии? Идея «местной демократии» предполагает индивидуальное понимание данной концепции в зависимости от географического контекста. Каковы принципы и практическое содержание транзита?

Исследование политических моделей транзита призывает нас к тщательному размышлению о многообразии переходов, прежде всего, в смысле применения силы, которые могут намного различаться, это касается как демократии, так и автократии. Согласно трудам Хансена [13], Манина [14], Розанваллона [15] и многих других исследователей, мы видим, что политологи в странах Франция, США, Великобритания, уже на рассматривают эти страны как «демократии». По этой причине требуется более тщательное исследование сходств и отличий в аспектах демократий, что заставляет более тщательно вникать не только в исторические основы понятий, но и в их применение в общественных и властных структурах, так как неверные оценки режимов вводят представителей различных слоев населения в заблуждение.

Определим, что «история демократии насыщена неожиданными поворотами. В V веке до н.э. данное слово всплыло на юго-востоке Европы, и несмотря на свою первоначальную популярность, вскоре стало вне закона, пропав из обихода, пока не воскресло в Риме. в Европе термин демократия вошел в публичный дискурс только в 1780-х гг., в то же время, когда понятие аристократии вошло в обиход как его антоним: демократы отождествлялись с теми, кто хотел, чтобы все наслаждались правами аристократов» [7]. После чего во многих странах, например, в Великобритании, стали разрабатываться различные модели управления, где «принципы демократии и народного представительства в нижней палате парламента противопоставлялись элементам аристократии, включая Сенат и иногда монархию, формировались смешанные конституции, отличающиеся от современных демократических систем» [15].

М. Хансен этот вопрос разбирает подробно многие годы, с 1991 по 2005 гг.). Он пишет: «Я не мог найти подобную историю «демократии» в Латинской Америке, но ясно, что основатели латиноамериканских представительных учреждений разделяли негативное отношение к этой системе. И только после того, как несколько латиноамериканских политических мыслителей провели несколько лет в Филадельфии в 1820-х гг., некоторые из них придали наконец-то этому положительное значение» [16].

Алексис де Токвиль предсказывал неизбежную универсализацию демократии ещё в 1840-х годах.

Первый, кто в Латинской Америке использовал термин «представительная демократия», в положительном смысле этого слова в 1827 г. был перуанский конституционалист Мануэль Лоренцо де Видаурре [17].

Тем не менее, борьба за сохранение и дальнейшую институционализацию демократического управления продолжается во всем мире и сегодня. В последние несколько лет кризисы и нестабильность на Ближнем Востоке, в Восточной Европе, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии указывают на возможность краха хрупких демократий и провала демократических переходов, находящихся на ранних стадиях, например, в странах Арабской весны.

Выводы.

1) Модели и разновидности современной теории транзита становятся все более разнообразными и не укладываются уже в три направления: демократия, авторитаризм, тоталитаризм.

2) Теоретик, приверженный демократии как в нормативном, так и в аналитико-эмпирическом смысле, должен быть крайне осторожен в принятии шаблонных утверждений о переходе к демократическому управлению и его долгосрочной устойчивости. Это также указывает на необходимость исследования антитезы демократического управления, а именно причин авторитаризма.

3) Термин «эпизодическая модель» Томаса Куна как-никакой иной термин подходит для исследования моделей транзита.

4) Рассматривая процесс демократического перехода преимущественно в линейном ключе, многие исследования не учитывают способность авторитарного наследия подрывать и препятствовать процессу демократизации, например, во многих поставторитарных странах, таких как Южная Африка, Ирак.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма/Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. и др. М.: ЦентрКом. 1996:673.

2. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ВШЭ. 2010.
3. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992.
4. Henry George Liddell, Robert Scott, A Greek-English Lexicon, on Perseus Digital Library.
5. Kuhn, Thomas S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions* / Chicago: University of Chicago Press.
6. Схема Д. Потапова.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
8. Хелд Д., Гольдблатт Д., Мак-Грю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. М.: «Праксис», 2004. – 576 с.
9. Растоу, Д.А., 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели. Полис. Политические исследования, (5), pp.5–15.
10. Хинтба, И.Р., 2009. Консолидация демократии: сущность, факторы, модели (Doctoral dissertation, Хинтба Ираклий Ревазович).
11. Темников, Д.М., 2003. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе. Международные процессы, 1(2), сс.80–90.
12. Polity – проект по созданию политологической базы данных, объединяющей несколько индексов (показателей), широко используемых в политической науке.
13. Hansen, Mogens Herman. 1991. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. Oxford: Blackwell.
14. Manin, Bernard. 1997. *The Principles of Representative Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Rosanvallon, Pierre. 1995. *The History of the Word Democracy in France*. *Journal of Democracy* 5(4): 140–154.
16. Tocqueville A, *Democracy in America*, 246–315, 572–584.
17. Aguilar-Rivera, J. A. (2022). *Dinámicas de la autocratización: México 2021*. *Revista de ciencia política (Santiago)*, 42(2), 355–382.

MODELS AND VARIETIES OF MODERN THEORY OF TRANSITION

Potapov Denis Viktorovich

Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the article is to focus on the models of the theory of political transition and the change of one political system to another from totalitarianism to democracy, as complex systems in which it is not always possible to draw clear boundaries. Modern theories of transition have been further expanded by new ideas of S. Huntington, J. Held, D.A. Rustow, V. Merkel, A. Croissant. A. The conclusion of the article is that the usual classification of transition: democracy, authoritarianism, totalitarianism no longer reveals all the models of transition, since there are mixed models of political power, in which both authoritarianism and democracy are present. The “episodic model” of Thomas Kuhn, as appropriately as it would be suitable for the modern concept of “transit model”, because democratic transition in the modern concept undergoes significant changes, revealing not only three familiar forms of models, but also expands due to historical, cultural features of the formation of political power.

Keywords: political model, political power, democracy, autocracy, totalitarianism.

References

1. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism* / Translated from English by I.V. Borisova, Yu.A. Kimeleva, A. D. et al. Moscow: CenterCom. 1996: 673.

2. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. Moscow: Higher School of Economics. 2010.
3. Ozhegov's Explanatory Dictionary. S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. 1949–1992.
4. Henry George Liddell, Robert Scott, A Greek-English Lexicon, on Perseus Digital Library.
5. Kuhn, Thomas S. (1962). The Structure of Scientific Revolutions / Chicago: University of Chicago Press.
6. D. Potapov's Scheme.
7. Huntington S. The Clash of Civilizations. – M.: AST, 2003.
8. Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton J. Global transformations. M.: "Praxis", 2004. – 576 p.
9. Rustow, D.A., 1996. Transitions to democracy: an attempt at a dynamic model. Polis. Political studies, (5), pp.5–15.
10. Khintba, I.R., 2009. Consolidation of democracy: essence, factors, models (Doctoral dissertation, Khintba Irakli Revazovich).
11. Temnikov, D.M., 2003. The concept of world leadership in modern political discourse. International processes, 1 (2), pp.80–90.
12. Polity is a project to create a political science database that combines several indices (indicators) widely used in political science.
13. Hansen, Mogens Herman. 1991. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Oxford: Blackwell.
14. Manin, Bernard. 1997. The Principles of Representative Government. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Rosanvallon, Pierre. 1995. The History of the Word Democracy in France. Journal of Democracy 5(4): 140–154.
16. Tocqueville A, Democracy in America, 246–315, 572–584.
17. Aguilar-Rivera, J. A. (2022). Dinámicas de la autocratización: México 2021. Revista de ciencia política (Santiago), 42(2), 355–382.

Политические механизмы влияния и контроля как фактор развития общества и государства

Пьянов Кирилл Александрович,
независимый исследователь
E-mail: kp-2022@yandex.ru

Государство заинтересовано в своем развитии так же, как и общество в своем стремлении реализовать свои интересы. Удовлетворенное общество – залог развития государства, поэтому государство взаимодействует с ним специальными методами, которые способны дать максимально эффективный результат в достижении этой цели. В статье исследуются способы воздействия на общество в целях реализации государственной политики, формирования гражданского общества в правовом демократическом государстве, рассматриваются особенности их воздействия, приводящие к росту удовлетворенности граждан и, как следствие, развитию государства. Исследование проведено преимущественно с использованием нормативно-ценностного метода, а также метода структурно-функционального анализа. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости комплексного использования политических механизмов влияния и контроля, а также проведения регулярной оценки эффективности таких механизмов в целях оказания ими положительного эффекта на развитие общества и государства.

Ключевые слова: политическая социология, политический механизм, развитие общества, воздействие государства на общество, механизмы влияния и контроля.

Введение

Изучение общества и государства – непрерывный процесс, при котором применяются инструменты социологической науки. При этом процесс воздействия на общество со стороны государства и обратная связь (политический процесс) является предметом политологии. В силу тематики статьи настоящее исследование является междисциплинарным.

Цель исследования – анализ основных политических механизмов влияния и контроля, а также определения условий их воздействия, приводящие к развитию общества и государства.

Обозначенная цель исследования достигается посредством решения следующих задач:

- рассмотреть понятие механизма политического влияния и контроля;
- определить инструменты применения данного механизма и положительные эффекты, способствующие развитию общества и государства;
- установить, каким образом положительные эффекты вышеуказанных воздействий влияют на развитие общества и государства.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты могут быть применены в практической и научной деятельности в сфере государственного управления, деятельности политических партий, политико-социологических исследований, а также могут быть использованы преподавателями соответствующих дисциплин в процессе обучения.

Обсуждение

Поскольку авторам в настоящем исследовании предстоит раскрыть сущность достаточно объемного по своему значению понятия, раскроем сначала по отдельности каждую из его составляющих, а именно «политический механизм», «влияние и контроль», «развитие общества и государства», двигаясь от частного к общему, что позволит получить наиболее развернутое представление о предмете исследования.

Термин «политический» означает «относящийся к политике», т.е. к деятельности органов государственной власти и государственного управления по обеспечению классовых или иных общественных интересов посредством институтов власти. Соответственно, именно государство в лице своих национальных органов законодательной и исполнительной власти выступает основным субъектом политической деятельности. Таким образом, политические механизмы означают совокупность определенных управленческих процедур, навыков, приемов, объединенных каким-либо политическим принципом. Среди таких принципов, по сути, формирующих характер политических механизмов, определяющими являются легитимность, гласность, открытость, законность, ответственность, научность, преемственность или же другие, противоположные названным и формирующие иной характер политических механизмов [1].

Достаточно емкая, проверенная временем, характеристика Кучкина В.К. не утратила своей актуальности

и по сей день, однако ее можно дополнить. Любой политической механизм реализуется с какой-либо целью. В правовом демократическом государстве такой целью является благополучие его народа.

Термин «влияние» представляет собой воздействие одного субъекта, произведенное на другого субъекта с помощью определенных методов и приемов с целью добиться его лояльности или повиновения. Термин «контроль» представляет собой постоянное наблюдение за деятельностью субъекта с целью проверки ее соответствия установленным критериям, фиксации отклонений от заданных параметров и принятие мер реагирования по фактам таких отклонений.

Чтобы охарактеризовать отдельно взятый в настоящем исследовании термин «развитие общества и государство», нужно рассмотреть его комплексно, так как общество и государство неразрывно связаны между собой. Согласно одной из теорий происхождения государства – договорной теории, сторонниками которой выступали Дж. Локк и Т. Гоббс, люди, пребывавшие в «состоянии естественной свободы», заключили между собой договор, предметом которого выступало создание государства, и добровольно передали ему часть своих прав, а государство, в свою очередь, обязалось защищать своих граждан и гарантировать им благополучие.

Оказавшись связанными договорными отношениями с государством, его граждане также должны исполнять свои обязанности по отношению к созданному государству, иначе оно перестанет существовать. Становление государства, его эволюция тесно связаны с реальным и материальным процессами жизнедеятельности людей, с той сферой человеческих отношений, которая получила название «гражданского общества» [2]. Поэтому, если развивается общество, то развивается и процветает государство. Но есть необходимое условие этого симбиоза – диалог, взаимная поддержка и доверие. Выполнение этих условий – залог развития общества и государства.

Результаты

Для выполнения обозначенных условий существуют специальные инструменты – механизмы политического влияния и контроля, которые представляют собой воздействие государства на общество, выраженное в применении властных инструментов с целью добиться лояльности или (и) повиновения, сопровождающееся наблюдением с целью подтверждения их наличия, а также принятием мер властного характера, позволяющих восстановить утраченные лояльность или (и) повиновение. Основными механизмами политического влияния и контроля, которые применяются государством, являются правовое регулирование, информационное воздействие, деятельность политических партий и принуждение.

1) Правовое регулирование. С помощью создаваемых правовых норм, которые закрепляются в законодательных и подзаконных актах, государством создаются общеобязательные нормы и формулы поведения, рассчитанные на многократное применение, единые для всех. Примером служит равенство всех перед законом и судом¹, равный доступ граждан к государственной гражданской службе².

¹ Статья 19 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.09.2025)

² Статья 4 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федера-

Положительный эффект: для демократического государства, где власть принадлежит народу, выражается в закреплении в сознании граждан равных возможностей для всех без исключения, независимо от уровня достатка и власти, внедрении принципа единства, повышении уровня правосознания.

Действие права делает реальным присущие ему законность, справедливость, ценности граждан, их образ жизни [3].

2) Информационное воздействие. С помощью предлагаемых посредством информационных каналов связи образов государством в массовом сознании общества формируются стимулы, необходимые для обеспечения выбора гражданами моделей поведения, соответствующих реализуемой государственной политике. Кроме того, с помощью данного инструмента государство поддерживает обратную связь с обществом, анализируя активность и поведение граждан в сети Интернет, по результатам которой им могут быть скорректированы действующие или предприняты новые меры, направленные на реализацию государственной политики.

К примеру, в целях снижения оборота контрафактной продукции государство создало для граждан удобные мобильные приложения для проверки приобретаемой продукции на предмет нарушения законодательства об интеллектуальной собственности. При этом государство постоянно анализирует популярность таких приложений и активность их использования гражданами. В случае недостаточной заинтересованности со стороны граждан, которая привела к недостижению предполагаемого эффекта, государство может предпринять информационные кампании по популяризации таких приложений (социальная реклама).

Положительный эффект: поддержание повышающей доверие связи между государством и обществом, управление общественным мнением, обеспечение снижения негативных настроений в обществе в случае неприятия новой государственной политики.

Коммуникативные процессы, реализующиеся между государством и институтами гражданского общества, должны выявлять риски, проблемные поля, которые названные субъекты должны решать совместно, с учетом ресурсов государства [4].

3) Деятельность политических партий. Данный механизм реализует основную связь государства и социума, формируя демократическое общество. Политические партии призваны представлять интересы граждан разных слоев общества, ориентировать их на достижение целей государственной политики, обеспечивать приспособление общества к новым условиям, воздействуя на сознание масс в необходимом направлении.

Пример: представители политических партий принимают активное участие в реализации государственной политики посредством постоянного обсуждения новых нормативных правовых актов, подготавливаемых органами исполнительной власти, дают предложения по их корректировке.

Положительный эффект: повышается качество регулирования общественных отношений, качественное правовое регулирование повышает доверие к власти, обеспечивает отсутствие волнений в обществе и согласованность действий всех его членов.

Основополагающие ценности и цели государства закреплены в Конституции, вместе с тем, именно на них базируются программы существующих и создающихся новых партий. Партия, в свою очередь, представляя со-

ции», режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (дата обращения: 14.09.2025)

бой политический рычаг, реализует установленные задачи по воплощению в жизнь основных конституционных ценностей и, в частности, концепцию суверенной демократии [5].

4) Принуждение. Данный механизм политического влияния и контроля имеет большой спектр воздействия на общество, так как его целью является обеспечение повиновения, восстановление нарушенных прав для достижения социально полезного или социально нейтрального результата. Реализуется государством в лице уполномоченных органов в установленной законом форме.

Пример: обеспечение и поддержание правопорядка в обществе, которое осуществляется законодательными, исполнительными и судебными органами. Органы законодательной власти подготавливают законопроекты, которые потом подписываются Президентом России, органы исполнительной власти их детализируют посредством принятия своих нормативных правовых актов, претворяют в жизнь и следят за их исполнением, а судебные органы в случае нарушения закона защищают тех, чьи права и свободы были нарушены. Все вышеперечисленное поддерживает механизм государственного принуждения: регулировать общественные отношения, исполнять нормативные предписания и осуществлять контроль, защищать и наказывать.

Положительный эффект: правопорядок повышает удовлетворенность общества за счет осознания им своей защищенности государством.

Несмотря на то, что многие из таких органов являются органами общей компетенции и не относятся к числу правоохранительных органов, тем не менее, реализуя правотворческие и правоприменительные функции, они в тех или иных формах и пределах оказывают определенное воздействие на созидание и качественное состояние правопорядка. Поэтому конструктивное сотрудничество и продуктивное взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления и правоохранительных органов в сфере обеспечения правопорядка являются важнейшим условием создания и обеспечения правопорядка надлежащего качества на всей территории Российской Федерации [6].

Перечисленные механизмы являются инструментами формирования гражданского общества, которое играет ключевую роль в развитии демократии, соблюдении прав и свобод человека, баланса интересов, открытости власти общественному контролю. То есть, применяя механизмы политического влияния и контроля государство должно оставаться открытым для общества, обеспечивая единство в достижении целей.

Сложность формирования гражданского общества в России связана и с недостаточным распространением в обществе политической культуры, отсутствием у части граждан социальной ответственности. Между тем именно наличие социальной ответственности – неременного атрибута гражданского общества – облегчает и ускоряет данный процесс [7].

Для того чтобы рассмотреть, как именно положительные эффекты реализации механизмов политического влияния и контроля могут способствовать развитию гражданского общества и государства, необходимо прибегнуть к двум немаловажным инструментам, которые помогают успешно реализовывать государственную политику – оценка эффективности и аналитика. В случае с каждым применяемым инструментом механизма политического влияния и контроля оценка эффективности его воздействия производится по-разному, индивидуальными методами.

Выявление эффективности реализации правовой нормы предполагает прежде всего исследование бес-

препятственного (системного) регулятивного действия норм права на общественные отношения и изучение последствий данного правового воздействия на определенный объект [8]. Изменения могут замеряться и верифицироваться с применением методов социологии права и экономического анализа [9]. Эффективность проведения мероприятий, направленных на информационно-пропагандистское воздействие, определяется тем, в какой степени изменилось морально-политическое состояние объектов воздействия, хотя и здесь имеются определенные трудности [10]. Как указано в исследовании Кишаковской О.Г., об эффективности деятельности политических партий свидетельствует степень достижения соответствующих им целей. При этом оценивается эффективность использования партией механизмов власти в интересах определенной части общества, характер внутренней жизни партии, число членов партии и социальный состав партии [11]. Механизм принуждения реализуется посредством правоприменительной деятельности соответствующих органов государственной власти. На эффективность правоприменительной деятельности оказывают влияние следующие факторы: 1) степень оптимальности и рациональной организации государственного аппарата, в том числе правоохранительных органов; 2) уровень квалификации и компетенции самого правоприменителя [12].

Аналитическим инструментом, позволяющим государству оценить воздействие используемых механизмов, является оценка степени удовлетворенности граждан (индекс социального самочувствия)¹. Как правило, такие оценки проводятся методом опроса (онлайн или телефонное интервью).

Измерив эффективность реализации всех механизмов политического влияния и контроля государство анализирует полученные данные и делает на их основе выводы, результатами которых, как правило, являются либо корректировка неэффективных компонентов механизмов, либо их замена.

Заключение

Подводя итог рассмотрению понятия механизма политического влияния и контроля, способов его применения и оказываемых им положительных эффектов на развитие общества и государства, необходимо отметить:

оценка эффективности применения политических механизмов влияния и контроля позволит управлять степенью их воздействия на общество;

применение системного подхода в использовании политических механизмов влияния и контроля способно обеспечить прочную взаимосвязь государства и общества для достижения целей реализации государственной политики.

Необходимо разрабатывать более полную и современную концепцию системного подхода для применения в политологии, поскольку наука не стоит на месте и в каждую конкретную эпоху требует совершенствования подходов для своих исследований. В то же время существует огромный опыт разработки и успешного применения методологии системного подхода в социологии, менеджменте, психологии, философии и других научных направлениях, который на данный момент никак не используется в политической науке. Помимо этого, стоит обратить внимание на сферу прикладной политологии, где есть масса практических примеров успеш-

¹ Социальное самочувствие россиян: мониторинг, режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring-27052025?ysclid=mf_mufskmg100704123 (дата обращения: 16.09.2025)

ного применения тех или иных идей и методов системного подхода, которые до сих пор не имеют теоретико-методологического описания [13].

Таким образом, политические механизмы влияния и контроля являются фактором развития общества и государства только тогда, когда обеспечен конструктивный диалог между двумя этими сторонами и соблюден баланс эффектов, которые такие механизмы оказывают.

Литература

1. Кучкин В.К. Политический механизм реализации концепции правового государства в современной России // Социум и власть. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-mehanizm-realizatsii-kontseptsii-pravovogo-gosudarstva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 13.09.2025).
2. Зобнина Т.В. Развитие гражданского общества в российском государстве // Вестник ТГУ. 2008. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskom-gosudarstve> (дата обращения: 13.09.2025).
3. Скрипник А.В. Право и правовое регулирование: значение и проблемы // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-pravovoe-regulirovanie-znachenie-i-problemy> (дата обращения: 15.09.2025).
4. Ильичева М.В. Коммуникативные процессы во взаимодействии государства и институтов гражданского общества: тренды изменений в условиях цифровизации // Власть. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-protsessy-vo-vzaimodeystvii-gosudarstva-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva-trendy-izmeneniy-v-usloviyah> (дата обращения: 13.09.2025).
5. Тхабисимова Л.А., Бициева Э.В. Политические партии и их роль в становлении современного конституционализма в России // Образование и право. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-i-ih-rol-v-stanovlenii-sovremennogo-konstitutsionalizma-v-rossii> (дата обращения: 15.09.2025).
6. Безруков А.В. Обеспечение правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-pravoporyadka-organami-publichnoy-vlasti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.09.2025).
7. Висханова П.Г. Особенности формирования гражданского общества в России // Право и государство: теория и практика. 2018. № 3 (159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii> (дата обращения: 13.09.2025).
8. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Эффективность механизма правового регулирования: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-mehanizma-pravovogo-regulirovaniya-analiz-podkhodov> (дата обращения: 16.09.2025).
9. Курочкин С.А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-pravovyh-norm-kak-uslovie-rezultativnosti-pravovogo-vozdeyствиya-na-primere-norm-protssessualnogo-prava> (дата обращения: 16.09.2025).
10. Касюк А.Я. Критерии оценки эффективности информационно-пропагандистской работы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otsenki-effektivnosti-informatsionno-propagandistskoy-raboty> (дата обращения: 16.09.2025).
11. Кишаковская О.Г. Эффективность политических партий, как основа их функционирования: методология проблемы // Территория новых возможностей. 2010. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-politicheskikh-partiy-kak-osnova-ih-funktsionirovaniya-metodologiya-problemy> (дата обращения: 16.09.2025).
12. Герасимова Н.П. Государственно-правовое регулирование в правоохранительной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-pravovoe-regulirovanie-v-pravooxranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 16.09.2025).
13. Головенкин Е.Н. Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической теории // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-evolyutsiya-i-ego-primenimost-v-sovremennoy-politicheskoy-teorii> (дата обращения: 17.09.2025).

POLITICAL MECHANISMS OF INFLUENCE AND CONTROL AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE STATE

Pryanov K.A.

The State is as interested in its development as society is in its desire to realize its interests. A satisfied society is the key to the development of the state, therefore, the state interacts with it using special methods that can give the most effective result in achieving this goal. The article examines the ways of influencing society in order to implement state policy, form a civil society in a rule-of-law democratic state, examines the features of their impact, leading to increased satisfaction of citizens and, as a result, the development of the state. The study was conducted mainly using the normative-value method, as well as the method of structural and functional analysis. The findings indicate the need for the integrated use of political mechanisms of influence and control, as well as regular evaluation of the effectiveness of such mechanisms in order to have a positive effect on the development of society and the state.

Keywords: political sociology, political mechanism, development of society, impact of the state on society, mechanisms of influence and control.

References

1. Kuchkin V.K. The political mechanism of realization of the concept of the rule of law in modern Russia // Society and power. 2011. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-mehanizm-realizatsii-kontseptsii-pravovogo-gosudarstva-v-sovremennoy-rossii> (date of reference: 09/13/2025).
2. Zobnina T.V. The development of civil society in the Russian state // Bulletin of TSU. 2008. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskom-gosudarstve> (date of request: 09/13/2025).
3. Skripnik A.V. Law and legal regulation: significance and problems // Agrarian and land law. 2019. No.5 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-pravovoe-regulirovanie-znachenie-i-problemy> (date of request: 09/15/2025).
4. Ilyicheva M.V. Communicative processes in the interaction of the state and civil society institutions: trends of changes in the conditions of digitalization. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-protsessy-vo-vzaimodeystvii-gosudarstva-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva-trendy-izmeneniy-v-usloviyah> (date of request: 09/13/2025).

5. Tkhabisimova L.A., Bitsieva E.V. Political parties and their role in the formation of modern constitutionalism in Russia // Education and Law. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-i-ih-rol-v-stanovlenii-sovremennogo-konstitutsionalizma-v-rossii> (date of request: 09/15/2025).
6. Bezrukov A.V. Ensuring law and order by public authorities in the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-pravoporyadka-organami-publichnoy-vlasti-v-rossiyskoy-federatsii> (date of reference: 09/16/2025).
7. Viskhanova P.G. Features of the formation of civil society in Russia // Law and the state: theory and practice. 2018. № 3 (159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii> (date of request: 09/13/2025).
8. Teplyashin I.V., Fastovich G.G. The effectiveness of the mechanism of legal regulation: an analysis of approaches // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-mehanizma-pravovogo-regulirovaniya-analiz-podhodov> (date of request: 09/16/2025).
9. Kurochkin S.A. The effectiveness of legal norms as a condition for the effectiveness of legal influence (on the example of the norms of procedural law) // Scientific Journal. The cauldron. University of the Humanities. science. 2020. No. 2. URL: [berleninka.ru/article/n/effektivnost-pravovyh-norm-kak-uslovierezultativnosti-pravovogo-vozdeystviya-na-primere-norm-protsessualnogo-prava](https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-pravovyh-norm-kak-uslovierezultativnosti-pravovogo-vozdeystviya-na-primere-norm-protsessualnogo-prava) (date of request: 09/16/2025).
10. Kasyuk A. Ya. Criteria for evaluating the effectiveness of information and propaganda work // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2021. No. 2 (843). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otsenki-effektivnosti-informatsionno-propagandistskoy-raboty> (date of request: 09/16/2025).
11. Kishakovskaya O.G. Effectiveness of political parties as the basis of their functioning: methodology of the problem // The territory of new opportunities. 2010. No.4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-politicheskikh-partiy-kak-osnovaihfunktsionirovaniya-metodologiya-problemy> (date of request: 09/16/2025).
12. Gerasimova N.P. State legal regulation in law enforcement activities // Law and order: history, theory, practice. 2017. No. 2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-pravovoe-regulirovanie-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (date of request: 09/16/2025).
13. Golovenkin E.N. System approach: evolution and its applicability in modern political theory // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-evolyutsiya-i-ego-primenimost-v-sovremennoy-politicheskoy-teorii> (date of request: 09/17/2025).

Распад советской империи: историческое исследование причин и роли западного влияния

Салим Реза,

студент магистратуры, Российский университет дружбы
народов
E-mail: salimreza36@yandex.com

В статье рассматривается распад Союза Советских Социалистических Республик (СССР), исследуется сложная сеть внутренних и внешних факторов, которые привели к его распаду. Распад СССР ознаменовал поворотный момент в истории 20-го века, вызванный сочетанием внутренней слабости и внешнего давления. Внутренние реформы Михаила Горбачева – гласность (открытость) и перестройка (реструктуризация) – были направлены на модернизацию советской системы, но вместо этого дестабилизировали ее, выявляя системные недостатки и поощряя инакомыслие. Эта политика ослабила централизованную власть Коммунистической партии, подпитывая националистические движения в союзных республиках и требования автономии. Западные державы во главе с Соединенными Штатами сыграли ключевую роль в ускорении распада Советского Союза с помощью целенаправленной стратегии идеологического, экономического и военного давления. США стремились ограничить советское влияние во всем мире, используя такие тактики, как сдерживание, экономические санкции и тайные операции для подрыва коммунистических режимов и их лидеров. США, часто через такие агентства, как ЦРУ, организовывали государственные перевороты, убийства и пропагандистские кампании, чтобы дестабилизировать этих деятелей, связанных с Советским Союзом. В этой статье подчеркивается, как продуманные стратегии Запада изменили геополитический ландшафт и способствовали падению Советской империи.

Ключевые слова: Распад СССР, Западное влияние, Михаил Горбачев, Гласность, Перестройка, Гонка вооружений, операции ЦРУ.

Вступление

В этом исследовании рассматривается история и глубинные причины распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР), геополитического образования, существовавшего с 1922 по 1991 год. Это исследование посвящено сложному взаимодействию внутренних и внешних факторов, которые способствовали распаду Советского Союза. Распад Советского Союза, одной из самых могущественных сверхдержав 20-го века, стал поворотным событием в мировой истории. Факторы, приведшие к распаду СССР, были многогранными и коренились как во внутренних, так и во внешних вызовах, которые накапливались десятилетиями. Внешнее давление, включая гонку вооружений с Соединенными Штатами и экономические трудности, связанные с военными расходами, также истощили ресурсы СССР. Расходы на содержание вооруженных сил и участие в длительном геополитическом соперничестве с США истощили советскую экономику. Сочетание экономического спада, политического недовольства и националистических движений в составных республиках в конечном итоге привело к распаду СССР.

Хотя окончательный распад Советского Союза был обусловлен целым рядом факторов, роль, которую сыграли западные страны, особенно Соединенные Штаты, была значительной. Усилия западных держав по подрыву советской системы были многогранными и включали в себя сочетание идеологической войны, экономического давления, военного сдерживания и дипломатической изоляции. Чтобы сохранить мировое господство, США стремились расширить свое влияние, часто используя тайные и открытые методы для поддержки союзников и подрыва позиций соперников. Одной из тактик, применявшихся Западным блоком во главе с Соединенными Штатами, было преследование коммунистических лидеров по всему миру, дестабилизация коммунистических движений и правительств в различных странах. От Азии до Африки и Латинской Америки Советский Союз поддерживал революционных лидеров и правительства, придерживающиеся марксистско-ленинских принципов. Такие лидеры, как Хо Ши Мин во Вьетнаме, Фидель Кастро на Кубе и Сальвадор Альенде в Чили, символизировали глобальное распространение коммунизма. Эти движения бросили прямой вызов западному капитализму и демократии, что вызвало решительный ответ со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Западные державы, особенно Соединенные Штаты, часто воспринимали устранение коммунистических лидеров как средство остановить распространение коммунизма. В ходе тайных операций, организованных такими агентствами, как ЦРУ, лидеры, поддерживавшие Советский Союз, становились мишенями. Эти действия были частью более широких стратегий, направленных на ослабление коммунистических режимов и препятствование другим принимать подобные идеологии.

Железный занавес: прямая конфронтация с Советским Союзом

Речь Уинстона Черчилля «О железном занавесе», произнесенная 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже

в Фултоне, штат Миссури, стала поворотным моментом в формировании геополитического ландшафта после Второй мировой войны и формировании нового мирового порядка. В своем выступлении Черчилль обозначил идеологическую и политическую пропасть между Западом и Советским Союзом, введя термин «железный занавес» для описания метафорической границы, опустившейся по всей Европе. Речь не только подчеркнула растущую напряженность, но и стала прямым вызовом Советскому Блоку. Речь Черчилля была произнесена в то время, когда Европа переживала последствия Второй мировой войны. Эта фраза символизировала разделение между Восточным блоком и западными странами. Из этой речи следовало, что Запад, возглавляемый Соединенными Штатами и Великобританией, готов противостоять Советскому Союзу и распространению коммунизма.

Доктрина Трумэна: катализатор распада Советской империи

Доктрина Трумэна, провозглашенная президентом США Гарри С. Трумэном в 1947 году, заложила основу для внешней политики сдерживания Соединенных Штатов, направленной на сдерживание распространения коммунизма и советского влияния по всему миру. Эта доктрина послужила начальной стадией окончательного распада Советского Союза, непосредственно способствовав падению СССР к концу 20-го века. После Второй мировой войны доктрина Трумэна появилась как ответ на советскую экспансию в Европе, особенно в Греции и Турции. Заявление президента Трумэна о том, что США поддержка свободных народов, сопротивляющихся порабощению вооруженными меньшинствами или внешнему давлению, была четким сигналом о приверженности Америки противодействию советскому экспансионизму. Эта доктрина представляла собой прямой вызов Советскому Союзу. Стабилизируя экономику Европы, США эффективно сдерживали распространение коммунизма в этих регионах, особенно с помощью таких инициатив, как План Маршалла, который был направлен на восстановление разрушенной войной экономики и содействие демократическому управлению. Стремление США увеличить военные расходы и поддержать НАТО вынудило СССР в ответ увеличить собственные военные расходы. Со временем экономическое бремя поддержания паритета с Западом привело к системной неэффективности и застою в советской системе. проводил политику сдерживания, которая была направлена не на прямое уничтожение Советского Союза, а на предотвращение его экспансии на новые территории. Доктрина Трумэна также символизировала идеологическую борьбу с коммунизмом. Такие события, как восстания в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968), тайно поддерживаемые МИ-6 и ЦРУ, продемонстрировали растущее недовольство советским господством в Восточной Европе. Громогласная поддержка Западом этих движений, вдохновленная политикой сдерживания, придала смелости сопротивлению и посеяла семена сомнений в жизнеспособности коммунистической системы.

План Маршалла: Стратегический раздел Европы против советского режима

План Маршалла – это инициатива США, направленная на оказание военной и финансовой помощи европейским странам, пострадавшим во время Второй мировой войны. Представленный государственным секретарем США Джорджем Маршаллом в 1947 году, план предусматривал выделение более 13 миллиардов долларов

на восстановление европейской экономики. К моменту принятия Плана Маршалла США уже испытали на себе экономические последствия Великой депрессии и осознали важность стабилизации мировой экономики для обеспечения долгосрочного процветания. Европа была крупным потребителем американских товаров, а США – хотел перестроить экономику своих торговых партнеров, чтобы создать стабильный рынок сбыта для собственной продукции. Если Европа останется экономически слабой, она не сможет закупать товары в США, что может нанести ущерб американской промышленности. Экономическая стабилизация в Европе также способствовала укреплению политической стабильности. Это обеспечило безопасную среду для американских инвестиций, что еще больше способствовало развитию торгово-экономического партнерства. Поощряя капиталистическую экономическую политику и политику открытого рынка в Европе, США стремилась к тому, чтобы ее собственная экономическая модель стала доминирующей, приносящей пользу американским компаниям и инвесторам. Конечной целью Плана Маршалла было предотвращение распространения коммунизма в Западной Европе, что было главной заботой капиталистов. Правительство США считало, что экономическая стабильность предотвратит политическую нестабильность и подъем коммунистических движений, особенно в таких странах, как Франция, Италия и Греция, где коммунистические партии набирали силу.

Теория домино: Легализация западной жестокости для сдерживания коммунизма

20-й век стал свидетелем расцвета коммунизма как политической идеологии, имевшей глубокие последствия для управления, социального обеспечения и глобальной геополитики. По мере своего распространения в различных регионах, особенно в Европе, Азии и Латинской Америке, коммунизм превратился не просто в политическую идеологию – он стал средством реализации политики социального обеспечения, направленной на устранение системного неравенства и улучшение положения маргинализированных групп населения. «Теория домино» – одна из самых влиятельных и противоречивых концепций в истории геополитики, особенно в эпоху холодной войны. Возникшая в середине 20-го века, эта теория постулировала, что если одна страна в регионе впадет в коммунизм, соседние страны последуют ее примеру, подобно ряду падающих костяшек домино. Хотя эта теория в основном использовалась для оправдания внешней политики США в их усилиях по сдерживанию распространения коммунизма, особенно в Юго-Восточной Азии, ее также можно проанализировать в более широком контексте жестокости западного капитализма, подчеркивая сложную взаимосвязь между политической идеологией, военным вмешательством, экономическими интересами и страданиями местного населения. Эта теория получила широкое распространение в США. правительство после китайской революции 1949 года. Это событие, в сочетании с распространением коммунистических движений по всей Азии, заставило Соединенные Штаты опасаться, что в регионе может начаться цепная реакция коммунистических захватов власти. Президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр, как известно, использовал теорию домино в 1954 году для оправдания американской интервенции во Вьетнам, утверждая, что падение Индокитая приведет к распространению коммунизма по всей Юго-Восточной Азии. В этом контексте теория домино стала оправданием военного и политического вмешательства не только для предотвращения коммуниз-

ма, но и для защиты экономических интересов западных держав в различных регионах мира. Одним из наиболее ярких примеров применения теории домино стала война во Вьетнаме. Вмешательство Соединенных Штатов во Вьетнаме первоначально было оправдано опасением, что падение Вьетнама под натиском коммунизма вызовет эффект домино, что приведет к распространению коммунизма по всей Юго-Восточной Азии.

Доктрина Рейгана: Самая агрессивная внешняя политика США по противодействию Советскому Союзу

Во время президентства Рональда Рейгана (1981–1989) внешняя политика, известная как «доктрина Рейгана», представляла собой смелую и активную попытку противостоять советскому влиянию во всем мире. В основе доктрины лежала вера в то, что Соединенные Штаты имеют моральный и стратегический долг противостоять советскому экспансионизму, часто поддерживая антикоммунистические мятежи в странах. Благодаря прямым действиям и стратегическим альянсам доктрина Рейгана стала определяющим фактором в конечном итоге распада Советского Союза. Мировоззрение Рейгана было сформировано убежденной антикоммунистической идеологией и верой в американскую исключительность. Он рассматривал Советский Союз как «империю зла» и воспринимал его глобальное влияние как прямую угрозу свободе и демократии. Доктрина Рейгана была сформулирована для того, чтобы свергнуть советский режим, а не просто сдержать его. В отличие от предыдущих стратегий сдерживания, эта политика предусматривала прямую поддержку групп, сопротивляющихся советским правительствам, что фактически превращало локальные конфликты в поля сражений против СССР. Центральная предпосылка доктрины заключалась в том, что Соединенные Штаты будут оказывать материальную, финансовую, а иногда и скрытую поддержку антикоммунистическим движениям и правительствам, подрывая поддерживаемые Советским Союзом режимы, не вступая в прямую военную конфронтацию с СССР. Этот подход отражал прагматичное сочетание идеологической убежденности и стратегического расчета, направленное на использование уязвимых мест Советского Союза и его чрезмерных обязательств. Одним из наиболее ярких примеров применения доктрины Рейгана в действии стала поддержка США Афганистана. После афганской войны в 1979 году Соединенные Штаты увидели возможность обескровить Советский Союз в затяжном конфликте. ЦРУ в рамках операции «Циклон» предоставило афганским повстанцам оружие и поддержку на миллиарды долларов. Решимость Рейгана «свергнуть коммунизм», а не просто сдержать его, изменила мир и утвердила роль Соединенных Штатов как доминирующей мировой державы, распав СССР.

Реформация Михаила Горбачева и ее роль в распаде Советского Союза

Распад советской сверхдержавы, которая на протяжении почти 70 лет была крупным игроком в мировой политике, не произошел в одночасье. Скорее всего, это стало результатом сочетания внутренних и внешних факторов. Среди них реформы Михаила Горбачева, в частности его политика гласности и перестройки, сыграли решающую роль в ускорении процесса дезинтеграции. Михаил Горбачев пришел к власти в качестве генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в 1985 году в то время, когда Советский Союз переживал

серьезные внутренние кризисы. Советская экономика находилась в состоянии стагнации, политическая система отличалась неэффективностью бюрократии, а общественное недовольство правительством росло. Приход Горбачева к власти был отмечен его решимостью заняться этими системными проблемами, которые, по его мнению, можно было решить только путем реформ. Реформы Горбачева, в частности гласность и перестройка, были направлены на возрождение советской системы, но они имели непредвиденные последствия, которые в конечном итоге привели к распаду СССР. Перестройка (реструктуризация), начатая в 1985 году, была направлена на реструктуризацию советской экономики и политической системы. Ее основными целями были децентрализация экономического контроля, проведение рыночных реформ и повышение эффективности за счет сокращения централизованного бюрократического контроля. Горбачев стремился интегрировать элементы рыночных механизмов в советскую экономику, такие как разрешение частного предпринимательства в ограниченных секторах и поощрение иностранных инвестиций. Однако эти реформы часто были половинчатыми и встречали сопротивление со стороны консервативной фракции Коммунистической партии, что приводило к неэффективности и неразберихе. Гласность (открытость) была призвана повысить прозрачность и уменьшить цензуру, обеспечивая большую свободу слова и печати. Эта политика была направлена на стимулирование общественных дебатов, разоблачение неэффективности советской системы и восстановление доверия населения к правительству. Однако гласность также вызвала волну критики в адрес правительства и Коммунистической партии, вызвав общественное недовольство и требования более глубоких политических перемен. Попытки Горбачева децентрализовать экономическое планирование и предоставить больше автономии местным руководителям натолкнулись на сопротивление как центральной бюрократии, так и местных чиновников. Без четкой основы для перехода к смешанной экономике Советский Союз пережил период хаоса, когда региональные лидеры часто проводили политику, противоречащую национальным целям. Неспособность сбалансировать центральный контроль с местной автономией еще больше ослабила советскую экономику, что привело к экономическому спаду и, в конечном счете, привело к краху.

Вывод

Распад Советского Союза является одним из самых преобразующих событий 20-го века, знаменующим конец сверхдержавы, которая когда-то формировала мировую политику, идеологию и общество. Это политическое исследование исследует сложную сеть причин, стоявших за распадом СССР, подчеркивая взаимосвязь между внутренними слабостями и внешним давлением, уделяя особое внимание значительной роли западного влияния во главе с Соединенными Штатами. Внутри страны советская система столкнулась с экономической стагнацией, политической жесткостью и растущими националистическими настроениями, которые усугубились в результате реформ Михаила Горбачева – гласности и перестройки. Хотя эта политика и была направлена на возрождение государства, вместо этого она выявила глубоко укоренившиеся недостатки, вызвала общественное недовольство и ослабила власть Коммунистической партии, проложив путь к распаду советских республик. Внешнее безжалостное давление со стороны Западного блока, особенно Соединенных Штатов, сыграло решающую роль в ускорении распада Советского Союза.

Литература

1. Браун А. (2007). Фактор Горбачева. Издательство Оксфордского университета.
2. Зубок В. (2007). Рухнувшая империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Издательство Университета Северной Каролины.
3. Эмброуз, С. Э. (1993). Подъем к глобализму: американская внешняя политика и кризис 1960-х годов. Penguin Books.
4. Фитцпатрик С. (2008). Русская революция. Издательство Оксфордского университета.
5. Васкес Дж. А. (1999). Политика силы: от классического реализма к неотрадиционализму. Издательство Кембриджского университета.
6. Джадт, Т. (2005). Послевоенное время: история Европы с 1945 года. Penguin Books.
7. Макмахон, Р. Дж. (2013). Холодная война: очень краткое введение. Издательство Оксфордского университета.
8. Гэддис Дж. Л. (2005). Холодная война: новая история. Издательство "Пингвин".
9. Фридберг А. Л. (2000). В тени государства Гаррисон: контрреволюционные правые Америки и холодная война. Издательство Принстонского университета.
10. Прадос Дж. (2006). Величайшие достижения ЦРУ. The New Press.
11. Айзенберг К. (2000). Великая депрессия и истоки плана Маршалла. Издательство Принстонского университета.
12. Пиндер Дж. (1999). Европейский союз: политико-экономический взгляд. Издательство Оксфордского университета.
13. Бетелл Л. (1993). Куба: краткая история. Издательство Кембриджского университета.
14. Эйзенхауэр Д. Д. (1954). «Речь по теории домино». Официальные документы президентов.
15. Фитцпатрик С. (1999). Повседневный сталинизм. Издательство Оксфордского университета.
16. Гэддис Дж. Л. (2005). Холодная война: новая история. Издательство "Пингвин Пресс".
17. Мейснер, М. (1999). Китай при Мао и после: история Народной Республики. Свободная пресса.
18. Робинсон, Р., и Галлахер, Дж. (1961). Африка и викторианцы: официальный взгляд империализма. Макмиллан.
19. Викерс А. (2005). История современной Индонезии. Издательство Кембриджского университета.
20. Гиро Р. (2012). Куба и Соединенные Штаты: экономические последствия блокады. Издательство Университета Северной Каролины.
21. Прадос Дж. (2006). Залив Свиней: история лидеров. Издательство университета Северной Каролины.
22. Вайнберг, М. (2007). Заговор против Кастро: тайные операции и конфликт времен холодной войны. Издательство Гарвардского университета.
23. Зубери, Д. (2017). Капиталистический империализм: интервенция США на Кубе и в Латинской Америке. Ежемесячный обзор прессы.
24. Карозерс, Т. (1991). Помощь демократии за рубежом: этапы обучения. Фонд Карнеги за международный мир.
25. Коц Д. М., Вейр Ф. (2007). Путь России от Горбачева к Путину: крах Советской системы и Новая Россия. Рутледж.
26. Шредер, П. Дж. (1991). Международная политика стран Третьего мира. Издательство Стэнфордского университета.
27. Уайнбергер, К. (1984). Защита Запада: стратегия Рейгана на будущее. *Washington Quarterly*, 7 (1), 91–108.
28. Браун А. (2007). Фактор Горбачева: новое мышление в советской внешней политике. Издательство Оксфордского университета.
29. Фишер, М. (2000). Перестройка: политическая экономия социалистических реформ. Издательство Кембриджского университета.
30. Фитцпатрик, С. (2008). Русская революция. Издательство Оксфордского университета.

THE DISSOLUTION OF SOVIET EMPIRE: HISTORICAL STUDY OF CAUSES AND THE ROLE OF WESTERN INFLUENCE

Salim Reza

Peoples' Friendship University of Russia

This article investigates the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR), exploring the intricate web of internal and external factors that led to its dissolution. The fall of the USSR marked a turning point in 20th-century history, driven by a combination of domestic weaknesses and foreign pressures. Internally, the reforms of Mikhail Gorbachev—glasnost (openness) and perestroika (restructuring)—intended to modernize the Soviet system, instead destabilized it by exposing systemic flaws and encouraging dissent. These policies weakened the centralized authority of the Communist Party, fueling nationalist movements in constituent republics and demands for autonomy. Western powers, led by the United States, played a pivotal role in hastening the Soviet Union's demise through a deliberate strategy of ideological, economic, and military pressure. The U.S. sought to curb Soviet influence globally, employing tactics such as containment, economic sanctions, and covert operations to undermine communist regimes and their leaders. The U.S., often through agencies like the CIA, orchestrated coups, assassinations, and propaganda campaigns to destabilize these Soviet-aligned figures. This article underscores how the calculated Western strategies reshaped the geopolitical landscape and contributed to the demise of Soviet Empire.

Keywords: USSR Collapse, Western Influence, Mikhail Gorbachev, Glasnost, Perestroika, Arms Race, CIA Operations.

References

1. Brown, A. (2007). *The Gorbachev Factor*. Oxford University Press.
2. Zubok, V. (2007). *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. The University of North Carolina Press.
3. Ambrose, S. E. (1993). *Rise to Globalism: American Foreign Policy and the Crisis of the 1960s*. Penguin Books.
4. Fitzpatrick, S. (2008). *The Russian Revolution*. Oxford University Press.
5. Vasquez, J. A. (1999). *The Power of Power Politics: From Classical Realism to Neotraditionalism*. Cambridge University Press.
6. Judt, T. (2005). *Postwar: A History of Europe Since 1945*. Penguin Books.
7. McMahon, R. J. (2013). *The Cold War: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
8. Gaddis, J. L. (2005). *The Cold War: A New History*. Penguin Press.
9. Friedberg, A. L. (2000). *In the Shadow of the Garrison State: America's Counter-Revolutionary Right and the Cold War*. Princeton University Press.
10. Prados, J. (2006). *The CIA's Greatest Hits*. The New Press.
11. Eisenberg, C. (2000). *The Great Depression and the Origins of the Marshall Plan*. Princeton University Press.
12. Pinder, J. (1999). *The European Union: A Political Economy Perspective*. Oxford University Press.
13. Bethell, L. (1993). *Cuba: A Short History*. Cambridge University Press.
14. Eisenhower, D. D. (1954). "Domino Theory Speech". *Public Papers of the Presidents*.
15. Fitzpatrick, S. (1999). *Everyday Stalinism*. Oxford University Press.

16. Gaddis, J. L. (2005). *The Cold War: A New History*. Penguin Press.
17. Meisner, M. (1999). *Mao's China and After: A History of the People's Republic*. Free Press.
18. Robinson, R., & Gallagher, J. (1961). *Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism*. Macmillan.
19. Vickers, A. (2005). *A History of Modern Indonesia*. Cambridge University Press.
20. Giro, R. (2012). Cuba and the United States: The economic impact of the embargo. University of North Carolina Press.
21. Prados, J. (2006). The Bay of Pigs: The leaders' story. University of North Carolina Press.
22. Weinberg, M. (2007). The assassination plots against Castro: Covert operations and Cold War conflict. Harvard University Press.
23. Zuberi, D. (2017). Capitalist imperialism: The U.S. intervention in Cuba and Latin America. Monthly Review Press.
24. Carothers, T. (1991). *Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve*. Carnegie Endowment for International Peace.
25. Kotz, D. M., & Weir, F. (2007). *Russia's Path from Gorbachev to Putin: The Demise of the Soviet System and the New Russia*. Routledge.
26. Schraeder, P. J. (1991). *The International Politics of the Third World*. Stanford University Press.
27. Weinberger, C. (1984). *The Defense of the West: Reagan's Strategy for the Future*. Washington Quarterly, 7(1), 91–108.
28. Brown, A. (2007). *The Gorbachev Factor: New Thinking in Soviet Foreign Policy*. Oxford University Press.
29. Fisher, M. (2000). *Perestroika: The Political Economy of Socialist Reform*. Cambridge University Press.
30. Fitzpatrick, S. (2008). *The Russian Revolution*. Oxford University Press.

Государственная политика России в Арктической зоне Республики Карелия: стратегические приоритеты и вызовы развития

Безбородов Михаил Иванович,

кандидат политических наук, доцент кафедры политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет
E-mail: mibezborodov@gmail.com

Сидоров Игнат Павлович,

аспирант, Петрозаводский государственный университет
E-mail: ignacy.sidorov@yandex.ru

В статье рассматривается Арктическая политика России в Арктической зоне Республики Карелия и ее влияние на стратегическое развитие региона. Оценивается уникальное геополитическое положение республики, ресурсный потенциал и значимость транспортной инфраструктуры для Арктики. В военно-стратегическом плане регион приобрел ключевое значение после расширения НАТО, что усиливает защиту транспортных коридоров. Ограничение приграничного сотрудничества стимулирует поиски новой формы международного партнерства, главным образом с государствами БРИКС. Успешная реализация стратегии позволит Карелии обеспечить баланс экономического роста, социальной устойчивости и безопасности в Арктической зоне.

Ключевые слова: Арктическая зона, Карелия, государственная политика, Арктика, государственные программы, международная безопасность, БРИКС.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) в начале XXI века стала одной из приоритетных территорий государственного стратегического планирования. Здесь сосредоточено более 20% мировых запасов нефти и газа, значительные объемы редкоземельных и цветных металлов, уникальные биологические ресурсы морей, а также ключевые транспортные артерии, связывающие Европу и Азию. В условиях обострения международной конкуренции за доступ к северным ресурсам и коммуникациям Арктика рассматривается Россией как «зона будущего» – как в экономическом, так и в геополитическом измерении [18].

Включение в состав АЗРФ отдельных территорий Республики Карелия (Беломорский, Кемский и Лоухский районы) в 2017 году придало арктической повестке республики новое содержание. Карелия, традиционно ассоциирующаяся с Балтийским направлением и приграничным сотрудничеством с Финляндией, получила институциональный статус арктического региона [1]. Это открывает перед ней возможности привлечения федеральных инвестиций, использования специальных режимов поддержки резидентов АЗРФ, включения в национальные программы развития и участия в международных проектах в рамках Баренцева/Евроарктического региона.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Республика Карелия представляет собой своеобразный «связующий мост» между Балтийским и Арктическим пространствами. С одной стороны, её побережье Белого моря – часть прибрежной арктической зоны, перспективной для развития портовой инфраструктуры, рыбопереработки и морской логистики. С другой стороны, Карелия – приграничный субъект РФ с глубокой традицией трансграничного взаимодействия, что делает её значимым актором политики добрососедства и регионального сотрудничества [6]. Дополнительный импульс формируют внутренние водные пути (Беломорско-Балтийский канал), связывающие северные маршруты с балтийскими портами.

Социально-экономические и демографические условия северных районов республики демонстрируют типичные для Арктики вызовы: низкая плотность населения, миграционный отток молодёжи и квалифицированных кадров, ограниченность локальных рынков труда, высокая стоимость строительства и содержания инфраструктуры, уязвимость экосистем Белого моря. Решение этих проблем требует системной государственной политики, интегрированной в общую «Стратегию развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности до 2035 года» [14], а также согласования федеральных и региональных инструментов планирования [8].

Цель статьи – проанализировать стратегию и приоритеты государственной политики России в Арктической зоне Республики Карелия и оценить их применимость к условиям северных районов. Для достижения цели ставятся задачи:

1. систематизировать нормативно-правовые основы арктической политики России и место Карелии в них;
2. охарактеризовать социально-экономический потенциал и инфраструктурные возможности Карельской Арктики;

3. определить приоритетные направления и проекты, реализуемые на территории северных районов республики;
4. выявить ключевые проблемы и риски, а также формулировать управленческие решения.

Объект исследования – государственная политика Российской Федерации в Арктической зоне. Предмет – стратегия и приоритеты её реализации применительно к северным районам Республики Карелия. Хронологические рамки охватывают период 2017–2025 гг., то есть с момента официального включения территорий Карелии в состав АЗРФ и до настоящего этапа актуализации стратегических документов и программ. Территориальные рамки – Беломорский, Кемский и Лоухский районы, акватория и прибрежная полоса Белого моря, а также сопряжённые транспортные коридоры.

Методологическая основа опирается на системный и институциональный подходы, методы сравнительно-правового и структурно-функционального анализа, элементы сценарного подхода (сопоставление инерционного, инфраструктурного и «зелёного» сценариев). Источниковая база включает нормативные правовые акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, федеральные законы), стратегические и программные документы, официальную статистику, материалы органов власти Республики Карелия, а также публикации отечественных и международных исследовательских центров по проблематике Арктики.

Научная новизна работы состоит в акценте на субрегиональном уровне реализации арктической политики и в операционализации приоритетов применительно к узкому пространству побережья Белого моря в границах Карелии. Практическая значимость заключается в выработке набора управленческих рекомендаций для согласования инфраструктурных, экономических и экологических решений с социальными целями (качество жизни, занятость, человеческий капитал). Теоретическая значимость – в уточнении роли «приграничной арктичности» как фактора государственного планирования.

Структурно статья включает введение, теоретико-методологические основания, анализ федеральной арктической политики, характеристику положения Республики Карелия в АЗРФ, выделение стратегических приоритетов и инструментов их реализации, раздел о проблемах и вызовах, а также заключение с ключевыми выводами и направлениями дальнейших исследований.

Теоретико-методологические основания и нормативная база

Арктика как объект политико-управленческого анализа обладает междисциплинарной природой: здесь пересекаются вопросы национальной безопасности, устойчивого экономического роста, социальной политики и охраны окружающей среды. Соответственно, для корректной постановки исследовательской задачи в отношении арктических районов Республики Карелия необходимо сочетать несколько теоретических оптик и исследовательских методов.

Во-первых, **геополитический подход** рассматривает Арктику как пространство соперничества и кооперации прибрежных государств, где контроль над морскими коммуникациями, правовой режим Северного морского пути и статус прибрежных вод задают рамки для стратегического планирования. В контексте Карелии этот подход актуализируется через наличие выхода к Белому морю и потенциал включения региональной инфраструктуры в шире арктические логистические цепочки.

Во-вторых, **социально-экономический подход** фокусируется на специфике северных рынков труда, демографической динамике (низкая плотность населения, отток молодёжи), высоких издержках строительства и эксплуатации инфраструктуры, а также на необходимости диверсификации экономики с ориентацией на «длинные» цепочки добавленной стоимости. Для карельских арктических районов это означает приоритизацию проектов, сочетающих промышленную модернизацию с развитием услуг (логистика, береговая переработка, туризм, сервисы для судоходства).

В-третьих, **институциональный подход** позволяет описать роли и взаимодействие акторов: федеральных органов власти (как носителей стратегической рамки и ресурсов), региона и муниципалитетов (как проектных заказчиков и операторов), госкорпораций и бизнеса (как инвесторов и технологических провайдеров), научного сообщества и местных сообществ (как источников экспертизы и социального мандата). Для приграничного субъекта РФ – Республики Карелия – важна ещё и координативная с форматами международного и приграничного сотрудничества [8].

В-четвёртых, **политико-географический (территориальный) подход** акцентирует внимание на пространственной организации хозяйства, связности и доступности. Здесь ключевые категории – опорный каркас (порты, каналы, магистрали, узлы связи), «тонкая» сеть расселения и узкие места (bottlenecks) логистики. В карельском кейсе это Беломорско-Балтийский канал как звено сопряжения внутренних водных путей с морскими трассами, порт Беломорск и прибрежная инфраструктура Белого моря [7].

Методологически работа опирается на **системный подход** (Арктика понимается как совокупность взаимосвязанных подсистем: нормативно-правовой, инфраструктурной, экономической, социальной, экологической и международной), **сравнительно-правовой анализ** (сопоставление федеральных и региональных документов стратегирования) и **структурно-функциональный анализ** (выявление функций и ограничений каждого института в реализации политики).

Для оценки управленческой реализуемости приоритетов используется **сценарный подход**:

- *Инерционный сценарий* исходит из поддержания текущих трендов при ограниченных инвестициях и слабой координации.
- *Инфраструктурный рывок* предполагает ускоренную модернизацию портово-логистической и коммунальной инфраструктуры, синхронизированную с федеральными инструментами финансирования.
- *«Зелёная трансформация»* добавляет к инфраструктурному сценарию обязательства по декарбонизации, внедрение наилучших доступных технологий в лесопроме и рыбопереработке, экосистемный мониторинг Белого моря и «зелёные коридоры» для судоходства.

Исходные допущения и ограничения исследования включают: (1) неизбежность бюджетных и технологических ограничений в условиях санкционной среды; (2) высокую сезонность навигации и климатические риски; (3) потребность в человеческом капитале и институциональной координации; (4) повышенную экологическую чувствительность акватории Белого моря.

Источниковая база формируется из четырёх блоков:

1. нормативные акты и стратегии (указы Президента РФ, федеральные законы, госпрограммы, региональные стратегии);

- официальная статистика и ведомственные отчёты (социально-демографические показатели, доклады о состоянии окружающей среды, отраслевые обзоры);
- академические исследования и рецензируемые публикации (политология, экономика, география, экология);
- материалы международных площадок приграничного сотрудничества (Баренцев/Евроарктический формат, программы «Карелия»), отражающие практические механизмы реализации совместных проектов.

Введённый таким образом теоретико-методологический инструментарий служит каркасом дальнейшего анализа: в следующем разделе будут рассмотрены федеральные цели, задачи и механизмы государственной политики России в Арктике, после чего – специфика включения Республики Карелия в АЗРФ и вытекающие из этого стратегические приоритеты.

Государственная политика Российской Федерации в Арктической зоне формируется как многоуровневая система стратегического планирования, в которой федеральный центр задаёт рамочные цели и приоритеты, а регионы реализуют их с учётом собственной специфики. Центральным документом является Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645, которым утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года» [14]. Стратегия определяет комплекс целей: обеспечение устойчивого социально-экономического развития арктических территорий, повышение качества жизни населения, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, сохранение экологического баланса и укрепление позиций России в Арктике на международной арене.

Нормативно-правовая основа

Фундамент правового регулирования составляют также:

- Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 «О Государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [15].
- Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года [9].
- Морская доктрина РФ (ред. 2022), определяющая арктическое направление как приоритетное для национальной морской политики [11].
- Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года, предусматривающая развитие опорных арктических зон [10].

Таким образом, правовая база представляет собой комплекс взаимосвязанных документов, в которых Арктика закрепляется как зона национальных интересов и стратегического присутствия.

Стратегические приоритеты

Политика России в Арктике опирается на пять взаимосвязанных направлений:

- Социальное развитие.** Повышение качества жизни, обеспечение доступности медицинской помощи, развитие образования и социальной инфраструктуры.
- Экономика и инвестиции.** Стимулирование добычи минеральных ресурсов, развитие перерабатывающих отраслей, поддержка малого и среднего бизнеса, создание новых рабочих мест.

- Инфраструктура и транспорт.** Модернизация Северного морского пути как национальной транспортной артерии, развитие портов и аэропортов, реконструкция Беломорско-Балтийского канала.
- Экология и устойчивое развитие.** Мониторинг состояния окружающей среды, снижение антропогенной нагрузки, внедрение «зелёных» технологий.
- Международное сотрудничество.** Участие в Баренцевом/Евроарктическом регионе, взаимодействие в рамках Арктического совета (несмотря на современные ограничения), развитие приграничного сотрудничества с Норвегией и Финляндией.

Институциональные механизмы

Реализация государственной политики обеспечивается через систему государственных органов и институтов развития:

- Минвостокразвития России и Государственная комиссия по вопросам развития Арктики координируют реализацию программ и стратегий;
- Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики управляет режимами преференций для резидентов Арктической зоны [2];
- федеральные министерства и ведомства курируют отраслевые проекты (транспорт, экология, энергетика);
- субъекты РФ реализуют региональные программы, синхронизированные с федеральными документами.

Экономические стимулы

Для привлечения инвестиций создана система налоговых и административных льгот:

- снижение налога на прибыль и НДС для резидентов АЗРФ;
- льготы по страховым взносам;
- упрощённый порядок получения земельных участков;
- поддержка проектов через механизмы ГЧП и концессий [4].

Контроль и оценка эффективности

Мониторинг выполнения стратегии осуществляется на основе показателей: рост ВРП арктических субъектов, уровень жизни населения, уровень доступности инфраструктуры, состояние экологии. Для координации используется система проектных офисов, а также цифровые панели мониторинга.

Таким образом, государственная политика России в Арктике носит комплексный характер, совмещая задачи национальной безопасности, экономического роста, социальной стабильности и международного сотрудничества. Для Республики Карелия ключевым является сопряжение федеральных приоритетов с региональной спецификой: транспортным потенциалом Белого моря, ресурсной базой северных районов и вызовами демографической динамики.

Республика Карелия в Арктической зоне: стратегические приоритеты и вызовы развития

Включение Беломорского, Кемского и Лоухского районов Республики Карелия в состав Арктической зоны Российской Федерации, оформленное Указом Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 [12], стало важным шагом в расширении арктической политики России. Этот акт

не только придал северным районам Карелии официальный арктический статус, но и обозначил их как точку сопряжения федеральных стратегий с региональными интересами. Геополитическое положение республики уникально: с одной стороны, она граничит с Европейским союзом и имеет долгий опыт трансграничного сотрудничества, с другой – её побережье Белого моря обеспечивает прямое включение в арктическое пространство и связь с Северным морским путём.

Ресурсный и транспортный потенциал

Северные территории Карелии обладают богатым ресурсным потенциалом. Лесные массивы формируют основу лесопромышленного комплекса, ориентированного на глубокую переработку и выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. Рыбные ресурсы Белого моря создают перспективы для развития прибрежного промысла, аквакультуры и береговой переработки. На отдельных участках возможна добыча минерального сырья, включая редкие металлы и строительные материалы.

Особое значение имеет транспортная инфраструктура. Порт Беломорск рассматривается как ключевой элемент федеральной программы развития Северного морского пути и внутренних водных путей [3]. Его модернизация позволит превратить Беломорск в мультимодальный логистический центр, способный принимать малотоннажные суда, обслуживать каботажные перевозки и обеспечивать перевалку грузов для северных экспедиций. Беломорско-Балтийский канал – важная связка между Балтийским морем и Белым морем. Его обновление (ремонт шлюзов, углубление фарватера, цифровизация навигации) способно расширить сезон судоходства и увеличить транзитные потоки.

Социально-демографические особенности

Население северных районов Карелии немногочисленно и расселено «тонкой сетью». Отток молодёжи и специалистов в крупные города приводит к старению населения, что снижает трудовой потенциал региона. Социальная инфраструктура (медицина, образование, жильё) остаётся ограниченной и требует модернизации. В этих условиях приоритетом становится создание условий для закрепления населения: развитие телемедицины, обновление школ и профессиональных училищ, строительство энергоэффективного жилья, программы поддержки молодых семей. Поддержка коренных малочисленных народов и сохранение их традиционных промыслов также являются частью арктической политики.

Стратегические приоритеты Карельской Арктики

В рамках реализации «Стратегии развития АЗРФ до 2035 года» для Республики Карелия можно выделить пять основных блоков приоритетов:

1. **Инфраструктурный блок.** Модернизация порта Беломорск, реконструкция Беломорско-Балтийского канала, развитие аварийно-спасательной системы и цифровизация транспортной логистики.
2. **Экономический блок.** Кластеризация лесопромышленного комплекса, формирование рыбоперерабатывающего кластера, развитие минерально-сырьевых проектов с ориентацией на добавленную стоимость, поддержка малого бизнеса (туризм, этносервис, обслуживание судоходства).
3. **Социальный блок.** Повышение доступности медицины, развитие телемедицины и мобильных ФАПов,

модернизация школ, программы закрепления молодёжи, льготная ипотека, культурные проекты.

4. **Экологический блок.** Внедрение очистных сооружений, сертификация лесопромышленных практик, мониторинг состояния Белого моря, предотвращение загрязнений от судоходства и промышленности.

Геополитический фактор: расширение НАТО

Дополнительный импульс для роста значимости Карельской Арктики придаёт изменение военно-политической обстановки. Вступление Финляндии в НАТО в 2023 г. и готовность Швеции присоединиться к альянсу радикально изменили стратегическую карту Северной Европы. Теперь вся сухопутная граница Карелии с Финляндией фактически становится границей России с НАТО, а Белое море и северные районы республики оказываются в зоне прямого соприкосновения интересов России и блока [17].

В этих условиях Арктическая зона Карелии приобретает не только экономическое, но и военно-стратегическое значение. Ключевыми задачами становятся:

- обеспечение безопасности Беломорско-Балтийского канала как транспортной и потенциально военной артерии;
- защита портов Беломорск и Кемь как логистических узлов;
- развитие систем наблюдения, мониторинга и связи в прибрежной зоне Белого моря;
- укрепление взаимодействия военной и гражданской инфраструктуры для устойчивости транспортных и энергетических сетей⁷.

Расширение НАТО также ограничивает привычные механизмы приграничного сотрудничества, ранее реализовавшиеся через программу «Карелия». Вместе с тем это стимулирует Россию к развитию новых форматов международного взаимодействия в Арктике – прежде всего с Китаем, Индией и другими странами БРИКС, которые рассматриваются как альтернативные партнёры в освоении северных маршрутов.

Проблемы и вызовы развития

Несмотря на стратегические перспективы, реализация политики сталкивается с системными вызовами:

- **Демографический спад.** Старение населения и миграционный отток создают угрозу для устойчивого развития.
- **Инвестиционные барьеры.** Санкционная среда и высокая капиталоемкость проектов ограничивают приток инвестиций. Решение возможно через преференции АЗРФ и механизмы ГЧП⁸.
- **Инфраструктурные ограничения.** Портовые мощности и Беломорско-Балтийский канал нуждаются в модернизации.
- **Экологические угрозы.** Белое море чувствительно к загрязнению; без современных систем мониторинга возрастает риск утраты биоразнообразия.
- **Институциональные трудности.** Необходимость согласования действий федеральных и региональных органов власти порождает риск дублирования полномочий.

Итог

Республика Карелия выступает как важный арктический субъект России, соединяющий Балтику и Северный морской путь. Её стратегическое значение определяется

сочетанием транспортного потенциала, ресурсной базы, опыта приграничного сотрудничества и нового военно-геополитического положения после расширения НАТО. Будущее Карельской Арктики зависит от способности преодолеть демографические и инфраструктурные барьеры, адаптироваться к изменившейся международной обстановке и сохранить баланс между экономическим ростом, социальной устойчивостью и экологической ответственностью.

Литература

1. Зонн И.С. Арктика: геополитика и безопасность / И.С. Зонн, Д.О. Рогозин. – Москва: Научный мир, 2021. – 248 с.
2. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. Отчёты о деятельности и мерах поддержки резидентов Арктической зоны Российской Федерации. – Москва, 2022–2023.
3. Министерство транспорта Российской Федерации. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры РФ до 2035 года. – Москва, 2020.
4. Минвостокразвития России. Реализация механизма преференций для инвесторов Арктической зоны РФ: аналитический доклад. – Москва, 2022.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 28.08.2025).
6. Петрова О.В. Социально-экономическое развитие северных территорий: институты и практики / О.В. Петрова. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2019. – 176 с.
7. Росморречфлот. Беломорско-Балтийский канал: состояние и перспективы. – Москва, 2021.
8. Смирнов А.И. Культурное наследие и идентичность в Арктике / А.И. Смирнов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020. – 212 с.
9. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Республики Карелия. – URL: <https://economy.gov.karelia.ru/about/3992/> (дата обращения: 28.08.2025).
10. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 28.08.2025).
11. Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 31 июля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2022. – URL: <https://rg.ru/2022/07/31/morskaia-doktrina.html> (дата обращения: 28.08.2025).
12. Об изменении Указа Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42021> (дата обращения: 28.08.2025).
13. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 27.02.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 28.08.2025).
14. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 28.08.2025).
15. О Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 28.08.2025).
16. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 28.08.2025).
17. Finnish Ministry of Defence. NATO Membership and Security of Northern Europe: Policy Paper. – Helsinki, 2023.
18. U.S. Geological Survey. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. Fact Sheet 2008–3049. – Washington, 2008.

RUSSIAN STATE POLICY IN THE ARCTIC ZONE OF THE REPUBLIC OF KARELIA: STRATEGIC PRIORITIES AND DEVELOPMENT CHALLENGES

Bezborodov M.I., Sidorov I.P.
Petrozavodsk State University

The article examines Russia's Arctic policy in the Arctic zone of the Republic of Karelia and its impact on the strategic development of the region. The unique geopolitical position of the republic, the resource potential and the importance of transport infrastructure for the Arctic are assessed. From a military-strategic point of view, the region has gained key importance after the expansion of NATO, which enhances the protection of transport corridors. The limitation of cross-border cooperation stimulates the search for a new form of international partnership, mainly with the BRICS countries. Successful implementation of the strategy will allow Karelia to ensure a balance of economic growth, social stability and security in the Arctic zone.

Keywords: Arctic zone, Karelia, state policy, Arctic, government programs, international security, BRICS.

References

1. Zonn I.S. Arctic: geopolitics and security / I.S. Zonn, D.O. Rogozin. – Moscow: Scientific World, 2021. – 248 p.
2. Corporation for the Development of the Far East and the Arctic. Reports on activities and support measures for residents of the Arctic zone of the Russian Federation. – Moscow, 2022–2023.
3. Ministry of Transport of the Russian Federation. A comprehensive plan for modernization and expansion of the backbone infrastructure of the Russian Federation until 2035. – Moscow, 2020.
4. Ministry of Regional Development of Russia. Implementation of the mechanism of preferences for investors of the Arctic zone of the Russian Federation: an analytical report. – Moscow, 2022.
5. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035 [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (date of reference: 08/28/2025).
6. Petrova O.V. Socio-economic development of the northern territories: institutes and practices / O.V. Petrova. Murmansk: MSTU Publishing House, 2019. 176 p.
7. Rosmorrechflot. The White Sea-Baltic Canal: state and prospects. – Moscow, 2021.
8. Smirnov A.I. Cultural heritage and identity in the Arctic / A.I. Smirnov. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2020. 212 p.

9. Strategy of socio-economic development of the Republic of Karelia until 2030 [Electronic resource] // Ministry of Economic Development of the Republic of Karelia. – URL: <https://economy.gov.karelia.ru/about/3992/> / (date of access: 08/28/2025).
10. Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019 No. 207-r [Electronic resource]. – URL: <http://government.ru/docs/35733/> / (date of access: 08/28/2025).
11. The Maritime Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on July 31, 2022) [Electronic resource] // Rossiyskaya gazeta. – 2022. – URL: <https://rg.ru/2022/07/31/morskaia-doktrina.html> (date of reference: 08/28/2025).
12. On the amendment of Decree of the President of the Russian Federation dated May 2, 2014 No. 296 “On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation”: Decree of the President of the Russian Federation dated June 27, 2017 No. 287 [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42021> (date of request: 08/28/2025).
13. On state support for entrepreneurial activity in the Arctic zone of the Russian Federation: Federal Law No. 193-FZ dated 07/13/2020 (as amended on 02/27/2023) [Electronic resource] // Consultant-Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ / (date of access: 08/28/2025).
14. On the Strategy for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring National Security for the period up to 2035: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.26.2020 No. 645 (as amended on 02.27.2023) [Electronic resource] // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ / (date of publication: 08/28/2025).
15. On the State Program of the Russian Federation “Socio-economic development of the Arctic Zone of the Russian Federation”: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 21, 2014 No. 366 [Electronic resource]. – URL: <http://government.ru/docs/35733/> / (date of access: 08/28/2025).
16. Strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2020 [Electronic resource]. – URL: <http://government.ru/info/18360/> / (date of access: 08/28/2025).
17. The Ministry of Defense of Finland. NATO membership and the security of Northern Europe: a strategic document. – Helsinki, 2023–18.
18. US Geological Survey. Arctic resource assessment: Assessment of undiscovered oil and gas reserves north of the Arctic Circle. Information bulletin for the years 2008–3049. – Washington, 2008.

Этнополитическое измерение неоколониализма в Африке: Мали, Чад, ЦАР и Судан

Соколовский Семён Владимирович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: sokolovskii.semen@mail.ru

Михайлова Наталья Вячеславовна,

доктор политических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: information@ranepa.ru

В статье исследуются современные формы неоколониализма в странах Сахеля и Центральной Африки, проявляющиеся через военное, экономическое и политическое влияние внешних акторов (Франции, России, Китая, США). Анализируется связь между иностранным вмешательством и эскалацией этнополитических конфликтов, а также кризисом государственности. На основе сравнительного анализа предлагаются пути преодоления неоколониальной зависимости, включая реформу финансовых систем, ограничение деятельности ЧВК и создание panaфриканских арбитражных механизмов.

Ключевые слова: неоколониализм, Сахель, ЧВК, франк КФА, этнические конфликты, ресурсный милитаризм.

Неоколониализм в Африке проявляется через сохранение экономического, военного и политического влияния бывших метрополий [1, с.45] (прежде всего Франции) и новых акторов [2, с.13; 3, р.15; 4, р.5–10] (России, Китая, США). В странах Сахеля и Центральной Африки – Мали, Чаде, ЦАР и Судане – это влияние тесно переплетается с этнополитическими конфликтами, что делает регион ареной борьбы за ресурсы и геополитическое доминирование.

Актуальность и новизна исследования обусловлены стремительной трансформацией архитектуры международных отношений в Африке в последние годы. Традиционная система влияния «Франсафрики» переживает глубокий кризис, что наглядно демонстрирует изгнание французских войск из Мали, Буркина-Фасо и Нигера. На смену приходят новые акторы – Россия, активно использующая инструменты «частного» военного вмешательства (ЧВК «Вагнер», а затем «Африканский корпус») [3, р.15–20], Китай, наращивающий экономическое присутствие в рамках феномена «новой борьбы за Африку» (new scramble for Africa) [4, р.112–130], а также региональные державы (Турция, ОАЭ). Эта динамичная конкуренция за ресурсы и влияние создает новую, более сложную и гибридную конфигурацию неоколониализма, требующую осмысления.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока. Классические работы по неоколониализму, такие как труд Кваме Нкрумы [1], заложили теоретический фундамент. Современные аспекты влияния новых акторов подробно исследуются зарубежными (I. Taylor [2], P. Carmody [4], A. De Waal [7]) и российскими авторами (Т.Л. Дейч [5], А.В. Коротаев [12]). Военное измерение и роль Франции в Сахеле детально проанализированы в работах R. Marchal [6] и R.R. Laremont [8]. Экономические механизмы зависимости, в частности система франка КФА, освещены в трудах P. Englebert и K.C. Dunn [9]. Роль России, как нового актора, комплексно исследуется в работе R. Connolly [3].

Однако, несмотря на обширную литературу, остаются недостаточно изученными ключевые аспекты:

- Синергетический эффект от конкуренции нескольких внешних держав в одном регионе и то, как эта конкуренция переформатирует традиционные модели неоколониального контроля [3, р.25; 4, р.150–170].
- Прямая причинно-следственная связь между гибридным военно-экономическим вмешательством новых акторов (таких как российские ЧВК) и эскалацией именно этнополитических, а не просто религиозных или социальных конфликтов [3, р.18].
- Сравнительный анализ успешных стратегий деколонизации (как в Ботсване [13] или Намибии [14]) применительно к реалиям кризисных государств Сахеля.

Настоящая статья призвана восполнить эти пробелы. В ней доказывается, что конкуренция внешних акторов в Мали, Чаде, ЦАР и Судане не приводит к деколонизации, а принимает форму «неоколониализма множественного выбора» [4, р.180], что усугубляет этнические расколы и кризис государственности.

Эмпирическую базу исследования составили данные международных организаций (SIPRI, EITI, МВФ), от-

четы экспертных групп ООН [9], а также текущие публикации в авторитетных зарубежных и российских академических журналах.

Центральный тезис данного исследования заключается в том, что современный неокOLONиализм в Мали, Чаде, ЦАР и Судане воспроизводится через три взаимосвязанных механизма: военное вмешательство под гуманитарными предлогами, экономическую эксплуатацию через финансовые системы и корпоративный контроль, а также политическое манипулирование элитами. Конкуренция между традиционными и новыми акторами не отменяет эту систему, а лишь переводит ее в более сложную и гибридную фазу, которая, парадоксальным образом, консервирует и углубляет внутренние этнические расколы, препятствуя становлению подлинного суверенитета.

Основные проявления неокOLONиализма

Военное присутствие и вмешательство: механизмы неокOLONиального контроля в Сахеле и Центральной Африке

Военное присутствие внешних акторов в Мали, Чаде, ЦАР и Судане остается ключевым инструментом неокOLONиального влияния, маскируемым под «борьбу с терроризмом» или «миротворчество».

Франция, исторически доминирующая в регионе, после формальной деколонизации сохранила систему военных баз (например, в Нджамене и до 2022 года – в Мали), развернув операции «Бархан» и «Такуба» под предлогом противодействия джихадистским группировкам. Однако, как отмечают Laremont (2021) [4, р. 568] и Marchal (2021) [5, р. 102], эти миссии одновременно защищали интересы французских корпораций (таких как Orano, добывающая уран в Мали, или Total, контролирующая нефтяные месторождения в Чаде), а также поддерживали лояльные режимы, подавляя оппозицию. Кризис в Мали (2020–2022 гг.), где военные при поддержке населения изгнали французские войска, показал, что антитеррористическая риторика перестала работать – местные элиты и общество воспринимают Париж как оккупанта, а не союзника.

На смену Франции приходят новые акторы: Россия, использующая ЧВК «Вагнер» (а теперь и «Африканский корпус») для сотрудничества с ЦАР и Мали. Эти группы, формально «частные», действуют, как полагают западные политологи, в интересах Кремля, обеспечивая доступ к ресурсам (золото, алмазы) и политическое влияние через поддержку хунт. Connolly (2022) [3, р. 15–20] определяет это как «гибридный инструмент проецирования влияния».

В ЦАР, например, «Вагнер» не только тренирует армию, но и контролирует ключевые рудники, вывозя доходы мимо официального бюджета [6, р. 97–99].

В Судане, где после падения Омара аль-Башира (2019 г.) началась война между генералами Бурханом и Дагалом, внешние игроки – ОАЭ, Египет, Россия и Саудовская Аравия – вооружают противоборствующие стороны и, по мнению западных экспертов, превращая страну в «политический рынок насилия» [7, р. 10–12].

При этом США и ЕС, формально осуждая неокOLONиальные практики, сами участвуют в милитаризации региона через программы типа AFRICOM или миссии EUCAP Sahel, что лишь усиливает зависимость местных правительств.

Итог – «бесконечные войны» в Сахеле, где джихадистские группы (как JNIM в Мали) растут именно на фоне иностранного вмешательства, а гражданское население

становится заложником противостояния глобальных держав. Этот порочный круг подтверждает тезис Carmody (2016) [2, р. 150–170] о том, что современный неокOLONиализм – это не прямое управление, а контроль через управляемый хаос и конкуренцию акторов (табл. 1).

Таблица 1. Военное присутствие и контроль над ресурсами (с данными на середину 2024 года)

Страна	Иностран- ные воен- ные	Числен- ность (2024)	Контролируемые ресурсы (актуальные данные)	Основные операто- ры
Мали	Россия («Афри- канский корпус»)	~1,000	Золото (11–13 т/ год), Уран (про- ект приостановлен)	«Афри- канский корпус», Nordgold (вывод завершен в 2024)
Чад	Фран- ция (Op. Barkhane)	~500	Нефть (110,000– 115,000 барр/день)	TotalEne- gies, CNPC (Китай)
ЦАР	Россия (ЧВК), Ру- анда	~1,500	Алмазы (\$250– 280 млн/год), Золото (оценки разнят- ся)	Lobaye Invest, Midas Re- sources
Судан	ОАЭ, Рос- сия, Египет	н/д (ак- тивная фаза войны)	Золото (20–25 т/ год, неофиц. оценки)	Al Gunade (ОАЭ), Мероз Голд (РФ)

Источники: Данные EITI (2023), SIPRI (2023), оперативные отчеты ACLED и международных СМИ (Reuters, Jeune Afrique) за первый квартал 2024 года.

Экономическая эксплуатация: неокOLONиальные механизмы ресурсного контроля и финансовой зависимости

Экономическая эксплуатация стран Африки в условиях неокOLONиализма принимает более изощренные формы по сравнению с классической колониальной эрой, но сохраняет свою суть – систематическое извлечение прибыли метрополиями и транснациональными корпорациями при минимальной отдаче для местных экономик. В Мали, Чаде, ЦАР и Судане эта эксплуатация реализуется через несколько ключевых механизмов.

Во-первых, это **контроль над стратегическими ресурсами**: французские компании (Orano) десятилетиями монополизировали добычу урана в Мали и Нигере, выплачивая мизерные роялти (менее 5% от рыночной стоимости) [6, р. 95], в то время как значительная часть электроэнергии во Франции исторически вырабатывалась на африканском уране. В Чаде нефтяные месторождения, разрабатываемые консорциумом ExxonMobil и китайской CNPC, приносят до 80% бюджетных доходов, но по условиям соглашений основная часть прибыли оседает в офшорах, а экологические последствия (загрязнение воды в районе Добы) остаются проблемой местных общин [10, р. 45–50]. В ЦАР и Судане добыча золота и алмазов, формально находящаяся в руках государств, фактически контролируется сетью иностранных компаний и ЧВК, которые создают параллельные финансовые потоки, минуя официальную экономику [6, р. 98] (табл. 2).

Таблица 2. Доля иностранных компаний в добывающем секторе (2023 г.)

Страна	Сектор	Основные операторы	Доля рынка	Годовой объем
Мали	Золото-добыча	Barrick Gold (Канада), Nordgold (РФ)	78%	65 тонн
	Уран	Orano (Франция)	95%	2,800 т U308
Чад	Нефть	ExxonMobil (США), CNPC (Китай)	100%	5.2 млн тонн
ЦАР	Алмазы	Lobaye Invest (РФ-подконтрольные)	68% *	\$250 млн
Судан	Золото	Meroe Gold (ОАЭ), «Вагнер» (РФ)	85%	36 тонн

Источник: EITI Reports, IMF Country Assessments

*Примечания: *В ЦАР 32% добычи – нелегальные артели. Данные по Судану включают контрабанду через ОАЭ*

Во-вторых, инструментом неокOLONиальной зависимости остается **финансовая система**. Как подробно анализирует Englebert (2020) [8, р. 112–125], четырнадцать африканских стран, включая Чад, обязаны хранить 50% своих валютных резервов во французском казначействе, а их денежная эмиссия контролируется Парижем. Эта система, созданная в 1945 году, критикуется как «экономическое рабство», поскольку ограничивает суверенитет стран в проведении независимой денежной политики. Попытки отказаться от этой системы, как это сделала Гвинея в 1960 году или планирует сделать Мали, сталкиваются с жестким противодействием – от экономического давления до поддержки оппозиционных сил.

В-третьих, **торговые соглашения** между ЕС и странами Африки (например, Economic Partnership Agreements) закрепляют асимметричные отношения: африканские государства вынуждены открывать рынки для европейских товаров, уничтожая местное производство, но при этом сталкиваются с квотами на экспорт сельхозпродукции. Например, хлопок из Чада и Мали, составляющий основу их экспорта, продается по заниженным ценам французским текстильным компаниям, а попытки переработки на месте блокируются отсутствием инвестиций в промышленность [2, р. 85–90].

В Судане, после санкций 1990-х годов, экономика оказалась зависимой от добычи золота, которое тайно вывозится в ОАЭ и затем реэкспортируется в Европу – по данным UN Panel of Experts (2023) [9, р. 22–25], до 80% суданского золота идет через эту схему, лишая страну миллиардов долларов.

Таким образом, экономический неокOLONиализм сегодня – это не просто выкачивание ресурсов, а сложная система финансового, торгового и корпоративного контроля, которая воспроизводит зависимость даже в условиях формальной независимости. Разрыв этой системы требует не только политической воли африканских правительств, но и глобального пересмотра экономических отношений.

Политическое манипулирование: неокOLONиальные механизмы управления элитами и институтами

Политическое манипулирование в постколониальной Африке представляет собой сложную систему управления,

где бывшие метрополии и новые геополитические игроки сохраняют контроль над национальными политическими процессами.

Во-первых, **поддержка авторитарных режимов**, которые гарантируют сохранение экономических интересов внешних акторов: Франция десятилетиями поддерживала клан Деби в Чаде [4, р. 575–578], обеспечивая военную помощь в обмен на доступ к нефтяным месторождениям и лояльность в международных организациях. Аналогичная ситуация наблюдалась в Мали до переворотов 2020–2022 годов, где французская администрация предпочитала работать с коррумпированными гражданскими правительствами, закрывая глаза на их неэффективность, пока это не привело к взрыву народного недовольства и приходу военных, ориентированных на Россию [15, р. 10–12].

Во-вторых, **институциональное манипулирование** через международные организации и финансовые институты: МВФ и Всемирный банк, находящиеся под влиянием западных стран, навязывают странам Сахеля программы структурной адаптации, которые требуют сокращения социальных расходов и приватизации ключевых отраслей. Например, в Судане после революции 2019 года переходное правительство было вынуждено принять условия МВФ, включая отмену субсидий на топливо, что привело к росту цен и социальному взрыву [11, р. 15–18].

В-третьих, **информационная война и контроль над медиа**: бывшие метрополии сохраняют влияние через франкоязычные СМИ (RFI, France 24), которые формируют нарративы о «несостоятельности» африканских государств. В Мали, например, французские медиа активно демонизировали правительство после разрыва отношений с Францией, представляя сотрудничество с Россией как «новую колонизацию» [4, р. 568].

Таким образом, политическое манипулирование в неокOLONиальном контексте – это комплексная система управления, включающая контроль над элитами, финансовыми потоками и информационным пространством.

Этнополитические последствия

Усиление межэтнических конфликтов: как неокOLONиальные практики разжигают этническую рознь

Этнополитические конфликты в Мали, Чаде, ЦАР и Судане, имеющие глубокие исторические корни, в современную эпоху приобретают новое измерение под влиянием неокOLONиального вмешательства, превращаясь в перманентные кризисы, выгодные внешним акторам.

В **ЦАР** искусственное противопоставление христианских и мусульманских общин (через группировки «Антибалака» и «Селека»), инициированное еще во время французской колонизации, было доведено до открытого конфликта после свержения Франсуа Бозизе в 2013 году, когда Париж под предлогом миротворческой операции «Сангарис» фактически поддержал христианские милиции, спровоцировав ответное насилие со стороны мусульман [12, р. 47–48].

В **Судане** британская колониальная политика «разделяй и властвуй», намеренно противопоставлявшая арабский север чернокожему югу и западу (Дарфур), переросла в 21 веке в сложную систему этнических чисток, где арабские военизированные группировки «Джанджавид», связанные с режимом аль-Башира, получали поддержку от ОАЭ и России в обмен на доступ к золотым приискам, в то время как повстанческие движения на юге и западе финансировались через НКО западных стран [7, р. 10–12].

В **Мали** французская военная операция «Сервал» (2013 г.), направленная против туарегских и исламистских группировок на севере, не только не решила проблему, но и усугубила межэтническую напряженность: после ухода Франции в 2022 году бывшие союзники Парижа – догонские ополчения – начали этнические чистки против фульбе, обвиняемых в связях с джихадистами, что привело к тысячам жертв [4, р. 570–572].

В **Чаде** клан Деби, принадлежащий к этнической группе нага, десятилетиями удерживал власть, опираясь на французскую военную помощь и подавляя восстания других этносов (таких как теда и хадараи), что после смерти Идриса Деби в 2021 году вылилось в новый виток насилия, где уже сама Франция, потеряв контроль над хунтой, начала тайно поддерживать повстанческие группы [5, р. 105–107].

Ключевая проблема заключается в том, что внешние игроки не заинтересованы в подлинном урегулировании этих конфликтов: для Франции, России, США и Китая этническая раздробленность создает возможность точечного влияния через «свои» группы, будь то поставки оружия, контроль над ресурсами или создание марионеточных правительств.

Например, в ЦАР российские ЧВК, согласно западным экспертам, формально защищающие правительство, одновременно вооружают обе стороны конфликта, превращая страну в полигон для отработки гибридных войн [3, р. 18–20]. В Судане конкуренция между ОАЭ, Египтом и Россией за влияние привела к тому, что даже после падения Башира война между армией и «Силами быстрой поддержки» (СБП) продолжается, поскольку каждая из сторон конфликта получает оружие и финансирование от разных внешних партнеров [9, р. 30–32].

Таким образом, неокOLONиализм не просто эксплуатирует существующие этнические противоречия – он активно консервирует их, превращая в инструмент управления, где насилие становится перманентным состоянием, а любые попытки национального примирения блокируются интересами внешних сил. Разрыв этого порочного круга требует не только отказа от вмешательства извне, но и построения инклюзивных политических систем, где этническая идентичность не будет использоваться как инструмент раскола (табл. 3).

Таблица 3. Динамика военных расходов стран Сахеля (2010–2023 гг.), млн USD

Год	Мали	Чад	ЦАР	Судан	Примечания
2010	157	214	62	375	Начало операции «Сервал»
2015	328	341	89	1,240	Пик конфликта в ЦАР
2020	415	402	112	934	Переворот в Мали
2023	580*	275	156*	2,100*	*С учетом ЧВК

Источник: SIPRI Military Expenditure Database, 2024 (адаптировано)

Примечание: Данные по Судану включают расходы всех воюющих сторон

Кризис государственности: как неокOLONиальные практики подрывают суверенитет и институты власти

Кризис государственности в Мали, Чаде, ЦАР и Судане представляет собой системный коллапс политических институтов, усугубляемый неокOLONиальными практиками, которые сознательно ослабляют способность этих стран к самостоятельному управлению.

Во-первых, **намеренное разрушение административного аппарата**: бывшие метрополии, особенно Франция, на протяжении десятилетий поддерживали систему, при которой ключевые решения в «франкофонной» Африке принимались в Елисейском дворце, а не в национальных столицах. В Мали, например, французские советники исторически контролировали министерства обороны и финансов, создавая параллельные структуры власти, что привело к деградации местного управленческого потенциала [4, р. 572]. Когда в 2022 году малийское руководство разорвало отношения с Францией, страна столкнулась с острой нехваткой квалифицированных кадров, способных самостоятельно управлять государством.

Во-вторых, **подрыв монополии на насилие**: внешние игроки систематически создают альтернативные силовые структуры, ослабляя легитимные государственные институты. В ЦАР после кризиса 2013 года французская операция «Сангарис» и последующая миссия ООН (MINUSCA) фактически заменили национальную армию, а российские ЧВК «Вагнер» создали параллельную военную иерархию, подчиненную внешним интересам [3, р. 15–17]. В Судане процесс демонтажа государственности достиг апогея после отделения Юга в 2011 году: международные игроки начали напрямую финансировать различные вооруженные группировки, превратив страну в конгломерат полуавтономных территорий [7, р. 12–14].

В-третьих, **экономическая дезинтеграция**: неокOLONиальные практики сознательно поддерживают модель «экстрактивного государства», где все ресурсы направлены на обслуживание интересов внешних акторов. В Чаде, например, доходы от нефти (до 80% бюджета) аккумулируются в специальном фонде, контролируемом Всемирным банком, что лишает правительство возможности самостоятельно распоряжаться финансами [8, р. 120–122]. В Мали и ЦАР добыча золота и алмазов практически выведена из-под государственного контроля, создавая «теневые» экономические потоки [6, р. 97–99].

Особенно показателен **кризис легитимности**: во всех четырех странах население воспринимает государство не как защитника общих интересов, а как инструмент внешнего управления. В Мали массовая поддержка хунты после изгнания французских войск показала, что даже военный режим воспринимается как более легитимный, чем марионеточные «демократические» правительства [15, р. 10–12]. В Судане революция 2019 года, свергшая Башира, быстро выродилась в борьбу между генералами, каждый из которых представляет интересы разных внешних сил [11, р. 15–18]. Этот многослойный кризис является прямым следствием неокOLONиальной логики, при которой слабое, но не полностью разрушенное государство более выгодно внешним игрокам, чем стабильный суверенитет.

Практические решения: стратегии деколонизации и устойчивого суверенитета

Преодоление неокOLONиальной зависимости требует структурной трансформации экономических, политических и правовых систем африканских государств.

1. **Институциональные реформы** должны быть направлены на восстановление суверенитета над ключевыми секторами управления. Создание панафриканских арбитражных судов позволит пересматривать кабальные горнорудные контракты. Реформа франка КФА через ECOWAS уже начата в виде введения «эко» – новой региональной валюты, однако для реальной независимости необходим отказ от хранения резервов во Франции [8, р. 130–135].

2. **Экономические механизмы** должны разорвать порочный круг сырьевой зависимости. Введение 25% налога на сырьевой экспорт позволит аккумулировать средства для фондов развития. Более радикальной мерой может стать частичная национализация стратегических месторождений с выплатой компенсаций инвесторам [2, р. 85–90].

3. **Политические стратегии** призваны ограничить влияние внешних акторов. Введение мандатных ограничений для ЧВК и запрет их участия в добыче ресурсов сократит гибридное вмешательство [3, р. 25–28]. Квотирование местных кадров (40% в руководстве ТНК + обязательные программы передачи технологий) поменяет структуру занятости [10, р. 50–55].

Успешные прецеденты уже существуют в Африке. Опыт Ботсваны является наиболее показательным: сохранив за государством 50% акций в алмазодобывающей компании Debswana, страна обеспечила один из самых высоких в Африке темпов экономического роста [13, р. 89]. Ключом к успеху стало создание прозрачных институтов и грамотное управление рентой [13, р. 92–95].

Аналогичным образом, Намибия, национализировав 51% урановых проектов через государственную компанию Epico, перевела отношения с инвесторами в новое, более равноправное русло. Доходы от ресурсов были направлены в созданный фонд будущих поколений [14, р. 70–72].

Однако ключевое условие – **политическая воля элит**. Как показывает пример Гвинеи, где после переворота 2021 г. были пересмотрены все контракты с Rio Tinto, реальная деколонизация возможна только при разрыве с компрадорской системой.

Неоколониализм в эпоху геополитического передела Африки

Проведенный анализ позволяет сделать несколько принципиальных выводов о природе современного неоколониализма в Африке:

Во-первых, неоколониализм эволюционировал от классических форм прямого администрирования к гибридным методам контроля, включающим военное присутствие под предлогом «борьбы с терроризмом», экономическое удушение через механизмы фланка КФА и политическое манипулирование с опорой на ЧВК.

Во-вторых, этнополитические конфликты, искусственно законсервированные в колониальную эпоху, сегодня стали инструментом внешнего управления. В ЦАР и Судане они переросли в «вечные войны», где противоборствующие группировки выполняют роль прокси-акторов для глобальных держав.

В-третьих, наблюдаемый в последние годы «поворот» стран Сахеля от Франции к России не является разрывом с неоколониальной моделью, а лишь демонстрирует смену метрополии. Западные эксперты считают, что Россия, как и Франция, выстраивает отношения по принципу «ресурсы в обмен на безопасность».

Перспективы преодоления этой системы пока остаются туманными. С одной стороны, рост антизападных настроений в Африке создает пространство для маневра. С другой – отсутствие единой panaфриканской стратегии и продолжающаяся геополитическая конкуренция великих держав делают континент заложником «нового раздела».

Перспективы: между деколонизацией и новой зависимостью

Современные тенденции указывают на неизбежную трансформацию неоколониальной системы, однако характер этой трансформации остается противоречивым.

С одной стороны, растущее разочарование в западной модели создает почву для поиска альтернативных союзников – Россия и Китай активно заполняют этот вакуум, предлагая себя как «антиколониальные» силы.

С другой стороны, локальные попытки деколонизации пока носят хаотичный характер и сталкиваются с системным сопротивлением. Франция, теряя военное влияние, компенсирует это экономическим давлением.

Для Российской Федерации в одиночку решать проблему колониализма в Африке сложно. Необходимо вовлечение в этот процесс международных объединений, в которых Россия принимает активное участие, таких как БРИКС, где растет африканская составляющая. Тогда возможно будет найти совместное решение этой задачи.

В долгосрочной перспективе ключевым вопросом станет способность африканских элит превратить «антизападный поворот» в подлинную деколонизацию, а не просто смену внешнего покровителя. Пока же Сахель и Центральная Африка рискуют оказаться в «ловушке суверенитета»: формальный отказ от неоколониализма на словах при сохранении зависимости от новых гегемонов на деле.

Литература

1. Nkrumah, K. Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism / K. Nkrumah. – London: Panaf, 1965. – 200 p.
2. Carmody, P. The New Scramble for Africa / P. Carmody. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 240 p.
3. Connolly, R. Russia's Role in Africa: A New Neo-Colonialism? / R. Connolly. – London: Chatham House, 2022. – 35 p.
4. Laremont, R.R. Françafrique and Regime Change / R.R. Laremont // African Studies Review. – 2021. – Vol. 64, no. 3. – P. 567–585.
5. Marchal, R. France's Military Role in the Sahel / R. Marchal // Survival. – 2021. – Vol. 63, no. 2. – P. 99–118.
6. Дейч, Т.Л. Неоколониализм в Африке / Т.Л. Дейч // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 8. – С. 94–102.
7. De Waal, A. Sudan: A Political Marketplace / A. De Waal // African Affairs. – 2019. – Vol. 118, no. 470. – P. 1–22.
8. Englebert, P. Africa: Unity, Sovereignty, and Sorrow / P. Englebert. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2020. – 300 p.
9. UN Panel of Experts on Sudan Final Report: [докл.] / UN Panel of Experts. – UN Doc S/2023/222. – 2023. – 45 p.
10. Debo, M. Living by the Gun in Chad: Combatants, Impunity, and State Formation / M. Debo. – London: Zed Books, 2016. – 200 p.
11. IMF Country Report No. 21/123. Sudan: [отчет] / International Monetary Fund. – 2021. – 85 p.
12. Коротаев, А.В. Этнополитические конфликты в ЦАР / А.В. Коротаев // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 5. – С. 45–53.
13. Good, K. Diamonds and Development in Botswana / K. Good // African Affairs. – 2018. – Vol. 117, no. 466. – P. 84–104.
14. Melber, H. Uranium Politics in Namibia / H. Melber // Journal of Southern African Studies. – 2020. – Vol. 46, no. 1. – P. 65–82.
15. Africa Center for Strategic Studies. Russia's Strategic Goals in Africa: Disinformation, Security, and Economic Influence. – 2023. – URL: <https://africacenter.org/wp-content/uploads/2023/02/Russias-Strategic-Goals-in-Africa.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

ETHNO-POLITICAL DIMENSION OF NEOCOLONIALISM IN AFRICA: MALI, CHAD, CAR, AND SUDAN

Sokolovsky S.V., Mikhaylova N.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines contemporary forms of neocolonialism in the Sahel and Central Africa, manifested through military, economic, and political influence of external actors (France, Russia, China, the USA). The study explores the connection between foreign interference and the escalation of ethno-political conflicts, as well as the crisis of statehood. Based on comparative analysis, the paper proposes strategies to overcome neocolonial dependency, including reforms of financial systems, restrictions on private military companies (PMCs), and the establishment of Pan-African arbitration mechanisms.

Keywords: neocolonialism, Sahel, PMCs, CFA franc, ethnic conflicts, resource militarism.

References

1. Nkrumah, K. *Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism* / K. Nkrumah. – London: Panaf, 1965. – 200 p.
2. Carmody, P. *The New Scramble for Africa* / P. Carmody. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 240 p.
3. Connolly, R. *Russia's Role in Africa: A New Neo-Colonialism?* / R. Connolly. – London: Chatham House, 2022. – 35 p.
4. Laremont, R.R. *Françafrique and Regime Change* / R.R. Laremont // *African Studies Review*. – 2021. – Vol. 64, no. 3. – P. 567–585.
5. Marchal, R. *France's Military Role in the Sahel* / R. Marchal // *Survival*. – 2021. – Vol. 63, no. 2. – P. 99–118.
6. Deutsch, T.L. *Neocolonialism in Africa* / T.L. Deutsch // *World Economy and International Relations*. – 2020. – Vol. 64, No. 8. – P. 94–102.
7. De Waal, A. *Sudan: A Political Marketplace* / A. De Waal // *African Affairs*. – 2019. – Vol. 118, no. 470. – P. 1–22.
8. Englebert, P. *Africa: Unity, Sovereignty, and Sorrow* / P. Englebert. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2020. – 300 p.
9. UN Panel of Experts on Sudan Final Report: [report] / UN Panel of Experts. – UN Doc S/2023/222. – 2023. – 45 p.
10. Debos, M. *Living by the Gun in Chad: Combatants, Impunity, and State Formation* / M. Debos. – London: Zed Books, 2016. – 200 p.
11. IMF Country Report No. 21/123. *Sudan: [report]* / International Monetary Fund. – 2021. – 85 p.
12. Korotayev, A.V. *Ethnopolitical conflicts in the Central African Republic* / A.V. Korotayev // *Asia and Africa Today*. – 2019. – No. 5. – P. 45–53.
13. Good, K. *Diamonds and Development in Botswana* / K. Good // *African Affairs*. – 2018. – Vol. 117, no. 466. – P. 84–104.
14. Melber, H. *Uranium Politics in Namibia* / H. Melber // *Journal of Southern African Studies*. – 2020. – Vol. 46, no. 1. – P. 65–82.
15. Africa Center for Strategic Studies. *Russia's Strategic Goals in Africa: Disinformation, Security, and Economic Influence*. – 2023. – URL: <https://africacenter.org/wp-content/uploads/2023/02/Russias-Strategic-Goals-in-Africa.pdf> (access date: 06/01/2024).

Шедь Ярослав Романович,
аспирант, РАНХиГС
E-mail: shedj@icloud.com

Статья рассматривает особенности реализации гуманитарной политики России на постсоветском пространстве. Представлены исторические предпосылки необходимости использования культурно-гуманитарного взаимодействия на постсоветском пространстве в качестве эффективного инструмента внешней политики, современная характеристика данного процесса и возможные ограничения с учетом геополитической и экономической ситуации.

Ключевые слова: Россия, Российская Федерация, гуманитарная политика, «мягкая сила», постсоветское пространство, СНГ, гуманитарное сотрудничество, ограничения.

Введение

На современном этапе эффективность реализации гуманитарной политики трудно оценить, поскольку она выражается в первую очередь нематериальными факторами. К таковым которым можно отнести, к примеру, уровень заинтересованности в культуре, политическую лояльность, общие ценности и идеологию. Необходимым представляется проанализировать уровень реализации гуманитарной политики на постсоветском пространстве со стороны России, учитывая критическую важность данного региона для обеспечения национальных интересов РФ за рубежом, а также возрастающую роль культурного и гуманитарного сотрудничества в современных международных отношениях.

С распадом СССР Российская Федерация стала лидирующей державой в СНГ, «унаследовав» военный и экономический потенциал, однако ее культурная и идеологическая привлекательность существенно снизилась. По этой причине России необходимо имплементировать в свою внешнюю политику концептуальные принципы не только классического взаимодействия с другими государствами, но и «мягкой силы», уделяя повышенное внимание реализации гуманитарной политики в зоне своих интересов. Однако использование возможностей данного инструмента не всегда осуществлялось с учетом особенностей его воздействия.

До сих пор, спустя более чем 30 лет, несмотря на многочисленные изменения в политических трендах и даже самой системе международных отношений (обозначенных Президентом РФ Владимиром Путиным «Тектоническими процессами глобальной трансформации»), данная деятельность со стороны России воспринимается как попытка манипуляции общественным мнением в целевых странах, а не проецирование позитивного образа РФ за рубежом или привлечение потенциальных союзников. Внутри страны также не сложилось однозначного отношения и четкой структуры реализации этой концепции. Так, к примеру, для гуманитарной политики России за рубежом не сформированы даже базовые критерии эффективности.

Основная часть

После распада СССР гуманитарная политика РФ сводилась к минимуму по ряду экономических и политических причин. Активность в области имплементации и использования самой этой концепции Россией имела невысокий показатель. Постсоветские республики не получали привлекательного видения интеграции без построения моделей сильной зависимости. Так, например, предложению со стороны РФ по построению тесного политического, военного и экономического сотрудничества рассматривались рядом лидеров стран СНГ как рискованные для их суверенитета и долгосрочного развития¹.

Необходимо признать, что Россия имеет огромный потенциал для реализации своего влияния на постсовет-

¹ Сутырин В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-tysyachi-nitey-myagkaya-sila-rossii-na-postsovetstvo/> (дата обращения: 25.12.2024).

ском пространстве. Он основывается на доступе к рынку труда, языковой близости, сходной или даже общей культуре и истории. Однако, в современной геополитической ситуации повышение роста привлекательности РФ среди своих ближайших соседей представляется все более сложным процессом.

Многие постсоветские государства имеют безвизовый или облегченный режим пересечения границы с Россией, что увеличивает доступность российского рынка труда для граждан бывшего СССР. Так, официально на конец 2024 года, на территории России находится примерно 6,5 миллионов мигрантов, большинство из которых – из стран Ближнего Зарубежья¹. При этом с полным основанием можно говорить, что в целом трудовую деятельность в РФ осуществляет примерно в четыре раза больше человек из стран СНГ. Если же рассматривать географию легальных трудовых мигрантов, то большинство из них прибывают из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Армении и Казахстана. В основном трудовые мигранты приезжают из Средней Азии². Россия для постсоветских республик выступает как одно из наиболее привлекательных мест работы.

Еще одной важной причиной, делающей РФ привлекательной для жителей постсоветских республик, выступает широкое знание русского языка. Даже при том, что количество школ, которые продолжают включать русский язык в программу обучения на постсоветском пространстве, снижается, во многих государствах понимают, что русский язык важен для качества образования молодого поколения.

Огромное значение для формирования уровня привлекательности России для бывших республик Советского Союза имеют связи на уровне культуры, исторического развития и религии. С этой точки зрения необходимо правильно оценивать роль Русской Православной Церкви, которая имеет особое влияние на территории таких стран, как Белоруссия или Молдова.

Более того, и светская русская культура широко распространена по всему миру, особенно на территории постсоветских государств. Сотни миллионов людей знакомы с классической и современной российской музыкой, читают богатейшую литературу. Нельзя не упомянуть фильмы и телепрограммы на русском языке, которые транслируются в ряде бывших республик Советского Союза.

Однако несмотря на это, современный российский вариант культурно-гуманитарного сотрудничества построен на использовании общих ценностей и мотивов построения многополярного мира, а не привлекательном образе России как политически стабильной и экономически успешной процветающей державы³.

Центральными нарративами выступают традиционные семейные ценности, Победа во Второй Мировой Войне, а также ностальгия по советскому прошлому⁴.

Собственная концепция гуманитарной политики, направленная на реализацию и пропаганду этих неоспо-

римых преимуществ России в качестве ведущей державы в СНГ, аналогичная «стратегической коммуникации» в США, начала формироваться в 2000-е годы. В политическом плане они характеризовались отдалением стран постсоветского пространства от Российской Федерации. Показателем этого стали «цветные революции», произошедшие в 2003 году в Грузии и в 2004 году на Украине. Европейский Союз в этот период активно расширялся на восток: в состав образования вошли восемь государств Центральной и Восточной Европы, включая три бывшие советские республики Литву, Латвию и Эстонию.

Данные процессы для российской элиты были рассмотрены как угроза интересов России в постсоветских республиках. Обществом и западными экспертами ситуация воспринималась как провал внешней политики РФ, поскольку с момента получения Западом влияния на постсоветском пространстве, на общественное мнение в бывших республиках СССР стали оказывать масштабное влияние антироссийски настроенные организации. Нашей стране требовалось найти уравновешивающий ответ этим угрозам⁵.

Инструментарий культурного-гуманитарного воздействия со стороны России активно формировался как идеологический ответ на попытки западных стран получить свой электорат. Тем не менее, если западные государства открыто руководствовались концепцией «мягкой силы» Джозефа Ная, российские политические акторы оставались привержены терминам «гуманитарная политика» и «гуманитарное сотрудничество», что позже было отражено в ряде официальных документов.

РФ стала продвигать собственное видение мировой политики, посредством критики западных либерально-демократических стран и их приверженности к идеологическому империализму в реализации демократических ценностей по всему миру. Большое значение для данного процесса имели такие методы как стимулирование интереса к Победе Советского Союза в ВОВ, апелляция к традиционным ценностям, продвижение принципа многополярности в международных отношениях.

Для воздействия стали использоваться неправительственные организации (НПО) и различные СМИ (Sputnik, РИА, ВГТРК, RT). В 2007 году в России принимается решение о создании Фонда «Русский мир», пропагандирующего концепцию единства русскоговорящих по всему миру, выходящей за рамки не только географии, но и этники, с фокусом на культурных и языковых связях.

В 2008 г. Указом президента Дмитрия Медведева было создано подведомственное МИД федеральное агентство «Россотрудничество», которое стало «федеральным органом исполнительной власти по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере обеспечения и развития международных отношений Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, другими государствами, а также в сфере международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию»⁶. Совместно с Министер-

¹ В МВД назвали число мигрантов, прибывших в Россию за 2024 год [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20250619/mvd-2024043048.html> (дата обращения 25.12.2024)

² Одинцов Е. Аналитики рассказали, откуда чаще всего приезжают трудовые мигранты в РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/16/23930347.shtml> (дата обращения 25.12.2024)

³ Ageeva V. The Rise and Fall of Russia's Soft Power. Results of the Past Twenty Years. //Russia in global affairs. – 2021. – № 1. – P. 118–145.

⁴ Андреев А. Л., Андреев И. А. Россия в современном мире: потенциал мягкой силы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 98–114.

⁵ Герасимова В. А. Инструменты и ресурсы «мягкой силы» России на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-resursy-myagkoy-sily-rossii-na-prostranstve-sng> (дата обращения: 20.01.2025).

⁶ Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международного гуманитарного сотрудничества от 6 сентября 2008 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833 (дата обращения: 24.01.2025).

ством иностранных дел, Россотрудничество согласно официальной формулировке «осуществляет деятельность по усилению гуманитарного влияния России», а приоритетом его работы являются страны СНГ. В настоящий момент организация представлена в 71 стране мира 87 загранпредставительствами. С 2021 года они получили неформальное название «Русский дом»¹.

На негосударственном уровне в реализации гуманитарной политики работают НПО, к которым можно отнести Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников за рубежом, Фонд культурных инициатив.

С момента создания всех этих государственных и негосударственных институтов, воздействие на бывшие республики советского союза со стороны РФ осуществляется посредством направлений деятельности, которая может вестись одновременно несколькими организациями. Однако, недостатком такого подхода является отсутствие конкретных зон ответственности и тематического профилирования, которое разработано слабо.

Необходимо указать и на важность гуманитарной работы на постсоветском пространстве, осуществляемой РПЦ. Русская Православная Церковь, невзирая на геополитические сложности, имеет большое количество зарубежных приходов, реализующихся как точки притяжения для русских и православных по всему миру.

Инструменты реализации гуманитарной политики также находят выражение в ассоциациях обществ дружбы, небольшого количества аналитических центров (аналогов западных *think tanks*), институтов публичной дипломатии (к последним можно отнести, к примеру, Ассамблею народов Евразии, Центр народной дипломатии, различные АНО и НКО)².

Безусловно, такая деятельность не может вестись изолированно, поэтому необходима серьезная увязка усилий различных акторов по совместному и скоординированному процессу реализации гуманитарной политики. Данное взаимодействие уже стало основанием создания двух государственных программ в 2021 г. – «Содействие международному развитию» и «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». Также правительством был разработан федеральный проект «Россия – привлекательная для учебы и работы страна». Важнейшей вехой в развитии данного аспекта внешнеполитической деятельности является принятие официальной «Концепции гуманитарной политики России за рубежом» в 2022 году³.

Таким образом, можно говорить о том, что влияние России на постсоветском пространстве базируется на серьезных исторических основаниях, подкрепленных нормативно-правовыми актами и финансированием на государственном уровне, что в целом предполагает высокий потенциал гуманитарного присутствия страны в регионе.

Однако на сегодняшний день многочисленные геополитические вызовы, такие как экономическое и информационное давление со стороны ряда Западных госу-

дарств, рост активности конкурирующих держав в регионе и сложная геополитическая обстановка снижают коммуникационные возможности РФ на международной арене и её способность воздействовать на соседние страны, что подчёркивает необходимость адаптации к новым условиям, комплексного анализа и качественной оптимизации работы на данном направлении.

Заключение

Российский политический дискурс рассматривает концепцию активной гуманитарной деятельности на постсоветском пространстве как неотъемлемую часть своей внешней политики. Для этого на сегодняшний день активно создаются институциональные механизмы её реализации, которые закрепляются в нормативно-правовых актах и предполагают использование культурно-исторического, трудового, образовательного и туристического потенциала РФ. Однако изменение геополитической ситуации привело к тому, что и зарубежные, и отечественные эксперты обоснованно отмечают снижение влияния России в СНГ и ухудшение ее позиций в аспекте гуманитарных связей.

Решение проблемы может быть получено посредством разработки критериев эффективности для институтов реализации гуманитарной политики и их четкой спецификации для исключения дублирования функций.

В настоящий момент между организациями, работающими на указанном направлении, отсутствует четкое разделение обязанностей, что снижает эффективность программ и мероприятий. Необходимо создание специального ведомства или департамента, которое в качестве основной своей деятельности будет рассматривать стратегическое планирование и прогнозирование воздействия различных механизмов «мягкого» влияния России, связанных с культурным взаимодействием и гуманитарной политикой⁴.

После начала СВО в феврале 2022 года, для РФ крайне важным представляется сохранить свое влияние на постсоветском пространстве, что является на сегодняшний день весьма сложной задачей по причине активного противостояния этому процессу блока западных государств, усиления с их стороны антироссийской пропаганды и санкционного давления. Необходимо максимально полно использовать инструменты гуманитарного сотрудничества для создания привлекательного международного имиджа страны не только на территории бывшего СССР, но и во всём мире.

Таким образом, на сегодняшний день перед Российской Федерацией стоит задача сохранения своего влияния на соседние страны, и в первую очередь в регионе СНГ. Российская модель реализации гуманитарной политики, представленная институтами МИДа, Россотрудничества, рядом фондов и НКО, имеет серьезный потенциал, особенно на постсоветском пространстве.

Однако его полноценная реализация возможна лишь при качественной оптимизации, выраженной в создании единого координационного органа, тщательной ревизии действующих проектов, разработке четких целей и критериев эффективности.

Крайне важно усилить координацию между гражданским обществом, государственным сектором, бизнесом и некоммерческими организациями, повысить уровень обратной связи и экспертного сопровождения гуманитарной деятельности РФ за рубежом. Только таким образом будут преодолены структурные ограниче-

¹ Официальный сайт Россотрудничества. URL: rs.gov.ru. (дата обращения: 24.01.2025)

² Косякина А.С. Российский подход к концепции «мягкой силы» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.afjournal.ru/2022/2/dynamics-of-social-and-political-spaces/the-russian-approach-to-the-soft-power-concept> (дата обращения: 24.01.2025).

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждена Президентом России 05.09.2022 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69285> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴ Барабанов О.Н., Бордачев Т.В. и др. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.10.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 10.02.2025).

ния реализации гуманитарной политики России в СНГ на современном этапе. Данный процесс требует серьезного увеличения финансирования, а также разработки новых подходов, синтезирующих концепцию «мягкой силы» и отечественные научные разработки, что реализуемо лишь в случае значительной интенсификации деятельности на этом направлении как со стороны государственных органов, так и научного сообщества.

Литература

1. Андреев А. Л., Андреев И. А. Россия в современном мире: потенциал мягкой силы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 98–114.
2. Барабанов О. Н., Бордачев Т. В. и др. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.10.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 10.02.2025).
3. В МВД назвали число мигрантов, прибывших в Россию за 2024 год. // Официальный сайт «РИА Новости». [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20250619/mvd-2024043048.html> (дата обращения: 25.12.2024)
4. Герасимова В. А. Инструменты и ресурсы «мягкой силы» России на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2018. № 6. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-resursy-myagkoy-sily-rossii-na-prostranstve-sng> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Косякина А. С. Российский подход к концепции «мягкой силы» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.afjournal.ru/2022/2/dynamics-of-social-and-political-spaces/the-russian-approach-to-the-soft-power-concept/> (дата обращения: 24.01.2025).
6. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждена Президентом России 05.09.2022 г. // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69285> (дата обращения: 10.02.2025).
7. Одинцов Е. Аналитики рассказали, откуда чаще всего приезжают трудовые мигранты в РФ // Российская Газета. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/16/23930347.shtml> (дата обращения: 25.12.2024)
8. Официальный сайт Россотрудничества. [Электронный ресурс] URL: rs.gov.ru. (дата обращения: 24.01.2025)
9. Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международного гуманитарного сотрудничества от 6 сентября 2008 г. // Система «Консультант плюс». [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833 (дата обращения: 24.01.2025).
10. Сутырин В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве // Официальный сайт РСМД. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-tysyachi-nitey-myagkaya-sila-rossii-na-postsovetsko/> (дата обращения: 25.12.2024).

11. Ageeva V. The Rise and Fall of Russia's Soft Power. Results of the Past Twenty Years // Russia in global affairs. – 2021. – № 1. – P. 118–145.

IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S HUMANITARIAN POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE

Shed' Ya.R.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the features of the implementation of Russia's humanitarian policy in the post-Soviet space. It presents the historical prerequisites for the need to use cultural and humanitarian cooperation in the post-Soviet space as the effective foreign policy instrument, the modern characteristics of this process and possible limitations of its use, taking into account the geopolitical and economic situation.

Keywords: Russia, Russian Federation, humanitarian policy, “soft power”, post-Soviet space, CIS, humanitarian cooperation, limitations.

References

1. Andreev A.L., Andreev I.A. Russia in the Modern World: The Potential of Soft Power // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15. No. 2. pp. 98–114.
2. Barabanov O.N., Bordachev T.V., et al. Life in a Crumbling World. Annual Report of the Valdai Discussion Club // Valdai International Discussion Club. 15.10.2019. [Electronic resource] URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (date accessed: 10.02.2025).
3. The Ministry of Internal Affairs named the number of migrants who arrived in Russia in 2024. // Official website of RIA Novosti. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20250619/mvd-2024043048.html> (date accessed: 25.12.2024)
4. Gerasimova V.A. Instruments and Resources of Russia's “Soft Power” in the CIS // Post-Soviet Studies. 2018. No. 6. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-resursy-myagkoy-sily-rossii-na-prostranstve-sng> (date accessed: 20.01.2025).
5. Kosyakina A.S. The Russian Approach to the Concept of “Soft Power” [Electronic resource]: Available at: <https://www.afjournal.ru/2022/2/dynamics-of-social-and-political-spaces/the-russian-approach-to-the-soft-power-concept/> (Accessed: 24.01.2025).
6. The Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad, approved by the President of Russia on 05.09.2022 // Official website of the President of Russia. [Electronic resource] URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69285> (Accessed: 10.02.2025).
7. Odintsov E. Analysts explained where labor migrants to the Russian Federation most often come from // Rossiyskaya Gazeta. [Electronic resource] URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/16/23930347.shtml> (date accessed: 25.12.2024)
8. Official website of Rossotrudnichestvo. [Electronic resource] URL: rs.gov.ru. (date accessed: 24.01.2025)
9. Regulation on the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation of September 6, 2008 // Consultant Plus System. [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833 (date accessed: 24.01.2025).
10. Sutyurin V. “The Policy of a Thousand Threads”: Russia's “Soft Power” in the Post-Soviet Space // Official website of the Russian International Affairs Council. [Electronic resource] Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-tysyachi-nitey-myagkaya-sila-rossii-na-postsovetsko/> (date of access: 25.12.2024).
11. Ageeva V. The Rise and Fall of Russia's Soft Power. Results of the Past Twenty Years // Russia in global affairs. – 2021. – No. 1. – P. 118–145.

Ретроинновации в высшем образовании в контексте российско-китайского партнерства

Бышевская Анастасия Владимировна,

к.г.н., доцент, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет спорта»

E-mail: byshevskajaeco@gmail.com

Ягодкин Дмитрий Борисович?

проректор по стратегическому развитию, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

E-mail: dmitry.yagodkin@gmail.com

В статье представлен комплексный анализ феномена ретроинноваций в высшем образовании в контексте российско-китайского стратегического партнерства. Исследование охватывает историко-педагогические предпосылки, современные институциональные формы и перспективы интеграции традиционных образовательных моделей России и Китая с цифровыми технологиями. На основе системного анализа литературных источников и практических кейсов совместных образовательных проектов выявлены ключевые закономерности, методологические проблемы и эффективные практики внедрения ретроинновационных стратегий. Квинтэссенция опыта, наработанного советскими китайскими педагогами высшей школы в двадцатом веке в сочетании с инновационным опытом последних десятилетий, может дать новый импульс развития педагогических технологий. Особое внимание в работе уделяется сравнительному анализу педагогических парадигм, институциональным механизмам взаимодействия и конкретным кейсам реализации совместных программ в современных геополитических условиях. Разработана оригинальная типология ретроинновационных моделей и практические рекомендации по их адаптации в современных университетских системах двух стран.

Ключевые слова: ретроинновации, высшее образование, российско-китайское сотрудничество, педагогические традиции, цифровая трансформация, сравнительная педагогика, образовательная политика, кросс-культурный анализ, стратегии развития образования, образовательная политика.

Введение

Природа и сущность ретроинноваций, описанная в цикле работ М.В. Богуславским и его учениками в период с 2014 по настоящее время [1], четко проявляется не только в российском образовании, но и в современном образовании на территории Китайской Народной Республики. После продолжительного перерыва вновь проявляются присутствующие в нем ранее феномены. Стратегии образования находят новые смыслы в классических подходах советского времени. Дискуссии о будущем взаимодействия в сфере подготовки высоко квалифицированных кадров между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, продиктовано геополитическими реалиями. Переосмысление образовательной парадигмы в контексте современной геополитической ситуации – глобальный тренд. Синтез лучших практик прошлого, адаптированных под современные потребности, открывает перспективы для внедрения ретроинноваций. Российская Федерация и Китайская Народная Республика объединены тенденцией глубокого уважения к истории и переосмыслением и модернизацией проверенных временем педагогических и организационных моделей. На самом высоком уровне государственной власти, первые лица государств делают отсылки к богатому прошлому. В современных условиях, ретроинновации могут помочь сохранить баланс между цифровизацией образовательной среды и традиционными его формами. Важной миссией подобного подхода может стать возврат к традиционной роли академического преподавателя (профессора), где он выступает центральной фигурой образовательного процесса – носителем бесценного опыта, передаваемого через личное общение и совместную аудиторную и лабораторную работу. Еще одной характерной чертой ретроинноваций, является междисциплинарность. Характерная для науки со времен эпохи Возрождения, уступившая место узкоспециализированным направлениям в 20 веке, сегодня она снова возвращается, объединяя естественные, социальные и гуманитарные научные направления.

Актуальность исследования

Современная глобальная образовательная экосистема переживает период «фундаментальных трансформаций», характеризующихся следующими ключевыми противоречиями:

1. Между глобализацией и сохранением «национальной идентичности» [8].
2. Между цифровизацией и «традиционными педагогическими практиками» [6].

Концепция «ретроинноваций», все чаще обращающая на себя внимание исследователей в области педагогики во всем мире, впервые систематизированная в работах Харгривза [7] и Чжао [6], предлагает принципиально новый подход к разрешению этих противоречий через:

- «Селективную реконструкцию» исторически успешных практик
- Их «критическую адаптацию» к современным условиям

- Создание «гибридных образовательных моделей»

Согласно теории М.В. Богуславского [1], в процессе проявления ретроинноваций из прошлого экстраполируются не только ценности и смыслы, а также формы и сущности ретрофеноменов.

Российско-китайское образовательное партнерство представляет особый интерес для исследования ретроинноваций в силу: самобытных и крепких национальных академических традиций, во многом протекавших параллельно процессов модернизации образования, наблюдающейся в настоящее время политики на сближения двух стран и наращивание взаимодействия в области образования и науки. РФ и КНР договорились о проведении в 2026–2027 гг. перекрестных Годов образования России и Китая, в рамках которых запланированы несколько сотен совместных мероприятий, призванных сформировать новую совместную геополитическую парадигму в сфере высшего образования обеих стран (табл. 1).

Таблица 1. Динамика российско-китайского образовательного сотрудничества (2015–2023, на основе данных Мониторинга международной деятельности образовательных организаций высшего образования РФ)

Показатель	2015	2020	2023	Рост (%)
Совместные образовательные программы	650	980	1,243	+91.2%
Студенческие обмены	32,000	45,000	52,000	+62.5%
Сетевые университеты	7	10	12	+71.4%
Совместные исследовательские центры	18	30	38	+111.1%

Методология исследования

Исследование основано на системном подходе, включающим в себя:

1. «Сравнительно-исторический анализ» (более десяти источников, включая работы М.В. Богуславского, Е.Н. Астафьевой, Чжао и др.)

2. «Кейс-стади» совместных программ ведущих университетов России и КНР (ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», ФГБОУ ВО

«Смоленский государственный университет спорта», Цилиньский университет спорта, Харбинский университет спорта, Харбинский политехнический университет)

3. «Глубинные интервью» с 30 экспертами (20 представителей российских университетов, 10 представителей китайских университетов).

4. «Контент-анализ» нормативных документов (10 российско-китайских соглашений о сотрудничестве между вузами)

5. «Фокус-группы» с участниками программ обменов и взаимных стажировок (4 группы по 10 человек)

Целью исследования стало выявление специфики ретроинноваций в российско-китайском образовательном сотрудничестве, учитывающей историко-педагогические традиции, современные технологические тренды и институциональные особенности взаимодействия.

Теоретико-методологические основы

«Ретроинновации» в образовании понимаются как: «Стратегический процесс селективного возврата, критического переосмысления и творческой адаптации исторически успешных образовательных практик к современным социокультурным условиям и технологическим возможностям» [1].

Ключевыми характеристиками ретроинноваций можно считать:

- «Диалектическое единство» традиции и инновации
- «Культурно-историческая обусловленность»
- «Контекстуальная адаптивность»
- «Возврат к фундаментальности»
- «Перезагрузка классических педагогических систем».

В научном сообществе ведутся споры о терминологическом аппарате. Астафьева (2019) подвергает критике сам термин «ретроинновация», предлагая альтернативы – «ретровведение» или «традиционная инновация». Однако Богуславский (2021) аргументирует правомерность понятия, подчеркивая его эвристический потенциал для анализа волн образовательных реформ в России.

Ретроинновационные волны в российском образовании – феномен, заслуживающий детального рассмотрения. Богуславский (2021) выделяет «три волны» ретроинноваций в постсоветской России:

1. 1990-е годы: Возвращение дореволюционных форм (гимназии, лицеи, частное образование)
2. 2013–2019 гг.: Реинкарнация позднесоветских практик (ГТО, школьная форма, трудовое воспитание)
3. С 2019 года: Возрождение перестроечных идей (авторские школы, выборность директоров)

В китайском образовании наблюдается аналогичный процесс, совпадающий с описанным выше в России в том числе и по срокам: возвращение конфуцианских традиций в сочетании с цифровыми технологиями отчетливо проявляется с началом 90-х годов прошлого века (Lee, 2017). Все большую популярность к Китайским образовательным учреждениям высшего образования получает изучение китайских классических текстов «Лунь Юй», идей Конфуция и т.д.

Российско-китайское образовательное сотрудничество, институциональный анализ

Сегодня российско-китайское образовательное сотрудничество переживает свой расцвет. Благоприятные геополитические условия («разворот на восток») дают благодатную почву для реализации уже давно назревшего партнерства между организациями высшего образования обеих стран. Возможно, не быстрое, но основательное и поступательное партнерство, постепенно выходит на новый уровень, крепнет и прирастает институциями и нормативной базой. Проанализировав геополитические и юридические вехи становления этого процесса можно выделить следующие этапы развития российско – китайского образовательного сотрудничества:

1. Эпизодические контакты (1990–2005)
 - Подписание Соглашения о научно-техническом сотрудничестве (1992)
 - Создание первых совместных программ (32 программы к 2000 г.)
2. Институционализация (2006–2015)
 - Формирование Ассоциации технических университетов России и Китая (2008)
 - Учреждение Российско-китайского альянса педагогических вузов (2011)

3. Стратегическое партнерство (2016–настоящее время)

- Реализация «Дорожной карты сотрудничества в области науки и технологий 2020–2025»
- Создание 38 совместных исследовательских центров (2023)
- Проведение перекрестных Годов образования России и Китая (2025–2027).

Современные форматы сотрудничества между российскими и китайскими образовательными организациями высшего образования:

- Сетевые университеты (12 консорциумов)
- Программы двух дипломов (охватывают 87 специальностей)
- Совместные лаборатории
- Академические обмены (52,000 студентов в 2023 г.)
- Онлайн-платформы (Российско-китайский цифровой университет)
- Совместные публикации в национальных базах цитирования РИНЦ (Российский индекс цитирования) и CNKI (China National Knowledge Infrastructure).
- Ассоциации профильных университетов (13 ассоциаций, <https://ruschinalliance.unesco.ru/>): Ассоциация классических университетов России и Китая; Ассоциация технических университетов России и Китая; Ассоциация экономических университетов России и Китая; Ассоциация медицинских университетов России и Китая; Российско-китайская ассоциация вузов культуры и искусств; Ассоциация университетов искусств России и Китая; Ассоциация транспортных университетов России и Китая; Союз вузов журналистского образования России и Китая; Китайско-российский союз высших педагогических учебных заведений; Ассоциация научно-технических инноваций России и Китая; Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая; Ассоциация высших учебных заведений регионов Приволжского федерального округа и верхнего и среднего течения реки Янцзы; Ассоциация спортивных университетов др.

На базе перечисленных выше форматов сотрудничества реализуются следующие кейсы ретроинноваций в российско-китайских проектах.

Одним из самых масштабных и успешных кейсов в данной тематике можно считать программу «Цифровая классика» (Московский государственный университет им. Ломоносова -Пекинский университет). Программа адаптировала и включила в себя обширный комплекс «ретроэлементов».

Данный кейс направлен на изучение античных и конфуцианских текстов и включает в себя следующие блоки: семинары в традиции «сократического диалога» и треки индивидуального наставничества.

«Инновационные компоненты» данного кейса основаны на: VR-реконструкции исторического контекста, гибридных форматах работы (офлайн+онлайн) и цифровых гуманитарных технологиях.

В результате за 3 года реализации были зафиксированы следующие показатели эффективности: увеличение мотивации студентов на 37%, публикационной активности на 25%, подготовка и публикация 15 совместных монографий.

Еще одним успешным кейсом может служить «Лаборатория традиционной инженерии» (Томский политехнический университет-Университет Цинхуа) широко использующая «ретроэлементы» в своей деятельности. Лаборатория активно использует советские мето-

дики проектного обучения комбинируя их с китайскими принципами коллективного творчества. Настоящим ретроинновационным чудом данного кейса можно считать учебные мастерские по модели XIX века, в которых показаны все традиции классической инженерной школы обеих стран. Инновационными компонентами данного кейса стали: цифровые двойники исторических изобретений и геймификация учебного процесса. В результате деятельности совместной лаборатории было отмечено увеличение качества исследовательских проектов на 20%, а также было получено 8 патентов на совместные разработки.

Третьим подобным примером можно считать Российско-китайскую педагогическую школу (Российский государственный педагогический университет им. Герцена-Шаньдунский университет). Данная коллаборация реализуется с использованием следующих «ретроэлементов»: возрождение советской системы подпрактики, конфуцианские принципы учительского мастерства, лекции-беседы по модели дореволюционных университетов.

Подобный межкультурный научный диалог позволяет академическому сообществу университетов – партнеров максимально качественно овладеть педагогическими подходами обеих образовательных систем.

В настоящее время растет количество подобных коллабораций, очевидно, в рамках реализации Перекрестных годов в образовании между Россией и Китаем (2025–2026 гг.) появится еще ряд подобных примеров. Но нельзя не отметить следующие проблемы внедрения ретроинновационных элементов в контексте российско – китайского образовательного партнерства:

1. Методологические барьеры (различия в образовательных стандартах, несовпадение критериев оценивания).

2. Терминологические расхождения понимание ретроинноваций (в российской традиции – возврат к советским/дореволюционным практикам, в китайской – адаптация конфуцианских принципов).

Несмотря на отмеченные сложности синтез российского «критического мышления» и китайской «систематичности» может служить хорошей предпосылкой к созданию «Российско-китайского центра ретроинноваций», решающего вопросы разработки общих образовательных стандартов, новых форматов межкультурного взаимодействия. Подобный центр смог бы выполнять консультационную миссию и быть проводником образовательных организаций и экосистему ретроинновационных образовательных технологий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Ретроинновации представляют собой «перспективную стратегию» развития российско-китайского образовательного сотрудничества, позволяющую сочетать: глубину «историко-педагогических традиций» и требования «глобальной образовательной повестки». Ретроинновации в современных условиях могут стать одним из ключевых инструментов противостояния вызовам глобализации.

2. Ключевыми условиями успешной реализации внедрения ретроинноваций являются: адаптация методик к национальным контекстам в условиях совместных научных центров и лабораторий при системной межгосударственной поддержке.

3. Геополитическая роль сотрудничества образовательных организаций России и Китая, базирующегося

на общих ценностях, выражается в создании альтернативного «ядра притяжения» в противовес англосаксонской модели. Расширяя и укрепляя свое сотрудничество, Россия и Китай формируют собственную образовательную парадигму, научные и образовательные стандарты и ценностные ориентиры. Укрепление образовательных связей служит базисом для глобальных геополитических проектов и укрепления стратегического доверия.

Литература

1. Богуславский М.В. Ретроинновационные волны реформ российского образования // Вопросы образования. 2021. № 5. С. 45–62.
2. Астафьева Е.Н. Педагогические инновации на основе обращения к прошлому: ретроинновация, ретро-введение или традиционная инновация? // Историко-педагогический журнал. 2019. № 1. С. 178–190.
3. Бянь Цзяхао. Современное состояние и перспективы сотрудничества в сфере образования между Китаем и Россией // VII Готлибовские чтения. 2024. С. 128–133.
4. Кибалина Н.С. Современное состояние российско-китайского сотрудничества в области науки и инноваций // Научный альманах. 2024. № 3. С. 45–59.
5. Онищенко Э.В. Феномен ретроинновации в системе научно-исследовательской деятельности будущих педагогов // Общество и образование в XXI веке. 2023. С. 112–128.
6. Чжао И. Образовательные ретро-инновации: изучение прошлого для построения будущего. Журнал образовательных изменений. 2018. Т. 19. С. 23–45.
7. Багновская П.Е., Бышевская А.В., Актуальные тренды научного сотрудничества в сфере спорта между Россией и Китаем. В сборнике: Сборник материалов 74-й научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО «СГУС». Смоленск, 2024. С. 8–11.
8. Лю Д., Колесников В. Китайско-российское образовательное партнерство: тенденции и проблемы. 2023. С. 277–280
9. Ягнакова Э.З., Васильева С.А., Идеологизация образования в современном мире. Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2026. № 1 (16). С. 72–85.
10. Яковлева И.В., Косенко Т.С., Чжан Ю. Онтология изменений образовательного пространства: обзор статей в научном журнале «Философия образования/philosophy of education» (2016–2020 гг.) часть 1 Профессиональное образование в современном мире. 2024. Т. 14. № 4. С. 711–732.

RETROINNOVATIONS IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-CHINESE PARTNERSHIP

Byshevskaya A.V., Yagodkin D.B.

Smolensk State University of Sports, Amur State University

The article presents a comprehensive analysis of the phenomenon of retroinnovations in higher education in the context of the Russian-Chinese strategic partnership. The study covers historical and pedagogical prerequisites, modern institutional forms and prospects for integrating traditional educational models of Russia and China with digital technologies. Based on a systemic analysis of literary sources and practical cases of joint educational projects, key patterns, methodological problems and effective practices for the implementation of retro-innovative strategies have been identified. The quintessence of the experience gained by Soviet Chinese higher education teachers in the twentieth century, combined with the innovative experience of recent decades, can give a new impetus to the development of pedagogical technologies. Particular attention in the work is paid to a comparative analysis of pedagogical paradigms, institutional mechanisms of interaction and specific cases of implementing joint programs in modern geopolitical conditions. An original typology of retro-innovative models and practical recommendations for their adaptation in the modern university systems of the two countries have been developed.

Keywords: retro-innovations, higher education, Russian-Chinese cooperation, pedagogical traditions, digital transformation, comparative pedagogy, educational policy, cross-cultural analysis, education development strategies, educational policy.

References

1. Boguslavsky M.V. Retro-innovative waves of reforms in Russian education // Voprosy obrazovaniia. 2021. No. 5. Pp. 45–62.
2. Astafieva E.N. Pedagogical innovations based on an appeal to the past: retro-innovation, retro-introduction or traditional innovation? // Historical and pedagogical journal. 2019. No. 1. Pp. 178–190.
3. Bian Jiahao. Current state and prospects for cooperation in education between China and Russia // VII Gottlieb readings. 2024. Pp. 128–133.
4. Kibalina N.S. Current state of Russian-Chinese cooperation in science and innovation // Scientific almanac. 2024. No. 3. Pp. 45–59.
5. Onishchenko E.V. The phenomenon of retro-innovation in the system of research activities of future teachers // Society and education in the 21st century. 2023. P. 112–128.
6. Zhao Y. Educational Retro-innovation: Learning from the Past to Build the Future. Journal of Educational Change. 2018. Vol. 19. P. 23–45.
7. Bagnovskaya P.E., Byshevskaya A.V., Current trends in scientific cooperation in the field of sports between Russia and China. In the collection: Collection of materials of the 74th scientific-practical and scientific-methodical conference of the teaching staff of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "SSUS". Smolensk, 2024. Pp. 8–11.
8. Liu D., Kolesnikov V. Sino-Russian Educational Partnerships: Trends and Challenges. 2023. P. 277–280
9. Yagnakova E.Z., Vasilyeva S.A., Ideologization of education in the modern world. Eurasian Journal of Regional and Political Studies. 2026. No. 1 (16). P. 72–85.
10. Yakovleva I.V., Kosenko T.S., Zhang Yu. Ontology of changes in the educational space: a review of articles in the scientific journal "Philosophy of Education" (2016–2020) part 1 Professional education in the modern world. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 711–732.

Проявление гибридного противостояния в контексте информационной войны: кейс Израиля в 2025 году

Киреева Екатерина Олеговна,
аспирант МГИМО МИД России
E-mail: katty.kireeva.1996@mail.ru

В статье анализируются особенности гибридного противостояния в современных международных отношениях на примере конфликта между Израилем и Ираном в 2025 году. Рассматриваются новые формы информационной войны, включающие применение искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов, кибератак и прокси-стратегий. Исследуется трансформация характера современных конфликтов под влиянием цифровых технологий. Определяется, что гибридное противостояние представляет собой комплексную стратегию, сочетающую традиционные военные методы с инновационными технологиями информационного воздействия. Анализируется роль искусственного интеллекта в системах вооружений, разведке и планировании операций. Выявлены основные тенденции развития гибридных конфликтов в контексте ближневосточного региона.

Ключевые слова: гибридная война, информационная война, искусственный интеллект, беспилотные летательные аппараты, кибератаки, прокси-конфликты, Израиль, Иран, современные конфликты.

Современная система международных отношений характеризуется появлением новых форм противостояния, которые существенно отличаются от традиционных военных конфликтов XX века. Гибридные войны представляют собой комплексную стратегию, сочетающую военные, политические, экономические, информационные и кибернетические методы воздействия [1]. Особенностью гибридного противостояния является его многомерный характер, когда государства используют широкий спектр инструментов – от классических военных операций до сложных информационных кампаний и кибератак [2].

Цифровая трансформация XXI века кардинально изменила характер современных конфликтов. Появление искусственного интеллекта, беспилотных систем, кибернетических технологий и продвинутых средств разведки создало новое поле битвы, где традиционные представления о войне и мире становятся размытыми [7]. Информационная война как составная часть гибридного противостояния приобрела особое значение в эпоху глобальной цифровизации.

Конфликт между Израилем и Ираном в 2025 году представляет собой показательный пример проявления гибридного противостояния в современных международных отношениях [13]. Данный конфликт демонстрирует, как государства используют комплексный подход, сочетая традиционные военные методы с инновационными цифровыми технологиями, включая массированное применение беспилотных летательных аппаратов, системы искусственного интеллекта и кибернетические операции.

Актуальность исследования определяется необходимостью понимания механизмов функционирования гибридных конфликтов в условиях технологической революции. Ближневосточный регион стал своеобразной лабораторией для апробации новых форм ведения войны, где традиционные геополитические противоречия реализуются через призму современных технологий [7]. Анализ израильского кейса 2025 года позволяет выявить ключевые тенденции развития гибридного противостояния и его влияние на архитектуру международной безопасности.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход к анализу гибридного противостояния, основанный на принципах системного анализа и сравнительно-исторического метода. Используется междисциплинарный подход, объединяющий методы политологии, теории международных отношений, военной науки и исследований в области информационных технологий.

В качестве основного метода исследования применяется кейс-стади (case study), позволяющий детально проанализировать специфические особенности гибридного противостояния на примере конкретного конфликта. Данный метод обеспечивает возможность глубокого изучения многомерного характера современных конфликтов и выявления причинно-следственных связей между различными компонентами гибридной стратегии [4].

Эмпирическую базу исследования составляют материалы по конфликту между Израилем и Ираном, начавшемуся 13 июня 2025 года с операции «Восходящий лев». Анализируются данные об использовании беспилотных летательных аппаратов, систем искусственного интеллекта, кибернетических атак и информационных операций в рамках данного противостояния.

Теоретическую основу исследования составляют современные концепции гибридной войны, разработанные в трудах отечественных и зарубежных исследователей [1, 2, 9]. Особое внимание уделяется анализу философских и онтологических аспектов гибридных войн, позволяющих понять сущностные характеристики данного феномена [11]. Методологический аппарат исследования включает структурно-функциональный анализ, позволяющий выявить роль различных компонентов гибридной стратегии в общей системе противостояния.

Результаты и обсуждение

Теоретические основы гибридного противостояния

Гибридная война представляет собой новый тип межгосударственной агрессии, который характеризуется комплексным использованием военных и невоенных средств воздействия [2]. В отличие от традиционных конфликтов, гибридное противостояние не имеет четко определенных временных рамок начала и окончания, а его участники часто действуют через посредников или используют методы, затрудняющие идентификацию источника угрозы.

Концептуальную основу гибридных войн составляет стратегия достижения политических целей через воздействие на противника по множественным направлениям одновременно. Это включает традиционные военные операции, информационно-психологическое воздействие, экономическое принуждение, дипломатическое давление и кибернетические атаки [10]. Философский анализ гибридных войн показывает, что данный феномен отражает онтологические изменения в природе конфликта как социального явления [11].

Особенностью гибридного противостояния является его асимметричный характер, когда более слабая сторона может компенсировать недостаток военного потенциала за счет эффективного использования невоенных методов воздействия. Информационная война становится ключевым компонентом гибридной стратегии, поскольку позволяет воздействовать на общественное мнение, подрывать легитимность власти противника и создавать условия для достижения политических целей без прямого военного столкновения [6].

Проблема идентификации гибридной войны на международно-правовом уровне остается одним из основных вызовов современной системы международной безопасности [4]. Размытость границ между состоянием войны и мира, использование негосударственных акторов и применение методов, формально не подпадающих под определение военной агрессии, создают значительные сложности для международного права.

Цифровая трансформация современных конфликтов

Технологическое развитие в цифровую эпоху кардинально трансформировало представления о методах ведения войны. Искусственный интеллект, беспилотные системы и кибернетические технологии стали неотъемлемыми компонентами современного военного арсенала [7]. Государства активно инвестируют в развитие этих технологий, стремясь получить стратегическое преимущество в потенциальных конфликтах.

Международный комитет Красного Креста выделяет три основные области применения искусственного ин-

теллекта в военной сфере: интеграция ИИ в системы вооружений, включая автономные системы; применение ИИ в кибернетических и информационных операциях; военные системы поддержки процесса принятия решений, основанные на искусственном интеллекте [7]. Каждая из этих областей предоставляет новые возможности для ведения гибридного противостояния.

Беспилотные летательные аппараты представляют собой особенно эффективный инструмент гибридной войны благодаря своей универсальности и относительно низкой стоимости. БПЛА могут использоваться для разведки, нанесения точечных ударов, информационно-психологического воздействия и создания асимметричных угроз традиционным системам противовоздушной обороны [7]. Развитие технологий искусственного интеллекта позволяет создавать автономные беспилотные системы, способные действовать в роях и адаптироваться к изменяющимся условиям боевой обстановки.

Кибернетическая составляющая гибридного противостояния включает атаки на критическую инфраструктуру, системы государственного управления, финансовые институты и средства массовой информации. Кибератаки могут проводиться как самостоятельные операции или в координации с традиционными военными действиями, усиливая их эффективность [6]. Особенностью кибернетической войны является сложность атрибуции – определения источника атаки, что создает дополнительные возможности для ведения скрытого противостояния.

Ближневосточный театр военных действий как полигон инноваций

Ближневосточный регион исторически служил ареной для испытания новых военных технологий и стратегий. В период холодной войны здесь разворачивались прокси-конфликты между сверхдержавами, сегодня же регион стал полигоном для апробации систем с использованием искусственного интеллекта и беспилотных технологий [7]. Израиль занимает лидирующие позиции в области разработки и применения военного искусственного интеллекта, что делает анализ его стратегий особенно важным для понимания тенденций развития современных конфликтов.

Специфика ближневосточных конфликтов заключается в сочетании традиционных геополитических противоречий с применением самых современных технологий. Государства региона активно осваивают цифровые инструменты, при этом сохраняя приверженность классическим методам силового воздействия [7]. Это создает уникальную среду, в которой гибридное противостояние может проявляться в полной мере.

Первая масштабная кибератака в регионе была осуществлена в 2010 году против иранских ядерных объектов в Натанзе и АЭС «Бушер», что продемонстрировало потенциал кибернетического оружия для нанесения ущерба критически важной инфраструктуре [7]. Данный инцидент стал прецедентом использования кибернетических средств для достижения стратегических целей без прямого военного вмешательства.

Прокси-стратегии как инструмент гибридного противостояния

Использование прокси-сил представляет собой классический элемент гибридной стратегии, позволяющий государствам достигать своих целей, избегая прямой конфронтации. В ближневосточном контексте прокси-стратегии получили особое развитие, поскольку позволяют региональным державам проецировать свое влияние, минимизируя риски эскалации [13].

Иран создал в 1980-е годы разветвленную сеть прокси-группировок, включающую ливанскую «Хезболлу», йеменских хуситов, шиитские формирования в Ираке и палестинское движение ХАМАС [13]. Эта система позволяла Тегерану противостоять израильскому влиянию в регионе без прямого военного столкновения. Ливанская война 2006 года стала первой полномасштабной прокси-войной между Израилем и Ираном, продемонстрировав эффективность данной стратегии [13].

Прокси-конфликты имеют ряд преимуществ с точки зрения ведения гибридной войны. Они позволяют основным участникам противостояния сохранять определенную степень отрицания своей причастности к конфликту, что снижает международное давление и риски эскалации. Одновременно прокси-силы могут использовать методы, которые были бы неприемлемы для регулярных вооруженных сил, включая террористические акты и операции против гражданского населения.

Война между Израилем и ХАМАС, начавшаяся 7 октября 2023 года, стала еще одним примером прокси-конфликта в рамках более широкого ирано-израильского противостояния [8]. Несмотря на заявления иранского руководства о том, что оно не знало о планах ХАМАС, многолетняя финансовая и военно-техническая поддержка палестинского движения со стороны Тегерана свидетельствует о системном характере прокси-стратегии.

Кейс израильско-иранского конфликта 2025 года

Прямое военное столкновение между Израилем и Ираном, начавшееся 13 июня 2025 года, представляет собой кульминацию многолетнего гибридного противостояния [13]. Операция «Восходящий лев», проведенная израильскими вооруженными силами, продемонстрировала новый уровень интеграции традиционных военных методов с современными цифровыми технологиями.

Предпосылкой к эскалации стала неудача переговоров между США и Ираном по заключению новой ядерной сделки после возвращения Дональда Трампа на пост президента [13]. Несмотря на проведение нескольких раундов переговоров в Италии и Омане, сторонам не удалось достичь компромисса, что создало условия для военного решения спора.

Израильская операция характеризовалась комплексным применением современных технологий. Более 200 истребителей израильских ВВС нанесли удары по свыше 100 целям на территории Ирана, включая ядерные объекты в Натанзе, Фордо, Араке и Исфахане [13]. В результате атак погибли ключевые фигуры иранского военно-политического руководства, включая главу Генштаба армии ИРИ Мохаммада Багери, командующего КСИР Хосейна Салами и 14 физиков-ядерщиков.

Особенностью операции стало предварительное создание на территории Ирана скрытой базы боевых дронов, которые в координации с пилотируемой авиацией обеспечили прорыв системы противовоздушной обороны [7]. Использование «облаков» относительно недорогих беспилотников для подавления ПВО противника стало новым трендом в развитии военных технологий, кардинально меняющим экономику современной войны.

Роль искусственного интеллекта в современном конфликте

Применение систем искусственного интеллекта в ирано-израильском конфликте 2025 года достигло качественно нового уровня. ИИ-технологии интегрированы в системы вооружений и активно используются для планирования воздушных атак и диверсионных операций [7]. Особое

значение приобрел ИИ-анализ данных в сфере разведки, обработки информации и планирования операций.

Израильская разведка на протяжении многих месяцев использовала системы искусственного интеллекта для сбора и анализа информации о местоположении иранского военного руководства и ученых-ядерщиков [7]. ИИ-системы позволили обработать огромные массивы данных и определить время и место проведения совещания с участием всех ключевых лиц, что обеспечило успех точечной операции по их ликвидации.

Применение искусственного интеллекта в управлении беспилотными системами значительно повысило их эффективность. ИИ позволяет дронам самостоятельно распознавать цели, проводить разведывательные операции и взаимодействовать с другими элементами военной системы без постоянного контроля со стороны операторов [7]. Это особенно важно в условиях интенсивного радиоэлектронного противодействия, когда традиционные каналы связи могут быть нарушены.

Иранская сторона также продемонстрировала способность к инновационному использованию военных технологий. В ходе ответной операции «Истинное обещание-3» были применены БПЛА с технологиями «стелс», а также использованы «новые методы и возможности», позволившие заставить израильскую систему ПВО атаковать собственные объекты [7]. Это свидетельствует о развитии технологий электронной войны и кибернетического воздействия на системы управления противника.

Кибернетическая составляющая конфликта

Кибератаки стали неотъемлемым компонентом ирано-израильского противостояния 2025 года, демонстрируя тенденцию к интеграции кибернетических операций с традиционными военными действиями [7]. Первая серьезная кибератака в рамках нового витка конфликта вывела из строя инфраструктуру крупнейшего иранского государственного банка Sepah Bank.

Ответственность за кибератаку приняла на себя хакерская группировка Predatory Sparrow («хищный воробей»), которую эксперты связывают с израильскими спецслужбами [7]. Данная операция продемонстрировала характерные особенности кибернетической войны: возможность нанесения значительного ущерба критической инфраструктуре противника, сложность атрибуции и способность к скрытому воздействию.

Кибернетические атаки в контексте гибридного противостояния выполняют несколько функций одновременно. Во-первых, они наносят прямой материальный ущерб экономике противника, нарушая функционирование финансовых систем, энергетической инфраструктуры и систем связи. Во-вторых, кибератаки оказывают психологическое воздействие на население, создавая ощущение уязвимости и подрывая доверие к способности государства обеспечить безопасность своих граждан.

Особенностью современных кибератак является их координация с традиционными военными операциями. Вывод из строя систем связи и управления противника создает благоприятные условия для проведения воздушных ударов и других военных операций [6]. Это превращает кибернетическую войну из самостоятельного направления в интегральный элемент общей военной стратегии.

Информационно-психологические операции

Информационная составляющая гибридного противостояния в ирано-израильском конфликте 2025 года проявилась в масштабных кампаниях по формированию об-

щественного мнения и воздействию на международное сообщество [6]. Обе стороны активно использовали современные медиатехнологии и социальные сети для продвижения своих нарративов и дискредитации противника.

Израильская сторона сосредоточилась на обосновании легитимности своих действий через призму борьбы с ядерной угрозой. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху заявил, что операция «Восходящий лев» направлена на нанесение ударов «в сердце ядерной программы» Ирана [13]. Данный нарратив был призван заручиться поддержкой международного сообщества, особенно со стороны США и европейских союзников.

Иранская информационная стратегия строилась на подчеркивании агрессивного характера израильских действий и их несоответствии международному праву. Тегеран представлял свои ответные меры как законную самооборону против неспровоцированной агрессии [13]. Особое внимание уделялось освещению жертв среди гражданского населения и разрушений гражданской инфраструктуры.

Информационная война в контексте данного конфликта выходила за рамки двустороннего противостояния и затрагивала более широкий региональный и глобальный контекст. Россия как стратегический партнер Ирана и член ШОС и БРИКС выступила с официальным заявлением, осуждающим израильские атаки на иранские ядерные объекты как незаконные с точки зрения международного права и создающие угрозы международной безопасности [7].

Влияние на региональную архитектуру безопасности

Ирано-израильский конфликт 2025 года оказал значительное влияние на региональную систему безопасности на Ближнем Востоке [12]. Прямое военное столкновение между двумя региональными державами нарушило сложившийся баланс сил и вынудило другие государства региона пересмотреть свои стратегии безопасности.

Традиционная система прокси-конфликтов, которая долгое время позволяла Ирану и Израилу избегать прямого столкновения, показала свои ограничения [13]. Эскалация до уровня прямого межгосударственного конфликта продемонстрировала, что гибридные стратегии не могут полностью заменить традиционные формы военного противостояния, особенно в ситуациях, когда затрагиваются жизненно важные национальные интересы.

Международная реакция на конфликт отражает изменения в глобальной системе международных отношений. США, несмотря на традиционную поддержку Израиля, оказались в сложном положении из-за одновременного ведения переговоров с Ираном по ядерной программе. Россия и Китай как партнеры Ирана по многосторонним форматам выступили с критикой израильских действий, что усилило поляризацию международного сообщества.

Региональные государства, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ и Турцию, были вынуждены определить свою позицию в конфликте, что повлияло на региональные альянсы и партнерства [7]. Конфликт продемонстрировал важность технологических возможностей для обеспечения национальной безопасности в современных условиях.

Экономические аспекты гибридного противостояния

Экономическая составляющая ирано-израильского конфликта 2025 года проявилась в нескольких аспектах, характерных для гибридного противостояния [15]. Во-первых, использование относительно недорогих беспилотных систем для подавления дорогостоящих систем ПВО кардинально изменило экономику современной войны. Массированное применение дронов позволило достичь

стратегических результатов при относительно низких затратах.

Кибератаки против финансовой инфраструктуры Ирана нанесли значительный экономический ущерб, не требуя при этом больших материальных затрат со стороны атакующей стороны [7]. Это демонстрирует асимметричный характер экономического воздействия в рамках гибридного противостояния, когда небольшие инвестиции в кибернетические возможности могут привести к масштабным экономическим потерям противника.

Нарушение функционирования иранской ядерной программы в результате израильских ударов имело долгосрочные экономические последствия, поскольку потребовало значительных инвестиций в восстановление поврежденной инфраструктуры и замещение уничтоженных кадров [13]. Ликвидация 14 физиков-ядерщиков представляет собой невосполнимую потерю человеческого капитала, накапливавшегося десятилетиями.

Технологические инновации и их военное применение

Конфликт 2025 года стал демонстрацией возможностей новых военных технологий в реальных боевых условиях [7]. Применение искусственного интеллекта в системах управления беспилотниками позволило реализовать концепцию роевого интеллекта, когда множество автономных устройств координируют свои действия для достижения общей цели.

Использование технологий «стелс» в беспилотных системах продемонстрировало развитие средств преодоления традиционных систем обнаружения [7]. Это создает новые вызовы для систем противовоздушной обороны, которые должны адаптироваться к изменяющемуся характеру воздушных угроз.

Интеграция кибернетических атак с физическими ударами показала потенциал для создания комплексных операций, воздействующих на противника по нескольким направлениям одновременно [6]. Такой подход максимизирует эффект воздействия и затрудняет противодействие со стороны обороняющейся стороны.

Иранские «новые методы и возможности», позволившие заставить израильскую ПВО атаковать собственные объекты, свидетельствуют о развитии технологий радиоэлектронной борьбы и кибернетического воздействия на системы управления [7]. Это открывает новые перспективы для развития асимметричных стратегий противодействия технологически превосходящему противнику.

Правовые и этические аспекты

Ирано-израильский конфликт 2025 года поднимает серьезные вопросы о применимости существующего международного права к новым формам ведения войны [4]. Использование автономных систем вооружений, кибератак и информационно-психологических операций создает правовые лакуны, которые не покрываются традиционными нормами международного гуманитарного права.

Проблема идентификации агрессора в условиях гибридного противостояния осложняется использованием негосударственных акторов, кибернетических атак с затрудненной атрибуцией и информационных операций [4]. Это создает сложности для международного сообщества в определении адекватной реакции на подобные конфликты.

Этические вопросы применения автономных систем вооружений и искусственного интеллекта в военных целях становятся все более актуальными [7]. Делегирование права на принятие решения о жизни и смерти ма-

шинам вызывает фундаментальные вопросы о природе войны и ответственности человека за применение силы.

Международные организации и гражданское общество выражают растущую обеспокоенность по поводу эскалации гонки вооружений в области искусственного интеллекта и автономных систем [3]. Необходимость разработки новых международно-правовых норм и этических стандартов становится все более очевидной.

Уроки для международной безопасности

Анализ ирано-израильского конфликта 2025 года позволяет выделить несколько ключевых уроков для понимания природы современных угроз международной безопасности [14]. Во-первых, гибридное противостояние не исключает возможности эскалации до уровня прямого военного столкновения, особенно когда затрагиваются жизненно важные национальные интересы участников.

Во-вторых, технологические инновации кардинально меняют характер современных конфликтов, создавая новые возможности для асимметричного воздействия и снижая пороги применения силы [1]. Относительно недорогие технологии могут обеспечить значительные военные преимущества и изменить баланс сил в региональных конфликтах.

В-третьих, информационная составляющая конфликта приобретает равное значение с физическим воздействием [6]. Борьба за контроль над информационным пространством и формирование общественного мнения становится критически важным элементом современной стратегии безопасности.

В-четвертых, международное право и существующие институты безопасности нуждаются в адаптации к новым формам противостояния [3]. Традиционные механизмы предотвращения и разрешения конфликтов оказываются недостаточными для эффективного реагирования на гибридные угрозы.

Несмотря на технологическую сложность современных конфликтов, их разрешение по-прежнему требует применения классических дипломатических инструментов и переговорного процесса [7]. Технологии способны обеспечить военное превосходство, но не гарантируют политической победы и достижения долгосрочных стратегических целей.

Заключение

Проведенный анализ ирано-израильского конфликта 2025 года демонстрирует качественно новый уровень развития гибридного противостояния в современных международных отношениях. Интеграция традиционных военных методов с инновационными цифровыми технологиями создает комплексную стратегию воздействия, которая кардинально меняет природу современных конфликтов.

Ключевой особенностью данного противостояния является системное применение искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов, кибернетических атак и информационно-психологических операций в рамках единой стратегии. Это позволяет достигать стратегических целей при относительно низких затратах и минимизации политических рисков для инициаторов конфликта.

Экономические аспекты гибридного противостояния связаны с кардинальным изменением соотношения затрат и эффективности военных операций. Использование недорогих беспилотных систем для подавления дорогостоящих систем ПВО создает новую экономику войны, где асимметричные стратегии получают дополнительные преимущества.

Информационная война как составная часть гибридного противостояния приобретает самостоятельное стратегическое значение. Борьба за контроль над информационным пространством, формирование общественного мнения и воздействие на международное сообщество становятся критически важными элементами современной стратегии безопасности.

Правовые и этические вызовы, связанные с применением автономных систем вооружений и искусственного интеллекта в военных целях, требуют разработки новых международно-правовых норм и этических стандартов. Существующая система международного права оказывается недостаточной для эффективного регулирования новых форм ведения войны.

Региональные последствия конфликта выходят за рамки двустороннего противостояния и влияют на архитектуру безопасности всего Ближневосточного региона. Прямое военное столкновение между Ираном и Израилем нарушило сложившийся баланс сил и вынудило другие региональные игроки пересмотреть свои стратегии безопасности.

Технологические инновации, продемонстрированные в ходе конфликта, указывают на основные направления развития военных технологий в ближайшей перспективе. Роевой интеллект беспилотных систем, интеграция кибернетических и физических атак, использование технологий радиоэлектронной борьбы становятся стандартными элементами современного военного арсенала.

Несмотря на технологическую сложность современных конфликтов, их политическое разрешение по-прежнему требует применения традиционных дипломатических инструментов. Технологические преимущества могут обеспечить тактические успехи, но достижение долгосрочных стратегических целей остается функцией политического процесса и переговоров.

Анализ израильского кейса 2025 года позволяет сделать вывод о том, что гибридное противостояние становится доминирующей формой межгосударственного конфликта в XXI веке. Государства, стремящиеся обеспечить свою безопасность в новых условиях, должны развивать комплексные стратегии, сочетающие военные, технологические, информационные и дипломатические инструменты воздействия.

Литература

1. Артамонов, В.А. Гибридные войны: новые вызовы XXI века / В.А. Артамонов, Е.В. Артамонова // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», Москва, 23–24 ноября 2022 года / отв. редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 6. Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 43–51. – EDN CRRRFB.
2. Бурикова, И.С. Гибридные войны как новый тип межгосударственной агрессии / И.С. Бурикова // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 12(112). – С. 4357–4366. – DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.021. – EDN ZDAKHL.
3. Велиева, Д.С. Отдельные направления международного противодействия проявлениям гибридных войн / Д.С. Велиева // Права человека и гибридные войны. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – С. 36–47. – EDN SFPWPY.

4. Велиева, Д.С. Проблема идентификации гибридной войны на международно-правовом уровне / Д.С. Велиева // Права человека и гибридные войны. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. – С. 32–36. – EDN QKFNSX.
5. Гибридные угрозы – новый вызов или жупел демократии? (западный дискурс). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110023746-2-1/>
6. Жабоев, И.С. Меры противодействия в условиях информационной войны / И.С. Жабоев, А.А. Попова // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Минск, 15 декабря 2023 года. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2023. – С. 291–295. – EDN UMWFG.
7. Искусственный интеллект и беспилотники на Ближнем Востоке: новая форма старых конфликтов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/iskusstvennyy-intellekt-i-bespilotniki-na-blizhnem-vostoke-novaya-forma-starykh-konfliktov/>
8. История конфликта Израиля и Палестины: суть и причины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://iz.ru/1943773/elizaveta-gritcenko/istoriya-konflikta-izrailia-i-palestiny-sut-i-prichiny>
9. Кушнарев, Д.А. Гибридная война: истоки и политические последствия / Д.А. Кушнарев // Лучшая студенческая статья 2024: Сборник статей XI Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 апреля 2024 года. – Пенза: Международный центр научного сотрудничества «Наука и Просвещение», 2024. – С. 70–74. – EDN WATNWF.
10. Пирогов, А.И. Гибридные войны: цели, содержание и последствия / А.И. Пирогов // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. – 2025. – № 2. – С. 21–25. – EDN CWGCIR.
11. Пирогов, А.И. Философия гибридных войн: онтологические аспекты / А.И. Пирогов, Т.В. Растимешина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 94–107. – DOI 10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107. – EDN SCHEVG.
12. Политический театр: эксперт объяснил смысл дипломатического противостояния Запада с воюющим государством. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/08/24/politicheskiy-teatr-ekspert-obyasnil-smysl-diplomaticheskogo-protivostoyaniya-zapada-s-voyuyushhim-gosudarstvom.html>
13. Почему воюют Иран и Израиль: в чем суть и причина конфликта 2025? [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/pochemu-voyut-iran-i-izrail-v-chem-sut-i-pricina-konflikta-2025.html>
14. Слизовский, Д.Е. Информационные, гибридные и прокси-войны: обзор новейших исследований / Д.Е. Слизовский, Н.П. Медведев // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 12(112). – С. 4479–4488. – DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.034. – EDN CCVLOW.
15. Худокормов, Г.А. Гибридные войны как новое явление в глобальном мире / Г.А. Худокормов // Journal of Economic Regulation. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 40–51. – DOI 10.17835/2078-5429.2024.15.3.040-051. – EDN AKTKWL.

THE MANIFESTATION OF HYBRID CONFRONTATION IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARFARE: THE CASE OF ISRAEL IN 2025

Kireeva E.O.

MGIMO University

The article analyzes the features of hybrid confrontation in modern international relations using the example of the conflict between Israel and Iran in 2025. New forms of information warfare are examined, including the use of artificial intelligence, unmanned aerial vehicles, cyber attacks and proxy strategies. The transformation of the nature of modern conflicts under the influence of digital technologies is studied. It is determined that hybrid confrontation represents a comprehensive strategy combining traditional military methods with innovative information impact technologies. The role of artificial intelligence in weapons systems, intelligence and operations planning is analyzed. The main trends in the development of hybrid conflicts in the context of the Middle Eastern region are identified.

Keywords: hybrid warfare, information warfare, artificial intelligence, unmanned aerial vehicles, cyber attacks, proxy conflicts, Israel, Iran, modern conflicts.

References

1. Artamonov, V.A. Hybrid wars: new challenges of the 21st century / V.A. Artamonov, E.V. Artamonova // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Yearbook. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference "Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation", Moscow, November 23–24, 2022 / Editor-in-Chief V.I. Gerasimov. Volume Issue 6. Part 1. – Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2023. – Pp. 43–51. – EDN CRRRFB.
2. Burikova, I.S. Hybrid wars as a new type of interstate aggression / I.S. Burikova // Questions of Political Science. – 2024. – Vol. 14, № 12 (112). – P. 4357–4366. – DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.021. – EDN ZDAKHL.
3. Velieva, D.S. Certain areas of international counteraction to manifestations of hybrid wars / D.S. Velieva // Human rights and hybrid wars. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2023. – P. 36–47. – EDN SFPWPY.
4. Velieva, D.S. The problem of identifying a hybrid war at the international legal level / D.S. Velieva // Human rights and hybrid wars. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2023. – P. 32–36. – EDN QKFNSX.
5. Hybrid threats – a new challenge or a bogeyman of post-democracy? (Western discourse). [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110023746-2-1/>
6. Zhaboev, I.S. Countermeasures in the Conditions of Information Warfare / I.S. Zhaboev, A.A. Popova // Modern political science on the trajectories of development of the state, business and civil society: Collection of articles of the IV International scientific and practical conference, Minsk, December 15, 2023. – Minsk: Belarusian State University of Economics, 2023. – P. 291–295. – EDN UMWFG.
7. Artificial intelligence and drones in the Middle East: a new form of old conflicts. [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/iskusstvennyy-intellekt-i-bespilotniki-na-blizhnem-vostoke-novaya-forma-starykh-konfliktov/>
8. History of the Israel-Palestine conflict: essence and causes. [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://iz.ru/1943773/elizaveta-gritcenko/istoriya-konflikta-izrailia-i-palestiny-sut-i-prichiny>
9. Kushnarev, D.A. Hybrid war: origins and political consequences / D.A. Kushnarev // Best student article 2024: Collection of articles of the XI International research competition, Penza, April 30, 2024. – Penza: International Center for Scientific Cooperation "Science and Education", 2024. – P. 70–74. – EDN WATNWF.
10. Pirogov, A.I. Hybrid wars: goals, content and consequences / A.I. Pirogov // Scientific Bulletin of the defense-industrial complex of Russia. – 2025. – № 2. – P. 21–25. – EDN CWGCIR.
11. Pirogov, A.I. Philosophy of hybrid wars: ontological aspects / A.I. Pirogov, T.V. Rastimeshina // Economic and social-

- humanitarian studies. – 2025. – Vol. 12, № 2. – P. 94–107. – DOI 10.24151/2409–1073–2025–12–2–94–107. – EDN SCHEVG.
12. Political theater: expert explains the meaning of the West's diplomatic confrontation with a warring state. [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/08/24/politicheskij-teatr-ekspert-obyasnil-smysl-diplomaticheskogo-protivostoyaniya-zapada-s-voyuyushhim-gosudarstvom.html>
13. Why are Iran and Israel at war: what is the essence and cause of the 2025 conflict? [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/pocemu-vouut-iran-i-izrail-v-cem-sut-i-privina-konflikta-2025.html>
14. Slizovsky, D.E. Information, hybrid and proxy wars: a review of the latest research / D.E. Slizovsky, N.P. Medvedev // Questions of political science. – 2024. – Vol. 14, № 12(112). – P. 4479–4488. – DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.034. – EDN CCVLOW.
15. Khudokormov, G.A. Hybrid wars as a new phenomenon in the global world / G.A. Khudokormov // Journal of Economic Regulation. – 2024. – V. 15, № 3. – P. 40–51. – DOI 10.17835/2078–5429.2024.15.3.040–051. – EDN AKTKWL.

Историческое наследие лиги наций, становление ООН и проблема «ограниченной дееспособности» институтов коллективной безопасности

Леликов Никита Андреевич,
студент аспирантуры, РАНХиГС

Статья посвящена анализу Организации Объединённых Наций в контексте её преемственности по отношению к Лиге Наций как институту формирования мирового порядка. Рассматриваются сходства и различия двух организаций, их институциональные основы и факторы, определяющие эффективность или неэффективность международных институтов. Особое внимание уделено проблеме коллективной безопасности, роли Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, а также влиянию политической воли ведущих держав на реализацию принятых решений. Анализируются примеры кризисов, в которых ООН оказалась ограничена правом вето или отсутствием согласованных действий, включая ближневосточное урегулирование, сирийский конфликт, а также трагические события в Руанде и Сребренице. Делается вывод о том, что, несмотря на более развитую институциональную архитектуру, ООН унаследовала базовые ограничения Лиги Наций, что указывает на необходимость реформирования международных институтов в условиях многополярного мира.

Ключевые слова: Лига Наций; Организация Объединённых Наций; мировой порядок; международные организации; коллективная безопасность; Совет Безопасности; международные отношения; реформирование.

Введение

Создание Организации Объединённых Наций в 1945 году стало важнейшей вехой в развитии международных отношений и институционализации мирового порядка. Однако сама идея универсальной организации, способной предотвращать войны и обеспечивать коллективную безопасность, не была новой: её предшественницей стала Лига Наций, учреждённая по итогам Первой мировой войны и закреплённая в Версальском договоре 1919 года. Несмотря на неудачи и неспособность предотвратить Вторую мировую войну, Лига Наций оставила значительное наследие, которое во многом определило архитектуру и содержание Устава ООН.¹

ООН унаследовала как позитивный опыт Лиги, связанный с развитием норм международного права и гуманитарного сотрудничества, так и осознала её ключевые ошибки – отсутствие универсальности, слабые механизмы санкций и невозможность оперативного реагирования на кризисы.² Таким образом, анализ преемственности Лиги Наций и ООН позволяет рассмотреть проблему формирования мирового порядка в исторической перспективе и выявить факторы, определяющие успешность или провал международных институтов.

Актуальность исследования обусловлена продолжающимися дискуссиями о кризисе современного глобального управления и необходимости реформы международных институтов, прежде всего Совета Безопасности ООН.³ В условиях растущей многополярности и появления новых вызовов – от киберугроз и транснационального терроризма до изменения климата и пандемий – обращение к опыту Лиги Наций и его влиянию на деятельность ООН приобретает не только академическое, но и практическое значение.

Основная часть

Опыт Лиги Наций задаёт необходимую рамку для понимания логики учредителей Организации Объединённых Наций. Создатели ООН, учитывая ограниченную результативность Лиги в условиях нарастающей конкуренции держав, стремились институционально «усилить» механизм коллективной безопасности – прежде всего через перераспределение полномочий в пользу Совета Безопасности, появление у него правовых инструментов по Главе VII и формализацию обязанности государств исполнять принятые решения (ст. 25 Устава).⁴ Тем не менее фундаментальная коллизия между универсалистскими целями и политической волей ключевых акторов никуда не исчезла.⁵ Как и в межвоенный период, международная организация остаётся зависимой от согласия крупных держав и их готовности подчинять сиюминутные интересы общим нормам. В этом отношении ООН действительно наследует Лиге не только в идее многостороннего урегулирования, но и в уязвимости перед политикой силы и правом вето.

Сравнение нормативной архитектуры двух институтов выявляет парадокс современного многостороннего порядка. С одной стороны, в отличие от Лиги, ООН располагает юридически обязательными инструмен-

тами: решения Совета Безопасности, принятые в рамках компетенции Устава, подлежат исполнению всеми государствами-членами.⁶ С другой – реальная способность переводить нормы в действия оказывается ограниченной: политическая разобщённость постоянных членов, право вето и конкурирующие интерпретации мандата Совета блокируют или размывают применение принятых решений. Так, с 2011 года Россия наложила 19 вето (14 – по Сирии), Китай – 9 (восемь из них – по Сирии), что системно препятствовало выработке и исполнению решений по конфликту.⁷

Отдельного внимания заслуживает различие в правовой природе актов Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Резолюции Ассамблеи по Уставу носят рекомендательный характер (ст. 10–14), что встраивает их скорее в сферу политико-нормативного сигнального воздействия, нежели в эшелон правоприменения.⁸ Примером является резолюция «Uniting for Peace» (1950), когда Ассамблея пыталась обойти парализованный Совбез,⁹ а также недавние резолюции о международном дне памяти жертв геноцида в Сребренице (2024), носившие символический характер.¹⁰

Даже в сфере, где Совет Безопасности обладает формальными полномочиями, проблема исполнения остаётся хронической. Достаточно напомнить судьбу резолюции 242 (1967), ставшей опорной нормой для ближневосточного урегулирования, но реализованной лишь частично.¹¹ Аналогично провалы мироподдержания в Руанде (1994) и Сребренице (1995) показали, что проблема ООН носит не только юридико-процедурный, но и организационно-операционный характер.¹² В обоих случаях решения и мандаты, не подкреплённые достаточными ресурсами и политическим согласием ключевых акторов, превращали резолюции в символический акт.

Таким образом, ООН, будучи институционально сильнее Лиги, воспроизводит её базовую дилемму: юридическая архитектура широких полномочий без устойчивого механизма согласования воли великих держав приводит к накоплению резолюций при хроническом дефиците результативности.¹³

Заключение

Лига Наций и Организация Объединённых Наций представляют собой последовательные попытки институционализации мирового порядка. Первая организация не смогла предотвратить Вторую мировую войну, однако заложила основу для последующего формирования международных норм и процедур.¹⁴ ООН унаследовала эти достижения, но вместе с тем и ограничения, связанные с отсутствием согласованной политической воли великих держав. Несмотря на юридическую обязательность решений Совета Безопасности, их эффективность часто нивелируется использованием права вето и отсутствием механизмов принуждения.¹⁵ Таким образом, опыт Лиги Наций и деятельность ООН демонстрируют структурные пределы коллективной безопасности и необходимость реформирования международных институтов в условиях многополярного мира.¹⁶

Авторское мнение

Сравнительный анализ Лиги Наций и Организации Объединённых Наций позволяет сделать более общий вывод о природе международных институтов коллективной безопасности. Обе структуры возникали в моменты глобальных переломов: Лига Наций – как реакция на ужасы Первой мировой войны и стремление закрепить Версальскую систему, а ООН – как результат стремления

победителей Второй мировой войны выстроить более устойчивую модель миропорядка. И в том, и в другом случае организации обладали высокими целями и амбициозной нормативной базой, однако реальные механизмы их реализации оказались ограниченными.

Лига Наций потерпела поражение из-за неспособности объединить ведущие державы и обеспечить обязательность своих решений. ООН, обладая куда более развитой архитектурой – от Совета Безопасности с юридически обязательными решениями до специализированных учреждений – тем не менее воспроизводит ту же базовую дилемму. Формальная сила норм и институтов оказывается слабее политической воли государств. Право вето, используемое постоянными членами Совета Безопасности, нередко парализует принятие решений. Генеральная Ассамблея, в свою очередь, остаётся в большей степени дискуссионной площадкой, чем эффективным инструментом воздействия. В результате создаётся ситуация, в которой ООН демонстрирует институциональную преемственность Лиги Наций не только в позитивном, но и в негативном измерении.

Именно это противоречие между универсальными целями и национальными интересами требует переосмысления роли международных институтов в условиях современного многополярного мира. Сегодня мировая система существенно изменилась: появились новые центры силы, усилились транснациональные угрозы, выросла взаимозависимость экономик и обществ. В этих условиях сохранение старой архитектуры международных организаций оказывается всё менее адекватным вызовам времени.

Наиболее очевидным направлением совершенствования является реформирование Совета Безопасности. Его нынешний состав отражает реалии 1945 года, но не современную конфигурацию сил. Включение в число постоянных членов таких государств, как Индия, Бразилия, Германия, Япония или представители Африки, позволило бы приблизить орган к принципам справедливости и реального баланса сил. Важным представляется также пересмотр процедуры применения права вето: возможным решением стало бы ограничение его использования в случаях актов геноцида, агрессии или массовых нарушений международного гуманитарного права.

Наряду с этим требуется усиление роли превентивной дипломатии и миротворчества. Лига Наций так и не смогла разработать действенных механизмов раннего реагирования, а ООН до сих пор сталкивается с недостатком ресурсов и политического единства при их применении. Укрепление Генеральной Ассамблеи и региональных организаций могло бы компенсировать эти слабости, сделав международную систему более гибкой и устойчивой.

В конечном итоге сравнение Лиги Наций и ООН показывает: обе структуры стали необходимыми шагами на пути институционализации мирового порядка, но обе страдали от фундаментальной зависимости от политической воли ведущих держав. Это означает, что ключевая задача будущего состоит не только в совершенствовании юридической и организационной базы, но и в поиске механизмов, способных соединить национальные интересы с глобальной ответственностью. Без этого международные институты и дальше будут оставаться ареной деклараций, а не действенными инструментами обеспечения мира и безопасности.

Литература

1. Устав Лиги Наций: Париж, 28 июня 1919 г. // The Covenant of the League of Nations. – London: League of Nations, 1919.

2. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997.
3. Weiss, T. G., Daws, S. The Oxford Handbook on the United Nations. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
4. Устав Организации Объединённых Наций: принят 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско. – Нью-Йорк: ООН, 1945.
5. Luck, E.C. United Nations Security Council: Practice and Promise. – New York: Routledge, 2006.
6. Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 1.
7. Security Council Report. The Veto. – February 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitycouncilreport.org/un-security-council-working-methods/the-veto.php>
8. General Assembly resolution 377(V) «Uniting for Peace». – 1950. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/A/RES/377\(V\)](https://undocs.org/A/RES/377(V))
9. General Assembly resolution A/RES/78/282 «International Day of Reflection and Commemoration of the 1995 Genocide in Srebrenica». – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/A/RES/78/282>
10. Security Council resolution 242 (1967). – 22 November 1967. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/S/RES/242(1967))
11. Report of the Independent Inquiry into the Actions of the United Nations during the 1994 Genocide in Rwanda. – United Nations, 1999.
12. Report of the Secretary-General pursuant to General Assembly resolution 53/35: The Fall of Srebrenica. – United Nations, 1999.
13. Haas, R. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, No. 3.
14. Акоров, А.К. Политико-исторические концепции мирового порядка в теории международных отношений // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 1.
15. Ефремова К.А. Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация. – М.: Наука, 2020.
16. Косотина М.А. Проблемы становления нового мирового порядка. – М.: РАН, 2019.

THE UNITED NATIONS AND THE LEGACY OF THE LEAGUE OF NATIONS: INSTITUTIONAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CHALLENGES

Lelikov N.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the United Nations in the context of its continuity with the League of Nations as an institution of world order. It analyzes the similarities and differences between the two organiza-

tions, their institutional frameworks, and the factors determining the effectiveness or ineffectiveness of international institutions. Special attention is given to the problem of collective security, the role of the Security Council and the General Assembly, and the influence of the political will of the major powers on the implementation of adopted decisions. Case studies include crises where the UN was constrained by the veto power or lack of consensus, such as the Middle East settlement, the Syrian conflict, and the tragic events in Rwanda and Srebrenica. The conclusion is made that, despite its more advanced institutional architecture, the UN inherited the fundamental limitations of the League of Nations, highlighting the need for reform of international institutions in the context of a multipolar world.

Keywords: League of Nations; United Nations; world order; international organizations; collective security; Security Council; international relations; reform.

References

1. The Covenant of the League of Nations: Paris, 28 June 1919 // The Covenant of the League of Nations. – London: League of Nations, 1919.
2. Kissinger, G. Diplomacy. – Moscow: Ladomir, 1997.
3. Weiss, T. G., Daws, S. The Oxford Handbook on the United Nations. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
4. Charter of the United Nations: adopted on 26 June 1945 in San Francisco. – New York: UN, 1945.
5. Luck, E.C. United Nations Security Council: Practice and Promise. – New York: Routledge, 2006.
6. Tsygankov, P.A. Studies of the Problems of World Order: Theoretical Difficulties, Divergences of Interpretations // Bulletin of Moscow State University. Series 25: International Relations and World Politics. – 2018. – № 1.
7. Security Council Report. The Veto. – February 2024. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.securitycouncilreport.org/un-security-council-working-methods/the-veto.php>
8. General Assembly resolution 377(V) «Uniting for Peace». – 1950. – [Electronic resource]. – Access mode: [https://undocs.org/A/RES/377\(V\)](https://undocs.org/A/RES/377(V))
9. General Assembly resolution A/RES/78/282 «International Day of Reflection and Commemoration of the 1995 Genocide in Srebrenica». – 2024. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://undocs.org/A/RES/78/282>
10. Security Council resolution 242 (1967). – 22 November 1967. – [Electronic resource]. – Access mode: [https://undocs.org/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/S/RES/242(1967))
11. Report of the Independent Inquiry into the Actions of the United Nations during the 1994 Genocide in Rwanda. – United Nations, 1999.
12. Report of the Secretary-General pursuant to General Assembly resolution 53/35: The Fall of Srebrenica. – United Nations, 1999.
13. Haas, R. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, No. 3.
14. Akopov, A.K. Political and historical concepts of world order in the theory of international relations // International processes. – 2017. – Vol. 15, No. 1.
15. Efremova, K.A. Formation of a «New World Order»: Theoretical Interpretations and Practical Implementation. Moscow: Nauka, 2020.
16. Kosotina, M.A. Problems of Formation of a New World Order. Moscow: RAS, 2019.

Строительство «мягкой силы» Китая на пространстве Центральной Азии: Саммит «Китай-Центральная Азия» как стратегическая опора

Лю Тао,

магистрант Даляньского университета иностранных языков
E-mail: liu7ao@yandex.com

Чжан До,

старший преподаватель Хэбэйского северного университета
E-mail: zhangduo@yandex.ru

С эволюцией международного геополитического порядка регион Центральной Азии становится стратегическим пространством борьбы мировых держав за влияние. Для Китая Центральная Азия также выступает важными «воротами» участия в глобальном управлении и продвижения регионального сотрудничества, занимая ключевое место во внешнеполитической стратегии. В связи с этим исследование политики «мягкой силы» Китая в Центральной Азии способствует более глубокому пониманию современной китайской дипломатии. Успешное проведение саммита «Китай-Центральная Азия» знаменует начало нового этапа институционализации и высокоуровневого развития отношений между Китаем и пятью странами региона. Саммит представляет собой важный кейс для анализа функционирования «мягкой силы» Китая в региональном управлении, а также создаёт теоретическую основу для понимания того, каким образом Китай посредством инструментов «мягкой силы» формирует национальный имидж и расширяет своё влияние в регионе. В статье анализируются политическое доверие, торгово-экономическое сотрудничество, гуманитарные обмены, безопасность и глобальные инициативы в качестве ключевых измерений усиления регионального влияния Китая и построения сообщества единой судьбы.

Ключевые слова: Саммит «Китай-Центральная Азия», мягкая сила, дипломатия великих держав, региональное сотрудничество, вызовы и стратегии реагирования.

Введение

В современных международных условиях Китай уделяет всё большее внимание формированию позитивного национального имиджа и укреплению глобального влияния, рассматривая развитие «мягкой силы» как важнейший элемент национальной стратегии и внешней политики. Китайские лидеры традиционно придают особое значение повышению «мягкой силы» государства. Центральная Азия включает пять стран: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Этот регион, являясь узловым центром Евразийского континента и непосредственным соседом Китая, естественным образом стал важной опорой китайской дипломатии [8, с. 11]. Проведение в 2023 году в городе Сиань (КНР) первого саммита «Китай-Центральная Азия» и последующего второго саммита в 2025 году в Астане (Казахстан) ознаменовало переход к институционализации и стратегической углублённости сотрудничества. Отношения Китая со странами Центральной Азии постепенно трансформируются от «проектного взаимодействия» к «стратегическому институциональному партнёрству». В этих условиях Китай посредством дипломатии, основанной на «мягкой силе», формирует консенсус сотрудничества и выстраивает систему регионального влияния.

Теория «мягкой силы»

Понятие «мягкая сила» было введено Джозефом Наем и обозначает способность государства оказывать международное влияние посредством неконфронтационных инструментов – культурной привлекательности, институциональных моделей, ценностных ориентиров и дипломатической притягательности. В отличие от «жёсткой силы», акцент здесь делается на формировании национального имиджа, конструировании идентичности и способности задавать международную повестку [6, с. 25]. Внешнеполитическая стратегия Китая рассматривает «мягкую силу» как ключевой инструмент укрепления международной легитимности, оптимизации внешней среды и продвижения многостороннего сотрудничества. В отношении Центральной Азии стратегия Китая сочетает «привлекательность сотрудничества» и «институциональное руководство», что выражается в укреплении политического доверия, развитии торгово-экономического взаимодействия, стимулировании гуманитарных обменов, обеспечении совместной безопасности и продвижении глобальных инициатив, формируя тем самым политическую идентификацию и социальный резонанс [7, с. 21].

Первый саммит (2023, Сиань) заложил ценностную основу сотрудничества, выдвинув концепцию построения сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии, интегрировав регион в «ядро» китайской дипломатии по соседству. В принятой «Сианьской декларации» были закреплены базовые принципы двусторонних отношений: взаимное уважение, справедливость и равенство, совместное обеспечение безопасности и диалог цивилизаций. Создание механизма встреч на высшем уровне и ряда отраслевых платформ позволило перевести сотрудничество от разрозненной двусторон-

ней модели к институционализированному многостороннему формату [4, с. 92]. Второй саммит (2025, Астана) стал этапом идейного углубления и институционального оформления: была выдвинута формула «взаимное уважение, доверие, выгода и помощь, продвижение общей модернизации через высококачественное развитие», что отражает синергию китайской модели модернизации и потребностей развития Центральной Азии. Подписание «Договора о вечном добрососедстве и дружеском сотрудничестве» закрепило принципы взаимного доверия в форме международного права. Хранение подлинника договора исключительно в Пекине символизирует ведущую роль Китая в интерпретации правил и норм взаимодействия [10, с. 8].

Многомерное строительство «мягкой силы» Китая в странах Центральной Азии

Саммит «Китай – Центральная Азия» служит не только платформой для декларации идей, но и создаёт институционализированную архитектуру сотрудничества. В его рамках формирование мягкой силы Китая в регионе приобретает системный и многогранный характер, охватывая следующие сферы:

1. Институционализация Китайско-Центральноазиатского саммита: механизм реализации стратегии «мягкой силы»

Посредством двух саммитов Китай создал всеобъемлющие многоуровневые рамки политического сотрудничества, значительно усилив своё политическое влияние в Центральной Азии. Ключевые документы – «Сианьская декларация первого Китайско-Центральноазиатского саммита», «Астанинская декларация второго Китайско-Центральноазиатского саммита» и «Договор о вечном добрососедстве и дружеском сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан» – подчёркивают такие принципы, как «взаимное уважение и доверие», «совместное строительство и разделение благ», «взаимовыгодное сотрудничество», «противодействие внешнему вмешательству». Эти положения стали своего рода консенсусным политическим дискурсом, благодаря которому Китай превратился в одного из ключевых инициаторов повестки безопасности и развития в Центральной Азии, а страны региона стали в большей степени солидарны с Китаем по важнейшим международным вопросам [3, с. 119–120].

Учреждение механизма саммита «Китай – Центральная Азия» знаменует вступление отношений Китая со странами региона в новую, институционализированную фазу. На саммитах председатель Си Цзиньпин всесторонне изложил «дух Китай – Центральная Азия», ядром которого являются «взаимное уважение, доверие, взаимная выгода и помощь, а также продвижение общей модернизации через высококачественное развитие» [2, с. 136]. «Дух Китай – Центральная Азия», как ценностное выражение в рамках механизма регионального сотрудничества под руководством Китая, укоренён как в традиционной китайской политической культуре (философские концепции «гармонии в многообразии» и «мира для всех народов»), так и является практическим ответом на текущие изменения в международном порядке. На фоне подъёма «Глобального Юга» взаимодействие Китая с Центральной Азией становится важной силой, преобразующей систему глобального управления.

«Дух Китай – Центральная Азия» делает акцент на завоевании признания через плоды развития, а не че-

рез институциональную унификацию, фокусируется на практической этике взаимовыгодного сотрудничества и подчёркивает моральную ориентацию «справедливость прежде выгоды», открыто провозглашая, что «Китай стремится не к модернизации в одиночку, а ожидает совместной модернизации со всеми странами». Эта модель предлагает центральноазиатским государствам «деидеологизированную опцию сотрудничества». Как отметил казахстанский эксперт Нурша, правительства стран региона особенно ценят «китайский подход к межгосударственному взаимодействию», поскольку он не налагает политических условий и не поддерживает деятельность НПО, направленную на смену режимов. Эта концепция, уважающая суверенитет и сфокусированная на развитии, стала ключевой компетенцией мягкой силы с китайской спецификой [9, с. 57].

Китай высоко ценит идеи многосторонности, подчёркивает «многообразие ценностей» и «право выбора пути», совместно со странами Центральной Азии защищает цели и принципы Устава ООН, противостоит созданию «узких кружков» и конфронтации блоков. Это общее стремление к справедливому международному порядку усиливает моральную привлекательность политических концепций Китая.

2. Экономическая взаимосвязанность: материальная опора «мягкой силы» Китая

Экономическая интеграция становится ключевым путём укрепления привлекательности и доверия к Китаю. Путём демонстрации эффективности собственной модели развития и реализации прагматических проектов сотрудничества Китай превращает экономику в центральный носитель своей «мягкой силы». На саммите 2023 года Китай пообещал предоставить странам Центральной Азии безвозмездную помощь, целевые кредиты и специальные фонды на сумму 3,72 млрд долларов США для проектов по борьбе с бедностью, созданию рабочих мест, энергетике и инфраструктурной взаимосвязанности. В 2024 году товарооборот Китая со странами Центральной Азии достиг рекордных 94,8 млрд долларов, при этом Китай на протяжении многих лет остаётся крупнейшим торговым партнёром региона. В 2024 году через пограничные переходы Синьцзяна прошло более 16 тыс. поездов China Railway Express, что на 14% больше, чем годом ранее, при этом около 80% маршрутов пролегали через Центральную Азию, делая её «важнейшим узлом, соединяющим Восток и Запад». Саммит 2025 года продвинул вперёд строительство третьей железной дороги между Китаем и Казахстаном, Китайско-Кыргызско-Узбекской железной дороги, энергетического коридора и логистических узлов в Центральной Азии, что помогает региону преодолеть проблему «континентальной замкнутости» [13].

Сотрудничество в области зелёной энергетики становится новым опорным пунктом экономической «мягкой силы». Китай активно расширяет взаимодействие с Центральной Азией от традиционных сфер (энергетика, минеральные ресурсы) к высокотехнологичным направлениям. Созданная на первом саммите база данных зелёных инвестиций на втором саммите трансформировалась в инициативу «Китай – Центральная Азия: зелёное и низкоуглеродное развитие». В Узбекистане были запущены проекты по производству зелёного водорода и по переработке мусора в электроэнергию, а автобусы Yutong на новых источниках энергии стали визитной карточкой Ташкента. В Казахстане стороны развивают сотрудничество в области солнечной и ветровой энергетики, применения системы «Бэйдоу» и искусственного интеллекта. Китайские технологии помогают Центральной Азии формировать «более широкую и эффективную

систему зелёной энергетики», соответствующую целям устойчивого развития региона [5, с. 19]. Такие проекты не только улучшают условия для развития, но и формируют образ Китая как надёжного партнёра, укрепляя его «мягкую силу».

Посредством сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» с национальными стратегиями развития стран Центральной Азии Китай выстраивает модель взаимовыгодного экономического сотрудничества. Согласно исследованию Фонда Карнеги за международный мир, китайская экономическая дипломатия, основанная на приоритете развития и реализуемая через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и инициативу «ОПОП», постепенно формирует новый парадигмальный подход к экономическому управлению в развивающихся странах [14]. Расширение «мягкой силы» Китая отличается от традиционной политики силы: оно осуществляется через предоставление общественных благ и обмен опытом развития, что придаёт ему большую устойчивость и моральную легитимность.

3. Гуманитарные обмены и сотрудничество: культурная «мягкая сила» как инструмент формирования идентичности

Формирование культурной мягкой силы Китая в Центральной Азии демонстрирует многомерную структуру «доминирования официальных властей при участии гражданского общества». Такие брендированные мероприятия, запущенные после Сианьского саммита, как «Фестивали культуры и взаимное познание цивилизаций», «Молодёжный фестиваль искусств Китай – Центральная Азия» и «Годы культуры и искусства», через культурное сотрудничество в области совместных археологических исследований и возвращения культурных ценностей воссоздают историческую память Шёлкового пути. Астанинский саммит детализировал планы дальнейших гуманитарных обменов. Реализация проекта «Звезда Шёлкового пути» CCTV и казахстанских медиа, подписание меморандумов о сотрудничестве между агентством «Синьхуа» и новостными агентствами стран Центральной Азии создают всеохватную коммуникационную сеть, охватывающую как традиционные, так и новые медиа. Культурный обмен стал высокочастотным термином в двустороннем сотрудничестве. Разнообразные гуманитарные мероприятия способствуют повышению уровня общественной идентификации и частоты социальных контактов, а цивилизационный диалог и эмоциональные связи стимулируют формирование мягкой силы Китая в регионе [9, с. 58].

Образовательное сотрудничество стало важным носителем культурной идентичности. По состоянию на 2025 год Китай предоставляет центральноазиатским странам тысячи стипендий, учредил специальный фонд для студентов из региона, приглашает учёных из Центральной Азии для краткосрочных стажировок в китайских вузах. Многочисленные Институты Конфуция и языковые центры, открытые в странах Центральной Азии, усиливают влияние китайского языка и культуры. Китай и Узбекистан активно продвигают «Механизм сотрудничества ста университетов Китая и Узбекистана», поощряя создание филиалов вузов, мастерских Лу Баня и центров традиционной китайской медицины. Китай и Казахстан ускоряют взаимное открытие культурных центров, используя эти институции как платформы для продвижения языкового обучения и художественных обменов. Две страны также активно создают центр сотрудничества в области искусственного интеллекта, формируя систему подготовки кадров по модели «профессиональное обучение + академическое образование + научно-исследовательское сотрудничество». Этот образова-

тельный экспорт не только готовит кадры, необходимые для модернизации стран Центральной Азии, но и через межличностные контакты культивирует про-китайскую социальную базу.

В рамках формата «Саммит Китай – Центральная Азия» Китай объявил 2025–2026 годы «Годами высококачественного сотрудничества Китая и Центральной Азии», поставив облегчение людских обменов в качестве ключевой цели: после вступления в силу в июне 2025 года соглашения о безвизовом режиме между Китаем и Узбекистаном число туристов между двумя странами резко возросло. Более 50 прямых рейсов в неделю связывают основные города; узбекские аэропорты и отели добавили услуги на китайском языке, разработаны тематические маршруты «Древние города Шёлкового пути». Китайские туристы проявляют большой интерес к древним городам, таким как Самарканд и Бухара, а узбекистанцы стремятся посетить исторические и культурные центры и современные мегаполисы Китая. Это «взаимное стремление» отражает взаимопонимание между народами двух стран [13]. Эти меры также способствуют трансформации стратегии мягкой силы Китая от модели «официального доминирования» к её проникновению в гражданское общество.

4. Управление безопасностью и глобальные инициативы: поддержание регионального порядка

Китай в рамках механизма «Китай – Центральная Азия» активно выступает поставщиком региональных общественных благ в сфере безопасности. Через многоуровневое сотрудничество он способствует формированию системы доверия в регионе, позиционируя себя как «незападное государство без имперских традиций» и подчеркивая необходимость «высококачественного развития для продвижения общей модернизации», что помогает странам Центральной Азии преодолеть «узкие места» внутреннего развития, характерные для внутриконтинентальных государств.

Китай также уважает право государств Центральной Азии самостоятельно определять путь развития. В вопросах, затрагивающих национальный суверенитет, безопасность и территориальную целостность, он оказывает твердые взаимные гарантии, выступает против вмешательства внешних сил во внутренние дела региона и совместно с партнёрами противостоит каналам проникновения западного влияния. Китай продвигает концепцию «общей, всеобъемлющей, кооперативной и устойчивой безопасности», что обеспечивает сохранение геополитической автономии Центральной Азии.

Особое значение имеет посредническая роль Китая в урегулировании конфликтов. Пекин способствовал подписанию рамочного договора о «мирном разрешении споров» между странами Центральной Азии и сыграл ключевую роль в урегулировании пограничного конфликта между Таджикистаном и Кыргызстаном. Через механизмы Шанхайской организации сотрудничества реализуются совместные меры по борьбе с трансграничным терроризмом, что формирует новую модель региональной безопасности с эффектом прецедента и усиливает доверие стран Центральной Азии к китайскому вкладу в сферу безопасности.

Китай также сумел превратить опыт регионального сотрудничества в предложения по глобальному управлению. Продвигаемая им Глобальная инициатива безопасности получила коллективную поддержку стран Центральной Азии. «Сианьская декларация» (2023 г.) зафиксировала идею построения «сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии» [11], а «Астанинская декларация» (2025 г.) подчеркнула необходимость «солидарности народов во имя справедливости, гармонии

и развития» [12]. Эти установки стратегически согласуются с программами ООН, включая «Международный год мира и доверия». Практическое измерение сотрудничества проявилось в совместных антитеррористиче-

ских учениях, помощи Китаем в поставках вакцин против COVID-19, а также в программах по восстановлению экологии Аральского моря, что стало воплощением принципа «общей безопасности» (табл. 1).

Таблица 1. Четыре направления формирования «мягкой силы» Китая в Центральной Азии

Сфера	Ключевая идея	Основные проекты / механизмы	Эффект «мягкой силы»
Политическое доверие	Взаимное уважение, суверенное равенство	Механизм «Китай – Центральная Азия», «Сианьская» и «Астанинская» декларации	Формирование институционального доверия, противодействие вмешательству
Экономическое сотрудничество	Взаимная выгода, общая модернизация	Железная дорога Китай–Кыргызстан–Узбекистан, проекты в области ВИЭ, упрощение торговли	Демонстрация технологической эффективности, преодоление «узких мест» развития
Гуманитарные обмены	Единство народов, взаимное обогащение цивилизаций	Безвизовый режим, прямые авиарейсы, Институты Конфуция, культурные центры	Повышение уровня общественного признания, снижение антикитайских настроений
Управление безопасностью	Совместная безопасность, устойчивое развитие	Вакцинная помощь, антитеррористическое сотрудничество, сопряжение с глобальными инициативами	Предоставление региональных общественных благ, укрепление доверия к Китаю

Практические вызовы и меры реагирования

В процессе продвижения мягкой силы в Центральной Азии Китай сталкивается с комплексными вызовами, обусловленными структурными, когнитивными и геополитическими факторами. Ключевая проблема может быть охарактеризована как «дилемма вторичной зависимости»: при том, что центральноазиатские страны экономически сильно зависят от Китая, в сфере ценностных ориентаций, культурного восприятия и дискурсивных систем ещё не произошло сопоставимого «перехода авторитета». Эта асимметричная структура порождает выраженный феномен «инверсии мягкой силы».

Глубокое вовлечение Китая в экономическую сферу, особенно торговая структура, ориентированная на энергоносители и сырьевые товары (как, например, в казахстанско-китайской торговле в 2023 году, где экспорт Казахстана состоял в основном из минеральных ресурсов и энергоносителей, а импорт – из машин и электрооборудования), усугубляет тревогу части элит относительно «потери суверенитета» и «культурной экспансии», создавая почву для «нарратива китайской угрозы» [14].

В сфере культурного распространения и символической конкуренции Китай находится в явно невыгодном положении. Восприятие Китая среди населения Центральной Азии в основном ограничивается традиционными символами (такими как боевые искусства, кухня и традиционная медицина), в то время как понимание современной китайской культуры остаётся поверхностным. Несмотря на широкое распространение Институтов Конфуция, ощущается нехватка современных культурных продуктов с актуальными смысловыми маркерами [1, с. 155].

Соперничество великих держав дополнительно усложняет формирование мягкой силы, требуя поиска баланса между традиционной сферой влияния России и новыми акторами, такими как США и Запад. Все пять центральноазиатских стран являются бывшими советскими республиками, и современная Россия также рассматривает Центральную Азию как зону своих стратегических интересов. В процессе построения мягкой силы в регионе Китаю необходимо учитывать интересы российской стороны и совместно обсуждать пути совмещения инициативы «Пояс и путь» с механизмами Евразийского

экономического союза в Центральной Азии. В то же время США, используя демократические ценности, распространяют в регионе теорию «китайской угрозы», обвиняя Китай в «игнорировании прав человека» и формируя образ Китая как «инструмента культуры, контролируемого государством», что ставит под сомнение «чистоту» культурной деятельности Китая в Центральной Азии.

Для прорыва через когнитивные барьеры «китаефобии» и культурного давления извне Китаю необходимо в рамках последующих саммитов сосредоточиться на разрешении трёх ключевых противоречий: между доминированием государства и автономией гражданского общества, между эффективностью развития и справедливым распределением, а также между традиционными моделями сотрудничества и потребностями цифровой трансформации. С точки зрения стратегических перспектив, качественный скачок в мягкой силе Китая в Центральной Азии и трансформация «духа Китай-Центральная Азия» из политического консенсуса в народную идентичность зависят от глубины сотрудничества в социальной сфере и расширения возможностей общества. Это включает: способность флагманских проектов, таких как железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан, реально изменить региональную структуру развития; способность взаимного открытия культурных центров и безвизового режима сформировать глубокую социальную идентичность; способность сотрудничества в новых областях, таких как «зелёные» инновации и искусственный интеллект, создать эффект демонстрации «совместной модернизации» [8, с. 16]. Только достигнув прорыва в этих измерениях, «дух Китай-Центральная Азия» сможет трансформироваться из концепции в живую практику, а Китай станет в восприятии народов Центральной Азии «достойным доверия, взаимовыгодным и симбиотическим цивилизационным партнёром».

Заключение

Саммит «Китай – Центральная Азия» отражает институционализацию, эффективность и диверсификацию применения мягкой силы Китая в регионе, знаменуя переход к новой парадигме в её построении. Двустороннее сотрудничество эволюционирует от инфраструктурной «жёсткой связности» к «мягкому усилению» потенциала управления. В основе данной стратегии лежит ценностное

лидерство «духа Китай – Центральная Азия» и практический путь к общей модернизации через высококачественное развитие, направленные на формирование общности с взаимосвязанными интересами, эмоциональным резонансом и разделением ответственности. Эта стратегия реализуется через многоуровневое институциональное сотрудничество в сферах политического доверия, экономической взаимосвязи, гуманитарных обменов, безопасности и глобальных инициатив, что одновременно отвечает потребностям развития центральноазиатских государств и служит интересам безопасности западных регионов Китая и его евразийской стратегической структуры. В настоящее время мягкая сила Китая в Центральной Азии характеризуется этапной особенностью: «официальная эффективность превосходит народную идентичность, экономическое влияние превышает культурную привлекательность».

Литература

1. Забелла, А.А. Саммитовая дипломатия Китая в Центральной Азии / А.А. Забелла, А.Н. Мелкина, Н.Н. Иметина // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 151–160.
2. Иброхимзода, У.Х. Саммит «Центральная Азия – Китай»: региональные аспекты и геополитические последствия / У.Х. Иброхимзода, М.О. Дмитриева, Ш.Ш. Ризоен // Известия Восточного института. – 2023. – № 4(60). – С. 131–139.
3. Лексютина, Я.В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы / Я.В. Лексютина // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 114–126.
4. Махмутова, Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии / Е.В. Махмутова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – Т. 28, № 28. – С. 88–99.
5. Николаев, Н.А. Второй саммит «Китай–Центральная Азия»: риски от институционализации формата растут? / Н.А. Николаев // Евразийские исследования. – 2025. – № 1. – С. 18–30.
6. Joseph, S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / S. Joseph, Jr. Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 25 p.
7. Ван, Ицзин. Позитивный дискурс в новостных сообщениях о саммите «Китай – Центральная Азия» в China Daily с точки зрения системы отношения. – Сиань: Сианьский университет иностранных языков, 2024.
8. Дэн, Хао. Построение сообщества единой судьбы «Китай – Центральная Азия»: современная ценность и практические пути // Современный мир. – 2023. – № 6. – С. 10–17.
9. Пэн, Дапэн. «Дух Китай – Центральная Азия» способствует высококачественному развитию регионального сотрудничества // Народный форум. – 2025. – № 12. – С. 56–59.
10. Саммит «Китай – Центральная Азия»: принесёт миру больше определённости и двигателей роста // Главный бухгалтер Китая. – 2025. – № 6. – С. 8.
11. Министерство иностранных дел КНР. Совместная декларация Астанинского саммита «Китай – Центральная Азия» (2025). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/jpcxdejzgyfzh/zxxx_144294/202506/t20250618_11652095.shtml (дата обращения: 09.09.2025).
12. Министерство иностранных дел КНР. Совместная декларация Сианьского саммита «Китай – Центральная Азия» (2023). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 08.09.2025).
13. Отчет – Второй саммит Китай–Центральная Азия. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newscen-tralasia.net/2025/06/18/otchet-vtoroy-sammit-kitay-tsentrlnaya-aziya/> (дата обращения: 10.09.2025).
14. Эксперты: Сотрудничество «ЦА – Китай» выходит за рамки торговли и приобретает институциональный вес. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/06/23/central-asia-china/> (дата обращения: 07.09.2025).

BUILDING CHINA'S "SOFT POWER" IN CENTRAL ASIA: THE "CHINA-CENTRAL ASIA" SUMMIT AS A STRATEGIC PILLAR

Liu Tao, Zhang Duo

Dalian University of Foreign Languages, Hebei North University

Against the backdrop of an evolving international geopolitical landscape, Central Asia has emerged as a strategic arena where global powers vie for influence. It also serves as a critical gateway for China's participation in global governance and the advancement of regional cooperation, holding pivotal significance within China's diplomatic strategy. Therefore, studying China's soft power policies in Central Asia contributes to a deeper understanding of contemporary Chinese foreign policy. The successful convening of the China–Central Asia Summit marks a new era of institutionalized and high-level development in relations between China and the five Central Asian countries, offering a crucial case study for analyzing the operational mechanisms of China's soft power in regional governance. Furthermore, it provides a theoretical foundation for understanding how China employs soft power to shape its national image and expand its influence in the region. This article analyzes how China enhances its regional influence in Central Asia and fosters a shared future community through soft power strategies across dimensions such as political mutual trust, economic and trade collaboration, cultural exchanges, security governance, and global initiatives.

Keywords: China – Central Asia Summit, Soft Power, Major-Country Diplomacy, Regional Cooperation, Challenges and Countermeasures.

References

1. Zabella, A.A., Melkina, A.N., & Imetinova, N.N. China's Summit Diplomacy in Central Asia // Post-Soviet Studies. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – P. 151–160.
2. Ibrokhimzoda, U.Kh., Dmitrieva, M.O., & Rizozen, Sh.Sh. The Summit "Central Asia – China": Regional Aspects and Geopolitical Consequences // Proceedings of the Oriental Institute. – 2023. – No. 4(60). – P. 131–139.
3. Leksyutina, Ya.V. China's Diplomacy in Central Asia: The Mechanism of Multi-level Partnerships and Multilateral Platforms // Post-Soviet Studies. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – P. 114–126.
4. Makhmutova, E.V. On the New Political Mechanism of China in Central Asia // China in World and Regional Politics: History and Modernity. – 2023. – Vol. 28, No. 28. – P. 88–99.
5. Nikolaev, N.A. The Second "China – Central Asia" Summit: Are the Risks of Institutionalizing the Format Growing? // Eurasian Studies. – 2025. – No. 1. – P. 18–30.
6. Joseph, S., Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 25 p.
7. Wang Yijing. Positive Discourse in News Reports on the "China–Central Asia" Summit in China Daily from the Perspective of Appraisal Theory. – Xi'an: Xi'an International Studies University, 2024.
8. Deng Hao. Building a Community of Shared Future of "China–Central Asia": Contemporary Value and Practical Paths // Contemporary World. – 2023. – No. 6. – P. 10–17.
9. Pang Dapeng. The "China–Central Asia Spirit" Contributes to High-Quality Development of Regional Cooperation // People's Forum. – 2025. – No. 12. – P. 56–59.

10. The "China–Central Asia" Summit: Will It Bring More Certainty and Growth Drivers to the World? // Chief Accountant of China. – 2025. – No. 6. – P. 8.
11. Ministry of Foreign Affairs of the PRC. Joint Declaration of the Astana "China – Central Asia Summit" (2025). – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/xjpcx-dejzgzyfh/zxxx_144294/202506/t20250618_11652095.shtml (accessed: 09.09.2025).
12. Ministry of Foreign Affairs of the PRC. Joint Declaration of the Xi'an "China – Central Asia Summit" (2023). – URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (accessed: 08.09.2025).
13. Report – The Second China – Central Asia Summit. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2025/06/18/otchet-vtoroy-sammit-kitay-tsentrlnaya-aziya/> (accessed: 10.09.2025).
14. Experts: "CA – China" Cooperation Goes Beyond Trade and Acquires Institutional Weight. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/06/23/central-asia-china/> (accessed: 07.09.2025).

Лю Ши,

аспирант, институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: 2765327887@qq.com

Старкин Сергей Валерьевич,

доцент, зав. кафедрой, кафедра политологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: starkin serge@mail.ru

Быстров Иван Владимирович,

магистр, институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: krasnoarmeetsZ@yandex.ru

Суй Лун,

аспирант, институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: 1476690792@qq.com

Работа посвящена исследованию стратегии и позиции Китайской Народной Республики в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ). Предметом исследования являются официальные дипломатические документы и заявления руководства Китая, касающиеся конфликта в Южно-Китайском море в различные периоды. Проблематика Южно-Китайского моря имеет длительную историю, с реализацией определенных стратегий, таких как «поворот к Азиатско-Тихоокеанскому региону», всё больше внерегиональных государств стали активно вмешиваться в территориальные споры между Китаем и странами Юго-Восточной Азии, что приводит к эскалации напряжённости в регионе. В статье представлены ряд выводов: в процессе урегулирования споров в Южно-Китайском море Китай применял различные стратегии, на современном этапе наблюдается ужесточение политики и переход к более жёсткой позиции по территориальным спорам, однако, учитывая заинтересованность со странами Юго-Восточной Азии, Китай придерживается мирного разрешения споров. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе современной стратегии Китая в Южно-Китайском море через призму смещения центра глобальной мощи на восток.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, Китайская Народная Республика, Юго-Восточные страны, территориальный спор, стратегическое партнёрство.

Введение

Южно-Китайское море, расположенное в западной части Тихого океана, является зоной международной напряжённости. При этом акватория, находящаяся в пределах так называемой «девятипунктирной линии», рассматривается как зона территориальных претензий КНР [1], в том числе архипелаг Наньша (Спратли), архипелаг Дунша (Пратас), архипелаг Сиша (Парасельские острова) и архипелаг Чжунша. Располагаясь к югу от Китая, этот регион имеет важное стратегическое значение для развития окружающих стран благодаря значительным запасам нефти и газа [2].

В последние годы наблюдается эскалация напряжённости в Южно-Китайском море, вызванная вмешательством ряда государств, действующих в соответствии с собственными геополитическими интересами [3]. Данная ситуация привела к обострению региональной обстановки и привлекла внимание третьих сторон к территориальным спорам [4]. Китайская Народная Республика, являясь ключевым участником территориальных споров в Южно-Китайском море, последовательно корректирует свою политику в соответствии с изменяющейся геополитической конъюнктурой. Позиция Китая играет определяющую роль в обеспечении мирного разрешения спорных вопросов в регионе.

Теоретические основания

Исследование позиции Китая в Южно-Китайском море опирается на научные работы, анализирующие геополитические, экономические и правовые аспекты региона. Важным теоретическим фундаментом выступают труды У Шицуня, директора-основателя Китайского института исследований Южно-Китайского моря. В его статье «Возникновение и развитие споров вокруг архипелага Наньша» (2022) [5] детально раскрывается динамика споров в Южно-Китайском море и позиции стран Юго-Восточной Азии. У Шицунь обосновывает, что право КНР на «девятипунктирную линию» имеет историческое обоснование и приоритет.

Значительный вклад в изучение позиции КНР по вопросу территориальных споров в Южно-Китайском море вносит работа Шао Цзяньпина, специалиста по вопросам Южно-Китайского моря. В статье «Тенденции споров в Южно-Китайском море и стратегический выбор Китая» (2018) [6] Шао Цзяньпин системно анализирует факторы, угрожающие стабильности в Южно-Китайском море, а также стратегические меры, применяемые Китаем для урегулирования споров в этом регионе. Важно отметить, что официальная позиция КНР неизменно направлена на поддержание мира в Южно-Китайском море.

Несмотря на обширную научную базу, многие аспекты остаются недостаточно изученными. В частности, в последние годы КНР выдвинула новые инициативы и политические подходы к урегулированию споров в Южно-Китайском море, однако наблюдается дефицит исследований, анализирующих современные тенденции в этой области, особенно в контексте стратегического партнёрства между Россией и странами Юго-Восточной Азии. Данное исследование призвано заполнить этот пробел.

Методология исследования

В основу исследования положен геополитический анализ, направленный на изучение взаимодействия Китая, России и стран Юго-Восточной Азии в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море. Ключевым концептом выступает «стратегическое партнёрство», которое рассматривается через призму территориальной целостности и баланса интереса.

Позиция и политика КНР

Политика и курс КНР в Южно-Китайском море преследует цели защиты и продвижения национальных интересов страны в экономической и геополитической сферах [7].

На начальном этапе споров вокруг Южно-Китайского моря правительство КНР предложило принцип «отложить споры и заняться совместным освоением» в качестве подхода к урегулированию региональных вопросов. В 1970–1980-х годах, в начале установления дипломатических отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии, в ходе встречи с президентом Республики Филиппины председатель КНР Дэн Сяопин выдвинул курс «отложить споры и заняться совместным освоением», направленный на урегулирование территориальных противоречий и обеспечение интересов вокруг архипелага Наньша (Спратли). Он заявил: «С исторической точки зрения архипелаг Наньша является неотъемлемой территорией Китая. Начиная с 1970-х годов споры за обладание архипелагами в Южно-Китайском море постоянно возникали. Учитывая развитие дружественных отношений между двумя странами, проблему Наньша можно временно отложить и прибегнуть к варианту совместного освоения». Он также подчеркнул, что эта проблема не должна препятствовать дружественным отношениям Китая с Филиппинами и другими странами. Это стало первым случаем, когда руководитель КНР официально предложил конкретный курс по урегулированию споров в Южно-Китайском море.

Помимо вышесказанной концепции, Дэн Сяопин изложил позицию о принадлежности суверенитета Китаю: в 1988 г. президент Республики Филиппины Корасон Акино посетил КНР, и в ходе встречи с ним Дэн Сяопин указал: «Архипелаг Наньша всегда принадлежал Китаю, и карты многих стран тоже могут это доказать». С тех пор лейтмотив курса «отложить споры и заняться совместным освоением» стал долгосрочной политикой Китая.

В докладе XIX Всекитайского съезда КПК показано, что в настоящее время развитие КНР по-прежнему находится в периоде стратегических возможностей, а создание стабильной и мирной международной среды остаётся ключевым условием защиты и продвижения национальных интересов Китая в сопредельных странах. Таким образом, курс «отложить споры и заняться совместным освоением» для Китая стал важным инструментом стабилизации внешнеполитической обстановки.

Но некоторые государства, чья внешняя политика связана со спорами в Южно-Китайском море, не поддерживают предложенный КНР подход к совместному освоению. В данной ситуации на протяжении продолжительного временного периода конфликтная динамика в Южно-Китайском море демонстрирует устойчивую тенденцию к эскалации, что привело к неполной реализации данного курса.

Поэтому Китай выдвинул другую инициативу. В августе 2014 года в ходе серии встреч министров иностранных дел стран Восточной Азии, состоявшихся в столице Мьянмы – Нейпидо, министр иностранных дел КНР

Ван И предложил стратегию «двухколейного подхода» для разрешения проблем в Южно-Китайском море. Основной тезис данной стратегии заключается в том, что конкретные споры должны решаться мирным путём через переговоры и консультации между непосредственно заинтересованными сторонами, Китай и страны АСЕАН должны совместно поддерживать мир и стабильность в регионе [8].

В ноябре 2014 года премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян принял участие в Восточноазиатском саммите, организованном в Мьянме. Он вновь разъяснил и обозначил позицию «двухколейного подхода». С этого момента Китай начал применять данную стратегию для урегулирования споров в Южно-Китайском море. Данный шаг имеет важное значение для геополитической разрядки в регионе [5].

«Двухколейный подход» принял более гибкую форму, изменив прежнюю модель двусторонних переговоров и сделав акцент на многосторонних диалогах. Этот курс затронул вопросы суверенитета над спорными островами и рифами, а также закрепил новый статус АСЕАН в решении вопросов Южно-Китайского моря [9], тем самым в определённой степени сдержав тенденцию к интернационализации территориальных споров в регионе.

Китай долгое время придерживался курсов «совместного освоения» и «двухколейного подхода» в Южно-Китайском море. Однако в последнее десятилетие, в связи с экспансионистской политикой внерегиональных держав (прежде всего США и Японии) [10, 11], спор уже нельзя назвать региональным [12], поэтому КНР начала ужесточать свою политику и поддерживать более жёсткий вектор в отношении территориальных споров. Это привело к последовательному наращиванию китайского военного присутствия в регионе, особенно с тех пор, как Си Цзиньпин пришёл к власти, Китай регулярно демонстрирует возросшую мощь ВМС НОАК в районе спорных островов, и осуществил проекты по мелиорации, создал искусственные острова. Военно-дипломатические взаимодействия между Китаем и странами Юго-Восточной Азии также наращиваются [13, 14].

8 ноября 2024 года власти Филиппин приняли два закона – о морских зонах и о морских коридорах. В частности, филиппинский закон о морских зонах направлен на закрепление в форме внутреннего законодательства решений арбитража по Южно-Китайскому морю, которые, с точки зрения КНР, являются незаконными. С позиции китайского правительства, данный закон включил в филиппинские территориальные воды и исключительную экономическую зону большинство рифов и связанных с ними вод вблизи китайского острова Хуаньяндао и архипелага Наньша. КНР отвергает этот закон как неправомерный.

10 ноября 2024 года правительство Китая установило и обнародовало исходные линии и базисные точки территориальных вод в районе острова Хуаньяндао. Данный шаг Китая в сфере можно расценивать как дипломатический ответ на предыдущие изменения в политике Филиппин. Эта мера больше узаконивает суверенитет КНР над островом Хуаньяндао, что знаменует важный шаг для Китая на пути защиты своих прав и интересов в Южно-Китайском море посредством юридических инструментов [5].

В марте этого года министр иностранных дел Китая Ван И вновь упомянул вопрос Южно-Китайского моря на пресс-конференции в рамках «двух сессий». Ван И заявил: «Не существует проблем, которые нельзя решить посредством диалога, и нет задач, которые невозможно решить путём сотрудничества. Однако тот, кто намерен нарушать наши законные права, непременно

получит адекватный ответ, а тот, кто пытается стать пешкой в геополитической игре, будет брошен на произвол судьбы». Это заявление вновь продемонстрировало в публичном дискурсе решимость КНР отстаивать свои законные права в Южно-Китайском море [15]. Эти меры свидетельствуют о том, что КНР ужесточает свою политику.

Следовательно, анализ ответных мер китайского правительства по вопросу Южно-Китайского моря в последние годы свидетельствует об ужесточении политики и занятии более жёсткой позиции в отстаивании суверенитета и национальных интересов.

Заключение

В условиях усложняющейся международной конъюнктуры возникновение и урегулирование конфликтов, включая споры в Южно-Китайском море, характеризуются каскадными эффектами, что требует комплексного многофакторного анализа в долгосрочной перспективе.

Китайская Народная Республика, являясь ключевым участником территориальных споров в Южно-Китайском море, принимает соответствующие меры и отстаивает позицию для защиты национальных интересов, включая курсы «отложить споры и заняться совместным освоением» и «двухколейного подхода». Китайская сторона последовательно заявляет о приверженности принципу мирного урегулирования споров в Южно-Китайском море через многосторонние переговорные механизмы.

Однако стремительный экономический подъём Азии и связанное с ним смещение глобального стратегического фокуса на восток превратили богатый ресурсами регион Южно-Китайского моря в арену стратегического соперничества, что привело к усложнению региональной обстановки. В данном контексте в последние годы Китай осуществил соответствующую корректировку своей политики в отношении Южно-Китайского моря, перейдя к занятию более жёсткой и принципиальной позиции. Китайское правительство активизировало проведение военных учений в регионе, что способствовало повышению значимости военной дипломатии в его внешнеполитической стратегии. Но следует отметить, что, хотя активное использование данного инструмента предоставляет Китаю возможность стать гарантом всеобщей безопасности, это одновременно вызывает озабоченность и негативную реакцию со стороны Юго-Восточной Азии, приводя к эскалации напряжённости в Южно-Китайском море.

Литература

1. Чжоу Сяоюй. Позиция Китая по вопросу Южно-Китайского моря: от поддержания стабильности к защите прав // *Международные отношения*. 2024. № 1. С. 101–112.
2. Fravel M.T. China's strategy in the South China Sea // *Contemporary Southeast Asia*. 2011. № 33(3). Pp. 292–319.
3. Бредихин А.В. Южно-китайское море – реальность и подход России // *Архонт*. 2022. № 29(2). С. 4–11.
4. Янь Бинлян. Политика США в отношении Южно-Китайского моря в период администрации Б. Обамы (2009–2017) // *Международные отношения: история, теория, практика*. Минск: БГУ, 2021. С. 112–118.
5. У Шицунь. Возникновение и развитие споров вокруг Наньша. // П.: Чжунхуа шуцзюй, 2022.
6. Шао Цзяньпин. Тенденции споров в Южно-Китайском море и стратегический выбор Китая //

Исследование экономического сообщества Индийского океана. 2018. № 6. С. 56–66.

7. Wu Shicun. Preventing confrontation and conflict in the South China Sea // *China International Strategy Review*. 2020. № 2(1). Pp. 36–47.
8. Понька Т. И., Бельченко А.С., Трусова А.А. Двухвекторный подход кнр к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. № 17(3). С. 518–529.
9. Ван Вэй, Цветов П.Ю. Сотрудничество Китая и России с АСЕАН: основные формы, направления, результаты // *Обозреватель*. 2021. № 1(372). С. 56–68.
10. Разумовская В.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // *Юридическая наука*. 2024. № 12. С. 355–361.
11. Верисова А.Д. Южно-Китайское море как зона столкновения интересов США и КНР: эскалация противостояния в 2009 г. // *История и современное мировоззрение*. 2023. № 5(3). С. 120–125.
12. Сигаури-Горский Е.Р. Подходы к интерпретации «линии девяти пунктиров» в китайской науке международного права // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 7(223) С. 149–151.
13. Мельничук С.А. Политика КНР по обеспечению суверенитета в Южно-Китайском море: кто защищает интересы Китая // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. № 2(51). С. 65–78.
14. Чжао Даньян. Вред Западного Колониализма Для Региона Южно-Китайского Моря // *The Newman in Foreign Policy*. 2023. № 73(117). С. 6–10.
15. Линь Лэй. Стратегия поворота на восток: эволюция и влияние на китайско-российские отношения // *Власть*. 2025. № 33(1). С. 15–22.

CONFLICT AROUND THE SOUTH CHINA SEA: CHINA'S POSITION

Liu Shiyi, Starkin S.V., Bystrov I.V., Xu Long

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

The paper examines the strategy and position of the People's Republic of China regarding territorial disputes in the South China Sea (SCS). The study focuses on official diplomatic documents and statements by the Chinese leadership concerning the SCS conflict across different periods. The South China Sea issue has persisted for an extended duration. Following the implementation of the U.S. "pivot to Asia-Pacific" strategy, increasing numbers of extra-regional countries have actively intervened in territorial disputes between China and Southeast Asian nations, leading to escalating tension in the region. And article presents a number of conclusions: China maintains a consistent position defending national interests within the nine-dash line region; in the process of settling South China Sea disputes, China has used various strategies including "shelving disputes and pursuing joint development" and "dual-track approach", at the present stage, there is a trend of policy tightening and a shift toward more rigid position on territorial disputes, but China continues to support peaceful resolution due to mutual interests with Southeast Asian countries. The scientific novelty of the research lies in its comprehensive analysis of China's contemporary strategy in the South China Sea through the lens of the eastward shift of the global power center.

Keywords: the South China Sea, the People's Republic of China, Southeast Asian countries, regional conflict, strategic cooperation.

References

1. Zhou Xiaoyu. China's position on the South China Sea issue: From maintaining stability to protecting rights // *International relations*. 2024. № 1. Pp. 101–112.
2. Fravel M.T. China's strategy in the South China Sea // *Contemporary Southeast Asia*. 2011. № 33(3). Pp. 292–319.

3. Bredikhin A.V. South China Sea – reality and Russia's approach // Arkhont. South China Sea – reality and Russia's approach // Arkhont. 2022. № 29(2). Pp. 4–11.
4. Yan Bingliang. US policy towards the South China Sea during the Obama administration (2009–2017) // International relations: history, theory, practice. Minsk: BSU, 2021. Pp. 112–118.
5. Wu Shicun. The origin and development of the Nansha controversy // P.: Zhonghua Shuju, 2022.
6. Shao Jianping. Trends of disputes in the South China Sea and China's strategic choice // Research of the Indian Ocean Economic Community. 2018. № 6. Pp. 56–66.
7. Wu Shicun. Preventing confrontation and conflict in the South China Sea // China International Strategy Review. 2020. № 2(1). Pp. 36–47.
8. Ponka T. I., Belchenko A.S., Trusova A.A. China's Two-Vector approach to resolving territorial disputes in the South China Sea // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. № 17(3). Pp. 518–529.
9. Wang Wei, Tsyetov P. Yu. Cooperation of China and Russia with ASEAN: main Forms, directions, results // Observer. 2021. № 1(372). Pp. 56–68.
10. Razumovskaya V.V. Territorial disputes in the South China Sea: the current state of the problem // Legal Science. 2024. № 12. Pp. 355–361.
11. Verisova A.D. The South China Sea as an arena of U.S.-China interests collision: escalation of the confrontation in 2009 // History and modern worldview. 2023. № 5(3). Pp. 120–125.
12. Sigauri-Gorsky E.R. Approaches to the interpretation of the “nine-dash line” in Chinese science of international law // Agrarian and land law. 2023. № 7(223). Pp. 149–151.
13. Melnichuk S.A. China's policy on ensuring sovereignty in the South China Sea: Who protects China's interests // Southeast Asia: current development issues. 2021. № 2(51). Pp. 65–78.
14. Zhao Danyang. The harm of Western colonialism to the South China Sea region // The Newman in Foreign Policy. 2023. № 73(117). Pp. 6–10.
15. Lin Lei. The “Pivot to the East” strategy: evolution and impact on China-Russia relations // Power. 2025. № 33(1). Pp. 15–22.

Леликов Никита Андреевич,
студент аспирантуры, РАНХиГС

Статья посвящена анализу опыта Лиги Наций как первой универсальной международной организации, созданной по итогам Первой мировой войны для предотвращения новых конфликтов и обеспечения коллективной безопасности. Рассматриваются институциональные основы, заложенные Лигой, её роль в формировании принципов глобального управления и ограничения, связанные с отсутствием политической воли и единства среди ведущих держав. Особое внимание уделено противоречию между универсалистскими целями организации и закреплением Версальской системы, а также влиянию Лиги Наций на формирование Организации Объединённых Наций и современных международных институтов. На основе историко-политического анализа делается вывод о значимости Лиги Наций как прецедента институционализации мирового порядка, несмотря на её неспособность предотвратить Вторую мировую войну.

Ключевые слова: Лига Наций; Версальская система; коллективная безопасность; международные организации; глобальное управление; международные отношения; Организация Объединённых Наций; межвоенный период.

Лига Наций, учрежденная по итогам Парижской мирной конференции (1919–1920) и закреплённая в Версальском договоре 1919 года, традиционно рассматривается как первая универсальная международная организация, призванная предотвратить войны и обеспечить стабильный мировой порядок. Однако многие авторы указывают лишь на очевидные аспекты деятельности Лиги – несовершенство санкционного механизма, отсутствие ряда ключевых держав, а также неспособность предотвратить Вторую мировую войну. В данной статье Лига Наций предлагается к рассмотрению не только как неудавшийся проект межвоенного мироподдержания, но и как важнейший прецедент формирования институциональных механизмов глобального управления. Сочетая исторический анализ и оценку факторов мирового порядка, статья показывает, что опыт Лиги Наций, с одной стороны, продемонстрировал фундаментальные ограничения международных организаций в условиях отсутствия консолидированной политической воли, а с другой – заложил институциональные основы, впоследствии унаследованные Организацией Объединённых Наций и современными международными институтами.

Формирование Лиги Наций проходило в контексте колоссальных разрушений Первой мировой войны, когда ключевые державы стремились предотвратить повторение подобного конфликта. Важную идеологическую роль сыграли «четыренадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона, где подчеркивалась необходимость создания универсальной структуры, способной мирно урегулировать спорные вопросы. Однако, несмотря на эти либерально-идеалистические предпосылки, американский Сенат отказался ратифицировать Версальский договор, и США так и не вошли в состав Лиги [1]. Отсутствие столь влиятельного актора снижало универсальность организации, что, в свою очередь, противоречило провозглашённому принципу коллективной безопасности. Более того, Советский Союз вступил в Лигу только в 1934 году, а уже в 1939 был исключен, что свидетельствует о подвижности баланса сил и политических симпатий в межвоенный период.

С точки зрения современного понимания международных организаций как инструментов глобального управления, Лига Наций может быть охарактеризована как первая попытка институционализировать мировой порядок на основе нескольких ключевых принципов. Прежде всего, в Устав (Covenant) Лиги была включена концепция коллективной безопасности, предполагавшая, что агрессия против одного государства автоматически влечет коллективный ответ со стороны остальных [2]. Кроме того, провозглашалось мирное урегулирование споров при содействии международных органов, включая Совет Лиги и Постоянный Суд Международной Правосудия (PCIJ). В том, что касается экономического и политического взаимодействия, организация должна была содействовать созданию правовых норм и многосторонних соглашений по вопросам международной торговли, разоружения и защиты прав рабочих. Подобная институциональная логика, хотя и не была достаточно укреплена на практике, предвосхитила многие черты будущих глобальных организаций, включая ООН [3].

Особенность Лиги Наций как эксперимента по институционализации мирового порядка заключалась в том,

что она изначально была создана на базе Версальского договора, во многом отражавшего геополитические интересы держав-победительниц. Противоречие между универсалистскими целями организации и защитой статус-кво, навязанного побежденным странам, стало одним из структурных ограничителей эффективности Лиги [4]. Германия, не принимавшая участие в формировании правил мироустройства, воспринимала Лигу скорее как инструмент подавления, а не как пространство равноправного сотрудничества. Италия и Япония, будучи первоначальными участниками Совета, проявляли растущие реваншистские и экспансионистские устремления, которые Лига, при отсутствии механизма принуждения, не могла остановить. Именно это двойственное положение – между идеалом коллективной безопасности и реальной борьбой держав за сохранение собственных интересов – обозначает Лигу Наций как экспериментальную площадку для понимания ограничений международных институтов в эпоху многополярности.

С точки зрения структуры и функционирования, Лига Наций была организована вокруг Генеральной Ассамблеи и Совета, в который входили постоянные и непостоянные члены. Такой формат отчасти напоминает Совет Безопасности ООН и Генеральную Ассамблею в современных реалиях. Однако принцип единогласия в Совете Лиги резко снижал способность оперативно принимать решения [5]. Любая крупная держава имела де-факто право вето, что автоматически делало невозможным согласование действий против агрессора, если этот агрессор являлся одним из постоянных членов. Помимо этого, экономические санкции, предусмотренные Уставом, применялись весьма нерешительно. В результате события, связанные с японской агрессией в Маньчжурии (1931–1932) и вторжением Италии в Эфиопию (1935–1936), наглядно показали, что без реальной военной поддержки и единства держав-участников Лига не способна принудить нарушителя к соблюдению правовых норм [6].

Важно отметить, что деятельность Лиги Наций не ограничивалась вопросами предотвращения войн. Организация активно участвовала в решении гуманитарных задач, включая репатриацию военнопленных и борьбу с эпидемиями, а также способствовала созданию Международной организации труда (МОТ), одним из первых примеров специализированных учреждений при международных структурах (ILO, 1920). Тем самым Лига пыталась закладывать базу для более всеобъемлющего мирового порядка, в котором не только предотвращаются вооруженные конфликты, но и развиваются социальные и экономические стандарты сотрудничества. Этот гуманитарный и социальный вектор впоследствии нашел отражение в работе ООН, но опыт Лиги оставляет вопрос о том, насколько успешным может быть подобное начинание при отсутствии консенсуса между основными центрами силы.

Подход к Лиге Наций исключительно как к «провалившемуся проекту» межвоенной дипломатии не учитывает важности институционального прецедента, который она создала. Для современной науки о международных отношениях опыт Лиги примечателен тем, что иллюстрирует проблему несовместимости великих идей о коллективной безопасности с отсутствием политической воли и разобщенностью ключевых акторов. Трудности, связанные с недостижимостью единогласия в Совете, отсутствием важнейших держав и конфликтами экономических интересов, говорят о том, что развитие системы глобального управления требует не только формального регламентирования – например, прописанных санкций или договоренностей о разоружении, но и внедрения ме-

ханизмов, способных преодолеть или сгладить противоречия национального суверенитета и амбиций. С этой точки зрения Лигу Наций можно рассматривать как первое большое испытание идей нового мирового порядка, основанного на праве и мультилатерализме.

Встает вопрос, что опыт Лиги Наций дает нам сегодня, когда функционируют более совершенные институты глобальной безопасности и сотрудничества, такие как ООН, Всемирная торговая организация или различные многосторонние режимы в сфере климата и кибербезопасности [7]. Во-первых, Лига доказала, что нельзя переоценивать значение правовых норм и институтов, если крупные державы не принимают на себя реальных обязательств. Во-вторых, она продемонстрировала уязвимость моделей коллективной безопасности в ситуациях, когда принципы справедливости и универсальности не сочетаются с послевоенным раскладом сил – пример Версальской системы, закрепившей значительное неравенство и наложившей тяжелые условия на побежденные державы, явно показал это противоречие.

В-третьих, Лига выявила важность гуманитарной и социальной составляющих в деятельности международных организаций: несмотря на неэффективность в деле предотвращения Второй мировой войны, такие направления работы Лиги, как борьба с эпидемиями, развитие трудовых стандартов и социальная помощь беженцам, в значительной степени легли в основу будущих структур ООН, оказывая влияние на гуманитарное право и международное развитие до наших дней.

Таким образом, Лига Наций, хотя и не справилась с ключевой функцией по предотвращению новой мировой войны, может рассматриваться как экспериментальный образец глобального института, который пытался наладить системное многостороннее сотрудничество, опираясь на идеи коллективной безопасности и верховенства права. Этот эксперимент провалился во многом из-за несовместимости универсалистских принципов с национальными интересами ведущих держав, отсутствия ряда ключевых участников (США и позднее СССР), а также слабой санкционной составляющей. Тем не менее, ее опыт несет ценный урок для любой системы мирового порядка: международная организация должна основываться не только на формализованных нормах, но и на политической воле государств, готовых поддерживать эти нормы, даже если это противоречит их сиюминутным экономическим или геополитическим интересам. В контексте современных дискуссий о реформе Совета Безопасности ООН, развитии региональных союзов и необходимости более широкого участия негосударственных акторов, Лига Наций остается примером того, как попытка внедрения новых глобальных институтов с высокими целями может столкнуться с барьерами национального суверенитета, геополитических амбиций и внутриаполитической разобщенности.

Литература

1. Knock, T.J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. // Princeton: Princeton University Press. – 2019. – p. 87
2. Wight, M. Power Politics. // London: Royal Institute of International Affairs. – (1946). – p. 51
3. Groom, A.J.R., & Taylor, P. Frameworks for International Cooperation. // London: Pinter. – 1990. – p. 117.
4. Henig, R. The League of Nations. // London: Oliver & Boyd. – 1973. – p. 54
5. Northedge, F.S. The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946. // Leicester: Leicester University Press. – 1986. – p. 74

6. Carr, E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. // London: Macmillan. –1939. – p. 72
7. Groom, A.J.R., & Taylor, P. Frameworks for International Cooperation. // London: Pinter. – 1990. – p. 117.

THE LEAGUE OF NATIONS AS AN INSTRUMENT OF WORLD ORDER

Lelikov N.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the experience of the League of Nations as the first universal international organization created following the First World War to prevent new conflicts and ensure collective security. The article examines the institutional foundations laid by the League, its role in shaping the principles of global governance, and the limitations associated with the lack of political will and unity among the leading powers. Particular attention is paid to the contradiction between the universalist goals of the organization and the consolidation of the Versailles system, as well as the influence of the League of Nations on the formation of the United Nations and modern international institutions. Based on the historical and political analysis, a conclusion is made about the significance of the League of Na-

tions as a precedent for the institutionalization of world order, despite its inability to prevent the Second World War.

Keywords: League of Nations; Versailles system; collective security; international organizations; global governance; international relations; United Nations; interwar period.

References

1. Knock, T.J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. // Princeton: Princeton University Press. – 2019. – p. 87
2. Wight, M. Power Politics.// London: Royal Institute of International Affairs. –(1946). – p. 51
3. Groom, A. J. R., & Taylor, P. Frameworks for International Cooperation. // London: Pinter. – 1990. – p. 117.
4. Henig, R. The League of Nations. // London: Oliver & Boyd. – 1973. – p. 54
5. Northedge, F.S. The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946. // Leicester: Leicester University Press. – 1986. – p. 74
6. Carr, E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. // London: Macmillan. –1939. – p. 72
7. Groom, A. J. R., & Taylor, P. Frameworks for International Cooperation. // London: Pinter. – 1990. – p. 117.

Эволюция традиционной и публичной дипломатии Франции на современном этапе: институциональная ригидность и меняющийся инструментарий

Мариничев Николай Андреевич,

аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО
МИД России

E-mail: nik-marinichev@yandex.ru

Дипломатические практики XXI века входят в новую глобальную эру, где границы между государствами размываются, а профессиональные дипломаты постепенно теряют своё привилегированное положение основных представителей международного общения. Франция активно адаптируется к новой реальности, сочетая инструментарий традиционной и публичной дипломатии, что даёт стране возможность успешно конкурировать на мировой арене. Автор статьи стремится выявить особенности динамики развития внешней политики и дипломатии Франции, её институциональной трансформации и способов применения нового инструментария. Исследование позволяет выявить специфику внешней политики Франции на современном этапе, выделить применяемые ей наиболее успешные дипломатические практики, а также рассмотреть ключевые вызовы, на которые Французская дипломатия вынуждена искать сегодня ответ.

Ключевые слова: публичная дипломатия, традиционная дипломатия, дипломатическая служба, мягкая сила, внешняя политика Франции, национальные интересы, акторы международных отношений.

Введение

Дипломатические практики XXI века входят в новую глобальную эру политического, социального-культурного и экономического развития, где границы между государствами размываются, а профессиональные дипломаты постепенно теряют своё привилегированное положение основных представителей международного общения. Стремясь инструментализировать новую парадигму, государства, по-прежнему, наиболее влиятельные международные акторы, сами расширяют методы внешнеполитического воздействия на своих контрагентов. Посредством применения новых технологий в публичной дипломатии они стремятся, в первую очередь, взаимодействовать непосредственно с обществами других стран [Мариничев, 2025].

Франция активно адаптируется к новой реальности, сочетая инструментарий традиционной и публичной дипломатии. Являясь одним из наиболее влиятельных глобальных игроков мировой политики XX и XXI вв., Франция представляет собой безусловный интерес для изучения.

Ключевой целью настоящей статьи станет выявление особенностей динамики развития внешней политики и дипломатии Франции, её институциональной трансформации и способов применения нового инструментария. Наиболее успешные дипломатические практики Французской Республики могут быть рассмотрены в перспективе потенциальной рецепции и апробации в реалиях Российской внешней политики.

В современном геополитическом контексте традиционная дипломатия Франции опирается на положение страны на мировой арене, сложившееся в силу ряда историко-культурных, экономических, демографических и технологических факторов, которые заслуживают отдельного упоминания. Современная Франция является страной-постоянным членом Совета безопасности ООН, одним из ведущих членов нескольких ключевых международных альянсов (ЕС, НАТО, G7, ОБСЕ). Французская дипломатия занимает 5 место в мире по масштабу разветвлённости сети дипломатических представительств и глобального присутствия. [Lowy Institute Global Diplomacy Index, 2024] В технологическом плане Французская Республика обладает третьим после России и США ядерным арсеналом, страна активно инвестирует в передовые технологии, включая развитие ИИ [Business France, 2025]. На французском языке говорит 321 миллион человек, а Париж регулярно входит в рейтинги самых популярных туристических направлений в мире.

Несмотря на институционально устойчивое положение на мировой арене Франция сталкивается с рядом вызовов технологического, геостратегического, военного характера по всему миру (Африка, Европа, Средняя Азия, Тихоокеанский регион). Вместо того, чтобы «сменить парадигму» [Madaule, 2025] и чётко сформулировать миру собственные национальные интересы, французское руководство предпочитает часто идти в фарватере общеевропейской или американской политики.

Согласно ряду исследователей, чтобы продолжить быть дипломатически конкурентоспособной, Франция

должна начать искать новые подходы и инструменты для представления себя на мировой арене [Gliniasty, 2024].

Теоретические основы традиционной и публичной дипломатии

Дипломатия традиционно понимается как «официальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государств, а также по защите прав и интересов государства за границей» [Громыко, 1986]. Однако в современных условиях к инструментам классической «официальной» дипломатии добавляется применение «публичной» дипломатии, ориентированной на взаимодействие не только с официальными представителями других стран, но и с широкой международной аудиторией.

По определению, одной из ведущих российских специалистов в области международных отношений, Т.В. Зоной, публичная дипломатия – это комплексная деятельность государства, цель которой заключается в формировании благоприятного имиджа страны, а также в воздействии на общественное мнение за рубежом посредством политиков, деятелей культуры, СМИ, НПО и даже отдельных пользователей социальных сетей [Зонава, 2017]. При этом «публичность», в значении открытости и доступности, всё чаще становится неотъемлемой чертой и традиционной, «профессиональной» дипломатии. Например, профессиональные дипломаты сегодня повсеместно обращаются к использованию в своей работе социальных сетей, блогов, которые позволяют им доносить свою позицию доступным языком, адресуя свои послания не только иностранным коллегам, но и широкой общественности.

Концептуальные истоки публичной дипломатии во многом связаны с исследованиями представителей американской неолиберальной школы (Д. Митрани, К. Кеглей, Р. Кеохейн, Дж. Най и др.). Они указывают на появление на мировой арене целого ряда новых акторов (ТНК, религиозные объединения, международные организации), которые сами становятся проводниками публичной дипломатии, продвигая свои идеологические и культурные ценности.

В российской науке становление публичной дипломатии, её адаптация к цифровым технологиям и изменениям в международной среде подробно рассматриваются в коллективной монографии под ред. М.М. Лебедевой «Публичная дипломатия: Теория и практика». Различные аспекты публичной дипломатии изучали П.А. Цыганков, А.В. Долинский, Е.А. Антохова, К.П. Боришполец, Ю.А. Никитина и другие авторы. Их работы подчёркивают, что в XXI веке линейное противопоставление «официальной» и «публичной» дипломатии уступает место комплексному подходу, где государственные и негосударственные усилия дополняют друг друга.

Представляется важным провести также разграничение между понятием внешней политики государства и его традиционной или официальной дипломатией. Согласно ведущим французским исследователям в области международных отношений и дипломатии Тьерри Бальзаку и Фредерику Рамелю, внешняя политика государства находится всегда как бы на «мета-уровне». Она служит для формирования и формулирования идентичности, определения его собственных интересов и ценностей. В то время как дипломатия обладает конкретным набором инструментов и практик, позволяющих различным акторам (но не только государствам и его официальным представителям) претворять в жизнь цели внешней политики [Ramel, 2018].

Во Франции, которая на протяжении веков культивировала своё дипломатическое искусство и до сих пор сохраняет обширное международное присутствие, сферы традиционной и публичной дипломатии тесно переплетены. С одной стороны, государственные структуры и высшие должностные лица (президент, правительство, министерство Европы и иностранных дел) остаются главными субъектами внешнеполитической деятельности. С другой стороны, современная публичная дипломатия вовлекает в процесс принятия и реализации внешнеполитических решений новые акторы: неправительственные организации, частный сектор, религиозные и культурные институты, социальные сети. Так формируется сложный механизм, в котором классические дипломатические инструменты сочетаются с мягкой силой и различными формами экономико-политического и культурно-медийного влияния [Ramel, 2018].

Особенности традиционной дипломатии Франции

Одной из наиболее устойчивых особенностей внешней политики Франции в период Пятой республики (с 1958 г. и до сегодняшнего дня) является её «президентская» природа. Как указывает французский историк, специалист по международным отношениям Морис Вайс, «президентциализация» внешней политики с момента принятия конституции Французской пятой республики 1958 г. рассматривалась как часть так называемой «сферы исключительного ведения» главы государства. Этот принцип получил дальнейшее укрепление с введением в 2002 году пятилетнего президентского мандата, когда президент получил большую свободу действий именно на внешнеполитической арене, в то время как во внутренней политике он вынужден считаться с различными общественными организациями гражданского общества, а также балансом сил в парламенте [Vaïsse, 2022].

В результате сегодня французское министерство Европы и иностранных дел зачастую играет роль исполнительного органа, реализующего решения, принятые в Елисейском дворце (официальная резиденция президента Франции). Количество министров иностранных дел, сменившихся за время действия Пятой республики, значительно превышает число президентов, что дополнительно подчёркивает доминирование фигуры президента республики. Однако это не означает, что «Набережная Орсе» (неформальное название внешнеполитического ведомства по его парижскому адресу, Quai d'Orsay) утратила своё значение: она сохраняет значительную аналитическую и информационную роль, готовит переговорные позиции страны и осуществляет дипломатические контакты на всех уровнях. В случае многосторонних встреч, таких как саммиты «большой семёрки» (G7) или конференции по вопросам безопасности, профессиональные дипломаты обеспечивают координацию и детальную проработку позиций Франции [Vaïsse, 2022].

Трансформация дипломатического корпуса Франции

Следуя логике «укрупнения» и иерархического соподчинения отдельных элементов государственной власти, президент Франции Эммануэль Макрон инициировал реформу высшей государственной службы, а также дипломатической службы, во многом усилив этим позиции Елисейского дворца по отношению официальным МИ-Дом Франции. Важным этапом этого институционального переустройства дипломатического аппарата стал

Декрет № 2022–561 от 16 апреля 2022 года, который интегрировал кадровый состав Министерства Европы и иностранных дел в более широкую структуру высшей государственной службы. Согласно этому указу, сотрудники дипломатического корпуса, в том числе занимающие высшие должностные позиции в МИДе, теперь в ходе своей карьеры смогут переходить на службу в другие министерства, также как и должностные лица иных ведомств могут получать дипломатические назначения. По логике французского Правительства такая ротация может открыть новые возможности профессионального развития. Фактически предполагается, что, пройдя конкурс в кадровый резерв высшего эшелона государственной службы, любой управленец становится своего рода «универсальным солдатом», способным проводить в жизнь политику государства, идёт ли речь об экономических реформах или налаживании международных связей.

Одновременно с этим данная реформа вызвала критику со стороны многих карьерных дипломатов, которые посчитали, что она создаёт риски утраты узкопрофильных компетенций и некой «корпоративной культуры» дипломатического сословия. Так, в июле 2022 года в докладе группы французских сенаторов «О будущем дипломатического корпуса Франции» прямо утверждалось, что «... (эта реформа) ослабляет дипломатический аппарат Франции и влияние страны, которое поддерживается в Совете безопасности ООН не столько за счет экономических или военных достижений, сколько благодаря исключительному качеству ее дипломатического персонала» [Grand, 2022].

Тем не менее, гибкость и многофункциональность рассматриваются текущим политическим руководством Франции как один из способов укрепления позиций страны в быстро меняющейся мировой системе.

При этом внешнеполитический аппарат Франции в последние десятилетия действительно сохраняет высокий уровень профессионализма и престижа. Например, Соглашения Рамбуйе 1999 г., Парижская конференция по изменению климата 2015 года, Парижский саммит 2019 г. по урегулированию украинского кризиса и другие встречи на высшем уровне демонстрируют, как именно через «практику дипломатии» формируется внешняя политика страны. Эта практика сочетается с постоянной адаптацией к условиям современного международного взаимодействия: вовлечению в переговоры всё большего числа негосударственных акторов, расширению форматов переговоров (от классических двусторонних до многосторонних инициатив), а также повышению роли СМИ и общественных институтов [Ramel, 2018].

Применение публичной дипломатии Франции сегодня

Современная публичная дипломатия Франции выходит за рамки классических взаимодействий «государство – государство» и становится «целым космосом», в котором действуют политики, деятели науки, культуры и образования, а также СМИ, международные неправительственные организации и миллионы пользователей соцсетей [Зонва, 2017]. Таким образом, целью публичной дипломатии Франции становится обеспечение положительного имиджа страны за рубежом, распространение французского языка, культуры, научных и образовательных программ, а также влияние на формирование общественного мнения в странах-партнёрах.

В этом контексте Франция, безусловно, действует согласно теории «мягкой силы» Дж. Ная, в рамках которой государство, стремясь повысить свою привлекатель-

ность, усиливает воздействие на зарубежные общества через культурные, экономические, образовательные и информационные инструменты [Nye, 2021].

«Мягкая сила» по-французски сегодня реализуется через разнообразные программы Министерства Европы и международных отношений, которые охватывают вопросы от защиты прав человека и гуманитарных мер, продвижения французской экономики и бизнеса зарубежом, до программ по содействию международному развитию, цифровой, научной и спортивной дипломатии, а также поддержки и продвижения французского языка и культуры [France Diplomatie, 2025].

Во Франции действует широкая сеть государственно-частных механизмов, позволяющих привлекать к реализации публичной дипломатии не только дипломатов и чиновников, но и предпринимателей, деятелей науки, культуры и медиа. Растёт значение франкофонных проектов, которые совмещают языковую политику с продвижением идей гуманизма, демократии и прав человека. Это находит выражение, например, в деятельности сети культурных центров «Альянс Франсез» и проектов Campus France, ориентированных на продвижение французского языка и образования зарубежом. Экономические инициативы ведутся под эгидой таких институций как «Международное движение французских предприятий зарубежом» (MEDEF International), своеобразный глобальный профсоюз директоров крупнейших корпораций, поддерживаемый французскими властями. Инициативы по международной помощи развитию проходят через разветвлённую сеть инвестиционных структур «Французского агентства по развитию» (AFD) [France Diplomatie, 2025].

В качестве отдельного примера, можно рассмотреть стратегию применения публичной дипломатии Франции на африканском континенте. Сильные культурно-исторические связи и общий лингвистический код, как важный фактор франко-африканских отношений, противопоставляется болезненному колониальному прошлому и переосмыслению роли бывшей метрополии в судьбе Африки [Рубинский, 2024]. Это обуславливает неэффективность традиционных подходов и, в частности, исторического военно-дипломатического присутствия Франции на континенте. Публичная дипломатия Франции в таких условиях призвана не только укреплять диалог по культурно-образовательным и языковым вопросам, но и доказывать свою актуальность в сфере совместных инфраструктурных проектов, экономических реформ и гуманитарных программ [Абрамова, 2023]. Примером такого проекта может стать строительство крупнейшей в Африке солнечной электростанции, расположенной в Марокко, и профинансированной Французским агентством по развитию на сумму в 150 млн евро [AFD, 2025].

Несмотря на растущую значимость публичной дипломатии, центральная роль в формировании внешней политики Франции по-прежнему принадлежит президенту республики, а также министерству Европы и иностранных дел.

Координация программ публичной дипломатии – от организации культурных фестивалей, визитов и конференций до информационных кампаний в социальных сетях – неизбежно сопряжена с официальными дипломатическими инициативами. Таким образом, публичная дипломатия переходит из вспомогательной области в разряд одного из главных инструментов внешнеполитического влияния, а государственные институты играют здесь системообразующую роль, задавая общие рамки и цели [Vaïsse, 2022].

В этом контексте особое значение отводится организации саммитов и форумов, посвящённых вопросам развития, образования, безопасности и сотрудничества (включая многосторонние форматы в рамках международной организации Франкофонии или разнообразных программ Европейского союза). Анализируя деятельность французских дипломатов в различных структурах (ООН, ЕС, ОБСЕ и др.), следует отметить, что успех публичной дипломатии зачастую зависит не только от грамотного планирования, но и от личной инициативы отдельных послов, чьи личные контакты и репутация становятся решающим фактором успеха отдельных инициатив [Vaïsse, 2022].

Критические вопросы и современные вызовы

Ключевым вызовом как для французской традиционной, так и публичной дипломатии, пожалуй, является остро назревший кризис французской идентичности. После распада СССР и установления значительного доминирования США, Франция во многом потеряла свою роль независимого игрока, находившего в 20 веке возможности играть сразу на нескольких шахматных досках параллельно, балансируя между своими Европейскими соседями, СССР, США, а также незападными странами, продвигая при этом собственную повестку [Madaule, 2025].

В XXI веке Франция оказалась в гораздо более шатком положении. Её собственный вес внутри Евросоюза, хотя и значительный, всё же оказался, по мнению ряда исследователей, во многом размыт в пользу Германии и Евробюрократии [Gliniasty, 2024]. Не имея возможности или не желая продвигать собственную повестку и формулировать свои национальные интересы, Франция предпочитает солидаризироваться по абсолютному большинству вопросов со своими европейскими соседями, прикрываясь «западными универсальными ценностями». Такой подход, подчас оказывающийся непоследовательным и избирательным (например, разница позиций Франции касательно кейсов Косово и Крыма), вызывает изумление и непонимание у западных партнёров Франции [Gliniasty, 2024].

Другим вызовом развития публичной дипломатии становится цифровизация, быстрое распространение информации в сетях и новые формы глобальных коммуникаций, которые требуют от французских дипломатов оперативной реакции и умения конкурировать за внимание аудитории. Требуется согласование с внутренними политическими ограничениями и общественными настроениями во Франции: не все инициативы на внешнем направлении могут найти безусловную поддержку внутри страны [Vaïsse, 2022].

Выводы

Таким образом, современная внешняя политика Франции реализуется на основе двойного инструментария: традиционной (официальной) и публичной дипломатии. Традиционная дипломатия опирается на многовековой опыт участия Франции в международных отношениях, её государственные институты и исторически сложившуюся практику принятия внешнеполитических решений. Публичная же дипломатия всё больше становится не просто дополнением, а неотъемлемой частью внешней политики, где государство взаимодействует с максимально широким спектром частных акторов.

Президентская модель внешнеполитического руководства в современной Франции отражает конституционные особенности Пятой республики, обеспечивая главе государства ключевую роль в установлении меж-

дународной повестки. Однако Министерство Европы и иностранных дел сохраняет свою роль, развивая институциональную экспертизу и обеспечивая подготовку кадров, способных сочетать традиционный дипломатический протокол с публичной активностью в сфере медиа, культуры, образования и гуманитарных проектов. В то же время, стремление к универсализации карьерных дипломатов, их «обезличивание» в попытке создания технократов управленцев общего профиля, способных выполнять свои задачи в любых условиях, вызывает серьёзные вопросы.

Сочетание классических дипломатических инструментов и публичной дипломатии даёт Франции возможность успешно конкурировать на мировой арене. Именно умение адаптироваться к стремительно меняющимся условиям и активно задействовать механизмы «мягкой силы» определяет перспективы дальнейшего развития французской дипломатии.

Особое внимание привлекает широта «спектра интересов» французской внешней политики, охватывающей повестку от привычных вопросов международной безопасности, нераспространения ядерного оружия и международного права, до проблем «феминистической» дипломатии, вопросов климата, окружающей среды и цифровой дипломатии.

Таким образом, представляется важным в дальнейшем продолжить исследование дипломатических практик Франции. В частности, особенно актуальным стало бы потенциальное рассмотрение и углублённый анализ различных акторов и направлений французской публичной дипломатии. А также более подробное изучение вопросов применения Францией публичной дипломатии в парадигме выстраивания отношений с отдельными стратегическими партнёрами.

Литература

1. Абрамова И.О. Африка: неоплаченный долг колонизаторов. Колл. Авт., отв. ред. И.О. Абрамова. — М.: Институт Африки РАН, 2023—122 с. ISBN 978-5-91298-296-5
2. Громыко А.А. Дипломатический словарь: в 3 томах / Ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, [и др.]. — 4-е, переработанное и дополненное издание. — Москва: Наука, 1984—1986.
3. Зонина Т.В. Дипломатия: Модели, формы, методы: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 348 с.
4. Лебедева М.М. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 272 с.
5. Мариничев Н.А. Цифровые технологии в международном научном сотрудничестве Франции // Новые технологии в мировой политике / Под ред. М.М. Лебедевой, Е.С. Зиновьевой, — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. — 259 с.
6. Рубинский Ю.И. Агония «Франсафрик» / Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / Институт Европы РАН. Москва: Институт Европы РАН, Издательство «Весь Мир», 2024. — 40 с.
7. AFD. 2025. Le plus grand complexe solaire thermodynamique des pays du Sud à Ouarzazate // <https://www.afd.fr/fr/carte-des-projets/le-plus-grand-complexe-solaire-thermodynamique-des-pays-du-sud-ouarzazate>
8. Balzacq T., Ramel F. «Histoire et théorie de la diplomatie». Manuel de diplomatie / sous la direction de Thierry Balzacq, Frédéric Charillon, Frédéric Ramel. — Paris: Presses de Sciences Po, 2018.

9. Décret n° 2022–561 du 16 avril 2022 portant application au ministère de l'Europe et des affaires étrangères de la réforme de la haute fonction publique et modifiant le décret n° 69–222 du 6 mars 1969 relatif au statut particulier des agents diplomatiques et consulaires // ELI: <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/decret/2022/4/16/EAEA2204635D/jo/texte>
10. France Diplomatie. 2025. Politique étrangère de la France // <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/>
11. Gliniasty, Jean de. France, une diplomatie déboussolée. Paris: L'inventaire. 2024.
12. Gourévitch, Jean-Paul. La France en Afrique, 1520–2020: vérités et mensonges. Paris: l'Harmattan. 2020.
13. Grand, Jean-Pierre. 2022. Rapport d'information fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées (1) sur l'avenir du corps diplomatique, Par MM. Jean-Pierre GRAND et André VALLINI, Sénateurs. Enregistré à la Présidence du Sénat le 13 juillet 2022 // https://www.senat.fr/rap/r21-777/r21-777_mono.html
14. Intelligence artificielle (IA). 2025 Business France. <https://www.businessfrance.fr/investir-en-france/secteurs-cles-en-france/intelligence-artificielle>
15. L'Observatoire de la langue française. Organisation internationale de la Francophonie. <https://www.francophonie.org/la-langue-francaise-dans-le-monde-305>.
16. Lowy Institute Global Diplomacy Index 2024". globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org. Retrieved 2025–04–23.
17. Madaule, Stéphane. "La France Doit Changer de Paradigme Si Elle Veut Délivrer UN Message d'espoir Au Monde" La Croix, March 6, 2025. <https://www.la-croix.com/a-vif/la-france-doit-changer-de-paradigme-si-elle-veut-delivrer-un-message-d-espoir-au-monde-20250306>.
18. Nye, J.S. 2021. Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*, 14, 196–208.
19. Pigeaud, F. 2021. L'Afrique et le sentiment antifrçais. Dans: Bertrand Badie éd., La France, une puissance contrariée: L'état du monde 2022 (pp. 189–195). Paris: La Découverte. <https://doi.org/10.3917/dec.badie.2021.01.0189>
20. Vaïsse, Maurice. Diplomatie française: Outils et acteurs depuis 1980. Paris (15 rue Soufflot 75005): Odile Jacob. 2022.

THE EVOLUTION OF TRADITIONAL AND PUBLIC DIPLOMACY OF FRANCE IN THE CONTEMPORARY ERA: INSTITUTIONAL RIGIDITY AND A CHANGING TOOLKIT

Marinichev N.A.
MGIMO University

The diplomatic practices of the 21st century are entering a new global era in which the boundaries between states are becoming increasingly blurred, and professional diplomats are gradually losing their privileged status as the primary agents of international communication. France is actively adapting to this new reality by combining tools of traditional and public diplomacy, enabling the country to successfully compete on the global stage. This article seeks to identify the specific features in the evolution of France's foreign policy and diplomacy, its institutional transformation, and the application of new diplomatic instruments. The study reveals the distinctive characteristics of France's contemporary foreign policy, highlights its most effective diplomatic practices, and examines the key challenges that French diplomacy is currently compelled to address.

Keywords: Public diplomacy, traditional diplomacy, diplomatic service, soft power, French foreign policy, national interests, actors of international relations.

References

1. Abramova I. Africa: Colonizers' Unpaid Debt / ed. by I. Abramova. – Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2023. – 112 p. ISBN 978-5-91298-297-2. (In Russ.)
2. AFD. 2025. Le plus grand complexe solaire thermodynamique des pays du Sud à Ouarzazate // <https://www.afd.fr/fr/carte-des-projets/le-plus-grand-complexe-solaire-thermodynamique-des-pays-du-sud-ouarzazate>
3. Balzacq T., Ramel F. «Histoire et théorie de la diplomatie». Manuel de diplomatie / sous la direction de Thierry Balzacq, Frédéric Charillon, Frédéric Ramel. – Paris: Presses de Sciences Po, 2018.
4. Décret n° 2022–561 du 16 avril 2022 portant application au ministère de l'Europe et des affaires étrangères de la réforme de la haute fonction publique et modifiant le décret n° 69–222 du 6 mars 1969 relatif au statut particulier des agents diplomatiques et consulaires // ELI: <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/decret/2022/4/16/EAEA2204635D/jo/texte>
5. France Diplomatie. 2025. Politique étrangère de la France // <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/>
6. Gliniasty, Jean de. France, une diplomatie déboussolée. Paris: L'inventaire. 2024.
7. Gourévitch, Jean-Paul. La France en Afrique, 1520–2020: vérités et mensonges. Paris: l'Harmattan. 2020.
8. Grand, Jean-Pierre. 2022. Rapport d'information fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées (1) sur l'avenir du corps diplomatique, Par MM. Jean-Pierre GRAND et André VALLINI, Sénateurs. Enregistré à la Présidence du Sénat le 13 juillet 2022 // https://www.senat.fr/rap/r21-777/r21-777_mono.html
9. Gromyko, A.A. Diplomatic Dictionary: In 3 Volumes / Ed. by A.A. Gromyko, A.G. Kovalev, P.P. Sevostyanov, [et al.]. – 4th revised and expanded edition. – Moscow: Nauka, 1984–1986. (In Russ.)
10. Intelligence artificielle (IA). 2025 Business France. <https://www.businessfrance.fr/investir-en-france/secteurs-cles-en-france/intelligence-artificielle>
11. L'Observatoire de la langue française. Organisation internationale de la Francophonie. <https://www.francophonie.org/la-langue-francaise-dans-le-monde-305>.
12. Lebedeva M.M., ed. Public diplomacy: Theory and practice: scientific publication. Moscow, AspektPress, 2017. 272 p. (In Russ.)
13. Lowy Institute Global Diplomacy Index 2024". globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org. Retrieved 2025–04–23.
14. Madaule, Stéphane. La France Doit Changer de Paradigme Si Elle Veut Délivrer UN Message d'espoir Au Monde. La Croix, March 6, 2025. <https://www.la-croix.com/a-vif/la-france-doit-changer-de-paradigme-si-elle-veut-delivrer-un-message-d-espoir-au-monde-20250306>.
15. Marinichev, N.A. Digital Technologies in France's International Scientific Cooperation // New Technologies in World Politics / Ed. by M.M. Lebedeva, E.S. Zinovyeva. – Moscow: Aspect Press, 2025. – 259 p.
16. Nye, J.S. 2021. Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*, 14, 196–208.
17. Pigeaud, F. 2021. L'Afrique et le sentiment antifrçais. Dans: Bertrand Badie éd., La France, une puissance contrariée: L'état du monde 2022 (pp. 189–195). Paris: La Découverte. <https://doi.org/10.3917/dec.badie.2021.01.0189>
18. Rubinsky, Y.I. The Agony of "Françafrique" // The African Vector of France's Foreign Policy: A Difficult Farewell to "Françafrique" / Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. – Moscow: Institute of Europe RAS, Ves Mir Publishing House, 2024. – 40 p. (In Russ.)
19. Vaïsse, Maurice. Diplomatie française: Outils et acteurs depuis 1980. Paris (15 rue Soufflot 75005): Odile Jacob. 2022.
20. Zonova, T.V. Diplomacy: Models, Forms, Methods: A University Textbook. – Moscow: Aspect Press, 2017. – 348 p. (In Russ.)

Роль племенных структур в политическом процессе современных государств Аравийского полуострова

Махмудов Алихан Исламович,

магистр, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: alikhan1454@yandex.ru

В условиях ярко выраженных масштабных социально-экономических трансформаций, которые происходят на Аравийском полуострове, анализ устойчивости традиционных социальных институтов приобретает особую актуальность. Данное исследование нацелено на изучение адаптации родоплеменных структур к реалиям современных политических систем региона и определению их амбивалентной роли в этих процессах. Ключевое научное противоречие, рассматриваемое в статье, заключается в оценке конечного вектора влияния трайбализма – является ли он стабилизирующим фактором, инкорпорированным во властную вертикаль, или же представляет собой латентную угрозу для национального единства и меритократических принципов управления. По итогам выполненной работы автор приходит к выводу, что племя не просто сохранилось как социальный реликт, но и глубоко интегрировалось в государственный аппарат через весьма сложную систему неформального патронажа и формального представительства, образуя симбиотическую, но потенциально нестабильную связь с правящими элитами. Авторский вклад состоит в комплексном сравнительном анализе моделей взаимодействия «государство-племя» в различных странах полуострова, что позволяет отойти от рассмотрения соответствующих вопросов исключительно как пережитка прошлого. Изложенные материалы будут полезны политологам, востоковедам, специалистам в области международных отношений, а также тем, кто занимается изучением современных политических процессов на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Аравийский полуостров, государственное строительство, монархии Персидского залива, неформальные институты, патронаж, племя, политический процесс, трайбализм

Введение

Аравийский полуостров, колыбель древних цивилизаций и центр глобальной энергетической политики, представляет собой уникальный регион, где стремительная модернизация сочетается с глубоко укоренившимися социальными институтами. Среди них родоплеменная структура занимает особое место.

Вопреки прогнозам о ее неизбежном отмирании под натиском глобализации и государственного строительства, племя не просто сохранилось, но и адаптировалось, продолжая оказывать мощное воздействие на политические процессы в таких странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Кувейт, Оман, Йемен.

В рамках данной статьи автор нацелен на анализ механизмов и форм этого влияния, а также на оценку той двойственной роли, которую племенные структуры играют в обеспечении как стабильности, так и потенциальной уязвимости современных аравийских монархий и республик. Представляется, что племя является не пережитком прошлого, а динамичным актором, который интегрирован в достаточно сложную систему неформальных и формальных властных отношений.

Материалы и методы

Обзор источников, использованных при подготовке статьи, показал, что изучение роли племенных структур на Аравийском полуострове ведется с опорой на исторический и политологический подходы. Ряд авторов обращается к истокам проблемы, рассматривая политическую организацию региона в доисламскую эпоху [9] и анализируя саму концепцию племенного суверенитета в ее ретроспективном и современном выражении [10]. В трудах, которые посвящены современности, племена рассматриваются как значимые негосударственные акторы, интегрированные в политические системы монархий Персидского залива через неформальные каналы влияния, что детально показано на кейсе ОАЭ [1]. Вместе с тем, на примере Йемена демонстрируется и деструктивная роль племенной раздробленности, препятствующая формированию единого государства [2]. Исследователи, фокусирующиеся на Саудовской Аравии, изучают анализируемый фактор в контексте механизмов принятия политических решений [7] и как один из элементов, определяющих стабильность режима в условиях турбулентности [4]. Проблематика пограничных конфликтов – как в случае с Катаром – также зачастую имеет в своей основе исторические межплеменные противоречия [8]. Этот комплекс изысканий дополняется публикациями, в которых освещается более широкий контекст: общая геополитическая значимость региона [6], специфика института гражданства, тесно связанного с племенной принадлежностью [3], вызовы модернизации, инновационной политики [5], которые напрямую влияют на традиционные социальные структуры.

Основное противоречие в литературе носит неявный характер и касается оценки конечного влияния трайбализма (речь идёт о форме групповой обособленности, характеризующейся внутренней замкнутостью и исключи-

тельностью, обычно сопровождаемой враждебностью по отношению к другим группам). Часть авторов рассматривает племенные структуры как стабилизирующий элемент, который правящие режимы успешно кооптировали в систему патрон-клиентских отношений. Другие же, особенно на примере Йемена, подчеркивают их дезинтегрирующий потенциал, который подрывает основы государственности.

При написании статьи были применены следующие методы:

- системный подход – позволил рассмотреть политическую систему государств региона как совокупность взаимосвязанных звеньев, где племенные структуры служат важной подсистемой;
- сравнительно-исторический – задействован для сопоставления эволюции отношений «государство-племя» в разных странах полуострова с учетом их уникальных ретроспективных траекторий;

- институциональный анализ – использовался с целью изучения как формальных институтов (органы власти, армия), так и неформальных (меджлис, «васта»), через которые реализуется влияние племен.

Результаты и обсуждение

Исторически – до формирования централизованных государств в их нынешнем виде – племя выступало в качестве основной формы политической и социальной организации на Аравийском полуострове. Лояльность индивида принадлежала, в первую очередь, его клану и племени, которые обеспечивали защиту, правосудие, доступ к ресурсам [9].

Становление современных государств в XX веке, особенно после открытия колоссальных запасов углеводородов, не уничтожило эту систему, а скорее, трансформировало ее (таблица 1).

Таблица 1. Эволюция роли племенных структур в политическом процессе государств Аравийского полуострова (составлено на основе [1, 4–6, 9])

Этап	Временные рамки	Характеристика	Особенности политического процесса
Традиционный	До начала XX века	Племя – главная форма социальной и политической организации; шейхи играют роль верховных правителей, опора на кровнородственные связи	Отсутствие централизованных государств, политическая власть рассредоточена между племенными союзами
Колониальный и ранне-национальный	Начало – середина XX века	Племенные элиты вовлекаются в контакт с колониальными администрациями и новыми государственными институтами; племена сохраняют автономию	Формирование протогосударств (Саудовская Аравия, Йемен, султаны), племенная лояльность используется при заключении союзов
Централизация	Середина XX века (1950–1970-е)	Роль племён ограничивается – государства проводят модернизацию, создают регулярные армии, бюрократию; однако власть часто легитимизируется через племенные связи	Усиление центральной власти (Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман), начало перераспределения ресурсов в обмен на политическую лояльность
«Нефтяные» государства	1970–1990-е	Экономическая рента от нефти снижает самостоятельность племён – они интегрируются в систему патронажных отношений, получают ресурсы через государство	Племенная структура становится частью политической элиты; традиционные механизмы адаптируются к современным институтам
Современный трансформационный этап	2000-е – по настоящее время	Идентичности сохраняются, но всё больше играют символическую, культурную, электоральную роль; государство контролирует распределение ресурсов и безопасность	Влияние племён заметно в кризисных ситуациях (например, Йемен), но в стабильных монархиях (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар) они встроены в правящие коалиции

Правящие династии, сами вышедшие из влиятельных племенных конфедераций (как, например, Аль Сауд в Саудовской Аравии или Аль Тани в Катаре), строили свои государства не на «обломках» старого порядка, а путем его инкорпорации. Они использовали родоплеменные связи в целях легитимации своей власти, заключая стратегические союзы, которые скреплены брачными узами и взаимными обязательствами.

Открытие нефтяных месторождений дало в руки правителей мощный инструмент – ренту, позволившую создать разветвленную систему патронажа. Государство стало верховным распределителем благ, а племенные лидеры – шейхи – превратились в важных посредников между центральной властью и членами своих общин. Таким образом, сложилась симбиотическая модель, где режим обеспечивает племенные субъекты ресурсами (рабочие места в госсекторе, субсидии, земельные участки), а племена, в свою очередь, гарантируют лояльность и социальный контроль на местах.

Воздействие родоплеменных структур на политическую среду региона многогранно и проявляется через несколько ключевых механизмов (рис. 1).

Так, наиболее очевидным является функционирование племен как неформальных сетей влияния. В системе, где личные связи зачастую важнее формальных процедур, концепция «васта» (посредничество, протекция) имеет первостепенное значение. Принадлежность к влиятельному племени открывает доступ к государственным должностям, выгодным контрактам. Это помогает в решении бюрократических вопросов. Правители активно задействуют данный механизм, назначая представителей ключевых племен на важные посты, особенно в силовых структурах. Ярким примером служит Национальная гвардия Саудовской Аравии, которая долгое время комплектовалась по племенному принципу и рассматривалась как противовес регулярной армии, обеспечивая лояльность важнейших племен правящей семье [10].

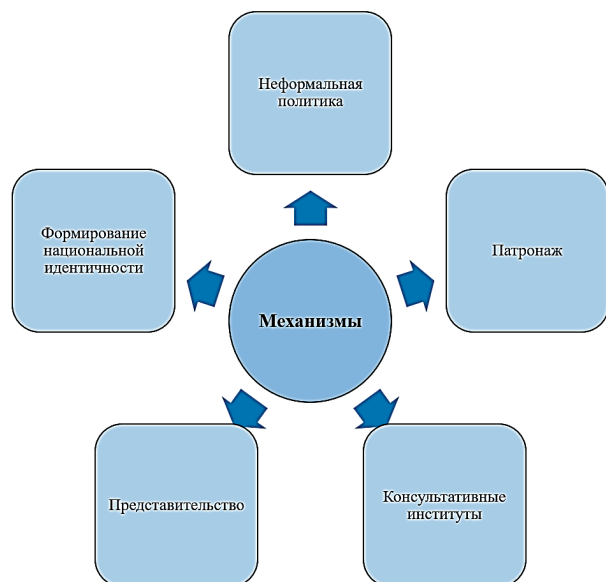

Рис. 1. Базовые механизмы воздействия родоплеменных структур на политическую среду в государствах Аравийского полуострова

(составлено на основе [2, 3, 8, 10])

Традиционный институт меджлиса (совета), где правитель или его представитель встречается с подданными, включая племенных старейшин, по сей день остается ключевым каналом коммуникации. Эти собрания

помогают элитам «держать руку на пульсе» общественных настроений, улаживать конфликты на ранней стадии, демонстрировать свою приверженность традиционным ценностям совещательности. Хотя формальные представительные органы – парламенты (в Кувейте) или консультативные советы (в других монархиях Залива) – существуют, избирательные кампании в них зачастую строятся не на идеологических платформах, а на мобилизации племенного и конфессионального электората. Кандидаты апеллируют, в первую очередь, к своим соплеменникам, что превращает выборы в своего рода соревнование между различными родовыми группами.

Целесообразно отметить, что правящие режимы используют племенное наследие и в идеологических целях. С одной стороны, они стремятся сформировать единую национальную идентичность, которая стоит над племенными различиями. С другой – активно апеллируют к бедуинской культуре, верблужьим бегам, соколиной охоте как к общему культурному достоянию нации. Характеризуемая стратегия даёт возможность укрепить легитимность монархий, представляя их как естественных хранителей исконных традиций. Между тем, здесь кроется и противоречие – чрезмерное подчеркивание племенной принадлежности порой препятствует формированию гражданского общества и меритократических принципов управления.

Невзирая на общие черты, степень и характер влияния племен существенно варьируются от страны к стране (таблица 2).

Таблица 2. Сопоставление роли племенных структур в политическом процессе современных государств Аравийского полуострова (составлено на основе [1, 2, 4, 7, 8])

Страны	Особенности
Саудовская Аравия и ОАЭ	Наблюдается наиболее успешная модель кооптации племенных элит в государственную структуру. Власть умело балансирует интересы крупных конфедераций, интегрируя их в экономику и силовые ведомства.
Кувейт и в меньшей степени Катар	Фактор активно проявляется в электоральной политике, где племена выступают как влиятельные группы давления, которые способны влиять на состав парламента и даже на политику правительства.
Оман	Представляет собой особый случай, где Султану Кабусу удалось в ходе своей модернизации значительно ослабить политическую роль племен, создав сильные централизованные институты и армию, построенную на национальном принципе. Тем не менее, социальная значимость племенной идентичности сохраняется.
Йемен	Слабость центрального правительства привела к тому, что мощные конфедерации (Хашид и Бакиль) превратились в самостоятельных военно-политических акторов. Лояльность государству оказалась вторичной по отношению к племенным интересам, что стало одной из ключевых причин затяжного внутреннего конфликта и фактического коллапса государственности.

Таким образом, в таблице отражены разнообразные конструктивные примеры. А наиболее показательной демонстрацией деструктивной роли племенного фактора является Йемен.

Заключение

Современные государства Аравийского полуострова стоят перед серьезными вызовами, которые, вероятно, повлияют на дальнейшую эволюцию отношений между государством и племенем. Экономические реформы, направленные на диверсификацию и снижение зависимости от нефти (как, например, «Видение 2030» в Саудовской Аравии), опираются на сокращение госсектора и субсидий. Это может подорвать традиционную патронажную систему, которая обеспечивает лояльность племен.

В дополнение к отмеченному, новое поколение, получившее западное образование и активно использующее социальные сети, рискует оказаться менее восприимчивым к традиционным иерархиям.

Подводя итоги, уместно резюмировать, что родоплеменные структуры остаются неотъемлемым элементом политической среды Аравийского полуострова. Они не являются статичным реликтом, а представляют собой гибкую социальную систему, приспосабливающуюся к меняющимся условиям. Для правящих режимов племена – это и опора власти, обеспечивающая общественную стабильность, и потенциальный источник угрозы в случае ослабления центрального контроля или сокращения ресурсной базы.

Как представляется, последующее развитие региона во многом будет зависеть от того, смогут ли эти государства успешно трансформировать патерналистскую модель отношений с племенами в более устойчивую форму гражданского партнерства, базирующегося на общих национальных интересах, а не только на распределении ренты.

Литература

1. Адрианов А.К. Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива

на современном этапе (на примере ОАЭ) // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 70–90.

2. Альаруси З. Трудности формирования единого Йеменского государства // Культура и природа политической власти: теория и практика. Сборник научных трудов. – Екатеринбург: 2022. – С. 21–25.
3. Бибикина О.П. «Неграждане» в странах Аравийского полуострова // Россия и мусульманский мир. – 2023. – № 2 (328). – С. 68–85.
4. Дербенев А.С. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 3 (13). – С. 273–285.
5. Мирилашвили Ш.Г. Инновационная политика стран Ближнего Востока // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 10. – № 1 (154). – С. 73–79.
6. Наумкин В.В. Роль Ближнего Востока в глобальной политике // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013–2023). Сборник статей. – Санкт-Петербург: 2023. – С. 479–485.
7. Отман А.Х.О. Принятие политических решений в Королевстве Саудовская Аравия: факторы и риски // XI Рязанские социологические чтения: развитие территории в условиях современных вызовов. Материалы Национальной научно-практической конференции. – Москва: 2021. – С. 332–337.
8. Родригес-Фернандес А.М. Катар в эпицентре внутриаравийских пограничных конфликтов (XX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 75–87.
9. Korieva R.G. The political situation of the Arabian Peninsula in the pre-islamic era // Eo ipso. – 2025. – № 5. – С. 60–63.
10. Pittz T., Adler T., Claw C. The institution of tribal sovereignty: From historical challenges to modern Expressions // Journal of Management History. – 2024. – URL: <https://www.emerald.com/jmh/article-abstract/doi/10.1108/JMH-06-2024-0096/1253909/The-institution-of-tribal-sovereignty-from?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 24.09.2025).

THE ROLE OF TRIBAL STRUCTURES IN THE POLITICAL PROCESS OF MODERN STATES OF THE ARABIAN PENINSULA

Makhmudov A.I.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Amid the profound large-scale socio-economic transformations occurring on the Arabian Peninsula, the analysis of the resilience of traditional social institutions takes on special relevance. This study aims to examine the adaptation of tribal structures to the realities of the region's modern political systems and to determine their ambiv-

alent role in these processes. The key scholarly contradiction addressed in the article lies in assessing the ultimate vector of tribalism's influence: whether it is a stabilizing factor incorporated into the state's power structure or whether it constitutes a latent threat to national unity and the principles of meritocratic governance. The author concludes that the tribe has not merely survived as a social relic but has become deeply integrated into the state apparatus through a highly complex system of informal patronage and formal representation, forming a symbiotic yet potentially unstable bond with the ruling elites. The author's contribution consists of a comprehensive comparative analysis of «state-tribe» interaction models across different countries of the peninsula, which facilitates a departure from viewing these dynamics merely as a relic of the past. The material presented will be useful for political scientists, specialists in Middle Eastern studies, international relations experts, and anyone engaged in the study of contemporary political processes in the Middle East.

Keywords: Arabian Peninsula, state-building, Gulf monarchies, informal institutions, patronage, political process, tribe, tribalism.

References

1. Adrianov A.K. Tribes as non-state actors in the Arab monarchies of the Persian Gulf at the present stage (using the example of the UAE) // International Analytics. – 2024. – Vol. 15. – No. 3. – Pp. 70–90.
2. Alarusi Z. The difficulties of forming a unified Yemeni State // Culture and the nature of political power: theory and practice. Collection of scientific papers. – Yekaterinburg: 2022. – Pp. 21–25.
3. Bibikova O.P. “Non-Citizens” in the Countries of the Arabian Peninsula // Russia and the Muslim World. – 2023. – No. 2 (328). – Pp. 68–85.
4. Derbenev A.S. Saudi Arabia in the Millstones of Political Turbulence // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – No. 3 (13). – Pp. 273–285.
5. Mirilashvili Sh.G. Innovative Policy of the Middle East Countries // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2025. – Vol. 10. – No. 1 (154). – Pp. 73–79.
6. Naumkin V.V. The Role of the Middle East in Global Politics // Lectures and Reports by Members of the Russian Academy of Sciences at SPbGUP (2013–2023). Collection of Articles. – Saint Petersburg: 2023. – Pp. 479–485.
7. Otman A.Kh.O. Making Political Decisions in the Kingdom of Saudi Arabia: Factors and Risks // XI Ryazan Sociological Readings: Territory Development in the Face of Modern Challenges. Materials of the National Scientific and Practical Conference. – Moscow: 2021. – Pp. 332–337.
8. Rodriguez-Fernandez A.M. Qatar in the Epicenter of Intra-Arabian Border Conflicts (20th Century) // Locus: People, Society, Cultures, and Meanings. – 2025. – Vol. 16. – No. 1. – Pp. 75–87.
9. Korieva R.G. The political situation of the Arabian Peninsula in the pre-islamic era // Eo ipso. – 2025. – No. 5. – Pp. 60–63.
10. Pittz T., Adler T., Claw C. The institution of tribal sovereignty: From historical challenges to modern Expressions // Journal of Management History. – 2024. – URL: <https://www.emerald.com/jmh/article-abstract/doi/10.1108/JMH-06-2024-0096/1253909/The-institution-of-tribal-sovereignty-from?redirectedFrom=fulltext> (date of request: 24.09.2025).

Фульбе в системе современных международных отношений: транснациональный негосударственный актор

Умару Сиссе Булкассум,

аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Старкин Сергей Валерьевич,

заведующий кафедрой, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена анализу роли Фульбе как транснационального негосударственного актора в системе современных международных отношений. Опираясь на конструктивистскую теорию, автор исследует, каким образом Фульбе, одна из крупнейших кочевых этнических групп Африки, сохраняют свою культурную идентичность в условиях глобализации, маргинализации со стороны государства и растущих угроз безопасности в регионе Сахеля и Западной Африки. В исследовании подчеркивается устойчивость Фульбе, проявляющаяся через этнокультурную дипломатию, и международную адвокацию, несмотря на недостаточное представительство в институтах глобального управления.

Работа охватывает два ключевых периода, трансформацию после окончания Холодной войны (1990–2010 гг.) и эскалацию региональных кризисов с 2011 года. Особое внимание уделяется трансграничной мобильности, экологическим вызовам и политической стигматизации Фульбе (в том числе феномену «пуллофобии»), а также формированию политического самосознания и участию в миротворческих инициативах, несмотря на дискриминацию и вооружённые конфликты.

Методологическая база исследования включает историко-сравнительный, этнографический и социокультурный подходы, анализ документов, дискурсивный анализ, а также сравнительный метод.

В качестве источников использованы труды африканских, российских и западных учёных, а также отчёты международных организаций. В итоге автор приходит к выводу, что транснациональная идентичность и социополитическая активность Фульбе бросают вызов традиционным парадигмам международных отношений и подчёркивают необходимость инклюзивного подхода к вопросам безопасности и глобального управления в странах Глобального Юга. Данное исследование заключается в комплексном и междисциплинарном подходе к изучению Фульбе как транснационального сообщества, находящегося на пересечении традиционного образа жизни и современных вызовов международных отношений. Впервые Фульбе рассматриваются не только как объект этнографического интереса, но и как активный субъект политических, культурных и социальных трансформаций в Западной и Центральной Африке. Работа основывается на сочетании историко-политического, этнологического и социолингвистического подходов, что позволяет глубже понять особенности Фульбе как народа, активно участвующего в трансграничной мобильности, этнической самоидентификации и процессах глобального управления. Такое исследование способствует переосмыслению роли Фульбе в современных международных отношениях и расширяет академическое представление о транснациональных этнических группах в условиях глобализации.

Ключевые слова: транснациональность, этническая идентичность, маргинализация, пуллофобия, глобальное управление, этнокультурная дипломатия, цифровая мобилизация, негосударственный актор, трансграничная мобильность, инклюзивность.

Введение

Актуальность исследования

Современная система международных отношений демонстрирует возрастание роли негосударственных акторов, среди которых особое место занимают этнические и транснациональные сообщества. Этнос фульбе (Фулани, Фула) – крупнейшее кочевое сообщество Африки численностью более 40 млн человек, расселённое на обширной территории Сахеля и Центральной Африки. Объединённые языком, культурой и исламскими традициями, фульбе формируют уникальную идентичность, которая становится важным фактором международной политики.

Исследовательская проблема

Фульбе, будучи крупнейшей этнической группой Сахеля, сталкиваются с маргинализацией, дискриминацией и ограниченным представительством. Недостаточно изучено, как их этнокультурная идентичность и транснациональный характер влияют на международные процессы.

Исследовательский вопрос

Каким образом историческое, культурное и политическое наследие фульбе формирует их современную роль как транснационального негосударственного актора в международных отношениях Африки?

Объект исследования

Этнос фульбе как культурно-историческое и политическое явление.

Предмет исследования

Предметом исследования является анализ фульбе как транснационального негосударственного актора, играющего активную роль в международных процессах.

Цель исследования

Показать, каким образом фульбе участвуют в международных отношениях на африканском континенте, в том числе во взаимодействии с другими этническими группами и в рамках межрегионального сотрудничества. При этом особое внимание уделяется чёткому определению ключевых понятий и границ исследования, что позволяет яснее обозначить конкретные аспекты, на которых сосредоточен анализ. Наше исследование преимущественно фокусируется на сахельской зоне Западной Африки, где роль фульбе в международных процессах проявляется наиболее ярко.

Задачи исследования

1. Проанализировать влияние трансграничной мобильности фульбе на безопасность и международное сотрудничество.
2. Выявить роль пуллофобии в формировании политики государств региона.
3. Изучить формы этнокультурной дипломатии и цифровой активности фульбе.
4. Сравнить положение фульбе с пасторалистами Уганды (бахима) при Йовери Кагута Мусевени.

5. Рассмотреть проблему культурной ассимиляции элит фульбе.
6. Определить ограничения исследования.

Гипотеза

Она заключается в том, что фульбе, как транснациональное этническое сообщество, сталкиваются с маргинализацией и ограниченной представленностью в глобальных институтах, однако эти вызовы способствуют их этнополитической консолидации, развитию негосударственной субъектности и транснациональной солидарности, что позволяет им сохранять идентичность и влиять на региональные и международные процессы.

Хронология исследования

1. 1990–2010 гг. – постхолодная трансформация и глобализация: рост мобильности, конфликты за ресурсы, слабое представительство.
2. 2011 г. – н.в. – эскалация кризисов: радикализация, пуллофобия, цифровая дипломатия.

Теоретико-методологические основания

Историческая реконструкция

Историческая реконструкция как метод международных отношений позволяет выявить долгосрочные закономерности. Её основы заложены М. Вебером и Э. Дюркгеймом, которые подчеркивали социальную природу институтов, а также К. Дойчем, исследовавшим роль коммуникации.

Применение метода к фульбе позволяет проследить их путь от традиционных исламских государств до транснационального актора в эпоху глобализации.

Конструктивизм

Конструктивизм (А. Вендт, Э. Адлер, М. Финнемор) утверждает, что международные отношения социально конструируются. Вендт писал: «Анархия – это то, что делают из неё государства» [3]. Применительно к фульбе конструктивизм объясняет, что их международная роль определяется не только ресурсами, но и идентичностью [5].

Этническая солидарность и международная адвокатура становятся механизмами конструирования субъектности фульбе.

Методы исследования

1. Историко-компаративный анализ.
2. Дискурс-анализ.
3. Этнографический и социокультурный подход.
4. Анализ документов международных организаций (Организация Объединённых Наций (ООН); Африканский Союз (АС); Экономическое сообщество западноафриканских государств (ECOWAS / ЭКОБАС)).
5. Сравнительный метод (фульбе – Сахель; бахима – Уганда).

Эмпирический анализ

Эмпирическая база исследования включает разнообразные материалы, отражающие положение фульбе как транснационального негосударственного актора в системе современных международных отношений.

Статистические данные международных организаций (2023–2025 гг.):

- Программа развития ООН (ПРООН): отчёт «Sahel Human Development Report 2023» (февраль 2024).
- Всемирный банк: «Nouakchott Declaration on the Development of Livestock and the Securing of Pastoral Systems in West Africa and the Sahel» (ноябрь 2024).

- Африканский Союз: «Guidelines to Secure Pastoralism and Prevent Conflicts in Africa» (сентябрь 2022).
- Экономическое сообщество западноафриканских государств (ECOWAS): «Peace Fund 5-Year Strategic Plan (2024–2028)» (2024).

Документы международных и неправительственных организаций:

- Human Rights Watch: «World Report 2025: Burkina Faso» (август 2025).
- Amnesty International: «The State of the World's Human Rights – April 2024» (апрель 2024).

Исторические и сравнительные источники:

- Труды африканских исследователей: О. Кейн, А. Ба-тили, Ш.А. Диоп.
- Мемуары Й. Мусевени, позволяющие провести сопоставительный анализ между положением фульбе в Сахеле и бахима в Уганде.

Региональные этнографические и социокультурные исследования (2023–2025 гг.)

Исследования, отражающие процессы культурной ассимиляции, трансформации традиционных институтов и формирования новых форм этнополитической солидарности.

Таким образом, эмпирическая база исследования сочетает в себе актуальные статистические материалы, официальные документы, исторические источники и сравнительные кейсы, что обеспечивает комплексность и достоверность анализа.

Период постхолодной трансформации и глобализации (1990–2010 гг.)

В период постхолодной трансформации и глобализации (1990–2010 гг.) трансграничная мобильность фульбе значительно возросла, чему способствовала либерализация границ в странах Сахеля [1, 8]. Эти миграции позволяли общине сохранять традиционный кочевой образ жизни, однако одновременно создавали предпосылки для конфликтов с оседлыми сельскими группами, усиливая социальное напряжение в регионе [2].

Одним из ключевых факторов, обостряющих конфликты, стали экологические кризисы. Повторяющиеся засухи и деградация пастбищ увеличили конкуренцию за ограниченные природные ресурсы, что в сочетании со слабым политическим представительством фульбе усиливало их маргинализацию и социальную уязвимость [13].

В ответ на эти вызовы в регионе начали формироваться этнокультурные ассоциации и неправительственные организации, направленные на защиту интересов фульбе и сохранение их культурной идентичности. Данные процессы способствовали скрытой консолидации общины, укреплению внутренней солидарности и формированию транснациональных сетей взаимодействия, что позволило фульбе сохранять субъектность в условиях ограниченного институционального признания [4, с. 645–685].

Для сравнительного анализа можно рассмотреть опыт Уганды, где президент Йовери Мусевени проводил инклюзивную политику в отношении полукочевого пасторального сообщества бахима. Государство предоставляло земельные участки (1 акр на корову), развивало школы и инфраструктуру, что способствовало снижению социальной напряжённости и интеграции бахима в национальную экономику.

Этот пример демонстрирует, что активная государственная поддержка может превратить мобильные этнические группы в фактор стабильности и развития, тогда как маргинализация фульбе в Сахеле поддерживает циклы конфликтов и ограничивает их участие в региональных процессах.

Период эскалации кризисов и регионализации конфликтов (2011 – н.в.)

Роль фульбе в международных и региональных процессах претерпела значительные изменения. На фоне Арабской весны наблюдался рост вооружённых группировок и поток оружия в зонах Сахеля, что создавало новые угрозы безопасности и усугубляло социальную нестабильность [9]. В этих условиях часть фульбе вовлеклась в исламистские движения не только по идеологическим мотивам, но и по социальным причинам, включая маргинализацию и ограниченный доступ к ресурсам.

В медиа и политическом дискурсе сформировался образ фульбе как потенциальной угрозы – феномен, получивший название «пуллофобия». Эта стигматизация усилила дискриминацию и ограничения для общины на национальном и региональном уровнях [12]. Одновременно международное сообщество, включая Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Африканский союз (АС), Организацию Объединённых Наций (ООН) и Альянс государств Сахеля (АГС) [11], запускало инклюзивные программы урегулирования, направленные на снижение уровня конфликтности и защиту прав кочевых сообществ [10].

Внутри самих сообществ наблюдаются процессы ассимиляции элит. Примером служит президент Нигера Танджа Мамаду, фульбе по происхождению, но ассимилированный в хауса-культуру. Фульбе в регионе Сахеля всё чаще сталкиваются с коллективной стигматизацией и несправедливыми обвинениями в связях с террористическими и бандитскими группировками [6]. В некоторых регионах Буркина-Фасо и Мали их де-факто считают террористами, а в Нигерии – бандитами несмотря на то, что лидеры таких формирований чаще всего принадлежат к другим сообществам, а численность фульбе в этих группах далека от преобладающей [7].

Такая ситуация приводит к селективным репрессиям, маргинализации, ограниченному доступу к базовым услугам и, как следствие, к радикализации части молодёжи, которая в отчаянии примыкает к вооружённым группам. Это не только несправедливо, но и усугубляет нестабильность в регионе. Решение проблемы требует признания прав кочевых народов и прекращения политики обобщающих обвинений.

Сравнительный анализ с бахима в Уганде показывает схожие вызовы, связанные с ресурсами, мобильностью и конфликтами, однако различие заключается в государственной политике. В Сахеле она репрессивная или индифферентная, что усиливает радикализацию, тогда как в Уганде инклюзивные меры способствуют социальной интеграции и стабильности.

Заключение

Фульбе представляют собой транснациональных негосударственных акторов, чья роль в международных отношениях обусловлена как историческим наследием, так и современными вызовами. Несмотря на дискриминацию и стигматизацию («пуллофобию»), они сохраняют субъектность посредством этнической консолидации, цифровой дипломатии и международной адвокации, формируя транснациональные сети солидарности.

Проведённый анализ показал, что трансграничная мобильность фульбе, будучи источником конфликтов за ресурсы, одновременно способствует укреплению их идентичности и развитию форм этнокультурной дипломатии. Сравнение с бахима в Уганде выявило, что положение кочевых сообществ определяется в первую очередь государственной политикой: инклюзивные меры способствуют интеграции и стабильности, тогда как репрессивные практики, характерные для стран Сахеля, усиливают радикализацию и циклы насилия. Таким образом, сообщество фульбе одновременно выступает жертвой кризисов Сахеля и новым актором, способным оказывать влияние на региональные и международные процессы.

Ограничения данного исследования заключаются в следующем: географический охват ограничен странами Западной Африки, сравнение с Угандой носит иллюстративный характер; конструктивистский подход не в полной мере учитывает экономические факторы; объём эмпирических данных по фульбе за 2023–2025 гг. является ограниченным, что затрудняет проведение всестороннего анализа.

Для стран Сахеля ключевым вызовом остаётся разработка инклюзивных стратегий, предусматривающих участие традиционных институтов кочевых сообществ. Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым изучением роли фульбе в цифровом пространстве, а также их участия в региональных и глобальных институтах управления.

Литература

1. Картунов А.В. Российско-китайское сотрудничество в Африке // Российский Совет по Международным Дела, 2021. URL: <https://ru.readkong.com/page/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-v-afrike-9489461> (дата обращения: 01.04.2025).
2. Асланов И.Р. Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы): доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и Международного Комитета Красного Креста (МККК) № 77 / 2022 / [А.В. Картунов, И. Асланов, Х. Соломон, С.В. Мезенцев и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Т.С. Богдасаровой, И.А. Цымбал]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-ICRC-Sahel-Report77ru.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. P. 391–425.
4. Katzenstein P. J., Keohane R.O., Krasner S.D. International organization and the study of world politics // International organization. 1998. Vol. 52. № 4. P. 645–685.
5. Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics // European Journal of International Relations. 1997. Vol. 3 (3). URL: https://www.academia.edu/19495313/Seizing_the_Middle_Ground_Constructivism_in_World_Politics (дата обращения: 07.04.2025).
6. Thurston A. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local politics and rebel groups. Cambridge University Press, 2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/jihadists-of-north-africa-and-the-sahel/C1C391EC226A65858CCF45322879ED1B> (дата обращения: 08.04.2025).
7. Durojaye E. et al. (ed.). Conflict and poverty in Africa: A research companion // Taylor & Francis, 2025. URL: <https://europarl.primo.exlibrisgroup.com/discov->

ery/fulldisplay?context=L&vid=32EPA_INST:32EPA_V1&search_scope=MyInst_and_CI&tab=Everything&docid=alma991001637245504886 (дата обращения: 13.04.2025).

8. Bathily A. Histoire des peuples d'Afrique de l'Ouest // Dakar: Présence Africaine, 2022. P. 32–50
9. Sahel Human Development Report. New York: UNDP, 2023. P. 35–43
10. Elowson C., MacDermott J. ECOWAS Capabilities in Peace and Security. 2010. P. 23–35.
11. Report of the peace and security council of the African Union on its activities and the state of peace and security in Africa // Addis Ababa: AU, 2024. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/assembly-au-4-xxxvii-e.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
12. Dufka C. "We Used to be Brothers": Self-defense Group Abuses in Central Mali // Human Rights Watch, 2018. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/mali1218_web.pdf (дата обращения: 19.04.2025).
13. Report on Sahel Conflicts // Amnesty International/ London, 2024. URL: <https://www.amnesty.org/pl/wp-content/uploads/2025/04/Amnesty-International-Report-2024-25.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).

FULBE IN THE SYSTEM OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: A TRANSNATIONAL NON-STATE ACTOR

Umaru Cisse Bulkassum, Starkin S.V.

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

The article is devoted to the analysis of the role of the Fulbe as a transnational non-state actor within the system of contemporary international relations. Relying on constructivist theory, the author examines how the Fulbe, one of the largest nomadic ethnic groups in Africa, preserve their cultural identity under the conditions of globalization, marginalization by the state, and growing security threats in the Sahel and West Africa. The study emphasizes the resilience of the Fulbe, expressed through ethnocultural diplomacy and international advocacy, despite their insufficient representation in global governance institutions.

The work covers two key periods, the transformation after the end of the Cold War (1990–2010) and the escalation of regional crises since 2011. Special attention is paid to cross-border mobility, environmental challenges, and the political stigmatization of the Fulbe (including the phenomenon of "Pullo-phobia"), as well as the formation of political self-awareness and participation in peacebuilding initiatives, despite discrimination and armed conflicts.

The methodological basis of the research includes historical-comparative, ethnographic, and sociocultural approaches, document analysis, discourse analysis, as well as the comparative method.

The sources used comprise the works of African, Russian, and Western scholars, as well as reports of international organizations. In conclusion, the author argues that the transnational identity and socio-political activity of the Fulbe challenge traditional paradigms of international relations and highlight the need for an inclusive approach to security and global governance in the countries of the Global South.

The significance of this study lies in its comprehensive and interdisciplinary approach to the analysis of the Fulbe as a transnational community situated at the crossroads of a traditional way of life and modern challenges of international relations. For the first time, the Fulbe are considered not only as an object of ethnographic interest but also as an active subject of political, cultural, and social transformations in West and Central Africa. The work is based on a com-

bination of historical-political, ethnological, and sociolinguistic approaches, which allows for a deeper understanding of the Fulbe as a people actively engaged in cross-border mobility, ethnic self-identification, and processes of global governance. Such research contributes to a rethinking of the Fulbe's role in contemporary international relations and expands the academic understanding of transnational ethnic groups in the context of globalization.

Keywords: transnationalism, ethnic identity, marginalization, pullophobia, global governance, ethnocultural diplomacy, digital mobilization, non-state actor, cross-border mobility, inclusiveness.

References

1. Kortunov, A.V. Russian-Chinese Cooperation in Africa // Russian International Affairs Council, 2021. URL: <https://ru.readkong.com/page/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-v-afrike-9489461> (accessed on April 1, 2025).
2. Aslanov, I.R. Pain Points of the African Continent: Sahel (Situation Review and Prospects): Report of the Russian International Affairs Council (RIAC) and the International Committee of the Red Cross (ICRC) No. 77 / 2022 / [A.V. Kortunov, I. Aslanov, H. Solomon, S.V. Mezentsev, et al.; edited by E.O. Karpinskaya, T.S. Bogdasarova, I.A. Tsymbal]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-ICRC-Sahel-Report77ru.pdf> (accessed: 04.04.2025).
3. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.
4. Katzenstein P. J., Keohane R.O., Krasner S.D. International organization and the study of world politics // International organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 645–685.
5. Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics // European Journal of International Relations. 1997. Vol. 3 (3). URL: https://www.academia.edu/19495313/Seizing_the_Middle_Ground_Constructivism_in_World_Politics (accessed: 07.04.2025).
6. Thurston A. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local politics and rebel groups. Cambridge University Press, 2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/jihadists-of-north-africa-and-the-sahel/C1C391EC226A65858CCF45322879ED1B> (accessed: 08.04.2025).
7. Durojaye E. et al. (ed.). Conflict and Poverty in Africa: A Research Companion // Taylor & Francis, 2025. URL: https://eu-parl.primo.exlibrisgroup.com/discovery/fulldisplay?context=L&vid=32EPA_INST:32EPA_V1&search_scope=MyInst_and_CI&tab=Everything&docid=alma991001637245504886 (accessed: 13.04.2025).
8. Bathily, A., Histoire des peuples d'Afrique de l'Ouest // Dakar: Présence Africaine, 2022. Pp. 32–50
9. Sahel Human Development Report. New York: UNDP, 2023. Pp. 35–43
10. Elowson C., MacDermott J. ECOWAS Capabilities in Peace and Security. 2010. P. 23–35.
11. Report of the peace and security council of the African Union on its activities and the state of peace and security in Africa // Addis Ababa: AU, 2024. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/assembly-au-4-xxxvii-e.pdf> (access date: 04/15/2025).
12. Dufka C. "We Used to be Brothers": Self-defense Group Abuses in Central Mali // Human Rights Watch, 2018. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/mali1218_web.pdf (access date: 04/19/2025).
13. Report on Sahel Conflicts // Amnesty International/ London, 2024. URL: <https://www.amnesty.org/pl/wp-content/uploads/2025/04/Amnesty-International-Report-2024-25.pdf> (accessed: 19.04.2025).

Исследование модели «иерархического многоуровневого регионального сотрудничества» между Китаем и Центральной Азией в рамках инициативы «Пояс и путь»

Фэн Юэжуй,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: st120889@student.spbu.ru

На основе второго саммита «Китай – Центральная Азия» в статье анализируется новая модель сотрудничества, сочетающая в себе характеристики регионального и многоуровневого взаимодействия, а именно «модель иерархического многоуровневого регионального сотрудничества». Эта модель играет все более важную роль в региональном взаимодействии и предлагает инновационный подход к построению «Сообщества единой судьбы человечества», выходящий за пределы традиционной парадигмы регионального сотрудничества и способствующий преодолению странами Центральной Азии географических ограничений. Модель основана на трех многоуровневых иерархичностях, включающих стратегическую, институциональную и практическую иерархичность. Это означает стратегическое сопряжение инициативы «Пояс и путь» с экономической политикой «Нурлы жол» Казахстана и так далее, создание многоуровневой институциональной системы (включая «саммиты – министерства – парки») и синергию между инфраструктурными и гуманитарными проектами (например, «Мастерские Лу Баня»). Практика показывает, что эта модель достигла значительного успеха в таких областях, как инфраструктура, энергетика и гуманитарные обмены, став новой парадигмой для содействия региональному сотрудничеству и развитию.

Ключевые слова: Инициатива «Пояс и путь», иерархическое многоуровневое региональное сотрудничество, Центральная Азия, «Сообщество единой судьбы человечества», стратегическое сопряжение, институциональная синергия, многоуровневое взаимодействие.

Введение

Регион Центральной Азии (ЦА) долгое время выполнял функцию «международного коридора» [7, с. 23]. Однако на фоне геополитических изменений модели регионального сотрудничества претерпевают качественную трансформацию. ЦА, как ключевой узел инициативы «Пояс и путь» (ИПП), демонстрирует неравномерный уровень экономического развития. ИПП, следуя принципам «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования», способствует перестройке геоэкономической власти в регионе, формируя позитивный геопропорциональный порядок, соответствующий местным потребностям [7, с. 23]. Традиционные теории регионального сотрудничества, такие как неофункционализм и институционализм, не позволяют в полной мере объяснить механизмы китайско-центральноазиатского сотрудничества. ЦА, являясь «Хартлендом» Евразии (концепция Х. Маккиндера) [5], страдает от экономической отсталости, что требует поиска инновационных парадигм сотрудничества.

Модель «иерархического многоуровневого регионального сотрудничества» предлагает новые подходы, обеспечивая интеграцию стратегий и интересов. На втором саммите «Китай – ЦА» в 2025 году был утверждена концепция «Дух Китай – ЦА». Министр Лю Цзяньчао, заведующий Международным отделом ЦК КПК отметил, что эта модель превосходит традиционные парадигмы регионализма, уважая право стран на самостоятельное развитие [8, с. 4]. Доклад «Развитие «Духа ЦА – Китай»» подчёркивает, что успешное сотрудничество между Китаем и странами ЦА основано на стратегическом доверии, совпадении интересов и созвучии ценностей. Эта модель регионального взаимодействия выходит за пределы логики геополитической конфронтации и игры с нулевой суммой, предлагая миру жизнеспособную альтернативу – так называемый «китайско-центральноазиатский подход» как ориентир для будущего глобального управления¹.

В китайской академической среде анализ ИПП преимущественно фокусируется на подходах многосторонности или регионализма, что подтверждается работами Ли Сяньяна и Ши Юйлуна. Хуан Сяньхай, Юй Сяо, Лю Чжибяо и У Фусян анализируют построение новой модели разделения труда между Китаем и странами вдоль ИПП, основанной на двустороннем взаимодействии и иерархичности. Однако исследования сотрудничества Китая и стран ЦА в рамках ИПП с точки зрения «модели иерархического многоуровневого регионального сотрудничества» крайне редки. Данная статья исследует эту модель, анализируя достижения в сфере инфраструктуры, энергетики и гуманитарных обменов, с целью предоставить академическому сообществу новый ориентир для понимания данной модели.

¹ Доклад Развитие «Духа Центральная Азия-Китай»: достижения, возможности и перспективы регионального сотрудничества // СИИХХА Новости. Russian.News.Cn. 22 июня 2025. – URL: <https://russian.news.cn/20250622/a49353de12f64a1cb06d082bcc9983ab/c.html> (дата обращения: 16.08.25).

Структурные модели иерархического многоуровневого регионального сотрудничества включают стратегическую, институциональную и практическую иерархичность. Стратегическая иерархичность предполагает сопряжение ИПП с национальными стратегиями стран ЦА (Новая экономическая политика Республики Казахстан «Нурлы Жол», Возрождение «Великого Шелкового пути» Туркменистана и Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы и др.), формируя рамки с едиными целями. Под стратегическим руководством Председателя Си Цзиньпина и глав пяти государств ЦА стороны достигли «полного охвата» всеобъемлющим стратегическим партнерством¹. Во время II саммита «Китай – ЦА» шесть стран подписали «Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»², который юридически закрепляет принцип вечной дружбы, становясь новой вехой в истории двусторонних отношений. В июле 2025 г. сухой порт «Хоргос – Восточные ворота» (Казахстан) дополнился десятью новыми ширококолейными путями, укрепив свою роль в Транскаспийском международном транспортном коридоре (ТМТК). Порт обрабатывает 65% китайско-европейских контейнерных поездов, требующих перевалки, и способствует «трехузловой интеграции» с Актауским хабом и логистической базой Ляньюньганя, тем самым, укрепляя евразийскую «связность»³. Как флагманский проект, сопрягающий ИПП со стратегией «Нурлы Жол» Казахстана, Актауский сухой порт, с момента своего создания в 2015 году, управляется совместно Китаем и Казахстаном. Он позволил увеличить объем перевалки контейнеров с 20 тысяч двадцатифутовых эквивалентов (ДФЭ) до 324 тысяч ДФЭ к 2024 году. Внедрение системы единых данных с Ляньюньганом повысило оперативность⁴. Заместитель мэра Ляньюньганя Жэнь Дун подчеркнул, что проект контейнерного хаба в Актау демонстрирует стратегическое планирование в рамках ИПП. По прогнозам, к 2034 году годовой объем перевалки достигнет 300 тыс. ДФЭ (в 2025 году – 92 тыс. ДФЭ), при текущей мощности 70 тыс. ДФЭ⁵.

Институциональная иерархичность предполагает создание трехзвенной цепочки управления: «Саммит глав государств (принятие решений на высшем уровне) – Встречи министров (исполнение политики) – Местные парки (реализация проектов)». Координация исполнения политики осуществляется через постоянные органы, обеспечивая преобразование консенсуса в реальные результаты. На первом саммите в 2023 году главы шести стран заявили о создании механизма встреч глав госу-

дарств ЦА и Китая, который будет проводиться раз в два года поочередно в Китае и в одной из стран ЦА в алфавитном порядке, что отражает динамичность формата и позволяет совместно разрабатывать общее видение дальнейшего сотрудничества [3, с. 134]. Секретариат «Китай – ЦА» (запущен в 2024 году), являясь ключевым результатом первого саммита, Секретариат координирует 13 платформенных площадок сотрудничества на уровне министерств шести стран, напрямую обслуживая саммиты глав государств и встречи министров иностранных дел. Производственное сотрудничество является ключевым звеном в сопряжении рынков Китая и ЦА. Производственное сотрудничество (металлургия, энергетика, машиностроение и др.) сопрягает рынки Китая и ЦА, а также реализует совместные инфраструктурные проекты [7, с. 29]. Китай и ЦА поддерживают местное сотрудничество, создавая Синьцзянскую пилотную зону свободной торговли (ЗСТ), форумы местного сотрудничества между Китаем и Казахстаном, а также между Китаем и Узбекистаном. Формы сотрудничества расширяются: Хоргос – Иву Международный торговый центр стал базой трансграничной электронной коммерции и провинция Шэньси экспортировала саженцы яблони в Таджикистан⁶. Второй саммит «Китай – ЦА» (июнь 2025 г.) активизировал формирование «Сообщества единой судьбы человечества», став образцом регионального взаимодействия. Китай и страны ЦА, как часть «Глобального Юга», тесно сотрудничают на платформах ООН, ШОС и БРИКС [9, с. 26].

Практическая иерархичность: координация и интеграция инфраструктуры и благосостояния. Механизм функционирования: крупные инфраструктурные проекты служат «артериями», стимулирующими региональную «связанность», с одновременным внедрением программ профессионального образования и сокращения бедности. Си Цзиньпин на саммите «Китай – ЦА» (2025) заявил о готовности делиться опытом, технологиями, развивать цифровую взаимосвязанность. Китай предоставит странам ЦА 1,5 млрд юаней безвозмездной помощи в текущем году для реализации проектов в области благосостояния и развития, представляющих интерес для каждой страны, а также 3000 мест для обучения в течение следующих двух лет⁷. Железная дорога «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» (454 км, 304 км в Кыргызстане) соединит Китай с Европой и Ближним Востоком, сократив маршрут на 900 км и время на 7–8 дней. В качестве ключевого узла южной линии железнодорожных грузовых перевозок Китай – Европа проект рассчитан на годовой объем перевозок 15–20 млн тонн к 2030 году, обеспечивая Кыргызстану годовой транзитный доход в размере более \$200 млн⁸.

Эмпирическая эволюция иерархического формата сотрудничества Китай – ЦА

Практика иерархического формата сотрудничества Китай – ЦА прошла три этапа эволюции: становление, углубление и зрелость.

⁶ Местное сотрудничество Китай – Центральная Азия демонстрирует множество ярких достижений // Китайский портал «Один пояс, один путь». 05 июня 2025. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/OUT5O3DC.html> (дата обращения: 16.08.25).

⁷ Си Цзиньпин. Основное выступление на втором Саммите «Китай – Центральная Азия». Синьхуа, 17 июня 2025. – URL: <http://www.news.cn/politics/leaders/20250617/1d13b135d-92541fe990a5768a566dbec/c.html> (дата обращения: 15.07.25).

⁸ Переход железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан от чертежей к реальности // Центральное радио и телевидение Китая. 18 июня 2024 года. – URL: https://news.cnr.cn/native/gd/20240618/t20240618_526752534.shtml (дата обращения: 15.07.25).

¹ Совместное строительство «Одного пояса, одного пути» способствует построению сообщества общей судьбы Китай – Центральная Азия // Гуанмин жибао. 16 июня 2025. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2025/0616/c40531-40501135.html> (дата обращения: 16.08.25).

² Астанинская декларация второго саммита «Центральная Азия – Китай» // Russian.News.Cn. 18 июня 2025. – URL: <https://russian.news.cn/20250618/e9057e91c41a4c2f99c-4c4b17a7a2b79/c.html> (дата обращения: 16.08.25).

³ «Хоргос – Восточные ворота» создает образцовый логистический пересадочный узел «Китай – Центральная Азия» // Администрация города Ляньюньган. 05 июля 2025. – URL: <https://www.lyg.gov.cn/zglygzfjmhwhz/gcyw/content/11bf1272-eabb-4c1a-a131-6755d4038ec8.html> (дата обращения: 16.08.25).

⁴ «Хоргос – Восточные ворота» создает образцовый логистический пересадочный узел «Китай – Центральная Азия» // Администрация города Ляньюньган. 05 июля 2025. – URL: <https://www.lyg.gov.cn/zglygzfjmhwhz/gcyw/content/11bf1272-eabb-4c1a-a131-6755d4038ec8.html> (дата обращения: 16.08.25).

⁵ Казахстан и Китай запустили контейнерный хаб в Актау // Каспийский вестник. 30 августа 2025. – URL: <https://casp-geo.ru/kazakhstan-i-kitaj-zapustili-kontejnernyj-hab-v-aktau/?ysclid=mezqzaotr555206799> (дата обращения: 31.08.25).

Период становления (2013–2022): в системе двустороннего сотрудничества преобладали инфраструктурные проекты. Реализованы такие проекты, как газопровод «ЦА – Китай», автомобильная дорога «Западная Европа – Западный Китай», что первоначально разрешило дилемму «закрытого» региона. За более чем десятилетие участия в совместном строительстве ИПП страны ЦА успешно преобразовались из «закрытого региона» в «регион взаимосвязанности». При этом Казахстан ежегодно получает доход от транзитных перевозок, превышающий 5 млрд долларов США¹.

Период углубления (2023–2024) характеризуется как институциональное строительство и гармонизация правил. Первый саммит «Китай – ЦА» в 2023 году положил начало механизму регулярных встреч глав государств, способствующему гармонизации правил. Например, на железнодорожном пункте пропуска Хоргос между Китаем и Казахстаном внедрена интеллектуальная система, сократившая время таможенного оформления импортных грузов с 2–3 дней до менее 16 часов, что значительно облегчило торговлю. Повышена пропускная эффективность в пунктах пропуска, связанных с ШОС (Маньчжурия, аэропорты Нинбо и Тяньцзинь), за счёт создания выделенных коридоров и оптимизации процедур, что способствует внешней торговле между Китаем и государствами – членами ШОС².

Период зрелости (2025 – н.в.). Механизм «Китай – ЦА» стал важной платформой для содействия диалогу и сотрудничеству между двумя сторонами и содействия экономическому и социальному развитию стран ЦА. Ключевым результатом саммита стало провозглашение Председателем Си Цзиньпином «духа сообщества Китай – ЦА», основанного на принципах «взаимного уважения, доверия, взаимной выгоды и помощи, продвижения общей модернизации через качественное развитие»³. В ходе саммита правительства шести стран подписали «Меморандум по углублению сотрудничества по железнодорожным экспрессам «Китай – Центральная Азия – Европа»⁴. Заместитель директора Отдела политических исследований Комитета по развитию и реформам Ли Чао отметил, что Китай будет опираться на данный Меморандум для совершенствования механизмов межправительственного взаимодействия, углубления координации между китайско-европейскими железнодорожными перевозками и Транскаспийским международным транспортным маршрутом, содействуя преобразованию ЦА в «золотой перекрёсток» евроазиатской «связности».

¹ Достигнуты ощутимые результаты в сотрудничестве между Китаем и странами Центральной Азии. Китайский портал «Один пояс, один путь». 26 июня 2025. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0VQ36N6O.html> (дата обращения: 15.07.25).

² Министерство экологии и окружающей среды Китайской Народной Республики. Пять лет – три ключевых этапа: Почему ШОС стала «новым двигателем» внешней торговли Китая. 30 августа 2025 года. – URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/zclcfh/202508/t20250830_1126412.shtml (дата обращения: 31.08.25).

³ Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве стал новой вехой в истории отношений Китая и стран Центральной Азии — МИД КНР // Russian.News.Cn. 18 июня 2025. – URL: <https://russian.news.cn/20250619/c783dd2f1b794b42a22c72819561e434/c.html> (дата обращения: 15.07.25).

⁴ Призыв времени, историческая необходимость: Глубокое понимание значения «Духа Китай – Центральная Азия». Синьхуа. 20 июня 2025 года. – URL: https://www.spp.gov.cn/tt/202506/t20250620_698939.shtml (дата обращения: 15.07.25).

Многомерная вложенность и трансформация достижений в транспортной, энергетической и гуманитарной сферах

Железнодорожный экспресс «Китай – Европа» является показательным проектом региональной транспортной взаимосвязанности в ЦА. По состоянию на 15 ноября 2024 года грузовые поезда, курсирующие по железнодорожным маршрутам «Китай – Европа», перевезли более 11 млн ДФЭ на сумму свыше \$420 млрд [11, с. 4]. Сухой порт специальной экономической зоны «Хоргос – Восточные ворота» и китайско-казахстанская логистическая база в Ляньюньгане открыли для стран ЦА удобный коридор к Тихому океану. Сдана в эксплуатацию самая длинная в ЦА железнодорожная тоннель «Ангрен – Пап», построенная китайскими компаниями. Железнодорожная магистраль «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» планируется начать в июле 2025 года со сроком строительства 6 лет; после завершения он будет способствовать совершенствованию транспортной сети Евразийского континента. Благодаря развитию инфраструктуры, президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев на втором саммите «ЦА – Китай» в Астане заявил, что товарооборот стран ЦА с Китаем в 2025 году достигнет отметки в 100 млрд долларов, и количество совместных предприятий и проектов превысит 10 тысяч⁵.

Энергетика – традиционная сфера сотрудничества Китая и ЦА. Газопровод «Туркменистан – Китай», запущенный в 2009 г., стал знаковым проектом. Он обеспечивает поставки газа в Китай и доход для стран ЦА. За 15 лет транспортировка превысила 500 млрд м³, годовая мощность – 55 млрд м³ (11% потребления Китая). Более 80% газа поступает из Туркменистана [4, с. 103]. В экспортном плане Казахстан занимает первое место по отправке нефти и газа Китаю, что составляет примерно 65% от всего экспортного объема Казахстана [1, с. 287]. В Сианьской декларации саммита «Китай – ЦА» (2023) Китай подтвердил стремление к расширению энергетического сотрудничества, особенно в сфере возобновляемых источников (гидроэнергетика, солнечная и ветровая энергетика) и зеленых технологий⁶. Такие компании, как China Power International Development Limited и China International Water & Electric Corp инвестировали и осуществили строительство проектов возобновляемой энергетики, включая «Жанатас ВЭС», Тургусунскую ГЭС и ветроэнергетический проект в Акмолинской области [10, с. 49]. Кроме того, китайские предприятия активно участвовали в восстановлении гидроэлектростанций, строительстве газовых электростанций, модернизации теплоэлектростанций, а также в проектах ветряных и фотоэлектрических станций в странах ЦА [6, с. 30]. Например, Китай поддержал модернизацию ТЭЦ в Бишкеке, что позволило увеличить выработку электроэнергии с прежних 262 миллионов до 1,74 миллиарда киловатт-часов в год, а объем теплоснабжения увеличился почти вдвое⁷.

⁵ Мирзиёев: товарооборот Центральной Азии с Китаем достигнет 100 млрд долларов // newshub. 18 июня 2025. – URL: <https://newshub.uz/articles/mirziyev-tovarooborot-centralnoi-azii-s-kitaem-dostignet-100-mlrd-dollarov?ysclid=mf2z22opxabc253130556> (дата обращения: 15.07.25).

⁶ «Сианьская декларация саммита Китай-Центральная Азия (полный текст)» // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 19 мая 2023 г. – URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 15.07.25).

⁷ Развитие «Духа Центральная Азия-Китай»: достижения, возможности и перспективы регионального сотрудничества // Китайский портал «пояс и путь». 23 июня 2025. – URL:

Гуманитарное сотрудничество, включая открытие культурных центров, создание мастерских Лу Баня и филиалов университетов, широко развивается в странах ЦА. В 2013 году Председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативу «Пояс и путь», в рамках которой особое внимание уделяется мастерским Лу Баня, целью которых является академическое и профессиональное образование местного персонала [2, с. 69]. Лу Бань (, 507–444 до н.э.) – известный мастер-ремесленник и изобретатель древнего Китая. Мастерские Лу Баня сотрудничают с зарубежными учреждениями, предлагая профессиональное и техническое обучение, и разделяя опыт Китая. С 2022 года мастерские Лу Баня открыты во всех странах ЦА, что стало новым достижением образовательного сотрудничества в рамках ИПП. В конце 2022 года в Таджикистане была основана первая в ЦА мастерская Лу Баня; мастерская Лу Баня в Узбекистане успешно заработала в 2023 году; мастерская Лу Баня в Казахстане начала пробную эксплуатацию в декабре 2023 года; церемония открытия мастерской Лу Баня в Кыргызстане состоялась в октябре 2024 года, а строительство мастерской Лу Баня в Туркменистане также продвигается. 29 мая 2025 года из Сианя в Алматы отправился первый международный гуманитарно-туристический поезд «Китай – ЦА».

Выводы

В заключение, модель «иерархического многоуровневого регионального сотрудничества» между Китаем и странами ЦА в рамках ИПП доказала свою эффективность в преодолении географической изоляции региона и содействии экономической интеграции. Практически модель успешна в инфраструктуре (грузовой поезд «Китай – Европа», железная дорога «Китай – Кыргызстан – Узбекистан»), энергетике (газопроводы, зеленая энергетика), гуманитарных обменах (мастерские Лу Баня). Таким образом, модель «иерархического многоуровневого регионального сотрудничества» не только реформировала сотрудничество между Китаем и ЦА, но и внедрила китайские решения в высококачественное развитие ИПП.

Литература

1. Абубакирова Д.Б. Интересы Китая в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Постсоветские исследования. – 2021. – № 4(4). – С. 285–295.
2. Ван Бяо, Мартынова Н.В. Профессиональные мастерские «Lu Ban workshop», как пример успешного опыта международного сотрудничества Китая в рамках национальной инициативы «один пояс – один путь» // The Scientific Heritage. – 2022. – № 90. – С. 68–73.
3. Иброхимзода У. Х.; Дмитриева М.О.; Ризоён Ш.Ш. Саммит «Центральная Азия – Китай»: региональные аспекты и геополитические последствия // Известия Восточного института. – 2023. – № 4. – С. 131–139.
4. Го Цзиньфэн. Прогресс и вызовы инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии // Мир и развитие. – 2020. – № 1. – С. 97–112.
5. Маккиндер Х. Географическая ось истории [М] / Пер. с англ. Линь Эрвэй, Чэнь Цзянь. – Пекин: Издательство «Шаньу иньшугуань», 2010.
6. Хань Лу. Шанхайская организация сотрудничества и «зеленое» сотрудничество: прогресс, проблемы <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0RHPIGOE.html> (дата обращения: 15.07.25).

и выбор путей // Евразийская экономика. – 2024. – № 6, – С. 22–38.

7. Ху Цзянь. Исследование продвижения инициативы «пояс и путь» в развитии Центрально-Азиатского региона // Экономическая география. – 2024. – № 6. – С. 22–30.
8. Лю Цзяньчао. Сообщество единой судьбы Китая и Центральной Азии: формирование будущего в неопределенном мире // Современный мир. – 2025. – № 4. – С. 4–6.
9. Тан Чжунчао. Построение сообщества общей судьбы «Китай – Центральная Азия»: содержание, прогресс и пути оптимизации // Международные проблемы. – 2025. – № 3. – С. 19–37.
10. Ван Цзин. Сотрудничество Китая и Казахстана в области возобновляемой энергетики: возможности и вызовы // Евразийская экономика. – 2024. – № 4. – С. 36–53.
11. Цзэн Сянхун, Ху Сяюэ. От «большого и всеобъемлющего» к «малому, но изящному»: практика совместного строительства «пояса и пути» в Центральной Азии. Евразийская экономика. – 2025. – № 4. – С. 1–23.

STUDYING THE «HIERARCHICAL MULTILEVEL REGIONAL COOPERATION» MODEL BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE «BELT AND ROAD» INITIATIVE

Feng Yuerui

Saint Petersburg State University

Based on the second «China-Central Asia» summit, this article analyzes a novel model of cooperation that combines characteristics of regional and multilevel interaction, namely the «hierarchical multilevel regional cooperation model». This model plays an increasingly important role in regional engagement and offers an innovative approach to building a «community of shared future for mankind», transcending the traditional paradigm of regional cooperation, thereby facilitating Central Asian countries in overcoming geographical limitations. The model is based on three multilevel hierarchies, including strategic, institutional, and practical hierarchies. This means the strategic integration of the «Belt and Road» initiatives with Kazakhstan's «Nurly Zhol» economic policy, etc., the creation of a multilevel institutional system (including «summits – ministries – parks») and synergy between infrastructure and humanitarian projects (for example, «Lu Ban Workshops»). Practice demonstrates that this model has achieved significant success in areas such as infrastructure, energy, and humanitarian exchanges, becoming a new paradigm for promoting regional cooperation and development.

Keywords: Belt and Road Initiative, hierarchical multilevel regional Cooperation, Central Asia, community of shared future for mankind, strategic alignment, institutional synergy, multilevel interaction.

References

1. Abubakirova D.B. China's Interests in Central Asia within the Framework of the «One Belt, One Road» Initiative // Post-Soviet Studies. 2021, vol. 4. Pp. 285–295.
2. Ibrokhimzoda U. K.; Dmitrieva M.O.; Rizoyon S.S. «Central Asia – China» Summit: Regional Aspects and Geopolitical Consequences // Izvestiya Vostochnogo Instituta (Proceedings of the Institute of Oriental Studies). 2023, vol. 4. Pp. 131–139.
3. Wang Biao, Martynova N.V. Professional workshops «Lu Ban Workshop» as an example of successful international cooperation of China within the framework of the national initiative «One Belt, One Road». // The Scientific Heritage. 2022, vol. 90. Pp. 68–73.
4. Guo Jinfeng. Progress and challenges of the Belt and Road Initiative in Central Asia. Peace and Development. 2020, vol. 1. Pp. 97–112.
5. Mackinder H. The Geographical Pivot of History [M] / Translated by Erwei Lin, Jiang Chen. Beijing: The Commercial Press, 2010.

6. Han Lu. Shanghai Cooperation Organization and Green Cooperation: Progress, Problems, and Path Selection. *Eurasian Economy*. 2024, vol. 6. Pp. 22–38.
7. Hu Jian. A Study on the Development of the Central Asian Region Driven by the Belt and Road Initiative. *Economic Geography*. 2024, vol. 6. Pp. 22–30.
8. Liu Jianchao. China-Central Asia Community of Shared Future: Shaping the Future in an Uncertain World. *Contemporary World*. 2025, vol. 04, Pp.4–6.
9. Tang Zhongchao. Building a China-Central Asia Community of Shared Future: Connotation, Progress, and Optimization Paths. *Journal of International Studies*. 2025, vol. 3. Pp. 19–37.
10. Wang Jing. China-Kazakhstan Cooperation in Renewable Energy: Opportunities and Challenges. *Eurasian Economy*. 2024, vol. 4. Pp. 36–53.
11. Zeng Xianghong, Hu Xiaoyue. From “Large and All-inclusive” to “Small yet Smart”: The Practice of the Belt and Road Initiative in Central Asia. *Eurasian Economy*. 2025, vol. 4. Pp. 1–23.

Перспективы российско-китайского арктического сотрудничества в контексте глобального управления Арктикой

Цуй Лун,

Аспирант и ассистент Высшей школы международных отношений гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра великого (СПбПУ)
E-mail: tsuj_l@spbstu.ru

Статья посвящена перспективам российско-китайского сотрудничества в Арктике в логике глобального управления северными морями и приарктическими территориями. Актуальность обусловлена ростом транзитной и ресурсной значимости региона и сдвигом институтов регулирования. Новизна связана с объединением нормативно-правового анализа, энергетико-логистических кейсов и научно-экологической повестки в единую управленческую схему. В рамках работы описаны институциональные конструкции РФ и КНР, изучены СПГ-проекты и сервисная модель Севморпути, проанализированы форматы научной дипломатии и природоохранные практики. Особое внимание уделено стыку правовых режимов и операционных стандартов безопасности судоходства. Работа ставит перед собой цель выстроить реалистичную траекторию кооперации, минимизирующую транзакционные и экологические риски. Для её решения используются системный, сравнительный и институциональный подходы, контент-анализ, кейс-анализ. Изучены публикации российских и китайских авторов, документы и аналитика по Арктическому совету. В заключении описывается конфигурация совместимых действий по СПГ, СМП, мониторингу и правоприменению. Статья будет полезна исследователям, практикам транспортно-энергетического комплекса и профильным регуляторам.

Ключевые слова: Арктика, глобальное управление, российско-китайское сотрудничество, Северный морской путь, СПГ, экологическая политика, научная дипломатия, арктическое право, мониторинг климата, устойчивое развитие.

Введение

Растущая концентрация судоходных, сырьевых и научных проектов в высоких широтах придаёт арктической повестке прикладной характер. Цель статьи – предложить целостную оценку перспектив российско-китайской кооперации в управлении Арктикой с учётом ресурсных, правовых и экологических ограничений.

Задачи:

- 1) сопоставить нормативно-институциональные основания арктической политики России и Китая и зафиксировать управленческие разрывы;
- 2) проанализировать энергетико-логистические проекты (СПГ-кластеры, сервисная модель СМП) и параметры их масштабирования;
- 3) определить направления научно-экологического взаимодействия и рабочие форматы коуправления на площадках арктических институтов.

Новизна – в сведении разрозненных правовых, технологических и природоохранных сюжетов в единую схему «регламент – сервис – данные», где экономическая эксплуатация маршрутов увязана с стандартами мониторинга, аварийной готовности и биоразнообразия.

Материалы и методы

Материалы (обзор источников): Д.Н. Веселова [1] систематизирует российскую нормативную базу, описывает практики очистки территорий, сеть ООПТ и запуск орбитального мониторинга. В.Ф. Печерица, Ш. Лэй [7] раскрывают направления китайской стратегии: ресурсы, СМП, наука, правовое позиционирование, дипломатия. В.В. Харичков [9] рассматривает практику СПГ-партнёрства, цели по грузопотоку СМП и ограничения инфраструктуры. С.М. Никоноров [6] анализирует «Арктическую концепцию» КНР, её исследовательскую и экологическую составляющие, механизмы участия в АС. М.О. Рекец [8] увязывает арктическую линию Пекина с глобальной стратегией и описывает инструменты присутствия и стандарт-сеттинг. Г.И. Грибанова [3] оценивает соотношение кооперации и конкуренции России и Китая в северной политике. Р. Калфаоглу [4] рассматривает траектории развития двустороннего сотрудничества и риски реализации. Я. Нань, Г. Пэйцзин [5] фиксируют текущую ситуацию, проблематику и приоритеты развития совместных проектов. Д. Цинь, А.Л. Лукин [10] связывают арктическую кооперацию с задачами Дальнего Востока, инвестициями и логистикой. Д.Н. Веселова [2] конкретизирует практику межведомственной координации и проектные инструменты. Y. Chen [11] уточняет мотивы и инструменты вовлечения Китая; Y. Chen и K. Cheng [12] разбирают траектории декарбонизации арктического флота; C. Chu и O.A. Alekseenko [13] описывают баланс «Полярного шёлкового пути»; M.T. Fravel [14] трактует многослойность режимов управления; B. Gunnarsson [15] даёт статистику судоходства по СМП; R.R. Hermann [16] с соавт. моделируют портовые хабы; H.P. Huntington [17] с соавт. сводят экологические и социальные эффекты судоходства; N. Liu и J.J. Solski [18] уточняют применение ст. 234 ЮНКЛОС; M.C.P. Poo [19] с соавт. оценивают макроэкономические

выгоды северных маршрутов; X. Qi [20] с соавт. рассматривают регулирование чёрного углерода.

Методы: системный и сравнительный анализ; институционально-правовой разбор документов; контент-анализ академических и отраслевых публикаций; кейс-анализ СПГ-кластеров и сервисов СПГ; элементы сценарного и риск-ориентированного анализа для судоходства и экологии.

Результаты

Сводный анализ источников указывает на устойчивую конфигурацию российско-китайского партнёрства в Арктике по трём линиям: нормативно-институциональная база управления, ресурсно-логистические проекты и научно-экологическая повестка, через которые выстраивается участие двух стран в механизмах глобального управления Арктикой.

Российская линия закреплена стратегическими документами 2008–2021 гг., что придало системность природоохранным и адаптационным мерам в Арктической зоне, при этом контрольная функция по срокам и полноте исполнения специальных природоохранных мероприятий не выделена в самостоятельный орган, а значительная часть актов носит программный характер. В управлении климатическими и гидрометеорологическими сервисами зафиксирован переход к орбитальным и стационарным системам наблюдений, так, в феврале 2021 г. был запущен на орбиту первый метеорологический спутник «Арктика-М» [1].

Китайская линия формализована «Белой книгой» 2018 г. и институционально опирается на Администрацию по делам Арктики и Антарктики, сеть полярных НИИ, международные научные площадки и статус наблюдателя в Арктическом совете, что даёт Пекину встроенный канал участия в нормотворчестве и проектах рабочих групп АС (AMAP, CAFF, PAME, EPPR и др.) [6]. В арктической повестке Пекина закреплён научно-экологический приоритет (мониторинг климата, биоразнообразие, «чистая энергетика», рыболовство, туризм), а также курс на правовое участие в управлении регионами открытого моря через нормы Конвенции ООН по морскому праву, при сохранении уважения к юрисдикции прибрежных государств [6; 8].

Энергетическая сцепка представлена флагманскими СПГ-проектами «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», где китайские акционеры и банки обеспечили акционерное и долговое финансирование, инженерные мощности модульного строительства и гарантированный спрос в Азии. На стороне синергии фиксируется взаимодополняемость базовых потребностей: Китаю нужны энергоресурсы, а России нужен финансовый капитал. По траектории ввода мощностей зафиксированы конкретные вехи: первая очередь проекта введена в эксплуатацию в декабре 2017 года, вторая и третья очереди также были введены во второй половине 2018 года [6]. Дополнительный ресурс координации – опыт Газпрома и Роснефти в сделках с CNPC/CNOOC, что расширяет поле для новых углеводородных цепочек и сервисов на шельфе и в тундровой зоне [9].

Логистическое направление задаёт рамку для включения российского СПГ в трансокеанские коридоры инициативы «Пояс и путь» («Ледовый шёлковый путь»), где Пекин увязывает свободу судоходства с нормами международного права и предполагает использование СПГ как кратчайшего плеча Азия–Европа при учёте российских регулирующих полномочий в национальных водах [6; 8]. Зафиксирована позитивная динамика трафика: «Трафик Северного морского пути переживает рост

в 53%» [7]. Российские целевые ориентиры по грузопотоку – 80 млн т к 2024 г. и 160 млн т к 2035 г.; китайские оценки содержат интерес к доведению доли своих перевозок по СПГ до 20%, при этом инфраструктурная незавершённость и тарифные параметры лоцманско-ледокольной проводки остаются предметом переговорной настройки [8; 9].

Научная инфраструктура двух стран формирует слой данных, без которого проекты управления рисками в Арктике неразрешимы. По российской стороне – экспедиционные программы и расширение сети ООПТ, что повышает качество наблюдений и ставит охранный режим на морские и наземные биотопы. На начало 2022 г. в российской Арктике функционирует 40 ООПТ федерального значения [2]. В экосоциальном блоке практики ликвидации накопленного ущерба приобрели регулярный характер. С 2011 г. проводятся мероприятия по очистке арктических территорий от последствий хозяйственной деятельности, осуществляемой в регионе еще в СССР.

Китайская сторона наращивает экспедиции, полярные станции и приём спутниковых данных, что повышает плотность наблюдений в высоких широтах и укрепляет аргументацию участия Пекина в коуправлении: с 1999 г. Китай совершил 13 научных экспедиций в Арктику. Включение Пекина в международные научные сети (IASC, Университет Арктики, PAG) создаёт добавочные механизмы согласования протоколов мониторинга, обмена данными и стандартов природопользования, совместимых с повесткой рабочих групп Арктического совета [6; 8].

Российская правовая позиция опирается на национальное законодательство об Арктической зоне, практику заявок по внешней границе континентального шельфа и трактовку СПГ как исторически сложившейся национальной коммуникации; китайская – на свободу судоходства, расширительное толкование режимов открытого моря и идею интернационализации дискуссий, при сохранении двусторонних договорённостей с приарктическими странами [7–9]. По оценке российских авторов, институциональная база двустороннего партнёрства «на начальной стадии» и опирается на энергетические соглашения компаний, при этом научные центры и совместные форматы диалога создают задел для координации в Арктическом совете и сопряжённых площадках (СБЕР, «Арктический круг») [6; 8; 9]. В китайском экспертном дискурсе продвигаются конструкции «около-арктического государства» и «заинтересованной стороны», через которые Пекин аргументирует право участия в определении правил и проектировании инфраструктуры СПГ, а также в управлении ресурсами открытого моря [7; 8].

Совместимые траектории кооперации:

- 1) Углеводородные цепочки СПГ. Подтверждённые поставочные, акционерные и кредитные линии с участием CNPC/CNOOC, Фонда Шёлкового пути и китайских банков создают воспроизводимую модель финансирования крупных арктических проектов, способную поддержать следующие очереди сжижения и логистику отгрузки на азиатские рынки.
- 2) NSR-логистика. Рост трафика и объявленные ориентиры по грузопотоку формируют окно для китайского судоходства и логистических операторов; проработка тарифов, сервисов безопасности и ледовой проводки предстоит в рамках двусторонних соглашений и рекомендаций PAME/EPPR, где у обеих стран уже есть опыт кооперации [6; 7; 9].
- 3) Совместный климато-экологический мониторинг. Орбитальные системы «Арктика-М», экспедиционные платформы и станции («Хуанхэ» и др.) созда-

ют базу для сопряжения сетей наблюдений и интеграции данных в продукты рабочих групп AMAP и CAFF, что повышает вес России и Китая в разработке рекомендаций по адаптации и биоразнообразию [1; 6; 8].

- 4) Правовое и институциональное сонастроивание. Участие Китая в АС как наблюдателя и российское председательство в разные годы дают пространство для согласования технических регламентов судоходства, поисково-спасательных практик и противоаварийных протоколов в Арктике, не затрагивая спорные вопросы суверенитета и юрисдикции [6; 9].
- 5) Научная дипломатия – регулярные экспедиции, совместные исследования и обмен данными по льдам, атмосфере и биоресурсам служат каналом понижения рисков и каналом влияния на стандарт-сеттинг в глобальном управлении Арктикой, что прямо следует из закреплённой китайской приоритизации науки и экологии и из российской практики ООПТ и очистки территорий [1; 8].

Обсуждение

Российская нормативная конструкция фиксирует приоритет экологической безопасности и адаптации к климатическим изменениям, но институциональный дизайн остаётся несобранным в части контроля исполнения: координация поручена государственной комиссии, специализированного регулятора с санкционными и инспекционными полномочиями не создано. Программный характер ключевых актов снижает предсказуемость реализации природоохранных мероприятий и сдвигает акцент на административную волю и бюджетные циклы. Китайскую траекторию задаёт Белая книга 2018 г. и устойчивая бюрократическая опора в виде Администрации по делам Арктики и Антарктики, которая соединяет нормотворчество, экспедиции и дипломатическое сопровождение научной повестки. Получается асимметрия: у России сильнее правовой массив и критическая инфраструктура Севморпути, у Китая – встроенность в глобальные дискуссии и широкая сеть исследовательских центров и форматов.

Энергетическая кооперация на базе СПГ формирует устойчивую связку интересов. Модель, получившая обкатку на Ямале, соединила долевое участие китайских компаний, длинные кредитные линии профильных банков и массовую модульную сборку, что резко удешевило строительство криогенных мощностей и ускорило ввод очередей. Спрос в АТР, рост доли газа в энергобалансе Китая и диверсификация маршрутов поставок задают долгий горизонт загрузки. На этой базе формируется распределение рисков: Россия берёт на себя ресурсную, технологическую и климатическую неопределённости Крайнего Севера, Китай – финансовую ёмкость проектов и логистический «выход» на азиатские рынки. Устойчивость такого симбиоза выше там, где есть загрузка ледокольного флота, гарантированные окна навигации и локальная производственная кооперация по судовым, энергетическим и строительным пакетам.

Северный морской путь становится полем переговорной настройки. Российская позиция опирается на статус национальной морской магистрали с особыми регламентами и тарифами на лоцманско-ледокольные услуги; китайская – на свободу судоходства и включение маршрута в «Ледовый шёлковый путь». Практическая развилка не в принципах, а в сервисной модели: либо преобладает «национальный коридор» с полной организацией движения со стороны России и предсказуемыми слотами для иностранных грузоотправителей, либо оформляется гибрид с расширением технических

регламентов безопасности в русле Полярного кодекса и практик рабочих групп Арктического совета. Текущая динамика грузопотока и планы по росту перевалки задают мощный стимул к согласованию ледовой проводки, аварийно-спасательных протоколов, страховых требований и цифровых сервисов прогнозирования льда. Без этого монетизация трафика и снижение транзитных рисков упрутся в издержки, на которые судовладельцы реагируют крайне чувствительно.

Научно-экологическая повестка выстроилась в наиболее результативный канал «мягкой силы». Российские программы очистки арктических территорий и расширение сети ООПТ создают защитный контур для наземных экосистем и площадку для многолетних серий наблюдений. Параллельно формируется орбитальная инфраструктура мониторинга и ледостойкие платформы дрейфовых исследований, что повышает плотность данных для адаптационных решений. Китайская сеть полярных станций, ежегодные экспедиции, приём и обработка спутниковых данных, участие в международных научных объединениях дают совместимую по масштабу инфраструктуру. На стыке этих систем просматривается практическая зона синергии: сопряжение спутниковых и дрейфовых рядов наблюдений, общие протоколы по морской среде, биоресурсам и атмосфере, интеграция банков данных в продукты AMAP/CAFF и в национальные планы адаптации. Для России такая связка усиливает доказательную базу природоохранных режимов и страхование проектов от экологических инцидентов, для Китая – легитимность присутствия и участие в выработке регламентов.

Правовая рамка порождает управляемые трения. Российская линия опирается на закрепление внешней границы шельфа и исторически сложившийся режим Севморпути; китайская – на свободу судоходства, интернационализацию зон открытого моря и риторику «заинтересованной стороны» и «около-арктического» государства. На практике баланс смещается к «технично-правовому» урегулированию: соглашения по поиску-спасанию, готовности и реагированию на разливы нефти, научное сотрудничество, Полярный кодекс ИМО – те площадки, где лучше всего разруливаются расхождения. Переход к регламентам безопасности и стандартизации данных снижает температуру принципиальных споров и оставляет нерешённые вопросы статуса за пределами операционной повестки.

Глобальное управление Арктикой претерпевает институциональные колебания. Приостановка политического взаимодействия в Арктическом совете в 2022 г. обнажила риск расслоения площадок: часть активности уходит в «трэк-два», тематические конференции и региональные коалиции. На этом фоне наращивание вклада в проектные инструменты, научные сети и прикладные рабочие группы даёт больше отдачи, чем борьба за символические статусы. Российско-китайская кооперация выигрывает, когда предметом становятся совместные протоколы предотвращения аварий, стандарты судоходства в сложной ледовой обстановке, трансграничные системы оповещения и совместные тренировки ЕРС-подразделений – там, где результат измерим через снижение страховых премий и времени простоя.

Инвестиционные практики вне России показывают границы экспансии. Проекты в Гренландии и Исландии дали эффект масштаба для малых экономик, но одновременно породили политические и социальные ограничения – от миграционной чувствительности до экологических мораториев. Следствие очевидно: Россия остаётся основным реципиентом китайского капитала в Арктике, так как сочетает ресурсную базу, длинные береговые

линии, спрос на инфраструктуру и готовность к крупным промышленным модулям. Для Китая такая концентрация снижает транзакционные издержки и ускоряет циклы принятия решений; для России – поднимает планку к управлению внешними рисками, диверсификации поставщиков оборудования и к «локализации» критических узлов.

Транспортно-логистическая связка требует доведения сервисной экосистемы до индустриального стандарта. Узловые элементы – единые цифровые витрины слотов и тарифов по ледовой проводке, интегрированные прогнозы льда и дрейфов, увязка спутниковых линий связи, расширение аварийно-спасательных мощностей на ключевых участках трассы и в портах-убежищах. Научные данные двух стран уже позволяют строить устойчивые модели ледовой динамики для планирования рейсов. При переходе от разрозненных сервисов к сквозной платформе управляемость рисков навигации возрастает кратно, а дискуссия о статусе маршрута уходит в тень перед экономикой надёжности.

Экологическая компонента встраивается в экономическую логику через страхование и доступ к капиталу. Проекты, подтверждающие соответствие практикам мониторинга, биоразнообразию и готовности к авариям, получают более дешёвое финансирование и устойчивые каналы сбыта. Расширение сети ООПТ, включая морские акватории, снижает репутационные риски и облегчает прохождение международной экспертизы. Совместные экспедиции и открытые наборы данных повышают доверие к отчётности и создают вычислимые основания для управленческих решений по рыболовству, туризму и судоходству.

Правоприменение и коммуникация с внешнимистейхолдерами задают отдельную плоскость работы. Переосмысления с интересами Канады, Норвегии, Дании и США на площадках ИМО, СБЕР и отраслевых ассоциаций судовладельцев требуют тонкой настройки языка регламентов – без политизации и с опорой на технику безопасности, гидрометеорологию и стандарты подготовки экипажей. Отдельно стоит блок взаимодействия с коренными народами и северными сообществами: включение их знаний в мониторинговые протоколы повышает качество оценки рисков и устойчивость решений, снижает конфликтность при размещении инфраструктуры и разработке месторождений.

Синтез управленческой, научной и логистической линий формирует рабочую повестку на ближайшие годы. Точки приложения усилий – сопряжение российских орбитальных и наземных наблюдений с китайской наземной и экспедиционной сетью; стандартизация лоцманско-ледокольных услуг, страхования и аварийно-спасательных регламентов на СМП; расширение совместных природоохранных проектов и создание общих баз данных по биоресурсам и загрязнителям; тиражирование финансовой модели СПГ-кластеров с повышением доли локальных производств и сервисов. На этой базе снижается неопределённость для бизнеса и усиливается влияние обеих стран в практиках глобального управления Арктикой.

Заключение

Сопоставление нормативно-институциональных оснований выявило следующую картину: у России – разветвлённый корпус стратегий и программ с сильной координацией, но без отдельного контрольного центра; у Китая – единая доктрина с опорой на научные и дипломатические каналы. Управленческий разрыв локализован в зоне конт-

роля исполнения и санкционирования, компенсируется проектной дисциплиной и данными мониторинга.

Анализ энергетико-логистических практик подтвердил устойчивость СПГ-связки и потенциал тиражирования модели финансирования с участием китайских банков и компаний. СМП требует доведения сервисной экосистемы до индустриального стандарта: тарифная прозрачность, слот-менеджмент, интегрированные ледовые прогнозы, аварийная готовность.

Научно-экологическая повестка задаёт платформу для коуправления: сопряжение орбитальных и дрейфовых наблюдений, унификация протоколов АМАР/CAFF, расширение ООПТ, открытые наборы данных для страхового и регуляторного контура. Зафиксированы форматы взаимодействия, способные снизить риски транзита и добычи и укрепить позиции обеих стран в практиках глобального управления Арктикой. Рекомендовано концентрировать усилия на стандартах безопасности судоходства, совместных тренингах EPPR-профиля и институционализации общих дата-платформ по льду, биоресурсам и загрязнителям.

Литература

1. Веселова Д.Н. Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике: общее и особенное // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 130–139. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-130-139.
2. Веселова Д.Н. Основные направления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике // Управленческое консультирование. 2022. № 12(168).
3. Грибанова Г.И. Россия и Китай в глобальной политике: диалектика сотрудничества и конкуренции (на примере арктического региона) // Герценовские чтения: Россия-2021. Актуальные вопросы политического знания: сб. матер. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23 апр. 2021 г. / под общ. ред. Л.А. Гайнутдиновой. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. С. 12–17. EDN FBSKDN.
4. Калфаоглу Р. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: перспективы развития // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 2.
5. Нань Я., Пэйцзин Г. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14. EDN ZIGQTT.
6. Никоноров С.М. Концепция Китайской Народной Республики по развитию Арктики // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 2(6). С. 44–53. DOI: 10.51823/74670_2021_2_44. EDN VCTTKP.
7. Печерица В. Ф., Лэй Шуан. Основные направления китайской политики в Арктике // Российско-китайские исследования. 2019. № 4.
8. Рекец М.О. Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 371–384. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384.
9. Харичков В.В. Россия и Китай в Арктике: существующие тенденции и будущие перспективы // Молодёжь и системная модернизация страны: сб. науч. ст. 5-й Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых: в 6 т., Курск, 19–20 мая 2020 г. Т. 3. Курск:

Юго-Западный гос. ун-т, 2020. С. 356–359. EDN UHRMCW.

10. Цинь Дун, Лукин А.Л. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4(47).
11. Chen Y. China's Arctic policy and engagement: Review and prospects // *Asia Policy*. 2023. Vol. 18, No. 1. P. 29–38.
12. Chen Y., Cheng K. Decarbonizing Arctic shipping: governance pathways and future directions // *Frontiers in Marine Science*. 2025. Article 1489091. DOI: 10.3389/fmars.2025.1489091.
13. Chu C., Alekseenko O.A. The Polar Silk Road: balancing development and environmental sustainability in the China–Russia Arctic cooperation // *Marine Development*. 2025. Vol. 3. Article 14. DOI: 10.1007/s44312-025-00056-3.
14. Fravel M.T. China engages the Arctic: a great power in a regime complex // *Asian Security*. 2021. (дата обращения: 12.09.2025).
15. Gunnarsson B. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route // *Arctic Review on Law and Politics*. 2021. Vol. 12. (дата обращения: 12.09.2025).
16. Hermann R. R., Lin N., Lebel J., Kovalenko A. Arctic transshipment hub planning along the Northern Sea Route: A systematic literature review and policy implications of Arctic port infrastructure // *Marine Policy*. 2022. Vol. 145. 105275. DOI: 10.1016/j.marpol.2022.105275.
17. Huntington H. P., Olsen J., Zdor E., Zagorskiy A., Shin H.C., Romanenko O., Kaltenborn B., Dawson J., Davies J., Abou-Abbsi E. Effects of Arctic commercial shipping on environments and communities: context, governance, priorities // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2023. Vol. 118. 103731. DOI: 10.1016/j.trd.2023.103731.
18. Liu N., Solski J.J. The 'due regard' of Article 234 of UNCLOS: Lessons from regulating innocent passage in the Territorial Sea // *Ocean Development & International Law*. 2021. Vol. 52, No. 4. P. 398–418. DOI: 10.1080/00908320.2021.1991866.
19. Poo M. C. P., Omri A., Alola A.A., Peng N. Assessing the impact of Arctic shipping routes: A macroeconomic perspective // *Polar Geography*. 2024. DOI: 10.1080/1088937X.2024.2399775.
20. Qi X., Li Z., Zhao C., Li J., Zhang Q. International governance of Arctic shipping black carbon emissions: Current situation and impediments to progress // *Marine Policy*. 2024. Vol. 161. 106043. DOI: 10.1016/j.marpol.2024.106043.

PROSPECTS FOR RUSSIAN-CHINESE ARCTIC COOPERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL ARCTIC GOVERNANCE

Cui Long

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the prospects for Russian-Chinese cooperation in the Arctic in the logic of global governance of the northern seas and subarctic territories. The relevance is due to the growing transit and resource importance of the region and the shift in regulatory institutions. The novelty is associated with the unification of regulatory analysis, energy and logistics cases and scientific and environmental agenda into a single management scheme. The work describes the institutional structures of the Russian Federation and China, studies LNG projects and the service model of the Northern Sea Route, analyzes the formats of scientific diplomacy and environmental practices. Particular attention is paid to the intersection of legal regimes and operational standards for the safety of naviga-

tion. The work aims to build a realistic trajectory of cooperation that minimizes transaction and environmental risks. To solve it, systemic, comparative and institutional approaches, content analysis, case analysis are used. Publications of Russian and Chinese authors, documents and analytics on the Arctic Council are studied. The conclusion describes the configuration of compatible actions on LNG, NSR, monitoring and law enforcement. The article will be useful for researchers, practitioners of the transport and energy complex and specialized regulators.

Keywords: Arctic, global governance, Russian-Chinese cooperation, Northern Sea Route, LNG, environmental policy, scientific diplomacy, Arctic law, climate monitoring, sustainable development.

References

1. Veselova D.N. State environmental policy of Russia and China in the Arctic: common and specific // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022. Vol. 16, No. 2. Pp. 130–139. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-130-139.
2. Veselova D.N. Main areas of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic // *Management consulting*. 2022. No. 12(168).
3. Gribanova G.I. Russia and China in global politics: dialectic of cooperation and competition (on the example of the Arctic region) // *Herzen Readings: Russia-2021. Actual issues of political knowledge: collection of materials of scientific and practical conf.*, St. Petersburg, April 23. 2021 / edited by L.A. Gainutdinova. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2021. pp. 12–17. EDN FBSKDN.
4. Kalfaoglu R. Chinese-Russian cooperation in the Arctic: development prospects // *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2018. no. 2.
5. Nan Ya., Peijing G. Chinese-Russian cooperation in the Arctic: current situation, challenges and development priorities // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022. vol. 15, no. 3. pp. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14. EDN ZIGQTT.
6. Nikonorov S.M. The Concept of the People's Republic of China for the Development of the Arctic // *Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions*. 2021. No. 2(6). P. 44–53. DOI: 10.51823/74670_2021_2_44. EDN VCTTKP.
7. Pecheritsa V. F., Lei Shuang. The Main Directions of Chinese Policy in the Arctic // *Russian-Chinese Studies*. 2019. No. 4.
8. Rekets M.O. Course to the North: China's Arctic Policy in the Context of Global Geopolitical Changes // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2024. Vol. 24, No. 3. P. 371–384. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384.
9. Kharichkov V.V. Russia and China in the Arctic: Current Trends and Future Prospects // *Youth and Systemic Modernization of the Country: Coll. sci. art. 5th Int. sci. conf. students and young scientists: in 6 volumes, Kursk, May 19–20, 2020*. Vol. 3. Kursk: Southwestern State University, 2020. Pp. 356–359. EDN UHRMCW.
10. Qin Dong, Lukin A.L. Prospects for Russia-China Cooperation in the Arctic and the Russian Far East // *Oikumena. Regional Studies*. 2018. No. 4(47).
11. Chen Y. China's Arctic policy and engagement: Review and prospects // *Asia Policy*. 2023. Vol. 18, No. 1. P. 29–38.
12. Chen Y., Cheng K. Decarbonizing Arctic shipping: governance pathways and future directions // *Frontiers in Marine Science*. 2025. Article 1489091. DOI: 10.3389/fmars.2025.1489091.
13. Chu C., Alekseenko O.A. The Polar Silk Road: balancing development and environmental sustainability in the China–Russia Arctic cooperation // *Marine Development*. 2025. Vol. 3. Article 14. DOI: 10.1007/s44312-025-00056-3.
14. Fravel M.T. China engages the Arctic: a great power in a regime complex // *Asian Security*. 2021. (access date: 09/12/2025).
15. Gunnarsson B. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route // *Arctic Review on Law and Politics*. 2021. Vol. 12. (date of access: 09/12/2025).
16. Hermann R. R., Lin N., Lebel J., Kovalenko A. Arctic transshipment hub planning along the Northern Sea Route: A systematic literature review and policy implications of Arctic port infrastructure // *Marine Policy*. 2022. Vol. 145. 105275. DOI: 10.1016/j.marpol.2022.105275.

17. Huntington H. P., Olsen J., Zdor E., Zagorskiy A., Shin H.C., Romanenko O., Kaltenborn B., Dawson J., Davies J., Abou-Abbsi E. Effects of Arctic commercial shipping on environments and communities: context, governance, priorities // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2023. Vol. 118. 103731. DOI: 10.1016/j.trd.2023.103731.
18. Liu N., Solski J.J. The 'due regard' of Article 234 of UNCLOS: Lessons from regulating innocent passage in the Territorial Sea // *Ocean Development & International Law*. 2021. Vol. 52, No. 4. P. 398—418. DOI: 10.1080/00908320.2021.1991866.
19. Poo M. C. P., Omri A., Alola A.A., Peng N. Assessing the impact of Arctic shipping routes: A macroeconomic perspective // *Polar Geography*. 2024. DOI: 10.1080/1088937X.2024.2399775.
20. Qi X., Li Z., Zhao C., Li J., Zhang Q. International governance of Arctic shipping black carbon emissions: Current situation and impediments to progress // *Marine Policy*. 2024. Vol. 161. 106043. DOI: 10.1016/j.marpol.2024.106043.

Трансформация китайского подхода к международному участию в регулировании конфликтов: от миротворчества ООН к институционализации практики международного посредничества

Черняк Анна Дмитриевна,

аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета
E-mail: anna.cher828@gmail.com

В статье рассматривается трансформация отношения КНР к международному содействию в регулировании конфликтов на основе взаимосвязи с особенностями реализации внешней политики Китая в разные периоды. В работе прослеживается, как Китай постепенно вовлекался в деятельность ООН по поддержанию мира, увеличивая как финансовые взносы, так и численность миротворческого контингента, что способствовало закреплению за КНР имиджа «ответственной державы». Однако автор также отмечает современный кризис структуры Миротворчества ООН и переориентацию Китая к осуществлению международного посредничества как способа урегулирования конфликтов.

На основе комплексного анализа 24 кейсов посреднических действий в XXI веке статья выявляет ключевые тенденции в этой сфере и демонстрирует их взаимосвязь со сменой политического руководства. Подчеркивается, что на современном этапе посредничество институционализируется в рамках таких инициатив, как «Один пояс – один путь», концепции «Сообщества единой судьбы человечества», «Глобальной инициативы безопасности» и создания Международной организации по медиации (IOMed). Делается вывод, что на современном этапе международное посредничество Китая выходит за рамки вспомогательного инструмента внешней политики, превращаясь в самостоятельное направление глобальной стратегии Пекина, укрепляющее его позиции в формировании альтернативной архитектуры международного порядка.

Ключевые слова: международное посредничество, конфликты, Китай, миротворчество ООН, внешняя политика, институционализация.

Введение

Современная международная система характеризуется высокой конфликтогенностью и ограниченной эффективностью традиционных механизмов урегулирования кризисов. Возвышение Китайской Народной Республики на мировой арене в том числе вызывает интерес и к тому, как Китай сможет способствовать процессу регулирования конфликтов и становления мира. Являясь активным участником многих международных структур – ООН, ШОС, ВТО, БРИКС, G20, АТЭС и предлагая новые форматы взаимодействия, в особенности через реализацию инициативы «Один пояс – один путь», Пекин демонстрирует свою готовность к осуществлению многостороннего сотрудничества с акцентированием внимания на значимости достижения взаимной выгоды и сохранения международной стабильности, что приобретает особую актуальность в условиях дестабилизации глобальной обстановки.

Китайская цивилизация с тысячелетней историей долгое время воспринимала себя как центр мировой системы, что отразилось в традиционной даннической дипломатии династий Хань, Тан, Мин и Цин. Однако в XIX в. изоляционизм и технологическое отставание привели к поражению в Опиумных войнах и подписанию «неравноправных договоров», что подорвало прежний порядок. После создания Китайской Республики в 1912 г., молодое государство столкнулось с внутренними кризисами и агрессией Японии. После провозглашения КНР в 1949 г. и раскола с СССР в 1960-х КНР начала выстраивать «дипломатию третьего мира», поддерживая развивающиеся страны. Восстановление представительства в ООН в 1971 г. и сближение с США позволили выйти из международной изоляции. Во внешнеполитической деятельности Китай сохранял приверженность принципам государственного суверенитета и невмешательства, крайне сдержанно проявлял себя во внешнем взаимодействии и сохранял скептицизм в отношении результативности международных организаций [1, р. 19].

Приход к руководству КНР Дэна Сяопина в 1978 г. ознаменовал начало политики «реформ и открытости», направленной на внутренние преобразования и интеграцию Китая в международное сообщество. В 1982 г. на XII Всекитайском съезде КПК Дэн подчеркнул ценность дружбы и сотрудничества с другими государствами при сохранении независимости и суверенитета, что сформировало основу «независимой и самостоятельной мирной внешней политики» [2, р. 90]. Эта стратегия предусматривала мирное сосуществование и прагматичное участие в международных делах, включая работу с ООН, в качестве инструмента формирования благоприятной международной среды для экономического развития.

Китай как актер в Миротворчестве ООН

Признавая значимость ООН как главного механизма регулирования международных отношений, Китай постепенно стал включаться в её работу. Поскольку тема обеспечения

безопасности и стабильности обладало критическим значением для реализации внешнеполитических задач КНР, деятельность ООН по поддержанию мира не могла не привлечь внимание китайских властей. Будучи уникальным инструментом, сочетающим военные, политические и гуманитарные меры, позволяющие международному сообществу участвовать в обеспечении безопасности в зоне конфликта и способствовать восстановлению государств после его завершения, он стал ключевым механизмом, институционализирующим вклад государств в международную безопасность через измеримые обязательства: финансирование, предоставление военного и гражданского персонала или техническую поддержку. Данный формат взаимодействия позволял продемонстрировать конструктивную роль без прямой политической экспансии, что приобрело ключевое значение в условиях продвижения принципа невмешательства.

Ключевым инструментом в деятельности ООН по поддержанию мира является именно работа в формате многопрофильных миссий ООН (англ. *reasekeering missions*), которые могут включать как военные, так и гражданские компоненты. Их мандат может быть весьма широким, охватывая не только наблюдение за обстановкой и обеспечение безопасности, но и содействие политическим процессам. Как подчеркивается в официальных документах ООН, эффективность этих направлений проявляется именно в комплексном использовании, что позволяет не только остановить насилие, но и устранить структурные причины конфликта, снижая вероятность его возобновления [3, р. 7].

Точкой отсчёта участия КНР в Миротворческой деятельности ООН принято считать момент его голосования за резолюцию 495, продлевавшей срок пребывания Вооружённых сил ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК); 1982 г. Китай начал вносить финансовый вклад в операции по поддержанию мира; в ноябре 1988 г. Китай присоединился к Специальному комитету ООН по поддержанию мира [2, р. 90]. Свои коррективы в отношении проводимой политики Китая в миротворческих миссиях ООН внесли события на площади Тяньаньмэнь и последующая международная изоляция – в результате чего Дэн Сяопин выдвинул обновлённую дипломатическую концепцию «28 иероглифов», закрепившей таким образом курс на сдержанность, отказ от лидерских амбиций и приоритет экономического роста над геополитическим влиянием.

Период 1988–1998 гг. характеризовался высокой активностью миротворческих миссий: Совет Безопасности учредил 34 операции по поддержанию мира. Китай, избегая конфронтации с Западом, преимущественно не обращался к применению права вето, но воздерживался при голосовании по резолюциям о геноциде в Руанде, этнических чистках в бывшей Югославии и беспорядках в Ираке и Боснии, выражая опасения относительно применения силы и расширения мандата миссий.

В этот период Китай впервые направил собственные контингенты в миротворческие операции: в 1989 г. – 20 гражданских специалистов в Намибию (ЮНТАГ), в 1992 г. – военно-инженерная группа в Камбоджу (ЮНТАК), а в 1999 г. – гражданские полицейские в Восточный Тимор (УНТАЕТ). С 1989 г. Китай значительно расширил своё присутствие в миротворческой деятельности ООН, охватившего широкий спектр географических регионов и тематических направлений, успев отправить своих военных, полицейских и гражданских специалистов в миротворческие операции ООН в Намибии (УНТАГ), на Ближнем Востоке (УНТСО), в Западной Сахаре (МИНУРСО), Камбодже (УНАМИС, УНТАК), Ираке/Кувей-

те (УНИКОМ), Мозамбике (ОНУМОЗ), Либерии (УНОМИЛ, УНМИЛ), Сьерра-Леоне (УНОМСИЛ, УНАМСИЛ, УНИОСИЛ), Восточном Тиморе (УНТАЕТ, УНМИСЕТ, УНМИТ), Эритрее/Эфиопии (УНМЭЕ), Демократической Республике Конго (МООНУС, МООНУСКО), Боснии и Герцеговине (УНМИБ), Афганистане (УНАМА), Гаити (МИНУСТАГ), Бурунди (ООНУБ), Кот-д'Ивуаре (УНОЦИ), Косово (УНМИК), Ливан (УНИФИЛ), Дарфур (УНАМИД), Кипр (УНИФИЦП), Мали (МИНУСМА), Центральноафриканской Республике (МИНУСКА), Судане и Южном Судане (УНМИСС, УНСМИС, УНИСФА) [4, р. 55–56; 5].

Наращивание участия в миротворчестве ООН стало для КНР инструментом формирования позитивного имиджа «ответственной великой державы» (*fuzeren de daguo*), готовую поддерживать коллективную безопасность в рамках ООН. Руководство страны рассматривало такие операции не только как вклад в коллективную безопасность, но и как средство укрепления доверия со стороны других государств. Поддержание стабильности в проблемных регионах мира напрямую увязывалось с национальными интересами КНР: создание безопасной международной среды облегчало условия для долгосрочного экономического роста и внутреннего развития [2, р. 97].

С одной стороны, миротворчество предоставило Пекину возможность продемонстрировать приверженность принципам многосторонности и международного права, а также снижать опасения стран Запада и соседей по поводу роста его мощи. С другой стороны – оно отвечало прагматичным интересам Китая: обеспечению стабильности и доступа к стратегически важным регионам Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, укреплению доброжелательности в отношении Китая, усиление политических и экономических связей как с принимающими государствами, так и со странами Глобального Юга в целом [6, р. 9–10]. Дополнительным мотивом для участия Китая в миротворческих миссиях часто называют получение военного опыта Народно-освободительной армии Китая (НОАК), поскольку обстановка миссий помогает опыт операций за рубежом, а систематическое взаимодействие с вооружёнными силами других государств помогает НОАК оценить их возможности.

С момента начала участия в миротворческой деятельности ООН Китай значительно увеличил свою долю в финансировании операций по поддержанию мира. Если в 1980–1990-е гг. его взносы не превышали 1–1,15% бюджета, то начиная с 2000-х они стали быстро расти: 1,92% в 2001–2003 гг., 6,64% в 2013–2015 гг., 15,22% в 2019–2021 гг., 23,79% в 2025–2027 гг. В абсолютных цифрах рост ещё более показателен: от 2 млн долл. США в начале 1980-х до более 1,2 млрд долл. США в 2025 г., что делает КНР вторым по объёму донором после США (1,4 млрд долл. США). В номинальном выражении бюджет миротворчества ООН также значительно вырос: с 230 млн долл. США в 1982 г., достигнув пика своего объёма в 2015 г. в размере 8,5 млрд долл. США, и снизив свой размер до 5,4 млрд долл. США в 2025 г. – в сравнении эти цифры показывают, что бюджет Миротворчества ООН с 1982 г. по 2025 г. вырос в 23 раза, тогда как вклад Китая за тот же период вырос в 600 раз [7]. Это демонстрирует многократно обгоняющий рост объёма китайских вложений от темпа увеличения бюджета Миротворчества ООН. Во многих исследованиях именно этот факт свидетельствует о чрезвычайной заинтересованности Пекина в данной организации, однако подобное сравнение не в полной мере отражает существующую реальность.

В относительном выражении нагрузка на экономику КНР остаётся незначительной: расходы на миротвор-

чество не превышали 0,001% ВВП до начала 1990-х; до 2009 г. – между 0,002% и 0,0032%, в 2015 г. – 0,005%, после чего процентное соотношение колебалось в пределах 0,0053–0,0072% (частично за счёт колебания курса валют). По отношению расходов государственного бюджета Китая, показатели также невелики: менее 0,01% до конца 1980-х, резко выросло к 1994 г. до 0,04% и снизилось до 0,0076% в 1998 г., в 2000–2020-х гг. колебалась в диапазоне 0,015–0,026%, в 2022–2023 гг. достигла 0,031%, и немного снизилась в 2024 г. до 0,026%. Таким образом, рост номинальных сумм отражал скорее общую динамику китайской экономики и постепенное повышение международных обязательств, чем стратегический сдвиг в сторону приоритета миротворчества ООН во внешнеполитической повестке. Это позволяет трактовать участие Китая как стремление закрепить статус ответственного члена международного сообщества и избежать критики за недостаточное участие, нежели как курс на активное лидерство в сфере миротворчества.

Динамика числа китайских миротворцев показывает постепенное расширение участия КНР в операциях ООН с начала 1990-х гг. и до 2015 г. включительно. До 2003 г. число направленных специалистов не превышало 150 человек, в 2004 г. контингент вырос до 1036 человек, а в 2015 г. достиг максимума – 3045 человек, после чего постепенно количество китайского контингента стало постепенно снижаться, достигнув 1799 человек в 2024 г. В процентном выражении динамика изменения доли китайских миротворцев в миротворчестве ООН схожа с колебаниями доли отчислений КНР в бюджет операций по поддержанию мира ООН от общего объёма трат государственного бюджета КНР – до 2003 г. количество китайских миротворцев не превышало 1% от общего числа, в 2004 г. соотношение стало планомерно расти, достигнув в 2015 г. 2,84% от общего числа, после чего процентное соотношение оставалось в пределах 2,8–3%, достигнув по данным 2024 г. 2,94% [7].

Тем не менее, с 2009 г. Китай входит в топ-10 стран по числу предоставляемого персонала для миротворческих миссий ООН, обеспечивая большее число миротворцев, чем другие постоянные члены Совета Безопасности ООН. В 2015 г. Си Цзиньпин заявил о намерении создать резервное миротворческое подразделение на 8000 человек, резерв так и остался резервом, а предоставляемого контингента миротворцев Китаем по состоянию на 2024 г. достаточно ровно в той степени, чтобы сохранять свою позицию в этом списке [7].

Ситуация развивается на фоне снижения числа активных миротворческих миссий ООН, несмотря на значительный рост числа вооружённых конфликтов за последнее десятилетие. С 1948 г. была организована 71 миссия, и с учётом даты начала активности в миротворчестве ООН, отсчёт будет выглядеть следующим образом: 2 новых миссии в 1979–1988 гг., 34 в 1989–1998 гг., 15 в 1999–2008 гг., 7 в 2009–2018 гг. и ни одной в 2019–2024 гг. Китай с 1989 г. участвовал в 33 операциях (55% от всех за этот период): 9 в 1989–1998 гг., 17 в 1999–2008 гг., 6 в 2009–2018 гг. и лишь в одной после 2019 г. Стоит также отметить, что для Китая свойственно присоединяться к миротворческим миссиям ООН уже после их развертывания, и по состоянию на 2025 г. КНР участвует в 9 из 11 действующих миссий [8].

Действия Китая в контексте работы ООН по поддержанию мира не ограничивались исключительно участием в миротворческих операциях. В 2015 г., по инициативе Пекина, был создан Фонд мира и развития Китая – ООН (China-UN Peace and Development Fund) с планом выделить \$200 млн в течение десяти лет; к 2019 г. было поддержано 52 проекта на сумму более \$33 млн,

из которых \$10 млн направлены на миротворчество. В 2020 г. срок действия Фонда продлён ещё на пять лет после 2025 г. [7]. Для подготовки персонала Китай создал в 2000 г. Учебный центр миротворческой полиции и в 2009 г. – Центр миротворческих операций Минобороны. В результате Китай смог осуществить подготовку не только своих представителей, но и провёл 20 учебных программ для более чем 1500 миротворцев из более чем 60 стран [5]. В то же время, Китай активно лоббирует своих высокопоставленных кадров для назначения на управляющие должности – назначены координаторы-резиденты в Ботсване и на Мальдивах в 2025 г. и специального посланника Генерального секретаря по Африке в 2023 г. и продвигает резолюции, где приоритет отдаётся вопросам развития и суверенитета государств, а проблематика прав человека получает меньший акцент [9].

Активное создание новых миссий в 1990–2000-х гг. повышало спрос на миротворческий контингент, что позволяло государствам через участие в них заявлять о себе на мировой арене. На сегодняшний день, сокращение числа новых миссий, завершение знаковых миссий, таких как миссии ООН в ДР Конго и Дарфуре, проблемы с мандатами и урезание бюджета снижают вероятность появления крупных инициатив и ослабляют потенциал миротворчества как инструмента урегулирования конфликтов. Китай продолжает декларировать приверженность принципам деятельности ООН по поддержанию мира и подчеркивать их важность [10], однако на практике приоритет смещается. Современный вклад Пекина в миротворчество носит преимущественно институционально-репутационный характер: он направлен не столько на непосредственное урегулирование конкретных конфликтов, сколько на укрепление международного имиджа, расширение дипломатического влияния и продвижение собственного положения и своей повестки в системе ООН.

Влияние внешнеполитических идей КНР на осуществление международного посредничества

Вместе с тем, действия Китая на международном уровне в сфере содействия регулированию конфликтов не ограничивались исключительно участием в миротворческих миссиях. Подчеркивая важность сохранения и продвижения «пяти принципов мирного существования», сформулированных ещё в 1950-х гг., внешнеполитическая риторика КНР с тех периодически обращалась к идеям мирного сосуществования и сотрудничества. Тем не менее, каждый политический лидер Китая выдвинул свою внешнеполитическую концепцию или идею: в 1990-х гг. стратегия Дэна Сяопина «таогуан янхуэй» («скрывать возможности и выжидать»), предполагающей постепенный переход от пассивности к точечной прагматичной активности; в конце 1990-х гг. Цзян Цзэминя «новая концепция безопасности» и «мирное развитие»; в 2000-х гг. Ху Цзиньтао идея «гармоничного мира» и «мирного развития»; в 2010-х гг. выдвижение инициативы «Один пояс – один путь» и концепции «Сообщества единой судьбы человечества» и последующих «Глобальной инициативы развития», «Глобальной инициативы безопасности» и «Глобальной инициативы цивилизации». В этом контексте важным направлением внешнеполитической активности Китая выступила реализация международного посредничества.

В научной литературе, как русскоязычной, так и англоязычной, отсутствует единообразие в трактовке феномена международного посредничества. Чаще всего

под ним понимается либо посредничество, осуществляемое на международном уровне, либо посредничество в урегулировании международных конфликтов. Однако в подобных определениях остаётся нераскрытым принципиальный вопрос: что именно придаёт посредничеству международный характер? Ряд авторов указывает на специфику конфликта (межгосударственный или интернационализированный), тогда как другие фиксируют внимание на уровне организации процесса. Вместе с тем в большинстве исследований не акцентируется, что международность посредничества может определяться не только природой конфликта, но и самим происхождением посредника. Если в переговорный процесс вовлекается третья сторона внешнего или международного статуса – международная организация, иностранное государство, дипломат, представитель международной неправительственной организации или влиятельное лицо иностранного гражданства, – то именно этот фактор вносит международный компонент в структуру посредничества, даже если конфликт изначально носит внутрисостоятельный характер.

Исходя из чего международное посредничество представляет собой добровольный, как правило гибкий и преимущественно конфиденциальный процесс мирного урегулирования внутрисостоятельных, интернационализированных или межгосударственных конфликтов, при котором в переговорный процесс вовлечена третья сторона, воспринимаемая конфликтующими акторами как нейтральная и легитимная; международность такого посредничества определяется происхождением посредника его внешним/иностраным или международным статусом (международная организация, иностранное государство или его представитель, дипломат/иностраный эксперт, международная НПО и т.п.), – при этом посредник не обладает правом навязывать решение, но посредством фасилитации, модерации, процедурного и дипломатического влияния способствует диалогу и выработке взаимоприемлемого соглашения. В зависимости от стратегии поведения, посредник может избрать пассивный (с позиции наблюдателя над процессом общения и обмена информацией) или активный образ поведения через осуществления взаимодействия со сторонами конфликта и ведения с ними активной полемики [11, р. 3–4].

Внешиполитические концепции китайских лидеров оказали значительное влияние на подход Китая к международному урегулированию конфликтов. В 1990-х гг. стратегия Дэн Сяопина «скрывать возможности и выжидать» предполагала минимизацию вовлечённости в чужие конфликты, акцент на экономических связях, восстановление роли Китая в международных институтах и скепсис к миротворчеству ООН. При Цзян Цзэминя (1989–2002) Китай ориентировался на интеграцию в мировую систему через институциональную вовлечённость (ВТО, АТЭС, ШОС) и ограниченное участие в миротворческих миссиях, выступая за диалог в международных конфликтах, но избегая роли посредника. Работа через групповые форматы позволяла Пекину «размыть» ответственность среди других участников, при этом участие всё ещё продолжало работать на повышения имиджа государства.

Фактическое начало активного участия Китая в урегулировании конфликтов относится к периоду Ху Цзиньтао. Концепции «мирного развития» и «гармоничного мира» закрепили курс на институционализацию китайской вовлечённости и гармоничное взаимодействие с мировым сообществом, построение сбалансированного и справедливого мирового порядка, основанного на диалоге и сотрудничестве. Китай значительно нара-

стил объём поставляемого персонал и стал направлять в миротворческие миссии не только наблюдателей и технический персонал, но и военные и полицейские контингенты, сочетая участие в миссиях ООН с посредническими усилиями в конфликтах.

Опыт КНР в осуществлении международного посредничества

Впервые Китай проявил себя как потенциальный посредник 2002 г., когда в разгар Второй интифады назначил Ван Шицзе своим первым специальным представителем на Ближнем Востоке и в дальнейшем Пекин не единожды предлагал форматы диалога, включая трёхсторонние переговоры, в 2013 г. Си Цзиньпин представил обновлённый «четырёхпунктный план», а в 2017–2024 гг. последовали новые инициативы, включая поддержку внутрисостоятельного примирения в 2024 г. [12]. После арабской весны 2011 г. Пекин проявил активность в отношении урегулирования конфликтов в Сирии, Ливии и Йемене: в отношении сирийского конфликта Китай блокировал санкционные резолюции СБ ООН, но участвовал в миссии UNSMIS, сохраняя контакты с правительством и оппозицией; по конфликту в Ливии воздержался при голосовании по резолюции 1973 и позже поддерживал форматы работы ООН и Африканского Союза; в Йемене первоначально опирался на переговорный процесс ООН, но в 2017 г. путём посредничества способствовал восстановлению контактов спецпосланника ООН с движением «Ансар Аллах» [13, р. 6–9; 14].

При Ху Цзиньтао китайское посредничество стало постепенно проявляться и в регионах Южной и Восточной Азии. Наиболее заметным примером посредничества стало организация и проведение Шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР (2003–2009), где Китай выступил инициатором, модератором и гарантом переговорного процесса. Параллельно с этим, примерно с 2008 г., Пекин предпринимал попытки «челночной дипломатии» в индо-пакистанском конфликте, хотя его близость к Исламабаду ограничивала его восприятие в качестве посредника [15]. В Непале, после «Народного движения» 2006 г., КНР действовала осторожно, ограничиваясь призывами к примирению и контролю над угрозами для собственной безопасности [16].

В Африке к югу от Сахары посредническая активность Китая во многом сочеталась с преследованием экономических интересов, особенно в сфере энергетики. В Судане и Южном Судане Пекин выступал как участник миротворческих миссий (UNMIS, UNAMID, UNISFA и UNMISS), дипломатический посредник и гарант нефтяных соглашений, поддерживая контакты с обеими сторонами конфликта. В Зимбабве и ДРК в 2008 г. китайская дипломатия ограничивалась «закулисными» консультациями и использованием многосторонних форматов (SADC, ICGLR, участием в MONUSCO), в то время как в Мали акцент делался на косвенном влиянии через региональные структуры, таких как FOCAC, и поддержку G5 Sahel как финансово-дипломатический инструмент [17].

С приходом к власти Си Цзиньпина китайская внешняя политика приобрела более амбициозный и проактивный характер. В отличие от осторожного курса Ху Цзиньтао, где посредничество рассматривалось как вспомогательный инструмент укрепления международного имиджа и участия в миротворчестве ООН, при Си Цзиньпине оно приобрело институциональный характер и оформилось в качестве значимого политико-правового ресурса. Провозглашённая в 2013 г. инициатива «Один пояс –

один путь» задала прикладное измерение посредничеству, увязав его с задачами обеспечения стабильности вдоль инфраструктурных маршрутов. В то же время концепция «сообщества единой судьбы человечества» и более поздняя «Глобальная инициатива по безопасности» закрепили нормативные рамки китайской дипломатии, в которых посредничество можно рассматривать как инструмент в осуществлении «мирного разрешения разногласий, реализуемого с уважением принципов суверенитета и многосторонности, а также противодействия принудительным мерам и блокадами» [18].

С 2012 г. азиатском регионе Китай расширил ареал реализации своих посреднических усилий в конфликтах. В отношении ситуации в Афганистане Пекин с 2014 г. инициировал многосторонние механизмы (трёхсторонние переговоры, участие в QCG, формат SCO), наладил диалог как с официальным правительством, так и с «Талибаном», а также стал посредником в выстраивании каналов взаимодействия и нормализации отношений между Афганистаном и Пакистаном [19]. С 2013 г. в Мьянме КНР выступала модератором переговоров между правительством и вооружёнными группировками, в 2017 г. предложила «трёхфазный план» урегулирования кризиса рохинджа, обострившего отношения Мьянмы и Бангладеша, и институционализировала консультации с конфликтующими сторонами в 2018–2019 гг. [20]. В Юго-Восточной Азии уже в 2025 г. Китай подключился к урегулированию кризиса на границе Камбоджи и Таиланда через поддержку усилий АСЕАН, способствовал согласованию мер прекращения огня и запуску программ трансграничного сотрудничества [21].

В Ближневосточном регионе политика Китая приобрела новые масштабы. В 2017 г. во время дипломатического кризиса Катара Китай сохранил каналы со всеми сторонами, действуя «за кулисами» [16]. Наиболее ярким кейсом стал успех в примирении Саудовской Аравии и Ирана в 2023 г., где Китай выступил в роли «финального посредника», обеспечив площадку, механизм переговоров и гарантии выполнения соглашений [22].

На территории Африканского континента в 2017 г. Китай предложил свою кандидатуру в посредники и помощь в организации диалога Джибути и Эритреи [16]. В 2022 г. Китай, выдвинул «Концепцию мирного развития Африканского Рога», стал организатором мирной конференции в 2022 г. и 2024 г., назначил специального посланника по вопросам региона и подчеркнул готовность к посредничеству [17]. В то же время в отношении урегулирования гражданской войны в Эфиопии Китай ограничился дипломатической поддержкой Аддис-Абебы, роль Пекина осталась второстепенной по сравнению с Африканским союзом [24]. Более практический характер носило посредничество в конфликте между Нигером и Бенином в 2023–2024 гг., связанном с блокировкой нефтепровода CNPC: его усилия (включая «корпоративную дипломатию») способствовали снятию блокады и восстановлению экспорта [17].

Не остался без внимания КНР и конфликт России и Украины. В феврале 2023 г. Пекин опубликовал «Позиционный документ по урегулированию украинского кризиса», в 2024 г. участвовал в инициативе «Группы друзей за мир» и организовывал визиты спецпредставителя Ли Хуэя в Украину, Россию и страны ЕС. Однако тесные связи КНР с РФ ограничили доверие Украины к её роли посредника [25].

Как видно из выше представленной информации, Китай в XXI в. уже успел предложить свои проекты по деэскалации конфликта или в той или иной степени выступить посредником в отношении 24 кейсов. Долгое время Китай позиционировал себя как «содействующее

звено», дополняя усилия международных структур или других государств, но не возглавляя процесс. Пекин создавал и поддерживал каналы связи, закреплял минимальные общие знаменатели в заявлениях и мандатах, избегая навязывания пакетов урегулирования, которые могли бы трактоваться как вмешательство. Приоритет отдавался поддержанию стабильности и сохранению статус-кво, часто через априорную поддержку правящего режима.

На первоначальном этапе, при Ху Цзиньтао, дипломатия опиралась на три ключевых элемента.

1. Участие в миротворчестве ООН как символ статуса «ответственной державы» и канал влияния на мандаты.

2. Институт специальных представителей, обеспечивавший постоянные каналы связи с конфликтующими сторонами при минимальной публичности.

3. Доктринальные рамки «мирного развития» и «невмешательства», легитимизировавшие сдержанность действий, уважение суверенитета и предпочтение многосторонних форматов под эгидой ООН или региональных организаций.

Посредническая деятельность КНР органично вписывалась во внешнеполитический курс Ху Цзиньтао, основанный на концепциях «мирного развития» и «гармоничного мира». Белые книги «Мирный путь развития Китая» (2005) и «Мирное развитие Китая» (2011) подчеркивали приверженность международному сотрудничеству, отказ от гегемонии и участие в многосторонних механизмах, включая миссии ООН.

Приход к власти Си Цзиньпина ознаменовал новый этап внешней политики. Сохраняя принципы невмешательства, уважения суверенитета и приоритета многосторонних форматов, а также продолжая использовать «тихую дипломатию» и закадровые каналы, Пекин существенно изменил специфику своих посреднических действий.

Экономические мотивы участия Китая в международном посредничестве, присутствовавшие ранее, при Си Цзиньпине приобрели системный характер. Они вышли за рамки двухстороннего взаимодействия с конфликтующими сторонами и утратили преимущественно политическую природу. Через инициативу «Один пояс – один путь» Пекин обеспечивает безопасность функционирования инфраструктурных маршрутов и предлагает конфликтующим сторонам «пакетное предложение» в виде доступа к инвестициям, инфраструктурным проектам, повышению товарооборота и другим выгодам.

Экономический компонент китайского посредничества содержится во всех кейсах участия Китая – Иран и Саудовская Аравия – доступ к нефти и энергетической безопасности для реализации инициативы; Афганистан – инвестиции в горнодобывающую промышленность и транспортные коридоры; Мьянма – Китайско-мьянманского экономического коридора (СМЕС); и др. В обобщённом виде посредничество реализуется для поддержания развития многочисленных инфраструктурных проектов, добычи и дальнейшего экспорта горных ресурсов и нефти, обеспечения логистической безопасности и интенсификации торговли в целом со странами, вовлечёнными в различного рода конфликты. Посреднические действия при Ху Цзиньтао в ряде стран (Непал, Судан, Зимбабве, ДР Конго, Руанда) стали маркером и средством последующего экономического сотрудничества в рамках «Один пояс – один путь». На данный момент большинство государств, где Китай выступал посредником, подписали Меморандум о взаимопонимании и присоединились к инициативе, за исключением Индии, Израиля и КНДР. Дополнительное направление работы

инициативы – это взаимодействие с сопряжёнными институтами (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового Пути и др.) и крупными китайскими корпорациями (CNPC, COSCO, Huawei и др.) через работу с которыми формируется параллельный дипломатический канал, усиливающий посреднические усилия Китая в конфликтах, а экономические интересы выступают не только стимулом к реализации международного посредничества, но и языком коммуникации.

Одним из ключевых тенденций развития китайского международного посредничества в конфликтах является заметный рост публичной огласки собственных действий и их символическая насыщенность. Если при Ху Цзиньтао основным подходом была «закулисная дипломатия», то при Си Цзиньпине Китай начал открыто продвигать свои инициативы урегулирования конфликтов, оформленные в виде мирных планов и концептуальных документов: «четырёхпунктный план» по палестинско-израильскому вопросу (2013), «трёхфазный план» по кризису рохинджа между Бангладешем и Мьянмой (2017), «Инициатива мирного развития Африканского Рога» (2022), а также 12-пунктный план мирного урегулирования ситуации в Украине (2023). Хотя практический результат таких инициатив остаётся ограниченным, они укрепляют статус Китая как глобального актора, способного выдвигать собственные инициативы. Китай активно использует СМИ, дипломатические миссии, визиты государственного уровня и работу спецпосланников для демонстрации посреднической активности. Публичная огласка легитимизирует присутствие Китая в регионах конфликтов и формирует образ «архитектора глобального порядка» с незападной спецификой.

Китай также стал активнее прибегать к групповым форматам взаимодействия, функционирующих именно под эгидой Пекина, или же действуя на своей территории для реализации посреднической миссии в конфликте, что позволяет Китаю выступать организатором процесса, гарантом безопасности переговоров и модератором контактов, примерами чего служат усилия Китая в отношении Афганистана (организация встреч сторон на своей территории и работа через QCG), трёхсторонних консультаций КНР–Мьянма–Бангладеш, организация Китаем мирной конференции в районе Рога Африки, встречи конфликтующих палестинских групп в 2024 г. и представителей Камбоджи и Таиланда в 2025 г. в Пекине. При этом Китай активно опирается на собственную организационную и институциональную базу: ШОС, Форум «Один пояс – один путь», FOCAC, CASC, CICA, BRICS и мини-форматы взаимодействия. Через эти структуры Пекин интегрирует вопросы урегулирования конфликтов в экономические и гуманитарные инициативы, фокусируется на развитии и устранении первопричин конфликтов, а также формирует «экосистему китайских институтов», укрепляющую его роль в глобальном посредничестве и продвижении альтернативной архитектуры международных отношений. При этом Китай сохраняет участие в универсальных многосторонних форматах (ООН, СБ ООН, G20), действуя чаще как «балансирующий актор», защищающий суверенитет и блокирующий нежелательные инициативы.

Стоит также отметить, что кроме активизации своей посреднической роли в конфликтах, Китай в октябре 2022 г. начал процесс выстраивания и отдельного юридического института, чей устав впервые в мировой практике предписывает урегулирование споров некоммерческого характера путём посредничества – Международную организацию по медиации (англ. International Organization for Mediation – IOMed), подписание конвенции об учреждении которой состоялось 30 мая 2025 г. в Гон-

конге в присутствии представителей высокого уровня из 85 стран Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, а также почти 20 международных организаций, в том числе из ООН [26].

В китайских источниках подчёркивается, что создание IOMed компенсирует недостаток «пропорционального и справедливого» представительства стран Глобального Юга в международных правовых системах. Несмотря на потенциальные ограничения (необязательный характер решений, конкуренция с другими структурами, неопределённость процедур), организация укрепляет институциональную роль Китая в глобальном посредничестве и служит инструментом закрепления его статуса как инициатора новых международных норм и альтернативы западнцентричным механизмам. Для стран Глобального Юга IOMed становится символом продвижения более справедливой международной архитектуры, а для Пекина – инструментом укрепления репутации и влияния на глобальном уровне.

Выводы

Осторожные шаги Китая по восстановлению взаимодействия с международным сообществом после периода изоляции в начале 1970-х стали прологом к выстраиванию сотрудничества со структурами ООН. Рост активности КНР в миротворчестве позволил институционально встроиться в глобальную систему обеспечения мира и сформировать международное реноме. Однако структурные ограничения миротворчества, в котором акцент делается на стабилизацию и поддержку уже достигнутых соглашений, а также изменение внешнеполитических приоритетов, способствовали переходу к более активным формам международной вовлечённости в урегулирование конфликтов.

Отдаление от миротворчества ООН к международному посредничеству, как показал проведённый анализ, наступило как раз в период начала руководства КНР Си Цзиньпина в 2012 г. – пиковые значения номинального бюджета миротворчества ООН и общего количества поставляемого контингента, подкрепляемые долгосрочными публичными заявлениями в 2015 г. стали проявлением инерционного движения, а значительное падение численных показателей и единичная организация новых миссий в условиях растущей конфликтности отразили структурный кризис данного механизма.

Международное посредничество Китая при этом многогранно и не всегда проявляется в виде прямого участия в переговорах – долгие годы КНР избегала официального статуса посредника. Анализ показывает участие Китая в 24 кейсах конфликтов XXI века, что иллюстрирует постепенное изменение внешнеполитической позиции – от реактивного отношения с ограниченной вовлечённостью и скепсисом к многосторонним механизмам, к прагматичному использованию миротворчества как инструмента мягкой силы, и далее – к явной роли посредника и создателя собственных форматов взаимодействия.

Современное китайское посредничество характеризуется.

1. Активной вовлечённостью в конфликты, влияющие на безопасность Китая, реализацию его экономических интересов (энергетика, инфраструктура, природные ресурсы) и продвижение инициативы «Один пояс – один путь».
2. Связью дипломатических действий с экономическими и финансовыми инструментами – участие китайских корпораций (CNPC, COSCO, Huawei) создаёт

дополнительные каналы коммуникации и стимулирует стороны к диалогу.

3. Использование коллективных форматов и региональных структур под собственным контролем, при которых Китай выдвигает инициативы и обеспечивает условия взаимодействия, часто на своей территории.
4. Повышением публичной огласки действий и символической насыщенности инициатив, закрепляя имидж «архитектора глобального порядка».
5. Институционализацией посредничества через инициативу «Один пояс – один путь», концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», «Глобальную инициативу по безопасности» и создание Международной организации по медиации (IOMed).

В совокупности проведённое исследование позволяет рассматривать современное посредничество Китая не как побочный элемент миротворческой деятельности или внешнеполитический инструмент второго ряда, а как самостоятельное направление его глобальной стратегии. Постепенный переход от осторожной вовлечённости к институционализированным форматам, сопряжённым с инициативами «Один пояс – один путь», «Сообщество единой судьбы человечества» и созданием IOMed, свидетельствует о формировании альтернативной архитектуры урегулирования конфликтов с китайской спецификой. Посредничество становится для Пекина не только механизмом защиты собственных интересов, но и символом новой роли Китая как актора, претендующего на соавторство правил будущего международного порядка.

Литература

1. Zürcher Ch. 30 Years of Chinese Peacekeeping. University of Ottawa: Center for International Policy Studies, 2019. 71 p.
2. Pang Zh. China's changing attitude to UN peacekeeping // International Peacekeeping. 2005. № 1(12). P. 87–104.
3. Handbook on United Nations Multidimensional Peacekeeping Operations. New York: Department of Peacekeeping Operations United Nations, 2003. 205 p.
4. Matsuda Y. China's UN Peacekeeping Operations Policy: Analysis of the Factors behind the Policy Shift toward Active Engagement // International Circumstances in the Asia-Pacific Series (China). Japan Digital Library. – URL: https://www.jia.or.jp/en/pdf/digital_library/china/160331_Yasuhiro_Matsuda.pdf (date of access: 27.08.2025).
5. Full Text: China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations // The State Council The People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS-5f6449a8c6d0f7257693c323.html (date of access: 27.08.2025).
6. Sunghee Ch. China's Participation in UN Peacekeeping Operations since the 2000s // Journal of Contemporary China. 2018. № 28. P. 482–498.
7. United Nations Peacekeeping. – URL: <https://peacekeeping.un.org/> (date of access: 27.08.2025).
8. Where we operate // United Nations Peacekeeping. – URL: <https://peacekeeping.un.org/en/where-we-operate> (date of access: 27.08.2025).
9. Trump left a power vacuum at the UN. China saw an opportunity / M. Ruehl, H. Foy, L. Dubois, J. Leahy // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/e289023c-a7ac-4b6d-ab45-908ce4163b12> (date of access: 27.08.2025).

10. China always firm supporter for UN peacekeeping: defense minister // Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202505/1334190.shtml> (date of access: 27.08.2025).
11. Bercovitch J. International Mediation // Journal of Peace Research. 1991. № 1(28). P. 3–6.
12. Ghafar A. A., Elshehaby H., Rahman O.H. China's Approach to Palestine and Israel: Towards a Greater Role? // Middle East Council on Global Affairs. – URL: <https://mecouncil.org/publication/chinas-approach-to-palestine-and-israel-towards-a-greater-role/> (date of access: 27.08.2025).
13. Borah J. Analyzing China's Mediator Role in MENA – More than Just a Global Responsibility? Delhi: Institute of Chinese Studies, 2020. 22 p.
14. Chang I-wei J. China and Yemen's Forgotten War // United States Institute of Peace. – URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/2018-01/pb241-china-and-yemens-forgotten-war.pdf> (date of access: 27.08.2025).
15. India, Pakistan both key neighbours, will help keep peace: China // The Times of India. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-pakistan-both-key-neighbours-will-help-keep-peace-china/article-show/121279627.cms?> (date of access: 27.08.2025).
16. Legarda H. China as a conflict mediator // Mecrator Institute for China Studies. – URL: <https://meric.org/en/comment/china-conflict-mediator> (date of access: 27.08.2025).
17. Sadhasivam S. Wang G.S. An Overview of China's Mediation Efforts across the Globe // Chennai Center for China Studies. – URL: <https://www.c3sindia.org/post/cw-special-an-overview-of-china-s-mediation-efforts-across-the-globe-by-ps-vaishnavi> (date of access: 27.08.2025).
18. Joining Hands to Implement the Global Security Initiative to Safeguard World Peace and Security// Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202503/t20250326_11582622.html (date of access: 27.08.2025).
19. Khalil A.B. The History of Chinese Mediation Between Afghanistan and Pakistan // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-history-of-chinese-mediation-between-afghanistan-and-pakistan> (date of access: 27.08.2025).
20. Li J. China's Conflict Mediation in Myanmar // The Stimson Center. – URL: <https://www.stimson.org/2020/chinas-conflict-mediation-in-myanmar/> (date of access: 27.08.2025).
21. China Offers Mediation in Thailand-Cambodia Border Dispute // Thai Times. – URL: <https://thaitimes.com/china-offers-mediation-in-thailand-cambodia-border-dispute> (date of access: 27.08.2025).
22. Haghirian M., Scita J. The Broader Context Behind China's Mediation Between Iran and Saudi Arabia // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2023/03/the-broader-context-behind-chinas-mediation-between-iran-and-saudi-arabia/> (date of access: 27.08.2025).
23. Worley W. Exclusive: Russia, China foiled UN meetings on Tigray famine, says Lowcock // Devex. – URL: <https://www.devex.com/news/exclusive-russia-china-foiled-un-meetings-on-tigray-famine-says-lowcock-103473> (date of access: 27.08.2025).
24. Seiwert E. Why China Is an Unlikely Mediator in the Russia-Ukraine War // Italian Institute for International Political Studies. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/why-china-is-an-unlikely-mediator-in-the-russia-ukraine-war-133260> (date of access: 27.08.2025).

25. Yun Sun. The purpose and promise of China's International Organization for Mediation // BROOKINGS. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-purpose-and-promise-of-chinas-international-organization-for-mediation/> (date of access: 07.06.2025).

TRANSFORMATION OF CHINA'S APPROACH TO INTERNATIONAL PARTICIPATION IN CONFLICT RESOLUTION: FROM UN PEACEKEEPING TO THE INSTITUTIONALIZATION OF INTERNATIONAL MEDIATION PRACTICES

Cherniak A.D.

Belarusian State University

This article examines the transformation of the PRC's attitude towards international assistance in conflict resolution based on the relationship with the specifics of China's foreign policy implementation in different periods. The work traces how China gradually became involved in UN peacekeeping activities, increasing both financial contributions and the number of the peacekeeping contingent, which helped consolidate the image of China as a "responsible power." However, the author also notes the current crisis in the UN Peacekeeping structure and China's reorientation towards international mediation as a way to resolve conflicts.

Based on a comprehensive analysis of 24 mediation cases in the 21st century, the article identifies key trends in this area and demonstrates their relationship with the change of political leadership. It is emphasized that at the present stage mediation is institutionalized within the framework of such initiatives as "One Belt– One Road", the concept of "Community of Common Destiny of Mankind", "Global Security Initiative" and the creation of the International Organization for Mediation (IOMed). It is concluded that at the present stage, China's international mediation goes beyond an auxiliary tool of foreign policy, becoming an independent direction of Beijing's global strategy, strengthening its position in shaping the alternative architecture of the international order.

Keywords: international mediation, conflicts, China, UN peacekeeping, foreign policy, institutionalization.

References

1. Zürcher Ch. 30 Years of Chinese Peacekeeping. University of Ottawa: Center for International Policy Studies, 2019. 71 p.
2. Pang Zh. China's changing attitude to UN peacekeeping // International Peacekeeping. 2005. № 1(12). P. 87–104.
3. Handbook on United Nations Multidimensional Peacekeeping Operations. New York: Department of Peacekeeping Operations United Nations, 2003. 205 p.
4. Matsuda Y. China's UN Peacekeeping Operations Policy: Analysis of the Factors behind the Policy Shift toward Active Engagement // International Circumstances in the Asia-Pacific Series (China). Japan Digital Library. – URL: https://www.jiaa.or.jp/en/pdf/digital_library/china/160331_Yasuhiro_Matsuda.pdf (date of access: 27.08.2025).
5. Full Text: China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations // The State Council The People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS5f6449a8c6d0f7257693c323.html (date of access: 27.08.2025).
6. Sunghee Ch. China's Participation in UN Peacekeeping Operations since the 2000s // Journal of Contemporary China. 2018. № 28. P. 482–498.
7. United Nations Peacekeeping. – URL: <https://peacekeeping.un.org/> (date of access: 27.08.2025).
8. Where we operate // United Nations Peacekeeping. – URL: <https://peacekeeping.un.org/en/where-we-operate> (date of access: 27.08.2025).
9. Trump left a power vacuum at the UN. China saw an opportunity / M. Ruehl, H. Foy, L. Dubois, J. Leahy // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/e289023c-a7ac-4b6d-ab45-908ce4163b12> (date of access: 27.08.2025).
10. China always firm supporter for UN peacekeeping: defense minister // Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202505/1334190.shtml> (date of access: 27.08.2025).
11. Bercovitch J. International Mediation // Journal of Peace Research. 1991. № 1(28). P. 3–6.
12. Ghafar A. A., Elshehaby H., Rahman O.H. China's Approach to Palestine and Israel: Towards a Greater Role? // Middle East Council on Global Affairs. – URL: <https://mecouncil.org/publication/chinas-approach-to-palestine-and-israel-towards-a-greater-role/> (date of access: 27.08.2025).
13. Borah J. Analyzing China's Mediator Role in MENA – More than Just a Global Responsibility? Delhi: Institute of Chinese Studies, 2020. 22 p.
14. Chang I-wei J. China and Yemen's Forgotten War // United States Institute of Peace. – URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/2018-01/pb241-china-and-yemens-forgotten-war.pdf> (date of access: 27.08.2025).
15. India, Pakistan both key neighbours, will help keep peace: China // The Times of India. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-pakistan-both-key-neighbours-will-help-keep-peace-china/articleshow/121279627.cms?> (date of access: 27.08.2025).
16. Legarda H. China as a conflict mediator // Mecrator Institute for China Studies. – URL: <https://merics.org/en/comment/china-conflict-mediator> (date of access: 27.08.2025).
17. Sadhasivam S. Wang G.S. An Overview of China's Mediation Efforts across the Globe // Chennai Center for China Studies. – URL: <https://www.c3sindia.org/post/cw-special-an-overview-of-china-s-mediation-efforts-across-the-globe-by-ps-vaishnavi> (date of access: 27.08.2025).
18. Joining Hands to Implement the Global Security Initiative to Safeguard World Peace and Security// Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202503/t20250326_11582622.html (date of access: 27.08.2025).
19. Khalil A.B. The History of Chinese Mediation Between Afghanistan and Pakistan // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-history-of-chinese-mediation-between-afghanistan-and-pakistan> (date of access: 27.08.2025).
20. Li J. China's Conflict Mediation in Myanmar // The Stimson Center. – URL: <https://www.stimson.org/2020/chinas-conflict-mediation-in-myanmar/> (date of access: 27.08.2025).
21. China Offers Mediation in Thailand-Cambodia Border Dispute // Thai Times. – URL: <https://thaitimes.com/china-offers-mediation-in-thailand-cambodia-border-dispute> (date of access: 27.08.2025).
22. Haghirian M., Scita J. The Broader Context Behind China's Mediation Between Iran and Saudi Arabia // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2023/03/the-broader-context-behind-chinas-mediation-between-iran-and-saudi-arabia/> (date of access: 27.08.2025).
23. Worley W. Exclusive: Russia, China foiled UN meetings on Tigray famine, says Lowcock // Devex. – URL: <https://www.devex.com/news/exclusive-russia-china-foiled-un-meetings-on-tigray-famine-says-lowcock-103473> (date of access: 27.08.2025).
24. Seiwert E. Why China Is an Unlikely Mediator in the Russia-Ukraine War // Italian Institute for International Political Studies. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/why-china-is-an-unlikely-mediator-in-the-russia-ukraine-war-133260> (date of access: 27.08.2025).
25. Yun Sun. The purpose and promise of China's International Organization for Mediation // BROOKINGS. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-purpose-and-promise-of-chinas-international-organization-for-mediation/> (date of access: 07.06.2025).

Китайское мифологическое кино в России: культурная интерсубъективность как механизм преодоления межкультурных барьеров

Ши Минцзе,

аспирант, Тяньцзиньский университет иностранных языков
E-mail: 2487586136@qq.com

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием и распространением китайского мифологического кино в России. Целью исследования является анализ культурной интерсубъективности как эффективного механизма преодоления межкультурных барьеров в контексте распространения китайского мифологического кино в России. Основными методами для проведения данного исследования явились: анализ, сравнения, логического рассуждения и другие. Автор подчеркивает важность поддержания международных коммуникаций между двумя великими державами на основе формирования культуры и развития китайского мифологического кино в России. Определены особенности китайского мифологического кино. Проведен сравнительный анализ китайского мифологического кино от российского. Изучена ценность китайского мифологического кино для российских зрителей. Рассмотрены основные трудности развития китайского мифологического кино в России. Проанализирована популярность к китайскому контенту со стороны российских зрителей за исследуемый период времени. Определено понятие «культурная интерсубъективность». Разработан механизм преодоления межкультурных барьеров в сфере реализации китайского мифологического кино в России.

Ключевые слова: мифологическое кино, Китай, Россия, культурная интерсубъективность, механизм преодоления, межкультурные барьеры.

Введение

В современных условиях развитие китайского мифологического кино в России играет важную роль в развитии международных коммуникаций между двумя великими державами, способствует формированию дружеских отношений между народами, установлению взаимопонимания, уважения друг к другу. Однако, наличие различий в уровне культуры российского и китайского народов вызывает определенные барьеры и преграды, которые формируют напряженность в международном коммуникационном обмене. Следовательно, необходимо осуществить поиск механизмов преодоления межкультурных барьеров в контексте взаимодействия мифологического кино в России, что позволит повысить эффективность деятельности и определить ее возможности развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Кроме того, можно отметить растущий интерес в России к китайскому мифологическому кино, которое пользуется широкой популярностью просмотров среди различного круга зрителей. Это определяет актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Проблематика исследования заключается в том, что в условиях глобализации мирового экономического пространства возросла потребность в формировании и развитии коммуникаций между людьми. Однако, на этом фоне стали проявляться различные культурные особенности народов, ценности, противоположные позиции и взгляды. Юрген Хабермас, один из ключевых представителей второго поколения Франкфуртской школы западного марксизма, в ответ на данную проблему выдвинул теоретическую модель интерсубъективности на уровне культуры, что позволило на глобальном уровне выстраивать дискурсивные отношения «культурной интерсубъективности». Считаем, что это послужило началом для проведения более глубоких исследований по данной проблематике вопроса.

Научная новизна исследования заключается в разработке механизма преодоления межкультурных барьеров в сфере реализации китайского мифологического кино в России.

Литературный обзор

Вопросами изучения развития китайского мифологического кино в России, а также рассмотрением культурной интерсубъективности занимались многие ученые, среди которых можно отметить труды Булгарова Б.А., Дуань С., Прахова А.А. [1, с. 211], Бин Цяомэй [2, с. 70], Ван Цитонг [3, с. 68], Лэй Ядань, Чжан Чунь [4, с. 129], Ли Янь, Мачжэнци [5, с. 20], Лян Цзюньцзянь, Сюй Ланьфэн [6, с. 26], Ма Ханьгуан, Сяо Чэнсяо [7, с. 177], Тань Цзя [8, с. 74], Хуан Шисянь, Чэнь Кэфань [9, с. 93], Чжао Минруй [10, с. 102] и многих других.

Материалы и методы

Основными методами для проведения данного исследования явились: системный анализ для выявления структурных компонентов культурной интерсубъективности,

сравнительный анализ кинематографических традиций Китая и России, контент-анализ мифологических нарративов и визуальных кодов в китайском кино, а также статистические методы обработки данных о зрительской аудитории, позволившие количественно оценить динамику популярности китайского контента в России.

Результаты и обсуждение

Особенностью китайского мифологического кино является то, что в нем сохранена специфика культуры народа, ценности и традиции, заложенные веками. Кино отличается яркостью, неповторимостью киносюжетов, способностью произвести глубокое впечатление на зрительскую публику [3, с. 68]. Активный интерес со стороны российского общества к китайскому мифологическому кино обуславливается стремлением познать культуру и ценности народа, сформировать международные коммуникации и обмен, получить новые знания и опыт в области кинематографа, установить дружеские отношения и т.д.

Китайское мифологическое кино содержит в себе элементы даосской культуры, которая наполняет содержание фильмов глубоким философским смыслом, а также придает ему национальный оттенок и фаворит. Кроме того, даосская культура предполагает использование символизма, являющегося также культурной китайской ценностью [6, с. 26].

Существуют отличия китайского мифологического кино от российского. Данные отличия представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Отличия китайского мифологического кино от российского

Китайское мифологическое кино	Российское мифологическое кино
Делается акцент на древних мифах, легендах (основными героями являются загадочные существа, духи, Боги)	Делается акцент на использовании древних традиций, обычаев, сказок, заговоров (основными персонажами являются люди, сказочные персонажи, животные)
Использование эстетики в основе которой лежат национальные традиции и культура народа (яркие костюмы, декорации)	Использование специфической речевой манеры, которая отражает российскую культуру и ее особенности (построение предложений, использование фразеологизмов)
Использование музыкального сопровождения, создание различных звуковых эффектов, порождающих атмосферу волшебства (звуки ветра, воды, шорох листьев)	Связь мифологического кино с современностью (данная связь прослеживается не только в самих сюжетах, но и костюмах, декорациях)

Таким образом, китайское и российское мифологическое кино имеют свои отличительные характеристики и особенности, заложенные многовековыми традициями и обычаями народов.

Для России ценность китайского мифологического кино проявляется в следующих ключевых аспектах:

- 1) формирование межкультурного диалога;
- 2) возможность экспорта культурной продукции;
- 3) обогащение собственной культуры и ее обновление;
- 4) достижение высокого уровня экономического и культурного развития;

- 5) формирование взаимоуважения, понимания между людьми;
- 6) разработка совместных кинопроектов и т.д. [10, с. 102].

Считаем, что со стороны государства необходимо оказывать поддержку развитию китайского мифологического кино в России путем выделения финансовых средств, разработки соответствующего нормативного законодательства.

Однако, развитие и распространение китайского мифологического кино в России на современном этапе развития сталкивается со многими трудностями, числу которых можно отнести:

- 1) наличие проблемы восприятия китайского мифологического кино в России, связанной с различиями в китайской культуре и ее ценностями;
- 2) проблема интерпретации символического значения в китайском мифологическом кино для российских зрителей, что может привести к непониманию фильмов;
- 3) проблема эстетики китайского мифологического кино, присущая китайской культуре порождает трудности понимания и восприятия со стороны российских зрителей, что также может вызвать конфликты, внутренние протесты;
- 4) проблема потери ценности культурного содержания из-за перевода и его качества;
- 5) проблема потери семантики, возникающая в следствии некачественного перевода китайских символов;
- 6) проблема распространения китайского мифологического кино в России в результате несовершенства рыночного механизма управления, а также в следствии высокой монополизации российского рынка;
- 7) проблема распространения китайского мифологического кино в России, связанная с особенностями отраслевой среды;

- 8) наличие проблемы, связанной с вкусовыми предпочтениями российских зрителей китайского кино и т.д. [4, с. 129].

Данные проблемы требуют пристального внимания и поиска путей к их решению в современных условиях.

Важно отметить, что в условиях цифровизации и расширения возможностей просмотра кино в новом формате просмотр стал еще более удобен и приятен для любого зрителя [9, с. 93]. Так, появилась возможность просмотра на инновационных медиа платформах, популярных сайтах, где можно не только выбрать понравившееся мифологическое кино, но и его оценить на форуме. За последние годы интерес к китайскому мифологическому кино со стороны российского общества увеличился примерно на 60%. По статистике платформы Kion, интерес к китайскому контенту вырос в 4,5 раза (Рис 1).

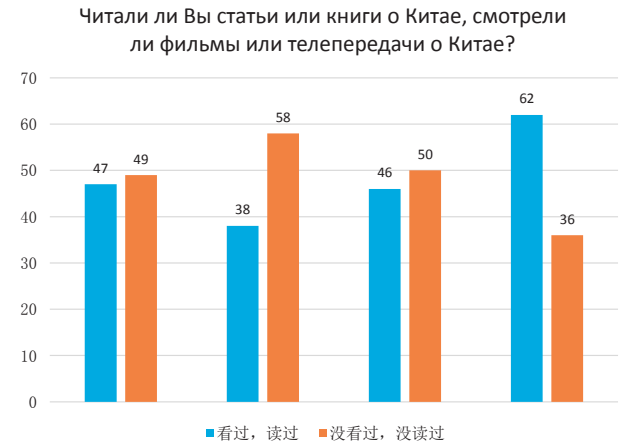

Рис. 1. Популярность к китайскому контенту со стороны российских зрителей в 2024 году

Можно сделать вывод, что китайское мифологическое кино заслуживать особое внимание среди российских зрителей, что дает основание для его развития в будущем.

Следует отметить, что самым популярным китайским мифологическим фильмом в 2025 году стал фильм под

названием «Нэчжа побеждает Царя драконов», которые завоевал сердца многих телезрителей в России. В данной фильме представлены китайские ценности народа, его культура, традиции. Он стал настоящим шедевром в глазах аудитории и основой для знакомства с китайским народом [8, с. 74].

Рис. 1. Нэчжа.

Нэчжа побеждает Царя драконов (1979).

Рис. 2. Нэчжа.

Нэчжа побеждает Царя драконов (2025).

Рис. 3. Аобин.

Нэчжа побеждает Царя драконов (1979).

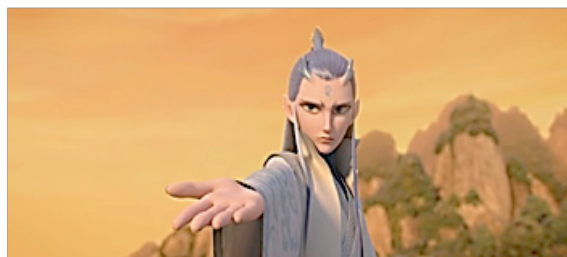

Рис. 4. Аобин.

Нэчжа побеждает Царя драконов (2025).

Рис. 2. Нэчжа побеждает Царя драконов

Фильм «Новые боги: возрождение Нэчжа» рассказывает страстную историю перерождения Нэчжа в виде кибер-велосипедиста Ли Юньсянга, сражающегося бок о бок с ним, спасая жителей Восточно-Китайского моря города и становясь героем в сопротивлении драконам [7, с. 177]. Весь фильм обладает сильным стилем панк-культуры и намеренно создает неопределенное эстетическое расстояние для зрителей, знающих или незнакомого с историей, что является полезным способом уменьшить культурные ограничения (Рис. 3).

Рис. 3. Нэчжа. Новые Боги: Возрождение Нэчжа (2021)

Под культурной интерсубъективностью следует понимать механизм преодоления межкультурных барьеров, возникающих на почве различий культуры народов, ценностей, взглядов в области взаимодействия китайской мифологической культуры и российского общества посредством установления эффективных коммуникационных форм связи, усиливающих данное взаимодействие [5, с. 20].

Культурная интерсубъективность подчёркивает взаимодействие и диалог между культурами, а не односторонний экспорт. При переводе китайских мифологических фильмов важно сохранять уникальные элементы

китайской культуры, одновременно находя точки соприкосновения с российской культурой [1, с. 211].

Основными факторами, оказывающими влияние на формирование культурной интерсубъективности являются:

- 1) различия в уровне китайской и российской культуры (ценности, традиции, обычаи);
- 2) личные вкусовые предпочтения зрителей и любителей мифологического кино;
- 3) трудности в восприятии и понимании отдельных моментов, сюжетов, деталей мифологического кино и другие.

Существуют ряд стандартных механизмов, которые используются для преодоления межкультурных барьеров, к которым можно отнести следующие:

- 1) формирование эмоциональной вовлеченности зрителей (это способствует отвлечению публики, а также ее концентрации на важных сюжетах, моментах и действиях);
- 2) универсализация нарратива (использование данного механизма предполагает формирование и удержание высокой степени эмоциональной напряженности со стороны зрителей для привлечения ее внимания);
- 3) визуальная мягкая адаптация (формируется за счет звуковых эффектов, показа реалистичных и красочных сюжетов) [2, с. 70].

В данной статье разработан механизм преодоления межкультурных барьеров в сфере реализации китайского мифологического кино в России, который представлен на Рис. 4.

Считаем, что разработанный механизм преодоления межкультурных барьеров в сфере реализации китайского мифологического кино в России может быть полезен, как для китайских кинокомпаний, так и для российских. Выявление барьеров и трудностей, а также поиск возможностей для их преодоления позволяет сделать просмотр фильмов более интересным, качественным и пол-

номасштабным. Это в конечном итоге позволит удовлетворить запросы зрителей и получить положительный живой отклик.

Рис. 4. Механизм преодоления межкультурных барьеров в сфере реализации китайского мифологического кино в России

[Разработано автором]

Заключение

В целом можно сделать вывод, что китайское мифологическое кино в России пользуется большой популярностью среди зрителей. С каждым годом контактная аудитория увеличивается, что связано с растущим спросом на просмотры фильмов. Однако, существуют определённые трудности и барьеры на пути развития и распространения китайского мифологического кино в России. К числу таких трудностей можно отнести: проблемы восприятия китайского мифологического кино в России, связанной с различиями в китайской культуре и ее ценностями; проблема интерпретации символического значения в китайском мифологическом кино для российских зрителей; проблема потери ценности культурного содержания из-за перевода и его качества; проблема эстетики китайского мифологического кино, присущая китайской культуре порождает трудности понимания и восприятия со стороны российских зрителей и многие другие проблемы. Считаем, что разработанный механизм преодоления межкультурных барьеров в сфере реализации китайского мифологического кино в России является эффективным инструментом для решения данных проблем. Основными ожидаемыми результатами от его использования на практике должны стать: расширение зрительской аудитории, повышение качества просмотра фильмов, новые возможности показа мифологического кино на основе использования современных цифровых инструментов, получение положительных живых откликов со стороны российских зрителей и т.д.

Литература

1. Булгарова Б.А., Дуань С., Прахова А.А. Пересказ мифа: изучение адаптации фильма истории Нэчжа с точки зрения международной коммуникации // *Litera*. 2025. № 5. С. 211–225.
2. Бин Цяомэй. Технологические мифы и антропологические повороты в китайской мифологической анимации // *Литература о кино*. 2023. № 20. С. 70–75.
3. Ван Цитонг. Промышленность, культура, ценности: Черный миф: зарубежные связи Укуна в трех изме-

рениях // *Журнал Цюйцзинского педагогического университета*. 2025. № 1. С. 68–77.

4. Лэй Яданы, Чжан Чунь. Тройное измерение конструирования анимационных архетипов на бытовые мифологические темы // *Литература о кино*. 2024. № 15. С. 129–135.
5. Ли Янь, Мачжэнци. Дилемма субтитрирования китайских фильмов для распространения за рубежом и новаторство концепций перевода // *Кинообзор*. 2021. № 7. С. 20–25.
6. Лян Цзюньцзянь, Сюй Ланьфэн. Фольклор-Наследие-архетипы: трансформация парадигмы в экранизации китайской мифологии // *Национальное искусство*. 2024. № 1. С. 26–35.
7. Ма Ханьгуан, Сяо Чэнсяо. От «Китайской мифологии» к «мифологическому Китаю»: культурная рефлексия над пересказом мифов и реконструкцией образа Китая // *Изучение и разведка*. 2022. № 10. С. 177–183.
8. Тань Цзя. Напряженность и пределы критики мифов: Сосредоточение внимания на международном феномене переосмысления мифов // *Теория и критика литературы и искусства*. 2023. № 2. С. 74–88.
9. Хуан Шисянь, Чэнь Кэфань. О художественных особенностях и временной ценности анимационных фильмов «Чайна-шик» // *Китайская литература и искусствоведение*. 2024. № 3. С. 93–103.
10. Чжао Минруй. Телесные нарративы в кино– и телеадаптациях типичных китайских мифологических образов // *Журнал радио и телевидения*. 2022. № 5. С. 102–104.

CHINESE MYTHOLOGICAL CINEMA IN RUSSIA: CULTURAL INTERSUBJECTIVITY AS A MECHANISM FOR OVERCOMING INTERCULTURAL BARRIERS

Shi Mingjie
Tianjin Foreign Studies University

This article discusses issues related to the development and dissemination of Chinese mythological cinema in Russia. The aim of the study is to analyze cultural intersubjectivity as an effective mechanism for overcoming intercultural barriers in the context of disseminating Chinese mythological cinema in Russia. The main methods used for this study were: analysis, comparisons, logical reasoning, and others. The author emphasizes the importance of maintaining international communications between the two great powers based on the formation of culture and the development of Chinese mythological cinema in Russia. The features of Chinese mythological cinema are identified. A comparative analysis of Chinese mythological cinema from a Russian perspective is conducted. The value of Chinese mythological cinema for Russian viewers is studied. The main difficulties of developing Chinese mythological cinema in Russia are considered. The popularity of Chinese content among Russian viewers during the studied period is analyzed. The concept of “cultural intersubjectivity” is defined. A mechanism for overcoming intercultural barriers in the field of the implementation of Chinese mythological cinema in Russia is developed.

Keywords: mythological cinema, China, Russia, cultural intersubjectivity, overcoming mechanism, and cross-cultural barriers.

References

1. Bulgarova B.A., Duan S., Prakhova A.A. Retelling a Myth: A Study of the Film Adaptation of Nezha’s Story from the Perspective of International Communication // *Litera*. 2025. No. 5. pp. 211–225.
2. Bing Qiaomei. Technological Myths and Anthropological Turns in Chinese Mythological Animation // *Literature on Cinema*. 2023. No. 20. pp. 70–75.
3. Wang Zitong. Industry, Culture, Values: Black Myth: Wukong’s Foreign Connections in Three Dimensions // *Journal of Qujing Normal University*. 2025. No. 1. pp. 68–77.

4. Lei Yadan, Zhang Chun. The Triple Dimension of Constructing Animated Archetypes on Everyday Mythological Themes // Literature on Cinema. 2024. No. 15. Pp. 129–135.
5. Li Yan, Mazhengqi. The Dilemma of Subtitling Chinese Films for Overseas Distribution and the Innovativeness of Translation Concepts // Kinoobzor. 2021. No. 7. Pp. 20–25.
6. Liang Junjian, Xu Lanfeng. Folklore-Heritage-Archetypes: Paradigm Transformation in the Screen Adaptation of Chinese Mythology // National Art. 2024. No. 1. Pp. 26–35.
7. Ma Hanguang, Xiao Chengxiao. From “Chinese Mythology” to “Mythological China”: Cultural Reflection on the Retelling of Myths and the Reconstruction of the Image of China // Study and Intelligence. 2022. No. 10. Pp. 177–183.
8. Tan Jia. Tensions and Limits of Myth Criticism: Focusing on the International Phenomenon of Myth Reinterpretation // Theory and Criticism of Literature and Art. 2023. No. 2. Pp. 74–88.
9. Huang Shixian, Chen Ke-fan. On the Artistic Features and Temporal Value of “China-Chic” Animated Films // Chinese Literature and Art Criticism. 2024. No. 3. Pp. 93–103.
10. Zhao Mingrui. Body Narratives in Film and Television Adaptations of Typical Chinese Mythological Images // Journal of Radio and Television. 2022. No. 5. Pp. 102–104.

Возможность использования Российской Федерацией иностранного опыта в организации внешнеэкономической деятельности

Юзопольский Марк Давидович,

аспирант ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
E-mail: mark.yuzopolskiy@mail.ru

Статья посвящена возможности использования иностранного опыта в организации внешнеэкономической деятельности для реализации экспортного потенциала Российской Федерации. Рассматривается опыт таких ведущих экспортоориентированных стран мира как Федеративная Республика Германия, Королевство Бельгия, Япония и Республика Корея.

В первой части статьи рассматривается проблема выстраивания эффективного подхода в данной сфере со стороны государства: эффективная организация взаимодействия между заграничными учреждениями, государственными министерствами и ведомствами, развитие государственно-частного партнерства в выстраивании внешнеэкономических связей, финансировании зарубежных экономических проектов и их страховании.

Вторая часть посвящена проблеме эффективной организации экспортоориентированного бизнеса, роли государства и деловых кругов в этом вопросе.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, государственно-частное партнерство, внешнеэкономическая политика, дипломатическое сопровождение внешнеэкономической деятельности, Генеральные Торговые Компании.

В предыдущей статье «Особенности и проблемы в деле применения «мягкой силы» российской дипломатией на примере Республики Ирак» [1] отмечалась необходимость совершенствования инструментов российской мягкой силы, в частности дипломатического сопровождения внешнеэкономической деятельности. В данной статье речь пойдет об использовании иностранного опыта в области организации внешнеэкономической деятельности (ВЭД), взаимодействии между государством и предпринимательскими кругами в области укрепления торгово-экономических связей с иностранными государствами путем реализации экспортного потенциала национальной экономики.

В рассматриваемом вопросе необходимо выделить две отдельные, но взаимодополняющие составляющие: государство (представленное прежде всего Министерством иностранных дел) и предпринимательские круги. Обеим сторонам для достижения максимального результата следует не просто формально скопировать иностранный опыт, который будет рассмотрен ниже, но адаптировать его под российские реалии и выстроить устойчивую систему взаимодействия друг с другом: такая система должна быть, во-первых, минимально бюрократизирована, во-вторых, открыта для всех участников рынка вне зависимости от их сферы деятельности и размера капитала. Только в этом случае изложенный ниже иностранный опыт может оказаться действительно нужным и полезным.

Начнем с государства, а именно с дипломатического сопровождения внешнеэкономической деятельности, за которую отвечает Министерство иностранных дел. В советскую эпоху, когда вся внешняя торговля на законодательном уровне была монополизирована государством, взаимодействия между советскими торгпредствами и дипломатами было более чем достаточно для продвижения товаров за границу: торгпредства брали на себя всю экономическую составляющую (выявление спроса на товар, заключение сделок, поставка и т.д.), а дипломаты решали политические вопросы (организация необходимых для заключения сделок встреч и переговоров, лоббирование советских экономических интересов в высших политических кругах страны пребывания и т.д.). Однако, распад Советского Союза и переход к рыночной экономической модели сделали неактуальными старую модель дипломатического сопровождения ВЭД. Это отнюдь не означает, что советский опыт следует забыть. Напротив, необходимо вычленив из него все лучшее (например, опыт организации работы торгпредств, владевших информацией обо всех товарах и услугах, которые могла предложить экономика Советского Союза) и реформировать, опираясь на достижения ведущих экспортоориентированных стран мира: ФРГ, Франции, Нидерландов, Бельгии, Японии, Южной Кореи и других. В данной статье рассмотрены наиболее всеобъемлющие модели организации внешнеэкономической деятельности как со стороны государства, так и со стороны предпринимательских кругов.

Организация внешнеэкономической деятельности: опыт ФРГ

Наиболее системным и продуманным видится подход ФРГ к организации внешнеэкономической деятельности. В данном случае термин «организация» употреблен вместо привычного «дипломатического сопровождения» не случайно. ФРГ – самая развитая экономика Европейского Союза, которая по праву считается его локомотивом. Германская система организации внешнеэкономической деятельности основывается на умеренном уровне децентрализации как в стратегическом масштабе, так и в тактических действиях, а также на тесной взаимосвязи и взаимодополняемости всех её элементов и не ограничивается деятельностью одного лишь Министерства иностранных дел.

Немецкая система ВЭД состоит из трех отдельных, но тесно связанных активно взаимодействующих частей.

1. Немецкие загранучреждения.
2. Федеральное агентство «Germany Trade and Invest».
3. Внешнеторговые палаты.

Данная концепция «трёх опор» была официально предложена ещё в 1971 г. правительством В. Брандта. С тех пор претерпела некоторые изменения, однако сама ее суть остается прежней [2].

Первый элемент: немецкие загранучреждения

Согласно уставным положениям, наряду с работой в политической плоскости, в число их ключевых задач входит защита экономических интересов германских предприятий в стране пребывания через установление и интенсификацию контактов германских деловых кругов с представителями политической и деловой элиты принимающей страны, создание в ней локальных сетей германских агентов ВЭД, оказание последним консультационных и информационных услуг.

Другой важной особенностью предстаёт ориентация на формирование местных сообществ германских предпринимателей за рубежом. В данном случае немецкие дипломаты стремятся играть в нём роль координатора и «идейного вдохновителя».

Таким образом, посольства или иные загранпредставительства ФРГ фактически являются оплотами не только культурной, но прежде всего деловой жизни германских граждан в стране пребывания. Это позволяет не просто «дипломатически сопровождать», а именно организовывать деятельность национальных предпринимательских кругов за рубежом, эффективно решать, как глобальные вопросы защиты национальных интересов германского государства, так и более мелкие по масштабу проблемы отдельных немецких предпринимателей и компаний.

Второй элемент: федеральное агентство «Germany Trade and Invest» (GTAI)

Основная функция GTAI – информационно-аналитическая: проведение исследований рынков, всех отраслей экономики иностранных государств и составление докладов по каждой стране на предмет ее инвестиционной привлекательности; разъяснение национальных и зарубежных постановлений и предписаний; оценка перспективности бизнес-проектов, предоставление правовой помощи в их реализации. Фактически GTAI – это немецкий внешнеэкономический мозговой центр, отвечающий за поиск, обработку и предоставление всем заинтересованным сторонам полной информации по интересующей проблеме. Таким образом, если немецкие загранучрежде-

ния играют роль организатора или координатора немецких предпринимателей за рубежом, GTAI выступает как главный источник всей необходимой предпринимателю информации: от особенностей законодательства страны пребывания до оперативных данных о проходящих в данный момент тендерах и оценки конкретных бизнес-проектов [3].

Третий элемент: немецкие внешнеторговые палаты (ВТП)

Это добровольные объединения германских компаний и предпринимателей, ведущих деятельность за рубежом.

На сегодняшний день сеть германских ВТП охватывает более чем 90 стран мира, «представляющих для ФРГ особый экономический интерес».

Выделяются три основные функции ВТП ФРГ:

- 1) представительство экономических интересов Германии по поручению правительства наряду со стимулированием внешнеэкономических связей в обоих направлениях;
- 2) деятельность в качестве членской организации для бизнес-структур;
- 3) оказание информационных, консультационных и посреднических услуг предпринимателям на коммерческой основе.

Стоит отметить, что официально первая функция немецких ВТП предполагает «нейтральность и объективность» при решении доверенных им задач, что подразумевает оказание содействия как их членам, так и субъектам, не являющимся таковыми. Однако, Будучи формально независимыми, ВТП, тем не менее, работают под координацией федерального министерства экономики и энергетики, тесно взаимодействуя также и с системой Министерства иностранных дел, а основные партнёры германских внешнеторговых палат в странах пребывания – немецкие загранучреждения.

Таким образом, немецкая система дипломатического сопровождения внешнеэкономической деятельности представляет из себя именно систему, то есть совокупность взаимосвязанных элементов. Каждый из ее элементов обладает как уникальными, так и некоторыми смежными функциями, что, тем не менее, означает не дублирование, но взаимное дополнение, так как все три элемента находятся в тесном контакте друг с другом, осуществляют постоянный обмен оперативной информацией. Кроме того, система не является замкнутой, а все три обозначенных элемента не составляют какую-либо «вертикаль» со строгой иерархией. Немецкая система ВЭД – это совместная работа собственно Министерства иностранных дел, немецких деловых кругов и экспертного сообщества, дополняемое при этом работой с федеральными землями и отраслевыми министерствами.

Использование немецкого опыта организации ВЭД было бы крайне полезно для Российской Федерации. Формирование подобной системы расширило бы задачи и функции российских загранучреждений, главным образом – консульств и торгпредств, повысило бы эффективность их работы и степень взаимодействия между МИДом, отраслевыми министерствами, российскими деловыми кругами и экспертным сообществом и субъектами Российской Федерации, что в свою очередь позволило бы в более сжатые сроки решить проблемы, связанные с переориентацией российской экономики с западного направления на юг и восток, а в долгосрочной перспективе способствовало бы установлению долгосрочных, стабильных и предсказуемых экономических связей со всеми заинтересованными в этом странами мира.

Однако, следует обратить внимание не только на немецкий опыт организации внешнеэкономической деятельности: помимо собственно организационной составляющей со стороны государства также должна поступать и другая поддержка, прежде всего в виде гарантий на вкладываемый со стороны предпринимателей капитал, ведь подобного рода инвестиции всегда связаны с большими рисками. Этот опыт можно позаимствовать у Бельгии.

Организация внешнеэкономической деятельности: опыт Бельгии

Дипломатическое сопровождение ВЭД имеет огромное значение для Бельгии, одной из крупнейших стран-экспортеров. Сегодня это одна из основных задач Федеральной Службы по иностранным делам (фактически – Министерство иностранных дел Бельгии) и, в частности, ее Управления экономических интересов, которое играет важную координирующую роль между различными субъектами, участвующими в определении и реализации экономической дипломатии, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Бельгийское Агентство Внешней Торговли (BFTA)

Созданное в соответствии с Соглашением о сотрудничестве от 24 мая 2002 года, заключенным между Федеральной властью и регионами, Бельгийское Агентство Внешней Торговли (BFTA) является важным участником ВЭД. BFTA отвечает за логистическую организацию государственных визитов во главе с Его Величеством королем, а также является соорганизатором бельгийских экономических миссий под председательством Ее Королевского Высочества принцессы Астрид, наряду с региональными агентствами внешней торговли – «Flanders Investment and Trade» (FIT) от Фламандского региона, «Brussels Agency for Business Support» (Hub.brussels) от Брюссельского столичного региона, «Walloon Export and Foreign Investment Agency» (AWEX) от Валлонского региона и Министерством иностранных дел Бельгии. BFTA также отвечает за сбор, систематизацию и передачу информации, исследований и документации, касающихся зарубежных рынков, региональным департаментам внешней торговли [4].

Бельгийское Агентство Внешней Торговли управляется Советом директоров, почетным президентом которого является Его Величество король. Агентство активно сотрудничает с Федеральной государственной службой иностранных дел и стремится оказывать поддержку всем регионам и федеральному правительству в развитии внешней торговли.

В соответствии со статьей 3 Соглашения о сотрудничестве от 24 мая 2002 года между Федеральным правительством и регионами Агентство несет ответственность:

- 1) за принятие решений и организацию совместных экономических миссий, по инициативе одного или нескольких регионов или по просьбе Федерального правительства;
- 2) организацию, разработку и распространение информации, специальной документации о внешних рынках среди региональных служб, ответственных за внешнюю торговлю.

В связи с этим в декабре 2014 года Правление решило, что Бельгийское агентство внешней торговли с 2015 года будет вносить вклад в организацию материально-технического обеспечения двух государственных визитов короля и королевы Бельгии за грани-

цу в год, вокруг которых фактически выстраивается вся деятельность по развитию бельгийского экспорта.

Королевские визиты организуются в сотрудничестве с Экспортно-инвестиционными агентствами всех трех регионов Бельгии: Валлонии (Walloon Export and Foreign Investment Agency), Брюсселя (Brussels Agency for Business Support) и Фландрии (Flanders Investment & Trade). Кроме того, BFTA сотрудничает с Министерством иностранных дел, отвечающим за протокольные и политические аспекты программы. Активное участие в этих миссиях принимают компании из различных отраслей промышленности. Во время этих миссий представители бельгийского бизнеса могут установить контакты на высоком уровне с ведущими местными промышленными игроками, организациями и государственными органами.

Второй компонент деятельности агентства связан со сбором и распространением информации о зарубежных рынках. Департамент «Overseas Business Opportunities Centre» специализируется на распространении трех видов торговой информации: зарубежных публичных тендеров, международных проектов и торговых предложений. Департамент также представляет информацию по иностранным государственным закупкам, тендерам, персонализированную подписку на статистику внешней торговли, новостные ленты с экономической информацией, организует семинары с экспертами в области государственных контрактов. 1 апреля 2015 года был запущен новый проект под названием Trade4U, позволяющий компаниям получать персонализированную информацию через приложение. BFTA также публикует экономические исследования, страновые исследования и памятки, содержащие сравнительную национальную и международную статистику внешней торговли. Наконец, агентство также предоставляет консультации по вопросам регулирования международной торговли и законодательства.

Таким образом, бельгийское агентство внешней торговли сочетает в себе информационно-аналитическую и организационную функцию, одновременно снабжая бельгийских предпринимателей всей необходимой информацией и выполняя функцию посредника между государством и деловыми кругами.

Бельгийская Корпорация по Международным Инвестициям (BMI-SBI)

Миссия Бельгийской Корпорации по Международным Инвестициям (BMI-SBI) заключается в совместном финансировании в среднесрочной или долгосрочной перспективе инвестиций бельгийских компаний в зарубежные проекты с целью защиты как интересов принимающей страны, так и экономических интересов Бельгии.

BMI-SBI, основанная в 1971 году, является уникальным финансовым учреждением как с государственным, так и с частным капиталом, активно участвующим в совместном финансировании деловых предприятий бельгийскими частными компаниями за рубежом. BMI-SBI является компанией с ограниченной ответственностью, более 60% капитала которой принадлежит бельгийскому государству через SFPI/FPIM, государственный инвестиционный фонд. Тот факт, что BMI-SBI является государственным учреждением, часто приносит пользу проекту, поскольку это добавляет надежности и повышает доверие иностранных партнеров [5].

BMI-SBI предлагает индивидуальные решения с учетом конкретных потребностей и профиля рисков каждого отдельного проекта. Поскольку BMI-SBI стремится быть подлинным долгосрочным партнером, она предоставляет всестороннюю поддержку и консультации. С момента

своего создания BMI-SBI инвестировала в более чем 350 проектов в более чем 60 странах.

Бельгийское агентство кредитного страхования «Credendo»

«Credendo» – это агентство кредитного страхования, работающее по всему миру. Его миссия заключается в содействии международным торговым отношениям, обеспечивая среднесрочное и долгосрочное страхование торговых кредитов.

За последние годы «Credendo» – Экспортно-кредитное агентство претерпело значительные изменения, превратившись из традиционного агентства по страхованию экспортных кредитов в международного игрока, который сегодня возглавляет «Credendo Group». В дополнение к традиционному страхованию экспортных кредитов, «Credendo» предоставляет финансовые гарантии и прямое финансирование. Его деятельность в основном сосредоточена на странах, не входящих в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития, поскольку на этих рынках лежит большая часть рисков клиентов [6].

Таким образом, можно выделить несколько особенностей черт бельгийской организации внешнеторговых связей.

1. Используется весь потенциал государственных визитов Короля для выстраивания новых внешнеторговых связей. Фактически – сам визит лишь повод для организации поездки огромной бельгийской делегации, состоящей из чиновников, предпринимателей и специалистов в конкретную страну для освоения новых рынков сбыта бельгийских товаров и услуг.
2. Сбором и обработкой необходимой информации, а также организацией всей работы, связанной с внешней торговлей, занимается один орган – Бельгийское агентство по внешней торговле.
3. В рамках Бельгийской Корпорации по Международным Инвестициям налажено Государственно-частное партнерство в сфере финансирования бельгийских экономических проектов в иностранных государствах.
4. Инвестиции как частных лиц и компаний, так и государства страхуются надежным проверенным временем институтом – страховым агентством мирового масштаба «Credendo».

Эти важные особенности бельгийской модели служат отличным дополнением к уже рассмотренной немецкой системе и относятся уже не к чисто государственной части организации ВЭД, а к государственно-частному партнерству, в рамках которого национальные деловые круги получают как информационно-организационную поддержку от государства, так и содействие в финансировании и страховании зарубежных экономических проектов.

Наконец, необходимо рассмотреть опыт эффективной организации самой экспортной деятельности, то есть модели выстраивания бизнеса, ориентированного прежде всего на экспортно-импортную деятельность. Разумеется, эта сфера относится в большей степени не к самому государству, а деловому сообществу, однако при подробном рассмотрении мы увидим, что решающую роль в культивировании и закреплении на рынке эффективных экспортноориентированных частных компаний на первых порах всегда играет государственная поддержка.

Организация внешнеэкономической деятельности: опыт Японии и Южной Кореи

И Япония, и Южная Корея сегодня представляют собой развитые экспортноориентированные экономики, чью мо-

дель организации экспортно-импортного бизнеса можно по праву считать одной из самых эффективных в мире: во времена как японского, так и корейского экономического чуда экономики обеих стран росли в среднем на 10% в год. Решающую роль в этом сыграли так называемые Генеральные Торговые Компании (General Trading Companies).

Сама концепция Генеральных торговых компаний (ГТК) зародилась в Японии, там они более известны под названием «Сого сёся» [7] (в переводе с японского «Всеобъемлющие торговые фирмы»). Их история начинается еще в XVII веке, однако нас интересует главным образом их деятельность в современную эпоху. Сегодня и японские, и корейские Генеральные Торговые Компании представляют из себя крупные корпорации и группы компаний, объединяющие в своих рамках предприятия самых разных отраслей: производство электроники, компьютерной техники, машиностроение, легкая промышленность, логистика, транспорт и т.д. Главное отличие ГТК от обычных крупных компаний или корпораций – диверсификация активов за счет постоянного развития смежных отраслей производства и самостоятельный выход на все возможные мировые рынки. По сути, Генеральные Торговые Компании объединяют в себе функции производителя и экспортера, при этом они также занимаются импортом необходимой стране иностранной продукции.

Такая форма организации бизнеса имеет несомненные преимущества.

1. Бизнес действует более самостоятельно и меньше зависит от поддержки со стороны государства.
2. Производитель товара получает большую прибыль за счет снижения издержек на логистику и реализацию товаров, которой занимаются не сторонние фирмы, а другие подразделения собственной корпорации.
3. Генеральная Торговая Компания располагает большими финансовыми возможностями, чем отдельно взятые фирмы, а значит способна самостоятельно финансировать как собственные, так и сторонние проекты.
4. Наконец, такого масштаба организации за счет широкой диверсификации своих активов являются крайне устойчивыми, что важно, как для поддержания стабильности национальной экономики, так и для устойчивости и долговечности экономических связей с иностранными государствами.

Однако существуют и отрицательные последствия развития такого рода форм бизнеса: самое очевидное из них – стремление к монополизации. Крупные компании фактически начинают поглощать более мелкие, существенно меняя со временем структуру частного сектора страны. Кроме того, опыт Японии и Кореи показывает, что на определенном этапе своего развития ГТК из одной страны, имеющие общие сферы деятельности, вступают в жестокую конкуренцию уже между собой, а не с иностранными игроками, нанося вред национальной экономике. Стоит заметить, что эти два на первый взгляд отрицательных последствия существования Генеральных Торговых Компаний на самом деле уравновешивают друг друга: поглощение более мелких фирм снижает издержки и делает бизнес более эффективным, а конкуренция с равными по силе компаниями стимулирует продолжение интенсивного развития.

Решающую роль в становлении и японских, и особенно корейских ГТК сыграло именно государство: в обеих странах правительство создавало условия для более комфортного развития подобного рода форм бизнеса. Однако, если в Японии Генеральные Торговые Компа-

нии обладают более чем вековой историей, то в Республике Корея они были созданы относительно недавно – в 1970-е годы прошлого века. Корейское правительство не просто поощряло развитие собственных Генеральных Торговых Компаний по примеру Японии^[8], но долгое время брало на себя финансирование их зарубежных проектов, а также возможные риски и издержки. При этом многие годы правительство формировало список из особых критериев (таких как процент от годового экспорта, обеспеченный компанией, объем ее капитализации, соотношение между экспортными и импортными операциями компании и т.д.) без соответствия, которым любая фирма могла потерять статус Генеральной Торговой Компании и перестать получать государственную поддержку [9]. Сегодня крупнейшие корейские Генеральные торговые компании действуют самостоятельно, однако без поддержки со стороны государства мы бы не знали о таких корейских гигантах как «Samsung», «Daewoo» и др. Кроме того, и в Японии, и в Корее правительство по-прежнему поддерживает тесный контакт с крупнейшими Генеральными торговыми Компаниями, что облегчает взаимодействие бизнеса с государством и позволяет более эффективно использовать все экспортные возможности национальной экономики.

Поддержка Генеральных Торговых Компаний со стороны государства и их эффективность как модели организации экспортноориентированного бизнеса дали соответствующий результат: сегодня представительства и дочерние компании как корейских, так и японских ГТК работают по всему миру: в Европе, Азии, Африке, Северной и Латинской Америке. Эти представительства позволяют ГТК осваивать новые рынки, увеличивая торговый оборот своей страны со всем миром. Так, у одной только «Mitsubishi Corporation» на сегодняшний день более двух десятков представительств в странах Европы; то же самое у «Mitsui & Co., Ltd.»; Генеральные торговые компании «Sumitomo Group» и «Itochu» имеют представителей в более чем 10 западноевропейских государствах; Компания «Sojitz», созданная относительно недавно – в 2003 г., путем объединения двух ранее существовавших генеральных торговых компаний – «Nissho Iwai Corp.» и «Nichimen Corp.», сегодня также обзавелась уже более чем десятью представительствами в одной только Европе.

Стоит отдельно подчеркнуть, что функции как японских, так и корейских генеральных торговых компаний претерпели некоторое изменение в соответствии с тенденциями на мировых рынках, а также в ответ на меняющиеся запросы национального бизнеса. Если поначалу все современные генеральные торговые компании специализировались на производстве и экспорте одной или нескольких групп товаров, то в процессе освоения новых технологий, изучения внешних рынков, накопления капитала и расширения собственной производственной базы сегодня они расширили свою специализацию до целой промышленной отрасли, а иногда и до нескольких смежных отраслей [10].

Более того, помимо собственно производства и торговли генеральные торговые дома теперь занимаются и деловым посредничеством. Они выступают промежуточным звеном не только между продавцами и покупателями, но между инвесторами, способствуя как росту капиталовложений собственных стран за границу, так и притоку иностранного капитала в Корею и Японию. Именно поэтому учреждение и развитие постоянных представительств или дочерних компаний генеральных торговых домов в том или ином государстве позитивно влияет на рост деловой активности с этой страной. Генеральные торговые дома фактически изучают структуру

рынка конкретной страны, собирают всю необходимую информацию об особенностях ведения бизнеса, проводят маркетинговые исследования, оценивают потенциальные возможности для инвестиций. Японские и корейские деловые круги при этом получают необходимые сведения от надежного источника, что в значительной степени облегчает процесс принятия решений, минимизирует издержки на получение информации. Сами генеральные торговые компании при этом в большинстве случаев даже не требуют плату за подобные услуги, активно принимая участие в последующем процессе инвестирования. Таким образом, сегодня генеральные торговые компании приобрели статус самостоятельного игрока на рынке прямых инвестиций.

Наконец, к числу основных функций японских и корейских генеральных торговых компаний на современном этапе их развития прибавились маркетинг, риск менеджмент, разработка и широкое использование компьютерных технологий в сфере бизнеса. Фактически можно говорить о том, что современные генеральные торговые компании эволюционировали из активного участника в основного организатора всей системы экономических отношений между национальными и зарубежными бизнес-кругами.

В целом можно говорить об успехе генеральных торговых компаний как модели эффективной организации экспортно-импортного и производственного бизнеса, об этом ясно свидетельствует многолетняя успешная деятельность корейских и японских ГТК по всему миру. Их пример ясно дает понять, насколько важна правильная организация внешнеэкономической деятельности, правильное выстраивание отношений в сфере государственно-частного партнерства: все это влияет не только на развитие торговли с иностранными государствами во всех уголках мира, но и на степень индустриализации страны, развитие технологий, становление новых и совершенствование существующих отраслей экономики. Сегодня глубокое изучение и использование опыта японских и корейских генеральных торговых домов способно принести пользу не только российским деловым кругам, но всей экономике Российской Федерации, поможет укрепить экономические связи не только с ближайшими соседями, но и с более отдаленными партнерами, что крайне положительно скажется на стабильности и поступательности в развитии политико-дипломатических связей со всеми заинтересованными в этом странами мира.

Вывод

Российская Федерация могла бы воспользоваться лучшим иностранным опытом в деле организации внешнеэкономических связей не только для решения текущих задач переориентации экономики и импортозамещения, но и для формирования более всеобъемлющей и эффективной системы ВЭД, в рамках которой потенциал российской экономики был бы реализован в максимальной степени. Существующая сегодня система явно требует оптимизации и сопряжения работы существующих институтов, занимающихся этим вопросом, однако, речь здесь должна идти не только о преобразованиях со стороны государства. Безусловно, государство должно выступать инициатором и локомотивом реформирования системы выстраивания внешнеэкономической деятельности, но к этому должны быть готовы и российские деловые круги. Из рассмотренного выше немецкого, бельгийского, корейского и японского опыта следует, что государство и предприниматель должны работать слаженно. Государству следует максимально эффективно использовать

потенциал своих загранучреждений, министерств и ведомств, как это происходит в ФРГ и Бельгии. Бизнес при этом так же должен самоорганизовываться, постоянно совершенствоваться, быть более гибким и диверсифицированным, как это происходит в Японии и Корее. Разумеется, рассмотренный выше иностранный опыт может не подходить полностью по тем или иным причинам России, но его необходимо изучать, применять, формировать собственный багаж опыта и развиваться поступательно и последовательно. Только при таких условиях Российской Федерации удастся реализовать свой экспортный потенциал, перестроить экономику с упором на импортозамещение, обеспечить собственную технологическую и промышленную независимость.

Литература

1. Юзопольский М.Д. Особенности и проблемы в деле применения «мягкой силы» российской дипломатией на примере Республики Ирак. Дипломатическая служба. 2023.
2. Райнхардт Р.О. Современная система экономической дипломатии ФРГ. Вестник МГИМО-Университета. 2015;(3(42)):225–231.
3. About GTAI // Germany Trade and Invest. – URL: <https://www.gtai.de/en/meta/about-us> (дата обращения: 12.11.2023).
4. About BFTA // Belgian Foreign Trade Agency. – URL: <https://www.abh-ace.be/en/about-bfta> (дата обращения: 10.11.2023).
5. About BMI-SBI // SFPIM–International. – URL: <https://sfpim-international.be/#about> (дата обращения: 15.11.2023).
6. About Credendo // Credendo.com. – URL: <https://credendo.com/en/about-credendo/credendo-export-credit-agency> (дата обращения: 10.11.2023).
7. What is a Sogo-Shosha (General Trading Company)? Business Model of a Sogo-Shosha (General Trading Company) // ITOCHU Corporation. – URL: <https://www.itochu.co.jp/en/ir/investor/businessmodel/index.html> (дата обращения: 13.11.2023).
8. Can the General Trading Company Be Transplanted? –Comparison of General Trading Companies in 9 Countries // Seoul National University. – URL: <https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/53972/1/03%20can%20the%20general%20trading.pdf> (дата обращения: 28.10.2023).
9. Anatomy of Korean General Trading Company // Seoul National University. – URL: <https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/53610/1/03%20anatomy%20of%20korean%20general%20trading%20company.pdf> (дата обращения: 14.10.2023).
10. Fields, Karl J. “Trading Companies in South Korea and Taiwan: Two Policy Approaches.” Asian Survey,

vol. 29, № 11, 1989, pp. 1073–89. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2644730>. (дата обращения: 20.11.2023).

THE POTENTIAL FOR APPLYING FOREIGN EXPERIENCE IN THE ORGANIZATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yuzopolsky M.D.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the need to use foreign experience in organizing foreign economic activity to realize the export potential of the Russian Federation. The experience of such leading export-oriented countries of the world as the Federal Republic of Germany, the Kingdom of Belgium, Japan and the Republic of Korea is considered.

The first part of the article discusses the problem of building an effective approach in this area on the part of the state: the effective organization of interaction between foreign institutions, government ministries and departments, the development of public-private partnerships in building foreign economic relations, financing foreign economic projects and their insurance.

The second part is devoted to the problem of effective organization of export-oriented business, the role of the state and business circles in this matter.

Keywords: foreign economic activity, public-private partnership, foreign economic policy, diplomatic support of foreign economic activity, General Trading Companies.

References

1. Yuzopolsky, M.D. “Characteristics and Challenges of Soft Power Application by Russian Diplomacy: The Case of the Republic of Iraq.” Diplomatic Service, 2023.
2. Reinhardt, R.O. “The Modern System of Economic Diplomacy in Germany.” MGIMO University Bulletin, 2015; (3(42)): 225–231.
3. About GTAI // Germany Trade and Invest. – URL: <https://www.gtai.de/en/meta/about-us> (accessed: 12.11.2023).
4. About BFTA // Belgian Foreign Trade Agency. – URL: <https://www.abh-ace.be/en/about-bfta> (accessed: 10.11.2023).
5. About BMI-SBI // SFPIM–International. – URL: <https://sfpim-international.be/#about> (accessed: 15.11.2023).
6. About Credendo // Credendo.com. – URL: <https://credendo.com/en/about-credendo/credendo-export-credit-agency> (accessed: 10.11.2023).
7. What is a Sogo-Shosha (General Trading Company)? Business Model of a Sogo-Shosha (General Trading Company) // ITOCHU Corporation. – URL: <https://www.itochu.co.jp/en/ir/investor/businessmodel/index.html> (accessed: 13.11.2023).
8. Can the General Trading Company Be Transplanted? Comparison of General Trading Companies in 9 Countries // Seoul National University. – URL: <https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/53972/1/03%20can%20the%20general%20trading.pdf> (access date: 10/28/2023).
9. Anatomy of Korean General Trading Company // Seoul National University. – URL: <https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/53610/1/03%20anatomy%20of%20korean%20general%20trading%20company.pdf> (access date: 10/14/2023).
10. Fields, Karl J. “Trading Companies in South Korea and Taiwan: Two Policy Approaches.” Asian Survey, vol. 29, № 11, 1989, pp. 1073–89. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2644730>. (Accessed November 20, 2023).

Роль международных организаций в формировании курса энергетической политики

Ярышкин Кирилл Игоревич,

аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: yakirillmos@gmail.com

Основу экономической, социальной и политической жизни общества составляет энергетика: без угля, в меньшей степени ВИЭ, нефти и газа не может обойтись ни одно государство. По этой причине топливно-энергетический комплекс находится под пристальным вниманием регуляторов – национальных, если дело касается энергетики отдельной страны, региональных, когда речь заходит об объединении стран, и международном, когда вопросы энергетической политики затрагивают значительную часть участников мирового сообщества. В свою очередь высокие темпы интернационализации и глобализации энергетики вкупе с усилением энергетической взаимозависимости отдельных стран определяют необходимость усложнения структуры участников, оказывающих влияние на формирование курса энергетической политики разного уровня. В этой связи особую актуальность представляет исследование различных уровней и специфики регулирования мировой энергетики.

Ключевые слова: энергетическая политика, международные организации, топливно-энергетический комплекс, центры принятия решений, экспорт, импорт.

Введение

Эволюция глобального энергетического сектора детерминирована комплексом взаимосвязанных процессов. Аналогично иным рынкам, в сфере международной энергетики и в операциях, связанных с торговлей ресурсами, наблюдается прогрессирующая год от года конкуренция. Участники рынка – энергетические компании, нередко пользующиеся поддержкой правительств стран своей юрисдикции, – вступают в конкурентную борьбу с корпорациями других государств за доступ к рынкам сбыта, квоты, а также возможности извлечения прибыли в интересах акционеров и представляемых ими стран. Несмотря на то что данный механизм остается фундаментальным, по мере развития межгосударственных коммуникаций и усложнения международных финансово-экономических и торговых систем, все более существенное влияние на формирование энергетической политики как отдельных регионов, так и мира в целом приобретает межгосударственное взаимодействие. Данный процесс характеризуется усилением роли центров выработки глобальной и региональной энергетической стратегии.

Многосторонние форматы сотрудничества, как регионального, так и глобального масштаба, предполагают вовлечение государств, выступающих в качестве нетто-импортеров, нетто-экспортеров или транзитных держав. Эта разнородность предопределяет сложность выстраиваемых отношений, в которых каждый участник преследует собственные, зачастую противоречивые интересы. Кроме того, значимым актором выступают крупные транснациональные корпорации, которые, обладая существенной рыночной силой и мощным административным потенциалом, способны навязывать собственные условия и оказывать воздействие на процесс принятия решений национальными, региональными и наднациональными регулирующими органами.

Согласно устоявшейся международной практике, межправительственные организации должны соответствовать ряду критериев, включая наличие учредительного международного договора, постоянно действующих органов управления, а также соблюдение суверенитета государств-членов. В то же время часть таких структур обладает статусом наднациональных, чья ключевая цель заключается в углублении интеграции стран-участниц в деятельность объединения. Правомочия наднациональных организаций имеют разный уровень: некоторые наделены общими полномочиями, в то время как другие обладают специальными инструментами воздействия на отдельные рынки и их сегменты. В результате, ключевые центры управления, участвующие в выработке направлений энергетической политики, могут быть систематизированы следующим образом (Рисунок 1).

Первостепенное внимание в данном контексте заслуживает организация общей компетенции, чья политика имеет системообразующее значение для широкого круга общих вопросов энергетического сектора. В качестве примера можно привести деятельность Организации Объединенных Наций (ООН), сфокусированную на решении глобальных проблем. Ярким манифестом данного подхода выступил Киотский протокол по проблеме

изменения климата 1997 года, а впоследствии – Парижское соглашение 2015 года. Указанные международно-правовые акты в различные периоды инициировали реализацию принципов сокращения выбросов парниковых газов на основе согласованных на международном уровне национальных вкладов [6, с. 43] (рис. 1).

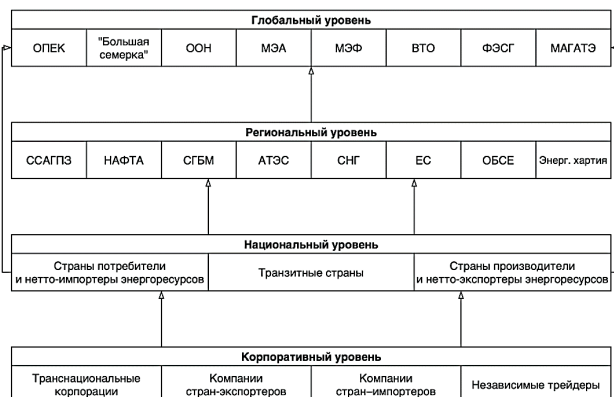

Рис. 1. Структура участников, формирующих курс мировой энергетической политики

Источник: составлено автором

Примечательно, что в 1970-е годы XX века существовала возможность трансформации ООН в институт, наделенный специальной компетенцией в энергетической сфере: ряд государств выступал с инициативой создания всемирной энергетической организации под эгидой ООН. Однако эти планы не были реализованы. Вследствие чего на современном этапе ключевыми наднациональными структурами глобального уровня, обладающими специальными полномочиями в области формирования энергетической политики, остаются Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и Международное энергетическое агентство (МЭА).

Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) была учреждена в 1960 году в г. Багдаде по инициативе правительств ведущих государств – производителей нефти: Ирана, Ирака, Кувейта, Саудовской Аравии и Венесуэлы. Данная структура была основана в статусе постоянной межправительственной организации, функционирующей в соответствии с установленными принципами. Будучи субъектом международного права, ОПЕК обеспечивает продвижение интересов экспортеров нефти, прежде всего с позиции сохранения спроса на нефть [11, с. 55].

Важнейшим наднациональным объединением, занимающим вторую по значимости позицию, выступает Международное энергетическое агентство (МЭА). Данная автономная структура была образована в ноябре 1974 г. в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с целью реализации Международной энергетической программы. В функции Агентства входит координация комплексной программы сотрудничества в энергетической сфере между государствами – членами ОЭСР [7, с. 60].

К числу основных целей МЭА относятся:

- стимулирование кооперации между странами-участниками;
- формирование информационной системы, отслеживающей конъюнктуру международного нефтяного рынка, и организация консультативного взаимодействия с нефтяными компаниями;
- развитие партнерских отношений с нефтедобывающими государствами и иными странами-потребителями нефти, направленного на обеспече-

ние стабильности международной торговли энергоносителями, а также на рационализацию управления и эксплуатации мировых энергетических ресурсов в интересах всего мирового сообщества;

- разработка стратегии подготовки участников к рискам масштабных disruptions поставок нефти и создания механизма коллективного использования нефтяных резервов в кризисных ситуациях [12, с. 183].

Исторически создание МЭА стало следствием заключения межправительственного соглашения – Международной энергетической программы – между странами-учредителями на основании решений Конференции министров иностранных дел 23 промышленно развитых государств в Вашингтоне, а также в связи с принятием Программы долгосрочного сотрудничества в 1976 году. Специфический критериальный подход к членству в МЭА сохраняет свою актуальность: присоединение к Агентству возможно исключительно для стран, входящих в ОЭСР и приводящих свою энергетическую политику в соответствие с принципами, изложенными в документе «Shared Goals» («Общие цели»), утвержденном на Конференции министров энергетики стран-участниц в Париже в 1993 году [4, с. 176].

Важно отметить, что Российская Федерация не обладает статусом члена ни в ОПЕК, где участвует в качестве наблюдателя и стороны отдельных инициатив (таких как формат ОПЕК+ или ЭнергодIALOG Россия – ЕС), ни в МЭА. Тем не менее, данное обстоятельство не препятствует активному сотрудничеству с этими объединениями и внесению существенного вклада в выработку глобальной энергетической повестки.

В ситуациях, когда взаимодействие между продуцентами и потребителями энергоресурсов приобретает контрпродуктивный характер, спорные вопросы нередко выносятся на площадку Международного энергетического форума (МЭФ). Данная структура представляет собой неформальный международный институт, организующий встречи на министерском уровне с периодичностью раз в два года. Российская Федерация является активным участником дискуссий в рамках МЭФ. Кроме того, по инициативе России вопросы обеспечения глобальной энергетической безопасности вынесены на регулярную основу и детально прорабатываются в рамках «Группы восьми» (G8) и «Группы двадцати» (G20) – влиятельных неформальных объединений, объединяющих ведущие государства мира [1, с. 12].

Энергетическая дипломатия регионального уровня

Сотрудничество в энергетической сфере, основанное на взаимодействии множества сторон, реализуется в рамках международной правовой базы. Эта база формирует основу для функционирования региональных экономических организаций и применения международных соглашений. Ярким примером подобной нормативно-правовой экосистемы выступает Европейский союз, где в ответ на отраслевые вызовы сформировалась отдельная отрасль права – Европейское энергетическое право. Оно представляет собой комплекс законодательных актов и правовых норм, регулирующих деятельность государств и компаний в процессе формирования энергетической политики интеграционного объединения.

Институциональной основой данной системы, провозгласившей своей ключевой целью «гарантирование безопасности поставок энергоресурсов из внешних источников», стал Договор к Энергетической хартии (ДЭХ). Подписание Европейской энергетической хар-

тии состоялось в Гааге в декабре 1991 года при участии представителей 51 государства, в числе которых были ЕС, страны СНГ, США, Канада, Турция, Австралия и Япония. Первоначально участие в Хартии имело декларативную природу и не предусматривало обязательств по ревизии национальных энергетических стратегий подписавших его государств. Непосредственно Договор, устанавливающий для ратифицировавших его стран обязательства по соблюдению единых принципов, был заключён на более позднем этапе [5, с. 80].

Примечательно, что одной из первоначальных целей создания ДЭХ и проведения Конференции по Энергетической хартии было обеспечение бесперебойных поставок энергоресурсов из России. Однако Российская Федерация, подписав Хартию, не ратифицировала соглашение, а в 2022 году была исключена из договора. Несмотря на это, европейские государства на протяжении десятилетий сохраняли зависимость от российского сырья, что свидетельствует о многомерности и сложной взаимозависимости интересов участников объединения.

При оценке создания политически мотивированных интеграционных объединений необходимо проводить анализ через призму доминирующих интересов участвующих сторон. Европейские государства, руководствуясь задачами обеспечения энергетической устойчивости и безопасности, инициировали формирование правовой базы для переговорного процесса по поставкам энергоресурсов, включая диалог с Российской Федерацией. Со своей стороны, Россия осуществляла внешнеэнергетическую политику, нацеленную на диверсификацию экспортных маршрутов в восточном и южном направлениях.

Стратегические приоритеты России в энергетической сфере предусматривают интенсивную интеграцию углеводородных ресурсов центральноазиатских государств СНГ и прикаспийских стран в национальный топливно-энергетический баланс. В рамках данной парадигмы ключевым направлением внешнеполитических усилий становится содействие в реализации масштабных инфраструктурных проектов в нефтегазовой отрасли, в том числе сооружение новых магистральных трубопроводных систем трансрегионального значения.

На европейском направлении Россия сохраняет значимые экономические интересы, связанные с сохранением рыночных ниш, интеграцией в сбытовые цепочки нефтегазового сектора, привлечением капиталовложений и урегулированием транзитных вопросов. В свою очередь, европейские страны выступают ключевыми поставщиками технологического оборудования для российского ТЭК и потенциальными источниками инвестиций.

Данная взаимозависимость предопределила формирование в 2000 году формата энергетического диалога ЕС-Россия, ставшего институциональным элементом повестки регулярных межправительственных консультаций. Эволюция данного взаимодействия демонстрирует постепенный переход от политических дискуссий к практической реализации проектов, включая инициативу создания постоянно действующего Делового энергетического форума с участием ведущих компаний российской ТЭК и европейских энергокорпораций [3, с. 148].

Стратегические усилия российской дипломатии в энергетической сфере реализуются через многоплановый подход, сочетающий двусторонние форматы сотрудничества с ключевыми европейскими партнерами и развитие многосторонних институтов. Особое внимание уделяется взаимодействию с ведущими странами ЕС, где успешно реализуются совместные энергетические проекты с Францией, Германией, Италией и стра-

нами Бенилюкса. Параллельно развивается институциональное сотрудничество в балтийском регионе через механизмы Совета государств Балтийского моря, где регулярные встречи министров энергетики способствуют выработке согласованных подходов [9, с. 64].

Приоритетным направлением остается выстраивание интегрированной энергетической архитектуры на пространстве Содружества Независимых Государств. Энергетическая составляющая занимает центральное место в рамках Евразийского экономического союза и двусторонних отношений с Беларусью, где долгосрочные межправительственные соглашения создают правовую основу для многоаспектного сотрудничества. Дипломатические усилия сконцентрированы на поиске баланса интересов в условиях перехода к рыночной модели отношений в сфере транзита и поставок энергоресурсов [10, с. 44].

Каспийский регион представляет особый интерес с точки зрения переплетения энергетических, геополитических и экономических приоритетов России. Во взаимодействии с прикаспийскими государствами и странами Центральной Азии акцент делается на развитии транспортно-логистической инфраструктуры и правовом оформлении статуса Каспийского моря. Российская Федерация выступает с инициативой формирования Организации каспийского экономического сотрудничества, в рамках которой многосторонние энергетические проекты могли бы стать драйвером региональной интеграции [8, с. 60].

В условиях прогнозируемого увеличения экономического потенциала и роста энергопотребления стран Азии, российская внешнеполитическая стратегия уделяет повышенное внимание развитию энергетического партнерства в азиатско-тихоокеанском регионе. Энергетическое сотрудничество становится стержневым элементом взаимодействия в форматах АТЭС и ШОС, где ряд государств участвует в инвестиционных проектах по разработке ресурсной базы Дальнего Востока и Восточной Сибири. Развитие ТЭК в этих регионах способствует не только преодолению социально-экономических вызовов, но и модернизации инфраструктурного комплекса, укрепляя экономические и геостратегические позиции России в Азии. Особый приоритет отдается освоению шельфовых месторождений Сахалина и нефтегазовых потенциалов Восточно-Сибирского региона [2, с. 37].

В числе импортеров региона наиболее прочная договорно-правовая основа сложилась в отношениях с Китаем, тогда как энергетический диалог последовательно развивается с Индией и государствами Корейского полуострова. Среди экспортноориентированных экономик перспективы сотрудничества связаны с Индонезией, Вьетнамом и Малайзией (см. Таблица 1).

Энергетическая составляющая прочно интегрирована в систему двусторонних отношений России с более чем 90 государствами. Среди стран-импортеров, представляющих стратегический интерес, особое место занимают США, где энергетический диалог, инициированный в 2002 году, несмотря на определенное замедление, сохраняет потенциал для стабилизации энергетических рынков и выработки сбалансированных подходов к решению экономико-политических вопросов (табл. 1).

Исследование движущих сил усиления интеграционных процессов в мировой энергетической индустрии свидетельствует о кардинальном преобразовании парадигмы отношений между ключевыми игроками рынка энергоресурсов. Исторический опыт энергетических кризисов 1970-х и их повторения в последующие декады сформировал консенсус относительно контрпродуктивности деструктивной конкурентной борьбы, не обеспе-

чивающей долгосрочных преимуществ ни одной из сторон. Параллельно обозначилась объективная заинтересованность ведущих отраслевых игроков – как частных, так и государственных – в поддержании стабильности и транспарентности мировых энергетических рынков, а также в минимизации волатильности ценовых показателей.

Таблица 1. Структура приоритетов и инструментов энергетической дипломатии России

Направление / Регион	Ключевые интересы России	Основные инструменты и проекты	Проблемы и вызовы
ЕС	Сохранение рынков сбыта, транзит, технологии	«Северные потоки», энергодиалог ЕС-Россия	Политизация вопросов, санкционный режим, диверсификация поставок ЕС
СНГ / ЕАЭС	Интеграция ТЭК, общие рынки, логистика	Союзное государство с Беларусью, трубопроводные системы	Различие экономических моделей, транзитные споры
АТР (Китай, Индия)	Диверсификация экспорта, инвестиции	«Сила Сибири», СПГ-проекты на Сахалине	Конкуренция с другими поставщиками, ценовые дискуссии
Каспийский регион	Транспортировка ресурсов, правовой статус Каспия	Инициатива по созданию организации каспийского экономического сотрудничества	Сложность многосторонних соглашений, интересы третьих стран

Источник: составлено автором.

В этом контексте кооперационные модели взаимодействия демонстрируют возрастающую экономическую эффективность по сравнению с конфронтационными сценариями, что характерно как для межкорпоративных отношений, так и для диалога между бизнесом и национальными правительствами.

Трансформация корпоративных дипломатических практик отражает сдвиг от конфронтационной модели с фиксацией на односторонних преимуществах к стратегии, признающей фундаментальную взаимозависимость участников. Современная энергетическая дипломатия переориентируется на содействие устойчивому развитию компаний через выработку взаимовыгодных решений, что продиктовано признанием системных рисков, возникающих при дестабилизации любого из участников рынка. Соответственно, переговорные практики, нацеленные на достижение консенсуса через взаимные уступки, превращаются в оптимальную стратегию для всех субъектов глобального энергетического рынка.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная система глобального энергетического взаимодействия характеризуется сложным переплетением конкурентных и кооперационных стратегий. Несмотря на объективное расхождение интересов между ключе-

выми участниками рынка, в их отношениях преобладает модель стратегического партнерства, основанная на принципах игровой теории. Действия отдельных игроков – будь то повышение цен, сокращение квот добычи или ограничение поставок для достижения сиюминутных выгод – оказывают непосредственное влияние на общую конъюнктуру мирового энергетического рынка и несут системные риски для всех его участников.

Усиление взаимозависимости в энергетической сфере обуславливает необходимость поиска баланса между национальными интересами и требованиями глобальной энергетической безопасности. Развитие конкурентной среды и активизация деятельности международных корпораций способствуют дальнейшей интеграции энергетических рынков, что, в свою очередь, требует совершенствования механизмов многоуровневого регулирования – от двусторонних форматов до наднациональных институтов.

Таким образом, эффективное управление современными энергетическими процессами возможно лишь через развитие диалога и выработку совместных решений, учитывающих как индивидуальные интересы отдельных государств и корпораций, так и общие цели обеспечения стабильности и устойчивого развития глобальной энергетической системы.

Литература

- Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов //Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 12–39.
- Варданян Т. Восточный вектор энергетической политики России //Амберд. – 2024. – № 5 (30). – С. 37–43.
- Вардомский Л.Б. Геополитика и энергетика в контексте формирования каспийского региона сотрудничества //Россия и Таджикистан в условиях меняющейся мировой экономики. – С. 148.
- Васильев В.П. Глобальные программы устойчивого развития: кризис достижения целей //Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 176–184.
- Гликман О.В. Временное применение Российской Федерацией международных договоров в сфере энергетики //Lex russica. – 2021. – № 2 (171). – С. 80–92.
- Глоба-Пастушка Л.Н. Международный опыт организации энергетической безопасности в рамках ООН //Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 594. – С. 43–49.
- Коровин Е. Энергетическая политика //Энергетическая политика. – 2021. – № 12. – С. 60–69.
- Пылин А.Г. Особенности торгово-экономического взаимодействия стран Каспийского региона в новой геоэкономической реальности //Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 60–71.
- Рагозин Г.С. Опыт сотрудничества стран-членов Совета государств Балтийского моря в рамках Балтийской научной сети, 2016–2022 гг //Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности. – 2022. – С. 64–70.
- Уелданов С.Р. Роль энергетического фактора в формировании и развитии ЕАЭС //Мировая политика. – 2024. – № 1. – С. 44–57.

11. Филимонова И. В. и др. Роль ОПЕК в устойчивом развитии мирового рынка нефти //Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2022. – № . 4 (208). – С. 55.
12. Хаткевич А.А. Реализация российской энергетической дипломатии: роль международных объединений //Россия в глобальном мире. – 2022. – С. 183–188.

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANISATIONS IN SHAPING THE COURSE OF ENERGY POLICY

Yaryshkin K.I.

University named after Patrice Lumumba

Energy is at the heart of the economic, social and political life of society: no state can do without coal, and to a lesser extent renewables, oil and gas. For this reason, the fuel and energy complex is under the scrutiny of regulators – national when it comes to the energy sector of a single country, regional when it comes to the unification of countries, and international when energy policy issues affect a large part of the world community. In turn, the high pace of internationalisation and globalisation of the energy sector, coupled with the increasing energy interdependence of individual countries, necessitates a more complex structure of actors influencing energy policy making at different levels. In this regard, the study of different levels and specifics of global energy regulation is of particular relevance.

Keywords: energy policy, international organisations, fuel and energy complex, decision-making centres, exports, imports.

References

1. Borovsky Yu.V. Clash of energy interests of Russia and the West: the explanatory potential of the realist and liberal theoretical approaches // Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics. – 2022. – Vol. 14. – No. 2. – P. 12–39.

2. Vardanyan T. The eastern vector of Russia's energy policy // Amberd. – 2024. – No. 5 (30). – P. 37–43.
3. Vardomsky L.B. Geopolitics and energy in the context of the formation of the Caspian region of cooperation // Russia and Tajikistan in the context of a changing world economy. – P. 148.
4. Vasiliev V.P. Global programs for sustainable development: the crisis of achieving the goals // Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics. – 2024. – Vol. 16. – No. 2. – P. 176–184.
5. Glikman O.V. Provisional Application of International Treaties in the Energy Sphere by the Russian Federation // Lex russica. – 2021. – No. 2 (171). – P. 80–92.
6. Globa-Pastushka L.N. International Experience in Organizing Energy Security within the UN // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. – 2010. – No. 594. – P. 43–49.
7. Korovin E. Energy Policy // Energy Policy. – 2021. – No. 12. – P. 60–69.
8. Pylin A.G. Features of trade and economic interaction of the countries of the Caspian region in the new geoeconomic reality // Geoeconomics of energy. – 2023. – Vol. 22. – No. 2. – Pp. 60–71.
9. Ragozin G.S. Experience of cooperation of the member countries of the Council of the Baltic Sea States within the Baltic Scientific Network, 2016–2022 // Russian North and the Arctic: fundamental problems of history and modernity. – 2022. – Pp. 64–70.
10. Uel'danov S.R. The role of the energy factor in the formation and development of the EAEU // World Politics. – 2024. – No. 1. – Pp. 44–57.
11. Filimonova I. V. et al. The Role of OPEC in the Sustainable Development of the Global Oil Market // Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex. – 2022. – No. 4 (208). – P. 55.
12. Khatkevich A.A. Implementation of Russian Energy Diplomacy: the Role of International Associations // Russia in the Global World. – 2022. – P. 183–188.

Развитие познавательного интереса младших школьников на уроках окружающего мира средствами ИКТ

Галаджян Софья Вадимовна,

магистрант ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

E-mail: crucis1107@mail.ru

Михалькова Ольга Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического и психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Сочинского государственного университета»

E-mail: mihalkova_olga67@mail.ru

Бзегежева Зулима Зулькириновна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического и психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Сочинского государственного университета»

E-mail: zulima@yandex.ru@mail.ru

Косьян Раиса Акоповна,

магистрант ФГБОУ ВО «Сочинского государственного университета»; учитель начальных классов, МОБУ СОШ № 29 им. Героя Советского Союза Нагуляна М.К.

E-mail: raya.kosyan@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было выявление особенностей познавательного интереса младших школьников, их взаимосвязь с мотивами учения, а также результаты применения ИКТ на занятиях по окружающему миру как средства формирования учебной мотивации и, соответственно, развития познавательного интереса.

Ключевые слова: младшие школьники, познавательный интерес, информационно-коммуникационные технологии, цифровые образовательные ресурсы, формирование учебной мотивации, развитие познавательного интереса, урок окружающего мира.

Актуальные изменения в секторе начального обучения сконцентрированы на глубокой перестройке его основных задач и целей. Значительное внимание уделяется комплексному развитию индивидуальности ученика на начальном уровне. В лидирующих позициях агенды обновленной российской образовательной системы стоит стимулирование у детей младшего школьного возраста желания и возможностей к самостоятельной работе над получением знаний, а также формирование установки на непрерывное обучение и активную самообразовательную деятельность. Эффективное выполнение этой миссии предполагает создание у всех учащихся сильной потребности к исследованию, неуклонного влечения к образовательному процессу и амбиций к неограниченному обогащению собственного интеллекта. Результативность образовательного процесса, а также успехи в дальнейшем профессиональном развитии в значительной степени обуславливаются умением адекватно адресовать и решать поставленные вопросы.

Исследовательский обзор литературных источников, выполненный учеными, подчеркивает их тщательный подход к изучению психолого-педагогических аспектов культивирования и укрепления познавательного интереса у начальных классов. Данный интерес выступает ключевым элементом для стимулирования образовательного процесса. В рамках научных работ анализировались различные стимулы и условия, которые способствуют укреплению познавательного интереса, его роли в процессе формирования учащегося как личности, моменты наиболее активного развития этой характеристики, направленность интереса к определённым предметам и его восприятие учащимися разного возраста. В развитие этой темы значительный вклад внесли известные исследователи, среди которых Ю.К. Бабанский, Ш.А. Амонашвили, Л.С. Рубинштейн, Ю.В. Шаров и другие, чьи труды обогатили психолого-педагогическую науку ценными данными и наблюдениями.

Исследование формирования и развития познавательного интереса среди начальных классов продолжает быть в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых в области психологии и педагогики, несмотря на глубокую проработку данной темы. Важность этой проблемы для современного образования остается высокой, учитывая сложность и многогранность вопроса. Результаты эмпирических исследований подтверждают, что уровень развития познавательного интереса среди учащихся начальной школы остается неудовлетворительным. Большая часть учеников полагается на формализованные и репродуктивные подходы к обучению, что говорит о необходимости более глубокой разработки методик и стратегий обучения, способствующих повышению познавательного интереса.

Исследования в области образования, посвящённые поиску и проверке различных методик и инструментов, способствующих повышению мотивации и поддержанию интереса к обучению у младших школьников, показывают, что использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является одним из самых эффективных способов дополнения традиционных методов преподавания.

В современном обществе происходит стремительное развитие и широкое распространение ИКТ (информационно-коммуникационных технологий), охватывающих все аспекты жизнедеятельности человека и создающих единое информационное поле. В этом контексте информатизация образовательной системы превратилась в ключевой и неотделимый элемент этих трансформаций.

Стратегический план правительства по модернизации сферы образования нацелен преимущественно на обновление учебной программы, совершенствование дидактических подходов и создание инновационных образовательных условий. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс выступает как ключевое условие для выполнения как стратегических государственных задач, так и для достижения целей Национального образовательного проекта «Наша новая школа».

В числе ключевых направлений новейших федеральных образовательных стандартов является создание условий для эволюции информационного общества (ИО), процесс, который невозможно осуществить без интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в систему образования.

Интеграция информационных технологий в систему образования за последние десять лет привлекает значительное внимание в сфере научного педагогического исследования в России. В основу этой дисциплины легли достижения кибернетики и теоретической математики, причем к числу основоположников относятся как российские, так и международные ученые, среди которых А.И. Берг, А.П. Ершов, А.Н. Колмогоров, П. Ланда, С.А. Лебедев, а также Н. Винер, Дж. фон Нейман, С. Пейперт, К. Шеннон и другие.

Множество российских и международных исследователей внесли существенный вклад в анализ и развитие информационных технологий в образовании, а также в изучение проблематики, связанной с этим процессом. Среди них выделяются такие ученые, как Я.А. Ваграменко, Е.П. Велихов, Г.Р. Громов, В.И. Гриценко, Б.С. Гершунский, Д.В. Зарецкий, Е.В. Зворыгин, В.М. Монахов, Т.Б. Казиахмедов, О.А. Кривошеев, Ю.А. Первин, В.Ф. Шолохович, а также международные специалисты в данной области, включая С. Пейперт, Г. Клейман, Б. Сендов, Б. Хантер и других выдающихся ученых.

Обсуждая потенциал информационно-коммуникационных технологий в контексте обучения, специалисты, в том числе Л.Л. Босова, В.А. Красильникова, Е.И. Машбиц и И.В. Роберт, указывают на множество преимуществ.

Рассмотрим преимущества, которые связаны с обеспечением условий для культивирования и стимулирования интеллектуального любопытства:

- прогресс в области обучения, сфокусированного на индивидуальных потребностях, а также внедрение дополнительной и предварительной подготовки;
- усиление участия сторон в управлении обучением;
- значительное улучшение методологии и программных инструментов в обучении;
- предоставление возможностей для разработки персонализированного учебного плана;
- формирование независимой и творчески активной личности;
- стимулирование автономной исследовательской работы студента;
- усиление стимулирования обучающихся и прочее.

Бесспорно, что инструменты информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) значительно трансформируют образовательный процесс, открывая

широкие возможности для педагогического творчества.

Поколение Alpha, которое широко вовлечено в использование современных цифровых технологий, имеет отличительные способы восприятия и запоминания информации по сравнению с предыдущими поколениями. Таким образом, важно адаптировать образовательные методы к их уникальным потребностям, учитывая стремительное развитие информационно-цифрового пространства и сопутствующие жизненные вызовы. Проблема заключается не только в выборе и освоении множества доступных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для создания цифровых учебных ресурсов, но и в быстрой интеграции их в учебный процесс. Более того, важно обучить использованию этих инноваций не только учащихся, но и их родителей, обеспечивая эффективное взаимодействие в образовательной среде.

Несмотря на обширную разработку информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для интеграции в образовательные системы, педагоги сталкиваются и продолжают преодолевать препятствия, связанные как с выбором, так и с интеграцией этих технологий в учебный процесс. С одной стороны, они ищут оптимальные способы систематического использования ИКТ, с другой – ощущают недостаток методических указаний для эффективного внедрения и эксплуатации этих средств в учебной деятельности. Однако, применение современных ИКТ в образовании способствует увеличению мотивации и стимулированию познавательного интереса студентов. Это, в свою очередь, приводит к повышению учебных успехов и, как следствие, к улучшению качества и эффективности образовательного процесса в целом.

«ИКТ призваны стать не вспомогательным средством в обучении, а неотъемлемой частью всего образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность. Основные надежды, по мнению О.И. Пашенко» [5, с. 4] «возлагаются на создание и сопровождение информационно-образовательных сред открытого и дистанционного обучения, на развитие новых объектных технологий создания баз учебных материалов, наряду с развитием традиционных технологий разработки цифровых образовательных ресурсов (ЦОР)».

Разработка цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) является центральным элементом стратегии информатизации в сфере образования на всех его ступенях в России, что обеспечивает ключевую поддержку в создании структуры информационных технологий в образовательном процессе. Цифровой образовательный ресурс представляет собой специализированный цифровой продукт, основанный на применении информационных технологий (ИТ), который предназначен для его применения в процессах обучения и воспитательной работы.

Существует множество подходов к классификации ЦОР, включая деление по целевому назначению, языковой среде, методическим функциям, видам обучения, способу программирования, функциональному назначению, предметной области, дидактическим целям, формам организации занятий и другим критериям.

В рамках проводимого исследования авторами рассматривалась составленная О.И. Пашенко [5] классификация по основанию средств использования в образовательном процессе (рис. 1).

В современном обучении по предмету окружающий мир, интеграция информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является неотъемлемым компонентом. Включение презентаций, видеоматериалов, интерактивных элементов и мультимедийного контента обеспечивает эффективное приобретение и закрепление знаний,

а также развитие умений. Изучение экосистем, биоразнообразия, гидросферы, и других природных процессов с помощью визуальных средств позволяет максимально наглядно представить изучаемый материал. Это важно, так как зрительное восприятие играет ключевую роль в образовательном процессе, ведь большая часть информации усваивается через зрительный канал. Применение ИКТ в виде динамичных презентаций, видеороликов и фотографий способствует созданию подробного, насыщенного и эмоционально вовлекающего представ-

ления о предмете изучения, тем самым активизируя интерес и когнитивную активность учеников. Для достижения целей обучения, развития и проверки навыков необходимо использовать разнообразные интерактивные обучающие элементы, такие как кроссворды, тесты, головоломки и квесты, созданные средствами ИКТ. Эти инструменты способствуют глубокому усвоению материала, развитию навыков и, следовательно, формированию устойчивого познавательного интереса у учащихся начальных классов.

Рис. 1. Классификация по основанию средств использования

Для решения исследовательских задач на стадии проведения экспериментальной работы создана серия цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) по дисциплине «Окружающий мир», а также осуществлен экспериментальный заход с использованием ЦОР в процессе учебной практики. Экспериментальная процедура включала диагностические мероприятия до и после внедрения ЦОР в учебный процесс для анализа и сравнения уровня когнитивного интереса у учащихся начальных классов в контексте обучения предмету «Окружающий мир», результаты которого представлены в разделе «Результаты» под рисунками 2, 3, 4, 5, 6.

В процессе становления личности учащегося, познавательный интерес играет ведущую роль, значительно влияя на успешность образовательного процесса. В современной педагогике акцент на стимулировании этого интереса считается неизбежным для достижения высоких образовательных результатов. Вопрос эффективности методов стимулирования познавательного интереса остается открытым, требуя глубокого психолого-педагогического анализа данного явления.

Термин «интерес» происходит от латинского слова «interest», что в дословном переводе означает «имеет значение» или «важно». Согласно определению, приведенному в Российской педагогической энциклопедии: «Интерес – стремление к познанию объекта или явления, к овладению тем или иным видом деятельности. Интерес носит избирательный характер, выступает одним из наиболее существенных стимулов приобретения знаний, расширения кругозора, служит важным условием подлинно творческого отношения к работе».

Познавательный интерес отражает важнейшее качество личности – стремление познавать окружающий мир не только ради адаптации к биологической и социальной среде, но и как выражение глубокой внутренней потребности понять многообразие реальности, выявить её сущность, закономерности, причинно-следственные связи и противоречия.

Н.Г. Морозова определяет познавательный интерес как «эмоционально-познавательное отношение (возникающее из эмоционально-познавательного переживания) к предмету или к непосредственно мотивированной деятельности, отношение, переходящее при благоприятных условиях в эмоционально-познавательную направленность личности» [3, с. 11].

Несколько иную точку зрения высказывает Г.И. Щукина, которая под познавательным интересом понимает «избирательную направленность личности, обращенную к области познания, к ее предметной стороне и самому процессу овладения знаниями. Это устойчивое образование, которое в ходе... увлеченной деятельности уже не нуждается во внешней стимуляции и как бы самоподкрепляется» [10].

Коллектив специалистов анализирует эпистемологический интерес как влечение к интеллектуальному обогащению, которое направляет индивида в его взаимодействии с миром, побуждая к активному поиску познания, к разведке методов и инструментов для утоления существующей «жажды знаний» (Л.И. Божович, Н.А. Менчинская, Г.И. Осипов и др.).

Другая группа исследователей, включая Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др., расце-

нивает познавательный интерес как основополагающий мотив учебного процесса, что придает ему инновационный, нацеленный на достижение характер.

Авторитетные ученые, в числе которых В.Б. Бондаревский, В.С. Мухина и С.Л. Рубинштейн, сходятся во мнении о том, что познавательный интерес является:

- как сосредоточение психической активности индивида на определенных предметах или событиях внешней среды;
- как склонность и влечение к определенному виду занятий, вызывающих чувство удовлетворения и полноты бытия;
- как уникальное, целенаправленно обогащенное важными идеями, интенсивными чувствами, сильными стремлениями взаимодействие с миром, его элементами, событиями, динамикой [2, 4, 7].

В.А. Сластенин рассматривает познавательный интерес как внутреннюю движущую силу учения, проявляющуюся в целенаправленном состоянии учащегося, обусловленном знаниями, умениями, опытом творческой деятельности, характеризующаяся потребностью в знаниях, готовностью к активному познанию как деятельности, приносящей удовлетворение. [8, с. 196].

Ш.А. Амонашвили считает, что познавательный интерес представляет форму стремлений личности, как направленность самостоятельного поиска, постижения секретов, свободного обсуждения проблемы, решения трудных задач, утверждения собственного мнения [1].

Анализируя структуру познавательного интереса, можно выделить, что он включает в себя как интеллектуальные, так и эмоциональные аспекты, обусловленные волевыми и регулятивными процессами, а также предполагает наличие как объективных, так и субъективных взаимосвязей индивида с окружающей средой, согласно трудам С.Л. Рубинштейна, Г.И. Щукиной и других исследователей. Выделяется уникальность интереса через его эмоционально-познавательную специфику, влияющую на активность учащегося, его желание к непрерывной активности и природу задаваемых вопросов.

Исследуя труды знаменитых ученых в области психологии и педагогики, таких как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.Г. Морозова, С.Л. Рубинштейн, Г.И. Щукина и другие, можно выявить ключевые элементы, формирующие структуру познавательного интереса. Это интеллектуальная, поведенческая, эмоциональная и волевая составляющие. Уровень их влияния, особенности проявления и связи между собой эволюционируют вместе с возрастным развитием учащихся, подвергаясь значительным изменениям.

Итак, после детального рассмотрения концепции «познавательного интереса», а также изучения его роли в процессе обучения и воспитания, можно прийти к выводу, что познавательный интерес представляет собой сложное и значимое качество личности, которое тесно связано с желаниями, интеллектуальной активностью, эмоциональным откликом, а также мотивациями, определяющими поведение человека, и играет ключевую роль в формировании его предпочтений в различных сферах активности. Безусловно, культивирование и развитие познавательного интереса является критически важным для формирования всесторонне развитой личности.

В рамках целеполагания эмпирического исследования, а именно анализа состояния и траекторий эволюции познавательного интереса среди учеников начальных классов, авторами был произведен отбор инструментального исследования, включая а себя:

1) анкетирование на основе работы В.С. Юркевича для изучения познавательных устремлений;

2) методологию Н. Лускановой, направленную на оценку мотивационной направленности в образовательном процессе;

3) апробированный Н.Ц. Бадмаевой инструментальный М.В. Матюхиной для оценки учебной мотивации. Дополнительно был разработан комплекс цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) для использования в процессе обучения по предмету «Окружающий мир» в преддверии контрольных измерений с целью фиксации изменений в познавательном интересе учащихся до и после интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс.

Анкета «Познавательные интересы», разработанная В.С. Юркевичем, основывается на методике, предназначенной для идентификации степени познавательного стремления у учащихся начальных классов. Ответы на вопросы данного инструмента исследования были предоставлены учителем начальных классов, обладающим глубоким пониманием индивидуальных особенностей своих воспитанников.

Методика, разработанная Н. Лускановой, для диагностирования степени учебной мотивации у учеников начальной школы, позволяет определить присутствие одного из трех уровней мотивации: высокий, средний или низкий. Кроме того, она способствует установлению позитивного либо негативного восприятия школьной обстановки со стороны обучающихся.

Методика диагностики учебной мотивации у школьников, разработанная М.В. Матюхиной и модифицированная Н.Ц. Бадмаевой, направлена на анализ мотивационной сферы учащихся. В основу данной версии положены исследования Матюхиной, однако она была адаптирована Бадмаевой для включения дополнительных мотивационных аспектов, таких как потребность в коммуникации и стремление к творческой самореализации, которые ранее не рассматривались.

В процессе изучения уровня стремления к знаниям среди четвероклассников мы применили методику «Познавательная потребность», разработанную В.С. Юркевичем.

Результаты диагностики уровня познавательных интересов

Для определения уровня познавательных интересов четвероклассников нами была предложена учителям начальных классов анкета «Познавательная потребность» В.С. Юркевич.

Проиллюстрируем полученные нами результаты с помощью гистограммы (рис. 2).

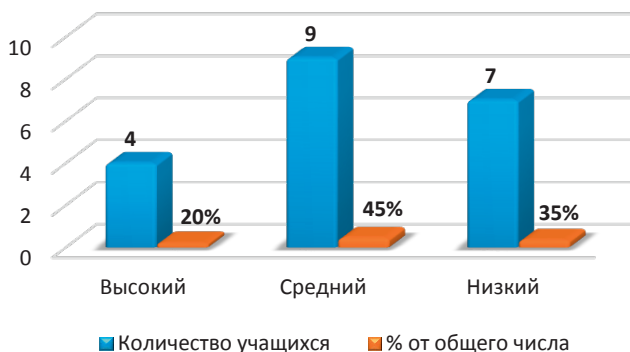

Рис. 2. Уровень познавательных интересов учащихся четвертых классов

Результаты исследования свидетельствуют о недостаточном уровне сформированности познавательного интереса у учащихся четвертого класса. Лишь 20% школьников продемонстрировали высокий уровень: они проявляют инициативу и самостоятельность, стремятся

к решению познавательных задач, а при возникновении трудностей сохраняют сосредоточенность, проявляют настойчивость и стремление к достижению цели.

Средний уровень интереса зафиксирован у 45% учеников. Эти дети способны к самостоятельному решению познавательных задач и выбору способов их выполнения. Столкнувшись с трудностями, они сохраняют положительное отношение к заданию, активно ищут помощь у учителя, уточняют условия выполнения, и после получения подсказки стараются довести работу до конца.

Низкий уровень познавательного интереса отмечен у 35% учащихся. Им не хватает инициативы и самостоятельности при выполнении учебных заданий. При возникновении трудностей они теряют интерес к деятельности, проявляют негативные эмоции, не задают уточняющих вопросов и нуждаются в подробных объяснениях, постоянной поддержке и контроле со стороны педагога.

Результаты диагностики уровня школьной мотивации

Для определения уровня школьной мотивации младшим школьникам был предложен тест по методике М.В. Матюхиной в модификации Н.Ц. Бадмаевой.

Мы раздали учащимся тест с 10 вопросами. На вопросы теста необходимо было выбрать только один ответ.

Результаты, которые показал тест, мы представили на рисунке 3.

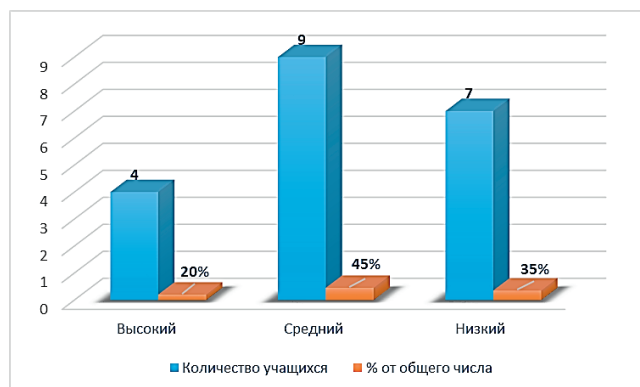

Рис. 3. Уровень школьной мотивации учащихся четвертых классов на констатирующем этапе исследования

Полученные результаты показывают, что 25% учащихся четвертого класса обладают высоким уровнем школьной мотивации и учебной активности. Эти учащиеся отличаются стремлением соответствовать всем учебным требованиям и выраженными познавательными мотивами.

Средний уровень мотивации наблюдается у 40% учеников. Им присуща устойчивая положительная учебная мотивация, при этом познавательные мотивы преобладают над социальными. Такой уровень считается нормативным и наиболее характерным для большинства младших школьников.

У 35% учащихся выявлен низкий уровень школьной мотивации, что указывает на признаки школьной дезадаптации и негативного отношения к учебному процессу. Подобные результаты свойственны детям с недостаточной мотивационной, физиологической и психологической готовностью к обучению.

Для наглядной демонстрации соотношения познавательных интересов младших школьников с уровнем школьной мотивации построим гистограмму (рис. 4).

Сравнительный анализ данных, представленных на графике, подтверждает наличие тесной взаимосвязи между уровнем школьной мотивации и степенью выраженности познавательных интересов у младших школьников. Это позволяет предположить, что мотивационные установки, лежащие в основе учебной деятельности,

оказывают прямое влияние на формирование и развитие познавательных интересов учащихся.

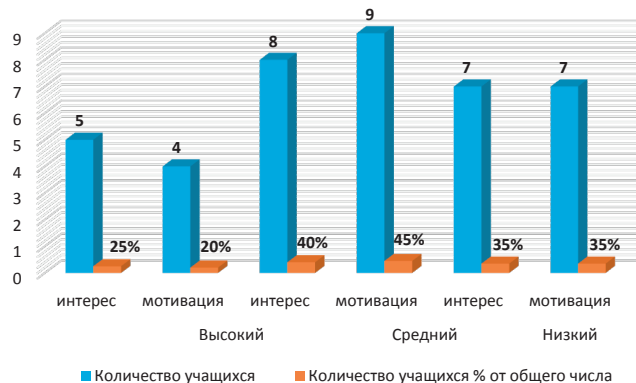

Рис. 4. Сравнительные результаты уровня познавательных интересов и школьной мотивации учеников четвертых классов

С целью более глубокого изучения учебной мотивации у четвероклассников был проведен третий тест по методике М.В. Матюхиной в модификации Н.Ц. Бадмаевой. Данная многофакторная методика, включающая 11 шкал, позволяет выявить основные мотивы, определяющие учебную активность младших школьников и влияющие на их поведение и отношение к учебному процессу. Представим полученные результаты с помощью гистограммы (рис. 5).

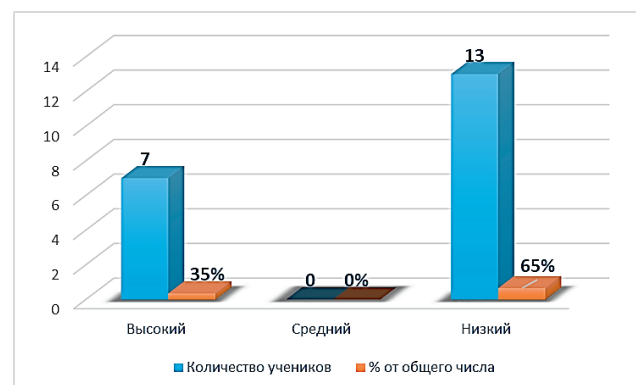

Рис. 5. Уровень учебной мотивации четвероклассников

Результаты диагностики, направленной на выявление направленности школьной мотивации у учащихся четвертых классов, показали доминирование внешних мотивов над внутренними. Это свидетельствует о недостаточном уровне сформированности познавательного интереса у большинства школьников, что также подтверждено предыдущими этапами исследования.

Для наглядного отображения полученных данных используем гистограмму (рис. 6).

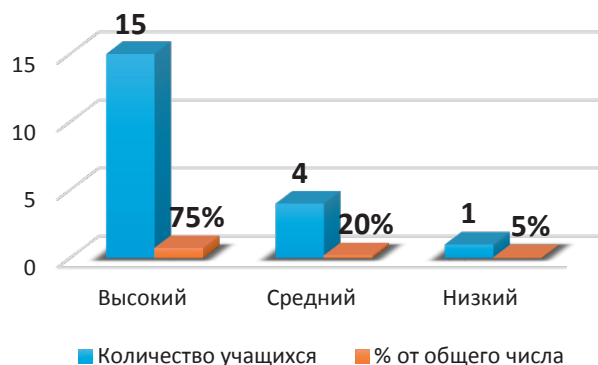

Рис. 6. Уровень познавательного интереса учащихся четвертых классов на контрольном этапе исследования

Для иллюстрации полученных результатов будет использована гистограмма (рис. 7).

Рис. 7. Сравнение уровня школьной мотивации учащихся четвертых классов на констатирующем и контролирующем этапах исследования

В ходе сравнения результатов, полученных в процессе диагностики уровня познавательного интереса учащихся четвертого класса на начальном и заключительном этапах проведенного исследования (до и после применения ЦОР на уроках окружающего мира) нами были получены следующие цифры: количество учащихся с высоким уровнем познавательного интереса удвоилось, увеличившись с 25% до 50%. Количество учеников со средним уровнем выросло на 5%, что произошло за счёт снижения числа учащихся с низким уровнем познавательного интереса, который уменьшился на 30%. Эти изменения отражают положительные тенденции в формировании познавательных интересов среди младших школьников.

Литература

1. Амонашвили Ш.А. Здравствуй, дети! – М.: Просвещение, 1983. – 208 с.
2. Бондаревский В.Б. Воспитание интереса к знаниям и потребности к самообразованию: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 144 с.
3. Морозова Н.Г. Учителю о познавательном интересе. – М.: Знание, 1979. – 186 с.
4. Мухина В.С. Шестилетний ребенок в школе. – М.: Просвещение, 1990. – 175 с.
5. Пашенко О.И. Информационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – 227 с.
6. Размыслов П.И. Интересы младших школьников. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 72 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.

8. Педагогика: Учебное пособие / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, С.Е. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1998. – 512 с.
9. Фомичева С.В. Развитие познавательной активности у детей дошкольного возраста через проектную деятельность [Электронный ресурс] // <http://festival.1september.ru/articles/517098/> (дата обращения: 10.06.2020).
10. Щукина Г.И. Проблема познавательного интереса в педагогике. – М., 1988. – 352 с.

PRIMARY SCHOOL STUDENTS COGNITIVE INTEREST DEVELOPMENT AT SCIENCE LESSONS BY MEANS OF ICT

Galajyan S.V., Mikhalkova O.A., Bzegezheva Z.Z., Kosyan R.A.
Sochi State University

The article presents the results of an empirical study, the purpose of which was to identify the features of students' cognitive interest, their relationship with the motives of teaching and, ultimately, the use of ICT at Science lessons as a mean of forming educational motivation and, accordingly, the development of cognitive interest.

Keywords: primary school pupils, cognitive interest, information and communication technologies, digital educational resources, formation of educational motivation, development of cognitive interest, the lesson of the surrounding world.

References

1. Amonashvili Sh.A. Hello, children! – M.: Education, 1983. – 208 p.
2. Bondarevsky V.B. Education of interest to knowledge and the need for self-education: Book for teachers. – M.: Education, 1985. – 144 p.
3. Morozova N.G. To the Teacher about Cognitive Interest. – M.: Knowledge, 1979. – 186 p.
4. Mukhina V.S. The Six-Year-Old Child at School. – M.: Prosveshchenie, 1990. – 175 p.
5. Pashchenko O.I. Information Technologies in Education: Educational and Methodological Guide. – Nizhny Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University, 2013. – 227 p.
6. Razmyslov P.I. Interests of Primary School Students. – M.: Publishing House of the APN of the RSFSR, 1960. – 72 p.
7. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. – M.: Pedagogika, 1989. – 328 p.
8. Pedagogy: Textbook / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, A.I. Mishchenko, S.E. Shyanov. – M.: Shkola-Press, 1998. – 512 p.
9. Fomicheva S.V. Development of Cognitive Activity in Preschool Children through Project Activities [Electronic resource] // <http://festival.1september.ru/articles/517098/> (accessed on: 10.06.2020).
10. Shchukina G.I. The Problem of Cognitive Interest in Pedagogy. – Moscow, 1988. – 352 p.

Развитие универсальных коммуникативных навыков младших школьников во внеурочной деятельности

Иванова Галина Павловна,

доктор педагогических наук, профессор, кафедра начального образования Государственного университета просвещения
E-mail: ivgp@mail.ru

Марченко Алла Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра начального образования Государственного университета просвещения
E-mail: geoalla@bk.ru

Ширкова Наталия Николаевна,

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: nshirkova@hse.ru

Статья посвящена исследованию развития универсальных коммуникативных навыков младших школьников в рамках внеурочной деятельности. Исследование направлено на выявление особенностей формирования коммуникативных универсальных учебных действий и определение наиболее эффективных методик их развития в условиях внеурочной деятельности. Особое внимание уделяется организации коммуникативной образовательной среды, которая способствует развитию навыков взаимодействия, сотрудничества и умения учитывать позицию другого человека. Работа содержит анализ существующих теоретических подходов к развитию коммуникативных навыков и предлагает практические рекомендации по организации внеурочной деятельности, направленной на их формирование. Результаты исследования имеют практическую значимость для педагогов и методистов, работающих с младшими школьниками.

Ключевые слова: младшие школьники, межличностные отношения, коммуникативные действия, взаимодействие.

Введение

Становление межличностных отношений у младших школьников играет важную роль для их социального развития и формирования позитивного взаимодействия в коллективе. В начальной школе коммуникативные умения становятся ключевыми для установления контактов, разрешения конфликтов и формирования социального статуса. Недостаток таких навыков может приводить к конфликтам, агрессии и снижению учебной мотивации. Педагогическое сопровождение этого процесса – важный управляемый фактор, способствующий формированию дружелюбной и сплочённой атмосферы в классе. Однако в научной педагогической литературе проблема исследования взаимодействия и формирования межличностных отношений в школьном коллективе (особенно в контексте младших школьников) изучена недостаточно полно, что обуславливает актуальность выбранной темы.

Кроме того, актуальность изучения обусловлена важностью создания благоприятных условий образовательной среды для формирования коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников, что способствует их психическому развитию и успешной адаптации в школе. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования (ФГОС НОО, 2021), особое внимание уделяется развитию коммуникативных навыков: восприятие и формулирование суждений, выражение эмоций, уважительное отношение к собеседнику, соблюдение правил диалога и дискуссии, умение выражать свою точку зрения и сотрудничать в совместной деятельности.

Формирование коммуникативных универсальных действий происходит с раннего возраста и продолжается в школе, оказывая влияние на общее развитие личности, социализацию и успеваемость. В исследованиях подчёркивается, что хорошо развитая коммуникация способствует обмену информацией, установлению гармоничный межличностных контактов и успешной совместной деятельности. Ведущие психологи и педагоги, такие как В.В. Давыдов, Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, подчёркивали системную связь формирования коммуникативных умений с системно-деятельностным подходом в рамках педагогической деятельности.

Особое значение для педагогической практики приобретает важность развития коммуникативных навыков во всех предметных областях, а особенно во внеурочной деятельности, что подтверждается требованиями стандарта. Именно поэтому изучение условий эффективности формирования данной группы навыков остается актуальной задачей педагогической науки и практики.

Рассматривая данную проблему, нам необходимо обратиться к определению понятия «коммуникативные универсальные учебные действия». В научной литературе представлено множество определений данного термина. Первое определение отражает коммуникативные действия как способность ребёнка активно осваивать новые знания и умения, что способствует его саморазвитию, самореализации и совершенствованию [9]. В рамках концепции развития универсальных учебных действий (далее – УУД), основанной на системно-деятельностном

и компетентностном подходах, коммуникативные УУД выступают как важнейшая часть метапредметных результатов обучения и обеспечивают развитие у обучающихся умения эффективно воспринимать и передавать информацию, взаимодействовать с окружающими, вести диалог, совместно решать учебные и житейские задачи, учитывать мнения других и выстраивать продуктивное сотрудничество. Также коммуникативные УУД – это способность субъекта к планированию, организации и реализации учебного сотрудничества, включающая в себя умение вести диалог, учитывать мнения других участников и совместно решать учебные и жизненные задачи в различных ситуациях.

Обобщая несколько терминов, мы определяем коммуникативные УУД следующим образом – это системообразующие действия учащегося, направленные на развитие его умения взаимодействовать, устанавливать контакты и поддерживать продуктивное общение в учебной и социальной среде, обеспечивающие личностное и социальное развитие. Основные содержательные характеристики коммуникативных действий включают в себя следующее. Во-первых, формирование мотивации или понимания необходимости общения. Во-вторых, определение содержания сообщения, то есть внутреннее или техническое планирование того, что именно нужно выразить. В-третьих, процесс кодирования сообщения, то есть его преобразование в определённую форму, например, в цифровые данные, письменный текст, изображения или жесты (невербальная мимика). В-четвёртых, передача закодированного сообщения по определённому каналу или носителю в виде последовательности сигналов. В-пятых, приём конкретной информации и её обработка. И, наконец, интерпретация и придание значимости полученному сообщению, то есть осмысление его содержательной ценности [1; 8].

Как отмечается в научной литературе, при формировании коммуникативных универсальных учебных действий в образовательной среде и внеучебном пространстве необходимо учитывать возрастные особенности учащихся. Так, у детей младшего школьного возраста особенно ярко проявляется потребность делиться впечатлениями об окружающих объектах и явлениях [7]. У них также развито желание самопрезентации, и им необходимо внимание как со стороны значимых взрослых (учителя), так и со стороны сверстников. Часто развитие коммуникативных навыков у младших школьников связано с положительным откликом на тему, которая вызывает у них интерес: родители и близкие, любимая игрушка, животные и т.д. Кроме того, необходимо отметить, что коммуникативные умения, сформированные в дошкольном возрасте на базе устного бытового общения, постепенно расширяются в процессе учебного сотрудничества в школе. Ученики учатся слушать учителя и товарищей, понимая важность не перебивать собеседника, задавать вопросы для уточнения информации и вести диалог. Также важным этапом в формировании коммуникативных умений является освоение письменной речи – чтения и письма. Эти навыки включают не только выполнение учебных требований, но и развитие мотивации для передачи информации через схемы, таблицы, рисунки и записи [1].

Как отмечается в научной литературе, для развития коммуникативных универсальных учебных действий у детей младшего школьного возраста необходимо формировать следующие умения [1].

1. Речевые навыки, включающие умение вступать в общение – знать, когда и с кем можно и нужно начинать диалог, а также уметь поддерживать его и корректно завершать с учетом конкретной ситу-

ации. Важно развивать инициативность в коммуникации, слушать и воспринимать собеседника, задавать вопросы при необходимости, формировать логичные высказывания, выражать свою точку зрения и аргументировать её, а также использовать интонацию и невербальные средства общения.

2. Соблюдение речевого этикета, включающее правила приветствия, знакомства, прощания, поздравлений, привлечения внимания, просьб и отказов.
3. Навыки общения в паре, группе и коллективе, то есть развитие умений взаимодействовать с разными собеседниками в различных ситуациях.
4. Коммуникативные умения при выполнении совместных заданий, что предполагает планирование этапов деятельности, обсуждение результатов, а также оценку действий товарищей и совместных усилий.

Можно отметить, что коммуникативные УУД формируются в процессе учебной, игровой, трудовой деятельности, а их развитие происходит через специально организованные процедуры, включающие деятельность с использованием методов сотрудничества и рефлексии. Важной составляющей является организация коммуникативной образовательной среды, основанной на подходе к обучению как к общению, что способствует формированию позитивных межличностных отношений, развитию социального интеллекта и подготовке к дальнейшему социальному взаимодействию. Вместе с тем, во внеурочной деятельности развитие коммуникативных умений происходит более интенсивно и разнообразно, особенно при специально организованных совместных действиях. Основные элементы такой организации включают: распределение ролей и действий, обмен способами выполнения работы, взаимопонимание между участниками, планирование способов деятельности и эффективное общение, обеспечивающее реализацию совместных задач [2]. При организации внеурочной деятельности в начальной школе важна активность всех участников педагогического процесса, особенно педагогов. Опыт собственной практики показывает, что развитие коммуникативных умений среди младших школьников можно реализовать через различные направления: общественно-полезная деятельность, связанная с участием в школьных советах и решением общешкольных вопросов, принимаемых коллективно с учетом мнений всех участников; гражданское и патриотическое воспитание, формирующее гордость за историю страны и активную гражданскую позицию; экологическое воспитание, включающее работу на пришкольных участках, создание живых уголков и защиту окружающей среды, особенно у учеников с интересом к природе; профориентационная деятельность, помогающая учащимся определить будущую профессию через практическую деятельность; спортивно-оздоровительное направление, содействующее развитию физических качеств, формированию волевых качеств и командного духа; эстетическая деятельность, включающая творческие проекты, выставки, мастер-классы и развитие эстетического воспитания и другие направления [5].

Нами была разработана педагогическая программа «Мы вместе» для формирования коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников в процессе внеурочной деятельности. Ее ключевая цель – способствовать развитию навыков эффективного общения, критического мышления и умения договариваться в школьном коллективе. Программа была рассчитана на двухмесячный период и включала восемь занятий по 45 минут каждое, реализуемых в групповой форме. Обучающиеся в возрасте 9–10 лет в ходе занятий приобретали как личностные, так и метапредметные

и предметные навыки. Личностные достижения были связаны с развитием ориентации на коммуникативные умения, умением договариваться и взаимодействовать со сверстниками и учителем. Метапредметные – с умением ставить совместные цели, планировать действия и ориентироваться на общие задачи. Предметные – с представлениями о разновидностях коммуникативных действий, правилах поведения в межличностных отношениях и особенностях выражения своих мыслей [6].

Тематический план программы включал последовательное освоение правил этикета, развитие навыков слушания и учета точки зрения собеседника, формирование умения формулировать вопросы, высказывать собственное мнение и вести диалог. В рамках занятий использовались различные игры и упражнения: дискуссии, тесты, ролевые сценарии, групповые задания и невербальные практики. Например, на первом занятии «Что такое этикет общения» дети обсуждают правила взаимодействия, осваивают основы корректного поведения и общения. В дальнейшем учащиеся учатся учитывать позицию другого, формулировать коррективные вопросы, выражать свои мысли и мнения, а также работать в группе, разрешать конфликты в приемлемом формате. Так, в частности, упражнения «Левая и правая сторона», «Грамматический диктант», «Путаница», «Мяч», «Спасибо» способствуют развитию навыков слушания, взаимодействия, невербального общения и командной работы [3]. Так же дети участвовали в различных благотворительных акциях, направленных на развитие у них чувства социальной ответственности, милосердия и взаимопомощи. В рамках этих мероприятий обучающиеся собирали вещи и продукты для нуждающихся, организовывали благотворительные ярмарки, участвовали в акциях по сбору средств и подарков для детей-сирот и ветеранов. Участие в таких акциях способствовало формированию у младших школьников ценностей добросердечия, эмпатии и гражданской ответственности, а также укрепляло их навыки командной работы и умение проявлять заботу о ближних. Эти практики помогали не только развивать социальные компетенции, но и способствовали воспитанию положительного отношения к социальным инициативам и добровольчеству.

Данная программа реализовывалась после того, как нами был проведен констатирующий эксперимент.

Методология исследования

В рамках педагогического эксперимента нами были сформированы две группы обучающихся 4-х классов: экспериментальная группа – 4 «Б» класс, и контрольная – 4 «В» класс. Общее число участников составило 50 учеников.

Цель исследования – оценить эффективность формирования коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников во внеурочной деятельности. В рамках исследования нами использовались следующие методики: «Левая и правая сторона» (Ж. Пиаже); «Кто прав?» (модифицированная методика Г.А. Цукерман); «Рукавички» (методика Г.А. Цукерман); «Братья и сестры» (Ж. Пиаже).

Обсуждение результатов и дискуссия

На констатирующем этапе педагогического исследования были получены следующие результаты. В экспериментальной группе (25 обучающихся 4-х классов) 5 учеников (20%) показали высокий уровень развития коммуникативных умений, учитывающих позицию собеседника, 6 учеников (24%) – средний, а 14 (56%) – низкий. Особенно низкие показатели наблюдались по шкале «учет позиции

другого человека», где половина участников демонстрировали низкий уровень.

По развитию коммуникативных действий, связанных с согласованием усилий и сотрудничеством, 6 учеников (24%) – на высоком уровне, 9 (36%) – на среднем, а 10 (40%) – на низком. Аналогично, умения учитывать мнение собеседника, в основном, среди младших школьников развиты на среднем и низком уровнях: 3 – высокие, 12 – средние, 10 – низкие.

В контрольной группе (также 25 учеников) показатели оказались ниже: 3 – на высоком уровне, 8 – на среднем, 14 – на низком по умениям учета позиции собеседника; 6 – высоко, 5 – средне, 14 – низко – по развитию коммуникативных действий и сотрудничества; 2 – высокие, 12 – средние, 11 – низкие – по умениям учета мнения собеседника.

Таким образом, можно сделать вывод, что в обеих группах преобладает средний уровень развития коммуникативных УУД, при этом значительная часть учеников (около 50%) демонстрирует низкий уровень в ключевых умениях, что свидетельствует о необходимости разработки и реализации мер по их формированию. Так, в ходе исследования, проведенного в три этапа, была выявлена исходная ситуация с уровнем развития коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников. На этапе формирования программы «Мы вместе», состоящей из 8 занятий по 45 минут, достигнута положительная динамика в экспериментальной группе.

В результате повторного тестирования, проведенного на контрольном этапе, было выявлено, что у 13 учеников повысился уровень умения учитывать позицию собеседника: 13 – высокий, 10 – средний и 2 – низкий, что свидетельствует об эффективности программы. Аналогично, у 15 учеников достигнут высокий уровень в умении понимать разные точки зрения, у 7 – средний, у 3 – низкий. В сфере кооперации 13 учеников показали высокий уровень, 7 – средний и 5 – низкий. По методике «Братья и сестры» 14 учеников продемонстрировали высокий уровень, 7 – средний и 4 – низкий.

В контрольной группе почти все результаты остались на среднем уровне, без значимых изменений, что говорит об отсутствии положительной динамики в развитии коммуникативных УУД без вовлечения в активную и свободную деятельность за пределами школьных занятий. В целом, результаты подтверждают эффективность разработанной программы в формировании коммуникативных умений у младших школьников во внеурочной деятельности.

Заключение

В рамках проведенного исследования выявлена важность формирования коммуникативных универсальных учебных действий (УУД) у младших школьников через организацию специально организованной внеурочной образовательной среды и вовлечение в социально-значимую деятельность. Основные компоненты таких действий включают когнитивный, аксиологический, интерактивный и эмпирический, а сами УУД делятся на три группы: взаимодействие, кооперация и интериоризация.

Развитие коммуникативных УУД во внеурочной деятельности достигается посредством игровых, групповых, парных упражнений и использования современных педагогических технологий: проблемно-диалогической, информационно-коммуникационной, игровой, проектной и других. Свободные временные рамки и свободная форма занятий создают благоприятную атмосферу для активного взаимодействия детей, формирования у них

навыков сотрудничества, ответственности и межличностных отношений.

Экспериментальная работа, проведенная в три этапа (диагностика, разработка и апробация программы «Мы вместе» и повторное исследование), показала, что в экспериментальной группе наблюдается значительное улучшение уровня формирования коммуникативных УУД, в то время как контрольная группа осталась на исходном уровне. Это подтверждает эффективность разработанной программы и потенциал внеурочной деятельности в развитии коммуникативных навыков младших школьников, способствуя их личностному и социальному развитию.

Литература

1. Дроздова О.А. Развитие коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников во внеурочной деятельности: автореферат дисс. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Дроздова Ольга Александровна; [Место защиты: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого]. – Великий Новгород, 2021. – 24 с.
2. Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Марченко А.А. Ценностные ориентиры младших школьников в современных условиях: воспитание, формирование и развитие. Монография. М: РУСАЙНС, 2025. –168 с.
3. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская, О.А. Карабанова, Н.Г. Салмина, С.В. Молчанов. – Москва: Просвещение, 2008. – 151 с.
4. Калиева А.А., Швецова Р.Ф. Групповая работа как способ развития коммуникативных универсальных учебных действий // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86. С. 181–183.
5. Капустина Т.В., Халина К.Д. Коммуникативные способности как фактор успешного общения. Молодой ученый, 2017. № 6(140). С. 209–213.
6. Котова Е.Г. Обучение в сотрудничестве как способ реализации личностно-ориентированного подхода в обучении младших школьников / Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева, Е.А. Линева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 7. – С. 62–64.
7. Лазуренко Е.Ю. Коммуникативные особенности поведения. М.: «Академия», 2016. 67 с.
8. Пудовкина Н.В. Методические и экспериментальные исследования проблемы формирования коммуникативных универсальных учебных действий в начальной школе // Вестник Казанского национального женского педагогического университета. – 2020. – № 1. – С. 140–150.
9. Сулейманова Т.Р., Сулейманова Р.В. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий обучающихся во внеурочной деятельности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 16. № 2. С. 97–101.

10. Яшкова Л.А. Развитие коммуникативных умений младших школьников // Инновационная наука. – 2016. – № 2. – С. 162–167.

DEVELOPMENT OF UNIVERSAL COMMUNICATION SKILLS OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N.

State University of Education, National Research University Higher School of Economics

This article is devoted to the study of the development of universal communication skills of primary school students in extracurricular activities. There search is aimed at identifying the features of the formation of communicative universal learning activities and determining the most effective methods of their development in extracurricular activities. Special attention is paid to the organization of a communicative educational environment that promotes the development of skill so interaction, cooperation and the ability to take in to account the position of another person. The work contains an analysis so existing the orifical approaches to the development of communication skills and offers practical recommendation son the organization of extracurricular activities aimed at their formation. There sults of the study are of practical importance for teachers and methodologists working with younger schoolchildren.

Keywords: primary school students, interpersonal relationships, communicative actions, interaction.

References

1. Drozdova O.A. Development of communicative universal educational actions of younger schoolchildren in extracurricular activities: abstract of the dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / Drozdova Olga Alexandrovna; [Place of defense: Yaroslav the Wise Novgorod State University]. – Veliky Novgorod, 2021. – 24 p.
2. Ivanova G.P., Shirkova N.N., Marchenko A.A. Value orientations of younger schoolchildren in modern conditions: education, formation and development. The monograph. Moscow: RUSAINS, 2025. – 168 p.
3. How to design universal learning activities in elementary school: from action to thought: handbook for teachers / A.G. Asmolov, G.V. Burmenskaya, I.A. Volodarskaya, O.A. Karabanova, N.G. Salmina, S.V. Molchanov. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2008. 151 p.
4. Kalieva A. A., Shvetsova R.F. Group work as a way of developing communicative universal educational actions // Problems of modern pedagogical education. 2025. № 86. pp. 181–183.
5. Kapustina T.V., Khalina K.D. Communicative abilities as a factor of successful communication. Young Scientist, 2017. № 6 (140). pp. 209–213.
6. Kotova E.G. Learning in collaboration as a way to implement a personality-oriented approach in teaching younger schoolchildren / E.G. Kotova, E.B. Savelyeva, E.A. Lineva // International Scientific Research Journal. – 2021. – № 7. – pp. 62–64.
7. Lazurenko E.Y. Communicative features of behavior. Moscow: Akademiya, 2016. 67 p.
8. Pudovkina N.V. Methodological and experimental research of the problem of formation of communicative universal educational actions in primary school // Bulletin of Kazan National Pedagogical University. – 2020. – № 1. – pp. 140–150.
9. Suleymanova T.R., Suleymanova R.V. Formation of communicative universal learning activities for students in extracurricular activities // Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences. 2022. Vol.16. № 2. pp. 97–101.
10. Yashkova L.A. Development of communicative skills of younger schoolchildren // Innovative science. – 2016. – № 2. – pp. 162–167.

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Знание принципов здравого смысла (ЗС) и умение им пользоваться приносит пользу во многих областях нашей жизни и деятельности, например, для предпринимателей поведение потребителей продиктовано их здравым смыслом. Воры и мошенники – искусные знатоки человеческой психологии. Но на самом деле не психологии, а здравого смысла, в соответствии с которым большинство людей себя ведут. Мошенники знают, когда люди отъезжают на дачу, покидают свой дом, чтобы залезть туда; какой пароль ставят на компьютере; куда в квартире прячут деньги; как реагируют на просьбу о помощи и т.п.

Здравый смысл, как и язык у Хайдеггера, является домом бытия человеческого разума, фундаментом человеческой цивилизации. ЗС – хозяин в доме обыденного языка. Обыденный язык – дом бытия простого народа, большинства населения данной страны. В его постройке участвуют все граждане, а прорабом является ЗС. Он и сегодня – ее строительные леса. Хотя такую функцию все более берет на себя наука. Но скорее всего она и современное искусство – это изысканные пристройки к дому, антураж, мезонины и прочие антаблементы.

Ключевые слова: здравый смысл, Common Sense, Аристотель, дедукция, индукция, органы чувств

Здравый смысл (ЗС) – это интеллектуальные предрасположенности, интуитивные суждения, естественные умозаключения, критическое отношение к чужому мнению, рациональное исследование, здравые идеи, проверенные опытом, прагматический взгляд на мир, аргументированные выводы, логичные рассуждения, проверяемые доводы, очевидные истины и факты, обстоятельные рассуждения, здравомыслящие суждения и умозаключения, логика и дисциплина мышления, опора на проверяемые и достоверные основания, неверие в чудеса, апелляция к общеизвестным фактам, законам и закономерностям, руководящие принципы, несомненные убеждения, как должно себя вести, здравый взгляд на вещи, чувство реальности, жить в ментальном согласии со всеми, здравые убеждения, «приземленные» подходы к решению проблем, поддерживая эмпирически очевидные отношения, определенный уровень человеческой компетентности, этический императив, феноменальный разум в афористическом и метафорическом мундире, принцип анализа, правила жизни, трезвый взгляд на жизнь, философия повседневной жизни, аналоговая формула метафоры, первопринципы здравомыслия, научная мысль, изложенная на естественном языке, обыденные модели представления знаний, нарратив коллективного сознания, простые ответы на непростые вопросы, здравый взгляд на нездоровый мир, советы постороннего, элемент внешней архитектуры внутреннего сознания, философия обыденного сознания, заурядное мышление обычных людей или обычное мышление заурядных людей, эмпирическая философия обычного человека, ловить рыбку в мутной воде, рациональные заблуждения, поддельные сертификаты достоверности.

Рис. 1. «Продуктовый набор» здравого смысла

Синонимы и близкородственные слова к ЗС: в общем смысле, традиционная мудрость, житейская мудрость, жизненная мудрость, общепринятое мнение, жизненный опыт, ортодоксия, общепринятое знание, инерционность привычного, сопротивление новому, устаревшие взгляды, привычное мнение, обычная мудрость, постоянно повторяющиеся утверждения, общепринятые взгляды,

общепринятой истине, общепринятая мудрость, традиционные представления, общепринятую точку зрения, согласованная реальность, стереотипы (рис. 1).

Количество определений, трактовок, контекста употребления здравого смысла во всех областях человеческой деятельности так много, что никакой возможности найти согласованное мнение нет. Если все люди думают о здравом смысле по-разному, то чем они отличаются от тех шести слепцов, которые ощупывали с разных сторон слона и не могли понять, что это такое? Или другая метафора для этой ситуации: искать черную кошку в темной комнате. Темнота создана неимоверным количеством и разнообразием суждений о сущности здравого смысла. Если ищущий заранее не имеет в воображении схему или понятие о том, что он ищет, то как он сможет найти черную (неизвестное) кошку в темной (неопределенная ситуация, избыток информации) комнате?

Здравый смысл в русской культуре характеризует живой ум обычного человека, чаще всего из низших и средних слоев общества, вынужденного самому пробивать себе дорогу наверх, крутиться в любых обстоятельствах, выкручиваться из любых ситуаций, надеяться только на себя и свою смекалку. У него мало на что хватает денег, зато забот и проблем хватает выше крыши. Живет от зарплаты до зарплаты. Работает столько, сколько получает. Не всегда готов высовываться и проявлять инициативу, с осторожностью относясь к тем, у кого ее через край. Он не любит возглавлять, быть первым, отсиживаясь в гонке за социальными наградами за спинами товарищей. Но и последним в очереди ему быть не хочется. Он придумывает столько самоделок, рукоделок и умделок, что хватило бы на целый сборник. Внимательно присматривается к чужому опыту и с удовольствием делится своим. Чужим умом не живет, а своим не хвастает. Этакий крепкий русский мужичок. Такую вот развернутую метафору я сочинил для здравого смысла отечественного разлива.

А что на западе? Там господствует Common sense, который в буквальном смысле означает общее чувство, но переводится на русский еще и как здравый смысл. У Аристотеля под общим чувством понималось то, что объединяет пять других органов чувств, но к ним не сводится, ибо обладает такими качествами, которых у тех нет и которые прямым суммированием не получишь. Например, понимать и распознавать числа, геометрические фигуры, абстрактные понятия.

Common sense – общий смысл, т.е. мысль для общего использования, некая общедоступная истина, а потому истасканная и затертая, подобна мертвой метафоре – она никому не интересна и познать неизвестное не поможет. В отличие от иностранного Common sense русский здравый смысл хитер, остер, пытлив и сметлив.

Common Sense – общее чувство и общая мысль, общая для тебя и других, роднящая и примиряющая вас друг с другом; я разделяю их с другими, поскольку живу вместе с ними и пользуюсь их помощью, поскольку они защищают меня и потому я защищаю их.

Common Sense помогает разрозненную сумму индивидов превратить в организованный коллектив единомышленников с общей культурой, ценностями и настроением.

Common Sense – общие чувства – помогают сопереживать друг другу, понимать другого, поставить себя на его место и чувствовать за него то же самое, что он чувствовал бы на вашем месте. Это общая почва и платформа для единства, солидарности, сплоченности, взаимопонимания и взаимодействия.

Common Sense – это общее для наших пяти чувств, а не для всех людей. Общим для чувств является раз-

ум – лично мой разум. У вас он другой, и обобщает он ваши, а не мои чувства. При этом чувства могут давать искаженную информацию: один подслеповатый, другой глуховатый, один не дослышал, другой недосмотрел. Каким будет ваш личный Common Sense на такой нездоровой базе? Конечно, нездоровым. При этом у каждого свое нездоровье, свои отклонения. А что должен делать в этой ситуации разум? Довольствоваться тем, что подали на завтрак? Некоторые так и делают, получая нездоровый смысл. Другие корректируют своим разумом информацию от своих чувств. У них крепкий здравый смысл (рис. 2, 3).

Рис. 2. Здравый смысл похож на русского мужичка

Рис. 3. Common Sense похож на британского джентльмена

Как бы можно «офигурить» ЗС? Крепким коренастым шурым мужичком, с хитринкой в глазах и мускулистой расторопной походкой? Или средних лет джентльменом с хорошими манерами в приличествующей одежде вежливым, несуетливым, во всем знающим толк и меру?

Commoners – простолюдины, обыватели, простофили, непрофессионалы, крестьяне, мещане, простаки, самоучки

Простолюдин – синонимы: простой, из простых, мужик, чернь, чумазый, простого звания, простонародье, плебей, кухаркин сын, низкого сословия, черный народ, черная кость, смерд, подлого сословия, простой человек, рядовик, простец, незнатный, худородный, крестьянин, безродный, холоп, крепостной, плебейский, плебейство, мещанский, буржуазный, неотёсанный, невежа, невоспитанный, грубиян, дюжинный, необразованный, невежда, неуч, недоучка, хам, холуй, наймит, земледелец, батрак, подёнщик, деревня, землероб, работник, те-

лёнко, мужлан, деревенщина, пентюх, обормот, вахлак, шишка, варвар, наёмник, бурбон, бурлак, рабочийчек

У каждого социального слоя – крестьян, кулаков, нищих, мещан, купцов, дворян – свой ЗС, обусловленный их жизненным опытом и коллективными условиями жизни, их технологией приспособления к жизни и выживания в трудных условиях. ЗС – это заработанный кусок хлеба, которым каждый готов делиться с ближним своим.

ЗС как статусные ожидания. Большинство людей представляет себе, каким должен быть настоящий полицейский, хороший врач, заботливая мать, верная жена, работающий муж, примерный глава компании. Статусные ожидания – нормативные требования к той или иной роли, к конкретному социальному статусу, сформировавшиеся за многие годы в общественном мнении и ставшие Common Sense народа. ЗС только выполняет предписания этих общепринятых статусных ожиданий, повелевает каждому вести себя в соответствии с выбранной или наделенной социальной ролью. Эта составная часть ЗС – статусные ожидания – почему-то напрочь упускают из виду философы и социологи, рассуждающие о ЗС. Для них важнее навесить ярлыки на ЗС, оклеветать его, сделать козлом отпущения.

Common Sense помогает очень разным людям, какими они на самом деле и являются, найти общий знаменатель (в числителе мы разные), т.е. помогает быть частями одного целого: 4/8, 6/8, 7/8 и т.д. Это подобно всем пассажирам и команде плыть на одном корабле.

Common sense – не любой смысл, а здоровый, полноценный, не ущербный, не больной. Ты принимаешь от чужого человека совет, и ты уверен, что он здравый, правильный, полезный. Значит, смысл может быть здоровым, а может быть нездоровым – от больного воображения или неправильных логических операций. Повседневное здравомыслие, выручающее человека, универсально, проявляется в каждой жизненной ситуации, особенно в экстремальных, и всегда выручает человека: лопнуло колесо, заменил его поленом и добрался до автосервиса. Здравый смысл – механизм изворотливости, хитрости, творчества, инженерной и изобретательской деятельности.

Значение понятия одно, а обозначение на двух языках разное. Good sense переводится как добронравие, добрый нрав. Когда родители, учителя или друзья информируют нас о тех или иных понятиях – любовь, развод, предательство, общество, капитализм и многое другое, – то передают нам не техническую информацию о содержании этих понятий (капитализм – это...), но и свое эмоциональное и нравственное отношение к ним. Точнее не к ним, а к обозначаемым ими реальным явлениям. Причем завуалировано. Содержание понятия (*текст*), которое вы можете найти в любом словаре, плюс нравственно-эмоциональное отношение к нему говорящего (*контекст*) и создают общее впечатление о данном явлении. Таким образом, помимо явного знания существует еще скрытое или фоновое знание, которое может принимать как словесную форму (разъяснение учителем своего отношения к этому явлению), так и не словесную, например, пренебрежительным тоном, ухмылкой или радостным возбуждением.

Common Sense – это истинная **индукция**, в которой вывод содержит знание, которого нет у каждого члена данного множества. То, что есть в разуме, не имеет слух, зрение, обоняние и т.д. А что **дедукция**? Когда из общей посылки выводятся конкретные следствия, как утята из утки, они похожи на нее, как утята на утку и между собой. Прироста новых знаний нет.

Дедукция (от лат. deductio – выведение) представляет собой цепь умозаключений (рассуждение), в результате которых из общих знаний человек получает знание конкретное. Когда мы знакомы, например, с такой общей закономерностью, что «во всех промышленно развитых странах доля городского населения должна превышать сельское», мы вправе сделать вывод о том, что и в России, если она относится к развитым странам, численность горожан должна превышать численность селян. Помимо этого, опять же логическим путем, мы способны получить дополнительную информацию, в частности, об оттоке людей из деревни в город, наступлении с определенного этапа дефицита кадров на селе, распространении ценностей городского образа жизни в сельской местности и др.

В противоположность этому **индукция** (от лат. inductio – возбуждение) – это умозаключение от фактов к общему утверждению, которое в социологическом исследовании первоначально принимает форму гипотезы. В начале 90-х гг. появилось множество фактов о том, что подростки предпочитают трудовую, прежде всего коммерческую, деятельность учебе в вузе, поскольку в большинстве вузов снизился конкурс, абитуриентов стало меньше. Обобщение подобных фактов позволило ученым сделать вывод, что наше общество переживает кризис образования. Однако в середине 90-х гг. конкурс в вузы возрос. Обобщение новых фактов навело специалистов на мысль о том, что кризис образования завершился, а первоначальное утверждение является всего лишь гипотезой, а не окончательной истиной.

Может быть, common sense является общим не потому, что присущ всем, поскольку у всех схожие условия и образ жизни, а потому что он так прост, что доступен пониманию каждого? Подход, основанный на здравом смысле, легок и не строг. Это нормально для поверхностного понимания и достаточно для практического использования в повседневных ситуациях. Как советник, ЗС бесплатен, всегда на месте, его не нужно ждать и вызывать, а когда споришь с ним, он не злится и не обижается. ЗС – идеальный собеседник (рис. 4).

Рис. 4. Кто ты – Homo commonsensus?

Переход чувственного отражения к абстрактному мышлению для многих ученых представляет такую же загадку, какую представляет скачок от примитивных гоминид к современному человеку. Антропологи убеждают нас в том, что у обезьянолюдей не было ничего такого, даже в потенции, что могло привести нас к созданию науки, культуры, общества. Переход от чувственного познания к рациональному и сегодня кажется не постепенной эволюцией, а неожиданным скачком.

В известной мере следы экстраординарного скачка сохранились по сию пору в раздвоенности человеческой личности. Никому из нас не удалось соединить в гармоническое целое мир чувств и логику разума. Когда гово-

рит одно начало в человеке, другое молчит или отступает. Чувства действуют вопреки и во вред нашему рассудку, побуждая к таким поступкам, которые при **здравом рассудке** мы никогда бы ни совершили. Два противоположных начала сосуществуют в человеке по принципу дополнительности: каждое будет тянуть личность в свою сторону, но без них ей не жить. Возможно, что чувства и разум, чувственное и рациональное познание – не две стороны одного целого, а два параллельных мира, два разных измерения человеческого существа. Вот почему человек, в отличие от животного, внутренне противоречив, непоследователен и часто губителен для самого себя.

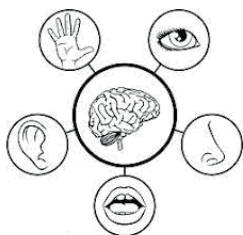
ЗС – эволюционно позднее проявление приспособительного поведения человека в форме альтруизма. Альтруизм человека – бескорыстное уважение или преданность благополучию других – представляет собой морально выбираемую форму поведения индивида как индивида. Биологический альтруизм пчел или муравьев, жертвующих собой ради общего блага, генетически детерминированное и безальтернативное действие индивида как рода. ЗС расположен посередине спектра между альтруизмом и эгоизмом.

Здравый смысл – по этимологии, т.е. исходному значению слова – отличается от Common sense. Первый целиком индивидуален и о связи с другими ничего не говорит. Второй – коллективист и говорит о связи и зависимости от всех. Первый – метка постмодернизма, второй патриархального общества. Почему так, ведь должно быть наоборот? Запад более продвинут, чем восток. Дело в том, что происхождение Common sense восходит к Аристотелю, а наш здравый смысл недавнего происхождения. Не думаю, что ему более 200 лет.

Common sense с английского переводится чаще всего как **здравый смысл**, но иногда как **общий смысл**. В последнем варианте есть немалый смысл. **Общий смысл** принадлежит всем людям, а здравый смысл – редким счастливицам, обладающим здравомыслием. Общий смысл ничего не говорит о его субъектах, но только о принадлежности данного суждения общему консенсусу. Кроме того, общий смысл можно трактовать как нечто обыденное, общеизвестное, тривиальное, общепонятное и простое.

социальный common sense

индивидуальный common sense

Рис. 5. Социальный и индивидуальный Common Sense

Common Sense как дирижер-разум над пятью чувствами эволюционно, филогенетически, появился раньше,

чем Common Sense как выражение консенсуса общества. Но в процессе социализации второе вразумляется ребенку и становится его первым. Это онтогенетический аспект (рис. 5).

Социальный Common Sense формируется внизу – в народных массах, а большинстве населения. Правда у каждого социального слоя, касты и класса он может быть специфическим, т.е. с дополнительными цветами к основному, общенациональному и общекультурному Common Sense: у американцев он один, а у нас другой. Поскольку «вышли мы все из народа», то Common Sense в обществе восходит снизу вверх.

Индивидуальный Common Sense формируется или берет свои истоки в сфере пяти чувств, контактирующих с реальностью, а завершается, обобщая их данные, наверху – в сфере разума и аналитики. И здесь мы видим тот же вектор движения – снизу вверх.

Common sense – это общее чувство. Оно может появиться у народа, только если у него есть common place – общее место проживания. Но разные народы живут в разных местах. Значит, у них должно быть разное общее чувство – у каждого народа свое.

А еще надо учесть, что у каждой личности в народе своя малая родина – свое общее место семьи и дома. Значит, у каждого индивида свое общее чувство. Вот почему Common sense для всех разный. Но тогда это не общее чувство. Вот это и есть парадокс Common sense. У ЗС свой парадокс.

Противоречие ЗС и Common sense – это противоречие между универсальным и уникальным, общим и частным, должествованием и свободой выбора. Одновременно мы – муравьи, живущие коллективным разумом, и эгоисты, тянущие одеяло на себя. Sens commun (фр.) – здравый смысл, здравомыслие (ср. bon sens); рассудительность; благоразумие; общепризнанные представления. Le sens commun nous dit que – Здравый смысл подсказывает нам, что

Common Sense – общее всем пяти чувствам суперчувство или мета-чувство, которое в России получило название здравого смысла. Это как журналист, который питается только сенсациями (Sensation), т.е. жареными фактами. ЗС действительно питается острыми ощущениями, т.е. увиденными или услышанными фактами. Правда, они могут быть искажены в наших ощущениях и нашими несовершенными чувствами, сенсорными органами.

Уровни Common Sense. Их три – низший – инстинкты, средний – чувства, высший – логика и мораль (собственно ЗС)

Common Sense – его главная цель сохранить целостность и выживаемость коллектива любой ценой на всех уровнях функционирования живого существа. У человека в отличие от животных есть разум и обширное поле деятельности, социальные нормы солидарности и высокая культура. У животных – только инстинкты и примитивные эмоции. Человек, произошедший от животных, сохранил в себе инстинкты и примитивные эмоции, добавив к ним высшие чувства, разум и мораль. Следовательно, того, что отвечает за его выживание, у него больше, чем у животных.

Common Sense как общее чувство, присущее данному сообществу – деревне, городу, стране, человечеству – на **низшем уровне** проявляет себя в инстинктах выживания и приспособлении. По сравнению с животными у человека их объем уменьшился, а роль сократилась.

На **среднем уровне** Common Sense превращается в сознательные высшие чувства как-то: альтруизм, самопожертвование, патриотизм, любовь. Эти и другие

чувства необходимы человеку не просто как индивиду, но как *зоон politikon*, ибо любовь направлена за пределы одного человека – к двум, трем, неограниченному числу. Она нужна для выживания человека как высшего морального существа, а стало быть, несёт пользу сообществу. И так со всеми чувствами.

На **высшем уровне** Common Sense превращается в практическую логику и мораль, т.е., собственно, в ЗС. Русское слово выражает именно этот многоуровневый смысл Common Sense.

Трем уровням Common Sense примерно соответствуют три уровня коры головного мозга.

Неверный перевод ЗС. Здравый смысл у русских и Common Sense у англичан – разные понятия, за которыми скрываются разные эмпирические референты. Common Sense – разделяемый всеми, общий для всех опыт, жизненный мир, условия существования, которые порождают общий образ жизни, общие ценности, общие взгляды, социальные практики, общие чувства и общие смыслы. Это скорее репрезентативное и пассивное явление. Недаром к Common Sense применяют понятие социальных репрезентаций Московичи. Но попробуйте применить его к русскому Здравому смыслу – ничего не получится. У нас все другое. А почему возникла путаница? Видимо, в силу неправильного – механического – перевода Common Sense как Здравый смысл.

На мой взгляд, надо выделять как минимум три разных типа или формы Common sense:

Common sense 1.0 – присущее представителю традиционного общества здравомыслие с теми чертами, которые его награждали тысячу лет назад и сейчас: практичный, ошибочный, наивный...

Common sense 2.0 – здравый смысл представителя постиндустриального общества, имеющего высшее образование, просвещенного во многих науках, обладающего навыками критического мышления и долей скептицизма

Common sense 3.0 – здравый смысл человека пост-модерна, информационного общества, когда изменился не только субъект ЗС (просвещенный скептик), но и объект ЗС – социальные сети, виртуальная реальность, в которой все зависят так, что не показываются на улице.

У каждого типа Common sense, отражающего разные исторические эпохи становления человеческого общества, свои отличительные особенности. Скажем, только Common sense 2.0 вообрал в свой культурный аппарат совокупность научных знаний и сам готов использовать научный метод для получения новых знаний. Но широкие слои его обладателей этим инструментом не пользуются в силу своей профессиональной занятости или занятия в такой сфере общества, где не требуется применение научного метода во всей полноте. Это шаг вперед и несомненный плюс. Но есть и минус, а именно иллюзия, что меня не обманешь, стремление использовать паллиативные формы научного метода для достижения карьерных целей или личной наживы (например, анкетомания, интернет-опросы), знание основ человеческой психологии для шарлатанства и мошенничества. Плюс – быстрая перекавалификация в случае безработицы на новые профессии, поскольку заложена широкая университетская основа знаний.

Много еще неясного в понятии «здравый смысл». Почему смысл должен искать обыватель во всем, если считают ЗС логикой практических действий: почему не здравая мысль, если так точнее и определеннее? Может быть ЗС – это отдельные акции или атомарные единицы процесса здравомыслия? Почему ЗС – это русский аналог Common Sense, если между ними нет ничего общего, переводит второе дословно? Если в Common Sense

второе слово переводится то как мысль, то как чувство, тогда общее настроение народа и социальное настроение должно относиться к этому явлению. *Социальное настроение* и *общественное мнение* – явления очень неустойчивые и непостоянные. Но они подходят к характеристике «общего», но не к характеристике «смысла». Более точный перевод на русский – *общественная мораль*. Здесь оба начала присутствуют: и Common, и Sense в значении смысла. Сюда может подтянуться их родня: национальный менталитет, общее благо, общечеловеческие ценности. Эта родня происходит по линии «общего и общественного». А по линии морали тянется другая родня: добродетельность, миролюбие, благонравие, благоразумие. Эта родня является родней и по линии «здравый».

Применив к нашей теме образ-метафору Аристотеля о пяти чувствах, из которых наш разум рождает нашу мысль, можно выразиться так: Common sense – *порт пяти морей*, куда хаотическим и бесконечным потоком стекаются грузы со всех стран и пространственных мест, где побывал субъект. В порту грузы подсчитываются, разгружаются, раскладываются, на них вешают бирки с новыми адресами, задают новые адреса назначения, где у них начинается новая жизнь: из муки пекут булочки, уголь используют для выплавки стали, из которой создают станки и оборудование. Метафорически выражаясь, так мы получаем готовую продукцию – понятия, категории, термины, которые при помощи научных методов – сравнения, классификации, индукции, дедукции – выстраиваются в теории и научную картину мира. Другая часть употребляется в бытовых, художественных, политических целях.

Когнитивное предназначение Common sense – быть общей платформой для пяти чувств: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Это Common sense – общий смысл. Вторую часть выражения составляет Sense – это чувство и смысл в одно и то же время. Понятия несхожие, понятия, противоречащие одно другому, но оба, тем не менее, входят в значение слова sense. Нелогично, абсурдно? Да, но такова наша жизнь и наше сознание – они тоже не паиньки. Здравый смысл относится к убеждениям и предубеждениям, к разуму и рассудку.

В Common sense участвуют две стороны sense – чувственная и мысленная, конкретная и абстрактная. И каждая борется за верховенство. Так происходит и в философии, где много веков борются мыслители разного толка – идеалисты, материалисты, рационалисты, сенсуалисты, экзистенциалисты и позитивисты – не могут решить вопрос, что главнее – ощущения, имеющие непосредственный контакт с миром вне тела, или разум, сидящий внутри тела и управляющий нашими ощущениями.

Common Sense и здравый смысл – не эквиваленты. Первый обозначает общедоступное и массовое, второй происходит от здоровья и здоровья. Здоровый смысл и здравомыслие – это здоровый дух и здоровая мысль. Поступай согласно правилам и советам здравого смысла, и ты будешь духовно здоровым человеком. Врач как бы приписал тебе такие рецепты. Но слушаемся ли мы врача или скорее занимаемся самолечением? В том-то и дело, что подавляющее большинство не придерживается ни советов лечащего врача, ни советов здравого смысла. А мы говорим Common Sense! Он присущ не подавляющему большинству, а подавляющему меньшинству. Человек постоянно сопротивляется – под разными предлогами – «советам постороннего»: мол, мы сами лучше знаем; лечись не лечись – все равно помрешь; лениво лечиться; а я сомневаюсь в их правильности, ибо и среди врачей много шарлатанов и т.д.

Итак, здравый смысл – это часто вопреки мейнстриму, а не по его течению. Вывод: Common Sense ≠ Здравый смысл.

Common sense и common place. Common sense – это общее чувство не для всего народа, а для пяти твоих личных чувств: слуха, зрения. При этом Common sense как общее чувство и Common sense как общее место – далеко не одно и то же. Common sense – общее место, тривиальность, а кто этого не знает, общеизвестное, банальность. Только в аристотелевском смысле это перестает быть банальностью, поскольку общее для пяти чувств – разум, умение абстрактно представлять, составлять, разлагать и анализировать информацию, поступившую от пяти органов чувств. На это не способно ни зрение, ни слух, ни обоняние.

На какие темы разговаривают незнакомые люди, например, в вагоне поезда? На самые общие, которые известны всем и которые могут поддержать все – о погоде, войне, ценах. Общее для всех и есть Common-Sense.

Опознавательными сигналами вступления на сцену Common sense служат вводные реплики типа «Как всем известно», «Очевидно», «Все знают», «Давно доказано»... Говорящего их они вооружают уверенностью в том, что за ним кроется авторитет и мировая история всего человечества, а слушающего обезоруживает безапелляционность говорящего от имени науки, истории или высшего разума. Первый имитирует голос истины и позирует, второй боится возражать, спорить с очевидным или показаться простофилей. Один надувает щеки, другой готовит возражение, ведь это не он говорит с исторической трибуны, не ему первому пришлось обратиться к такого рода аргументам и усилить свою позицию (рис. 6).

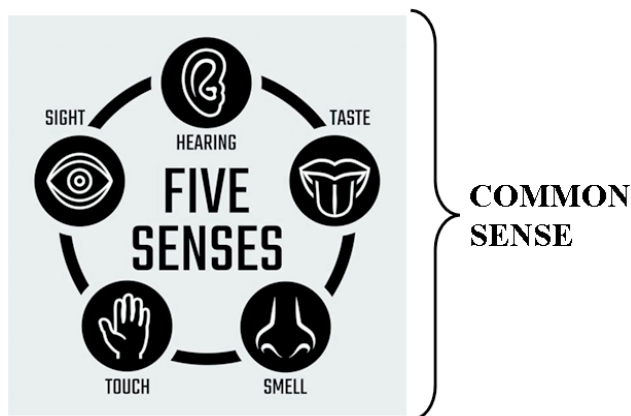

Рис. 6. Общее чувство в традиции Аристотеля – вовсе не чувство, а разум, общий для всех чувств

Как непрофессионалы в науке – обыватели, школьники и студенты – слушают лекции ученых и читают учебники или статьи? С позиции здравого смысла. Они знакомятся с наукой. Что такое ознакомление с азами науки? Когда Рассел использует термин «знакомство», он обычно обращается к отношению, которое мы имеем к объектам чувств, когда мы что-то воспринимаем, слышим, прикасаемся, пробуем или нюхаем (when Russell uses the term 'acquaintance' he is generally appealing to a relation that we have to objects of sense when we perceive, hear, touch, taste or smell something.). Т.е. знакомство суть то самое общее чувство, о котором писал Аристотель. Лишь через много лет непрерывной учебы студенты смогут на равных разговаривать с учеными на общенаучном языке. Это транзит от стадии здравого смысла к стадии научного знания.

По отношению к науке здравый смысл образует первичную эмпирическую реальность, которую можно на-

звать наивной. Она формируется нашими органами чувств. Наука критикует ее, относится к ней скептически, очищает ее и получает вторичную эмпирическую реальность, созданную показателями измерительных инструментов, а не человеческими органами чувств.

За пределами ЗС – beyond common sense – только здравый смысл. Правда, не всегда. Если при объяснении своего поступка или каких-то событий вы используете представления о божественном провидении, судьбе и роке, опираетесь на мифы, легенды и предания, то тем самым выходите за горизонт очевидного, т.е. того, что непосредственно доступно вашим глазам, слуху или осязанию. В таком случае вы не имеете права применять к случаю аристотелевское понятие common sense. Все объяснения, выходящие за рамки очевидного, автоматически выходят за рамки ЗС. За рамками ЗС находится также все, что продиктовано аффектами, эмоциями, чувствами, предубеждениями и др. в результате первоначальную фразу о пределах ЗС надо переформулировать: за пределами ЗС находится все нездоровое, недоступное человеку здоровомыслящему.

Слух и зрение не имеют между собой ничего общего. Как не имеют его обоняние и вкус. Ничего пересекающегося, знакомому или общему для них. А что их может в таком случае объединить? Видимо то, что не похоже на каждый из них, но необходимо всем – здравый смысл или Common-Sense. Это общее нужно человеку как существу мыслящему, а черепахе или кузнечнику не нужно. Что объединяет разных специалистов в единую команду? Руководство. Руководитель не является специалистом ни в одной узкой области, но понемногу знает о многом. Этого достаточно, чтобы эффективно управлять и направлять действия каждого к общему результату.

Шестое чувство – интуиция, предугадывание или угадывание происходящих событий, возможно телепатия, мистическое прозрение скрытых измерений мира. А куда девать Common sense Аристотеля? Это не мистическое чувство, а здравый смысл. Существует особое шестое чувство или нет, никто точно не знает. А в том, что у человека есть здравый смысл, никто не сомневается. Вот только никто не знает, что это такое.

ЗС – это совокупность социальных условностей, галерея юношеских предрассудков, голос общественного мнения, умение выкрутиться в любых перипетиях жизни, трезвый взгляд на вещи, немного здравого рассудка? Или все это вместе? Лучше, когда вместе, ибо Common Sense – это общие чувства.

Common Sense имеет две полярные локализации. В первом случае common сосредоточен внутри человека как общая точка для пяти чувств. Во втором случае common локализован вне человека – в сообществе, к которому он принадлежит. Первый вариант показывает его sense/смысл. Во втором – чужой sense/смысл. При этом свой sense он получает как совокупность чувств, во втором случае – как совокупность мыслей. В итоге получается противоречивая трактовка понятия ЗС: он общий для всех и одновременно индивидуальный для каждого. В этом расхождении и возникают расхождения и искажения ЗС – то он самый верный поводырь человека по незнакомой местности новых вещей и событий, то – ложный гид наподобие Ивана Сусанина, только непреднамеренного (как на картине, где слепой ведёт слепых) (рис. 7).

Шестое чувство – Common sense – по Аристотелю имеет совсем другую природу, разумную, нежели пять эмпирических чувств. Оно объединяет их и создаёт целостную картину сознания, из которого берет начало здравый смысл (ЗС).

Рис. 7. Шестое чувство – Common sense

У нас есть смыслы, общие для всех, потому что есть чувства, общие для всех. Так читается фраза Common sense в двух значениях слова «sense». При этом слово «common» употребляется в единственном значении. В основе общего чувства и общего смысла лежит чувство самосохранения – индивида в обществе, а общества – через индивидов.

Common Sense у Аристотеля должно пониматься не как общее чувство, а как обобщение чувств. Обобщение – это операция абстрагирования. Так оно и есть. Разум обобщает информацию зрения, слуха, осязания и т.д. в абстрактные понятия и их логические связи. Действительно, Common – это общее для всех или обобщение всего, а Sense – чувство. Вот и получается, что Common Sense – это обобщение пяти чувств. Правда, у Sense есть и другая расшифровка – смысл. Но его забрал себе русский язык. В самом деле, где вы видите в понятии «здоровый смысл» какие-либо чувства – только смысл. А смысл – это находиться с мыслью. Любые ваши идеи и проистекающие из них поступки должны содержать мысль, а не фантазию или игру эмоций. Осмысленные действия, на языке М. Вебера, называются целе-рациональными и ценностно-рациональными. Вот где родина здравого смысла. А два прочих типа – аффективное и традиционное действия – мысли не содержат, ибо ориентированы на чувства либо на обычай.

Аристотель не открывал Common sense. Он изобрел его в совершенно конкретной ситуации и для конкретных целей, а именно: существуют 5 специализированных чувств, не имеющих между собой ничего общего, поставляющих в мозг разрозненную информацию, которую нельзя понять, собрать воедино, привести в порядок, чтобы принимать разумные решения в повседневной жизни; но их все равно кто-то и как-то объединяет, иначе не понятно, почему мы сапиенсы и откуда у нас разум. Аристотель придумал название объединяющему началу – Common sense. Он как командир в бригаде, понемногу знает о каждом, имеет информацию от всех подчиненных, способен составить стратегическую (а не только тактическую) картину и выдавать разумные решения. Никто из подчиненных ему 5 чувств не умеет делать то, что делает он. Командир – это математик, геометр, концептолог, стратег.

И что сделало человечество с подарком Аристотеля? Опошлilo его, измельчило, разменяло на тривиальные примеры, неправильно истолковало и т.п. От прилагательного «общее» пошло гулять вульгарное «массовое», «обыденное», примитивное и т.д. ничего этого не было у аристотелевского Common sense. Люди, заберите свои ярлыки, они к делу не относятся. Если вы хотите углубить серьезное понятие Аристотеля, то и ведите себя серьезно.

COMMON SENSE AND COMMON SENSE: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Kravchenko A.I.

Knowledge of the principles of common sense and the ability to use it is useful in many areas of our life and work, for example, for entrepreneurs, consumer behavior is dictated by their common sense. Thieves and swindlers are skilled connoisseurs of human psychology. But in fact, not psychology, but common sense, according to which most people behave. Swindlers know when people go to the country, leave their home to get into it; what password they set on the computer; where in the apartment they hide money; how they react to a request for help, etc.

Common sense, like language in Heidegger, is the home of the human mind, the foundation of human civilization. TS is the master of the house of ordinary language. Everyday language is the home of the common people, the majority of the population of a given country. All citizens participate in its construction, and the foreman is the ZS. He is still its scaffolding. Although this function is increasingly being taken on by science. But most likely it and modern art are exquisite extensions to the house, entourage, mezzanines and other entablatures.

Keywords: common sense, Aristotle, deduction, induction, sense organs.

Использование современных технологий при подготовке студентов педагогического колледжа к демонстрационному экзамену

Осокина Валентина Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске
E-mail: blak1511@yandex.ru

Статья посвящена современным тенденциям среднего профессионального образования. Автор рассматривает педагогические технологии, отвечающие требованиям компетентностного подхода в обучении и интеграцию современных технологий при подготовке к демонстрационному экзамену.

Ключевые слова: педагогическая технология, структура педагогической технологии, профессиональная компетентность, государственная итоговая аттестация, демонстрационный экзамен.

Использование современных технологий при подготовке студентов педагогического колледжа к демонстрационному экзамену направлено на устранение противоречий между требованиями к профессионализму будущего учителя и организацией образовательного процесса по формированию общих и профессиональных компетенций у обучающихся [5].

Проблема профессиональной компетентности исследовалась и представлена в работах ряда известных ученых (В.И. Байденко, А.А. Вербицкий, И.А. Зимняя, Ю.Т. Татур, В.Д. Шадриков, А.В. Хуторской и др.) [7].

Сегодня демонстрационный экзамен стал одной из форм государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования [4]. Демонстрационный экзамен выходит на новый уровень благодаря интеграции современных технологий, открывая широкие возможности для проявления знаний и навыков в интерактивной форме [2, 3]. Внедрение современных технологий на демонстрационном экзамене представляет собой важный шаг в развитии образовательной системы.

Технологический подход к образованию активно разрабатывается отечественной педагогикой и ему посвящены работы В.П. Беспалько, М.Е. Бершадского, В.В. Гузеева, М.В. Кларина, Г.К. Селевко, А.И. Умана и других учёных.

Педагогическая технология – это система функционирования всех компонентов образовательного процесса, приводящая к намеченным результатам.

Классификация технологий обучения осуществляется по разным признакам, но в настоящее время общепризнанной классификации нет. Обратимся к классификации современных образовательных технологий по Г.К. Селевко [6], представленных в таблице 1.

Таблица 1. Классификация технологий обучения по Г.К. Селевко

Признаки классификации	Основные группы технологий
По ведущему фактору психического развития	биогенные, социогенные, психогенные и идеалистические технологии
По ориентации на личностные структуры	информационные технологии, операционные, эмоционально-художественные и эмоционально-нравственные, технология саморазвития, эвристические и прикладные технологии
По характеру содержания и структуре	технологии обучающие и воспитывающие, светские и религиозные, общеобразовательные и профессионально ориентированные, гуманитарные и технократические и др.

Согласно Г.К. Селевко [6] структура педагогической технологии обучения содержит следующие элементы (рис. 1).

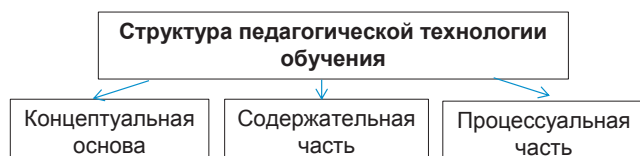

Рис. 1. Структура педагогической технологии

- Как видим, в структуру технологии обучения входят:
- концептуальная основа (философское, психологическое, дидактическое, социально-педагогическое обоснование);
 - содержательная часть (цели, содержание обучения, планируемые результаты обучения);
 - процессуальная часть (организация учебного процесса, методы и формы учебной деятельности обучающихся, диагностика учебного процесса).

Следовательно, технология обучения – системная категория, ориентированная на дидактическое применение научного знания, научные подходы к анализу и организации образовательного процесса с учётом эмпирических инноваций преподавателей и направленности на достижение высоких результатов в развитии личности обучающихся.

На рисунке 2 приведены современные технологии, которые филиал активно внедряет в процесс подготовки специалиста среднего звена. Они способствуют более эффективному восприятию учебного материала студентами, повышают интерес к изучаемым дисциплинам, позволяют накопить терминологический банк, формировать общие и профессиональные компетенции [1].

Технология сотрудничества основана на гуманистическом подходе в педагогической деятельности. Студенты работают в малых группах на учебном занятии, что развивает заинтересованность, умение идти на определённый компромисс, интеллектуальную терпимость, эмпатию, гибкость мышления, культуру речи.

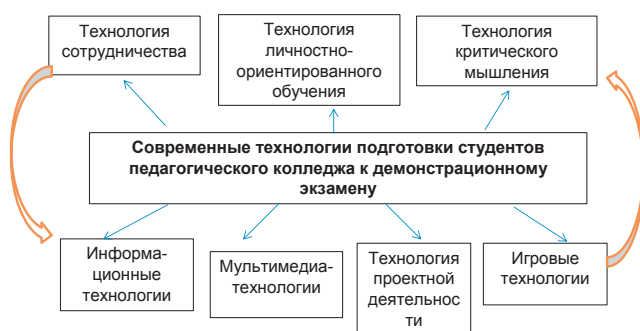

Рис. 2. Современные технологии подготовки студентов педагогического колледжа к демонстрационному экзамену

Технология личностно-ориентированного обучения помогают студентам в осознании себя личностью, становлении самосознания, в осуществлении самореализации и самоутверждения.

Технология критического мышления предполагает формирование у студентов исследовательской деятельности и управление информацией. Наиболее частые приёмы данной технологии отражены нами в таблице 2.

Таблица 2. Приёмы технологии критического мышления

Приёмы	Характеристика
Кластер	помогает определить смысловые моменты раздела или темы, охватить большое количество информации;

Приёмы	Характеристика
Графическое оформление материала	помогает синтезировать имеющиеся знания, наглядно выявить связь ключевого слова с другими понятиями и явлениями;
Работа в парах или малыми группами	повышает ответственность, способствует формированию коммуникативности;
Приём незаконченных предложений	помогает актуализации и концентрации внимания студентов;
Синквейн	способствует развитию творческого мышления, улучшению навыков письменной речи и углублению понимания предмета;
Разноуровневые задания	развивают мыслительные способности, формируют критическое мышление, самостоятельность и творческий подход к решению задач

Информационные технологии учат студентов работать на занятиях с различными источниками информации. При этом используется широкий спектр средств (табл. 3).

Таблица 3. Информационные технологии

Технология	Описание
Технические средства общего назначения	компьютер, видеокамера, проекционный экран, мультимедийный проектор, интерактивная доска, принтер, модем, копировальный аппарат;
Программные средства обучения	электронные учебники и пособия, средства для тренировки и контроля полученных знаний, профессиональных умений и навыков;
Презентации	для визуального и звукового сопровождения словесных методов обучения;
Компьютерные практикумы	для проведения практических и лабораторных работ;
Средства дистанционного обучения	для сопровождения самостоятельной учебной деятельности

Мультимедиа-технологии в современных условиях – один из ключевых моментов информатизации образования. Эта технология позволяет одновременно использовать различные способы представления информации: числа, текст, графику, анимацию, видео и звук. Мультимедиа позволяют сочетать вербальную и наглядно-чувственную информацию, что повышает мотивацию обучающихся.

Технология проектной деятельности позволяет обучающимся выполнять проекты в широком диапазоне проблемных задач (творческих, информационных, коммуникационных). При этом студенты приобретают знания, умения и навыки в процессе конструирования, планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий. Данная технология основана на использовании самостоятельной проектировочной деятельности как основного средства их профессионального развития.

Игровые технологии формируют у обучающихся профессиональные компетенции и личностные качества: речь, установление контакта, стрессоустойчивость, са-

моконтроль, уверенность в себе, лабильность, умение убеждать, умение управлять своим временем.

Подготовка студентов к демонстрационному экзамену имеет свои особенности для образовательного учреждения:

- наличие современного оборудования;
- контрольно-измерительные материалы для оценки достижений обучающихся;
- базовые площадки для квалификационных испытаний;
- независимые эксперты.

Кроме этого, в процессе подготовки необходимо обновление организационно-педагогических условий: форм проведения занятий, содержания и форм экзамена по профессиональным модулям, использование ресурсов производственной практики.

Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске (бывший педагогический колледж) в течение столетия готовит для Ставропольского края специалистов среднего звена. Согласно служебным распоряжениям по учебно-методическому управлению организуется подготовка и проведение демонстрационного экзамена для студентов 4 курса гуманитарного факультета, обучающихся по специальностям СПО: 44.02.01 Дошкольное образование, 44.02.02 Преподавание в начальных классах с использованием современных образовательных технологий.

Студенты должны продемонстрировать умение провести фрагмент урока в соответствии с разработанной технологической картой, владение современными образовательными технологиями и интерактивным оборудованием на различных этапах фрагмента урока (мотивационный, постановка учебной задачи, учебное действие, действие контроля, самоконтроля, оценки и самооценки).

Результаты демонстрационных экзаменов подтвердили знание и понимание студентами содержания и структуры учебной программы, методики преподавания предмета, общих закономерностей развития ребенка, умение обеспечивать постановку и достижение целей обучения, творчески и содержательно представлять самостоятельно разработанные дидактические средства, использовать ИКТ-ресурсы: мультимедийный комплекс, документ-камеру.

Студенты рассказали, что самой большой трудностью в сдаче демонстрационного экзамена являлся жесткий регламент времени подготовки заданий и обязательность использования нескольких видов цифрового оборудования. По результатам проведения демонстрационного экзамена независимые эксперты отметили 100% качество профессиональной подготовки выпускников филиала.

Таким образом, использование современных образовательных технологий и компетентностный подход при подготовке к демонстрационному экзамену студентов педагогического колледжа позволяет повысить мотивацию, добиться хороших результатов и позитивной динамики учебных достижений.

Литература

1. Гуслова М.Н. Инновационные педагогические технологии: учеб. пособие для учреждений СПО / М.Н. Гуслова, 4-е изд., испр. – М.: ИЦ Академия, 2013. – 208 с.
2. Дегтеренко Л.Н., Банников В.С., Банникова А.Н. Технология проведения демонстрационного экзамена по стандартам WorldSkills на примере профессиональной компетенции «дизайн интерьера» // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2018. – Т. 10. – № 4. С. 129–139.

3. Демонстрационный экзамен по стандартам Ворлдскиллс Россия [Электронный ресурс] // WorldSkills Russia. – Режим доступа: <https://irorb.ru/files/WS/infode.pdf>
4. О внесении изменений в Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования, утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации от 16 августа 2013 г. № 968: приказ Министерства образования и науки РФ от 17 ноября 2017 г. № 1138 [Электронный ресурс] // Гарант.Ру. Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>
5. Осокина В.Н. Компетентностный подход к оценке достижений обучающихся при изучении методики преподавания предмета «Окружающий мир». // Вестник Адыгейского университета. 2017. № 1. С. 20–23.
6. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
7. Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт) // Бюллетень о сфере образования. – 2017. – № 11. – С. 5–26.

USING MODERN TECHNOLOGIES TO PREPARE COLLEGE STUDENTS FOR THE DEMONSTRATION EXAM

Osokina V.N.

Stavropol State Pedagogical Institute

The article is devoted to modern trends in secondary vocational education. The author examines pedagogical technologies that meet the requirements of a competence-based approach in education and the integration of modern technologies in preparation for the demonstration exam.

Keywords: pedagogical technology, structure of pedagogical technology, professional competence, state final certification, demonstration exam.

References

1. Guslova M.N. Innovative Pedagogical Technologies: Textbook for Secondary Vocational Education Institutions / M.N. Guslova, 4th edition, revised. Moscow: Akademiya Publishing House, 2013. – 208 p.
2. Degterenko L.N., Bannikov V.S., Bannikova A.N. Technology of Conducting a Demonstration Exam According to WorldSkills Standards on the Example of the Professional Competence “Interior Design” // Modern Higher Education: Innovative Aspect. – 2018. – Vol. 10. – № 4. – Pp. 129–139.
3. Demonstration exam according to the WorldSkills Russia standards [Electronic resource] // WorldSkills Russia. – Access mode: <https://irorb.ru/files/WS/infode.pdf>
4. On amendments to the Procedure for conducting the state final certification for educational programs of secondary vocational education, approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on August 16, 2013, № 968: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 17, 2017, № 1138 [Electronic resource] // Garant.Ru. Information and Legal Portal. – Access mode: <http://www.garant.ru>
5. Osokina V.N. Competence-Based Approach to Assessing Students' Achievements in Teaching the Subject “The World Around Us”. // Bulletin of Adygea University. 2017. № 1. Pp. 20–23.
6. Selevko G.K. Modern Educational Technologies: Textbook / G.K. Selevko. – Moscow: Narodnoye Obrazovaniye, 1998. – 256 p.
7. Reform of Secondary Vocational Education (Domestic and Foreign Experience) // Bulletin on Education. – 2017. – № 11. – Pp. 5–26.

Абдуллатифова Лада Абдулмуталибовна,
аспирант, Балтийский государственный технический
университет «Военмех»

Эпоха цифры привнесла в жизни людей множество преимуществ, но в экзистенциальном плане перед современным человеком встают глубинные проблемы, с которыми он не в состоянии справиться. Стремительное развитие технологий, темпы роста производственных мощностей, беспрецедентное количество информации, с которым на ежедневной основе сталкивается все человечество, приводит к девальвации социальных взаимосвязей, недоверию, повышению уровня тревожности, и в следствии, к отчуждению. Феномен, который был ярко и убедительно раскрыт еще Карлом Марксом, все еще остается одной из основополагающих категорий философии. Подстраиваясь под реалии цифровой эпохи, отчуждение видоизменяется, эволюционирует, обрастает новыми причинно-следственными связями, затрудняя тем не только поиск путей решения проблема, но и саму ее идентификацию.

Ключевые слова: отчуждение, глобализация, цифровизация, социальное отчуждение, самоотчуждение.

Категория «отчуждения» напрямую связана с именем Карла Маркса, убедительно раскрывшим ее проблематику еще в XVIII веке. Однако данное понятие не только стало пропадать из философской литературы, но и вряд ли занимает первостепенное место в словаре современной культурной критики. Понятие «отчуждение» имело огромную значимость на пике своего развития, в постмодернистскую эпоху его философский базис может казаться устаревшим, а его политическое применение – сомнительным в эпоху господствующего политического либерализма и победившего капитализма.

Но современная эпоха бросает человечеству в общем и отдельному человеку в частности множество новых вызовов. Одним из таких вызовов мы по праву можем считать проблему мировой глобализации. Предпосылкой этому стал богатый на изменения XX век. Сдвиг в сфере этнонациональных отношений, изменения вектора социальных ценностей, компьютеризация, свобода слова, смена политических курсов, утрата религиозных верований – все это только малая часть тех трансформаций, последствия которых человек XXI века переживает сегодня.

Рыночная система и ориентация на материальные ценности изменила восприятие человека. В стремящемся к полной глобализации мире человек все больше и больше воспринимает себя как товар или услугу, пытаясь не потеряться в бесконечном потоке информации и выбить себе место под солнцем хоть на короткий период. В свете тех грозных изменений, с которым сталкивается человек сегодня, все чаще можно видеть признаки растущего недовольства, которые, если не по названию, то по сути своей, имеют очевидное отношение к понятию «отчуждения».

Мы все больше приходим к выводу об универсальности и общечеловечности интересующего нас понятия. Существует тенденция, возводящая понятие «отчуждения» к трудам Гегеля или Маркса, но если мы хотим проводить исчерпывающий анализ понятия, мы не можем обойти стороной тот факт, что философские изыскания в данной области велись еще задолго до них и долгое время после них. Политический контекст и социальные аспекты жизни человека служили декорациями этого феномена, поэтому восприятие проблемы и пути выхода из нее менялись от эпохи к эпохе, но в рамках любого исторического периода человек сталкивался с отчуждением. Именно это позволяет нам с уверенностью говорить о том, что отчуждение является понятием универсальным, общечеловечным и вневременным. Наша эпоха ставит перед нами все больше вопросов, и отчуждение в новом, трансформированном состоянии, остается одним из основополагающих элементов человеческой природы.

Согласно выводам немецкого социолога и кибернетика R.F. Geyer, работающего в области социального отчуждения, каждая эпоха генерирует свой тип и свои формы отчуждения [7]. В этой статье мы обратимся к тем видам отчуждения, которые атрибутивно связаны с процессами глобализации в целом и дигитализации в частности.

Уход человека в виртуальное пространство и следующий за этим отказ от традиционных социальных взаимодействий неизбежно привел к новой форме отчужде-

ния — **отчуждению цифровому**. Цифровой мир быстро подменяет старые социокоды новыми, лишая человека новой цифровой эпохи смысложизненных устоев и ориентиров. Отметим, что понятие «отчуждение» имеет различные толкования и обладает многоаспектными коннотациями, но во всех интерпретациях интересующего нас понятия мы можем выделить одно общее понятийное ядро: отчуждение возникает тогда, когда человек сталкивается с довлеющей, во много раз превосходящей его по своим масштабам силой. Человек в этом случае превращается в «объект воздействия» и не имея достаточно сил или стимула справиться с этим воздействием покоряется вышестоящей силе (государство, общество, политический строй) и вынужден сталкиваться с глубинной проблемой отчуждения. Онтологически феномен цифрового отчуждения может быть легко объяснен тем фактом, что взаимодействия в сети, уже давно выдавая себя за самодостаточный тип общения, в лучшем случае частично, а в худшем полностью заменили собой живое общение и реализацию во многих сферах. Человек оказывается отключенным от реального мира и живого межличностного общения.

Помимо оторванности человека от реального мира к проблемам, связанными с погружением в виртуальный мир, можно отнести и множество манипулятивных тактик, также в свою очередь вносящих свой вклад и усиление отчужденности, испытываемого реципиентом.

С психологической точки зрения, любая манипуляция, в том числе в сфере рекламы, строится не на воздействии субъекта на объект, а в их взаимодействии. Доказательством этому служат слова С. Кара-Мурзы «... жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если под воздействием полученных сигналов перестраивают свои воззрения, мнение, настроения, цели — и начинает действовать по новой программе, — манипуляция состоялась. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится. Манипуляция — это не насилие, а соблазн» [3].

Но в контексте беспрецедентного количества информации, всеобъемлющего проникновения цифровой реальности во все сферы жизни современного человека, стремительного темпа развития и возрастающего уровня отчужденности от общества и от себя самого, мы должны признать, что с задачей «усомниться, упереться и защищать свою духовную программу» становится все тяжелее справляться.

К негативным последствиям манипулятивного рекламного подхода относится потеря человеком фундаментальных социальных ориентаций, возрастание общего недоверия и степени отчуждения в обществе, ослабление внешних связей. В дальнейшем все это приводит к разрушению общества как целостной структуры, подрыву его основных ценностей и хаотизации социальных коммуникаций.

Цифровой мир оказывает беспрецедентное влияние на оффлайн сферу. Появились такие явления как номофобия (англ. no mobile phone) — страх остаться без мобильного телефона, фаббинг (от англ. phone «телефон» и англ. snubbing «пренебрежительное отношение») — привычка отвлекаться на мобильные устройства вместо того, чтобы поддерживать разговор с собеседником, экранный вуайеризм — наблюдение за личной жизнью людей через подглядывание за их экранами в общественном транспорте, офисе или дома. Свидетельством того, что цифровой мир при неумелом и невозддержанном его использовании может оказывать пагубное влияние на человека, вызывая не только ряд психологических проблем, но и проблем, решение которых

лежит в области философии, является набирающая популярность концепция цифрового детокса (англ. digital detox), то есть сознательного отказа от использования гаджетов. Сюда же можно отнести и практику медиа-аскетизма или цифрового воздержания, целью которого является развитие в человеке необходимого уровня контроля и осознанности в сфере виртуальной реальности. По своей сути, движение направлено на возвращение человеку его субъектности в медиа-пространстве и выходение за рамки объекта, бездумно поглощающего информацию и также неосознанно ее ретранслирующего.

Стоит подробнее остановиться на вопросе о том, что же представляет из себя субъект этого цифрового мира, или как, по аналогии с Homo Sapiens, называет его M. Castells Homo informaticus (человек информационный) [1]. В.И. Курбатов подмечает, что это не совсем личность в том значении, которое мы привыкли приписывать этому слову. «Это актер или агент глобальной информационно-коммуникативного взаимодействия. Более того, этот актер или агент, мышление которого является специфическим, что называется, по определению, и существует только в этой информационной сети. Вне этой информационной среды и помимо ее не может существовать такого агента или актера» [1]. Такой агент оставляет за собой право быть анонимным или довольствоваться ником, создавая при этом принципиально новую реальность, в которой нет места даже такому привычному нам понятию как имя.

Следующим видом, а вернее подвидом, цифрового отчуждения является **отчуждение, обусловленное новыми экономическими отношениями**. При дистанционной работе человек перестает получать удовлетворение от проделанной им работы, так как ее результат неочевиден. В отличие от рабочих профессий, при которых результат работы может быть физически осязаем, интернет-занятость полностью нивелирует этот аспект.

Особенное влияние на увеличение количества дистанционной занятости и на рост отчуждения среди населения всего земного шара оказала пандемия COVID-19 и связанные с ней карантинные меры. Социальное отчуждение в этом случае было сведено к психологическому феномену одиночества. Всего можно выделить три его типа:

- 1) Добровольный отказ от межличностных контактов.
- 2) Изоляция, продиктованная требованиями властей.
- 3) Экзистенциальное одиночество, являющее собой внутренние психические переживания человека, оказавшегося в сложной и непонятной обстановке.

У пациентов, которым диагностировали COVID-19, чувство повышенной тревоги и отчужденности было связано с неясностью прогнозов течения болезни и социальной дискриминацией. И хотя пандемия осталась позади и мир, кажется, уже начал оправляться от шока, реинтеграция многих людей обратно в социальную жизнь может сопрягаться с определенными психологическими трудностями.

Следующим аспектом, оказывающим ощутимое влияние на отчуждение человека, в случае с интернет-занятостью можно считать тот факт, что ввиду отсутствия постоянной нагрузки, фрилансер должен находиться в постоянном поиске новых задач и проектов. На этом этапе встает ряд важных проблем: недоверие к потенциальному работодателю/работнику из-за неформального общения, неравномерность дохода, высокая конкуренция, зачастую отсутствие базового социального пакета. Однако, несмотря на все эти недостатки, ряд ученых, сравнивая сегодняшнюю ситуацию с ситуацией

цией, описываемой Карлом Марксом, утверждают, что именно такая цифровизация рабочей деятельности может быть путем хотя бы частичного решения проблемы отчуждения. Так С.В. Рябцев в своей статье отмечает, что «следует отметить ключевую особенность данной формы трудовой занятости, а именно то, что работникам такого типа принадлежат средства производства, которыми выступают их компьютеры, программное обеспечение и другие технические устройства, которыми они обладают» [2].

Бессмысленно спорить, что наше сегодня и есть отправная точка в наше будущее с развитыми технологиями и все большей глобализацией и цифровизацией, но тут уместно вспомнить теорию футушока (шока будущего), разработанной американским философом и футурологом Элвином Тоффлером. Э.Тоффлер указывает на то, что психика человека, которая, как правило, настроена на постепенное привыкание к изменению в окружающем мире, при таком стремительном развитии общества неизбежно сталкивается с «шоком настоящего» [3]. Это порождает в человеке хроническую тревогу, заставляет сомневаться в своей компетентности, жить в вечном страхе отстать от развивающегося мира и остаться где-то на задворках стремительного прогресса. Этот экзистенциальный ужас, с которым каждый человек в цифровом мире сталкивается в одиночку, бесспорно приведет к росту отчуждения в большинстве случаев. Сколько бы преимуществ не несла с собой цифровизация, отчуждение в этом случае будет ее побочным эффектом, с которым нам предстоит столкнуться.

Это перекликается с идеями Хартмута Роза о «социальном ускорении»: технологический прогресс, изменение культурных ценностей и скорость информации опережает способность человека подстроиться и интегрироваться в новый мир [6]. Человек осознает необходимость ускориться, расти, применять инновации, так как это и есть те средства, с помощью которых он способен получить больший доступ к благам цивилизации. Однако стремление к этим благам подрывает важность качества общения между людьми, а также важность их собственных чувств и убеждений. В эпоху, когда человек всеми силами пытается угнаться за новыми технологиями, не остается времени и места тому, что всегда представляло для него особую важность: современный человек все больше и больше отчужден от общества, семьи, природы и от самого себя. В потоке информации может быть сложно осознать даже это.

Следующим подвидом цифрового отчуждения, а также одной из его причин можно считать **невоплощенность в интернете**. Под такой формой отчуждения понимается отстранение человека от своего физического «Я», потеря осознания реальности себя как физически существующего лица и переживание своих чувств и эмоций в Сети.

Маршалл Маклюэн еще задолго до появления персональных компьютеров и цифровизации обратил внимание на то, как технологии (к тому моменту еще в довольно ограниченном количестве (радио, телефон и телевидение) влияют на возникновение чувства отстраненности человека от его физического тела [5]. Стремительный темп цифровизации сделал переход пользователя из физического мира в виртуальный чем-то привычным и незаслуживающим пристального внимания. Аудиовизуальные технологии позволяют пользователю заново создавать и пересоздавать себя в киберпространстве, подбирая разнообразные виртуальные тела и примеряя маски.

Следствием такого поведения неизменно является ощущение нереальности реальности, себя самого

и окружающих людей. Иллюзорность бытия может переживаться в мягкой, еле заметной форме, а может приводить к серьезным расстройствам психики. Отчуждение от реальности дополняется самоотчуждением, так как реальный «Я» уже не может отождествляться с достроенным в киберпространстве образом и не выдерживает с ним никакого сравнения, так как образ в киберпространстве достраивается исходя из желаний пользователя, которые невозможно или затруднительно воплотить в реальной жизни.

Таким образом, смоделированная реальность разрывает хрупкие связи, существующие не только между человеком и обществом, но и связь человека с самим собой. В случае с уязвимыми группами населения (например, с подростками или с людьми с подвижной психикой) такая ситуация может приводить к самым непредсказуемым и опасным последствиям. Потеря связи с реальным миром, неумение отличить виртуальное пространство от пространства реального, утрата связи со своим физическим телом и с окружающим миром, неспособность действовать сообразно ситуации реальной, а не виртуальной – все это только часть тех последствий, которые несет в себе невоплощенность в киберпространстве и вызванное ей отчуждения.

Также целесообразным будет остановиться на **отчуждении, связанном интернет-зависимостью**. Отчуждение в этом случае одновременно и причина, и следствие такого образа жизни. Еще З. Фрейд в своих трудах подчеркивал, что любая зависимость исходит из желания человека отстраниться от неудовлетворяющей его реальности [4]. Человек, недовольный собой и своей жизнью, прибегает к незамысловатому способу сбежать в виртуальный мир, отстранившись от мира реального. Это попытка отвлечься, подменяя реальность более комфортным и, казалось бы, безопасным виртуальным миром. Фрейд ранжирует глубину отказа от реальности, выделяя три ступени:

1) Сублимация влечений через психическую и интеллектуальную деятельность дает человеку независимость от внешнего мира.

2) Погружение благодаря искусству в утешительные иллюзии, фантазии, которые приходят на смену адекватному восприятию реальности еще больше отдалают его от действительности.

3) Отшельничество и уход от реальной жизни делают разрыв человека с реальным миром окончательным.

В зависимости от ситуации с интернет-зависимостью может быть применен каждый из этих пунктов, в особо тяжелых случаях она может быть приравнена к отшельничеству, которое подрывает все связи человека с реальным миром, тем самым усугубляя уже существующую проблему отчуждения.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1) Интернет-зависимость является одним из способов отчужденного существования.

2) Интернет-зависимость способствует росту отчуждения в абсолютно разных сферах жизни.

Подводя итог необходимо отметить, что цифровая эра неизменно отчуждает человека от самого себя и от общества, в котором он живет. Человек часто оказывается один на один с переживанием экзистенциального страха из-за ощущения своей ненужности и бессмысленности своего существования. Под сомнения ставятся прописные истины, которые потеряли свое значение в эпоху масс медиа. Происходит девальвация ценности общества, распадаются социальные связи. Под грузом довлеющих над ним проблем современный человек пытается найти тихую и безопасную гавань. Такой

гаванью зачастую становится Сеть, которая, в свою очередь, не решает проблему, а только способствует дальнейшему отчуждению. Протестные настроения, асоциальное поведение, затворничество, неадекватные психоэмоциональные реакции на, казалось бы, обыденные явления, – все это последствия возрастающего уровня отчуждения современного человека.

Литература

1. Курбатов, 2017 – Курбатов В. Net-мышление: новые реалии информационной эпохи // Гуманитарии Юга России. 2017. Т. 6. № 6. С. 173–181.
2. Рябцев, 2019 – Рябцев С. Фриланс как способ преодоления отчуждения от труда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 145–149
3. Кара-Мурза С., 2000 – Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием – 3-е изд. – М.: Родина, 2025. – 432 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 25–27
5. Фрейд З. Недовольство культурой. [Текст] / З. Фрейд. – Фолио 2013
6. К столетию Маршалла Маклюэна [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.svoboda.org/a/24269535.html> дата обращения 22.02.25.
7. Rosa H. – Social Acceleration: a new theory of modernity. 2015 Columbia University Press
8. Rudolf F. Geyer – Alienation, Ethnicity, and Postmodernism (Controversies in Science). 1996

ABOUT THE PHENOMENON OF DIGITAL ALIENATION

Abdullatifova L.A.

Baltic State Technical University “Voenmeh”

The digital age has brought many advantages to people's lives, but in existential terms, the modern person faces deep problems that they are unable to cope with. The rapid development of technology, the growth rate of production capacity, the unprecedented amount of information that all of humanity encounters on a daily basis, leads to the devaluation of social relationships, mistrust, increased anxiety, and, as a result, to alienation. The phenomenon that was vividly and convincingly revealed by Karl Marx still remains one of the fundamental categories of philosophy. Adapting to the realities of the digital age, alienation changes, evolves, acquires new cause-and-effect relationships, thereby complicating not only the search for solutions to the problem, but also its identification.

Keywords: alienation, globalization, digitalization, social alienation, self-alienation.

References

1. Kurbatov, 2017 – Kurbatov V. Net-thinking: New realities of the information age // Humanitarians of the South of Russia. 2017. Vol. 6. No. 6. Pp. 173–181.
2. Ryabtsev, 2019 – Ryabtsev S. Freelancing as a way to overcome alienation from work // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 7. Pp. 145–149
3. Kara-Murza S., 2000 – Kara-Murza S. Manipulation of consciousness – 3rd ed. – Moscow: Rodina, 2025. – 432 p.
4. Toffler E. Future shock: Trans. from English / E. Toffler. – M.: ООО Izdatelstvo ACT, 2002. Pp. 25–27
5. Freud Z. Discontents with Culture. [Text] / Z. Freud. – Folio 2013
6. On the Centenary of Marshall McLuhan [Electronic resource]. – URL: <http://www.svoboda.org/a/24269535.html> accessed 22.02.25.
7. Rosa H. – Social Acceleration: a new theory of modernity. 2015 Columbia University Press
8. Rudolf F. Geyer – Alienation, Ethnicity, and Postmodernism (Controversies in Science). 1996

Эволюция внешнеполитической стратегии Российской Федерации в условиях глобальных изменений мировой политической архитектуры

Анисимов Никита Васильевич,

аспирант Славяно-греко-латинской академии

E-mail: anisimov2043@yandex.ru

Статья посвящена анализу эволюции внешнеполитической стратегии Российской Федерации в контексте глобальных изменений мировой политической архитектуры. Рассматриваются ключевые этапы трансформации внешнеполитической доктрины России с конца XX века до сегодняшнего дня, включая периоды постсоветской перестройки, укрепления государственного суверенитета и современной многополярности. Автор акцентирует внимание на важных факторах, влияющих на формирование внешней политики, таких как расстановка сил в международных отношениях, экономические и геополитические интересы, а также реакция на вызовы глобализации. В статье также анализируется роль России в международных организациях и её стратегия на фоне изменения баланса сил в мире. Работы о потенциале дипломатического сотрудничества России подчеркивают значимость адаптации её внешнеполитического курса к новым вызовам и угрозам.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия, глобальные изменения, международные отношения, геополитика, глобализация.

Следствием распада СССР стало формирование новой глобальной политической среды и перераспределение власти на международной арене. Это событие поставило Россию перед необходимостью навигации в радикально изменённых геополитических условиях. В ответ на эти вызовы в России началось активное внедрение геополитики как инструмента для анализа и понимания новых экономических, политических и стратегических реалий в мире, который становится всё более глобализированным. Этот подход быстро приобрел популярность среди интеллектуальной и политической элиты страны, предоставляя рамки для разработки ответов на сложные вопросы современности.

В 1990-х годах в России возникли уникальные геополитические идеи, включая неоевразийство, разработанное А.Г. Дугиным [1], и концепцию «острова России», предложенную В.Л. Цымбурским [2]. Эти доктрины представили новый взгляд на географическое положение страны и определили её стратегическое направление в мировом контексте. Политические партии активно интегрировали эти геополитические концепции в свои идеологические программы, анализируя и адаптируя их под современные изменения, произошедшие в стране.

В этой статье основное внимание уделяется анализу ключевых стратегических государственных документов России после Советского Союза, принятых в последние пятнадцать лет, с акцентом на геополитическом аспекте их влияния на официальную внешнюю политику и область безопасности. Прежде чем перейти к детальному изучению этих документов, важно уяснить и определить ключевые теоретические термины, которые помогут выявить геополитические элементы в государственной стратегии. Это исследование показывает, как геополитическое мышление влияет на формирование официальной политики в России.

Определение геополитики, представляемое как научная система, акцентирующая контроль над территориями с политической точки зрения, вписывается в обширный контекст и обсуждается на протяжении столетия. Дебаты о сути и основных аспектах геополитики не утихают, а её контуры становятся всё более неопределёнными из-за пересечений с экономическими, политическими, военно-стратегическими аспектами, а также с природными ресурсами, экологией и международной политикой. В академической литературе представлено множество методов для описания этой сложной дисциплины.

В современной геополитической теории концепция пространства охватывает не только традиционные природные и географические аспекты, такие как земные, морские и аэрокосмические пространства, но также принимает в расчет социальные измерения. Эти социальные измерения включают экономические, информационные, а также духовные и культурные аспекты. Такой широкий подход к пониманию пространства вызван необходимостью соответствия анализа сложившейся сложной структуре общественных связей, что способствует более точному и актуальному осмыслению исследуемых явлений.

Во многих геополитических теориях постоянно возникают такие элементы как контроль за территориями, их

экспансия и интересы, формирующие политическое пространство. Эти концепции станут ключевыми для анализа в данном исследовании стратегических государственных документов. Также важное значение имеет понятие «большого пространства», подразумевающее объединение физико-географических или культурных зон через военные, экономические и идеологические средства.

В классической геополитике, основанной К. Шмитом, основное внимание уделяется стремлению государств к расширению своих территорий, что является ключевым аспектом концепции «большого пространства». Эта идея подразумевает, что развитие страны часто связано с увеличением её географического пространства через экспансию, которая в геополитическом контексте традиционно ассоциируется с завоеванием новых территорий и созданием военно-политических зон влияния. Данные действия отражают узкоспециализированную природу этого процесса в рамках геополитических стратегий.

Вдохновляясь определением К.Э. Сорокина [3], можно утверждать, что экспансия представляет собой сложный многогранный процесс, направленный одновременно на различные цели. Это понятие в современности охватывает не только военное измерение, но и ряд других ключевых аспектов, таких как информационное, цивилизационное, политическое, демографическое и экономическое расширение.

В геополитической теории особое значение придается изучению политического пространства, которое является ключевым атрибутом национального государства и определяется через границы, обеспечивающие защиту и безопасность страны. Границы создают основу для пространственных взаимоотношений между странами и становятся центральным элементом в случаях конфликтов за контроль, аннексию или развитие территорий. Эти проблемы поднимают вопросы управления пространством, которое может быть политическим, экономическим или военным, что является следствием основных геополитических принципов.

Общий стратегический направление страны легко предсказать, если понимать, что представляет собой национальный или государственный интерес. Это ключевой элемент в геополитике. В дополнение, важно учитывать различные аспекты, такие как цивилизационные, коммуникационные, демографические и информационные изменения.

В начальный период после распада Советского Союза, ведущие российские политики во главе с министром иностранных дел Андреем Козыревым предполагали, что главные угрозы для страны заключаются в возможной экономической и политической изоляции. Они утверждали, что Россия сможет противостоять этим вызовам, вступив в экономическую и дипломатическую интеграцию с мировым сообществом, которое в тот момент доминировало Западом [4]. Козырев и его команда видели будущее России как одной из ведущих демократических держав нового мирового порядка, ориентированного на всеобщие человеческие ценности.

Государство последовательно преодолевало геополитические рубежи, руководствуясь Концепцией внешней политики, официально утвержденной указом Президента Бориса Ельцина 23 апреля 1993 года. Эта стратегия стала основой для проведения внешнеполитической линии Российской Федерации [5].

В новых условиях формируется уникальная структура приоритетов, выделяя две взаимопротивоположные стратегии. Одна из них явно выражена, тогда как вторая более напоминает общую тенденцию. В контексте определенных основ внешней политики, таких как «содействие созданию условий за рубежом для способство-

вания демократическим изменениям, а также привлечение финансовой и технической помощи для разработки функционирующей рыночной экономики», внешнеполитическая стратегия ориентирована на поддержку либерально-демократических реформ. Это влечёт за собой стремление к укреплению альянсов с ключевыми западными демократиями.

Объединяет ее с этой группой стран общее видение ключевых мировых ценностей и согласие по важнейшим глобальным вопросам. США, являющиеся лидером атлантического альянса, признаны основным партнером и потенциальным союзником. В контексте разработанной концепции важное место отводится отношениям с США. В классической геополитике такие отношения могут рассматриваться как необычный альянс между континентальным государством и его основным морским соперником.

Стратегия России включает активное взаимодействие с государствами Содружества Независимых Государств в рамках усилий по укреплению региональной безопасности и формированию зоны спокойного соседства. Это направление, важное для стабилизации окружающего Россию геополитического пространства, предполагает использование многоуровневого подхода, ориентированного на интеграционные процессы и практическое применение геополитических стратегий, которые учитывают географические аспекты региона.

В документе подчеркивается стремление к созданию единой стратегической линии, охватывающей как внутреннее, так и международные аспекты геополитики. Отмечается важность формирования стабильного военно-стратегического пространства, а также акцентируется на важности экономической интеграции. Это включает в себя поддержание эффективной системы экономических отношений, улучшение монетарной системы и законодательного регулирования экономических связей.

В документе утверждается, что Россия должна стать ключевым элементом в создании общего культурного пространства. Сотрудничество между российскими предприятиями и их аналогами в странах бывшего СССР подчеркивается как важный аспект в этом процессе. Тем не менее, в тексте присутствует также идеалистическая мысль о том, что ведущие демократии мира признают и поддерживают роль России в обеспечении стабильности на постсоветском пространстве, и даже видят необходимость в усилении этой роли. В части, касающейся отношений с США, предложено активизировать взаимодействие.

В документе указывается, что Россия намерена активно сопротивляться расширению военно-политического влияния иных государств в странах, граничащих с ней [5, с. 27]. Однако привлечение Соединенных Штатов к роли медиатора в разрешении конфликтов и защите прав человека в государствах СНГ и Прибалтики противоречит этому, поскольку США, как ведущий геополитический актор, вероятно будут стремиться реализовать собственные интересы, игнорируя чужие [5, с. 33].

В обсуждении геополитических аспектов становится ясно, что процессы интеграции в регионе бывшего Советского Союза еще не нашли своего завершения в виде четкого выбора стратегического партнерства с крупными странами континента, такими как Китай, Иран и Индия. К тому же, стремление России укрепить своё положение как значимого евразийского игрока, обладающего весомыми геополитическими интересами в зонах, прилегающих к её границам, находится в резком противоречии с её же прозападной стратегической ориентацией, которая была определена как основная в концептуальных документах.

В 1996 году внешняя политика России претерпела значительные изменения, обусловленные не только сменой лидерства в министерстве иностранных дел, но и изменениями в мировой политической арене. Е.М. Примаков вступил в должность министра, что совпало с выборами в США. Начальная концепция внешней политики России 90-х, ориентированная на сближение с западным блоком под руководством США, оказалась в разрезе с основными геополитическими приоритетами страны и осталась на уровне лишь декларативного документа, не применяемого на практике.

Б. Клинтон был повторно избран на пост, после чего началась активная фаза внедрения американской стратегии, направленной на укрепление однополярного мирового порядка с акцентом на военное влияние и продвижение «демократии» через НАТО. В ответ на это, российский министр предложил идею о создании многополярного мира [6].

Программа, которую он предложил, была основана на идее «национального интереса», объединяющей как внутренние, так и международные аспекты. В ней подчеркивалось, что Россия должна избегать ограничения себя исключительно экономическими и федеральными вопросами или политикой великой державы на международной арене. В рамках так называемой «доктрины Примакова» говорилось о необходимости экономии внешнеполитических усилий и отказе от ненужного дипломатического присутствия, при этом следует проводить активную многовекторную внешнюю политику, использовать все доступные ресурсы там, где они могут эффективно способствовать развитию страны внутри [7].

В декабре 1997 года была утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации, которая стала ключевым государственным документом, отражающим стратегию «национального интереса». Этот документ ясно демонстрирует применение геополитических принципов при разработке основных политических направлений в сфере национальной безопасности. В нём точно определены термины и концепции, характеризующие подходы в геополитике, которые лежат в основе формирования государственной стратегии по обеспечению национальной безопасности.

Концепция безопасности формируется на основе национальных интересов России, которые включают в себя защиту ключевых аспектов личной, общественной и государственной жизни. Экономическая безопасность выделяется как приоритет, особенно в контексте создания унифицированного экономического поля, что является основой для эффективной реализации национальных интересов. Важной задачей внешнеэкономической политики является усиление позиций на международных рынках и увеличение объёмов экспорта российских товаров, что способствует экономическому влиянию России на другие страны.

В марте 2023 года, на заседании с участием ключевых фигур Совета Безопасности России, которое проводилось под руководством Владимира Путина, министр иностранных дел Сергей Лавров представил новую редакцию Концепции внешней политики страны. Этот документ является фундаментом для определения направлений внешнеполитической деятельности России [8].

Процесс пересмотра и официального одобрения обновлений в стратегии внешней политики, особенно в контексте России, представляет собой значительное событие. Это связано с тем, что разработка такого документа затрагивает множество аспектов внутренней политики, включая борьбу за влияние между ключевыми группами элиты. Основная задача здесь – достижение

согласия между этими группами по ключевым направлениям государственной политики [9].

Международное восприятие внешнеполитических решений одной страны играет значительную роль, особенно когда оно касается ключевых документов. Эти изменения в политической стратегии страны анализируются на международной арене, так как они могут напрямую затрагивать национальные интересы других государств, что является центральным аспектом их внешнеполитической доктрины. В этом контексте, каждое действие в рамках внешней политики страны тщательно оценивается её международными партнёрами, учитывая важность этих решений.

Россия, занимающая уникальное геополитическое место на глобальной сцене, всегда находится в центре внимания международного сообщества из-за различных объективных причин, включая её географическое положение, культурно-историческое наследие, военные и экономические аспекты. В течение последних тридцати лет внешняя политика страны претерпела значительные изменения, которые привели к усложнению отношений с группой стран, известных как коллективный Запад.

Эксперты в области политологии указывают на то, что российская внешняя политика последних лет характеризуется активным ответом на действия западных стран. При этом Россия не только реагирует, но и активно продвигает и защищает свою уникальную позицию в вопросах управления международными отношениями.

В заключение можно выделить ключевые периоды в истории внешней политики России, которые демонстрируют её развитие на международной арене. Начиная с 1993 по 2000 год, Россия активно формировала свою роль в мировых делах, стремясь интегрироваться в западные структуры и устанавливая партнёрские отношения с странами Евро-Атлантического блока. Этот период характеризуется поиском Россией своего места в системе международной политики и акцентом на национальные интересы. В период с 2008 по 2013 год, Россия заявила о себе как о значимом игроке, утверждая своё влияние в глобальных процессах.

В развивающемся мире с несколькими центрами власти страна активно формирует свою политику, опираясь на национальные интересы и прагматизм. Это включает в себя противостояние политике, проводимой НАТО под руководством США. Одновременно, нарастая влияние в постсоветском регионе и утверждаясь как ведущая держава, она также укрепляет военно-политические и экономические связи с такими странами, как Индия и Китай. Это соответствует стратегии создания «треугольника» РИК (Россия – Индия – Китай), о чем упоминал Е.М. Примаков в своих работах.

В 2016 году Россия признавалась ключевым государством, играющим роль в поддержании глобальной стабильности и безопасности. Это стремление основывалось на принципах, описанных в уставе ООН, об универсальной и неделимой безопасности. Россия активно участвовала в международном диалоге, взаимодействуя с основными мировыми державами, стремясь сформировать новую многополярную мировую систему из существующей политической обстановки.

К 2023 году Россия укрепила своё положение как значимый актор в Евразийском и Евро-Тихоокеанском регионах.

Цивилизация продолжает принимать на себя роль в укреплении глобальной стабильности и безопасности. Это достигается через создание и поддержку многополярной структуры мирового порядка, которая функционирует параллельно с существующей системой, уста-

новленной странами англо-саксонского мира и основывающейся на определённых правилах.

Россия, стремясь к ведению своей внешней политики, намерена укрепить политический диалог, особенно с такими странами как США, которые действительно заинтересованы во взаимодействии. Важность этого диалога усиливается тем, что Россия видит себя не просто как страну, но как цивилизацию с уникальными геополитическими, географическими, историческими, экономическими и духовно-нравственными особенностями. Эти аспекты формируют национальные интересы России и обуславливают необходимость следования определённого курса во внешней политике. Ключевым аспектом остаётся развитие эффективных международных отношений, основанных на взаимопонимании и сотрудничестве.

Литература

1. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997.
2. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5.
3. Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и Россия // Полис. 1995. № 1.
4. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. 4.
6. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.
7. Примаков Е.М. Россия в мировой политике // Год Планеты. М., 1998.
8. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Совещании с постоянными членами Совета Безопасности Российской Федерации, Москва, 31 марта 2023 года, официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1861005/ (дата обращения: 25.09.2025).
9. Дробот Галина Анатольевна О Концепции внешней политики России 2016 года // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-vneshney-politiki-rossii-2016-goda> (дата обращения: 25.09.2025);

THE EVOLUTION OF THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHANGES IN THE WORLD POLITICAL ARCHITECTURE

Anisimov N.V.

Slavic-Greek-Latin Academy

This article analyzes the evolution of the foreign policy strategy of the Russian Federation in the context of global changes in the world political architecture. It examines the key stages in the transformation of Russia's foreign policy doctrine from the late 20th century to the present day, including the periods of post-Soviet perestroika, the strengthening of state sovereignty, and modern multipolarity. The author focuses on important factors influencing the formation of foreign policy, such as the balance of power in international relations, economic and geopolitical interests, and the response to the challenges of globalization. The article also analyzes Russia's role in international organizations and its strategy amid the changing balance of power in the world. Studies on the potential of Russia's diplomatic cooperation emphasize the importance of adapting its foreign policy to new challenges and threats.

Keywords: foreign policy strategy, global changes, international relations, geopolitics, globalization.

References

1. Dugin A.G. Fundamentals of Geopolitics. Moscow, 1997.
2. Tsymbursky V.L. Island Russia. Prospects of Russian Geopolitics // Polis. 1993. No. 5.
3. Sorokin K.E. Geopolitics of the Modern World and Russia // Polis. 1995. No. 1.
4. Kozыrev A.V. Partnership Strategy // International Affairs. 1994. No. 5.
5. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. 1993 // Foreign Policy and Security of Modern Russia. 1991–2002: Reader. In 4 volumes. Vol. 4.
6. Primakov E.M. International Relations on the Eve of the 21st Century: Problems and Prospects // International Affairs. 1996. No. 10.
7. Primakov E.M. Russia in World Politics // Year of the Planet. Moscow, 1998.
8. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the Meeting with the Permanent Members of the Security Council of the Russian Federation, Moscow, March 31, 2023, official website [Electronic resource]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1861005/ (date of access: 25.09.2025).
9. Drobot Galina Anatolyevna On the Concept of Russia's Foreign Policy for 2016 // Social and Humanitarian Knowledge. 2017. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-vneshney-politiki-rossii-2016-goda> (date of access: 25.09.2025);

Государственная политика в сфере изъятия и национализации недвижимости: институциональный анализ российской практики

Атаян Арам Ашотович,

магистр юриспруденции, аспирант направления
“Политические институты, процессы и технологии”,
Пятигорский государственный университет
E-mail: atayan-bc@mail.ru

В статье рассматриваются особенности государственной политики в сфере национализации недвижимости в современной России. Национализация представлена не только как экономическая мера, но и как политический инструмент, связанный с обеспечением устойчивости, общественного доверия и эффективного управления. Автор анализирует причины принятия таких решений, формы изъятия собственности и их влияние на восприятие государственной власти. Отмечается значение прозрачности процедур и необходимости учитывать интересы всех участников – государства, общества и собственников. Делается вывод о возможности использования национализации как элемента сбалансированной и легитимной государственной стратегии.

Ключевые слова: национализация, недвижимость, государственная политика, доверие, устойчивость, легитимность.

Введение

Тема национализации собственности, особенно в сфере недвижимости, приобретает в современной России особую актуальность. В условиях роста внешнеполитического давления, глобальных экономических изменений и возрастания роли государства в управлении ключевыми активами, механизмы изъятия частной недвижимости и передачи ее в публичное владение стали предметом не только правового, но и политико-институционального осмысления. При этом речь идет не о возвращении к экстремальным практикам прошлого, а о формировании сбалансированной модели регулирования, направленной на обеспечение стабильности и социальной устойчивости.

Современная практика показывает, что государство всё чаще вынуждено принимать участие в регулировании оборота недвижимости, особенно в случаях, когда объекты такого регулирования представляют значимую инфраструктурную, социальную или стратегическую ценность. В этих условиях национализация становится одним из возможных инструментов реализации государственной политики в интересах общества, регионального развития и национальной безопасности. Необходимо отметить, что при этом сохраняется необходимость соблюдения конституционных принципов, гарантирующих защиту прав собственников и механизмов компенсации.

Важно, что понятие национализации в настоящее время значительно шире, чем в классическом правовом представлении. Оно включает в себя не только принудительное изъятие имущества по решению суда, но и более гибкие формы, такие как временное управление, возврат активов в государственную собственность по основаниям системной неэффективности частного владельца или отказа от социальной ответственности. Такой подход позволяет учитывать специфику переходных ситуаций и адаптировать правовые меры под стратегические приоритеты государства.

Актуальность темы обусловлена необходимостью научного анализа действующих механизмов и институциональных последствий национализации недвижимости в условиях современной политической реальности. Объектом настоящего исследования выступает государственная политика в сфере регулирования имущественных отношений, а предметом – институциональные и правовые аспекты применения мер национализации недвижимости, а также их влияние на устойчивость системы публичного управления, политическую легитимность и доверие к институтам.

Целью настоящей статьи является анализ государственной политики в области национализации недвижимости в Российской Федерации с опорой на институциональный подход, а также формулирование предложений по обеспечению баланса между публичным интересом и правами частных собственников. Исследование строится на основе нормативных актов Российской Федерации, отечественной научной литературы и практики реализации отдельных решений в рамках действующей политико-правовой системы.

Методологически статья опирается на институциональный подход, в рамках которого анализируются

устойчивые правила и практики, регулирующие отношения между государством, обществом и собственниками в сфере недвижимости. Исследование выполнено в логике современного институционального анализа и аналитико-правового подхода. Объектом является процесс вмешательства государства в право собственности на недвижимость в Российской Федерации, а предметом выступают правовые механизмы таких вмешательств и их институциональные характеристики (процедуры, гарантии, риски, эффекты).

Основная часть

Национализация в современной России рассматривается не только как правовой инструмент, но и как средство выполнения приоритетных задач с помощью изъятия собственности. В отличие от классического понимания, в котором она ассоциировалась с переходом к централизованной экономике, сегодня речь идет о точечных, функционально обоснованных мерах, направленных на решение конкретных управленческих и экономических задач.

Государственная политика в этой сфере формируется на пересечении нескольких направлений: обеспечение экономической безопасности, поддержание социальной стабильности и регулирование стратегических отраслей. Национализация объектов недвижимости может применяться в случаях, когда продолжение их частного использования создает риски для общественных интересов или препятствует выполнению социально значимых функций. Это особенно актуально в реалиях ограниченного доступа к внешним инвестициям, сокращения присутствия иностранного капитала и необходимости мобилизации внутренних ресурсов.

Следует подчеркнуть, что современная российская практика национализации опирается на гибкий подход: изъятие имущества производится не в массовом порядке, а в строго определенных обстоятельствах. Такая избирательность поддерживает восприятие государственной политики как справедливой в отношении частной собственности и помогает одновременно усилить управляемость в чувствительных секторах. Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 года № 302 «О временном управлении имуществом отдельных иностранных компаний» служит примером такого подхода. Он демонстрирует стремление государства обеспечить бесперебойное функционирование критически важных объектов при сохранении правопреимственности и соблюдении базовых юридических процедур.

Кроме того, в отечественной практике наблюдается тенденция к расширению понятийного поля национализации. Это связано с тем, что реализация государственной стратегии требует оперативности, а значит выхода за рамки исключительно судебных процедур. Такие формы, как введение внешнего управления, изъятие активов в случаях нецелевого использования или отказа от исполнения социальных обязательств, становятся частью новой управленческой практики. Важно, что при этом подчеркивается приоритет публичного интереса, а не репрессивный характер подобных решений.

На практике национализация может принимать разнообразные организационно-правовые формы, от временного управления до прямого перехода права собственности в государственное или муниципальное владение. Такая вариативность форм обусловлена необходимостью учитывать характер объекта, степень его стратегической важности и общественную значимость. Одним из ключевых факторов при этом выступает баланс между эффективностью вмешательства и соблюдением интересов собственников.

Одной из наиболее часто используемых форм является временное внешнее управление. Оно предполагает сохранение формального права собственности за прежним владельцем, при этом управление и прибыль переходят к назначенному государством управляющему. Эта форма активно применяется в отношении иностранных компаний, приостановивших деятельность на территории России, и позволяет обеспечить непрерывность производственного процесса, сохранить рабочие места и инфраструктуру. Указ № 302, уже упомянутый ранее, выступает основой для подобного рода мер. Он позволяет не только сохранить управление стратегическими объектами, но и минимизировать правовые конфликты, сохраняя преемственность в хозяйственной деятельности и социальные гарантии для работников.

Прямая национализация осуществляется значительно реже и требует более жесткого юридического обоснования. Она возможна в исключительных случаях, например, при систематическом нарушении условий использования имущества, его заброшенности или нанесении ущерба окружающей среде. В этих ситуациях инициатором может выступать как государственный орган, так и муниципалитет, действующий в интересах населения. Такие решения, как правило, принимаются с обязательной компенсацией, что соответствует положениям Конституции Российской Федерации и закрепленным в ней гарантиям защиты частной собственности. Важно учитывать, что размер и механизм такой компенсации должны быть справедливыми и учитывать рыночную стоимость имущества, что требует прозрачных процедур оценки и юридической поддержки со стороны государства.

Еще одной формой может выступать конвертация собственности в пользу государства в рамках процедур банкротства, когда государственные структуры становятся основными кредиторами или инвесторами. Здесь изъятие формально оформляется как результат рыночных процессов, но по сути выполняет функцию восстановления управляемости и предотвращения социальных рисков.

Таким образом, в распоряжении государства присутствует целый спектр инструментов, обеспечивающих вариативность института национализации. Их применение возможно в рамках действующего правового поля, однако эффективность этих инструментов зависит от наличия понятных критериев и доверия со стороны общества. Формы изъятия не ограничиваются одним нормативным сценарием, напротив, они отражают способность государства реагировать на кризисы и преобразовывать институциональную среду в соответствии с новыми задачами. Такая гибкость позволяет не только оперативно устранять угрозы социальной и экономической стабильности, но и формировать долгосрочные модели взаимодействия между публичным и частным секторами в интересах устойчивого развития.

Национализация как инструмент государственной политики исполняет в современной системе власти несколько ключевых функций. Во-первых, она выступает механизмом укрепления устойчивости институтов, позволяющим государству осуществлять контроль над ключевыми секторами экономики в случаях экономической нестабильности. Во-вторых, национализация выполняет демонстрационную функцию, через нее государство демонстрирует свою способность защищать интересы граждан в условиях нестабильности, подтверждая статус гаранта порядка, социальной справедливости и национального суверенитета. Такие действия укрепляют общественное восприятие государства как ответственного лица в кризисных ситуациях.

Национализация способствует политической устойчивости, поскольку позволяет государству сохранять контроль над активами, от которых зависят социальное спокойствие и экономическая стабильность. Когда государство напрямую управляет важными предприятиями и объектами инфраструктуры, оно может быстрее реагировать на кризисы, минимизировать риски и обеспечивать выполнение приоритетных задач. Это усиливает доверие к власти, укрепляет её авторитет и способствует сохранению управляемости в условиях внутренней и внешней нестабильности.

Таким образом, национализация одновременно решает экономические задачи и усиливает устойчивость политической системы в целом.

Одним из ключевых факторов эффективности государственной политики в сфере национализации является уровень доверия к принимаемым решениям. Восприятие мер изъятия собственности, даже при соблюдении всех правовых процедур, во многом зависит от того, насколько они понятны, предсказуемы и справедливы с точки зрения общества.

Когда значительная часть населения традиционно воспринимает государство как основной источник порядка и социальной защиты, способность власти четко объяснять причины и цели национализации становится критически важной. Только при наличии ясной, аргументированной позиции государство может рассчитывать на поддержку граждан, особенно если речь идёт о вмешательстве в имущественные отношения и перераспределении собственности в публичных интересах.

Легитимность подобных действий формируется не только через формальное правовое обоснование, но и через институциональное доверие, то есть готовность граждан признавать справедливость и необходимость решений, даже если они затрагивают экономические интересы отдельных субъектов. В этом контексте важную роль играет информационная открытость: регулярное разъяснение логики вмешательства, публичное обсуждение социально значимых кейсов и демонстрация позитивных результатов повышают готовность общества к восприятию таких мер как разумных и обоснованных.

Следует, что доверие к институтам власти напрямую связано с тем, как реализуется политика национализации. Чем выше уровень прозрачности, предсказуемости и социального обоснования мер, тем устойчивее восприятие легитимности государственной политики в обществе. Это укрепляет политическую стабильность и снижает риски общественных разногласий.

Реализация политики национализации неизбежно затрагивает интересы разных групп, и от способности государства выстраивать между ними баланс зависит не только эффективность конкретных мер, но и устойчивость всей политико-правовой системы. Национализация недвижимости требует учета прав собственников, интересов общества и стратегических задач государства. Нарушение этого баланса может привести к институциональным и репутационным издержкам, снижению инвестиционной привлекательности и росту социального напряжения в регионах, где население может воспринимать происходящее как несправедливое перераспределение ресурсов или игнорирование частных интересов. Подобная реакция способна подорвать доверие к власти и затруднить реализацию иных различных реформ.

С точки зрения государства, ключевой задачей является обеспечение стабильного функционирования экономики, сохранение и развитие социальной инфраструктуры, а также защита национальных интересов. Особенно это актуально в условиях внешнего давления и санк-

ционного режима. В таких обстоятельствах государство вправе использовать все предусмотренные законом механизмы для сохранения управляемости над критически важными объектами.

Однако, принимая подобные решения, оно должно одновременно демонстрировать готовность к открытому диалогу с обществом и учитывать возможные последствия для делового климата. Только при наличии эффективной коммуникации и предварительного анализа рисков такие меры будут вызывать признание и общественную поддержку, а не восприниматься как проявление административного произвола.

Таким образом, эффективная политика в сфере национализации недвижимости требует выстраивания устойчивого механизма согласования интересов всех сторон. Это возможно только при условии открытости и обоснованности механизмов принятия решений. Государство, выступающее в роли регулятора и участника, должно действовать не только на основании закона, но и на основе общественного доверия, открытости и уважения к базовым ожиданиям общества.

Заключение

Национализация недвижимости в современной России представляет собой сложный, многослойный процесс, сочетающий в себе правовые, политические и социальные аспекты. Она выступает не только как средство реагирования на экстренные вызовы, но и как инструмент реализации долгосрочных государственных стратегий, направленных на обеспечение устойчивости и управляемости социально значимых активов. В условиях глобальной нестабильности и усиления внешнеэкономического давления государство демонстрирует способность гибко адаптировать механизмы регулирования, в том числе через изъятие имущества, если это продиктовано интересами общества и безопасности страны.

В статье показано, что современная практика национализации основывается на принципах избирательности, правомерности и обоснованности. Используемые формы от временного управления до передачи собственности в публичное владение, позволяют учитывать особенности каждого случая. Особое внимание в статье уделено институциональной роли национализации как инструмента повышения авторитета государственных институтов, легитимации власти и стимулирования внутренней политической стабильности.

Выявлено, что эффективность государственной политики в данной сфере напрямую зависит от способности обеспечивать равновесие между интересами государства, собственника и общества. Доверие к принимаемым мерам возможно только при наличии прозрачных правил, справедливых процедур и развитой системы обратной связи. В кризисных условиях, любые, даже формально законные действия, могут вызывать сомнение, тогда как последовательная, социально ориентированная политика способна укреплять легитимность власти.

Национализация, таким образом, не должна восприниматься исключительно как репрессивная мера. Напротив, при грамотной реализации она способна стать элементом устойчивого развития, основой для обновления институтов собственности и расширения возможностей публичного управления. Дальнейшее совершенствование механизмов в этой сфере требует комплексного подхода: сочетания правовых реформ, институционального диалога и повышения управленческой культуры.

В долгосрочной перспективе национализация недвижимости может служить не только реакцией на кризисы, но и частью сбалансированной государственной страте-

гии. При этом важно сохранять приверженность основам правового государства, уважение к правам собственников и ориентацию на общественное благополучие, только в этом случае национализация станет действительно легитимным и эффективным инструментом государственной политики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.06.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1–4 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 18.06.2025).
3. Указ Президента РФ от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении имуществом отдельных иностранных компаний» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 18. – Ст. 3152.
4. Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4919.
5. Автономов А. Я. Публичные интересы и частная собственность: точки пересечения // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 43–51.
6. Смирнов А. В. Национализация в правовом государстве: возможности и ограничения // Государственная служба. – 2021. – № 6. – С. 88–93.
7. Калининченко П. А. Конституционные гарантии права собственности в контексте национализации // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 31–36.
8. Лапаев В. Н. Институциональные механизмы государственной собственности в России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 2. – С. 19–27.
9. Шевченко И. Ю. Социальная легитимность государственной политики: концептуальные подходы // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. – 2021. – № 3. – С. 45–59.
10. Тихонов Д. С. Политическая роль собственности в современной России // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 76–84.

STATE POLICY ON THE SEIZURE AND NATIONALIZATION OF REAL ESTATE: AN INSTITUTIONAL ANALYSIS OF RUSSIAN PRACTICE

Atayan A.A.

Pyatigorsk State University

The article explores the features of state policy on the nationalization of real estate in modern Russia. Nationalization is presented not only as an economic measure, but also as a political tool aimed at ensuring stability, public trust, and effective governance. The author analyzes the reasons behind such decisions, the forms of property expropriation, and their impact on the public perception of state authority. The importance of procedural transparency and the need to consider the interests of all parties – the state, society, and property owners – are emphasized. It is concluded that nationalization can serve as part of a balanced and legitimate state strategy.

Keywords: nationalization, real estate, state policy, trust, stability, legitimacy.

References

1. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 18.06.2025).
2. Civil Code of the Russian Federation. Parts 1–4 [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of access: 18.06.2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2023 No. 302 “On the temporary management of the property of certain foreign companies” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 18. – Art. 3152.
4. Federal Law of December 21, 2001 No. 178-FZ “On the Privatization of State and Municipal Property” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52. – Article 4919.
5. Avtonomov A. Ya. Public Interests and Private Property: Points of Intersection // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 5. – Pp. 43–51.
6. Smirnov A. V. Nationalization in a Rule of Law State: Possibilities and Limitations // Civil Service. – 2021. – No. 6. – Pp. 88–93.
7. Kalinichenko P. A. Constitutional Guarantees of Property Rights in the Context of Nationalization // Constitutional and Municipal Law. – 2020. – No. 11. – Pp. 31–36.
8. Lapaev, V. N. “Institutional Mechanisms of State Ownership in Russia.” Issues of Public and Municipal Administration, 2022, no. 2, pp. 19–27.
9. Shevchenko, I. Yu. “Social Legitimacy of State Policy: Conceptual Approaches.” Moscow State University Bulletin, Series 12: Political Sciences, 2021, no. 3, pp. 45–59.
10. Tikhonov, D. S. “The Political Role of Ownership in Modern Russia.” Polis. Political Studies, 2020, no. 6, pp. 76–84.

Фольклорные атрибуты как прообразы современных цифровых технологий: компаративный анализ

Ахчиев Ислам Муссаевич,

аспирант Института социально-экономических наук
Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: islam.axciev@bk.ru

В современном исследовательском процессе фольклорное наследие сохраняет свою актуальность, поскольку является многослойным и глубинным источником для анализа характера эволюции и интерпретации социокультурного и социоментального опыта прошлых поколений, воплощённого через сложную систему символов, образов и архетипов.

В статье рассматривается фольклор как культурно-семиотическая матрица, предвосхищающая архитектуру цифровой эпохи. На материале русских народных сказок анализируются архетипы дарителей, магических посредников и волшебных артефактов, выступающих в роли прототипов современных интерфейсов, ИИ-систем и алгоритмов автоматизации. Через компаративный анализ выявляются устойчивые модели делегирования агентности, предсказания, управления и трансцендирования границ человеческого. Автор показывает, что цифровые технологии не антиподы магического, а его алгоритмически реконструированная форма. Интерфейс, нейросеть, цифровой агент – это не только инженерные структуры, но и фигуры нового цифрового анимизма. Работа предлагает философскую интерпретацию ИИ как культурного артефакта, репрезентирующего переход от мифопоэтической модели мышления к вычислимой онтологии.

Ключевые слова: фольклорные атрибуты, потусторонние силы, дарители, цифровые технологии, символические прообразы.

Введение

Массив фольклорно-сказочных текстов исторически является аккумулятором мировоззренческих «картин», социальных представлений и ментальных реакций, бытовых, жизнедеятельностных и ритуально-обрядовых практик. Фольклорное пространство, сформированное многовековой устной народной традицией, содержит не только воображаемые феномены и явления, но и отражает реальные жизненные устремления и социально-бытийные стратегии людей в ту или иную историческую эпоху. Мифологизация действительности предстает скорее как акт творческого самовыражения человека, который в силу превалирующего магического мышления гиперболизировал некоторые грани реальности, а «смыслы, воплощенные в традиционном фольклоре, в значительной мере представляют собой аспекты коллективной модели мира» [4, с. 47].

Обсуждение

Как было отмечено ранее, сказочный фольклор отражает некоторую совокупность социальных стратегий бытия человека. Одной из таковых является делегирование решения сложных задач внешним исполнителям – агентам потустороннего мира зооморфной или антропоморфной природы – операторам волшебства. Сама «сказка полна мотивов, содержащих в себе веру в существование «потустороннего мира» [10, с. 164].

При осуществлении стратегии достижения герои фольклора для решения базовых и сложных задач зачастую обращаются к тем самым «потусторонним силам» (Баба-Яга, Жар-птица, Золотая рыбка, Сивка-Бурка, Говорящая щука и др.), обеспечивающим выход / трансценденцию за рамки возможностей человеческой природы. Говоря о современной реальности, следует отметить схожую ситуацию, когда человек делегирует решение профессиональных, когнитивных и прочих задач цифровым технологиям и системам искусственного интеллекта (опять же выходящим за рамки естественного разума – то есть человеческой природы).

Анализируя сюжетные линии отечественных сказок, можно проследить воплощение данной стратегии через поступки главных героев, которые «находят нетрадиционные («креативные», «новаторские») решения, казалось бы, даже в обычной бытовой ситуации» [3, с. 66].

Например, Иван-дурак из сказки «Сивка-бурка». Через вербальную формулу-вызов «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» [7, с. 6] герой сказки неоднократно прибегал к помощи «дарителя» – оператора волшебства, от которого было получено волшебное средство (термин В.Я. Проппа) [8, с. 203] для преодоления барьерной ситуации. «Многое что получает Иван, дается ему магическими существами» [9, с. 43]. Сюжетная миссия Емели из сказки «По щучьему веленью» также реализуется при повсеместном содействии Говорящей щуки, которая передала своему пленителю секретное заклинание, благодаря чему «происходит точечное изменение реальности» [1]. Постоянным «дарителем» в целом массиве народных

сказок выступает Баба-Яга, которая «в большинстве изученных сказок представлена как положительный персонаж» [5, с. 37], обладающий «энциклопедическими» познаниями и владеющий арсеналом магических средств, способных существенно упростить испытания главного героя.

Приведенные примеры помогают проследить ведущую стратегию сказочных акторов – прибегание к помощи «иных сил». Эти образы и идеи можно рассматривать как своего рода метафорические прототипы некоторых технологических достижений современности. Современные цифровые технологии всё чаще выступают как неоформленные «фигуры-дарители», где за интер-

фейсной простотой скрывается сложный механизм алгоритмического предвидения. В условиях повсеместной автоматизации и роста зависимости от искусственного интеллекта субъект, по сути, вступает в новый «договор с потусторонним», только теперь его средой обитания становится не мифическое и не религиозное пространство, а код, обладающий собственной внутренней логикой и властью. Мы имеем дело не просто с инструментами, а с квазисубъектами, чьи решения часто выходят за пределы нашего понимания – именно так, как в сказке герой не до конца осознаёт природу силы, которой он пользуется.

Таблица 1. Сравнительный анализ фольклорных атрибутов и современных цифровых технологий

Фольклорный атрибут	Современная технология	Функция	Контекстуальные различия
Заклинания, например, «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!», «По щучьему велению, по моему хотению» и др.	Голосовой ассистент (Siri)	Активация системы через вербальный запрос	Сакральное слово vs. техническая команда (алгоритмический триггер)
Волшебный клубок	GPS-навигация	Ориентирование в незнакомом пространстве	Мистический проводник (связь с потусторонним миром) vs. спутниковые данные (рациональное вычисление координат)
Серебряное блюдечко и наливное яблочко	Умные экраны с AR-технологиями	Дистанционный мониторинг и визуализация	Сакральное предвидение (отражение «иного» мира) vs. цифровая визуализация (наложение данных на реальность)
Гусли-самогуды	Алгоритмы рекомендаций (Spotify)	Автоматизация развлечения	Магическая автономия (самоиграющий инструмент) vs. Big Data-анализ (статистика предпочтений)
Сапоги-скороходы	Высокоскоростной транспорт (Hyperloop)	Быстрое перемещение в пространстве	Магическое ускорение (нарушение законов природы) vs. инженерный прорыв (оптимизация физических процессов)
Шапка-невидимка	Стелс-технологии (радарная невидимость)	Снижение заметности действующего субъекта	Инициация героя (преодоление границ между мирами) vs. военно-инженерная задача (уклонение от обнаружения)
Волшебное зеркало	Нейросети	Оперативный доступ к информации и знаниям	Мистический оракул (ответы как откровение) vs. машинное обучение (анализ паттернов в данных)

Рассматривая цифровые аналоги (см. табл. 1) сквозь призму сказочной семиотики, можно утверждать, что современные технологии не столько отменяют фольклорное мышление, сколько парадоксальным образом его подтверждают. Цифровое не разрушает магическое – оно его «пересчитывает», реконструирует в терминах вычислимого и программируемого. Например, шапка-невидимка и стелс-технологии не антиподы, а эпистемологические зеркала: обе работают с понятием «отсутствия в присутствии» и производят эффект неопознаваемости субъекта. По сути «даже самые фантастические образы фольклора имеют свою основу в реальной действительности» [2, с. 11]

Заключение

Многообразие фольклорной атрибутики отражает извечные устремления человека, которые константны на протяжении длительного времени его существования:

- обеспечение безопасности и защиты;
- преодоление физических расстояний и контроль пространства;
- доступ к информации и знаниям;

- коммуникация и социальное взаимодействие (в том числе дистанционное);
- автоматизация труда и делегирование рутинных процессов;
- контроль времени и прогнозирование.

Эти потребности универсальны и архетипичны. Можно констатировать, что «пространство фольклора является собой архаичную ступень познания действительного мира» [6]. Фольклорные артефакты и социокультурные технологии – две стороны одной медали – репрезентируют желание человека преодолеть ограничения физического мира. Если в сказках это достигалось через магических посредников (те же «дарители»), то сегодня – через алгоритмы, интерфейсы, генеративные системы ИИ. Следовательно, цифровые технологии нельзя понимать исключительно в категориях прогресса или утилитарности – они также продолжают онтологическую линию мифотворчества. В этом контексте ИИ предстает не как кульминация рационального разума, а как новая форма коллективного бессознательного – своего рода цифровой архаизм, в котором оживают древние матрицы взаимодействия с иным, с трансцендентным. Это открывает поле для цифровой философии как дисциплины, кото-

рая изучает не только то, что делает машина, но и то, кем становится человек в условиях со-бытия с ней.

Литература

1. Агафонова, А.А. Ихтиологические образы в русских народных сказках / А.А. Агафонова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 17 (76). – С. 613–615. – URL: <https://moluch.ru/archive/76/12974/> (дата обращения: 23.09.2025)
2. Владимир Леонидович Гребнев, Евгения Владимировна Шехватова Традиционный фольклор: вопросы репрезентации // Учёные записки (АГАКИ). 2022. № 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-folklor-voprosy-reprezentatsii> (дата обращения: 24.09.2025)
3. Грахова Светлана Ивановна, Скворцова Любовь Владимировна Образ одаренной личности в русской народной волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20140617/fulltext> (дата обращения: 21.09.2025)
4. Каминская Елена Альбертовна Культурные смыслы традиционного фольклора // Вестник ЧГАКИ. 2014. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-smysly-traditsionnogo-folklor> (дата обращения: 20.09.2025)
5. Ковальчук Л.П. Концептуальная интеграция смешанного пространства «Баба-Яга» в сказочном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-integratsiya-smeshannogo-prostranstva-baba-yaga-v-skazochnom-diskurse> (дата обращения: 24.09.2025)
6. Нагапетян, К.Ж. Концепты фольклора как протофилософские категории / К.Ж. Нагапетян. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 15 (95). – С. 701–703. – URL: <https://moluch.ru/archive/95/21313/>
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 5 т. Т. 2 – Н30 М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 320 с.
8. Неизвестные страницы русской фольклористики / Отв. ред. чл.-корр. РАН А.Л. Топорков. – М.: «Индрик», 2015. – 576 с.
9. Францева Е.Ю. Так ли прост Иванушка-дурачок на самом деле? // Вестник магистратуры. 2016. № 6–2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tak-li-prost-ivanushka-durachok-na-samom-dele> (дата обращения: 23.09.2025)
10. Хусаинова Р.М. Нечистая сила в русских народных сказках // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nechistaya-sila-v-russkih-narodnyh-skazkah-1> (дата обращения: 20.09.2025)

FOLKLORE ATTRIBUTES AS PROTOTYPES OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Akhtsiev I.M.

Russian State University for the Humanities

In the modern research process, folklore heritage retains its relevance, as it is a multi-layered and profound source for analyzing the nature of evolution and interpreting the socio-cultural and socio-mental experience of past generations, embodied through a complex system of symbols, images and archetypes.

The article examines folklore as a cultural-semiotic matrix that anticipates the architectonics of the digital age. Using the material of Russian folktales, it analyzes the archetypes of gift-givers, magical intermediaries, and enchanted artifacts as prototypes of modern interfaces, AI systems, and automation algorithms. Through comparative analysis, the study reveals persistent patterns of delegated agency, prediction, control, and the transcendence of human boundaries. The author argues that digital technologies are not the antitheses of the magical, but rather algorithmically reconstructed forms of it. Interfaces, neural networks, and digital agents are not merely engineering constructs—they are figures of a new digital animism. The article proposes a philosophical interpretation of artificial intelligence as a cultural artifact representing the transition from a mythopoetic mode of thought to a computable ontology.

Keywords: folklore attributes, otherworldly forces, benefactors, digital technologies, symbolic precursors.

References

1. Agafonova, A. A. (2014). Ikhtologicheskie obrazy v russkikh narodnykh skazkakh [Ichthyological images in Russian folk tales]. *Molodoy Uchenyy*, (17), 613–615. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/76/12974/>
2. Grebnev, V. L., & Shekhvatova, E. V. (2022). Traditsionnyy folklor: voprosy reprezentatsii [Traditional folklore: issues of representation]. *Uchenye Zapiski (AGAKI)*, (4). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-folklor-voprosy-reprezentatsii>
3. Grakhova, S. I., & Skvortsova, L. V. (2014). Obraz odarennoy lichnosti v russkoy narodnoy volshebnoy skazke [The image of a gifted personality in a Russian folk fairy tale]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, (4). Retrieved from <https://www.gramota.net/article/phil20140617/fulltext>
4. Kaminskaya, E. A. (2014). Kul'turnye smysly traditsionnogo fol'klora [Cultural meanings of traditional folklore]. *Vestnik ChGAKI*, (2). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-smysly-traditsionnogo-folklor>
5. Koval'chuk, L. P. (2011). Kontseptual'naya integratsiya smeshannogo prostranstva «Baba-Yaga» v skazochnom diskurse [Conceptual integration of the blended space “Baba Yaga” in fairy tale discourse]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, (3). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-integratsiya-smeshannogo-prostranstva-baba-yaga-v-skazochnom-diskurse>
6. Nagapetyan, K. Zh. (2015). Kontsepty fol'klora kak protofilosofskie kategorii [Folklore concepts as protophilosophical categories]. *Molodoy Uchenyy*, (15), 701–703. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/95/21313/>
7. Afanas'ev, A. N. (2008). Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: V 5 t. T.2 [Russian folk tales by A.N. Afanasiev: In 5 vols. Vol. 2]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub
8. Toporkov, A. L. (Ed.). (2015). Neizvestnye stranitsy russkoy folkloristiki [Unknown pages of Russian folklore studies]. Moscow: Indrik.
9. Frantseva, E. Yu. (2016). Tak li prost Ivanushka-durachok na samom dele? [Is Ivan the Fool really that simple?]. *Vestnik Magistratury*, 6–2(57). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/tak-li-prost-ivanushka-durachok-na-samom-dele>
10. Khusainova, R. M. (2014). Nechistaya sila v russkikh narodnykh skazkakh [The evil spirit in Russian folk tales]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, (1). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/nechistaya-sila-v-russkih-narodnyh-skazkah-1>

Китайский язык в России и русский в Китае: как языковая политика укрепляет двусторонние связи.

Белоусова Татьяна Павловна,

старший преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
России
E-mail: tp_belousova@mail.ru

Взаимный интерес к изучению языков – китайского в России и русского в Китае – способствует преодолению культурных и коммуникационных барьеров, укрепляя двустороннее гуманитарное сотрудничество. Языковая политика служит долгосрочной основой для углубления связей между странами. Активную роль в продвижении русского языка в Китае играют общественные организации, создающие языковые центры и обучение по обмену в российских вузах. Однако сохраняется потребность в адаптированных образовательных программах и развитии двусторонних связей. Перспективы развития связаны с усилением научно-исследовательской составляющей, интернационализацией профессиональной подготовки и обеспечением большей доступности языкового образования для различных групп населения.

Ключевые слова. Китайский язык, русский язык, языковая политика, иностранный язык, русистика, русская культура, русско-китайские отношения.

Введение

Русская культура оказывает достаточное влияние на китайское общество, чтобы назвать ее интересной и важной для изучения. Русский язык в Китае по-прежнему популярен благодаря не только активному участию России в мировой политике, но и работе межнациональных организаций, занимающихся образованием. Изучение русского в КНР возможно не только в языковых вузах, но и таких организациях, как: Китайское пушкинское общество, Ассоциация изучения русской и советской литературы, Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

В Китае широко известно творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Горького, советских и современных российских писателей. В последние двадцать лет можно отметить усиление творческих, образовательно-языковых связей между Китаем и Россией. В России популярность китайского языка выросла в разы, спрос на китайское направление в высших учебных заведениях возрос, как и взаимный интерес к культурам и истории. Значимость русской культуры в Китае можно подчеркнуть тем размахом празднования 200-летия А.С. Пушкина. Перед праздником в КНР было издано 15 томов собраний сочинений великого русского писателя. Взаимный интерес двух держав способствует распространению и симбиозу культур, укреплению двусторонних связей через изучение языка. Также языковой обмен является проявлением действия «мягкой силы» между странами и частью стратегического партнерства, направленного на сотрудничество в дальнейшем.

Основная часть

Изучение китайского языка в России и русского в Китае не только отражает заинтересованность общества в обмене знаниями, укреплении культурно-образовательного сотрудничества, но и в возможности открыто коммуницировать, преодолевая границы языкового барьера. Языковая политика двух стран становится мостом, укрепляющим двусторонние связи на долгосрочной основе.

К примеру, русская музыкальная культура пользуется в Китае значительной популярностью, есть определенные направления, которые вызывают у китайцев особый интерес. В Китае работает несколько десятков крупных хоровых коллективов, которые регулярно организуют концерты и мероприятия, посвященные исполнению произведений на русском языке. Практически весь классический песенный репертуар был переведен на китайский и систематизирован в серии из пяти двуязычных сборников, изданных за последние годы [5].

Информационное и медиапространство также содержит российские источники и материалы для китайцев. В крупных регионах Китая работают издательства, публикующие различные журналы и книги на русском языке. Целевая аудитория таких издательств – это китайские студенты языковых вузов, русскоговорящие туристы, а также местные жители, изучающие русский язык и интересующиеся культурой. Примером медиа является

ся агентство «Синьхуа», которое выпускает ежедневный информационный бюллетень объёмом до ста страниц, а Международное радио Китая ведёт вещание на русском языке общей продолжительностью двадцать часов для зарубежной аудитории и один час для внутренней.

Издательская деятельность в области русистики представлена весьма активной – центральные и региональные издательства выпускают сотни учебников, словарей, художественных произведений русской классики в двуязычных версиях, а также специализированные монографии и альбомы, посвящённые истории и лекциям ведущих российских музеев, включая Эрмитаж, Русский музей, Третьяковскую галерею и ГМИИ им. А.С. Пушкина. Университетские издательства аналогично публикуют тысячи статей студентов, обучающихся в Китае и России [2]. Тем самым специалисты-русисты способствуют взаимному обмену образовательными, научными, политическими и культурными материалами между народами двух стран, устанавливая двухстороннее общение. Партнёрские отношения Китая и России поддерживаются с академическими институтами, университетами федерального значения, творческими союзами, а также литературными музеями национального масштаба.

Важную роль в продвижении русского языка играют общественные организации Китая, которые занимаются организацией языковых курсов и содействуют обучению граждан в российских вузах [1]. В ключевых городах страны созданы специализированные центры русистики. При этом сохраняется потребность в качественных учебно-методических материалах и современных образовательных программах.

Вместе с тем наблюдается тревожная тенденция к сокращению преподавания русского языка в системе среднего и высшего образования. Русский язык не является самым востребованным в Китае, уступая английскому. С начала девяностых годов количество профильных кафедр уменьшилось на четверть, а численность преподавателей и студентов, изучающих русский язык, сократилась более чем вдвое [8]. Преподавание сохраняется преимущественно в северо-восточных регионах, в то время как в центральных и южных провинциях оно носит единичный характер.

Причиной снижения изучения русского языка в Китае является популяризация английского языка в мировой культуре, глобальная экспансия, которая доминирует в сфере информационных технологий и международной торговли. Более 90% китайских студентов выбирают для изучения английский, что обусловлено как практически всеми потребностями, так и структурными особенностями внешнеэкономических связей КНР.

Россия имеет не самые высокие показатели на рынке образования, судя по которым, в российских вузах обучается около 10 тыс. китайцев по межгосударственному и межвузовскому обмену, а также за свой счет (для сравнения в США – около 100 тыс., в Великобритании – 30 тыс.) [3]. Эти показатели можно увеличить, усилив маркетинговую стратегию в Китае через рекламу в интернете, специальные выставки по научным направлениям с привлечением российских и китайских студентов.

Демонстрация положительных сторон в российском образовании, выгодное сотрудничество с вузами и крупнейшими онлайн-площадками позволит привлечь китайских студентов для обучения, как по коротким программам, так и на длительный срок. Также важным фактором являются условия для обучения и жизни иностранных студентов в России. Изменение условий для китайских студентов через совершенствование стипендиальных программ, создание курсов адаптации и культурной ин-

теграции иностранных студентов, развитие инфраструктуры и улучшение жилищных условий для студентов, обучающихся в российских вузах.

Важным направлением политики укрепления двухсторонних связей между Россией и Китаем является усиление научного и академического сотрудничества, реализуемое через совместные мероприятия и исследования по разным направлениям, программы двойных дипломов с китайскими университетами, обмен знаниями через взаимное приглашение преподавателей в языковые вузы для проведения лекций.

Взаимный интерес к русскому и китайскому языку является исторически важным моментом в отношениях двух стран, поскольку этапы русско-китайского взаимодействия насчитывают несколько этапов. Создание КНР открыло новые страницы истории обучения русскому языку, которые сменялись в зависимости от состояния отношений Китая и Советского Союза. Нин Ци выделяет в семидесятилетней истории распространения русского языка в КНР четыре периода [6] (Рисунок 1).

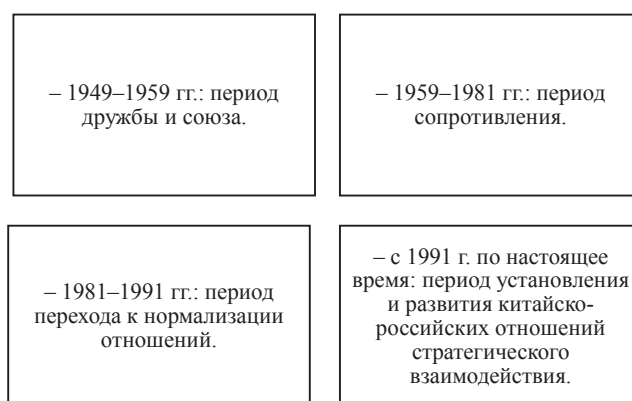

Рис. 1. Периоды распространения русского языка в Китае

На первом этапе строительства нового государства Китай нуждался в политической поддержке, экономической помощи СССР и сделал естественный выбор для возрождения нации – учиться у СССР. В 1950 г. дружеские отношения двух стран были укреплены подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР [7].

Статус обязательного изучения иностранного языка в Китае, в том числе и русского языка, подтвержден рядом государственных документов (Рисунок 2).

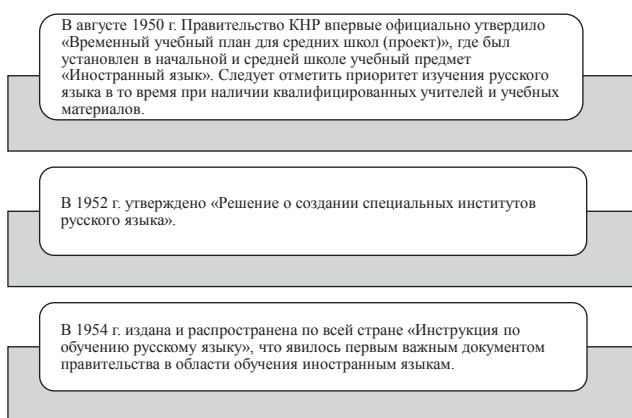

Рис. 2. Государственные документы, обязывающие изучение иностранного языка в Китае

К концу 1956 г. в университетах Китая работало более 1960 профессиональных преподавателей русского языка. С 1953 по 1956 г. в институтах русского языка и на факультетах русского языка неязыковых вузов Ки-

тая обучалось 12 477 студентов. За семь лет (1949–1956) факультеты русского языка выпустили примерно 13 тыс. специалистов [4]. Высокий уровень политического доверия между Китаем и Россией создал прочные предпосылки для развития межкультурного диалога и гуманитарного сотрудничества. Знаковым событием стало подписание в 2005 году двустороннего соглашения о взаимном изучении языков, которое дало новый импульс распространению русского языка в КНР.

Далее в период с 2006 по 2021 год между Китаем и Россией было реализовано множество проектов и мероприятий образовательной направленности, которые подчеркнули необходимость преодоления языкового барьера для более эффективной интеграции. Большой вклад в развитие и изучение русского языка в Китае внес фонд «Русский мир», который оказывает помощь в продвижении русского языка и культуры в Китае и остальном мире. Деятельность фонда направлена на укрепление культурных и гуманитарных связей российских и зарубежных институтов для того, чтобы сделать изучение русского более доступным для иностранных студентов.

Заключение

Для укрепления связей между Китаем и Россией, в частности, в сфере образования необходимо совершенствовать и укреплять языковую политику, разрабатывать новые проекты по интеграции культур двух стран.

В последние несколько лет темпы взаимного образовательного сотрудничества увеличиваются: при поддержке Минпросвещения России в Китае созданы специализированные центры повышения квалификации учителей русского языка, а также центры для одаренных детей и языковые школы, позволяющие студентам изучать и практиковаться в знаниях русского языка. В России все большее количество студентов выбирает именно китайский язык для изучения, как основного иностранного языка. Английский хоть остается популярным и основным иностранным языком, но китайский завоевывает все большую популярность среди россиян. В пяти провинциях Китая успешно прошёл Фестиваль русского языка, программа которого включила литературные конкурсы, открытые уроки, вебинары и онлайн-лекции.

Дальнейшее развитие китайской русистики видится в усилении научной работы в сфере двусторонних отношений, повышения уровня интернационализации в профессиональной подготовке специалистов и доступности изучения иностранного языка.

Литература

1. Ван Шо, Космачёва Ольга Юрьевна, Золотых Лидия Глебовна Русский язык в траектории развития отношений между Китаем и Россией // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-traektorii-razvitiya-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-rossiei> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Ван То Изучение китайского языка в школах Российской Федерации: состояние и тенденции // Международные отношения. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kitayskogo-yazyka-v-shkolah-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-tendentsii> (дата обращения: 21.08.2025).
3. Гу Цзюньлинь, Ю.В. Погребняк, Н.Д. Пашковская Изучение китайского языка в вузах России на современном этапе: достижения, трудности, перспективы // МНКО. 2025. № 1 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kitayskogo-yazyka-v-vuzah-rossii-na-sovremennom-etape-dostizheniya-trudnosti-perspektivy>

rossii-na-sovremennom-etape-dostizheniya-trudnosti-perspektivy (дата обращения: 21.08.2025).

4. Лю Лиминь. Обучение русскому языку в Китае: ответственность и развитие // Русский язык в Китае. 2017. № 1. С. 1–7. (На кит. яз.)
5. Ма Ися Проблема изучения китайского языка как иностранного в России: история и современность // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 2 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-izucheniya-kitayskogo-yazyka-kak-inostrannogo-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 21.08.2025).
6. Нин Ци. Обзор и перспективы преподавания русского языка в Китае за 70 лет // Вестник Шанхайского университета коммуникации (Философия и гуманитарная наука). 2019. № 5. С. 76–88. (На кит. яз.)
7. Хао Шичан, Ли Ячэнь. Историческая рукопись обучения в СССР. Харбин: Хэйлунцзянское образование, 2001. 407 с. С. 259. (На кит. яз.)
8. Хао Шуся. Анализ распространения русского языка в Китае в 1950-е годы и размышление о распространении языков // Русский язык в Китае. 2019. № 2. С. 4–8. (На кит. яз.)
9. Китай в период глобализации. Роль языка и культуры КНР. / Белоусова Т.П. // Закон и власть. 2024. № 2. С. 140–143.
10. Культурная стратегия КНР «Китайская мечта», как способ укрепления государства / Белоусова Т.П. // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 128–130.
11. Белоусова Т.П. Образование в Китае особенности и перспективы // В сборнике: Восточный альманах. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 103–112.
12. Галимзянова А.К. Взаимодействие В Сфере Культуры Между Китаем И Странами Асеан / В сборнике: Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). Москва, 2024. С. 528–533.
13. Галимзянова А.К. Приоритеты российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере // Восточный альманах. М.: Квант Медиа. 2019. С. 8–16.
14. Белоусова Т.П. История первой православной миссии в Пекине / В сборнике: Восточный альманах. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. Кафедра восточных языков. Москва, 2017. С. 106–120.

CHINESE IN RUSSIA AND RUSSIAN IN CHINA AS A LANGUAGE POLICY STRENGTHENS BILATERAL TIES

Belousova T.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mutual interest in studying languages – Chinese in Russia and Russian in China – helps overcome cultural and communication barriers, strengthening bilateral humanitarian cooperation. Language policy serves as a long-term basis for deepening ties between the countries. Public organizations that create language centers and exchange training in Russian universities play an active role in promoting the Russian language in China. However, there remains a need for adapted educational programs and the development of bilateral ties. Development prospects are associated with strengthening the research component, internationalization of professional training and ensuring greater accessibility of language education for various groups of the population.

Keywords: Chinese language, Russian language, language policy, foreign language, Russian studies, Russian culture, Russian-Chinese relations.

References

1. Wang Shuo, Olga Yuryevna Kosmacheva, Lidiya Glebovna Zolotikh, Russian language in the trajectory of development of relations between China and Russia // Scientific Thought of the Caucasus. 2022. No. 3 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-traektorii-razvitiya-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-rossiy> (accessed: 21.08.2025).
2. Wang Tuo, Study of the Chinese Language in Schools of the Russian Federation: Status and Trends // International Relations. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kitayskogo-yazyka-v-shkolah-rossiyskoy-federatsii-sostoyaniye-i-tendentsii> (date of access: 21.08.2025).
3. Gu Junlin, Yu.V. Pogrebnyak, N.D. Pashkovskaya Studying the chinese language in Russian universities at the present stage: achievements, difficulties, prospects // MNKO. 2025. No. 1 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kitayskogo-yazyka-v-vuzah-rossii-na-sovremennom-etape-dostizheniya-trudnosti-perspektivy> (Accessed: 21.08.2025).
4. Liu Limin. Teaching Russian in China: Continuity and Development // Russian Language in China. 2017. No. 1. pp. 1–7. (In Chinese)
5. Ma Yixia. The Problem of Studying Chinese as a Foreign Language in Russia: History and Modernity // Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chelyabinsk State Pedagogical University. 2019. No. 2 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-izucheniya-kitayskogo-yazyka-kak-inostrannogo-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 21.08.2025).
6. Ning Qi. Review and Prospects of Teaching Russian in China over 70 Years // Bulletin of the Shanghai Communication University (Philosophy and Humanities). 2019. No. 5. pp. 76–88. (In Chinese)
7. Hao Shichang, Li Yachen. Historical Manuscript of Education in the USSR. Harbin: Heilongjiang Education, 2001. 407 pp.p. 259. (In Chinese).
8. Hao Shuxia. Analysis of the Spread of the Russian Language in China in the 1950s and Reflections on the Spread of Languages // Russian Language in China. 2019. No. 2. pp. 4–8. (In Chinese).
9. China in the period of globalization. The role of chinese language and culture. Belousova, T.P. Law and Power. 2024. No. 2. pp. 140–143.
10. China's cultural strategy "The chinese dream" as a way to strengthen the state. Belousova, T.P. Social and Humanitarian Knowledge. 2024. No. 3. pp. 128–130.
11. Belousova, T.P. Education in china: features and prospects. In the collection: Eastern Almanac. Collection of scientific articles. Moscow, 2024. pp. 103–112.
12. Galimzyanova A.K. Cultural interaction between china and the asean countries. In the collection: New World. New Language. New Thinking. Collection of materials from the 7th international scientific and practical conference (philology, pedagogy, and intercultural communication). Moscow, 2024. pp. 528–533.
13. Galimzyanova A.K. Priorities of Russian-Chinese cooperation in the humanitarian sphere// Eastern Almanac. Moscow: Quantum Media. 2019. pp. 8–16.
14. Belousova T.P. History of the first orthodox mission In beijing. From the collection: Eastern Almanac. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Department of Oriental Languages. Moscow, 2017. pp. 106–120.

Психологические и психосоциальные аспекты менингита у детей: роль психологической поддержки и реабилитации

Бораева Татьяна Тимербулатовна,
дмн, профессор, зав кафедрой детских болезней, СОГМА

Матвеева Ульяна Викторовна,
кмн, доцент кафедрой детских болезней, СОГМА

Кусова И.Т.,
независимый исследователь

Менингит остаётся серьёзной медицинской и социально-психологической проблемой у детей. Помимо высокой смертности и неврологических осложнений, перенесённое заболевание часто приводит к когнитивным дефицитам, поведению нарушениям, тревожности, депрессии и долгосрочному стрессу в семье. В обзоре рассматриваются современные данные о распространённости и характере этих последствий, подчёркивается, что психосоциальные нарушения являются наиболее частыми и зачастую остаются недооценёнными. Особое внимание уделено необходимости ранней психологической интервенции, комплексной реабилитации и информационной поддержки для семьи. Приведены рекомендации международных организаций по организации последующего наблюдения и описаны методы психологической помощи, включая когнитивноповеденческую терапию, семейные консультации и образовательные программы. Приведены два клинических случая из Владикавказа, демонстрирующие, что своевременная психологическая помощь и взаимодействие между врачами, психологами, педагогами и родителями позволяют снизить тяжесть последствий и обеспечить успешную адаптацию ребёнка в обществе.

Ключевые слова: дети, менингит, психологические последствия, психосоциальные аспекты, когнитивные нарушения, психическая реабилитация, психологическая поддержка, клинические случаи, Владикавказ.

Введение

Менингит – это воспаление оболочек головного и спинного мозга, которое может быть вызвано бактериями, вирусами или другими инфекционными агентами. Тяжёлые формы заболевания, особенно бактериальные, сопровождаются высокой летальностью и могут оставлять тяжёлые неврологические, когнитивные и психосоциальные последствия. По данным Национального института здравоохранения и уходу Великобритании (NICE), родители детей, перенёсших бактериальный менингит, чаще всего отмечают психосоциальные последствия и считают, что именно эта сфера требует наибольшей поддержки – в опросе 77% опрошенных родителей сообщили об умеренных или выраженных остаточных явлениях, а 57% нуждались в последующей помощи [1]. Исследования показывают, что у выживших детей до 10% могут наблюдаться серьёзные нарушения, включая когнитивные дефициты, двустороннюю потерю слуха, судороги и гидроцефалию, при этом психологические и эмоциональные проблемы встречаются особенно часто [2]. По данным ВОЗ и благотворительных организаций по борьбе с менингитом, примерно каждый пятый пациент, перенёсший бактериальный менингит, имеет длительные последствия, а у каждого третьего ребёнка развивается стойкая неврологическая инвалидность, включая нарушения памяти, проблемы с обучением и поведенческие изменения [3].

Наряду с физическими осложнениями, менингит оставляет **не видимые на первый взгляд шрамы**. У маленьких детей могут возникать трудности со сном, ночные кошмары, энурез, повышенная тревожность и вспышки раздражительности [4]. Дети, перенёсшие болезнь, часто становятся зависимыми от родителей, испытывают страх перед врачами и больницами, а у подростков возможны агрессия и изменения личности. Некоторые осложнения проявляются спустя годы: исследование шведских учёных показало, что постоянные психиатрические нарушения выявлялись у 30% пациентов, перенёсших бактериальный менингит в детстве, причём диагноз ставился в среднем через 14 лет после заболевания [5].

Эти данные подчёркивают необходимость учитывать психологические и психосоциальные аспекты заболевания наряду с медицинским лечением. Цель настоящей статьи – обобщить актуальные сведения о психологических последствиях менингита у детей, рассмотреть роль психологической поддержки и реабилитации и проиллюстрировать проблему на примере двух клинических случаев из Владикавказа.

Психологические и психосоциальные аспекты менингита

Когнитивные и поведенческие нарушения

Длительные последствия менингита затрагивают различные сферы развития ребёнка. В обзоре последствий менингита благотворительной организации Meningitis Now подчёркивается, что у детей часто отмечаются проблемы со сном, ночные кошмары, энурез, повышенная тревожность и вспышки раздражительности; эти реакции, как правило, проходят со временем, однако у некоторых

пациентов сохраняются агрессивность и изменения личности, связанные с приобретённым повреждением мозга [4]. На сайте NHS отмечается, что наиболее частыми осложнениями являются нарушение памяти и концентрации, проблемы с обучением, а также поведенческие расстройства [6]. Исследования показывают, что когнитивные дефициты могут включать снижение внимания, замедление обработки информации и нарушение функции исполнительных систем, что негативно влияет на успеваемость в школе и социальную адаптацию.

Психические расстройства

Многочисленные работы свидетельствуют о повышенном риске психических расстройств у детей, переживших менингит. В Швеции длительное наблюдение за 80 пациентами показало, что у 30% диагностированы психиатрические заболевания, а ещё 5% находились под наблюдением из-за подозрения на психические расстройства; при этом постоянные нарушения слуха отмечались у 30%, а неврологический дефицит – у 23% детей [5]. Результаты британского исследования, основанного на опросе родителей, показали, что психосоциальные нарушения были самыми частыми остаточными эффектами после перенесённого менингита и что доступ к необходимой помощи затрудняли сложности в системе здравоохранения и поздняя идентификация последствий [1].

В качественном исследовании семей, столкнувшихся с менингитом, родители сообщали о тяжёлых эмоциональных переживаниях: чувство вины, тревога, депрессия, страх смерти ребёнка и потеря контроля [7]. Некоторые участники описывали суицидальные мысли и длительное состояние эмоционального «опустошения» несмотря на физическое выздоровление ребёнка. Авторы подчёркивают, что семья испытывает хронический стресс, связанный с длительной реабилитацией, финансовыми трудностями и необходимостью постоянно взаимодействовать с медицинскими службами [7].

Влияние на семью и социальную адаптацию

Медицинское сообщество обращает внимание, что болезнь влияет не только на пациента, но и на всю семью. Родители нуждаются в поддержке и информации на всех этапах заболевания. Непонимание природы болезни, отсутствие чёткой информации и дистанцированность медицинского персонала усугубляют эмоциональное напряжение. В качественном исследовании французских семей родители подчёркивали, что в период госпитализации им необходимо сопровождение и психологическая помощь, но они часто чувствовали себя покинутыми, особенно после выписки [7]. Поддержка родственников, друзей и общественных организаций помогает преодолеть кризис, однако без профессиональной помощи риск развития хронических расстройств остаётся высоким.

Поведенческие изменения ребёнка могут затруднять семейную динамику: повышенная зависимость, вспышки гнева, нарушения сна требуют дополнительных ресурсов и времени. Это, в свою очередь, влияет на отношения между родителями, на их профессиональную занятость и финансовую стабильность. Кроме того, у братьев и сестёр могут возникнуть проблемы из-за перераспределения внимания и обязанностей в семье.

Роль психологической поддержки и реабилитации

Необходимость раннего вмешательства

В рекомендациях NICE по ведению бактериального менингита отмечается, что родители и дети нуждаются

в эмоциональной и пасторской поддержке во время госпитализации, а пациентам с выраженными психологическими нарушениями следует предлагать специализированные психологические интервенции [8]. Комитет NICE подчеркнул, что отсутствие поддержки увеличивает риск плохих образовательных результатов и трудностей в доступе к необходимым услугам [8].

Согласно материалам Meningitis Research Foundation, первое контрольное обследование после выписки включает оценку когнитивных, психологических и поведенческих проблем; при наличии осложнений показаны физиотерапия, эрготерапия, психотерапия и логопедическая помощь [9]. Для маленьких детей рекомендуется более длительное наблюдение (до двух лет) для раннего выявления проблем с развитием и своевременного вмешательства [9].

Эмоциональная поддержка должна быть индивидуализированной: специалист должен учитывать возраст ребёнка, особенности его развития и семейный контекст. Для малышей важно восстановление чувства безопасности через сохранение привычного режима дня, честные разговоры о болезни и поддержание границ [4]. Подросткам и взрослым следует уделять внимание снижению тревожности, депрессии, восстановлению самооценки и навыков общения; для этого применяют когнитивноповеденческую терапию, техники релаксации и групповую терапию.

Информационная поддержка и обучение

Недостаток знаний о болезни и её последствиях является одной из причин эмоционального стресса. Родители, участвовавшие в исследовании, отмечали, что им пришлось самостоятельно искать информацию в интернете и обращаться в пациентские организации, поскольку медицинские работники не всегда предоставляли понятную и своевременную информацию [7]. Проведение образовательных семинаров и подготовка информационных материалов помогают родителям лучше понимать заболевание, ожидаемые симптомы и способы помощи ребёнку.

Реабилитация и социальная адаптация

Психологическая реабилитация тесно связана с медицинскими и образовательными мероприятиями. При возникновении нарушений слуха, зрения или двигательных функций ребёнок нуждается в подборе ассистивных устройств (слуховые аппараты, очки, ортопедические средства) и обучении их использованию. Важную роль играют логопедические и педагогические программы, направленные на развитие навыков речи, памяти и внимания.

Организации, работающие с пациентами после менингита, подчёркивают важность **психологической и эмоциональной поддержки**: индивидуальные консультации и семейная терапия помогают справиться с переживаниями, а группы поддержки дают возможность обмениваться опытом и формировать новые социальные связи [3]. Дополнительные ресурсы, такие как юридическая помощь, сопровождение при оформлении инвалидности и финансовая поддержка, способствуют снижению стресса и ускоряют адаптацию семьи.

Клинические случаи

Клинический случай 1

Пациент: мальчик 7 лет.

История болезни: ребёнок заболел внезапно: появилась высокая температура, рвота, головная боль и сыпь. Родители обратились за медицинской помощью спустя сутки. В больнице был поставлен диагноз **гнойный ме-**

ингит, выделен *Neisseria meningitidis*. Лечение включало антибактериальную терапию и интенсивное наблюдение. Через неделю состояние стабилизировалось, однако у ребёнка отмечалась повышенная раздражительность, страх врачей, нарушения сна и повторяющиеся ночные кошмары. Через месяц после выписки родители заметили, что мальчик избегает общения со сверстниками и не хочет возвращаться в школу.

Психологическая поддержка: в детской поликлинике ему провели первичную психологическую оценку. Выявлены признаки тревожного расстройства и посттравматического стресса. Психолог рекомендовал курс когнитивноповеденческой терапии с элементами игровой терапии для снижения тревожности и восстановления чувства безопасности, а также семейные консультации, направленные на обучение родителей методам поддержки. В школе были организованы встречи с педагогом-психологом и составлена индивидуальная образовательная программа. Через полгода мальчик постепенно вернулся к занятиям, стал общительнее, ушли ночные кошмары.

Комментарий: случай демонстрирует необходимость ранней психологической помощи после перенесённого менингита. Оперативное вмешательство позволило предотвратить развитие тяжёлых долговременных нарушений и облегчило адаптацию ребёнка в коллективе.

Клинический случай 2

Пациент: девочка 5 лет, проживающая во Владикавказе.

История болезни: у ребёнка развился вирусный менингит (вероятно, энтеровирусной этиологии). Болезнь протекала относительно легко: через пять дней госпитализации состояние улучшилось, выраженных неврологических осложнений не было. Однако спустя несколько недель родители заметили снижение концентрации внимания, рассеянность и трудности в обучении (девочка не могла запомнить стихи, ей было сложно сосредоточиться на играх). Девочка стала замкнутой и боялась оставаться одна.

Психологическая поддержка: при обследовании у невролога серьёзных нарушений не выявлено, однако психолог рекомендовал начать занятия по развитию когнитивных навыков и посещать занятия в группе адаптивной педагогики. Родителям предложили участвовать в группах взаимопомощи для семей, столкнувшихся с менингитом. Вместе с учителем детского сада была разработана программа постепенного возвращения к коллективным занятиям, включающая короткие игровые упражнения на внимание и память. Через девять месяцев отмечались улучшение концентрации и уменьшение тревожности; девочка активно общалась с детьми и проявляла интерес к обучению.

Комментарий: несмотря на лёгкое течение вирусного менингита, у ребёнка возникли когнитивные и эмоциональные проблемы. Своевременное вмешательство и междисциплинарный подход (участие психолога, педагога и родителей) позволили обеспечить успешную реинтеграцию.

Заключение

Менингит у детей остаётся серьёзной медицинской и социальнопсихологической проблемой. Помимо риска летального исхода и неврологических осложнений, заболевание часто приводит к когнитивным и эмоциональным нарушениям, изменению поведения и длительному стрессу для семьи. Исследования показывают, что психосоциальные последствия являются наиболее распространёнными

и что доступ к необходимой помощи часто ограничен [1]. При этом психиатрические нарушения могут проявляться спустя годы [5], а поведенческие изменения затрагивают как детей, так и их близких [4].

Эффективная реабилитация требует раннего выявления когнитивных и психологических проблем, систематического наблюдения и комплексной поддержки. Рекомендации NICE и практические руководства подчёркивают, что семья и ребёнок должны получать эмоциональную поддержку на всех этапах заболевания [8], а при необходимости привлекать специализированных психологов, педагогов и социальные службы [9]. Клинические случаи из Владикавказа демонстрируют, что своевременная психологическая помощь и сотрудничество между родителями, медиками и педагогами позволяют уменьшить последствия заболевания и обеспечить успешную адаптацию ребёнка.

Выводы

Менингит у детей сопровождается не только угрозой жизни и неврологическими осложнениями, но и значимыми психосоциальными последствиями, которые могут сохраняться на годы. Когнитивные и поведенческие нарушения, повышенная тревожность, депрессия и изменения в семейной динамике требуют внимания наряду с соматическим лечением. Раннее выявление и системная психологическая поддержка, включающая индивидуальную и семейную терапию, педагогическую реабилитацию и информационную поддержку родителей, способствуют снижению тяжести последствий и облегчению социально-образовательной адаптации ребёнка. Клинические случаи из Владикавказа показали, что сотрудничество между врачами, психологами, педагогами и семей позволяет успешно преодолевать последствия заболевания и возвращать ребёнка к полноценной жизни.

Литература

1. Clark L. J., Glennie L., Audrey S., Hickman M., Trotter C.L. The health, social and educational needs of children who have survived meningitis and septicaemia: the parents' perspective // BMC Public Health. – 2013. – 13:954..
2. Clark L. J., et al. Исследование риска серьёзных нарушений после бактериального менингита у детей // BMC Public Health. – 2013..
3. Meningitis Research Foundation. Meningitis and disability: what are the longterm effects? – 2024. .
4. Meningitis Now. Behaviour changes after meningitis. – 2023. .
5. Johansson U., Bazan A., Karlsson L., Silfverdal S.-A. Psychiatric Disabilities and Other Longterm Consequences of Childhood Bacterial Meningitis // Pediatric Infectious Disease Journal. – 2021. – Vol. 40, No. 1, p. 26–31.
6. NHS. Meningitis – Complications. – 2022 (обновление). .
7. Scanferla E., Gorwood P., Fasse L., et al. Familial experience of acute bacterial meningitis in children: a transversal qualitative study // BMJ Open. – 2021. – 11(7): e047465. .
8. National Institute for Health and Care Excellence (NICE). Evidence review on support for confirmed bacterial meningitis or meningococcal disease. – 2024. .
9. Meningitis Research Foundation. Followup care after meningitis. – 2024.

PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOSOCIAL ASPECTS OF MENINGITIS IN CHILDREN: THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT AND REHABILITATION. CLINICAL CASES FROM VLADIKAVKAZ

Borayeva T.T., Matveeva U.V., Kusova I.T.
Samara State Medical Academy

Meningitis remains a serious medical and socio-psychological problem in children. In addition to high mortality and neurological complications, the disease often leads to cognitive deficits, behavioral disorders, anxiety, depression, and long-term stress in the family. This review examines current data on the prevalence and nature of these consequences, emphasizing that psychosocial disorders are the most common and often remain underdiagnosed. Particular attention is paid to the need for early psychological intervention, comprehensive rehabilitation, and informational support for the family. Recommendations from international organizations for follow-up care are presented and psychological support methods are described, including cognitive behavioral therapy, family counseling, and educational programs. Two clinical cases from Vladikavkaz are presented, demonstrating that timely psychological support and collaboration between doctors, psychologists, teachers, and parents can reduce the severity of consequences and ensure the child's successful adaptation to society.

Keywords: children, meningitis, psychological consequences, psychosocial aspects, cognitive impairment, mental rehabilitation, psychological support, clinical cases, Vladikavkaz.

References

1. Clark L. J., Glennie L., Audrey S., Hickman M., Trotter C.L. The health, social, and educational needs of children who have survived meningitis and septicaemia: the parents' perspective // BMC Public Health. – 2013. – 13:954.
2. Clark L. J., et al. Study of the risk of serious disabilities after bacterial meningitis in children // BMC Public Health. – 2013.
3. Meningitis Research Foundation. Meningitis and disability: what are the long-term effects? – 2024. .
4. Meningitis Now. Behavior changes after meningitis. – 2023. .
5. Johansson U., Bazan A., Karlsson L., Silfverdal S.-A. Psychiatric Disabilities and Other Long Term Consequences of Childhood Bacterial Meningitis // Pediatric Infectious Disease Journal. – 2021. – Vol. 40, No. 1, p. 26–31. .
6. NHS. Meningitis – Complications. – 2022 (update). .
7. Scanferla E., Gorwood P., Fasse L., et al. Familial experience of acute bacterial meningitis in children: a transversal qualitative study // BMJ Open. – 2021. – 11(7): e047465. .
8. National Institute for Health and Care Excellence (NICE). Evidence review on support for confirmed bacterial meningitis or meningococcal disease. – 2024. .
9. Meningitis Research Foundation. Follow up care after meningitis. – 2024. .

Использование концептуальных метафор в современной русской прозе с позиций когнитивной лингвистики

Ван Бо,

магистр, Университет Внутренней Монголии

E-mail: 295693695@qq.com

В статье исследуется использование концептуальных метафор в современной русской прозе с позиций когнитивной лингвистики. Анализируется роль метафоры как фундаментального когнитивного механизма, структурирующего авторскую картину мира. Предлагается системный подход к классификации метафорических моделей на основе онтологического и тематического критериев. Выявляются ключевые сферы-мишени и характерные сферы-источники, наиболее релевантные для современного литературного процесса. Рассматриваются когнитивные, текстообразующие, миромоделирующие и аксиологические функции метафоры. Результаты исследования расширяют представления о специфике современной русской прозы и предлагают методику анализа, applicable для дальнейших изысканий в области когнитивной поэтики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная лингвистика, современная русская проза, картина мира, метафорическое моделирование, лингвокультурологический анализ.

Введение

Когнитивно-лингвистическое направление в исследовании художественного текста открывает новые перспективы для глубокого постижения закономерностей языкового воплощения авторского сознания. В рамках данной парадигмы концептуальная метафора перестает восприниматься как сугубо стилистический прием, обретая статус фундаментального когнитивного механизма, опосредующего процессы осмысления и вербализации сложных абстрактных сущностей. Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом к инструментарию когнитивной лингвистики, позволяющему вскрыть глубинные основания языковой картины мира, конструируемой в литературном произведении. Изучение метафорических моделей предоставляет ключ к пониманию не только индивидуально-авторских особенностей поэтики, но и более общих культурных и ментальных процессов, нашедших отражение в современной русской прозе.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных анализу метафоры, системное описание концептуальных метафор именно в современном литературном процессе с четко выраженных когнитивных позиций остается фрагментарным и неполным. Существующие исследования часто сосредотачиваются на анализе идиостиля отдельного писателя или ограниченного круга текстов, в то время как задача выявления общих системообразующих метафорических моделей, характеризующих прозу последних десятилетий в ее ключевых тенденциях, требует целостного подхода[1]. Данная проблемная ситуация определяет цель статьи – выявление и последующая систематизация основных типов концептуальных метафор, которые выступают структурообразующим элементом идиостиля и репрезентируют целостную картину мира в произведениях современной русской прозы.

Для достижения поставленной цели предполагается решение ряда взаимосвязанных задач. Первостепенной является задача определения надежного теоретико-методологического фундамента анализа, базирующегося на основных постулатах когнитивной теории метафоры. В рамках этого этапа критически осмысливается и адаптируется к специфике художественного текста существующий терминологический аппарат. Следующая задача заключается в разработке четких и верифицируемых критериев для идентификации, описания и типологизации концептуальных метафор в нарративе. Наконец, важнейшей задачей становится обозначение круга ключевых концептуальных областей-мишеней, которые являются смысловым фокусом метафорического осмысления и оказываются наиболее релевантными для художественного мира современной прозы. Объектом исследования выступает современная русская проза, тогда предметом исследования являются концептуальные метафоры, исследуемые как основной способ репрезентации авторского сознания и культурных концептов.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретико-методологический фундамент данного исследования формируется в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики. Центральное положение в ней занимает разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном когнитивная теория метафоры, которая принципиально изменила понимание ее природы[2]. Согласно этой теории, метафора представляет собой не просто языковую фигуру, а базовый ментальный механизм, структурирующий мышление и опыт человека. Он заключается в устойчивом когнитивном процессе проецирования из концептуальной области-источника, обычно более конкретной и физически осязаемой, на концептуальную область-мишень, часто более абстрактную или субъективную. Этот процесс позволяет осмысливать и описывать сложные явления через призму знакомых сенсомоторных переживаний[3].

В связи с этим критическим является четкое терминологическое разграничение таких понятий, как «художественный образ», «языковая метафора» и «концептуальная метафора». Если языковая метафора является вербальной манифестацией, отдельным выражением, то концептуальная метафора стоит за ней как глубинная ментальная модель, порождающая целые серии языковых воплощений. Художественный образ является более широким эстетическим понятием, который может создаваться не только метафорически, но и другими средствами. Для реконструкции этих глубинных моделей существенный являются понятия фрейма как структуры знаний о типической ситуации и идеализированной когнитивной модели как целостного гештальта, формирующегося в человеческом сознании[4].

Методология анализа строится на последовательном применении алгоритма, включающего несколько взаимосвязанных этапов. Первичным этапом является сплошная выборка и идентификация метафорических выражений в тексте. Затем осуществляется реконструкция стоящей за ними концептуальной метафоры, что требует перехода от уровня языка к уровню мышления. Следующим шагом становится определение и описание вовлеченных областей-источников и областей-мишеней, установление характера отображения между ними. Завершающей стадией является интерпретация выявленной метафорической модели, раскрытие ее когнитивного потенциала в структурировании авторского мировидения и ее культурной значимости. Подобный анализ носит междисциплинарный характер, интегрируя методы и аппарат когнитивной лингвистики, литературоведения и лингвокультурологии. Такой синтез позволяет не только выявить системные когнитивные механизмы, но и дать им содержательную интерпретацию в контексте художественной целостности произведения и культурных кодов, что обеспечивает всесторонность и глубину проводимого исследования.

Система концептуальных метафор в современной русской прозе: основные типы и классификация

Анализ системы концептуальных метафор в современной русской прозе требует выработки четких критериев для их описания и категоризации. В основе предлагаемой классификации лежит синтез двух принципов: общепринятого онтологического подхода, разработанного в рамках когнитивной теории, и тематического принципа, ориентированного на содержание концептуальных областей-мишеней.

Онтологический критерий позволяет разделить метафоры на структурные, ориентированные на иерархическую организацию понятий, ориентационные, связанные с пространственной аксиологией, и онтологические, проецирующие свойства физических объектов на абстрактные сущности. Тематический принцип предполагает группировку метафор вокруг ключевых смысловых узлов, тех фундаментальных концептов, которые составляют ядро художественного осмысления действительности.

Круг этих концептов-мишеней, наиболее интенсивно осмысляемых метафорически в текстах современных прозаиков, оказывается крайне показательным. В него закономерно входят такие универсальные категории человеческого существования, как жизнь, смерть, время, память, прошлое, любовь, страх, а также социально детерминированные феномены общество, власть, идентичность. Метафоризация этих областей-мишеней служит основным инструментом их концептуализации, позволяя автору не просто назвать, но и образно определить их сущность, дать им эмоциональную и ценностную оценку[5]. Выявление доминирующих мишеней позволяет судить о том, какие именно аспекты человеческого бытия оказываются в фокусе рефлексии современного писателя.

Для их осмысления художественное сознание обращается к относительно устойчивому набору областей-источников, предоставляющих материал для метафорической проекции. К числу наиболее продуктивных и частотных относятся антропоморфные источники, а также такие сферы, как путь, война, болезнь, механизм, организм, различные артефакты и природные явления. Выбор конкретной области-источника не является нейтральным; он имплицитно содержит определенную интерпретацию осмысляемого понятия[6]. Так, метафорическая модель «любовь – это война» и модель «любовь – это болезнь» задают принципиально разные системы осмысления одного и того же чувства, каждая из которых влечет за собой собственную логику развития нарратива.

Принципиальной методологической установкой настоящего исследования является отказ от анализа единичных, изолированных метафорических выражений. Ценность представляет собой выявление не отдельных метафор, целостных метафорических систем или моделей, пронизывающих текст или творчество автора[7]. Именно эти системы, состоящие из взаимосвязанных и взаимообусловленных проекций, формируют неповторимую авторскую модель мира. Они обеспечивают когерентность художественного целого, связывают различные уровни текста и выступают основным средством репрезентации индивидуального стиля и мировоззрения писателя. Таким образом, задача заключается в том, чтобы, выявив частные метафорические выражения, сделать шаг к реконструкции той глубинной концептуальной системы, которая порождает эти выражения и придает произведению смысловое и эмоциональное единство.

Когнитивные и лингвокультурологические функции концептуальных метафор

Концептуальные метафоры в современной русской прозе выполняют ряд фундаментальных функций, раскрывающих их сущность как базового когнитивного и культурного механизма. Когнитивная функция метафоры заключается в ее способности служить инструментом познания и концептуализации действительности. Благодаря механизму проекции из сферы-источника в сферу-мишень сложные абстрактные сущности обретают структуру, становятся доступными для осмысления и вербализации. Метафора

не просто украшает мысль, но формирует саму возможность о ней мыслить, предлагая готовые когнитивные модели для интерпретации многогранных явлений человеческого бытия, таких как время, память, духовные переживания.

Текстообразующая функция концептуальных метафор проявляется в их способности организовывать смысловое пространство произведения на разных уровнях. Пронизывая нарратив, устойчивые метафорические модели становятся композиционными и смысловыми доминантами, скрепляющими текст в единое целое[8]. Они могут выступать в роли лейтмотивов, формировать устойчивые образные ряды, обеспечивая целостность и когерентность художественного высказывания. Таким образом, метафора трансформируется из локального приема в глобальный структурообразующий принцип, определяющий поэтику конкретного произведения или даже творчества автора в целом.

Миромоделирующая функция интегрирует когнитивный и культурный аспекты. Система концептуальных метафор активно участвует в создании индивидуальной авторской картины мира, отражающей уникальное мировидение писателя. В то же время, будучи глубоко укорененной в языке, эта система неизбежно взаимодействует с русской языковой картиной мира, наследуя ее ключевые архетипы и трансформируя их[9]. Через метафору автор не только выражает личное восприятие действительности, но и вступает в диалог с коллективным культурным сознанием, актуализируя или оспаривая его базовые установки.

Аксиологическая функция концептуальной метафоры состоит в экспликации ценностных ориентаций и эмоциональных оценок. Выбор конкретной сферы-источника для осмысления того или иного явления никогда не бывает нейтральным; он всегда имплицитно содержит определенное оценочное отношение. Метафора способна скрыто внедрять в сознание реципиента систему ценностей, предлагая готовую эмоциональную и этическую оценку изображенного. Через метафорические модели автор передает свое отношение к персонажам, событиям и идеям, формируя тем самым оценочную перспективу всего произведения и направляя интерпретацию читателя в определенное русло.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что концептуальная метафора выступает в современной русской прозе фундаментальным когнитивным механизмом, определяющим процессы художественного осмысления действительности. Она выполняет не только традиционную образно-экспрессивную функцию, но и играет ключевую роль в структурировании сложных абстрактных понятий, организации нарративного пространства и формировании целостной авторской картины мира. Системный анализ метафорических моделей выявил их глубокую связь с базовыми культурными концептами и ценностными ориентациями, характерными для современного художественного сознания.

Научная новизна работы заключается в разработке комплексного подхода к изучению концептуальных метафор в единстве их когнитивных, лингвокультурологических и текстообразующих аспектов применительно к материалу современной русской прозы. Вклад исследования состоит в систематизации основных типов метафорических моделей, определении доминирующих сфер-мишеней и характерных сфер-источников, что расширяет представления о специфике современного литературного процесса. Теоретическая значимость работы

определяется развитием аппарата когнитивной поэтики, а практическая возможностью применения предложенной методики к анализу творчества конкретных авторов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Представляется продуктивным проведение сравнительного анализа метафорических систем различных писателей для выявления индивидуальных и общих тенденций в осмыслении ключевых концептов. Диахронический подход позволил бы проследить эволюцию метафорического языка русской прозы на протяжении последних десятилетий. Сопоставительные исследования с другими национальными литературами открыли бы возможности для определения универсальных и культурно-специфических черт в художественном освоении действительности. Расширение корпуса исследуемых текстов за счет включения произведений новейшего периода способствовало бы более полному и объективному отражению динамики литературного развития.

Литература

1. Семёнова Л.А. Репрезентация источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма (сопоставительный аспект) // *Litera*. – 2024. – № 6. – С. 412–422.
2. Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2007. – № 4. – С. 54–57.
3. Абраменко В.И. Теория Дж. Лакоффа в контексте поисков мультимодальности // *Инновационные внедрения в области гуманитарных наук: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. – 2017. – С. 18–20.
4. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований: сборник научных трудов*. – 2017. – С. 33–49.
5. Цинковская Ю.В. Виды художественных метафор в современной русской прозе // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение*. – 2010. – № 3. – С. 154–158.
6. Лаенко Л.В. Пейзажная единица художественного текста: современные подходы и перспективы исследования // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2020. – № 3. – С. 34–41.
7. Бангура М. Роль воплощенных процессов в обработке буквальных и метафорических значений // *Осознаваемая и неосознаваемая переработка информации: материалы круглого стола*. – 2020. – С. 10–16.
8. Красных В.В. Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры // *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей*. – 2017. – Вып. 57. – С. 142–165.
9. Гурулева Т.Л. Метафоричность как культурно обусловленная характеристика дискурса // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2021. – № 3. – С. 26–40.

THE USE OF CONCEPTUAL METAPHORS IN CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LINGUISTICS

Wang Bo
Inner Mongolia University

This article examines the use of conceptual metaphors in contemporary Russian prose from the perspective of cognitive linguistics.

The role of metaphor as a fundamental cognitive mechanism structuring the author's worldview is analyzed. A systematic approach to classifying metaphorical models based on ontological and thematic criteria is proposed. Key target areas and characteristic source areas most relevant to the contemporary literary process are identified. The cognitive, text-forming, world-modeling, and axiological functions of metaphor are examined. The results of the study expand our understanding of the specific features of contemporary Russian prose and propose an analytical methodology applicable to further research in the fields of cognitive poetics and cultural linguistics.

Keywords: Conceptual Metaphor, Cognitive Linguistics, Contemporary Russian Prose, Worldview, Metaphorical Modeling, Linguistic Cultural Analysis.

References

1. Semenova L.A. Representation of the Sources of the Conceptual Metaphor "Love" in Chinese and Russian Fiction of the Post-modern Era (Comparative Aspect) // *Litera*. – 2024. – No. 6. – P. 412–422.
2. Chudinov A.P. Cognitive Theory of Metaphor at the Current Stage of Development // *Issues of Cognitive Linguistics*. – 2007. – No. 4. – P. 54–57.
3. Abramenko V. I.J. Lakoff's Theory in the Context of the Search for Multimodality // *Innovative Implementations in the Field of Humanities: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference*. – 2017. – P. 18–20.
4. Lakoff D. Metaphors We Live By // *Axiological Aspects of Modern Philological Research: Collection of Scientific Papers*. – 2017. – P. 33–49.
5. Tsinkovskaya Yu.V. Types of Artistic Metaphors in Contemporary Russian Prose // *Scientific Notes of the Zabaikalsky State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*. – 2010. – No. 3. – P. 154–158.
6. Laenko L.V. Landscape Unit of the Fictional Text: Modern Approaches and Research Prospects // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. – 2020. – No. 3. – P. 34–41.
7. Bangura M. The Role of Embodied Processes in Processing Literal and Metaphorical Meanings // *Conscious and Unconscious Information Processing: Proceedings of the Round Table*. – 2020. – P. 10–16.
8. Krasnykh V.V. Cognitive aspect of basic metaphors of lingua-culture // *Language, consciousness, communication: a collection of articles*. – 2017. – Issue. 57. – Pp. 142–165.
9. Guruleva T.L. Metaphoricality as a culturally conditioned characteristic of discourse // *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. – 2021. – No. 3. – Pp. 26–40.

Грани трансграничной идентичности: эскимосы Чукотки – язык, пролив и безвизовые мосты

Васильков Евгений Александрович,

ассистент кафедры, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей и сообщения»
E-mail: vasilkove27@mail.ru

Данная статья исследует, как трансграничное пространство способствует формированию и сохранению этнической идентичности эскимосов Чукотки посредством институционализации практик. В работе проводится анализ трансграничного взаимодействия эскимосов, проживающих на территории России и США (главным образом, в Чукотском автономном округе и на острове Святого Лаврентия). В эмпирической части исследования использовался качественный метод глубинных интервью с 22 активными представителями эскимосов. Выборка осуществлялась методом снежного кома. Особое внимание уделено тому, как отсутствие жестких государственных барьеров после возобновления в 1989 году (на основе двустороннего соглашения между СССР и США) ознаменовалось значительным оживлением контактов между родственными группами, способствующим обмену культурным опытом, восполнению дефицита активных носителей родных языков и в целом формированию уникального института сохранения этнической идентичности эскимосов, который характерен только для трансграничья. Теоретическая рамка исследования базируется на концепциях Канчан Чандры с авторским дополнением в виде теоретической триады самокатегоризации, репрезентации себя другим и категоризации другими.

Ключевые слова: трансграничное пространство, этническая идентичность, эскимосы Чукотки, Канчан Чандра, институты.

Введение

Эскимосы являются одним из самых многочисленных циркумполярных народов в мире. Совокупная численность составляет порядка 170–180 тысяч человек, разделенных границами четырех национальных государств – России, США, Канады и Гренландии (Дания). Однако, если для представителей эскимосов четырех стран характерно взаимодействие в достаточно ограниченном формате культурных выездов и участия в деятельности международной организации эскимосов Inuit Circumpolar Council (Инуитский приполярный совет), то эскимосы Чукотки и Аляски образуют уникальное трансграничное пространство взаимодействия с совместными институционализированными практиками.

Целью написания статьи является попытка продемонстрировать, как трансграничное пространство способствует формированию собственных институтов, в том числе выполняющих роль по сохранению этнической идентичности. Эмпирическая база статьи основана на проведенном авторами исследовании институтов сохранения этнической идентичности эскимосов Чукотки. Архитектура исследования носила полностью качественный характер.

В России по данным общероссийской переписи 2020 года¹ проживают 1659 эскимосов, из которых 1460 – на территории Чукотского автономного округа. Основными местами проживания эскимосов на Чукотке являются так называемые национальные села – Новое Чаплино, Сиреники, Уэлькаль и смешенные русско-чукотско-эскимосские села Провидения, Лаврентия, Уэлен, а также окружной центр – г. Анадырь.

Совокупность погодно-логистических условий, а также малая численность эскимосов предопределили методологию проведения исследования, базой которого являлось интервью. Основное количество интервью проведено с эскимосами, проживающими в г. Анадыре и с. Новое Чаплино. Особенностью организации таких интервью являлось то, что населенные пункты Чукотского автономного округа, не связанные сетью автомобильных и железнодорожных дорог, а аэропорт г. Анадыря представляет собой определенный логистический хаб, связывающий «материк» и удаленные поселки округа. Свой отпечаток оставляют и погодные условия: частые задержки рейсов вынуждают оставаться эскимосов из национальных сел, следующих «на материк», у своих родственников в Анадыре, что позволяло организовать беседу с человеком без его отрыва от работы и повседневных дел и провести интервью в достаточно комфортных для него условиях. Логика подбора информантов не позволяла выделить разом исчерпывающего списка эскимосов, общение с которыми могло бы значительно продвинуть эмпирическую часть исследования – каждый информант называл несколько знакомых ему эскимосов, способных, по его мнению, высказать значимую информацию по тем вопросам, на которые он сам ответил. Пересечение фамилий служило основным маркером целесообразности проведения интервью, указывая на по-

¹ Том 5. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

тенциальную информационную ценность [1] – выборка происходила по методу «снежного кома».

Таким образом, эмпирическая база исследования составила 22 глубинных интервью с эскимосами, обладающими, по нашему мнению, наибольшим повседневным знанием – активные члены общественной моноэтнической организации, руководители национальных ансамблей, районные депутаты, старейшины, сотрудники этномузея.

Теоретическая рамка

Теоретическая рамка исследования основана на концептуальном языке Канчан Чандры [4] с небольшим авторским уточнением, связанным с переводом исследовательского фокуса этничности на «взгляд от первого лица».

Так, Канчан Чандрой предлагается рассмотрение феномена этничности в конструктивистских терминах. Основной единицей её анализа является этническая категория [5]. Членство в этнической категории основано на исполнении индивидом соответствующего правила членства. Для каждой этнической категории такое правило формулируется отдельно, но в общем виде оно выглядит так: члены этнической категории отличаются от не членов наличием минимально достаточных атрибутов, основанных на происхождении (descent-based attributes). Это означает, что важен не сам факт отнесения родителей к определённой этнической категории, а те этнические атрибуты, которые они могут передать своему потомству. Таким образом, этническая идентичность может передаваться через признаки и характеристики, связанные с происхождением, а не обязательно через прямое наследование этнической категории родителей. Для эскимосов Чукотки это правило определено нами так: индивид имеет право называться и считаться эскимосом, если хотя бы один его предок по восходящей линии отца или матери известен уже признанными членами данной этнической категории как эскимос.

Определение правила членства в этнической категории неразрывно связано с термином этнический атрибут. К этническим атрибутам в широком смысле относятся любые явления, так или иначе ассоциированные с этнической категорией. Это могут быть черты внешности, язык, пищевые предпочтения, татуировки, паттерны поведения и прочее. Сама Чандра расставляет этнические атрибуты по двум шкалам: видимости – насколько атрибут заметен стороннему наблюдателю, и степени изменчивости – насколько тяжело конкретный атрибут можно изменить, убрать или приобрести.

Кроме того, возвращаясь к правилу членства, стоит отметить, что глобальные социальные процессы в мире способствуют появлению новых, исчезновению старых и смешению представителей существующих этнических категорий. Эти процессы неизбежно влекут за собой то, что один индивид может одновременно выполнять правила членства в нескольких этнических категориях – Чандра называет их набором номинальных этнических идентичностей. В свою очередь, выбранная индивидом конкретная этническая категория является активированной этнической идентичностью.

Таким образом, авторским уточнением является введение следующей теоретической триады в язык Канчан Чандры. Этническая идентичность с точки зрения субъекта – это совокупность трех процессов – самокатегоризация (или самоидентификация), репрезентация себя другим и категоризация другими членами этнической категории. Самокатегоризация – это субъективный процесс активации одной из номинальных этнических идентичностей. Происходит на протяжении всей жизни,

но, как правило, ее изменение происходит в период вторичной социализации по Бергеру и Лукману [2].

Репрезентация себя другим это демонстрация этнических атрибутов во вне. Стоит сразу оговорить, что данный процесс происходит вне зависимости от воли субъекта – от самого индивида зависит только его интенсивность. Это происходит от того, что часть наших этнических атрибутов крайне видима и трудно изменяема – к примеру, фенотипические особенности – цвет кожи, разрез глаз, форма носа. Однако для подавляющего большинства этого будет достаточно, что бы отнести другого к той или иной этнической категории. При этом сам индивид может усилить или ослабить данный эффект, а в отдельных случаях сделать его управляемым.

Категоризация другими – это процесс легитимации членства индивида в этнической категории признанными ее членами. Означает своего рода проверку исполнения индивидом правила членства в этнической категории.

Исходя из предложенной теории, нами было сделано предположение, что любой институт, развивающий или напрямую влияющий на любой элемент этой триады – является институтом сохранения этнической идентичности.

Эскимосы Чукотки и Аляски: один язык и два государства

Одним из наиболее важных из этнических атрибутов является родной язык. У эскимосов Чукотки их существует три – науканский, чаплинский и сиренинский эскимосские языки. По исследованиям лингвистов [3] это самостоятельные языки и не являются диалектами одного «эскимосского» языка. Активных носителей, которые могут не только понимать, но и свободно говорить на этих языках не испытывая дискомфорта от скудости словарного запаса – катастрофически мало. На науканском языке – около 8 человек, чаплинском около двух десятков, а сиренинский остался только на аудиозаписях. Поэтому в ходе исследования вопрос о выявлении институтов, способствующих сохранению и развитию именно языков, стоял достаточно остро.

И вот, сведения, предоставленные информантами, свидетельствуют о том, что их персональные навыки эскимосского языка резко улучшились после поездок на остров Святого Лаврентия в Беринговом проливе. Так об этом говорил информант¹:

«...И потом когда мы ездили на Аляску, вот этот культурный обмен был уже с 90... Я ездила, по крайней мере, с 92 года на Остров Святого Лаврентия, а там же говорят только на эскимосском. И получилось, что мы ездили 92, 93, 94, 95, 96, 98, 2001. Вот за это время я вообще как-то... Как будто я чаплинская. Я хорошо стала говорить. Поневоле, там же говоришь. Пусть и английский мы еще подучили, конечно, там. Ну и чаплинский, а там чаплинский язык. И все разговаривают...»

Этот остров является территорией США. Однако эскимосы острова Св. Лаврентия не просто родственны эскимосам Чукотки, а являются в прямом смысле двоюродными и троюродными родственниками. В конце XIX века население острова из-за голода сократилось по разным источникам в 4 раза. После этого он был повторно заселен эскимосами с Чукотки. До 1948 года никаких ограничений для поездок между эскимосами из сел Чаплино и Сиреники с нашей стороны и Савунга и Гэмбелл со стороны Острова не было. Это были близкие родственники, разделенные семьюдесятью ки-

¹ Женщина, эскимоска, 1957 г.р.

лометрами водной глади – у них один язык, они выходцы из одних кланов, одни традиции и один промысел морзверя. Однако в 1948 году между СССР и США граница закрылась и общение было прервано.

В 1989 году было заключено Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки о взаимных поездках жителей района Берингова пролива. Договор действует до сих пор и подразумевает безвизовое нахождение на территории США и России в границах «установленных районов» до 90 дней по национальным паспортам. Примечательным также является определение термина «родственники» в этом договоре: означает кровных родственников, членов одного племени, рода или коренных жителей, имеющих общее с коренными жителями другой территории языковое или культурное наследие.

Таким образом, начиная с 1989 года возобновилось относительно беспрепятственное общение чаплинских эскимосов со своими родственниками.

Вот как описывает этот эмоциональный момент один из информантов:

«...В 89-м году прилетел боинг в Провиденция, 91 эскимосов приехали. Тогда мы впервые увидели своих сородичей. Я тогда журналисткой была. Мне надо быстрее интервью брать, потому что всего 8 часов они тут будут, а потом они улетят. Мне быстрее бы интервью взять. Много было очень старейшин тогда. И один старичок ходил с палочкой, как я сейчас. Еще спрашивал: какого ты рода? какого ты рода? Это было где-то... после обеда уже. Я подошла к нему. Они спрашивают, не как тебя зовут, а какого ты рода? Я говорю, <название рода>. Был такой поселок, на острове Святого Лаврентия. Он тогда вскочил на палки и заплакал. Я говорю: а что вы плачете? Что вы? стала его успокаивать? А он говорит, я думал, что я сейчас уеду обратно вечером и не найду родственников. На этом берегу. А кто у тебя это самое... из <название рода>? Я говорю, <имя>. Он вообще закрыл глаза. А это оказывается, его был двоюродный брат. Это мой прадед...»

После этой встречи последовали регулярные официальные визиты. По данным региональной комиссии Берингова пролива, которая отвечала за фиксацию фактов безвизового посещения эскимосами сопредельных территорий, за период с 1989 по 2019 год Аляску посетили 2283 человека, Чукотку – 47. Стоит отметить, что наверняка не все эскимосы фиксировались Комиссией – в первые десятилетия действия договора механизм выдачи вкладышей (возвратный бланк с отметками уполномоченных лиц) был достаточно формален, к тому же девяностые годы XX века выдались очень сложными для всей страны, тем более для ее Крайнего Севера. Данные поездки сохранялись до введения ковидных ограничений в 2019 году и не восстановились до сих пор, хотя юридических препятствий нет.

За период возобновления общения сложилась устойчивая практика направлять на остров Святого Лаврентия детей, которые жили затем в семьях аляскинских эскимосов. Так об этом вспоминает информант¹:

«...У нас это нет такого жесткого. Есть семьи отдельные, которые вот с национальностью, но не так очень. Вот это заметила. Хотя есть семьи, которые говорят на родном языке. Учили. Тоже у бабушек туда, где сохранили язык и пытаются сохранить язык. Ну, я говорю, вот этот толчок, связь между Аляской – он дал языковой толчок. Да, интересы у детей интересные. Во-первых, общение же было. Активное общение...»

...Пошел обмен. Активный обмен. Прямо приезжали с той стороны. Нас вывозили. Особенно детей много было. Очень много. Надолго. И это было... Как раз подспорье, почему... Как раз развал пошел. И безработица. И без денег. И продуктов нет. И тепла нет. Ну, как в 90-е годы. И вот, когда детей возили, это же было благо. Вот это было благо. А во-вторых еще язык. Как-то немножко поднялся. Самосознание. Вот у людей. И начали язык изучать. Вот это один толчок. А сейчас опять. Потому что уже опять. Нет никаких связей...»

На самом острове общение между жителями происходит до сих пор на родном языке – таком же чаплинском эскимосском, что и в селе Новое Чаплино. Такая практика дала большой рост количества эскимосов на Чукотке, начавших понимать свой родной язык на слух. Об определенном прорыве свидетельствует следующий информант²:

– Ну, вообще, вот вы по-эскимосски говорите?

– Я, оказывается, могу говорить.

– Оказывается?

– Оказывается.

– Как это выяснилось? Тоже это была поездка на ту сторону?

– Да. Я же говорю, росла с бабушкой, дедушкой, они... Дед у меня грамотный был. У него почерк такой красивый, он писал по-русски очень красиво. И выражался очень грамотно. А бабушка моя большего домохозяйка, она... Было у нее много детей. Тринадцать детей. Конечно, она больше дома, и получалась только вот на эскимосском разговаривать. Я их понимала очень хорошо, а отвечала им по-русски. Они меня точно так же понимали прекрасно по-русски, но не говорили по-русски. Ну, как бабушка, да. Вот так вот было такое общение. И поехала я первый раз, когда на Аляску. И я была в таком шоке, когда увидела национальное село Гэмбел. Там все поголовно говорили на эскимосском языке. Начиная вот с младенчества, как говорится, и вот старики. Они беспрепятственно говорили на эскимосском. А мы же говорили все только на русском. А считала, что... Ну, тяжело говорить по-эскимосски, очень тяжело. И я была в безвыходном положении. Надо же было как-то общаться. Пык, пык, вот так вот, так, так, так. А потом меня как прорвало. Вот прорвало. Все вспомнилось. Просто было положение без рук. То есть это вот то, почему так важно, чтобы бабушки общались с детьми, что это на подкорке все-таки остается. Ну, бабушка тогда еще была. Дедушка был. Как-то говорили... А они, говорят, звонят на эту сторону, вот, на Аляску. А там у них тоже получается, как старше рода, мужчина. Они между собой общались, звонили друг другу...

Кроме того, возобновившиеся родственные связи помогли многим семьям пережить слом командно-административной экономической системы СССР, обеспечивавшей всем необходимым жителей Крайнего Севера. В девяностые годы с острова Св. Лаврентия на Чукотку завозились продукты, одежда, техника и снаряжение для морзверобойного промысла, что фактически дало возможность дожить до прихода на должность губернатора Абрамовича, с которого началось восстановление логистики Чукотки.

В дальнейшем, возможность легального, беспрепятственного выезда в другую страну вызвало определенное оживление среди молодежи, особенно из смешанных браков – подняло интерес в первую очередь к своей

¹ Женщина, эскимоска, 1962 г.р.

² Женщина, эскимоска, старше 50 лет.

родословной и стало играть определенную роль для самоопределения.

Стоит отметить, что с введением ковидных ограничений 2019 года общение между родственниками не прекратилось. Не смотря на очень слабую цифровизацию Чукотского автономного округа, общение внутри семей перешло в личные и общественные группы в WhatsApp.

Так, инструментом поддержания родного языка и своеобразного общественного пространства являются следующие группы в WhatsApp: «Эскимосский и Чукотский языки» с 249 участниками, «Ай-си-си Чукотка» с 73 участниками и «Уроки эскимосского языка» с 76 участниками. Telegram каналы менее распространены, так как они требуют более высокого качества Интернет-соединения. Тем не менее, в 2023 году активистами ИПС Чукотка был создан Telegram канал «Радио Юпик», который на данный момент насчитывает 130 участников.

Несмотря на относительно небольшое количество участников, эти группы исполняют роль информационных хабов. Контент из них пересылается в поселковые и личные чаты, что способствует его дальнейшему распространению. Информацию для размещения предоставляют признанные знатоки языка, которые часто участвуют в озвучивании передач на национальном языке, транслируемых чукотским радио «Пурга» и публикуемых в газете «Крайний Север».

Таким образом, трансграничные сформировало уникальный институт международного общения, характерный только для эскимосов Чукотки и острова Святого Лаврентия. Возвращаясь к предложенной нами теоретической триаде, он непосредственно влияет на процесс самокатегоризации индивида, помогая ему определить с активацией номинальной идентичности или даже её смены в более зрелом возрасте, а также продуцирует ряд этнически ассоциированных атрибутов, одним из которых является родной язык.

Литература

1. Белановский С.А. Методология качественных исследований. Социологические статьи //под ред. С.А. Белановского. – М.: ВЦИОМ, 2024. – 91 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания//Перевод Е. Руткевич. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
3. Вахтин Н.Б. Эскимосско-алеутские языки//Языки мира. Палеазиатские языки. М.: «Индрик», – 1997, сс. 72–75.

4. Chandra, Kanchan, *Constructivist Theories of Ethnic Politics*/ Oxford University Press, 2012, 528 с., ISBN 978-0-19-989315-7.
5. Chandra K., *What is Ethnic Identity and Does It Matter*// *Annual Review of Political Science*, 2006, Vol. 9, pp. 397–424.

THE FACETS OF CROSS-BORDER IDENTITY: THE ESKIMOS OF CHUKOTKA – LANGUAGE, STRAIT AND VISA-FREE BRIDGES

Vasilkov E.

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

This article explores how transboundary space contributes to the formation and preservation of ethnic identity of Chukotka Eskimos through institutionalization of practices. The paper analyzes cross-border interaction between Eskimos living in Russia and the United States (mainly in the Chukchi Autonomous Region and St. Lawrence Island). The empirical part of the research utilized a qualitative method of in-depth interviews with 22 active Eskimo representatives. The sampling was carried out using the snowball sampling method. Special attention is paid to how the absence of strict state barriers after the resumption in 1989 (on the basis of a bilateral agreement between the USSR and the USA) was marked by a significant revival of contacts between kinship groups, contributing to the exchange of cultural experience, filling the deficit of active native language speakers and, in general, the formation of a unique institution for the preservation of Eskimo ethnic identity, which is characteristic only of cross-border areas. The theoretical framework of the study is based on the concepts of Kanchan Chandra with the author's addition in the form of the theoretical triad of self-categorization, representation of self by others and categorization by others.

Keywords: cross-border space, ethnic identity, Chukotka Eskimos, Kanchan Chandra, institutions.

References

1. Belanovskij S.A. *Metodologiya kachestvennyh issledovanij. Sociologicheskie stat'i* [Qualitative research methodology. Sociological articles]//pod red. S.A. Belanovskogo. – M.: VCIOM, 2024. – 91 s.
2. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]//Perevod E. Rutkevich. – M.: «Medium», 1995. – 323 s. ISBN 5-85691-036-2.
3. Vahtin N.B. *Eskimossko-aleutskie yazyki/Yazyki mira. Paleaziatskie yazyki*. [Eskimo-Aleut languages/Languages of the World. Palaeasian languages.] M.: «Indrik», – 1997, ss. 72–75.
4. Chandra, Kanchan, *Constructivist Theories of Ethnic Politics*/ Oxford University Press, 2012, 528 с., ISBN 978-0-19-989315-7.
5. Chandra K., *What is Ethnic Identity and Does It Matter*//*Annual Review of Political Science*, 2006, Vol. 9, pp. 397–424.

Онтологические основания современного образования: философский анализ

Воскресенский Алексей Александрович,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философской антропологии и истории философии института философии человека, РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: voscres@gmail.com

Статья посвящена онтологическим основаниям современного образования в ракурсе философского анализа. Актуальность определяется сдвигом от процедурной логики обучения к описанию бытийных структур образовательной реальности. Новизна выражена в согласовании языков «пространства», «события», «сети» и «практик» с процедурами обоснования и в разведении онтологических тезисов и эпистемологических допущений. В рамках работы описаны онтологические режимы учебных форм, исследованы ценностно-нравственные условия удержания смысла, проанализированы постнеклассические представления об открытых системах и феноменологическое измерение переживаемого опыта. Особое внимание уделено «оседанию» ценностей в повседневных взаимодействиях и конструированию сцен совместного присутствия. Цель – реконструкция устойчивых инвариантов образовательного бытия и выведение практических шагов для проектирования курсов. Для решения задачи использованы сравнительный анализ, концептуальная реконструкция, герменевтические процедуры и нормативная экспертиза. Изучены современные философские и педагогические публикации и действующие стандарты. В заключении очерчены профили типовых учебных ситуаций и карта «точек хрупкости» среды. Статья полезна исследователям, методистам и управленцам образования.

Ключевые слова: онтология образования, образовательное пространство, событие учения, ценности, нравственная структура, постнеклассическая рамка, феноменологический опыт, универсальные компетенции, онтологический поворот, проектирование курса.

Введение

Сдвиг исследовательского интереса от регламентов и наборов процедур к бытийным структурам учебной реальности требует уточнённой философской оптики. Образование рассматривается как многослойная реальность: институциональная среда, сеть отношений и событий, переживаемый участниками опыт.

Цель – выстроить онтологическую модель, способную поддерживать проектирование курсов, удержание смыслов и согласование норм с практиками. Задачи:

- 1) реконструировать языки описания образовательной реальности и развести онтологические утверждения и эпистемологические допущения;
- 2) описать ценностно-нравственные условия устойчивости учебных форм и эффекты «оседания» ценностей в повседневных взаимодействиях;
- 3) обосновать практические шаги: профили типовых учебных ситуаций, карту «точек хрупкости» и принципы согласования стандартов с реальными практиками.

Новизна состоит в согласовании многоязычия онтологических описаний с процедурами проверки, в связке феноменологической данности опыта с институциональными инвариантами и в переносе акцента на сценографию совместного присутствия как носителя знания.

Материалы и методы

Исходный корпус составили публикации, отражающие онтологические, аксиологические, феноменологические и метатеоретические линии философии образования. Для обоснования обзора использованы работы: Е.В. Брагина исследовала субъектность и вовлечённость взрослых обучающихся, акцентируя условия разворачивания инициативы [1]; О.С. Гилязова, А.Н. Замощанская проанализировали универсальные компетенции и ценностные сдвиги в высшем образовании [2]; Т. Керимов описал «онтологический поворот» и возврат эпистемологии как средство против инфляции сущностей [3]; Н.Н. Кожевников, В.С. Данилова описали онтологические структуры образовательного процесса [4]; Д.В. Константинов поднял вопрос понятности онтологического дискурса и языковой политики преподавания [5]; С.А. Лебедев, В.Д. Ребрищев очертили классическую, неклассическую и постнеклассическую рамки научного знания [6]; Н.В. Пашкова, А.А. Стриженченко уточнили проблемное поле онтологии в современной философии [7]; Л.В. Фокина предложила философское осмысление трендов образования и их феноменологическую «данность» [8]; Н.О. Щупленков, О.В. Щупленков рассмотрели связь онтологии образования и становления человеческой сущности [9]; И.В. Яковлева, Т.С. Косенко, Ю. Чжан систематизировали изменения образовательного пространства и их модусы [10].

Методы: сравнительный анализ, концептуальная реконструкция, логико-герменевтическое истолкование, систематизация категориального аппарата, контент-анализ публикаций, нормативный анализ стандартов, феноменологическое описание учебных сцен.

Результаты

Философско-онтологическая картина образования в текущем десятилетии складывается из трёх взаимосвязанных линий:

1) переосмысление образовательного пространства как особого способа бытия социальных связей и институтов [10];

2) перенос дискуссий «онтологического поворота» из социальных наук в философию образования с уточнением границ между онтологией и эпистемологией [3];

3) консолидация ценностно-смысловой основы обучения через «аксиологический поворот» и новые нормативные рамки (ФГОС ВО-4) [2].

Эти линии задают методологические опоры для интерпретации образования как многослойной реальности, где сущностные характеристики – становление субъекта, устойчивость учебных практик, нормативные ожидания – проявляются в конкретных институциональных решениях и языках описания [6; 7].

В публикации И.В. Яковлевой с соавторами обобщён корпус статей журнала «Философия образования», где образовательное пространство трактуется не как фон процессов, а как самостоятельная реальность с собственными модусами изменения, уровнями организации и механизмами конституирования субъектности [10]. Прослеживаются две линии описания: структурная (порядок, границы, инварианты практик) и процессуальная (событийность, переходы, режимы трансформации). Такой подход снимает упрощение, когда обучение редуцируется до функций передачи знаний, и переводит анализ к категориям онтологической стабилизации/дестабилизации: как образовательные формы удерживают идентичность при реформировании; каким способом «сшиваются» персональные траектории и институциональные регламенты; где проходят точки онтологической хрупкости (распад общих смыслов, распыление ответственности, утрата символических опор) [10].

Возврат эпистемологии в дискуссии «онтологического поворота». В работе Т. Керимова показано, что массовое расширение онтологических языков в социальных науках породило две крайности: эссенциалистские конструкторы «социальной реальности» и «плоские» сборки, где мир собирается из сетей акторов без устойчивых сущностей. Для философии образования это задаёт проверку на избыточный онтологизм: где границы онтологических утверждений об «образовательной реальности», а где требуется эпистемологическая оговорка о пределах знания и инструментах проверки? Возвращение эпистемологической оптики предохраняет исследование от подмены нормативных идеалов «онтологическими фактами» и поддерживает принцип соизмерения описаний с процедурами обоснования [3]. На уровне образовательных исследований такой баланс смещает акцент к «согласованности онтологии и методов»: языки «пространства», «сети», «сборки», «практики» применяются там, где для них заданы процедуры фиксации и проверки.

Новые версии ФГОС ВО формируют рамку универсальных компетенций с усилением аксиологической составляющей. Исследование О.С. Гилязовой и А.Н. Замошанской фиксирует расхождения между заявленными ценностями и реальными образовательными практиками; отмечается разлад между нормой и действием, перегрев регуляторных ожиданий и размывание механизмов включения ценностей в повседневный учебный опыт. Для онтологии образования это означает: ценность не сводится к декларируемой норме; она существует как способ «быть в образовании», задающий стиль отноше-

ний, распределение ответственности и горизонты смысла. При анализе образовательной реальности следует различать: ценность-как-правило, ценность-как-опыт и ценность-как-структурный инвариант, что позволяет диагностировать точки, где нормы «не оседают» в бытии практик [2].

В работах по онтологии нравственного образования подчёркнуто, что моральные основания не добавляются к готовым формам обучения, а вырастают из самой структуры образовательного отношения «учитель – обучающийся – текст – дело». Нравственное не сводится к кодексу; оно проявляется как способ совместного присутствия, где признание, ответственность и достоинство становятся условиями образовательной реальности [1]. Для результатов настоящего аналитического раздела это даёт два следствия: во-первых, диагностика образовательного неблагополучия должна искать разрывы в нравственном «строении» среды; во-вторых, обновление учебных форм требует реконфигурации отношений, а не косметических добавок к содержанию [1].

Метатеоретические исследования по философским основаниям классической/неклассической/постнеклассической науки показывают сдвиг от жёстких детерминистских схем к открытым саморазвивающимся системам, неустойчивостям и рефлексивности наблюдателя. Для онтологии образования это означает переход к моделям, где учебные системы понимаются как открытые, контингентные, чувствительные к начальным условиям. Отсюда – внимание к динамике норм, множественности онтологических описаний и процедурной проверке устойчивости форм в потоке изменений [6].

Современные обзоры онтологических проблем подчёркивают необходимость удерживать в одном поле вопросы сущности, существования, возможности и модальности, не подменяя их методологическими слоганами. Для образования такой каркас дисциплинирует язык исследования: различать «что существует в образовании» (институты, роли, практики, артефакты), «как существует» (режимы присутствия, длительность, конституирующие отношения), «в каких модальностях» (необходимое/возможное, должное/сущее), «каким способом устанавливается существование» (верификация, валидация, феноменологическое описание) [7].

В работах Н.Н. Кожевникова предложено рассматривать образование через три фундаментальных положения: образование – способ бытия человека, институциональная форма культуры и механизм воспроизводства/инновации смыслов. Отсюда вытекает требование к исследованию фиксировать «узлы бытия процесса»: границы учебного действия, формы совместности, онтологию учебного предмета и статусы участников. На уровне практик это ведёт к пересборке категориального аппарата: от «передачи знаний» – к «событию учения», от «контента» – к «объектам-носителям смысла», от «метода» – к «форме совместного присутствия» [4].

Исследования трендов задают феноменологическую перспективу: образование мыслится через опыт переживания, телесно-временную включённость и мировоззренческие установки участников, что позволяет описывать «как дан» образовательный мир и почему некоторые практики «не удерживаются» в опыте. Для онтологии образования такая перспектива добавляет слой «данности» к структурным описаниям: формы существуют поскольку даны в переживании и поддерживаются коллективными актами признания [8].

Анализ Д.В. Константинова указывает на типичную проблему: учебные тексты по онтологии часто воспроизводят терминологические системы без процедур разъяснения, что рождает псевдопонимание и «ритуаль-

ные» употребления понятий [5]. Для подготовки педагогов и исследователей это ведёт к практическому выводу: вводить «уровни понятности» (интуитивные образы, операциональные определения, формы проверки применимости) и соотносить их с задачами исследования, иначе онтологическая лексика теряет связь с реальностью образования [5].

Публикации последних лет фиксируют, что образовательные реформы устойчивы лишь там, где учтена антропологическая «сборка» участника (телесность, мотивация, эмоциональная регуляция, идентичность) и где ценностная ориентация встроена в организацию занятий, оценивания и наставничества [2; 9]. В противном случае возникает рассогласование между нормой и опытом, а «ценностные блоки» остаются декларациями. Для онтологического анализа это подкрепляет тезис: образование существует как сеть отношений, в которой нормативная, когнитивная и нравственная линии соединены в практиках повседневного действия – от проектирования дисциплин до микродинамики аудитории.

Обсуждение

Представленный анализ смещает исследовательскую оптику от декларативных моделей образования к рассмотрению бытийных структур учебной реальности. Сквозной мотив – согласование онтологических языков описания с процедурами обоснования, чтобы исключить подмену нормативных идеалов псевдо-фактами. При опоре на современные онтологические подходы образование предстаёт как многослойная реальность: институционально оформленная среда, сеть отношений и событий, а также переживаемый участниками опыт. Такая композиция задаёт строгие требования к исследовательской грамматике: различать, что существует в образовательном мире, в каких режимах присутствует, какими отношениями удерживается и через какие практики подтверждается.

Разведение онтологии и эпистемологии уточняет границы допустимых утверждений об «образовательном мире». Онтологические тезисы об устройстве пространства, предмета и субъектности сохраняют смысл лишь там, где им сопоставлены методы фиксации и проверки. Например, язык «пространства» продуктивен, если исследователь предъявляет операциональные критерии его границ и внутренних уровней; язык «события» правомерен, когда даны признаки события, отличающие его от рутинной процедуры; язык «сети» осмыслен, когда связи и носители связи выделены методически, а не вводятся риторически. Такая дисциплина языка исключает инфляцию сущностей и задаёт прозрачность переходов между описанием, интерпретацией и доказательством.

Ценностно-смысловая линия требует иной логики, чем та, что применима к регламентам и учебным планам. Ценность не сводится к положению стандарта; она существует в форме устойчивых способов совместного присутствия, задающих тон общения, границы ответственности, горизонты ожиданий. Следовательно, рассогласование между декларируемыми компетенциями и повседневными практиками объясняется не дефицитом норм, а отсутствием онтологического «оседания» ценностей в ткань взаимодействий. Для преодоления разрыва нужна сборка трёх уровней: ценность-как-правило (формула, закреплённая в документах), ценность-как-опыт (переживаемая участниками форма общности) и ценность-как-структурный инвариант (устойчивый способ организации занятия, наставничества, оценивания). Пока второй и третий уровни не стабилизированы, регуляторные инновации остаются внешними по отношению к реальности обучения.

Нравственное измерение выступает не как добавка к учебному содержанию, а как условие существования образовательной реальности. Там, где практики признания, тактичности и ответственности встроены в форму занятия, исчезают «онтологические разрывы» между участниками и учебным предметом: смысл удерживается, субъектность развивается, а конфликтные участки среды утрачивают разрушительную силу. При этом нравственная структура не сводится к кодексу; она закрепляется через микро-решения – режим начала и завершения занятия, способы комментария ошибки, формат обратной связи, распределение права голоса. Такая настройка задаёт «толщину» образовательного бытия: не только содержание, но и форма совместности несёт знание.

Постнеклассическая рамка переводит обсуждение от статических моделей к динамике саморазвивающихся систем. Образование мыслится как открытая среда, чувствительная к начальному состоянию и к малым возмущениям. Отсюда – две практические линии. Первая: устойчивость обеспечивается не консервацией процедур, а умением удерживать инварианты при неизбежных изменениях. Вторая: множественность онтологических описаний допускается как методическая норма, а не как противоречие. Одна и та же учебная реальность правомерно описывается через язык пространств, событий, сетей и практик, если для каждого языка определены границы применимости и способы верификации.

Антропологический поворот задаёт дополнительную плоскость анализа: образовательная среда обретает устойчивость, когда учтены телесность, мотивация, эмоциональная регуляция и идентичность участников. Такие параметры не редуцируются к психологии обучения; речь идёт о модусах присутствия субъекта в образовательном мире. Если форма занятия не поддерживает должный ритм внимания, не распределяет нагрузку, не распознаёт пределы тревоги и стыда, то учебная реальность утрачивает связность независимо от качества содержания. Следовательно, проектирование курсов и оценочных процедур требует согласования с антропологической «сборкой» участника, иначе неизбежно накапливается скрытая энтропия взаимодействий.

Феноменологическая перспектива связывает структурные описания с тем, как учебный мир дан в переживании. Формы удерживаются постольку, поскольку распознаются участниками как осмысленные и заселяются практиками. Если курс воспринимается как «ритуал прохождения через контент», то даже хорошо настроенная институциональная рамка не даёт эффекта. Включение феноменологической оптики полезно для диагностики «неудерживающихся» форм: где именно распадается опыт общности, в какой точке исчезает чувство адресованности, какие элементы взаимодействия создают иллюзию участия без реального присутствия.

Преподавание онтологии требует особой языковой политики. Терминологические системы без сцен разъяснения провоцируют псевдо-понимание и символическое потребление понятий. Рациональна трёхступенчатая лестница понятности:

- 1) индуктивные образы и кейсы, собирающие интуицию смысла;
- 2) операциональные определения с указанием пределов применимости;
- 3) процедуры проверки – от логических переформулировок до эмпирических репликаторов.

Такая организация исключает «ритуальное» использование словаря и делает онтологию инструментом проектирования образовательной реальности, а не коллекцией высоких слов.

На уровне институциональной практики обсуждение выводит к трём зонам проектирования. Первая – архитектура учебного пространства: размер и проницаемость групп, ритм очных и дистанционных взаимодействий, положение сервисных функций (тьюторство, наставничество, психолого-педагогическое сопровождение) относительно ядра курса. Вторая – онтология предмета: что образует устойчивое ядро содержания, какие объекты выступают носителями смысла, как устроены переходы между уровнями сложности, где проходят пороги компетентности. Третья – режим присутствия преподавателя: от «транслятора содержания» к «куратору событий учения», который выстраивает правдоподобные сцены взаимодействия, организует обратную связь и поддерживает нравственную структуру общения.

Аналитический метод без экспериментальной части задаёт свои пределы и риски. Интерпретации опираются на уже опубликованные исследования, следовательно, выводы тесно связаны с качеством исходного корпуса. Снижение этого риска достигается за счёт прозрачной логики отбора, явного разведения уровней описания, а также предъявления критериев, по которым делались переходы от тезиса к практической рекомендации. Дополнительной страховкой служит сопоставление нескольких языков описания одной и той же образовательной сцены: структурного, феноменологического и нормативного.

Перспективная программа дальнейших исследований просматривается в трёх направлениях. Во-первых, требуется разработка онтологических профилей для типовых образовательных ситуаций: массовая лекция, исследовательский семинар, проектная студия, тьюторская группа. Такой реестр позволит соотносить наборы практик с требуемыми модусами присутствия и способами подтверждения результата. Во-вторых, важна карта «точек хрупкости» образовательной среды: места, где чаще всего распадается совместность, где теряется адресованность задания, где ломается механизм признания. Выделение этих точек даёт управляемые вмешательства без тотального реформирования. В-третьих, полезен протокол согласования стандартов с онтологией практик: тест на «оседание» нормы, предполагающий пилотные сцены применения, измерение удержания смыслов и мониторинг нравственной структуры взаимодействия.

Переход от лозунгов модернизации к онтологически выверенным решениям требует иной последовательности действий: сначала реконструкция реальности учебных форм и отношений, затем уточнение языков описания и процедур проверки, далее – аккуратная сборка ценностных нововведений, способных закрепиться в опыте. Такой порядок стабилизирует образовательный мир и открывает пространство для разнообразия методов без утраты дисциплины исследования.

Заключение

Проведённая реконструкция вывела рабочую модель образовательного бытия как многослойной реальности, где устойчивость задаётся сцеплением институциональных инвариантов, событий учения и переживаемого опыта.

Первая задача решена через согласование языков «пространства», «сети», «события» и «практик» с прозрачными процедурами обоснования, что исключает инфляцию сущностей и риторическое употребление понятий.

Вторая задача выполнена через описание механики «оседания» ценностей: правило закрепляется лишь там, где сформирован опыт общности и настроена нрав-

ственная структура обратной связи, комментария ошибки и распределения голоса.

Третья задача реализована в пакете практических шагов: профили типовых учебных ситуаций (массовая лекция, исследовательский семинар, проектная студия, тьюторская группа), карта «точек хрупкости» (потеря адресованности, разрыв признания, перегрев регламента), протокол согласования стандартов с реальными практиками (пилотные сцены применения, измерение удержания смыслов, мониторинг нравственной ткани взаимодействия).

Полученные выводы задают основу для проектирования курсов и локальных управленческих вмешательств без тотальной реформы.

Литература

- Брагина Е.В. Философские основания исследования проблемы вовлеченности в дополнительное образование: поощрение и развитие субъектности взрослых обучающихся // Психолог. – 2025. – № 1. – С. 1–19. – DOI: 10.25136/2409-8701.2025.1.73021.
- Гилязова О. С., Замощанская А.Н. Трансформации российского фреймворка универсальных компетенций в контексте аксиологического поворота в высшем образовании // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10, № 8. – С. 1179–1188. – DOI: 10.30853/ped20250143.
- Керимов Т. Онтологический поворот в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 109–130.
- Кожевников Н. Н., Данилова В.С. Онтологические структуры современного образовательного процесса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 5. – С. 97–104.
- Константинов Д.В. Как говорить о бытии, или может ли онтология быть понятной? // Общество, образование, наука: современные тренды: сб. трудов по материалам II Нац. науч.-практ. конф., Керчь, 23–24 дек. 2022 г. / редкол.: Е.П. Масюткин [и др.]. – Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский гос. мор. технол. ун-т», 2022. – С. 293–297. – EDN ALBUTY.
- Лебедев С. А., Ребрищев В.Д. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки // Современные философские исследования. – 2024. – № 1. – С. 57–66. – DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-57-66.
- Пашкова Н. В., Стрижаченко А.А. Онтологические проблемы философии // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сб. матер. IX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 04 июля 2022 г. – М.: Изд-во «ООО „ИРОК“»; Изд-во «АЛЕФ», 2022. – С. 156–161. – EDN APAZVA.
- Фокина Л.В. Тренды современного образования: философское осмысление // Образование и право. – 2021. – № 4. – С. 456–462. – DOI: 10.24412/2076-1503-2021-4-456-462.
- Щупленков Н. О., Щупленков О.В. Онтологические основы образования в формировании сущности человеческого индивида // Казачество. – 2024. – № 75 (2). – С. 13–21.
- Яковлева И. В., Косенко Т.С., Чжан Ю. Онтология изменений образовательного пространства: обзор статей в научном журнале «Философия образования / Philosophy of education» (2016–2020 гг.). Ч. 1 // Профессиональное образование в совре-

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN EDUCATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Voskresensky A.A.

Herzen State Pedagogical University of the Russian Federation

This article examines the ontological foundations of modern education from the perspective of philosophical analysis. Its relevance lies in the shift from the procedural logic of learning to the description of the existential structures of educational reality. Its novelty lies in the alignment of the languages of “space,” “event,” “network,” and “practices” with substantiation procedures and in the separation of ontological theses and epistemological assumptions. This work describes the ontological modes of educational forms, examines the value-based and moral conditions for retaining meaning, and analyzes post-nonclassical notions of open systems and the phenomenological dimension of lived experience. Particular attention is paid to the “settling” of values in everyday interactions and the construction of scenes of co-presence. The goal is to reconstruct stable invariants of educational existence and derive practical steps for course design. To address this problem, we used comparative analysis, conceptual reconstruction, hermeneutic procedures, and normative expertise. We also examined contemporary philosophical and pedagogical publications and current standards. In conclusion, we outline profiles of typical learning situations and a map of the environment’s “fragility points.” This article is useful for researchers, methodologists, and education administrators.

Keywords: educational ontology, educational space, learning event, values, moral structure, post-nonclassical framework, phenomenological experience, universal competencies, ontological turn, course design.

References

1. Bragina E.V. Philosophical Foundations for Researching the Problem of Involvement in Supplementary Education: Encouraging and Developing the Subjectivity of Adult Learners // *Psychologist*. – 2025. – No. 1. – Pp. 1–19. – DOI: 10.25136/2409-8701.2025.1.73021.
2. Gilyazova O. S., Zamoshanskaya A.N. Transformations of the Russian Framework of Universal Competencies in the Context of the Axiological Turn in Higher Education // *Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*. – 2025. – Vol. 10, No. 8. – Pp. 1179–1188. – DOI: 10.30853/ped20250143.
3. Kerimov T. Ontological Turn in the Social Sciences: The Return of Epistemology // *Sociological Review*. – 2022. – Vol. 21, No.1. – Pp. 109–130.
4. Kozhevnikov N. N., Danilova V.S. Ontological structures of the modern educational process // *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*. – 2021. – No. 5. – Pp. 97–104.
5. Konstantinov D.V. How to talk about being, or can ontology be understandable? // *Society, education, science: modern trends: collection of papers based on the materials of the II National scientific and practical conf., Kerch, December 23–24, 2022 / editorial board: E.P. Masyutkin [et al.]. – Kerch: FGBOU VO “Kerch State Maritime Technological University”. un-t”, 2022. – Pp. 293–297. – EDN ALBUTY.*
6. Lebedev S. A., Rebrishchev V.D. Philosophical Foundations of Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical Science // *Modern Philosophical Research*. – 2024. – No. 1. – Pp. 57–66. – DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-57-66.
7. Pashkova N. V., Strizhachenko A.A. Ontological Problems of Philosophy // *Challenges of Modernity and Strategies for the Development of Society in the Context of the New Reality: Collection of Materials of the IX International Scientific and Practical Conf., Moscow, July 4, 2022. – M.: Publishing House “OOO IROK”; ALEF Publishing House, 2022. – Pp. 156–161. – EDN APAZVA.*
8. Fokina, L.V. Trends in Modern Education: A Philosophical Understanding // *Education and Law*. – 2021. – No. 4. – Pp. 456–462. – DOI: 10.24412/2076-1503-2021-4-456-462.
9. Shchuplenkov, N. O., Shchuplenkov, O.V. Ontological Foundations of Education in the Formation of the Essence of the Human Individual // *Cossacks*. – 2024. – No. 75 (2). – Pp. 13–21.
10. Yakovleva I. V., Kosenko T.S., Zhang Yu. Ontology of changes in the educational space: a review of articles in the scientific journal “Philosophy of education” (2016–2020). Part 1 // *Professional education in the modern world*. – 2024. – Vol. 14, No. 4. – P. 711–732. – DOI: 10.20913/2618-7515-2024-4-18.

ЕАЭС как инструмент преодоления последствий от введения санкций для Москвы

Громова Дарья Алексеевна,

старший научный сотрудник отдела стратегических исследований, Научно-исследовательский институт социальных систем
E-mail: i@dgtromova.ru

Целью исследования является анализ и оценка эффективности взаимодействия ЕАЭС и Москвы в деле преодоления последствий от введенных санкций. Объект исследования – торговые отношения ЕАЭС и Москвы. Методы исследования: анализа и синтеза информации на основе публикаций ВАК, РИНЦ; динамический и трендовый анализ внешней торговли, производства и реализации инновационных товаров на основе данных Trade map и Росстата. В статье выполнен анализ прошлых публикаций по теме исследования. Установлено, что авторы уделяют недостаточно внимания взаимоотношениям Москвы и ЕАЭС в деле преодоления санкций, а также не объясняют наличие положительных и отрицательных эффектов. На основе данных внешней торговли со странами ЕАЭС (группы 85 Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров) установлено, что Армения, Казахстан и Кыргызстан являются наиболее значимыми контрагентами в деле преодоления санкций, связанных с импортом технологий для Москвы. Научная новизна исследования состоит в доказательстве эффекта в деле преодоления санкций, связанных с импортом технологий для Москвы. Сопоставление итоговых трендов параллельного импорта из стран ЕАЭС и объема инновационных товаров (услуг) в экономике показывает, что за 2022–2024 год достигнута положительная динамика в обоих направлениях. Увеличение объема инновационных товаров в экономике соотносится с достижениями параллельного импорта, чем объясняется наличие положительного эффекта.

Ключевые слова: ЕАЭС, Москва, санкции, внешняя торговля, эффективность, инновации, технологии, импорт.

Тема санкций для экономики в последние годы стала наиболее актуальной в связи с чем возникает необходимость исследования санкций в отношении других государств международными организациями, а также системы ответных мер на введение санкций. Наибольшей проблемой санкций для Москвы на текущий является их системный характер. Санкции направлены на планомерное разрушение экономики и регулярно дополняются новыми пакетами ограничений, что требует совершенствования механизма адаптации и реагирования. На текущий момент Правительством РФ и Центральным банком разрабатываются меры, направленные на снижение инфляции, стабилизации курса рубля и формирования новой экономической политики существования государства в условиях санкций, основанной на изменении структуры экспорта и импорта, а также налаживания отношений с дружественными странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Тем не менее, санкции со стороны недружественных государств без оперативного реагирования и ответной реакции могут привести к серьезным шокам в экономике не в долгосрочной перспективе, а уже в ближайшие годы. Противодействие угрозам такого характера возможно за счет разработки адаптационных механизмов обеспечения экономической безопасности региональной экономики.

Экономические санкции в той или иной форме применяются на протяжении двух последних тысячелетий и подразумевают наложение запретов на торговлю, экономические отрасли и способствует политической или военной победе над вражеским государством без использования оружия или ведения войны. В 2022–2024 году в связи с началом Специальной военной операции в отношении российской экономики были приняты беспрецедентные санкции, затрагивающие в первую очередь важнейшие экономические отрасли и накладывали ограничения на импорт товаров двойного назначения, отключение от SWIFT широкого перечня системообразующих российских банков (включая Центральный банк РФ), санкции в отношении физических лиц, финансовые и валютные ограничения. Также часть санкций была наложена на сотрудничество с Россией в отношении Беларуси и других стран ЕАЭС. Система ответных мер России на введение санкций включает в себя следующие направления: ограничения импорта продуктов питания, лекарств и других товаров гражданского назначения из Европейского союза, Соединенный Штатов Америки и ряда других «недружественных» стран; развитие внутренних возможностей производства и политики «импортозамещения» [1], обход импортных ограничений на поставку технологий и других значимых для ВПК товаров посредством теневой экономики [2, с. 160], развитие внешнеэкономических и торговых связей целевого экспорта углеводородов со странами ЕАЭС, КНР, Индией.

Эффективность введения санкций 2022–2023 года оценивается как недостаточная [2, с.168], несмотря на то, что российский ВВП с 2014 по 2019 год потерял до 11,2% [1] современная российская экономика смогла подстроиться под введенные ограничения. В марте – июне 2022 года наблюдались существенные скачки на-

циональной валюты, близкие к обрушению курса рубля, а также существенный всплеск инфляции в течении всего 2022 года [3], однако на сегодняшний день ВВП России из-за государственных вливаний резервов в экономику и насыщения ВПК финансовыми ресурсами показывает рост в 3,6% [4].

Важной частью противодействия санкциям стало сотрудничество в сфере параллельного импорта подстанционных товаров со странами ЕАЭС. Данный механизм предполагает наличие посредников с целью совершения торговых, бартерных и финансовых операций для Москвы. Подобный механизм существует с 2014 года и был создан изначально для приобретения товаров низкой стоимости без разрешения правообладателя. В исследовании Р.Э. Джумбаева описывается две модели параллельного импорта для стран ЕАЭС: активный и пассивный. Автор считает, что данный механизм существенно повышает экономическую безопасность Москвы и стран ЕАЭС [5, с. 40]. Среди ограничений подобного механизма выделяются законодательные и таможенные барьеры ТН ВЭД, увеличение издержек, подрыв отношений с дружественными странами и ключевыми партнерами из стран ЕАЭС [6]. Проблема правового регулирования и соблюдения прав собственности в реализации механизма параллельного импорта остается дискуссионной темой как в научной среде, так и на уровне национальных правительств стран ЕАЭС. Фактически параллельный импорт в ЕАЭС запрещен на основании Приложения 26 к договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (Защита объектов интеллектуальной собственности) [7]. Сегодня юридическая легализация механизма реализована только между Беларусью и Москвой. Остальные страны ЕАЭС фактически выполняют роль контрагентов для обхода санкций, однако при этом не имеют нормативной базы для реализации механизма законными методами [8, с.68]. Оценить эффективность мер параллельного импорта сложно в связи с недостатком открытых данных и малого срока реализации механизма во взаимоотношениях ЕАЭС и Москвы. В исследовании Ф.Н. Шайхутдиновой и Е.В. Демидовой делается вывод о положительном влиянии на партнерство

в отрасли полупроводников, однако авторы также добавляют, что для обеспечения стабильности поставок требуется также ряд поставщиков из стран Юго-Восточной Азии помимо ЕАЭС [9].

Таким образом, исследования по теме не многочисленны. Оценка эффективности взаимодействия Москвы и ЕАЭС для преодоления санкций в предыдущих исследованиях представлена недостаточно.

Материалы и методы исследования

Исследование построено на смешанном методе. В статье использованы методы литературного анализа из баз научных публикаций РИНК и ВАК. Анализ внешней торговли выполнен с использованием методов динамического и трендового анализа на основе данных Trade map. Оценка эффективности взаимоотношений Москвы и ЕАЭС в преодолении санкций выполнена на основе сравнительного анализа результатов параллельного импорта и объемов инновационных товаров (услуг) в экономике на основании данных Росстата.

Санкции против Москвы преследовали несколько основных целей, однако: наиболее значимым является блокировка технологического импорта. В условиях, когда Москва или дружественные ей страны не располагают определенными технологиями и товарами или не могут поставить их в достаточном количестве, такие санкции становятся наиболее болезненными. Они подрывают высокотехнологичную промышленность и обороноспособного государства. Для преодоления подобных ограничений в 2022 году был принят ФЗ № 46 от 08.03.2022 г., а также Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506, которые сняли часть ограничений на интеллектуальную и иную собственность и создали базу для дальнейшего использования параллельного импорта.

За период с 2022 по 2024 год страны ЕАЭС стали одними из лидеров по обходу санкций, связанных с высокотехнологичным импортом. В таблице 1 приведены данные импорта подстанционных товаров из группы 85 Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров за 2020–2024 г. по всем странам ЕАЭС.

Таблица 1. Импорт электрических машин, оборудования и других подстанционных товаров через страны ЕАЭС на территорию Российской Федерации в 2020–2024 г., млн долл. США

Страна	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста 2024 к 2020 г., %
Армения	18,1	24,9	507,1	988,2	1074,3	5924,9
Беларусь	1101,7	1418,8	299,1	237,6	235,6	21,4
Казахстан	185,8	664,6	993,3	1177,3	1281,5	689,5
Кыргызстан	17,0	72,8	121,7	165,4	140,1	823,3
Итого	1322,7	2181,0	1921,1	2568,4	2731,4	206,5

Источник: Trade map

Лидером параллельного импорта в 2022–2024 году стала Армения, где импорт из обследованной группы товаров вырос в 59 раз за пять лет. Казахстан и Кыргызстан также показывают рост в 7 и 8 раз относительно 2020 года. Импорт из Беларуси в Москву в обследованной группе товаров за пять лет существенно сократился в связи с введением вторичных санкций уже в этой стране. Таким образом, высокотехнологичный импорт из стран ЕАЭС для Российской Федерации увеличился в 2 раза за пять лет несмотря на введенные санкции. Это очевидный показатель эффективности параллельного импорта и ответных мер Москвы на введение санкций

во взаимоотношении со странами ЕАЭС. Рассмотрим, как импорт обследованной группы товаров из стран ЕАЭС сказался на объемах отгрузки товаров технологических отраслей российской экономики. В таблице 2 приведены данные объем инновационных товаров и услуг, наиболее уязвимых к ограничениям импорта технологий.

Совокупный объем реализации выделенных групп товаров за пять лет увеличился на 70%. При этом не наблюдается ни одной группы товаров или услуг, которая бы показывала снижение. На данном этапе можно сделать вывод о том, что инновации, наиболее уязвимые к импорту не пострадали от введения санкций. На ри-

сунке 1 наглядно показано наложение трендов: с увеличением параллельного импорта из стран ЕАЭС увеличивается и объем инновационных товаров в экономике

за период 2020–2024 г. Исключением является шоковый 2022 год, когда механизмы по обходу санкций еще не заработали в полную силу и не дали должного эффекта.

Таблица 2. Объем инновационных товаров и услуг наиболее уязвимых к ограничениям импорта технологий в 2020–2024 г., млрд руб.

Вид деятельности	2020	2021	2022	2023	2024
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	2282,0	1399,7	1604,3	2030,5	2771,5
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	999,4	1330,7	1514,7	1891,1	2398,3
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	2303,3	2885,3	1813,4	2040,5	2941,9
Производство прочих транспортных средств и оборудования	2013,4	2274,7	2370,0	2783,0	3779,0
Ремонт и монтаж машин и оборудования	641,2	909,2	767,0	921,5	1202,4
Деятельность в сфере телекоммуникаций	1989,3	1921,1	2013,3	2233,2	2351,7
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	1247,7	1687,0	1683,9	2781,0	3409,1
Деятельность в области информационных технологий	456,9	864,7	785,8	1113,5	1501,6
Научные исследования и разработки	1428,2	1796,4	1758,6	2063,0	2447,2
Деятельность профессиональная научная и техническая прочая	25,9	16,5	19,7	41,3	36,2
Итого	13387,2	15085,2	14330,5	17898,6	22838,9

Источник: Росстат

Рис. 1. Технологический импорт из стран ЕАЭС и объем инновационных товаров (услуг) в экономике РФ в 2020–2024 г.

Источник: Trade map, Росстат

Таким образом, достигнут положительный эффект в деле преодоления санкций, связанных с технологическим импортом за счет взаимоотношений Москвы со странами ЕАЭС в 2022–2024 году. Увеличение объемом инновационных товаров в экономике соотносится с достижениями параллельного импорта.

Проведенный анализ прошлых публикаций показывает, что исследований, посвященных теме преодоления санкций за счет развития отношений ЕАЭС и Москвы недостаточно. Также установлено, что оценка эффективности такого взаимоотношения также не представлена. В данном исследовании выполнен анализ достижений параллельного импорта в преодолении санкций для Москвы через торговлю со странами ЕАЭС в 2022–2024 г. Научная новизна исследования заключается в доказательстве эффекта в деле преодоления санкций, связанных с импортом технологий для Москвы посредством динамического и трендового анализа внешней торговли, объемов инновационной продукции (услуг) в экономике. Обосновано, что страны ЕАЭС, в частности Армения, Казахстан и Киргизстан стали наиболее значимыми торговыми партнерами, которые позволили Москве обойти запрет на технологический импорт подсанкционных товаров. Партнерские отношения Москвы и стран ЕАЭС позволили достичь эффекта в обеспечении российской

экономике необходимым импортом технологий и товаров.

Литература

1. Индустриев, М.А. Экономические санкции против России: выгоды и издержки / М.А. Индустриев, Ю.Р. Туманян // Вектор экономики. – 2022. – № 4(70).
2. Клинова, М.В. Экономические санкции Запада против России: развитие ситуации / М.В. Клинова, Е.А. Сидорова // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 3(174). – С. 159–170.
3. Перевышин Ю.Н., Трунин П.В. Ускорение инфляции потребует высокой ключевой ставки в 2023–2024 гг. // Экономическое развитие России – 2023 – Т. 30, № 12. – с. 4–8.
4. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2023 год. Федеральная служба Государственной статистики. [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009> (Дата обращения: 09.09.2025).
5. Джумабаев, Р.Э. Параллельный импорт в обеспечении безопасности Евразийского экономического союза / Р.Э. Джумабаев // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2020. – № 25. – С. 37–40.
6. Фальченко, О.Д. Особенности трансформации параллельного импорта в России в условиях внешних вызовов и экономических санкций / О.Д. Фальченко, Е.Г. Стремоусова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 10–3. – С. 476–483.
7. Кирильченко В.А. ВЭД в условиях частичной легализации параллельного импорта. Альфа-софт. [Электронный ресурс] – URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/100429/ (Дата обращения: 09.09.2025).
8. Кириленко В.П., Гусейнова Д.М. Правовое регулирование параллельного импорта в государствах Евразийского региона // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – № 1 (47). – С. 60–67.
9. Шайхутдинова, Ф.Н. Преодоление дефицита на рынке полупроводников в России: параллельный импорт и новые партнеры / Ф.Н. Шайхутдинова, Е.В. Демидова // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 3. – С. 38–41.

10. Trade map. URL: <https://www.trademap.org/> (Дата обращения: 09.09.2025).
11. Технологическое развитие отраслей экономики. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (Дата обращения: 09.09.2025).

THE EAEU AS A TOOL FOR OVERCOMING THE CONSEQUENCES OF SANCTIONS FOR MOSCOW

Gromova D.A.

Research Institute of Social Systems

The aim of the study is to analyze and evaluate the effectiveness of interaction between the EAEU and Moscow in overcoming the consequences of the sanctions. The object of the study is trade relations between the EAEU and Moscow. Research methods: analysis and synthesis of information based on publications of the Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index; dynamic and trend analysis of foreign trade, production and sale of innovative goods based on data from the Trade map and Rosstat. The article analyzes previous publications on the topic of the study. It has been established that the authors do not pay enough attention to the relationship between Moscow and the EAEU in overcoming sanctions, and do not explain the presence of positive and negative effects. Based on foreign trade data with the EAEU countries (Group 85 of the International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System), it was found that Armenia, Kazakhstan and Kyrgyzstan are the most significant counterparties in overcoming sanctions related to technology imports for Moscow. The scientific novelty of the study lies in proving the effect in overcoming sanctions related to technology imports for Moscow. Comparison of the final trends in parallel imports from the EAEU countries and the volume of innovative goods (services) in the economy shows that positive dynamics have been achieved in both directions in 2022–2024. The increase in the volume of innovative goods in the economy is consistent with the achievements of parallel imports, which explains the positive effect.

Keywords: EAEU, Moscow, sanctions, foreign trade, efficiency, innovation, technology, import.

References

1. Industriev, M.A. Economic sanctions against Russia: benefits and costs / M.A. Industriev, Yu.R. Tumanyan // *Vector of Economics*. – 2022. – No. 4 (70).
2. Klinova, M.V. Western economic sanctions against Russia: developments / M.V. Klinova, E.A. Sidorova // *Problems of forecasting*. – 2019. – No. 3 (174). – P. 159–170.
3. Perevyshin Yu. N., Trunin P.V. Acceleration of inflation will require a high key rate in 2023–2024 // *Economic development of Russia – 2023* – Vol. 30, No. 12. – pp. 4–8.
4. Rosstat presents the first estimate of GDP for 2023. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009> (Accessed: 09.09.2025).
5. Dzhumabaev, R.E. Parallel imports in ensuring the security of the Eurasian Economic Union / R.E. Dzhumabaev // *Conference proceedings of the Sociosphere Research Center*. – 2020. – No. 25. – P. 37–40.
6. Falchenko, O.D. Features of the transformation of parallel imports in Russia in the context of external challenges and economic sanctions / O.D. Falchenko, E.G. Stremousova // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. – 2022. – No. 10–3. – P. 476–483.
7. Kirilchenko V.A. Foreign economic activity in the context of partial legalization of parallel imports. Alfa-soft. [Electronic resource] – URL: https://www.altai.ru/expert_opinion/100429/ (Accessed: 09.09.2025).
8. Kirilenko V.P., Guseynova D.M. Legal regulation of parallel imports in the states of the Eurasian region // *Eurasian integration: economics, law, politics*. – 2024. – No. 1 (47). – P. 60–67.
9. Shaikhutdinova, F.N. Overcoming the deficit in the semiconductor market in Russia: parallel imports and new partners / F.N. Shaikhutdinova, E.V. Demidova // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2022. – No. 3. – P. 38–41.
10. Trade map. URL: <https://www.trademap.org/> (Accessed: 09.09.2025).
11. Technological development of economic sectors. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (Accessed: 09.09.2025).

Институциональные противоречия и неинституциональные тенденции в управлении малым и средним предпринимательством

Кох Иван Адамович,

д.с.н., профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления (Екатеринбург)
E-mail: kia4@mail.ru

Ладыжникова Елена Викторовна,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления (Екатеринбург)
E-mail: ladyjnikova.00@mail.ru

Цифровая трансформация формирует новую социальную среду, в которой малые и средние предприятия сталкиваются с рассогласованием между формальными институтами и внутренними правилами управленческой практики организаций. В этих условиях традиционные модели управления, формы организации трудовой деятельности и когнитивные структуры сотрудников вступают в противоречия с технологическими процессами, создавая институциональное напряжение между нормативными ожиданиями и реальными социальными практиками. Новые модели коммуникации, гибридные формы занятости, использование цифровых управленческих технологий формируют новую организационную культуру, которая выходит за рамки сложившихся традиционных институциональных установлений. Анализ взаимодействия институциональных и неинституциональных элементов позволяет выявить сложные взаимосвязи между формальными нормами, культурными кодами и социальным капиталом, отражающие трансформацию современного предпринимательства.

Ключевые слова: малые и средние предприятия; цифровая трансформация; институциональные противоречия; неинституционализм; организационная культура; социальный капитал; инновационные практики; цифровые технологии.

Цифровая трансформация в XXI веке стала фундаментальным процессом, изменяющим логику функционирования экономики и общества. Малые и средние предприятия, обладая высокой адаптивностью и инновационным потенциалом, оказываются в центре этих изменений, но одновременно они же сталкиваются с наиболее острыми вызовами. Противоречия между институциональным и неинституциональным в управлении малыми и средними предприятиями в условиях цифровизации проявляются в конфликте между формальными и неформальными нормами, в рассогласовании законодательных рамок и реальных потребностей бизнеса, а также в социально-культурных барьерах, препятствующих внедрению инноваций. Рассмотрение этих процессов требует комплексного подхода, объединяющего историческую, экономическую и социологическую перспективы, что позволяет увидеть как макроэкономические тенденции, так и микросоциальные изменения внутри организаций.

История развития малого и среднего бизнеса показывает его устойчивое стремление к адаптации. Начиная с ранних форм предпринимательства, описанных Ричардом Кантильоном, и до современных высокотехнологичных компаний, малые и средние предприятия сталкивались с рисками, сопровождающие инновации, внедрение новшеств в области технологий, организации и управления организациями. Йозеф Шумпетер подчеркивал роль предпринимателей в разрушении устаревших структур и создании новых рыночных ниш, что происходит и сегодня, когда цифровые технологии изменяют все сферы общества.

Сегодня цифровизация делает предприятия малого и среднего бизнеса неотъемлемым элементом глобальной экономики, способным формировать новые формы организации труда, коммуникаций и потребления [7]. Цифровая трансформация затрагивает все стороны деятельности МСП: от бизнес-моделей и организационной культуры до взаимоотношений с клиентами и государством. С одной стороны, цифровизация обеспечивает новые возможности для человека и общества, такие как выход на глобальные рынки через маркетплейсы, повышение эффективности за счет роботизации и развитие гибких форм занятости. С другой – она обостряет институциональные противоречия. Законодательство зачастую отстает от реальных практик, а государственная поддержка оказывается фрагментарной и несогласованной с потребностями бизнеса [2].

Институциональные барьеры проявляются в недостаточной разработанности правовых стандартов в области цифровых технологий, слабой инфраструктуре, ограниченности финансовых ресурсов и кадрового потенциала. Примером могут служить трудности с регулированием защиты персональных данных, авторских прав и кибербезопасности [8].

Неоинституциональный подход позволяет рассмотреть противоречия, возникающие не только на уровне формальных институтов, но и внутри организационных практик. Неформальные институты – культура доверия, репутация, профессиональные сообщества – становятся ключевыми факторами успешной экономической дея-

тельности. Однако именно в этой сфере возникают серьезные барьеры: сопротивление изменениям со стороны сотрудников и руководителей, дефицит цифровых компетенций, а также сложности в перестройке управленческих моделей [4].

Традиционная вертикальная иерархия не обеспечивает требуемой гибкости и скорости, которые предъявляет цифровая экономика. Поэтому МСП нередко переходят к горизонтальным структурам и децентрализации. Культура открытости и обмена знаниями становится не только конкурентным преимуществом, но и условием выживания. В противном случае предприятия рискуют оказаться на периферии экономики.

Перспективы развития МСП в условиях цифровой трансформации связаны с формированием гибридных институтов, сочетающих формальные и неформальные нормы. Этические кодексы, корпоративная культура, механизмы неформального признания успехов – все это приобретает значение в управлении. При этом часть неформальных практик формализуется в виде стандартов и правил, а другая часть остается в серой зоне, обеспечивая гибкость и адаптивность [1]. Такая гибридность институциональной среды отражает сам характер цифровизации: постоянное переплетение традиционного и инновационного, официального и неофициального. В этом контексте государственная политика должна учитывать не только институциональные барьеры, но и социальные механизмы, лежащие в основе адаптации организаций.

Важным направлением деятельности МСП является развитие инфраструктуры: высокоскоростного интернета, дата-центров, облачных сервисов, которые создают условия для цифровой трансформации. Без этих элементов любые усилия по модернизации управленческих структур оказываются неполными.

Сравнительный анализ показывает, что в странах Европы и США подходы к поддержке МСП включают активное использование налоговых стимулов и субсидий, тогда как в азиатских экономиках ключевая роль принадлежит государственным инвестициям в образование и научные исследования. В России же цифровизация МСП сталкивается с системными ограничениями, связанными с несовершенством законодательства и недостаточной гибкостью институциональных мер. Тем не менее, наличие национальных проектов и региональных программ свидетельствует о постепенном формировании институциональной инфраструктуры цифровой экономики. Таким образом, противоречия институциональных и неинституциональных факторов в управлении малыми и средними предприятиями в условиях цифровизации отражают комплексный характер современных социальных и экономических трансформаций. Цифровизация не только изменяет правила и стандарты предпринимательской деятельности, но и создает новые социальные нормы, которые не всегда совпадают с формализованными институциональными рамками.

Противоречия между институциональными и неинституциональными факторами в управлении малым и средним предпринимательством (МСП) в условиях цифровизации проявляются в нескольких плоскостях. Их анализ требует обращения к теоретическим основаниям как классического институционализма, так и неинституциональной школы. Институциональные противоречия возникают тогда, когда формальные правила – законы, нормативные акты, стандарты – вступают в противоречие с динамикой реальных экономических процессов. Дуглас Норт отмечал, что институты определяют правила в обществе, задают рамки поведения акторов, но при этом они обладают значительной инерционностью [6]. В условиях цифровизации формальные институты часто

не поспевают за скоростью технологических изменений. Например, регулирование в области защиты персональных данных или налогообложения цифровых сервисов в России и ряде других стран остается фрагментарным, что препятствует развитию цифровых бизнес-моделей МСП. Институциональные противоречия заключаются в разрыве между декларативными целями политики цифровизации и практическими условиями доступа предпринимателей к финансированию, инфраструктуре и правовой защите [3].

Неинституциональные противоречия связаны с организационными практиками, культурными нормами и когнитивными установками участников рынка. Согласно У. Скотту, институты состоят не только из регулятивных элементов, но и из нормативных и когнитивных структур, обеспечивающих устойчивость социального порядка [8]. Именно в этой плоскости проявляется сопротивление изменениям со стороны персонала и руководителей МСП, нехватка цифровых компетенций и ограниченность организационной культуры, не готовой к гибким и децентрализованным формам управления.

Как отмечает Л. Зукер, устойчивость организационных практик часто основана на их легитимности в глазах участников, а цифровые инновации подрывают привычные основания этой легитимности [9]. В результате возникает парадокс: даже при наличии внешних стимулов (субсидий, программ поддержки) компании могут демонстрировать низкую готовность к внедрению цифровых решений.

Логика противоречия институционального и неинституционального уровней заключается в рассогласовании формальных правил и неформальных практик. Формальные институты стремятся ускорить цифровизацию через нормативные меры, однако внутри организаций отсутствуют культурные и когнитивные предпосылки для восприятия этих изменений. Возникает ситуация амбивалентного давления: с одной стороны, предприниматели вынуждены подстраиваться под условия и сталкиваются с внутренним сопротивлением изменениям и нехваткой компетенций.

Таким образом, противоречие институциональных и неинституциональных принципов заключается не только в несогласованности внешних и внутренних условий функционирования МСП, но и в том, что формальные институты без поддержки неформальных механизмов доверия, культуры и компетентности оказываются малоэффективными.

В российской практике управления малыми и средними предприятиями институциональные и неинституциональные противоречия проявляются особенно остро, что связано как с особенностями институциональной среды, так и с социально-культурными факторами.

Институциональные противоречия в российском контексте заключаются в несоответствии между государственными стратегиями цифровизации и реальными возможностями бизнеса. С одной стороны, в стране реализуется национальный проект «Цифровая экономика», действуют программы Минцифры РФ и Фонда содействия инновациям, создаются региональные технопарки и акселераторы (например, ИТ-парк Казани, Южный ИТ-Парк). Эти институты призваны обеспечивать поддержку цифровой трансформации МСП. С другой стороны, предприниматели сталкиваются с рядом проблем: отсутствием единых стандартов цифровых процессов, сложностью процедур получения грантов и субсидий, неясностью в сфере налогообложения цифровых сервисов и электронной коммерции.

По данным исследований, нормативно-правовая база отстает от потребностей рынка: например, регулиро-

вание электронной торговли и защиты данных до сих пор имеет фрагментарный характер, что создает риски для МСП [5]. Ограниченный доступ к венчурному финансированию также усиливает этот разрыв, поскольку малые компании редко могут получить долгосрочные инвестиции на развитие цифровых технологий.

Неоинституциональные противоречия проявляются внутри самих организаций. Российские МСП часто демонстрируют низкую готовность к изменениям: руководство опасается неопределенности, сотрудники сопротивляются внедрению новых технологий из-за страха потери работы или необходимости переобучения. Сказывается и дефицит цифровых компетенций: малые предприятия сталкиваются с трудностями нехватки специалистов в области ИТ, цифровой аналитики и маркетинга. Культурные установки, унаследованные от индустриальной эпохи, предполагают жесткую иерархию и централизованное принятие решений, что плохо согласуется с гибкими и сетевыми моделями управления, необходимыми для цифровой экономики. Таким образом, даже при наличии внешних возможностей (субсидий, акселерационных программ) МСП не всегда способны эффективно их использовать из-за ограниченного внутреннего характера.

В совокупности эти противоречия создают институциональный разрыв, при котором государственные инициативы, направленные на стимулирование цифровизации, но без учета организационной культуры, мотивационных механизмов и уровня компетенций внутри компаний эти меры не приносят ожидаемого эффекта.

Российская практика показывает, что формальные институты не могут работать в отрыве от неформальных. Государство формирует нормативные рамки и предоставляет ресурсы, однако без изменения организационной культуры и подготовки кадров цифровая трансформация МСП остается частичной и фрагментарной. Российская специфика заключается в асимметрии: формальные институты задают вектор развития, но внутреннее, неоинституциональное факторы часто выступают барьером, делая цифровизацию неполной.

В результате цифровая трансформация идет неравномерно: активнее внедряется в ИТ-стартапах и компаниях, встроенных в международные сети, и гораздо медленнее – в традиционных секторах малого бизнеса (торговля, услуги, производство).

Неоинституционализм можно рассматривать не только как аналитическую перспективу, но и как неопределенность, в котором ещё не сформированы окончательно ни формальные правила, ни устоявшиеся неформальные практики. Если классический институционализм сосредоточен на анализе устойчивых норм и структур поведения акторов, то неоинституционализм акцентирует внимание на процессах формирования и трансформации когнитивных, нормативных и культурных механизмов, регулирующих поведение участников экономических и социальных взаимодействий.

В условиях цифровизации неоинституциональная среда становится пространством, где традиционные институты оказываются недостаточными, а новые институты ещё не приобрели полной легитимности.

Цифровизация разрушает традиционные механизмы легитимации организационных практик, но не предлагает мгновенных стабилизирующих заменителей, формируя институциональное напряжение между формальными и неформальными нормами. Ключевые проявления этого напряжения включают:

1. Гибридные формы труда и занятости – фриланс, дистанционная работа и платформенная занятость, правовой статус которых остаётся неопределённым.

2. Применение больших данных и искусственного интеллекта – алгоритмы прогнозирования, подбора персонала и оптимизации бизнес-процессов используются без закреплённых этических и правовых стандартов.

3. Цифровая валюта и блокчейн-технологии – криптовалюты, токенизация активов и смарт-контракты развиваются быстрее, чем формализуются соответствующие правовые рамки.

4. Цифровая репутация и социальный капитал в онлайн-пространстве – рейтинги пользователей, отзывы и онлайн-репутация формируют социальный капитал компаний, легитимность которого определяется доверием участников рынка, а не формальными нормами.

Эти практики можно классифицировать по степени институционализации:

- Эмергентные – новые формы занятости и криптовалюты, находящиеся вне формального правового поля.
- Гибридные – применение ИИ и больших данных, находящееся на стыке формальных требований и неформальной адаптации.

- Неустойчивые – цифровая репутация, зависящая от доверия и социальных ожиданий участников рынка.

Таким образом, неоинституционализм в контексте цифровизации можно рассматривать как пространство переходных институтов, где отсутствует завершённая формализация норм, но активно формируются новые правила взаимодействия между экономическими и социальными акторами. Эти переходные области выступают ключевыми индикаторами направления трансформации предпринимательской практики и демонстрируют, что цифровизация изменяет не только экономические процессы, но и фундаментальную организацию социальных институтов.

Заключение

Цифровизация выявляет и усиливает существующие институциональные и неоинституциональные противоречия в функционировании малых и средних предприятий. Институциональные противоречия проявляются в рассогласовании между формальными нормами, законодательными рамками и программами поддержки с фактическими условиями деятельности организаций. Неоинституциональные противоречия возникают внутри предприятий через конфликт между устоявшимися организационными практиками, когнитивными схемами и культурными кодами сотрудников и требованиями цифровой среды. Совмещение этих двух уровней противоречий создаёт структурное напряжение, где внешние нормативные стимулы и внутренние организационные механизмы вступают во взаимодействие, но не всегда согласуются друг с другом. Эти расхождения проявляются в сопротивлении изменениям, дефиците цифровых компетенций, ограниченности горизонтальных коммуникаций и трансформации социальных практик. Таким образом, цифровизация не просто изменяет организационные и экономические условия для МСП, но и формирует сложное пространство институциональных и неоинституциональных противоречий, где легитимность формальных правил и эффективность неформальных практик находятся в постоянной динамической взаимосвязи. Анализ этих противоречий позволяет глубже понять механизмы социальной и организационной адаптации, которые определяют современное предпринимательское поле.

Литература

1. Бондаренко И.А. Роль неформальных институтов в российской экономике // StudNet. – 2022. – № 1.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neformalnyh-institutov-v-rossiyskoy-ekonomike> (дата обращения: 20.09.2025).

2. Мельников А. С., Калабина Е.Г. Анализ распространения цифровых инструментов в деятельности российских предприятий // *П-Эконому*. – 2025. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rasprostraneniya-tsifrovyyh-instrumentov-v-deyatelnosti-rossiyskih-predpriyatiy> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Ламберова Н. А., Соболев А.С. Экономический рост и институты: интеллектуальное наследие Дугласа Норта // *Вестник Казанского технологического университета*. – 2014. – № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-rost-i-instituty-intellektualnoe-nasledie-duglasa-norta> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Михалев И.И. Развитие организационной культуры предприятия в условиях цифровой трансформации // *Вестник Академии знаний*. – 2024. – № 4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-organizatsionnoy-kultury-predpriyatiya-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 20.09.2025).
5. Руднев Е.А. Организационная культура российских компаний в условиях социально-экономических изменений // *Российский журнал менеджмента*. – 2023. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-kultura-rossiyskih-kompaniy-v-usloviyah-sotsialno-ekonomicheskikh-izmeniy> (дата обращения: 20.09.2025).
6. North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
7. OECD. (2021). *OECD digital economy outlook 2021*. OECD Publishing. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook_f0b5c251-en.html
8. Scott, W. R. (2014). *Institutions and organizations: Ideas, interests, and identities* (5th ed.). Sage Publications.
9. Zucker, L. G. (1987). Institutional theories of organization. *Annual Review of Sociology*, 13, 443–464. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.13.080187.002303>.

INSTITUTIONAL CONTRADICTIONS AND NEO-INSTITUTIONAL TRENDS IN THE MANAGEMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES

Koh I.A., Ladyzhnikova E.V.

Russian Academy of National Economy and Public

Digital transformation is creating a new social environment in which small and medium-sized enterprises are faced with a mismatch between formal institutions and internal rules of management practice

of organizations. Under these conditions, traditional management models, forms of work organization, and cognitive structures of employees conflict with technological processes, creating institutional tension between normative expectations and real social practices. New communication models, hybrid forms of employment, and the use of digital management technologies are forming a new organizational culture that goes beyond the established traditional institutional arrangements. The analysis of the interaction of institutional and neo-institutional elements allows us to identify complex relationships between formal norms, cultural codes and social capital, reflecting the transformation of modern entrepreneurship.

Keywords: small and medium-sized enterprises; digital transformation; institutional contradictions; neo-institutionalism; organizational culture; social capital; innovative practices; digital technologies.

References

1. Bondarenko, I. A. "The Role of Informal Institutions in the Russian Economy" (2022, no. 1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neformalnyh-institutov-v-rossiyskoy-ekonomike> (Accessed: 20.09.2025).
2. Melnikov, A. S., Kalabina, E. G. "Analysis of the Spread of Digital Tools in the Activities of Russian Enterprises" (2025, no. 2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rasprostraneniya-tsifrovyyh-instrumentov-v-deyatelnosti-rossiyskih-predpriyatiy> (Accessed: 20.09.2025).
3. Lamberova N. A., Sobolev A.S. Economic growth and institutions: the intellectual legacy of Douglas North // *Bulletin of the Kazan Technological University*. – 2014. – No. 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-rost-i-instituty-intellektualnoe-nasledie-duglasa-norta> (date of access: 20.09.2025).
4. Mikhalev I.I. Development of the organizational culture of an enterprise in the context of digital transformation // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. – 2024. – No. 4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-organizatsionnoy-kultury-predpriyatiya-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (date of access: 20.09.2025).
5. Rudnev, E. A. "Organizational Culture of Russian Companies in the Context of Socioeconomic Changes." *Russian Journal of Management*, no. 4, 2023. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-kultura-rossiyskih-kompaniy-v-usloviyah-sotsialno-ekonomicheskikh-izmeniy> (Accessed: 20.09.2025).
6. North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
7. OECD. (2021). *OECD digital economy outlook 2021*. OECD Publishing. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook_f0b5c251-en.html
8. Scott, W. R. (2014). *Institutions and organizations: Ideas, interests, and identities* (5th ed.). Sage Publications.
9. Zucker, L. G. (1987). Institutional theories of organization. *Annual Review of Sociology*, 13, 443–464. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.13.080187.002303>.

Причины смертности учащихся средних и старших классов и обеспечение безопасности в школах Кыргызстана

Кузьмина Татьяна Андреевна,

научный сотрудник Института стратегического анализа
и прогноза, Кыргызско-Российского Славянского
университета
E-mail: kta777@mail.ru

Смертность среди подростков является одной из наиболее тревожных социальных проблем, требующих глубокого анализа и принятия оперативных мер со стороны государства и общества. В Кыргызстане, где система образования сталкивается с рядом системных проблем, случаи смертности среди учащихся вызывают особую озабоченность. В статье рассматриваются причины смертности учащихся средних и старших классов школ Кыргызстана на основе данных из открытых источников за последние годы. Цель исследования – выявление причин, угрожающих жизни и здоровью школьников, включая как криминальные, так и социальные факторы, и определение мер по обеспечению безопасности учащихся. Методология исследования включает комплексный подход, в т.ч. анализ и синтез данных, эмпирические методы (наблюдение, анализ источников и публикаций, изучение статистики и законодательства по заявленной проблеме), междисциплинарный подход. Проведенный анализ результирует в выработку рекомендаций по предотвращению угроз жизни и здоровью молодых кыргыстанцев.

Ключевые слова: учащиеся среднего и старшего школьного возраста; смертность; суицид; вымогательство; буллинг; насилие; конфликты; драки; рэкет; интернет-игры; безопасность; профилактика правонарушений.

Введение

В современном глобализованном мире значительно возросли угрозы жизни и здоровью детей, особенно среднего и старшего школьного возраста. К сожалению, статистика детской смертности в Кыргызстане не детализирована по возрастным группам, что вызывает определенные трудности в выработке стратегии предотвращения и сокращения факторов, угрожающих их жизни и здоровью. Данные Нацстаткома КР, международных организаций свидетельствуют лишь об уровне младенческой смертности и детям до 5 лет, в отношении же подростков подобная статистика не ведется. Тем не менее, основываясь на доступных данных и глобальных тенденциях, можно выделить основные причины смертности и факторы угрозы жизни и здоровью, актуальные для обозначенной нами целевой возрастной группы.

Подростковый возраст (10–19 лет, по определению ВОЗ) – это период значительных физических, психологических и социальных изменений, который сопровождается рядом проблем. Подростки переживают быстрый физический, когнитивный и психосоциальный рост, что влияет на их чувства, мышление, принятие решений и взаимодействие с окружающим миром [9], в этом возрасте у них формируется круг общения, ими предпринимаются попытки самоутверждения среди сверстников.

Основная часть

Смертность учащихся среднего и старшего школьного возраста в Кыргызстане является следствием различных причин как криминогенного, так и некриминогенного характера, как то: болезни, дорожно-транспортные происшествия, утопления, падения, несчастные случаи, бытовые травмы, оставление без присмотра/опеки, психологическое давление, конфликты, издевательства, физическое насилие, вымогательство, рэкет, буллинг в школе и кибербуллинг. Социальные условия, в которых находится ребенок, тоже имеют важное значение, и не только для формирования его как личности, но и его безопасности. Социально-экономические факторы, такие как бедность и недоедание, ограниченный доступ к медицинским услугам, увеличивают уязвимость детей к болезням и травмам, а также ставят детей в неравное положение со сверстниками. Всё более усиливающееся расслоение общества выступает фактором разграничения подрастающего поколения. Вызывают беспокойство всё более распространяющиеся интернет-игры с жестокими сюжетами, фильмы, героизирующие криминальных «героев», нетерпимость к другим в среде подростков и молодежи, бездействие в воспитании подрастающего поколения со стороны родителей и школы, насилие и неблагополучная ситуация в семье, незнание и неумение детей обратиться за психологической помощью к взрослым и специалистам, до конца не изжитое гендерное неравенство, оставление трудовыми мигрантами своих детей без родительской опеки и т.д. Всё это обосновывает актуальность решения обозначенной проблемы.

Значительное внимание защите детей как участников образовательного процесса уделяет Закон КР

«Об образовании». Он устанавливает принципы государственной политики в сфере образования, включая соблюдение конституционных прав и свобод учащихся, минимизацию рисков и обеспечение безопасности в образовательных учреждениях. Статья 16 Закона определяет безопасность образовательной среды как совокупность мер по обеспечению «образовательной среды, ориентированной на минимизацию рисков и обеспечение психологической, информационной, физической, экологической и другой безопасности участников образовательного процесса» [7]. Закон «Об образовании» непосредственно связан с Законом «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей», реализация которого направлена на защиту от физического, интеллектуального, психического и нравственного вреда в образовательной среде [6].

В Кыргызстане вопросы безопасности детей и соблюдения их прав входят также в сферу деятельности ряда правозащитных организаций, среди которых:

- ЮНИСЕФ: защита прав детей (программы по предотвращению насилия, улучшению доступа к образованию и здравоохранению), укрепление национальных систем защиты детей, поддержка детей, находящихся в сложной жизненной ситуации. Организация руководствуется принципами, заложенными в Конвенции ООН о правах ребенка. В Кыргызстане ЮНИСЕФ сотрудничает с государственными органами и НПО для реализации проектов, направленных на устранение барьеров в обеспечении прав детей [10];
- Институт Омбудсмана КР: мониторинг соблюдения прав детей; содействие в оказании помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации; контроль за соблюдением трудовых и гендерных прав детей и подростков и др. В своей деятельности руководствуется Конституцией КР, законом «Об Акыйкатчы (Омбудсмене) КР», иными нормативно-правовыми актами;
- общественные объединения и НПО, такие как Лига защитников прав ребенка, Ассоциация НКО по продвижению прав и интересов детей в Кыргызстане и др. Они занимаются мониторингом ситуации с правами детей в Кыргызстане, реализацией программ по профилактике насилия и поддержке детей в трудной жизненной ситуации;
- международные и местные инициативы: проекты, поддерживаемые международными организациями и направленные, в частности, на защиту прав детей; программы по гармонизации законодательства с международными стандартами [8].

Данные организации работают в сотрудничестве с государственными структурами – соответствующими министерствами и ведомствами, местными органами власти, чтобы обеспечить комплексный подход в защите прав детей и их безопасности. Однако предпринимаемые государственными и негосударственными структурами меры не дают стопроцентной гарантии исключения факторов, несущих угрозу жизни и здоровью учащихся. Так, по информации ГУОБДД, только в начале 2025 г. в Кыргызстане в авариях погибли 110 человек, в том числе дети [5]. Особую тревогу вызывают участвовавшие смертельные случаи среди учащихся-подростков: с начала 2025 г. в школах Кыргызстана в результате конфликтов между учениками произошли драки со смертельным исходом, выявлены случаи доведения до самоубийства, избиений, рэкета.

Приведем криминальные случаи со смертельным исходом учащихся школ Кыргызстана за последний год:

- 6 июля 2024 г. в результате морально-психологического давления со стороны сотрудника службы охраны МВД КР в г. Бишкеке у подростка случился геморрагический инсульт, повлекший за собой смерть ребенка;
- 5 сентября 2024 г. ученик, 15 лет, с. Комсомол Сокулукского района, потерял сознание после того, как 16-летний старшеклассник ударил его в живот, в результате полученной травмы подросток скончался;
- 26 сентября 2024 г. ученик старшего класса, 17 лет, г. Бишкек, совершил суицид (в доведении до самоубийства обвиняются патрульные);
- 7 октября 2024 г. ученик медресе, 13 лет, Ноокатский район, в результате ранения острым предметом, нанесенного учеником того же медресе, скончался по дороге в больницу;
- 14 октября 2024 г. ученик 9 класса СШ Сокулукского района скончался от тяжелых телесных повреждений, полученных в массовой драке;
- 21 декабря 2024 г. ученик, 12 лет, с. Бель Ошской области, совершил самоубийство, повесился (причина суицида неизвестна);
- 21 января 2025 г., ученик 8 класса СШ 72 г. Бишкека умер от тяжелых телесных повреждений, полученных в результате избиения в школьном туалете (вымогательство, рэкет; задержан ученик 9 класса);
- 22 января 2025 г., ученик СШ г. Кант, 16 лет, получил тяжкие телесные повреждения, несовместимые с жизнью (словесный конфликт старшеклассников перерос в драку);
- 5 февраля 2025 г., ученица СШ с. Барскоон Иссык-Кульской области, 18 лет, с признаками повешения госпитализирована в тяжелом состоянии, умерла (суицид; доведение до самоубийства);
- 12 февраля 2025 г., ученик 9 класса СШ 39 с. Каратай Ошской области скончался от полученных травм (избиение, конфликт из-за цвета ленточек на выпускной вечер; обвиняется ученик 11 класса);
- 16 февраля 2025 г., ученик СШ 2 г. Токмок, 16 лет, найден повешенным в своей спальне (измененное поведение после смерти бабушки; насильственных признаков не обнаружено; суицид);
- 19 февраля 2025 г., подросток 2008 г. рожд., г. Каракол Иссык-Кульской области, обнаружен повешенным в заброшенном здании (следов насильственной смерти не обнаружено);
- 22 февраля 2025 г., подросток, 12 лет, Ноокатский район Ошской области, обнаружен повешенным во дворе своего дома (суицид);
- 24 февраля 2025 г., ученик СШ с. Кенеш, 17 лет, с. Буденовка Иссык-Атинского района, найден повешенным (суицид);
- 26 февраля 2025 г., подросток, 13 лет, с. Тюп Иссык-Кульской области, найден повешенным в сарае возле дома (насильственных повреждений на теле не обнаружено);
- 27 марта 2025 г., ученик, 17 лет, Сокулукский район, погиб в ДТП;
- 15 апреля 2025 г., ученица 7 класса СШ 31 г. Бишкека скончалась от телесного повреждения, нанесенного одноклассником (несчастный случай, «причинение смерти по неосторожности»);
- 7 июня 2025 г., девушка, 17 лет, г. Бишкек, найдена мертвой (видимых телесных повреждений не обнаружено);
- июль 2025 г., подросток, 13 лет, с. Кулатов Ошской области, повесился на стремянке (измененное поведение, приступы тремора, психическое расстройство; суицид);

- 2 сентября 2025 г., ученица, 13 лет, г. Бишкек, самоубийство (причины неизвестны).

Также приведем криминальные случаи угрозы жизни, в которых подросткам посчастливилось остаться в живых:

- 23 ноября 2024 г., школьники г. Кызыл-Кия получили телесные повреждения в результате массовой драки (к уголовной ответственности привлечены 10 несовершеннолетних);
- 22 декабря 2024 г., ученик 11 лет ШГ 13 г. Бишкека пострадал в результате избиения (вымогательство со стороны старшеклассника);
- январь 2025 г., ученик 6 класса СШ 93 жилмассива «Арча-Бешик» был сильно избит одноклассниками в школьном туалете;
- 8 февраля 2025 г., ученик г. Баткен получил ранение ножом в драке;
- 14 февраля 2025 г., ученик 11 класса СШ 34 г. Узген получил серьезные телесные повреждения в результате конфликта со сверстниками;
- февраль 2025 г., ученица 10 класса СШ с. Кок-Жар Ошской области была избита одноклассницами (по утверждению матери, из-за того, что их семья бедная; буллинг);
- апрель 2025 г., ученик 2008 г. рожд., г. Токмок, госпитализирован в результате массовой драки школьников;
- 8 апреля 2025 г., подросток госпитализирован в результате ДТП (езда на скутере по дороге);
- 2025 г., ученик СШ 93 г. Бишкека подвергся избиению группой учеников в результате конфликта;
- 2025 г., ученик ШГ 13 г. Бишкека, 11 лет, избиение (рэкет в школе);
- 7 сентября 2025 г., подросток, 14 лет, г. Бишкек, не справился с управлением автомобилем [1].

Как видим, наиболее часто криминальные случаи гибели учеников-подростков обусловлены такими факторами, как конфликты, перешедшие в драки, избиения, причинение тяжкого вреда здоровью, и повлекшие за собой смерть детей в результате получения ими несовместимых с жизнью телесных повреждений. Участились случаи самоубийства, причины же, побудившие подростков к суициду, правоохранительными органами чаще всего не выявлены, однако отдельные из них свидетельствуют о морально-психологическом давлении, доведении до самоубийства. В последние годы в Кыргызстане и других странах постсоветского пространства подростков суициды, не находя им причину, начинают всё чаще объяснять «влиянием джинов», потусторонних сил. Следует заметить, что тема психических расстройств, депрессии, буллинга, семейного насилия хоть и начала в последнее время всё чаще обсуждаться публично, тем не менее до сих пор стигматизирована, особенно в регионах.

Вызывают опасение игры среди подростков, которые могут привести к гибели. Здесь можно вспомнить игру «синий кит», в которой участвовало множество подростков, выполнявших задания модераторов игры, действовавших через Интернет (известны смертельные случаи); в последнее время набирают популярность опасные игры с асфиксией – перекрытием доступа к кислороду или удушением друг друга. Такие действия могут привести к серьезным травмам или даже летальному исходу. Мэрия г. Бишкека обратилась к родителям с призывом провести разъяснительные беседы с детьми о последствиях опасных игр, связанных с риском для жизни и здоровья. Родителям рекомендуется объяснить детям, что подобные игры недопустимы и крайне опасны, родители должны обеспечить своих детей альтернативны-

ми, безопасными и интересными способами проведения досуга.

В 2023, 2024 гг. зарегистрировано 47 фактов буллинга, кибербуллинга и рэкета (заметим, что это только зарегистрированные факты, но есть случаи, которые замалчиваются). По данным Минобразования, на конец 2024 г. на учете инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) состояло 3,6 тыс. учащихся, на внутришкольном учете – еще больше. Специалисты указывают на то, что есть случаи, когда «дети воспитываются в неполных семьях или растут у родственников, пока родители в миграции» (соответственно, еще одним фактором, влияющим на участвовавшие случаи гибели подростков, является оставление детей без внимания/опеки родителей, на попечении родственников), некоторые дети «унижают других, чтобы за счет более слабого возвыситься прежде всего в своих глазах», что не обо всех случаях буллинга дети говорят открыто, поэтому сложно бороться с проблемой (к тому же штатные единицы психологов предусмотрены только в Бишкеке, для регионов средств не нашлось), что «зачастую подростки не знают, к кому обратиться за помощью... Сотрудники образовательных организаций стараются не показывать, не фиксировать происходящее, чтобы руководителей не привлекли к ответственности» [3]. Случаи рэкета в школах, полагают специалисты, это показатель кризиса в системе профилактики правонарушений.

Для решения проблемы безопасности школьников звучат разные предложения. Так, например, рациональные инициативы вносит школьный психолог М. Рыскулова: «Школы должны внедрять проактивные меры, чтобы предупредить проблемы заранее: семинары, мастер-классы для учителей, родителей, детей, персонала; неделя психологии в учебном заведении; неделя против буллинга; приглашение разных спикеров для учеников; организация различных акций добра, заботы и т.д.» [4]. В случае буллинга одно из средств – устраивать встречи со всеми членами конфликта. Чтобы ребенок не стал жертвой буллинга в учебном заведении, необходимо решать вопрос комплексно, должен применяться хорошо отлаженный системный подход: создать эффективную административную команду, куда должны входить директор, завучи и школьный психолог, хорошо помогают классные часы с классным руководителем, индивидуальные и групповые сессии со школьным психологом, недели психологии, недели против буллинга и т.д. [4]. Взрослые должны обращать внимание на поведение учеников, уметь определять признаки, что ребенку нужна помощь психолога: перестал учиться, много пропускает, ни с кем не общается, замкнулся в себе, стал агрессивным, не выходит из гаджетов; резкая смена настроения, тревожность, апатия, проблемы со сном и т.д.

С целью решения вопросов обеспечения безопасности детей в информационно-коммуникационных сетях Министерство цифрового развития предлагает внести изменения в Закон «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике». Законодатели предлагают отрегулировать проблему программными средствами родительского контроля, что ограничит ребенку доступ к нежелательному контенту [2].

Следует напомнить, что в 2023 г. президент КР Садыр Жапаров подписал новый Закон об образовании, в статье 16 которого указаны такие меры по обеспечению безопасной образовательной среды, как: 1) создание организационных и финансовых условий, формирование и отработка навыков безопасного поведения всех участников образовательного процесса; 2) возможность

взаимодействия образовательной организации с органами местного самоуправления, правоохранительными органами, родительским сообществом и иными организациями [7].

Однако следует отметить, что выполнение заявленных задач финансово не обеспечено, государством на вопросы безопасности расходуется лишь 0,001% бюджета (частные образовательные организации выделяют от 4% до 12% бюджета на безопасность).

Заключение

Обобщая сказанное, с целью обеспечения безопасности школьников в образовательном пространстве можно сформулировать следующие предложения и рекомендации:

Министерству просвещения КР, школе и родителям: проводить тренинги для учителей и родителей по распознаванию признаков буллинга, кибербуллинга и рэкета; обеспечить видеонаблюдение в школах и на прилегающей территории (в том числе перед входом в туалет и укромными местами для профилактики рэкета, избиений), ведение мониторинга видеозаписей; оборудовать турникеты и внедрить контрольно-пропускную систему; внедрить в школах «телефон доверия», по которому ученики смогут анонимно сообщать о насилии; проводить анонимное анкетирование для выяснения, кто совершает буллинг и вымогательство; проводить разъяснительные беседы с детьми о последствиях опасных игр, связанных с риском для жизни и здоровья; развивать кружки, спортивные секции и т.д.; с участием юриста и психолога проводить разъяснительные беседы с детьми и подростками о правах ребенка, о защите их жизни и здоровья; в каждой школе обеспечить штатную единицу психолога; проводить в старших классах классные часы о культуре межгендерного общения, о недопустимости неизжитых до сих пор обычаев, ущемляющих права женщин; осуществлять родительский контроль над использованием ребенком электронного контента; вернуть школе функции воспитания – школа и родители должны вместе заниматься воспитанием детей;

органам местной администрации, школе: выявлять детей, оставшихся без родительской опеки, на попечении родственников, а также детей, не посещающих школу;

органам внутренней безопасности: оперативно реагировать на случаи домашнего насилия; усиливать межведомственную координацию по профилактике правонарушений среди детей;

Министерству финансов КР: увеличить бюджетное финансирование на обеспечение безопасности и психологической помощи в образовательных организациях;

Национальному статистическому комитету: вести статистику смертности по возрастным группам школьников для выявления и обозначения групп риска и адресного целенаправленного принятия соответствующих мер по сокращению факторов, угрожающих жизни и здоровью молодого поколения кыргызстанцев.

Литература

1. Все приведенные факты смерти и угрозы жизни и здоровью подростков взяты из информационных источников в открытом доступе.
2. Дети в Сети. Ввести родительский контроль в гаджетах предлагает Минцифры // 24.kg. 10.10.2024 [Электронный ресурс]: https://24.kg/obschestvo/307655_deti_vseti_vvesti_roditelskiy_kontrol_vgadjetah_predlagaet_mintsifry/ (дата обращения: 29.07.2025).

3. Драки школьников. Как выбирают жертву и почему становятся агрессором // 24.kg. 17.02.2025 [Электронный ресурс]: https://24.kg/obschestvo/319954_draki_shkolnikov (дата обращения: 29.07.2025).
4. Драки, буллинг, нежелание учиться. Психолог о проблемах школьников // 24.kg. 14.10.2024 [Электронный ресурс]: https://24.kg/obschestvo/307694_draki_bulling_nejelanie_uchitsya (дата обращения: 29.07.2025).
5. За три месяца в Кыргызстане в авариях погибли 110 человек // 24.kg. 25.03.2025 [Электронный ресурс]: https://24.kg/proisshествija/323847_zatri_mesyatsa_vkyrgyzstane_vavariyah (дата обращения: 30.07.2025).
6. Закон КР «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике» от 21 июля 2015 г. № 185 (в ред. от 9 августа 2023 г.) // Эркин Тоо. 2015. 28 июля.
7. Закон КР «Об образовании» от 11 августа 2023 г. № 179 (в ред. от 18 апреля 2025 г.) // Минюст КР [Электронный ресурс]: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Национальная Программа Развития Кыргызской Республики до 2030 года // Кабинет Министров КР [Электронный ресурс]: www.gov.kg (дата обращения: 19.09.2025).
9. Adolescent health / World Health Organization // [Электронный ресурс]: <https://www.who.int/health-topics/> (дата обращения: 21.09.2025).
10. Improving health care: Programme / UNICEF: Kyrgyzstan [Электронный ресурс]: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/> (дата обращения: 21.09.2025).

CAUSES OF DEATH AMONG MIDDLE AND HIGH SCHOOL STUDENTS AND SCHOOL SAFETY IN KYRGYZSTAN

Kuzmina T.A.

Kyrgyz-Russian Slavic University

Adolescent mortality is one of the most alarming social issues, requiring in-depth analysis and prompt action by the state and society. In Kyrgyzstan, where the education system faces a number of systemic challenges, student mortality is particularly concerning. This article examines the causes of school mortality in Kyrgyzstan, with a focus on middle and high school students, based on open source data from recent years. The objective of the study is to identify the causes of threats to the lives and health of schoolchildren, including both criminal and social factors, and to identify measures to ensure student safety. The research methodology utilizes a comprehensive approach, including data analysis and synthesis, empirical methods (observation and analysis of sources and publications, and the study of statistics and legislation on the issue), and an interdisciplinary approach. The analysis will result in the development of recommendations for preventing threats to the lives and health of young Kyrgyz citizens.

Keywords: middle and high school students; mortality; suicide; extortion; bullying; violence; conflicts; fights; racketeering; online gaming; safety; crime prevention.

References

1. All the facts of death and threats to the life and health of teenagers are taken from publicly available information sources.
2. Children Online. The Ministry of Digital Development proposes introducing parental controls on gadgets (in rus. lang.) // 24.kg. 10.10.2024 [Electronic resource]: https://24.kg/obschestvo/307655_deti_vseti_vvesti_roditelskiy_kontrol_vgadjetah_predlagaet_mintsifry/ (date of access: 29.07.2025).
3. School fights: How they choose their victims and why they become the aggressors (in rus. Lang.) // 24.kg. 17.02.2025 [Elec-

tronic resource]: https://24.kg/obschestvo/319954_draki_shkolnikov (date of access: 29.07.2025).

4. Fights, bullying, and a reluctance to learn. A psychologist discusses the problems of schoolchildren (in rus. lang.) // 24.kg. 14.10.2024 [Electronic resource]: https://24.kg/obschestvo/307694_draki_bulling_nejelanie_uchitsya (date of access: 29.07.2025).
5. In three months, 110 people died in accidents in Kyrgyzstan (in rus. lang.) // 24.kg. 25.03.2025 [Electronic resource]: https://24.kg/proisshествija/323847_zatri_mesyatsa_vkyrgyzstane_vavariyah (date of access: 30.07.2025).
6. Law of the Kyrgyz Republic «On measures to prevent harm to the health of children, their physical, intellectual, mental, spiritual and moral development in the Kyrgyz Republic» from July 21, 2015 № 185 (in ed. dated August 9, 2023) (in rus. lang.) // Erkin Too. 2015. July 28.
7. Law of the Kyrgyz Republic «On Education» from August 11, 2023 № 179 (in ed. dated April 18, 2025) (in rus. lang.) // Ministry of Justice KG [Electronic resource]: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (date of access: 10.09.2025).
8. National Development Program of the Kyrgyz Republic until 2030 // Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic [Electronic resource]: www.gov.kg (date of access: 19.09.2025).
9. Adolescent health / World Health Organization // [Electronic resource]: <https://www.who.int/health-topics/> (date of access: 21.09.2025).
10. Improving health care: Programme / UNICEF: Kyrgyzstan [Electronic resource]: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/> (date of access: 21.09.2025).

Лихтин Анатолий Алексеевич,

к.э.н. доцент, декан, Северо-Западный институт управления
РАНХиГС

E-mail: likhtin-aa@ranepa.ru

Статья посвящена базовым процессам управления в системе местного самоуправления. Особое внимание уделяется пониманию системы самоуправления через призму базовых, ключевых управленческих процессов. Последовательное описание процессов целеполагания, планирования, организации в достижении результата, координации и контроля, отчетности и презентации результатов, взаимодействия с населением, завершения управления формирует целостную картину всего спектра управления в местном самоуправлении.

Перспективы совершенствования системы местного самоуправления в Российской Федерации раскрываются через внедряемые цифровые модели, технологии обработки информации, системы управленческого учёта и планирования, аналитики больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта (AI), облачных решений и мобильных приложений.

Ключевые слова: Базовые процессы управления, система местного самоуправления, процессы целеполагания, процессы планирования, процессы организации, процессы координации и контроля, процессы презентации и отчетности, алгоритмы решения задач муниципалитета, повышение качества управленческого персонала муниципалитета.

Для понимания сути вопроса дадим достаточно краткое определение понятия самой системы. Система – это совокупность элементов, связанных между собой определенным образом для достижения конкретной цели. Итак, система включает в себя элементы, или структуру, связи и цели. Т. е. когда мы говорим о системе местного самоуправления, необходимо точно определиться с такими понятиями как, элементы системы местного самоуправления или ее структура, какие определенные связи между этими элементами, которые прописаны в уставе, а также цель или цели этой системы управления. Почему это важно? Это важно потому, что управление реализуется:

- на определенной территории, в течение определенного периода времени, имеет направленное воздействие;
- для решения текущих и перспективных вопросов населения, проживающей на этой территории;
- для развития территории, ее потенциала и ресурсов;
- с учетом конкретных ресурсов (земельных, финансовых, кадровых и т.д.) и предполагаемых возможностей;
- в пределах нормативно-правовой базы.

В процессе результативного и эффективного функционирования системы местного самоуправления необходимо обеспечить реализацию базовых процессов управления, таких, как:

1. Процессы целеполагания. (Цели для решения проблем муниципальных образований возникают из вопросов, обозначенных в предметах ведения Уставов муниципалитетов, а также в процессе решения текущих задач. Они могут быть самыми разнообразными и зависят от многих факторов: территориальных, финансовых, правовых, национальных, географических, климатических, и т.д. Структура цели обязана учитывать и время, и направленность движения к цели, или вектор цели. Процесс постановки целей очень ответственная задача, поскольку от качества выполненной работы зависит и результативность, и эффективность использования ресурсов: временных, финансовых, людских, технологических и т.д.

2. В процессах планирования (с учетом сезонности времени) необходимо учитывать все детали поставленных целей, поскольку, если процесс управления запущен, то отыгрывать обратно в части реформирования цели не всегда возможно без потерь. Поэтому качество подготовки специалистов, их профессиональный и духовно-нравственный уровень серьезно влияет на все управленческие факторы.

3. Процессы организации. Это самый важный и ответственный момент, когда необходимо свести воедино все ресурсы. Как правило, когда запускаются эти процессы, можно убедиться в справедливости поговорки «гладко было на бумаге, если бы не овраги». На этом уровне управления специалисты муниципалитетов сталкиваются с самыми разнообразными проблемами, когда не все идет так, как спланировано. Поэтому профессиональный уровень, опыт работы, залог успешного решения этих процессов.

4. Процессы координации и контроля. (При формировании задач координации и контроля необходимо грамотно определить задачи координации и задачи контроля. Не должно быть ненужного дублирования.)

5. Процессы отчетности и презентации результатов. В системе муниципального управления, как, впрочем, и в любых других видах управления, невозможно не подводить итоги и отчитываться о результатах работы, как и презентовать результат. Как говорится в поговорке «Конец-делу венец». Поскольку задачи муниципалитета заключаются в решении текущих вопросов населения, то и отчитываться необходимо перед населением. Мнение населения муниципалитета – основной критерий качественной работы его структуры управления.

6. Процессы взаимодействия с населением. Излишне говорить о том, что ключевой задачей команды муниципалитета является налаживание с населением плотной связи. И для этого современный информационный и технологический инструментарий предоставляет большое количество возможностей. Обеспечить высокую степень оперативности в выявлении и решении проблем, в этом залог успеха работы всей команды.

7. Процессы завершения управления. Управление, реализуемое в процессе благоустройства, строительства, проведения массовых мероприятий, в котором участвует большое количество людей и т.д. когда необходимо территории вернуть ее благоустроенный вид, необходимо проводить с учетом этих процессов завершения управления.

Обращаю ваше внимание, что речь идет о процессах, а не об одном процессе. Возьмём, например, процесс целеполагания. В процессе подготовки специалиста вы можете поставить перед ним задачу в деталях расписать мероприятие, стоящее в плане работы в феврале, например, провести масленицу. Масленица – это конечная цель. Для ее выполнения необходимо представить эту цель в виде списка подцелей: выбор места, объем финансирования, целевая аудитория, службы, которые будут обеспечивать проведение и безопасность и т.д. Кроме того, для полноты информации о предстоящей к реализации задаче, **по каждой подцели** вам следует задаваться вопросами: а надо ли ее разбить на более малые подцели, надо ли планировать что-то при этом, надо ли организовывать, координировать, контролировать, взаимодействовать с населением и т.д. Например муниципалитет планирует организовать игровую площадку в зоне отдыха. Понятно, что вы не можете игнорировать мнение населения и обязательным пунктом будет вопрос взаимодействия с населением для согласования решения. Таким образом, запуская такую «цикличность» проверки возможных рисков, вы убережете себя от возможных будущих проблем.

Подводя итоги, можно резюмировать, что реализация всего спектра вышеуказанных базовых процессов позволит выполнить управление в полном объеме и с нормативным качеством ожидаемого результата.

Перспективы совершенствования системы местного самоуправления в Российской Федерации

Система местного самоуправления, несомненно, не может стоять в стороне от важнейших изменений, связанных с цифровизацией муниципального управления, использования новых технологических решений, искусственного интеллекта и всего того, что еще нам предстоит увидеть на поле государственного, муниципального и бизнес-управления. Внедряемые цифровые модели, технологии обработки информации, предназначены для решения текущих проблем и перспективных задач. Уже сегодня внедряются в жизнь системы управленческого учёта и планирования, аналитика больших данных (Big Data)

и искусственный интеллект (AI), облачные решения и мобильные приложения, цифровые технологии, играющие решающую роль в методах управления персоналом: от облачных систем управления персоналом до совместной работы виртуальных команд и многое другое.

При решении, в частности, задач, по цифровой трансформации муниципалитетов необходимо решить несколько ключевых вопросов, а именно:

- **Формирование алгоритмов решения задач муниципалитета по предметам ведения и проведение оцифровки всех процессов управления.** Совокупность этих процессов такова: процессы постановки целей, процессы планирования, организации, координации, контроля, презентации результата, взаимодействия с населением и завершение управления. Почему это важно? Кадровые службы подтвердят, что при увольнении сотрудника муниципалитета, проработавшего несколько лет и получившего хорошие знания и опыт работы, он забирает с собой весь наработанный интеллектуальный потенциал, который вообще-то принадлежит организации. Не оформленные алгоритмы работы по различным направлениям работы должным образом, не позволят вновь пришедшему работнику, на смену прежнего, быстро войти в работу. Принципиально важно, что в должностной инструкции написано, «что надо делать», но «как надо делать», этого там нет.
- **Формирование результативной и эффективной структуры** в системе управления муниципалитетом. Детальный анализ некоторых муниципалитетов дает основание говорить о том, что не всегда поставленные цели, оформленные связи между элементами структуры и сама структура, ведут к достижению поставленных целей.

В качестве интегральной модели управления муниципалитетом можно предложить модель под названием «Цифровой муниципалитет» разработки СЗИУ РАН-ХиГС.

В рамках этого проекта возможно решить целый ряд задач, таких, как:

- создание современной цифровой системы управления муниципалитетом;
- сформировать оперативные связи с населением;
- предложить оптимальную структуру хозяйственной деятельности муниципалитета;
- активно вовлекать население в процессы муниципального управления;
- проводить, до выборов, предварительную работу с кандидатами в депутаты местного совета.
- **Повышение качества управленческого персонала муниципалитета**, привлечения молодых специалистов на муниципальную службу, развитие soft skills – креативности, эмоционального интеллекта, критического мышления и командных навыков. Необходимо учитывать основные тренды в государственном и муниципальном управлении, такие как проектное управление, индустрия готовых решений, мастер-планы, цифровые технологии и искусственный интеллект (ИИ), а также развитие ключевых управленческих навыков для эффективного руководства командами в современных условиях. А также системы управленческого учёта и планирования, аналитика больших данных (Big Data) и искусственный интеллект (AI), облачные решения и мобильные приложения, цифровые технологии, играющие решающую роль в методах управления персоналом: от облачных систем управления персоналом до совместной работы виртуальных команд и многое другое.

Литература

1. Лихтин А.А. Теоретические аспекты принятия «информационная политика» и особенности ее реализации в современной Российской общественно-политической реальности. *Управленческое консультирование*. 2017. № 1 (97). С. 29–36.
2. Лихтин А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации. *Управленческое консультирование*. 2021. № 4 (148). С. 16–25.
3. Лихтин А.А. Возможности применения цифровых образовательных технологий в процессе обучения государственных гражданских служащих. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2022. Т. 19. № 4. С. 173–179.
4. Лихтин, А.А. Публичное управление как объект научного исследования и направление подготовки кадров / А.А. Лихтин // *Управленческое консультирование*. – 2021. – № 3. – С. 16
5. Лихтин, А.А. Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАНХиГС / А.А. Лихтин // *Управленческое консультирование*. – 2022. – № 9. – С. 165
6. Лихтин, А.А. Проблемное поле современного публичного управления: контент-анализ научных публикаций / А.А. Лихтин // *Управленческое консультирование*. – 2021. – № 5. – С. 79

BASIC MANAGEMENT PROCESSES IN LOCAL GOVERNMENT

Likhtin A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the basic management processes in the local government system. Particular attention is paid to understanding the self-government system through the lens of core, key management

processes. A consistent description of the processes of goal setting, planning, organizing for result achievement, coordination and control, reporting and presentation of results, interaction with the public, and management completion provides a comprehensive picture of the entire spectrum of local government management.

Prospects for improving the local government system in the Russian Federation are revealed through the implementation of digital models, information processing technologies, management accounting and planning systems, big data analytics and artificial intelligence (AI), cloud solutions, and mobile applications.

Keywords: Basic management processes, local government system, goal setting processes, planning processes, organizational processes, coordination and control processes, presentation and reporting processes, municipal problem-solving algorithms, and improving the quality of municipal management personnel.

References

1. Likhtin A.A. Theoretical aspects of the adoption of “information policy” and the specifics of its implementation in the modern Russian socio-political reality. *Management Consulting*. 2017. No. 1 (97). Pp. 29–36.
2. Likhtin A.A. Transformation of public administration in the context of digitalization. *Management Consulting*. 2021. No. 4 (148). Pp. 16–25.
3. Likhtin A.A. Possibilities of applying digital educational technologies in the process of training state civil servants. *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*. 2022. Vol. 19. No. 4. Pp. 173–179.
4. Likhtin, A.A. Public administration as an object of scientific research and a direction of personnel training / A.A. Likhtin // *Management Consulting*. – 2021. – No. 3. – P. 16
5. Likhtin, A.A. Key aspects of the implementation of the Digital Municipality project at the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration / A.A. Likhtin // *Management Consulting*. – 2022. – No. 9. – P. 165
6. Likhtin, A.A. Problem field of modern public administration: content analysis of scientific publications / A.A. Likhtin // *Management Consulting*. – 2021. – No. 5. – P. 79

Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества как форма социальной динамики общественного развития

Лустин Юрий Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и русской филологии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель исследования – в парадигме социальной трансформации выявить специфику диалектико-типологического взаимодействия человека и общества, которое отражает системно-структурную целостность общественного бытия. Новизна работы состоит в социально-философском выявлении диалектико-типологического взаимодействия человека и общества как формы социальной динамики общественного развития. В аспекте логико-познавательного дискурса социально-методологическая конкретизация данной формы представлена в качестве одного из структурообразующих оснований развития государства, человека и общества, регулятивного фактора системы их социальных связей, отношений и опосредований. Выявляется формообразующий механизм диалектико-типологического взаимодействия и отмечается его интегративное влияние на установление онтологического порядка перехода социальной потенциальности типологических свойств человека и общества в их совместную целенаправленную деятельность, что определяет стратегию общественного созидания, качественную целостность всеобщего бытия. В этом значении получила дальнейшее развитие идея о диалектической противоречивости структурообразующих свойств типологии человека и типа общества, методологический синтез которых определяет логику индивидуальной траектории развития личности в динамике общественных преобразований. Используются принципы отражения, объективности, причинности, а также методы дополнительности, сравнения.

Ключевые слова: человек, общество, развитие, диалектико-типологическое, социальная динамика, взаимодействие.

Введение

В социальной парадигме глобальных трансформаций XXI века, исследование диалектико-типологического взаимодействия человека и общества приобретает особую актуальность. Это взаимодействие, рассматриваемое в качестве имманентной формы социальной динамики общественного развития, требует углубленного социально-философского изучения, в преимущественном акценте на понятие «становление» в его типопределенном качестве исходной формы существования и проявления любой целостности как таковой. «Становление, как отмечает А.А. Савостина, – первая, незавершенная форма существования органической целостности, такая стадия ее развития, когда новое уже появилось на свет, но еще не вполне сложилось как явление. После стадии становления целостности наступает более или менее длительная стадия всестороннего «совершенствования», расцвета» [7, с. 446–447].

В аспекте социальной методологии актуальность темы исследования обусловлена: а) несовершенством механизма социально-методологического познания в эмпирической реконструкции генезиса форм социальной динамики по причине отсутствия однозначного ответа ученых на вопрос о том, каким образом следует интерпретировать многоединую природу социального бытия; б) определенными сложностями в разработке научно-теоретических основ фундаментальной концепции диалектико-типологического взаимодействия человека и общества в динамическом дискурсе постоянных и неоднозначных общественных видоизменений; в) явным несовершенством социально-методологического, историко-герменевтического, логико-эпистемологического подходов к определению концептуальной взаимосвязи категорий «диалектика», «развитие», «социальность», «типология», «видоизменение», «многоподобие» в качестве принципиального основания всестороннего познания происходящих трансформаций в общественной среде; г) не разработанностью фундаментальных идей гносеологии, ориентированных на конкретизацию основных особенностей разрешения антропо-культурных, онтогносеологических, экономико-правовых, идейно-нравственных, логико-герменевтических противоречий между формами социальной динамики общественного бытия и общественного сознания, детерминирующих многосоставную содержательность понятия «диалектико-типологическое» в научном познании, коммуникативной культуре жизнедеятельности социума, а также, в социально-экономических, политико-идеологических, национально-культурных и иных отношений в общественной среде.

Особо следует подчеркнуть, что противоречивый дискурс социально-политической реальности, динамика идейного противоборства, пагубные замыслы социкиборгизации консолидируют потребности общества в углублении позитивных тенденций диалектико-типологического содержания идеологии социума с целью повышения уровня духовно-нравственной зрелости человека. В сетевую эпоху виртуальных сообществ эти и другие вопросы закономерно становятся миро-

воззренчески важными, идеологически востребованными. По мнению автора «Мощный вектор развития многополярного мира, прокладывающий путь в новых социально-исторических условиях, рост этнонациональных конфликтов и религиозного фанатизма, идеологически предвзятая экзистенциально-апологетическая риторика западных стран в навязывании миру своего образа «цивилизованного бытия», деструктивная политизация форм общественного сознания, манипулятивная виртуализация и вестернизация сознания индивида и когнитивная потеря им своей субъектности, национальной идентичности, архетипической самости усиливают исследовательский интерес к концепт-дискурсу о диалектико-типологическом взаимодействии человека и общества, актуализируют необходимость методологического подхода к познанию системной целостности социального бытия» [5, с. 116].

Решению этих и других проблем во многом способствует выявление формообразующего механизма диалектико-типологического взаимодействия человека и общества в дихотомии их противоположающего единства, основополагающим моментом которого в дискурсе глобальных трансформаций современности является динамика способов, форм и средств социальной потенциальности.

Основная часть

Понимание диалектико-типологического взаимодействия человека и общества требует, прежде всего, комплексного социально-философского постижения социальной реальности, учитывающего как объективные закономерности развития общества, так субъективные факторы, определяющие поведение и мотивацию индивида. Несомненно, на этой основе возможно выявление не только механизма формообразования, управляющего социальной динамикой, но развертывание системоформирующих стратегий, направленных на гармоническое и устойчивое развитие информационного общества, повышение позитивного уровня коммуникации в пространстве общественной жизнедеятельности акторов социальной практики. В этой связи инновационное обнаружение типологически разнообразных форм общественных взаимоотношений диалектически объективно, ибо имманентно связано с динамикой организационных и коммуникативных связей в информационной среде, которые в мышлении социализированной личности «субъектологически редуцируют новые возможности диалектического понимания типологии многообразных социальных взаимоотношений» [4, с. 180]. При этом следует помнить о том, что «Социальная динамика, социальные изменения, затрагивающие все стороны общественной жизни, процессы необратимые, которые находятся в постоянном движении, потому что на них влияет огромное количество факторов. Как правило, для социальной динамики и социальных изменений не характерно развитие лишь в одном постоянном виде, зачастую они трансформируются под воздействием определенного типа общества, для которого характерна определенная форма» [5, с. 115].

Несомненно, социальная методология познания диалектического единства типологических свойств природы, человека, общества и культуры,

актуализирует герменевтический дискурс осознания человеком диалектико-типологической содержательности многоподобной социальной реальности. Значимая предметность такого вида содержательности концептуально связана с методологическим синтезом категорий «диалектика» и «типология». В свой черед, «онтогносеологическая глубина» этого синтеза многогран-

но очерчена логико-эпистемологическими границами конструктивного постижения реальности в миропостижающем мышлении индивида. Именно по этой причине, как утверждает автор, «Методологическая интегративность диалектико-типологической значимости социально-философского познания человека константна, так как обладает логикой онтогносеологической конструктивности, органически связана с культурой социального постижения личностью сущности и содержания естественно-природной картины мира, императивно сопряжена с логико-когнитивным порядком взаимодействия различных форм жизнедеятельности человека и общества в изменяющихся условиях событийности антропо-исторической действительности» [6, с. 214].

Категории «диалектика» и «типология», в методологическом синтезе своего концептуального единства, отражают эволюционный процесс образования новых структур (форм, видов, концепт-моделей), что дает «имманентное право» обладать *динамической составляющей формообразования*, являющейся особенностью особого рода. Это возможно в силу того, что диалектика была, есть и всегда будет теорией (учением) о развитии, которое рассматривает мир как процесс, находящийся в постоянном движении, изменении и преобразовании. Равным образом, типология является теорией развития свойств объектов реальности, а типологический подход позволяет выявить и классифицировать основные типы взаимодействия человека и общества, специфицировать их динамику. Если это так, то правомерно заключение: наиболее полномерным видом взаимодействия содержания категорий «диалектика», «динамика» и «типология», можно назвать обнаружение сопредельных форм (моделей, структур, форматов, конструкций) новообразования. Данная взаимообусловленная процессуальность определяет возможность диалектико-типологического взаимодействия объектов и субъектов в социальном пространстве, в следствие чего у них появляется необходимость в видоизменении, непереносимость в проявлении форм новообразований.

В широком познавательном плане правомерность логики такой аргументации позволяет рассматривать диалектико-типологическое взаимодействие как динамическое средство формообразования социальности, а в диапазоне узкого значения – в качестве формы социальной динамики общественного развития. Данная форма оказывает свое влияние на диалектику взаимодействия государства и общества [2], способствует активному проявлению фундаментальных ценностных образованных как детерминант развития современного социокультурного пространства [10], обеспечивает эффективность применения эмпирических методов познания различных явления социально-типологической действительности.

Диалектико-типологическое взаимодействие, как особый вид социально-культурных отношений, подчеркивает двойственную роль человека в позитивных / негативных тенденциях общественного развития. В этой специфической существенности человек выступает в качестве:

1) объекта общественного воздействия. Общество, его институты, культура, нормы, социетальные ценности, антропо-исторический опыт общественных объединений (организаций) всесторонне формируют человека. Социальная среда является условием, в котором закладываются мировоззренческие основы поведения и поступков индивида;

2) субъекта индивидуальной практики. Человек не пассивный актор общественной жизнедеятельности. Он деятельно обладает сознанием, волей, способностью к логико-историческому и критическому осмыслению ре-

альности и ее творческому преобразованию. Социализированная личность является активным участником социальной динамики и в этой связи способна:

а) инициировать структурные изменения в общественной среде через целенаправленную реализацию своих идей, инноваций, креативных поступков;

б) осмысливать и интерпретировать социальные процессы, придавая им новый смысл, обновленные векторы системной трансформации;

в) влиять на формирование и видоизменение ценностных ориентиров социума, создающих условия для гармонического развития человека;

г) осуществлять выбор между различными путями личностного развития, обеспечивающими направления социализации и эффективные показатели устойчивого развития общества;

д) создавать, поддерживать и корректировать разнообразные социальные связи и отношения в общественной среде (от дружеских и семейных до профессиональных и социально-экономических, общественно-политических).

По сути дела, динамика развития человека и общества – это суммарная результативность многочисленных диалектико-типологических взаимодействий между индивидами и социальными группами, в результате чего проявляется типология их ролевой функциональности. Говоря иначе, различные функции взаимодействия человека и общества есть ни что иное как диалектически многоподобное и типологически разновидное проявление конкретной формы отображения социальной действительности и ее рациональное / не рациональное или интуитивное использование в практике бытия. Такая трактовка статуса диалектико-типологического взаимодействия, с одной стороны, формосодержательно фиксирует в нем всевозможные системно-структурные модели, нормы, факторы, конструкции, объектологические условности, форматы, проекции социальной жизнедеятельности человека и общества, что одновременно позволяет, с другой стороны, динамично реализовывать существенные смыслы человеческого бытия через них.

Здесь следует еще раз подчеркнуть фундаментальное значение диалектико-типологического взаимодействия человека и общества в качестве формы социальной динамики общественного развития. В широком смысле слова, эта форма и взаимосопряженные способы ее процессуальной связи с реальностью бытия (экономические, духовно-нравственные, социально-культурные, политические, интеллектуальные, религиозные, этнонациональные и др.), в снятом виде, служат структурообразующим основанием существования государства, общества, человека, культуры. Важно подчеркнуть, что в этом процессе значительную роль играет идейный фактор сплочения поликультурного общества, на основе «создания государством и гражданским обществом идеологической доктрины для укрепления идентичности народа» [3, с. 165].

Чрезвычайно важный признак, который наличествует в данном установлении, – это регулятивный фактор общественных процессов, конкретизирующий упорядоченность социальных связей, отношений и опосредований между человеком и обществом, что в своей онтогносеологической характеристике «отзеркаливает» имеющуюся системно-структурную целостность их общественного бытия.

Подчеркивая существенное значение регулятивного фактора, в качестве концептуального инструмента в теории социального порядка, А.П. Бандурин отмечает: «Важную роль ... играют достигнутые обществом условия культурного и личностного развития, а также качество социализации личности, интериоризации социокультурных и ин-

ституциональных норм, институционализации социально-политической жизни с применением механизмов действия социального контроля, правовых и моральных санкций, использованием силы общественного мнения. Тем самым социальная регуляция выступает фактором социальной стабильности, ограждая общество от хаоса, дезорганизации, дисфункциональности, аномии и способствуя порядку, функциональному взаимодействию, социальной определенности и интеграции индивидов» [1, с. 21].

В аспекте логико-познавательного дискурса социально-методологическая конкретизация этих существенностей позволяет выявить формообразующий механизм диалектико-типологического взаимодействия. По своей сущности данный механизм относительно полно отражает различные форматы взаимных отношений человека и общества, как в типопределенных сферах их жизнедеятельности (экономической, духовно-нравственной, социально-политической, культурно-бытовой, интеллектуальной, антропо-исторической), так и в различных видах общественных отношений (материальных и духовных, долгосрочных и краткосрочных, групповых и личностных, формальных и неформальных и др.). Исключая однозначность проявления этот механизм обладает системными свойствами своей социальной самоорганизации, которые обнаруживаются в единстве существенных и несущественных состояний, равновесных и неравновесных зависимостей, потенциальных и актуальных определенностей, обоснованно дополняющих друг друга.

В самом общем виде взаимодействие человека и общества является движущей силой социальной динамики, интеграционным фактором проявления их сущностных сил. Содержание формообразующего механизма диалектико-типологического взаимодействия человека и общества заключается во **взаимообусловленной, противоречивой и интенсивной трансформации свойств индивида и результатов его общественной жизнедеятельности, закономерно ведущих к возникновению и развитию качественно новых форм бытия, норм поведения и традиций мировосприятия.**

Системность диалектико-типологического взаимодействия в своей структурной определенности онтологически объективна, социально значима, диалектически конкретна, типологически разнообразна, цивилизационно динамична. Как следствие, онтологическая составляющая формообразующего механизма диалектико-типологического взаимодействия человека и общества включает в свое содержание такие основные части, как:

- **диалектическое воздействие** внешних факторов и внутренней среды на проявление сущностных сил человека и общества в многогранной палитре реальности;
- **типологическое преобразование** существенных свойств человека и общества на типологической основе их сходства, тождества (самотождества) и различия;
- **диалектико-типологическое видоизменение** коренных связей и отношений человека и общества в социальной динамике их общественного существования (сосуществования).

Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества является ядром социальной динамики общественного развития, так как в главном и основном направлено на:

а) социальные изменения. Постоянное противоречие между индивидуальными потребностями и общественными требованиями, между старым и новым, закономерно приводит к социальным изменениям. Виды (формы) этих изменений разнообразны. Ими могут быть эволю-

ционное развитие, реформирование государственного и общественного устройства, революционные скачки, кардинально меняющие общественный строй. Разрешение противоречий диалектически конкретно, типологически разнообразно;

б) целенаправленное развитие сознания и самосознания человека. Взаимодействуя с другими людьми и общественными структурами, индивид содержательно развивает свое сознание и самосознание, целеопределенно совершенствует интеллектуальные способности, когнитивно реализует умственные дарования. Этот процесс обогащает как самого человека, так и общество в целом, порождая новые идеи, взгляды, интересы и идеалы, влияющие на оптимизирующие формы жизненного выбора индивидом, социальную мобильность органов государственной власти и местного самоуправления в решении стоящих задач;

в) созидающие тенденции общественного развития. Типология общества трансформируется, самосовершенствуется под влиянием всей социальной совокупности индивидуальных действий и общественно-культурных взаимодействий. Новые инновационные технологии, новаторские модели экономического и политического управления (самоуправления), перспективные дипломатические подходы – все это результат сложного диалектического процесса, в котором ключевую роль играет человек и логико-типологические формы его социальной активности.

Интегративное проявление формообразующего механизма диалектико-типологического взаимодействия проявляется себя при установлении онтологического порядка перехода социальной потенциальности типологических свойств человека и общества в их совместную целенаправленную деятельность, что определяет стратегию общественного созидания, качественную целостность всеобщего бытия.

Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества – это **активный процесс типопределенной содержательности**, который лежит в основе всей социальной динамики общественного прогресса / регресса, динамики особого рода деятельности индивида и социума. Он объясняет, как индивид, обладающий своей уникальностью, рефлексивно вступает в противоречивые, но взаимозависимые отношения с обществом, и как эти отношения, посредством накопления количественных изменений в результате трансформаций, приводят к поступательному развитию / разрушению всей социальной организации или общественной системы. В конечном счете, через формообразующий механизм диалектико-типологического взаимодействия разносторонние виды социальной активности постоянно видоизменяются, онтологически реализуя свое иное вовне себя и гносеологически приобретая свое извне, чем объективируют *потенциальность* трансформации типологических свойств человека и общества в предметную *актуальность* их совместной практической деятельности цивилизационной направленности. Именно такая теоретическая конструкция является исходной позицией в понимании диалектико-типологического взаимодействия как методологически верного средства построения новых онтологических форматов существования человека и общества.

Формосодержательная характерность диалектико-типологического взаимодействия в парадигме «человек – общество» позволяет не только понять прошлое и настоящее социума, но спрогнозировать возможные траектории будущего развития социализированной личности. В этом значении важен принцип: диалектическая противоречивость структурообразующих свойств типо-

логии человека и типа общества разрешается путем **взаимодействия и взаимопроникновения противоположных сторон (состояний) их социального бытия**. В рамках **системно-структурного «снятия» конкретного единства противоположностей** происходит когнитивный синтез свойств типологии человека и типа общества. В ходе системного разрешения этого противоречия качественно изменяется структура их связей и отношений, которые определяют логику индивидуальной траектории развития человека в динамике общественных преобразований. При этом важен процесс преобразования индивидуальных черт (свойств, качеств) человека в общей парадигме социальности конкретного общества. Антропо-социальная общность персонального самосовершенствования личности органически сопряжена с целостным развитием общества и включена в процесс общих и особенных видоизменений в нем, чем обеспечивается высокий уровень интеграции качественной определенности индивида с содержанием социальных свойств цивилизации в целом [9; 11].

Заключение

В парадигме социальных трансформаций можно выявить специфику диалектико-типологического взаимодействия человека и общества, которая отражает системно-структурную целостность общественного бытия.

Понимание противоречий, лежащих в основе этого взаимодействия, позволяет выявлять онтологические, гносеологические, логико-герменевтические аспекты динамики общественного развития, разрабатывать эффективные стратегии практического познания целостности общественного бытия и общественного сознания, направленные на достижение социальной гармонии между человеком и обществом.

Диалектико-типологическое взаимодействие, как форма социальной динамики, представляет собой непрерывный процесс взаимного влияния человека и общества, в котором индивид формируется под воздействием социальных институтов и культурных норм, а общество, в свою очередь, изменяется под влиянием деятельных инициатив и цивилизационных потребностей своих членов. Концептуальное познание этого сложного и динамичного процесса является ключом к пониманию социальной реальности и построению более справедливого мира.

Литература

1. Бандурин А.П. Социальная регуляция как объект социально-философского исследования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2004. – № 3 (127). – С. 19–22.
2. Ваславский Я.И. Диалектика взаимосвязи современного государства и общества // Бизнес. Образование. Право., 2022. – № 3 (60). – С. 92–99.
3. Дрожжина С.В. Роль государственной идеологической доктрины в сплочении поликультурного общества Донбасса // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2018 года / Отв. редактор к.филос.наук, доц. Рагозина Т.Э. – Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. – С. 165–173.
4. Лустин Ю.М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография, – Донецк: Изд-во ДОННУЭТ, 2023. – 340 с
5. Лустин Ю.М. Диалектико-типологическое взаимодействие человека и общества как структурооб-

разующее основание целостности социального бытия // Социально-гуманитарные знания, 2024. – № 7. – С. 116–122.

6. Лустин Ю.М. Дialeктика и типология: концептуальность методологического синтеза // KANT. – 2024. – № 3 (52). – С. 212–220. DOI: 10.24923/2222-243X. 2024–52.33
7. Савостина А.А. Становление ценностных оснований личности // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / XXXIX Адлерские чтения, 29 марта – 2 апреля 2024 г.; адм. Краснодар. края, КРПОО «Знание» и др.; отв. ред. А.А. Зайцев. – Краснодар: Перспективы образования, 2024. – 660 с.
8. Человек и общество на переломе эпох: поиски стратегий развития: материалы междунар. науч. конф., 21 апр. 2023 г. / отв. ред. Т.Э. Рагозина. – Донецк: ДОННТУ, 2023. – 260 с. – [Серия «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса»].
9. Храпов С.А., Вишнякова А.М. Социальная динамика: специфика и тренды // Вестник Калмыцкого университета, 2022. – № 2 (54). – С. 113–119. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-54-2-113-119
10. Шакирова Е.Ю. Общее представление о строении и динамике современного социокультурного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия., 2013. – № 2 (10). – С. 108–124.
11. Lustin Yu.M. The concept of dialectical-typological Interaction between man and society: social and ontological foundations // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (August 27, 2025. Beijing, PRC). – Pp. 109–115.

DIALECTICAL AND TYPOLOGICAL INTERACTION BETWEEN HUMAN BEINGS AND SOCIETY AS A FORM OF SOCIAL DYNAMICS AND SOCIAL DEVELOPMENT

Lustin Yu.M.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,

The purpose of the study is to identify the specifics of the dialectical-typological interaction between a person and society in the paradigm of social transformation, which reflects the systemic-structural integrity of social existence. The novelty of the work lies in the socio-philosophical identification of the dialectical-typological interaction between a person and society as a form of social dynamics in the development of society. In the aspect of logical-cognitive discourse, the socio-methodological specification of this form is presented as one of the structural foundations for the development of the state, the individual, and society, as well as a regulatory factor for the system of their social connections, relations, and mediations. The article identifies the formative mechanism of dialectical-typological interaction and notes its integrative influence on establishing the ontological order of the transition of the social potentiality of the typological

logical properties of a person and society into their joint purposeful activity, which determines the strategy of social creation and the qualitative integrity of universal existence. In this context, the article further develops the idea of the dialectical contradiction of the structuring properties of the typology of a person and the type of society, the methodological synthesis of which determines the logic of the individual trajectory of personal development in the dynamics of social transformations. The article uses the principles of reflection, objectivity, causality, and the methods of complementarity and comparison.

Keywords: person, society, development, dialectical-typological, social dynamics, interaction.

References

1. Bandurin A.P. Social regulation as an object of socio-philosophical research // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki, 2004. – No. 3 (127). – Pp. 19–22.
2. Vaslavskiy Ya.I. Dialectics of the relationship between the modern state and society // Business. Education. Pravo., 2022. – No. 3 (60). – Pp. 92–99.
3. Drozhzhina S.V. The Role of the State Ideological Doctrine in the Unity of the Multicultural Society of Donbas // Marxism and Modernity: Alternatives of the 21st Century. Materials of the International Scientific Conference on April 27, 2018 / Ed. by Candidate of Philosophy, Associate Professor. Ragozina T.E. – Donetsk: DONNTU, 2018. – Pp. 165–173.
4. Lustin Yu.M. Personality, Typology, Society: Dialectics of Social Rationality: Monograph, – Donetsk: DONNUEET Publishing House, 2023. – 340 p.
5. Lustin Yu.M. Dialectical and Typological Interaction of Man and Society as a Structuring Foundation for the Integrity of Social Being // Social and Humanitarian Knowledge, 2024. – No. 7. – Pp. 116–122.
6. Lustin Yu.M. Dialectics and Typology: Conceptuality of Methodological Synthesis // KANT. – 2024. – No. 3 (52). – Pp. 212–220. DOI: 10.24923/2222-243X. 2024–52.33
7. Savostina A.A. The formation of the value foundations of personality. Personality. Society. The State: problems of development and interaction: collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation / XXXIX Adler Readings, March 29 – April 2, 2024; Adm. Krasnodar. kray, KRPOO “Znanie” and others; ed. by A.A. Zaitsev. Krasnodar: Prospects of Education, 2024. – 660 p.
8. Man and Society at the Turn of the Ages: Searching for Development Strategies: Proceedings of the International Scientific Conference, April 21, 2023 / edited by T.E. Ragozina. – Donetsk: DONNTU, 2023. – 260 p. – [Series “Social and Humanitarian Research by Scientists of Donbas”].
9. Khrapov S.A., Vishnyakova A.M. Social Dynamics: Specificity and Trends // Bulletin of Kalmyk University, 2022. – No. 2 (54). – Pp. 113–119. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-54-2-113-119
10. Shakirova E. Yu. General Understanding of the Structure and Dynamics of the Modern Sociocultural Space // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy, 2013. No. 2 (10). Pp. 108–124.
11. Lustin Yu.M. The concept of dialectical-typological Interaction between man and society: social and ontological foundations // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (August 27, 2025. Beijing, PRC). – Pp. 109–115.

Хануман – герой индийского эпоса «Рамаяна»

Пушкарева Юлия Георгиевна,

магистратура, ФГАОУ ВО РУДН имени Патриса Лумумбы
E-mail: rudn@rudn.ru

Статья посвящена герою эпосов, мифов одному из божеств индуизма – богу Хануману, одному из наиболее почитаемых божеств индуистского пантеона. В статье произведено исследование образа Ханумана в разрезе его подвигов, отношения к главным персонажам эпоса «Рамаяна», а также его роль на каждом этапе исследовательского метода американского мифолога Джозефа Кэмпбэла: уединение, инициация и возвращение.

Ключевые слова: Хануман, индийский эпос, мифология, индуизм, Рамаяна, подвиг, герой, победа, добро, зло.

На протяжении веков индийский эпос «Рамаяна» окрашивает жизнь каждого человека, а герои эпоса заставляют думать, рассуждать и фантазировать, не оставляя равнодушным читателя. Эпос «Рамаяна» – бесценный бриллиант литературы древней Индии, богатый образами и сюжетами. Незаурядный сюжет способен заинтриговать самого искущенного читателя, ведь в нём ведётся вдохновенный рассказ о победе добра над злом, это история о чистой любви, полная увлекательных приключений и всевозможных чудес.

Эпос «делают» не только главные герои, но и те персонажи, которые помогают героям достичь своих высоко нравственных целей. Широко известны и всеми любимы образы Рамы и Ситы. Но моя статья о герое – помощнике, и целью её написания стала тема раскрытия достоинства и роли одного из героев, как верного и могущественного помощника Рамы, его верность, силу, преданность, влияние на успех в борьбе за справедливость и победу над злом. Речь идет о добром, мудром, побеждающим препятствия Хануманом.

История появления на свет храброго Ханумана

В один прекрасный день Брахма – создатель¹ сидел одиноким на прекрасном символе своего могущества – престоле в своём дворце на вершине горы Меру, погруженный в свои думы о создании мира. Его мысли текли плавно, охватывая все аспекты будущего мира, от мельчайших деталей до масштабных планов. Углублён в свои возвышенные размышления он был так сильно и продолжительно, что из-за колоссального напряжения в его глазах выступили слезы. Едва капля слезы коснулась земли, после того, как он вытер её рукой, как тут же из этого места появилось существо – ловкая обезьяна. Брахма благосклонно и повелительно произнёс появившемуся перед ним существу: «Ступай в тот близлежащий лес на вершине Меру, посещаемый небожителями. Живи там, питаясь плодами, листьями и корнями, плодись и размножайся, и будь всегда вблизи меня, прекрасное и сильное дитя». И он дал имя этому прародителю обезьян Рикшараджа. Следуя указанию Брахмы, Рикшараджа отправился в указанный им лесной массив, где в изобилии произрастали сочные корнеплоды и фрукты; и оставался там на протяжении долгого времени.

Был он очень одиноким, не позаботился великий творец об этом, скитался в поисках своей второй половины Рикшараджа. Мучимый жаждой, он случайно наткнулся на озеро с кристально чистой водой. Наклонившись, чтобы утолить жажду из прохладного озера, он увидел в зеркале водной глади своё лицо, отражение. Зрелище собственного облика привело его в бешенство. «Я сокрушу эту тварь, враждебно взирающую на меня!» – с громким возгласом Рикшараджа бросился на озеро.

Не обнаружив ни души в озерных водах, он вернулся на сушу, но преобразился: из вод вышла не мужская фигура, а очаровательная дева, пленяющая взгляд своей грацией и изяществом, необычайно стройная, с темными дугами бровей и ниспадающими волнами волос, с гордо поднятой грудью и фигурными бёдрами.

В эту же пору около этого озера проходили Индра, повелитель богов и Сурья, прекрасный бог солнца. В один и тот же миг взгляды обоих богов остановились на пре-

красной и крутобёдрой незнакомке ... После неожиданного и смелого проявления любви, у женщины, известной как Рикшараджа, родились двое замечательных сыновей. Один из них, сын Индры, чудесным образом возник из её волос, за что и был наречен Валином, что означает «Волосатый». Другой же сын, рожденный от божественного Сурьи, появился на свет из её шеи и получил имя Сугрива, то есть «Прекрасногривый».

Мифическая история умалчивает о том, насколько эмоционально происходило расставание возлюбленных. Но как только божественные друзья покинули этот лес и вознеслись на небо, Рикшараджа снова обрёл своё мужское обличье. Его дети, которым он заменил обоих родителей, повзрослели и превратились в сильных, бесстрашных и доблестных предводителей обезьяньего племени. Рикшараджа появился снова с ними, со своими отпрысками перед Брахмой, и тот, довольный обезьяньим потомством, радушно принял их и обласкал (рис. 1).

Рис. 1. Холм Аджанея Парвата, где, как считается, родился Хануман. Холм известен также, как Анджанандри, расположен в 5 км от города Хампи, в деревне Анегонди

1 – Брахма – создатель – бог творения в индуизме, создатель Вселенной.

В южной части мира, по божественному указу самого Брахмы, небесный архитектор Вишвакарман воздвиг для них дивный город Кишкинду². Этот прекрасный город был даром Брахмы. В этом прекрасном и благополучном городе поселились тысячи обезьян; и царём их Брахма поставил Рикшараджу.

Обезьянье племя было многочисленным, а их жизнь в лесу беззаботной. Во главе стаи стоял храбрый Кесари, владевший обширными лесными территориями на горе Меру. Его женой была прекрасная и свободолюбивая Анджана, когда-то небесная дева, апсара, но из-за проступка проклятая богами и превращенная в знатную обезьяну, супругу вождя.

Анджана любила прогуливаться по склонам гор, утопающим в цветущих садах. Однажды, поднявшись на вершину, она почувствовала коварное дуновение ветра, приподнявшего край её одежды. Бог ветра Ваю, плененный её красотой, не смог устоять перед искушением.

Легкомысленный Ваю обнял Анджану и прошептал: «Не бойся, красавица, моя любовь не причинит тебе зла. Я дарю тебе могучего и мудрого сына, который будет обладать чудесной способностью взмывать в небо одним прыжком, быстрый как ветер, уподобленный своему отцу. Слава его будет велика». И Анджана поддалась соблазну бога ветра.

После рождения сына, Анджана оставила его на лесной поляне. Новорожденный мартышонок, почувствовав голод, издал громкий крик, разнесшийся по округе. Уви-

дев красное солнце, младенец принял его за сочный плод и взмыл в небо, пытаясь дотянуться до него. Небесные жители изумленно наблюдали за его полетом. «Этот сын Ваю летит так же быстро, как ветер, его отец, как мысль или божественный Гаруда, и даже быстрее», – переговаривались они.

Заметив, что его отпрыск неумолимо приближается к светилу, Ваю начал обдывать его потоками ледяного воздуха, стремясь защитить нежную кожу малыша от палящих солнечных лучей. В тот самый момент, когда наследник Ваю набирал высоту в направлении Солнца, к нему же устремился и злобный Раху, вновь одержимый намерением поглотить его. Желания юного создания и взрослого чудовища пересеклись. Когда же обезьяньи детеныш подлетел вплотную к пылающему диску, он случайно коснулся Раху в полете, и демон, поверженный в смятение, был вынужден отступить, осознав, что Солнце уже захвачено кем-то другим.

Рис. 2. Малыш Хануман проголодался и тянется к светилу, увидев в нем спелый фрукт

– Если уже младенцем он являет такую прыть, что же будет, когда он вырастет и станет зрелым мужем?»

Стремительно он достиг обители Индры, повелителя небесного мира, и с негодованием обратился к нему: «Изначально мне предназначались в пищу солнце и луна! Почему ты лишил меня моей законной добычи, отдав ее кому-то другому? Сегодня, когда я намеревался поглотить сияющее солнце, я обнаружил, что оно уже захвачено другим Раху!»

2 – Кишкинда – маленькая деревня в регионе Хампи, штата Карнатака, Индия. Известна древними храмами, архитектурой, красивыми природными окрестностями. Британский писатель Р. Киплинг, побывавший на руинах южноиндийской столицы в Хампи и впечатлённый её величием, увековечил это место в своей «Книге джунглей».

Внимая этим словам, Индра взобрался на своего величественного слона Айравату и устремился к солнцу, а Раху летел впереди него. Однако, охваченный страхом перед неведомой силой, по мере приближения к светилу, Раху оробел и укрылся за Индрой и его слоном. Сын Ваю заметил демоническую голову, ошибочно приняв ее за еще один созревший плод.

Оставив сияющее солнце, он бросился в погоню за Раху, намереваясь схватить его. Раху, стремясь избежать преследования, молил Индру о помощи. В гневе Индра направил свою ваджру³ на сына Ваю, летящего подобно вихрю. Сокрушительный удар обрушил обезья-

нього детеныша с небес на землю. В результате падения он повредил челюсть и, беспомощно распростершись на земле, заплакал от боли.

Бог Ваю, услышав рыдания своего сына, поднял его и укрылся с ним в горной пещере. В этот момент ветер прекратил дуть по всей земле, лишив людей, богов и все живое дыхания, остановив жизнь во вселенной.

Тогда небожители обратились за помощью к Брахме. Боги, гандхарвы⁴, апсары, святые мудрецы и другие небожители прибыли к пещере, где Ваю скрывался со своим сыном, и склонились перед ним с покаянными речами. Брахма наделил сына Ваю даром принимать любой облик по желанию, а также изменять свой размер.

Удовлетворенный Ваю покинул пещеру, и жизнь в трех мирах вернулась в нормальное русло. Сыну Ваю было дано имя Хануман, что означает «Сломавший челюсть». Впоследствии он стал главным советником обезьяньего царя Сугривы. Благодаря своей выдающейся мудрости и храбрости он приобрел известность в трех мирах, почитаемый обезьянами, людьми и небожителями. Он стал союзником Рамы и обрел бессмертную славу в битве с ракшасами.

Легендарный путь Ханумана: подвиг верности, мужества и отваги в эпосе Рамаяна

В эпическом произведении «Рамаяна» Хануман, советник Сугривы и преданный бхакти Рамы, играет ключевую роль как вдохновляющий образец героизма, преданности и сверхъестественных способностей. Его подвиги символизируют темы долга, преданности и преодоления невозможного. В произведении «Рамаяна» Хануман не является главным героем, но ему посвящена одна из книг (частей), из которых составлен эпос «Рамаяна» – Сундара канда (Книга прекрасного/Книга о красоте). Это – вершина повествования. Эта глава демонстрирует ум, силу и бхакти героя. Она служит мостом между периодом поисков и великой войной.

Тема героических подвигов Ханумана открывается после того, как Рама, изгнанный в лес вместе со своим братом Лакшманою, объединяется с царём обезьян Сугривой. Хануман, верный слуга Сугривы, становится ключевым посредником. Рама поручает Хануману найти Ситу, дочь царя Джанаки⁵, похищенную Раваном.

Хануман произносит вдохновляющую речь, обещая преодолеть все препятствия ради Рамы. Вместе с группой обезьян и медведей он отправляется на поиски Ситы.

Один из первых подвигов – прыжок Ханумана с вершины горы Махендра через Индийский океан на Ланку. Обезьяны сомневаются, но Хануман, увеличиваясь в размере и преодолевает океан, борясь с морскими существами. Сначала Сурасой, матерью змей, которая пытается проглотить его, разинув пасть до необъятных размеров; Хануман, вырос, а затем войдя в пасть

Сурасы, уменьшился в мгновение ока, и выскользнул из пасти матери змей. И полетел Хануман дальше. Встретившись с Симхикой, ужасной демоницей, обладающей способностью захватывать любое создание через его отбрасываемую тень, лишая тем самым сил свою жертву, Хануман оказался перед серьезным испытанием. По неостачью угодив в пасть этой грозной и беспощадной ракшасы, он не растерялся и проявил находчивость.

3 – ваджра – ритуальное и мифологическое оружие в индуизме. Было создано божественным ремесленником Тваштаром из костей мудреца Дадхичи для Индры.

4 – гандхарвы – категория божественных существ, занимающих промежуточное положение между богами и людьми. Часто изображаются в роли супругов или возлюбленных апсар, небесных танцовщиц. Главной их

ролью является исполнение музыки и песен, доставляющих удовольствие слушателям.

5 – дочь Джанаки. Джанака, царь Видехи со столицей в городе Митхила. Упоминание об этом царе можно встретить в текстах Брихадараньяка упанишада, пуранах.

Оказавшись внутри чудовища, Хануман молниеносно вонзил свои острые когти в самое сердце Симхики, разрывая его на части.

С предсмертным криком демоница рухнула в морскую бездну, исчезнув в глубинах. Хануман же, стремительно вырвавшись из разверзнувшейся пасти, беспрепятственно продолжил свой путь по небесному своду. Достигнув берегов острова Ланка, он спустился на вершину горы Трикута, чтобы осмотреться и оценить обстановку.

Затем Хануман проникает в зловещую обитель Раваны и находит Ситу перед дворцом, украшенном кораллами, золотом, с тысячами колонн, под деревом страдающую. Он передает ей кольцо Рамы, который Рама отдал Хануману, как знак своего посла и доверия, в надежде, что узнав кольцо, Сита не будет бояться. После встречи с Ситой, Хануман решил наказать Равану за его проделки и за страдания Ситы. В ашоковской роще⁶, куда Хануман отправился в поисках сочных плодов, его атаковала армия Мегханадхи, сына Раваны, известного как Индраджит. Желая пленить Ханумана, Индраджит применил волшебное оружие – «Стрелу Брахмы» (Брахмастру)⁷. Несмотря на то, что Брахма даровал Хануману неуязвимость к своим стрелам, герой добровольно дал себя схватить, чтобы предстать перед Раваной, смягчить его ярость и оценить мощь его владений.

В качестве возмездия Равана велел предать огню хвост Ханумана, обернув его тканью, пропитанной маслом для ламп. Когда стражники попытались исполнить приказ, обматывая хвост и готовясь его поджечь, Хануман начал увеличивать его длину, вызвав смещение середины палачей (рис. 3).

Рис. 3. Фрагмент расписного потолка дворца «Раджа Махал»/«Королевский дворец», расположенный в окрестностях города Орчха (современная территория штата Мадхья Прадеш). Здесь изображены царь медведей Джамбаван и Хануман. «Raja Mahal» был основан в 1531 году, махараджей Рудра Прапапом (годы жизни 1531–1554 н.э.)

В конечном итоге, он разрешил им воспламенить свой хвост и вызвал масштабный пожар на острове, уничтожив огнем все строения, за исключением жилища Кумбхакарны⁸, где он спал (так как супруга Кумбхакарны умоляла о милосердии), и обители Вибхишаны⁹ (в знак уважения к Вишну). После прощания с Ситой, Хануман получил от неё гребень, с которым вернулся к Раме, настаивая на немедленном освобождении Ситы в течение месяца. Ещё одним выдающимся поступком Ханумана, описываемом в «Рамаяне». Когда поиски Ситы увенчались успехом, войско Рамы двинулось по направлению к острову Ланки, на юг. Могучий Хануман несёт Раму, как божественный слон Айравата, в этом походе против Раваны. Хануман помогал советом Рама, а обезьяны построили мост через океан, над обителью дельфинов, отделявший их от острова Ланки, где находилась прекрасная Сита. В войске Рамы были не только обезьяны, но и другие представители животного мира, например, медведи. Предводитель медведей – царь Джамбаван. Хануман возглавил войско, направлявшееся воевать против Раваны. В итоге сражения с Раванами, Ланка была побеждена, а Сита – освобождена из плена. Хануман сражался очень доблестно: он крушил вражеские колесницы с находящимися в них ракшасами, рассекал воздушное пространство во время сражения, по заданию Рамы, и дрался с врагом на земле.

6 – ашоковый лес. Дерево ашока – это священное дерево с яркими огненными цветами. Дерево считается символом любви и связано с именем индуистского бога Камадева.

7 – стрела Брахмы, Брахмастра. Считается, что в индуисткой мифологии Брахмастра – самый мощный и смертельный из всех видов оружия. Его невозможно отразить или защититься от его разрушительной силы.

8 – Кумбхакарна – ракшаса – великан, один из героев «Рамаяны».

9 – Вибхишана – персонаж индуистской мифологии, младший брат Раваны, почитатель Вишну на Ланке

Победил грозного Акампана¹⁰ в неравном бою, убив его. Швырял во врага горные вершины, скалы, деревья, вырванные с корнем. В бою Хануман был ранен Кумбхакарной, что испугало многих воинов обезьян, которые, увидев Ханумана в крови, убежали в спешке от раненого героя.

Ещё одним героическим событием, в котором прославился Хануман, рассказанном в «Рамаяне», стало доставление целебных трав для раненого в бою Лакшманы¹¹, брата Рамы. Джамбаван попросил Ханумана явить своё могущество вновь и отправиться на Север, в Гималаи, где меж гор Кайлаша и Ришабха, есть гора Маходая, на которой произрастают целительные растения. Хануману надо отыскать на самой верхней точке этой горы 4 целебных растения, которые называются: трава мритасандживани, трава вашальякарани, трава суварнакарани и трава сандхани. Хануман полетел на север, отыскал эту гору, но травы при его появлении поникли и сделались невидимыми глазу Ханумана. И, тщетно поискив их, Хануман возгорелся гневом, но поразмыслив, он понял, что гора устойчива, и сдвинуть её с места будет не просто. Хануман обеими руками обнял гору и, раскачав, выдернул её из земли.

Вместе со всею горою в руках пустился он в обратный путь и, с той же быстротой пролетев над землёю и морем, предстал перед изумлёнными соратниками и воинами.

Мудрый Джамбаван излечил Лакшману, дав понюхать целебных трав. После победы над Раваной, Рама обратился к Хануману для того, чтобы он доставил Ситу,

дочь царя Митхилы, из столицы ракшасов к нему. И Хануман доставил Ситу в паланкине в лагерь Рамы.

Завершив свое правление на земле после окончания войны, Рама принял решение оставить мирское существование и вознестись на небеса. Многие из его приближенных предпочли разделить его судьбу, включая некоторых ванаров¹², среди которых был и Сугрива.

Однако Хануман отказался покидать землю и попросил позволения остаться, пока люди будут помнить имя Рамы. «Пусть жизнь не покинет твое тело, пока воспоминания о наших сражениях и нашей дружбе живы», – произнес Рама.

Сита поддержала это решение и приказала разместить изображения Ханумана в многочисленных местах, чтобы он мог слышать хвалу, возносимую Рама. Таким образом, Хануман занял место среди семи бессмертных индуизма.

Хануман – воплощение мужества и отваги, его неоценимый вклад в победу Рамы

Миф – это чудесный канал, функция мифа – увлечь человеческий дух вперёд. Традиционный миф о приключениях обычно состоит из этапов перехода: уединение – инициация – возвращение к обычной жизни, это центральный блок мифа, что описано в исследовательской литературе известного американского исследователя мифологии Джозефа Кэмпбелла. Обращение к его работам помогло сформулировать ключевую роль исследуемого персонажа – Ханумана в победе добра над злом в замечательном эпосе.

Рассмотрим ключевую роль Ханумана в этих трёх звеньях обозначенной цепи.

Уединение

В «Рамаяне» уединение символизирует изгнание Рамы, где он и Лакшман уходят в лес, теряя супругу, трон. Это период испытания и одиночества. На этом этапе происходит знакомство с Хануманом, министром Сугривы. Сугрива также живёт в изгнании, вдали от своего царства, потеряв трон. Рама обретает помощников, когда чувствует себя одиноким и бессильным. Сила убеждения Ханумана и его соратников в своих сверхъестественных способностях, в своей силе и в своём уме, помогают Рама обрести уверенность и оптимизм в успехе своего мероприятия. Хануман – символ неконформизма на этом этапе, который проявил независимость в мышлении, и отстоял точку зрения, что именно он может совершить путешествие – прыжок на Ланку.

10 – Акампана – дядя Раваны по материнской линии. Он подготовил Равану похитить Ситу, тем самым косвенно став одним из вдохновителей войны.

11 – Лакшмана – сын Сумитры (третья жена царя Дашаратхи) и Дашаратхи. (правитель царства Айодхья). Лакшмана не мог жить без Рамы, и поэтому первый согласился с ним уйти в изгнание.

12 – ванары – раса обезьян в индийской мифологии, описанная в эпосе «Рамаяна». Слово «ванара» происходит от санскритских слов «лес» и «человек», т.о. ванара можно перевести, как «лесной человек», «житель леса».

Инициация

В этом звене описанной цепи Рама трансформируется из принца в истинного героя, обретая мудрость, демонстрируя свои лучшие качества, проходя через более жестокие испытания. И здесь Хануман выступает, как ключевая фигура. Хануман совершает героический прыжок на остров Ланка, что явилось главным тактическим манёвром. От успеха мероприятия Ханумана зависе-

ло очень и очень многое. Этот подвиг – неотъемлемая часть стратегического плана, ключевой и судьбоносный момент, который задаёт тон всему последующему развитию событий. Рама в этот период изложения мифа остаётся тактически пассивен. Хануман – это не просто помощник, а сила, интегрирующая героя к успеху, в рост его доблести и героического бытия.

Поджог на острове Ланка после встречи с Ситой, и передачи ей кольца Рамы, также не второстепенное событие, а мост – между испытаниями и апофеозом. Этот манёвр – подрыв сил врага, ослабление его морального духа, и всего того, чего лишается враг, при нападении героя. А для Рамы путешествие Ханумана на остров Ланку символизирует его переход от изгнанника к спасителю.

В последующих событиях эпоса с точки зрения в этом звене (инициации) цепи Кэмпбэлла Хануман опять – так сыграл роль спасителя: без Ханумана Рама потерял бы брата Лакшмана. Хануман приносит спасительную гору, воплотив идею, что истинное спасение приходит через действие, преданность и сверхчеловеческие усилия. Без спасения Лакшмана победа Рамы над злом была бы не полной.

Возвращение

В звене возвращение Хануман – символ преданного служения, поддержание мира и порядка после долгих и трудных испытаний. Оставаясь ванагой, Хануман получает бессмертие от Рамы, и становится бессмертным, равным богам. На данном этапе Хануман символизирует «эликсир/силу в действии», силу бхакти, доступную через преданное служение.

Почитание Ханумана

Хануман символизирует отвагу и верность, он оказал неоценимую поддержку Раме в его противостоянии злу, Хануман поддерживает своих верующих/преданных в науках, его чтят, как защитника жители деревень (рис. 4).

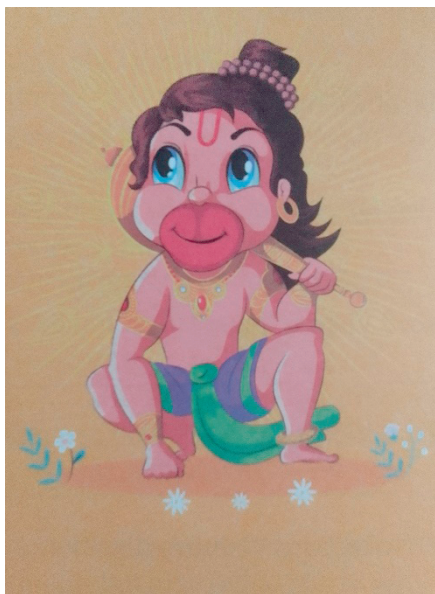

Рис. 4. Хануман

Например, последователи Ханумана, произнося эту шлоку молятся о даровании интеллекта и мужества:

Я молюсь Господу Хануману, который дарует нам силу, бесстрашие, отвагу, знания и всегда защищает нас.
 बुद्धिर्बभूव यशोधैर्य नरिमयत्वमशेगता।
 अजादयं वाक्पटुः त्वंच हनुमत स्मरणाद्भवेत्॥ (санскрит)

Buddhirbalam Yashodhairya Nirbhayatvamarogataa।
 Ajaadhyam Vaakpatutvamca Hanumat Smaranaadbhavet।।

Другим именем Ханумана является Марути, сын Марута – бога ветра Ваю.

Индийский поэт и философ Тулсидас¹³ написал поэму-восхваление Ханумана «Хануман-чалиса», произведение написано на языке авадхи (диалект хинди). Поэма пользуется огромной популярностью как среди последователей Вишну, так и вообще среди бхакти индуизма – многие читают её как ежедневную молитву по несколько раз в течение дня.

13 – Тулсидас – автор стихов и индийский мыслитель, годы жизни 1532–1624.

Заключение

Подвиги, описанные в эпосе «Рамаяна» являются источником вдохновения для последователей (бхакти) индуизма. Хануман занимает важное место в сердцах последователей индуизма, в его честь построены многие храмы, ему поклоняются для защиты от негативных влияний, в трудный час, когда необходимо проявить силу, мужество, терпение и стойкость. В индуистской традиции молитвы Хануману используют для умиротворения планеты Марс, известной, как «Красная планета», ассоциируемая с огнём, войной и импульсивной энергией. Планета Ханумана – Марс, поскольку их качества взаимно усиливают друг друга.

На основании вышеизложенного в статье, можно заключить, что образ Ханумана, его фигура – это не просто мифический персонаж индийского эпоса. Хануман – это олицетворение силы, героизма, мужественности, преданности, мудрости и сострадания, Хануман – это великий воин, вдохновляющий на героические подвиги не одно поколение воинов, защитников своего Отечества.

Хануман, верный служитель и сверхъестественный воин-обезьяна, сыграл центральную роль в победе Рамы над Раваной и его силами зла. В прыжке через океан, поджог Ланки, участие в сражении и в спасении Лакшмана он воплотил непоколебимую преданность, разрушив врагов и установив гармонию.

Завершая статью, хочется отметить, что «Рамаяна» красивейшее произведение, которое воспекает не только героизм, преданность, смирение, волю к победе, ум, храбрость и смелость, но и подвиг любви, порядочности и чести; которое дошло до современников сквозь тысячелетия, благодаря детям Рамы – Лаву и Кушу, чья чистота и мудрость сохранили эти священные тексты и ценности для потомков.

Литература

1. Э.Г. Темкин, В.Г. Эрман. Мифы древней Индии. Издание 3 – е, издательство «Наука», Москва 1985 год. 335 страниц.
2. ru.wikipedia.org
3. Редакционная коллегия Э.Н. Тёмкин (председатель). Древняя Индия. Три великих сказания. Издание второе, дополненное. Том первый. Сказание о Раме, издательство «Центр. Петербургское востоковедение», Санкт-Петербург, 1995 год. 336 страниц.
4. Фото (фрагмент фото) из личного архива автора статьи.
5. Джозеф Кэмпбэлл. Тысячеликий герой. Издание «Питер», 2008 год. 308 страниц.

6. Shlokas and Mantras. Activity Books for kinds. Wonder house books. 2024, 64

HANUMAN IS A CHARACTER IN THE INDIAN EPIC “RAMAYANA”.

Pushkareva Yu.G.

University named after Patrice Lumumba

This article focuses on the hero of epics and myths, one of the deities of Hinduism, Hanuman, one of the most revered deities in the Hindu pantheon. The article studies the image of Hanuman in terms of his feats, his relationship to the main characters of the epic “Ramayana”, and his role at each stage of the research method of the American mythologist Joseph Campbell: solitude, initiation, and return.

Keywords: Hanuman, Indian epic, mythology, Hinduism, Ramayana, feat, hero, victory, good, evil.

References

1. E.G. Temkin, V.G. Erman. Myths of Ancient India. 3rd edition, Nauka Publishing House, Moscow, 1985. 335 pages.
2. ru.wikipedia.org
3. Editorial Board: E.N. Temkin (Chairman). Ancient India. Three Great Tales. Second edition, supplemented. Volume I. The Tale of Rama, Center. Petersburg Oriental Studies Publishing House, St. Petersburg, 1995. 336 pages.
4. Photo (photo fragment) from the author's personal archive.
5. Joseph Campbell. The Hero with a Thousand Faces. Piter Publishing House, 2008. 308 pages.
6. Shlokas and Mantras. Activity Books for Kinds. Wonder House Books. 2024, 64

Лихтин Анатолий Алексеевич,

к.э.н. доцент, декан, Северо-Западный институт управления
РАНХиГС

E-mail: likhtin-aa@ranepa.ru

Статья посвящена теме становления системы местного самоуправления в Российской Федерации. Особое внимание уделяется процессам становления этой системы. Подробно рассмотрены условия для формирования современной системы местного самоуправления в Российской Федерации. Рассмотрены периоды становления системы местного самоуправления, начинающиеся с 1990 года и, фактически завершённые с выходом федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в 2025 году.

Ключевые слова: система местного самоуправления, муниципалитет, муниципальные органы, качество жизни населения муниципалитета, эффективность функционирования местных органов власти, муниципальная собственность, местный бюджет, перспективы развития системы местного самоуправления.

Система местного самоуправления – это институт нашего демократического государства, реализующий принцип народовластия на местах. Эффективность муниципальных органов власти определяет качество управления территориями, создание благоприятных условий для жизни населения, обеспечение общественного порядка и развитие инфраструктуры. Перед местным самоуправлением встают задачи по созданию оптимальной системы и механизмов управления, повышения уровня взаимодействия с населением.

Совершенствование системы местного самоуправления, внедрения новых информационных и интеллектуальных технологий управления, приведет к повышению качества жизни населения муниципалитетов, созданию комфортной окружающей среды. Важное значение в данном процессе приобретают задачи децентрализации полномочий, обеспечения финансовой автономии муниципальных образований и расширения их компетенций.

Анализ существующих проблем и перспектив развития системы местного самоуправления в Российской Федерации свидетельствует о необходимости поиска новых организационных моделей, способных повысить эффективность функционирования местных органов власти. Изменение социально-экономических условий, цифровизация и необходимость более гибкого и полного реагирования на запросы населения требуют совершенствования управленческих процессов.

Система местного самоуправления в современной России формировалась в несколько периодов

Условия для формирования современной системы местного самоуправления в Российской Федерации были заложены в законе СССР от 9 апреля 1990 года «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», и законе РСФСР от 6 июля 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР». Законом от 6 июля были подготовлены условия для преобразования местных советов того времени в органы местного самоуправления. Закон определял, что органами местного самоуправления являются представительные и исполнительные органы, сформированные в районах, городах, поселках, сельских советах. Закон Российской Федерации от 21.04.1992 № 2708-I

«Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» вывел местное самоуправление из структуры органов государственной власти. Итак, система местного самоуправления в современной России формировалась в несколько периодов.

Период 1. 1993–1995 год

Подготовлены основания для изменения принципов и структуры системы местного самоуправления. В статье 3 Конституции, принятой в 1993 году сказано, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Таким образом, вопрос реализации на-

родной власти теперь решался непосредственно, через органы государственной власти и через органы местного самоуправления.

Кроме того, большое количество норм местного самоуправления были включены и во многие другие разделы Конституции Российской Федерации 1993 года. Соответственно, после принятия Конституции, был запущен процесс принятия норм о местном самоуправлении в регионах, краях и областях. Эти изменения нашли отражения в Конституциях Республик и Уставах краев, областей, городов.

В принятом федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.) были по-новому определены роль местного самоуправления, правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления и государственные гарантии его осуществления. В законе разделены полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов в области местного самоуправления.

Впервые подробно расписаны предметы ведения местного самоуправления и закреплены права на владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, местные финансы, формирование местного бюджета, установление местных налогов и сборов, решение других финансовых вопросов местного значения. Таким образом система местного самоуправления и ее структура приобретают конкретные очертания и необходимые основы для реализации управленческих процессов.

Период 2. 1995–2003 год

В этот период принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.). В нем говорится о том, что местное самоуправление одна из основ конституционного строя Российской Федерации.

В законе определен порядок осуществления местного самоуправления, через участия в местных референдумах, муниципальных выборах, посредством иных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и иные органы местного самоуправления.

Субъектам Российской Федерации предоставили большие полномочия по правовому регулированию местного самоуправления, произошла серьезная децентрализация власти.

Обратите внимание!

Также необходимо отметить, что с 1 сентября 1998 года на территории Российской Федерации начали действовать нормы Европейской хартии местного самоуправления, основные положения которой законодатели пытались учитывать при формировании системы местного самоуправления в России. Основные постулаты Европейской хартии исходят из того, что право граждан участвовать в управлении государственными делами непосредственным образом может быть реализовано на местном уровне, а органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя, которые близки к населению и более детально знают текущие проблемы муниципалитета. С марта 2022 года в отношении Российской Федерации хартия прекратила свое действие.

Период 3. 2003–2014 год

В этот период продолжается реформа системы. Принятый в 2003 году федеральный закон с таким же названием, как

и прежде, в 1995 году, «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», направлен на существенную децентрализацию власти, сокращение объема полномочий субъектов по правовому регулированию местного самоуправления, унификации местного самоуправления. Такой либеральный подход к реформированию системы привел к тому, что в разных субъектах начали формироваться разные модели местного самоуправления. В принятых, со временем, законы о местном самоуправлении в субъектах РФ, отражали всю палитру красок, с учетом национальных, географических и других местных особенностей. Закон также установил расширенное число форм непосредственной демократии в сфере местного самоуправления.

Обратите внимание!

Необходимо отметить, что и в Санкт-Петербурге в этот период, 23.09.2009 г. принят закон № 420–79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге». Территория Санкт-Петербурга с 31 декабря 1996 г. делится на 111 внутригородских муниципальных образований (внутригородских территорий города федерального значения), среди которых выделяются: 81 муниципальный округ, 9 городов (Зеленогорск, Колпино, Красное Село, Кронштадт, Ломоносов, Павловск, Петергоф, Пушкин, Сестрорецк), 21 посёлок.

Период 4. 2014–2025 год

Федеральным законом № 136 от 27 мая 2014 года «О внесении изменений в статью 26–3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» внесены существенные изменения правовых, территориальных, организационных основ местного самоуправления, а также скорректировались компетенции муниципалитетов. Законом существенно изменен перечень вопросов местного значения сельского поселения. Установлено, что в компетенцию органов местного самоуправления сельских поселений в настоящее время входит 13 вопросов местного значения, вместо 39 предусмотренных ранее. Остальными вопросами занимаются муниципальные районы. Законами регионов за сельскими поселениями могут закрепляться также другие вопросы местного значения, определенные ч. 1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Также законом предоставлено право региональным законодателям перераспределять полномочия между органами местного самоуправления и органами субъектов Федерации. Такое перераспределение допускается на период не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа региона.

Закон наделил органы местного самоуправления правом муниципального контроля за соблюдением требований, установленных муниципальными правовыми актами, принятыми по вопросам местного значения, а также муниципального контроля за соблюдением требований установленных законами субъектов РФ. Суть реформы системы местного самоуправления в 2014 года заключалась в том, что субъектам РФ предоставили возможность определять не только территориальные модели местного самоуправления в своих регионах, но и институциональные модели местной власти, а также менять некоторые, порой вполне значимые, форматы ее компетенции. Правовой основой для таких реформ

стал Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», который заложил правовую базу для новой двухуровневой системы местного самоуправления, в которой городские и сельские поселения составляют первый уровень, а городские округа и муниципальные районы – второй.

Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 года в ст. 3 раздела № 1 однозначно определил, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В ст. 8 признается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. А также, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В этих и в других статьях основного закона России системе местного самоуправления уделено много внимания.

20 марта 2025 года принят Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Законом определяются правовая и экономическая, а также территориальные, организационные, функциональные основы местного самоуправления, устанавливаются принципы правового регулирования местного самоуправления, полномочия органов государственной власти в области местного самоуправления и особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях. Впервые так детально прописаны все вопросы, касающиеся системы местного самоуправления.

В законе подробно обозначены территориальные основы организации местного самоуправления. Прописаны виды муниципальных образований. Местное самоуправление реализуется в трех видах муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ, внутригородское муниципальное образование города федерального значения. Одно из основных нововведений Закона № 33-ФЗ – развитие одноуровневой системы организации местного самоуправления с возможностью сохранения двухуровневой систем. Закон № 33-ФЗ отражает тенденцию к централизации управления, к укрупнению муниципальных образований, к «собираанию земель». В Законе № 33-ФЗ, в отличие от Закона № 131-ФЗ, не закрепляются отдельно перечни вопросов местного значения и полномочия по их решению для различных видов муниципальных образований.

Все 94 статьи Закона на 316 страницах подробно и четко формируют представление об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти в Российской Федерации. Закон вступает в силу после 90 дней после его опубликования, кроме статей 32, 37, 39 и части 23 статьи 89, эти статьи закона вступают в силу с 1 января 2027 года.

Литература

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. //Рос. Газета, 2020. 1 июля.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон

от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Сбр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федер. закон от 03.02.2015 № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 6. Ст. 886.
4. О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.
5. «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге». Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 г. //КонсультантПлюс.
6. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
7. Лихтин, А.А. Публичное управление как объект научного исследования и направление подготовки кадров / А.А. Лихтин // Управленческое консультирование. – 2021. – № 3. – С. 16
8. Лихтин, А.А. Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАНХиГС / А.А. Лихтин // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9. – С. 165
9. Лихтин, А.А. Проблемное поле современного публичного управления: контент-анализ научных публикаций / А.А. Лихтин // Управленческое консультирование. – 2021. – № 5. – С. 79

THE DEVELOPMENT OF THE LOCAL SELF-GOVERNMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Likhtin A.A.

North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the development of the local self-government system in the Russian Federation. Particular attention is paid to the processes of its formation. The conditions for the formation of a modern local self-government system in the Russian Federation are examined in detail. The periods of local self-government development are examined, beginning in 1990 and effectively completed with the adoption of Federal Law No. 33-FZ "On General Principles of Local Self-Government Organization in a Unified System of Public Authority" in 2025.

Keywords: local self-government system, municipality, municipal authorities, quality of life of municipal residents, local government effectiveness, municipal property, local budget, local self-government development prospects.

References

1. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. //Ros. Gazette, 2020. July 1.
2. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Article 3822.
3. On Amendments to Articles 32 and 33 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation" and the Federal Law "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation": Federal Law of February 3, 2015 No. 8-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 6. Art. 886.

4. On Local Self-Government in the RSFSR: Law of the RSFSR of July 6, 1991 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. No. 29. Art. 1010.
5. "On the Organization of Local Self-Government in St. Petersburg." Law of St. Petersburg of September 23, 2009 // ConsultantPlus.
6. European Charter of Local Self-Government (done in Strasbourg on October 15, 1985) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 36. From. 4466.
7. Likhtin, A.A. Public Administration as an Object of Scientific Research and a Direction of Personnel Training / A.A. Likhtin // Management Consulting. – 2021. – No. 3. – P. 16
8. Likhtin, A.A. Key aspects of the implementation of the Digital Municipality project at the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration / A.A. Likhtin // Management Consulting. – 2022. – No. 9. – P. 165
9. Likhtin, A.A. Problem field of modern public administration: content analysis of scientific publications / A.A. Likhtin // Management Consulting. – 2021. – No. 5. – P. 79

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецовца
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Леона Александр Владимирович,

доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией военной истории и военной педагогики Сибирского федерального университета
E-mail: alleora@mail.ru

Мусат Раиса Павловна,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Красноярского федерального университета
E-mail: ltcci@sfu-kras.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье проводится социально-философский анализ эволюции медиа в активно разворачивающуюся эпоху дигитализации. Определяется место объекта исследования, который является не просто каналом передачи информации, но и фундаментальным инструментом формирования общественного сознания. Отмечается, что цифровые медиа реализуют идею демократизации доступа к информации. Показывается, что цифровая эпоха поставила под сомнение саму идею объективной истины и многократно указывала на кризис авторитетов, что позволяет считать личные убеждения и эмоции более сильными аргументами, нежели фактологически проверенная информация. Закономерными следствиями отсюда становятся плюрализм, используемый как для распада рациональности, так и для конструирования идентичности. Определено, что медиа в эпоху цифровизации стали пространством, где сталкиваются проекты будущего, а также были созданы новые инструменты и формы контроля, манипуляции и атомизации. В заключение авторами сформулированы положения, которые дополняют имеющийся теоретический вклад в социально-философские исследования медиа, а также целый ряд междисциплинарных областей знания, посвященных информации и коммуникации.

Ключевые слова: медиа, цифровизация, культура, контент, ценности, информация, коммуникация.

На современном этапе своего развития человечество вступило в эпоху цифровизации, так называемой «цифровой революции», которая пришла на смену информатизации и компьютеризации. Новый этап цивилизационного развития характеризуется цифровизацией представления информации, изменением всех аспектов жизнедеятельности общества, активным вмешательством современных ИКТ во все аспекты жизнедеятельности личности, а также высоким уровнем вовлеченности личности в процессы взаимодействия с современными информационными технологиями. Следствием усиления роли, значения ИКТ стало появление так называемых новых медиа, «мы-медиа» как качественно новой в историческом плане формы коммуникации, предполагающей, что создание контента ресурсов осуществляется не профессиональными журналистами, но самими пользователями, или «наивным автором».

Роль и значение мы-медиа, их преимущества и недостатки, особенности влияния на формирование особенностей мышления, поведение личности и социальных групп неоднократно подвергались исследованию в отечественной и зарубежной литературе, и, как отмечают А.Г. Асмолов, Г.А. Асмолов, «их многократно и воспевали, и отпевали, так что снова заводить дискуссию на эту тему – уже дурной тон» [1, с. 4–5], однако, несмотря на различия в восприятии, противоречивости оценок медиа, очевидно, что сегодня они активно развиваются, давно превратились в неотъемлемый компонент повседневной жизни, прочно вошли в жизнь населения большинства мировых стран.

На сегодняшний день медиа являются влиятельным инструментом моделирования общественного сознания, формирования фреймов, интерпретационных схем, при помощи которых личность воспринимает и объясняет для себя события и процессы окружающего мира. Формирование высокого функционального потенциала СМИ осуществлялось в процессе исторического процесса, чтобы превратиться во влиятельный инструмент воздействия на общественное мнение медиа прошли, по оценкам отдельных ученых, как минимум, четыре основных этапа [9, р. 2891], причем, каждый этап был связан с определенными историческими обстоятельствами, повлиявшими на идеологическое развитие медиаэсфферов:

1. Первый этап: Первая мировая война – конец 1930-х гг. Характеризовался восприятием СМИ как основного инструмента воздействия на общественное мнение, средствам массовой информации приписывалось почти безграничное всемогущество в их возможностях делиться убеждениями, изменять жизненные привычки и формировать поведение аудитории в соответствии с волей владельцев СМИ [10, р. 458]. СМИ рассматривались как инструмент манипулирования, а аудитория как «по своей природе подверженная манипулированию» [9, р. 2892], не способная сопротивляться «привлекательности» медиаконтента. Модель взаимодействия СМИ и аудитории можно представить следующим образом (см. рис. 1).

2. Второй этап исторического развития СМИ длился примерно с конца 1930-х до конца 1960-х гг. На данном этапе восприятие высокой значимости, влиятельности медиа снижается, аудитория начинает рассматривать-

ся не как коллектив, общность разрозненных индивидуумов, получающих всемогущие послы, стимулы от «власть имущих» посредством СМИ, но как общество индивидуумов, обладающих социальным знанием и социальной активностью. Модель взаимодействия между медиа и аудиторией на данном этапе может быть представлена следующим образом: СМИ оказывает влияние на мнение лидеров отдельных социальных групп → лидеры мнений инициируют двухэтапный процесс коммуникации посредством впитывания идей, мнений, аргументов, представленных в медиа → представленные в медиа идеи, концепции, аргументы преломляются в сознании наиболее активных граждан, лидеров и доносятся до менее социально активных индивидуумов [9, р. 2892]. Т. е. процесс влияния медиа на оценивание и интерпретацию событий социокультурной реальности носит нелинейный, избирательный характер, поскольку воспринимаются, заимствуются, запоминаются лишь те концепции и идеи, которые отвечают личностным интересам, потребностям, согласуются с системой ценностей, аксиологием, установок и убеждений социальных лидеров, способных, в свою очередь, донести их до более широкой общественности. На данном этапе господствует положение о том, что «медийные эффекты неоднородны; один и тот же медиаконтент может воздействовать на разных людей совершенно по-разному» [11, р. 2898].

Рис. 1. Модель взаимодействия СМИ и аудитории (Первая мировая война – конец 1930-х гг.)

Рис. 2. Модель взаимодействия СМИ и аудитории (с конца 1930-х до конца 1960-х гг.)

В рамках данного исследования крайне важно подчеркнуть, что уже на данном этапе формируется понимание того, что медиа воздействуют на сознание личности, т.е. не просто мотивируют к совершению тех или иных действий, к реализации определенных поведенческих паттернов, не ограничиваются лозунгами, призывами, но влияют именно на понимание событий и процессов социокультурной среды. Причем, главным в процессе формирования определенного видения мира при помощи медиа является реципиент, от особенностей мировосприятия которого зависит избирательность запоминания и последующей трансляции идей, взглядов, ценностей, иными словами, «каждый из нас создает ментальную модель действительности, у нас в голове существует как бы склад образов» [6, с. 263].

На данном этапе становления медиа телевизионные станции начинают ориентироваться на массового потребителя продукта, который «являлся необходимым условием для привлечения спонсоров и рекламодателей к каналам коммуникации, выступая как предполагаемый потенциальный покупатель рекламируемых товаров и услуг» [4, с. 83]. Т. е. уже на данном этапе в западноевропейских медиа формируется тенденция к трансляции клиповой информации, которая сегодня стала привычной.

Развитие клиповой культуры на данном этапе во многом было обусловлено развитием информационных технологий: «Визуальный коллаж, созданный в особой ма-

нере, с непривычно быстрой сменой кадров, где соединялись отдельные фрагменты изображения вместо целого, где главным было не понять, а ощутить эмоционально предложенную с экрана информацию, стал нормой для создания рекламных роликов. Это повлекло за собой появление фрагментарного, клипового стиля монтажа. Кроме того, обрезая лишнее и оставляя так называемое главное, создатели рекламы сокращали общую длительность конкретного экранного произведения, экономия средства рекламодателей, идущие на оплату эфирного времени. Постепенно клиповая подача материала, а проще говоря – нарезка кадров, стала непременным атрибутом рекламных роликов» [5, с. 48].

3. Третий этап длился с 1960-х до конца 1970-х годов. На данном этапе осуществляется повторное «открытие» сильных сторон, эффектов медиа, осуществляется возврат к концепции влиятельных СМИ, осуществляется формирование медийного пространства, СМИ прочно входят в жизнедеятельность общества. Медиа данного этапа отличаются высокой ориентацией на реципиента, основное внимание смещалось не столько на прямые манипуляции общественным сознанием, но именно на формирование особенностей понимания и восприятия мира аудиторией, трансформации сознания населения: «под воздействием СМИ, происходящим в русле современной глобализации, происходит ускорение процесса трансформации массового сознания» [2, с. 16].

Модель взаимодействия СМИ и аудитории на данном этапе представлена на Рис. 3.

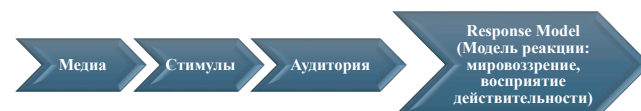

Рис. 3. Модель взаимодействия СМИ и аудитории (1960-е – конец 1970-х гг.)

Вновь хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на определенное снижение влияния цензуры в СССР, функционирование СМИ в бывшем СССР ограничивалось со стороны государства, открытая конкурентность за аудиторию отсутствовала.

4. Четвертая фаза исторического развития продолжается до настоящего времени и характеризуется «транзакционными», «договорными» эффектами [10, р. 461]. На современном этапе развития средства массовой информации не только конструируют реальность, но и формируют значения и смыслы объектов и процессов этой действительности [2, с. 17]. Сегодня медиа «разрушают и вновь создают социальные структуры, удерживая массы в пространстве иллюзий. Существование без смысла, без иллюзий означает конец социального. ... В основе любого общества лежат грезы, иллюзии, которые склеивают людей в одно целое. Иллюзии определили судьбу социального» [3]. Иными словами, сегодня медиа принимают участие в конструировании самого социального, определяют его судьбы, смыслы и значения.

Более того, именно аудитория, реципиенты принимают активное участие в создании контента, коммуникации, появляются так называемые «мы-медиа». Модель взаимодействия СМИ и аудитории может быть представлена следующим образом (Рис. 4).

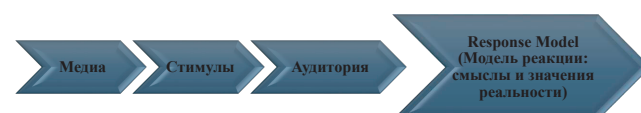

Рис. 4. Модель взаимодействия СМИ и аудитории в наши дни

Соответственно, медиа прошли длительный путь своего исторического развития: в начале прошлого столетия они воспринимались как наиболее эффективное средство манипуляции поведением людей, при этом аудитория воспринималась как пассивный объект воздействия. Впоследствии концепция несколько трансформировалась: медиа стали рассматриваться как средство избирательного воздействия не на всех, но лишь на наиболее социально активных индивидуумов, граждан. Постепенно стало формироваться представление о субъектном, активном характере аудитории. На современном этапе под влиянием усиления процессов дигитализации осуществляется формирование так называемых мы-медиа, выступающих средством коммуникации, проявления лингвокреативного творчества не только профессиональных писателей, литераторов, журналистов, филологов, но «наивного автора».

Отдельно хотелось бы отметить динамику трансформаций целей медиа: 1) манипуляции общественным поведением 2) воздействие на сознание общественных лидеров 3) формирование мировоззрения, особенностей понимания, интерпретации, объяснения социокультурной реальности 4) формирование смыслов и значений событий и процессов реальности. Соответственно, можно сделать вывод, что на протяжении исторического развития, становления медиа они становились более ориентированными на реципиента, более интерактивными, нацеленными на формирование смыслов и ценностей социокультурной реальности, ценности собственного бытия.

Развитие СМИ в России несколько отличалось от общемирового процесса: а протяжении длительного времени деятельность медиа регулировалась государством, действовала жесткая цензура, открытая конкурентная борьба за умы аудитории отсутствовала. Т. е., по сути, российские медиа из первого этапа начала прошлого столетия практически сразу вступили в современный этап становления медиа. Более того, к кардинальным переменам конца прошлого столетия были неподготовлены ни сами СМИ, ни российское общество.

Прежде всего, следует отметить, что несмотря на то, что термин в научный обиход был введен еще в 2003 г. [7], в российской научной литературе он практически не используется. Можно сделать вывод, что в отечественной научной литературе термин не получил широкого распространения, как правило, детальному изучению подвергаются отдельные формы мы-медиа (блоги, дневники и пр.), но не сами медиа как целостный феномен. В зарубежной литературе мы-медиа понимаются как публичная цифровая технология, связанная с глобальной системой знаний, которая позволяет понять, каким образом осуществлять репрезентацию собственных новостей [8, р. 17]. Иными словами, мы-медиа представляет собой «самодельную» журналистику, создаваемую пользователями при помощи использования современных ИКТ.

Зарождение медиа было связано с событиями 11 сентября 2011 года, когда крупнейшие новостные сайты вышли из строя по причине увеличения численности посетителей. В сложившейся ситуации люди обратились к электронной почте, веб-журналам, форумам, что дало толчок к развитию мы-медиа как средства коллективного переживания людьми «смятения, гнева и потери в результате трагедии» [7, р. 7–8]. Иначе говоря, с момента своего зарождения и по сегодняшний день главными, сущностными характеристиками медиа выступают диалогичность, ориентация на “you”, создание “we”, нацеленность на установление коммуникации, которая рассматривается как главная ценность (Connections = Value

[7, р. 58]), простота размещения информации (в форме текста, видео, фото, звука и т.д.), высокий уровень интерактивности и скорости размещения информации, протекания коммуникации. То есть «сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами» [6, с. 277].

На сегодняшний день медиа имеют мощное влияние на мировоззрение общества. СМИ – неотъемлемая часть нашей повседневной жизни, актуальный объект исследования в рамках многих научных направлений: психологии, социологии, лингвистики и др. СМИ – мощный источник социального, идеологического и культурного влияния; телевидение, радио, газеты и Интернет – это больше, чем просто интерпретация действительности, фактически они – модель этой действительности.

По своей сути СМИ – это окно в мир, источник информации, из которой люди узнают о себе и других, о лидерах, институтах, своем образе жизни, других людях и других нациях. Как отмечает D. McQuail, во-первых, медиа конструируют социальные формации и саму историю, делая образы реальности шаблонным и предсказуемыми. Во-вторых, аудитория конструирует для себя собственную социальную реальность и свое место в ней во взаимодействии с символическими конструкциями, предлагаемыми медиа [10, р. 461].

Соответственно, можно сделать вывод, что мы-медиа, сформированные под воздействием процессов дигитализации, представляют собой новую в историческом плане форму коммуникации, отличительной характеристикой которой выступает непосредственное участие всех субъектов в создании информационных сообщений. Мы-медиа отличаются интерактивностью, синтезностью, креолизованностью, обладают высокой аттрактивностью, функциональным потенциалом, оказывая влияние на понимание, оценивание событий и процессов, протекающих в социокультурной среде, формирование смыслов и значений этих событий и процессов, воздействуя на мировоззрение и миропонимание личности, особенности ее ориентации в событиях и процессах окружающей действительности.

Литература

1. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы – медиа к Я – медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
2. Владимирова М. Б. Трансформация массового сознания под воздействием средств массовой информации: на примере российского телевидения: Автореф. дисс. канд. филос. наук. Москва, 2010. 27 с.
3. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/girenok-fedor-ivanovich/klipovoe-soznanie> (Дата обращения 12.04.2025)
4. Советкина Э. В. Экранная клип-культура: взгляд в историю // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. № 3 (47). С. 82–86.
5. Советкина Э. В. Эстетика музыкальных видеоклипов. М.: Триада Лтд, 2005. 90 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 800 с.
7. Bowman, S., Willis, C. We Media: How Audiences Are Shaping the Future of News and Information. Reston: The Media Center at the American Press Institute, .2003. pp. 1–65

8. Chang M., Qiu X. Research on We-media Marketing in Web3.0 Environment // *Management & Engineering*. 2017. № 29. p. 15–22.
9. Esser F. History of Media Effects // *The International Encyclopedia of Communication*. London: Blackwell, 2008, pp. 2891–2896.
10. McQuail D. McQuail's mass communication theory. London: Sage, 2005. 616 p.
11. Perse E.M. Media Effects Models: Elaborated Models // *The International Encyclopedia of Communication*. London: Blackwell, 2008, pp. 2896–2900.

EVOLUTION OF MEDIA IN THE DIGITAL AGE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Musat R.P., Rakhinskiy D.V.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov; Siberian Federal University; V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; Krasnoyarsk State Agrarian University

The article provides a socio-philosophical analysis of the evolution of media in the rapidly unfolding era of digitalization. It defines the place of the object of study, which is not just a channel for transmitting information, but also a fundamental tool for shaping public consciousness. It is noted that digital media implement the idea of democratizing access to information. It is shown that the digital era has questioned the very idea of objective truth and has repeatedly pointed to the crisis of authorities, which allows us to consider personal beliefs and emotions as stronger arguments than factually verified information. The logical consequences of this are pluralism, used both for the disintegration of rationality and for the construction of identity. It is determined that media in the era of digitalization have become a space where projects of the future collide, and new tools and forms of control, manipulation and atomization have been created. In conclusion, the authors formulated provisions that complement the existing theoretical contribution to the socio-philosophical

studies of the media, as well as a number of interdisciplinary areas of knowledge devoted to information and communication.

Keywords: media, digitalization, culture, content, values, information, communication.

References

1. Asmolov A. G., Asmolov G.A. From We – media to I – media: identity transformations in the virtual world // *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*. 2010. No. 1. P. 3–21.
2. Vladimirova M.B. Transformation of mass consciousness under the influence of mass media: on the example of Russian television: Abstract of Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Moscow, 2010. 27 p.
3. Girenok F.I. Clip consciousness [Electronic resource]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/girenok-fedor-ivanovich/klipovoe-soznanie> (Accessed 12.04.2025)
4. Sovetkina E.V. Screen clip culture: a look into history // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. – 2012. No. 3 (47). Pp. 82–86.
5. Sovetkina E.V. Aesthetics of music video clips. Moscow: Triada Ltd, 2005. 90 p.
6. Toffler E. Third wave. Moscow: AST, 2009. 800 p.
7. Bowman, S., Willis, C. We Media: How Audiences Are Shaping the Future of News and Information. Reston: The Media Center at the American Press Institute, .2003. pp. 1–65
8. Chang M., Qiu X. Research on We-media Marketing in Web3.0 Environment // *Management & Engineering*. 2017. No. 29. p. 15–22.
9. Esser F. History of Media Effects // *The International Encyclopedia of Communication*. London: Blackwell, 2008, pp. 2891–2896.
10. McQuail D. McQuail's mass communication theory. London: Sage, 2005. 616 p.
11. Perse E.M. Media Effects Models: Elaborated Models // *The International Encyclopedia of Communication*. London: Blackwell, 2008, pp. 2896–2900.

Симонин Павел Владимирович,

к.э.н., доц., доцент кафедры операционного и отраслевого менеджмента Факультета «Высшая школа управления»,
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: pvsimonin@fa.ru, simoninp-v@mail.ru

В статье показано, что онлайн-платформы, должны соблюдать трудовое законодательство, включая правильную классификацию работников и реализовывать право на минимальную заработную плату вне зависимости от формы работы или подработки, а также использовать встроенную цифровую модель подходящего налогообложения физических лиц. Анализ показал, что для большинства российских работников занятость на онлайн-платформах носит эпизодический характер в виду чего, формируются предпосылки неравенства, которые проявляются в различиях в оплате труда особенно по гендерному признаку. Автором доказывается, что требуются меры, направленные на усиление социальных и трудовых прав, особенно через представительные органы и на основе регулирования труда платформенных занятых.

Ключевые слова: онлайн-платформы, занятость, самозанятость, минимальная заработная плата, социальные и трудовые права

Введение

В работах исследователей по оплате труда на онлайн-платформах акцент был сделан на неустойчивом характере оплаты труда [4], на различиях в зависимости от типа работы [6], усиление давления на условия и оплату труда [5]. Однако исследователи до сих пор не рассматривали проблемы оплаты труда с учетом гендерных характеристик, уязвимости с точки зрения правового статуса занятости и типа работы, использования рабочего времени.

Методы и материалы

Результаты данного исследования, представленные в научной статье, основаны на использовании частно-научных и общих методов, включая: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, диалектику, абстрагирование. Информационной базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых, а также интернет-ресурсы (официальные сайты) и зарубежные источники по рассматриваемой тематике работы.

Результаты и обсуждение

Главный мотив в поиске работы на онлайн-платформах – это высокая оплата труда [8], которая не всегда соответствует ожиданиям платформенных занятых, поскольку такая форма занятости больше соответствует модели «подработок» [2]. Однако несмотря на этот факт она может быть привлекательной для образованной молодежи [3].

Оплачиваемая работа, выполняемая через онлайн-платформы по трудоустройству, должна подпадать как минимум под одну из национальных юрисдикций. В большинстве стран в той или иной форме имеются регулируемые трудовые стандарты и положения о минимальной заработной плате. Следовательно, онлайн-платформы по трудоустройству не должны существовать в качестве механизмов для обхода трудового законодательства. Тот факт, что цифровая платформа используется для связи клиента с работником, не означает, что следует игнорировать экономическую и нормативную географию этой работы.

Онлайн-платформы по трудоустройству должны обеспечивать соблюдение соответствующего трудового законодательства, включая классификацию работников. В этом нет ничего необычного, и широко распространено мнение, что традиционные посредники на рынке труда, такие как агентства по трудоустройству несут эту ответственность.

Поэтому онлайн-платформы по трудоустройству несут ответственность за соблюдение не только буквы закона, но и духа этих законов. Это особенно важно в отношении классификации занятости, поскольку минимальная заработная плата часто применяется только к тем, кто классифицируется как «рабочие» или «наемные работники». В духе закона «самозанятые подрядчики» широко понимаются как равноправные стороны по отношению к тем, с кем они заключают контракты, и, следовательно, не требуют минимальной заработной платы. И наоборот, «наемные работники» рассматриваются как наиболее уязвимая сторона в отношениях и нуждаются в особой защите, такой как минимальная заработная плата.

Однако на современном рынке труда многих независимых подрядчиков лучше всего рассматривать как «самозанятых работников», поскольку они находятся в уязвимом положении из-за зависимости от своих клиентов и, следовательно, нуждаются в защите. Поэтому уязвимые категории самозанятых, должны иметь право на минимальную заработную плату, а также на другие меры защиты, предусмотренные соответствующим трудовым законодательством. Важно отметить, что онлайн-платформы по трудоустройству, как правило, основаны на бизнес-модели, которая предполагает создание ряда механизмов, которые активно стремятся создать зависимость работников.

В частности, большинство платформ включают в свои условия предоставления услуг положения об эксклюзивности, которые могут помешать сотрудникам и клиентам вести бизнес за пределами платформ. Контроль над данными и владение ими также привязывают пользователей к платформе, пытаясь помешать им перенести свои профили и репутацию на другую платформу и поэтому они обладают монопольными преимуществами благодаря преимуществам «сетевых эффектов» [13]. В то же время самозанятые (нетрадиционные работники) на платформе должны регистрировать свои доходы [9] как независимые подрядчики [6] и по сути должны платить налог вне зависимости от категории работы: основная, регулярная, эпизодическая (рис. 1).

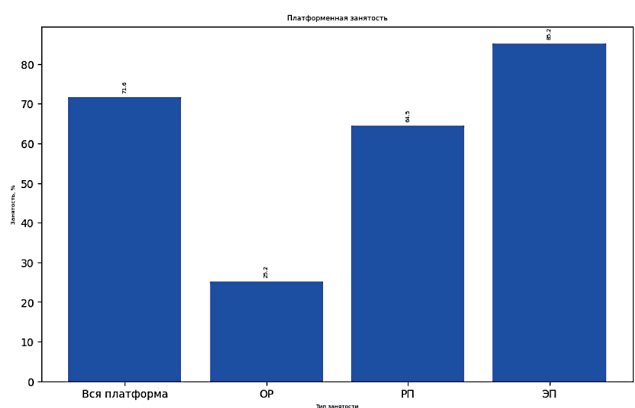

Рис. 1. Динамика численности занятых на цифровых трудовых платформах в РФ в % (до 10 ч. в неделю или 0,25 ставки; ОР – основная работа; РП – регулярная подработка; ЭП – эпизодическая подработка) [7]

Источник: расчеты на основе ИСП НИУ ВШЭ

Функционирование платформенной экономики зависит от пола во многих аспектах. Например, исследования подтверждают заявления платформы о преимуществах женщин на рынке онлайн-труда: благодаря взаимодействию с женщинами-краудворкерами в Великобритании, получающими доступ к оплачиваемой работе через 28 различных краудсорсинговых платформ. Эти платформы позволяют женщинам, возвращающимся на работу, участвовать в оплачиваемой работе, выполнение рабочих задач, которые соответствуют их предыдущему опыту, профессиональной подготовке и основным навыкам после длительного отпуска.

Однако новые формы неблагоприятного положения на рынке онлайн-труда, в основном связаны с неравенством, которое проявляется в различиях в оплате труда мужчин и женщин, отсутствии гибких вариантов работы, ограниченном доступе к возможностям обучения и другим препятствиям для поступления на работу.

Были выявлены различия в оплате труда в различных сегментах задач. Так, анализ ставок и часов, запрошенных 4600 онлайн-работниками на глобальной онлайн-

платформе для работы, показал, что средняя почасовая оплата труда женщин на 37% ниже, чем у мужчин, после учета отзывов, опыта, продолжительности рабочего времени и уровня образования.

Таким образом, предоставление возможностей для оплачиваемой работы основано на данных о репутации работников, которые объединяют отзывы о предыдущих задачах, частоту выполненных, отзывчивость по отношению к клиентам и другие показатели производительности [12].

В исследовательском отчете «Economy Workforce Report: Request for Startup» обнародовано, что 8% водителей и 16% работников сферы доставки не застрахованы; для 30% отсутствует медицинская страховка; 43% жалуются на недостаточный заработок и 49% на то, что не находят требуемого объема работы [10].

«Заработная плата должна включать: прямую заработную плату, вознаграждение за неотработанное время, премии и чаевые, а также жилищные и семейные пособия, выплачиваемые работодателем непосредственно данному работнику» [11]. Поэтому до сих пор минимального уровня социальных гарантий на онлайн-платформах практически нигде не найти из-за отсутствия справедливого социального консенсуса и добровольного страхования самозанятых и платформенных занятых [1] поскольку для большинства работников труд носит эпизодический характер, выраженный в подработке.

Выводы

Онлайн-платформы, функционирующие на рынке труда должны обеспечивать соблюдение трудового законодательства, включая классификацию работников, реализовывать право на минимальную заработную плату (вне зависимости какая работа или подработка: основная, регулярная, эпизодическая), включая систему налогообложения. Очевидно, что все это связано с тем что такие институты, в большей степени основаны на бизнес-модели и ряде механизмов, которые активно стремятся создать зависимость работников и как следствие формируются предпосылки неравенства, которые проявляются в различиях в оплате труда. Поэтому требуются меры, направленные на усиление социальных и трудовых прав, а также реализация механизма социальной защиты на онлайн-платформах.

Литература

1. Бычков Д. Г. и др. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости //Экономическая политика. – 2024. – Т. 19. – № . 4. – С. 60–83.
2. Иванова Т. Б., Миронова С.М. Сравнительный анализ развития традиционных и платформенных отношений занятости //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2024. – № . 4. – С. 135–159.
3. Лукичёва Т. А., Бареева А.Д., Заржицкая А.С. Привлекательность и перспективы платформенной занятости для российских выпускников ВУЗов //Технологические тренды и наукоемкая экономика: бизнес, отрасли, регионы. – 2021. – С. 296–305.
4. Лютов Н. Л., Войтовская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № . 6 (115). – С. 149–159.
5. Мирзабалаева Ф. И., Шичкин И.А. Особенности развития платформенной занятости //Экономика труда. – 2020. – Т. 7. – № . 12. – С. 1117–1134.

6. Петровская Н.Е. Цифровые платформы как доминантный вектор развития глобального рынка труда //Управление. – 2021. – Т. 9. – № . 2. – С. 103–113.
7. Платформенная занятость в России: динамика пространности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / О.В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (0,35 Мбайт). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. С. 41.
8. Сизова И. Л., Русакова М.М., Александрова А.А. Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах //Экономическая социология. – 2022. – Т. 23. – № . 5. – С. 45–77.
9. Черных Е. А., Локтюхина Н.В. Актуальные социально-трудовые аспекты самозанятости в современной России //Экономическое возрождение России. – 2021. – № . 1 (67). – С. 136–151.
10. Codagnone C., Karatzogianni A., Matthews J. Platform economics: Rhetoric and reality in the 'sharing economy'. – Emerald Publishing Limited, 2018.
11. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2013
12. The Handbook for the Future of Work. Великобритания: Taylor & Francis, 2024. P. 6.
13. Wood A. J., Graham M., Anwar M.A. Minimum wages for online labor platforms?: Regulating the global gig economy //The digital transformation of labor. – Routledge, 2019. – С. 76–78.

PAY IN THE CONTEXT OF ONLINE PLATFORMS

Simonin P.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article demonstrates that online platforms must comply with labor laws, including the correct classification of workers and the right to a minimum wage, regardless of the type of work or part-time employment, as well as utilize an integrated digital model for personal income taxation. The analysis revealed that for the majority of Russian workers, employment on online platforms is sporadic, which creates the preconditions for inequality, manifested in wage gaps, particularly along gender lines. The author argues that measures are needed to strengthen social and labor rights, particularly through representative bodies and by regulating the work of platform workers.

Keywords: online platforms, employment, self-employment, minimum wage, social and labor rights

References

1. Bychkov D. G. and others. Advantages and risks of self-employment and platform employment //Economic policy. – 2024. – Vol. 19. – No. 4. – pp. 60–83.
2. Ivanova T. B., Mironova S.M. Comparative analysis of the development of traditional and platform employment relations // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. – 2024. No. 4. pp. 135–159.
3. Lukicheva T. A., Bareeva A.D., Zarzhitskaya A.S. Attractiveness and prospects of platform employment for Russian university graduates //Technological trends and the knowledge-based economy: business, industries, regions. – 2021. – pp. 296–305.
4. Lyutov N. L., Voitkovskaya I.V. Taxi drivers who perform work through online platforms: what are the legal consequences of the "uberization" of labor? //Actual problems of Russian law. – 2020. – № . 6 (115). – Pp. 149–159.
5. Mirzabalayeva F. I., Shichkin I.A. Features of the development of platform employment //Labor economics. – 2020. – Vol. 7. – No. 12. pp. 1117–1134.
6. Petrovskaya N.E. Digital platforms as a dominant vector of the global labor market development //Management. – 2021. – Vol. 9. – No. 2. – pp. 103–113.
7. Platform employment in Russia: the dynamics of prevalence and key characteristics of the employed. Expert report [Electronic resource] / O.V. Sinyavskaya [et al.]; National research. University of Higher School of Economics. – The electron. text. given. (0.35 MB). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. pp.41.
8. Sizova I. L., Rusakova M.M., Alexandrova A.A. The job market of applicants and friction in job search on modern online platforms //Economic sociology. – 2022. – Vol. 23. – No. 5. – pp. 45–77.
9. Chernykh E. A., Loktyukhina N.V. Actual social and labor aspects of self-employment in modern Russia //The economic revival of Russia. – 2021. – № . 1 (67). – Pp. 136–151.
10. Codagnone C., Karatzogianni A., Matthews J. Platform economics: Rhetoric and reality in the 'sharing economy'. – Emerald Publishing Limited, 2018.
11. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2013
12. The Handbook for the Future of Work. Великобритания: Taylor & Francis, 2024. P. 6.
13. Wood A. J., Graham M., Anwar M.A. Minimum wages for online labor platforms?: Regulating the global gig economy //The digital transformation of labor. – Routledge, 2019. – С. 76–78.

Семантический анализ цветообозначения «蓝 (синий)» в китайском и русском языках

Син Минь,

магистр, Хэйлунцзянский университет

E-mail: 1350497864@qq.com

В статье проводится сопоставительный семантический анализ цветообозначения «蓝» («синий») в китайском языке и его эквивалентов «синий», «голубой» в русском языке. Исследование направлено на выявление универсальных и культурно-специфических особенностей символики синего цвета в двух лингвокультурах. Рассматриваются историческое развитие, семантические расширения, культурные коннотации и символические значения, связанные с синим цветом в китайской и русской традициях. Установлено, что, несмотря на общие ассоциации с природой, эмоциональными состояниями и духовной сферой, ключевые различия проявляются в степени лексической дифференциации оттенков, эмоциональной нагрузке и историко-культурной символике. Результаты работы имеют значение для сравнительной лингвистики, межкультурной коммуникации и когнитивных исследований.

Ключевые слова: Синий Цвет, Семантика Цвета, Сравнительная Лингвистика, Китайский Язык, Русский Язык, Культурная Символика, Лингвокультурология.

Введение

Изучение цветообозначений занимает важное место в современной лингвистике, культурологии и междисциплинарных исследованиях, так как цвет является одной из базовых когнитивных категорий, отражающих особенности восприятия мира человеком. Цветовая лексика демонстрирует не только универсальные механизмы человеческого мышления, но и специфику национально-культурных картин мира, в которых отдельные цвета приобретают уникальные символические значения [1]. Среди множества цветообозначений особое внимание исследователей привлекает синий цвет, который в различных культурных традициях закрепляется за ключевыми сферами природы, эмоциональными состояниями, религиозными и социальными символами.

Особый интерес представляет сопоставление функционирования синего цвета в китайской и русской языковых и культурных системах. В китайском языке значение иероглифа «蓝» восходит к его изначальной связи с растением-красителем и на протяжении истории постепенно обогащалось, выходя за пределы утилитарного употребления и приобретая философскую, религиозную и социальную символику. В русском языке соответствующие понятия выражаются через два самостоятельных термина «синий» и «голубой», что отражает высокую степень дифференциации цветового восприятия и фиксирует в языке уникальную лексическую систему. Сравнительный анализ позволяет выявить как общие универсальные черты, связанные с физиологическим восприятием цвета, так и существенные различия, обусловленные историческим развитием, религиозными традициями и культурными кодами двух народов.

Актуальность настоящего исследования определяется возрастанием интереса к межкультурной коммуникации и необходимости учитывать символическую нагрузку цветообозначений в процессе перевода, культурного обмена и формирования межкультурного диалога. Цель исследования состоит в выявлении общих и отличительных характеристик символики синего цвета в китайской и русской лингвокультурах, что вносит вклад в развитие сравнительной лингвистики, этнолингвистики и культурологии. Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении семантических и культурных особенностей употребления китайского «蓝» («синий») и русских «синий» «голубой», что позволяет расширить представления о взаимодействии языка, культуры и когнитивных процессов.

Использование и значение понятия «蓝» в китайском языке

В «Шо взнь цзе цзы» («说文解字») даётся следующее толкование: «蓝 это растение, используемое для окрашивания в синий цвет. Образовано от ключа “трава” и фонетика “监”». В «Ши цзине» («诗经·小雅·采绿») встречается строка: «终朝采蓝，不应一簪», что указывает на то, что изначальное значение иероглифа «蓝» связано с растением, применявшимся в качестве красителя. Полученный из него синий цвет первоначально часто использовался

в местах, требующих наблюдения или охраны, что отражало практическую и социальную функцию данного цвета. Однако со временем значение «синего» в китайском языке значительно расширилось, выходя за пределы утилитарного употребления и приобретая символические и культурные оттенки.

Прежде всего, синий цвет теснейшим образом ассоциируется с природой. В китайском языке он используется для обозначения неба и моря, благодаря чему закрепляются такие положительные коннотации, как «спокойствие», «широта» и «безграничные возможности». Голубое небо традиционно символизирует свободу, идеалы и стремление к возвышенному [2]. В поэзии и литературе обращение к образу неба означает не только наблюдение за природой, но и духовное возвышение, выражающее устремлённость к свободе и освобождению души. В этом смысле возникающее ощущение умиротворения играет значимую роль в философском и религиозном дискурсе, указывая на выход за пределы повседневного опыта. В традиционной китайской живописи применение синего цвета не ограничивается изображением гор и рек, но отражает эстетическую концепцию, наполненную философским осмыслением природы и мироздания.

Значение синего цвета в китайском языке проявляется также в культурных символах и устойчивых выражениях. Характерным примером является пословица «青出于蓝而胜于蓝» из трактата Сюнь-цзы «Куан сюэ» («荀子·劝学»). Она дословно означает: «Зелёный цвет получен из синего, но превосходит его», и метафорически выражает идею о том, что ученик может превзойти учителя. Данное выражение демонстрирует не только внутреннюю связь оттенков, но и важный культурный принцип китайской традиции «наследование и преодоление».

Кроме того, синий цвет обладает богатой символикой. В период Синьхайской революции Сунь Ятсен выбрал синее знамя в качестве одного из символов Китайской Республики, наделив его значением демократии и свободы. В ряде политических движений синий также олицетворял обновление и надежду [3]. В социальном аспекте известен термин «синий воротничок», обозначающий рабочих в синей униформе. В этом контексте синий символизирует трудолюбие, стойкость и вклад низовых слоёв общества, что отражает уважение и признание значимости различных социальных групп. Таким образом, семантика синего цвета расширилась от философских и природных ассоциаций древности до современных интерпретаций, связанных с социальной структурой и трудом.

В целом, употребление и значение иероглифа «藍» в китайском языке постепенно обогащались по мере развития культуры и трансформации общества. От первоначальной функции растения-красителя синий цвет перешёл к выражению многообразных ассоциаций, связанных с природой, эмоциями, культурой и социальной символикой. Сегодня он выступает многомерным знаком, объединяющим в себе как традиционные представления о природе и философии, так и современные ценности, связанные с наукой, будущим и социальной справедливостью. Эта эволюция от конкретного к абстрактному ярко демонстрирует глубину цветовой символики китайской культуры и её влияние на процессы человеческого познания и выражения эмоций.

Использование и семантика понятий «синий» и «голубой» в русском языке

В русском языке обозначение цвета, соответствующего китайскому «藍», реализуется двумя прилагательны-

ми «синий» и «голубой». Эти лексемы разграничивают тёмный и светлый оттенки спектра, фиксируя различие, отсутствующее в китайском языке, где «蓝色» функционирует как единый термин. Согласно «Толковому словарю русского языка», «синий» определяется как «имеющий окраску одного из основных цветов спектра среднего между фиолетовым и зелёным», тогда как «голубой» трактуется как «светло-синий цвет, напоминающий окраску цветка незабудки» [4]. Подобная дифференциация отражает высокую степень детализации цветоощущения у носителей русского языка и закреплена как на уровне языковой системы, так и в культурных практиках. Исторический анализ показывает, что семантический объём указанных понятий менялся: в XI веке слова, обозначавшие синий, часто совмещали значения «чёрный» и «тёмный» и применялись преимущественно для характеристики воды или природных явлений. В тот период существовали такие обозначения, как «зекрый» (для глаз или драгоценных камней) и «сизый» (цвет хвоста птиц, главным образом голубей). Постепенно «синий» вытеснил конкурирующие термины и стал универсальным обозначением цвета, тогда как «сизый» сохранился, но его значение сузилось до конкретных оттенков.

Социальная и символическая нагрузка синего цвета в русской традиции проявляется в устойчивых словосочетаниях и культурных кодах. Так, выражение «синие мундиры» использовалось для обозначения униформы российской жандармерии дореформенного периода, превращая цвет в знак власти, государственного контроля и институциональной идентичности. В социальном дискурсе закрепилось выражение «синие воротнички», обозначающее представителей рабочих профессий строителей, шахтёров, заводских рабочих. Этот термин олицетворяет трудовую основу общества, физический труд и его социальное признание. Особое место занимает калька с английского «blue-stocking» («синий чулок»), обозначающая женщину-интеллектуалку. В русском языке этот образ приобрёл иронический оттенок и отразил амбивалентное отношение общества к женскому образованию и научной деятельности. Все эти примеры показывают, что синий цвет в русском языке функционирует не только как обозначение спектрального явления, но и как многозначный символ, связанный с социальной структурой и культурными стереотипами [5].

В противоположность этому, прилагательное «голубой» в русской культуре имеет собственный, во многом автономный спектр ассоциаций. Оно связано с небесной сферой, чистотой, умиротворением и возвышенностью. Выражение «голубая мечта» закрепилось в языке как обозначение идеала, прекрасного, но труднодостижимого стремления, восходя к религиозно-иконографической традиции. В православии голубой цвет вместе с красным преобладает в одеждах Богородицы, символизируя её небесное достоинство и духовное величие. Отсюда формируются и такие образы, как «голубой день», «голубая даль». В новейшей фразеологии и медийном дискурсе «голубой» активно используется в метафорических переносах: «голубое топливо» (природный газ), «голубой экспресс» (метрополитен), «голубой зал редакции» (телестудия). Устойчивыми стали и выражения «голубая характеристика» (ироничное обозначение отзыва, умалчивающего недостатки), «голубая жатва» (богатый улов рыбы), «голубая целина» (водоёмы, насыщенные биоресурсами). В специальных сферах встречаются и более узкие термины, такие как «голубой карантин» (санитарный контроль в авиации) или «голубой притон» (место встреч представителей гомосексуальной субкультуры) [6]. Этот широкий диапазон значений свидетельствует о высокой динамике семантического освоения

цвета в языке, а также о том, что «голубой» приобрёл роль универсального символа в сфере как духовных, так и повседневных ассоциаций.

Наконец, особое значение синего и голубого цветов проявляется в государственной и религиозной символике, а также в мифопоэтической традиции. В составе российского триколора синий (или голубой) сохраняет свою значимость: в одной из интерпретаций белый символизирует дворянство, истину и чистоту, синий — мещанство, верность и духовность, красный — труд и жертвенность. Таким образом, цвет в геральдике выполняет функцию репрезентации социальных слоёв и культурных ценностей. В религиозной и мифопоэтической символике синий и голубой связываются с водой как очищающим и пограничным элементом [7]. В народной традиции вода осмыслялась как сила, смывающая зло, а также как граница между миром живых и миром мёртвых. В христианстве эта символика проявляется в обряде крещения, где вода и её цветовые ассоциации становятся знаками очищения, возрождения и перехода к новой жизни. Таким образом, «синий» и «голубой» в русском языке и культуре обладают сложным, многослойным содержанием: они объединяют религиозные и сакральные коннотации, отражают историческую память и социальную стратификацию, активно используются в современной метафорике и повседневной речи. Многозначность этих понятий демонстрирует их ключевую роль в культурной идентичности русского народа и их значимость как объекта для междисциплинарных исследований в области языкознания, культурологии и семиотики.

Общие черты цветообозначения «**蓝**» в китайском и русском языках

Восприятие синего цвета в китайской и русской лингвокультурах обнаруживает значительное количество совпадений, что обусловлено как универсальностью когнитивных механизмов человека, так и спецификой культурной символики. Подобно тому как в китайском языке «**蓝**» традиционно связывается со спокойствием и глубиной, так и в русском языке «синий» ассоциируется с умиротворением и внутренним равновесием. Восприятие моря или неба, окрашенных в синие оттенки, вызывает у человека чувство покоя, радости и гармонии. Эти реакции носят универсальный характер и не ограничиваются рамками одной языковой общности: они отражают общечеловеческую основу сенсорного и эмоционального опыта, закреплённую в языковых образах и символах.

Одним из важнейших аспектов универсальной символики синего цвета является его связь с природой. И в китайском, и в русском языках синий ассоциируется с небом, морем и водной стихией, что символизирует широту, чистоту и вечность природного мира. В китайской традиции устойчивое выражение «**蓝天白云**» («синее небо и белые облака») обозначает ясную погоду и ассоциируется с безграничностью и чистотой. Сходную семантику несут словосочетания «**蓝天碧水**» («синее небо и прозрачная вода»). В русском языке близкие образы выражаются через устойчивые сочетания «синее море», «синее небо», которые также акцентируют бескрайность и глубину. Таким образом, синий цвет выходит за рамки чисто зрительного восприятия: он становится символом мироустройства, воплощая идеи стабильности, прохлады и внутреннего покоя [8].

Вторым универсальным направлением символизации синего цвета является выражение эмоциональных состояний. В обеих культурах синий ассоциируется с меланхолией и лёгкой грустью. В китайском языке широко

употребляется выражение «**蓝色忧郁**» («синяя грусть»), обозначающее спокойное, но печальное эмоциональное состояние; оно активно используется в популярной культуре и музыке. В русском языке «синий» также может маркировать настроение грусти и задумчивости, например в поэтическом дискурсе встречаются образы «синей тоски» или «грусти синего цвета». Благодаря своей «холодной» семантике синий используется в литературе, живописи и музыке для передачи эмоциональной глубины, состояния созерцательной печали или внутреннего умиротворения. В обеих традициях синий выступает как универсальный символ эмоциональной тональности, связывающий эстетику и психологию.

Наконец, важную роль синий цвет играет в религиозной и духовной символике. В китайском даосизме он воспринимается как знак чистоты, гармонии и внутреннего покоя, выражая идею освобождения от мирской суеты. В русской православной традиции синий (а также голубой) связывается с образом Пресвятой Богородицы: в иконографии её одеяния часто изображаются красносиними, где именно синий подчёркивает небесное достоинство, чистоту и верность [9]. Таким образом, сходство китайской и русской культур проявляется в трёх универсальных измерениях символики синего цвета: в отражении природы, в выражении эмоциональных состояний и в религиозно-духовных интерпретациях. Это свидетельствует о том, что синий цвет является не только элементом зрительного восприятия, но и универсальной категорией человеческой культуры, закрепляющей глубинные ценности и символы, общие для различных цивилизаций.

Различия в обозначении и символике цвета «**蓝**» в китайском и русском языках

Одним из наиболее заметных различий между китайской и русской традициями цветообозначения является степень детализации цветовой классификации. В китайском языке оттенки «**浅蓝**» (светло-синий), «**天蓝**» (небесно-синий), «**深蓝**» (тёмно-синий) трактуются лишь как вариации единого понятия «**蓝**» и не воспринимаются как самостоятельные цветовые категории. Русский язык, напротив, фиксирует строгую дихотомию «синий» и «голубой», рассматривая их как независимые базовые термины. Эта лексическая специфика находит отражение и в культурной практике: в традиционных декоративных росписях два оттенка синего использовались для передачи различных эмоциональных состояний и сезонных изменений «синий» ассоциировался с зимней холодностью и глубиной ночного неба, тогда как «голубой» символизировал весеннее небо или прозрачные озёра [10]. Таким образом, богатство русской колоративной системы определяется как объективными природными условиями, так и этнокультурной спецификой. Китайская традиция, напротив, демонстрирует склонность к более обобщённой классификации, объединяя широкий спектр оттенков в рамки единого обозначения «**蓝**».

Важные различия обнаруживаются и в эмоционально-образной сфере. В китайской культуре синий цвет традиционно выражает спокойствие, чистоту и идею гармонии человека с космосом и природой. Его философская символика связана с небом и морем как образами бесконечности и первоосновы мироздания. В русском культурном пространстве прилагательное «синий» гораздо чаще соотносится с меланхолическими настроениями, выражая грусть, задумчивость и эмоциональную глубину [11]. Это находит отражение в литературе и народной поэзии, где синий служит средством эмоциональной характеристики

ки состояния души. В то же время религиозная традиция православия закрепляет за синим и голубым цветами особую сакральную семантику: в иконографии Богородица изображается в красно-синих одеждах, где именно синий символизирует чистоту, небесность и духовное величие. Таким образом, если китайская традиция тяготеет к натурфилософским и космологическим интерпретациям, то русская соединяет в себе как эмоциональные, так и религиозные смыслы.

Не менее показательно развитие семантики синего цвета в историко-культурной динамике. В Китае он прочно связан с художественными практиками: использование синей глазури в сунской керамике (青瓷) и особенно в юаньском фарфоре (青花瓷) свидетельствует о высоком уровне художественного мастерства и эстетической рефлексии эпохи. В современном контексте синий всё чаще символизирует науку, технологию и модернизацию, становясь знаком прогресса и рациональности. В России же синий и голубой традиционно закреплены за религиозным искусством, прежде всего храмовой росписью и иконографией, что подчёркивает их сакральный статус. В советский период эти цвета приобрели новое измерение, отражая политическую идеологию и государственную идентичность: они использовались в униформе и символике, выражая принадлежность к власти и социальной системе. В целом различия в обозначении и символике синего цвета в китайской и русской культурах отражают уникальные исторические пути, ценностные установки и социальные трансформации [12]. Эти различия обогащают семантический потенциал цвета и открывают перспективы для сравнительных исследований символики в межкультурном контексте.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить как универсальные, так и уникальные особенности функционирования цветообозначения «**синий**» в китайской и русской лингвокультурах. Сравнительный анализ показал, что восприятие синего цвета в обеих традициях опирается на общие когнитивные механизмы и физиологическую природу зрительного восприятия, что обуславливает наличие сходных ассоциаций: синий связывается с небом и морем, символизируя широту, чистоту и вечность. Одновременно он используется для выражения эмоциональных состояний, преимущественно спокойствия и меланхолии, а также закрепляется в религиозной символике как знак чистоты, верности и духовного возвышения.

Вместе с тем анализ показал и значительные различия, отражающие своеобразие культурных и исторических традиций. В китайском языке «**синий**» охватывает широкий спектр оттенков, функционируя как обобщённое обозначение синего, тогда как в русском языке разграничение «синий» и «голубой» закреплёно лексически и культурно. В китайской культуре синий цвет преимущественно интерпретируется в космологическом и философском ключе, тогда как в русской традиции он тяготеет к выражению меланхолических эмоций и сакральной семантики православия. Историческая динамика также демонстрирует различие: если в Китае синий цвет связывается с художественными практиками и современными символами науки и прогресса, то в России он закрепился за религиозным искусством и государственной символикой, включая советский период.

Таким образом, сопоставительный анализ цветообозначений «**синий**» выявил не только универсальные, но и национально-специфические особенности их семантики. Эти результаты подтверждают значимость изучения цветовой символики в межкультурной перспективе

и подчеркивают необходимость дальнейших исследований в области сравнительной лингвистики, этнолингвистики и когнитивной семантики, что способствует более глубокому пониманию взаимодействия языка, культуры и мышления.

Литература

1. Чэнь Си. Нецветовые значения русских и китайских цветowych названий // Chinese Russian Teaching. – 1995. – № 1. – С. 1–9.
2. Ли Пин. О культурном фоне китайских и русских цветowych названий // Журнал университета Хулунбуир. – 2004. – № 3.
3. Су Я. О коннотации и переводе русских и китайских цветowych названий // Журнал педагогического университета Внутренней Монголии (издание по философии и социальным наукам). – 2002. – № S2. – С. 100–104.
4. Цзэн Фаньжун. О культурной коннотации русских и китайских цветowych названий // Журнал университета Суйхуа. – 2007. – № 3. – С. 97–100.
5. Чжао Лян. Мировоззрение языка с точки зрения русских и китайских цветowych названий // Журнал Института иностранных языков НОАК. – 2003. – Т. 26, № 5. – С. 23–26.
6. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution // International Journal of American Linguistics. – 1999. – Vol. 6, No. 4. – P. 151.
7. Heider E.R. Universals in color naming and memory // Journal of Experimental Psychology. – 1972. – Vol. 93, No. 1. – P. 10.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
9. Кайбияйнен А.А. Продолжительные атрибутивно-субстантивные сочетания с включениями цветов на современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кайбияйнен А.А. – Казань, 1995. – 215 с.
10. Козлова Н.Н. Концептуализация цвета голубой/синий/blue в русском и английском языках // Образование и право. – 2021. – № 12. – С. 191–197.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
12. Улична М. Синий и голубой: русско-словацкий сравнительный анализ цветоименований // Бесконечный свет в науке. – 2023. – Декабрь. – С. 189–195.

SEMANTIC ANALYSIS OF THE COLOR DESIGNATION «**синий**» IN CHINESE AND RUSSIAN

Xing Min

Heilongjiang University

This article provides a comparative semantic analysis of the color designation “blue” in Chinese and its equivalents “blue” or “cyan” in Russian. The study aims to identify the universal and culture-specific features of the symbolism of the color blue in the two linguistic cultures. The historical development, semantic extensions, cultural connotations, and symbolic meanings associated with the color blue in Chinese and Russian traditions are examined. It is established that, despite common associations with nature, emotional states, and the spiritual realm, key differences are manifested in the degree of lexical differentiation of shades, emotional connotations, and historical and cultural symbolism. The results of this study have implications for comparative linguistics, intercultural communication, and cognitive research.

Keywords: Blue Color, Color Semantics, Comparative Linguistics, Chinese Language, Russian Language, Cultural Symbolism, Linguacultural Studies

References

1. Chen Xi. Non-color meanings of Russian and Chinese color names // Chinese Russian Teaching. – 1995. – No. 1. – Pp. 1–9.
2. Li Ping. On the cultural background of Chinese and Russian color names // Journal of Hulunbuir University. – 2004. – No. 3.
3. Su Ya. On the connotation and translation of Russian and Chinese color names // Journal of Inner Mongolia Normal University (publication on philosophy and social sciences). – 2002. – No. S2. – Pp. 100–104.
4. Zeng Fanrong. On the cultural connotation of Russian and Chinese color names // Journal of Suihua University. – 2007. – No. 3. – Pp. 97–100.
5. Zhao Liang. A Worldview of Language from the Perspective of Russian and Chinese Color Names // Journal of the PLA Institute of Foreign Languages. – 2003. – Vol. 26, No. 5. – Pp. 23–26.
6. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution // International Journal of American Linguistics. – 1999. – Vol. 6, No. 4. – P. 151.
7. Heider E.R. Universals in Color Naming and Memory // Journal of Experimental Psychology. – 1972. – Vol. 93, No. 1. – P. 10.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
9. Kaibayainen A.A. Extended attributive-substantive combinations with color inclusions in modern English: diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.04 / Kaibayainen A.A. – Kazan, 1995. – 215 p.
10. Kozlova N.N. Conceptualization of the color goluboy/siniy/blue in the Russian and English languages // Education and Law. – 2021. – No. 12. – P. 191–197.
11. Brief dictionary of cognitive terms / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrats, G. Luzina; under the general editorship of E.S. Kubryakova. – Moscow: Philological Faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov, 1997. – 245 p.
12. Ulichna M. Blue and light blue: Russian-Slovak comparative analysis of color names // Infinite light in science. – 2023. – December. – P. 189–195.

Особенности автобиографической памяти несовершеннолетних, осужденных к длительным срокам лишения свободы

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников, УИС ФКУ НИИ ФСИН России

В настоящее время в Российской Федерации уделяется достаточное внимание на оказание целостной помощи и поддержки несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. В этих условия следует отметить значимость и необходимость учета жизненного опыта и субъективных представлений, сформировавшихся у подростка, при организации ему качественной психологической помощи в кризисной ситуации. В органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, организована комплексная работа по актуализации личностных и адаптационных ресурсов, направленных на исправление асоциальных установок личности воспитанников и разработке рекомендаций по ресоциализации подростка после освобождения. В своей работе автор отмечает важность активизации работы с субъективным настоящим воспитанника, преобразованием его прошлого и осознанием значимости событий будущего. При учете субъективных особенностей, переживаний событий прошлого, настоящего и будущего психолог способен помочь несовершеннолетнему в осознании значимости временной транспективы. Преобразование временной транспективы обеспечивает подростку возможность рефлексировать жизненный путь, становление личностной идентичности, разбить свой жизненный путь на осмысленные этапы, повышает прогнозируемость и осознанность поведения. Проведено эмпирическое исследование особенностей автобиографической памяти несовершеннолетних в условиях социальной изоляции, представлены рекомендации, направленные на повышение эффективности психологической работы с данной категорией осужденных.

Ключевые слова: автобиографическая память, несовершеннолетний осужденный, временная транспектива, жизненный путь.

Реализация концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. предполагает повышение эффективности психологической помощи несовершеннолетним осужденным [5]. В этой связи следует указать, что психологическая помощь несовершеннолетним, оказавшимся в условиях социальной изоляции, предполагает учет индивидуальных особенностей личности, анализ обстоятельств, предшествующих совершению преступления и поиск внутренних ресурсов при организации адаптации к условиям отбывания наказания [6].

Работа пенитенциарных психологов с несовершеннолетними в воспитательной колонии предполагает ориентацию подростка на просоциальную активность после освобождения, актуализацию возможности выбора социально одобряемой модели поведения в юридически значимых ситуациях. Однако, следует отметить, что низкая насыщенность ожидаемыми событиями будущего, размытость и отсутствие адекватных представлений относительно собственной жизни после освобождения, затрудняет поиск психологически конструктивных коррекционных методов воздействия на воспитанника.

В исследованиях современных авторов отмечается, что затруднения в успешной социальной адаптации у лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, обусловлены фрустрированностью и инфантильностью потребностной сферы несовершеннолетних и слабой осознанностью границ автобиографической памяти [4, с. 216–218]. В рамках действующего законодательства в сфере профилактики преступности несовершеннолетних ФСИН России реализуется комплекс организационно-правовых, управленческо-кадровых мероприятий, направленных на оптимизацию процесса отбывания наказания. Однако, при существенном сокращении общего количества несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, отмечается, что доля лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, среди них составляет 17% [7, с. 5].

Длительное пребывание в условиях социальной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей способно оказать деструктивное влияние на мотивационную и волевую сферы личности, блокируя формирование социально полезных связей. Таким образом, непосредственно перед сотрудниками психологической службы и воспитательного отдела учреждения стоят задачи достижения цели наказания – исправление личности воспитанника и его ресоциализация в гражданское общество. Автобиографическая память позволяет актуализировать содержательные характеристики личностного опыта и оптимизировать организацию временной транспективы несовершеннолетнего, и, следовательно, позволяет выстроить социально положительный образ будущего.

В современной психологии прямо отмечается, что автобиографическая память личности является важным конструктом, используя конструктивные возможности которого личность способна выработать конструктивные стратегии совладающего поведения. Можно отметить, что в работе пенитенциарного психолога с воспитанни-

ком автобиографическая память как сложный психологический феномен позволяет актуализировать внутренний, зачастую неосознаваемый человеком, личностный потенциал [1, с. 186–187].

Адаптивный потенциал обращения к содержанию и особенностям собственного жизненного пути открывает возможности психотерапевтической помощи психолога несовершеннолетнему. При этом, психологическая помощь позволяет проявить субъектность самому подростку в поиске ресурсов, раскрывающих индивидуальные, социально-психологические и экзистенциальные направления трансформации как на этапе отбывания наказания, так и после освобождения. Целостный анализ собственного жизненного пути обеспечивает, с одной стороны, более осознанное отношение подростка к настоящему, к тем требованиям и задачам, которые стоят перед ним в условиях социальной изоляции, а с другой – выработать стратегии конструктивного преодоления противоречий и затруднений как в настоящем, так и в будущем [2, с. 179–180]. Индивидуальная временная трансспектива – это механизм, обеспечивающий субъективное понимание времени и событий жизненного пути, осознанное понимание взаимообусловленности переживаний и поступков прошлого, настоящего и будущего в целостный личностно значимый конструкт. При этом, фрагментарность и пробельность осознания це-

лостного жизненного пути и, как следствие, искажение личностной ретроспективы, отраженной в автобиографической памяти, происходит в первую очередь в связи с трудными событиями, оказывающими деструктивное влияние на физическое психоэмоциональное состояние человека.

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей автобиографической памяти несовершеннолетних мужского пола, осужденных к длительным срокам лишения свободы. С учетом анализа личных дел были сформированы две группы респондентов: несовершеннолетние мужского пола, осужденные к длительным срокам лишения свободы (первая группа, всего 20 человек) и группа несовершеннолетних мужского пола, осужденных к иным срокам лишения свободы (вторая группа, всего 20 человек).

Далее более подробно остановимся на результатах исследования автобиографической памяти несовершеннолетних правонарушителей с помощью методики Каузометрия [3]. Ответы испытуемых экспериментальной и контрольной групп, полученные при помощи каузометрии, были разнообразными. Обработка полученных данных с использованием методов математической статистики требовала их предварительной классификации (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Средние значения, полученные с помощью методики «Каузометрия» у респондентов, включенных в экспериментальную и контрольную группы

Признак	Экспериментальная группа		Контрольная группа		U-критерий
	Средние значения	Стандарт. отклонение	Средние значения	Стандарт. отклонение	
Конфликты, наказания	0,63	0,13	0,41	0,11	$p < 0,01$
Поездки, приключения	0,51	0,12	0,54	0,14	-
Развод родителей	0,55	0,14	0,52	0,15	-
Осуждение, лишение свободы	0,67	0,19	0,43	0,11	$p \leq 0,01$
Планы на будущее	0,35	0,08	0,53	0,04	$p \leq 0,01$

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что респонденты, включенные в экспериментальную группу, характеризуются наиболее высокими показателями по таким показателям как «Конфликты, наказания» (0,64), «Развод родителей» (0,55), «Осуждение, лишение свободы» (0,67). Можно предположить, что ситуации конфликтного взаимодействия, которые описаны как «вынужденные», «оборонительные» и «требующие немедленного решения», являются отрицательными событиями в жизни подростка, обусловленные индивидуально-психологическими и социально неблагополучными характеристиками личности и семьи несовершеннолетнего («Развод родителей»).

В подтверждение осознания деструктивности отдельных событий собственного жизненного опыта и социального неблагополучия взаимоотношений с окружающими, можно найти в достаточно высоких показателях, полученных также по признаку «Конфликты, наказания».

Наиболее высокие баллы получены по признаку «Осуждение, лишение свободы» (0,67). Среди ситуаций, носящих наиболее личностно окрашенную отрицательную оценку у несовершеннолетних, являются события, предшествующие лишению свободы (преступление, водворение в СИЗО, суд) и непосредственно пребывание в условиях социальной изоляции в воспитательной колонии (режим, пенитенциарный стресс).

В группе респондентов, включенных в экспериментальную группу, наиболее низкие значения при анализе и оценке событий собственного жизненного пути, получены по признаку «Планы на будущее» (0,35). У несовершеннолетних осужденных, включенных в экспериментальную группу, отсутствует планирование будущих событий, выражаемое в том, отсутствует необходимая ориентация на события будущего. Необходимость адаптироваться к условиям социальной изоляции, большой срок лишения свободы и застревание на переживании негативных событий в прошлом и настоящем, блокирует границы суверенности психологического пространства, интрагенную активность личности.

Несовершеннолетние, осужденные к длительным срокам лишения свободы, характеризуются неустойчивостью временной трансспективы, что проявляется в затруднениях при осознании и выделении событий будущего, а также в присутствии класса узловых событий, не имеющих межсобытийных связей, но при этом оказывающих значительное влияние на жизненную перспективу.

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 3, позволяет отметить существование статистически значимых различий между респондентами, включенными в экспериментальную и контрольную группы, по следующим признакам: «Конфликты, наказания»

($p \leq 0,01$), «Осуждение, лишение свободы» ($p \leq 0,01$), «Планы на будущее» ($p \leq 0,01$). Несовершеннолетние, включенные в экспериментальную группу, при оценке событий собственной жизни ориентируются на витальные факторы, обусловленные необходимостью адаптации к условиям отбывания наказания и общению с другими воспитанниками и администрацией учреждения. Кроме этого, несовершеннолетние ориентированы на осознание экзистенциального фактора, который выражается в субъективном ощущении отсутствия перспективы ресоциализации, либо отказе от осознания необходимости организации временной транспективы.

Психологическое сопровождение процесса отбывания наказания несовершеннолетних, осужденных к длительным срокам лишения свободы, может включать формирование позитивно-ориентированной автобиографической памяти. Оживление воспоминаний о событиях жизненного пути в качестве психокоррекционной процедуры будет способствовать нормализации психологического состояния воспитанников и, как следствие, оптимизировать их контакты с окружающей действительностью.

При работе психолога с воспитанником, направленной на осознание и принятие воспоминаний, относящихся к периоду, предшествующему событию, которое подростки оценивают как переломное, т.е. осуждение и лишение свободы, требует учет нескольких факторов. Во-первых, осознание неизбежности жизненных перемен, последующих после определенного этапа отбывания наказания, например, условно-досрочное освобождение, должно стимулировать активное запечатление событий-предвестников – просоциальная направленности поведения, участие в психологических и воспитательных мероприятиях, проводимых в учреждении и т.п. Во-вторых, при оценке кризисного события, воспринимаемого несовершеннолетним как неожиданное (например, развод родителей), может наблюдаться ретроспективное означивание, т.е. приписывание впоследствии событию, первоначально воспринятому как не слишком важное, вторичной значимости, требуется индивидуальная интерпретация и субъективная оценка, как условие целостного переживания жизненного пути.

Литература

1. Джидарьян И.А. Представления о счастье в российском менталитете. СПб: Издательство Алетейя, 2001. 242 с.
2. Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 179–185.
3. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, самодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2022. 303 с.
4. Левин Л.М. Психологические особенности жизненного пути несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание за преступления различной степени тяжести // Человеческий капитал. 2021. № 4 (148). С. 211–220.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития

уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

6. Федеральный закон от 06.02.2023 N 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О пробации в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025).6
7. Фейзуллаев Ф.М. Основы профилактики насильственной преступности несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы. – СПб: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. 103 с.

CHARACTERISTICS OF THE AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY OF JUVENILES SENTENCED TO LONG TERM PRISON TERMS

Sobolev N.G.

Federal Penitentiary Service of Russia

The Russian Federation currently devotes considerable attention to providing comprehensive assistance and support to minors in difficult life situations. In these circumstances, it is important to note the importance and necessity of taking into account the life experience and subjective perceptions formed by adolescents when providing high-quality psychological support to them in a crisis. In prison agencies and institutions, comprehensive work has been organized to enhance personal and adaptive resources aimed at correcting anti-social attitudes in inmates and developing recommendations for adolescent resocialization after release. In this work, the author notes the importance of intensifying work with the inmate's subjective present, transforming their past, and understanding the significance of future events. By taking into account subjective characteristics and experiences of past, present, and future events, a psychologist can help minors understand the significance of time perspective. Transforming the temporal perspective allows adolescents to reflect on their life's journey, the development of their personal identity, and break their life's journey into meaningful stages, increasing predictability and awareness of behavior. An empirical study of the autobiographical memory of minors in social isolation is conducted, and recommendations are presented to improve the effectiveness of psychological work with this category of inmates.

Keywords: autobiographical memory, juvenile offender, temporal perspective, life path.

References

1. Dzhidaryan I.A. Ideas about Happiness in the Russian Mentality. SPb: Publishing House Aleteia, 2001. 242 p.
2. Kovalev V.I. Features of Personal Organization of Life Time // Humanistic Problems of Psychological Theory. M.: Nauka, 1995. Pp. 179–185.
3. Kronik A.A., Akhmerov R.A. Causometry: Methods of Self-Knowledge, Self-Diagnosis, and Psychotherapy in Life Path Psychology. M.: Smysl, 2022. 303 p.
4. Levin L.M. Psychological features of the life path of juvenile convicts serving sentences for crimes of varying severity // Human capital. 2021. No. 4 (148). Pp. 211–220.
5. Order of the Government of the Russian Federation dated 29 April 2021 No. 1138-r (as amended on 27 May 2023) «On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030».
6. Federal Law No. 10-FZ of 02/06/2023 (as amended on 05/29/2024) «On Probation in the Russian Federation» (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025).
7. Feizullayev F.M. Fundamentals of Prevention of Violent Crime of Minors Serving Sentences in Places of Imprisonment. – SPb: St. Petersburg Institute (branch) of VSUY (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2024. 103 p.

Цифровые мосты: оценка потенциала Эфиопии в формировании ИКТ-ландшафта БРИКС

Теча Джумесси Франк Жиресер,

аспирантка, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
E-mail: francktech5@gmail.com

Макае Метуа Ив-Натан,

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

В исследовании рассматривается растущая роль Эфиопии в разработке политики ноу-хау в области информационных технологий в рамках БРИКС. Являясь одним из новых участников этого предприятия, которое считается одним из лидеров в области развития мировой экономики и технологий, Эфиопия вносит особый вклад, уделяя особое внимание внедрению цифровых технологий, улучшению инфраструктуры и наращиванию потенциала. Усилия Эфиопии по стратегическому сотрудничеству, направленные на интеграцию технологий стран БРИКС, способствуют инновациям и решению таких проблем, как кибербезопасность и цифровой разрыв. Исследование также открывает возможности, которыми Эфиопия могла бы воспользоваться для более эффективного воздействия на стратегии, связанные с цифровыми технологиями в рамках БРИКС, что могло бы способствовать региональному развитию и стимулировать справедливый цифровой рост между государствами-членами. Результаты показывают, что активное участие Эфиопии расширяет спектр взглядов агентства и способствует более прогрессивной, инклюзивной и устойчивой программе охвата цифровыми технологиями стран БРИКС.

Ключевые слова: Технологические инновации, Региональная интеграция, Наращивание потенциала, Экономика знаний, Стратегические партнерства, Цифровая инфраструктура, Устойчивое развитие, Электронное правительство, Кибербезопасность, Образовательные инициативы.

В условиях стремительного развития статистических технологий и их растущей роли в глобальной экономике страны мира сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым вызовам цифровой эпохи. В этой связи сотрудничество в рамках таких глобальных агентств, как БРИКС, становится очень важным. Эфиопия, как одна из растущих стран, демонстрирует уникальную тактику внедрения научных достижений и развития цифровой инфраструктуры. Ее поездка может быть полезна для различных международных организаций, стремящихся модернизировать свою экономику и интегрироваться в международную цифровую экосистему.

Цель этой статьи – рассказать о вкладе Эфиопии в совершенствование и реализацию политики в области информационных технологий в рамках БРИКС. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: изучить передовые инициативы Эфиопии в области информационных технологий, проанализировать влияние ее вклада на улучшение сотрудничества между странами-участницами, выявить перспективы и проблемы, с которыми сталкиваются Эфиопия и БРИКС, и предложить рекомендации по улучшению сотрудничества в этой области. Эти компоненты позволят более полно оценить позицию Эфиопии в области цифровой трансформации и ее значение для глобального сотрудничества.

Анализ современных инициатив эфиопии в области информационных технологий в рамках брикс

Эфиопия, одна из старейших независимых стран Африки, на протяжении всей своей истории активно занималась внедрением мировых технологий. Ее вклад в создание и работу Организации африканского единства, ныне известной как Африканский союз, подчеркивает ее руководящую позицию на континенте [13; с. 3]. Эфиопия также стала одной из первых африканских стран, подписавших в 2011 году соглашение с Международным союзом электросвязи (МСЭ), что свидетельствует о ее приверженности делу совершенствования технологии записи. В последние годы страна активно сотрудничает с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что способствует ее интеграции в мировую цифровую экономику. В то же время, как отмечает Приходько, «цифровизация стала одним из ключевых подходов, применяемых в настоящее время в африканских странах» [10; с. 3]. Эти данные подтверждают, что Эфиопия широко распространена и может принимать участие в таких глобальных инициативах, как БРИКС.

Эфиопия активно сотрудничает с глобальными ИТ-компаниями, такими как Huawei, которые способствуют внедрению современных технологий, включая 5G и облачные вычисления. Эти партнерские отношения позволяют нам не только полностью модернизировать ИТ-инфраструктуру, но и объединяться в глобальные цифровые сети. В результате Эфиопия укрепляет свою роль на мировой арене, создавая условия для дальнейшего развития цифровой экономики [3; с. 3]. По словам Валиевой, Башимовой и Атдаевой, «инструменты

цифровой экономики включают в себя использование цифровых технологий для создания, распространения и классификации товаров и услуг», что подчеркивает важность технологического развития для экономического роста страны.

Таким образом, сокращение цифрового неравенства становится важнейшим условием межгосударственных отношений, и Эфиопия активно работает над этим в рамках сотрудничества со странами БРИКС. Одним из примеров такого вклада является реализация программ цифровой трансформации, а также улучшение интернет-инфраструктуры в сельской местности [12; с. 2]. Это не только значительно улучшает доступ населения Эфиопии к статистическим технологиям, но и служит примером для других стран БРИКС, демонстрируя замечательные процедуры устранения проблем, связанных с цифровым разрывом. Покровская отмечает, что «цифровая трансформация больше не дает исключительно финансовых и технологических преимуществ, но также опирается на механизмы регулирования» [9; с. 2]. Таким образом, Эфиопия вносит существенный вклад в реализацию желаний стран БРИКС, направленных на повышение доступности современных технологий.

Эфиопия активно участвует в стратегическом планировании инициатив БРИКС, представляя современные методы сотрудничества в области информационных технологий. Одной из ключевых инициатив стало создание совместной платформы для обмена опытом и технологическими ноу-хау между странами-участницами [6; с. 1]. Эта платформа не только обеспечивает обмен передовым опытом, но и способствует формированию общих стандартов в сфере информационных технологий, что укрепляет сотрудничество и повышает эффективность совместных проектов. Важным фактором является то, что «подход Китая в Африке направлен на действительно полезное двустороннее сотрудничество, хотя и включает элементы растущего влияния Китая в регионе» [11; с. 4]. Таким образом, участие Эфиопии в стратегическом планировании инициатив БРИКС подчеркивает ее стремление к долгосрочному и взаимовыгодному сотрудничеству.

Эфиопия, как и многие другие развивающиеся страны, будет уделять значительное внимание совершенствованию своей ИТ-инфраструктуры, рассматривая ее как ключевой элемент финансового роста и социальных преобразований. Одной из фундаментальных инициатив в этом регионе является программа Плана роста и трансформации (GTP), которая включает в себя такие проекты, как создание Ethio ICT Village – парка технологических ноу-хау, призванного стимулировать инновации и привлекать инвестиции в ИТ-сектор [1; с. 331]. В отличие от Эфиопии, страны БРИКС, такие как Индия и Китай, имеют более развитые ИТ-отрасли и используют специальные технологии для своего развития. Индия специализируется на поставках ИТ-решений и экспорте программного обеспечения, что позволило ей стать международным лидером в этой области. Китай, в свою очередь, совместно с Эфиопией активно инвестирует в инфраструктурные проекты за рубежом в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Эти различия в стратегиях отражают как уровень совершенствования ИТ-сферы, так и приоритеты каждой страны [2].

Перспективы и проблемы участия эфиопии в цифровой трансформации в рамках БРИКС

Эфиопия добивается огромных успехов в развитии своей ИТ-инфраструктуры, что позволяет ей принимать уча-

стие в глобальных инициативах, включая сотрудничество в рамках БРИКС. Одним из ключевых направлений вклада страны является внедрение программного обеспечения Ethio Telecom 2020, направленного на расширение права доступа к Интернету и цифровым технологиям. Эта программа способствует внедрению более доступной и современной коммуникационной инфраструктуры, что является важным шагом на пути к интеграции Эфиопии в международные цифровые процессы. Еще одним важным аспектом является сотрудничество с китайским предприятием Huawei, результатом которого стало подписание соглашения о развитии сообщества 5G в стране в 2021 году [4; с. 2]. Это соглашение демонстрирует готовность Эфиопии внедрять передовые технологии, которые могут стать основой для ее сотрудничества с различными международными организациями БРИКС в области информационных технологий. Кроме того, участие Эфиопии в инициативе «Цифровая Африка», реализуемой при содействии Китая, способствует ее интеграции в цифровую экономику, что открывает новые возможности для сотрудничества со странами БРИКС. Таким образом, Эфиопия играет необходимую роль в развитии сотрудничества в области информационных технологий, закладывая основу для более тесного сотрудничества в рамках международных инициатив [7; с. 2].

Доступ к Интернету в Эфиопии остается на низком уровне и составляет около 20% населения, что значительно ниже среднего показателя по странам БРИКС. Этот сценарий ограничивает вероятность внедрения современных цифровых прикладных наук и интеграции в глобальную цифровую экономику. Для решения этой проблемы крайне важно усовершенствовать инфраструктуру устного обмена информацией и снизить стоимость доступа в Интернет, что является важным шагом на пути расширения цифровой доступности. В то же время, как отмечают Орлова, Зеленюк и Кириллов, «несмотря на удешевление компьютерных технологий, техника компьютеризации африканских государств в настоящее время оказалась не такой быстрой и прибыльной, как можно было бы ожидать» [8; с. 64]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к совершенствованию цифровой инфраструктуры в регионе.

В последние годы страны БРИКС активно развивают сотрудничество в области информационных технологий, стремясь укрепить свои позиции на международной арене. Важным шагом стало принятие Дорожной карты сотрудничества в сфере информационных технологий на 2021 год, которая включает в себя совместные задачи по развитию цифровой инфраструктуры и обмену технологическими ноу-хау [15; с. 2]. Китай и Индия, являясь лидерами в области совершенствования искусственного интеллекта и обработки массивов данных, создают особые возможности для изменения отношений с разными странами блока. Южная Африка демонстрирует выгодные примеры сотрудничества с Эфиопией в рамках программ digital mastering и startup guide, что подчеркивает потенциал для дальнейшего углубления сотрудничества. Научное и академическое сотрудничество между странами БРИКС включает «обмен информацией, рекламные исследования в приоритетных областях, организационную, правовую, экономическую и кадровую помощь для научно-технического и современного сотрудничества» [5; с. 3]. Это создает дополнительные стимулы для сотрудничества и обмена информацией между государствами, укрепляя обычные достижения блока в этой области.

Эфиопия имеет широкие возможности для участия в ИТ-сотрудничестве в рамках БРИКС. Участие Индии в создании технологических парков ноу-хау и ИТ-класте-

ров может ускорить цифровое развитие страны. Внедрение цифровых технологий в экономическую практику «повышает эффективность и способствует социально-экономическому развитию», что особенно важно для Эфиопии. Кроме того, сотрудничество с Россией в области кибербезопасности открывает перспективы, учитывая необходимость создания непроницаемой цифровой инфраструктуры [14; с. 1]. Благодаря своему молодежному потенциалу Эфиопия рискует превратиться в посредника в сфере разработки программного обеспечения и ИТ-услуг, что повысит ее роль в рамках блока и внесет вклад в нормальное развитие БРИКС в области информационных технологий.

Рекомендации по укреплению позиций Эфиопии в ИТ-политике БРИКС

Для укрепления позиций Эфиопии в ИТ-политике БРИКС необходимо продолжить разработку общенациональной стратегии цифровой трансформации, такой как инициатива «Цифровая Эфиопия-2025». Этот подход направлен на укрепление цифровой инфраструктуры страны и создание благоприятных условий для инноваций и технологического прогресса. Эфиопии следует сосредоточиться на выполнении задач, направленных на улучшение доступа к Интернету, что обеспечит большую цифровую интеграцию населения и бизнеса. Необходимым шагом является увеличение инвестиций в телекоммуникационный сектор, в том числе в развитие коммуникационных сетей, что позволит стране более эффективно взаимодействовать с партнерами по БРИКС. Страны БРИКС придают большое значение прикладным наукам в области обмена фактами и устного общения (ИКТ). В принятом в 2015 году уведомлении подчеркивалось, что расширение сотрудничества в области ИКТ должно обеспечить широкое признание и полностью основываться на понимании потребностей правительства, предприятий и общества. Таким образом, разработав свою цифровую стратегию, Эфиопия теперь сможет не только улучшить свои внутренние показатели, но и влиться в более широкий контекст сотрудничества с другими странами БРИКС.

Заключение

В ходе оценки была подчеркнута важность усилий Эфиопии по распространению информации и технологических ноу-хау в рамках БРИКС. Страна демонстрирует особый метод цифровой трансформации, такой как инициативы по развитию своей ИТ-инфраструктуры и интеграции в глобальные цифровые процессы. Вклад Эфиопии в совместные проекты БРИКС способствует улучшению ее позиций на международной арене, а также развитию сотрудничества между странами блока. Однако, независимо от достигнутых успехов, Эфиопия сталкивается с такими проблемами, как ограниченный доступ в Интернет и стремление модернизировать законодательную базу в области информационных технологий.

В целях дальнейшего повышения роли Эфиопии в ИТ-секторе в рамках БРИКС рекомендуется расширить торговлю правами и информацией между сотрудничающими странами. Разработка совместных проектов, направленных на улучшение цифровой инфраструктуры, может внести вклад в коллективно целесообразное сотрудничество. Также крайне важно учитывать проблемы, стоящие перед Эфиопией, и адаптировать методы цифровой трансформации для удовлетворения ее потребностей. Дальнейшие исследования также могут быть направлены на изучение уникальных механизмов

сотрудничества и их влияния на экономическое развитие стран БРИКС.

Литература

1. Bajpai A. Digital tension: A comparison between democracies and authoritarian regimes // Политика и информационные технологии. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 331. – DOI: 10.21638/spbu23.2021.401.
2. https://downloads.unido.org/ot/38/03/38038425/IDB.52_19_R_UNIDO%20activities%20in%20support%20of%20the%20least%20developed%20countries.%20Report%20by%20the%20Director%20General.pdf
3. Бирюкова О.В., Матюхина А.И. Страны BRICS на мировом рынке ИКТ-услуг // ЭКОНОМИКА. – 2016. – С. 41–42.
4. Богдан-Мартин Д. Приглашение принять участие в мероприятии «На пути в Аддис-Абебу: формирование повестки дня в области цифрового развития 2021 года» / Дорин Богдан-Мартин. – Женева, 3 ноября 2020 года. – [б. И.].
5. БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития / под ред. Г.Д. Толорая. – М.: РУДН, 2013. – 222 с.
6. Валиева С., Башимова С., Агдаева Ш. Роль цифровой экономики в развитии развивающихся стран // Институт Телекоммуникаций и Информатики Туркменистана. – Ашхабад, Туркменистан. – [б. Г.]. – [б. И.].
7. Лазанюк И.В., Ревина С.Ю. Информационно-коммуникационные технологии в странах БРИКС: от стратегии к сотрудничеству // Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2019. – № 1 (46). – с. 208–209. doi: 10.25683/volbi.2019.46.132.
8. Орлова Г.А., Зеленюк А.Н., Кириллов В.Н. Проблемы развития цифровых технологий в Африке // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 11. – С. 64–65.
9. Покровская Н. Н. опыт брексит+ в цифровой трансформации бизнеса: дерегуляция или дифференциация // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. Науч. Трудов XXIII Междунар. Науч.-практ. Конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2019. – СПб.: СПбГУ, 2019. – Ч. 1. – С. 347–353.
10. Приходько Д.В. Барьеры на пути цифровизации африканского континента // Московский экономический журнал. – 2025. – № 2. – С. 412–413.
11. Приходько Д.В. Цифровизация африканского континента: ключевые акторы // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 2. – С. 124–125.
12. Рахматов Д.Р. Зарубежный опыт цифровой трансформации бизнес-процессов в развивающейся экономике Узбекистана: проблемы, недостатки, противоречия // МЦНП «Новая наука». – 2020. – № 1. – С. 186–187.
13. Фадеева И.А. Цифровой потенциал стран БРИКС в условиях цифровой трансформации мировой экономики // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 4. – С. 57–58. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 11.02.2025).
14. Хайле Б. Д., Кошкарлова Н.Н. Вступление Эфиопии в БРИКС как новый политический дискурс страны // [б. И.]. – [б. М.], [б. Г.]. – [б. И.].
15. Юссуп А. А., Смагулова С.М. Цифровая трансформация и ее роль в экономике Африки: современное состояние и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 7. – С. 403–404.

DIGITAL BRIDGES: ASSESSMENT OF ETHIOPIA'S POTENTIAL IN SHAPING THE BRICS ICT LANDSCAPE

Techa Jumessi Frank Gireser, Makae Metua Yves-Nathan
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The study explores the rising function of Ethiopia in the development of data technological know-how policies within the framework of the BRICS. As one of the new contributors to this business enterprise regarded for its developing effect on the world economic and technological fields, Ethiopia contributes in a special way by means of focusing on digital inclusion, infrastructure improvement, and potential building. Ethiopia's strategic cooperation efforts to integrate BRICS technologies promote innovation and the resolution of problems such as cybersecurity and the digital divide. The study also opens up the avenues that Ethiopia could seize with a view to better impacting the strategies related to digital technologies within the BRICS, which could promote regional development and stimulate equitable digital growth between member states. The effects exhibit that Ethiopia's active participation broadens the agency's variety of views and promotes a more progressive, inclusive, and resilient digital coverage agenda amongst the BRICS.

Keywords: Technological Innovation, Regional Integration, Capacity Building, Knowledge Economy, Strategic Partnerships, Digital Infrastructure, Sustainable Development, E-Government, Cybersecurity, Educational Initiatives.

References

1. Bajpai A. Digital tension: A comparison between democracies and authoritarian regimes // *Politics and Information Technology*. – 2021. – Vol. 17, No. 4. – P. 331. – DOI: 10.21638/sp-bu23.2021.401.
2. https://downloads.unido.org/ot/38/03/38038425/IDB.52_19_R_UNIDO%20activities%20in%20support%20of%20the%20least%20developed%20countries.%20Report%20by%20the%20Director%20General.pdf
3. Biryukova O.V., Matyukhina A.I. BRICS countries in the global ICT services market // *ECONOMICS*. – 2016. – P. 41–42.
4. Bogdan-Martin D. Invitation to participate in the event "Towards Addis Ababa: Shaping the 2021 Digital Development Agenda" / Doreen Bogdan-Martin. – Geneva, November 3, 2020. – [b. I.].
5. BRICS and Africa: Cooperation for Development / edited by G.D. Toloraya. – Moscow: RUDN University, 2013. – 222 p.
6. Valieva S., Bashimova S., Atdaeva Sh. The Role of the Digital Economy in the Development of Developing Countries // *Institute of Telecommunications and Informatics of Turkmenistan*. – Ashgabat, Turkmenistan. – [b. G.]. – [b. I.].
7. Lazanyuk I.V., Revinova S. Yu. Information and Communication Technologies in the BRICS Countries: From Strategy to Cooperation // *Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. – 2019. – No. 1 (46). – pp. 208–209. doi: 10.25683/volbi.2019.46.132.
8. Orlova G.A., Zelenyuk A.N., Kirillov V.N. Problems of Development of Digital Technologies in Africa // *Russian Foreign Economic Bulletin*. – 2019. – No. 11. – pp. 64–65.
9. Pokrovskaya N.N. BRICS+ Experience in Digital Transformation of Business: Deregulation or Differentiation // *Systems Analysis in Design and Management: Collection of Scientific Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference. Conf., St. Petersburg, June 10–11, 2019*. – SPb.: SPbPU, 2019. – Part 1. – Pp. 347–353.
10. Prikhodko D.V. Barriers to Digitalization of the African Continent // *Moscow Economic Journal*. – 2025. – No. 2. – Pp. 412–413.
11. Prikhodko D.V. Digitalization of the African Continent: Key Actors // *Fundamental Research*. – 2025. – No. 2. – Pp. 124–125.
12. Rakhmatov D.R. Foreign Experience of Digital Transformation of Business Processes in the Developing Economy of Uzbekistan: Problems, Shortcomings, and Contradictions // *ICNP "New Science"*. – 2020. – No. 1. – P. 186–187.
13. Fadeeva I.A. Digital Potential of the BRICS Countries in the Context of the Digital Transformation of the Global Economy // *Fundamental Research*. – 2025. – No. 4. – P. 57–58. [Electronic resource]. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (accessed: 11.02.2025).
14. Haile B.D., Koshkarova N.N. Ethiopia's Accession to BRICS as a New Political Discourse of the Country // [b. I.]. – [b. M.], [b. G.]. – [b. I.].
15. Yussup A. A., Smagulova S.M. Digital transformation and its role in the economy of Africa: current state and development prospects // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. – 2024. – No. 7. – P. 403–404.

Понятие и сущность политической стабильности: основные подходы и концепции

Хубаев Георгий Сергеевич,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов высшей школы социально-гуманитарных наук, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: xybaev8@yandex.ru

Громина Злата Витальевна,

лаборант-исследователь кафедры политического анализа и социально-психологических процессов высшей школы социально-гуманитарных наук, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: Gromina.ZV@rea.ru

В статье рассматривается политическая стабильность как ключевой фактор успешного развития государства и общества. Анализируются различные подходы к определению и изучению политической стабильности: институциональный, социологический и культурологический.

Особое внимание уделяется роли государственных институтов в обеспечении устойчивого политического развития страны. Подчеркивается важность эффективного функционирования политических институтов для поддержания стабильности и адаптации политической системы к изменяющимся условиям.

Автор отмечает возрастающую значимость культурологического подхода в современных условиях международных потрясений. Акцентируется внимание на необходимости сохранения культурной идентичности, защиты исторической памяти и традиционных ценностей для обеспечения целостности и суверенитета государства.

Делается вывод о многоаспектности политической стабильности как явления. Для Российской Федерации особую значимость имеет институциональный подход, позволяющий укрепить государственные институты и обеспечить законность. При этом культурологический подход признается более фундаментальным, хотя требующим более глубоких и масштабных изменений в обществе.

Ключевые слова: политическая стабильность, государственные институты, национальная безопасность, институциональный подход, культурологический подход, социологический подход, суверенитет, традиционные ценности, культурная идентичность, государственное развитие.

Введение

Политическая стабильность является одним из ключевых факторов успешного развития государства и общества. Она обеспечивает предсказуемость политического процесса, устойчивость институтов власти и возможность реализации долгосрочных стратегий развития. Политическая стабильность играет критическую роль в обеспечении государственной безопасности. Она создаёт условия для устойчивого развития экономики, социальной сферы и культуры, что, в свою очередь, способствует укреплению суверенитета и независимости страны. Основные аспекты важности политической стабильности включают в себя поддержание правопорядка и законности, где политическая стабильность обеспечивает соблюдение законов и прав граждан, что является основой для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства. Укрепление институтов власти позволяет обеспечить стабильное функционирование политических институтов, что способствует эффективному управлению и реагированию на внутренние и внешние угрозы. Создание условий для экономического развития: политическая стабильность привлекает инвестиции, способствует развитию предпринимательства и повышению уровня жизни населения, что укрепляет экономическую безопасность страны. Сохранение социальной гармонии: стабильность помогает предотвратить социальные конфликты и напряжённость, что важно для поддержания общественного порядка и безопасности. Политически стабильное государство воспринимается как надёжный партнёр на международной арене, что способствует развитию дипломатических и экономических отношений.

Таким образом, политическая стабильность является необходимым условием для обеспечения комплексной безопасности государства и защиты его национальных интересов. В научной литературе существует множество подходов к определению и анализу политической стабильности, которые отражают сложность и многогранность этого явления.

Литературный обзор

В широком смысле политическая стабильность понимается как способность политической системы сохранять свою структуру и функции в условиях внутренних и внешних изменений. Это подразумевает поддержание порядка, законности и предсказуемости политических процессов. (Например, такой подход можно встретить в работах Г. О'Доннелла, Ф. Шмиттера и др.) [11, с. 256], [21, с. 19].

В узком смысле политическая стабильность может рассматриваться как отсутствие острых политических конфликтов, кризисов и потрясений. В этом контексте стабильность ассоциируется с сохранением текущего политического режима и отсутствием значительных изменений в расстановке политических сил. (Такой подход представлен в трудах С. Хантингтона, Д. Растоу и др.) [16, с. 11].

Некоторые исследователи определяют политическую стабильность как степень консенсуса в обществе относительно основных политических ценностей, норм и пра-

вил игры. Чем выше уровень согласия, тем выше стабильность. (Это направление разрабатывали К. Дойч, Л. Пай и другие.) [12, с. 73]. Другие, учёные акцентируют внимание на роли институтов в обеспечении политической стабильности, рассматривая её как результат эффективного функционирования государственных и политических институтов, которые обеспечивают порядок и защиту прав и свобод граждан. (Такой взгляд представлен в работах Д. Норта, Г. Алмонда и др.).

Материалы и методы

Существует несколько подходов к изучению политической стабильности.

В рамках институционального подхода политическая стабильность рассматривается как результат эффективного функционирования политических институтов. Учёные, такие как Дуглас Норт и Габриэль Алмонд, подчёркивают роль формальных и неформальных институтов в обеспечении порядка и предсказуемости политических процессов. Согласно этому подходу, стабильность достигается благодаря чёткому разделению властей, эффективности правовых норм и независимости судебной системы [1, с. 132], [9, с. 164].

Среди отечественных исследователей, занимающихся вопросами институциональной стабильности, можно выделить работы Н.М. Плискевич и Ю.А. Красинского. Н.М. Плискевич анализирует влияние институциональных изменений на социально-экономическое развитие [14, с. 14], а Ю.А. Красинский рассматривает роль институтов в формировании политической культуры и стабильности. В своем исследовании механизмов обеспечения политической стабильности Сергей Бойко рассматривает государство как ключевого субъекта в создании и поддержании политической стабильности. По его мнению, именно государственные институты играют центральную роль в обеспечении устойчивого политического развития страны [3, с. 16].

Государство, используя свои органы и структуры, выстраивает конструктивный диалог с гражданским обществом, тем самым выступая главным действующим лицом в поддержании политической стабильности. При этом Бойко акцентирует внимание на том, что стабильность самого государства является определяющим фактором при решении проблем, влияющих на политическое равновесие в стране.

Социологический подход акцентирует внимание на социальной основе политической стабильности. Исследователи, например, Питирим Сорокин и Толкотт Парсонс, рассматривают стабильность как результат согласия в обществе относительно основных ценностей и норм. Социальная интеграция и сплочённость общества выступают в качестве ключевых факторов, обеспечивающих устойчивость политической системы [18, с. 489].

Отечественные учёные, такие как Н.И. Лапин и С.Г. Кирдина, также вносят значительный вклад в изучение социальных аспектов политической стабильности. Н.И. Лапин исследует проблемы социальной интеграции и дифференциации [7, с. 620], а С.Г. Кирдина анализирует институциональные матрицы и их влияние на социальное развитие [5, с. 311].

Культурологический подход подчёркивает роль культуры и идеологии в формировании политической стабильности. Сэмюэль Хантингтон и другие учёные отмечают, что общие культурные ценности и нормы могут способствовать консолидации общества и укреплению политической системы. Культура влияет на политические предпочтения и поведение граждан, что, в свою

очередь, сказывается на стабильности политического порядка.

В отечественной науке вопросы культурной идентичности и её влияния на политическую стабильность исследуют такие учёные, как А.С. Панарин и М.К. Горшков. А.С. Панарин рассматривает роль идеологии и ценностей в формировании политической идентичности [13, с. 21], а М.К. Горшков анализирует общественное мнение и социальные настроения [4, с. 49]. В диссертации Н. Тузова «Этнический и религиозный факторы политической стабильности Российской Федерации» исследуется влияние этнического и религиозного компонентов на обеспечение политической стабильности в стране. Исследователь подчёркивает, что устойчивость политического развития России определяется тем, как развиваются и взаимодействуют между собой эти факторы, а также их взаимосвязь с государственными управленческими структурами. Ключевым аспектом, по выводам Тузова, является способность государственных органов осознать и учесть взаимозависимость и взаимное влияние этнических и религиозных аспектов в процессе принятия политических решений [19, с. 33].

Экономический подход связывает политическую стабильность с экономическим развитием и благосостоянием населения. Учёные, такие как Баррингтон Мур и Самюэль Хантингтон, указывают на то, что высокий уровень жизни и сокращение экономического неравенства могут влиять на политическую стабильность [8, с. 101], [20, с. 502]. Экономические кризисы и неравенство могут стать источниками политической нестабильности и конфликтов. Среди российских исследователей, занимающихся экономическими аспектами политической стабильности, можно выделить работы Р.М. Нурева и В.М. Полтеровича. Р.М. Нуреев анализирует экономические основы политической власти [10, с. 286], а В.М. Полтерович рассматривает проблемы экономических реформ и их влияния на стабильность [15, с. 61].

Исследователи, такие как А.Д. Богатуров, М.М. Лебединский и В.А. Кременюк, рассматривают политическую стабильность как ключевой элемент национальной безопасности, обеспечивающий защиту национальных интересов и устойчивое развитие страны [2, с. 201]. Стабильность политической системы позволяет эффективно противостоять внешним угрозам и внутренним вызовам, способствуя сохранению суверенитета и территориальной целостности государства. В своей диссертационной работе «Методология и механизм формирования политической стабильности России в системе факторов обеспечения национальной безопасности» С. Комаров исследует вопросы политической стабильности в контексте национальной безопасности. По мнению исследователя, политическая система может считаться стабильной при отсутствии революционных изменений, внутреннего насилия, частых поправок к конституции, массовых протестов против существующей системы, а также при условии устойчивости институтов власти и правительства [6, с. 25].

Результаты

В рамках анализа концепций обеспечения политической стабильности можно выделить основные из них:

Согласно концепции «порядка и изменений», политическая стабильность достигается путём баланса между необходимостью изменений и сохранением порядка. Учёные, такие как Карл Дойч, считают, что стабильность обеспечивается способностью политической системы адаптироваться к изменениям и одновременно сохранять основные институты и нормы.

В концепции «легитимности власти» правомочность власти является важным фактором политической стабильности. Макс Вебер и другие исследователи выделяют различные типы легитимности (традиционная, рационально-правовая, харизматическая), которые могут обеспечивать поддержку населения и устойчивость политической системы.

Вопросы легитимности власти в контексте российской политической системы исследуют такие учёные, как В.Я. Гельман и О.В. Гаман-Голутвина. Они анализируют, как различные факторы, такие как выборы, референдумы и другие политические процессы, влияют на легитимность власти и стабильность политической системы.

Политическая идентичность формирует одноименную концепцию, где играет важную роль в формировании стабильности. Энтони Смит и другие учёные подчёркивают, что чувство принадлежности к определённой политической общности может способствовать консолидации общества и укреплению стабильности [17, с. 251].

В отечественной литературе проблемы политической идентичности рассматриваются в работах А.И. Миллера и Л.М. Дробизевой. Они исследуют, как формирование политической идентичности влияет на сплочённость общества и устойчивость политической системы.

Обсуждение

Каждая из рассмотренных концепций предлагает свой взгляд на сущность политической стабильности и её факторы. Институциональный подход акцентирует внимание на роли политических институтов, социологический – на социальной интеграции, культурологический – на культурных ценностях, а экономический – на экономическом развитии. Концепции «порядка и изменений», «легитимности власти» и «политической идентичности» дополняют друг друга, подчёркивая сложность и многоаспектность политической стабильности.

В контексте исследования внутренней политики региона как фактора политической стабильности важно учитывать все эти подходы и концепции. Они позволяют более глубоко понять механизмы обеспечения стабильности и разработать рекомендации по улучшению внутренней политики регионов для укрепления политической стабильности в стране.

Для Российской Федерации на текущем этапе развития наиболее актуальным является институциональный подход. Это обусловлено несколькими факторами: необходимостью укрепления и модернизации государственных институтов для повышения эффективности управления, важностью обеспечения законности и правопорядка как основы для политической и социальной стабильности, ролью формальных и неформальных институтов в формировании устойчивых политических практик и норм.

Заключение

Эффективное функционирование политических институтов способствует не только поддержанию стабильности, но и адаптации политической системы к изменяющимся внутренним и внешним условиям, что особенно важно в условиях глобальных вызовов и геополитических изменений. Но нельзя уделять меньшее внимание и другим подходам. Культурологический подход сегодня ставится все более и более востребованным. В эпоху международных потрясений и нестабильности, важно сохранять культурную идентичность. Защита памяти наших предков, великой истории Отечества, традиционных культурных ценностей, которые передаются из поколения

в поколение. Все это становится критически важным для сохранения целостности и суверенности нашего государства. Патриотическое воспитание молодежи и общества в целом, должны стать идей развития в нашей стране. А культурологический подход следует закладывать как основу развития институтов власти.

Политическая стабильность является многоаспектным явлением, которое может быть проанализировано с различных точек зрения. Каждый из рассмотренных подходов (институциональный, социологический, культурологический, экономический) вносит свой вклад в понимание механизмов обеспечения стабильности. Для Российской Федерации особое значение имеет институциональный подход, поскольку он позволяет сосредоточиться на укреплении государственных институтов, обеспечении законности и порядка, а также на формировании устойчивых политических практик. Это, в свою очередь, способствует не только политической стабильности, но и общему устойчивому развитию страны, укреплению её суверенитета и национальной безопасности. Культурологический подход лежит в сознании общества глубже институционального, для его развития требуются более серьезные, кардинальные перемены и изменения.

Литература

1. Алмонд Г.А. 2010. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. *Полития*, 2 (57): 122–144 с.
2. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий, 2002. 390 с.
3. Бойко С.И. Механизмы обеспечения политической стабильности: Международный и национальный аспекты: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / С.И. Бойко. – М., 2006. – 21 с.
4. Горшков М. К., Тюрина И.О. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 44–57.
5. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в Х-У-теорию Изд. 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. М., СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
6. Комаров С.М. Методология и механизм формирования политической стабильности России в системе факторов обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. д-ра полит. наук: 22.00.05, 23.00.02 / С.М. Комаров. – М., 2000. – 42 с.
7. Лапин, Н.И. Социокультурные вызовы российской модернизации и дистанции между состояниями модернизированности федеральных округов России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева // *Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XV Международной научной конференции*, Москва, 18–19 декабря 2014 года / Ответственный редактор Пивоваров Ю.С.. Том Выпуск 10 Часть III. – Москва: ИНИОН РАН, 2015. – С. 618–624.
8. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / Б. Младший. – Москва: ВШЭ, 2016. – 488 с.
9. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
10. Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: Учебник для вузов. – Н90 2-е изд., изм. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 572 с.

11. О'Доннелл Г. Делегативная демократия. Политология. Хрестоматия. Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб., Питер, 2006 С. 255–257.
12. Пай, Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 66–85.
13. Панарин А.С. Политология. Учебник. 2-е изд. М., 2001. С. 15–29.
14. Плискевич, Н.М. Трансформация системы собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства / Н.М. Плискевич // Мир России. Социология. Этнология. – 2015. – Т. 24, № 1. – С. 8–34.
15. Полтерович, В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии / В.М. Полтерович // Вопросы теоретической экономики. – 2017. – № 1(1). – С. 55–65.
16. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15
17. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма [1998] / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М., 2004, С. 244–263.
18. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
19. Тузов Н.В. Этнический и религиозный факторы политической стабильности Российской Федерации: автореф. дис. д-ра полит. наук: 23.00.02 / Н.В. Тузов. – М., 2008. – 53 с.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО 'Издательство АСТ', 2003. – 603 с.
21. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 16–27.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF POLITICAL STABILITY: BASIC APPROACHES AND CONCEPTS

Hubaev G.S., Gromina Z.V.
Plekhanov Russian University of Economics

This paper examines political stability as a crucial factor in the successful development of a state and society. It analyzes various approaches to defining and studying political stability, including institutional, sociological, and cultural perspectives.

Special attention is given to the role of government institutions in ensuring sustainable political growth in a country. The significance of effective government functioning in maintaining stability and adapting the political system to changing circumstances is emphasized. Additionally, the author notes the growing importance of cultural approaches in today's globalized world. The paper highlights the need to preserve cultural heritage, protect historical memory, and uphold traditional values in order to maintain the integrity and independence of a nation.

The conclusion is drawn regarding the multidimensional nature of political stability as a concept. For the Russian Federation, a state-centered approach is of particular significance, as it allows for the strengthening of state institutions and the establishment of the rule of law. However, while the cultural approach is also recognized as essential, it requires more profound and extensive transformations in society.

Keywords: political stability, state institutions, national security, state-centered approach, cultural approach, societal approach, sovereignty, traditional values, cultural identity, state development.

References

1. Almond, G. A. 2010. Civic Culture: An Approach to the Study of Political Culture. *Polity*, 2 (57): 122–144 p.
2. Bogaturov, A. D., Kosolapov, N. A., Khrustalev, M. A. Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations. Moscow: Moskovsky Rabochy, 2002. 390 p.
3. Boyko, S. I. Mechanisms for Ensuring Political Stability: International and National Aspects: Abstract of Cand. Sci. (Polit.) Dissertation: 23.00.02 / S. I. Boyko. Moscow, 2006. 21 p.
4. Gorshkov, M. K., Tyurina, I. O. Synthesis of the Ethnonational and Civil as the Basis of Russian Identity // *RUDN University Bulletin. Series: Sociology*. 2018. Vol. 18. No. 1. Pp. 44–57.
5. Kirdina S. G. Institutional Matrices and Russia's Development. Introduction to X-Y Theory. 3rd ed., revised, expanded and illustrated. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 468 p.
6. Komarov S. M. Methodology and Mechanism for Forming Political Stability in Russia in the System of National Security Factors: Abstract of Doctor of Political Science Dissertation: 22.00.05, 23.00.02 / S. M. Komarov. – Moscow, 2000. – 42 p.
7. Lapin, N. I. Sociocultural Challenges of Russian Modernization and the Distances between the States of Modernization of Russia's Federal Districts / N. I. Lapin, L. A. Belyaeva // *Russia: Trends and Prospects of Development: Proceedings of the XV International Scientific Conference*, Moscow, December 18–19, 2014 / Editor-in-Chief Yu. S. Pivovarov. Volume 10, Part III. – Moscow: INION RAS, 2015. – Pp. 618–624.
8. Moore, Jr., B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: The Role of the Landowner and the Peasant in the Creation of the Modern World / B. Jr. – Moscow: HSE, 2016. – 488 p.
9. North, D. Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy / D. North. – Moscow: Fund of Economic Books "Nachala", 1997. – 180 p.
10. Nureyev, R. M. Microeconomics Course: A Textbook for Universities. – N90, 2nd ed., revised – Moscow: NORMA Publishing House, 2002. – 572 p.
11. O'Donnell, G. Delegative Democracy. Political Science. Reader. Comp. B. A. Isaev, A. S. Turgaev, A. E. Khrenov. St. Petersburg, Piter, 2006, pp. 255–257.
12. Pai, L. Non-Western Political Process / L. Pai // *Political Science*. – 2003. – No. 2. – pp. 66–85.
13. Panarin, A. S. Political Science. Textbook. 2nd ed. Moscow, 2001. pp. 15–29.
14. Pliskevich, N. M. Transformation of the power-ownership system in Russia: a regional aspect. Reforms and the quality of the state / N. M. Pliskevich // *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. – 2015. – Vol. 24, No. 1. – Pp. 8–34.
15. Polterovich, V. M. Developing strategies for socio-economic development: science versus ideology / V. M. Polterovich // *Questions of Theoretical Economics*. – 2017. – No. 1 (1). – Pp. 55–65.
16. Rustow D. A. Transitions to democracy: an attempt at a dynamic model // *Polis*. 1996. No. 5. Pp. 5–15
17. Smith E. Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism [1998] / Translated from English. A. V. Smirnova, Yu. M. Filippova, E. S. Zagashvili, et al. Moscow, 2004, pp. 244–263.
18. Sorokin P. A. Man. Civilization. Society / General editor, compiler and foreword by A. Yu. Sogomov: Translated from English. – Moscow: Politizdat, 1992. – 543 p.
19. Tuzov N. V. Ethnic and Religious Factors of Political Stability of the Russian Federation: Abstract of Doctor of Political Science Dissertation: 23.00.02 / N. V. Tuzov. – Moscow, 2008. – 53 p.
20. Huntington S. Clash of Civilizations / S. Huntington; Translated from English by T. Velimeeva. Yu. Novikova. – M: ООО 'Издательство АСТ', 2003. – 603 p.
21. Schmitter, F. Reflections on Civil Society and the Consolidation of Democracy / F. Schmitter // *Polis. Political Studies*. – 1996. – No. 5. – P. 16–27.

Сравнительный анализ применения «мягкой силы» в Узбекистане: российские и восточные модели

Черных Георгий Евгеньевич,
независимый исследователь
E-mail: george_chernykh@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу применения «мягкой силы» в Узбекистане сквозь две траектории влияния – российскую и восточные модели (Китай, Турция, Республика Корея, Япония). Актуальность определяется усилением конкуренции гуманитарных инструментов и «экономизацией» внешней политики Ташкента. Новизна состоит в совмещении институционально-ресурсного и аудиторного ракурсов и в трактовке Узбекистана как активного «режиссёра» распределения внешних влияний. В рамках работы описаны каналы языка, образования, медиа и культурной дипломатии, изучены механизмы конверсии ресурсов в результаты, выявлены ограничения и «общественные фильтры». Особое внимание уделено сравнению глубины социального проникновения российской модели с пакетной связкой «инфраструктура–образование–культура» в восточных практиках. Работа ставит цель определить условия эффективности и комплементарности подходов; используются сравнительный и институциональный анализ, контент-анализ источников и синтез вторичных данных. Изучены академические публикации и практико-ориентированные материалы. В заключении показаны параметры возможной синергии и риски. Статья будет полезна исследователям, практикам публичной дипломатии и принимающим решения.

Ключевые слова: мягкая сила, Узбекистан, Россия, Китай, Восточная Азия, публичная дипломатия, образование и культура, экономизация внешней политики, Институты Конфуция, Русский мир.

Введение

Актуальность. Конкуренция моделей «мягкой силы» в Центральной Азии усилилась на фоне переупаковки инструментов влияния, цифровизации коммуникаций и курса Ташкента на открытость и экономизацию внешней политики. Для Узбекистана это не только вопрос выбора партнёров, но и управления собственным гуманитарным капиталом в интересах развития, безопасности и регионального посредничества.

Цель статьи – выявить логику, ресурсы и ограничения применения «мягкой силы» в Узбекистане на примере российской и восточных моделей, а также условия их эффективности и возможной комплементарности.

Задачи исследования:

1. описать инструменты и институты российских и восточных траекторий (язык, образование, медиа, культурные и экономические связи) в узбекском контексте;
2. проанализировать механизмы конверсии ресурсов в результаты и ключевые ограничения/фильтры восприятия в узбекском обществе;
3. оценить роль собственной «мягкой силы» Узбекистана и «экономизации» внешней политики как мета-механизма отбора и балансирования внешних влияний.

Новизна. В работе совмещены три оптики – российская, восточная и узбекская; предложена операционализация «узбекского фильтра» (доверие, полезность, совместимость) и показаны различия между глубиной повседневной вшитости и пакетной проектной привлекательностью.

Материалы и методы

Материалы. Использованы академические и экспертные тексты, фиксирующие концепты, инструменты и практики «мягкой силы»: И.Е. Бражникова [1] систематизирует соотношение «жёсткой» и «мягкой» сил и их взаимное усиление; Т.В.Ф. До, Т.Т. Нгуен, Х.Д. Ле [3] прослеживают эволюцию концепции и подчёркивают разрыв между ресурсами и результатами; В.А. Должиков, Е.А. Суслова [4] сопоставляют имиджи Китая и России и институционализацию культурных инструментов; Ю.А. Кудряшова [6] анализирует политику Китая в Казахстане и Узбекистане, включая образовательные и медиапрактики; А.А. Тарасова [8] рассматривает инструменты «Русского мира» в регионе; И.Р. Томберг [9] детализирует языково-образовательную и медиальную инфраструктуру России и её контекстные ограничения; В.А. Франц [10] раскрывает потенциал исторической памяти и языка для взаимного сближения; Ф.В. Захаров [5] выявляет стратегию «мягкой силы» Узбекистана; Р.Б. Махмудов [7] описывает экономизацию внешней политики, визовую либерализацию и посреднические инициативы; Ш. Ганиева [2] показывает культурное наследие как источник международной привлекательности.

Методы. Применены сравнительный анализ (между моделями и секторами), институциональный анализ (каналы и акторы), контент-анализ источников, кейс-ориен-

тированное сопоставление, систематизация и аналитическая триангуляция вторичных данных.

Результаты

Проведённое аналитическое сопоставление показало, что применение «мягкой силы» в Узбекистане структурируется вокруг двух конкурирующих, но нередко пересекающихся траекторий влияния: российской (языково-гуманитарной и медиально-образовательной, опирающейся на наследие и инфраструктуры постсоветского пространства) и восточных моделей (с преобладанием китайской экономико-образовательной и культурной проекций при участии Турции, Южной Кореи и Японии). На теоретическом уровне обе траектории считаются через найевский критерий привлекательности как альтернативу принуждению: «Именно привлекательность, он противопоставляет методам принуждения и силового давления» [1]. В практической плоскости достоверным оказалось правило конверсии ресурсов в результаты: «обладание ресурсами, способными оказывать влияние, является необходимым, но недостаточным условием для достижения желаемых результатов» [3]. Это означает, что эффективность российских и восточных инструментов в Узбекистане зависит не столько от наличия культурных, образовательных, экономических ресурсов, сколько от навыков их «перевода» в устойчивое сотрудничество и положительную реакцию целевых аудиторий [3].

Российская модель в Узбекистане опирается на «Русский мир» как социокультурный «каркас» (язык, медиа, образование), усиливаемый официальными и неофициальными каналами (МИД, Россотрудничество; СМИ, кино, социальные сети) [8]. Ядром выступает язык: в стране «функционируют 900 школ, в которых обучают русскому языку»; Россия дополнительно «планирует профинансировать строительство... пяти школ с русским языком обучения» [9]. По региональным данным, знание русского языка в Узбекистане порядка 41% населения, что облегчает коммуникацию и «смежные» гуманитарные проекты [10]. На уровне инфраструктуры влияния в Узбекистане, «несмотря на отсутствие центра [фонда], функционируют пять “кабинетов Русского мира”... Нукус, Ташкент, Самарканд, Чиназ, Фергана», обеспечивающих доступ к образовательным материалам и сетевым ресурсам [8]. Российская медиаприсутственность и образовательная кооперация (включая филиалы вузов и программы обучения) дополняют языковую «опору», сохраняя для России значимые «входы» в узбекское общество [8;9].

При этом у российской модели присутствуют и ограничения контекста. «Украинский кризис 2014 года и специальная военная операция 2022 года еще больше насторожили властвующую элиту стран Центральной Азии по отношению к России», что сужает потенциал привлекательности и усиливает конкуренцию нарративов в регионе [9]. В ответ российские инструменты делают акцент на прагматичных сферах (образование, язык, культура), где у них сохраняются «длинные» преимущества исторической связанности и человеческой мобильности (трудовая миграция, академические связи) [9;10]. Итогом является асимметрия: влияния хватает для поддержания «плотной» гуманитарной ткани и повседневных практик, но стратегические «победы доверия» затруднены политизированным международным фоном [9].

Восточные модели, прежде всего китайская, характеризуются «экономизацией» гуманитарного влияния и их опорой на многоуровневую образовательную и культурную работу. Базисом служит ранняя и последователь-

ная политико-дипломатическая нормализация: «После распада Советского Союза Китай стал одной из первых стран, кто признал независимость Узбекистана и установил с ним дипломатические отношения» [6]. Дальнейшая экспансия китайской «мягкой силы» в Узбекистане реализуется через культурно-гуманитарные обмены (Дни узбекского кино в КНР; фестиваль «Шарк тароналари»; издание книг на узбекском языке), академическое сотрудничество (Институты Конфуция в Ташкенте и Самарканде; кафедры языка; грантовые и стипендиальные программы; узбекско-афганские образовательные инициативы в смежном «поясе» безопасности) и медийные проекты, формирующие позитивный образ Китая [6]. На глобальном фоне Китай «синтезировал» найевскую модель в «мягкую силу культуры», институционализировал сеть Институтов Конфуция («по всему миру работают 550 институтов... и 1172 класса Конфуция») и связал гуманитарную повестку с инфраструктурной логикой «Один пояс – один путь» [4]. Этот гибрид экономических и культурно-образовательных рычагов делает китайскую проекцию в Узбекистане особенно заметной и «сшивающей» повседневные практики (язык, обучение, медиа) с крупными экономическими проектами [4;6].

Не менее значимым остаётся участие других восточных акторов. Южная Корея закрепила как один из ключевых экономических и образовательных партнёров Узбекистана (высокий уровень торгово-инвестиционных соглашений, масштабные пакеты договоров, расширение технологической кооперации), причём официальный Сеул декларировал стремление ускорить переговоры о ЗСТ [7]. Япония и Турция действуют более селективно, но последовательно – от инфраструктуры и социальной сферы до образовательных инициатив; турецкий вектор опирается и на культурно-языковую близость и процессы латинизации, усиливающие символическое сближение [10]. В целом, «Россия, несмотря на растущую конкуренцию, по-прежнему сохраняет в Центральной Азии достаточно прочные позиции», но Китай, Турция, Южная Корея и Япония – «в числе наиболее активных» соперников за влияние, что повышает интенсивность «мягкосилового» рынка [10].

Особое место в «узбекском поле» занимает собственная мягкая сила Узбекистана как фактора переформатирования спроса на внешние модели и селективного заимствования лучших практик. Внутренняя «оттепель» первых лет президентства Ш.М. Мирзиёева, заметная по региональной разворотности и гуманитарному тону дипломатии, отразилась как сдвиг к плюрализации каналов влияния: «приверженность Ш.М. Мирзиёева “мягкой силе” – безусловно, его новое направление», ориентированное на доверие, открытость и кооперацию [5]. Концептуально внешняя политика приобретает «экономизированный» профиль («термин “экономизация” становится отличительной чертой современной внешней политики Узбекистана»), где безопасность – условие развития, а не самоцель [7]. На операционном уровне зафиксирован резкий рост гуманитарных жестов и либерализация контактов: «Новая внешняя политика Узбекистана предусматривает более активное использование инструментов “мягкой силы”, которые находятся в тесном взаимодействии с экономизацией и обеспечением безопасности» [7]. Эти инструменты включают либерализацию виз («для граждан 86 стран установлен безвизовый режим...»), культурно-образовательные мосты с соседями (Таджикистан – безвиз, обмены, совместные проекты, гуманитарная помощь в период COVID-19), и роль медиатора в Афганистане (Ташкентская конференция, об-

разовательные центры, продвижение Трансафганского коридора) [7].

Собственная культурная «аура» Узбекистана усиливает и «перенастраивает» внешние векторы. Международная востребованность узбекского культурного наследия – от рукописей и чагатайской словесности до декоративно-прикладного искусства – формирует устойчивую символическую капитализацию страны: «Рукописи и произведения декоративно-прикладного искусства... составляют разнообразную мозаику, которая охватывает практически все сферы интеллектуальной и прикладной жизни Средней Азии», а исследования «свидетельствуют, что язык и культура страны является «мягкой силой», практически одной из форм политической власти» [2]. Этот ресурс работает как «магнит» для восточных программ культурного обмена и как «общий язык» для российской гуманитарной траектории, где советское наследие и русская культурная инерция находят признание в востребованных форматах (образование, массовая культура) [2;9].

Сравнительная оценка эффективности. Во-первых, российская модель выигрывает в глубине социального проникновения (язык, повседневные практики, медиа и образование), что демонстрируют масштабы школьного преподавания и институции «Русского мира» [8;9]. Её уязвимость – политическая репутационная волатильность и настороженность элит, что требует аккуратного «разведения» культурно-образовательной повестки и «жестких» контекстов [9]. Во-вторых, китайская (шире – восточная) модель сильна связкой «инфраструктура + образование + культура» и умением конвертировать экономические инициативы в гуманитарную привлекательность (Институты Конфуция, стипендии, медиа, фестивали), однако в Узбекистане она сталкивается с известными «общественными фильмами» региона (наследие синофобских настроений, чувствительность к вопросам идентичности), что диктует важность «аккуратной» культурной дипломатии и совместного производства контента [4;6]. В-третьих, сама узбекская внешняя политика выступает «мета-механизмом» отбора и балансирования – «многоплановая система стратегического партнёрства», нацеленная на долгосрочную трансформацию экономики и институтов, а не на тактическое «балансирование» центров силы [7]. На этом фоне «мягкая сила» проявляет синергизм с «жесткой»: «Зачастую они усиливают друг друга... ресурсы «мягкой силы» могут усиливать «жесткую силу», и наоборот», – что в узбекском случае читается как стремление конвертировать гуманитарную привлекательность в инвестиции, технологии и новые рынки [1].

Наконец, конкурентное поле в Узбекистане шире дуополии «Россия – Китай»: роль Турции (культурно-языковая близость и образовательные институты), Южной Кореи (технологии, инвестиции, образование), Японии (инфраструктура, социальные проекты) формирует режим «многовходовости», где «восточная» модель – не монотонна, а мозаична [7;10]. В таких условиях у российской стороны сохраняется «асимметричное преимущество» в гуманитарных практиках повседневности и межличностной мобильности, у восточных акторов – в «пакетном» соединении экономики, обучения и культурной дипломатии [4; 6;9].

Суммарно, выявленные результаты позволяют описать применённые в Узбекистане модели «мягкой силы» как комплементарные и конкурирующие одновременно. Российская траектория опирается на язык и культурную инерцию, восточная – на экономико-образовательные «связки» и институциональную сетевизацию; обе проходят через «узбекский фильтр» собственных реформ,

гуманитарной открытости и «экономизации» внешней политики. В итоге Узбекистан выступает не пассивным реципиентом, а активным «режиссёром» распределения чужой «мягкой силы», встраивая её в свои долгосрочные цели развития и регионального посредничества [2;5;7].

Обсуждение

Российская траектория демонстрирует глубину повседневной вшитости: язык как рабочий инструмент коммуникации, устойчивые образовательные каналы, культурные коды, медиа и межличностная мобильность (трудовая миграция, академические связи). Эта «социальная плотность» формирует низкую стоимость взаимодействия и предсказуемость гуманитарных эффектов. Восточные модели, прежде всего китайская, опираются на пакетную связку «инфраструктура–образование–культура», где гуманитарная привлекательность встроена в экономические проекты и институциональные сети (институты языка, гранты, фестивали, медиа). Их сила – в масштабе и целевой увязке с развитием, но для устойчивого проникновения требуется время, культурная деликатность и со-производство контента с местными партнёрами.

Наличие культурных и образовательных активов само по себе не гарантирует желаемых эффектов на уровне установок и поведения. В российском случае конверсия улучшается там, где язык дополняется практическими лифтами (доступ к образованию, профессии, совместные программы), а медиа сопровождаются офлайн-институциями и локальными сообществами. В восточных стратегиях экономические проекты повышают заинтересованность аудитории, но без гуманитарного «переводчика» (университетские кооперации, двусторонние культурные инициативы, локализация медиа) эффект оказывается краткосрочным или «техническим». Следовательно, для обеих моделей критичен дизайн «мостиков полезности» – траекторий, по которым индивид получает конкретную выгоду (знание, навыки, занятость, возможности мобильности), а государство – социальный капитал доверия.

Узбекистан выступает не пассивным реципиентом, а активным модератором: политический курс на открытость и экономизацию внешней политики вводит тройной тест для внешних инициатив – доверие (историческая и актуальная репутация партнёра), полезность (прикладной вклад в развитие и занятость), совместимость (уважение идентичности, языка, норм). Российская модель легче проходит тест доверия в повседневных практиках благодаря языку и культурной близости, при этом сталкиваясь с ограничениями политизированного фона. Восточные акторы часто выигрывают по критерию полезности (инвестиции, технологии), но должны аккуратно работать с совместимостью – учитывать чувствительность к вопросам идентичности и избегать навязчивой культурной экспансии.

Конкуренция и комплементарность – речь идёт не о жесткой дуополии, а о мозаичном поле: Турция добавляет культурно-языковую близость и образовательные форматы; Республика Корея – технологическое партнёрство и образование; Япония – инфраструктуру и социальные проекты. Для Узбекистана оптимальным становится портфельный подход: поддерживать российскую гуманитарную ткань (язык, вузы, медиа) как «низкую транзакционную стоимость» развития человеческого капитала и одновременно использовать восточные пакетные предложения для ускорения модернизации. Так возникает управляемая комплементарность, где различия моделей становятся источником синергии, а не взаимного исключения.

Эффективность «мягкой силы» определяется не только масштабом охвата, но и точностью попадания в сегменты: школьники и их родители (выбор языка обучения), молодежь (академическая мобильность и цифровые медиа), малый и средний бизнес (прикладные технопрограммы), региональные сообщества (культурные практики), элиты (стратегические нарративы). Метрики должны различать «выходы» (число проектов, стипендий, мероприятий) и «исходы»/«результаты» (изменение установок, навыков, занятости, совместных инициатив). В этом контексте сочетание количественных индикаторов с качественными треками (клубы выпускников, сетевые сообщества, кросс-публикации, со-брендинговые события) позволит избежать иллюзии эффективности, когда счёт идёт лишь на церемонии и пресс-релизы.

Социальные сети и платформенная экономика снижают барьеры входа и одновременно повышают требования к локализации контента и работе с микролидерами мнений. Российская траектория выигрывает там, где опирается на двуязычные сообщества и гибридный офлайн/онлайн-инициатив. Восточные акторы преуспевают, когда совмещают образовательные платформы с карьерными треками и медиапроектами, производимыми совместно с узбекскими партнёрами. В обоих случаях этика коммуникации (прозрачность, уважение, «без назидания») становится стратегическим ресурсом доверия.

Для российской модели ключевой риск – политическая волатильность внешнего контекста и возможная «перетолковка» гуманитарных инициатив как инструментов давления. Для восточных – общественная чувствительность к вопросам зависимости и идентичности. Управление рисками требует «разведения» культурно-образовательной повестки и спорных политических сюжетов, а также институционализации совместного управления проектами (совет программ, со-финансирование, локальный контент, независимая оценка).

Наконец, практический вывод: Узбекистан способен превращать внешнюю «мягкую силу» в ресурс развития, если сохраняет открытый портфель партнёров, инвестирует в собственные культурные активы и удерживает контроль над производством смысла. «Мягкая» и «жёсткая» составляющие при этом не взаимоисключают, а настраиваются как взаимные усилители – гуманитарная привлекательность повышает качество и эффект экономических проектов, а успешные экономические проекты закрепляют доверие к источнику гуманитарной привлекательности.

Заключение

Инструменты российских и восточных моделей в Узбекистане описаны и разведены по «архитектурам влияния»: российская – глубина повседневной вшитости через язык, образование и медиа; восточные – пакетная связка «инфраструктура–образование–культура».

Механизмы конверсии ресурсов в результаты зависят от «мостиков полезности» и прохождения «узбекского фильтра» (доверие, полезность, совместимость); политическая волатильность и чувствительность идентичности выступают ключевыми ограничениями.

Собственная «мягкая сила» Узбекистана и экономизация внешней политики функционируют как мета-механизм балансирования и отбора, превращая конкуренцию внешних моделей в управляемую комплементарность.

Практически это означает: поддерживать и модернизировать русскоязычную образовательную и культурную инфраструктуру; развивать совместные восточные проекты с обязательной гуманитарной локализацией; стро-

ить метрики исходов, а не только выходов; институционализировать со-управление программами и этику коммуникации. Выполнение этих условий повышает устойчивость и эффективность «мягкой силы» как ресурса развития и регионального посредничества Узбекистана.

Литература

1. Бражникова И.Е. Политика «мягкой силы». Соотношение понятий «жёсткая сила» и «мягкая сила» / И.Е. Бражникова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 3–5 (71). – С. 167–170. – EDN CILBBF.
2. Ганиева Ш. Культурное наследие Узбекистана как фактор «мягкой силы» в международных отношениях / Ш. Ганиева // Международные отношения: Политика, Экономика, Право. – 2023. – № 5–6. – С. 153–165. – EDN BAQQDR.
3. До Т. В.Ф. Формирование и развитие концепции «мягкой силы» в политической науке / Т. В.Ф. До, Т.Т. Нгуен, Х.Д. Ле // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 4. – С. 184–188. – EDN FOABRI.
4. Должиков В.А. Современные имиджи Китая и России через призму теории «мягкой силы» / В.А. Должиков, Е.А. Суслова // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2023. – № 39. – С. 100–108. – EDN GYMUCW.
5. Захаров Ф.В. Современная стратегия «мягкой силы» Узбекистана / Ф.В. Захаров // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 2 (316). – С. 41–46. – DOI 10.31249/rimm/2020.02.04. – EDN TRIXED.
6. Кудряшова Ю.А. Политика «мягкой силы» Китая в Казахстане и Узбекистане на современном этапе / Ю.А. Кудряшова // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 354–358. – EDN QREBGR.
7. Махмудов Р.Б. Внешняя политика современного Узбекистана / Р.Б. Махмудов // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 1 (50). – С. 121–134. – DOI 10.20542/2073–4786–2021–1–121–134. – EDN YHNRUI.
8. Тарасова А. А. «мягкая сила» России в центральноазиатском регионе / А.А. Тарасова // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: материалы Международной научно-практической конференции. Материалы Круглого стола, Грозный, 29–30 мая 2020 года. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2020. – С. 475–479. – EDN LHKMSO.
9. Томберг И.Р. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии / И.Р. Томберг // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2023. – № 1 (35). – С. 91–104. – EDN JLFXJE.
10. Франц В.А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян / В.А. Франц // Дискурс-Пи. – 2020. – Т. 17, № 3 (40). – С. 54–73. – DOI 10.24411/1817–9568–2020–10304. – EDN SU-SOEE.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE USE OF “SOFT POWER” IN UZBEKISTAN: RUSSIAN AND EASTERN MODELS

Chernykh G.E.

The article is devoted to a comparative analysis of the use of “soft power” in Uzbekistan through two trajectories of influence – the Russian and Eastern models (China, Turkey, the Republic of Korea, Japan). The relevance is determined by the increasing competition of

humanitarian instruments and the “economization” of Tashkent’s foreign policy. The novelty lies in the combination of institutional-resource and audience perspectives and in the interpretation of Uzbekistan as an active “director” of the distribution of external influences. The work describes the channels of language, education, media and cultural diplomacy, studies the mechanisms of converting resources into results, identifies limitations and “social filters”. Particular attention is paid to comparing the depth of social penetration of the Russian model with the package bundle “infrastructure-education-culture” in Eastern practices. The work aims to determine the conditions for the effectiveness and complementarity of approaches; comparative and institutional analysis, content analysis of sources and synthesis of secondary data are used. Academic publications and practice-oriented materials are studied. The conclusion shows the parameters of possible synergy and risks. The article will be useful for researchers, public diplomacy practitioners and decision makers.

Keywords: soft power, Uzbekistan, Russia, China, East Asia, public diplomacy, education and culture, economization of foreign policy, Confucius Institutes, Russian world.

References

1. Brazhnikova I.E. The Policy of “Soft Power”. The Relationship between the Concepts of “Hard Power” and “Soft Power” / I.E. Brazhnikova // *Current Scientific Research in the Modern World*. – 2021. – No. 3–5 (71). – P. 167–170. – EDN CILBBF.
2. Ganieva Sh. Cultural Heritage of Uzbekistan as a Factor of “Soft Power” in International Relations / Sh. Ganieva // *International Relations: Politics, Economics, Law*. – 2023. – No. 5–6. – P. 153–165. – EDN BAQQDR.
3. Do T. V.F. Formation and Development of the Concept of “Soft Power” in Political Science / T. V.F. Do, T.T. Nguyen, H.D. Le // *Social and Humanitarian Knowledge*. – 2024. – No. 4. – P. 184–188. – EDN FOABRI.
4. Dolzhikov V.A. Modern Images of China and Russia through the Prism of the Theory of “Soft Power” / V.A. Dolzhikov, E.A. Suslova // *Diary of the Altai School of Political Studies*. – 2023. – No. 39. – P. 100–108. – EDN GYMUCW.
5. Zakharov F.V. Modern Strategy of “Soft Power” of Uzbekistan / F.V. Zakharov // *Russia and the Muslim World*. – 2020. – No. 2 (316). – P. 41–46. – DOI 10.31249/rimm/2020.02.04. – EDN TRIXED.
6. Kudryashova Yu.A. China’s “soft power” policy in Kazakhstan and Uzbekistan at the present stage / Yu.A. Kudryashova // *Social and humanitarian knowledge*. – 2025. – No. 1. – P. 354–358. – EDN QREBGR.
7. Makhmudov R.B. Foreign policy of modern Uzbekistan / R.B. Makhmudov // *Russia and the new states of Eurasia*. – 2021. – No. 1 (50). – P. 121–134. – DOI 10.20542/2073–4786–2021–1–121–134. – EDN YHNRUI.
8. Tarasova A. A. “soft power” of Russia in the Central Asian region / A.A. Tarasova // *Actual problems of modern science: the view of young scientists: materials of the International scientific and practical conference. Proceedings of the Round Table, Grozny, May 29–30, 2020*. – Grozny: Chechen State Pedagogical University, 2020. – Pp. 475–479. – EDN LHKMSO.
9. Tomberg, I.R. The Russian World as an Element of Russia’s “Soft Power” in Central Asian Countries / I.R. Tomberg // *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World*. – 2023. – No. 1 (35). – Pp. 91–104. – EDN JLFXJE.
10. Franz, V.A. The Potential of the Soft Power of Historical Memory in the Mutual Rapprochement of Residents of Central Asian States and Russians / V.A. Franz // *Discourse-Pi*. – 2020. – Vol. 17, No. 3 (40). – Pp. – DOI 10.24411/1817–9568–2020–10304. –EDN SUSOEE.

Туристическая фотография этнических костюмов: ресимволизация китайских культурных символов в сценах культурного туризма

Чжао Мэньян,

аспирант, Институт китайского языка и культуры,
Синьцзянский педагогический университет
E-mail: zmy8300@qq.com

Дун Фуи,

профессор, магистр, Институт иностранных языков,
Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 897248727@qq.com

В статье исследуется феномен туристической фотосъёмки в национальных костюмах как механизм ресимволизации культурных символов Китая в контексте современного культурного туризма. Анализируется трансформация семиотических значений национальных костюмов, их интеграция в цифровую среду и роль в формировании визуального консенсуса многонационального китайского общества. На примере конкретных кейсов демонстрируется, как практика фотосъёмки способствует диалогу между традиционными культурными кодами и современными коммуникативными стратегиями. Особое внимание уделяется механизмам «собираения и рассеивания» смыслов, обеспечивающим баланс между культурным разнообразием и национальным единством. Результаты исследования подчёркивают потенциал данной практики для укрепления культурной идентичности и расширения международного влияния китайских культурных символов.

Ключевые слова: Культурные Символы, Туристическая Фото-съемка, Национальные Костюмы, Ресимволизация, Визуальная Консолидация, Цифровая Медиасреда.

Введение

Культурные символы служат ключевыми носителями исторической памяти и духовной идентичности нации. В условиях современного общества, характеризующегося интенсивными информационными потоками и процессами глобализации, вопросы сохранения, интерпретации и трансляции культурного наследия приобретают особую актуальность. Китайские культурные символы, отличающиеся исключительным богатством и многообразием, требуют глубокого научного осмысления в контексте их адаптации к новым социокультурным реалиям. Особый интерес в данном аспекте представляет феномен туристической фотосъёмки в национальных костюмах, который активно развивается в рамках интеграции культуры и туризма[1]. Данная практика не только способствует визуальной репрезентации этнических традиций, но и запускает процессы ресимволизации культурных кодов, выводя их за рамки традиционных ритуальных контекстов.

В представленной статье исследуется механизм трансформации культурных символов через призму феномена туристической фотосъёмки в национальных костюмах. Анализируется роль цифровых медиа и социальных платформ в расширении семиотических границ традиционных форм, а также рассматривается взаимодействие таких дихотомий, как «собираение и рассеивание» смыслов, «локальное и глобальное», «традиционное и современное». На примере конкретных визуальных материалов демонстрируется, как национальные костюмы, сохраняя историческую аутентичность, интегрируются в современные коммуникативные процессы и становятся медиаторами диалога между культурами. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы визуальной семиотики, культурологии и социологии медиа. Результаты работы позволяют углубить понимание механизмов конструирования культурной идентичности в эпоху цифровизации и выявить потенциал туристических практик для укрепления единства многонационального китайского общества.

Туристическая фотосъёмка в национальных костюмах как механизм трансформации культурных символов в современной социокультурной среде

В условиях современного общества, характеризующихся лавинообразными информационными потоками, китайские культурные символы сохраняют исключительное многообразие. Национальные костюмы, как ключевые носители культурной идентичности, обладают глубокой исторической основой и символическим значением, отражая процессы этнических миграций и культурных взаимодействий.

Интеграция практики «туристической фотосъёмки в национальных костюмах» в культурно-туристическую среду способствует реконфигурации их семиотического значения. Это процесс преодоления традиционных контекстуальных ограничений и расширения символических смыслов через вовлечение туристов. Простран-

Данная статья является этапным результатом выполнения обычного проекта конкурса think tank Синьцзянского педагогического университета 2025 года «Виртуальное и реальное: интерактивный нарратив китайских культурных символов и конструирование идентичности в метавселенной» (№ проекта ZK2025C29).

ства фотосъёмки, сочетающие природные ландшафты, исторические памятники и элементы, формируют новые семиотические ансамбли, усиливая публичность и инклюзивность визуальной коммуникации. Традиционно национальные костюмы функционировали в строго ритуальных контекстах (праздники, обряды, жертвоприношения), выражая этническую идентичность и духовные практики. Однако в условиях туристической деятельности происходит трансформация ритуального контекста: символы костюмов перемещаются в новые пространства, а их значение расширяется через социальные медиа[2]. Выбор локаций, соответствующих культурному фону костюмов, создаёт условия для темпоральной и пространственной реконтекстуализации, превращая костюмы в динамичный элемент культурного диалога.

Таким образом, туристическая фотосъёмка трансформирует национальные костюмы из статичных символов в активные медиаторы культурных значений, способствуя их интеграции в современные коммуникативные процессы и расширяя семиотические границы традиционных культурных форм.

Визуальная консолидация китайской нации: туристическая фотосъёмка как медиатор культурных символов

В грандиозной архитектонике культуры китайской нации культуры различных этносов переплетаются и взаимопроникают, совместная жизнь и творческая деятельность формируют общее историческое наследие, опыт и память, создавая уникальный ландшафт многообразного и единого китайского культурного пространства. Китайские культурные символы и образы, являясь ключевыми носителями культурного генома китайской нации, представляют собой результат долговременного процесса интеграции и развития этнических культур. В них заключены глубокие исторические воспоминания, ценностные установки и духовные содержания. Однако признание этих смыслов всеми этносами возможно лишь в условиях совместного проживания и накопления общего опыта.

Практика туристической фотосъёмки в национальных костюмах, обладая ярко выраженной культурной спецификой, играет важнейшую роль в процессе сохранения и развития китайской культуры. Она выступает не только в качестве витрины, демонстрирующей привлекательность национальных костюмов, но и как действенный инструмент культурной преемственности. В данном процессе китайские культурные символы терпевают своеобразный цикл «собирания и рассеивания». С одной стороны, традиционные элементы национальных костюмов концентрируются, переосмысляются и репрезентируются, пробуждая в сознании людей память и знание о традиционной культуре. Посредством объединения и совместного использования культурных элементов китайские культурные символы становятся связующим звеном, консолидирующим образ китайской нации и раскрывающим её многообразное единство. С другой стороны, туристическая фотосъёмка включает в себя широкий круг участников и этапов, а её результаты через разнообразные медийные каналы получают широкое общественное распространение. В ходе этого процесса элементы различных региональных и этнических культур сталкиваются и взаимодействуют, рождая новые культурные смыслы и образы. Таким образом, китайская национальная идентичность получает живое и наглядное выражение, представая в восприятии различных аудиторий многомерной и многослойной. Это «рассеивание» символа одновременно становится усло-

вием для инновационного развития. В динамике современного социокультурного контекста китайские культурные символы посредством механизма «собирания и рассеивания» реализуют инновационную трансформацию: они стимулируют реконфигурацию этнокультурных образов и через процесс «ресемiotизации» активируют современное выражение культурного генома[3]. Подобные культурные трансформации, обладающие значительной внутренней напряжённостью, не только расширяют глубину и широту традиционных символов, но и наделяют китайскую цивилизацию устойчивым внутренним импульсом для дальнейшего развития, формируя новые культурные координаты современной национальной идентичности в диалектическом единстве традиции и инновации.

Консолидация: визуальный консенсус многообразного единства (рис. 1)

Рис. 1. Извлечение элементов дизайна сценического костюма актрисы Дилижабе на концерте по случаю празднования Китайского Нового года 2024 г.

Общие культурные элементы, присутствующие в национальных костюмах, создают условия для консолидации китайских культурных символов. В многообразной системе национальных костюмов китайской нации присутствует ряд символов, являющихся общими для различных этносов и формирующих прочную основу культурной идентичности. При детальном анализе национальных костюмов становится очевидным, что некоторые орнаменты содержат универсальные культурные значения и выступают в качестве общенациональных символов китайской культуры.

Примером может служить туристическая фотосъёмка в национальных костюмах Синьцзянского региона. Костюм актрисы Дилижабе, представленный в её выступлении на Празднике весны 2024 года, получил широкое распространение в рамках фотосессий в различных уголках Синьцзяна. В его дизайне сочетаются традиционные орнаменты и цветовые решения, отражающие уникальное очарование национальных костюмов и одновременно акцентирующие общие символические смыслы китайской культуры. Уникальность данных элементов заключается в точном извлечении и креативном совмещении общенациональных символов, превращающих отдельный костюм в визуальный носитель межэтнического культурного резонанса. Так, использование

гранатово-красного оттенка и красной вуали для головного убора апеллирует к символике граната, который в китайской культуре ассоциируется с многодетностью, процветанием и благополучием. Этот символ встречается в вышивке традиционных жилетов уйгуров, в китайских бумажных вырезках, в тибетских танках и в орнаментах айдылесского шёлка, что свидетельствует о его распространённости в многонациональном культурном пространстве[4]. В современных дизайнерских решениях гранатовый цвет и орнамент гранатового цветка расширяются от локального декоративного элемента до доминирующего мотива в подоле платья (см. рис. 1). При этом форма лепестков переходит от реалистической к геометрически абстрагированной, что позволяет сохранить этническую идентификацию и одновременно адаптировать образ к массовым эстетическим ожиданиям. Дополнительным выразительным элементом становится использование золотого цвета, традиционно символизирующего в китайской культуре благополучие и высокий статус. Его применение выходит за рамки исключительно вышивальных нитей и реализуется через вышивку, ювелирные украшения и обувь. Подобные решения органично соединяют традиционное звучание с элементами современного стиля, делая костюм одновременно носителем уйгурской самобытности и медиатором общенационального культурного резонанса.

Таким образом, фотосъёмка в национальных костюмах превращается в своеобразную культурную сцену, где символы вступают во взаимодействие, создавая масштабный культурный нарратив. Они перестают принадлежать лишь одному этносу и становятся ядром образа китайской нации. Этот процесс демонстрирует, что визуальное извлечение и креативное совмещение общих символов не ведут к унификации или упрощению многоэтнической культуры, а напротив, реализуют принцип «единства в многообразии», формируя целостную визуальную картину китайской культуры. Такая практика служит воспроизводимой моделью современного распространения китайских культурных символов и формирования культурной идентичности, акцентируя общность культурных основ китайской нации.

Туристическая фотосъёмка в национальных костюмах в эпоху цифровых технологий: новые формы культурной репрезентации

Общее внимание является ключевым условием формирования практики разделяемых культурных символов. Туристическая фотосъёмка в национальных костюмах как форма культурной практики открывает многовекторные пути внешнего распространения символов, среди которых наибольшее значение имеют интернет-среда и опыт самих туристов. В эпоху цифровых технологий фотографии и видеоматериалы, созданные в процессе туристических съёмок, через социальные сети и туристические платформы мгновенно распространяются, вовлекая всё более широкие аудитории в пространство коллективного внимания. Локальные культурные практики в таком случае подвергаются повторной семиотизации в безграничном пространстве сетевой коммуникации, где они обретают новые символические формы и значения (рис. 2).

Цифровые медиа создают для национальных костюмов практически безграничное пространство презентации: каждая фотография и каждое видео становятся потенциальным носителем культурного значения. Различные социальные сети и медиа-платформы аккумулируют огромное количество визуального материала, связанного с национальными костюмами, формируя обширное

пространство демонстрации и трансляции культурных символов. Особенно значимым это явление становится на популярных площадках для обмена короткими видеороликами и иллюстративными материалами, где темы, связанные с национальными костюмами, привлекают внимание миллионов пользователей и превращаются в центры культурной конвергенции. Таким образом, туристическая фотосъёмка в национальных костюмах превращается в своеобразное «семя культуры», которое, попав в виртуальное пространство, укореняется и прорастает, распространяя культурные значения. Подобные визуальные продукты выходят далеко за пределы индивидуальной памяти и памятного значения для конкретного участника. Туристы делятся снимками и видео, в которых отражены образы китайских культурных символов, тем самым превращая индивидуальный опыт в элемент коллективного культурного обмена. Каждый оригинальный орнамент, каждая особая форма костюма становятся объектами культурной аттракции. Под воздействием цифровых медиа происходит символическое «перерождение»: национальные костюмы начинают функционировать как культурные знаки, соединяющие индивидуальный опыт и общенациональное символическое пространство[5]. Цифровые технологии выступают важным катализатором распространения и переосмысления культурных символов. Современные визуальные инструменты фильтры, спецэффекты, анимация позволяют создавать новые формы интерпретации традиционных образов. Один и тот же орнамент, прошедший через цифровую обработку, может вызвать совершенно новые культурные ассоциации и трактовки, способствовать креативной реинтерпретации и открывать новые горизонты художественного выражения. В результате арсенал символического репертуара национальных костюмов значительно расширяется, а их воздействие на современное общество усиливается.

Рис. 2. Пример публикации «туристическая фотосессия в национальных костюмах в стиле Дилижабе» на социальных платформах XiaoHongShu, Douyin.

Не менее важным фактором является формирование сообществ, связанных с туристической фотосъёмкой. Различные группы участников постепенно вырабатывают собственные стилистические подходы: от «ретроспективно-реконструктивного» до «модернистско-инновационного» и «иммерсивно-сценического». На основе этих стилей формируются культурные сообщества, объединённые общими эстетиче-

ческими ориентирами и интересами. В таких сообществах символика национальных костюмов получает новые интерпретации: сохраняя традиционные корни, она одновременно обретает современную динамику.

Таким образом, благодаря туристической фотосъёмке широкие массы имеют возможность соприкоснуться с культурными символами Китая в непосредственной и живой форме, которая гораздо более наглядна и доступна, чем музейная или выставочная экспозиция. Люди, ранее мало знакомые с культурой отдельных этносов, посредством визуальных медиа начинают воспринимать её богатство и уникальность. Для международной аудитории туристическая фотосъёмка в национальных костюмах также становится окном в китайскую культуру. Иностранные туристы, участвуя в подобных практиках, формируют более полное и многогранное представление о китайской нации, которое выходит за пределы стереотипов и редуцированных образов. Китайский народ предстает как динамичное сообщество, обладающее древней историей и богатым культурным многообразием.

Национальные костюмы и визуальная консолидация китайской культурной общности

В условиях современного этапа углубляющейся интеграции культуры и туризма туристическая фотосъёмка в национальных костюмах как новая форма культурной практики благодаря своей специфике и динамичной природе прочно вошла в поле общественного внимания, постепенно оформившись в значимое культурное явление. Она предоставляет ориентиры для осмысления ценности и направлений развития современных китайских культурных символов. Циркуляция визуальных образов национальных костюмов в социальных медиа, реконструкция фольклорных элементов в формате коротких видеороликов фактически помещают полиэтнические культурные символы в рамку интерпретации китайской национальной общности, где они находят баланс между различием и общностью. Когда костюмные символы из разных регионов Китая вступают в визуальный диалог в пространстве культурного туризма, а традиционные ремесленные практики получают новые интерпретационные измерения благодаря современным медиатехнологиям, формируется культурный канал, соединяющий «многообразие» и «единство».

Туристическая фотосъёмка в национальных костюмах открывает новые пути для сохранения и трансляции китайских культурных символов. По своей сути это является формой «самоперевода» традиционной культуры в современном контексте: посредством языка визуального искусства переосмысливаются традиционные символы, а благодаря цифровым медиаканалам расширяются границы значений. Каждое нажатие фотообъектива туристом становится актом мягкой конструкции культурной идентичности. Такая конструкция не основана на монументальном знании или нарративе, а напоминает «весенний дождь», постепенно проникающий в повседневное эстетическое восприятие и формирующий целостное понимание многообразной культуры. Традиционные формы культурной трансляции музейные экспозиции, академические исследования, народные ремесленные практики отличаются фиксированностью и ограниченностью аудитории. В отличие от них, туристическая фотосъёмка в национальных костюмах интегрирует культурные символы в повседневный туристический опыт [6]. Путешественник, надевая традиционный костюм, непосредственно переживает его культурную

ценность, и эта живая практика превращает культурное наследие в наглядный, конкретный опыт.

Эта эволюция символов предполагает не только изменения формы и содержания, но и их адаптивные и инновационные преобразования в современной медиасреде. С помощью современных технологий съёмки, разнообразных сценических решений и цифровой обработки костюмные символы выводятся из привычных рамок демонстрации и получают динамичное, многомерное и визуально впечатляющее воплощение. Костюмы, ранее функционировавшие лишь в ограниченных локальных пространствах, благодаря фотосъёмке обретают более широкую платформу распространения, преодолевают пространственно-временные границы и значительно расширяют формы культурной презентации.

Таким образом, национальные костюмы, сохраняя свои базовые культурные коды, непрерывно впитывают новые элементы и адаптируются к современному контексту, проходя процесс преобразования и возвышения: от традиции к современности, от локальности к широкой аудитории, от статичности к инновационному развитию. Это становится проявлением жизнеспособности и актуальности китайских культурных символов в современном обществе. При этом важно, чтобы официальные институты усилили поддержку и направляли процесс, стимулируя культурные инновации, художественную переработку и концептуальное обновление. Это позволит придать культурным символам новые формы выражения и создать репрезентативные знаки китайской культуры, способные отразить её уникальное очарование и стать узнаваемыми внутри страны и за её пределами. Кроме того, туристическая фотосъёмка в национальных костюмах существенно укрепляет чувство культурной идентичности. В ходе этих практик костюмные символы разных этносов получают широкое представление и взаимный обмен, а сами участники осознают, что культура каждой нации одновременно уникальна и в то же время сопричастна общему культурному пространству Китая. Это позволяет формировать общее эмоциональное поле и усиливать идентичность китайской культуры в целом, осознавая, что каждая национальная культура, сохраняя особенности, является неотъемлемой частью единой культурной общности.

Заключение

Проведённое исследование демонстрирует, что туристическая фотосъёмка в национальных костюмах представляет собой значимый социокультурный феномен, эффективно способствующий ресимволизации традиционных китайских культурных символов в условиях современной медиасреды. В ходе анализа было установлено, что интеграция данной практики в пространство культурного туризма не только расширяет семиотические границы национального костюма, но и трансформирует его из статичного носителя исторической памяти в динамичный медиатор культурного диалога.

Ключевым результатом работы является выявление дуального механизма «собирания и рассеивания» смыслов, который способствует, с одной стороны, визуальной консолидации общенациональной идентичности через актуализацию универсальных культурных кодов, а с другой – диверсификации символических интерпретаций в процессе их цифровой циркуляции. Особую роль в этом процессе играют социальные медиа, которые обеспечивают трансляцию визуальных образов в глобальном масштабе и способствуют формированию новых культурных сообществ.

Таким образом, туристическая фотосъёмка в национальных костюмах не только обогащает практики репрезентации культурного наследия, но и вносит вклад в укрепление единства многонационального китайского общества, гармонично сочетая традиционные ценности с современными коммуникативными стратегиями. Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении долгосрочного воздействия данной практики на межпоколенческую трансляцию культурной идентичности и её влияния на формирование международного имиджа Китая.

Литература

1. Апанасенко, М.А. Особенности национальных костюмов / М.А. Апанасенко, М.И. Алибекова, Ю.Ю. Фирсова // Инновационное развитие легкой и текстильной промышленности (ИНТЕКС-2019). – 2019. – С. 7–10.
2. Цзинь Чжэ и др. Новый академический словарь / Цзинь Чжэ [и др.] – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1994. – 362 с.
3. Коллинз, Р. Цепи ритуала взаимодействия / Р. Коллинз; пер. с англ. – Москва: Шан у инь шу гуань, 2017. – 142 с.
4. Го Сюйкуй. Понимание медиа: исследование практики коммуникации фермеров в районе Тайхан в новых медиа / Го Сюйкуй. – Пекин: Шан у инь шу гуань, 2023. – 242 с.
5. Фан Лили, Мао Вэйна. Коннотация китайских культурных символов, общих для всех этнических групп, и реконструкция общественного сознания / Фан Лили, Мао Вэйна // Folklore Research. – 2024. – № 1. – С. 5–14.
6. Су Рина, Ван Юэ. Значение интеграции культуры одежды от додинастийного периода Цинь до династии Хань в формировании символической системы китайской культуры / Су Рина, Ван Юэ // Журнал Юго-Западного университета национальностей (издание по гуманитарным и социальным наукам). – 2023. – Т. 44, № 9. – С. 18–28.

TOURIST PHOTOGRAPHY OF ETHNIC COSTUMES: RESYMBOLIZING CHINESE CULTURAL SYMBOLS IN CULTURAL TOURISM SCENES

Zhao Mengyan, Dong Fuyi
Xinjiang Normal University

This article examines the phenomenon of tourist photography in national costumes as a mechanism for resymbolizing Chinese cultural symbols in the context of contemporary cultural tourism. It analyzes the transformation of the semiotic meanings of national costumes, their integration into the digital environment, and their role in shaping the visual consensus of multiethnic Chinese society. Using specific case studies, it demonstrates how the practice of photography facilitates a dialogue between traditional cultural codes and modern communication strategies. Particular attention is paid to the mechanisms of “collection and dissemination” of meanings, which ensure a balance between cultural diversity and national unity. The results of the study highlight the potential of this practice for strengthening cultural identity and expanding the international influence of Chinese cultural symbols.

Keywords: Cultural Symbols, Tourist Photography, National Costumes, Resymbolization, Visual Consolidation, Digital Media Environment.

References

1. Apanasenko, M.A. Features of National Costumes / M.A. Apanasenko, M.I. Alibekova, Yu.Yu. Firssova // Innovative Development of Light and Textile Industry (INTEX-2019). – 2019. – Pp. 7–10.
2. Jin Zhe et al. New Academic Dictionary / Jin Zhe [et al.] – Chengdu: Sichuan Renmin Chubanshe, 1994. – 362 p.
3. Collins, R. Chains of Interaction Ritual / R. Collins; trans. from English. – Moscow: Shang wu yin shu guan, 2017. – 142 p.
4. Guo Xukui. Understanding Media: A Study of Farmers' Communication Practices in Taihang District in New Media / Guo Xukui. – Beijing: Shang wu yin shu guan, 2023. – 242 p.
5. Fang Lili, Mao Weina. Connotation of Chinese Cultural Symbols Common to All Ethnic Groups and the Reconstruction of Social Consciousness / Fang Lili, Mao Weina // Folklore Research. – 2024. – No. 1. – Pp. 5–14.
6. Su Rina, Wang Yue. The Significance of Clothing Culture Integration from the Pre-Qin Dynasty to the Han Dynasty in the Formation of the Symbolic System of Chinese Culture / Su Rina, Wang Yue // Journal of Southwest University for Nationalities (publication on humanities and social sciences). – 2023. – Vol. 44, No. 9. – Pp. 18–28.